

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

Годъ 12-й.

Кн. XLIV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1900, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, д. Обидиной.

1900.

№ XLIV.

Годъ 12-й.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Общества

Императорскаго Общества Любителей

Естествознанія, Антропологии и Этнографии

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографии, при Московскомъ университетѣ.

1900, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. РЯБКОВА.

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка д. Овчинникова.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Гагаузы Бендерскаго уѣзда. (Этнографическіе очерки и матеріалы). I. Территорія, занимаемая гагаузами, и ихъ происхожденіе. II. Обычаи: родины и крестины. III. Игры и развлечения. IV. Танцы, музыка и пѣніе. Приложенія: 1. Группа гагаузовъ. 2. Видъ гагаузскаго села съ хороводомъ на улицѣ. В. А. Мошкова	1
II. Нѣсколько словъ о кувадѣ. А. Максимова	90
III. Грамотность въ горахъ Дагестана	106
IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы.	
VI. Этнографія и исторія. (Hans F. Helmolt. Weltgeschichte). Н. Харузина	121
V. Смѣсь:	
1. Изъ народныхъ игръ:	
Игра въ лодыжки въ г. Курскѣ. С. К. Кулжинскаго	134
Дѣтская игра «Кострома». Сообщ. А. Шингаревъ	154
«Ангель и врагъ»—дѣтская игра. Сообщ. Е. Сорокина . . .	155
2. Одна изъ раннихъ записей былинъ. В. Каллаша	156
3. Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца. А. Маркова . . .	159
4. Толки народа въ 1899 году. М. Дикарева	
VI. Критика и библіографія:	
1. Отчеты о книгахъ	170—177
J. Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe. Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht. А. Максимова (170). — „Естествознаніе и географія“. Научно-педагогическій и популярный журналъ, подъ ред. М. П. В а р а в в ы. 1898—1900 гг. В. Б. (172). — „Землеводѣніе“. Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е.,	

А. и Э., подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. 1898—1899 гг. Б. (173).—„Записки Приамурскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.“ Т. IV, в. 4. 1898 г. А. Максимова (174).—„Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея“. Вып. IX. 1898 г. Н. Х. (174).—„Тарихи-Дербендъ-Намэ“. Къ древней исторіи восточнаго Кавказа. Переводъ подъ ред. М. Алиханова-Аварскаго. А. Хаханова (176).

2. Обзоръ журналовъ и газетъ. 178

3. Новости этнографической литературы 180

VII. Хроника.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е.,

А. и Э. за 1898/99 годъ. 182

О преміи по этнографіи имени Е. И. В. В. К. Сергія Александровича 185

VIII. Корреспонденціи.

1. Изъ Якутскаго округа, (О нечистой силѣ, вселившейся въ дѣвочку). Н. Припузова 186

2. Изъ Тверской губерніи: I. Обряды относительно скота. II. Трауръ по дѣвчеству. А. Максимова. 187

IX. Объявленіе о новомъ изданіи Этнографическаго Отдѣла. 188

Гагаузы Бендерскаго уѣзда.

(Этнографическіе очерки и матеріалы).

I.

Территорія, занимаемая гагаузами, и происхожденіе этого народа.

Назадъ тому лѣтъ восемь, собирая этнографическій матеріалъ отъ разныхъ инородцевъ Россіи въ полкахъ Варшавскаго военнаго округа, я случайно встрѣтился съ солдатами, которыхъ товарищи ихъ называли болгарами, говорящими по-турецки, или Гагаузами. Первый изъ встрѣченныхъ мною гагаузовъ не умѣлъ сказать ни одного русскаго слова, такъ что пришлось объясняться съ нимъ черезъ переводчика, молдавана. Но, какъ потомъ оказалось, такихъ гагаузовъ между нашими солдатиками немного. Тѣ изъ нихъ, которые побывали въ сельской школѣ, приходятъ на службу уже съ хорошимъ знаніемъ русскаго языка, а остальные очень скоро выучиваются ему на службѣ. Отъ двухъ изъ такихъ солдатиковъ мнѣ удалось научиться ихъ разговорной рѣчи и собрать словарь гагаузскаго языка. Отъ нихъ же я началъ и собраніе этнографическаго матеріала, позже провѣреннаго и пополненнаго во время поѣздки въ самый центръ поселенія русскихъ гагаузовъ—въ Камратскую волость Бендерскаго уѣзда. Проживши въ этой мѣстности нѣсколько недѣль, я собралъ, кромѣ этнографическаго матеріала, около 200 гагаузскихъ сказокъ, болѣе 100 пѣсенъ, коллекцію пословицъ, поговорокъ и загадокъ.

Весь собранный такимъ образомъ филологическій матеріалъ печатается въ настоящее время Отдѣленіемъ восточныхъ языковъ С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ. Въ предисловіи къ этому матеріалу я помѣстилъ историческій очеркъ переселенія гагаузовъ съ Балканскаго полуострова въ Россію и высказалъ свои предположенія о вѣроятномъ происхожденіи этого народца. Но такъ какъ пе-

чатаніе вышеупомянутаго сочиненія затянулось, а для пользованія предлагаемымъ здѣсь матеріаломъ необходимо хотя поверхностное знакомство съ тѣмъ, что извѣстно о гагаузахъ, то въ настоящей главѣ мнѣ придется, по необходимости, повторить очень многое изъ того, что было уже сказано въ предисловіи къ филологическому матеріалу гагаузовъ, еще не вышедшему изъ печати.

Исторія застаётъ гагаузовъ на западномъ берегу Чернаго моря. Самымъ южнымъ поселеніемъ ихъ считается большая деревня Акдере, лежащая на морскомъ берегу между устьемъ рѣки Камчи и мысомъ Капъ-Эмонъ, но здѣсь гагаузы выдаютъ себя за грековъ.

Вполнѣ гагаузской областью можно считать лѣсистую терассу къ сѣверу отъ города Варны. Центромъ этого народца являются здѣсь: портовый городокъ Бальчикъ, гдѣ до 1830 года не было ни одного болгарскаго дома, и Каварна съ округомъ Капъ-Калиакра. Далѣе сильно оболгаренные гагаузы живутъ въ сѣверной части Провадійскаго округа. Здѣсь молодое поколѣніе уже совершенно оболгарилось, но старое еще сильно ломаетъ болгарскій языкъ на турецкій ладъ. На востокъ отсюда, въ деревнѣ Войвода-кіюй, по дорогѣ изъ Шумлы въ Силистрію, есть христіанскія семейства, говорящія только по-турецки. Кромѣ того, гагаузы живутъ въ Силистріи и ея окрестностяхъ и въ румынской Добруджѣ. Определить сколько-нибудь вѣрно цифру гагаузовъ, живущихъ въ этихъ мѣстностяхъ, нѣтъ никакой возможности, потому что часть изъ нихъ выдаетъ себя за болгаръ, а другая—за грековъ.

Г. Иречекъ ¹⁾, отъ котораго мы беремъ свѣдѣнія о задунайскихъ гагаузахъ, говоритъ, что это народъ почти исключительно земледѣльческій, по большей части виноградари и хлѣбопашцы, въ городахъ они ремесленники, а на морѣ—рыбаки и береговые мореплаватели. При маломъ ростѣ гагаузы имѣютъ мускулистое сложеніе, широкую, угловатую голову, сильныя руки и ноги. По цвѣту волосъ—это чаще всего глубокіе брюнеты, съ темнымъ цвѣтомъ кожи. Характеръ гагаузовъ страстный. Есть много разсказовъ о грубости, упрямой дерзости и склонности этого народа къ пьянству и буйству. Разсказываютъ также о чувственности ихъ, вслѣдствіе которой Варна и Провадія имѣютъ свою богатую скандальную хронику.

При всемъ томъ гагаузы твердые, почти фанатическіе христіане, а

¹⁾ *J. Jireček. Das Fürstentum Bulgarien. Wien. 1891.*

...ла Бешалма, Камратской вол.,
...рекаго уѣзда.

(Два старшіе брата съ ихъ женами, одинъ изъ нихъ — музыкантъ на „кавалѣ“, съ инструментомъ въ рукахъ; впереди младшій братъ холостой и дѣвочка-подростокъ).

137

18.5.65

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина
Отдел международного книгообмена

Автор

Название

Этнографическое обозрение
М., 1905

№ 64-67

№ 1-4

Место хранения

17157

Номер списка

П 23

чатаніе вышеупомянутаго сочиненія затянулось, а для пользованія предлагаемымъ здѣсь матеріаломъ необходимо хотя поверхностное знакомство съ тѣмъ, что извѣстно о гагаузахъ, то въ настоящей главѣ мнѣ придется, по необходимости, повторить очень много того, что было уже сказано въ предисловіи къ рiалу гаузовъ, еще не вышедшему изъ печ

Исторія застаеъ гагаузовъ на за Самымъ южнымъ поселеніемъ ихъ сѣ лежащая на морскомъ берегу между Капъ-Эмонъ, но здѣсь гагаузы выда

Вполнѣ гагаузской областью можн сѣверу отъ города Варны. Центромъ портовый городокъ Бальчикъ, гдѣ де болгарскаго дома, и Каварна съ о сильно обогаренные гагаузы живутъ скаго округа. Здѣсь молодое поколѣ лось, но старое еще сильно ломаетъ ладъ. На востокъ отсюда, въ деревн Шумлы въ Силистрію, есть христіан по-турецки. Кромѣ того, гагаузы жи ностяхъ и въ румынской Добруджѣ. цифру гагаузовъ, живущихъ въ этихъ можности, потому что часть изъ них другая—за грековъ.

Г. Иречекъ ¹⁾, отъ котораго мы б гагаузахъ, говорить, что это народъ ческій, по большей части винограда они ремесленники, а на морѣ—рыба При маломъ ростѣ гагаузы имѣють угловатую голову, сильныя руки и в всего глубокіе брюнеты, съ темнымъ зовъ страстный. Есть много разсказ

и склонности этого народа къ пьянству и оуиству. Газсказываютъ также о чувственности ихъ, вслѣдствіе которой Варна и Провадія имѣють свою богатую скандалезную хронику.

При всемъ томъ гагаузы твердые, почти фанатическіе христіане, а

¹⁾ *J. Jireček. Das Fürstentum Bulgarien. Wien. 1891.*

Гагаузское семейство села Бешалма, Камратской вол.,
Бендерскаго уѣзда.

(Два старшіе брата съ ихъ женами, одинъ изъ нихъ — музыкантъ на „кавалѣ“, съ инструментомъ въ рукахъ; впереди младшій братъ холостой и дѣвочка-подростокъ).

потому нѣкоторые изъ нихъ не разъ терпѣли преслѣдованія со стороны турокъ. Такъ во время послѣдней русско-турецкой войны все населеніе около Капъ-Калиакры должно было бѣжать въ горы, спасаясь отъ грабившихъ ихъ черкесовъ и турокъ, а большая часть городка Каварны, населеннаго гагаузами, погибла въ пламени.

Разговорный языкъ гагаузовъ близокъ къ обыкновенному турецкому, но турецкая письменность имъ неизвѣстна; собственнаго богослужебнаго языка они также не имѣютъ, а потому въ ихъ церквахъ служатъ либо по-болгарски, либо по-гречески, и только проповѣди произносятся на турецкомъ языкѣ. Языкомъ школьнымъ являются также языки болгарскій или греческій.

Такая зависимость гагаузовъ отъ ихъ сосѣдей въ столь важномъ дѣлѣ, какъ религія и образованіе, повела за собою внутреннія неурядицы въ средѣ ихъ, такъ какъ раздробила этотъ и безъ того маленький народъ на двѣ враждебныя партіи: болгарофильскую и грекофильскую. Въ Варнѣ и Бальчикѣ съ ихъ окрестностями водворилось греческое вліяніе, а въ округахъ Провадіи и Силистріи—болгарское. Постоянная вражда между этими двумя партіями по временамъ такъ обостряется, что доходитъ до кровавыхъ стычекъ. Что касается главныхъ виновниковъ этой вражды, грековъ и болгаръ, то и они, разумѣется, тоже не остаются пассивными зрителями. Соперничая изъ-за гагаузовъ, они враждуютъ между собою и тѣмъ еще болѣе разжигаютъ страсти въ средѣ этого маленькаго народца.

Хотя г. Иречекъ, говоря о неурядицахъ въ средѣ гагаузскаго народа въ настоящее время, ничего не прибавляетъ о томъ, когда онѣ начались впервые, но можно думать, что это случилось уже очень давно и во всякомъ случаѣ ранѣе того времени, когда народъ этотъ сталъ переселяться въ Бессарабію. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ враждебныхъ отношеній, которыя наблюдаются по настоящее время въ Бессарабіи между тамошними гагаузами и болгарами, а также изъ того, что въ предѣлы Россіи гагаузы, по крайней мѣрѣ бендерскіе, прибыли въ сопровожденіи греческаго духовенства. Есть поэтому основаніе предполагать, что наши бендерскіе гагаузы на своей родинѣ принадлежали къ грекофильской партіи.

Итакъ, если мы возьмемъ теперь во вниманіе внутреннія неурядицы, раздиравшія гагаузскій народъ на Балканскомъ полуостровѣ, если вспомнимъ преслѣдованія ихъ за вѣру со стороны мусульманъ и прибавимъ ко всему этому знаменитыя разбойничьи шайки Пас-

вана-Оглу и Кара-Феджи, доходившія численностью до 5 тысячъ и свирѣпствовавшія въ Турціи около начала текущаго столѣтія, то для насъ будутъ понятны причины, вызвавшія массовое переселеніе гагаузовъ въ предѣлы нашего отечества.

Послѣ побѣдоносныхъ русско-турецкихъ войнъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины, Бессарабія, прежняя турецкая провинція, была включена въ границы Русскаго государства. Населенная гуще только въ сѣверной части, на югѣ эта страна была пустынной степью, прокармливавшей при турецкомъ владычествѣ лишь небольшія орды кочевниковъ-ногайцевъ. Съ присоединеніемъ Бессарабіи къ Россіи, ногайцы сразу куда-то исчезаютъ, и страна эта, обладающая мягкимъ южнымъ климатомъ и черноземной почвой, начинаетъ привлекать къ себѣ взоры ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ сосѣдей, которымъ стало почему-либо неудобно или тѣсно оставаться на ихъ родинѣ. Кромѣ переселенцевъ изъ-за Дуная, сюда потянулись въ то время и австрійскіе руссины, и румыны, и подольскіе малороссы, и старообрядцы-великороссы, и нѣмцы, и даже евреи. Массовая эмиграція всего этого люда, начавшись около 1750 года, закончилась только въ 1846 году.

Изъ интересующихъ насъ задунайскихъ переселенцевъ въ Бессарабію, гагаузы, какъ оказывается, пришли раньше болгаръ и заняли южную часть Бендерскаго уѣзда и сѣверную Измаильскаго, преимущественно въ бассейнѣ рѣки Ялпухъ.

Первые, одиночные переселенцы изъ Турціи, приходили въ Россію безъ вѣдома русскаго правительства, и потому свѣдѣній объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ не имѣется, но когда эмиграція стала усиливаться и приняла наконецъ широкіе размѣры, то правительство наше приняло въ ней живѣйшее участіе. Было учреждено особое Попечительство о колоніяхъ, которое не только щедро награждало эмигрантовъ землей, но и выхлопотало имъ освобожденіе на 50 лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей.

Въ настоящее время никакого Попечительства о колоніяхъ уже не существуетъ, привилегіи колонистовъ окончились, и они сравнены по своимъ правамъ и повинностямъ со всѣми остальными подданными имперіи. Однако слѣды прежнихъ порядковъ въ бывшихъ бессарабскихъ колоніяхъ уцѣлѣли и до нашего времени въ видѣ нѣкоторыхъ особенностей мѣстнаго управленія, не существующихъ въ центральной Россіи.

Краткія историческія свѣдѣнія о заселеніи Бессарабіи мы находимъ у г. Скальковскаго ²⁾, болѣе же полную картину тѣхъ временъ дастъ намъ разработка архива бывшаго Попечительства о бессарабскихъ колоніяхъ, который еще пока ждетъ своего историка.

Изъ числа русскихъ дѣятелей того времени, работавшихъ по устройству бессарабскихъ колоній, г. Скальковскій упоминаетъ генерала Ивана Никитича Инзова, перваго попечителя колоній, и его преемниковъ: маіора Малявинскаго и нѣкоего Буткова. Имя перваго изъ нихъ еще недавно фигурировало въ нашихъ газетахъ, такъ какъ оно связывается съ воспоминаніями объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. Что же касается Буткова, то имя этого человѣка вовсе неизвѣстно въ нашей литературѣ, но зато оно сохранилось въ памяти того народа, который долгое время находился на его попеченіи. Дѣйствительно, въ одной изъ пѣсенъ, которую мы записали отъ гагаузовъ, упоминается имя Буткова и говорится, что это былъ человѣкъ съ желѣзной волей.

Изъ числа другихъ преданій гагаузскаго народа, относящихся къ тому же времени, мы записали еще рассказъ о «Капитанѣ Димитріи» (ротмистрѣ Димитріи Ватикіоти, умершемъ въ 1820 году, бывшемъ командирѣ ополченія изъ бессарабскихъ колонистовъ, служившаго подъ начальствомъ Суворова и Румянцова). Этого «капитана» гагаузы считаютъ своимъ и, путая хронологію, рассказываютъ, что онъ спасъ жизнь Императора Николая I-го отъ покушенія со стороны какого-то араба, въ благодарность за что будто бы императоръ вызвалъ гагаузовъ изъ-за Дуная и надѣлилъ ихъ землей. Кромѣ того, у гагаузовъ сохранился рассказъ о томъ, какъ турки препятствовали ихъ дѣдамъ выселяться въ предѣлы Россіи и возвращали ихъ съ половины пути, если узнавали, что они направляются за Дунай, и о томъ, какъ они принуждены были подвигаться къ русской границѣ со своими обозами только по ночамъ и прибѣгали при этомъ къ хитрости. Останавливаясь на день, переселенцы всякій разъ поворачивали дышла своихъ повозокъ въ сторону, противоположную Россіи, и на вопросъ турокъ, откуда ѣдутъ, неизмѣнно отвѣчали: «Ивандаи», т. е. отъ Ивана (Иваномъ въ тѣ времена называли въ Турціи русскихъ). Наконецъ, въ числѣ гагаузскихъ пѣсенъ мы записали одну историческую

²⁾ А. Скальковскій. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. Ч. LVIII, VI, стр. 354

нѣсно о знаменитомъ разбойникѣ Пасванѣ-Оглу (по - гагаузски Позвонд-Оолу), грабившемъ, какъ мы уже говорили, въ началѣ текущаго столѣтія въ предѣлахъ нынѣшняго Княжества Болгарскаго.

Часть южной Бессарабіи, занятая въ настоящее время гагаузскими и болгарскими колоніями, представляетъ изъ себя безлѣсную степь ровную и низменную въ Измаильскомъ уѣздѣ близъ устья Дуная, но постепенно возвышающуюся по направленію къ сѣверу, а въ Бендерскомъ уѣздѣ изрѣзанную грядami высокихъ глиняныхъ холмовъ, тянущихся въ направленіи съ сѣвера на югъ. Между этими грядами, въ ихъ складкахъ, протекаетъ нѣсколько чрезвычайно извилистыхъ рѣчекъ, притоковъ Дуная, общее направленіе которыхъ съ сѣвера на югъ. При своемъ впаденіи въ Дунай эти рѣчки, встрѣчая очень ровную мѣстность, разливаются въ озера или лиманы, никогда не пересыхающіе, тогда какъ самыя рѣчки принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ степныхъ, т.-е. онѣ наполняются водою только весной и при сильныхъ дождяхъ, лѣтомъ же совершенно пересыхаютъ, оставляя послѣ себя только кое-гдѣ пруды и лужи стоячей воды.

Почва въ этой мѣстности повсюду черноземная съ глиной, изрѣдка пересѣкаемая такъ называемыми у гагаузовъ екинниками, т.-е. мѣстами съ совершенно неудобной для земледѣлія землей, покрытой бѣлымъ, порошкообразнымъ налетомъ. Интересуясь составомъ этого налета, я собралъ его и подвергъ химическому анализу: онъ оказался чистѣйшей Глауберовой солью (Na_2SO_4).

Гагаузы живутъ, какъ мы уже говорили, преимущественно въ бассейнѣ рѣки Яллуха огромными селами, отъ 2-хъ до 5-ти тысячъ жителей въ каждомъ. Мелкихъ поселковъ здѣсь вовсе не встрѣчается. Любопытно, что въ Бендерскомъ и Измаильскомъ уѣздахъ всякій прекрасно знаетъ гагаузовъ и ни за что не смѣшаетъ ихъ съ болгарами, но официально гагаузы не существуютъ, такъ какъ со дня ихъ переселенія изъ-за Дуная они зачислены болгарами, говорящими по-турецки, и числятся таковыми по настоящую минуту (впрочемъ, надо надѣяться, что послѣдняя народная перепись возвратитъ, наконецъ, этому народу его утраченное имя). А такъ какъ для нашей власти вопросъ о томъ, кто изъ болгаръ говоритъ по-турецки, а кто по-болгарски, не представляетъ никакого интереса, то поэтому не существуетъ никакихъ официальныхъ данныхъ о томъ, какія именно Бессарабскія колоніи населены гагаузами. Вотъ почему мы, заинтересовавшись этимъ вопросомъ съ этнографической точки зрѣ-

нія, должны были руководствоваться не какими-либо официальными источниками, а просто показаніями самих гагаузовъ и тѣхъ изъ мѣстныхъ священниковъ и учителей, которымъ приходилось на своемъ вѣку много поѣздить по Бессарабіи, или же нѣсколько разъ перемѣнять свое мѣсто жительства.

По этимъ даннымъ, гагаузскія села расположены въ Бендерскомъ уѣздѣ только въ двухъ волостяхъ, въ Камратской и въ Чадырлунгской. Къ первой относятся села: Камратъ, Бешалма, Дизинджа, Чокмейданъ, Кыпчакъ, Авдарма, Джалтай, Томай, Карлыкъ, Башкюю, и Вале-Пѣрже. Въ послѣднихъ двухъ селахъ живутъ наполовину гагаузы, наполовину болгары. Къ Чадырлунгской волости принадлежатъ: Чадырлунга, Киріетлунга, Копкуй, Баурчи, Хайдаръ, Казаяклы, Александровка и Дмитріевка. Къ сѣверу и къ западу отъ этихъ колоній живетъ сплошное молдаванское населеніе, къ востоку тянется цѣлый рядъ нѣмецкихъ колоній, а къ югу—гагаузскія же колоніи, но только Измаильскаго уѣзда. Въ двухъ упомянутыхъ нами волостяхъ Бендерскаго уѣзда гагаузы живутъ сплошной массой; къ нимъ здѣсь не принадлежатъ только двѣ колоніи: Ферапонтьевка Камратской волости, населенная малороссами, и Кирютня или Кортинъ—чисто болгарская.

Въ Измаильскомъ уѣздѣ, который здѣсь называется «Новой Бессарабіей», потому что отошелъ къ намъ отъ Румыніи только въ 1878 году, гагаузы уже не живутъ такой сплошной массой, какъ въ Бендерскомъ уѣздѣ; ихъ села перемѣшаны тамъ съ болгарскими и молдаванскими. Чисто гагаузскими колоніями здѣсь считаются слѣдующія: Конгазъ, Табакъ, Еникюю, Каракуртъ,FRECAЦЭЙ, Балбока, Чишмекюю, Курчи, Волканешты, и Ютюлюкюю, или Этулія. Въ Булгаріи, Болградѣ, Карагачѣ, Ташбунарѣ и Троянѣ гагаузы смѣшаны съ болгарами, а въ Ларжанкѣ—съ молдаванами и русскими. Вотъ и всѣ колоніи Бессарабіи, въ которыхъ живутъ гагаузы и въ которыхъ попадаются только одиночными семействами.

Центромъ всѣхъ гагаузскихъ колоній нужно считать Камратъ—большое торговое село съ 10 тысячами жителей, которое здѣшніе русскіе въ шутку называютъ «столицей Гагаузіи», точно такъ же какъ центромъ болгарскихъ колоній является заштатный городъ Болградъ,

Измаильскаго уѣзда, не уступающій Камрату въ отношеніи множества, торговли и зажиточности жителей.

Камратъ хотя и лежитъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, но представляетъ изъ себя очень бойкое, богатое и даже довольно цивилизованное, по сравненію со многими другими, мѣстечко, въ которомъ есть большой соборъ, кладбищенская церковь, реальное училище, два-три сельскихъ училища, камера земскаго начальника, контора нотаріуса, квартира станового пристава и множество лавокъ. Здѣсь въ хорошихъ, хотя и одноэтажныхъ, каменныхъ домахъ проживаютъ гагаузскіе богачи, преимущественно крупные землевладѣльцы и купцы. Интересно, что въ варшавскихъ польскихъ газетахъ очень часто можно прочесть объявленія о времени, когда начинаются занятія въ Камратскомъ реальномъ училищѣ, такъ какъ многіе варшавяне, по неимѣнію свободныхъ вакансій въ Варшавѣ, отдаютъ сюда въ науку своихъ сыновей. Отсюда выходитъ въ нашу русскую интеллигенцію немало состоятельныхъ гагаузовъ, которыхъ можно встрѣтить въ настоящее время не только среди мѣстнаго духовенства и народныхъ учителей, но даже и среди офицеровъ нашей арміи.

Гагаузы, живущіе въ Россіи,—земледѣльцы по преимуществу и долго еще останутся таковыми, потому что въ качествѣ первыхъ колонистовъ Южной Бессарабіи были богаче надѣлены землею, чѣмъ всѣ другіе. Вообще это очень способный, энергичный и трудолюбивый народъ, который легко самъ найдетъ себѣ новый заработокъ даже и въ томъ случаѣ, если, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, обѣднѣетъ въ земельномъ отношеніи.

Точное число гагаузовъ въ Россіи пока еще не извѣстно, но, вѣроятно, скоро будетъ обнародовано, когда сведутся окончательно результаты послѣдней народной переписи; приблизительное же число ихъ можно опредѣлить тысячъ въ 70, т.-е. почти столько же, сколько насчитывается въ Россіи и болгаръ.

Опредѣливши территорію, занимаемую гагаузами въ настоящее время, перейдемъ теперь къ гипотезамъ объ ихъ происхожденіи.

Такихъ гипотезъ мы знаемъ въ настоящее время двѣ: 1) что гагаузы—это потурченные болгары, 2) что они потомки куманъ или половцевъ, исчезнувшихъ, какъ извѣстно, изъ южной Россіи послѣ нашествія монголовъ.

Первая изъ этихъ гипотезъ неизвѣстно кому принадлежитъ. Она образовалась еще на Балканскомъ полуостровѣ, по всей вѣроятности,

въ пылу полемики между болгарами и греками изъ-за вопроса о правахъ на ассимиляцію гагаузовъ. Въстѣ съ переселенцами, гагаузами, она пришла въ Бессарабію изъ-за Дуная и сохраняется тамъ среди болгарскаго простонародья, а съ его голоса и среди всѣхъ русскихъ бессарабцевъ, начиная съ простонародья и кончая духовенствомъ и мѣстными властями. Вѣроятно, отсюда же произошло и то обстоятельство, что нашему правительству гагаузы извѣстны не подъ собственнымъ именемъ, а подъ именемъ болгаръ, говорящихъ по-турецки. Между тѣмъ въ настоящее время болгарское происхожденіе гагаузовъ оказывается только гипотезой, притомъ же ни на чемъ не основанной. Гипотеза эта имѣетъ за собой такъ мало историческихъ данныхъ, что ни болгарская интеллигенція, ни г. Иречекъ, единственный изслѣдователь вопроса о происхожденіи гагаузовъ, не находятъ возможнымъ ее принять, такъ какъ настоящіе потурченныя болгары, также какъ и потурченныя сербы, всѣмъ извѣстны. Извѣстно также, что отурченіе этихъ народовъ состояло главнымъ образомъ въ томъ, что они приняли отъ турокъ исламъ; что же касается языка и другихъ національных особенностей, то все это у нихъ сохранилось прежнее. И дѣйствительно, насильно навязать свой языкъ болгарамъ турки могли бы только въ двухъ случаяхъ: 1) если бы численность ихъ во много разъ превосходила численность болгаръ, 2) если бы къ услугамъ турокъ было всеобщее обязательное обученіе всѣхъ болгаръ на турецкомъ языкѣ. Но извѣстно, что ни тѣмъ, ни другимъ средствомъ турки не располагали: численность ихъ, по сравненію съ численностью покоренныхъ ими народовъ, была совершенно ничтожная, а ихъ умственный уровень былъ настолько низокъ, что о всеобщемъ обязательномъ обученіи они и подумать не могли. Итакъ, гипотеза о болгарскомъ происхожденіи гагаузовъ должна быть оставлена, какъ не выдерживающая серьезной критики.

Гораздо болѣе вѣроятія за собою имѣетъ другая гипотеза, принадлежащая г. Иречку, такъ какъ извѣстно, что наши бывшіе сосѣди куманы или половцы, спасаясь отъ нашествія монголовъ, разбѣжались во всѣ стороны, а между прочимъ и на Балканскій полуостровъ.

Ближайшимъ поводомъ къ образованію этой гипотезы было несомнѣнное сходство народнаго имени гагаузовъ съ именемъ узовъ или огузовъ, которымъ, по словамъ г. Иречка, назывались куманы или половцы. Первый, кто обратилъ свое вниманіе на такое сходство, былъ г. Славейковъ.

Свое предположеніе о куманскомъ происхожденіи гагаузовъ г. Иречекъ старается подкрѣпить данными изъ исторіи древняго „Болгарскаго царства“, въ которой тюркскій элементъ принималъ несомнѣнное участіе задолго до появленія на Балканскомъ полуостровѣ Турокъ - Османъ и до завоеванія ими Византіи. Участіе это было настолько значительно, что даже одна изъ династій, царствовавшихъ на болгарскомъ престолѣ, была тюркскаго происхожденія. Далѣе г. Иречекъ находитъ въ Болгаріи названія мѣстностей и фамиліи, происходящія отъ народнаго имени куманъ, и, наконецъ, подыскиваетъ слова гагаузскаго нарѣчія, сходныя со словами куманскаго языка, элементы котораго, какъ мы увидимъ ниже, уже установлены новѣйшими изслѣдованіями оріенталистовъ. Словомъ, гипотеза г. Иречка имѣетъ за себя много историческихъ и географическихъ данныхъ, при одномъ только непремѣнномъ условіи, что половцы или куманы—ничто иное, какъ средневѣковые узы или огузы. А для того, чтобы ближе познакомиться съ этимъ вопросомъ, мы и обратимся теперь къ послѣднему слову исторической науки объ историческихъ судьбахъ различныхъ народовъ тюркской расы, которые въ періодъ времени съ 9-го по 13-ое столѣтіе кочевали въ южно-русскихъ степяхъ.

Тюркскіе народы, какъ извѣстно, впервые появляются въ Европѣ уже въ историческія времена, тогда какъ прародиной ихъ была Средняя Азія. Въ послѣднее время, благодаря изслѣдованіямъ оріенталистовъ, удалось даже опредѣлить совершенно точно ту мѣстность, въ которой жили эти народы передъ тѣмъ, какъ они, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, передвинулись въ Европу. Мѣстность эта—Монголія.

Въ нашей географической литературѣ уже давно были извѣстны на берегу рѣки Орхона (притокъ р. Енисея) какія-то таинственныя надписи на скалахъ, которыя получили названіе Орхонскихъ. Долгое время всякія попытки прочесть эти надписи, или хотя бы опредѣлить, какому народу онѣ принадлежали, оставались безуспѣшными. Но, наконецъ, лѣтъ 5—6 тому назадъ, благодаря остроумію датскаго оріенталиста Вильгельма Томсена, ключъ къ этимъ Монгольскимъ рунамъ былъ найденъ, и онѣ оказались принадлежащими тюркскому народу, который самъ себя называлъ Тюрк - Огузъ.

Точное время, къ которому относятся эти надписи, если мы не ошибаемся, еще неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно предшествовало появленію въ Восточной Европѣ цѣлаго ряда тюркскихъ народовъ и народцевъ, потянувшихся приблизительно черезъ нынѣшнія

Акмолинскую, Тургайскую и Уральскую области въ наши южно-русскія степи, гдѣ они вошли въ столкновеніе съ русскимъ народомъ.

Наиболѣе крупнымъ изъ этихъ племенъ были, по Голубовскому ³⁾: Печенѣги, Узо-Торки и Половцы. Такъ какъ изъ нихъ насъ наиболѣе интересуетъ второе, т. е. Узо-Торки, то мы и позволимъ себѣ выписать изъ монографіи г. Голубовскаго все главное, касающееся исторіи этого народа отъ времени появленія его изъ-за р. Урала и до исчезновенія со страницъ русской лѣтописи. Вотъ что мы находимъ объ этомъ у г. Голубовскаго:

„Печенеги въ 9 вѣкѣ занимали уже область между Волгой и Яикомъ. Къ югу отъ нихъ простиралась Хазарія, къ востоку жили Узы, за р. Ураломъ, а къ западу, вѣроятно, между Волгой и Дономъ, кочевали Венгры. Во второй половинѣ этого столѣтія на восточныхъ окраинахъ степи начинается движеніе... Печенеги были вытѣснены изъ своей области (союзомъ Хазарь съ Узами) и при своемъ движеніи столкнулись на западъ отъ Волги съ кочевьями Венгровъ. Последніе... подвинулись къ Днѣпру...

Около 1036 г. на востокъ степей начинается новое движеніе. Изъ-за Яика подвигаются... Половцы. Они начинаютъ тѣснить Торковъ, которые подъ ихъ давленіемъ стремятся съ береговъ Волги и Дона на западъ. Это племя, судя по имѣющимся фактамъ, не отличалось особенной дикостью и воинственностью. Прогнавъ въ союзѣ съ Хазарами Печенеговъ съ береговъ Дона, они, по своему миролюбію, позволяютъ части послѣднихъ остаться на старыхъ кочевьяхъ въ собственной области. Не слышно и о набѣгахъ ихъ на сосѣдей. Единственное извѣстіе, говорящее объ этомъ, принадлежитъ Массуди; онъ рассказываетъ, что... Хазары построили крѣпость, въ которой постоянно находится гарнизонъ для удержанія кочевыхъ народцевъ, особенно Узовъ... Нѣтъ также ни одного указанія на борьбу Торковъ съ Печенегами въ 10 вѣкѣ. Это доказываетъ, что они не думали прорываться далѣе на западъ и спокойно кочевали въ области Волги и Дона. И послѣдующая ихъ судьба показываетъ, насколько это племя не подходило къ Печенегамъ и Половцамъ по воинственности и страсти къ грабежамъ и опустошеніямъ... Только съ 11 в. мы видимъ ихъ въ

³⁾ Голубовскій. „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татар“. Кіевъ, 1884 года.

борьбѣ съ Печенегами. Русскимъ это племя стало извѣстно въ 10 вѣкѣ, потому что въ 985 году Торки являются уже союзниками Владиміра св. въ его походѣ на Волжскихъ болгаръ.

Около 1036 г. подъ давленіемъ Половцевъ они подвигаются на западъ. Главное ядро Тюрко-узскаго племени потѣснило Печенеговъ..., Печенеги были разбиты на голову, много ихъ погибло въ рѣкѣ Сѣтомлѣ... Печенеги бросились на юго-западъ и заняли область между Днѣпромъ и Дунаемъ. Тутъ происходитъ борьба между ними и Узо-Торками, неудачная для первыхъ...

Въ 1055 г. Торки-Узы въ первый разъ обрушились на территорию Переяславскаго княжества, съ чѣмъ имѣетъ несомнѣнную связь фактъ появленія Половцевъ. Гонимые Половцами, Торки должны были еще съ большей силой обрушиться на Печенеговъ и Русь. Въ это время начинается переселеніе Печенеговъ къ Дунаю и за него...

Русскимъ князьямъ... пришлось въ 1060 г. двигаться на Торковъ на коняхъ и въ ладьяхъ по Днѣпру. Это племя потерпѣло окончательное пораженіе и бросилось вслѣдъ за Печенегами на юго-западъ. Вся восточная часть степи отъ Днѣпра до Волги перешла во власть Половцевъ. Только небольшой остатокъ Узовъ-Торковъ съ незначительной примѣсью Печенеговъ уцѣлѣлъ еще на нѣкоторое время на правомъ берегу Дона. Въ 1064 г. Торки являются на Дунаѣ и переходятъ черезъ него. Но старые враги, Печенеги, и эпидемическія болѣзни докончили окончательно это и безъ того слабое и разгромленное племя. Часть его принимаетъ подданство Византіи, а другая было попыталась снова осѣсться у русскихъ границъ, но, будучи въ 1080 г. разгромлена Мономахомъ, теряетъ свою самостоятельность и въ послѣдующее время является какъ военное пограничное поселеніе Русь".

Въ этомъ поселеніи торки или узы, вмѣстѣ съ остатками печенеговъ, берендѣевъ и другихъ мелкихъ тюркскихъ народцевъ, приняли христіанство, образовали отдѣльную епархію съ епископомъ во главѣ и стали извѣстны русскимъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, вѣроятно за черныя шапки, которыя они носили.

Послѣ битвы при Калкѣ въ 1224 году, когда соединенныя войска русскихъ и половцевъ были разбиты монголами, имя половцевъ исчезаетъ изъ русской лѣтописи, но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что половцы около того времени разсѣялись изъ южной Россіи въ разныя стороны: часть ихъ ушла въ Венгрію, другая на Балканскій полуостровъ и наконецъ третья на Кавказъ; что же касается даль-

нѣйшей судьбы Черныхъ Клобуковъ, то она остается для исторіи совершенно неизвѣстной. Можно думать однако, что часть ихъ слилась съ русскимъ народомъ, а другая, подобно половцамъ, выселилась на Балканскій полуостровъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что торки или узы хотя и были въ несомнѣнномъ этнографическомъ и филологическомъ родствѣ съ куманами или половцами, но ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ этими послѣдними, какъ это дѣлаетъ г. Иречекъ, тѣмъ болѣе, что они, какъ оказывается изъ изслѣдованій г. Голубовскаго, пришли въ Европу на цѣлое столѣтіе раньше половцевъ. А потому въ гипотезу г. Иречка о происхожденіи гагаузовъ, оставляя ее неизмѣнною въ общихъ чертахъ, необходимо ввести поправку въ томъ смыслѣ, что предками гагаузскаго народа нужно считать не куманъ или половцевъ, а узо-торковъ или черныхъ клобуковъ.

Нашъ почтенный академикъ и извѣстный тюркологъ, докторъ В. В. Радловъ, допускаетъ возможность происхожденія слова гагаузъ отъ испорченнаго Гаг-Огузъ. Мы же съ своей стороны дѣлаемъ предположеніе, что Гагъ—это имя одного изъ колѣнъ народа Узовъ или Огузовъ, такъ какъ аналогичный настоящему случаю фактъ мы находимъ въ византійскихъ лѣтописяхъ, которыя, говоря о печенѣгахъ, народѣ чрезвычайно близкомъ къ нашимъ узамъ, называютъ цѣлый рядъ именъ печенѣжскихъ колѣнъ, какъ-то: Тзуръ, Кальпее, Талмать, Зоспонъ и др.

Что же касается исчезновенія въ словѣ Огузъ звука *г*, то надо замѣтить, что въ тюркскихъ языкахъ онъ повидимому никогда не былъ тѣмъ звукомъ, который изображается великороссійской буквой *г*. Это былъ звукъ гортанный, который ближе всего было бы передать нѣмцамъ *gh*. Но у гагаузовъ, вслѣдствіе развитія языка, онъ совершенно исчезъ и замѣнился удвоеннымъ гласнымъ звукомъ. Такъ, напримѣръ, слово *mağazâ* у современныхъ гагаузовъ произносится—мааза́, а слово *oghlu* (сынъ)—оолу́. Такимъ образомъ слово Гаг-Огузъ звучало бы на языкѣ современныхъ гагаузовъ—Гаг-Ооузъ, т.-е. чрезвычайно близко къ слову Гагаузъ. Надо полагать, что и средневѣковые огузы 11-го столѣтія произносили звукъ *г* въ своемъ имени очень слабо, вродѣ нѣмецкаго *h*, судя по тому, что наши русскія лѣтописи совершенно выпускаютъ его и называютъ Огузовъ Узамъ.

Есть основаніе думать, что гагаузы не единственный народъ, кото-

рый можетъ выводить свою родословную отъ древнихъ узовъ, торковъ или черныхъ клобуковъ. На Балканскомъ же полуостровѣ г. Иречекъ, по поводу гагаузовъ, указываетъ еще на другой маленькій народецъ, историческія судьбы котораго и положеніе въ турецкомъ государствѣ чрезвычайно сходны съ судьбой и положеніемъ гагаузовъ. Имя этого народца Сургучи можетъ быть производимо отъ Сур-Огуз¹⁾. Этотъ маленькій народецъ, по словамъ г. Иречка, также какъ гагаузы, съ незапамятныхъ временъ исповѣдуетъ православную вѣру и живетъ въ 5—6-ти деревняхъ Адрианопольской «Казы» и въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ около Гафсы и Баба-Эскизи, по дорогѣ изъ Адрианополя въ Константинополь. Къ сожалѣнію, г. Иречекъ ничего болѣе не сообщаетъ объ этомъ народцѣ, кромѣ того, что мы здѣсь приводимъ.

Итакъ, изъ всего приведеннаго можно заключить, что народъ, которому принадлежали орхонскія надписи, «торки» или «узы» русскихъ лѣтописей и гагаузы—все это одинъ и тотъ же народъ. Его имя Огузы очевидно—только имя одного изъ племенъ болѣе обширнаго народа тюрки или торки. Имя этого послѣдняго мы читаемъ въ орхонскихъ надписяхъ съ произношеніемъ «тюрк», въ русскихъ лѣтописяхъ, вѣроятно въ духѣ русскаго языка, оно измѣнилось въ торк; что же касается гагаузовъ, то они хотя не называютъ себя тюрками, но воспоминаніе объ этомъ имени сохранилось въ ихъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, говоря о своемъ собственномъ языкѣ, они называютъ его то турецкимъ («тюрк»), то гагаузскимъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ—исключительно турецкимъ. Такъ, если два гагауза разговариваютъ другъ съ другомъ и одинъ изъ нихъ почему-либо не понимаетъ мысль другого, то другой въ нетерпѣніи упрекаетъ его «тюркча аннѣемысын?» т.-е. «по-турецки-то ты понимаешь ли?» Но никогда не скажетъ: «гагаузча аннѣемысын?» т.-е. «по-гагаузски-то ты понимаешь ли?» Точно также, если заговорить съ гагаузами о туркахъ-османахъ, то они, смутно сознавая, что тюрк—это ихъ собственное народное имя, и продолжая питать къ османамъ ненависть, никогда не назовутъ ихъ именемъ тюрки,

¹⁾ Народное имя Сургучей можетъ быть также произведено и отъ имени печенѣжскаго колѣна Тзуръ, но тогда пришлось бы предположить, что Печенѣги называли себя Гуч или Гуц, на что мы не имѣемъ пока никакихъ данныхъ. Было бы въ высшей степени интересно изслѣдовать этотъ загадочный народецъ и опредѣлить его историческое прошлое.

не скажутъ, что они говорятъ по-турецки, а назовутъ османами, говорящими «по-османски».

Вѣроятность приводимой нами исторіи происхожденія гагаузскаго народа и его имени увеличивается еще болѣе, если мы вспомнимъ всемірный законъ образованія народныхъ именъ. А именно: народъ, имѣющій какое-либо имя, до тѣхъ поръ носитъ только одно это имя и до тѣхъ поръ составляетъ нѣчто однородное цѣлое, пока численность его не превзойдетъ нѣкотораго предѣла. Но какъ только это случилось, такъ народъ, взятый нами, начинаетъ распадаться на мелкія группы, изъ которыхъ каждая къ своему прежнему народному имени прибавляетъ еще другое имя, имя группы. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени каждая изъ группъ, все продолжая размножаться, сначала пріобрѣтаетъ величину и значеніе отдѣльнаго самостоятельнаго народа, а потомъ и сама въ свою очередь снова распадается на группы, изъ которыхъ каждая получаетъ свое собственное имя, и такъ далѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ имя народа-родоначальника понемногу забывается и замѣняется позднѣйшими именами тѣхъ группъ, на которыя онъ раздробился. Такимъ образомъ Аріицы раздробились на Грековъ, Романцевъ, Литовцевъ, Славянъ и проч. Каждая изъ этихъ народныхъ группъ въ свою очередь раздробилась на новыя группы; на примѣръ, отъ Славянъ произошли: Русскіе, Поляки, Чехи, Болгары, Сербы и т. д. Русскіе въ свою очередь раздробились на племена: великороссійское, бѣлорусское и малорусское и т. д. При этомъ имена народовъ: Аріицы и Славяне, какъ самыя древнія, уже совершенно утратились изъ памяти русскаго народа. Точно такимъ же порядкомъ и по тому же закону древній народъ Тюрк выдѣлилъ изъ себя племя Тюрк-Огузовъ, а это послѣднее племя дало начало народу Гаг-Огузовъ или Гагаузовъ.

Что касается половцевъ или куманъ, то они, повидимому, тоже произошли отъ народа Тюрк или какого-либо другого, ему родственнаго, но во время пребыванія въ южной Россіи называли себя уже не «тюрьками», а только куманами, подъ каковымъ именемъ они и стали извѣстны во всей западной Европѣ. Что имя это не было, подобно имени половцевъ, кличкой, подъ которой этотъ народъ былъ извѣстенъ его сосѣдямъ, а настоящимъ народнымъ именемъ, которымъ они сами себя называли, видно между прочимъ изъ того, что оно удержалось во многихъ географическихъ названіяхъ въ очень отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ. Такъ, въ Венгріи,

куда куманы выселились послѣ монгольскаго нашествія, существуютъ до настоящаго времени двѣ области съ названіями: Куманія большая и Куманія малая. Языкъ куманскій еще долго сохранялся въ этихъ двухъ провинціяхъ Венгріи и исчезъ, замѣнившись венгерскимъ, только въ 18 столѣтіи. Далѣе воспоминаніе о куманахъ сохраняется еще кое-гдѣ въ Болгаріи, но только не тамъ, гдѣ жили гагаузы. Г. Пречекъ указываетъ, между прочимъ, деревню Комани-те въ Балканахъ и дер. Куманицу около Софіи. Кромѣ того, по словамъ того же г. Иречка, въ Болгаріи встрѣчаются фамиліи: Куманъ и Кумановъ. Наконецъ, нѣкоторые изслѣдователи сближаютъ съ именемъ куманъ имя кавказскаго народца кумыковъ.

Противъ тождества куманъ съ гагаузами говорятъ болѣе всего недавнія филологическія открытія. А именно: въ алтарѣ собора св. Марка въ Венеціи долгое время сохранялась рукопись, написанная латинскими и нѣмецкими буквами на никому неизвѣстномъ языкѣ. Рукопись эту разобралъ впервые и издалъ оріенталистъ, графъ Геза Куунъ. Онъ нашелъ, что языкъ, на которомъ она была написана, была языкомъ куманскимъ. Позже нашъ академикъ, докторъ В. В. Радловъ, проанализировалъ эту рукопись, перевелъ ее и составилъ по ней словарь куманскаго языка. Оказалось, что она была составлена въ 1303 году по Р. Х. и состояла изъ отрывковъ Новаго Завѣта и молитвъ. Авторами рукописи, какъ полагаютъ, были генуэзскіе купцы и нѣмецкіе миссіонеры, собиравшіеся поѣхать съ проповѣдью Евангелія къ куманамъ или къ какому-либо другому изъ тюркскихъ народовъ. Извѣстно, что въ 14 вѣкѣ, такъ называемый «lingua cumanica» (куманскій языкъ) былъ такъ же необходимъ для купцовъ и миссіонеровъ, отправлявшихся на востокъ, какъ въ наше время французскій для путешествующаго по Европѣ.

Издавши свои труды подъ заглавіемъ *Codex cumanicus* (Запис. Имп. Акад. Наукъ, т. 35 № 6), докторъ В. В. Радловъ пришелъ къ заключенію, что куманскій языкъ есть древнѣйшій представитель кипчакскаго діалекта, находящійся въ ближайшемъ родствѣ съ діалектами волжскихъ татаръ, и что въ настоящее время на этомъ языкѣ съ самыми незначительными въ немъ измѣненіями говорятъ литовскіе караймы (луцкіе и трокскіе). Откуда слѣдуетъ, что за 5 вѣковъ, протекшихъ со времени написанія названнаго *Codex'a*, т. е. съ 14 вѣка по настоящее время, куманскій языкъ, сохраняясь въ устахъ народа, не потерпѣлъ значительныхъ измѣненій. Значитъ, гагаузскій

языкъ, сильно отличающійся отъ языка куманскаго, не могъ быть результатомъ его пятивѣкового развитія, а слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь еще новое доказательство того, что Куманы не могли быть предками гагаузовъ.

Если принять на основаніи предыдущихъ соображеній, что предками гагаузовъ нужно считать черныхъ клобуковъ, то можно думать, что гагаузы приняли свое православіе отъ русскаго народа еще въ 11 или 12 вѣкѣ. Кромѣ того, зная о близкомъ сосѣдствѣ, въ которомъ когда-то жили предки гагаузовъ съ русскимъ народомъ, можно ожидать сходства ихъ этнографическаго матеріала съ такимъ же матеріаломъ нашего народа. И дѣйствительно, какъ читатель увидитъ ниже, сходство это поразительное, доходящее до мельчайшихъ деталей, хотя рядомъ съ этимъ въ гагаузскомъ матеріалѣ есть элементы сходные съ болгарскими, молдаванскими, татарскими и даже вотяцкими этнографическими особенностями, не говоря уже о такихъ элементахъ, которые можно считать международными.

Въ настоящей статьѣ мы очертили вѣрованья, обряды и обычаи, соединенные у гагаузовъ съ рожденіемъ ребенка, а также игры и развлеченія дѣтства, отрочества и юности, въ дальнѣйшихъ же намѣреваемся изложить слѣдующіе отдѣлы: 1) свадьба, семейныя и общественныя отношенія и отношеніе гагаузовъ къ другимъ національностямъ, 2) міросозерцаніе гагаузовъ, ихъ вѣрованья и народный календарь, 3) жилище, одежда, пища и занятія и 4) смерть, похороны и представленіе о загробной жизни.

II.

Родины и крестины.

По виду беременной женщины и формѣ ея живота гагаузы стараются угадать полъ будущаго ребенка. Если животъ острый (с и в р и), то ожидаютъ мальчика, если же плоскій, то—дѣвочку (1).

За недѣлю до предполагаемаго дня рожденія беременная женщина исповѣдуются и причащаются. Дня за три до родовъ и спустя три дня послѣ родовъ гагаузы считаютъ почему-то крайне опаснымъ давать роженицѣ воду, а потому замѣняютъ ее водкой. «Если роженица выпьетъ хоть каплю воды, говорятъ гагаузы, то она можетъ тотчасъ же умереть» (2).

На случай родовъ нѣкоторые гагаузы держать у себя за иконами засушенное растеніе Панайіин елі (т. е. Богородицына рука), привозимое паломниками изъ Іерусалима. По преданію, за это растеніе держалась рукою Богородица, когда рождала Спасителя. Вѣтки его въ сухомъ видѣ, расходясь изъ одного корешка, загибаются свои концы внутрь, а потому получаютъ весьма отдаленное сходство съ рукою, зажатой въ кулакъ. При началѣ родовъ растеніе это погружаютъ въ воду и смотрятъ, что станетъ съ его вѣтками. Если онѣ расправятся и вытянутся, то ожидаютъ родовъ легкихъ, если же останутся въ сжатомъ видѣ, то это предвѣщаетъ роды тяжелые.

Родильницу не отдѣляютъ отъ прочихъ членовъ семьи, какъ это дѣлается въ иныхъ мѣстахъ; роды происходятъ обыкновенно въ томъ же помѣщеніи, гдѣ всѣ живутъ, но только на это время удаляютъ изъ него всѣхъ дѣтей и мужчинъ, кромѣ мужа, который, по словамъ однихъ, не обязанъ присутствовать при родахъ своей жены, но можетъ, если пожелаетъ, а по словамъ другихъ, не только обязанъ присутствовать при родахъ, но долженъ держать у себя на колѣняхъ голову жены (3), потому что «вмѣстѣ грѣшили, вмѣстѣ должны и родить».

Выкидышъ (дюшюрма), по мнѣнію гагаузовъ, непременно долженъ быть, хотя бы одинъ разъ въ жизни, у каждой родящей женщины, а потому при первомъ выкидышѣ никто особенно не беспокоится. Если же онъ повторяется, то его объясняютъ себѣ или тѣмъ, что женщина поднимала во время беременности или работала что-нибудь тяжелое, или тѣмъ, что она сильно чего-нибудь пожелала, но желаніе ея не было своевременно исполнено. Вообще, по мнѣнію гагаузовъ, неисполненіе чьего-либо сильного желанія всегда ведетъ за собою для пожелавшаго всевозможныя заболѣванія (4).

Если случаются трудные роды, то для облегченія ихъ у гагаузовъ практикуется множество различныхъ средствъ:

- 1) водятъ роженицу по комнатѣ,
- 2) кладутъ ей въ ротъ ея собственные волосы,
- 3) зажигаютъ лампаду передъ иконами,
- 4) служатъ молебенъ,
- 5) приглашаютъ діакона, или хорошо грамотнаго человѣка, читать «Сонъ Пресвятой Богородицы» (5),
- 6) заставляютъ мужа родильницы развязать свой поясъ или умыть свои руки и даютъ эту воду пить женѣ (6). Последній обрядъ служитъ

доказательствомъ глубочайшей покорности жены своему мужу. «Можетъ быть, говорятъ гагаузы, жена когда-нибудь противилась въ чемъ-нибудь мужу, и за это Богъ покаралъ ее». Чтобы смыть съ себя этотъ «великій грѣхъ», необходимо принести въ немъ публичное покаяніе, необходимо доказать свое раскаяніе глубочайшей покорностью.

Акушерствомъ у гагаузовъ занимаются сельскія доморощенныя бабы повитухи, которыя называются б а б а.

Когда ребенокъ родится, то по его пупку проводятъ кускомъ хлѣба для того, чтобы онъ «любилъ хлѣбъ», т. е., другими словами, былъ трудолюбивъ ¹⁾. Кромѣ того, отрѣзаютъ кусокъ пуповины и отъ мальчика кладутъ на плугъ, а отъ дѣвочки—на прялку, чтобы они любили, когда вырастутъ, первый—пахать, а вторая—прясть (7).

Вымывши ребенка, повитуха кладетъ его рядомъ съ роженицей, при чемъ надѣваетъ на него рубашку. Потомъ его завертываютъ въ кундăкъ, т. е. въ четырехугольный кусокъ бѣлаго полотна, и перевязываютъ шерстянымъ разноцвѣтнымъ шнуркомъ (по ю') наконецъ поверхъ всего завертываютъ ребенка въ шерстяное домотканное одѣяльце (йорган). Всѣ эти вещи даритъ роженицѣ ея крестная мать.

Когда все описанное уже сдѣлано, повитуха подметаетъ полъ хаты и идетъ къ родственникамъ и сосѣдкамъ роженицы, чтобы позвать ихъ на каденію. Откладывать это дѣло нельзя ни на одну минуту, хотя бы роды совершились среди глубокой ночи. Не явиться по первому же зову повитухи на каденію считается между женщинами дѣломъ въ высшей степени предосудительнымъ, а потому всѣ приглашенныя родственницы и пріятельницы роженицы спѣшатъ къ ней собираться и несутъ ей въ подарокъ каждая, что можетъ, кто—кушанья, кто—хлѣбъ, кто—вино, кто—муку, кто—просто деньги (отъ 50 копѣекъ до 2 рублей) (8). Придя въ домъ роженицы, онѣ привѣтствуютъ ее словами: Аллăх саалыны' версинь (т. е. дай Боже здоровья) или: Аллăх тюкенмяс зэнгинник версинь (дай Боже несмѣтное богатство). На это имъ отвѣчаютъ: Аллă версинь (дай Боже).

Въ это же время въ домѣ роженицы пекутъ хлѣбъ, который назы-

¹⁾ Здѣсь кстати замѣтимъ, что у бендерскихъ молдаванъ соблюдается тотъ же обрядъ, но, вмѣсто хлѣба, съ мамалыгой.

вается Панайія пітасы (Богородицынъ хлѣбъ). Когда онъ готовъ, то его крестятъ ладонью руки, держа ее ребромъ, разламываютъ на куски по числу присутствующихъ и раздаютъ имъ. Послѣ того ихъ угощаютъ кушаньями, подающимися обыкновенно на обѣдъ, подносятъ по стакану вина или водки—и каденіе закончена.

На третій день послѣ рожденія ребенка роженица должна уже встать съ постели. Въ этотъ день къ ней на домъ приходитъ священникъ, чтобы совершить такъ называемую ая'зму. «Аязмой» гагаузы называютъ собственно освященную, крещенскую воду, а такъ какъ обрядъ, о которомъ мы говоримъ, заключается въ окропленіи дома святой водой, то ея названіе переносится и на самый обрядъ.

Еще наканунѣ обряда «аязмы» наливаютъ на тарелку богоявленской воды и кладутъ въ нее на цѣлую ночь серебряныя или золотыя монеты, икону, соль и метелку изъ фѣсалин'а ¹⁾. Затѣмъ готовится блюдо кòлевы (родъ кутьи) и ставится на столъ въ почетномъ углу хаты. Въ кòлеву втыкается восковая свѣчка, а три такія же восковыя свѣчи размѣщаются на столѣ вокругъ блюда по тремъ вершинамъ правильнаго треугольника. Къ приходу священника всѣ упомянутыя свѣчи зажигаются. Священникъ читаетъ надъ «кòлевой» молитву, а затѣмъ, взявши въ руки тарелку со святой водой, окропляетъ ею всѣ уголки дома. Въ этомъ и заключается весь обрядъ «аязмы». Не мѣшаетъ здѣсь добавить, что передъ его совершеніемъ считается обязательнымъ смазывать земляной полъ хаты свѣжей глиной.

Дѣтское мѣсто (сон или ушан'ята) рубятъ ножомъ на мельчайшіе кусочки, даютъ его поѣсть немного роженицѣ, чтобы у нея молоко было хорошо, а остальное закапываютъ подъ порогомъ сарая или гдѣ-либо на дворѣ въ такомъ мѣстѣ, чтобы его не съѣли собаки, такъ какъ это могло бы страшно повредить и роженицѣ и новорожденному. Нѣкоторыя злонамѣренныя бабы-повитухи, по рассказамъ гагаузовъ, пользуются иногда неопытностью хозяевъ, чтобы заpastись самымъ лучшимъ средствомъ отъ безплодія. Онѣ стараются выслѣдить, гдѣ зарывается дѣтское мѣсто, и закопать вмѣстѣ съ нимъ зерна ячменя, а затѣмъ, дождавшись, когда ячмень дастъ всходы, срѣзаютъ эти послѣдніе, настаиваютъ ихъ на водкѣ или водѣ и даютъ

¹⁾ Растеніе изъ рода мяты, считающееся у гагаузовъ священнымъ и потому сопровождающее большинство обрядовъ. Легенда объ этомъ растеніи будетъ сообщена ниже.

пить безплоднымъ (9). Но такъ какъ подобныя операціи, по мнѣнію гагаузовъ, очень вредно дѣйствуютъ на роженицу и новорожденнаго, то мужъ роженицы обыкновенно тщательно слѣдитъ за каждымъ шагомъ повитухи, и въ случаѣ ея злонамѣренности никто уже на селѣ звать ее къ себѣ на родину не будетъ.

Если ребенокъ родится въ такъ называемой сорочкѣ (д у в а к), то говорятъ, что онъ будетъ счастливъ и на все способенъ (10). Самую сорочку сохраняютъ для счастья въ сундукѣ. Тотъ, кто не имѣетъ сорочки, старается выпросить кусочекъ ея у своихъ знакомыхъ и носить для счастья въ своемъ кошелькѣ.

На третій или четвертый день послѣ родовъ б а б а, принимавшая ребенка, ходитъ по роднымъ и знакомымъ (женщинамъ) роженицы, къ кому ее пошлютъ, и зоветъ ихъ на п у н у д у (11). Приглашенные женщины, собираясь къ роженицѣ, приносятъ съ собой хлѣбъ (п л а ч і н т а), а к ы т м а (мѣстное блюдо, приготовляемое изъ пшеничной муки, замѣшанной съ яйцами и поджаренной на маслѣ), графинъ вина, соленый перецъ (б и б е р) и другія кушанья. Одна изъ собравшихся на «пануду» женщинъ, такая, которая въ данную минуту кормитъ грудью своего ребенка (й і м з і к л і к а р ы), беретъ каждое блюдо и даетъ прежде всего попробовать роженицѣ, а затѣмъ уже всѣ ѣдятъ его. Садясь за ѣду, привѣтствуютъ роженицу словами: П а н а й і я к а л д ы р с ы н д о л у к у д ж я ' к л а в (пусть Богородица подыметъ тебя полными объятіями). Поѣвши и выпивши вина, всѣ расходятся по домамъ. По уходѣ гостей родильницѣ обязательно обмываютъ грудь въ видѣ предосторожности, чтобы молоко сея не испортилось.

Есть обычай, чтобы новорожденнаго ребенка прежде матери покормила грудью какая-нибудь посторонняя женщина, которая пожелаетъ, сама же мать начинаетъ кормить только на третій день послѣ родовъ (12). Когда ребенка въ первый разъ припускаютъ къ груди его матери, то послѣдней даютъ держать во рту яблоко, а на грудь кладутъ бѣлую шерсть. Яблоко, какъ объясняютъ гагаузы, употребляется для того, чтобы ребенокъ не сдѣлался въ послѣдствіи пьяницей, а бѣлая шерсть—чтобы онъ дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Кромѣ материнскаго молока, ребенка начинаютъ постепенно прикармливать и другой пищей, не разбирая, что ему полезно, что вредно: даютъ и хлѣбъ, и овощи, и даже перецъ. Если у матери не оказывается

молока, то такую пищу начинаютъ давать ребенку даже черезъ недѣлю послѣ его рожденія.

Когда приходитъ пора отлучать ребенка отъ груди, то мажутъ грудь матери сажей, солью или золой. Въ этотъ день пекутъ прѣсный хлѣбъ турта, и яйцо (непремѣнно въ золѣ) и, катая ихъ по полу, заставляютъ ребенка поднятъ, при чемъ говорятъ, что онъ идетъ «на свой хлѣбъ».

Если у матери молока совсѣмъ нѣтъ, то размачиваютъ бублики съ сахаромъ въ водѣ и этимъ кормятъ ребенка изъ соски, свернутой изъ платка; молока въ нее никогда не наливаютъ. Пустую соску даютъ иногда ребенку, чтобы его успокоить.

Первую ванночку ребенку дѣлаютъ соленую, а на третій день по рожденіи повитуха дѣлаетъ ему ванночку съ разными душистыми и лѣкарственными травами (13).

Если ребенокъ очень слабъ, то его крестятъ въ день его рожденія, а если здоровъ, то ожидаютъ перваго воскреснаго дня. Тотчасъ же по рожденіи священникъ или повивальная бабка даютъ ему такъ называемое водяное имя (суады), по имени того святого, въ день котораго ребенокъ родился. Настоящее же имя назначаетъ новорожденному его крестный отецъ, выбирая для этого или свое имя, или имя одного изъ наиболѣе уважаемыхъ святыхъ, праздникъ котораго скоро послѣдуетъ (14).

Чтобы предохранить родильницу отъ «глазу», берутъ «зубокъ» (диш) чесноку (т. е. одну изъ частей, на которыя луковица раздѣляется), продѣваютъ сквозь него красную нитку и пришиваютъ ей къ платку. Этотъ талисманъ родильница носить, не снимая, до 20—25 дней (15).

Кумовство у гагаузовъ такъ же, какъ и у болгаръ, бываетъ наследственное (Каравеловъ. Памятн., стр. 179), т. е. кумъ (саадыч) выбирается разъ навсегда и креститъ въ семействѣ всѣхъ дѣтей отъ перваго до послѣдняго, а умирая, передаетъ свое право одному изъ своихъ сыновей, за немѣніемъ же таковыхъ—дочери. Но передать свое право крестнаго женѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ: это было бы, по мнѣнію гагаузовъ, даже грѣшно. То же самое относится и къ кумѣ: она также не можетъ передать свое право крестить своему мужу, а только своимъ дѣтямъ. Гагаузы чрезвычайно высоко цѣнятъ свое право кумовства, и потому, въ случаѣ его нарушенія кѣмъ-либо, не останавливаются даже передъ судомъ, чтобы

его возстановить. Къ перемѣнѣ своего кума гагаузы прибѣгаютъ чрезвычайно рѣдко и то только въ крайнемъ случаѣ. Единственнымъ уважительнымъ предлогомъ для этого считается смерть двухъ или трехъ крестниковъ подъ-рядъ. Если дѣти въ какомъ-либо семействѣ очень часто умираютъ, то тогда, по мнѣнію гагаузовъ, нѣтъ иного средства помочь горю, какъ перемѣнить кума, или взять на воспитаніе чужого ребенка (16).

Крестнаго отца, какъ уже было говорено, называютъ саадыч, а крестную мать — крѣсница, крестника зовутъ кумі, а крестницу — куміца.

Саадычъ пользуется въ семействѣ гагаузовъ большимъ почетомъ; при всякой встрѣчѣ съ ними и съ крѣсницей, гдѣ бы она ни случилась, крестники должны подойти имъ къ ручкѣ. Извѣстная легенда о происхожденіи млечнаго пути, саманйол (соломенная дорога), передается такъ, что будто бы Богъ сохранилъ на небѣ на вѣчныя времена въ назиданіе человѣку «соломенную дорогу», по которой одинъ крестникъ тащилъ солому, украденную имъ у его крестнаго отца (17). «Это страшный грѣхъ», — говорятъ гагаузы: — даже собаку саадыча нельзя палкой ударить, не то чтобы красть у него что-нибудь». Въ гагаузской свадьбѣ, какъ мы увидимъ ниже, саадычъ играетъ тоже весьма важное, первенствующее значеніе (18).

Крещеніе ребенка (ваатіз) совершается обыкновенно въ церкви въ воскресный день послѣ обѣдни. Нести ребенка въ церковь можетъ только кума. Передъ началомъ обряда кумъ и кума бросаютъ въ купель серебряныя деньги, чтобы ребенокъ былъ чистъ, какъ серебро. Если крестить дѣвочку, то волосы, которые у нея подстригаютъ, собираются въ тряпочку и вѣшаются на вѣтки акаціи, для того, чтобы у новорожденной волосы росли такъ же скоро, какъ растутъ акація (19). Плата священнику за совершеніе обряда крещенія вносится кумовьями и родителями пополамъ.

Когда кума принесетъ окрещеннаго ребенка изъ церкви, то на полу хаты разстилаютъ шкуру или полушубокъ для того, чтобы у новорожденного впоследствии было много овецъ (20). Затѣмъ родильница кладетъ три земныхъ поклона (21) и, взявъ ребенка на руки, цѣлуетъ у него ручку. Кума въ это время говоритъ: *чіфут алдым, хрістіан гіттїрдїм. Саа олсун яшласын* (т.-е. жида я взяла, а хрістіанина принесла. Пусть онъ (ребенокъ) будетъ живъ и здоровъ) (22).

Ваатіз называется у гагаузовъ собственно церковный обрядъ крещенія, торжество же домашнее по поводу крещенія носитъ названіе кумотріи. На это торжество, кромѣ саадыча и крѣсницы, зовутъ всѣхъ почетныхъ родныхъ и знакомыхъ. Случилось и мнѣ присутствовать на «кумотріи» въ селѣ Бешалма, Бендерскаго уѣзда.

Передъ глиняной лавкой, покрытой ковромъ, у передней стѣны хаты становится большой столъ (маса), накрытый скатертью. Кумъ садится на самомъ почетномъ мѣстѣ, т.-е. противъ середины стола, vis-à-vis съ нимъ — кума; остальные приглашенные мужчины садятся рядомъ съ кумомъ, по обѣимъ отъ него сторонамъ, тѣмъ ближе къ нему, чѣмъ они почетнѣе, а женщины, также по старшинству, рядомъ съ кумой.

Гости, приходящіе на кумотрію, привѣтствуютъ всѣхъ собравшихся словами: хош гельдініз джюмленіз (добро пожаловать всѣмъ). Имъ отвѣчаютъ: хош булуштук или сефаа гельдін (т.-е. нѣчто въ родѣ: счастливаго прибытія). Когда усядутся за столъ, то кумъ первый наливаетъ стаканъ водки и выпиваетъ самъ, а потомъ передаетъ по старшинству сначала мужчинамъ, потомъ женщинамъ. Изъ женщинъ первую выпиваетъ кума. Затѣмъ родильница даритъ всѣмъ гостямъ по полотенцу или по платку, а они, въ свою очередь, кладутъ деньги въ тарелку, обносимую бабкой, двумя кучками, болѣе крупныя жертвуются въ пользу родильницы, а мелкія — въ пользу повитухи (23). Кромѣ этихъ послѣднихъ денегъ, бабка получаетъ отъ родителей новорожденнаго за свои труды миску муки, кусокъ мыла и платокъ (24). Саадычъ долженъ положить на тарелку больше всѣхъ гостей: отъ 1 рубля до 20, смотря по его состоянію. Затѣмъ наступаетъ угощеніе гостей обѣдомъ, состоящимъ изъ двухъ перемѣнъ, а во время обѣда водка еще два раза обходитъ всѣхъ ихъ по очереди.

На другой день послѣ крещенія бываетъ обрядовое купанье ребенка, которое называется: мірудан чыкармаа (т.-е. смываніе мира) (25).

Съ перваго дня по рожденіи ребенка и вплоть до сорокового, ежедневно, тотчасъ по закатѣ солнца, въ домѣ, гдѣ есть новорожденный, зажигаютъ свѣчу или лампу и не тушатъ ее до восхода солнца изъ боязни, чтобы не пришла одна изъ Лушницъ и не задушила ребенка (26).

Лушницы или Луфусницы — это мноическія женщины,

которыя, по вѣрованію гагаузовъ, являются къ родильницѣ чаще всего на третій день послѣ родовъ и пишутъ въ книгу судебъ судьбу или счастье (кысмѣт) ребенка, т.-е. предсказаніе на всю его жизнь. Чтобы подѣйствовать на это предсказаніе, обманувши Лушницъ, гагаузы кладутъ новорожденному въ первые три дня его жизни въ головы хлѣбъ, соль и серебряную монету. «Увидя эти вещи, говорятъ они, Лушницы скорѣе запишутъ ему въ книгу судебъ богатую жизнь, чѣмъ тогда, когда въ головахъ его ничего не найдутъ» (27). Лучше всего характеризуется это вѣрованіе гагаузовъ слѣдующимъ разсказомъ, записаннымъ мною въ селѣ Бешалма, Бендерскаго уѣзда:

Въ селѣ Баурчи (Бендерскаго уѣзда) недавно умеръ одинъ старикъ, который разсказывалъ, что когда онъ родился, то на третью ночь его существованія, когда всѣ спали, кромѣ его матери, пришли три Лушницы, одѣтыя въ черномъ, съ книгами въ рукахъ. Войдя въ хату, онѣ принялись разсуждать о судьбѣ ребенка. Первая Лушница предложила унести ребенка, а мать оставить, вторая наоборотъ—унести мать, а оставить ребенка, и, наконецъ, третья, самая старшая, слова которой всегда сбываются, положила, чтобы ребенокъ во всю жизнь остался бѣднымъ, чтобы, если онъ достанетъ муки, у него не было бы соли, достанетъ соли, чтобы не было муки, и т. д. Всѣ Лушницы согласились на этомъ и рѣшеніе свое записали въ книгу. «Дѣйствительно, разсказывалъ старикъ, предсказаніе Лушницъ надо мною сбылось, потому что я на всю жизнь остался бѣднымъ». Да бѣднымъ же и умеръ, добавляли отъ себя разсказчики.

Въ сороковой день послѣ родовъ родильница ходитъ по христіанскому обычаю въ церковь брать молитву (о к у н ѣ а) (28); мужу спать съ ней въ эту ночь не дозволяется.

Люлька для ребятъ называется тѣмъ же словомъ, что и качель (с ѳ л л а н г а ч); она устраивается изъ деревянной четырехугольной рамы, внутри которой сдѣланъ веревочный переплетъ. Раму эту подвѣшиваютъ за четыре угла веревками къ двумъ желѣзнымъ кольцамъ, ввинченнымъ въ балку потолка. Такимъ образомъ эта люлька можетъ двигаться только въ горизонтальномъ направленіи (29).

Когда въ первый разъ укладываютъ ребенка въ люльку, то вмѣстѣ съ нимъ кладутъ туда кусокъ хлѣба и метлу изъ степныхъ травъ, для того, чтобы ребенокъ ни одной минуты не оставался одинокимъ, если бы случайно всѣ домашніе одновременно отлучились изъ хаты.

Качать пустую люльку у гагаузовъ считается весьма вреднымъ, потому что въ ней тогда качается дьяволъ, и ребенокъ послѣ того спать спокойно не будетъ (30).

Головѣ ребенка гагаузы подвязываніемъ платка и устройствомъ чепчика (тăке) стараются придать круглую форму, по ихъ мнѣнію, наиболѣе красивую. Въ тѣхъ же видахъ они наблюдаютъ, чтобы маленькій ребенокъ не спалъ долго на одномъ боку, а какъ можно чаще перемѣнялъ свое положеніе, потому что, по ихъ мнѣнію, при лежаніи ребенка на одномъ боку голова его вытягивается.

При шитьѣ чепчика для ребенка гагаузскія женщины хлопочутъ очень много объ его украшеніи. Онъ дѣлается изъ зеленой или вишневой шелковой матеріи и обшивается по краямъ чернымъ бархатомъ, а также черными и бѣлыми кружевами. Вся наружная поверхность тăке украшается пришитыми къ нему въ разныхъ мѣстахъ, синими, зелеными и красными ленточками и розеточками изъ тѣхъ же лентъ (гюль). Здѣсь же можно увидѣть рисунки (харапча), вышитые изъ разноцвѣтнаго бисера (бонджюк). Кромѣ того, къ чепчику пришиваютъ кораллы (мерджан), мелкія украшенія изъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ формѣ листочковъ съ ушками, которые извѣстны здѣсь подъ именемъ діль-гöз, что значитъ языкъ-глазъ, жемчужинки (седöф), маленькіе мѣдные крестики и такія же миниатюрныя мѣдныя иконки съ ушками, раковинки (сюлюк) и даже финиковыя косточки (урма-чекердекъ), почему-то тоже причисляемые къ числу украшеній.

Шестимѣсячному ребенку даютъ въ первый разъ выпить вина и передъ тѣмъ проводятъ стаканомъ надъ огнемъ для того, чтобы ребенокъ «краснѣлъ отъ вина, а не блѣднѣлъ».

Когда мать моетъ ребенка, то по окончаніи этой операціи всякій разъ должна расправлять его члены различными приемами, какъ-то: кладетъ руки ребенка крестъ-накрестъ на грудь, разводитъ ихъ въ стороны и снова складываетъ вмѣстѣ, притягиваетъ правую руку къ лѣвой ногѣ и наоборотъ, пригибаетъ плечи ребенка впередъ и назадъ, вытягиваетъ ему голову и т. д. Каждая изъ такихъ операцій для чего-то сопровождается громкимъ чмоканьемъ губами.

До наступленія года считается нехорошимъ показывать ребенку зеркало (31).

Когда маленькимъ ребятамъ надѣваютъ въ первый разъ новое платье, то передъ тѣмъ дѣлаютъ видъ, что плюютъ на него для

того, чтобы отогнать отъ него злого духа, и при этомъ говорятъ: Боже поможи сааладжайлян ташия' сын (помоги, Боже, благополучно носить).

Кто замѣтитъ у ребенка первый зубъ, тому дарятъ за это иголку, чтобы зубы у ребенка были такъ же остры, какъ иголка, и чтобы такъ же скоро вышли изъ десенъ, какъ нитка выходитъ изъ иголки. Первый зубъ трутъ серебряной монетой, чтобы остальные были бѣлые крѣпкіе, какъ серебро. Молочные зубы, выпавшіе у ребятъ, закатываютъ въ хлѣбный мякишъ и, выбрасывая на дворъ, приговариваютъ: гѣ рга, гѣ рга, на санѣ кемік дішь, верь банѣ демір дишь (т.-е. ворона, ворона, возьми себѣ костяной зубъ, а мнѣ дай желѣзный) (32).

Маленькіе ребята только до 3—4 лѣтъ бѣгаютъ босикомъ и въ одной рубашкѣ, послѣ чего ихъ начинаютъ одѣвать какъ большихъ. Но въ старину, какъ говорятъ, они бѣгали такъ до 5—7 лѣтъ.

До 7 лѣтъ, по мнѣнію гагаузовъ, ребенокъ грѣшить не можетъ и, если умираетъ до этого возраста, то становится ангеломъ.

Чтобы помочь ребенку выучиться ходить, ему дѣлаютъ трехколесный станочекъ, поддерживающій его подъ мышками, который называется кѣтіка. Это приспособленіе, рѣдко встрѣчающееся у народа, вызвано у гагаузовъ, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что между ними очень нерѣдко можно встрѣтить болѣзнь въ родѣ англійской, сопровождаемую искривленіемъ ногъ внаружу. У однихъ такое искривленіе бываетъ только въ раннемъ дѣтствѣ, тогда [какъ у другихъ остается на всю жизнь.

Мать кормитъ своего ребенка грудью до года и болѣе.

Чтобы узнать, будетъ ли ребенокъ-мальчикъ счастливъ въ своей жизни, гагаузы гадаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ его шапку и держатъ въ ней нѣсколько времени яйца, а потомъ кладутъ эти яйца подъ курицу и смотрятъ, всѣ ли яйца высидѣлись или не всѣ. Если высидѣлись всѣ, то ребенокъ будетъ счастливъ (33).

Изъ числа дѣтскихъ болѣзней различаютъ:

1) Кѣпѣк хасталык (собачья болѣзнь). Ее лѣчатъ такимъ образомъ: измѣряютъ ростъ ребенка ниткой, затѣмъ собираютъ разныя кости, какія понало, кладутъ ребенка на одну чашку вѣсовъ, а кости на другую. Потомъ читаютъ надъ костями какой-то наговоръ и, положивши ихъ въ ванночку, три субботы до восхода солнца

купаютъ въ ней ребенка. По окончаніи лѣченія нитку и кости за-
капываютъ въ землю.

2) Сѣмка. Бабы не лѣчатъ этой болѣзни, но нѣкоторые священ-
ники лѣчатъ ее молитвой св. Василию, написанной на бумажкѣ. Надъ
молитвой рисуется крестъ, а въ концѣ ея чортъ въ самомъ безобраз-
номъ видѣ. За такую молитву платятъ по рублю и постоянно дер-
жать при ребенкѣ, наблюдая, чтобы она, сохрани Боже, не пропала.

3) Саарлык. Кладутъ больного на землю, знахарка беретъ
камышинку, измѣряетъ ею ростъ ребенка, а потомъ камышъ отно-
сятъ въ курятникъ, приговаривая: саарлык гітсін фышкы-
ларнѣ, да саалык гітсін адама (пусть саарлыкъ идетъ
въ мусоръ, а здоровье пусть придетъ къ человѣку).

Въ заключеніе приведемъ два образчика гагаузскихъ колыбельныхъ
пѣсень:

М а л ь ч и к у:

Ую, ую, чоджюм,	Баю, баю, сынокъ,
Да бююя'сын, бююк оласын,	Вырастешь, будешь большимъ,
Да тарлая гідаясын—	На пашню пойдешь—
Тя'тюня ярдым едя'сын.	Будешь отцу помогать.

Д ѣ в о ч к ѣ:

Ую, ую, кызым,	Баю, баю, дочка,
Да бююк оласын,	Вырастешь большая,
Да мамуя ярдым едясын,	Матери будешь помогать,
Мамуя безъ докуя'сын,	Матери холсты ткать,
Да гольмек докуя'сын,	Рубашки будешь ткать,
Мамуя дсйымсын.	Матери будешь помогать.

Примѣчанія ко 2-й главѣ.

1) То же у крестьянъ Вологодской губерніи, великороссовъ. „Извѣст. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. LXIX, в. I, 1890 г. Стр. 108. То же и въ Пошехонскомъ уѣздѣ „Этн. Обзор.“ кн. VI, стр. 91.

2) У Турокъ-Османъ „родильницѣ нѣсколько дней не даютъ ни капли воды ни для умыванья, ни для питья, даютъ лишь шербетъ изъ жженаго сахара и пряностей“. „Народы Турціи“. Перев. и изд. Пантелѣева Спб. 1879, ч. III, стр. 3.

У Киргизъ тоже ни подъ какимъ видомъ не даютъ роженицамъ воды и даже уносятъ ее изъ юрты, потому что Албоста (злой духъ, особенно вредный для роженицъ) нуждается въ водѣ, чтобы мочить свои легкія. „Этногр. Обзор.“ 1891, № 4, стр. 42.

У великороссовъ Пошехонскаго уѣзда „родильницѣ даютъ пить толокно, пиво, а чаще всего водку“. „Этногр. Обзор.“ кн. VI стр. 94.

3) У великороссовъ Вологодской губерніи мужъ при родахъ своей жены также „держитъ ее на колѣняхъ“. „Извѣст. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.“, т. LXIX, в. I, 1890, стр. 108. Этотъ странный обычай представляетъ собою только одинъ изъ вариантовъ весьма распространеннаго международнаго обычая, извѣстнаго подъ именемъ кувяды, состоящаго въ томъ, что во время родовъ мужъ родильницы долженъ продѣлать надъ собою комедию рожденія: онъ ложится въ постель, стонетъ и пр. Обычай этотъ извѣстенъ во всѣхъ частяхъ свѣта:

Въ Европѣ: у басковъ сѣверной Испаніи, на югѣ Франціи и на островѣ Корсикѣ. Кромѣ того, преданіе о существованіи этого обычая сохранилось у великороссовъ Смоленской губерніи (см. Юбилейный Сборникъ въ честь Вс. О. Миллера, Москва, 1900, стр. 280 и сл.); а профессоръ И. Н. Смирновъ говоритъ, что идея этого обычая не чужда была и лопарямъ.

Въ Азіи: у индусовъ Мадраса, Серингапатима и на Малабарскомъ берегу, у китайцевъ въ западномъ Юннанѣ, у даяковъ на Борнео и въ Камчаткѣ.

Въ Африкѣ: на западномъ берегу, у кафровъ и на островѣ Мадагаскарѣ.

Въ Австраліи: въ Меланезіи и на о. Фиджи.

Въ Америкѣ: въ Гренландіи, въ Калифорніи, у шошонесовъ Сѣверной Америки, въ Новой Мексикѣ, въ Бразиліи и въ Гвіанѣ.

„Revue des traditions populaires“ т. VI, № 1, стр. 42. Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Im Auftrage des Vereins herausgegeben von Karl Weinhold, Berlin. 1894 Heft I, стр. 104. „Начало Цивилизаціи“, Сара Джона Лёббока. Второе изд. подъ редакц. Д. А. Корончевскаго. С.-Пб., стр. 15. „Этногр.

Обозр. 1890 № 2, стр. 12, и 1891 № 2, стр. 69 и кн. XI—XII. Добровольск. „Смолен. сбор.“ II стр. 369.

4) Это вѣрованіе есть и у русскихъ, у поляковъ: я записалъ его въ Петроковской губерніи, есть оно и у евреевъ. „Этногр. Обзор.“ 1895 № 4 стр. 77. Чубинскій, „Труды этн.-стат. эксп.“, т. VII, стр. 43.

5) У русскаго народа нѣкоторыя изъ средствъ, употребляемыхъ при трудныхъ родахъ, сходятся съ гагаузскими, а именно: у малороссовъ водятъ роженицу вокругъ стола 3 раза, запикиваютъ въ ротъ ей волосы и закливаютъ молебень, а у великороссовъ зажигаютъ свѣчи.

Чубинск. т. IV, стр. 3—4. Аванасьевъ „Поэтич. возвр.“ т. 2, стр. 12.

6) У малороссовъ и великороссовъ (Вологодской губерніи) при трудныхъ родахъ мужъ даетъ женѣ выпить воды изъ своего рта. „Сборникъ свѣдѣн. для изучен. быта крестьянск. насел. Россіи“. Вып. 2. (Извѣстія Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. LXIX, в. I), Москва 1890, стр. 108. Чубинскій, т. IV, стр. 3.

7) У малороссовъ рѣжутъ пуповину мальчику на топорѣ, чтобы онъ былъ „майстровый“, а дѣвочкѣ на гребнѣ, чтобы была пряхой. Чубинскій, т. IV, стр. 5.

8) У галиційскихъ малороссовъ женщины-сосѣдки, а у нашихъ—мужчины и женщины собираются къ родильницѣ со своей пищей, приносимой въ видѣ подарка. Тотъ же обычай существуетъ у бѣлоруссовъ, у великороссовъ, у вотяковъ и у македонскихъ болгаръ.

Zbiór wiad. do Antr., т. XIII, стр. 118. Чубинск. т. IV, стр. 10. Шейнъ, Бѣлор. пѣсн. 1874, стр. 432. „Этногр. Обзор.“ кн. VI, стр. 95. Г. Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, стр. 28. Шапкаревъ, Сборн. 3, стр. 18.

9) Малороссы также думаютъ, что если „тотъ пупъ, который баба при рожденіи дитяти отрѣжетъ, намочить въ водѣ и давать пить неродящей женщинѣ, то она станетъ родить“, а дѣтское мѣсто у нихъ зарывается бабой подъ „поломъ“, на которомъ спятъ, и посыпается житою. Чубинск. т. IV, стр. 5. „Кіевск. Стар.“ т. 36, январь, стр. 127.

10) Вѣрованье это настолько хорошо русскому народу, что вошло въ пословицу. Чубинск. т. IV, стр. 5.

11) Тоже у македонскихъ болгаръ (Шапкаревъ, Сборникъ, ч. 3, стр. 34).

12) У малороссовъ мать также не можетъ кормить своего ребенка, пока его не „охрестятъ“, а если это случится на 2-ой, на 3-й день послѣ родинъ, то до того времени кормить ребенка какая-нибудь посторонняя женщина. Чубинск. т. IV, стр. 8.

13) У малороссовъ въ ванночку, въ которой купаютъ ребенка, кладутъ: овесъ, чебрець и васильки. По пѣснямъ, купаютъ также въ „любисткѣ“. Чубинск. т. IV, стр. 6.

14) Такой же обычай существуетъ у вотяковъ Сарапульскаго уѣзда, но тамъ водяное имя дается ребенку непременно языческое. У бывшихъ уніатовъ въ селѣ Пищацѣ Бѣльскаго уѣзда. Сѣдлецкой губ., когда родится ребенокъ, бабушка обливаетъ его водой и говоритъ: „во имя Отца и Сына освящается рабъ Божій такой-то“, и даетъ ему имя того „патрона“ (святого), въ день котораго ребенокъ родился. (Изъ записей автора).

15) Тотъ же обычай есть у малороссовъ („Zbiór wiadom. do Antr.“ XIII стр. 118) и у турецкихъ сербовъ (Ястребовъ, стр. 456).

16) У великороссовъ существуетъ твердое убѣжденіе, что одни восприимники обладаютъ твердою рукою, и воспринятые ими дѣти живутъ долго, а другіе тяжелою.—у нихъ дѣти скоро умираютъ („Этногр. Обзор.“ кн. VI).

17) Та же легенда извѣстна болгарамъ (Каравеловъ, Памятники, стр. 241) и у сербовъ (Караджичъ, Обычаи, стр. 223).

18) Крестный отецъ и мать имѣютъ также большое значеніе на свадьбахъ у великороссовъ Пошехонскаго уѣзда („Этногр. Обзор.“ кн. VI, стр. 97) и у малороссовъ Ровенскаго уѣзда въ селѣ Корость. (Изъ записей автора.)

19) У малороссовъ волосы дѣвочки, когда ее стригутъ въ первый разъ, кладутъ подъ вербу. Чубинск. т. IV, стр. 18.

20) У малороссовъ на „похрестынахъ“ разстилаютъ полушубки на лавкахъ и садятся на нихъ. Чубинск. т. IV, стр. 16.

21) У малороссовъ родильница „бьетъ три земныхъ поклона“ на „злыкахъ“, на другой день послѣ крестинъ. Чубинск. т. IV, стр. 13.

22) У малороссовъ, когда мать отдаетъ ребенка кумовьямъ для того, чтобы нести его въ церковь крестить, говоритъ: „нате вамъ нарощене, намъ принесятъ хрещене“. А когда кумовья принесутъ его обратно изъ церкви, то, отдавая, говорятъ, что брали „нарощеннаго, а принесли охрещеннаго“. Чубинск. т. IV, стр. 9—10.

23) Въ селѣ Пищацъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, на крестинахъ у бывшихъ униатовъ на тарелку кладутъ кашу, на нее „обажанокъ“ (баранокъ) и обносятъ всѣхъ присутствующихъ. Всѣ кладутъ на тарелку деньги, которыя идутъ пополамъ бабкѣ и родильницѣ. (Изъ моихъ записей.)

24) У малороссовъ родильница даритъ бабкѣ: на мѣтку (полотенце), или рушникъ, двѣ булки и хлѣбъ и денегъ на мыло. Чубинскій, т. IV, стр. 13 и 16.

25) У малороссовъ на другой день послѣ крещенія бываютъ „зливки“, на которыхъ „баба“ поливаетъ роженицѣ руки „непочатой водой“ съ травами и купаетъ въ этой водѣ ребенка, если онъ боленъ желтухой. Чубинск. т. IV, стр. 13.

26) Боязнь за новорожденнаго ребенка и роженицу въ первое время послѣ родовъ принадлежитъ къ числу международныхъ вѣрованій, широко распространенныхъ въ Европѣ и въ Азіи. Боятся, что ребенку могутъ повредить: злой духъ, дьяволъ, нечистая сила, миоическіе великаны и великанши, летучіе змѣи, людоеды, вѣдьмы, чаровницы, колдуны и колдуньи, летучія мыши, сосущія изъ человѣка кровь, или наконецъ просто злые люди съ дурнымъ глазомъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ злые духи, грозящіе опасностью новорожденному и роженицѣ, носятъ различныя наименованія, иногда они считаются вредными для человѣка вообще, а иногда порча дѣтей — ихъ главная или исключительная функція. Кромѣ физической порчи дѣтей и роженицы, чаще всего въ такихъ случаяхъ боятся подмѣны дѣтей, замѣны ихъ или идиотами или разными чудовищами во образѣ человѣческомъ. Средства для предохраненія новорожденнаго отъ всякаго рода порчи принимаются весьма многообразныя: 1) назначаютъ

стражу, которая караулила бы въ теченіе извѣстнаго срока домъ, въ которомъ совершились роды, 2) такъ же, какъ у гагаузовъ, жгутъ всю ночь, начиная съ заката солнца, огонь, 3) окружаютъ кровать роженицы освященной сѣтью, 4) обводятъ вокругъ нея мѣломъ или углемъ заколдованные круги, 5) обвѣшиваютъ роженицу, ребенка или комнату, въ которой они помѣщаются, различными талисманами, 6) кладутъ подъ подушку обнаженное оружіе или такіе предметы, которые считаются страшными или непріятными для нечистой силы, 7) стрѣляютъ изъ ружей и изгоняютъ изъ дому бѣсовъ различными манипуляціями суевѣрнаго свойства, въ родѣ игры на музыкальныхъ инструментахъ, чтенія извѣстныхъ молитвъ или наговоровъ, произнесенія извѣстныхъ словъ и звуковъ, обкуриванія душистыми травами, окропленія святой водой и проч., и 8) скрываютъ новорожденнаго и роженицу отъ всякаго посторонняго глаза.

Срокъ, въ теченіе котораго для новорожденнаго предполагается опасность, измѣняется въ различныхъ мѣстностяхъ и у разныхъ народовъ. Начиная съ одной, первой ночи, онъ увеличивается до 3-хъ дней, 10, 12, 15, 40 дней и доходитъ до 6-ти недѣль.

Вотъ перечень народовъ, у которыхъ существуетъ суевѣрный страхъ за новорожденнаго ребенка и его мать въ первое время послѣ родовъ: евреи, венгры, турки-османы, новогреки, армяне, грузины, имеретинцы, мингрельцы, гурійцы, татары кавказскіе, закавказскіе и азербейджанскіе, жители Туркестана, киргизы, буряты, олонекіе корелы, вотяки, поляки Стрыйскаго уѣзда, краковскіе, познанскіе и ломжинскіе, баварскіе нѣмцы, болгары, турецкіе сербы, галицкіе русины, великороссы и малороссы.

„Revue des traditions populaires“ № 8, 1891, стр. 469 и № 1, 1894, стр. 40. La tradition, année 5, стр. 190; Melusine, Paris, 3, стр. 375 и 4, стр. 122; Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin 1894 Heft 2, стр. 139—140; Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. Budapest, 3, Heft 9—10, стр. 246; Zbiór wiadomości do Antropologii, т. 13, 1889, стр. 118; ibid. т. 8, стр. 291; O. Kolberg, Lud, Ser. 7 Krakowskie, стр. 41, Ser. 15 Poznan. ч. 7, стр. 122—123; его же Pokucie т. 3 стр. 100; Этногр. Обзор. 1889 стр. 175; 1891 № 3 стр. 10, и № 4 стр. 38 и 41; 1890 № 3, стр. 95; 1894 № 4, стр. 168; 1896 № 1 стр. 129; Живая Старина годъ 4, вып. I, стр. 27 и вып. III, стр. 382; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. Тифлисъ, вып. 10, 1890, стр. 54; вып. 9, 1890, стр. 110; вып. 17, 1893, стр. 190 и 198; вып. 18, 1894, стр. 306; вып. 19, 1894, стр. 81; вып. 20, 1894, стр. 95; Народы Россіи. Этногр. очерки. Изд. ред. журн. „Природа и люди“ Спб. т. I, стр. 411; т. II, стр. 284—285 и 315; Чубинск., VII, стр. 44; Аванасьевъ. Поэт. возвр. Спб. 1861. стр. 571; А. С. Дембовецкій. Опытъ опис. Могил. губ. стр. 759; Сборн. за народ. умотв. 6; Шапкаревъ, Сборн., 3, стр. 27 и 34; Ястребовъ, Турецк. серб. стр. 456; „Вѣстн. Европы“ 1868, т. 2, стр. 35. Чубинск. т. 4, стр. 6.

27) Л у ш н и ц ы гагаузовъ,—какъ три мионическія женщины, приходящія къ ребенку въ первые дни появленія его на свѣтъ, чтобы предначертать всю его будущую жизнь,—это только варіантъ широко распространеннаго международнаго вѣрованія. У древнихъ римлянъ эти существа назывались п а р к а м и, у грековъ—м о й р а м и, у романскихъ народовъ—ф е я м и, у

германцевъ—нормами, у латышей и по сіе время онѣ извѣстны подѣ именемъ лаймъ; но особенно много названій для „лушницъ“ мы находимъ у южныхъ славянъ, гдѣ вѣра въ ихъ существованіе, повидимому, особенно живуча. У сербовъ и хорутанъ „лушницы“ называются: р о д ж е н и ц а м и, живицами, судженицами и судицами, у болгаръ—орѣсницами, урѣсницами и нарѣчницами.

Собственно по названію къ гагаузскимъ „лушницамъ“ или иначе луфъсамъ ближе всего стоятъ лухъзы измаильскихъ молдаванъ. Название это и миеъ, съ нимъ соединенный, совершенно тождественный съ гагаузскимъ, намъ удалось записать въ селѣ Малые Көсели Измаильскаго уѣзда.

У всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ миеъ о „лушницахъ“ въ главныхъ чертахъ сходятся, что указываетъ, конечно, на общность ихъ происхожденія, но у литовцевъ и у армянъ мы находимъ въ томъ же миеѣ нѣкоторыя интересныя особенности.

У Сувалкскихъ литовцевъ число dives, соотвѣтствующихъ во всемъ остальномъ „лушницамъ“, не три, какъ въ иныхъ мѣстахъ, а неопредѣленное. Что же касается армянъ, то у нихъ хотя число дѣвъ, предсказывающихъ судьбу новорожденному, три, но имена у каждой изъ нихъ особыя: онѣ называются именами трехъ дней недѣли: С е р е д а, П я т н и ц а и В о с к р е с е н ь е.

Revue des tradit. populaires, 1895 № 1, стр. 2; Zeitschr. des Vereins für Volkskunde 1892, Heft 1, стр. 123; Этногр. Обзор. № 2—3, 1896, стр. 255; Жив. Стар., вып. 1, 1894, стр. 137; Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Калачова, кн. 11, стр. 97—122, статья И. И. Срезневскаго; Сборн. матеріал. по этногр., изд. при Дашк. музеѣ, вып. II, стр. 9; Н. Сумцовъ, Культурн. пережив. стр. 235; III стр. 343; Э. А. Вольтеръ, Латыши Витеб. губ., стр. 371; Ястребовъ, Турецк. сербы, стр., 456; Викентій Макушевъ, Задунайскіе славяне, Спб. 1867, стр. 30.

28) Очистительная молитва, даваемая роженицѣ, — обычай, принятый всей православной церковью, но срокъ, назначаемый для такой молитвы, измѣняется по мѣстностямъ; такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ она дается одновременно съ крещеніемъ на 2, на 3-й день („Этногр. Обзор.“ кн. 6, стр. 95), а у малороссовъ черезъ 6 недѣль послѣ родинъ (Чубинск. т. IV, стр. 16).

29) Висячую колыбель, подобную гагаузской, мнѣ приходилось наблюдать въ селѣ Пищацъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., въ селѣ Немовичи Ровенскаго уѣзда, Волынской губ., и въ дер. Городянка, Оршанскаго уѣзда, Могилевской губ., кромѣ того изъ этнографической литературы мы знаемъ, что она принята у корель Олонецкой губ. Стоячую же колыбель я видѣлъ повсюду въ Варшавской губ. у тамошнихъ поляковъ. Кромѣ того она въ употребленіи у Галицкихъ русиновъ въ окрестностяхъ города Львова, у башкиръ, киргизъ, астраханскихъ ногайцевъ, у тушинъ, хевсуровъ и пшавовъ (на Кавказѣ), у бурятъ и китайцевъ (живущихъ на Амурѣ). Что касается великороссовъ, то у нихъ имѣются оба рода колыбели, при чемъ висячая называется „люлькой“ или „колыбелью“, а стоячая (ящикъ, стоящій на полу и качающійся на двухъ дугахъ)—„зыбкой“.

З. И. Р. Г. О. т. 7 вып. 2, 1891, стр. 57; Изв. Казан. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 12, 1894; Жив. Стар. годъ 5, вып. 1, стр. 26; Этногр. Обзор. кн. III 1889 стр. 191; Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. 11 вып. 1 стр. 75; Изв. Вост. Сибир. отд. И. Р. Г. О. прилож. къ т. 14 №№ 1—2 стр. 15; Матер. къ антр. бурятъ, диссерт. лѣкаря И. И. Шендриковского, стр. 82; Головацкій Галиц. народ. пѣсни, I стр. 1; Этногр. Обзор. кн. VI, стр. 94.

30) Обыкновеніе „выправлять голову ребенка“, если она длинная, извѣстно не у однихъ гагаузовъ; намъ случилось записать его также въ селѣ Пиццацъ Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Тамъ, также какъ и у гагаузовъ, стараются придать головѣ круглую форму отчасти устройствомъ чепчика, отчасти сдавленіемъ черепа руками.

31) Повѣрье, что ребенку до году нельзя показывать зеркала, существуетъ также не у однихъ гагузовъ, а у народовъ различныхъ, отдаленныхъ между собою, частей Европы. Оно есть у французовъ, поляковъ, галиційскихъ русиновъ, бѣлоруссовъ и великороссовъ. Вездѣ опасаются при этомъ какого-либо несчастья для ребенка, думаютъ, что онъ будетъ пугаться во снѣ, или что онъ заболѣетъ, или что ему трудно будетъ даваться рѣчь, и т. под.

Melusine, т. III, стр. 375; Zbiór wiadomości do Antr. т. 13, стр. 67; *ibid.* т. 10, стр. 85; O. Kolberg. Pokucie, III, стр. 150; Шейнъ, Бѣлорус. пѣсни 1874 стр. 15; Этногр. Обзор. кн. VI, стр. 100.

32) Обычай выбрасывать молочные зубы, выпадающіе у ребенка, съ извѣстными приемами и съ произнесеніемъ извѣстныхъ формулъ, повидимому принадлежитъ къ числу международныхъ. Онъ извѣстенъ великороссамъ, полякамъ, нѣмцамъ, норвежцамъ, французамъ, грузинамъ и болгарамъ. Приемы, сопровождающіе этотъ обычай, заключаются обыкновенно въ томъ, что выпавшій зубъ перебрасываютъ черезъ голову назадъ, иногда повертѣвши его надъ головой три раза, при чемъ направляютъ его или въ огонь, или на печку, за печку, или наконецъ просто въ уголъ комнаты. Формула, которая при этомъ произносится, вездѣ очень близка къ гагаузской. Въмѣсто вороны обращаются иногда къ огню, а чаще всего къ „мышкѣ“ кромѣ костяного зуба предлагаютъ ей „деревянный“ или просто „старый“, а отъ нея взамѣнъ просятъ, кромѣ желѣзнаго, „новый“, „костяной“, „каменный“, „бѣлый какъ серебро“ или „золотой“ зубъ.

Melusine 1877, т. 1 № 15, стр. 365; Zbiór Wiadomości do Antr. т. 10, стр. 85; *ibid.* т. 11, стр. 31; *ibid.* т. 13, стр. 67; O. Kolberg, Ser. 7, Krakowskie, стр. 143; З. И. Р. Г. О., т. 2, 1869, стр. 21; Сборн. за нар. умотв. кн. 6, стр. 12; Шапкаревъ, Сбор. III, стр. 25; Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. 18, 1894, стр. 240; Н. Сумцовъ. Культурн. пережив., стр. 293.

33) Сравн. O. Kolberg. Pokucie, III, стр. 152, № 26.

III.

Игры и развлечения дѣтства и юношества.

Раннее дѣтство гагаузовъ проходитъ почти такъ же, какъ и у нашихъ крестьянскихъ дѣтей: до 8—10-лѣтняго возраста мальчики и дѣвочки растутъ вмѣстѣ. Дѣвочки въ своихъ играхъ подражаютъ взрослымъ женщинамъ, дѣлаютъ себѣ куколъ изъ тряпокъ, укачиваютъ ихъ, готовятъ пищу и проч., а мальчики лѣпятъ изъ глины овецъ и лошадей, или собираютъ камешки, раскладываютъ своихъ глиняныхъ и каменныхъ овецъ по землѣ, дѣлаютъ вокругъ нихъ загородку, одинъ изображаетъ волка и тащитъ овецъ, а другой пастухъ и защищаетъ ихъ. Или же прыгаютъ верхомъ на палочкѣ, привязавши къ ней веревочку, и погоняя сзади прутикомъ; играютъ въ лошадки (беегирджик), бѣгаютъ на-перегонки по пыльнымъ или грязнымъ улицамъ села, при чемъ, подражая взрослымъ, назначаютъ призъ для такихъ состязаній въ видѣ бабки. Или привязываютъ другъ друга на веревочку и гоняютъ по кругу, изображая молотъбу на арманѣ *).

Мальчики постарше мастерятъ себѣ телѣгу на двухъ колесахъ съ дышломъ и возятъ ее по улицамъ, либо мельницу, которая вертится отъ вѣтра, а отецъ на досугѣ сдѣлаетъ имъ въ подарокъ такую телѣжку, на которой они могли бы и сами кататься и другихъ возить, либо устраиваетъ деревяннаго всадника на конѣ, который вертится по вѣтру, какъ флюгеръ, да еще руками или шашками размахиваетъ по воздуху.

Утащатъ ребятишки у матери веретено и сдѣлаютъ себѣ изъ него волчокъ (иырылдѣк), или займется приготовленіемъ такъ называемаго жырыта. Это особый бросательный снарядъ, сдѣланный изъ куска камыша съ дыркой въ одной изъ стѣнокъ для бросанія вверхъ другой болѣе длинной камышинки.

*) Арманъ—круглая площадка для молотбы ногами лошадей, исключительно принятой въ здѣшнихъ краяхъ.

Затѣмъ начинаются гимнастическія упражненія, до которыхъ, впрочемъ, охотники и парни-подростки и даже парни-женихи.

Но къ этимъ упражненіямъ и играмъ мы еще вернемся далѣе, а теперь замѣтимъ, что дѣвочки играютъ съ мальчиками только до 7—8 лѣтъ. Съ этого же возраста дѣвочки считаются стыдно и неприлично играть съ мальчиками. Если ее не удержатъ отъ этого во-время старшіе изъ ея родныхъ, то пристыдить первый попавшійся прохожій. Поэтому дѣвочки съ 8-лѣтняго возраста уже играютъ отдѣльно отъ мальчиковъ, да и то только въ нѣкоторыя изъ игръ, которыя считаются приличными ихъ полу. Тогда какъ большинство мальчишескихъ игръ совершаются на улицахъ села, дѣвочки на улицахъ играютъ очень рѣдко, только тогда, когда по кодексу гагаузскихъ приличій это дозволяется и взрослымъ дѣвушкамъ, т. е. въ хóру (хороводъ). Тогда онѣ подбираютъ себѣ компанію по своему возрасту и подражаютъ взрослымъ.

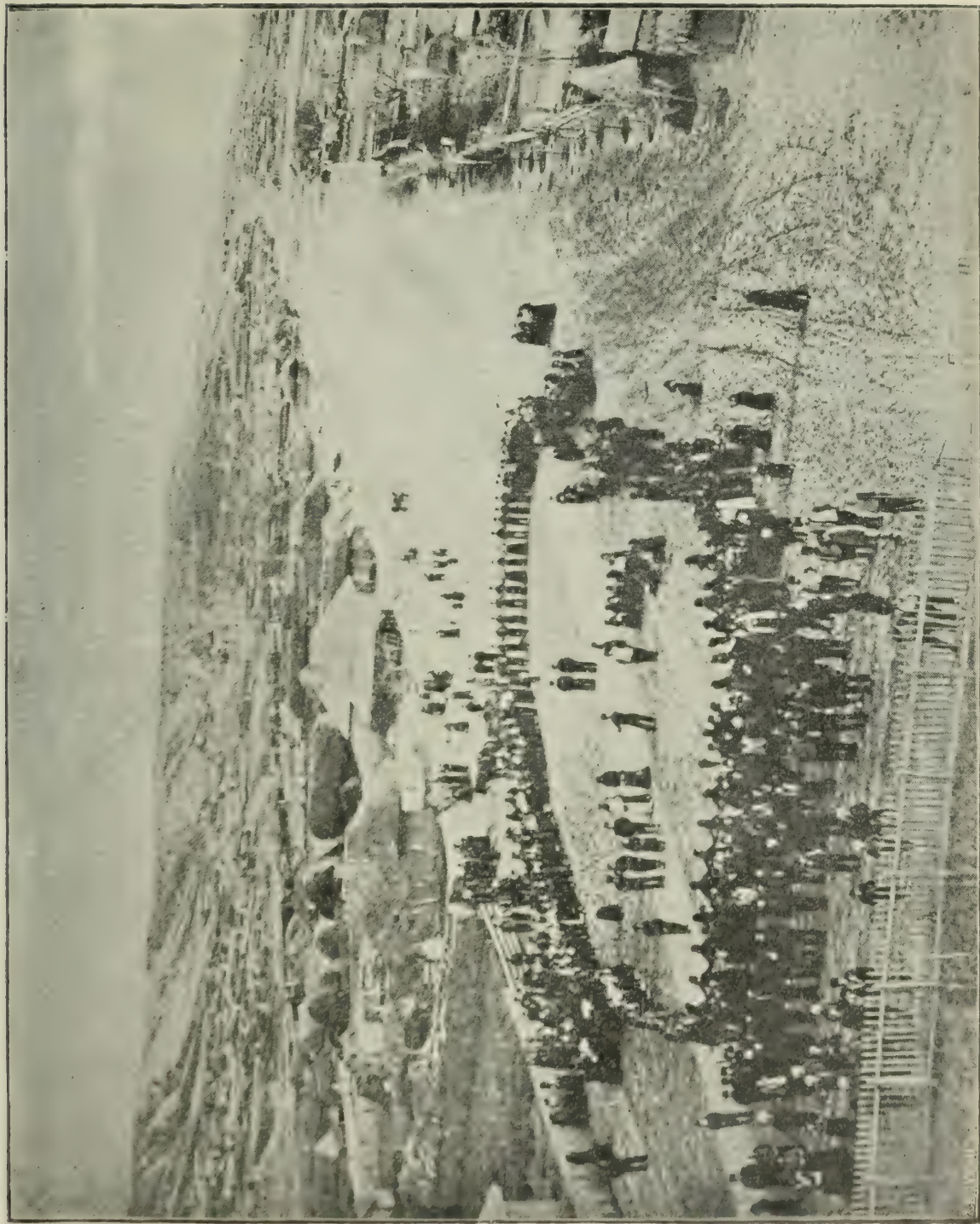
Игры дѣвическія.

Игръ, которыми забавлялись бы только однѣ дѣвушки, очень немного, и видѣть ихъ можно не часто, всего разъ въ году. Случается это только въ Великомъ посту потому, что въ это время въ хороводѣ, который собирается каждый праздникъ и воскресенье, танцовать не дозволяется. Правда, что и въ Успенскій постъ тоже не дозволяется танцовать, но тогда горячее рабочее время, и въ хороводъ никто не ходитъ. Въ остальные же посты танцы дозволены, а они всегда предпочитаютъ играмъ. И вотъ когда „хоро“ собралось, а танцовать нельзя, поневолѣ начинаются игры.

Изъ игръ специально дѣвическихъ можно перечислить слѣдующія:

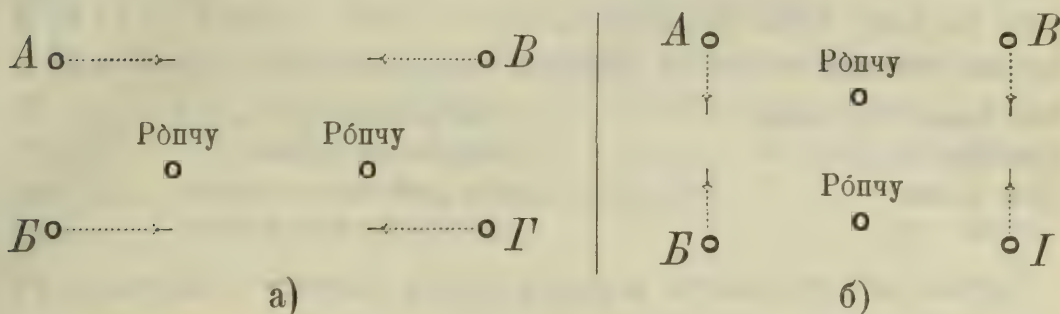
1) *А т ы к і ш і* (шестерка)

Въ этой игрѣ участвуютъ шесть человѣкъ, или 3 пары. Одна изъ паръ называется *рòпчу* и становится въ серединѣ, а другія двѣ по обѣимъ сторонамъ отъ нея. Участвующіе въ этихъ двухъ парахъ перемѣняются такъ, какъ показано на рисункѣ (а), для того, чтобы образовать двѣ новыя пары *А, В* и *В, Г* образуются пары *А, В* и *В, Г*, а потомъ снова *А, В* и *В, Г* и т. д. Въ это время *рòпчу*

„Хоро“ (хороводъ) въ селѣ Бешалма.
(Снято съ церковной колокольни).

стараятся помѣшать парамъ соединиться, и если поймаютъ кого-либо изъ перебѣгающихъ, то становятся въ пару съ тѣмъ, кого поймали, а оставшійся безъ пары становится на ихъ мѣсто.

Если ропчу не успѣли помѣшать парамъ соединиться, то играющіе располагаются иначе (см. рис. б).

Видоизмѣненіе этой игры, въ которой вмѣсто трехъ паръ участвуютъ четыре, двѣ бѣгающихъ и двѣ ловящихъ, называется р о п ч у (1).

2) Кур-кур баба.

Эта игра вполне соотвѣтствуетъ нашей русской игрѣ въ коршуны. Играющіе также становятся другъ за другомъ въ одинъ рядъ, только передній въ ряду, который у насъ называется маткой, у гагаузовъ—царь (п а д і ш а х), а нашъ коршунъ—колдунъ (д ж я д ы). Тотъ, кого удастся изловить „колдуну“, становится за его спиной, а если, перетягивая къ себѣ отъ „царя“ по одному человѣку всю его свиту, „колдунъ“ не можетъ болѣе изловить ни одного, то „царь“ и „колдунъ“, имѣя каждый за собою цѣпь играющихъ, тянутся въ разныя стороны. Перетянувшій становится „царемъ“, а перетянутый—„колдуномъ“, и игра начинается съ начала.

Незначительное видоизмѣненіе предыдущей игры называется у Гагаузовъ г а р г а (ворона). Падишахъ здѣсь—та у к (курица) или к л о ч к а (клушка), его свита—п і л і ч л я р (цыплята), а тотъ кто ловитъ цыплятъ,—г а р г а (ворона). Во время игры этотъ послѣдній приговариваетъ:

Кус, кус тепені деля'рім

Чірк, яўруну' канарым.

Клуха, клуха, продолблю твою
макушку.

Чиркы! Поймаю твоего птенца (2)

3) *Бель тюркюсю (спинная пѣсня)*

Играющія раздѣляются на двѣ половины. Въ каждой половинѣ дѣвушки становятся въ рядъ, обнявши одна другую за талію, лицомъ рядъ къ ряду. Одна половина называетъ себя парнями (олан), а другая — дѣвушками (кыз). Дѣвушки, изображающія парней, поютъ:

Біз олана, біз олана
Бір бірі бірдян
Яры ёлдан
Дёнсяк гері.

Мы парни, мы парни
Одинъ къ одному,
Съ половины дороги
Возвращаемся назадъ.

Затѣмъ онѣ отступаютъ, а другая партія начинаетъ наступать на нихъ съ пѣсней:

Біз кызлара, біз кызлара
Бір бірі бірдян
Яры ёлдан
Дёнсяк гері

Мы дѣвушки, мы дѣвушки
Одна къ одной,
Съ половины дороги
Возвращаемся назадъ (3).

4) *Джінгырѣк (кривой танецъ).*

Дѣвушки, взявшись за руки, ходятъ змѣйкой и выдѣлываютъ разныя фигуры, какъ напримѣръ: проходятъ все подъ руки одной пары, замыкаютъ кругъ, снова его разрываютъ и т. д.

У гагаузовъ с. Этулія, Измаильскаго уѣзда, эту игру называютъ: „İрі 'ору“. т.-е. кривой хороводъ (4).

5) *Домуз дююнү (свинская свадьба).*

Двѣ дѣвушки садятся на землю, обнявши другъ друга за талію, а сзади ихъ сидитъ третья. Къ нимъ приходятъ двѣ другія и, обращаясь къ нимъ, говорятъ:

Сорун бізя', неічін гельдік.

Спросите насъ, зачѣмъ мы пришли.

Первыя отвѣчаютъ:

Сёбляін кендініз, неічін гельдініз.

Скажите сами, зачѣмъ вы пришли.

Пришедшія:

Біз гельдік сізін карә гез кызы-
ныз-ічін.

Мы пришли за вашей черно-
глазой дѣвушкой.

Сидящія:

А сізін чоджуунуз не завааттѣ? А вашъ парень чѣмъ занимается?

Отвѣтъ.

Домуз гюдѣер Свиней пасеть.

Первыя дѣвушки прогоняють ихъ со смѣхомъ и съ криками: ху! ху! ху! Затѣмъ вторыя дѣвушки снова подходятъ къ первымъ, и повторяется та же сцена, но называются другіе пастухи: лошадиные, коровьи, овечьи и т. д. Ихъ снова прогоняють. Игра этимъ и кончается (5).

6) Кукла (?).

Дѣвушки, какъ и въ предыдущей игрѣ, образуютъ двѣ группы. Одна выбираетъ изъ своей среды дѣвушку, которую называетъ: гелін (т.-е. невѣста). Ей завязываютъ на головѣ платокъ такъ, какъ онъ завязывается у невѣсты, и изъ нитокъ вѣшаютъ на лобъ тель, т.-е. якобы нитки мишуры (необходимая принадлежность подвѣчнаго костюма). Затѣмъ дѣвушки, участвующія въ первой партіи, окружаютъ ту, которая изображаетъ невѣсту. Другая партія отходитъ въ сторону и посылаетъ изъ среды себя двухъ, которыя обращаются къ первой партіи съ пѣсней; въ пѣснѣ говорится, что онѣ пришли за карă-гöз кызы' (за черноглазой дѣвушкой). Послѣ переговоровъ, происходящихъ пѣснями (самыхъ пѣсень рассказчикъ, къ сожалѣнію, не могъ мнѣ передать), первая партія соглашается отдать черноглазую дѣвушку. Тогда изъ второй партіи выдѣляется одна дѣвушка, которую называютъ: дю н ю р д ж ю' (сватъ); послѣ переговоровъ она беретъ одну изъ дѣвушекъ первой партіи (въ пѣснѣ говорится, что сватъ укралъ дѣвушку) и отводитъ въ сторону. Затѣмъ все повторяется съ начала, пока сватъ не заберетъ всѣхъ дѣвушекъ, кромѣ «невѣсты», къ себѣ и не поставитъ въ рядъ. Въ заключеніе сватъ беретъ и самую невѣсту, и тогда исполняютъ болгарскій танецъ піпѣрч. При этомъ сватъ становится въ середину, подпираетъ руки въ бока и подъ тактъ пѣсни покачивается корпусомъ на пяткахъ то вправо, то влѣво. А невѣста и другая дѣвушка, выбранная изъ дѣвушекъ второй партіи и называемая гю в я (т.-е. женихъ), держа руки на бедрахъ, ходятъ вокругъ свата. Игра заканчивается словами свата: «йы кра м я п ты» (т.-е. уваженіе, почестъ сдѣланы). (6)

7) *Игра безъ названія.*

Три дѣвушки становятся въ рядъ, обнявши другъ друга за талію, три другія дѣвушки становятся въ такой же позѣ противъ нихъ. Обѣ тройки обращены лицомъ другъ къ другу и поютъ поочередно:

Первыя:

Башымаагырык, башыма агырык.

У меня голова болитъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджам,
Башына чембер аладжам.

Вотъ я на базаръ поѣду,
Куплю тебѣ на голову платокъ

Первыя:

Елім агырык, елім агырык.

У меня рука болитъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджам,
Еліня білезік аладжам.

Вотъ я на базаръ поѣду,
Куплю тебѣ на руку браслетъ.

Первыя:

Аякларым агырык, аякларым
агырык.

У меня ноги болятъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджам,
Аякларна башмекі аладжам.

Вотъ я на базаръ поѣду,
Куплю тебѣ на ноги башмаки.

Первыя:

Сыртым агырык, сыртым агы-
рык.

У меня спина болитъ (:).

Вторыя:

Ко бян пазара вараджам,
Сыртына фістан аладжам.

Вотъ я на базаръ поѣду,
Куплю тебѣ на спину платье.

А вотъ варіантъ той же пѣсни изъ села Башкюю:

Первыя:

1) Башім аарѣер, башім аарѣер.

У меня голова болитъ (:).

Вторыя:

2) Я бян пазарѣ варайым,
Санѣ да ал фесь алайым.
Демея'сін: «башім аарѣер».

А я на базаръ поѣду,
Тебѣ на голову алую феску куплю.
Не говори, что голова болитъ.

Первыя:

3) Анным аарѣер, анным аарѣер. У меня лобъ болить (:)

Вторыя:

4) Я бян пазарѣ вараыым, А я на базарѣ поѣду,
Аннынѣ алтын алайым. Тебѣ на лобъ золото куплю.
Демеясін: «анным аарѣер». Не говори, что лобъ болить.

Затѣмъ повторяются куплеты № 3 и № 4, при чемъ изъ № 3 образуются куплеты №№ 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21 и 23 съ замѣною слова анным (лобъ) словами: гѣзю'м (глазъ), кула'ам (ухо), кашым (бровь), бурнум (носъ), аазым (ротъ), колум (рука), парма'ам (палецъ), белім (поясница), ая'ам (нога) и бойну'м (шея), а изъ № 4—куплеты №№ 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22 и 24 съ замѣною словъ аннынѣ алтын (на лобъ золото) словами: гѣзюня' сюрмѣ (для глазу сурьму), кулаанѣ кюпя' (для уха серьгу), кашинѣ расты'к (для брови растык)*, бурнунѣ енфѣ (для носу нюхательный табакъ), аазынѣ алмѣ (для рта яблоко), кулунѣ білезік (для руки браслетъ), пармаанѣ юзюк (для пальца перстень), беліня кушѣк (для поясицы кушакъ), аяанѣ папу'ч (для ноги туфли) и бойнунѣ гердѣн (для шеи ожерелье). Этотъ варіантъ любопытенъ потому, что въ немъ сохранилось нѣсколько архаическихъ черточекъ, а именно упоминаются такія части костюма, которыхъ гагаузскія дѣвушки уже давно не носятъ, какъ напримѣръ: на головѣ алая феска, на лбу золото, т.-е. золотыя подвѣски (у ногайцевъ мізвюк); вторыхъ, слово енфѣ совершенно вышло у гагаузовъ изъ употребленія въ разговорномъ языкѣ и переводится пѣвцами словами нюхательный табакъ скорѣе по догадкѣ (6).

8) *Тафтѣ атламайымджя.*

Эта игра состоитъ въ поочередномъ прыганьи двухъ человѣкъ по концамъ доски, положенной серединою на какойнибудь чурбанъ. Въ нее играютъ преимущественно маленькія дѣвочки у себя на дворѣ (8).

*) Растык—болѣзнь зерна ржи и кукурузы. въ родѣ спорыньи, съ черной, какъ сажа, порошкообразной внутренностью, которую въ старину употребляли для черненія бровей.

Вотъ эти игры и считаются специально женскими, всѣ остальные—мужскія, но впрочемъ нѣкоторыя изъ мужскихъ игръ дозволяются и для маленькихъ дѣвочекъ.

З а б а в ы м у ж с к і я .

Мальчики, какъ я уже говорилъ, очень любятъ заниматься гимнастическими упражненіями, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ свои названія.

1) Ложатся на землѣ лицомъ кверху и, перегибая голову назадъ, стараются поднять ртомъ мелкія вещи, напримѣръ монету, положенную противъ ихъ затылка.

2) Становятся на голову, упираясь руками на землю, а ноги поднимаютъ вертикально вверхъ. Это называется *поп тутмаа* (становиться на попа).

3) Становятся на голову и держатся ногами вверхъ безъ помощи рукъ, придерживаясь плечомъ объ какой-нибудь чурбанъ или широкій колъ, вбитый въ землю.

4) Одинъ парень ложится на землю лицомъ кверху, а другой поднимаетъ его за плечи такъ, чтобы поднимаемый не согнулся.

5) Двое быстро вертятъ веревку, а одинъ черезъ нее прыгаетъ (9).

6) Достаютъ ртомъ съ земли монету, стоя на землѣ на согнутыхъ рукахъ, ногами вверхъ.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ число гимнастическихъ игръ.

Гимнастическія игры.

9) *Манастир япаёрлар* (строятъ соборъ).

Становятся въ кругъ нѣсколько самыхъ сильныхъ парней, а имъ на плечи другой рядъ и третій въ видѣ живой пирамиды (10).

10) *Джигільмеінджа*.

Восемь человѣкъ играющихъ раздѣляются на двѣ партіи по 4 человѣка. Одна партія, на которую выпалъ жребій, строятъ изъ своихъ спинъ площадь слѣдующимъ образомъ. Двое становятся задомъ другъ къ другу и, захвативши одинъ другого за шаровары, сгибаютъ спину. Двое другихъ становятся бокомъ противъ середины

образовавшейся площадки лицами въ разныя стороны и сгибаютъ свои спины наравнѣ съ первой парой. Черезъ образовавшуюся такимъ образомъ площадку члены другой партіи кувыркаются черезъ голову каждый по 4 раза. Послѣ того партіи перемѣняются своими мѣстами и т. д. (11).

11) *Узун ешѣк* (длинный оселъ) или *хамъм*.

Играющихъ не менѣе четырехъ. Они раздѣляются на двѣ равныя партіи. Члены одной партіи становятся другъ за другомъ, согнувши спины и обхвативъ руками своего передняго сосѣда. Другая партія прыгаетъ на спины первой и должна просидѣть на спинахъ въ теченіе того времени, пока сосчитаютъ до десяти. Это бываетъ не совсѣмъ легко, потому что члены первой партіи очень мало сгибаютъ свои спины, и приходится не столько сидѣть на ихъ спинахъ, сколько висѣть на своихъ рукахъ, держась за ихъ плечи. Такое упражненіе повторяется до трехъ разъ. Если кто-нибудь изъ находившихся наверху коснется ногой земли въ продолженіи 10 счетовъ, то вся его партія лишается права скакать на спины товарищей. Если же все обстояло благополучно во всѣ три прыжка, то партіи мѣняются своими мѣстами (12).

12) *Хибеджѣк* (мѣшочекъ).

Одинъ изъ играющихъ ложится на землю лицомъ внизъ. По бокамъ его другъ противъ друга садятся два дюжіе парня, которые кладутъ свои ноги на спину лежащаго и держатъ другъ друга за ноги. Лежащій внизу долженъ подняться сначала на четвереньки, а потомъ встать на ноги и выпрямиться, держа все время на своей спинѣ двухъ дюжихъ парней, уравнивающихъ другъ друга.

13) *Денеджѣк* или *чыкырыджкя*.

Въ этой игрѣ соединяется пріятное съ полезнымъ. Печи отапливаются у гагаузовъ кизякомъ, т.-е. кирпичами изъ навоза, но передъ тѣмъ, какъ сдѣлать изъ навоза кирпичи, необходимо уплотнить его, утаптывая ногами. Чтобы эта работа не была утомительной, надъ навозомъ устраиваютъ что-то въ родѣ карусели или гигантскихъ шаговъ. На навозъ кладется обыкновенное телѣжное колесо. Во втулку его втыкается вертикально обыкновенная телѣжная ось. Наверху этой послѣдней на высотѣ человѣческой груди привязывается

веревкой горизонтальный брусъ, перекладина. За концы перекладины берутся два парня лицомъ въ разныя стороны и бѣгутъ впередъ, заставляя перекладину вертѣться вокругъ оси. Когда они пріобрѣтутъ такимъ образомъ инерцію, то оба разомъ вѣшаются руками на перекладину и дѣлаютъ вмѣстѣ съ осью нѣсколько оборотовъ, вися на рукахъ. Затѣмъ опять бѣгутъ впередъ, опять катятся и т. д. Такая работа, соединенная съ катаніемъ, настолько нравится парнямъ, что считается не работой, а игрой. Когда вытоптанъ навозъ въ одномъ мѣстѣ, карусель переносятъ въ другое. Надоѣстъ однимъ топтать навозъ, ихъ съ удовольствіемъ замѣняютъ другіе и т. д. (13).

Игры, требующія ловкости.

14) *Кър Чепиш* (Сильной Чепишъ).

Совершенно то же, что наши жмурки (14).

15) *Тавшанджѣк*. (Зайчикъ).

Въ этой игрѣ принимаютъ участіе только двое. Чертится на землѣ кругъ, и черезъ центръ его проводятся два взаимно перпендикулярные діаметра. Одинъ изъ играющихъ (зайчикъ) бѣгаетъ по начерченной фигурѣ, слѣдуя за вѣми ея изгибами, а другой, не сходя съ той же линіи, его ловить.

16) *Тпрусь карѣ кеді* (прочь черная коза).

Соберется человекъ 5—10 мальчиковъ около глубокой ямы, въ которой зимою сохраняется зерновой хлѣбъ и считаются между собою. Кто выйдетъ по счету послѣднимъ, влѣзаетъ въ яму. Онъ ловитъ всѣхъ остальныхъ, которые бѣгаютъ по самому краю ямы и дразнятъ его словами:

Тпрусь карѣ кеді,
Каймаамы' йідін.

Прочь черная коза,
Мою сметану съѣла.

Тотъ, кого поймаютъ стоящій въ ямѣ, слѣзаетъ къ нему и начинаетъ ловить вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ остальныхъ и т. д. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющіе не будутъ въ ямѣ (15).

17) *Хѣред ж я*.

Эта игра соотвѣтствуетъ нашей палочкѣ—воровкѣ; у бессарабскихъ болгаръ Измаильскаго уѣзда она называется тифу'гѣрджюм. На-

званіе игры гагаузы объясняютъ якобы происходящимъ отъ словъ *х е р г е д ж я*, т.-е. всякую ночь, такъ какъ въ эту игру играютъ только вечеромъ въ сумеркахъ или въ темнотѣ.

Одному изъ играющихъ закрываютъ руками глаза, пока всѣ остальные прячутся. Онъ долженъ отыскивать спрятавшихся и для этого сходить съ назначеннаго ему мѣста, а въ то же время озирается по сторонамъ. Если онъ зазѣвается, то спрятавшіеся выбѣгаютъ изъ своей засады и стараются плюнуть на то мѣсто, которое выбрано для него въ качествѣ «дома». Ихъ нужно отыскать всѣхъ до одного прежде, чѣмъ имъ удастся выбѣжать и плюнуть, въ противномъ же случаѣ игра въ прежнемъ порядкѣ начинается съ начала. Когда отыскивающій найдетъ кого-либо изъ спрятавшихся, то онъ плюетъ со словами: «*т п ф у х е р е д ж я П е т р і*» или «*т п ф у х е р е д ж я Ю в а н і*» и т. д. Когда всѣ будутъ найдены, то тотъ, кто найденъ первымъ, идетъ на мѣсто искавшаго (16).

Игры со жгутомъ.

18) *Ш і р*.

Въ эту игру играютъ въ домѣ и на улицѣ маленькіе и взрослые. Участвующіе садятся на землѣ въ тѣсный кружокъ, ногами въ середину, а одинъ, въ серединѣ круга, имъ на ноги. Дѣлается изъ платка или полотенца обыкновенный жгутъ (*т у р а*) и передается сидящими въ кругѣ изъ рукъ въ руки за спинами такъ, чтобы этого не замѣтилъ сидящій въ серединѣ. Если этотъ послѣдній зазѣвается, то его бьютъ жгутомъ и тотчасъ же прячутъ жгутъ за спиной. У кого найденъ жгутъ, тотъ садится въ середину круга (17).

19) *Т у р а (жгутъ)*.

То же, что предыдущая игра, но сидящему въ серединѣ закрываютъ глаза и въ это время передаютъ другъ другу кольцо, которое тотъ долженъ найти, когда ему откроютъ глаза, если же не найдетъ, то его бьютъ жгутомъ.

20) *Шіліч-ніліч (цыпленокъ)*.

Въ этой игрѣ участвуетъ 10—12 человѣкъ взрослыхъ парней. Они берутъ столько же малыхъ ребятъ, садятъ ихъ въ кружокъ, лицами въ середину, а за неимѣніемъ ребятъ кладутъ въ кружокъ

каменя. Каждый изъ играющихъ садится сзади одного изъ ребятъ, лицомъ въ середину круга, а одинъ, на котораго выпадетъ счетъ, становится внѣ круга и беретъ въ руки жгутъ. Обходя кругъ, онъ, по возможности, незамѣтно для сидящихъ, кладетъ жгутъ сзади одного изъ нихъ, а самъ убѣгаетъ. Тотъ, кому онъ положилъ жгутъ, догоняетъ его и старается ударить. Если это ему не удастся, то положившій къ нему жгутъ обѣжитъ кругъ и сядетъ на его мѣсто, если же удастся, то онъ бросаетъ жгутъ, возвращается на свое мѣсто, и игра начинается съ начала.

Дѣвушки также играютъ въ эту игру въ Великомъ посту въ хороводѣ и при этомъ приговариваютъ:

Юшюдюм, юшюдюм гїі кюр- кюню.	Озябъ, озябъ, надѣнь на меня шубу.
Ёк кюркюм, ёк кюркюм, Вай, бенім джяным кюркюм ёк. Алсѣм, алсѣм—парѣм ёк,	Нѣтъ шубы, нѣтъ шубы, Ай, у моей души шубы нѣтъ. Я бы купила, я бы купила,— денегъ у меня нѣтъ,
Чалсѣм, чалсѣм, тутарлар ба- сарлар,	Украла бы, украла бы, схватятъ и отнимутъ,
Хенъ гѣзяль кызы капарлар.	Самую красивую дѣвушку за- хватятъ (18).

21) Чѣльмекі (Горшечникъ).

Эта игра представляетъ собою варіантъ предыдущей. Всѣ дѣвушки садятся на землю въ кругъ, лицами въ середину, а одна остается внѣ круга. Она подходитъ ко всѣмъ сидящимъ въ кругу и спрашиваетъ поочередно: «чѣльмек, чѣльмек сатэермысын?» (не продашь ли ты горшка?) Если спрошенная отвѣтитъ: «сатмайорым» (т.-е. не продаю), то спрашивающая переходитъ съ тѣмъ же вопросомъ къ другой дѣвушкѣ, пока не получитъ отвѣта: «сатэерым» (продаю). Тогда обѣ онѣ бѣгутъ по кругу въ разныя стороны, и та, которая прибѣжитъ скорѣе, садится на свободное мѣсто, а другая остается внѣ круга и тѣмъ же порядкомъ продолжаетъ спрашивать сидящихъ (19).

22) Юзюк ойнаймѣа. (Игра въ кольцо).

Играющихъ только двое. Одинъ беретъ кольцо, кладетъ его на вытянутую ладонь правой руки и, подбрасывая на воздухъ, ловитъ задней стороною ладони. А затѣмъ, держа правую руку на воздухѣ,

старается на мизинецъ ея надѣть кольцо безъ помощи другой руки. Если это ему удастся, то онъ бьетъ своего противника жгутомъ, если же нѣтъ, то его самого бьютъ.

23) *Бѣшка. (Пятерка).*

Эта игра представляетъ собой видоизмѣненіе предыдущей. Въмѣсто кольца здѣсь употребляются пять бабокъ, которыя съ ладони перекидываются на обратную сторону руки совершенно такъ, какъ у насъ въ школахъ играютъ въ пуговицы, число которыхъ бываетъ тоже пять (20).

Игры съ веревкой.

24) *Чаты' уджю' (конецъ веревки).*

Число участвующихъ въ игрѣ неопредѣленно, но должно быть нечетно и не меньше трехъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи. Одна изъ нихъ становится въ кружокъ, лицами въ середину, и нагибаетъ головы впередъ. Однѣ изъ участвующихъ въ партіи держатъ въ рукахъ конецъ длинной (сажени въ 4) веревки. За другой конецъ той же веревки держится тотъ, кто остается по счету внѣ партій. Онъ долженъ, бѣгая около круга такъ далеко, какъ позволяетъ длина веревки, помѣщать партіи, стоящей внѣ круга, вскочить на спины участниковъ первой партіи, для чего онъ долженъ ударить прыгающаго ногой ниже колѣна. Если ему это удастся, то онъ перемѣняется мѣстами съ тѣмъ, кого ударилъ, если же нѣтъ, то игра продолжается по прежнему. Тотъ, которому удалось безпрепятственно вспрыгнуть на спину одного изъ стоящихъ въ кругѣ, можетъ сидѣть тамъ, сколько ему угодно.

25) *Торба каврамайджа (схваченная сумка).*

Забиваютъ въ землю колъ и привязываютъ къ нему веревку около сажени длиной; около кола всѣ играющіе кладутъ свои сумки, въ которыхъ носятъ съ собой въ поле хлѣбъ. Затѣмъ одинъ изъ мальчиковъ, на котораго выйдетъ счетъ, беретъ за конецъ веревки и, не отходя отъ кола дальше ея длины, охраняетъ сумки, которыя остальные играющіе стараются растащить. Если кого-нибудь изъ этихъ послѣднихъ онъ ударитъ ногой ниже колѣна, то перемѣняется съ нимъ мѣстами. Если же это ему не удастся и всѣ сумки растащены, то его бьютъ

сумками до тѣхъ поръ, пока онъ не ударить кого-нибудь ногой ниже колѣна. Тогда игра начинается снова (21).

Игры съ палками.

26) *Bikinka* или *gutut* (22).

Всѣ участвующіе въ игрѣ, число которыхъ неопредѣленно, имѣютъ въ рукахъ по длинной палкѣ и кидаютъ ихъ поочередно въ одну сторону, такъ чтобы на полетѣ палки кувыркались. Тотъ, кто броситъ свою палку ближе всѣхъ, долженъ собрать и принести всѣ остальные на то мѣсто, откуда палки бросались (23), и говорить все время, не переводя духъ: „гут, гут, гут, гут“... Если онъ не сможетъ этого сдѣлать, то выходитъ изъ игры, а если сможетъ, то игра начинается съ начала. Кто три раза подрядъ кинетъ палку ближе всѣхъ и всякій разъ соберетъ остальные палки со словами: „гут, гут...“, тому закрываютъ глаза и, дотрагиваясь концомъ палки до его спины, спрашиваютъ, тонкимъ или толстымъ концомъ она приложена. Если онъ не отгадаетъ, то палки разбрасываютъ какъ можно дальше во всѣ стороны и снова заставляютъ ихъ собирать. Если же отгадаетъ, то освобождается отъ всякихъ повинностей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ игра начинается съ начала.

27) *Sõna kavràmaidja* (схваченная палка).

Участвующихъ въ этой игрѣ четное число, не меньше четырехъ. Число палокъ, которыми играютъ, можетъ быть сколько угодно, но не менѣе числа играющихъ. Всѣ палки кладутся въ одну кучу. Изъ числа играющихъ выбираются двое старшихъ въ партіяхъ, которыхъ называютъ баш или бей. Они набираютъ себѣ изъ числа всѣхъ остальныхъ двѣ равныя партіи и рѣшаютъ по жребію, которая партія останется на мѣстѣ (к ю ю д я, т.-е. въ селѣ), а которая уйдетъ въ поле (к ы р а). Старшій въ той партіи, которая осталась на мѣстѣ, становится около кучи палокъ, а остальные въ сторону поля въ два ряда, лицами въ середину. Между рядами оставляется промежутокъ около 4 шаговъ. Такой же промежутокъ оставляется между старшимъ и ближайшей къ нему парой, а также между всѣми парами, сколько бы ихъ ни было. Каждый становится на свое мѣсто и обозначаетъ его маленькой ямочкой, которая во время игры закрывается ногой.

Въ серединѣ расположившейся такимъ образомъ партіи чертятъ на землѣ кругъ около шага въ діаметрѣ, въ который кладутъ челикъ (чурокъ, короткий обрубокъ тонкой палки). Старшій въ партіи беретъ одну изъ лежащихъ возлѣ него палокъ и бросаетъ ею въ челикъ. Челикъ съ палкой вылетаетъ въ сторону поля. Тотъ изъ первой партіи, къ кому палка всего ближе упала идетъ доставать ее, но при этомъ долженъ остерегаться, чтобы партія, стоящая въ полѣ, не положила въ его ямочку, оставшуюся незакрытой, челикъ. Если ему это удастся, то онъ кладетъ палку около себя, и игра продолжается, въ противномъ случаѣ обѣ партіи перемѣняются мѣстами. Тѣ палки, которыя залетятъ далеко, такъ что невыгодно ихъ доставать, остаются лежать на своемъ мѣстѣ. Когда старшій перекидаетъ всѣ свои палки, то перемѣняется мѣстомъ съ тѣмъ, у кого собрано палокъ больше всего. Такимъ образомъ игра продолжается далѣе, пока первая партія не истощитъ всѣ свои палки. Когда это случится, то партіи перемѣняются мѣстами (24).

28) Челикъ (чурокъ).

Участвующихъ въ игрѣ только двое, одинъ располагается на мѣстѣ (к ю ю д я, въ деревнѣ), другой уходитъ въ поле (к ы р а). Первый изъ нихъ имѣетъ у себя чурокъ и палку. Сдѣлавши въ землѣ маленькую ямочку, онъ кладетъ поперекъ ея чурокъ и, просунувши подъ него свою палку, подбрасываетъ кверху и впередъ. Стоящій въ полѣ ловитъ чурокъ руками. Если онъ не поймаетъ, то его противникъ кладетъ свою палку поперекъ ямочки и предлагаетъ понасть въ нее чуркомъ. Если послѣдній попадетъ, то стоящій «въ деревнѣ» теряетъ одинъ ходъ (б і р к о л, одна рука). Число такихъ ходовъ бываетъ 2, 3 или 4, смотря по условію. Если же стоящій въ полѣ не поймалъ чурка къ нему брошеннаго, или же не попалъ чуркомъ въ палку, то стоящій въ деревнѣ ставитъ челикъ однимъ концомъ на дно ямочки, а другимъ наклонно вверхъ, бьетъ по верхнему его концу палкой и, пока чурокъ вертится въ воздухѣ, отбиваетъ его палкой въ сторону поля. Тогда стоящій въ полѣ уже не ловитъ чурка и разстояніе отъ мѣста его паденія до ямочки измѣряетъ шагами. Каждые 10 шаговъ считаются за одинъ п і н ѳ к ѳ (порогъ), а число выигранныхъ «пінѳковъ» отмѣчается на землѣ черточками. Если бы, поднявши чурокъ ударомъ палки вверхъ, играющій не отбилъ его палкой на воздухъ, то находящійся въ полѣ имѣетъ право, начиная

отъ ямочки, прыгать по направленію къ чурку одинъ разъ впередъ, одинъ разъ бокомъ и три раза задомъ. Если затѣмъ, лежа на животѣ, онъ достанетъ челикъ рукой, то находящійся въ деревнѣ теряетъ одинъ ходъ. Игра продолжается такъ до тѣхъ поръ, пока играющій «въ деревнѣ» не истощитъ всѣхъ своихъ ходовъ. Тогда онъ уступаетъ свое мѣсто противнику. Выигравшимъ считается тотъ, кто ранѣе окончитъ условленное число «пінсковъ» (25).

29) *Кіймѣк челик (сметанный чурокъ).*

Въ этой игрѣ участвуетъ отъ 5 до 10 человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ рукахъ палку и вырываетъ въ землѣ свою ямочку. Ямки располагаются по кругу, въ середину котораго ставится чурокъ. Одинъ изъ играющихъ, выбранный по счету, бьетъ чурокъ палкой, а другой бѣжитъ его доставать. Пока послѣдній не вернется на свое мѣсто съ чуркомъ въ рукахъ, всѣ спѣшатъ раскопать палками его ямку. Когда онъ приблизится, то всѣ ставятъ палки въ свои ямочки. Чѣмъ ямочки меньше, тѣмъ труднѣе это сдѣлать. Если принесшему чурокъ удастся попасть имъ въ чью-нибудь ямочку, то хозяинъ ямочки замѣняетъ его, если же нѣтъ, то онъ и во второй разъ пойдетъ за чуркомъ, и ямочку его раскопаютъ еще больше. Если такимъ образомъ у кого-либо изъ играющихъ ямка вырыта глубиною до колѣна, то его становятъ въ нее и закапываютъ ноги землей, а сами разбѣгаются по сторонамъ. Зарытый долженъ освободить свои ноги и поймать кого-либо изъ остальныхъ, пока они не успѣли схватить своихъ палокъ и поставить въ ямочки, что они могутъ дѣлать только съ того момента, когда зарытый освободитъ изъ земли свои ноги. Если этому послѣднему не удалось никого поймать, то ему раскапываютъ ямочку еще больше, снова зарываютъ его и т. д. (26).

30) *Караннык челик (чурокъ въ темнотѣ).*

Эта игра происходитъ ночью или поздно вечеромъ. Число участвующихъ въ ней не ограничено. Всѣ они раздѣляются на двѣ партіи. Та изъ партій, которой выпало начинать игру, беретъ чурокъ и бросаетъ его въ темноту. Всѣ отправляются искать чурокъ, и кто его найдетъ, старается пронести незамѣтно отъ враждебной партіи до заранѣе назначеннаго мѣста, называемаго *отлукъ*. Мѣсто это выбирается нарочно гдѣ-нибудь высоко, чтобы, доставая до него, нужно было руку съ палкой поднять вверхъ, напр. вершина забора, стрѣха

дома и т. под. Нашедшій чурокъ, принеся его на отлукъ, долженъ постучать въ назначенномъ мѣстѣ, и тогда считается, что его партія взяла одинъ отлукъ (бір отлукъ япты). Но противоположная партія старается вырвать чурокъ изъ рукъ нашедшаго и постучать раньше его. Игра начинается съ начала, и право кидать палку принадлежит той партіи, которая сдѣлала послѣдній отлукъ. Выигрышъ считается за той партіей, которая ранѣе сдѣлала условленное число отлуковъ (27).

31. *Домузчук ойнамаа (игра въ свинку).*

Эта игра одинакова или почти одинакова съ нашей игрой въ свиньи. Вырывается одна большая ямка и вокругъ нея маленькія. Всѣхъ ямокъ вмѣстѣ съ большой должно быть столько, сколько играющихъ. Одинъ изъ участвующихъ въ игрѣ отходитъ въ сторону и гонитъ палкой въ большую ямку такъ называемую «свинку» (домозчукъ), т. е. какую-нибудь первую попавшуюся кость. Остальные, держа свои палки въ ямочкахъ, стараются ему въ этомъ помѣшать, но дѣлаютъ это осторожно, потому что гоняющій «свинью» можетъ попасть палкой въ любую изъ маленькихъ ямочекъ, если она не закрыта палкой ея хозяина. Если бы это ему удалось, то незакрывшій вовремя своей ямки, пойдетъ вмѣсто него гнать «свинью». Если «свинья» загнана наконецъ въ среднюю ямку, то всѣ перемѣняютъ свои ямки черезъ одну, и тогда тотъ играющій, который загналъ «свинью», пользуясь общимъ переполохомъ, старается поставить свою палку въ одну изъ ямочекъ, чтобы тотъ, кто останется безъ ямочки, шелъ вмѣсто него загонять «свинью» (28).

32) *Тава тѣнджера (сковородка).*

Число участвующихъ въ этой игрѣ неограничено. Прежде всего выбираютъ мѣсто, на которомъ втыкаютъ въ землю чурокъ. Около него очерчивается кругъ. Затѣмъ всѣ играющіе становятся шагахъ въ 10-ти отъ чурка и бросаютъ черезъ него свои палки. Бросившій палку дальше всѣхъ первый начинаетъ игру. Ставши на то мѣсто, куда упала его палка, онъ бьетъ ею въ палку своего ближайшаго сосѣда и говоритъ: «тава». Потомъ переходитъ на то мѣсто, куда только что билъ, и оттуда бьетъ въ слѣдующую палку, при чемъ говоритъ: «тенджера». Далѣе онъ точно также бьетъ во всѣ остальные палки по порядку близости ихъ и при каждомъ ударѣ

произносить одно изъ словъ разъ навсегда установленной формулы: «тáва, тенджера, атѣшь, онбѣш» (последнее слово значить 15), а затѣмъ считаетъ далѣе по порядку: 16, 17, 18 и т. д. до 150-ти. Ударивши въ последнюю изъ палокъ своихъ товарищей, онъ бьетъ затѣмъ въ чурокъ, а потомъ считаетъ шагами отъ центра круга до того мѣста, куда чурокъ упалъ. Какъ самый ударъ въ чурокъ, такъ и каждый шагъ, послѣ того сдѣланный, прибавляетъ къ его счету по одной единицѣ. Дошедши до чурка, играющій поворачиваетъ назадъ и кидаетъ свою палку въ обратномъ порядкѣ, т.-е. сначала въ ближайшую къ кругу, потомъ въ слѣдующую и т. д. до последней и все продолжаетъ считать. Затѣмъ онъ идетъ такъ же, какъ началъ игру, опять обратно и т. д. до тѣхъ поръ, пока не сосчитаетъ до 150-ти. Но если бы при такомъ ходѣ ему пришлось кидать свою палку на большее разстояніе, съ котораго онъ не надѣется попасть, то онъ бросаетъ палку куда-нибудь въ середину этого разстоянія и передаетъ очередь играть слѣдующему, запомнивъ ту цифру, до которой досчиталъ. Точно такъ же онъ можетъ сдѣлать всякій разъ, когда доходить до чурка и не надѣется его выгнать. Но весь счетъ этого игрока пропалъ, если онъ понадѣялся на себя и, кинувъ свою палку въ палку сосѣда, не попалъ въ нее, или же не выбилъ чурка, а только сронилъ его съ мѣста и, подбѣжавши къ нему, не заплевалъ его, допустивъ къ такой операціи кого-либо изъ своихъ товарищей.

Когда первый изъ играющихъ потерялъ свой ходъ, или уступилъ его добровольно, или уже окончилъ игру, то его замѣняетъ тотъ, чья палка была по дальности второю, и играетъ точно такъ же, какъ игралъ первый. За нимъ идетъ третій, четвертый и т. д.

Тотъ, кто окончилъ партію первымъ, получаетъ право ѣздить верхомъ на всѣхъ остальныхъ играющихъ, второй на всѣхъ остальныхъ, кромѣ перваго и т. д.; наконецъ послѣдній ни на комъ не ѣздитъ, а самъ всѣхъ возить.

Самое отбываніе повинности проигравшими производится слѣдующимъ образомъ. Всѣ палки кладутся рядомъ одна возлѣ другой, а въ серединѣ между ними втыкаютъ чурокъ. На концахъ палокъ обѣими ногами становится тотъ, кто долженъ возить. Тотъ же, кто будетъ на немъ ѣздить, беретъ его сзади за плечи и ударяетъ ногой въ чурокъ, а самъ, какъ можно скорѣе, пятится назадъ. Тотъ, который долженъ возить, бѣжитъ сначала за чуркомъ, поднимаетъ его и догоняетъ того, который бѣжитъ задомъ, но при этомъ долженъ еще занести доро-

гой чурокъ на мѣсто и заплевать его. Догнавши своего товарища, онъ при общемъ смѣхѣ играющихъ везетъ его на спинѣ съ того мѣста, гдѣ поймалъ, до того, гдѣ лежатъ палки и чурокъ.

Игры съ мячикомъ.

Мячикъ (топу) гагаузскія дѣти готовятъ изъ старой кожи, напимѣръ изъ старыхъ полушубковъ, старыхъ сапогъ и т. под., набиваютъ внутри мокрыми тряпками и зашиваютъ.

33) *Xálima.*

Совершенно то же, что русская «лапта» (29).

34) *Чиненя топу* (Цыганскій мячикъ)

Одинъ изъ играющихъ беретъ мячикъ и кидаетъ въ другого, этотъ другой опять кидаетъ его въ кого-нибудь другого и т. д. Получается игра въ родѣ русскихъ пятнашекъ съ мячикомъ, но только безъ всякаго порядка. Изъ-за этой игры между гагаузской молодежью мужского пола дѣло иногда доходитъ до серьезной драки. Въ воскресенье гдѣ-нибудь на завалинкѣ сидитъ кучкой нѣсколько дѣвушекъ и около нихъ тоже кучкой парни, ихъ поклонники. Между тѣми и другими идетъ оживленная бесѣда, сыплются шутки, раздается смѣхъ и происходитъ игра взглядами. Но вотъ къ нимъ подходятъ тоже молодые люди, но уже женатые, съ мячикомъ въ рукахъ и, желая подразнить холостыхъ и помѣнать ихъ бесѣдѣ съ дѣвушками, начинаютъ съ ними игру въ чиненя топу. Очень понятно, что раздосадованные парни вмѣсто мячика отвѣчаютъ имъ кулаками, и вотъ изъ-за пустяковъ начинается серьезная драка (30).

35) *Топу кáкмайынджя.*

Играющихъ можетъ быть сколько угодно. Становятся въ кружокъ. Одинъ кидаетъ мячикъ въ землю, чтобы онъ далъ рикошетъ, а другіе ловятъ. Кто поймаетъ мячикъ, кидаетъ его такъ же, какъ и первый, опять ловятъ и т. д. Но если случится, что кто-нибудь уронитъ мячъ на землю, то другіе поочередно влѣзаютъ къ нему на спину и сидятъ до тѣхъ поръ, пока мячика не уронитъ кто-либо другой. Тогда влѣзаютъ на спину этому послѣднему и т. д. (31).

36) *Кую' пытаймайынды.*

Четверо или пятеро мальчиковъ вырываютъ себѣ каждый по двѣ ямочки. Одна ямочка побольше, такая, чтобы въ нее могъ войти мячикъ, а другая — маленькая. Всѣ большія ямочки располагаются въ одинъ рядъ, а маленькія въ другой, ему параллельный. Каждый изъ играющихъ кладетъ въ свою маленькую ямочку по десяти пыты (бараньихъ орѣшковъ). Затѣмъ одинъ изъ играющихъ отходитъ шага на два въ сторону отъ ямочки и катитъ вдоль по нимъ мячикъ, стараясь, чтобы онъ задержался въ одной изъ большихъ ямочекъ. Тотъ, въ чьей ямочкѣ мячикъ остановился, долженъ взять его и бить въ кого-нибудь изъ играющихъ, которые при этомъ разбѣгаются. Если ему удалось въ кого-нибудь попасть, то онъ беретъ изъ его маленькой ямочки «пыты», кладетъ себѣ въ горсть, сложенную трубочкой и, проталкивая «пыты» сквозь руку, въ большую ямочку проигравшаго, произноситъ звукъ *дз.....* Про того, надъ чьей ямочкой сдѣлана такая операція, выражаются, что онъ «снесъ одно яйцо». Послѣ того игра начинается съ начала. Тотъ изъ играющихъ, у котораго раньше всѣхъ «пыты» будутъ переложены изъ малой ямочки въ большую, называется *тау'к* (курица).

37) *Буза аламайынды.*

Одинъ изъ играющихъ по очереди кидаетъ мячикъ объ стѣну и ловить его до 10 разъ. Послѣ того онъ кидаетъ мячикъ въ одного изъ играющихъ, которые при этомъ разбѣгаются. Если это ему удалось, онъ говоритъ: «*бір буза япты м*» (т.-е. одного теленка сдѣлалъ) и отмѣчаетъ на стѣнѣ одну черточку. Потомъ опять кидаетъ мячикъ объ стѣну до 10 разъ, опять бьетъ въ одного изъ товарищей и продолжаетъ такъ до тѣхъ поръ, пока не уронитъ мячика. Тогда его замѣняетъ другой и т. д. Интересъ игры заключается въ томъ, кто больше сдѣлаетъ *буза* (33).

38) *Харман тоңу.*

Рисуютъ на землѣ большой кругъ, называющійся *харман*. Всѣ играющіе становятся по кругу и, бросая другъ въ друга мячикъ по порядку отъ одного къ другому, считаютъ 1, 2.... до 10. На кого выйдетъ 10, тотъ становится въ середину круга. Этотъ послѣдній кидаетъ мячикъ въ одного изъ играющихъ, а самъ отъ него убѣгаетъ.

Если тотъ, въ кого брошенъ мячикъ, сможетъ ударить обратно, то бросаетъ, а если не можетъ, если ему далеко, то бросаетъ *vis-à-vis*, и тогда находящійся въ кругѣ убѣгаетъ отъ того, у кого мячикъ. Если въ него кто-либо бросить, но не попадетъ, то переходитъ къ нему въ кругъ. Игра опять начинается съ начала, только теперь бьютъ не въ одного, а въ двухъ играющихъ, находящихся въ серединѣ круга. Такъ идетъ дѣло до тѣхъ поръ пока все не перейдутъ въ средину круга, кромѣ одного. Этотъ послѣдній называется *хорóз* (пѣтухъ) или *хайыгыр* (жеребецъ), а все остальные *тауклар* (курицы) или *кысыраклар* (кобылы). Пѣтухъ, имѣя въ рукахъ мячикъ, долженъ попасть въ одну изъ курицъ. Тотъ, въ кого онъ попадетъ, выходитъ изъ середины круга и присоединяется къ нему. Если же онъ не попалъ, то самъ переходитъ въ кругъ, а тотъ, въ кого онъ не попалъ, становится на его мѣсто и т. д. (34).

39) *Аиѣк* (кости).

При игрѣ въ кости у гагаузовъ употребляется таранная кость, или, какъ она называется у г. Покровскаго, предплюсна изъ задней ноги барана, каждая сторона которой у играющихъ носить особое названіе по селамъ: одна сторона въ с. Бешалма называется *ток*, въ с. Казаякъ — *дюз*, въ с. Этулія (Измаильскаго уѣзда) — *сол-па*; другая сторона въ с. Бешалма — *ленк*, въ с. Казаякъ — *фіт*, въ с. Эгулія — *са-а-па*, четвертая сторона во всѣхъ трехъ селахъ — *чік*, а пятая сторона *г-хыджіп*.

Играющихъ можетъ быть не менѣе двухъ. Каждый приходитъ играть со своими костями. По согласію каждый кладетъ въ кучку по 1 по 2 и до 20 костей. Потомъ отходятъ отъ этой кучки шаговъ на 5 и кидаютъ костью въ кучку. Затѣмъ смотрятъ, какой стороной кверху повернулась кость бросавшаго. Если кость повернулась кверху стороной *ленк*, то кидавшій беретъ себѣ всю кучку костей, если стороной *чік*, то беретъ только одну а если двумя остальными сторонами (*хыджіп* или *ток*), то ничего не беретъ. За первымъ игрокомъ бьетъ второй и т. д. (35).

40) *Джснѣя*.

Играютъ тѣми же бараньими костями или же свиными, которыя крупнѣе бараньихъ. Ставятъ ихъ въ рядъ по 2, по 4 или по 5 и проводятъ двѣ черты на четверть аршина впереди костей и на чет-

верть позади. Затѣмъ бьютъ въ разставленныя кости съ разстоянія 5 шаговъ одной костью и смотрятъ, не перелетѣла ли которая-нибудь изъ костей за переднюю или за заднюю черту. Если перелетѣла, то она становится собственностью бросавшаго (36).

41) *Кулакъ бурмайынджя.*

Одинъ изъ играющихъ, у кого много костей, беретъ одну изъ нихъ и бросаетъ какъ можно дальше. Всѣ остальные бросаются за нею и стараются схватить ее. Тотъ, кому удалось достать кость, бѣжитъ съ нею къ хозяину ея и старается его ударить, послѣ чего кость уже считается собственностью ударившаго. Но остальные не даютъ ему этого сдѣлать, хватаютъ его за уши и крутятъ. Если онъ при этомъ выронитъ кость и ее подхватитъ другой, то и съ этимъ другимъ повторяется та же исторія. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кому-нибудь не удастся добѣжать до хозяина кости и ударить его.

Игры, соединенныя съ отгадываньемъ.

42) *Хергеля тыргасы. (Лошадиная загородка).*

Въ этой игрѣ участвуютъ отъ 5 до 10 человѣкъ. Одному, на котораго выпалъ жребій, завязываютъ глаза и ставятъ въ середину, а остальные становятся вокругъ и поочередно подаютъ ему палку. Онъ долженъ отгадать, кто ему подалъ. Если отгадалъ, то подававшій палку становится на его мѣсто и т. д.

43) *Бѣльмейынджя. (Загадка).*

Одинъ изъ играющихъ ложится на землю лицомъ внизъ съ завязанными глазами. Всѣ остальные кладутъ ему руки на спину ладонь на ладонь и предлагаютъ угадать, чья рука наверху. Они говорятъ:

Елім, елім юстюня
Кімінь елінь юстюня.

Рука моя, рука моя наверху.
Чья рука наверху?

Если онъ отгадаетъ, то говорятъ: «калдыр кюп, більдін» (подними горшокъ, т. е. встань, ты отгадалъ). На его мѣсто ложится тотъ, чья рука была наверху, и т. д. (37).

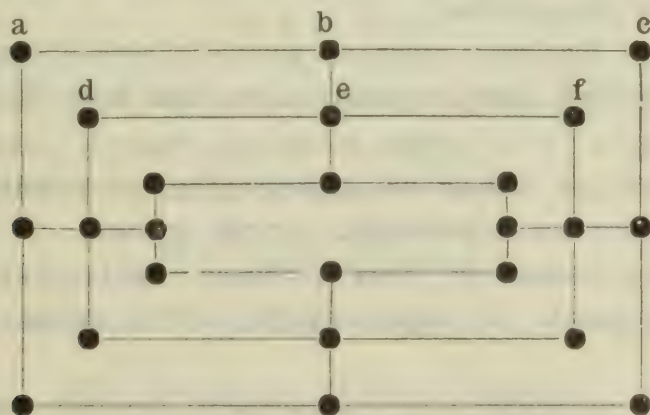
Игры, требующія разсчета.

44) *Кую гечмейинджя.*

Играющихъ двое. Они садятся на землѣ другъ противъ друга и вырываютъ себѣ каждый по три ямочки, въ которыя кладется по 9 «пыты» или по 9 зеренъ кукурузы въ каждую. Начинаетъ игру тотъ, на кого выпадетъ счетъ. Первый беретъ изъ любой ямочки всѣ зерна кромѣ одного и начинаетъ ихъ раскладывать по одному во всѣ шесть ямочекъ по порядку въ ту сторону, въ какую онъ желаетъ. Если въ той ямочкѣ, куда положено послѣднее зерно, выйдетъ число зеренъ четное, и если эта ямочка принадлежитъ противнику, то ходившій забираетъ всѣ зерна, въ ней находящіяся, къ себѣ. Затѣмъ точно также ходитъ и другой играющій. Если въ послѣдней ямочкѣ при такой раскладкѣ выйдетъ три зерна, то это называется *джізык*, и зерна такого *джізыка* не берутся противниками, сколько бы ихъ тамъ ни накопилось, до самаго конца игры. Но всѣ зерна, которыя при раскладкахъ попадутъ въ *джізык*, принадлежатъ тому игроку, который его сдѣлалъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока уже нечего будетъ раскладывать по ямочкамъ. Тогда каждый изъ противниковъ пересчитываетъ свои зерна, и выигравшимъ считается тотъ, у кого зеренъ окажется больше.

45) *Кур ã н.*

Игра для взрослыхъ, вродѣ шашекъ. Для нея дѣлается дощечка, съ вырѣзанными на ней чертами такой формы.

Въ эту игру играютъ двое. Каждый изъ играющихъ беретъ себѣ по 9 зеренъ, одинъ одного сорта, напимѣръ зерна гороха, а другой другого, напимѣръ, пшеницы, и разстнавливаютъ зерна поочередно

по одному зерну на всѣхъ углахъ и пересѣченіяхъ линій, при чемъ каждый старается поставить себѣ *куръан*, т.-е. три зерна подрядъ. Тотъ, кому это удалось, ѣсть (*i ÷ e p*) любое изъ зеренъ противника. Наиболѣе удачно играетъ тотъ, кто сумѣетъ построить себѣ изъ зеренъ *йікірч*, т.-е. разставить зерна такъ, чтобы однимъ ходомъ можно было закрывать то одинъ куранъ, то другой поочередно и при каждомъ такомъ закрываніи брать у противника по одному зерну. Такъ напримѣръ *йікірч* получается, если зерна одного противника стоятъ въ *a, b, c, d* и *f*, а въ *e* остается мѣсто свободное. Тогда, передвигая зерно изъ *b* въ *e*, играющій открываетъ одинъ куранъ *abc* и закрываетъ другой *def*, при чемъ беретъ одно изъ зеренъ своего противника. При слѣдующемъ ходѣ онъ передвигаетъ зерно изъ *e* въ *b*, снова закрываетъ куранъ *abc* и снова беретъ одно зерно у своего противника и т. д. При этомъ наблюдается, чтобы ходъ былъ съ одного угла или пересѣченія линій только по линіямъ и только до ближайшаго угла или пересѣченія линій. Ёсть можно любое зерно, кромѣ находящагося въ куранѣ закрытомъ, но если куранъ открытъ, то любое изъ зеренъ его уже можно есть. Если у одного изъ противниковъ заперты всѣ ходы, то онъ считается проигравшимъ, и такое положеніе называется *с у х а р і* (38).

Изъ всѣхъ описанныхъ нами мужскихъ игръ гагаузскія дѣвочки играютъ только въ слѣдующія, которыя считаются для нихъ приличными: 1) *піліч-піліч*, 2) *кёр Чепіш*, 3) *тпрусь каръ кеді*, 4) *білмейынджя*, 5) *денеджск* и 6) *хсреджя*; всѣ остальные для нихъ неприличны.

При разныхъ играхъ у гагаузовъ употребляются слѣдующіе способы рѣшать по жребію, кому начинать ходъ, или кому къ какой партіи принадлежать:

1) Подаются два пальца на выборъ. Одинъ палецъ по условію означаетъ одного изъ играющихъ, другой другого.

2) Играющіе называютъ себя разными предметами, напримѣръ. «свекла и морковь» и спрашиваютъ: «чего нужно, свеклы или моркови?»

3) Кидаютъ на землю монету и смотрятъ, которой стороною вверхъ она легла.

4) Одинъ изъ играющихъ отходитъ въ сторону и становится задомъ ко всѣмъ остальнымъ. Онъ поднимаетъ обѣ руки къверху. Одна

изъ нихъ сжата въ кулакъ и называется т о н у з (шаръ и булава) а другая, расправленная,—к ы л ы ч (сабля). По командѣ « х а й д і » онъ опускаетъ одну руку, не зная какое условіе существуетъ у остальныхъ играющихъ, которые за нимъ слѣдятъ, и такимъ образомъ служить для нихъ вмѣсто жребія.

Наконецъ, 5) прибѣгаютъ къ одному изъ слѣдующихъ счетовъ (с а й ы л м а к), не переводимыхъ на русскій языкъ потому, что они представляютъ изъ себя бессмысленный, въ большинствѣ случаевъ, наборъ словъ. Тотъ, кто считаетъ, кладетъ себѣ на колѣно два пальца и всѣ остальные кладутъ туда же по два пальца, и тогда произносятся слова счета (39).

1.	Камѣи баші кара домѣз
А'валама, д'валама	Санѣ дедѣм, сян чык.
Гель куш гюверджин	4.
Ярымъ йырытл	Бір ікі бербѣр сікі
Су іч, куртѣл.	Джян отѣ, джямбѣз сотѣ
2.	Ур дувара, гир чувала.
Бірян, бірян шемірян	5.
Шемір кѣтан отузѣн	Нікулѣшка, Пѣшка
Ангемін буйнузѣ	Мургудѣла, сокотѣла, бѣла.
Чівір катѣ, чек бунѣ.	6.
3.	Іінѣ, іінѣ уджю' дююмѣа
Ікен, ікен хѣва дѣкен	Пель пенінджѣ, куш делінджѣ
Серѣн секіс дорѣн докѣз	Чанаджім, чардаджім
	Гюмюшлюджѣ бардаджім.

К а р т ы.

Кромѣ всѣхъ выше перечисленныхъ игръ, гагаузы, какъ маленькіе, такъ и взрослые, играютъ иногда въ карты (к і я т л а р о й н а м а а). Изъ карточныхъ игръ употребительны:

46) Дурѣк. (Дураки).

Обыкновенные русскіе дураки въ пять картъ.

47) Кѣр дурак. (Слѣпой дуракъ).

Козырь прячется и открывается тогда, когда вся колода уже разобрана играющими. Сдають по три карты и играютъ, какъ въ обыкновенные дураки.

48) *Домузчук (Свинья).*

Вся колода раскладывается на столѣ крапомъ къ верху вѣромъ, одну карту открываютъ и кладутъ посерединѣ стола. Играющіе подходятъ и поочередно берутъ изъ разложенныхъ картъ по одной до тѣхъ поръ, пока не покроютъ раскрытой карты и не положить одной на прибавку. Слѣдующій покрываетъ верхнюю карту и т. д. Проигралъ тотъ, у кого осталось на рукахъ больше картъ.

49) *Сойкѡз (Свои козыри).*50) *Кені (Коза).*

Играютъ двое или четверо. Сдаютъ каждому изъ играющихъ по три карты, открываютъ козыря и поверхъ него кладутъ оставшіяся карты крапомъ вверхъ (какъ въ дураки). Затѣмъ играютъ такъ же, какъ въ дураки, выходя съ одной карты и стараясь забрать у противниковъ какъ можно больше картъ. Изъ козырей самымъ старшимъ считается дама, за ней тузъ, потомъ десятка, король и валетъ. Каждая карта не ниже десяти даетъ выигравшему ее извѣстное число очковъ (й ы л д ы з). Наибольшее количество очковъ, а именно 20, даетъ козырная дама въ томъ случаѣ, если играющій сдѣлаетъ ею самый послѣдній свой ходъ, въ серединѣ же игры она даетъ только 10 очковъ. За дамой слѣдуетъ тузъ (простой и козырный)—11 очковъ, потомъ десятка—10 очковъ, король—4 и валетъ—3. Остальныя карты очковъ не даютъ. Въ концѣ игры противники пересчитываютъ у себя общую сумму выигранныхъ очковъ, и у кого эта сумма окажется наименьшею, тотъ считается проигравшимъ. Его партнеры рисуютъ ему на столахъ, на стѣнахъ и гдѣ попадется—козу. Если у проигравшаго оказывается меньше 30 очковъ, то это называется к у р у (т.-е. сухо).

Фокусы и задачи.

Кромѣ игръ гагаузы развлекаются еще показываніемъ фокусовъ (ф а р м а з о н і я) или рѣшеніемъ задачъ.

Вотъ нѣкоторые изъ такихъ фокусовъ:

1.

У ножницъ острый конецъ называется б у р н у (носъ), ось ножницъ—г ё б я (пупокъ), кольца—г ё т ю (задъ). Тотъ, кто хочетъ показать фокусъ, кладетъ на столъ ножницы и, предложивши присутствующимъ дотронуться до какой-либо части ихъ въ его отсутствіи,

берется отгадать, до какой части ножниц дотронулись. Фокусникъ выходитъ изъ комнаты и условливается съ кѣмъ-либо изъ оставшихся въ ней замѣчать, до какого мѣста дотронулись, и потомъ дать объ этомъ ему знакъ. Помощникъ, давая знать фокуснику, до какого мѣста дотронулись, беретъ себя за носъ, или за животъ, или за задъ (40).

2.

Варятъ яйцо «безъ огня» въ негашеной извести, смѣшанной съ водой.

3.

На ниточку, пропитанную солью вѣшаютъ кольцо и зажигаютъ нитку. Кольцо продолжаетъ висѣть на сожженной ниткѣ, т.-е. на ея спекшемся пеплѣ.

А вотъ и нѣсколько задачъ:

1.

Кырк ювадà — кырк гаргà,
кырк гарганын — кыркàр йым-
мыртасы', хербір йыммырта-
нын — кыркàр пілджі, хербір
пілджін — кыркàр яаўрусу. Кач
яуру о ювалардà?

Въ сорока гнѣздахъ—сорокъ
воронъ, у сорока воронъ—по со-
рока яицъ, у каждого яйца—
сорокъ цыплятъ, у каждого цып-
ленка—сорокъ птенцовъ. Сколько
птенцовъ въ этихъ гнѣздахъ?

2.

Юз карбоная алены банà юз
хайван, інекляр олсун бешар
карбоная, бузаалар олсун елли-
шар копѣйка, бувалар олсун
онар карбоная. Паралар юз ол-
сун, хайваннарда юз олсун? (41).

Отв. 90 бузà—45 р., 9 інек—
45 р., 1 бува—10 р.

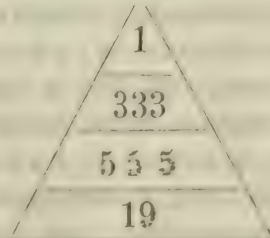
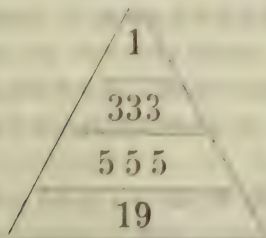
Дано:

3.

За сто рублей купи мнѣ сто
скотинъ, коровы чтобы были по
пяти рублей, телята—по 50 ко-
пѣекъ, а быки — по 10 рублей.
Чтобы было скотовъ сто и де-
нежныхъ единицъ сто?

Отв. 90 телятъ—45 р., 9 ко-
ровъ—45 р. и 1 быкъ — 10 р.

Отвѣтъ:

(Цифры, обозначенныя пунктиромъ, стираются, вмѣсто 9 остается 0).

Юч керя сіль юч цифра, кал-
сын ермі-беш.

За три раза сотри три цифры,
чтобы осталось 25.

4.

Ал бана бірі імяк касаніяда
парасы'з.

Купи миѣ кушанье въ мясной
лавкѣ безъ денегъ.

Отв.

Коюн шкембесі.

Отв.

Овечью требуху (которую вы-
брасываютъ за ненадобностью).

Примѣчанія къ 3-ей главѣ.

1) Игра эта, повидимому, принадлежитъ къ числу международныхъ. Такъ, напримѣръ, она извѣстна совершенно въ такомъ же видѣ въ селѣ Пищацѣ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, подъ названіемъ хрѣщыкѣ, а въ деревнѣ Малая Дубровица того же уѣзда выпадное рѣбэсѣ. Разница отъ гагаузской алтыкіші заключается здѣсь только въ томъ, что вмѣсто двухъ рѣпчу имѣется одинъ для обѣихъ паръ. Такая же игра записана и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи подъ названіемъ гробъ. Это послѣднее названіе вмѣстѣ съ сѣдлецкимъ рѣбэсѣ, повидимому, находится въ созвучіи съ гагаузскимъ рѣпчу (слово это происхожденія не тюркскаго) и со словами рѣп-рѣп.

Та же игра подъ названіемъ грыбаки, близкимъ къ малороссійскому гробъ, и подъ названіемъ крестики извѣстна также и великороссамъ.

Видоизмѣненіемъ той же игры можно считать и великороссійскія горѣлки, въ которыхъ рѣпчу одинъ (тотъ, который „горитъ“), а бѣгающихъ паръ неопредѣленное количество. Кромѣ великороссовъ „горѣлки“ извѣстны между прочимъ малороссамъ Канѣвскаго уѣзда и вотякамъ.

Zbiór wiadomości do Antropol. т. 5 стр. 86 № 9; Чубинск., т. 3, стр. 82 № 21 и стр. 8, № 31; ibid. т. 4 стр. 47; Покровский. Дѣтск. игры, стр. 111 и 112; П. Н. Смирновъ, „Вотяки“, стр. 122; Гр. Верещагинъ, Вотяки Сосновск. края, стр. 194.

2) Тѣжество этой игры съ великороссійской „въ коршуна“ не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ особенности въ томъ видоизмѣненіи ея, гдѣ ловящій называется вороной, ловимые циплятами, а защищающій этихъ послѣднихъ—курицей. Но эта игра принадлежитъ не однимъ великороссамъ, она есть у малороссовъ подъ названіемъ вѣрона, у поляковъ, у грузинъ подъ именемъ дзѣраоба, у калмыковъ—хормъ хотонъ и у вотяковъ—воронъ и курица.

Что касается происхожденія названія этой игры кур-кур-баба, то на это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ сличеніе гагаузскаго этнографическаго матеріала съ вотяцкимъ и мордовскимъ. Дѣйствительно, у вотяковъ из-

вѣстно мѣстическое существо женскаго пола к ѹ к р и-б а б а, а ихъ игра въ жмурки называется к ѹ р ы-б а б ы. У мордвы-ерзи с. Сабанова, Пензенской губ., Городищенскаго уѣзда (по моей записи), игра въ прятки называется к у р я-л с а с а, у мордвы-мокши дер. Тютково Пензенской губ., Норовчатскаго уѣзда, волости Казенный Майданъ (тоже по моей записи), та же игра—к ѹ р я-к ѹ р я-н а л к и. Наконецъ, что ближе всего стоитъ къ гагаузскому к у р-к у р-б а б а, такъ это—выраженіе въ записанныхъ мною отъ мордвы-ерзи (С. Коновалова, Самарской губ., Бузулукскаго уѣзда, Борской волости) рифмованныхъ фразахъ, сопровождающихъ игру въ жмурки, перевода которыхъ на русскій языкъ мнѣ, къ сожалѣнію, сдѣлать не удалось:

К ѹ р и-к ѹ р и б а б а	К ѡ даф п а н я т п е р я к а
На улицѣ з а г а	К ѹ т я н л а п а н я з д
Ш а к а й б а т ь п е р я к а	К а к а н в а й и з ѣ к а н я з д.

Въ названіи малороссійской игры въ жмурки есть также кое-что похожее на гагаузскую „кур-кур-баба“, это названіе звучитъ Ц і ц і-б а б а или к ѹ ц і-б а б а; у польскихъ мѣщанъ ciuci-baba.

Zbiór wiadom. do Antropol. т. 2 стр. 32; Gołombiowski, Gry i zabawy стр. 70; О. Kolberg. Lud. Ser. 2 стр. 170; Ser. 3 стр. 225 и Ser. 5 стр. 218; Терещенко, Бытъ русск. народа, т. 4, стр. 15; Чубинск., т. 4, стр. 49; Покровск., Дѣтск. игры, стр. 162, 163, 167 и 205; Кіевская Старина 1887, июнь и июль, стр. 488 и т. 37, июнь, стр. 449; Гр. Верещагинъ, Вотяки Сосн. края, стр. 165 и 181. Этногр. Обзор., кн. 40—41, стр. 21.

3) Эта игра называется у гагаузовъ „Спинной пѣсней“ только потому, что играющіе въ нее держатся другъ другу за талью (по-гагаузски—„за спину“). Она представляетъ собой въ очень плохой передачѣ вариантъ извѣстной общерусской хороводной игры, сопровождаемой пѣсней: „А мы просо сѣяли, сѣяли...“ То же распредѣленіе играющихъ на двѣ партіи, то же поочередное движеніе обѣихъ партій впередъ и назадъ на встрѣчу одна другой. Такъ какъ эта игра широко распространена среди русскаго народа, то мы имѣемъ множество уже записанныхъ вариантовъ какъ игры, такъ и пѣсни, ее сопровождающей, великороссійскихъ и малороссійскихъ.

Wacław z Oleska, стр. 58; Коципинскій, Малороссійск. пѣсни, стр. 98 № 62; Чубинск., т. 3, стр. 38; Н. Пальчиковъ, Крестьянск. пѣсни с. Николаевки (здѣсь указано до 20 версій въ разныхъ сборникахъ); Покровск., Дѣтск. игры, стр. 188.

4) Гагаузскій Д ж и н г ы р д а к сильно напоминаетъ, какъ по своему содержанію, такъ и по названію К р ы в ы й т а н а цъ малороссовъ и великороссійскую хороводную игру, сопровождаемую пѣсней: „Заплетися плетень, заплетися...“

Zbiór wiadomości do Antropolog. т. 5 стр. 42 № 5; Чубинск. т. 3 стр. 32—38; Н. Пальчиковъ. Крестьянск. пѣсни, с. Николаевки, № 9.

5) Гагаузская игра въ „Свинскую свадьбу“, по нашему мнѣнію, ничто иное, какъ вариантъ извѣстной малороссійской игры въ З э л ь м а н а или Ж э л ь м а н а. Чтобы доказать это, мы позволимъ себѣ перелать здѣсь вкратцѣ, какъ эта игра записана у Чубинскаго (т. 3, стр. 53).

„Одна группа сидитъ, представляя собою семейство „Жельмана“. У одной дѣвушки завязываютъ глаза платкомъ, и она представляетъ „панну Жельманъ“. Другая группа, подходя къ сидящимъ, поетъ:

— Помогай Бі(гъ), Жельманъ..

Сидящіе отвѣчаютъ.

„Бодай здоровъ, Жельманъ...

Зачимъ Жельманъ?..“

— За панною...

„На який грунтъ?..“

— На жидівскій...

„А мы панны не маемъ,

На такій грунтъ не даемъ.

Идіть собі геть!..“

Первая группа отходитъ, потомъ опять приближается къ сидящимъ, кланяется и опять поетъ съ начала, только вмѣсто жидівскій поетъ: мужицкій, королівскій, попівскій и т. дал. Въ заключеніе всѣ участвующіе въ первой группѣ вѣнчаютъ дѣвушку“.

Объ этой игрѣ у Чубинскаго (т. 3, стр. 55) сказано, что она „существуетъ только въ Западной Волыни, Подоліи и у русиновъ Привислинскаго края“. Но это не вѣрно: игру въ „Жельмана“ можно назвать по крайней мѣрѣ общеславянской. Автору замѣтки, очевидно, не было извѣстно, что существуютъ многочисленные варианты этой игры: у галицкихъ русиновъ, у поляковъ, у словаковъ, у словенцевъ, у моравовъ и у чеховъ.

О. Kolberg, *Pokucie*, т. 1 стр. 131; *ibid.* Lud. Ser. 1, Sandomiersk. стр. 170. *Zbior wiadomosci do Antropol.*, т. 5, стр. 59; *Narod. zpiewan. cili pisne Slovakov v Uhrach*, od Jana Kollara. Dil 2. V Budinie, 1835, стр. 396—7; *Slovensk. pesni krajanskiga naroda*, v Lublani, 1839. въ началѣ 1-го тома; *Susil, Pisne moravské*, стр. 765; *Prostonarodni ceské pisne a rikadla*. Karel Jaromir Erben, nove vydáni, v Praze 1886, стр. 78; Галька, Звичаѣ и обряды надъ Збручемъ, т. 1, стр. 131; К. Швейковскій. Бытъ подолянъ, Кіевъ 1860, т. 1, стр. 34—37.

Если же взять только идею этой игры, состоящую въ томъ, что дѣвушка или ея родители отказываютъ негодному или неподходящему жениху, а не обращать вниманіе на имя жениха, „Жельманъ“ что, по нашему мнѣнію, не существенно, то варианты нашей игры найдутся и у великороссовъ. Здѣсь тоже сватаютъ дѣвушку, но она не идетъ замужъ, потому что женихъ ея пьяница.

Н. Пальчиковъ, № 25; Варенцовъ, Пѣсни Самарск. края, стр. 141; Шейнъ, Русск. пѣсни, стр. 134; Балакиревъ № 30; Филипповъ № 36; Поповъ. Пѣсни Пермск. стр. 125 и Фенютинъ, стр. 15.

6) Съ этой игрой болѣе всего сходна малороссійская игра въ „Царенка“, въ томъ видѣ, какъ она записана у Чубинскаго (т. 3, стр. 83). Такая же игра практикуется въ послѣдній вторникъ „Попѣльца“ (въ началѣ Великаго поста) у поляковъ въ Ленчицкомъ уѣздѣ подъ названіемъ *Подкозёлка*, а также въ Гроецкомъ уѣздѣ Варшавской губ. Нѣчто подобное этой игрѣ есть и у киргизовъ. Отъ вотяка Лавренътьева (Саранульскаго уѣзда, Большедвораинской волости, дер. Вишуръ-Норья) мы записали, что у нихъ также между дѣвушками существуетъ игра въ свадьбу и называется *ныла*

сюан. Игра эта почему-то связывается у нихъ съ праздникомъ Гужёмюон. Одну дѣвушку выбираютъ за жениха, другую—за невѣсту, поютъ имъ свадебныя пѣсни и въ заключеніе кладутъ молодыхъ вмѣстѣ спать. О той же игрѣ у вотяковъ упоминаетъ и И. Н. Смирновъ („Вотяки“ стр. 122—123).

Wista, т. 2, стр. 444; O. Kolberg. Lud. Ser. 12 Lęczyckie; ibid. Ser. 3, стр. 211; ibid. Ser. 11, стр. 40, 144; „Извѣс. Общ. Арх., Истор. и Этногр.“ при Имп. Казан. Универ., т. 14, вып. 2, стр. 203.

7) Эта игра или по крайней мѣрѣ пѣсня, ее сопровождающая, напоминаетъ начало малороссійской перепілочкі (Чубинск., т. 3, стр. 63), которая поется такъ:

А въ перепілкі да головка болыть,
А въ перепілкі да животыкъ болыть,
А въ перепілкі да плѣчыци болять,
А въ перепілкі да коліна болять...

Срв. ту же игру въ изданіи Н. В. Лисенка: „Молодоци“. Кіевъ, 1873.

Великорусскаго варіанта этой игры мы не знаемъ, но у поляковъ есть весьма извѣстная и очень распространенная игра въ такъ называемую пшепюрку, которая иногда соединяется съ танцемъ того же имени.

8) По словамъ знатока дѣтскихъ игръ, г. Покровскаго, эта игра извѣстна во всѣхъ странахъ Европы. О существованіи ея въ Россіи знаетъ каждый, кто только бывалъ въ деревнѣ. Есть эта игра и у вотяковъ.

Изв. И. Об. Л. Е. Ан. и Этн. Труды этн., отд. т. 11, вып. 1, стр. 159; Терещенко, Бытъ Русск. народа, т. 4, стр. 47; Покровск. Дѣтск. игры, стр. 120; Г. Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, стр. 194.

9) Эта игра есть у русскихъ и у вотяковъ.

Терещенко, Бытъ Русск. народа, т. 4, стр. 84; Г. Верещагинъ, Вотяки Соснов. края, стр. 194.

10) У галицкихъ русиновъ игра эта извѣстна подъ именемъ башни; есть она и у турецкихъ сербовъ.

O. Kolberg, Rokucie, т. 1, стр. 192 № 56; Ястребовъ, Турец. сербы, стр. 122.

11) Въ Херсонской губ. и въ Кубанск. обл. игра эта называется верниголова; съ ней сходна грузинская игра малаки, есть она также и у русскихъ въ Галиціи.

O. Kolberg, Rokucie, т. I, стр. 190 № 49; Покровскій, „Дѣтск. игры“ стр. 131 и 133.

12) У болгаръ эта игра называется дѣлго магаре, у великоросовъ длинный конь или шехарда, чехарда, а у малороссовъ шагардай или чагарда.

„Сборн. за народни умотвор.“ 6, стр. 219; Терещенко „Бытъ Русск. народа“ кн. 4, стр. 68; „З. И. Р. Г. О.“ 1863, кн. I, стр. 19; Покров. „Дѣт. игры“, стр. 129; Чубинск., т. 3, стр. 103, № 52.

13) У галицкихъ малороссовъ такая игра называется мельницей а у малороссовъ Каневскаго уѣзда — крутилкой.

„Zbiór wiad. do Antropol.“ т. 13, стр. 39; Чубинск., т. 4, стр. 42.

14) Чепиш — это какое-то мифическое существо, о которомъ въ памяти гагаузовъ не осталось ничего, кромѣ его имени. Что же касается названія Слѣпой Чепишъ, то у поляковъ та же игра называется *Ślępa baba*, а у малороссовъ куща или цици бѣба.

„Zbiór wiadom. do Antrop.“ т. 2, стр. 30; „Кіевск. Стар.“ 1887, іюнь и іюль, стр. 481. Срв. Этногр. Обзор. кн. XL—XLI, стр. 21.

15) Эта игра извѣстна у вятскихъ великороссовъ подъ именемъ смольники, а у малороссовъ — бджолы.

„Zbiór wiadom. do Antrop.“ т. 5, стр. 83, № 4, Покровск. „Дѣт. игры“ стр. 104.

16) По словамъ г. Покровскаго, игра эта весьма распространенная въ Россіи. — Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 114.

17) Эта игра извѣстна: у великороссовъ (подъ именемъ насѣдки), у малороссовъ (подъ именемъ квасть) и у сербовъ. Въ Екатеринославской губ. при игрѣ въ жгутъ приговариваютъ: „шій, шій, пошивай, не задерживай“ (Покровск.), а въ иныхъ мѣстахъ Россіи: шый (Терещен.). Такъ какъ названіе гагаузской игры *Шір* по-гагаузски ровно ничего не означаетъ, то можно предполагать, что это испорченное *Шій*.

О. Kolberg. „Pokucie.“ т. I стр. 191 № 52; „Zbiór Wiadom. do Antr.“ т. 5 стр. 82; Чубинск. т. 3 стр. 95 № 37; *ibid.* стр. 96 № 39; Караджич, „Обычаи“ стр. 292; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 217 и 218; Терещ. „Быть рус. нар.“, т. 4, стр. 85.

18) Варіанты этой игры есть у великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, сербовъ и грузинъ. Пѣсня, которой дѣвушки сопровождаютъ эту игру, отчасти напоминаетъ ту, которая сопровождаетъ малороссійскую хороводную игру въ „Зеленаго шума“:

Ой шумъ ходыть, по воді бродыть, а шумыха рыбу ловыть.
Що зловыла, тай пропыла, дочці шубы не справыла,

Зажды, доню, до суботы, будэ шуба, щей чоботы.

Вже субота тай минае, дочці шубы тай нэ мае.

„Zbiór wiad. do Antr.“ т. 2 стр. 31; *ibid.* т. 5, стр. 54 и 85; Gotembiowski, „Gry i zabawy“, стр. 75; О. Kolberg. „Lud.“ Ser. 3, стр. 222; „Zbiór wiadom. do Antropol.“ т. 5, стр. 54; Караджичъ. „Обычаи“ стр. 282 и 292. О. Kolberg. „Pokucie“, т. I, стр. 191 № 52; „З. И. Р. I. О.“ 1863, т. I, стр. 25; „Этногр. Обзор.“ кн. VI, стр. 107; Чубинск. т. 3, стр. 93, № 35 и стр. 95, № 37; *ibid.* стр. 96, № 39; Терещенко „Быть рус. нар.“ т. 4, стр. 85; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 215, 217 и 218.

19) Такая игра у великороссовъ называется огарыши или круговыя горѣлки. „Этногр. Обзор.“ кн. VI, стр. 106.

20) У великороссовъ эта игра называется „въ камушки“; число камушковъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, — 5; та же игра записана Е. Романовымъ у бѣлорусскихъ евреевъ, но тамъ употребляется для нея 11 косточекъ. „Этногр. Обзор.“ 1891, стр. 134; *ibid.* кн. 6, стр. 112.

21) Эта игра принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ Россіи, есть она и у грузинъ. Терещенко „Быть рус. нар.“, кн. VI, стр. 23; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 211, 212 и 213. У г. Покровскаго приведенъ вариантъ этой игры изъ Астраханской губ. съ той только разницей отъ гагаузскаго, что тамъ вмѣсто г у т, г у т, г у т, говорятъ: м а й, м а й, м а й. Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 294.

23) Вопросъ о томъ, кому изъ играющихъ начинать игру, у малороссовъ разрѣшается такъ же, какъ и у гагаузовъ, бросаніемъ палокъ: чья дальше полетитъ, тотъ начинаетъ первымъ. Съ замѣною палокъ стрѣлами этотъ же способъ бросанія жребія принять обыкновенно у сказочныхъ героевъ, какъ въ русскихъ, такъ и въ гагаузскихъ сказкахъ. „Кіевская Старина“ 1887, июнь и июль, стр. 475—6.

24) Игра эта есть у великороссовъ Вятской, Ярославской и Смоленской губ. „Этногр. Обзор.“ кн. VI, стр. 108; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 285.

Что касается названій для партій остающейся и уходящей, то у малороссовъ, такъ же, какъ и у гагаузовъ, одна называется „въ полѣ“, а другая „въ городѣ“. „Кіевск. Стар.“ 1887, июнь и июль, стр. 457.

25) Игра въ чурки, повидимому, широко распространена по Европѣ: у великороссовъ она носитъ названія: чижъ, чирикъ, чувиль, чурокъ и шилъцы, у малороссовъ—цурка, у вотяковъ—чиз и у грузинъ—чилікаоба. Последнее названіе сходится съ гагаузскимъ.

Иваничкій, „Труды Этногр. Отд.“ т. XI, вып. I, стр. 157, № 3; „Этногр. Обзор.“ кн. 6, стр. 109; „Кіевск. Стар.“ 1887, июнь и июль, стр. 473; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 298 и 307.

26) Такъ какъ варианта этой игры я не могъ подыскать въ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи печатныхъ сборникахъ, то я считаю ее довольно рѣдкой, а потому привожу здѣсь малороссійскій вариантъ, записанный мною въ дер. Малая Дубровица (Сѣдлецкой губ., Бѣльскаго уѣзда), еще нигдѣ не напечатанный. Игра эта въ упомянутой мною мѣстности называется „въ сало“. Всѣ участвующіе вырываютъ себѣ по ямкѣ на одной прямой линіи, въ разстояніи одна отъ другой около полуаршина. Затѣмъ отъ этой линіи отсчитываютъ по перпендикуляру къ ней, 12 шаговъ и въ то мѣсто втыкаютъ палку. Каждый изъ играющихъ имѣетъ у себя палку, которой и бьетъ по очереди съ линіи ямочекъ въ палку, воткнутую въ землю. Если онъ попадетъ, то очередь переходитъ къ слѣдующему, если же не попадетъ, то, пока онъ бѣгаетъ за своей палкой, всѣ остальные играющіе своими ножами вырѣзываютъ дернъ около его ямочки концентрическими кругами. Когда такимъ образомъ вырѣжутъ дернъ у всѣхъ, то тотъ, у кого вырѣзано дерну больше всего, чтобы товарищи снова заложили ему „сало“ дерномъ, долженъ понести наказаніе: его бьютъ руками по задѣ столько разъ, сколько было условлено въ началѣ игры.

27) Съ этой игрой очень сходна игра астраханскихъ ногайцевъ Акх-бор (Бѣлый мѣлъ) и калмыцкая игра Цыган-модун (бѣлая игра).

„Изв. Казан. Общ. Арх. Ист. и Этногр.“ т. XII, вып. I, стр. 62; П. Пельсинъ, „Очеркъ быта калмык.“ Спб., 1852, стр. 134.

28) Эта игра у великороссовъ называется Котелъ или Свинья; она есть, кромѣ того, у поляковъ, у сербовъ и у болгаръ.

„Zbiór wiad. do Antr.“ т. 2, стр. 31; Караджич. „Обичаи“, стр. 280; „Сборн. за народ. умотвор.“ кн. 6, стр. 216; Терещенко „Быть рус. нар.“ т. 4, стр. 20; Покров. „Дѣт. игры“, стр. 276.

29) Эта игра распространена по всей Россіи. Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 269.

30) Съ этой игрой сходна русская игра „въ зѣваки“, извѣстная и вотнякамъ. Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 246.

31) У малороссовъ такая игра называется каша; есть она и у болгаръ. „Кіевск. Стар.“ 1887, июнь и июль, стр. 461; „Сборн. за народ. умотвор.“ кн. 6, стр. 223.

32) Игра эта у нашихъ измаильскихъ болгаръ села Карагачъ (по моей записи) называется: „п а т к а с н е с ѣ й ѣ д н о ѣ ц ѣ“. Она есть и у задунайскихъ болгаръ. Въ Великороссіи—это одна изъ самыхъ распространенныхъ дѣтскихъ игръ. Любопытно, что у вятскихъ великороссовъ она, случайно или нѣтъ, называется пытка, т.-е. сходно, по произношенію по крайней мѣрѣ, съ болгарскимъ п а т к а и съ гагаузскимъ п ы т ы. У малороссовъ игра эта называется я й ц я, что опять-таки сходно съ болгарскимъ названіемъ и съ гагаузской игрой по содержанію. У вотяковъ пыты замѣняются камешками.

„Сборн. за народ. умотв.“ т. 3, стр. 265; Терещенко „Быть рус. нар.“ т. 4, стр. 11; Иваничк. „Труд. Этногр. отд.“ т. XI, вып. I, стр. 160, № 18; Покров. „Дѣт. игры“, стр. 253; Г. Верещаг. „Вот. Соснов. края“, стр. 183.

33) По словамъ г. Покровскаго, игра эта была извѣстна еще древнимъ египтянамъ; она существуетъ въ Германіи, Англіи и Франціи, а въ Россіи повсемѣстно, но особенно сильно распространена она на сѣверѣ, въ губерніяхъ Пермской, Вятской и Олонецкой. Въ Вятской губерніи она имѣетъ 25 фигуръ, изъ которыхъ одна называется быки, что сходно съ гагаузскимъ названіемъ пріемовъ игры б у з а (теленокъ). Есть она, кромѣ того, у болгаръ и у вотяковъ. „Сборн. за народ. умотв.“ кн. 6, стр. 223; „Кіевск. Стар.“ 1887, июнь и июль, стр. 462; Покровск., стр. 239—242; Г. Верещаг. „Вот. Сарап. уѣзда“ стр. 168.

34) У вотяковъ есть сходная съ этой игра. Любопытно, что у вятскихъ великороссовъ въ одной изъ игръ въ мячъ, правда, несходной съ гагаузской по своему содержанію, одного изъ играющихъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, называютъ к о б ы л о й, а другого ж е р е б ц о м ѣ.

Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 252; Гр. Верещ. „Вот. Соснов. кр.“ стр. 182.

35) Гагаузская игра въ кости весьма близка къ русской игрѣ въ бабки, но смѣшивать въ одно эти обѣ игры отнюдь нельзя, уже по одному тому, что форма гагаузской а ш ы к и нашей б а б к и различная. Наши бабки по своей формѣ приближаются къ коническому столбику, поставленному на широкое основаніе. Ясно обозначенныхъ граней, кромѣ нижней, бабка не имѣетъ. А ш ы к же приближается своей формой къ кубу и имѣетъ четыре ясно различающіяся грани, на которыя кость эту можно положить, или на которыя она сама ложится, будучи брошена.

Вотъ почему у русскаго народа, имѣющаго у себя обѣ эти игры, для каждой изъ нихъ существуетъ отдѣльное названіе. Такимъ образомъ игра въ кости, соотвѣтствующая гагаузской игрѣ а ш ы к, называется у нашего народа а л ь ч и к ъ. Тогда какъ б а б к и извѣстны русскому народу съ незапамятныхъ временъ, про а л ь ч и к ъ существуетъ мнѣніе, что онъ заимствованъ нами отъ татаръ или отъ калмыковъ.

Игра съ костями, о которой мы говоримъ, принадлежитъ къ числу весьма древнихъ; она была въ большомъ употребленіи въ древней Греціи подъ названіемъ *αστραγάλος*, а въ Римѣ — подъ названіемъ *tali*. Кости, служащія для этой игры, были любимымъ предметомъ изображенія для древнихъ живописцевъ и скульпторовъ, а потому ихъ находили немало или отлитыми изъ бронзы или нарисованными на картинахъ. Въ настоящее время, кромѣ гагаузовъ и русскаго народа, онѣ извѣстны болгарамъ подъ тѣмъ же названіемъ, какъ у гагаузовъ, — а ш и к ъ, вотякамъ подъ названіемъ, весьма близкимъ къ гагаузскому — а ч и к и, грузинамъ — подъ именемъ г з и р и. Г. Покровскій приводитъ множество названій для граней кости, принятыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, изъ нихъ астраханское ч і к вполне сходится съ гагаузскимъ. Но интересно, что у грузинъ даже два изъ этихъ названій сходятся съ гагаузскими: ч і к і и т о к.

Терещенко „Бытъ рус. народа“, т. 4, стр. 63; Покровск. „Дѣт. игры“, стр. 321, 335 и 336; Иваницк. „Труды Этногр. отд.“ т. XI, вып. I, стр. 156. „Сборн. за нар. умотв.“ кн. 6, стр. 215; Гр. Верещаг. „Вотяки Соснов. края“ стр. 192.

36) Наибольшее сходство эта игра имѣетъ съ игрой „в ы ш и б ъ“ Астраханской губ., но названіе ея сходно съ курскимъ „ж о г а“.

Покровск. „Дѣтск. игры“, стр. 324.

37) Эта игра извѣстна у малороссовъ и вотяковъ. Чубинск., ч. 3, стр. 99, № 45. Г. Верещагинъ „Вотяки Сарапул. уѣзда“, стр. 166.

38) Та же игра извѣстна у болгаръ подъ именемъ „К у р а м ъ“. Она есть въ продажѣ въ нашихъ игрушечныхъ лавкахъ.

„Болгарско-русскій словарь“ Дювернуа, ч. I, стр. 1073.

39) Есть у малороссовъ. Чубинск., ч. 3, стр. 101, № 49.

40) Этотъ фокусъ весьма распространенъ въ Малороссіи. Мы записали его у крестьянъ-малороссовъ въ дер. Малая Дубровица, Бѣльск. уѣзда Сѣдлецк. губ. Есть онъ и у вотяковъ. Г. Верещагинъ „Вотяки Сосновск. края“, стр. 194.

41) Задача эта извѣстна также русскимъ въ Галиціи. О. Kolberg, Pokucie, ч. 4, стр. 313.

IV.

Танцы, музыка и пѣніе.

Въ каждомъ гагаузскомъ селѣ есть разъ навсегда назначенное мѣсто для хоровода или, какъ его здѣсь называютъ, хору. Мѣсто это называется хору ері. Оно всегда бываетъ на самой большой площади села, въ центрѣ его, около церкви, но не въ ея оградѣ.

Сельскіе парни устраиваютъ между собою складчину и на эти деньги нанимаютъ музыканта на скрипкѣ или на кавалѣ (родъ флейты, см. рис.) рублей за 60—75 въ годъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ въ каждый праздникъ и воскресеніе являлся на хору ері и игралъ тамъ, несмотря ни на какую погоду и несмотря на то, будетъ ли къ нему кто-нибудь собираться, или нѣтъ (1).

Въ большихъ селахъ, какъ, на примѣръ, Конгазъ (Измаильскаго уѣзда), для хору ері вмѣсто одного музыканта нанимается даже цѣлый оркестръ, состоящій (какъ въ Конгазѣ) изъ трехъ музыкантовъ: скрипка и чіртма (маленькая дудка) играютъ главную мелодію, а кобза, струнный инструментъ изъ рода гитары о 12 струнахъ (2), имъ аккомпанируетъ. За такую музыку и платится, конечно, дороже: 75 рублей платятъ только за 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ апрѣля по сентябрь, съ правомъ играть, кромѣ того, на свадьбахъ.

Заслышавъ звукъ музыки, люди обоого пола и всѣхъ возрастовъ сѣшутъ на хору ері. Парни съ дѣвушками начинаютъ танцы, ребятишки бѣгаютъ внутри хоровода, или здѣсь же, вблизи, начинаютъ свои игры, а старики сидятъ на завалинахъ ближайшихъ домовъ или на какихъ-нибудь бревнахъ, любятъ на своихъ дѣтей, разодѣтыхъ по праздничному, и сообщаютъ другъ другу текущія новости. Словомъ, для всѣхъ жителей гагаузскаго села, отъ мала до велика, хору ері является тѣмъ-то въ родѣ клуба съ періодически правильными собраніями, гдѣ всегда людно, всегда весело, можно всѣхъ повидать, обо всемъ поговорить, обо всемъ услышать, что есть новенькаго, если не на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ родномъ селѣ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Если случится въ праздничное время посѣтить гагаузское село какому-нибудь чужеземцу, то и онъ придетъ на *хору ері* вмѣстѣ со своими знакомыми. Тутъ же устраивается и базаръ, если онъ бываетъ въ селѣ.

Очень понятно поэтому, что въ жизни гагауза *хору ері* играетъ весьма важную роль. Здѣсь завязываются, поддерживаются, а иногда и кончаются, какъ дружественныя, такъ и любовныя отношенія. Здѣсь заключаются или, по крайней мѣрѣ, завязываются различныя торговыя и хозяйственныя сдѣлки и т. п. Словомъ, на *хору ері* есть много приманокъ для гагаузовъ всѣхъ возрастовъ, а потому не удивительно, что собранія на немъ бываютъ всегда многолюдны, не смотря на погоду и время года. Такъ, на примѣръ, въ одно изъ воскресеній, весной, вскорѣ послѣ Пасхи, я насчиталъ въ селѣ Бешалма на „*хору ері*“ около 360 человѣкъ на общее число жителей села въ 2500 человѣкъ, т.-е. около 14% всего населенія. Изъ этого числа въ кругу танцовало около 150 человѣкъ. Въ селѣ Конгазѣ на площади было до 600—700 человѣкъ, а въ кругу танцовало до 300 человѣкъ на населеніе около 5000. На прилагаемомъ здѣсь фотографическомъ снимкѣ читатель можетъ видѣть гагаузское „*хору*“ въ селѣ Бешалма (3).

Только сильный и продолжительный дождь въ состояніи разогнать такое собраніе, но лѣтняя уличная пыль чуть не по колѣна, носящаяся надъ улицей густымъ облакомъ, осенняя и весенняя липкая черноземная грязь и даже морозъ отнюдь не мѣшаютъ народу собираться на *хору ері*, танцовать и веселиться. Правда, что такія природныя и метеорологическія препятствія уменьшаютъ многолюдство собраній и дѣлаютъ ихъ менѣе продолжительными, но одолѣть многовѣковую привычку гагаузовъ и ихъ общественныя чувства они не въ состояніи.

Что касается увеселеній молодежи на такихъ собраніяхъ, то они почти исключительно состоятъ изъ танцевъ. Пѣсенъ въ *хору* не поютъ, это не принято, игры же устраиваются, по необходимости, только въ Великомъ посту, потому что старики не дозволяютъ въ это время танцовать.

Такъ какъ танцы составляютъ главное и почти единственное развлеченіе молодежи на такихъ собраніяхъ, то не удивительно, что они получили у гагаузовъ очень широкое развитіе. Прежде всего надо сказать, что гагаузы страстные любители танцевъ и очень хо-

рошіе танцоры, а потому у нихъ есть много своихъ національных танцевъ. Но, кромѣ того, они позаимствовали по этой части отъ всѣхъ своихъ сосѣдей все, что могли, и не перестаютъ заимствовать вновь, если къ тому представится хоть малѣйшая возможность. Стоитъ комунибудь изъ гагаузовъ, находящихся въ военной службѣ, выучиться какой-нибудь новинкѣ по танцевальной части въ чужихъ краяхъ и, возвратясь домой, на побывку, показать ее своимъ односельчанамъ, какъ у него тотчасъ же найдется масса очень искусныхъ подражателей, и новинка въ скоромъ времени станетъ достояніемъ всего села.

Не имѣя возможности составить подробное описаніе каждого танца, принятаго у гагаузовъ, тѣмъ болѣе, что различія между многими изъ нихъ заключаются въ мельчайшихъ деталяхъ, я ограничусь здѣсь только ихъ перечисленіемъ ¹⁾.

Уже изъ одного перечня этихъ танцевъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ разнообразіи. Между танцами гагаузовъ различаются: 1) такіе, которые можно танцевать и вдвоемъ и одному. 2) такіе, которые танцуются только вдвоемъ, и, наконецъ, 3) танцы хоровые, исполняемые большими массами. Вотъ ихъ краткій перечень:

Танцы для одного и для двоихъ.

1) Русча или козачка — русскій казачокъ съ малыми измѣненіями, танцуется съ „присядкой“.

2) Чингеняйджа — цыганскій танецъ. Танцуется вдвоемъ и сопровождается разными оригинальными и экстра-ординарными выходками, такъ какъ всякая оригинальность, необычайность, экстра-ординарность, соединенныя съ отсутствіемъ всякаго порядка, въ глазахъ гагаузовъ неразлучны съ представленіемъ о цыганахъ. Между прочими фигурами этого танца мнѣ приходилось видѣть въ селѣ Бешалма, какъ одинъ изъ танцоровъ становился на голову и подъ тактъ музыки выдѣлывалъ ногами различныя фигуры на воздухѣ, а другой танцевалъ вокругъ него обыкновеннымъ образомъ. Иногда та-

¹⁾ Мелодіи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся танцевъ будутъ напечатаны въ изданіи Академіи Наукъ вмѣстѣ съ филологическимъ матеріаломъ.

кой танецъ продѣлывается, какъ какое-то акробатическое упражненіе на днѣ опрокинутой деревянной кадучки, все время на рукахъ, ногами кверху.

3) Тук а н д ж я—танецъ болгарскій (отъ слова туканъ, какъ называютъ здѣсь Болгаръ).

4) Кук л а й д ж я.

5) Ка д ы н д ж я—сопровождается хлопаньемъ въ ладоши и прищелкиваніемъ пальцами.

6) А а р-о й у н или ма р а м д ж я—тяжелый стариковскій танецъ съ платкомъ, исполняемый стариками, когда они подгуляютъ на свадьбѣ и войдутъ въ азартъ (4). Танцующій почти не передвигаетъ ногами и почти не сходитъ съ мѣста, азартъ же свой выражаетъ мимикой, подниманіемъ и опусканіемъ рукъ, движеніями корпуса и колѣнъ и частыми, подзадоривающими выкриками.

Надо добавить, что всѣ перечисленные танцы исполняются только мужчинами, безъ всякаго участія со стороны женщинъ. Эти послѣднія участвуютъ только въ хоровыхъ танцахъ (5). Дѣвушки и молодыя женщины въ хору становятся въ кругъ рядомъ съ мужчинами и держатся съ ними за руку, но въ то время, когда мужчины, входя въ танцевальный азартъ, начинаютъ выдѣлывать ногами различныя па, выскакиваютъ въ середину хоровода, размахиваютъ руками назадъ и впередъ, не выпуская рукъ своихъ сосѣдокъ, въ это время дѣвушки и женщины только пассивно, какъ бы нехотя, слѣдуютъ за движеніями мужчинъ. При этомъ онѣ только плавно переступаютъ ногами подъ тактъ музыки, но не выдѣлываютъ никакихъ па, никакихъ быстрыхъ движеній, потому что это было бы противно общепринятому кодексу приличій, весьма строго соблюдаемому у гагаузовъ (6).

Между прочимъ, по этому же кодексу для дѣвушки считается большимъ стыдомъ танцевать рядомъ съ мужчинами неродными. Поэтому въ хору рядомъ танцуютъ только братья и сестры или родственники съ родственницами, неродные же или незнакомые держатся за руки только мужчины съ мужчинами, а женщины съ женщинами (7). Впрочемъ, правило это начинаетъ уже кое-гдѣ нарушаться, замѣняясь новыми, чужеземными порядками, и прежде всего, конечно, въ большихъ селахъ, какъ Камратъ и Конгазъ. Но когда парни въ селѣ Бешалма, по примѣру большихъ селъ, попробовали нарушить это правило, то дѣвушки совсѣмъ вышли изъ хоровода и не стали танцевать, пока не водворились старые порядки.

Танцы хоровые.

1) Дю з хору (т.-е. прямое, простое хору)—изъ всѣхъ хоро-выхъ танцевъ самый спокойный. Танцующіе держатся въ немъ за кушаки своихъ сосѣдей и сосѣдокъ и плавно переступаютъ ногами то вправо, то влѣво, двигаясь по кругу непремѣнно въ правую сторону (8).

2) Молду вѣнджя или ікі аннѣ—то же, что молдаванскій джогъ, но нѣсколько измѣненный. Мужчины танцуютъ его съ присядкой.

3) Ю чь ая'к (т.-е. въ три ноги),—мужчины притопываютъ ногами черезъ два раза въ третій (9).

4) Бланер'я ска—молдаванскій танецъ, при которомъ дѣлаются короткія движенія взадъ и впередъ, причемъ хору то сжимается, то расширяется.

5) Черноуска.

6) Чіфуетча—еврейскій.

7) Хардал (сурѣница).

8) Сусуя'к.

9) Падурѣц.

10) Жѣчка—танецъ, при которомъ хоро разрывается и двигается змѣйкой или лентой.

11) Права хору—танецъ, исполняемый на улицѣ во время движенія свадебной процессіи въ церковь. Парни и дѣвушки двигаются при этомъ шеренгой поперекъ улицы подъ тактъ музыки и только по временамъ дѣлаютъ завороты и заходятъ то однимъ флангомъ, то другимъ.

Къ хоровымъ же танцамъ нужно причислить и новѣйшіе танцы, которые хотя получили уже право гражданства въ гагаузскомъ хорѣ, но танцуются сравнительно довольно рѣдко и то преимущественно на свадьбахъ. Сюда принадлежатъ: полька русяцка (т.-е. русская полька), полька мазурка, кадрѣль и проч.

Хореографическія наклонности гагаузовъ проявляются между прочимъ въ устройствѣ состязательныхъ танцевъ съ призами, которые бывають иногда въ богатомъ селѣ Камратъ. На эти состязанія съѣзжаются всѣ лучшіе танцоры изъ всѣхъ гагаузскихъ селъ (10).

Вслѣдствіе, вѣроятно, все той же страсти гагаузовъ къ танцамъ, у нихъ получила широкое развитіе музыка инструментальная. Въ

гагаузскихъ селахъ можно встрѣтить много различныхъ музыкальных инструментовъ, а еще того больше порядочныхъ музыкантовъ (11).

Чаще всего встрѣчаются музыканты на такъ называемомъ кавалѣ. Это духовой деревянный инструментъ, изъ семейства флейтъ, общій гагаузамъ съ болгарами. Отъ флейты онъ отличается прежде всего отверстіемъ для вдуванія воздуха. Тогда какъ у флейты это отверстіе сбоку, у кавала совсѣмъ нѣтъ отдѣльнаго отверстія для вдуванія, звукъ производятъ вдуваніемъ воздуха прямо въ раструбъ инструмента или въ срѣзь его, замѣняющій отверстіе. Кромѣ того, здѣсь дуютъ не серединой губъ, какъ при флейтѣ, а углами губъ. Отъ этого происходитъ нѣкоторое отличіе въ звукѣ кавала, если сравнивать его съ флейтой. Если и у флейты къ звуку инструмента примѣшивается не совсѣмъ пріятное шипѣніе, то у кавала это шипѣніе несравненно больше и слышно на далекомъ разстояніи. Къ тому же музыканты на кавалѣ имѣютъ дурную привычку сопровождать звукъ инструмента, высокій, какъ у флейты, звукомъ собственнаго голоса, которымъ они тянутъ одну и ту же басовую ноту, что для нашего европейскаго уха не только не украшаетъ звукъ кавала, но еще больше портитъ его. Если ко всему сказанному прибавить, что инструментъ этотъ не фабричной работы, а домашней, и потому ноты его не всегда хорошо согласованы между собою, то и станетъ понятно, что мелодіи, исполняемыя гагаузами на кавалѣ, съ нашей точки зрѣнія, далеко нельзя назвать красивыми и пріятными.

Кромѣ кавала, у гагаузовъ играютъ на чіртмѣ — дудкѣ, по звуку похожей на флейту пикколо, на волынкѣ, на скрипкѣ и на кобзѣ. Кобзой здѣсь называютъ, какъ я уже говорилъ, струнный инструментъ изъ рода гитары. На немъ играютъ аккомпанементъ къ пѣнію или вмѣстѣ со скрипкой въ деревенскомъ оркестрѣ.

Кромѣ того, у гагаузовъ есть еще особый, оригинальный струнный инструментъ, называемый кауш кем ен чѣ (т.-е. скрипка-ложка), которая съ виду, дѣйствительно, похожа на большую ложку ¹⁾. На такой скрипкѣ имѣется только три струны: одна — металлическая, а двѣ — кишечныя. Скрипку эту держать не такъ, какъ обыкновенную, а стоя, какъ віолончель, но только опираютъ ее не объ полъ, а объ колѣна. Играютъ на ней обыкновеннымъ смычкомъ. На одной струнѣ

1) Экземпляръ такого инструмента мною отосланъ въ этнографическій музей Императорской Академіи Наукъ.

играется мелодія, а двѣ другія издають постоянный аккордъ, какъ на такъ называемый малороссійской лирѣ. Звукъ этого инструмента довольно пріятный ¹⁾).

Волынка гагаузовъ ничѣмъ не отличается отъ молороссійской; она называется здѣсь гайдой.

Между скрипачами, имѣющимися по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ гагаузскомъ селѣ и играющими на обыкновенной скрипкѣ, есть немало очень музыкальных личностей, обладающихъ весьма тонкимъ слухомъ, большой бѣгlostью и любовью къ своему искусству, но, къ сожалѣнію, рѣдко знакомыхъ съ нотами. Мнѣ удалось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ и послушать ихъ музыку. Репертуаръ такихъ музыкантовъ бываетъ очень обширный, такъ какъ для каждого изъ вышеперечисленныхъ танцевъ имъ нужно знать по крайней мѣрѣ по 3 по 4 номера пьесъ, да кромѣ того они играютъ еще различныя мелодіи «для слуха», изъ которыхъ мнѣ удалось слышать и даже записать нѣкоторыя на ноты. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1) Дёрт гюдю (т.-е. 4 ничельницы). Мелодія эта украшена многочисленными хитро сплетенными варіаціями, почему она и носитъ такое странное названіе. Извѣстно, что ткань въ 4 ничельницы для ткача-кустара является очень хитрой штукой, требующей большой ловкости, умѣнія и значительной дозы фантазіи.

2) Йол хавасы или ёлджя—маршъ или, какъ выражаются гагаузы, «дорожная мелодія». Она бываетъ необходима на свадьбѣ.

3) Гели н хавасы (т.-е. невѣстина мелодія)—грустная мелодія, исполняемая на свадьбѣ.

4) Софра хавасы (столовая мелодія)—что-то въ родѣ нашего туша.

5) Комарска—камаринская.

6) Парняла. Эта послѣдняя мелодія особенно интересна не столько въ музыкальномъ отношеніи, сколько потому, что она представляетъ особую что-то въ родѣ первообраза нашей симфоніи или музыкальной картины. Игрокъ пытается этой мелодіей нарисовать цѣлую картину изъ пастушеской жизни. Играя ее, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ и смыслъ ея музыки: «потерялъ, говоритъ онъ, пастухъ своихъ овецъ въ степи, идетъ бѣдный, самъ не знаетъ куда, и горь-

¹⁾ Образчикъ мелодіи, на немъ исполняемой, будетъ напечатанъ вмѣстѣ съ другими мелодіями и съ филологическимъ матеріаломъ въ Академіи Наукъ.

ко-горько плачетъ (мелодія тихая, минорная). Но—вдругъ онъ завидѣлъ издали своихъ овецъ, обрадовался и пустился въ плясъ (мелодія плясовая, веселая). Но—увы!—радость пастуха была преждевременна. Подошелъ онъ ближе и разсмотрѣлъ, что то были не овцы, а камни. Пастухъ заплакалъ еще горче прежняго» (мелодія снова печальная) (12).

Въ послѣднее время къ гагаузскимъ оркестровымъ инструментамъ прибавляются еще мѣдныя трубы, на которыхъ играютъ окончившіе службу солдаты-музыканты. Но оркестры съ трубами считаются очень дорогими и потому недоступными для обыкновеннаго смертнаго. Ихъ нанимаютъ на свои свадьбы только самые богатые гагаузы изъ жителей большихъ торговыхъ селъ.

Мелодіи гагаузскихъ танцевъ и пьесъ «для слуха» весьма красивы, задумчивы и чрезвычайно сложны въ ритмическомъ отношеніи, въ общемъ онѣ напоминаютъ венгерскую музыку, и сходство это, быть-можетъ, особенно замѣтно вслѣдствіе очень частаго употребленія такъ называемаго «мадьярскаго тѣтрахорда». При близкомъ знакомствѣ съ инструментальной музыкой гагаузовъ невольно приходишь къ заключенію, что это народъ очень музыкальный. Самое слово, употребляемое ими для обозначенія мелодіи,—хав а—носить на себѣ какой-то поэтическій оттѣнокъ, такъ какъ хав а значитъ воздухъ.

Число музыкальныхъ личностей между гагаузами должно быть весьма значительно, такъ какъ, кромѣ профессиональныхъ музыкантовъ и любителей игры на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, между ними немало виртуозовъ на естественномъ инструментѣ, имѣющемся у каждаго человѣка, а именно «на губахъ». Мнѣ случалось слышать нѣкоторыхъ свистуновъ изъ гагаузской молодежи мужского пола, которые достигали въ этого рода музыкѣ большого совершенства: они выдѣлывали на губахъ невѣроятно трудныя мелодіи танцевъ и варіацій на нихъ съ удивительной бѣглостью и чистотой. Вообще насвистыванье сильно распространено среди этого народа.

П ѣ н і е.

Любопытно, что, несмотря на несомнѣнную музыкальность гагаузовъ, пѣніе у нихъ далеко не процвѣтаетъ, и не потому, что его не любятъ или не цѣнятъ, а наоборотъ потому именно, что его слишкомъ высоко цѣнятъ. Въ гагаузскомъ неписанномъ кодексѣ приличій

существуетъ правило, что пѣть гдѣ бы то ни было, у себя ли дома въ обществѣ, или даже въ полѣ, неприлично, если пѣвца объ этомъ никто не просить. Вслѣдствіе этого гагаузы поютъ очень мало и очень рѣдко. Но такъ какъ голосъ человѣческій безъ постоянныхъ упражненій не можетъ имѣть силы, чистоты и гибкости, то и голоса гагаузовъ, если они начнутъ пѣть, напоминаютъ собой у женщинъ—визгъ кошки, а у мужчинъ—скрипъ немазанной телѣги. Слѣдя пѣніе этого народа и ничего не зная объ его способности къ инструментальной музыкѣ, можно подумать, что онъ самый бездарный въ музыкальномъ отношеніи. Особенно замѣтно это, если побывать въ гагаузской церкви во время праздничнаго богослуженія. Для посторонняго слушателя здѣшнее церковное пѣніе,—это невѣроятная какофонія, отъ которой человѣкъ, одаренный музыкальнымъ чувствомъ, бѣжалъ бы какъ можно подальше. Издавать такіе поистинѣ ужасные и нескладные звуки могутъ, по народному выраженію, только «грѣшники въ аду».

Гагаузскій кодексъ приличій, кромѣ церкви, дозволяетъ имъ свободно пѣть, и то въ одиночку, между прочимъ на свадьбахъ, гдѣ пѣсня является въ видѣ платы, если, по ходу обряда, требуется что-либо или кого-либо выкупить. Кромѣ того, молодежь поетъ иногда на бѣсѣдахъ, гдѣ парень съ дѣвушкой перекоряются и характеризуютъ другъ друга короткими четверостишіями, зачастую сочиняемыми экспромптомъ. Странно, что въ такихъ пѣсняхъ, въ пылу музыкальной и стихотворной полемики, не считается неприличнымъ употреблять самыя циничныя выраженія въ присутствіи дѣвушекъ, хотя въ обыкновенное время всякое сколько-нибудь нескромное выраженіе въ присутствіи женщинъ строго воспрещается кодексомъ приличій.

Сверхъ того, поютъ, какъ было сказано выше, дѣвушки въ хороводныхъ играхъ, разъ въ году, поютъ колядовщики на Рождествѣ и маленькія дѣвочки, когда онѣ ходятъ по домамъ въ Лазарево воскресенье, о чемъ будетъ подробнѣе рассказано далѣе. Словомъ, такихъ случаевъ, въ которыхъ пѣніе безусловно разрѣшается, въ гагаузской жизни весьма немного.

Между своими пѣснями гагаузы различаютъ: 1) короткія четверостишія—*маані* и 2) длинныя пѣсни—*тюркю*.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о гагаузскихъ пѣсняхъ печатаются вмѣстѣ съ гагаузскимъ филологическимъ матеріаломъ въ Академіи Наукъ, здѣсь же мы сообщимъ о нихъ только вкратцѣ.

Ма а н і состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей: въ первой (двѣ первыя строки) такъ же, какъ и у другихъ народовъ тюркской расы (см. мои «Ногайскія пѣсни» въ Изв. Общ. Арх., Истор. и Этн.), берется какое-нибудь явленіе природы въ родѣ: летящей по воздуху птицы, плывущаго лебедя и т. под., а во второй—строится поэтическая параллель этому явленію изъ жизни человѣческой. Строгое проведеніе такой параллели составляетъ, впрочемъ, только идеаль, къ которому долженъ стремиться поэтъ, но идеаль этотъ, какъ всякій идеаль, трудно достижимъ на практикѣ, а потому между множествомъ собранныхъ мною ма а н і есть такія, въ которыхъ очень трудно отыскать параллель между первой ихъ половиной и второй, а въ нѣкоторыхъ даже вовсе отсутствуетъ такая параллельность, и обѣ половины пѣсни соединены между собою чисто внѣшнимъ образомъ, т.-е. размѣромъ стиха и римой. Въ общемъ гагаузскія ма а н і представляютъ для этнографіи только тотъ интересъ, что по нимъ можно изучать процессъ такъ называемаго безыскусственнаго народнаго творчества, еще не изсякшаго у гагаузовъ по настоящее время. Пѣсни вырастаютъ въ такомъ же изобиліи, какъ листья на деревѣ, такъ какъ сочиняются чуть ли не каждымъ индивидуумомъ. Иногда онѣ, какъ и листья, увядаютъ, не успѣвши расцвѣсть, такъ какъ не идутъ дальше устъ ихъ автора. Иногда же онѣ имѣютъ временный и мѣстный успѣхъ, и тогда существованіе ихъ нѣсколько продолжительнѣе, такъ какъ подобныя пѣсни перенимаютъ и распѣваютъ многіе знакомые автора. Но если онѣ не имѣютъ глубокаго смысла и общечеловѣческаго значенія, то съ теченіемъ времени также засыхаютъ и уносятся «рѣкою забвенія». Только весьма немногія изъ всей этой многомилліонной массы пѣсенъ имѣютъ шансы пережить своего автора, получить широкое распространеніе и обогатить умственное достояніе народа.

Что касается длинныхъ гагаузскихъ пѣсенъ, тюркю, то большинство изъ нихъ, повидимому, заимствовано гагаузами отъ нынѣшнихъ и бывшихъ ихъ сосѣдей: болгаръ, молдаванъ и турокъ-османъ. Взяты онѣ, должно-быть, не особенно давно, такъ какъ сохраняютъ въ себѣ слѣды заимствованія въ видѣ непереведенныхъ, чуждыхъ гагаузскому языку, иностранныхъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи. Изъ гагаузскихъ пѣсенъ на такъ называемыя международныя темы мнѣ удалось записать очень немного, въ томъ числѣ есть извѣстная «сестра отравительница» и легенда о «человѣческой жертвѣ, зарытой въ землю при постройкѣ моста». Всѣ остальные темы мѣстныя.

Оказывается, что и въ сферѣ созиданія тюркю безыскусственное народное творчество гагаузовъ также еще пока не изсякло, можетъ быть, благодаря ихъ исключительному положенію, какъ маленькаго народца, силою судебъ очутившагося одинокимъ среди массы чуждыхъ народовъ. Такъ, у гагаузовъ существуютъ еще присяжные стихотворцы, своего рода баяны, занимающіеся сочиненіемъ пѣсенъ, какъ ремесломъ. Съ однимъ изъ такихъ баяновъ (скрипачомъ) мнѣ случилось познакомиться въ селѣ Бешалма.

Не знаю, съ какихъ временъ и почему у гагаузовъ установился обычай воспѣвать въ пѣсняхъ всѣ случаи, когда человѣкъ умираетъ внезапно, несчастной или насильственной смертью. И вотъ, если такая смерть случилась въ какомъ-либо гагаузскомъ семействѣ, родственники покойнаго считаютъ своей непремѣнной обязанностью пригласить мѣстнаго баяна къ себѣ на похороны. Баянъ приходитъ, выслушиваетъ рассказы о смерти во всѣхъ деталяхъ, выслушиваетъ погребальныя причитанія родственниковъ и изъ всего этого матеріала мастерить своего рода поэму.

Срокъ для такой работы дается недѣли двѣ-три, по окончаніи котораго родственники покойнаго собираютъ къ себѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ баянъ исполняетъ свое сочиненіе, къ которому онъ же сочиняетъ и музыку. Сочинитель награждается за свою работу деньгами или съѣстными припасами, а пѣсня заучивается любителями и начинаетъ переходить изъ устъ въ уста въ качествѣ модной сенсационной новинки. Изъ образчиковъ такого рода новѣйшихъ поэтическихъ произведеній, собранныхъ мною, видно, что поэзія эта крайне первобытна: въ одну кучу сваливаются здѣсь детали событія и важныя, и не важныя, и дѣйствительно поэтическія, и глубоко прозаическія. Изъ поэтическихъ приемовъ гагаузскихъ бардовъ, дѣйствительно заслуживающихъ это названіе, можно отмѣтить лишь то, что передача событія большей частію влагается поэтомъ въ уста самого покойника. О внѣшней формѣ стихотвореній и о мелодіи, на которую они исполняются, уже и говорить нечего: слишкомъ онѣ грубы и топорны. Впрочемъ гагаузская публика на этотъ счетъ невзыскательна и принимаетъ новыя произведенія своихъ поэтовъ, каковы бы они ни были, съ распростертыми объятіями.

Приведемъ для образчика двѣ изъ такихъ пѣсенъ:

1.

Факир Хаджіи дѳртъ киши
тутту,
Овун бириси—бирь комшусу,
Илля бириси—Кости кумиси,
Илля бириси—кенди оолу,
Кеменьди атан—кенди карысы.

Факир Хаджи ялварайор:
«Ах, куми, куми, Кости куми!
Аач-мы браадым? Сусуз-му бра-
адым.

Кыйдыныз бени, беним джянымы,
Беним джянымы, татлы джя-
нымы».

Факир Хаджи ялварайор:
«Пачика мари, кызым Пачика,

Ач капулары, чѳк дышары».
— Насы чѳкайым, бобаджим
Хаджи?

Батю капуда дурайор,
Дурайор, капую тутайор.
«Пачика мари, кызым Пачика,
Кыр пенъчерейи, чѳк дышары,
Гюмюшлян сарарым сени».
—Насы чѳкайом, бобаджим Хад-
жи?

Пенъчерелярдя демирляр каави.
Факир Хаджи ялварайор:
«Хай Мити, Мити, оолум Мити,

Ач-мы браадым? Сусуз-мы бра-
адым?

Кыйдыныз бени, беним джя-
нымы».

—Урун, уралым, о таа дири,

Бѣднаго Хаджи *) четверо схва-
тили,
Одинъ изъ нихъ—его сосѣдъ,
А другой—кумъ Костя,
А третій—его собственный сынъ,
Набросившая петлю — его соб-
ственная жена.

Бѣдный Хаджи умоляетъ:
«Ахъ, кумъ, кумъ, Костя кумъ!
Голоднаго ли я оставилъ, жаж-
дущаго ли я оставилъ?

Погубили вы меня, мою душу,
Мою душу, мою хорошую (слад-
кую) душу».

Бѣдный Хаджи умоляетъ:
«Пѳчка милая, дочь моя Пѳ-
чка,

Отвори дверь, выйди на дворъ».
—Какъ я выйду, батюшка мой
Хаджи?

Старшій братъ у дверей стоитъ,
Стоитъ, двери держить.
«Пѳчка милая, дочь моя Пѳчка,
Разбей окно, выйди на дворъ,
Серебромъ обсыплю тебя».
—Какъ я выйду, батюшка мой
Хаджи?

Въ окнахъ крѣпкое желѣзо.
Бѣдный Хаджи умоляетъ:
«Ахъ, Митя, Митя, сынокъ мой
Митя,

Голоднаго ли я оставилъ? Жаж-
дущаго ли я оставилъ?

Погубили вы меня, мою душу».

—Бейте, будемъ бить, онъ еще
живъ,

*) Х а д ж и—почетный титулъ, которымъ гагаузы называютъ вмѣсто имени своихъ собратій, побывавшихъ на поклоненіи въ Іерусалимѣ. Женщины называютъ Х а д ж и к а.

Ал атлара пиньдирелимъ.

Терзи Колія гетюрдюляр,
Терзи Колинин капусуну йөнюня.

Факир Хаджинын ястаджа—
Сокакларда топачлар,
Дошеджи-да-ердя чименьяр,
Хавадабулутлар-йörgанджи дыр.
Деря, тея сюрюттюляр,

Узюмю, гозюмю чюрюттюляр,
Йöзенгя-да астылар,
«Беегир йольдюрдю», дедиляр.
Учюнджю гюнюнъя Петри-да
булду

«Бя, Петри, бя кафадарым,
Не гельмединъ бана йымдат?»

—Насы гидеим сана йымдат?

Русун законнары чок тур:
Беньдянь сана йымдат йок тур.
«Селямъ гөтюрь ушакларма
Хемъ евимя, усулджяна
Сöбөлясинъ, коркутмаясын,
Коркутмаясын, аалатмаясын.

Бак башимын гөргюсюню,
Мезарымын саз ёртюсю.
Бенимъ евимъ йимякъ истярь,
Ушакларым йимякъ истярь.»

На гяфдую лошадь (его) поса-
димъ.

Къ портному Николаю (его)
отвезли,

Къ дверямъ портного Николая.
Для бёднаго Хаджи подушечка—
На улицѣ кучки грязи.

Перинка-то—на землѣ трава,
Воздухъ да облака—одѣяльце.
По оврагамъ, по буграмъ воло-
чатъ,

Мое лицо, мои глаза посинѣли,
На стремя вѣшаютъ,
«Лошадь убила», говорятъ.
На третій день Петръ нашелъ.

«Эхъ, Петръ, эхъ, пріятель мой,
«Зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ
на помощь?»

—Какъ мнѣ прійти къ тебѣ на
помощь?

Русскихъ законовъ много:
Отъ меня тебѣ помощи нѣтъ.
«Поклонъ отнеси моимъ дѣтямъ
И моему дому, потихонечку
Разскажи, не испугай,
Не напугай, не заставляй (ихъ)
плакать.

Взгляни на мое горе,
Моя могила покрыта камышомъ,
Моя семья ѣсть хочетъ,
Мои дѣти ѣсть хотятъ».

2.

А вотъ и другая такая же пѣсня, описывающая смерть нѣкогого
Тодура, котораго задушилъ огромный свалившійся на него стогъ
соломы:

Джюма-ертеси, Пазара карши
Тодур отурду
Анасыннан, бобасыннан хемъ
кардашларыннан
Идиляр екьмекъ. Выскардашина
Тоди деди:

Въ субботу, наканунѣ воскре-
сенья, Тодуръ сидѣлъ
Съ матерью, съ отцомъ и съ
братьями.

Пообѣдали. Тодуръ сказалъ се-
стрѣ:

«Калк, мари Париш, софрайы
калдыр,
Софрайы калдыр, верь маказ-
лары,
Ванинин башины салдат-баши
кыркаджам».
Париш верди маказлары агасына
Ванинин башины салдат-баши
кыркты,
Битирди Ванинин башины
Да Тоди деди мамусуна:
«Малима мале, бян чоботара
гидеджам,
Чоботара, Юваньчу батюя,
Сымарлайджам мале, япсын бана
девер чизмеси».

Тодинин мамусу деди Тодий:
«Гить Юваньчу банюнара,
Ама кюю ичиня гитьмя гезьмяя».
Тоди гитьмеди гезьмяя, Тоди
гитти чоботара.
Аз-му дурду, чок-му дурду,
Ордан-да евя чекетти.
Кадынын пунарын янына гельди,

Пачикинин Ганисини каршы
гельди.
Карши гельди, хошбеш етти,
Ордан-да чекетти капу ёнюня.

Етишти чизьмелери елиньдя,

Атты чизьмелери приспая,
Хемь сыклык чаларды, хемь ги-
дарди
Хемь читени сыртына алды.

Гитти саманна, долдурду читени,

Хемь сыкмыш чаларды, хемь
читени сыртына алырды.
Ачан сырлык токадына етишти,
Сырлар юрюдю, көпекляр-да
улушурду.

«Встань, милая Параша, убери
со стола,
Со стола убери, дай ножницы,
Ванину (брата) голову по-сол-
датски остригу».

Параша подала ножницы брату,
Ванину голову по-солдатски об-
стригъ,
Покончили съ Ваниной головой,
И говорить Тодурь матери:
«Милая матушка, я къ сапож-
нику пойду,
Къ сапожнику, брату Ивану,
Закажу матушка, чтобы сдѣлалъ
мнѣ деверскіе (свадебные) са-
поги».

Тодурова мать сказала Тодуру:
«Иди къ брату Ивану,
Но на село гулять не ходи».
Тодурь не пошелъ гулять, по-
шелъ къ сапожнику.
Много ли мало ли оставался,
Оттуда домой отправился.
Проходилъ мимо Кадынова ко-
лодца,

Пачикинъ Гаврила повстрѣчалъ
его,
Встрѣтился, поздоровался,
Оттуда отправился къ дверямъ
(своего дома).

Подошелъ съ сапогами въ ру-
кахъ,
Бросилъ сапоги на завалинку,
Засвисталъ и пошелъ

И корзинку на спину заки-
нулъ.

Подошелъ къ стогу соломы, на-
полнилъ корзину,
Насвистывалъ и корзину на спи-
ну поднималъ.

Когда дошелъ до воротъ хлѣва,
Коровы мычали, собаки выли.

Гитти икиножи читени гетирь-
мая.
Тоди ёларды саманныкта, душ-
ман-да бакарды,
Душман-да бакарды, аклашсын
Тоди саманнаа,
Йыкылды саманнык Тодининь
ёстюня.
Аз-мы дююньдю, чок-му дююньдю
Көпекляр онун сесиня улушурду.
Сабахлар олду, айдынанды.
Тодийи мамусу арады, мамусу
деди:
«Гить, мари Париш, Диман чи-
чунара-да,
Диман чичунара-да сор Тоди
батюну».
Гитти Париш, сорду да гельди,
Сорду да гельди: «йок, мале, йок,
Чичу гитмиш баа кесьмая,
Булю-да гитмишь баалара гём-
мая».
Тодинин мамусу гитти саманнаа,
Гитти саманнаа саман гетирь-
мая.
Куджяклады мамусу бирь ку-
джак саман,
Тодинин кырнак айааны-да ка-
рышык булду.
Насы куджяклады, ёля-дя дюштю
Ічерди-да гельди хемь ааларды.
Хемь ааларды хемь дююнюрдю,
Симона-да дярди: «калк, бя Си-
мон, калк,
Бизимь саманнык йыкылды,
Саманнык йыкылды, Тодийи-да
бастырды».
Симон-да йынанмады, ачан бак-
ты пенъчередян,
Ачан бакты пенъчередян, елин-
нян дюварди кафасыны.

Пошелъ во второй разъ отнести
корзину.
Тодуръ вытягивалъ солому изъ
стога, а врагъ (дьяволъ) смо-
трѣль,
Врагъ смотрѣль, когда прибли-
зится Тодуръ къ стогу,
Опрокинулъ стогъ на Тодура.
Много ли бился, мало ли бился,
Собаки на его голосъ завыли.
Утро наступило, разсвѣло,
Мать Тодура искала, мать го-
ворила:
«Иди, милая Параша, къ дядѣ
Демьяну,
Дядю Демьяна спроси про брата
Тодура».
Пошла Параша, спросила и
пришла,
Спросила и пришла: «нѣтъ, мама,
нѣтъ,
Дядя пошелъ въ виноградникъ
подрѣзывать,
Тетка ушла въ виноградникъ
окапывать».
Тодурова мать пошла къ стогу
соломы,
Пошла къ стогу, чтобы при-
нести соломы.
Захватила мать охалку соломы,
Тодуровы опрятныя ноги нашла
вмѣстѣ съ соломой.
Какъ захватила, такъ и упала,
Въ комнату вошла и плакала.
И плакала и билась,
Симону сказала: «Встань, Си-
монъ, встань,
Нашъ стогъ соломы обвалился,
Стогъ обвалился, Тодура при-
давилъ.
Симонъ не повѣрилъ, когда по-
смотрѣль въ окошко,
Когда посмотрѣль въ окошко,
ударилъ себя по головѣ.

Симон-да калкты, Тодинин яны-
на гитти,
Тодинин янына гитти, гетир-
синь Тодійи.

Гайдаржи Иліянын Колиси куд-
джяклады,
Куджяклады Тодинин кырнак
белиндян

Да гетирди Тодійи ичери.
Яздырдылар Тодійи, чиздирди-
ляр,

Заабитлеря-да бильдирдиляр.
Тодинин Диман чичусу йок-ту
евдя,

Ким гитсинь, Диман чичусуну
чыырсын?

Йолладылар Маринин Кости-
сини.

Насы сёбледи Костиджик Ди-
мана,

Иоля-да косору елиндян дю-
шюрдю.

Диман евя етишти, гитти То-
дійи болашмаа.

Тодинин мамусу ааларды хемь
дярди:

«Калк, Тоди, калк,
Чуфа антерини гиидирьдикь,

Кара калпааны гиидирьдикь,
Гарус киткаларны башина кой-
дук.

Калк, Тоди, калк,
Карагёз евлaдым, карагёз оолум.

Не пекь гюдженьдирь динь ма-
муну?

Не пекь гюдженьдирь динь, ка-
хыра соктун?

Насы бени кыйдын, насы карда-
шларыннан,

Насы кардашларыннан кыз-
кардашины кыйдын!»

Симонъ всталъ, къ Тодору по-
шелъ,

Къ Тодуру пошелъ, чтобы То-
дура принести.

Николай Ильинъ Гайдарджи
захватилъ въ охапку,
Захватилъ Тодура за опрятную
талья

И принесъ Тодура въ комнату.
Описывали Тодура перечерки-
вали (написанное),

Начальникамъ дали знать.
Тодурова дяди Демьяна не было
дома,

Кто поидетъ, дядю Демьяна
позоветъ?

Послали Марьина Костю.

Какъ рассказалъ Костинька
Демьяну,

Такъ и ножикъ изъ рукъ выро-
нилъ (Демьянъ).

Демьянъ домой вернулся, пошелъ
Тодура навѣститъ.

Тодурова мать плакала и гово-
рила:

«Встань, Тодуръ, встань,
Суконное антыре (куртку) мы
(на тебя) надѣли,

Черную шапку мы надѣли,
Гарусныя кисточки (подаренныя
невѣстой) мы къ головѣ прицѣ-
пили.

Встань, Тодуръ, встань,
Черноглазое дитя мое, черно-
глазый сынокъ мой.

Зачѣмъ ты такъ огорчилъ свою
мать?

Зачѣмъ ты такъ огорчилъ, горе-
вать заставилъ?

Какъ ты меня убиваешь, меня
съ братьями,

Какъ убиваешь ты братьевъ и
сестру!»

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что обычай перекладывать въ пѣсни случаи внезапной смерти отнюдь не составляетъ исключительной особенности гагаузскаго народа. Совершенно такое же обыкновеніе существуетъ у нашихъ волжскихъ татаръ, и мы имѣемъ одинъ образчикъ, еще нигдѣ не напечатанный, татарскаго «Баида» Самарской губерніи, гдѣ въ такой же, какъ у гагаузовъ, протоколообразной формѣ изложены обстоятельства смерти одного татарина, провалившагося сквозь ледъ въ озеро, когда онъ зимней порой косилъ на этомъ озерѣ камышъ. Кромѣ того, мы видѣли у Г. И. Куликовскаго причитаніе, записанное имъ отъ покойной вопленицы Ирины Андреевны Федосовой, сочиненное ею по случаю внезапной смерти одного морского офицера, который участвовалъ въ промѣрной компаніи на Онежскомъ озерѣ и утонулъ, если не ошибаемся, во время одной изъ бурь.

Можно думать, что подобнымъ же образомъ сочиняли свои пѣсни о военныхъ подвигахъ героевъ наши древніе баяны и западно-европейскіе барды и трубадуры.

Примѣчанія къ главѣ 4-й.

1) Такой же обычай существуетъ и у галицкихъ малороссовъ. У нихъ такъ же, какъ и у гагаузовъ, парни-танцоры собираютъ между собою сумму, потребную на наемъ скрипача, и нанимаютъ этого послѣднiго на круглый годъ съ платою въ „40—48 реньскихъ“ за игру для танцевъ по праздникамъ и воскресеньямъ. Скрипкѣ этой иногда аккомпанируетъ хлопецъ съ бубномъ или пищалкой, а когда собраніе большое, то съ цимбалками и очень рѣдко „басетлисть“. О. Kolberg, Rokusié, т. 3, стр. 2.

2) Инструментъ одинаковаго названія съ гагаузской кобзой и весьма близкій къ нему по виду есть у малороссовъ. Повидимому, онъ турецкаго происхожденія, потому что извѣстенъ также у киргизовъ подъ названіемъ кобызъ, а у чувашъ (тюркскаго народа) подъ именами кѹбос и кобес и у астраханскихъ ногайцевъ — кобос, обыкновенная скрипка, кромѣ того у ногайцевъ кавказскихъ подъ именемъ кобузъ извѣстенъ также струнный инструментъ съ двумя волосяными струнами, похожій на скрипку.

См. мои „Матеріалы для характеристики музык. творч. инород. Волжско-Камск. края“. Казань 1894, стр. 15; Веселовскій. Розыскъ въ области русск. духовн. стиха, приложен. къ „Запис. Имп. Академ. Наукъ“ № 1 стр. 443; „З. И. Р. Г. О.“ по отд. Этногр., т. 10 стр. 15; „Кіевск. Стар.“ т. 36, мартъ (см. рисун.).

3) Какъ видно изъ прилагаемаго фотографическаго снимка, музыканты въ гагаузскомъ „хѹро“ помѣщаются въ серединѣ большого круга, образуе-

мага танцорами. Совершенно такое же расположеніе танцоровъ и музыканта практикуется и на танцевальныхъ собраніяхъ у галицкихъ малороссовъ. Подобное совпаденіе было бы совершенно излишне подчеркивать, какъ мы это дѣлаемъ, въ томъ случаѣ, еслибы оно было единственнымъ, но на ряду со множествомъ другихъ совпаденій между обычаями гагаузовъ и малороссовъ оно не лишено интереса. О. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 2.

4) Обычай обязательнаго танца для стариковъ на свадьбѣ существуетъ также у кабардинцевъ. „Этногр. Обзор.“ 1892, № 4, стр. 154.

5) У галицкихъ малороссовъ при исполненіи нѣкоторыхъ танцевъ (какъ напр., „передокъ“) женщины выходятъ въ сторону, и танцуютъ одни мужчины. О. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 3.

6) У галицкихъ малороссовъ главная роль въ танцахъ принадлежитъ также мужчинамъ, а не женщинамъ. Они первые начинаютъ танцы, дѣвушки же принимаютъ въ нихъ участіе только тогда, когда получаютъ отъ парней именное приглашеніе. Кромѣ того, каждый изъ парней можетъ устранить отъ танцевъ любую дѣвушку на болѣе или менѣе продолжительное время. О. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 1.

7) У болгаръ „хѹро“ танцуютъ въ двѣ цѣпи: въ одной парни, а въ другой дѣвушки. Въ цѣпи дѣвушекъ изъ мужчинъ могутъ танцевать только женихи рядомъ со своими невѣстами.

Сборн. матер. по этногр., изд. при Дашковск. этногр. муз., вып. I, стр. 17.

8) У галиційскихъ малороссовъ направленіе круговаго танца также идетъ чаще всего въ правую сторону. Судя по описанію О. Кольберга гагаузскому дюз хѹру ближе всего соотвѣтствуетъ галиційская коломыйка. О. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 3.

9) У галиційскихъ малороссовъ есть нѣчто подобное: „парубокъ и дѣвка притоптываютъ тоекратно стопой о землю (лѣвая, правая, лѣвая, — или: правая, лѣвая, правая) въ ритмъ $\frac{1}{8} + \frac{1}{8} + \frac{1}{4}$. О. Kolberg, Pokucie, т. 3, стр. 1.

10) Страсть къ танцамъ не одинаково сильно распространена у разныхъ народовъ земнаго шара. По обилію національныхъ танцевъ различнаго наименованія въ Европѣ отличаются, какъ кажется, больше всего чехи. Г. Зибртъ насчитываетъ у нихъ 215 танцевъ различнаго наименованія. За ними слѣдуютъ моравы—133 танца.

Изъ числа другихъ европейскихъ народовъ по своей любви къ танцамъ особенно выдаются: испанцы, итальянцы и шведы. По словамъ г. Зибрта, специально занимавшагося народными танцами, въ Италіи получилъ свое начало балетъ, откуда онъ перешелъ и въ другія страны Европы. Въ Швеціи насчитываютъ также до 40 танцевъ.

Что касается другихъ европейскихъ народовъ, то я не собиралъ подробныхъ свѣдѣній о ихъ танцахъ, но изъ печатныхъ литературныхъ и этнографическихъ источниковъ мнѣ удалось узнать 21 названіе разныхъ танцевъ, употребительныхъ у французскаго народа, 19—у нѣмцевъ, 17—у словаковъ, 14—у латышей, 7—у англичанъ съ шотландцами, 5—у румынъ, у бессарабскихъ же болгаръ только въ одномъ селѣ (Карагачъ, Измаильскаго уѣзда) я записалъ 10 названій для танцевъ.

Изъ близкихъ къ намъ племенъ особеннымъ обиліемъ танцевъ и любовью къ нимъ отличаются поляки. Вотъ списокъ танцевъ, упоминаніе о которыхъ мы находимъ въ этнографической литературѣ: 1) Краковякъ, 2) Мазуръ, 3) Оберекъ или Обертасъ, 4) Куявякъ, 5) Полька, 6) Полька-мазурка, 7) Польскій, 8) Вальсъ, 9) Пастушекъ, 10) Завіанецъ, 11) Пшепюрка, 12) Сподобанецъ, 13) Спѣхъ, 14) Повольнэкъ, 15) Цыфръ, 16) Подгалыньски, 17) Рыдзь, 18) Жыдъ, 19) Цыганьски, 20) Бонкъ, 21) Вытшйконтъ, 22) Пшебѣганы, 23) Кйвонъ, 24) Хмелёвы, 25) Подушкёвы, 26) Пѣши, 27) Вѣльки, 28) Одбійны, 29) Хлопъ, 30) Коваль, 31) Козакъ, 32) Коломѣйка, 33) Кшыжыкъ, или Качакъ, 34) Жѣбракъ, 35) Комедыантъ, 36) Целѣнцы, 37) Масарски, 38) Сонсѣдзки, 39) Галопѣда, 40) Валькъ, 41) Виватёвы шорць, 42) Вѣтракъ, 43) Смыканѣ, 44) Лендлѣры, 45) Подкозѣлакъ, 46) Пшодѣкъ, 47) Пшеврацаны, 48) Пѣжонъ.

Изъ русскихъ племенъ обиліемъ танцевъ отличаются: галицкіе русины, у которыхъ О. Кольбергъ перечисляетъ до 30 разныхъ названій танцевъ, и бѣлоруссы. У этихъ послѣднихъ въ этнографической литературѣ и собственными записями отъ народа я собралъ слѣдующія сорокъ названій для танцевъ: 1) Лявѣнниха большая, 2) Лявѣнниха малая, 3) Крутѣха, 4) Барыня, 5) Бычокъ, 6) Вѣрабѣй, 7) Мяцѣлица, 8) Закаблѣка, 9) Руськыя, 10) Кынопѣнька или Кылопѣлька, 11) Лянокъ, 12) Присядка или Козачокъ, 13) Кука, 14) Подушечка, 15) Заяць, 16) Качанъ, 17) Спотыка, 18) Петрусь, 19) Волосѣнка, 20) Берѣзочка, 21) Юрка, 22) Коза, 23) Шестакъ, 24) Чижикъ, 25) Жабка, 26) Кружокъ, 27) Цыганочка, 28) Жидовочка, 29) Сорока, 30) Гусакъ, 31) Ворона, 32) Трясутка, 33) Тоѣкачки, 34) Магѣра, 35) „По вулицы мыстовѣй“, 36) Полька, 37) Галѣпъ, 38) Кыдрыль, 39) Мазурка и 40) Вальць.

Въ отношеніи танцевъ бѣлоруссы отличаются отъ галицкихъ русиновъ и отъ гагаузовъ между прочимъ тѣмъ, что у нихъ танцами интересуются и занимаются не мужчины, а преимущественно женщины и даже самыя старыя, мужчины же танцуютъ очень мало и то только „молодые мальцы“.

Можно думать, что любовь къ танцамъ у гагаузовъ — черта вовсе не тюркская, такъ какъ о туркахъ-османахъ пишутъ, что они никогда не пляшутъ и считаютъ танецъ занятіемъ унижительнымъ, а о киргизъ-кайсакахъ (тоже тюркскомъ народѣ), — что „по единогласному утвержденію всѣхъ изслѣдователей, у нихъ танцевъ не существуетъ“.

Revue des traditions populaires 1889, т. 4, стр. 358; *ibid.* т. 5, стр. 493; *ibid.* т. 7, стр. 143; Melusine 1877, № 2, стр. 36 и 39; *ibid.* 1888—89, стр. 133; Le Costume historique, M. A. Racinet. Paris, 1887, т. 6, стр. 476. Ed. Duller. Das deut. Volk. Leipz. 1847, стр. 221; Herman, Menda, Musik. Convers. Lex., Berl. 1880, т. 10, стр. 95; Dr. Cen. Zibrt. Jak se kdy v Cechach tancovalo, Prag. 1895; Cesky' Lid. C. 2, R. 1 стр. 132—135; *ibid.* C. 5, R. 1, стр. 458—460; *ibid.* C. 6, R. 2 стр. 662—673; Zb. Wiad. do Antr., т. 1,

стр. 8, 89 и 90, *ibid.* т. 9, стр. 228; *ibid.* т. 10, стр. 74; Lud Cieszynski, *Obr. etn. Bog. Hoff*, стр. 61. O. Kolberg. *Lud. Ser.* 1, стр. 45 и 189; *ibid.* *Ser.* 9, ч. 1, стр. 200 и 235; *ibid.* *Ser.* 9, ч. 2, стр. 192; *ibid.* *Ser.* 11, ч. 3, стр. 175; *ibid.* *Ser.* 16, стр. 153 и 158; *ibid.* *Ser.* 20, стр. 179; *Wista.* т. 2, стр. 110, 113 и 114, *Bibliot. Wisły* 1889, т. 4, стр. 138; *Hist muz. Kaz. Lada, Warsz.* 1861: стр. 204, 206; *Этн. Обзор.* 1897. № 3, стр. 40; Шейнъ, Бѣлор. п. 1874. стр. 267; 1890, стр. 7, 169, 330 и 333; А. С. Дембовецкій, *Опытъ опис. Могил. губ.*, ч. 1, стр. 507; Э. А. Вольтеръ, ч. 1, стр. 194; Водовозовой, *Жизнь Европ. нар.*, т. 1, стр. 390; *ibid.* т. 2, стр. 236, 247 и 485; *ibid.* 1877, стр. 26; *ibid.* т. 3, стр. 180; *Народы Россіи. Этногр. очерки*, изд. редак. журн. „Природа и люди“ 1878, стр. 194; Фр. Гельвальдъ. *Естеств. истор. плем. и народ.* Спб. 1885 т. 2, стр. 761; *Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и древн.* 1846. Москва. № 1, стр. 11.

11) Обиліе въ народномъ обращеніи музыкальныхъ инструментовъ, соединенное съ развитіемъ инструментальной музыки, гагаузы раздѣляютъ съ нѣкоторыми народами тюркскаго происхожденія. Такъ, напр., у чувашскаго народа имѣется въ обращеніи до 7-ми разныхъ музыкальныхъ инструментовъ, а у таранчей въ средней Азіи число этихъ инструментовъ доходитъ до 16-ти. Срв. мои „Мелодіи чувашскихъ пѣсень“. Казань, 1894, стр. 15; „З. И. Р. Г. О.“ по отд. Этногр. т. 17, вып. 1, стр. 111.

В. А. Мошковъ.

Нѣсколько словъ о кувадѣ.

Собственно подъ «кувадой» подразумѣвается обычай, согласно которому мужъ ложится послѣ рожденія ребенка въ постель вмѣсто роженицы и какъ бы принимаетъ на себя ея роль. Но постепенно смыслъ этого слова все расширялся различными авторами, такъ что подъ кувадой теперь обыкновенно разумѣютъ всѣ странныя съ нашей точки зрѣнія и не вызываемыя никакой дѣйствительною надобностью особенности въ поведеніи отца во время рожденія ребенка или въ связи съ этимъ фактомъ. Въ такомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять это слово, а для обозначенія его первоначальнаго, болѣе узкаго содержанія будемъ пользоваться выраженіемъ «мужскіе роды» (Männerkindbett). Ни одна изъ гипотезъ, предложенныхъ для объясненія кувады, не можетъ быть названа вполне удовлетворительною; наилучшія изъ нихъ объясняютъ только однѣ стороны явленія, но зато совершенно непригодны для объясненія другихъ. Причина этихъ неудачъ лежитъ, по нашему мнѣнію, въ ошибочномъ отождествленіи различныхъ по существу явленій, объединяемыхъ обыкновенно подъ именемъ кувады. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ отдѣльные авторы, выставивъ извѣстную гипотезу, признаютъ возможность иного объясненія для нѣкоторыхъ частныхъ примѣровъ; но всѣ подобныя замѣчанія дѣлаются мимоходомъ и никогда не получаютъ обоснованія. Въ большинствѣ же случаевъ ученые выставляютъ по произволу ту или другую сторону кувады, даютъ ей, соотвѣтственно этому, то или иное объясненіе и мало заботятся о томъ, чтобы согласовать его со всѣмъ разнообразіемъ живыхъ фактовъ; въ лучшемъ случаѣ всѣ неподдающіяся объясненію частности признаются искаженнымъ видоизмѣненіемъ первоначальнаго явленія, а иногда даже самое ихъ существованіе подвергается сомнѣнію. Попробуемъ пойти инымъ путемъ и выдѣлимъ съ самаго начала нѣсколько самостоятельныхъ группъ фактовъ, а потомъ уже

попытаемся уяснить ихъ взаимныя отношенія и дать имъ послѣднее объясненіе.

Группъ этихъ будетъ три: 1) *мужскіе роды* или собственно кувада, когда отецъ ложится послѣ рожденія ребенка въ постель, принимаетъ поздравленія отъ сосѣдей и какъ бы изображаетъ изъ себя роженицу, 2) *постъ и истязанія*, которымъ подвергается отецъ послѣ рожденія ребенка, и 3) *діета*, налагаемая на отца до или послѣ рожденія ребенка, и состоящая въ воздержаніи отъ нѣкоторыхъ сортовъ пищи и отъ извѣстныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи, можетъ быть, придется установить и еще новыя группы, но пока эти три выступаютъ вполне ясно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ на практикѣ трудно провести границу между постомъ и діетой мужа, но въ болѣе рѣзкихъ примѣрахъ различіе между ними выступаетъ очень ясно, и возможность ошибки въ зачисленіи въ ту или другую группу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактовъ не должна намъ мѣшать различать самыя эти группы.

Начнемъ свой разборъ съ послѣдней группы, т.-е. съ тѣхъ ограниченій въ пищѣ и образѣ жизни, которыя налагаются на мужа во время беременности жены или въ первое время послѣ рожденія ребенка. Именно эту группу фактовъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Тэйлоръ ¹⁾ въ своемъ объясненіи кувады, данномъ имъ въ своемъ болѣе раннемъ произведеніи и отъ котораго онъ впослѣдствіи отказался въ пользу теоріи Бахофена. Въ основу этого объясненія положено убѣжденіе первобытныхъ народовъ, что между отцомъ и ребенкомъ, даже послѣ рожденія послѣдняго, существуетъ прямая связь. Состояніе здоровья, духовныя и физическія качества отца, его настроеніе—все это отражается и на ребенкѣ. Поэтому для ребенка отнюдь не безразлично, что дѣлаетъ или что ѣстъ отецъ. Нѣкоторыя дѣйствія и нѣкоторые сорта пищи прямо вредны для ребенка, и вотъ отецъ долженъ избѣгать этихъ дѣйствій и этой пищи; онъ подвергается діетѣ въ интересахъ ребенка, чтобы сохранить его цѣлымъ и невредимымъ. Кромѣ Тэйлора, это объясненіе съ нѣкоторыми несущественными видоизмѣненіями было принято еще цѣлымъ рядомъ другихъ ученыхъ ²⁾, и въ пользу его говоритъ то, что сами

¹⁾ E. B. Tylor. *Researches into the early history of mankind*. 3 изд., стр. 291—305.

²⁾ Lubbock, Ploss, Max Müller, Wake, Dargun, Massey, Peschel.

народы, у которыхъ распространены подобныя ограниченія отца, объясняютъ ихъ именно такимъ же самымъ образомъ, т.-е. желаніемъ избѣжать дурныхъ послѣдствій, сопряженныхъ для ребенка съ извѣстными дѣйствіями и пищей отца ¹⁾. Рѣшающаго значенія этотъ фактъ имѣть, конечно, не можетъ, такъ какъ извѣстно много случаевъ, когда объясненія, даваемые народами своимъ обычаямъ, очень сильно расходились съ дѣйствительностью. Но въ данномъ конкретномъ случаѣ можно доказать, что народное убѣжденіе о вредныхъ послѣдствіяхъ для ребенка отъ извѣстнаго образа жизни отца сложилось вполне самостоятельно, а не было придумано впоследствии для объясненія ставшихъ непонятными обрядовъ и обычаевъ.

Отождествленіе діеты отца съ его постомъ и съ мужскими родами основывается на томъ, что всѣ эти обычаи практикуются совмѣстно у многихъ народовъ. Но какъ ни много случаевъ такого совпаденія, они однако не представляютъ общаго правила; можно указать ряды примѣровъ, гдѣ діета отца существуетъ безъ поста и безъ мужскихъ родовъ и является болѣе широко распространеннымъ явленіемъ, чѣмъ послѣднія. Такъ, у русскихъ инородцевъ мужскихъ родовъ до сихъ поръ не было найдено, и однако имъ вовсе не чужда мысль, что образъ жизни во время беременности жены вліяетъ на исходъ родовъ и въ частности на благополучіе ребенка. У *лопарей* мужъ во время беременности жены «долженъ жить какъ можно смиреннѣе, быть со всѣми ласковымъ и отнюдь ни съ кѣмъ не браниться—иначе роды будутъ трудные или родится уродъ». Этимъ впрочемъ не ограничиваются обязательства лопаря, который ждетъ или уже дождался ребенка: «У беременныхъ женщинъ или кормящихъ грудью дѣтей мужья не могутъ ни дѣлать гроба, ни рыть могилы, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣти скоро умрутъ» ²⁾. Въ домѣ роженицы нельзя придѣлывать рукоятки къ топору ³⁾. У *гольдовъ* во время послѣдняго мѣсяца беременности жены мужу запрещено: «вбивать гвозди, выкалывать птицамъ глаза, склеивать или сравнивать и вообще производить такую работу, въ которой требуется насиліе.

1) См. соотвѣтственные примѣры: Tylor, loc. cit., стр. 292—296, и Леббокъ, Начало цивилизаціи (1876 г.), стр. 14.

2) Н. Н. Харузинъ. Русскіе Лопари, стр. 307, 324.

3) Tylor, loc. cit., стр. 296 прим. съ ссылкой на Leem'a.

хотя бы надъ неодушевленными предметами» ¹⁾. У *камчадаловъ* затынувшіеся роды и неправильное положеніе ребенка ставится въ вину отцу, такъ какъ «онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ и дуги гнулъ на колѣняхъ» ²⁾. Въ Африкѣ единственный случай мужскихъ родовъ былъ отмѣченъ итальянскимъ миссіонеромъ Zuchelli ³⁾, сочиненіе котораго появилось на свѣтъ въ началѣ XVIII вѣка (1712 г.), и съ тѣхъ поръ его показанія не были подтверждены ни однимъ позднѣйшимъ писателемъ; по крайней мѣрѣ ни Тэйлоръ, ни Плоссъ, ни Пешель и никто изъ другихъ авторовъ, писавшихъ о кувадѣ, не приводятъ кромѣ сообщенія Zuchelli ни одного примѣра существованія ея въ Африкѣ. Прп всемъ томъ и африканскимъ народамъ отнюдь не чужда мысль, что поведеніе и образъ жизни отца могутъ отражаться на ребенкѣ, и что первый долженъ избѣгать нѣкоторыхъ дѣйствій, если не желаетъ причинить вреда ребенку. Такъ у *commis, ashiras* и другихъ племенъ западной экваторіальной Африки ни беременная женщина, ни ея мужъ не могутъ смотрѣть на гориллу, хотя бы и мертвую; въ случаѣ несоблюденія этого правила вмѣсто ребенка родится маленькая горилла ⁴⁾. По словамъ миссіонера Grützner'a у *басутовъ* южной Африки, если ребенку случится испражниться во время самыхъ родовъ, то считается, что онъ «родился съ болѣзною», виновникомъ чему является отецъ, который и подвергается вслѣдъ за тѣмъ соотвѣтственному лѣченію ⁵⁾.

Помимо отсутствія какихъ бы то ни было положительныхъ указаній, признать упомянутые обычаи остаткомъ мужскихъ родовъ не позволяетъ и самый характеръ; общаго между тѣми и другими только то, что они болѣе или менѣе приурочиваются къ моменту рожденія ребенка, но на такомъ основаніи еще нельзя строить никакихъ выводовъ. Нельзя видѣть въ нихъ и переживаніе перво-

¹⁾ Н. Н. Шимкевичъ. Нѣкоторые моменты изъ жизни гольдовъ. „Этн. Обозрѣн.“, кн. XXXIV, стр. 2.

²⁾ См. Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. (Изд. 2. 1786 г.), т. II, стр. 126.

³⁾ Dr. H. Ploss. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. 2-е изд. т. I, стр. 147.

⁴⁾ Дю Шалю. Путешествіе во внутреннюю Африку. Ч. II, стр. 54 и 101.

⁵⁾ Ploss, loc. cit., стр. 159.

начальнаго поста и истязаній отца, какъ бы мы ни объяснили эти послѣднія явленія. Если, напримѣръ, лопарю запрещено дѣлать гробы и рыть могилы, а ashira или sommi не можетъ смотрѣть на гориллу, то имъ тутъ не приходится проявлять ни мужества, ни другихъ какихъ нибудь похвальныхъ качествъ, которыя было бы желательно передать ребенку (такъ объясняетъ постъ и истязанія Старке), въ то же время тутъ нѣтъ ничего эквивалентнаго жертвѣ, необходимой для выкупа ребенка у божества (объясненіе Липперта) и наконецъ ничто не указываетъ на то, чтобы эти мѣры имѣли характеръ лѣченія мужа отъ одержавшихъ его нечистыхъ духовъ, какъ объясняетъ постъ и истязанія г. Рѣдько.

Съ другой стороны, приписываемое Тэйлоромъ объясненіе находится въ полномъ соотвѣтствіи со всеѣмъ складомъ мысли некультурнаго человѣчества. Для того, чтобы вліять на судьбу ребенка, необходимо быть его отцомъ. Среди *германскихъ* крестьянъ распространено повѣрье, что крестники получаютъ отъ восприемниковъ все или по крайней мѣрѣ часть ихъ свойствъ; поэтому тамъ очень осторожны съ выборомъ кумовьевъ. Отправляясь на крестины, кумъ долженъ хорошенько умыться, а кума надѣть чистую рубашку, иначе ребенокъ будетъ нечистоплотнымъ; при себѣ крестный отецъ не можетъ имѣть ножа, чтобы крестникъ не сдѣлался самоубійцей; по дорогѣ въ церковь нельзя оглядываться, а то ребенокъ будетъ зѣвакой и т. д. ¹⁾ У упоминавшихся уже нами *sommi* почти для каждой семьи есть особая запрещенная животная «рунда», мяса которыхъ нельзя есть ни въ какомъ случаѣ. «Соблюдающій рунда скорѣе согласится переносить все мученія голода, чѣмъ отказаться отъ нелѣпаго повѣрья, будучи твердо убѣжденъ, что стоитъ ему дотронуться до запретной пищи, и кто-нибудь изъ женщинъ его рода непременно произведетъ на свѣтъ уродъ, похожаго на животное, которое составляетъ предметъ его рунда» ²⁾. Здѣсь можно вспомнить также *боснійское* повѣрье: «если придетъ беременная женщина въ домъ того, кто на нее сердитъ, онъ, чтобы отмстить ей на ребенкѣ, когда входитъ она на порогъ, топоромъ дѣлаетъ засѣчку по порогу, — дитя родится съ разсѣченной верхней или нижней губой; если же желаетъ, чтобы обѣ губы были разсѣчены, онъ дѣлаетъ за-

¹⁾ Ploss, loc. cit., стр. 159.

²⁾ Дю Шалью, loc. cit., II, 105—106 (курсивъ нашъ).

сѣтки и на порогѣ, и на притолкѣ» ¹⁾. Но, пожалуй, краснорѣчивѣе всѣхъ этихъ фактовъ будетъ разсказъ Уоллеса о томъ, какъ одинъ индѣецъ поймалъ горнаго пѣтуха и отдалъ его на вскормленіе своей женѣ; та въ виду этого была обречена на строгую діету, и когда въ концѣ концовъ пѣтухъ все-таки умеръ, мужъ приколотилъ жену, такъ какъ она нарушеніемъ діеты причинила смерть пѣтуху ²⁾.

Противъ теоріи Тэйлора какъ бы говоритъ тотъ фактъ, что подобныя ограниченія въ пищѣ и образѣ жизни распространяются у многихъ народовъ только на одного отца ребенка и совершенно оставляютъ въ покоѣ мать, тогда какъ связь послѣдней съ ребенкомъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію ни во время беременности, ни во время кормленія. Но такіе случаи одностороннихъ ограниченій не составляютъ общаго правила. Такъ у *macusis* и мужъ и жена одинаково ложатся въ постель послѣ рожденія ребенка, одинаково ведутъ нѣсколько дней уединенный образъ жизни, одинаково не могутъ ничего работать, одинаково соблюдаютъ строгую діету и наконецъ одинаково не могутъ чесаться ногтями ³⁾. У *otaguas* мужъ и жена выдерживаютъ одинаковую діету, пока ребенокъ не начнетъ сидѣть ⁴⁾. Одинаковыя ограниченія распространяются на обоихъ супруговъ у *puris*, *coropos*, *araysus* и т. д. ⁵⁾. У *coroados* мужъ и жена одновременно соблюдаютъ діету ⁶⁾. Въ другихъ случаяхъ на мужа и на жену налагаются различныя ограниченія или не въ одно и то же время. У *guaranis* мать соблюдаетъ строгую діету во время беременности, отецъ же послѣ рожденія ребенка ⁷⁾. У *motumotu* (Новая Гвинея) послѣ зачатія мать не должна ѣсть пататовъ, а то у ребенка будетъ непропорціональная голова, отцу же въ это время запрещено употреблять мясо крокодиловъ и нѣкоторыхъ сортовъ рыбъ, чтобы у ребенка не были непропорціанальныя ноги ⁸⁾. Необходимо также принять во вниманіе и то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ ограниченія, налагаемыя на женщину во время

¹⁾ „Этногр. Обзор.“, XV, отд. 2-й, стр. 30.

²⁾ Tylor, loc. cit., стр. 297.

³⁾ Tylor, 298.

⁴⁾ Ploss, 150.

⁵⁾ Starcke, La famille primitive, стр. 50.

⁶⁾ Леббокъ, loc. cit., стр. 13.

⁷⁾ Ploss, стр. 149.

⁸⁾ Wake, The development of marriage and kinship., p. 264—265, note.

беременности или послѣ родовъ, могли быть просто упущены изъ виду путешественниками, описывавшими соотвѣтственные народы. Сами по себѣ такія ограниченія могли казаться не представляющими большого интереса и не регистрироваться, тогда какъ ограниченія, налагаемыя на мужа, отмѣчались довольно аккуратно уже въ силу своей нелѣпости съ европейской точки зрѣнія. При всемъ томъ, конечно, останутся и такіе народы, у которыхъ дѣйствительно ограниченіямъ подвергается одинъ только отецъ, но и это обстоятельство не должно намъ препятствовать принять теорію Тэйлора въ виду существующей у нѣкоторыхъ народовъ своеобразной теоріи, приписывающей отцу исключительную роль въ рожденіи ребенка и сводящей роль матери до положенія простой хранительницы воспринятаго зародыша ¹⁾, теоріи совершенно аналогичной той, которую Эсхиль вложилъ въ уста Аполлона:

Мать не творить дитя и не рождаетъ,
Но только, что посяно, питаетъ.
Творить отецъ. Она жъ, какъ гостя въ домъ
Радушная хозяйка принимаетъ,
Воспринятый зародышъ сохраняетъ.

Что касается до причинъ, приведшихъ къ убѣжденію, что именно такія-то дѣйствія отца или такая-то употребляемая имъ пища будутъ вредны для ребенка, то отвѣтъ на этотъ вопросъ выходитъ изъ рамокъ нашей статьи, да на него въ большинствѣ случаевъ и трудно дать точный отвѣтъ. Въ своей статьѣ г. Рѣдько ²⁾ высказалъ недавно предположеніе, что нѣкоторыя запрещенія убивать животныхъ, можетъ быть, объясняются опасеніемъ, какъ бы души этихъ животныхъ не отомстили на ребенкѣ. Весьма возможно, что подобное объясненіе и пригодно для нѣкоторыхъ случаевъ, но нѣтъ необходимости распространять его и на все остальные, гдѣ нѣтъ для этого прямыхъ показаній. Съ точки зрѣнія некультурнаго человѣка само по себѣ понятно стремленіе ожидающаго ребенка ніасца избѣгать разговоровъ съ иностранцемъ, чтобы не спутать языка будущаго ребенка. ³⁾ Не менѣе естественно и то, что карибъ избѣгаетъ ѣсть мясо черепахи,

¹⁾ Tylor, 299; Wake, 264—265.

²⁾ А. Рѣдько. Нечистая сила въ судьбахъ женщины-матери. Этн. Обозр., кн. XL—XLI, стр. 102, прим.

³⁾ Пешель. Народовѣдѣніе, стр. 25.

чтобы не сдѣлать глупымъ своего ребенка ¹⁾; эта мѣра коренится въ широко распространенномъ повѣрьи, что человѣкъ, съѣдающій мясо какого-нибудь животнаго, усваиваетъ и качества этого животнаго ²⁾. Но какъ бы мы ни объясняли происхожденіе этихъ воззрѣній, суть дѣла отъ этого не мѣняется. Несомнѣнно, что ограниченія въ пищѣ и поведеніи, налагаемые на отца до или послѣ рожденія ребенка, обусловливаются опасеніемъ причинить этому ребенку какой нибудь вредъ.

Переходимъ теперь къ другой группѣ явленій, объединяемыхъ подъ рубрикой кувады, именно къ посту и истязанію отца. Легко видѣть, что эти мѣры не могутъ имѣть своею цѣлью желаніе предохранить ребенка отъ возможнаго вреда; уже полное воздержаніе отъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней только съ очень большими натяжками можно объяснять въ томъ смыслѣ, что отецъ избѣгаетъ обремененія желудка, что можетъ дурно отозваться на состояніи ребенка. Еще меньше приложимо подобное объясненіе къ истязанію отца; съ точки зрѣнія связи между отцомъ и ребенкомъ такія истязанія скорѣе могутъ причинить вредъ ребенку, чѣмъ предохранить отъ такого вреда. Поэтому мы считаемъ эту группу явленій независимой отъ предыдущей, т.-е. отъ діетическихъ мѣръ, принимаемыхъ изъ желанія не нанести ребенку какъ нибудь вреда. Точно такъ же намъ кажется невозможнымъ сопоставлять постъ и истязанія съ мужскими родами; что одно не можетъ быть переживаніемъ или искаженнымъ видоизмѣненіемъ другого, доказывается уже тѣмъ, что и то и другое явленіе сосуществуютъ, и оба обычая употребляются совмѣстно. Нельзя также въ истязаніяхъ видѣть и добавленія къ мужскимъ родамъ, добавленія, имѣющаго цѣлью замѣнить чѣмъ нибудь недостающія у мужа дѣйствительныя родильныя муки. Истязаніе бываетъ обыкновенно не въ самый моментъ рожденія ребенка и не непосредственно послѣ него, а обыкновенно спустя нѣсколько времени, когда роженица уже успѣла позабыть свои родовыя страданія, если они только у нея были. Итакъ, и постъ и истязанія мы считаемъ самостоятельными явленіями, не являющимися переживаніями, дополненіями или видоизмѣненіями мужскихъ родовъ или діетическихъ ограниченій отца въ пищѣ и образѣ жизни.

¹⁾ Tylor. 293.

²⁾ Леббокъ. 15—16 стр.

Этнограф. Обзор. XLIV.

Именно эту группу фактовъ, къ слову сказать наименѣе многочисленную, имѣли главнымъ образомъ въ виду Липпертъ и Старке, когда давали свои объясненія кувады, и сюда же подходитъ та часть объясненій г. Рѣдько, гдѣ онъ говоритъ о лѣченіи отца отъ одержавшихъ его вмѣстѣ съ разрѣшившейся отъ бремени женой нечистыхъ духовъ. Изъ этихъ трехъ объясненій наиболѣе возраженій вызываетъ гипотеза Липперта ¹⁾, сводящаяся къ тому, что постъ и истязанія отца (съ этими явленіями Липпертъ отождествляетъ и другія стороны кувады) являются замѣной былого жертвоприношенія первенца, выкупомъ его у божества, которое имѣло на него право. Такія жертвоприношенія, по мнѣнію Липперта, были широко распространены въ эпоху материнскаго права, и куваду онъ приурочиваетъ къ моменту перехода отъ материнскаго права къ отцовскому. Для того, чтобы придать этой теоріи больше вѣроятности, надо было сперва доказать, что дѣтубійство больше развито у матерински-правовыхъ, чѣмъ у отцовски-правовыхъ народовъ, и (это самое главное) что у первыхъ оно носитъ религіозный и обязательный характеръ. Доказать этого не удалось ни самому Липперту, ни воспринявшему его объясненіе кувады Гельвальду ²⁾, а разъ этого не сдѣлано, то можно сомнѣваться въ существованіи самой потребности, которой должна удовлетворять кувада, т.-е. является сомнительной необходимостью выкупать ребенка у божества. Старке ³⁾ въ своемъ объясненіи исходитъ изъ того же положенія, что и Тэйлоръ, а именно изъ признанія некультурными народами прямой связи между отцомъ и ребенкомъ, но, обращая вниманіе на другую сторону кувады, онъ даетъ ей соотвѣтственно другое и объясненіе. Именно, онъ видитъ въ ней средство передать ребенку мужество, терпѣніе и другія похвальные качества, которыя приходится проявлять постящемуся или истязуемому отцу. Такимъ образомъ его объясненіе нѣсколько аналогично Тэйлоровскому съ тою разницею, что Тэйлоръ придавалъ кувадѣ, такъ сказать, отрицательный характеръ, видѣлъ въ ней желаніе избѣжать возможности причинить ребенку вредъ, для Старке же ея характеръ будетъ положительнымъ. Но, пожалуй, только эта аналогичность и можетъ говорить въ пользу теоріи Старке; какихъ нибудь положительныхъ данныхъ въ ея защиту не было указано ея авторомъ. Теорія г. Рѣдько

¹⁾ J. Lippert. Geschichte der Familie, стр. 213—217.

²⁾ Hellwald. Die menschliche Familie, S. 36—363.

³⁾ Starcke. La famille primitive, pp. 49—51.

тоже страдаетъ отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ въ ея пользу, и, кромѣ того, авторъ привелъ слишкомъ мало данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы мужъ роженицы былъ по народнымъ воззрѣніямъ дѣйствительно одержимъ нечистыми духами и чтобы постъ и истязанія, которымъ онъ подвергается, дѣйствительно были средствомъ борьбы съ этими духами. Намъ кажется, что на эти явленія можно взглянуть съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ упомянутые авторы, и, не отрицая извѣстнаго значенія за ихъ объясненіями, мы рѣшаемся высказать, хотя бы въ видѣ предположенія, другое объясненіе поста и истязаній отца.

Старке категорически заявляетъ (стр. 51), что кувада повторяется при рожденіи каждого ребенка, а не ограничивается однимъ первымъ, и такое заявленіе вполне понятно въ устахъ этого автора. Разъ было бы обратное, то тогда объясненіе Старке и, конечно, тѣмъ болѣе объясненіе г. Рѣдько рушилось бы само собой. Если отецъ постится и подвергается истязаніямъ ради того, чтобы передать извѣстныя качества ребенку, то онъ, конечно, будетъ это дѣлать при рожденіи всякаго ребенка, потому что для него одинаково важно, чтобы каждый его ребенокъ обладалъ нужными качествами. Точно такъ же, если постъ и истязанія есть средство избавиться отъ нечистыхъ духовъ, то вѣдь нечистые духи нападаютъ при рожденіи каждого ребенка, и кувада, слѣдовательно, не можетъ ограничиваться однимъ первенцомъ. Въ виду этого выясненіе даннаго обстоятельства имѣетъ для насъ очень большое значеніе. И что же? Оказывается, что категорическое заявленіе Старке нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Нѣкоторые путешественники, описывающіе куваду, прямо указываютъ, что она имѣетъ мѣсто только при рожденіи перваго ребенка, и, что всего интереснѣе, всѣ подобныя указанія относятся именно къ тѣмъ случаямъ кувады, гдѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ постомъ и истязаніями отца. Такъ, въ одномъ подробномъ описаніи кувады у *индѣйцевъ Гвіаны* мы читаемъ, что отецъ послѣ рожденія ребенка ложится въ гамакъ, соблюдаетъ нѣсколько недѣль строгій постъ, а затѣмъ ему раздираютъ въ различныхъ мѣстахъ кожу рыбьими костями или зубами агути; сверхъ того очень часто прибавляютъ нѣсколько ударовъ бичемъ. Мало того, по окончаніи церемоніи отецъ долженъ удалиться отъ своей жены и поступить на нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы въ услуженіе къ какому нибудь старому индѣйцу, гдѣ съ нимъ обращаются приблизительно какъ съ рабомъ. Но все

это имѣеть мѣсто только при рожденіи перваго ребенка ¹⁾. Еще болѣе подробно описана Дю-Тертромъ кувада у *карибовъ Антильскихъ острововъ*; здѣсь тоже сперва имѣеть мѣсто строгій постъ отца, а затѣмъ происходятъ изстязанія его, состоящія въ томъ, что ему раздирають въ разныхъ мѣстахъ тѣла кожу зубомъ агути и натирають раны перечной настойкой, при чемъ отецъ не долженъ издать ни одного стона ²⁾. Но Zabat прямо говоритъ, что строгій 30 или 40 дневный постъ соблюдается только при рожденіи перваго ребенка ³⁾, и то же, повидимому, подтверждаетъ и другой путешественникъ—Рошфоръ ⁴⁾. Въ *Suan* (Новая Гвинея) отецъ при рожденіи ребенка запирается на нѣсколько дней и въ это время совсѣмъ ничего не ѣстъ, но дѣлается это только при рожденіи перваго ребенка ⁵⁾. Эти совпаденія кажутся намъ не случайными и даютъ намъ точку опоры для правильнаго пониманія явленія.

У тѣхъ же самыхъ *индѣйцевъ Гвіаны*, которые постятся и подвергаются истязаніямъ при рожденіи перваго ребенка, аналогичная церемонія происходитъ и при вступленіи въ должность вождя. Кандидатъ въ предводители подвергается продолжительному посту, бичеваніямъ со стороны вождей сосѣднихъ племенъ и испытанію огнемъ ⁶⁾. Подобныя церемоніи не ограничивались одними индѣйцами Гвіаны; нѣчто подобное имѣло мѣсто у чибча и другихъ племенъ Америки, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Африки ⁷⁾. Это первая аналогія кувадѣ или, вѣрнѣе, той сторонѣ ея, которая состоитъ въ постѣ и истязаніяхъ отца; другую аналогію, несравненно болѣе важную, представляютъ широко распространенныя церемоніи при достиженіи мальчиками и дѣвочками зрѣлости, при переходѣ ихъ въ классъ взрослыхъ людей, что даетъ имъ право вступать въ бракъ. Церемоніи эти весьма подробно описаны Плоссомъ ⁸⁾, къ которому

1) J. G. Stedman. Voyage à Surinam et dans l'intérieur de la Guiane, t. III, p. 414.

2) Tylor, p. 292.

3) Ploss, S. 157.

4) Tylor, p. 293, note.

5) Wake. Development of marriage and kinship, p. 265, note.

6) Stedman, l. c., III. 428—431.

7) A. H. Post. Africanische Jurisprudenz, ч. I, стр. 148—149. — Дю Шалью, loc. cit. I, 28—29.

8) Ploss. Das Kind, т. II, гл. 31. „Der Abschluss der Kinderjahre. Die Mannbarkeit“, стр. 411—451.

мы и отсылаемъ читателя. Здѣсь же мы напомнимъ только то, что весьма существенную часть этихъ церемоній, одинаково широко распространенную и въ Сѣверной и въ Южной Америкѣ, представляютъ постъ и истязанія; въ Южной Америкѣ къ этому очень часто присоединяется привѣшиваніе въ гамакѣ къ потолку; паціентъ долженъ вылежать тамъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ и его даже привязываютъ иногда къ гамаку веревками. У женщинъ эти церемоніи совершаются обыкновенно при наступленіи *первыхъ* (и только при нихъ) менструацій, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли въ данномъ случаѣ очищеніе ея отъ нечистыхъ духовъ, которыми одержима, по народному повѣрью, роженица и менструирующая женщина. Тотъ фактъ, что этимъ церемоніямъ подвергаются кандидаты въ вожди и достигающіе зрѣлаго возраста мальчики, и что у женщинъ онѣ ограничиваются только первыми менструаціями, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ болѣе широкимъ явленіемъ. Этотъ же фактъ является возраженіемъ и противъ теоріи г. Рѣдко, объясняющаго истязанія отца, какъ лѣченіе его отъ нечистыхъ духовъ, перешедшихъ на него съ жены. Характеръ истязаній различенъ у разныхъ племенъ; у однихъ паціента подвергаютъ бичеванью, у другихъ ему раздираютъ кожу какими-нибудь рѣжущими предметами, у третьихъ подвергаютъ его многочисленнымъ укусамъ муравьевъ и т. д., но, конечно, суть явленія не мѣняется отъ такого разнообразія формъ. Любопытно, что эти церемоніи связаны съ кувადой не только сходствомъ средствъ, выбираемыхъ для причиненія страданія (раздираніе кожи, бичеваніе), но и тѣмъ еще, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ паціентъ долженъ мужественно переносить эти страданія, не испустивъ ни одного крика. Эти аналогіи даютъ намъ основаніе видѣть въ кувадѣ церемонію, справляемую при переходѣ изъ одного возраста въ другой; въ кувадѣ мы имѣемъ только ту особенность, что эта церемонія нѣсколько отсрочена и приурочена не къ наступленію взрослого состоянія, а къ рожденію перваго ребенка. Но и это обстоятельство не должно насъ смущать въ виду той важной роли, которую многіе народы приписываютъ рожденію перваго ребенка. Если у цѣлаго ряда народовъ (въ томъ числѣ у многихъ изъ русскихъ инородцевъ) женщина перестаетъ быть дѣвушкой не со дня вступленія въ замужество, а со дня рожденія перваго ребенка или со времени наступленія первой беременности и только тогда надѣвается костюмъ замужней женщины вмѣ-

сто прежняго дѣвичьяго, то вполне понятно, что индѣецъ Южной Америки тоже приурочиваетъ для мужчины переходъ въ классъ взрослыхъ людей не къ наступленію физической зрѣлости, а къ рожденію перваго ребенка. Подтвержденіемъ правильности нашего вывода является и то, что у Плосса нѣтъ ни одного примѣра того, чтобы мальчики при наступленіи зрѣлости подвергались какимъ-нибудь церемоніямъ у тѣхъ народовъ, гдѣ происходятъ постъ и истязанія отца при рожденіи перваго ребенка; у этихъ народовъ такія церемоніи распространяются только на дѣвочекъ, но зато истязанія, которымъ онѣ подвергаются, вполне аналогичны истязаніямъ отца при кувадѣ.

Теперь третья группа явленій, кувада въ узкомъ смыслѣ этого слова или мужскіе роды, когда отецъ ложится въ постель, принимаетъ поздравленія и какъ бы изображаетъ изъ себя роженицу. Самъ по себѣ фактъ лежанія въ постели говоритъ очень мало; если бы мужскіе роды ограничивались только имъ, тогда ихъ легко можно было бы свести даже къ діетѣ мужа и объяснить съ одной стороны желаніемъ избѣжать утомленія въ интересахъ ребенка, а съ другой тѣмъ, что вынужденный бездѣйствовать отецъ отъ нечего дѣлать ложится въ постель. Еще легче мужскіе роды можно было бы связать съ постомъ и истязаніемъ отца. Уже самый постъ требуетъ, чтобы постящійся человѣкъ дѣлалъ какъ можно меньше движеній, чтобы сократить по возможности расходы организма, а кромѣ того лежаніе въ постели, иногда даже въ связанномъ видѣ, составляетъ, какъ мы видѣли, очень существенную часть церемоній, справляемыхъ по достиженіи молодыми людьми зрѣлаго возраста. Мы признали аналогичность другихъ частныхъ этихъ церемоній тѣмъ подробностямъ, которыя наблюдаются при кувадѣ, признали даже аналогичность самой кувады этимъ церемоніямъ, такъ что, казалось, слѣдовало бы отождествить и эту послѣднюю черту и признать лежаніе въ постели при кувадѣ аналогичнымъ лежанію въ постели при переходѣ изъ дѣтскаго возраста во взрослый. Отъ этого вывода насъ останавливаютъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, отецъ ложится въ постель иногда и у такихъ народовъ, которые справляютъ извѣстными обрядами переходъ мальчика въ классъ взрослыхъ людей, хотя, правда, число такихъ случаевъ не велико. Во-вторыхъ, путешественники, описывающіе мужскіе роды, даютъ при этомъ такія подробности, которыя очень плохо вяжутся съ постомъ и истязаніемъ отца; именно, какъ только отецъ ложится въ постель, къ нему

сходятся сосѣди съ поздравленіями, даютъ ему иногда особую питательную пищу и ухаживаютъ какъ за больнымъ; самъ отецъ иногда испускаетъ крики, лежитъ въ непристойной позѣ и даже подражаетъ родовымъ конвульсіямъ. Въ виду этихъ подробностей мы не считаемъ себя въ правѣ отождествить мужскіе роды съ постомъ и истязаніями отца и предпочитаемъ пока оставить вопросъ открытымъ. Значеніе лежанія въ постели при церемоніяхъ, сопровождающихъ достиженіе зрѣлаго возраста, намъ совсѣмъ неясно, а потому трудно высказать какое-нибудь опредѣленное мнѣніе относительно роли этого обряда и въ другихъ случаяхъ. Несомнѣнно одно, что тѣ попытки объясненія кувады, которыя имѣютъ въ виду именно «мужскіе роды», страдаютъ важными недочетами. Теорія Баховена ¹⁾ принятая очень многими изслѣдователями ²⁾ и объясняющая куваду какъ подражаніе родамъ, необходимое для того, чтобы установить родство между отцомъ и ребенкомъ, находится въ самомъ вопіющемъ противорѣчій съ фактами и вполнѣ заслуживаетъ рѣзкій отзывъ Даргуна, который говоритъ: «почти непонятно, какъ первоклассные изслѣдователи могли развивать или принимать подобное объясненіе. Кувада, правда, настолько похожа на обычное въ цивилизованныхъ странахъ послѣродовое лежаніе (Wochenbett), что всякій замѣтитъ это съ перваго взгляда. Но тѣмъ народамъ, у которыхъ въ полномъ ходу мужскіе роды, послѣродовое лежаніе женщины обыкновенно такъ же мало извѣстно, какъ и крестьянкамъ многихъ мѣстностей Европы. Если бы кувада была подражаніемъ послѣродовому лежанію, то прежде всего должно было бы существовать послѣднее. А такъ какъ послѣродового лежанія нѣтъ, то прямо абсурдно объявлять куваду копіей или «снимкомъ» съ поведенія роженицы. Всѣ рассказы согласны въ томъ, что у большинства естественныхъ народовъ женщины прямо послѣ родовъ приступаютъ къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ; обыкновенно это даже особенно подчеркивается, какъ интересная противоположность кувадѣ» ³⁾. Немного помогутъ и тѣ видоизмѣненія, которыя сдѣланы Летурио ⁴⁾. Онъ думаетъ, что кувада своими

¹⁾ Bachofen. Mutterrecht (2 изд.) § 116.

²⁾ Girard Teulon, Wilken, M. Ковалевскій и др.; къ этому же мнѣнію присоединился и Тэйлоръ, отказавшись отъ своего прежняго объясненія кувады.

³⁾ L. Dargun. Mutterrecht und Vaterrecht, S. 20.

⁴⁾ Ch. Letourneau. L'évolution du mariage et de la famille, p. 398.

рѣзкими и бросающимися въ глаза формами должна была закрѣпить въ памяти членовъ племени фактъ рожденія ребенка отъ даннаго отца и, такъ сказать, замѣнить наши метрическія книги. Очевидно, что кувада не могла быть придумана съ этой цѣлью, такъ какъ мы не знаемъ ни одного примѣра, гдѣ бы дикари совершали какія-нибудь непонятныя вещи только ради того, чтобы удержать въ памяти извѣстное событіе. Самое большее, что указывается. Летурно сторона кувады могла быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной сохраненія и продолженія кувады, да и то это сомнительно; возникновеніе же этого явленія такимъ путемъ необъяснимо. Наконецъ, мы имѣемъ еще попытку объяснить мужскіе роды, попытку сдѣланную г. Рѣдко. Указавъ на нѣсколько случаевъ, когда вмѣсто жены родовыя боли чувствуетъ мужъ, и констатировавъ существованіе (правда только въ Россіи) повѣрья о возможности такого перехода родовыхъ страданій съ роженицы на мужа, онъ приходитъ къ выводу, что въ кувадѣ «мы имѣемъ дѣло съ переходомъ страданій родильницы на ея мужа. Какъ логическій результатъ—усвоеніе, въ большей или меньшей степени, поведенія свойственнаго родильницѣ-женщинѣ» ¹⁾. Правда, отдѣльные подобные случаи вполне возможны, такъ какъ психологія знаетъ много примѣровъ, когда подъ вліяніемъ какого-нибудь внушенія человѣкъ чувствуетъ несуществующую боль и, наоборотъ, не ощущаетъ самаго реального страданія, но чтобы у многихъ народовъ женщины перестали, какъ общее правило, ощущать родовыя боли и чтобы эти боли сдѣлались, наоборотъ, достояніемъ мужчинъ, чего-нибудь подобнаго психологія совершенно не знаетъ, и потому такой невѣроятный фактъ можно было бы принять только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ констатированъ несомнѣнными и прямыми доказательствами. Приходить къ подобнымъ выводамъ путемъ косвенныхъ доказательствъ даже болѣе обильныхъ, чѣмъ у г. Рѣдко,—пріемъ слишкомъ рискованный.

Мы до сихъ поръ нарочно ничего не говорили о томъ фактѣ, который побудилъ Тэйлора отказаться отъ своего прежняго объясненія кувады и присоединиться къ мнѣнію Бахофена, а именно о признаніи сосуществованія между кувадой и переходной эпохой отъ материнскаго права къ отцовскому. Изъ 28 случаевъ кувады, извѣстныхъ Тэйлору, 20 относятся къ переходному моменту, а 8 къ періоду отцовскаго права. Эпоха материнскаго права не знаетъ ни одного слу-

¹⁾ А. Рѣдко, loc. cit., стр. 103; ср. стр. 107—108.

чая кувады ¹⁾. За этимъ фактомъ трудно признать рѣшающее значеніе уже потому, что точность его отчасти подлежитъ сомнѣнію. Старке (стр. 49) приводитъ два примѣра сосуществованія кувады съ материнскимъ правомъ (*arowakes* и *macusis*), и что ужъ совсѣмъ непонятно, эти примѣры прекрасно извѣстны самому Тэйлору, такъ какъ въ прежнія времена онъ приводилъ именно материнское право у этихъ же самыхъ *arowakes* и *macusis*, какъ аргументъ противъ теоріи Бахофена ²⁾. Да и помимо этого, будь даже фактъ сосуществованія кувады съ переходной эпохой констатированъ вполне точно, онъ все же говоритъ очень мало, т. к. совмѣстимъ съ любымъ объясненіемъ кувады. Липпертъ, несогласный съ теоріей Бахофена, тѣмъ не менѣе приурочиваетъ ее къ эпохѣ замѣны материнскаго права отцовскимъ, то же дѣлаетъ и Леббокъ, раздѣляющій прежніе взгляды Тэйлора. Дѣйствительно, если матерински-правовые народы не связываютъ съ рожденіемъ ребенка никакихъ обязательствъ для отца, то это вполне понятно, потому что въ эту эпоху придается слишкомъ мало значенія отношеніямъ между отцомъ и ребенкомъ. Не имѣя правъ на ребенка, отецъ не станетъ принимать и мѣръ, направленныхъ къ благополучію этого ребенка, тѣмъ болѣе, что для самого отца эти мѣры болѣе или менѣе стѣснительны. Точно такъ же, пока родству отца съ сыномъ придается мало значенія, не имѣетъ смысла приурочивать къ моменту рожденія ребенка переходъ отца въ классъ взрослыхъ людей. Сомнѣнія можетъ возбуждать только сравнительная рѣдкость кувады у отцовски-правовыхъ народовъ, но и эти сомнѣнія устраняются, если мы примемъ во вниманіе, что наиболѣе развита кувада у индѣйцевъ Южной Америки, а здѣсь относительное число отцовски-правовыхъ народовъ гораздо меньше, чѣмъ для всего человѣчества. Тэйлору слѣдовало бы провѣрить свой выводъ на однихъ южно-американскихъ народахъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ кувады (у иберійцевъ, корсиканцевъ, тибареновъ, въ Каридандаиѣ) внѣ Америки мы такъ и не знаемъ въ точности, принадлежатъ ли они народамъ, живущимъ въ материнскомъ правѣ, или уже вступившимъ въ переходный періодъ, или же, наконецъ, вполне перешедшимъ къ отцовскому праву.

А. Н. Максимовъ.

¹⁾ Э. Тайлоръ. О методѣ изслѣдованія развитія учреждений. Этн. Об. V, 12—13. Напомнимъ кстати, что, по вычисленіямъ, половина народовъ живетъ въ отцовскомъ правѣ, немного больше четверти въ переходномъ періодѣ и нѣсколько меньше четверти въ материнскомъ правѣ.

²⁾ Tylor. Researches into the early history of mankind.

Грамотность въ горахъ Дагестана.

На всемъ Кавказскомъ перешейкѣ трудно подыскать страну, столь мало извѣстную читающей публикѣ, какъ Дагестанская область; между тѣмъ, она представляетъ во многихъ отношеніяхъ весьма интересный уголокъ не только на Кавказѣ, но и во всей Европѣ. Стоитъ взглянуть на ея орографическій и геологическій характеръ, хоть поверхностно ознакомиться съ различными языками жителей, ее населяющихъ, съ ихъ своеобразными обычаями, обрядами и разнообразными занятіями въ хозяйственныхъ и промышленныхъ отрасляхъ, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

На небольшой территоріи ¹⁾, занимаемой Дагестанской областью, сплотились около 30 различныхъ народностей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ: «лезгины» ²⁾; каждая изъ этихъ 'народностей, населяя какой-нибудь округъ (уѣздъ) Нагорнаго-Дагестана или часть уѣзда, или всего 2—3 аула (селенія), живетъ почти совершенно изолированно отъ другихъ; занимается скотоводствомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ, шерстяными издѣліями ³⁾ и разными кустарными промыслами; кромѣ того, еще разрабатываетъ разбросанные по высокимъ горамъ и глубокимъ ущельямъ луга и пашни. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе трудности сообщеній черезъ высокія каменистыя скалы, которыми прорѣзана вся Дагестанская область, за исключеніемъ прибрежья Каспійскаго моря, составляющаго сѣверо-восточную часть Дагестана, обмѣнъ продуктовъ указанныхъ занятій идетъ крайне туго.

Вотъ объ этомъ заброшенномъ уголкѣ Кавказа я думаю сообщить кое-какія свѣдѣнія. Право назвать Дагестанскую область заброшеннымъ уголкомъ Кавказа даетъ мнѣ то, что для ея характеристики имѣется сравнительно мало литературныхъ источниковъ; хотя въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ можно встрѣтить кое-какія свѣдѣнія о Дагестанѣ, но, къ сожалѣнію, и этотъ небольшой запасъ страдаетъ существенными недостатками: во-первыхъ онъ сообщенъ,

¹⁾ Поверхность Даг. обл. = 26.159 кв. в. или 2.724.358 дес. съ густотою населенія 234 чел. об. пола на кв. версту.

²⁾ Сюда не входятъ кумыки и другія племена, живущія по берегамъ Каспійскаго моря.

³⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ отчетъ о Всероссийской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. (т. V стр. 103—110).

за немногими исключеніями, людьми мало знакомыми съ характеромъ мѣстности и съ основными чертами описываемыхъ ими народовъ; а во-вторыхъ, свѣдѣнія главнымъ образомъ относятся къ стратиграфіи Дагестана. Болѣе счастливый жребій палъ на долю Дагестана въ области изслѣдованія по лингвистикѣ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи имѣются цѣлые ученые трактаты выдающихся ученыхъ дѣятелей, барона Услара, акад. Шифнера и другихъ.

Послѣ всего сказаннаго не могу не указать здѣсь на крайне несообразное и непонятное причисленіе Дагестанской области по административному дѣленію къ Закавказскому краю, несмотря на то, что вся эта область лежитъ по сію (сѣверную) сторону главнаго Кавказскаго хребта. Та же участь постигла и часть Бакинской губер., весь Кубинскій уѣздъ.

Обращаю вниманіе на это въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма важное обстоятельство, потому что оно, во-первыхъ, рѣзко бросается въ глаза при осмотрѣ карты Кавказа, а во-вторыхъ, ведетъ къ заблужденію и недоразумѣнію среди людей, сколько-нибудь заинтересованныхъ Дагестанской областью. Со словами «Закавказье» и «Сѣверный Кавказъ» связано понятіе о тѣхъ или другихъ частяхъ Кавказскаго перешейка, расположенныхъ къ сѣверу или къ югу отъ главнаго хребта его. Позднее завоеваніе Дагестанской области русскими—фактъ не настолько важный, чтобы изъ-за этого причислять ее къ Закавказскому краю.

Изъ массы интересныхъ и любопытныхъ вопросовъ о Дагестанской области я выбрала ученіе арабской грамоты и Корана Могамеда, такъ какъ въ настоящее время многочисленныя народности этого уголка сильно чувствуютъ недостатокъ въ азбукахъ, правильно поставленныхъ по отношенію преподаванія и соотвѣтствующихъ звукамъ ихъ языковъ; арабская же азбука, съ давнихъ поръ пустившая глубокіе корни среди дагестанскихъ горцевъ, далеко не выполняетъ этой задачи, кромѣ того, черезчуръ обильна над- и под-буквенными знаками, сильно испещряющими и затрудняющими письмо. Разобрать эту азбуку въ фонетическомъ отношеніи, указать на достоинства и недостатки ея—дѣло филологовъ, лингвистовъ, я же намѣчу здѣсь только методъ преподаванія ея въ горахъ Дагестана.

Въ первой половинѣ VIII вѣка, во время могущества халифовъ, юго-восточныя части Кавказскаго перешейка находились подъ властью арабовъ; халифы назначали для управленія ими своихъ намѣстниковъ, которые нерѣдко порабощали завоеванные ими племена, брали съ нихъ натурою непосильную дань и въ концѣ концовъ обращали ихъ въ исламъ.

Арабскій полководецъ Абу-Муссимъ, укрѣпившись въ Дербентѣ, въ то время главномъ городѣ Дагестана, быстро одно за другимъ покорилъ всѣ племена, населявшія эту страну, а въ 733 году поставилъ тамъ своихъ правителей, между которыми въ Казикумухъ былъ назначенъ Шахъ-Бааль, отъ имени котораго, какъ полагаютъ,

произошла династія Шамхаловъ, столь извѣстная въ настоящее время среди дагестанцевъ. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ о Дагестанѣ и судьбѣ его горцевъ неизвѣстно почти ничего, а если даже изрѣдка и встрѣчаются кое-какія смутныя указанія, относящіяся исключительно къ ихъ военной жизни, то они не даютъ никакого понятія о томъ, сохранили ли горцы исламъ, принесенный къ нимъ арабами, затѣмъ—кому они подчинялись или же жили независимо.

Въ пользу послѣдняго есть указанія, свидѣтельствующія, что горцы (лезгины) нападали на сосѣднія страны, грабили ихъ, затѣмъ укрывались въ своихъ непроходимыхъ горахъ. Съ XVI столѣтія до окончательнаго завоеванія Дагестана русскими въ 1859 году, когда былъ взятъ Шамиль, имамъ Дагестана, каждая изъ многочисленныхъ подгруппъ лезгинскаго племени занимала извѣстную часть Нагорнаго-Дагестана, имѣла избранныхъ изъ своей среды хановъ, т.-е. правителей. Ханъ управлялъ народомъ, рѣшалъ спорныя дѣла, и каждый самостоительно, независимо отъ другихъ хановъ, могъ вести войны съ сосѣдними племенами или заключать съ ними миръ и вступать въ союзъ. Время это было самое тяжелое для народа: не было конца междоусобнымъ войнамъ, каждый ханъ хотѣлъ расширить свое владѣніе насчетъ другого и подчинить его себѣ. Такое раздробленіе Дагестана на мелкія ханства и вражда между его ханами какъ нельзя лучше благопріятствовали вторженію сюда турокъ, персовъ, грузинъ и русскихъ. Дагестанъ въ то время служилъ театромъ войны у восточныхъ народовъ: горныя рѣчки превратились въ кровавые потоки, темныя глубокія ущелья переполнились трупами правовѣрныхъ лезгиновъ, храбро защищавшихъ свою самостоятельность; больше всего пострадали они отъ персидскаго царя Шахъ-Надыра, пролетѣвшаго по Кавказу, какъ огненный метеоръ, предавая огню и мечу все встрѣчаемое имъ по пути; грозный шахъ не щадилъ ни грудныхъ дѣтей, ни сѣдыхъ стариковъ, стоявшихъ у гробовой доски.

Въ 40 и 50 годахъ настоящаго столѣтія Шамиль, которому въ то время подчинялась вся Дагестанская область, части нынѣшнихъ губерній: Тифлисской, Елизаветпольской, Бакинской, Терской области и Закатальскаго округа, всячески старался сохранить въ народѣ чистоту арабскаго ученія; онъ, въ продолженіе 25-лѣтняго своего владычества надъ Дагестаномъ, энергически стремился къ уничтоженію суда по *адату*, т.-е. по обычаямъ, существовавшимъ въ Дагестанѣ еще до прихода арабовъ, а взамѣнъ этого пытался ввести во всей своей полнотѣ *шаріатъ*, т.-е. рѣшеніе дѣлъ по предписаніямъ Корана. Впрочемъ, многіе ученые муллы, разбиравшіе духовные вопросы, въ угоду имаму (Шамилю) допускали нѣкоторыя отступленія отъ шаріата; такъ, напримѣръ, по опредѣленію Корана всѣ правовѣрные магометане, гдѣ бы они ни были, должны молиться въ день пять разъ: первый разъ рано утромъ, часа за два до восхода солнца, второй—въ полдень, третій—предъ закатомъ солнца, четвертый—послѣ заката, при появленіи звѣзды, и, наконецъ, пятый—около 9—10

часовъ вечера; все это, съ сопряженными съ этимъ каждый разъ омовеніями рукъ, ногъ и лица, крайне тяжело и затруднительно во время войны, потому Шамиль, при осадѣ Салти русскими войсками, собралъ ученый совѣтъ и предложилъ имъ вопросъ: «можно ли въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ приурочить исполненіе обязательныхъ молитвъ къ одному удобному времени, или же, во всякомъ случаѣ, должно совершать каждую молитву въ свое назначенное время?» Всѣ ученые единогласно отвѣтили: «Шаріатъ не допускаетъ пропускать молитву въ свое время». Тогда Закаллау, извѣстный ученый мулла въ Дагестанѣ, сказалъ Шамилю: «Можно, мой сынъ, можно соединять». Ему возразили, что въ Ибнъ-Гажарѣ (арабская книга) говорится: «нельзя». На это Закаллау отвѣтилъ довольно остроумно: «Если бы въ то время, когда авторъ этой книги писалъ сіи строки, налетали бы къ нему вотъ такія штуки, указывая на летѣвшую тогда по воздуху бомбу, то повѣрь, твой авторъ написалъ бы, что не только можно соединять нѣсколько молитвъ въ одну, но прибавилъ бы еще, что при такихъ обстоятельствахъ даже цѣлый годъ можно совсѣмъ не молиться».

Сдѣлавъ такой краткій очеркъ характеристики Дагестана и принесенія туда ислама, я приступлю къ изложенію метода изученія арабской грамоты и Корана въ горахъ этой области: при этомъ буду имѣть въ виду однихъ лековъ или казикумухцевъ, которые мнѣ наиболѣе знакомы; дѣлаю такое ограниченіе еще потому, что все, что будетъ сказано мною о казикумухцахъ, смѣло можно примѣнить и къ другимъ подгруппамъ лезгинскаго племени, вслѣдствіе общности этихъ народовъ, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ: отличія здѣсь черезчуръ мелки, детальны, и останавливаться на нихъ нѣтъ надобности.

Въ Казикумухскомъ округѣ ученіе арабской грамоты и Корана можно раздѣлить на два періода: въ первый періодъ учатся только ясно и свободно читать (безъ перевода на родной языкъ) одну священную книгу Коранъ и изучаютъ основные догматы магометанской вѣры. Большею частью ученики (99 изъ 100) этимъ и заканчиваютъ свое образованіе, если только одно *простое* умѣніе читать Коранъ можно назвать образованіемъ. Въ второй періодъ приступаютъ къ болѣе или менѣе правильному разбору арабской грамматики и другихъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія.

Разсмотримъ тотъ и другой періодъ. Начнемъ съ перваго.

Каждый порядочный горецъ-семьянинъ считаетъ священнымъ долгомъ обучать дѣтей своихъ бѣглому и свободному чтенію Корана, чтобы они могли прочитывать каждое утро и вечеръ, оставаясь дома или идя къ могиламъ родителей и близкихъ родныхъ, по нѣскольку главъ выученнаго ими Корана. Обучаютъ главнымъ образомъ мальчиковъ, дѣвочки большею частью лишены возможности заниматься

изученіемъ Корана; обыкновенно только богатые люди, князья и ханы, обучаютъ и ихъ этой священной книгѣ.

Подобное отношеніе къ дѣвочкамъ среди казикумухцевъ, да и вообще всего лезгинскаго племени, вполне понятно и естественно; иначе и быть не могло, такъ какъ дѣвочки здѣсь съ раннихъ лѣтъ являются помощницами хозяйки: убираютъ комнаты, присматриваютъ за грудными дѣтьми, помогаютъ матерямъ въ стряпнѣ, сопровождаютъ ихъ во всѣхъ полевыхъ работахъ, или остаются дома, чтобы съ помощью какой-нибудь доброй сосѣдки, которая въ этихъ случаяхъ пособляетъ имъ, приготовить и подать обѣдъ остающимся дома мужчинамъ семьи. Мужчины въ горахъ только въ рѣдкихъ случаяхъ принимаютъ участіе въ полевыхъ работахъ: пахать, косить и связывать выюки вотъ ихъ дѣло; вся же остальная тяжесть въ высшей степени утомительныхъ полевыхъ и хозяйственныхъ занятій падаетъ цѣликомъ на голову женщинъ, созданныхъ, по мнѣнію казикумухцевъ, самимъ Богомъ для служенія перлу созданія, т. е. мужчинѣ. Поэтому мужчины во всемъ казикумухскомъ округѣ считаютъ оскорбительнымъ для себя работать вмѣстѣ съ женщинами одну и ту же работу или помогать имъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ; кромѣ того, частыя войны съ сосѣдями заставляли ихъ быть въ каждую минуту наготовѣ, т. е. вооруженными, чтобы охранять свое имущество отъ нападенія чужеземцевъ и мюридовъ, которые въ критическіе моменты грабили и своихъ единовѣрцевъ.

Въ послѣднее время и многіе мальчики не могутъ обучаться Корану вслѣдствіе того, что имъ также съ раннихъ лѣтъ приходится въ качествѣ подмастерьевъ сопровождать своихъ отцовъ въ ихъ отхожихъ промыслахъ. Ежегодно изъ казикумухскаго округа ѣдутъ на заработки внѣ предѣловъ Дагестанской области около 12 тыс. мужчинъ.

Помимо указанныхъ обстоятельствъ, служащихъ помѣхой къ изученію Корана, не мало препятствуютъ этому еще помѣщенія (училища) учениковъ и сами учителя—муллы. Муллы, которымъ отдаютъ дѣтей на обученіе въ полное ихъ распоряженіе, буквально не подготовлены къ своей дѣятельности и не менѣе учениковъ своихъ нуждаются въ образованіи: многіе изъ нихъ, обладая красивымъ почеркомъ и бѣглымъ чтеніемъ Корана, мало-мальски научившись съ грѣхомъ пополамъ переводить арабскія книги и аккуратно посѣщая мечети во время службы, находятъ себѣ мѣста при мечети въ качествѣ дибира, т. е. священника, и тѣмъ самымъ, такъ сказать, приобрѣтаютъ права открывать училище и принимать дѣтей.

Для открытія училища не требуется никакого труда и капитала; собственно говоря, училища въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется, вовсе не существуетъ во всемъ казикумухскомъ округѣ: мулла—единственное лицо въ учительскомъ персоналѣ—по своему усмотрѣнію отдѣляетъ для этой цѣли ту или другую заброшенную часть своего дома или просто какой-нибудь сарай. На этомъ я подробно останавлиюсь нѣсколько позже, теперь же скажу кое-что о судъ-

бѣ учениковъ, изучающихъ Коранъ; заранѣе спѣшу сдѣлать маленькую оговорку, что я буду говорить только о тѣхъ ученикахъ, которые заканчиваютъ свое образованіе заучиваніемъ читать Коранъ, не понимая его и самыхъ основныхъ началъ магометанской религіи.¹⁾ Кста-ти объ этихъ основныхъ началахъ религіи слѣдуетъ замѣтить, что они не всегда проходятся въ училищахъ у муллы; этому обучаютъ дѣтей сами родители.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ вопросы: что даетъ такимъ ученикамъ въ смыслѣ ихъ будущности изученіе Корана? какими правами и преимуществами они пользуются по прохожденіи этой книги? занимаютъ ли они какія нибудь общественныя положенія? и наконецъ отличаются ли они по своему развитію хоть сколько-нибудь отъ другихъ лицъ, не обучавшихся Корану? На всѣ эти вопросы можно отвѣтить отрицательно. Если это такъ, если изученіе Корана не даетъ никакихъ правъ и преимуществъ и ничуть не расширяетъ кругозоръ умственного развитія (наоборотъ, притупляетъ свѣжій дѣтскій умъ) лицъ владѣющихъ чтеніемъ Корана, то спрашивается: чѣмъ объяснить все-таки довольно значительный процентъ дѣтей, изучающихъ его?

Несомнѣнно, причиной этому сильный религіозный фанатизмъ, господствующій въ Дагестанѣ надъ всѣми другими человѣческими проявленіями и страшно тормозящій прогрессъ среди горцевъ. Изъ сказаннаго мною вовсе не слѣдуетъ, что не нужно изучать Коранъ, напротивъ, каждому магометанину, тѣмъ болѣе цивилизованному, получившему европейское образованіе, необходимо знать и понимать свое евангеліе, т. е. Коранъ; но только ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ безтолково тратить столько времени (2—3 г.) на то, чтобы мальчикъ только выучился читать, не понимая того, что онъ читаетъ.

За послѣднее десятилѣтіе религіозная ненависть дагестанскихъ горцевъ ко всѣмъ прочимъ народностямъ не магометанскаго вѣроисповѣданія, которыхъ они называютъ общимъ именемъ „гояуры“ (неправовѣрные, заблудшіеся), весьма сильно ослабѣла; это ослабленіе прежде всего замѣчается въ близкихъ торговыхъ, промышленныхъ и другихъ сношеніяхъ дагестанцевъ съ другими племенами неодинаковаго съ ними вѣроисповѣданія. Единственно тѣмъ же ослабленіемъ фанатизма можно объяснить замѣтное увеличеніе въ послѣдніе годы числа горцевъ, поступающихъ въ русскія среднія учебныя заведенія. Къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками никакихъ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ этому отрадному явленію въ жизни дагестанскихъ горцевъ, чтобы убѣдительнѣйшимъ образомъ фактически доказать сильное стремленіе ихъ къ русскому образованію. Недостатокъ же статистическаго матеріала не позволяетъ мнѣ

¹⁾ Замѣтимъ еще и то, что ученикъ, употребивъ часто на заучиваніе Корана года 2—3, не научается написать письмо ни на арабскомъ, ни на своемъ родномъ языкѣ.

констатировать еще и тотъ фактъ, въ существованіи котораго я не сомнѣваюсь, что послѣ завоеванія Дагестана русскими арабское ученіе начинаетъ падать здѣсь изъ года въ годъ, уступая свое мѣсто наиболѣе цѣлесообразному европейскому образованію. Что и само населеніе этой страны, если не поняло благотворное вліяніе названнаго образованія, то по крайней мѣрѣ видитъ въ немъ цѣлесообразность (средство для достиженія извѣстной цѣли—погоны), свидѣтельствуемъ Темиръ-Ханъ-Шуринское реальное училище. Въ началѣ 70 годовъ, когда оно было еще прогимназіей, горцевъ чуть ли не насильно упрасивали отдавать туда своихъ дѣтей для обученія на казенный счетъ; въ настоящее же время это единственное учебное заведеніе во всемъ Дагестанѣ, которое одно только можетъ хоть сколько-нибудь улучшить положеніе горцевъ и измѣнить ихъ устарѣлые взгляды, за неимѣніемъ средствъ (?) закрываетъ свои двери болѣе $\frac{3}{4}$ горцевъ, жаждущихъ образованія.

Коснувшись русскаго образованія среди дагестанскихъ горцевъ, не могу не упомянуть объ отрадномъ явленіи, замѣчаемомъ нынѣ въ Дагестанской области—это открытіе сельскихъ школъ исключительно для однихъ горцевъ. Въ настоящее время во всѣхъ, болѣе или менѣе населенныхъ, аулахъ имѣются такъ называемыя горскія школы; къ несчастію всѣ онѣ страдаютъ весьма крупнымъ и существеннымъ недостаткомъ: учителями этихъ школъ назначены лица, не знающія ни одного слова горскаго языка, на которомъ говорятъ ученики-горцы, вслѣдствіе чего учителя и ученики буквально не понимаютъ другъ друга; послѣдніе не могутъ усвоить не только примѣненія самыхъ элементарныхъ правилъ русской грамматики, но не понимаютъ даже и смысла этихъ правилъ, равно какъ и объясненій и рассказовъ учителей. Бываютъ случаи, что ученикъ отвѣчаетъ свой урокъ блистательно (на взглядъ учителя), но это еще не доказываетъ, знаетъ ли онъ его, понимаетъ ли, какъ слѣдуетъ. Онъ, привыкши безотчетно читать Коранъ, по тому же образцу заучиваетъ и правила русской грамматики. Для полноты своего изложенія мнѣ необходимо прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію методы изученія Корана, указать еще, какъ смотрятъ горцы на русское образованіе, что заставляетъ ихъ отдавать своихъ дѣтей въ русское учебное заведеніе. Въ большинствѣ случаевъ горецъ—отецъ, отдавшій сына своего въ какое-нибудь русское училище, не знаетъ, чему учать его тамъ; онъ думаетъ, что первымъ долгомъ его обучаютъ христіанской религіи (Евангелію), а затѣмъ уже преподаютъ и другіе предметы, по его мнѣнію, совершенно лишніе, кромѣ ружейныхъ пріемовъ, которые онъ также считаетъ входящими въ курсъ преподаванія. Несмотря на все это, отецъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что сынъ его рано или поздно пріѣдетъ къ нему на родину въ блестящемъ военномъ мундирѣ, съ желтыми погонами, представляющими въ глазахъ горца громадныя преимущества предъ бѣлыми, какіе бы эти послѣдніе ни были: под-

поручикъ съ желтыми погонами занимаетъ среди дагестанскихъ горцевъ болѣе почетное мѣсто, чѣмъ капитанъ съ бѣлыми, если бы даже этотъ послѣдній былъ военный докторъ съ университетскимъ образованіемъ и съ прекраснымъ содержаніемъ. Въ Дагестанѣ одни только инженеры могутъ конкурировать съ армейскимъ офицеромъ въ желтыхъ погонахъ; горцы думаютъ, и не безъ основанія, что инженеръ неистощимый запасъ золота и серебра.

Въ Дагестанской области съ бѣлыми погонами ходятъ главнымъ образомъ только офицеры туземнаго конно-иррегулярнаго полка, получившіе офицерскіе чины за долгую и усердную службу русскому правительству или за храбрость, оказанную ими во время турецкой войны. Эти офицеры носятъ національный кавказскій костюмъ, получаютъ очень маленькое содержаніе, а самое главное—не командуютъ русскими солдатами, потому они и считаются стоящими несравненно ниже другихъ офицеровъ съ желтыми погонами, носящихъ военный мундиръ съ блестящими металлическими пуговицами и къ довершенію всего этого командующихъ ротою солдатъ.

Вотъ какими соображеніями руководствуется горецъ, отдавая своего сына въ русское училище; о способности его и успѣхахъ по предметамъ ученическаго курса онъ судитъ по разстоянію: чѣмъ дальше находится его сынъ отъ своей родины по направленію къ Петербургу или Москвѣ, слѣдовательно чѣмъ ближе къ этимъ послѣднимъ тотъ городъ, въ которомъ учится онъ, тѣмъ, по мнѣнію горца, выше или способнѣе его сынъ.

Иногда отецъ для повѣрки знаній своего сына задаетъ ему задачи: сколько иглокъ уложится по длинѣ отъ такого-то мѣста до такого? или сколько шаговъ отъ одного пункта до другого? По русскому языку спрашиваетъ: какъ называется (по-русски) такой-то предметъ? или, что значитъ такое-то русское слово? При этомъ и русское понимается въ самомъ широкомъ значеніи его: сюда входятъ не только мѣстныя (молороссійскія и другія), провинціальныя, техническія и другія спеціальныя слова, но также и иностранныя, вошедшія въ употребленіе въ русское языкѣ, которыя горцы исковеркиваютъ страшнымъ образомъ. Однажды горецъ спросилъ меня:

— Что значитъ мурса?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— Столько лѣтъ учится русскому языку и до сихъ поръ не знаетъ, что такое мурса,—сказалъ онъ, обратившись къ другому горцу.

— Такого слова нѣтъ въ русскомъ языкѣ.—возразилъ я.

— Какъ нѣтъ!—вскипятился онъ.—Если ты отдашь или подаришь что нибудь какому нибудь господину, то что скажетъ онъ тебѣ?

— Спасибо.

— Нѣтъ, такъ только мужики говорятъ, а порядочный человѣкъ скажетъ мурса (merci).

Очертивъ такимъ образомъ взглядъ горцевъ на русское образова-

ніе, я обращаюсь опять къ разсмотрѣнію изученія Корана въ Казикумухскомъ округѣ. Было указано раньше, что дибиры (муллы, служащіе при мечети) принимаютъ дѣтей для обученія Корану. Во времена ханскаго правленія этихъ вольнонаемныхъ муллъ, кажется, обязывали обучать дѣтей Корану, нынѣ же они сами занимаются этимъ дѣломъ, находя его все же выгоднымъ для себя. Каждый мулла имѣетъ въ среднемъ числѣ около 40 учениковъ и ученицъ и получаетъ отъ cadaго ученика или ученицы, по прохожденіи имъ полнаго курса, продолжающагося иногда 2-3 года, чистыми деньгами отъ 2 р. 50 к. до 10 руб. Можетъ казаться страннымъ, почему мулла, получая такое мизерное вознагражденіе за свой трудъ, все же таки считаетъ выгоднымъ заниматься съ учениками каждый день съ ранняго утра до вечера?

Если принять во вниманіе бѣдность экономическихъ условій жизни въ Казикумухскомъ округѣ, неограниченную власть, данную муллами пользоваться учениками и ученицами, какъ рабочими силами, тотъ, въ общей сложности, немалый доходъ, который получаетъ мулла въ видѣ подарковъ отъ родителей учащихся, и наконецъ еще то, что помѣщеніе учениковъ и ученицъ ему обходится необыкновенно дешево (оно ничего не стоитъ ему),—тогда намъ станетъ ясно, почему мулла не перестаетъ и теперь заниматься обученіемъ дѣтей Корану. Мулла для помѣщенія учениковъ и ученицъ отдѣляетъ ту или другую половину своей скромной сакли; болѣею частью для этой цѣли онъ выбираетъ какой нибудь сарай или всего чаще узенькій, продолговатый дворъ, $\frac{2}{3}$ котораго находится подъ крышею. Такъ какъ послѣдняго рода помѣщеніе всего чаще встрѣчается, то я его и опишу.

По длинѣ всего двора, вдоль 2 противоположныхъ стѣнъ, вырыты канавы въ $\frac{2}{3}$ аршина ширины и столько же глубины. Дно выстлано соломой или сѣномъ, чтобы грѣть ноги учениковъ, сидящихъ въ этихъ канавахъ спиною къ прилегающей стѣнѣ. Предъ учениками, по длинѣ всей канавы, тянется сплошное невысокое возвышеніе, обложенное сверху большими каменными плитами, на которыя ученики во время занятія могутъ класть свои книги. Въ неурочные часы книги оставляются въ маленькихъ четырехугольных ямкахъ, сдѣланныхъ тутъ же въ стѣнѣ, къ которой ученики упираются спиной, сидя на своихъ мѣстахъ. По такой канавѣ мулла размѣщаетъ учениковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на одномъ концѣ канавы, ближе къ воротамъ, сажаетъ самаго младшаго (наименѣе способнаго), по другую сторону отъ этого, на противоположномъ концѣ той же канавы, помѣщаетъ наиболѣе способнаго (самаго старшаго), а всѣхъ остальныхъ располагаетъ между этими двумя учениками, смотря по старшинству, ближе къ первому или ко второму.

Такъ какъ каждый мулла кромѣ учениковъ имѣетъ въ то же время и ученицъ, то онъ для этихъ послѣднихъ назначаетъ другую канаву, вырытую также вдоль стѣны противоположной первой, у которой си-

дять ученики; она снабжена такими же приспособленіями, какъ для учениковъ; порядокъ размѣщенія ученицъ по канавѣ также ничѣмъ не отличается отъ порядка размѣщенія учениковъ; дворъ муллы-учителя съ двухъ сторонъ представляется занятымъ учениками и ученицами, сидящими вдоль стѣнъ, одни противъ другихъ, лицомъ къ лицу. Вслѣдствіе такого ихъ положенія, между ними проходитъ всякій, кто имѣетъ надобность къ муллѣ и его семьѣ; кромѣ того, посреди учащихъ неизбѣжно долженъ пройти весь домашній скотъ муллы. Не трудно представить себѣ, какія прелестныя картины открываются ученикамъ и ученицамъ во время ихъ занятій. Въ холодные зимніе дни ученики и ученицы должны приносить изъ дома кизяки и дрова, чтобы развести среди двора большой костеръ и, сидя вокругъ него, учить свои уроки; а въ ясные теплые дни мулла перемѣщаетъ учениковъ и ученицъ на плоскую крышу своей сакли.

Разсмотримъ, каково и это, такъ сказать, временное училище.

Во всемъ Казикумухскомъ округѣ по краямъ крышъ складываютъ правильно сложенные кучи кизяковъ; онѣ, имѣя $\frac{2}{3}$ аршина въ толщину (толщина стѣнъ) и $2\frac{1}{2}$ въ высоту, составляютъ продолженіе наружныхъ стѣнъ зданія и окружаютъ такимъ образомъ крышу его обыкновенно съ трехъ сторонъ; только южную или восточную часть оставляютъ открытою, т. е. здѣсь не складываютъ кучъ кизяковъ. На крыши кладутъ также дрова и сѣно; при этомъ поступаютъ такъ: два домовладѣльца, живущіе на одной улицѣ, одинъ какъ разъ противъ другого, по обоюдному соглашенію перебрасываютъ черезъ улицу нѣсколько толстыхъ бревенъ на разстояніи около аршина одно отъ другого; бревна упираются одними концами на крышу одного домохозяина, другими—на крышу другого; поперекъ этихъ толстыхъ бревенъ ставятъ болѣе тонкія, затѣмъ уже сверху послѣднихъ накладываютъ сѣно или дрова. И каждый домохозяинъ занимаетъ ту половину, которая ближе къ нему. На такихъ крышахъ ученики и ученицы каждый отдѣльно сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, какъ вообще сидятъ горцы, и прислонившись спиною къ кучамъ кизяковъ. Рядъ учениковъ почти смыкается съ рядомъ ученицъ; ихъ отдѣляетъ маленькое, никѣмъ не занятое пространство. Самъ учитель муллы помѣщается, сидя на маленькой горской табуреткѣ, или по срединѣ учениковъ и ученицъ, или на одномъ концѣ ихъ, или же въ крестообразномъ углубленіи, сдѣланномъ на стогѣ сѣна. Подобное помѣщеніе учениковъ и ученицъ на крышѣ хотя имѣетъ ту дѣйствительно выгодную сторону, что учащіеся находятся на свѣжемъ воздухѣ, но не лишено также своего рода прелестей. Во-первыхъ, нерѣдко вышеупомянутыя кизяковыя кучи вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, отъ вѣтра или отъ сильнаго надавливанія на нихъ спинами учениковъ, обваливаются прямо на головы самихъ учениковъ, или на сосѣднюю улицу. Во время своей ученической жизни мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной такой картины; на этотъ разъ куча упала не на головы учениковъ, а на самого муллу, послѣ чего онъ проклялъ эту крышу со всѣми на-

ходящимися тамъ горючими матеріалами и больше никогда до конца своей жизни не пускалъ туда учениковъ и самъ не ходилъ.

Во-вторыхъ, лѣстница, по которой приходится взлѣзать на крышу, деревянная, узкая, безъ перилъ, съ тонкими круглыми ступенями, едва удерживающими человѣческую тяжесть, такъ что каждый, идущій по ней, рискуетъ если не жизнью, то по крайней мѣрѣ получить сильный ушибъ. Лѣстница эта временная, ее можно снять во всякое время, чѣмъ и пользуется мулла, чтобы ученики не бѣжали изъ училища въ его отсутствіи. Несмотря на всѣ предосторожности, принимаемыя муллою, чтобы ученики самовольно не отлучались изъ училища, они очень часто бѣгутъ оттуда, въ особенности по четвергамъ (базарный или рыночный день въ Казикумухъ). Въ такихъ случаяхъ мулла посылаетъ за виновниками полдюжины наиболѣе сильныхъ учениковъ привести ихъ къ нему и расправляется съ ними по своему: пускаетъ въ ходъ розги, оставляетъ на нѣсколько дней безъ обѣда, заставляетъ чистить дворъ (училище), посылаетъ по воду къ рѣчкѣ и т. д. Изъ этихъ наказаній самое тяжелое—это оставленіе безъ обѣда (послѣ предварительнаго угощенія розгами), потому что въ этомъ случаѣ ученикъ не отдѣляется однимъ наказаніемъ муллы, ему и дома достается отъ отца не меньше, чѣмъ отъ муллы. Мулла можетъ заставить, и очень часто заставляетъ, работать своихъ учениковъ и ученицъ не въ видѣ наказанія, а просто по своему желанію; потому они помогаютъ ему молотить хлѣбъ на току, утрамбовывать и укладывать сѣно въ сарай, очищать крышу и дворъ отъ снѣга. Кромѣ того, онъ посылаетъ кого нибудь изъ учащихся пѣшкомъ за 15—20 верстъ съ порученіемъ въ какой нибудь аулъ, такъ что мулла страшнымъ образомъ эксплуатируетъ своихъ учениковъ и ученицъ: за хочетъ—занимается съ ними, не заблагоразсудится ему—не станетъ, и вмѣсто занятія заставить учащихся работать какую нибудь утомительную физическую работу, и никто изъ родителей не вздумаетъ пренятствовать муллѣ обращать учениковъ въ чернорабочихъ.

Каждый, желающій отдать сына своего или дочь для обученія Корану, приходитъ во всякое время къ муллѣ вмѣстѣ съ сыномъ. Отъ новопоступающаго ученика не спрашивается никакихъ бумагъ и свидѣтельствъ: ни метрическаго, ни о привитіи оспы, ни о званіи и состояніи отца; не требуется также, чтобы отецъ подалъ какое нибудь письменное заявленіе о своемъ желаніи помѣстить сына или дочь въ училище. Все это замѣняется дружественной бесѣдой муллы съ отцомъ новопоступающаго ученика и тѣмъ подаркомъ, который дѣлаетъ этотъ послѣдній при этомъ муллѣ. На этотъ подарокъ ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть, какъ на средство избавленія отъ документовъ и свидѣтельствъ, которые у большинства горцевъ совсѣмъ не имѣются. Отецъ, подойдя къ муллѣ, призѣтствуетъ его обычными словами: «саламун — алайкумъ» (здравствуй)!— «Воалай-куму саламъ» (даздравствуй и ты), добро пожаловать, отвѣчаетъ мулла, и крѣпко жметъ ему руку.

Потомъ слѣдуютъ взаимные разспросы о житьѣ-бытьѣ и здоровьѣ всѣхъ членовъ семьи. Затѣмъ мулла тутъ же записываетъ крупнымъ шрифтомъ арабскую азбуку на продолговатой четырехугольной дощечкѣ. За этимъ мулла, попросивъ новопоступающаго ученика слѣдить за нимъ, нѣсколько разъ тихо и отчетливо произноситъ каждую букву азбуки, а затѣмъ заставляетъ его вслѣдъ за собой повторять каждую букву такъ, какъ выговариваетъ ее самъ мулла. Когда такимъ образомъ новопоступающій ученикъ трехкратно прочтетъ всю арабскую азбуку, мулла вручаетъ ему упомянутую дощечку и сажаетъ его на самомъ послѣднемъ краю канавы. Этимъ кончается пріемъ ученика. Тогда отецъ крѣпкимъ пожатіемъ руки благодаритъ муллу, проситъ его бить и наказывать сына, если онъ будетъ плохо заниматься, и самъ, строгимъ взглядомъ внушивъ сыну во всемъ слушаться муллы, уходитъ домой.

Когда ученикъ пройдетъ арабскую азбуку со всевозможными способами перестановки и сочетанія ея буквъ, тогда онъ приступаетъ къ изученію Корана, написаннаго также на арабскомъ языкѣ. Прежде, чѣмъ разсмотрѣть изученіе Корана, для пониманія дальнѣйшаго изложенія необходимо сказать нѣсколько словъ о подраздѣленіяхъ этой книги.

Коранъ, состоящій изъ **СХІV** отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ тому или другому случаю человѣческой жизни, раздѣляется на 31 джузъ, т. е. частей или книжекъ. Всѣ они по своей величинѣ или объему почти одинаковы, только число главъ, входящихъ въ составъ ихъ, различно; такъ, напримѣръ, одинъ джузъ имѣетъ болѣе 30 главъ а другой—составляетъ всего третью часть одной главы; затѣмъ конецъ (послѣнія страницы или строки) одной главы составляютъ начало джуза, а начало другой главы—конецъ его. Коранъ, состоящій изъ 31 отдѣльныхъ джузъ, можно встрѣтить во всѣхъ мечетяхъ Казакумухскаго округа; мечеть пріобрѣтаетъ его для того, чтобы раздавать при похоронахъ на кладбищѣ каждому читающему мужчинѣ по одному джузу, за что прочитавшій такой джузъ получаетъ отъ 10 до 20 коп. сер. или $1\frac{1}{2}$ аршина какой-нибудь матеріи.

Изъ всѣхъ 31 джузъ богатъ множествомъ отдѣльныхъ мелкихъ главъ послѣдній *Асима* джузъ, почему изученіе Корана и начинается съ него, т. е. съ конца Корана. Этотъ и слѣдующій за нимъ *Табарака* джузъ ученики проходятъ по складамъ. Когда такимъ образомъ они основательно ознакомятся съ арабской азбукой, мулла позволяетъ имъ учить остальную часть Корана, прочитывая каждую главу по нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока ученикъ не будетъ въ состояніи совершенно свободно и бѣгло читать ее, при чемъ ученикъ не понимаетъ ни одного слова изъ пройденнаго Корана: перевода Корана мулла имъ не дѣлаетъ, считая это противобожественнымъ, поэтому ученики заучиваютъ его просто читать какъ китайскую или какуюнибудь другую непонятную имъ книгу. Можетъ казаться страннымъ: какъ это такъ люди учатъ года 2—3 одну не-

большую книжку и въ концѣ концовъ ничего не понимаютъ изъ нея. Какъ бы это ни казалось страннымъ, въ дѣйствительности это такъ, и вдобавокъ еще къ этому они не научаются даже правильно читать Коранъ. Впрочемъ этого и слѣдовало ожидать, это само собою вытекаетъ изъ перваго, какъ слѣдствіе изъ причинъ безтолковаго заучиванія Корана. И въ самомъ дѣлѣ, спрашивается: можетъ ли горецъ, говорящій только на своемъ картавомъ языкѣ и не знающій ни одного слова арабскаго, на которомъ написанъ Коранъ, научиться правильно читать эту книгу? Мнѣ кажется, нѣтъ. Я даже могу это сказать съ увѣренностью, потому что лица (не горцы), умѣющіе переводить Коранъ, не понимаютъ его, когда читаетъ его горецъ. Между тѣмъ каждый горецъ — отецъ готовъ отдать свои послѣднія трудовыя копейки, чтобы сынъ его зналъ хоть просто читать эту священную книгу.

За обученіе Корана учитель мулла, какъ я сказалъ, получаетъ отъ cadaго ученика или ученицы чистыми деньгами отъ 2 р. 50 к. до 10 руб., кромѣ того тѣми или другими вещами или хорошимъ кушаньемъ родители учащихся дѣлаютъ ему подарки еще при слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда ученикъ пройдетъ арабскую азбуку и приступитъ къ изученію собственно Корана.

2) Когда онъ дойдетъ до третьей главы Корана „Кольпу“, считая снизу или съ конца Корана, такъ какъ обученіе его начинается съ конца.

3) Когда выучитъ бѣгло читать I Асима и II Табарака джузъ (опять считая съ конца).

4) Когда пройдетъ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ Корана.

5) И наконецъ наиболѣе цѣнный подарокъ получаетъ мулла, когда ученикъ совсѣмъ кончитъ курсъ ученія Корана, который состоитъ въ томъ, что нужно прочесть Коранъ известное число разъ отъ начала до конца и обратно: разъ съ помощью учителя муллы, а другіе раза — обращаясь къ нему за разъясненіемъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ училищахъ ученіе начинается съ ранняго утра, часомъ раньше восхода солнца, и продолжается вплоть до сумерекъ съ двумя маленькими перерывами (одинъ на завтракъ, спустя часа два послѣ восхода солнца, другой — ровно въ полдень).

Начало и конецъ ученія опредѣляется не по часамъ, которыхъ горцы, въ особенности муллы, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не носятъ или по крайней мѣрѣ не носили лѣтъ 15 тому назадъ, а возможностью разобрать безъ освѣщенія арабскія рукописныя книги.

Муллы до сихъ поръ считаютъ ношеніе часовъ черезъ шею на цѣпочкѣ или снуркѣ подобіемъ ношенія креста, потому и избѣгаютъ ихъ употреблять; а если даже и носятъ, то кладутъ ихъ въ боковой карманъ безъ цѣпочки. Уроки, которые ученики должны тутъ же въ училищѣ приготовить и отвѣтить, задаются въ день три раза: пер-

вый разъ утромъ до отпуска на домъ къ завтраку; второй—въ полдень; третій—вечеромъ предъ окончаніемъ занятій. Ученикъ, не-удовлетворительно отвѣтившій урокъ, лишается отпуска до тѣхъ поръ, пока онъ не выучитъ его. Спрашиваетъ и задаетъ уроки каждому ученику отдѣльно самъ мулла только тогда, когда у него есть на это совершенно свободное время. Обыкновенно съ учениками онъ занимается приблизительно только до 10 часовъ утра, а все остальное время онъ, то служа въ мечети, то вмѣстѣ съ населеніемъ разбирая какойнибудь общественный вопросъ, то занимаясь своимъ хозяйствомъ, никогда не просиживаетъ съ ними до конца занятій. Въ отсутствіи муллы его роль исполняетъ или жена, или сынъ, или дочь его, или же старшій изъ учениковъ, которые, пользуясь довѣріемъ муллы, страшно терзаютъ и мучатъ младшихъ учениковъ: бьютъ, колотятъ ихъ, выдергиваютъ волосы на вискахъ и т. д.

Задающій урокъ, будь онъ самъ мулла или лицо, которому онъ поручаетъ учениковъ въ своемъ отсутствіи, призываетъ къ себѣ каждого ученика по порядку старшинства, спрашиваетъ старый урокъ, и, задавая каждому ученику отдѣльно новый, не объясняетъ ему ни содержанія, ни смысла урока, а слѣдитъ лишь только за бѣглымъ чтеніемъ. Послѣ каждого такого задаванія и спрашиванія уроковъ муллѣ приходится дѣлать нѣкоторыя измѣненія въ размѣщеніи учениковъ по ихъ мѣстамъ: отставшаго отъ другихъ учениковъ отодвигать, перегнавшаго—передвигать къ наиболѣе способному (старшему) ученику, занимающему самое почетное мѣсто въ ряду, т.-е. сидящему во главѣ всѣхъ учениковъ.

Ученики готовятъ свои уроки, читая ихъ громко во все горло, при этомъ каждый старается по возможности сильнѣе качать голову и туловище, чтобы этимъ показать муллѣ свое усердіе; мулла, сидя на горской табуреткѣ съ длинной палкой въ рукѣ, слѣдитъ за учениками.

Какъ только ктонибудь изъ учениковъ кончитъ курсъ Корана—пройдетъ его одинъ разъ съ конца до начала, слѣдовательно, когда онъ произнесетъ послѣднее слово первой главы Корана, всѣ остальные ученики на перебой спѣшатъ къ родителямъ его сообщить имъ объ этомъ радостномъ извѣстіи. Мать или отецъ окончившаго курсъ Корана ученика даритъ вышитый золотомъ и серебромъ кисетъ тому, кто первый сообщилъ имъ объ этомъ извѣстіи, а остальнымъ ученикамъ раздаетъ фрукты. Затѣмъ ученики возвращаются обратно въ училище, берутъ толстое круглое бревно, сажаютъ на немъ верхомъ окончившаго курсъ товарища и съ шумомъ и крикомъ подъ звуки зурны везутъ его на-домъ: подойдя къ воротамъ дома, они требуютъ отъ родителей вынести къ нимъ цѣнный подарокъ сыну, благополучно окончившему курсъ Корана, и не ссаживаютъ своего товарища съ бревна до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ ихъ требованія. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ родители дарятъ сыну въ полную его собственность хорошее старинное оружіе или добраго коня.

Ученики, какъ только исполняютъ ихъ требованіе, вносятъ своего товарища на рукахъ въ прекрасно убранную для нихъ комнату, гдѣ имъ задають хорошій обѣдъ. Въ этотъ день домъ родителей счастливо окончившаго курсъ Корана принимаетъ самый праздничный видъ: въ немъ обѣдаютъ около 150 человѣкъ, кромѣ учениковъ и ученицъ, а по окончаніи обѣда начинаются національныя пѣсни и танцы „лезгинка“.

Кончившему курсъ дается недѣля на отдыхъ, послѣ чего онъ снова долженъ ходить къ муллѣ мѣсяца полтора для повторенія пройденнаго, т.-е. напрактиковаться къ бѣглому чтенію Корана. Большая часть горцевъ этимъ и заканчиваетъ свое образованіе, только самая незначительная доля ихъ (около $\frac{1}{2}$ %) продолжаетъ образованіе еще дальше: кромѣ Корана, изучають арабскую грамматику и нѣсколько другихъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія.

Туземецъ.

ИЗЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

VI ¹⁾.

Этнографія и исторія.

(*Hans F. Helmolt. Weltgeschichte. Band I, стр. VII+630,8⁰,
Leipzig u. Wien, 1899*).

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что обширный томъ, носящій заглавіе „Всемирная исторія“, служитъ предметомъ обсужденія на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, къ тому же въ отдѣлѣ западно-европейской *этнографической* литературы. Причина этого лежитъ въ самомъ характерѣ труда, изданнаго Гельмольтомъ, вѣрнѣе, въ его точкѣ зрѣнія на правильную постановку изученія исторіи человѣчества. Эта точка зрѣнія носитъ, если такъ можно выразиться, этнографо-географическій характеръ. Гельмольтъ отмѣчаетъ тѣснѣйшую связь исторіи съ этнографіей, ставитъ выводы послѣдней въ основу историческаго изученія, удѣляетъ научнымъ положеніямъ такъ называемой общей и спеціальной этнографіи слишкомъ выдающееся мѣсто, чтобы не признать вышеназванный трудъ по меньшей мѣрѣ одинаково интереснымъ и важнымъ какъ для историка, такъ и для этнографа.

Въ постановкѣ вопроса на этнографическую почву, въ утвержденіи, что исторія человѣчества не можетъ быть изучаема, если она претендуетъ на серьезность, внѣ этнографическихъ данныхъ и условій обстановки, заключается главный интересъ книги Гельмольта для этнографа. Къ его взглядамъ и высказываемымъ имъ положеніямъ мы перейдемъ ниже. Прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о задачѣ самаго труда. Въ настоящій моментъ передъ нами только первый томъ обширной „Всемирной исторіи“. Естественно, что при новой постановкѣ вопроса одному лицу было бы не подѣ

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“ XL—XLI.

силу рѣшать многочисленныя задачи, поставленныя во „Всемирной исторіи“ Гельмольта. Къ участию въ работѣ были приглашены по разнымъ вопросамъ многочисленные спеціалисты, одни имена которыхъ уже способны внушить интересъ къ новому изданію. Каждый крупный отдѣлъ перваго тома обработанъ отдѣльнымъ лицомъ: Колеръ, Ранке, Ратцель, Геблеръ и Вейле дали крупныя статьи, составляющія съ предисловіемъ и введеніемъ Гельмольта содержаніе обширнаго перваго тома. Не слѣдуетъ думать, чтобы разнообразіе авторовъ придавало книгѣ болѣе или менѣе пестрый характеръ; онъ замѣчается только въ стилѣ. Но всѣ статьи проникнуты одной мыслью, потому что всѣ авторы раздѣляютъ въ существенномъ точку зрѣнія издателя; вслѣдствіе этого вышедшій трудъ оставляетъ впечатлѣніе цѣльности.

Самый планъ этого обширнаго изданія, имѣющаго наполнить восемь томовъ, составленъ оригинально и во всякомъ случаѣ рѣзко отличается отъ обычныхъ приѣмовъ расположенія матеріала въ трудахъ по „всеобщей“ исторіи. Мы слишкомъ свыклись, что исторія начинается съ зари жизни культурныхъ племенъ, съ Месопотаміи и береговъ Нила, и что затѣмъ изложеніе сосредоточивается на Европѣ. Остальныя народности вводятся или постольку, поскольку съ ними сталкивались европейцы, или соединяются съ исторіей Европы лишь механически. Въ изданіи Гельмольта исторія человѣчества начинается съ Америки, которая лишь весьма поздно примкнула къ исторіи Европы. Эта оригинальная постановка плана находитъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ соображеніяхъ Гельмольта, изложенныхъ имъ въ предисловіи: получивъ въ 1894 г. предложеніе отъ Библиографическаго Института выработать планъ изложенія всемирной исторіи, Гельмольтъ отчасти подъ вліяніемъ усвоенныхъ имъ точекъ зрѣнія Ратцеля рѣшилъ, что всеобщая исторія человѣчества должна въ настоящее время покоиться на другихъ основахъ, чѣмъ тѣ, которыя ей давались въ большинствѣ предшествующихъ трудовъ. Всемирная исторія не можетъ обойти молчаніемъ ни данныхъ доисторической археологіи, ни хода развитія такъ называемыхъ дикарей до ступени народностей полукультурныхъ. Эта задача могла быть рѣшена лишь подъ условіемъ расположенія матеріала съ точки зрѣнія этнографо-географической. За исходную точку Гельмольтъ рѣшился принять американскій материкъ: къ этому приводитъ его основная мысль, что исторія человѣчества можетъ быть начата не съ наиболѣе цивилизованныхъ народностей, а, наоборотъ, съ племенъ наименѣе культурныхъ. Сопоставляя этнографическую и географическую точки зрѣнія, Гельмольтъ приходитъ къ убѣжденію, что тихоокеанско-американская область наиболѣе характерна для изученія этого рода. Америка занимаетъ восточную, крайнюю часть этой области. Она, поэтому, болѣе всего пригодна для исходной точки всемирной исторіи человѣчества, если смотрѣть на послѣднее какъ на нѣчто цѣльное, а не ограничивать этотъ терминъ лишь такъ называемыми историческими расами.

Мы не отрицаемъ, что противъ этой точки зрѣнія можно сдѣлать не мало возраженій. Но разъ мы признаемъ правильность основного положенія Гельмольта, что изученіе исторіи человѣчества должно разсматривать послѣднее въ широкихъ предѣлахъ этнографо-географическихъ областей, придется одновременно признать, что выборъ Америки въ качествѣ исходнаго пункта оказывается довольно удачнымъ. Обширность материка, разнообразіе племенъ, а главное—фактъ, что эти племена и народности находятся на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ цивилизаціи, начиная отъ народностей еле знакомыхъ съ металлами и кончая развитыми представителями европейской культуры, далѣе, фактъ самостоятельнаго развитія американскихъ народностей отъ примитивныхъ стадій до созданія сравнительно цивилизованныхъ обширныхъ государственныхъ организмовъ и т. д., — все это даетъ этнографу и антропогеографу богатый и разнообразный матеріалъ для научныхъ изысканій и провѣрки научныхъ выводовъ, а для историка служить обширнымъ введеніемъ въ исторію человѣчества, позволяющимъ ему расширить научную перспективу своего предмета. Но, останавливаясь прежде всего на Америкѣ, издатель „Всемирной исторіи“ спѣшитъ оговориться, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія, будто американская культура хронологически древнѣе европейской, а тѣмъ менѣе склоненъ присоединиться къ непровѣренному выводу, высказываемому нѣкоторыми изслѣдователями Новаго Свѣта, будто въ американскомъ материкѣ слѣдуетъ искать колыбели человѣческаго рода. Первый томъ новаго труда посвященъ, такимъ образомъ, исторіи Америки. Слѣдующій томъ имѣетъ быть посвященнымъ Океаніи, восточной Азіи и области Индійскаго океана, третій — будетъ содержать исторію западной Азіи и Америки, четвертый будетъ посвященъ народностямъ средиземноморскаго бассейна, пятый — юговосточной Европѣ и славянскимъ народностямъ, шестой — германскимъ и романскимъ племенамъ, седьмой — исторіи Европы до 1800 г. и, наконецъ, восьмой — исторіи Европы въ XIX вѣкѣ съ добавленіемъ объ исторической роли Атлантическаго океана. Планъ изданія, такимъ образомъ, чрезвычайно широкій и имѣетъ въ виду дать читателю исторію человѣчества, а не монографію объ историческихъ судьбахъ ограниченаго клочка земного шара.

Мы не имѣемъ въ виду давать критическую оцѣнку вышедшаго въ свѣтъ тома „Всемирной исторіи“. Для этнографовъ главный интересъ заключается въ основной точкѣ зрѣнія Гельмольта о связи между исторіей и этнографіей. На изложеніи этой точки зрѣнія мы и остановимся. Съ ней можно познакомиться изъ обстоятельной статьи Гельмольта, представляющей введеніе къ 1-му тому и озаглавленной: „Предметъ и цѣли всемирной исторіи“. Его положенія сводятся къ слѣдующему:

1) Въ настоящее время представляется возможнымъ думать объ осуществленіи мысли созданія всемирной исторіи. Къ этому привелъ прогрессъ знаній о бытѣ и жизни вѣввропейскихъ народностей.

Авторъ напоминаетъ, что для Катона вся исторія человѣчества ограничивалась исторіей Рима, что китайцы, благодаря тому же взгляду на судьбы человѣчества, называютъ свое отечество „срединнымъ царствомъ“, что нѣмецкіе хронисты XIII вѣка ничего не могли сообщить о туркахъ, и наконецъ, что даже въ XVII вѣкѣ едва ли нашелся бы образованный европеецъ, признававшій Россію равноправнымъ членомъ историческихъ европейскихъ народовъ. Прогрессъ знаній сдѣлалъ невозможнымъ такую узкую постановку вопроса. Современная всеобщая исторія—это исторія развитія человѣчества, какъ единого цѣлаго. Авторъ предвидитъ возраженіе, что въ настоящій моментъ нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для исполненія этой задачи, такъ какъ работа по собиранію необходимыхъ подготовительныхъ матеріаловъ еще не окончена. Но нѣтъ основанія останавливаться передъ этимъ возраженіемъ: написать въ совершенствѣ исторію человѣчества—это идеаль, который никогда не будетъ достигнутъ. Чѣмъ дальше подвигаются впередъ изслѣдованія, тѣмъ больше поднимается новыхъ неожиданныхъ вопросовъ, которые раскрываютъ новыя перспективы. Но къ исполненію труда, претендующаго только на значеніе предварительной работы для универсальной исторіи, накопилось достаточно матеріала.

2) Каждое историческое изученіе жизни обширныхъ людскихъ обществъ предполагаетъ знакомство съ методами изслѣдованія этнологіи, психологіи и фізіологіи. Кто хочетъ заниматься исторіей человѣчества, не можетъ обойтись безъ выводовъ общей этнографіи (этнологіи). Безплодная задача — рѣзко разграничивать общую этнографію отъ исторіи, выключать ее изъ историческаго описанія. Появленіе историческаго повѣствованія не оказывается еще дѣйствительнымъ признакомъ перехода народности въ разрядъ „историческихъ“. Принимая послѣдній признакъ, пришлось бы много народностей, игравшихъ видную роль въ исторіи культуры человѣчества, исключить изъ рамокъ исторіи. Въ человѣчествѣ не существуетъ народовъ, не имѣвшихъ исторіи. Гельмольтъ одинаково возстааетъ и противъ тѣхъ мыслителей, которые держатся мнѣнія, будто человѣческая цивилизація, достигшая въ Европѣ наиболѣе полного расцвѣта, предназначена къ распространенію европейскими народностями на все человѣчество, такъ и противъ тѣхъ, которые предвидятъ уничтоженіе особенностей цивилизаціи разныхъ культурныхъ странъ и наступленіе періода гармоніи и равенства въ культурѣ человѣчества. Эти „пророчества“ не имѣютъ ничего общаго съ наукой. Наука не должна, по словамъ автора, увлекаться фантастическими построеніями. Чтобы избѣгнуть этого недостатка, историкъ долженъ принимать во вниманіе всѣ отрасли человѣчества, не исключая ни одной, только оттого, что она причисляется къ разряду „виѣисторическихъ“. Чтобы возбудить интересъ историка, пишетъ Гельмольтъ, вовсе не требуется, чтобы народность исполняла блестящую роль на міровой сценѣ. Въ общей культурѣ человѣчества исчезаетъ только матеріальное; духовное достояніе, плоть

человѣческой мысли не гибнетъ, несмотря на перемѣну исторической сцены. Такимъ образомъ, связь явленій міровой исторіи можетъ быть понята только благодаря изученію быта и хода развитія всѣхъ племенъ и народностей.

3) Гельмольтъ рѣзко выступаетъ противъ телеологической концепціи историческихъ событій: онъ считаетъ вообще неосмотрительнымъ подгонять исторію человѣчества къ телеологической философской теоріи. Эта послѣдняя всегда будетъ смотрѣть на явленія человѣческой жизни съ предвзятой точки зрѣнія, почему всякимъ предвзятымъ философскимъ теоріямъ въ историческихъ вопросахъ Гельмольтъ предпочитаетъ знаніе, основанное на опытѣ и точномъ, безпристрастномъ изученіи фактовъ. Исторія человѣчества, если она хочетъ быть научной, должна быть, если такъ можно выразиться, нейтральной; она же должна быть и по возможности полной. Вліяніе народностей другъ на друга совершалось многообразнымъ и подчасъ незамѣтнымъ путемъ. Но самый фактъ, что это взаимодействіе имѣло мѣсто, что оно подвигалось самыми разнообразными путями приводитъ къ требованію, чтобы во „всеобщей исторіи“ не было пробѣловъ въ изложеніи, а отсюда вытекаетъ еще разъ необходимость ввести въ кругъ наблюденія такъ называемыя внѣисторическія и застывшія народности, безжизненныя и не давшія культурныхъ ростковъ племени. Авторъ еще готовъ извинить ошибку прежнихъ историковъ, именно исключеніе изъ круга изученія жителей острововъ Тихаго океана или негровъ, такъ какъ роль ихъ въ общемъ развитіи человѣчества была не блестяща, но онъ считаетъ совершенно непростительнымъ, что Индія и народности восточной Азіи исключались изъ программъ прежнихъ сочиненій или что исторія Америки начиналась избитыми заглавіями „Исторія открытій“ либо „Война за независимость“. Данныя общей и специальной этнографіи должны такимъ образомъ лечь въ основу исторіи, потому что безъ знанія ихъ невозможно понять историческій ходъ болѣе позднихъ временъ и болѣе высокой культуры.

4) Группировать матеріалъ для всеобщей исторіи, покоящейся на этнографической основѣ, можно или основываясь на дѣленіи по расамъ, или по культурнымъ ступенямъ, или по географическимъ районамъ. Гельмольтъ откидываетъ группировку по расамъ, такъ какъ всѣ существующія расы оказываются результатомъ смѣшенія и такъ какъ само понятіе о расѣ не достаточно точно опредѣлено. Онъ считаетъ также неудобной группировку по культурнымъ ступенямъ, такъ какъ это привело бы неизбежно къ раздробленности изложенія и къ частымъ повтореніямъ: пришлось бы переходить отъ Аустралии, Филиппинскихъ острововъ, Суматры, Цейлона, Андаманскихъ острововъ къ южной Африкѣ и южной Америкѣ. Для болѣе высокой ступени культуры пришлось бы изучать одновременно и племена крайняго Сѣвера, Кавказа, горныхъ частей Индіи и Полинезіи. Въ виду этого Гельмольтъ предпочитаетъ остановиться на

дѣленіи по географическимъ районамъ. Онъ дѣлаетъ это не только оттого, что географія—естественное основаніе для исторіи въ виду тѣснѣйшей связи населенія съ территоріей и вліянія на это населеніе географическихъ особенностей, среды, но и оттого, что при подобной классификаціи матеріала дается возможность ввести въ качествѣ объекта изученія всѣ народности, крупныя и мелкія, культурныя и некультурныя. Нами уже было указано, почему авторъ беретъ за исходную точку изложенія «всемирной исторіи» Америку и какого плана онъ намѣренъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи матеріала.

Авторъ не считаетъ себя, конечно, новаторомъ при постановкѣ вопроса изученія всеобщей исторіи на этнографо-географическую почву: онъ указываетъ на своихъ многочисленныхъ предшественниковъ, начиная съ древности. Но недостатокъ матеріала препятствовалъ имъ осуществить намѣченныя задачи съ желательной полнотой: это оказалось возможнымъ только за послѣднее время. Далѣе, Гельмольтъ не смотритъ на руководимое имъ изданіе, какъ на завершительную работу: накопится новый матеріалъ, откроются новыя перспективы—и научная мысль пойдетъ впередъ, но пойдетъ по пути, такъ надѣется Гельмольтъ, намѣченному его «Всемирной исторіей». Соглашаясь, что Гельмольтъ не можетъ быть признанъ ни новаторомъ въ дѣлѣ этнографо-географическаго изученія исторіи человѣчества, ни родоначальникомъ отстаиваемаго имъ направленія, мы, однако, не можемъ не отмѣтить, что представители новаго направленія впервые выступаютъ съ такимъ монументальнымъ трудомъ по исторіи всего человѣчества. Подобнымъ работамъ можно по справедливости придать нѣмецкій эпитетъ «bahnbrechend»—прокладывающимъ новые пути въ наукѣ, и уже мысль издать подобный трудъ по всеобщей исторіи свидѣтельствуетъ, что для исторической науки не прошли безслѣдно новѣйшія работы по общей и спеціальной этнографіи, доисторической археологіи, географіи и антропо-географіи.

Какъ отнесутся историки къ новому труду—вопросъ, который пока слѣдуетъ оставить открытымъ, хотя есть полное основаніе предполагать, что нѣкоторая часть историковъ будетъ привѣтствовать взгляды Гельмольта не менѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать этнографы. Географическія и этнографическія данныя чуть не съ древности оказывали нѣкоторое вліяніе на ходъ работы историковъ, при чемъ одни обращали преимущественно вниманіе на географическія условія и въ нихъ искали ключа къ выясненію историческихъ процессовъ; другіе, наоборотъ, принимали во вниманіе главнымъ образомъ этнографію и ставили своей задачей изученіе человѣчества по расамъ. Появившаяся за послѣднее время новая научная дисциплина, удачно названная Ратцелемъ антропогеографіей, изучающая вліяніе географическихъ условій на человѣка и изслѣдующая человѣка въ его обстановкѣ, опредѣляемой физическими свойствами среды, занимаетъ

мѣсто среднее между географіей и этнографіей. Антропогеографія успѣла уже обратить на себя вниманіе историковъ, хотя новизна самой антропогеографіи уже является причиной недостаточной выясненности ея значенія для цѣлей исторической науки.

Такимъ образомъ намѣтились въ числѣ прочихъ три теченія въ исторіи: географическое, этнографическое и антропогеографическое. Не входя въ разсмотрѣніе, какъ пользовались историки каждой изъ указанныхъ наукъ для своихъ цѣлей, какъ они понимали каждую изъ трехъ наукъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что Гельмольтъ уже въ томъ отношеніи дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками, что ищетъ ключа къ объясненію исторіи одновременно во всѣхъ трехъ наукахъ: этнографіи, географіи и антропогеографіи,— онъ ставитъ ихъ въ основу всякаго историческаго изученія. Но этого мало: онъ понимаетъ этнографію значительно шире, чѣмъ это дѣлали историки, начиная съ Монтескье и Юма и кончая Гобино и Гельвальдомъ. Гельмольтъ не ставитъ, какъ мы это указывали, расу въ основу своего изученія, и поступаетъ тѣмъ правильнѣе, что вопросъ объ опредѣленіи расы въ ея естественно-историческомъ значеніи не входитъ въ кругъ занятій этнографовъ: это задача антропологовъ. Этнографія имѣетъ дѣло съ проявленіями культуры независимо отъ расы и стремится установить законы развитія человечества на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ этомъ значеніи понимаетъ этнографію и Гельмольтъ: онъ имѣетъ въ виду законы этнографіи, научные выводы ея и потому называетъ ее повсюду этнологіей—терминомъ, означающимъ законы, добытые благодаря описательному изученію отдѣльныхъ племенъ и народностей. Слово этнологія возникло, какъ извѣстно, въ качествѣ корректива термина этнографія, этимологическій составъ котораго заключаетъ въ себѣ понятіе объ описаніи (*γραφειν*—писать) а не о наукѣ (*λογία*). Оба термина употребляются, однако, какъ равнозначущіе многими англійскими этнографами, равно и Фридрихомъ Мюллеромъ. Этнографія, понимаемая въ качествѣ простого описанія, относится къ этнологіи, какъ матеріалъ къ выводамъ, добытымъ благодаря накопленію описательнаго матеріала, почему во избѣжаніе путаницы въ пониманіи обоихъ терминовъ и въ виду органической связи матеріала съ выводами мы предпочитаемъ этнологію называть «общей этнографіей», а описательную этнографію—«спеціальной этнографіей».

Выводы общей этнографіи и имѣютъ для Гельмольта наиболѣе важное значеніе: его главной задачей является прослѣдить ходъ передачи культурнаго запаса отъ одного племени къ другому въ предѣлахъ большихъ географическихъ районовъ; этимъ онъ вводитъ географическій факторъ въ исторію. Далѣе, въ виду невозможности уяснить культурный ходъ человечества въ предѣлахъ географическаго района, не изучивъ одновременно вліяніе среды на народность или племя, онъ выдѣляетъ въ историческомъ изученіи и широкое поле для выводовъ антропогеографіи. Впрочемъ, при распредѣленіи имѣю-

щихъ выйти въ свѣтъ томовъ эта основная точка зрѣнія Гельмольта какъ бы терпитъ нѣкоторое нарушеніе: за изложеніемъ хода всемірной исторіи на этнографической основѣ въ предѣлахъ большихъ географическихъ районовъ: Америки, Океаніи, восточной и западной Азии и т. д., Гельмольтъ какъ бы предполагаетъ измѣнить планъ и классифицировать матеріаль сначала по крупнымъ этническимъ единицамъ (славяне, романцы, германцы), а затѣмъ по хронологическимъ (Европа до 1800 г. и XIX в.). Мы думаемъ, однако, что эта невыдержанность плана только кажущаяся и будетъ заключаться въ заглавіяхъ, а не въ сущности изложенія. Исторія Европы, наиболѣе интересной для насъ части земного шара, слишкомъ сложна, чтобы ввести ее цѣликомъ въ общую рамку; подраздѣленіе на рубрики необходимо.

«Всемирная исторія» Гельмольта оказывается однимъ изъ наиболѣе крупныхъ трудовъ, въ которомъ признано необходимымъ не только воспользоваться данными общей этнографіи для исторіи, но и положить ихъ въ основу историческаго изученія человѣчества. Гельмольтъ идетъ даже далѣе, отмѣчая, что общую этнографію нельзя строго отдѣлять отъ исторіи. Подобный взглядъ, естественно, могъ появиться только въ новѣйшее время, когда этнографія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій сдѣлала громадныя успѣхи, обратила вниманіе на изученіе законовъ человѣческаго развитія на низшихъ ступеняхъ культуры, сдѣлала открытіе этихъ законовъ своей цѣлью и задачей и частью уже выставила эти законы, частью намѣтила ихъ болѣе или менѣе успѣшно. И если исторія человѣчества имѣетъ въ виду человѣчество, какъ цѣлое, она, естественно, не можетъ не считаться съ общей этнографіей, обрисовывающей быть и ходъ развитія человѣчества того періода, который не могъ быть зарегистрированъ ни памятниками ни лѣтописями, который даже въ языкѣ народности не оставилъ подчасъ никакихъ слѣдовъ. Этотъ періодъ былъ изученъ этнографами, если и не всегда носившими это званіе официально, то во всякомъ случаѣ этнографами по научному методу, по матеріалу, изъ котораго они черпали свои выводы, и по преслѣдуемымъ задачамъ и цѣлямъ, составляющимъ предметъ общей этнографіи. Работы Бахофена, Тэйлора, Спенсера, Лёббока, Поста, Штарке, Гроссе, Шурца, Липперта, Фрэзера, Ланга и др. имѣли цѣлью открыть исторію развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры, безразлично—работали ли они исключительно съ цѣлью выяснить этнографическія задачи, или преслѣдовали при этомъ цѣли специально историческія и соціологическія, или, наконецъ, искали въ нихъ ключа къ пониманію явленій экономической, правовой или религіозной жизни первобытнаго человѣчества. Совершенно такъ-же, какъ открытіе новыхъ земель и новыхъ государствъ, ознакомленіе европейцевъ съ западной Азіей, Индіей, Китаемъ и Японіей вынудили историковъ считаться съ исторіей этихъ областей и хотя бы механически вставлять въ обобщающихъ

трудахъ исторію государственныхъ организмовъ Азіи или Америки (Мексика и Перу), такъ точно и выводы общей этнографіи заставляютъ ихъ въ настоящее время пользоваться ими для установленія болѣе широкихъ, общечеловѣческихъ, историческихъ перспективъ. То и другое—результатъ прогресса знаній: первое—расширенія знакомства со странами прежде извѣстными немного болѣе, чѣмъ по наслышкѣ, второе—прогресса научной мысли, сумѣвшей изъ показаній отдѣльныхъ путешественниковъ, миссіонеровъ, собирателей и изслѣдователей создать особую научную систему—этнографію, дающую возможность заглянуть въ жизнь человѣчества неизмѣримо глубже, чѣмъ это позволяли сдѣлать даже древнѣйшіе памятники Месопотаміи и Египта. Съ послѣднихъ въ свое время должно было начинаться изученіе исторіи человѣчества, потому что слѣдовъ болѣе древняго быта не было на лицо, и эти памятники въ свое время, дѣйствительно, знаменовали «зарю человѣчества». Странные обычаи дикарей и нѣкоторыхъ такъ называемыхъ полукультурныхъ народовъ не могли быть привлекаемы историками, такъ какъ разбросанный матеріалъ не подвергался ни объединенію, ни критической оцѣнкѣ, такъ какъ, наконецъ, истинный смыслъ этихъ обычаевъ не былъ еще выясненъ. Въ настоящее время дѣло измѣнилось, и историкъ, пользуясь данными общей этнографіи, можетъ расширить рамки своего предмета и приступить къ «исторіи» съ момента начальной жизни человѣчества, со стадіи культуры, которая такъ же, если не болѣе, далека отъ древней—египетской, какъ эта послѣдняя отъ современной культуры Европы. Мы не останавливаемся на томъ, что выводы общей этнографіи, примѣненные къ учрежденіямъ и быту такъ наз. «историческихъ» народовъ въ началѣ появленія о нихъ памятниковъ, даютъ возможность освѣтить съ совершенно новой точки зрѣнія ихъ институты и способствуютъ болѣе правильному пониманію строя и религіи египтянъ, грековъ или римлянъ, германцевъ или славянъ, чѣмъ это было возможно до нахожденія въ этнографіи научнаго критерія: до этого изслѣдователи были еще вынуждены фантазировать и строить остроумныя, но несостоятельныя гипотезы о происхожденіи «дикихъ» обычаевъ среди «культурныхъ» народовъ древности и современности. Связь исторіи съ новой, но уже давшей богатые результаты, наукой—этнографіей, такимъ образомъ, кажется намъ установленной съ достаточной ясностью: мы не думаемъ, чтобы нашелся въ настоящее время серьезный историкъ, занимающійся исторіей хотя бы только одной народности, который бы сознательно обошелъ безъ вниманія выводы этнографіи и не почерпнулъ бы въ нихъ ключа для объясненія многихъ явленій быта изучаемаго народа, если онъ изучаетъ его цѣликомъ, а не ограничивается монографіей по вопросу, поставленному въ узкую хронологическую, біографическую и т. п. рамку.

Только въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ утвержденіе Гельмольта, что отдѣленіе общей этнографіи отъ исторіи было бы напрасной задачей. Этнографія и исторія часто сливаются другъ съ другомъ, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы этнографія была не болѣе, какъ отдѣломъ исторіи. Современное научное движеніе привело къ дифференціаціи наукъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ право на самостоятельность, служа одновременно подспорьемъ для цѣлаго ряда другихъ наукъ. Каждая научная дисциплина имѣетъ свой, опредѣляемый матеріаломъ, объектъ изслѣдованія, часто собственный методъ, и какъ таковая оказывается самостоятельнымъ цѣлымъ. Но такъ какъ едва ли есть наука, которая можетъ строить прочные выводы и устанавливать законы, не прибѣгая къ помощи другихъ, то проведеніе границъ, отдѣляющихъ одну научную дисциплину отъ смежной, принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ, запутанныхъ и, пожалуй, безплодныхъ задачъ. Въ этомъ отношеніи группа близкихъ наукъ можетъ быть сравнена со спектромъ, гдѣ каждый лучъ имѣетъ свой опредѣленный цвѣтъ, но гдѣ переходы отъ одного цвѣта къ другому почти незамѣтны для глаза. Исторія пользуется этнографіей, какъ и этнографія исторіей; такъ, наприкладъ, изученіе т. н. варварскихъ правдъ—дѣло историковъ, но они прибѣгали къ выводамъ этнографіи для объясненія многихъ другихъ чуждыхъ современному быту институтовъ; съ другой стороны, этнографъ пользуется многими данными варварскихъ правдъ для доказательства своихъ положеній или для распространенія послѣднихъ на народы, оставившіе намъ эти памятники, но онъ получаетъ возможность пользоваться ими только оттого, что они были объектомъ серьезнаго изученія со стороны историковъ. Этнографія, такимъ образомъ, не является наукой подчиненной исторіи: обѣ, пользуясь выводами другъ друга, равноправны и свободны; онѣ обѣ служатъ общей цѣли, какъ служатъ ей и многія другія науки, изучающія человѣческія агрегаціи, каждая съ своей точки зрѣнія.

Такое же соотношеніе существуетъ между этнографіей и доисторической археологіей, которую Гельмольтъ считаетъ также одной изъ основъ историческаго изслѣдованія человѣчества. Если бы изслѣдователи доисторической археологіи не пользовались данными этнографіи, они не были бы въ состояніи дать объясненіе многимъ изъ открываемыхъ ими древностей; имъ приходится, кромѣ того, прибѣгать къ помощи этнографіи, чтобы дополнить картину быта человѣчества, относящуюся подчасъ къ отдаленному историческому періоду и открываемую далеко неполно археологическими раскопками. Въ свою очередь, и этнографія, провѣряя свои выводы о матеріальной культурѣ на низшихъ ступеняхъ развитія, пользуется данными археологіи, и это позволяетъ не только расширить область своего изслѣдованія, но и уяснить себѣ нѣкоторые темные вопросы развитія матеріальной культуры, опредѣляемые естественными памятниками, которыми занимается доисторическая археологія. Между тѣмъ и этнографія и до-

историческая археологія оказываются совершенно самостоятельными научными системами, лишь взаимно служащія другъ другу опорю.

Наше столѣтіе съ особенной интенсивностью трудится надъ разрѣшеніемъ задачи опредѣленія исторіи развитія человѣка, вѣрнѣе человѣческихъ агрегацій. Къ этой цѣли стремится рядъ наукъ, изъ которыхъ многія оказываются еще очень молодыми. могущими подчасъ насчитать не болѣе сотни полторы лѣтъ своего существованія. Тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ самостоятельна. Но такъ какъ онѣ всѣ стремятся къ одной цѣли—онѣ въ суммѣ представляютъ нѣчто единое и цѣльное. Мы позволимъ себѣ пока ушотеребить сравненіе съ солнечными лучами: каждый лучъ имѣетъ свою окраску, но только общее соединеніе ихъ даетъ блестящій свѣтъ; науки, занимающіяся человѣческими обществами, слитыя въ единое цѣлое, образуютъ подобный же лучъ свѣта, позволяющій ясно видѣть исторію и судьбы всего человѣчества безъ различія расъ и національностей, уничтожая сомнѣніе однихъ и отдавая должное даже наиболѣе скромнымъ.

Этого, очевидно, хотѣлъ достигнуть Гельмольтъ, принимая изданіе „Всемирной исторіи“; удѣляя особенно много мѣста этнографическимъ даннымъ, онъ, такъ сказать, проводитъ болѣе рѣзко тѣ мысли, которыя только частично, а подчасъ и робко высказывались въ трудахъ его предшественниковъ, иногда не отдававшихъ себѣ достаточно отчета въ значеніи этнографіи для исторической науки, отчасти оттого, что ихъ труды появлялись въ то время, когда наука этнографіи еще не успѣла развиться въ стройную и прочную систему, отчасти благодаря и недостаточному знакомству съ выводами общей этнографіи. Заслуга Гельмольта—стремленіе исправить этотъ недостатокъ исторической науки. Издаваемый имъ трудъ точно опредѣляетъ новое этнографо-антропологеографическое теченіе во всеобщей исторіи, которое въ противоположность прежнему „этнографическому“ теченію обращаетъ главное вниманіе не на расу, а на примитивную культуру человѣчества, открываемую благодаря трудамъ по общей этнографіи, съ удѣленіемъ широкаго поля географіи, въ ея значеніи научной системы, изучающей среду и вліяніе послѣдней на культуру.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о содержаніи перваго тома „Всемирной исторіи“ Гельмольта. Разъ выводы этнографіи поставлены въ основу историческаго изученія человѣчества, вполнѣ естественно, что издатель въ самомъ началѣ знакомитъ читателя съ важнѣйшими положеніями науки этнографіи. Этому предмету посвящена прекрасная статья *Колера*: „Основные понятія исторіи развитія человѣчества“; большая часть этой статьи занята очерками намѣченныхъ этнографіей законовъ развитія матеріальной и духовной культуры человѣчества на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, равно и эволюціи общественныхъ формъ до зачатковъ государственныхъ орга-

низмовъ у примитивнаго человѣчества. Слѣдующая статья, имѣющая также вводный характеръ и вытекающая изъ придаваемого Гельмольтомъ значенія антропогеографіи для исторіи, принадлежитъ *Ратцелю*: она посвящена изложенію „основъ антропогеографіи“. Точка зрѣнія Гельмольта на исторію человѣчества дѣлаетъ, наконецъ, естественнымъ и помѣщеніе чрезвычайно обстоятельной статьи *Ранке*: „Доисторическій бытъ человѣчества“; въ ней авторъ сжато объединяетъ данныя, добытыя доисторической археологіей о жизни человѣчества, какъ въ т. н. палеолитическій, такъ и въ неолитическій періоды.

Указанныя три первыя статьи служатъ какъ бы введеніемъ въ общую исторію человѣчества; въ самомъ дѣлѣ, лишь по ознакомленіи съ важнѣйшими дисциплинами, лежащими въ основѣ всемірной исторіи, читатель можетъ сознательно приступить къ изученію многогомаго труда, издаваемого Гельмольтомъ.

Главное содержаніе книги составляетъ исторія Америки, составленная *К. Геблеромъ*. Авторъ обстоятельно обрисовываетъ культуру туземцевъ южной и сѣверной Америки, намѣчаетъ движеніе племенъ и достигнутыя ими культурныя приобрѣтенія, которыя они перенесли при миграціяхъ, выясняетъ далѣе источники культуры цивилизованныхъ туземныхъ государствъ Америки и даетъ обстоятельное описаніе строя и быта древ. Мексики и Перу. Комбинируя свѣдѣнія объ Америкѣ испанскихъ завоевателей съ добытыми новѣйшими археологическими раскопками и изученіемъ этнографіи туземныхъ племенъ, К. Геблеру удается дать настолько ясное представленіе о прошломъ Новаго Свѣта, что его трудъ можно поставить на одно изъ первыхъ мѣстъ среди работъ, посвященныхъ доисторическому прошлому Америки. Лишь ознакомивъ читателя съ туземной культурой и съ ходомъ ея развитія, авторъ переходитъ къ эпохѣ открытія и завоеванія Америки европейцами, къ образованію самостоятельныхъ государственныхъ единицъ на сѣверѣ и югѣ материка („Открытіе Америки и завоеваніе ея“, „Испанское колониальное государство“, „Англійское колониальное государство“, „Борьба за независимость на сѣверѣ и югѣ“, „Государства южной Америки до настоящаго времени“, „Средняя Америка и Бразилія“, „Сѣверная Америка въ XIX в.“). Заключительной статьёй является трудъ *Вейле*: „Историческое значеніе Тихаго океана“; эта статья уясняетъ значеніе громаднѣйшаго воднаго бассейна замного шара въ исторіи и очерчиваетъ его роль въ эпоху до Магелана и послѣ него до новаго времени, равно и открытіе Тихаго океана европейцами. Работа Вейле позволяетъ бросить ретроспективный взглядъ на исторію Америки; она одновременно служитъ также какъ бы введеніемъ къ слѣдующимъ томамъ, которые будутъ посвящены исторіи западной части Тихаго океана. Этимъ какъ бы приподнимается завѣса на событія, которыя послѣдовали за открытіемъ Новаго Свѣта и опредѣлили движеніе европейцевъ.

Относительно вышедшаго, равно и слѣдующихъ томовъ критика укажетъ недостатки и пробѣлы новаго изданія „Всемирной исторіи“. Но какъ бы ни былъ выполненъ общій планъ этого капитальнаго труда, основная точка зрѣнія Гельмольта не потеряетъ своего значенія. Онъ взялъ въ союзницы для исторіи общую этнографію, и, поскольку рѣчь можетъ идти о первомъ томѣ, онъ старался доказать, какъ много можетъ извлечь историкъ изъ выводовъ и законовъ этнографіи. Одного этого, кажется намъ, будетъ достаточно, чтобы обратить вниманіе тѣхъ историковъ, которые еще съ нѣкоторой сдержанностью относятся къ этнографической наукѣ, на молодую и полную силъ дисциплину, способную облегчить имъ рѣшеніе многихъ изъ задачъ, входящихъ въ область историческихъ изысканій.

Н. Харузинъ.

С М Ъ С Ъ.

Изъ народныхъ игръ.

I.

Игра въ лодыжки въ г. Курскѣ.

Между народными играми, распространенными среди жителей Курска и подгородныхъ слободъ, а также, насколько мы знаемъ, и вообще во всей Курской губерніи, безспорно, первое мѣсто занимаетъ игра въ лодыжки. Разнообразіе способовъ игры, точность и детальность правилъ, доступность и оживленность, сдѣлали эту игру любимой для самыхъ разнообразныхъ возрастовъ.

Игра въ лодыжки (кости или бабки) въ то же время пользуется весьма значительною распространенностью и въ другихъ губерніяхъ Россіи, а потому болѣе подробное знакомство съ нею, какъ намъ кажется, не безынтересно для изученія народной жизни. Русскія народныя игры вообще изучены мало, а между тѣмъ въ нихъ, съ одной стороны, нерѣдко слышатся отзвуки, «преданія старины глубокой», а съ другой, вырабатываются тѣ качества силы, ума и характера, съ которыми вступаетъ въ жизнь человѣкъ, вышедшій изъ возраста игръ. Вліяніе дѣтскихъ игръ сказывается долгіе годы, и взрослые люди не даромъ съ такимъ интересомъ и смотрятъ на дѣтскія игры, и охотно принимаютъ участіе въ нихъ. И въ этомъ отношеніи игра въ лодыжки первенствуетъ между извѣстными намъ курскими народными играми, и напрасно д-ръ Е. А. Покровский ¹⁾ говоритъ, что «игры этого рода не требуютъ ни особой быстроты, ни силы, ни особеннаго умѣнья». Все это требуется въ изобиліи, и только при этихъ качествахъ игра и становится интересною.

Д-ръ Е. А. Покровскій въ указанномъ своемъ классическомъ сочиненіи описываетъ цѣлый рядъ этихъ игръ, изъ которыхъ намъ нѣкоторыя вовсе неизвѣстны, но описаніе другихъ мы имѣемъ возможность по-

¹⁾ См. „Дѣтскія игры, преимущественно русскія“. Д-ра Е. А. Покровскаго. Изд. 2. М. 1895. Стр. 319.

полнить значительными подробностями. Лѣтъ двадцать тому назадъ мы сами съ увлеченіемъ играли въ Курскѣ въ лодыжки и съ познаніями, пріобрѣтенными въ этой своеобразной практикѣ, мы и хотимъ ознакомить читателей.

I.

Лодыжки представляютъ собою не что иное, какъ кости животныхъ, а именно сѣставы изъ нижней части ноги. Въ каждой лодыжкѣ различается нѣсколько сторонъ, а именно: если лодыжка лежитъ выпуклой стороною, спинкой, вверхъ, опираясь на выступы противоположной стороны, то говорятъ, что она лежитъ «жогомъ», или что это «жогъ»; если лодыжка лежитъ на болѣе плоскомъ боку, то говорятъ, что она лежитъ «плцомъ», или что это «плоть», «плотка»; если она лежитъ на другомъ, округленномъ, боку или на спинкѣ, то говорятъ, что она лежитъ «ничкой». или что это «ничка», «ника», «ляка», «лячка», «ляцка». Наконецъ, болѣе тонкій конецъ всякой лодыжки называется «головкой», а болѣе широкій, на который она ставится, имѣетъ названіе не совсѣмъ цензурное; впрочемъ, для приличія, ребятишки измѣняютъ коренную гласную этого словечка и тогда произносятъ его смѣло, не краснѣя.

Лодыжки обыкновенно допускаются въ игру и съ значительными дефектами, пострадавшія въ игрѣ, т.-е. съ трещинами или даже съ вовсе отколотымъ кускомъ бока; такія лодыжки называются «расколухами». Но вовсе не допускаются въ игру лодыжки съ разбитой головкой или, тѣмъ болѣе, съ отбитой нижней частью.

Чаще всего для игры употребляются лодыжки отъ крупнаго рогатаго скота; къ нимъ-то въ Курскѣ и относится названіе «лодыжекъ» и онѣ-то и считаются настоящимъ матеріаломъ для серьезной игры, тогда какъ къ прочимъ, болѣе мелкимъ сортамъ завзятые игроки относятся съ отѣнкомъ презрѣнія, считая ихъ годными для дѣтской забавы, а не для «взвѣснѣной» игры, и, играя въ нихъ, немножко совѣстятся.

Изъ этихъ болѣе мелкихъ сортовъ, однако, довольно часто попадаются въ употребленіи лодыжки мелкаго рогатаго скота, «баранчики» или «барасики», и несравненно рѣже лодыжки отъ телятъ и свиней, «телюхи» и «свиухи»; лодыжки лошадей для игры никогда не употребляются, такъ какъ ихъ форма нѣсколько отличается отъ вышеописанныхъ. Въ баранчики, телюхи и свиухи играютъ точно такъ же, какъ и въ большія лодыжки, а потому мы къ нимъ при описаніи игръ возвращаться не будемъ.

Всѣ игры въ лодыжки основаны на попаданіи въ разставленные на землѣ лодыжки и сбиваніи ихъ лодыжкой же, которая называется «биткой». Хотя общая форма всѣхъ лодыжекъ и одинаковая, но каждая изъ нихъ имѣетъ свои характерныя индивидуальныя отличія какъ въ очертавіяхъ, такъ и въ величинѣ и вѣсѣ. Отсюда понятно, что выборъ битки «по рукѣ» играетъ весьма важную роль и что битки бываютъ разнообразныхъ типовъ. Прежде всего между лодыжками различаются «правшаки» и «лѣвшики»: если лодыжка лежитъ на спинкѣ, головкой вверхъ и

«плоткой» будетъ правая сторона, то передъ вами «правшакъ», въ иномъ случаѣ вы имѣете «лѣвшакъ», «лѣвшачёкъ». Правшаки обыкновенно предпочитаютъ, такъ какъ ихъ удобнѣе держать въ рукѣ; а держать надо такъ: три пальца правой руки, начиная съ мизинца, слегка прижимаются къ ладони, на средній ложится своей плоской стороной битка, головкой вверхъ, на разрѣзъ головки ложится конецъ указательнаго пальца, а выступающая ножка округленнаго бока лодыжки опирается на внутреннюю сторону большаго пальца, нѣсколько пониже сгиба его, подушка же большаго пальца подпираетъ основаніе битки. Держа такимъ образомъ лодыжку, ее подносятъ, головкой вверхъ, къ правому глазу, прищуриваютъ лѣвый, прицѣливаются и затѣмъ, отведя руку назадъ и стараясь все время держать битку на одномъ уровнѣ, сильнымъ и быстрымъ движеніемъ бросаютъ ее впередъ. Мѣткость, которой достигаютъ игроки, бываетъ поразительна.

Затѣмъ различаютъ лодыжки длинныя и узкія, обыкновенно небольшой величины, такъ называемыя «длиннячки», и, наоборотъ, широкія, съ наростами и зачастую очень большія, называемыя «курбастыми», «курбанчиками», «курбанами». Послѣднія обыкновенно предпочитаютъ, хотя хорошіе игроки нерѣдко находятъ, что длиннjackами цѣлѣть лучше.

Въ большинствѣ игръ предпочитаютъ крупныя битки, какъ болѣе массивныя. Чтобы еще болѣе увеличить вѣсъ битокъ, ихъ очень часто наливаютъ свинцомъ, и тогда онѣ называются «свинчатками». Процедура наливанія свинчатокъ—дѣло весьма важное и серьезное, чуть не священнодѣйствіе, и изстари ведется по извѣстному шаблону, отъ котораго не отступаютъ ни на шагъ, несмотря на то, что можно было бы легко все дѣло упростить; но тогда половина интереса пропала бы для истинныхъ игроковъ.

Итакъ, прежде всего нужно добыть свинецъ (или олова, которое мальчишки не отличаютъ отъ свинца). Въ виду этого у любителей лодыжечнаго спорга заботливо сохраняются оловянные и свинцовыя бумажки отъ шоколаду, чаю и т. п., пломбы отъ разныхъ товаровъ, куски свинца отъ разбитыхъ прежнихъ свинчатокъ и вообще всякіе кусочки свинца, случайно попавшіе имъ въ руки; если всего этого мало, приходится обращаться къ другимъ игрокамъ и вымѣнивать у нихъ свинецъ за лодыжки, а если, что бываетъ не очень-то часто, у игрока есть копеекъ десять наличными, то онъ можетъ отправиться на «толчокъ» (толкучій рынокъ), гдѣ торговцы старымъ желѣзомъ позаботились собрать для него такой же негодный свинцовый хламъ, чтобы содрать съ неопытнаго покупателя, по крайней мѣрѣ, вдвое больше того, что онъ долженъ былъ бы заплатить по вѣсу за хорошій свинецъ.

Но вотъ, такъ или иначе, свинецъ добытъ и идутъ строгіе выборы битокъ для наливанія. На первый планъ выступаютъ курбаны или крупныя длинjackки, при чемъ принимается во вниманіе и то обстоятельство, для какой игры будетъ служить битка, почему — мы увидимъ ниже. Нельзя только брать лодыжки свѣжія, отъ недавно убитаго животнаго: въ нихъ много жира, который, закипѣвъ отъ расплавленнаго свинца, можетъ

далеко расплескать капли раскаленного металла и причинить сильные ожоги неосторожному. Шрамъ на рукѣ отъ такого ожога намъ и сейчасъ напоминаетъ, какъ мы наливали лодыжки слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Сдѣлавъ выборъ битокъ, надо ихъ «провертѣть», т.-е. продѣлать отверстіе въ ихъ внутреннюю яйцевидную полость, черезъ которое и придется наливать битку. Отверстіе это дѣлается всегда въ нижней части лодыжки, между ея ножками, и просверливается наверткой, если она имѣется, или одной ножкой ножницъ, за что затѣмъ слѣдуетъ нагоняй отъ матери, или, наконецъ, просто большимъ гвоздемъ съ нѣскольکو обломаннымъ концомъ; большихъ затрудненій эта работа не представляетъ, такъ какъ кость лодыжки довольно мягка и упруга. Очень часто просверливаются еще дополнительные отверстія: на плцовой сторонѣ — одно, рѣже два, — и довольно рѣдко во впадинѣ между передними выступами ножекъ; нѣль этихъ дополнительныхъ отверстій — отчасти еще увеличить вѣсъ битки налитымъ въ нихъ свинцомъ, отчасти сдѣлать болѣе тѣсною связь кости съ металломъ.

Просверливъ отверстія, добываютъ полоски бумаги шириною вершка въ два, сахарной или писчей, и обертываютъ ею въ нѣсколько разъ битку, слѣдя за тѣмъ, чтобы бумага охватывала какъ можно плотнѣе нижнюю часть лодыжки, выставляясь надъ нею на половину или на цѣлый вершокъ. Если бумага гдѣ нибудь прилегаетъ не плотно, то эти мѣста забиваютъ жеваной или мокрой бумагой, а иногда смачиваютъ и всю бумагу, но такъ, чтобы вода не попала въ полость лодыжки. Обернутую бумагой лодыжку обвязываютъ ниткой и затѣмъ крѣпко привязываютъ веревочкой къ ножкѣ опрокинутой вверхъ дномъ табуретки. Иногда наливаютъ лодыжку и „изъ рукъ“, т.-е. не привязывая ее ни къ чему, а держа въ лѣвой рукѣ, обернутой мокрой тряпкой, но эта смѣлость иногда доводитъ до страшныхъ ожоговъ.

Теперь остается расплавить свинецъ, а для этого нужна „черепушка“, т.-е. дно отъ разбитаго глинянаго горшка. Въ нее кладутся горячіе уголья, а на уголья куски свинца, и затѣмъ угли раздуваютъ ртомъ до тѣхъ поръ, пока не расплавится и не скопится на днѣ черепка весь свинецъ; въ этомъ удостовѣряются пробуя его консистенцію желѣзнымъ гвоздемъ. Наступаетъ рѣшительный моментъ: лишніе угольки сдуваются или сбрасываются гвоздемъ, черепокъ берутъ въ правую руку, не переставая раздувать остающіеся угольки, и затѣмъ быстрымъ — такъ какъ свинецъ застываетъ, и ловкимъ движеніемъ вливаютъ желаемое количество свинцу, заглядывая въ бумажную воронку издали, чтобы не обжечь лица брызнувшей нечаянно капелькой расплавленного металла. Чтобы свинецъ скорѣе остылъ, нетерпѣливый спортсменъ наливаетъ сверху холодной воды и спустя немного минутъ разворачиваетъ бумагу и любуется своимъ блестящимъ произведеніемъ. Иногда свинецъ тонкими струйками заливается между бумагой и поверхностью лодыжки, но весь этотъ излишекъ легко отломить пальцами или отрѣзать ножомъ.

Битка рѣдко наливается лишь въ уровень съ отверстіемъ; чаще подъ

основаніемъ лодыжки образуется болѣе или менѣе крупная прибавка, имѣющая очень неблагозвучное названіе, то же, о которомъ мы упоминали выше. Небольшая прибавка считается дѣломъ хорошимъ, а большая, хотя и является извѣстнаго рода шикомъ, но качества битки лишь ухудшаетъ: полетъ ея дѣлается тяжелымъ и, главное, неровнымъ; впрочемъ, большая свинцовая прибавка обыкновенно скоро сама отрывается отъ битки и идетъ въ складъ свинца для будущихъ битокъ. Изрѣдка, когда не хватаетъ свинца, одна изъ битокъ наливается не до краевъ и получается „свистунъ“, при полетѣ котораго слышится характерное рычаніе.

Недостатокъ свинца приводитъ къ придумыванію суррогатовъ свинчатокъ, къ такъ называемымъ „гвоздянкамъ“. Для приготовленія ихъ или загоняютъ гвоздь въ высверленную въ лодыжкѣ дырку, или предварительно набрасываютъ туда мелкихъ гвоздиковъ, а потомъ уже забиваютъ гвоздемъ или завинчиваютъ винтомъ.

Сравнительно рѣдко у дѣтей-игроковъ встрѣчаются „чугунки“, т. е. битки, вылитыя въ формѣ лодыжки на заводѣ изъ чугуна. Чаше ихъ употребляютъ взрослые игроки и, главнымъ образомъ, рабоче съ чугуно-литейныхъ заводовъ. Ихъ тяжесть и сравнительная дороговизна заставляютъ молодыхъ игроковъ относиться къ чугункамъ съ большимъ уваженіемъ.

Взрослыми игроками-мастеровыми употребляются еще иногда, какъ битки, „болты“ съ навинченными на нихъ гайками; они еще тяжеле чугунокъ, для битья ими требуется много силы, но ими далеко нельзя бить такъ мѣтко, какъ чугунками или свинчатками.

Лодыжки представляютъ собою капиталъ игрока; начинающій долженъ ими обзавестись да и играющему нерѣдко приходится проигратъ въ пухъ и прахъ и подумывать о томъ, гдѣ раздобыть себѣ новый запасъ. И вотъ приходится прибѣгать къ покупкѣ. Обыкновенно покупка не представляетъ затрудненія, разъ есть на что купить, потому что рѣдко кто держитъ у себя слишкомъ большое количество лодыжекъ (паръ 30—40 это почти максимумъ наличнаго запаса, а средній запасъ колеблется отъ 10 до 20 паръ) и охотно сбываетъ за деньги излишекъ. Такимъ образомъ въ обращеніи игроковъ находится довольно постоянный запасъ; приростъ этого запаса отъ вновь убиваемыхъ животныхъ въ значительной степени уравновѣшивается тѣмъ, что лодыжки разбиваются, теряются, а порою утаскиваются голодными собаками и не менѣе голодными тряпичниками у зазѣвавшихся мальчугановъ.

Замѣчательно то, что эта костяная монета находится въ необыкновенно постоянномъ соотношеніи по цѣнности съ настоящею монетою. Какъ двадцать и болѣе лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, въ Курскѣ на копейку покупаются три пары, или „шестерá“ лодыжекъ. Въ очень исключительныхъ случаяхъ, не знаю чѣмъ обуславливаемыхъ, курсъ ихъ падалъ, и за копейку давалось вмѣсто шести—семь штукъ или, по курскому вы-

раженію, „шестерá съ ланчикомъ“ („ланъ“, „лашка“, „ланчикъ“—одна лодыжка), или, наоборотъ, повышался до двухъ паръ съ ланчикомъ, т. е. до пяти штукъ на копейку. Но подобныя кризисы, составлявшіе эпоху въ жизни юнаго населенія города Курска, бывали и очень рѣдки, и непродолжительны. Курскъ, приравнивающій цѣнность одной лодыжки къ одной шестой долѣ копейки, до того постояненъ, что при ставкѣ лодыжекъ допускается, при недостаткѣ ихъ, ставить прямо деньги, обыкновенно монетки въ одну копейку, и если ставить приходится меньше шести лодыжекъ, то игрокъ, поставивъ копейку, разницу беретъ съ общей ставки лодыжками, и въ этомъ ему никто и не подумаетъ прекословить.

Что касается хорошихъ бигокъ (не налитыхъ), т. е. курбановъ и т. п., то при покупкѣ на нѣсколько копеекъ онѣ обыкновенно идутъ въ счетъ какъ простыя лодыжки, при маленькой же покупкѣ или при обмѣнѣ съ товарищемъ оцѣниваются въ двѣ—три простыхъ лодыжки, по взаимному соглашенію.

Свинчатки покупаются или промѣниваются рѣдко; обыкновенно ихъ наливаетъ каждый для себя или же для товарища его свинцомъ изъ-за удовольствія, доставляемаго работой. При покупкѣ цѣна свинчатки опредѣляется въ двѣ или три копейки.

Чугунки пріобрѣтаются или у игроковъ, или у мастеровыхъ на чугунолитейныхъ заводахъ по 10, 15 или даже 20 копѣекъ, что для мальчишки-игрока представляетъ весьма крупный капиталъ.

Мелкіе сорта лодыжекъ постоянствомъ цѣны не отличаются. Баранчиковъ на копейку даютъ 10—15 паръ, а телюхи и свинухи продаются крайне рѣдко.—Впрочемъ, кромѣ покупки, есть еще одинъ способъ пріобрѣтенія собственно баранчиковъ. Съ этимъ способомъ я однажды ознакомился на практикѣ и этого случая я и до сихъ поръ не могу забыть. Разъ я, тогда мальчикъ лѣтъ восьми, жившій на черзчуръ уже полной свободѣ, прослышалъ съ своимъ товарищемъ, что можно добыть сколько угодно баранчиковъ на кожевенномъ и клеевомъ заводѣ близъ города. И вотъ въ одно прекрасное утро мы запаслись холщевыми мѣшечками и заостренными съ одного конца коротенькими палочками и явились на грязный дворъ этого антисанитарнаго учрежденія. Уплативши какому-то начальству пять копеекъ за право раскопокъ на определенное время, мы пошли въ тотъ уголъ двора, куда намъ указалъ пріившій мзду, и торопливо принялись копаться въ толстомъ слое разлагающихся органическихъ остатковъ—мяса, крови, шерсти, костей. Смрадъ былъ удушающій, но надо было торопиться и я, слѣдуя примѣру товарища, быстро откапывалъ и пряталъ въ мѣшокъ неочищенные баранчики. Минуть черезъ десять послѣдовалъ окрикъ начальства, былъ внесенъ новый пятакъ, а еще минутъ черезъ пять мы, не выдержавъ, бѣжали стремглавъ домой изъ этой Ветлянки. Разстаться съ баранчиками намъ было не подъ силу, но недѣли двѣ намъ пришлось ихъ мыть, кипятить, зарывать въ землю, чистить пескомъ и т. п., чтобы наконецъ вполне обеззаразить ихъ. Разумѣется, эта прогулка больше не повторялась.

II

Какъ уже сказано выше, игра въ лодыжки имѣетъ много поклонниковъ. Главный контингентъ, конечно, состоитъ изъ дѣтей простого класса горожанъ, но онъ расширяется, захватывая съ одной стороны болѣе зрѣлые возрасты, а съ другой—дѣтей болѣе „благородныхъ“ сословій. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ лодыжки играютъ исключительно мальчики; дѣвочка, для забавы принявшая участіе въ игрѣ, у себя на дворѣ, съ своими братьями или родными, на взглядъ посторонняго игрока—явленіе въ высшей степени странное и ненормальное...

Играть начинаютъ съ самаго ранняго возраста: трех-четыrehлѣтній карапузъ уже силится подражать игроцкимъ приемамъ своихъ старшихъ братьевъ, а къ семи-восьмилѣтнему возрасту всѣ тонкости игры изучены вполне основательно, игра обращается въ страсть, и ни крики матерей, ни угрозы отцовъ не могутъ прекратить надоѣдливое для посторонняго слуха постукиваніе въ заборъ лодыжекъ и громкіе возгласы игроковъ. Заразительный примѣръ простыхъ мальчугановъ, устраивающихъ игру чуть не на каждомъ дворѣ и ужъ непременно въ каждомъ переулкѣ, подъ конецъ увлекаетъ и господскихъ дѣтей, «барчуковъ», и въ одно прекрасное утро барыня-мать съ ужасомъ открываетъ въ углу дѣтской кучу грязныхъ лодыжекъ, вновь заведенное сокровище своего сына. И надо имѣть родителямъ много характера и настойчивости, чтобы пресѣчь зло въ самомъ зародышѣ: потомъ борьба съ нимъ почти немислима.

Въ общемъ интеллигентные классы враждебно смотрятъ на эту мальчишескую игру, главнымъ образомъ потому, что она скоро дѣлается страстью, но все-таки немного найдется курявъ, которые, будучи дѣтьми, не попытались бы свои силы въ лодыжкахъ.

Во дворѣ среднихъ учебныхъ заведеній игра подвергается безпощадному остракизму, во дворахъ школъ хотя официально она и не допускается (я говорю здѣсь про то, что было назадъ тому лѣтъ двадцать), но учителя смотрятъ обыкновенно на нарушеніе запрещенія сквозь пальцы. Ведутъ съ игрой посильную и не особенно настойчивую борьбу и дворники во дворахъ, а также и городовые, такъ какъ нерѣдко игра переходитъ изъ дворовъ на улицы, при чемъ ноги прохожихъ подвергаются немалой опасности.

Маленькія дѣти часто начинаютъ играть съ баранчиковъ, подростки, считающіе себя настоящими игроками, на баранчики начинаютъ смотрѣть свысока. Только лодыжки наполняютъ ихъ азартныя головушки и широкіе карманы панталонъ, и игра въ лодыжки дѣлается такимъ же существеннымъ элементомъ ихъ жизни, какъ игра хотя бы въ винтъ дѣлается существеннымъ элементомъ жизни для лицъ, которые и не думаютъ ставить себя на одну доску съ мальчишками... Съ возрастомъ и появленіемъ разныхъ трудовыхъ заботъ страсть поневолѣ остываетъ у большинства, но порою даже развивается у людей болѣе праздныхъ. Между ними появляются иногда даже игроки-спеціалисты, у которыхъ игра обращается

въ средство наживы, хотя довольно таки мудрено заработать въ этой игрѣ болѣе 10—15 копеекъ въ день. По праздникамъ число игроковъ зачастую пополняется взрослыми мастеровыми и т. п. людомъ.

Играютъ въ лодыжки исключительно въ теплое время года и всегда на открытомъ воздухѣ. Самое лучшее мѣсто — это убитая немощеная земля, дворъ или дорога, хотя и мостовая или тротуаръ при нуждѣ могутъ быть допущены. Пространство для игры, обуславливается самымъ видомъ игры, которую мы сейчасъ опишемъ. Наконецъ для большинства игръ желательно помѣститься недалеко отъ какого-нибудь забора или стѣнки, чтобы лодыжки не залетали слишкомъ далеко и не терялись. Играть можно съ утра, но лучше всего подъ вечеръ, когда свалить жаръ, однако пока еще не стемнѣло, такъ какъ необходимо отчетливо видѣть лодыжки на довольно большомъ разстояніи.

III.

Послѣ этихъ предварительныхъ поясненій мы можемъ, наконецъ, приступить къ описанію разныхъ способовъ игры въ лодыжки, различныхъ отдѣльныхъ игръ. Игръ этихъ очень много; у д-ра Е. А. Покровскаго приведенъ длинный списокъ ихъ, но мы опишемъ только тѣ, въ которыя играли сами и которыя помнимъ до сихъ поръ. Впрочемъ для провѣрки собственныхъ воспоминаній и въ виду того, что въ Курскѣ мы давно уже не были, мы просили собрать свѣдѣнія и получили сообщеніе отъ г-жи А. К. Якубовской, сдѣланное въ настоящемъ году на основаніи рассказовъ мальчиковъ, учениковъ ея частной начальной школы. При этомъ оказалось, что ни малѣйшихъ измѣненій не внесено въ правила игры за цѣлую четверть вѣка. Такая устойчивость служить съ одной стороны признакомъ большой древности игры, а съ другой стороны говорить о неизмѣнности того народного обычнаго права, которое весьма рельефно проявляется въ законахъ народныхъ игръ. Въ самомъ дѣлѣ, офиціальныя законы знать не хочетъ этихъ игръ, а между тѣмъ законы ихъ регламентированы необыкновенно ясно и подробно и признаются безпрекословно всѣми, какъ ни одинъ писанный законъ. Мало того, къ нимъ съ привычнымъ уваженіемъ относятся и люди взрослые, въ игрѣ участія не принимающіе, и, правду сказать, они заслужили это уваженіе, какъ замѣчательно справедливые и соблюдающіе равенство шансовъ въ своей маленькой области. Только ловкость и умѣнье, прибрѣтенныя опытомъ, подчасъ горькимъ и дорогимъ, пользуются покровительствомъ этихъ законовъ; слѣбному счастью отводится, по возможности, малая роль, а всякая попытка силутовать жестоко наказуется.

Изъ всѣхъ игръ въ лодыжки мы знаемъ лишь одну, которая не имѣетъ въ виду выигрыша или проигрыша, — мы опишемъ ее подъ копеекъ, — всѣ же остальные конечною цѣлью имѣютъ выигрышъ лодыжекъ, которыя и поступаютъ въ полную собственность побѣдителя. Конечно, очень часто играютъ и безъ такой коммерческой цѣли, только ради удо-

вольствія, при чемъ обыкновенно всѣ лодыжки принадлежать одному изъ игроковъ, которому и возвращаются послѣ игры, но такая игра не считается настоящей. и завзятый игрокъ не станетъ играть «изнарочну», а только «взаправду».

Самая употребительная и любимая игра въ лодыжки — это „конъ“. Число игроковъ въ нее вполне неограничено, начиная съ двоихъ; въ ней играютъ одинаковую роль и сила, и ловкость, и потому она представляетъ интересъ для игроковъ всякаго возраста; взрослые игроки обыкновенно только въ конъ и играютъ. Конъ — это длинный рядъ лодыжекъ, поставленный по одной прямой линіи. Ставятъ лодыжки парами, обыкновенно смыкая въ каждой парѣ лодыжки плотовыми поверхностями; если остается одна лодыжка, лапчикъ, то ее или ставятъ сбоку, или же ставятъ или кладутъ на одну изъ паръ, обыкновенно среднюю; послѣднее называется «городить». Пары не слѣдуетъ «лѣпить», т. е. ставить слишкомъ тѣсно, но не слѣдуетъ и «рѣдить»: нормальная густота должна быть такова, чтобы головка средней величины битки проходила между средними частями двухъ соседнихъ паръ, но вся лодыжка не проходила: каждый игрокъ имѣетъ право учинить подобную провѣрку, но къ этому приходится прибѣгать рѣдко: настолько развивается глазомѣръ у игроковъ. Разстановка лодыжекъ идетъ быстро, особенно на гладкой, но не мощеной землѣ. Конъ почти всегда ставится передъ какой-нибудь стѣнкой, но на разстояніи по крайней мѣрѣ 5—6 аршинъ отъ нея.

Каждымъ игрокомъ руководитъ желаніе выиграть, т. е. сбить съ кона какъ можно больше лодыжекъ своими битками, и потому прежде всего каждый заявляетъ, сколькими битками онъ желаетъ бить или «на сколько паръ онъ идетъ», такъ какъ за каждую битку онъ долженъ поставить на конъ пару лодыжекъ. Ходятъ на одну, двѣ, три, рѣдко на четыре, еще рѣже на пять и почти никогда на большее число паръ. Иногда прямо обусловливается, чтобы больше, чѣмъ на три пары, не ходить. Затѣмъ ставится конъ и опредѣляется мѣсто, откуда каждой биткой придется бить, а для этого надо свои битки «загонять».

«Загнать» — значитъ стать позади кона и, положивъ ладонь на ладонь правой руки лодыжку, бросить или покатить ее впередъ на то мѣсто, съ котораго хочешь бить; разумѣется, бросить лодыжку какъ разъ на определенное мѣсто далеко не легкое дѣло. Бить придется по порядку, начиная съ самой дальней битки, и потому интересно знать, гдѣ лягутъ битки противниковъ, т. е. интересно гнать свою битку позже другихъ. Отсюда выработались сложныя правила относительно очереди загонянья. Преимущество имѣетъ тотъ, кто идетъ на большее число битокъ: онъ, правда, начинаетъ загонъ одной изъ битокъ, но онъ же и кончаетъ послѣднею биткою; въ виду этого всѣ игроки получаютъ наименованія «одинокъ» (т. е. идущихъ на одну битку), «двойниковъ», «тройниковъ» и т. д., но каждаго разряда можетъ быть по нѣскольку игроковъ, а потому здѣсь очередь рѣшается посредствомъ «чуранья». И вотъ раздаются крики: «между двойниками чуръ не миѣ» (т. е. не миѣ

гнать битку первому), «между одиночками чуръ не мнѣ» и т. д. или же «во послѣднихъ» (т. е. гнать послѣднему), «во вторыхъ» (т. е. отъ конца) и т. д. Затѣмъ происходитъ нѣсколько споровъ относительно того, кто крикнулъ первый, споры рѣшаются свидѣтелями, и наконецъ очередь установлена. Теперь гонять битки имѣющіе ихъ наиболѣе, пока по числу остающихся они не сравняются съ слѣдующей категоріей, тогда гонять по одной биткѣ эти категоріи и т. д. Напримѣръ, если играютъ по одному тройнику, двойнику и одиночкѣ, то очередь будетъ такая: тройникъ, двойникъ, тройникъ, одиночка, двойникъ, тройникъ. Болѣе смѣлые и ловкіе игроки гонять битки подальше, желая воспользоваться первою очередью, когда конъ цѣль и великъ, робкіе гонять поближе: отсюда попасть легче, но есть рискъ, что пока дойдетъ сюда очередь, весь конъ уже будетъ сбитъ, партія кончена и надежды на легкую добычу разрушены; вообще каждый гонитъ по вкусу и по характеру. Можно даже заявить, что «оставляешь (битку) въ головахъ» и бить послѣднему непосредственно сверху, стоя прямо надъ кономъ, находящимся между ногами и роняя (именно роняя) битку на головки лодыжекъ. Такъ поступать обыкновенно лишь самый послѣдній по очереди игрокъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ послѣ тебя другой можетъ заявить: «а я у головкахъ сверху» и воспользоваться первой очередью между обоими остающимися. Изрѣдка разрѣшается послѣднему гонящему битку заявить, что онъ «остается дома», что предоставляетъ ему право забрать съ кона всѣ несбитыя погнавшими битки игроками лодыжки, но въ подобныхъ случаяхъ всѣ особенно стараются попадать, и конъ почти всегда бываетъ «добитъ». Заявленіе о томъ, что «остаюсь дома», иногда принимается даже отъ мальчика-зрителя, не рискующаго состязаться въ игрѣ, если онъ поставитъ на конъ и свою пару лодыжекъ.

Нерѣдко возникаютъ споры относительно того, чья битка лежитъ дальше отъ кона, т. е. кому принадлежитъ первенство въ очереди битья. Этотъ вопросъ или рѣшается другими участниками на глазомѣръ, или по глазомѣру же проводится отъ каждой битки линія параллельная кону, по этимъ линіямъ сближаютъ лодыжки, но какъ разъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ легли, и вновь смотрятъ на нихъ; если и здѣсь является сомнѣніе, то лодыжки приподнимаютъ за головки, ставятъ на основаніе и вновь смотрятъ, не станетъ ли дѣло яснымъ теперь; но если лодыжки лежали основаніями въ одну сторону, то для рѣшенія спора надо «жоговаться», т. е. бросать изъ руки лодыжки на землю до тѣхъ поръ, пока только одна изъ нихъ не ляжетъ жогомъ—этой биткѣ и принадлежитъ первенство. Споръ не имѣетъ мѣста въ томъ случаѣ, если битка гнавшая позже ударилась, «покнулась» о какую-нибудь уже загнанную битку; хотя бы эта послѣдняя отъ толчка и отлетѣла дальше цокнувшей, ее берутъ и кладутъ около послѣдней, но ближе къ кону.

Про битку, лежащую дальше другой, говорятъ, что она—«завѣ», «завѣ» или «позавѣ» ей, а про ту, которая легла дальше всѣхъ, говорятъ, что она—«завѣ всѣхъ» или «завѣ всѣхъ» (sic).

Когда всѣ битки загнаны, что дѣлается очень быстро, и очередь опре-

дѣлилась, то игроки бьютъ въ конъ, начиная съ тѣхъ битокъ, которыя лежатъ „завсѣ всѣхъ“. Играя въ конъ, никогда не бьютъ съ мѣста, а подходятъ къ нему на два или три шага—это зависитъ отъ предварительнаго уговора. При томъ обязательно требуется, шагнувши условное число разъ, бить отнюдь не пріостанавливаясь; для этого нужна сноровка, такъ что начинающій плохо умѣетъ согласовать движеніе руки и ногъ.

Если бьютъ «на два шага», то начинать шагать необходимо съ правой ноги, если «на три», — то съ лѣвой, т.-е. такъ, чтобы въ концѣ концовъ впереди оказалась лѣвая нога. Строго соразмѣряя движенія, игрокъ подноситъ битку къ правому глазу, прицѣливается, потомъ, начиная шагать, одновременно заноситъ руку съ биткой назадъ и въ тотъ самый моментъ, какъ лѣвая нога на послѣднемъ шагѣ касается земли, битка несется впередъ, въ конъ. Шагать надо плавно и не особенно широко, иначе выигрышъ въ разстояніи ведетъ къ неустойчивости корпуса, неровному размаху руки и промаху, или, какъ говорятъ, «калдыку». Попадать надо непосредственно въ лодыжки; то, что сбито биткой или сбитой уже лодыжкой, отскочившими отъ стѣны, «съ отскоку», не идетъ въ счетъ и ставится обратно на конъ; точно такъ же не считается то, что можетъ упасть, если битка ударится передъ кономъ и въ конъ упадутъ кусочки земли, песчинки и т. п. — въ такомъ случаѣ говорятъ, что лодыжки сбиты «съ духу». Пускать лодыжку по землѣ «пѣкотомъ» равнымъ образомъ не дозволяется. Вообще быстро достигается замѣчательная мѣткость и чистота удара: битка летитъ стремительно, не вращаясь въ воздухѣ, и, только отразившись отъ земли, продолжаетъ свой полетъ съ вращеніемъ, при чемъ свинчатки зачастую характерно «рычатъ». Хорошій игрокъ почти безъ промаху попадаетъ въ конъ на очень большомъ разстояніи, порою сажень въ десять, и при удачномъ ударѣ въ разрѣзъ между двумя сосѣдними парами средней части кона сбиваетъ до десяти и болѣе паръ. Лодыжки берутся парами, хотя бы изъ пары упала всего одна лодыжка, но пары должны быть сбиты подъ рядъ; если случайно отпрыгнувшей биткой или сбитой лодыжкой будетъ сбита одна или нѣсколько паръ (или даже одна лодыжка) не подъ рядъ, а «черезъ лодыжку», такковыя ставятся обратно.

Послѣ каждого удачнаго удара, если лодыжки сбиты не съ краю, а изъ середины кона, и образовались такъ называемыя «ворота» или «прогалы», то нужно составить конъ, чтобы промежутокъ заполнить. При этомъ во избѣжаніе споровъ, полагается, чтобы на мѣстѣ выбитыхъ паръ установилось такое же ихъ число, и потому обыкновенно берутъ нужное число паръ съ краевъ и ставятъ ихъ въ середку, для чего и существуетъ терминъ: «съ краю у середку».

Когда пробьютъ всѣ игроки, то обыкновенно одни будутъ въ выигрышѣ, другіе въ проигрышѣ, и сравнительно рѣдко случается, что каждому достанется то, что онъ поставилъ, что выйдетъ, по выраженію мальчишекъ, «всякъ по собакъ». Но чаще всего конъ не будетъ сбитъ весь, нѣсколько паръ остается, и тогда или добиваютъ конъ «изъ-за этихъ», снова загоняя битки, при чемъ очередь загона сохраняется прежняя, или

играють «съ приставкой». Въ послѣднемъ случаѣ всѣ приставляютъ съ каждой своей битки или по лодыжкѣ, «по ланчику», или же «по парѣ», «по своимъ». Въ послѣднемъ случаѣ партія считается новой, каждый имѣетъ право измѣнить число битокъ и измѣняется и очередь загона между каждой группой игроковъ, т.-е. тройниковъ, двойниковъ и одиночекъ. Кто гналъ первымъ, тотъ теперь гонитъ послѣднимъ, «выжидаетъ», очередь остальныхъ смѣщается на одну съ такимъ расчетомъ, что съ теченіемъ игры «выжидаютъ», всѣ поочередно. Такимъ образомъ игра продолжается, пока хватитъ охоты, а ея хватаетъ надолго, да лодыжекъ. Послѣднія быстро исчезаютъ у слабыхъ игроковъ, и для тѣхъ, которые очевидно приходятъ къ полному проигрышу, допускается льгота, которая доказываетъ, что и азартъ игры не заглушаетъ сострадательнаго отношенія къ неудачнику-противнику въ сердцѣ юнаго побѣдителя: именно, проигравшемуся дозволяется ставить одной лодыжкой меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и, идя, напримѣръ, на одну битку, ставить только одну лодыжку, а идя на двѣ, ставить пару съ ланчикомъ и т. д. Этотъ обычай вошелъ въ законъ и порою ведетъ къ злоупотребленію снисходительностью товарищей: игрокъ, дѣлая видъ несчастнаго неудачника, утаиваетъ лодыжку за лодыжкой въ своихъ широкихъ карманахъ. Впрочемъ такое надувательство не долго укрывается отъ опытнаго глаза товарищей, и виновный получаетъ презрительное и обидное прозвище „жилы“. Но, наконецъ, и послѣднія лодыжки проиграны, и приходится покупать на копейку, на двѣ, или выпрашивать займы, или грустно отойти въ сторонку и сдѣлаться постороннимъ зрителемъ, такъ какъ уйти совсѣмъ почти никогда не хватаетъ духу у присмирѣвшаго отъ своего горя мальчугана. И вотъ онъ глядитъ на болѣе счастливыхъ игроковъ, слѣдитъ за полетомъ каждой битки, съ волненіемъ рассчитываетъ шансы игрока и такимъ образомъ принимаетъ полное участіе въ игрѣ, но участіе молчаливое, такъ какъ всякія замѣчанія, особенно неодобрительныя, раздражаютъ сосредоточенныхъ на своемъ дѣлѣ бойцовъ...

Игра „въ конь“, какъ мы уже говорили, самая употребительная изъ игръ въ лодыжки, особенно игроками опытными. Въ нее не брезгаютъ играть люди совершенно взрослые, и мы перѣдко были, въ свое время, свидѣтелями этой игры *en grand*. На одной изъ окраинъ Курска есть большой пустырь—Бородино Поле. Это обширная немощенная площадь, окруженная небольшими домиками, населенными небогатыми горожанами, ведущими довольно таки первобытный образъ жизни. Къ площади примыкаетъ нѣсколько немощенныхъ широкихъ улицъ съ такими же небольшими веселенькими домиками на фонѣ длинныхъ заборовъ, а то и плетней, окружающихъ безконечные курскіе фруктовые сады. Въ одной изъ этихъ улицъ жилъ и я въ дошкольномъ еще возрастѣ, прилежно занимаясь зимою катаньемъ на салазкахъ и ледянкахъ, а лѣтомъ игрою въ лодыжки. Почти каждый предпраздничный день я отправлялся на Бородино. Поле къ устью одной изъ впадающихъ въ него улицъ, гдѣ уже часовъ съ четырехъ-пяти вечера начиналась игра въ лодыжки. Но это была еще

игра предварительная, завязка настоящей баталіи, и въ ней принимали участіе пока лишь застрѣльщики - ребятишки, нетерпѣливо ожидавшіе грядущаго героическаго состязанія.

И вотъ наступало шесть часовъ, раздавался торжественный ударъ церковнаго колокола, немедленно заставлявшій всѣ головы обнажиться, а лица проясниться, а еще черезъ нѣсколько времени показывались оживленные группы мастеровыхъ, кончившихъ свою работу на окружающихъ поле фабрикахъ и заводахъ. Теплый лѣтній вечеръ манилъ потрудившихся за недѣлю парней отдохнуть, разогнуть спину, и кто не шелъ въ церковь или въ домъ, тотъ усаживался на крылечкѣ или скамеечкѣ у забора со своими домашними и близкими, мирно толкуя и поглядывая на дѣтвора, сражающуюся въ лодыжки. Но такое посматриваніе не бывало продолжительнымъ: ретивое въ груди парней мало-по-малу разгоралось, и не прошло и получаса, какъ участниками въ игрѣ являлось нѣсколько здоровенныхъ рабочихъ, конъ паръ въ 40—50 отъ забора переносился на просторъ, на средину улицы, и рѣдкимъ повозкамъ или извозчикамъ предоставлялось дѣлать крюкъ, направляясь въ соедѣніе переулки. Юные и слабые игроки или проигрывались въ пять минутъ, или добровольно ретировались, съ удовольствіемъ присоединяясь къ зрителямъ, потому что подобное зрѣлище „настоящей“ игры для нихъ представлялось полнымъ захватывающаго интереса и поучительнымъ. А взрослые игроки входятъ все въ болѣе и болѣе азартъ, хотя и стараются сохранять видъ солидный, рычатъ свинчатки, гудятъ и свистятъ чугунки и болты, съ трескомъ разлетаются лодыжки, а крылечки, скамеечки, плетни и заборы полны пожилымъ и юнымъ народомъ, съ добродушными или взволнованными лицами слѣдящимъ за игрою и передающимъ другъ другу тихимъ голосомъ свои замѣчанія, а тихій, теплый вечеръ спускается и на поле, и на улицу, и на душистые сады, длинныя тѣни покрываютъ землю, мягкій сумракъ все болѣе и болѣе ступаетъ надъ утомленными бойцами, которые съ сожалѣніемъ расходятся по домамъ.

„Конъ“ считается игрою, въ которой наибольшее значеніе имѣютъ ловкость и выдержка игрока и наименьшее — счастье и случайность. Первые качества всегда въ большомъ почетѣ у юнаго поколѣнія, они должны быть всегда вознаграждаемы и обладающій ими имѣетъ неоспоримое право на первенство во всѣхъ случаяхъ. Въ виду этого и при игрѣ «изнарочну», на лодыжки, принадлежащія одному изъ товарищей, такъ сказать угощающему игрой своихъ пріятелей, дѣлежъ перѣдко производится не поровну, а «съ кону». Для этого всѣ выбираютъ себѣ по одной или по двѣ битки, смотря по условію, всѣ остальные лодыжки ставятъ на конъ, чуются и бьютъ по правиламъ „кона“; кто что собьетъ, тотъ то и беретъ на свою долю, и такимъ образомъ конъ раздѣляется между игроками.

Очень рѣдко и обыкновенно тоже только ради дѣлежа при игрѣ «изнарочну» можно было увидѣть въ Курскѣ игру «*черезъ конъ*». Всѣ условія при началѣ ея одинаковы съ условіями игры въ конъ, но послѣ перваго загона и ударовъ битки не берутся игроками, а оставляются на

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ легли, и считаются загнанными для слѣдующей очереди, когда бьютъ въ конь уже съ противоположной стороны. Слѣдовательно, для этой игры мѣсто должно быть обязательно открытымъ съ обѣихъ сторонъ.—Игра требуетъ много сноровки и довольно стѣснительныхъ условій; слишкомъ сильный, молодецкій ударъ загонить черезчуръ далеко битку для слѣдующей очереди, надо думать и объ этомъ, надо осторожничать, а эго претитъ вольному и смѣлому духу юныхъ витязей. Наоборотъ, при слишкомъ слабомъ ударѣ случается порою, что битка вовсе не долетитъ до кону, и тогда игрокъ или вовсе лишается права на ударъ въ слѣдующую очередь, или долженъ бить «со-слѣпу», т.-е. прицѣлиться, а потомъ шагать и бить, закрывши глаза.—Вообще игра «черезъ конь» особенною любовью не пользуется.

Послѣ самой удалой и молодецкой игры «въ конь» наибольшими симпатіями пользуется у ребятишекъ нѣсколько болѣе скромная, но требующая тѣхъ же качествъ отъ игрока—игра «въ *плоцы*» или «въ *кляцы*», какъ иногда любовно коверкаютъ слово мальчишки, относясь къ лодыжкамъ съ той же нѣжностью и разговаривая съ ними тѣмъ же чуднымъ языкомъ, какимъ ихъ матушки разговаривали съ своими баловнями нѣсколько лѣтъ до того... Въ *плоцы* играютъ или «по лашкѣ», или «по парѣ», т.-е. съ каждой битки ставятъ на конь или по одной, или по парѣ лодыжекъ, при чемъ въ первомъ случаѣ опять-таки ставятъ или отдѣльными лодыжками, или парами.

На нѣкоторомъ разстояніи (отъ 3 до 5 аршинъ) отъ кона проводится черта, и условливаются какъ бить—на два или три шага, или прямо съ мѣста, не шагая,—и игра начинается. Чуранье, очередь загона, удары, составливанье лодыжекъ, приставка и т. п.—все это производится такъ же, какъ и въ игрѣ въ конь, но очередь удара зависитъ не только отъ того, какъ далеко загнана битка, но и отъ того, какъ она легла, т.-е. *плоцомъ*, *жогомъ*, или *ничкою*. Первая очередь принадлежитъ *плоцамъ*, начиная съ самаго дальняго изъ нихъ, потомъ бьютъ *жог*, и подъ самый конецъ *нички*, причемъ послѣдними надо бить не съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ лежали, а всѣми съ черты и лѣвою рукою; если же ни *плоцомъ*, ни *жогомъ* не было сбито ни одной лодыжки, то и *ничками* бьютъ съ ихъ мѣстъ, впрочемъ, до перваго удачнаго удара, послѣ чего остальные игроки бьютъ своими *ничками* уже съ черты. Слѣдуетъ еще замѣтить, что если всѣ битки легли *ничками*, то загонъ не считается и надо битки «перегнать», т.-е. загонять снова. Наконецъ, если загнанная битка легла ближе черты, то бьютъ въ очередь по общему правилу, но закрывши глаза, «со-слѣпу».

Какъ видно изъ сказаннаго, въ игрѣ имѣетъ очень большое значеніе выборъ битки, и битка «*плоцовитая*» составляетъ сокровище игрока, битка же «*лякастая*» считается негодной, какъ бы ни были хороши ея баллистическія качества. Мало того мальчишки порою рѣшаются на скверное дѣло—они подтесываютъ битку, т.-е., положивши ее *плоцомъ* на

камень или кафлю печки, сглаживаютъ всѣ неровности, мѣшающія биткѣ постоянно ложиться на желаемую сторону, а затѣмъ стертый бокъ тщательно вымазываютъ грязью, чтобы замаскировать поддѣлку. И послѣдняя заботливость далеко не лишняя: игроки относятся къ «подтѣсуху» такъ же, какъ взрослые къ фальшивой кредиткѣ, оловянному двугривенному или крапленымъ картамъ, и плутишка сильно рискуетъ тѣмъ, что какой-нибудь проницательный товарищъ откроетъ секретъ его успѣховъ и запуститъ ему въ голову или куда попало его злополучную битку. Болѣе строгіе ревнители чистоты игроцкихъ нравовъ не допускаютъ подтѣсуховъ даже на конѣ и безжалостно разбиваютъ ихъ камнемъ, чьей бы собственностью они ни оказались... А между тѣмъ мы недавно получили изъ Курска для коллекціи Лубенскаго музея Е. Н. Скаржинской даже чугунокъ—подтѣсухъ; тотъ, кто пользовался ею, право, сильно рисковалъ оказаться съ проломленной головой!

Особенность игры требуетъ и особаго способа загона: загонять битку надо «покотомъ», надо «ссучить» ее съ рукъ, и тогда она очень рѣдко ложится ничкой, что бываетъ почти всегда, если лодыжку бросить такъ, чтобы она прыгала по землѣ, «кубыряя черезъ голову». Вообще загнать хорошо битку при игрѣ въ плоты—искусство немаловажное. Кстати приходится упомянуть, что изрѣдка брошенная битка падаетъ стоймя, а иногда ложится въ неустойчивомъ равновѣсіи, въ положеніи среднемъ между жогомъ и плотомъ или ничкою. Послѣднее положеніе имѣетъ характерное названіе и всегда вызываетъ улыбку на лицахъ игроковъ; примѣтивъ такой казусъ, всѣ выкрикиваютъ это словцо, точно бѣшеные срываются съ мѣстъ съ первой попавшейся лодыжкой въ рукъ и напереерывъ мчатся къ покоящейся въ своей странной позѣ злополучной биткѣ съ тѣмъ, чтобы «перебить» ее. Перебить же значитъ ударить задумавшуюся надъ выборомъ своей позы битку своею биткою, послѣ чего первая принимаетъ вполнѣ опредѣленное положеніе. Почему-то подобный казусъ чрезвычайно увеселяетъ мальчишекъ; они съ такимъ азартомъ бросаются на чужую битку, съ такимъ остервенѣніемъ бьютъ ее, что хозяинъ битки находится въ волненіи и страхѣ за ея участь—и, дѣйствительно, отъ битки порою остаются для него лишь осколки, а въ обидѣ быть онъ не въ правѣ, потому что таковъ обычай.

Большой мѣткости требуетъ игра въ «лашку за промашку». Она состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ ставитъ на опредѣленномъ мѣстѣ лодыжку, а остальные съ опредѣленной же черты поочередно бьютъ въ нее: попавшій беретъ сбитую лодыжку въ свою пользу, а въ случаѣ промаха бьющій отдаетъ одну лодыжку своему противнику. Какъ видно, эта игра не отличается большою оживленностью; въ нее играютъ обыкновенно два-три игрока въ ожиданіи, пока соберется компанія для кона или плотовъ, но какъ упражненіе для выработки вѣрности удара и глазомера игра эта считается достойною полнаго уваженія со стороны хорошихъ игроковъ.

Нѣкоторое сходство съ предыдущею игрою имѣетъ игра, курскаго названія которой я никакъ не могу припомнить и подобную которой д-ръ Е. А. Покровский (1. с. стр. 323) описываетъ подъ названіемъ «*штрафы*». Игру эту я видалъ довольно рѣдко, а состоитъ она въ слѣдующемъ: одинъ изъ играющихъ ставитъ нѣсколько паръ лодыжекъ въ одну линію, но не въ рядъ, а одну пару позади другой; остальные по очереди бьютъ съ опредѣленной черты, стараясь сбить лишь самую заднюю пару. Сбитая ловкимъ ударомъ, пара эта достается бившему, если же онъ собьетъ не одну, а больше паръ, то столько же паръ платитъ своему партнеру. Промахи въ счетъ не идутъ. Конечно, ставятся пары не вплотную, а на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, обыкновенно такомъ, что между ними можетъ быть положена средней величины лодыжка.

Въ гораздо большемъ ходу еще иное видоизмѣненіе той же игры, называемое «*городками*».

При игрѣ въ городки одинъ изъ играющихъ «*городить*», т.-е. исполняетъ какъ бы роль банкира, всѣ же остальные являются понтерами. Банкиръ ставитъ на землю четыре лодыжки по угламъ а пятую въ центрѣ небольшого, вершка два въ поперечникѣ, квадрата. Впрочемъ такое расположеніе и взаимное разстояніе поставленныхъ лодыжекъ рѣдко считается обязательнымъ, а, напротивъ, зачастую и то, и другое предоставляется на полную волю городящаго, такъ какъ шансы его на выигрышъ или проигрышъ отъ этого не измѣняются. Всѣ остальные играющіе бьютъ въ городокъ съ опредѣленной черты, при чемъ или чередуются, или же пропускаютъ очереди по общему желанію, такъ что въ игру можно когда угодно вступить и когда угодно выйти изъ нея. Промахи не считаются, одна или три сбитыя лодыжки поступаютъ въ пользу бьющаго, за двѣ или четыре бьющій наоборотъ платитъ банкиру такое же число лодыжекъ; наконецъ, если сбиты всѣ пять лодыжекъ, то онѣ вмѣстѣ съ обязанностью быть банкиромъ передаются бьющему. Въ виду этого зачастую банкиръ, которому не везетъ, составляетъ наконецъ лодыжки городка вплотную, чтобы онѣ были сбиты непременно всѣ заразъ. — Игра эта требуетъ большой мѣткости со стороны понтеровъ и большого искусства въ расположеніи лодыжекъ городка со стороны банкира; проходить она довольно оживленно, а переходъ лодыжекъ изъ кармановъ въ карманы происходитъ чуть ли не скорѣе, чѣмъ во всякой другой игрѣ.

Если игроковъ соберется немного, всего два-три, и мѣсто достаточно просторное, то нерѣдко затѣвается игра въ «*разжогъ*», игра съ виду очень негложная и скучная, но на самомъ дѣлѣ требующая вѣрности удара, размѣренія силы и хорошаго глазомера; по всему этому хорошіе игроки никогда не прочь поиграть немного въ разжогъ. Чаще всего играющихъ бываетъ двое; каждый даетъ по биткѣ и одинъ изъ играющихъ бросаетъ обѣ на землю, обыкновенно такъ, чтобы лодыжки, ударившись о нее, покатались въ разныя стороны. При этомъ смотрятъ, какъ легли лодыж-

ки — жогомъ или никой (площъ въ этой игрѣ считается равнозначимымъ съ никой). Если обѣ лодыжки легли одинаково, надо перевѣдываться до тѣхъ поръ, пока одна не будетъ лежать жогомъ, а другая никой, и право на ударъ принадлежитъ жогу. Игрокъ начинать съ «оббиванья» битки противника (надо замѣтить, что часто разрѣшается вѣдаться одной лодыжкой, а при битѣ замѣнять ее другою), именно игрокъ долженъ ударить съ своего мѣста битку противника одинъ разъ, а съ того мѣста, гдѣ очутится его битка, въ другой. Бить надо не очень сильно, чтобы битка не отлетѣла слишкомъ далеко, но и не очень слабо, такъ какъ право на ударъ переходитъ къ противнику и въ случаѣ промаха, и въ случаѣ «сняденья»; «снядѣть» же — значитъ оставить свою битку такъ близко отъ битки противника, что тогъ можетъ, распыливъ какъ можно шире пальцы правой руки, тронуть одновременно концомъ большого пальца одну лодыжку, а концомъ средняго другую. Замѣтимъ кстати, что эта мѣра и называется «пядою», тогда какъ разстояніе между концами большого и указательнаго пальцевъ называется «четвертью» или, по произношенію курскихъ ребятишекъ, «чѣверью»... Къ гда, наконецъ, игроку удастся «оббить» битку противника, онъ съ мѣста, гдѣ окажется его битка, «разжигаетъ», т. е. швыряетъ свою лодыжку какъ можно сильнѣе, стараясь въ то же время опять цокнуть по чужой биткѣ. Если послѣднее ему удалось, то его соперникъ долженъ гнать «въ пяду», т. е. покатыть свою битку такъ, чтобы она снядлась съ биткой противника или же цокнулась о нее; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ выигрываетъ лодыжку, а иначе проигрываетъ. Если же при разжиганьи сдѣланъ промахъ, то происходитъ своеобразный торгъ: разжигавшій, смотря по разстоянію, которое образовалось между обѣими лодыжками, предлагаетъ своему противнику гнать «въ пяду», или «въ двѣ», или больше; но если послѣдній не надѣется вогнать въ назначенное число пядь, то предлагаетъ первому гнать самому, но съ надбавкою въ одну, двѣ пяди или даже въ одну четверть. Такъ продолжается торгъ, пока одинъ изъ играющихъ не рѣшится попробовать свое искусство и не погонитъ свою битку къ биткѣ партнера; если выйдетъ на его пяди и четверти меньше заказаннаго разстоянія, или если лодыжки цокнутся, то онъ выигрываетъ, — и наоборотъ; затѣмъ игра начинается снова.

Когда играетъ болѣе двухъ игроковъ, то вѣдаются, кому бить, слѣдующимъ образомъ: при трехъ биткахъ начинаетъ тотъ, чья битка ушла жогомъ при остальныхъ двухъ ничкахъ. Получившій право на ударъ оббиваетъ битку одного изъ своихъ сторонниковъ, а выигравшій оббиваетъ битку третьяго игрока. При четырехъ начинаетъ одинъ жогъ при остальныхъ ничкахъ или одна ничка при остальныхъ жогахъ; если же выпадутъ два жога и двѣ нички, то право на ударъ рѣшается между двумя жогами, какъ при двухъ игрокахъ. И такъ далѣе, но впрочемъ, болѣе четырехъ игроковъ рѣдко играетъ въ разжогъ, а начинаютъ болѣе интересную игру въ площы или въ конѣ.

Очень рѣдко при мнѣ происходила игра „въ накатъ“: каждый изъ игроковъ даетъ по лодыжкѣ и бросаютъ ихъ оземь, вѣдаясь какъ въ предыдущей, игрѣ; тотъ, кому въ разжогъ принадлежало бы право на первый ударъ забираетъ лодыжки противниковъ безъ игры. Какъ видно, для «наката» умѣнья никакого не требуется.

На стараніи «спядитъ» основана и другая игра «въ забилушки» или «въ пристѣнокъ». Играютъ обязательно около какой-нибудь стѣны или забора, на которомъ проводится мѣломъ или углемъ черта на высотѣ примѣрно $1-1\frac{1}{2}$ аршина; сперва чураются, при чемъ стараются не попасть въ первую очередь. По установленіи этой очереди, первый бросаетъ лодыжку обѣ стѣнку повыше черты, лодыжка падаетъ на землю и слѣдующій игрокъ старается такъ ударить своею лодыжкой обѣ стѣнку, чтобы она, падая, цокнулась о лежащую уже или спядилась съ ней; въ случаѣ удачи онъ и забираетъ ее, въ противномъ случаѣ и его лодыжка остается на землѣ. Тогда наступаетъ очередь слѣдующаго и т. д. Выигрывающій удерживаетъ за собою право на ударъ до промаха; если лодыжка спядилась одновременно съ двумя или тремя лежащими на землѣ, всѣ онѣ принадлежатъ счастливцу. Ударившій о стѣнку ниже черты, во всякомъ случаѣ теряетъ свою битку; иногда и на землѣ параллельно стѣнкѣ проводится другая черта, ближе которой подходить къ забору нельзя.

Въ пристѣнокъ чаще всего играютъ начинающіе и нерѣдко баранчиками.

Начинающіе же играютъ обыкновенно и «въ рачки». «Ракъ», «лечь ракомъ»—это синонимъ терминовъ «жогъ», «лечь жогомъ». Въ этой игрѣ каждый изъ играющихъ ставитъ на конъ по одной лодыжкѣ отъ каждой битки, но лодыжки на кону располагаются не стоймя, а лежа на жогахъ, спинками вверхъ, въ одну непрерывную линію, головка къ головкѣ, основаніе къ основанію. Потомъ чураются и загоняютъ битки изъ-за кона, при чемъ, кромѣ разстоянія принимается въ соображеніе и положеніе битки, т. е. легла ли она никою или жогомъ (плоты въ этой игрѣ не считаются). Сперва бьютъ по очереди жогъ, а потомъ ники, но всѣ правой рукой. Если играющій ударить и не промахнется (онъ долженъ не только тронуть, но непременно нарушить правильность линіи кона), то смотритъ, какъ легла послѣ удара и его битка, и лодыжки кона: если битка лежитъ жогомъ, то онъ забираетъ съ кона всѣ жогъ, если никой—ему принадлежатъ всѣ ники. Слѣдующій игрокъ бьетъ, не составляя кона, что, разумѣется, труднѣе. Въ этой игрѣ очень многое зависитъ лишь отъ счастья, а потому хорошіе игроки относятся къ ней свысока.

Въ заключеніе намъ остается описать игру «въ водилушки», единственную, въ которой выигрыша въ виду не имѣется. Играютъ въ нее на лодыжки, принадлежащія одному изъ игроковъ, т. е. «изнорочну»,

но тѣмъ не менѣе она доставляетъ великое удовольствіе даже самымъ заправскимъ игрокамъ и является вполне общественной и самой оживленной игрой. Правила ея довольно сложны, но твердо извѣстны рѣшительно всѣмъ ребятишкамъ.

Въ этой игрѣ одинъ изъ участвующихъ исполняетъ служебную роль, онъ долженъ только ставить лодыжки, сбиваемыя его товарищами, или «водить». Всѣ остальные стараются подольше удержать его въ этой роли, а водильщикъ старается, конечно, избавиться отъ нея и навязать ее другому.

Кому начинать водить и вообще кому какую роль нести въ игрѣ—рѣшается слѣдующимъ образомъ: каждый изъ играющихъ выбираетъ битку по своему вкусу, а всѣ остальные лодыжки ставятъ парами на конь; чѣмъ больше выйдетъ конь, тѣмъ лучше, но во всякомъ случаѣ игра интересна лишь тогда, когда на кону стоитъ не менѣе десяти-двѣнадцати паръ и когда играющихъ не менѣе пяти-шести человѣкъ. Поставивъ послѣднюю пару, немедленно чураются, причемъ кричатъ: «чуръ во-первыхъ» и т. д., такъ какъ желательно завладѣть первыми очередями. Затѣмъ проводятъ впереди коня три черты: одну поближе—шаговъ на 10—12 отъ коня, другую подальше—шаговъ на 20 и третью еще дальше—шаговъ на 30. Всѣ игроки отправляются на самую дальнюю черту и оттуда по установившейся очереди бьютъ въ конь съ двухъ или трехъ шаговъ, по условію; первый попавшій въ конь получаетъ званіе «бабки», второй—«перваго дѣда», третій—«второго дѣда», и т. д., а послѣднему приходится «водить». Водильщикъ, какъ мы уже сказали, долженъ ставить лодыжки, сбиваемыя товарищами, но кромѣ того онъ ставитъ и свою битку—сзади, впереди или сбоку коня, гдѣ ему угодно; эта битка называется «чинѣцъ» и играетъ большую роль въ водилушкахъ.

Бить въ конь начинаетъ «первый дѣдъ»; если онъ промахнется, то идетъ къ кону, но не смѣетъ трогать свою битку, такъ какъ въ противномъ случаѣ стоитъ лишь водильщику ожечь его шапкой или просто крикнуть: «чуръ ожожи» и провинившійся долженъ смѣнить его. Если же дѣдъ попадетъ въ конь, то бѣжитъ стремглавъ къ своей биткѣ и старается унести или выбросить ее изъ-за коня прежде, чѣмъ водильщикъ успеетъ поставить сбитыя лодыжки, въ противномъ случаѣ дѣдъ остается за кономъ. Первый дѣдъ продолжаетъ бить до тѣхъ поръ, пока не останется за кономъ: тогда наступаетъ очередь второго дѣда, но если онъ попадетъ въ конь и первый дѣдъ успеетъ выбросить свою лодыжку изъ за коня, то очередь опять переходитъ къ послѣднему; такимъ образомъ первому дѣду приходится больше всѣхъ принимать участіе въ игрѣ. Когда всѣ дѣды «пробьются», т.-е. всѣ останутся за кономъ, то бабка должна ихъ выручать, на что она и имѣетъ шансы, такъ какъ ей бить приходится ближе отъ коня.

Но можетъ случиться, что всѣ бьющіе останутся за кономъ, тогда водильщикъ «выкупааетъ» себя: онъ забираетъ всѣ битки, отправляется на дальнюю черту и оттуда старается попасть въ конь чьей-нибудь бит-

кою: хозяинъ ея и дѣлается водильщикомъ; если же будутъ все промахи, водильщикъ остается прежній. Итакъ избавиться отъ непріятной обязанности водильщикъ можетъ разными способами, зависящими какъ отъ мѣткости его противниковъ, такъ и отъ собственной расторопности, умѣнья быстро собрать и поставить лодыжки, чтобы оставить за кономъ или даже ожечь кого-либо изъ своихъ не такихъ ловкихъ товарищей, а также въ значительной мѣрѣ отъ хладнокровія и выдержки въ игрѣ. Тотъ, кто торопится, мечется безъ толку, раздражается и унываетъ, тотъ рискуетъ долго остаться водильщикомъ; ловкіе удары повеселѣвшихъ товарищей, ихъ шутки и насмѣшки нерѣдко доводятъ тогда бѣднягу до полного отчаянія и слезъ; это называется «заводить».

Но у водильщика есть еще одна надежда на избавленіе отъ своего постылаго долга: если-кто нибудь изъ бьющихъ собьетъ чинца, но одного, безъ другихъ лодыжекъ, то сбившій долженъ водить. Надо, однако, замѣтить, что если водильщикъ, выкупая себя, самъ собьетъ чинца, онъ прекращаетъ свое выкупанье и вновь идетъ водить. Наконецъ, надо пояснить, какъ измѣняются роли игроковъ, когда перемѣняется водильщикъ; прежній водильщикъ дѣлается бабкою, бабка—первымъ дѣдомъ, первый дѣдъ—вторымъ дѣдомъ и т. д., такъ что въ теченіе игры обыкновенно все перебиваются въ разныхъ роляхъ.

Мы кончили описаніе всехъ тѣхъ игръ въ лодыжки, которыя мы ясно помнимъ и въ которыхъ сами въ дѣтствѣ принимали участіе; но мы далеко не исчерпали всего разнообразія этихъ игръ. Смутно мы помнимъ еще о цѣломъ рядѣ даже такихъ игръ, которыя вовсе не упомянуты въ цитированномъ нами цѣнномъ трудѣ д-ра Е. А. Покровскаго; мы ихъ не описываемъ, боясь неточностей и прямыхъ ошибокъ. Не описываемъ мы и цѣлаго цикла поговорокъ, присловій, мальчишескихъ обычаевъ и примѣтъ, который окружаетъ предметъ страсти ребятишекъ—лодыжки. Игры въ лодыжки строго регламентированы; постоянная практика выработала правила чуть ли не на всякій сомнительный случай—передать ихъ все невозможно въ короткой статьѣ, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи со многими другими явленіями жизни ребятишекъ. Мы уже говорили, что бываютъ попытки обойти эти правила, попытки, считающіяся нечестными и позорящія доброе имя мальчишки, въ глазахъ не только его товарищей, но и взрослыхъ. Кромѣ изготовленія плотовитыхъ и жоговитыхъ подтесуховъ чаще всего вызываетъ нареканье такъ называемое сканиванье. «Скосить»—значитъ сдѣлать ударъ не по линіи перпендикулярной къ линіи кона, а нѣсколько сбоку, причемъ, конечно, лодыжки, валясь въ бокъ, заставляютъ падать сосѣднія пары; такой ударъ даетъ блестящіе результаты, особенно съ близкихъ разстояній, но онъ считается неправильнымъ, и игроки заставляютъ часто «перебиться». Другимъ поводомъ къ несогласіямъ и ссорамъ является «калдыканье» и вообще говоренье «подъ руку». Сказать что-нибудь подъ руку, т.-е. когда игрокъ поднялъ уже руку для удара, и тѣмъ развлечь его вниманіе—считается дѣломъ непозволительнымъ, но если произнести

при этомъ слово: «калдыкъ», то игрокъ имѣетъ полное основаніе возмутиться до глубины своей души. Впрочемъ, ребятишки прекрасно знаютъ свою слабую струнку—желаніе подразнить раздражительнаго товарища, и въ виду этого очень часто передъ игрою объявляется уговоръ играть «съ калдыками» или же безъ нихъ. Въ первомъ случаѣ калдыкать не возбраняется, но тѣмъ не менѣе упорное дразненіе доводитъ порою до серьезной ссоры, во второмъ—не только на калдыкнувшаго обрушивается брань, а то и колотушки, но бившій имѣетъ право, если пожелаетъ, перебиться.

Итакъ, ссоры и даже драки возможны и при играхъ въ лодыжки, но въ общемъ онѣ бываютъ несравненно рѣже, чѣмъ при другихъ играхъ. Хорошимъ игрокомъ въ лодыжки считаютъ лишь того, кто съ мѣткостью удара соединяетъ выдержку, хладнокровіе, спокойное и въ то же время смѣлое до риска отношеніе къ игрѣ и исполненное достоинства, серьезное и привѣтливое отношеніе къ партнерамъ. Всѣ эти качества и стремится инстинктивно выработать въ себѣ каждый игрокъ, а эти качества цѣнятся не одними мальчишками и не въ однихъ играхъ. Всякій взрослый человѣкъ прошелъ ч резъ ребяческій возрастъ и вступилъ въ борьбу съ жизнью, обладая извѣстнымъ характеромъ. Но характеръ этотъ выработался именно въ ребяческомъ возрастѣ, и игры въ выработкѣ его занимали роль первостепенную. Взрослые мало вглядываются въ дѣтскія игры, они рѣдко относятся къ нимъ серьезно, съ вниманіемъ и уваженіемъ, а между тѣмъ внимательнаго и уважительнаго отношенія вполне заслуживаетъ этотъ своеобразный міръ, полный всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается и индивидуальная и общественная жизнь человѣка...

1899 г. 7 октября.

С. К. Кулжинскій.

II.

Дѣтская игра „Кострома“ *).

Въ селѣ Ново-Животинномъ, Подгоренской волости, Воронежскаго уѣзда, мнѣ пришлось увидать очень оригинальную дѣтскую игру, называемую „Костромой“.

Дѣти въ устроенныхъ мною лѣтомъ ясляхъ часто играли въ нее съ большимъ оживленіемъ. Игра велась такимъ образомъ: одна дѣвочка садилась на землю; къ ней на колѣни ложилась другая дѣвочка; остальные дѣти брались за руки, образуя вокругъ нихъ кольцо, и, распѣвая куплеты, обращались съ вопросами къ сидящей дѣвочкѣ—„матери Костромы“. Сама „Кострома“, лежащая дѣвочка, не принимала въ игрѣ никакого активнаго участія, отвѣты за нее давались ея матерью. Кружась дѣти пѣли:

*) Срв. *Е. А. Покровская*, „Дѣтскія игры, преимущ. русскія.“ Изд. 2. М. 1895, стр. 196—7. *Ред.*

„Костромушка, Кострома,	Ѣли кашку съ молокомъ
Ты жива ль, наша кума?	И пышечку съ творогомъ.
Какъ у нашей у кумы	Здорова ли, кума?“
На канунѣ на свичѣ	

На вопросы хора „мать Костромы“ отвѣчала отдѣльными фразами: „Здорова!“; „Въ поле ходила—ножку сломала“; „Въ погребѣ ходила—захромала“; „Къ вечернѣ ходила—захворала“; „Подъ святыми лежитъ“; „Къ обѣднѣ понесли“; „Хоронить стали!“ Послѣ каждого отвѣта начальный куплетъ дѣти пѣли сызнова. Послѣ отвѣга „хоронить стали“ кругъ дѣтей быстро разрывался, они сбѣгались въ кучку и тащили лежащую „Кострому“ хоронить. „Кострома“ при этомъ оживала, и игра начиналась снова.

Сообщилъ земскій врачъ *А. Шингаревъ*.

III.

„Ангелъ и Врагъ“.

Дѣтская игра въ Покровск. у. Владим. губ.

Изъ всѣхъ играющихъ выбираются двое, которые даютъ остальнымъ названія, обозначающія какой-нибудь костюмъ (напр.: шелковое платье, шерстяной платокъ, ситцевая рубаша и т. п.). Одинъ изъ выбранныхъ называется „ангеломъ“, а другой „врагомъ“, они подзываютъ къ себѣ поодиночкѣ всѣхъ, при чемъ ангелъ задаетъ каждому вопросъ, врагъ подсказываетъ отвѣты, а спрашиваемый повторяетъ. Ангелъ, показывая вверхъ, спрашиваетъ: „Это что?“ Отвѣтъ — „Небо“. Ангелъ показываетъ внизъ: „Это что?“ — „Земля“. Указывается направо; отвѣтъ — „Рай“. Налѣво — „Дѣдушкинъ (или коникинъ) сарай“. Дальше ведется такой разговоръ: „Ты куда ходилъ?“ — Къ царю зѣрей. — „Что тамъ дѣлалъ?“ — Тируньки игралъ. — „Поиграй!“ Спрашиваемый пальцемъ бренчитъ по губамъ. — „Засмѣйся!“ Если спрошенный сохраняетъ серьезный видъ, то отходить на сторону ангела, если же улыбнется, то поступаетъ къ врагу. Когда всѣ такимъ образомъ подѣлятся, обѣ партіи становятся другъ противъ друга, берутся за руки и стараются перетянуть на свою сторону, кого придется. Перетянутый работаетъ уже съ новой партіей. Между борющимися есть какая-то, не опредѣляемая заранѣе, черта которую нельзя переступать во время борьбы. Игра кончается, когда всѣ перейдутъ на какую-нибудь сторону ¹⁾.

Сообщено учительницей *Е. Сорокиной*.

¹⁾ Срв. игру „въ ангеловъ и чертей“ въ Величкѣ. Wisla, t. XIII, zesz. 11—12, str. 656: *Ludw. Mlynck, Wanioly i djobly. Zabawa dzieci Wielickich.*—*Ред.*

Одна изъ раннихъ записей былинь.

Интересъ къ народной поэзіи въ значительной степени былъ присущъ и нашему XVIII вѣку, вопреки установившимся обычнымъ представленіямъ. Вѣянія національной старины, безсознательная, чисто стихійная народность очень замѣтны даже и въ дворинской средѣ, особенно провинціальной, конца XVIII и начала XIX в. Военные успѣхи Екатерининской эпохи значительно подняли національную гордость и приводили даже къ красному патріотизму и національной исключительности. Демократизація европейскихъ литературъ, примѣръ такихъ писателей, какъ Мерсье, не могли не отразиться и на нашей поэзіи. Сентиментализмъ и въ особенности романтизмъ естественно подводили ее къ сближенію съ міромъ народной пѣсни и преданія. Можно указать рядъ записей и изданій народно-поэтическихъ произведеній этого времени, рядъ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ подражанія имъ у импер. Екатерины, Львова, Волкова, Радищева, Карамзина, Крылова и пр.

Этотъ процессъ нарастанія народно-поэтическихъ элементовъ въ книжной поэзіи, какъ извѣстно, нашелъ себѣ блестящее завершеніе въ стихотвореніяхъ Пушкина, Лермонтова и Кольцова.

Въ старыхъ журналахъ разсѣяно, но пока еще не собрано много интересныхъ фактовъ для исторіи этого знаменательнаго процесса. Обратимъ вниманіе на одинъ изъ нихъ—кажется, еще никѣмъ не отмѣченный.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1827 г. (№ 21, часть VI, стр. 9) была напечатана пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, — повидимому, „съ невѣрнаго списка и потому съ большими ошибками“. Отмѣчая это, „Московскій Телеграфъ“ (1827, декабрь, XXIII, замѣтка Н. П.—конечно, Н. Полевого) рѣшился напечатать ее въ исправномъ видѣ, съ очень характернымъ предисловіемъ (стр. 108—109).

„Какъ повѣсть объ извѣстномъ русскомъ богатырѣ, она драгоценна, и тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ пѣсенъ въ этомъ родѣ весьма немногихъ; потому мы рѣшились представить ее публикѣ *съ граничающимся у насъ списка, составленнымъ въ Сибири, гдѣ прежде были они народною*. Мы хотимъ со временемъ издать отдѣльною книжкою всѣ собранныя нами старинныя русскія пѣсни, хотя и охотно желаемъ, чтобы кто-нибудь изъ любителей отечественной поэзіи предупредилъ наше намѣреніе“.

Насколько мы знаемъ, до сихъ поръ еще въ научной литературѣ ничего не было извѣстно о записяхъ былинь Полевого. Какая участь постигла ихъ? А онѣ представили бы очень большой научный интересъ.

Вотъ самая пѣсня въ его записи:

Ужь какъ по морю, по морю, морю синему,
Здуннай Дунай морю синему ¹⁾,
По синему было морю, по Хвалынскому,

¹⁾ Примѣчаніе Полевого: „примѣвъ и повтореніе каждого слова должно быть послѣ каждого стиха“.

Туда плаваетъ Сокѡлъ корабль по тридцать лѣтъ.
 Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
 Ко крутому бережечку не причаливался,
 И онъ желтаго песочку въ глаза не видалъ,
 А бока то сведены по-туриному,
 А носъ да корма по-змѣиному,
 Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ,
 А на Муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтъ,
 На кафтанѣ были пуговицы значеныя,
 А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву,
 И напали на Сокѡлъ корабль разбойнички,
 Ужъ какъ злые то Татары со Калмыками,
 И хотятъ они Сокѡлъ корабль разбить, разгромить,
 Илью Муромца хотятъ въ полонъ полонить.
 Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
 Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
 Его пуговицы златыя разгоралися,
 Его лютые львы да разревѣлися,
 Ужъ какъ злые то Татары испугалися,
 Въ синее море Татары побросалися.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ „Пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ“ была напечатана безъ всякаго предисловія, въ такомъ видѣ:

По морю, по морю, по морю по синему,
 По синему, по Хвалынскому,
 Плыветъ Сокѡлъ корабль ровно тридцать лѣтъ,
 И на якорѣ Сокѡлъ корабль не стаивалъ,
 И желтого песочку въ глаза не видалъ.
 Хорошо Сокѡлъ корабль изукрашенъ былъ:
 Бока сведены по-звѣриному,
 А носъ-атъ да корма по-змѣиному.
 Кормою-то владѣетъ младъ Полканъ Богатырь,
 А вѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ.
 На Ильѣ Муромцѣ кафтанъ рудожелтой камки.
 Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
 Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ.
 И напали на Сокѡлъ корабль разбойнички,
 Горскіе Татары со Калмыками,
 И хотятъ они корабликъ разбить, разломить,
 А онъ-то по кораблику похаживаетъ,
 Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ;
 Пуговицы значеныя разгремѣлися,
 Лютые львы разревѣлися,
 А разбойнички испугалися,
 Во горы съ испугу разбѣжалися.

„Московскій Вѣстникъ“ вообще обращалъ большое вниманіе на народно-поэтическое творчество. Такъ, въ 1828 г. (т. VIII № 6, стр. 140) онъ печатаетъ народную пѣснь:

Какъ по саду, по зеленому
Добрый молодецъ похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
„Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣсу по поднебесью,
Пронози, убей, каленая стрѣла,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Сизу утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Красну дѣвицу въ высокому терему,
Чтобъ досталась ни мнѣ и никому,
Ни разлучнику злодѣю моему,
Чтобъ досталась она матери сырой землѣ,
Чтобъ сырой землѣ досталась, гробовой доскѣ!“

Еще болѣе любопытна „старинная русская пѣсня“, помѣщенная въ 24-мъ № 1827 г., т. VI, стр. 389—391.

Она сопровождается характерной оговоркой—извиненіемъ: „Пѣсня сія многими изъ читателей покажется грубою: мы помѣщаемъ ее, какъ памятникъ старинной поэзіи и свидѣтельство образа мыслей тогдашняго времени; она должна принадлежать къ числу разбойничьихъ волжскихъ пѣсень. Журналистъ обязанъ сохранить подобные матеріалы для будущаго историка русской словесности“.

Отъ пѣсни вѣетъ глубокой архаичностью настроенія:

Перепелка пташечка
Примахала крылышки,
Плавальныя перышки:
Молодецъ Казанецъ,
Душа Астраханецъ,
Полюбилъ дѣвку,
Полюбилъ красну:
Полюбивши онъ дѣвицу,
За себя не взялъ,
За себя не взялъ,
Насмѣхаться сталъ:
„Ты не шей, красна дѣвица,
Шитыхъ, браныхъ пологовъ;
Ужъ мнѣ ли молодцу
Не сыпѣть въ пологу,
Не цѣловывать дѣвицу

Въ сахарныя уста;
Не трепать молодцу
По дѣвичьему тѣлцу.
Мнѣ трепать молодцу
Весломъ по водѣ,
Цѣловать, миловать
Матку Волгу рѣку“.
Ужъ тутъ красна дѣвица
Призадумалась;
Призадумавшись, дѣвица
Слово молвила,
Слово молвила,
Рѣчь говорила:
„Ужъ есть у меня
Да два братца родныхъ,
Я вею тебя поймать,

Велю тебя потерять.
 Я изъ мяса твоего
 Пироговъ напеку,
 А изъ сала твоего
 Я и свѣчь налью,
 Изъ буйной головы
 Чашу выдѣлаю,
 Изъ ясныхъ очей
 Да двѣ чарочки,
 Изъ костей же твоихъ
 Я кровать смощу.
 Созову ли я гостей,
 Красныхъ дѣвицъ вседушей,
 Загадаю имъ загадку,
 Не хитру, не мудру,
 Не хитру, не мудру,
 Не отгадливу:
 „Ужъ что таково?

Я на миломъ сижу,
 И я милымъ подношу,
 Милымъ подчиваю,—
 Ахъ, милъ передо мною
 Свѣчою горить?“
 Тутъ одна красна вѣвица
 Призадумалася,
 Призадумавшись, дѣвица
 Слово молвила,
 Слово молвила,
 Рѣчь говорила:
 „Ужъ я тебѣ, братецъ,
 Говаривала:
 Не ходилъ бы ты, братецъ,
 Поздно вечеромъ одинъ;
 Не любилъ бы ты, братецъ,
 Красной дѣвицы души“.

Намъ приходилось встрѣчать упоминанія объ этой пѣснѣ и, ея варианты но въ такомъ полномъ грубого и суроваго архаизма видѣ она встрѣчается намъ впервые.

В. Каллашъ.

Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца.

Относительно прозвища главнаго богатыря русскаго эпоса было высказано много догадокъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но всѣ, писавшіе объ этомъ, исходили въ своихъ толкованіяхъ Муромца изъ географическихъ (Моровійскъ=Муромескъ, Муровъ=Муромъ) и историко-литературныхъ данныхъ (Бравлинъ=Моровлинъ) и на основаніи ихъ такъ или иначе рѣшали этотъ вопросъ. Въ своей замѣткѣ я попытаюсь разбяснить смыслъ г. Муромъ, какъ географическаго названія, основываясь на показаніяхъ самихъ былинь. Матеріаломъ мнѣ служатъ былины о боѣ Алеши Поповича съ Тугариномъ ¹⁾ и Добрыни съ Ильей Муромцемъ. Въ первой былинѣ разсказывается о томъ, какъ Алеша со своимъ слугою пріѣхали къ перекрестку, гдѣ пересѣкались три дороги, ведущія къ разнымъ городамъ. Названіе городовъ довольно сильно варьируется. Въ двухъ пересказахъ ²⁾ упоминаются Муромъ, Черниговъ и Кіевъ; въ мезенскомъ

¹⁾ Начало былины у *Тихомирова* и *Миллера*, Русскія былины, II, 102—4. представляетъ собою вставку именно этого сюжета въ былину о боѣ Ильи съ сыномъ.

²⁾ *Киртескій*, Пѣсни, II, 70 и моя записъ съ Зимняго берега Бѣлаго моря, № 47, печатающаяся въ сборникѣ Бѣломорскихъ былинь, записанныхъ мною и А. Д. Григорьевымъ (сборникъ составитъ отдѣльное изданіе Этнографическаго Отдѣла).

вариантъ ¹⁾ дороги ведутъ въ Кіевъ, Черниговъ и къ морю (не искаженіе ли *Морова-Мурома*?); въ томскомъ ²⁾—въ Кіевъ и Путиловъ-градъ; въ другомъ томскомъ ³⁾—въ Черниговъ, въ Путѣрему (=къ Пу-терему) и въ Кіевъ; въ пересказѣ изъ Пинежскаго уѣзда Архангельской губ. ⁴⁾—«ко городу ко Крѣмлеву», къ Чернигову и ко кн. Владимиру, въ Кіевъ. Пересказы, записанные въ Якутской области, особенно искажены; въ одномъ изъ нихъ упоминаются дороги (къ) Тугарину, на Вуяндину (?) и (къ) Владимиру (т. е. въ Кіевъ) ⁵⁾; въ другомъ—о перекресткѣ вовсе не упомянуто: Алеша со слугой ѣдутъ изъ Чернигова къ Кіеву ⁶⁾. Указанныя географическія названія отводятъ насъ въ южную Русь. Путиловъ-градъ есть, несомнѣнно, Путивль; въ двухъ другихъ пересказахъ ему соотвѣтствуютъ Путеремъ и Кремлевъ, въ которыхъ я вижу искаженное названіе того же города. Въ лѣтописяхъ на ряду съ формой Путивль встрѣчаются Путимль ⁷⁾ и Путимъ ⁸⁾; отсюда, съ одной стороны, могъ быть такой переходъ: Путимль—Путемль—Путельмъ—Путерьмъ—Путеремъ; съ другой стороны, слова: (дорога) «къ Пути (е) млю»—могли быть поняты какъ «путь къ Емлю», что напомнило слово «кремль» и дало «ко Крѣмлеву». Итакъ, дороги отъ перекрестка идутъ или 1) въ Муромъ, Черниговъ и Кіевъ, или 2) въ Путивль, Черниговъ и Кіевъ. Во второмъ случаѣ географическое направленіе дорогъ очень ясно: онѣ идутъ къ тремъ городамъ, изъ которыхъ одинъ лежитъ на р. Сеймѣ, притокѣ Десны, другой на Деснѣ и третій на Днѣпрѣ, недалеко отъ устья Десны; разстоянія отъ Путивля до Чернигова и отъ Чернигова до Кіева почти одинаковы. Но что нужно разумѣть подъ г. Муромомъ въ первомъ случаѣ? Видѣтъ здѣсь просто эпическое перечисленіе городовъ нельзя, потому что Муромъ безъ отношенія къ Ильѣ упоминается лишь въ одной этой былинѣ; предполагать какую-нибудь ошибку пѣвцовъ тоже невозможно, такъ какъ перечисленіе дорогъ въ Муромъ, Черниговъ и Кіевъ находится въ двухъ вариантахъ, изъ которыхъ одинъ (Кириши) записанъ въ Сибири не позднѣе 1768 г., а другой (мѣй)—на Бѣломъ морѣ въ 1899 г., т. е. спустя не менѣе 130 лѣтъ послѣ перваго; наконецъ, считать Муромъ теперешнимъ городомъ этого имени, лежащимъ на Окѣ, не позволяетъ сама былина, потому что въ такомъ случаѣ между конечными пунктами дорогъ къ Мурому и Чернигову оказалось бы разстояніе въ 6 разъ большее, чѣмъ между Черниговомъ и Кіевомъ, и не могъ бы существовать перекрестокъ. Слѣд., необходимо въ «Муромѣ» этой былинны видѣтъ давно уже указанный Моравійскъ, городъ

1) *Тихонр. и Милл.* II, 103.

2) *Ibid.*, 282.

3) *Ibid.*, 93.

4) Запись А. Д. Григорьева, № 6, изъ числа Бѣломорскихъ былинъ.

5) *Тихонр. и Милл.* II, 98.

6) Этнографич. Обзорѣніе, кн. XXIX—XXX, 90.

7) Напр., подъ 1170 г. Живая Старина, г. III, вып. IV, 461, 446, прим. 1; подъ 1404 г. Рускій Временникъ. М. 1820. I, 268.

8) П. С. Р. Л. X, 90, подъ 1225 г. „князи Путимьскіа“.

Черниговскаго княжества, лежавшій на Деснѣ, между Черниговомъ и Кіевомъ, и впослѣдствіи (въ XVI—XVII вв.) извѣстный подъ именемъ Муромска ¹⁾.

Если въ разсмотрѣнной мною былинѣ Муромъ является въ ряду южно-русскихъ городовъ, то въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ обстановка уже другая. Здѣсь нѣтъ и помину ни о Кіевѣ, ни о князѣ Владимирѣ; все содержаніе ея основывается на столкновеніи рязанца Добрыни съ муромцемъ Ильей. Такъ какъ эта былина имѣла лишь мѣстный, рязанскій интересъ, то она не могла быть популярна: до сихъ поръ она встрѣтилась лишь въ записяхъ, сдѣланныхъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря ²⁾; замѣчательно, что еще одинъ, правда, крайне искаженный, вариантъ записанъ въ Коломнѣ ³⁾, которая нѣкогда входила въ составъ Муромо-Рязанской области. Содержаніе былины также указываетъ на то, что подъ Муромомъ нужно видѣть близкій къ Рязани городъ, т. е. теперешній городъ Владимирской губ. Слава о воинственныхъ подвигахъ юнаго Добрыни доходитъ до Мурома (конечно, не до далекаго черниговскаго города), и Илья Муромецъ, не стерпѣвъ, чтобы у него былъ молодой соперникъ, ѣдетъ въ Рязань; оказывается, что мать Добрыни близко знаетъ стараго казака: она не только бывала въ Муромѣ, но жила именно въ домѣ родителей Ильи; по одному пересказу (моя запись № 46), она — его двоюродная сестра и нянька. Изъ всего вышесказаннаго ясно, что въ этой былинѣ рассказывается о столкновеніи, оканчивающемся братаньемъ, двухъ мѣстныхъ богатырей Муромо-Рязанскаго княжества, и что въ эпоху сложенія былины Илью, какъ Муромца, производили изъ теперешняго Мурома, а можетъ быть, даже и изъ села Карачарова ⁴⁾.

Относительно того, какое приуроченіе Муромца болѣе древнее, не можетъ быть сомнѣнія. Онъ извѣстенъ преимущественно какъ южно-русскій, кіевскій богатырь; это приуроченіе имѣло смыслъ не позже XIII вѣка, когда политическій центръ окончательно перешелъ отъ кіевской Руси на сѣверо-востокъ и когда южно-русскій богатырь могъ быть перенесенъ въ другую обстановку, сообразно съ интересами населенія, окрѣпшаго въ новомъ мѣстѣ жительства, на берегахъ средней Оки.

А. Марковъ.

¹⁾ См., напр., Введеніе въ Ист. русск. слов., *Владимірова*, 221, прим.

²⁾ *Тихопр.* и *Милл.* II, 60; Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 664; двѣ мои записи будутъ напечатаны.

³⁾ Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ, кн. III, 1877 г., отд. II, стр. 17: Илья убиваетъ Добрыню, выѣхавшаго на Русь изъ Царьграда; упомянуты Кіевъ и кн. Владимиръ.

⁴⁾ „Извѣстія“: Карачеево; моя запись № 46: Качарово. Такое же приуроченіе является въ былинѣ о ссорѣ Ильи съ княземъ, гдѣ Муромецъ называетъ себя Пикитой-*зальманиномъ*: *Кир.* IV, 47; моя запись № 44. Ср. *Этногр. Обзор.* кн. XLIII, 91.

Толки народа въ 1899 году.

Французскій журналъ *Revue des Revues et Revue d'Europe et d'Amérique* (1894, № 23, стр. 374—77), перепечатывая помѣщенные мною въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» толки народа по поводу голода и холеры, говоритъ: «Русское прошлое, столь полное страданій, его настоящее, столь исключительное, породили мысли о жизни, имѣющія характеръ странной грусти. Когда мы изслѣдуемъ русскія народныя вѣрованія, бросается въ глаза важная роль, какую здѣсь играетъ конецъ міра. Онъ появляется подъ всеми формами и при всякомъ удобномъ случаѣ: эпидемія, уносящая тысячи жертвъ, плохой урожай, заставляющій трепетать за существованіе семьи, обычные несчастія жизни—одинаково даютъ поводъ обратиться къ концу міра, какъ къ послѣднему убѣжищу, къ послѣдней панацеей противъ всехъ золъ. Русскій фольклоръ указываетъ намъ сокровища этихъ вѣрованій, то странныхъ, то трагическихъ, но всегда, насколько возможно, поэтическихъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти слова, при всей своей деликатности очень обидныя для русскаго патріота, нисколько не измѣнились да и не могутъ измѣниться при настоящихъ условіяхъ ни «исключительное» положеніе русскаго народа, ни его «странное» пессимистическое міровоззрѣніе, и страшный судъ поэтому для нашего народа еще долгое время будетъ разрѣшителемъ самыхъ сложныхъ и важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Доказательствомъ этого положенія могутъ служить слѣдующія далѣе сообщенія.

1. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, сообщая данныя по народному календарю, подъ 23 апрѣля пишетъ слѣдующее:

— Та це на Юрѣя нашойи Царыци мынынныкъ. Гарна-то, гарна Царыця... Кажуть, щои у нашего Царя на одынъ золотныкъ менчъ мудрощи протывъ Салымона. А ужы уродытѣся хлѣпыць, такъ такыи буды.

Це уже прыйшлы годы Салымоновы: Богъ напысавъ безъ двоухъ сотъ дви тысячи та й прыбывъ на табылицы; Салымонъ узавъ прыпысавъ та й кѣжы: «Що жъ нысполна друга тысяча; ныхай сполна!» Богъ кѣжы: «Такъ-то гарно сполна, та мудро буды жыть на цыхъ годахъ, що ты прыпысавъ. Ну, та ко-якъ прожывуть, хочъ мудрошамы». Такъ оце стало мудро жыть.

Я уже казавъ самъ соби: на що його, цѣого Салымона, чорты вытяглы ызъ моря, якъ його ракъ пырырубавъ чепъ, якъ винъ дознававъ у мори дна? Винъ бы пропавъ, и годивъ бы ны напысавъ. Та воно, мабуть, чорты зналы, що йимъ буды полза: ци люды, що на Салымоновыхъ годахъ уродят(ь)ся, такъ усеи пидуть у вадъ, того що воны ны думаютъ, що есть ыще и Богъ, а тилько сама прырода.

(1899. Слоб. Попасная Богучарскаго уѣзда. Сообщ. крест. А. А. Суботинъ).

2.—А це забудьъ розказать, що трынацятото ноября буды яка-то оказія на неби, похожы на страшный судъ. Уже йесть пророкы у Москви,

попрысылани кныгы, шо буды страшный судъ. Такъ напысано, шо якъ прѣйды той день, ны буды ничѣго, то ныпрыминно буды всемырна война, и вырубають усихъ людей. У насъ теперь пожурылысь, получылы кныгу ызъ Москвы; прыславъ салдатъ, тамъ службы. Кныга здорова, тилко ще не позволено читать до време(ны) у церкви. Послалы розогришенія (!) до Царя, то будутъ читать. У насъ ы гарни хлибѣ, та ны радуйе, чы довыдет(ь)ся йисты, чы ни. Ужы ходылы двичи за хрыстами, каждый двиръ правывъ молебнѣ у хати. Кажынъ ставъ якъ вялый: полякалысь. Йесть такъ, шо днѣвъ по тры поснычать. Багато пошло у Кыйивъ, у Юрусалымъ. Стала церква полна людей—це ны шутка! Кныга зацынзурына, то треба ждѣть, якъ смерты. (Ib. Id.)

3.—Учора прѣйшлося мини пиделухать розмову двохъ мужыкивъ, де воны балакалы ось про шо:

— А шо, Грыцько, ты ны чувъ ничѣго?—А шо таке?

— Та шо, братъ, штука ныкрасыва: я чувъ, шо скоро прѣйде кинѣць свиту.—Якъ?

— Та такъ: я бувъ у вивторокъ у свата, и тамъ балакалы, шо оснивню, у ноябри мѣсяци, 13 числа, намъ прѣйдыцьця всимъ погыбать.

— Одъ чого жъ це такъ?

— Та, кажутъ, буде йты якась тамъ комета, котра и побушкайицьця зъ зымлею и зачѣне собою вси постройкы, поваля йихъ и всихъ по душе, и все одъ нейи погорыть; а яки жытыльства будутъ дуже далеко одъ нейи, то самы по соби розвалюцьця и провалюцьця у пропасть, бо колы ця комета побушкайицьця зъ зымлею, то зымля вся затрусѣцьця и порѣпайицьця, и въ ти щели попровалюцьця хаты.

Грыцько повисывъ голову, трохи подумавъ, а дали й пытѣ:

— А шо жъ ты, Пытро, ны брешышь?

— Отъ, чудаць!.. Чого жъ я буду брыхать? Це и въ кнызи напысано, шо буде йты комета; у Билгороди, на вакзали, продаюцьця кныжычкы по 15 коп.

— А яка вона йесть комета?

— Та хибѣ жъ ты й ны знайишь, шо це за комета? Це, бачъ, по нашому вона называйицьця оказія. Ты жъ ранишь бачыкъ оказію, колы пырьдъ турецкою войною выходыла? И ця зъ такого жъ самого мѣтырѣялу, тико ця, кажутъ, буде вылыка, якъ бе ны побилъше зымли.

— А ця оказія шо́ буде прыдвищать?

— Кинѣць вику буде прыдвищать, бо яки люды хочъ и остануцьця, то тежъ довго ны поживуть, а все жъ такы воны бачытымуть, у знакъ чого вона пройшла.

— Отъ шо, братъ Пытро, цѣому ище вирыть опасно: хто бувъ у Бога? По чимъ винъ зна, шо вона буде йты? Це ище на води выламы пысано, бо винъ же, той шо пыше, зъ Богомъ ны совитуався.

— Е, Грыцько, ты жъ ище ничѣго ны знайишь: теперь люды и

чорта пырыхытрылы, че й скоро до Бога добыруцьця. Ты жъ бачывъ колы ныбудъ, якъ мѣныцьця мѣсяць або сонце?

— Бачывъ!

— Ну, вотъ, якъ же цѣму ны вирыть? Въ яки часы пышыцьця у кныгахъ, такъ и збувайицьця: значыть, воны дознають.

— Та якъ же це можно узнать?

— А отъ же узнають: це все, кажуть, розглядають якимысь трубами, пидзорными чи-що. У пидзорну трубу якъ подывыся, такъ все розглядышь до самого неба. И въ ци сами трубы гострономы дывлюцьця и дознають, колы яка оказія явыцьця.

— Отъ, Боже мій, до чого люды дойшлы, выдумалы якисъ тамъ трубы. Ны такъ дывни трубы, а треба голову поморочыть, зъ чого здилать стекла, котри вставляютьця въ ти трубы. Ты ны чувъ, Пытро?

— Цѣго вже я тыби ны докажу, а тико чувъ, шо воны убилышуютъ усяку вещь въ багацько разивъ, такъ шо направыть трубу на жука, то винъ покажыцьця якъ добрый вилъ, и хочъ якъ буде одъ тебе далеко, то буде здавацьця, шо винъ лазе коло нигъ.

— Ну, та це все ничѣго; а тутъ, Пытро, треба подумать, якъ пырыдъ Богомъ одвичать: нагришылы-то мы багато, а одмолыть ны управымыся, смерть недалеко.

— Ну, та шо Богъ дастъ: ны журысь, Грыцько, люды всего набалагають, а вирыть ище хто-йи-зна-якъ, че правда, че ни. Балакають на всяки манеры, а шо буде, одынъ Богъ зна; по крайни мири, я такъ чувъ.

Грыцько почухавъ, почухавъ потылицю та й каже:

— Я, братъ, чувъ и самъ про це саме, тико зовсимъ ны такъ, якъ ты розказуйишь.

— А якъ же ты чувъ?

— Та мини розказувалы краснян(ь)ськи мужыкы, шо бутто осыньню буде по воздуси лытитъ огненный клубокъ, а за нымъ другый, и ци клубкы будуть ось яки: це тико буде намъ казацьця, шо огнени клубкы, а це будутъ йихать на воздуси архангыль Гаврыйилъ и чортъ. Архангыль Гаврыйилъ буде йихать на билому коневѣ, и гнатымыцьця за чортомъ, а чортъ попереду буде йихать на дракони и удалятымыцьця слъ арханголя. Колы арханголь догоне чорта, то у йихъ запыпыть битва, и хто кого побидыть, на того сторины буде и воля надъ всею землею; якъ-шо арханголь Гаврыйилъ побидыть чорта, то люды ище поживутъ на свитѣ; а якъ побидыть чортъ арханголя, то тоди на зымѣи буде царствовать чортъ, а хочъ Анцыхрысть; бо винъ сыдыть закованый у пекли, а у ноябри, кажуть, йому зрокъ зирвацьця зъ чену, и винъ зѣрвыцьця, а арханголь Гаврыйилъ буде за нымъ гнацьця, шобъ його побидыть и упыйеть закувать.

— Ни, Грыцько, цѣго ништо ны зна, вирыть тежъ ны можно.

— То ты, Пытро, здорово ны завирай, бо якъ того, такъ и другого ништо ны зна, а отъ же балакають. А вже шо ныбудъ та буде, по народу выдно, шо погыбыли ны мынувать: уже збувайицьця, шо каже от-

кровеніе Боже святому Иванови. У ивангеліи пышыця, шо пырыдъ кинцемъ вику буде йты братъ на брата, батько на сына, сынъ на батька, буде розвратъ, и пиднымыця царство на царство,—и все це у насъ уже йе.

— Та це правда, Грыцько, у насъ и то уже йе нымало такихъ, шо зъ нывисткамы сплять, а якъ у касапурзыхъ, такъ тамъ пошты вси снахачи; ридко якого найдышь, шо ны спыть зъ нывисткою.

— Да, справдыливо, теперь чого доброго, а цього повылось по вьсьому свиту; а шо батькы зъ сынамы, такъ це у кожному двори щодня можно бачыть, якъ за бороды тягаюцьця. Кажынъ день бизъ того ны обійдыця, шобъ сынъ батька ны побывъ, або матирь. И часто злучайшыця, шо сынъ заріже батька або матирь, и батькы сынивъ рижуть, жинокъ свойихъ рижуть, и такъ бува—до смерты убывають.

— А все, я думаю, выхде кавырза изъ-за жинокъ: сынъ батька рывнуе, а батько сына.

— Теперь по вьсьому выдно, шо кинецъ вика ныдалеко. Спасытыль сказавъ: «Якъ шо будыте робыть по правди, то вику прыбавлю, а якъ будыте робыть пагано, такъ убавлю». Отъ тутъ и гадай, якъ хочышь. Скорій вьсего убаве, чымъ прыбаве. А якъ убаве, то прыходыця быть страшному судови въ цьому году, бо винъ убаве сто литъ отъ двохъ тысячъ и ще одну сотню годивъ наkyне. Похоже—убаве, бо люды стали хуже скотыны, прежде дужче боялысь Бога, а тыперь уже ко-яки кажуть, шо Бога зовсимъ ныма; то жъ теперь буде добро?

— Нашъ братъ розсобачывся здорово, а все жъ такы ны такъ, якъ паны. Мужычкы тымъ гришати, шо воны часто и здорово пъянествуютъ, матюкаюцьця, ны почитаютъ родытыливъ, уже пошты на половину такихъ йе; ну, ынши тамъ воруютъ и ко-яки бувають ласи до молодыхъ чужыхъ жинокъ и дивчатъ; а якъ у панивъ шо робыця, такъ ны дай Богъ: пошты вси паны йидятъ щодня чырызъ увесь годъ скоромне, николы постивъ ны чтятъ, ны молюцьця Богу; ридко яки молюцьця, а то бильше забулы про Бога, ынши кажуть, шо Бога зовсимъ ныма; и воны щытають нашего брата за собаку, на всякому слиду все мужыка надувають, и часто напрасно його наказуютъ.

— Ни, це ище ны такъ вылыкый грихъ—скоромне: теперь и нашъ братъ жре, колы попада, такихъ и у насъ багато найдыця; а шо паны обижаютъ насъ, то усе тымъ, шо паны надъ нами начальныкы. Ничого ны поробышь, вси воны въ начали: то членамы, то судьямы, то земськымы, то ище чымъ, и вси воны надъ нами старшии. А тутъ отъ чымъ воны здорово гришати: багато йе такихъ панивъ, шо зроду ны жынылысь; живутъ зъ молодыми дивыцямы: одна прыстаріе, винъ найде другу и живе зъ нею ушыйеть, покы схоче. И такъ винъ увесь викъ скалата, а жыныця ны хоче; хочъ и йесть багато грошый, то все одно, бо йому ны наравыця жыть багатому зъ винчаною жинкою, а винъ гате все свое багатство на дивчатъ. Винъ уже прывыкъ бигать по чужыхъ жинкахъ або дивчатахъ, такъ шо його ни за яки благы и калачемъ ны заманышь жыныця; бига, якъ кабель за тичкою—и годи.

— Да, да, це и я тыби хотивъ тико сказать. Та отъ, напрымирь, нашъ барынь: у його ыкономія здорова, и винъ жева дуже багато, а отъ же ны жѣныця, держе у себе содыржанку, корме, одива, обува по саме первыхъ модахъ и саме зъ лучшой матерыйи одежа на ййи, та й гришмы нагража ййи ны мало. Та ище й йизде зъ нею по гостяхъ и ны трохы ны стыданця, якъ бутто такъ и треба. Його знакоми прыймають, якъ бутто винъ и справди зъ законною жинкою и прыйихавъ, и йимъ ны канхвузно, шо до йихъ б..дь прыйихала. Оце у його уже третя, ныдавно була друга, я теперь упѣйеть нова, выпысавъ изъ Харькыва, бутто гыныральска дочка.

— Та теперь, Пытро, и гыныральски дочки розсобачылысь хуже простыхъ: воны даже постушають и въ б...къ, ны то шо въ содыржанкы. Трудомъ кормыця ны хочуть, а пустылысь на лыгкый хлѣбъ.

— Та це правда. А якый рощотъ йому дыржать йихъ? Воны ростоचाють все його именіе то на наряды, то ище тамъ на разни прыхотни, а якъ бе винъ жынывся, такъ жинка бѣ йому такого росходу ны робыла, и кроме того ище бѣ прыданого бѣ узавъ тысячъ пѣять—десять, и все бѣ такы бувъ барышъ.

— Та знайишь, братъ, воны, оци вылыки паны, на гроши ны гонюця, а живутъ, якъ йимъ хочыця: привыкне собака за возомъ, то вона и за саньмы ны втерпе, то такъ и це: винъ привыкне зъ малыхъ литъ бигать за дивчатамы и такъ, помы здохне, а теперь уже йому жыныця и ны маыныця. И отъ примить: теперь багато йе такихъ панивъ.

— Ну, та це ище ничего: винъ хочъ жева нывинчаний, та хочъ чужыхъ жинокъ ны зманюе, а то теперь багато йе такихъ, котри и жынати, а живутъ зъ чужымы жинкамы, або зъ барышнямы, и жинкы живутъ зъ чужымы мужыкамы и хлопцямы. Значыть, воны тико для блызиру винчаюця, а живутъ, якъ йимъ хочыця. Выходють замижъ воны изъ-за того, шобъ смилить можно було волочыця за молодыми людьмы; а то будуче барышньою волоцюжыть ны ловко: гляды, та ище назвуть у вичи б...лю; а то вона майе оправданья, шо вона законна, чесна. Из-за такойи честысты выхое рывнуванья, чырызь шо паны стріляюця, травляюця, душуюця и всяки штуки бувають. За це саме йимъ дуже вылыкый грихъ, и такихъ грихивъ у панивъ дуже багато.

— Ты подывысь, шо робыця у Харькови,—такъ тамъ чыстый адъ кримишный, такъ шо йому ны довго осталось и провалыця, якъ Содому и Гомори.

— Та годи вже и балакать про грихы! Тутъ по всему выдно, шо страшный судъ ныдалеко, бо вже давно бѣ треба було бѣ уснхъ людей повныстожыть. Богъ держе свить тико изъ-за якихъ-ныбудъ сотни або, може, й дысаты правдывыхъ, а то бѣ давно мы погыблы.

— Ну, та шо було—бачылы, а шо буде—побачымъ. Будымъ ждаты кары Божойи, умиратъ разъ: двомъ смыртямъ не бываты, а одныйи ны мынуваты; умиратъ усимъ треба, тико ны въ одно времяя. Треба тико молыця Богу.

— А я чувъ ище такъ: бутто чырызъ симъ годивъ буде всесвітна война, пиде царство на царство, истрывожыцца вся зымля. И бутто ця оказія прыдвищатыме на щотъ будущей войны и разныхъ бизпорядкивъ.

— Усе у рукахъ Божыхъ!

— Боже мій! Ны такъ робыцца, якъ намъ хочыцца, все збувайицца, якъ назначено Богомъ.

— Протывъ Бога не попрэшъ.

— Ну годи балакать, пора додому йты, а то мы добалакайимся, шо й скоро десять часивъ буде.

— Ничого, теперъ празныкъ.

— Та воно-то такъ, та вже й спать захотилось, а тутъ ище я ны вечерявъ; жинка и диты будутъ дожыдать вечерять.

— Та я и самъ ны вычерявъ.

— А ны вычерявъ, такъ ходимъ же по домахъ.

— А шо въ тебе гывыныкъ йе?

— Ныма, полтынныкъ йе; учора писокъ возывъ на шосе, такъ заробывъ.

— Ну вотъ ходимъ, пырьдъ вечерю выпйимъ; у мене йе 15 коп.: отъ мій гывыныкъ та твій гывыныкъ—и купымъ сороковку.

— Та ны хотилось полтынныка минять: жинка тоди й голову програзе.

— Ничого. Вона почимъ буде знать? Ты ище заробышь.

— Ну, ходимъ!

И пишлы у бухветъ. Я послідкувавъ за нымы, и колы вони увійшлы у бухветъ, я сивъ коло бухвету, на ослиныку. Сыжу сыби прыгорюнывшись, якъ бутто ничого ны знаю, а все на усъ мотаю. Отъ вони уходятъ у бухветъ. Грыцько ставъ требовать горилкы.

— Господынъ, подай лышынь намъ сороковку сывухы.

— За 20?—пыта бухветчыкъ.

— За 20!

— Извольте!

— Та дайте жъ намъ и чарку.

— Добре. А де вы будыте пыть?

— Та тутъ же у васъ.

— А за посуду вы ны оставляйите?

— Ни. На шо жъ оставлять? Мы ны втычимо, тутъ же, пры вашихъ очахъ, выпйимъ.

Бухветчыкъ давъ йимъ рюмку. Грыцько налива и пидносе Пытрови:

— Пый, братъ!

— Ни, поперыду самъ выпый, тоди я.

— Ну, жылаю добра!

— Пый на здоровья!

Грыцько выпывъ, утерся, покрывтавъ, и налива Пытрови.

— А я знайишь чого тыби пожылаю? Сына, бо дви дочки у тебе вже йе.

— Спасыби, це ты добре сказавъ. Та шо ище буде, Богъ Святый зна. Жинка кажи, шо съ нидъ праваго боку взяло на трети ступни, якъ на хлопця. Спасыби Богови, якъ бе хлопцыцъ.

Пытро такимъ же маниромъ выпывъ. Потимъ наливають сыби по други. Выпылы по други, тоди уже трохи повысылилы, речей у ѣихъ прибавылось.

— А шо тыби, Пытро, ны прыходылось чутъ таку штуку!

— Шо таке?

— Та шо у кого нима сынивъ, а родюцьця все дочкы, то ти за-для того, шобъ у ѣихъ бувъ сынъ, роблять таку штуку. Оце колы лягають спать, то чоловікъ, якъ скида на ничъ штаны, кладе ѣихъ ны на лавку, або тамъ ище куды, а заныха ѣихъ нидъ подушку, на яки спыть ѣого жинка, и тамъ воны лыжать до ранку, а у-ранци вытяга и надива, колы треба вставать ѣому. И такъ винъ робе цылыхъ тры або чотыри мисяци, однимъ словомъ до тыхъ пиръ, помы ѣого баба запузатіе порядошно, а тоди можно и куды хочышь штаны класты. Одынъ чоловікъ даже минн божывся, шо винъ ны разъ такъ пробувавъ, и завсигды родылысь сыны, а то, бувало, родюцьця у ѣого дочкы та ѣ дочкы; а якъ ставъ класты нидъ головы штаны, такъ уже третій сынъ у ѣого.

— Та це, може, такъ прыйшлось.

— Ни, ны такъ прыйшлось, а похоже на правду.

— Ну, мало чого, шо тамъ стари бабы балакають, все це пустѣ.

Пытро быре бутылку, налива по трети.

— Ны спышы, Пытро, а то зразу у голову вдаре, заканубе, шо и дороги ны найдышь; пырыгоды трохи, часто ны поганяй: посыдымо трохи, тоди донѣйемъ.

— Чого тамъ возыцьця надъ нею, скорше донѣйемъ, та ѣ по домахъ.

— Та воно-то такъ, та зразу опѣянійишь; до-дому прыйдышь, жинка узна, буде лаяцьця

— Ехъ, ты, чолочикъ! Жинкы бойицьця: вовка якъ бояцьця, такъ и въ лисъ ныльзя ходыть.

— Та я знаю, я-то ны боюсь, шо вона мене буде быть або лаять, а тико ныпрыятно слухать, якъ вона росхараноныцьця; якъ кажутъ, вовкъ собаки ны бойицьця, та тико звягы ны любе слухать.

— Е, братъ, братъ, тико ѣ нашего, тико теперь и погулять: помрецьця—все менецьця. Попѣйимось до вшыпы, а тоди хочъ ныхай и кинець вику прыходе.

— Зъ гулянья добраго ничого ны выйде, а лучче бъ було, якъ бы мы Богу моылысь, а за гулянья мы попадемъ, знайишь, куды?

— Та теперь, братъ, все равно туды попадать, мабутъ, намъ свойихъ грихивъ ны одмолыть; напрасно тико будышь трудыцьця, а все равно въ рай ны попадешъ.

А то хочъ, по крайни мирн, згадайимъ на тымъ свити, шо добре попылысь: ны такъ досадно буде мучыцьця.

— Та ты вже думайишь, шо зовсемъ прыйде кинець вику? Здорово ны внывай, може це ище людськи росказни.

— Та хто-йи-зна, че розказни, че, може, й правда. Якъ стануть балакать, такъ до чого-ныбудь и добалакаюцьця,—це завсегда такъ бува. Ждать зъ часа на часъ треба страшного суда и бизъ балачки. У иван-гылійи сказано, шо про це ниhto ны зна: ны аґоли, ны Сынъ, а зна тико одынъ Богъ Отець,—значить, мы кожну мынуту довжни быть готови.

— Та це такъ, ну тико люды ны стараюцьця готовыцьця, а живутъ сыби, якъ йимъ наравыцьця.

— Такъ це жъ, братъ, обстоятылства дозволяютъ; у мыри трудно спастысь. Якъ одни роблють, той другому треба такъ же робить; а якъ затийе повысты жыть свою по закону, то зъ того стануть глузувать и робить разни пидшылы на щотъ божытва. Чоловикъ баче, шо зъ його сміюцьця, соблазныцьця, и сыби стане жыть абы-якъ, глядя на другихъ. А це я думаю врагъ скушѣ: якъ чоловикъ про святе задума, то вже винъ старайицьця повырнуть по своему.

— Та бутто Антыхрысть уже на зымли, отъ того и развратъ пишовъ.

— Почомъ же можно узнать, шо винъ на зымли? Когы винъ буде на зымли, то, кажутъ, будуть разни муки, болизни, и голодни годы настануть.

— Такъ це буде на послидгу; винъ же на зымли пробуде трыдцять тры годы такъ, якъ и Спаситель ходывъ.

— А, може, й такъ.

— Та я чувъ одъ Ивана Михайловича, шо бутто того, хто пустывъ молву про комету, заперлы у острогъ и закувалы до тыхъ пиръ, покы пройде комета, ажъ до 13 чысла ноября, и тоди вже, якъ шо правда, шо пройде комета, його одпустють, а якъ кометы ны буде, то винъ и зоприйе у острози. Такъ отъ и догадуюцьця, шо це самый и йе Антыхрысть.

— Ны правда, братъ, його на чепи ны вдержышь, винъ зъ дысаты чыповъ зирвецьця. Та ище хто його може заковать?

— Ны знаю, я чувъ такъ.

— Ну, ныхай буде такъ, а мы ходимъ до-дому; давай поскорій допьемъ горилку.

— Давай!

Ото воны допылы и заразъ же пишы до дому. Дорогою вже мовчалы. Я тежъ пишовъ спать.

(С. Прохоровка, Курской губерніи. Сообщилъ П. К. Тарасевскій).

Митроф. Дикаревъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Dr. J. Kohler. Zur Urgeschichte der Ehe.—Totemismus, Gruppenehe, Mutterrecht. Stuttgart. Verlag von Ferdinand Enke. 1897.

Небольшая книжка Колера (отдельный оттискъ статей напечатанныхъ въ «*Zeitschrift für vergleich. Rechtswissenschaft*») не представляетъ цѣлостнаго изслѣдованія по исторіи брака, но, тѣмъ не менѣе, не лишена извѣстнаго интереса. Авторъ ея уже неоднократно писалъ по данному вопросу и всегда былъ опредѣленнымъ защитникомъ «матріархальной теоріи» именно въ томъ ея видѣ, главнымъ представителемъ котораго является Морганъ. Взгляды послѣдняго ученаго все чаще и чаще начинаютъ вызывать противъ себя возраженія критики, оспаривающей существованіе группового брака, краеугольнаго камня теоріи Моргана, и считающей невозможнымъ строить на основаніи системъ родства какіе-нибудь точные выводы о формахъ семьи. Какъ отвѣтъ на эту критику и интересна книга Колера, но надо признаться, что онъ очень слабо ведетъ защиту мнѣній своего учителя.

Первая глава разбираемой нами книги посвящена критикѣ. Здѣсь авторъ очень удачно, по нашему мнѣнію, оспариваетъ взгляды тѣхъ ученыхъ, которые считаютъ возможнымъ смотрѣть, какъ на наиболѣе раннюю форму семьи, на семью тѣхъ отдельныхъ народовъ, которые стоятъ ниже всего прочаго человѣчества по своей матеріальной культурѣ. Вполнѣ вѣрно онъ указываетъ, что полного параллелизма въ развитіи семьи и матеріальной культуры нѣтъ, и что сосуществованіе сравнительно высоко развитой семьи съ очень низкой матеріальной культурой такъ же не представляетъ изъ себя ничего невозможнаго, какъ соединеніе у китайцевъ очень высокой культуры и крайне низко развитого языка. Изъ отдельныхъ авторовъ Колеръ останавливается на взглядахъ Sarasin'овъ, Westermarck'a и Mucke. Къ сожалѣнію, наиболѣе интересному изъ этихъ авторовъ, Вестермарку, удѣлено меньше всего мѣста; зато на Мукѣ потрачено 10 страницъ; это называется стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ. Вторая глава книги говоритъ о тотемизмѣ и материнскомъ правѣ. Колеръ связываетъ послѣднее явленіе съ первымъ. Тотемизмъ не допускаетъ, чтобы у человѣка сразу было два тотема, а экзогамія требуетъ, чтобы тотемы отца и матери ребенка были различны. Слѣдовательно, ребенокъ долженъ принадлежать или къ тотему отца или къ тотему матери;

соединить их воедино невозможно. Отсюда и получается, по мнѣнію Моргана, материнское право, такъ какъ разъ необходимо дѣлать выборъ между тотемомъ отца и тотемомъ матери, то послѣднему отдается предпочтеніе въ силу большей связи ребенка съ матерью. Съ тотемизмомъ же, по мнѣнію Колера, связана и замѣна материнскаго права отцовскимъ. Онъ думаетъ, что разъ явилась необходимость выдѣлить изъ тотема новыя подраздѣленія, то эти подраздѣленія должны были получать названія отъ имени отца ихъ членовъ. Членъ такого подраздѣленія долженъ былъ естественно (?) желать передать своему ребенку тѣ свойства, которыя онъ получилъ съ тотемомъ отца, и самый этотъ тотемъ (стр. 54). Не говоря уже про то, что является необъяснимымъ, почему именно теперь у отца получилось подобное желаніе, которое одинаково легко могло возникнуть и раньше, объясненіе Колера несостоятельно и въ другихъ отношеніяхъ. Въ особую группу должно было во всякомъ случаѣ выдѣляться довольно значительное число лицъ, дѣти не одного, а нѣсколькихъ лицъ. Поэтому, если бы все подраздѣленіе и получило названіе отъ *личнаго* имени одного изъ отцовъ, то для большинства членовъ новаго тотема это названіе значило бы не больше, чѣмъ ихъ прежнее имя; они не получили бы его по наслѣдству отъ отцовъ, и слѣдовательно утрачивается и послѣднее основаніе для внезапнаго появленія желанія передать это имя своимъ дѣтямъ. *Родовымъ* же именемъ всѣхъ отцовъ новый тотемъ не могъ быть названъ, такъ какъ это привело бы къ существованію двухъ одноименныхъ тотемовъ въ племени, да и кромѣ того, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы тотемы всѣхъ отцовъ членовъ новой группы были непременно одинаковы. Гораздо серьезнѣе добавочныя причины, приводящія къ отцовскому праву, на которыя указываетъ Колеръ, а именно разселеніе и обособленіе матери отъ ея родственниковъ, но эти причины уже указывались въ литературѣ (напр. М. М. Ковалевскимъ).

Групповому браку посвящена третья, самая большая глава, занимающая около $\frac{3}{5}$ всей книги. По существу новаго здѣсь Колеръ говоритъ очень мало и повторяетъ на разные лады выкладки Моргана. Попрежнему вся теорія групповаго брака остается построенной на истолкованіи системъ родства. Чтобы объяснить нѣкоторыя системы американскихъ индѣйцевъ, Колеръ придумываетъ двѣ новыхъ формы групповаго брака: при одной мужъ женится, кромѣ жены, еще на ея теткѣ и племянницѣ, а при другой женщина, кромѣ дѣйствительнаго мужа, имѣетъ мужьями также его дядю и племянника. Генезисъ такихъ странныхъ формъ, особенно второй, которой чего-нибудь подобнаго фактически никогда не наблюдалось, и ихъ отношеніе къ другимъ формамъ—совершенно необсѣдованы авторомъ. А кромѣ того, вѣдь тутъ будетъ въ сущности не групповой бракъ, а просто полигамія и полиандрія, а распространять такъ широко терминъ «групповой бракъ»—это только запутывать дѣло. Шагомъ впередъ въ сравненіи съ Морганомъ является только то, что Колеръ не говоритъ уже о пуналуальной семьѣ, а рисуетъ форму брака, приведшую къ туранской или ганованской семьѣ, въ томъ видѣ, что группа братьевъ женится сообща на группѣ сестеръ. Менѣе удачна попытка справиться какъ-ни-

будь съ тѣмъ затрудненіемъ, которое представляетъ для моргановской теоріи распространеніе названія «мать» на сестеръ матери. Колеръ думаетъ, что названіе «отецъ» переходитъ на братьевъ отца не въ силу недостоверности отцовства, а просто потому, что ребенокъ считается ребенкомъ всей группы, аналогичная же причина заставляетъ называть матерью и ея сестеръ. Разъ дѣйствительное происхожденіе играло здѣсь такъ мало роли, то нѣтъ основаній предполагать, чтобы соотвѣтственная группа была именно брачной группой: иными словами, Колеръ вступаетъ на путь, который легко можетъ привести къ отказу отъ теоріи группового брака.

А. Максимовъ.

Естествознаніе и Географія. (*Научно-педагогическій и популярный журналъ, подъ ред. М. П. Вараввы. Москва* *) . 1898. 1. *Кашенко, Н. Ѳ.*, проф. Развитие человѣческаго господства надъ организованной природой.—1, 2, 3, 4 и 5. *Бородовскій, Л. И.* На восточныхъ окраинахъ Азіи (изъ путевыхъ впечатлѣній, съ рис.).—3. *Житковъ, Б.* Бапканный промыселъ въ Симбирской губерніи.—3, 4. *Маршалъ, Вильямъ.* О людскихъ нарядахъ съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Зоолого-культурно-историческая шутка. Перев. Е. С—а.—5. III—въ, П. Памяти Миклухи-Маклая.—6. Смѣсь: Манчжурская экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—Хроника: Колонизація Кавказа. Музей антропологій и этнографіи (Имп. Ак. Наукъ: новый порядокъ избранія старшаго и младшаго этнографа).—Новое изданіе (журн. «Деревня»).—Охотско-камчатская экспедиція. Переименованіе мыса Восточнаго (въ увѣковѣченіе памяти казака Дежнева—мысъ Дежнева).—Приамурскій отдѣлъ Имп. Р. Г. Об-ва (по отчету за 1896 г.).—7, 8, 9 и 1899, 3. М. С. Чернь. Очерки сѣверо-восточнаго Алтая.—7. Критика: Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи, соч. А. А. Силантьева.—8, 9. *Ивановъ, А. Б.* Изъ поѣздокъ по Россіи. Сухумъ и его окрестности. 8. Критика: Людунъ и его порты: Портъ-Артуръ и Да-Лянь-вань (Истор.-геогр. очеркъ), соч. Вл. Котовича и Л. Бородовскаго.—9. Смѣсь: Три года среди чукчей (по лекціи Н. Л. Гондатти). 10. Смѣсь: Туруханскій край (изъ лекціи И. В. Передольскаго: По Енисею до Ледовитаго океана).—1899. 1. *Подвысоцкій, И.* Кайваны. Этнографическій очеркъ. (Кайваны—въ Тихвин. у., Новгород. губ.; по мнѣнію автора, они—остатки финск. племени чудь). 2. *Его же.* Изъ поѣздки на дальній Востокъ. Портъ Аянъ.—*Его же.* Смѣсь: Арбузный праздникъ (въ Китаѣ). 3, 4 и 1900, 1. *Таліевъ, В.* Очерки Крыма. 3. Смѣсь: Вымирающее племя (карагасы, въ Нижнеуд. у. Иркутск. губ.).—Жемчужный промыселъ (исторія его въ Россіи).—4. Смѣсь: Изображенія у эскимосовъ (по статьѣ Фредерици изъ журн. „Globus“, LXXIV, № 8). 5, 7 и 8. *В. Харузина.* Страна великихъ озеръ (съ рис.): природа, жители, занятія и проч. въ этой части Африки.—6. Критика: разборъ книги: «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. I. Московская промышленная

*) См. „Этн. Обзор.“, кн. XXXVII.

область и Верхнее Поволжье».—7. Путешествіе Ландора по юго-западному Тибету (много свѣдѣній о жизни и правахъ жителей, между прочимъ, тибетскаго племени Шока. Существуетъ отдѣльная книга: *Auf verbotenen Wegen. Reisen und Abenteuer in Tibet. Von Henry S. Landor.* 202 рис., 8 раскр. табл. и карта. Лейпцигъ. 1898).—8. Смѣсь: *С. Пашенко.* Мѣстныя названія нѣкоторыхъ птицъ Ярославской губерніи.—9. Критика: отзывъ на книгу: «Душа и мозгъ. Лекція проф. Эдуарда Альберта».—10. Отзывъ на книгу В. Овчинской: Какъ живутъ японцы (182 стр. Ц. 40 к.). 1900: 1 и 2. *Бибберъ-ванъ, В. 1., проф.* Климаты земли и ихъ вліяніе на человѣка (перев. Е. С.).—1. Смѣсь: Змѣй-великанъ (съ острова Хортицы въ Екатеринославской губ. — Музей антропологии и этнографіи при Имп. Ак. Наукъ (по отчету за 1899 г.).—2. Хроника: Юбилей проф. Миллера (между прочимъ, приведенъ полный текстъ адреса отъ членовъ Этнографическаго Отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Антропол. и Этнографіи).

Землевѣдѣніе. *Періодическое изданіе Географич. Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. проф. Д. Н. Анучина.* 1898. I—II. *Луценко, Е. И.,* Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ (съ 4 рис.).—*Синицкій, Л. Д.* Политическая географія по Ратцелю.—*Свенъ-Гединъ,* Черезъ центральную Азію. Перев. А. С. Круберъ. — *Анучинъ Д.* Десятилѣтіе со дня кончины Н. Н. Миклухи-Маклая.—III—IV. Статья Л. Д. Синицкаго (прод.).—*Геккеръ, Н. Л.* Умиравшая народность (по работѣ П. И. Майкова: Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края).—*К-ръ, А.* Семень Дежневъ и 250-лѣтіе со времени открытія пролива, именуемаго Беринговымъ.—Седьмой международный географическій конгрессъ въ Берлинѣ.—Мелкія извѣстія: Германскія колоніи въ Африкѣ—1899. I—II. *Альбовъ.* Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа.—*Его же.* Природа Огненной земли.—*Халатъянцъ, Г. А.* Армянскій памятникъ XVII вѣка съ данными о географіи Абиссиніи и сѣверной Африки вообще (*Itinerarium Aветика Богдасаріана*).—III. *Котляревскій, С.* Что можетъ дать антропогеографія для исторіи.—*Синицкій, Л.* Политич. географія по Ратцелю (оконч.).—Отзывъ на книгу д-ра Д. П. Никольскаго: Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе. С-Пб. 1899. 377 стр.—IV. *Боторазъ, В. Г.* Русское населеніе на Колымѣ.—*Анучинъ, Д. Н.* VII-ой международный географическій конгрессъ въ Берлинѣ.—Некрологи: А. А. Тилло, Э. Ю. Петри, А. Д. Потулова.—*Котляревскій, С.* Геклюитовское общество. Замѣтка. (Англійское ученое учрежденіе, посвященное земле-вѣдѣнію, выпустившее въ свѣтъ много цѣнныхъ изданій. Приводится ихъ списокъ, напр.: Исторія завоеванія татарами Китая, Пьера д Орлеана. 1688 г.; Россія въ концѣ XVI вѣка, Флетчера и „Путешествія“, Горсея; Индія въ XV столѣтіи (изъ латинскихъ, персидскихъ, русскихъ и итальянскихъ источниковъ); Раннія путешествія въ Россію и Персію Антонія Джейквизона и другихъ англичанъ и отчетъ о первыхъ сношеніяхъ англичанъ съ центральной Азіей черезъ Каспійское море, и многое другое, всего 99 изданій.

Записки Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. IV, в. IV. Хабаровскъ. 1898 г.

Кромѣ отчета о дѣятельности отдѣла за 1897 г., въ настоящемъ выпускѣ „Записокъ“ напечатаны три статьи. Наиболѣе интересной изъ нихъ является первая (*Б. Пильсудскій*, Нужды и потребности сахалинскихъ гиляковъ). Авторъ указываетъ на вызванное русской колонизаціей ухудшеніе положенія гиляковъ, которые быстрыми шагами идутъ къ полному разоренію и слѣдовательно гибели. Единственнымъ спасеніемъ для нихъ будетъ поднятіе ихъ общекультурнаго уровня и переходъ отъ рыболовства и охоты къ земледѣлію и скотоводству. Такой переходъ возможенъ только при широкомъ содѣйствіи администраціи, и г. Пильсудскій довольно подробно останавливается на необходимыхъ для этого мѣрахъ. Между прочимъ, онъ особенно подчеркиваетъ важность любовнаго и гуманнаго отношенія къ гилякамъ, которое одно только и можетъ придать значеніе всѣмъ попыткамъ поднять современное положеніе этого народа. Въ общемъ статья написана очень горячо и, несомнѣнно, наводитъ на очень важныя мысли объ отвѣтственности русскихъ передъ инородцами.

Статья г. *Ив. Надарова* (Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурийскій край) не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ подробную рецензію извѣстной книги *Θ. Θ. Буссе*. Наконецъ, статья *С. Н. Шестина*. „Тунгусы, обитающіе въ верховьяхъ р. Иро и ея притоковъ“, слишкомъ коротка и сообщаемыя ею свѣдѣнія слишкомъ отрывочны. А это жалъ, такъ какъ тунгусы р. Иро (впадаетъ справа въ р. Орхонъ, притокъ Селенги) очень мало извѣстны и въ то же время представляютъ большой интересъ, т. к. на нихъ оказали очень сильное вліяніе монголы. Нѣсколько подробнѣе сравнительно описаны г. Шестинымъ свадебные обряды; приведенные имъ охотничьи рассказы, занимающіе чуть не четверть статьи, лишены всякаго интереса.

А. Максимовъ

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. IX. (Тобольскъ. 1898).

Изданія Тобольскаго губернскаго музея неоднократно служили предметомъ обсужденія на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія». Въ свое время было указано на полезную дѣятельность музея, хранящаго великолѣпныя коллекціи, иллюстрирующія бытъ и производства населенія, на энергію, съ которой музей стремится обогатить свои собранія и на просвѣтительную роль, которую играетъ музей въ дѣлѣ разносторонняго изученія Тобольской губ. Издаваемые «Ежегодники» всегда даютъ обширный матеріалъ въ этомъ отношеніи и заслуживаютъ полнаго вниманія этнографовъ. Выпускъ IX «Ежегодника» доказываетъ, что начатая нѣсколько лѣтъ тому назадъ работа по изслѣдованію Тобольской губ. не была мимолетной вспышкой научныхъ стремленій небольшого кружка лицъ; онъ свидѣтельствуетъ, что работа продолжается; и дѣйствительно, накопившіяся трудами отдѣльныхъ лицъ статьи, изслѣдованія и замѣтки, дѣлають «Ежегодники» уже въ настоящій моментъ необходимымъ под-

спорьемъ не только для лицъ, сосредоточивающихъ свои занятія на населеніи Тобольской губ., но и для тѣхъ, кто интересуется вопросами общей этнографіи и пользуется въ этихъ цѣляхъ этнографическимъ матеріаломъ Россіи. Въ IX выпускѣ «Ежегодника» болѣе спеціальный этнографическій интересъ представляютъ слѣдующія статьи: *Н. Θ. Катановъ*: Погребальные обряды тобольскихъ татаръ, *и его же*: Преданіе тобольскихъ татаръ о грозномъ царѣ Тамерланѣ. Обѣ статьи представляютъ переводъ изъ труда В. Радлова: «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ» (С.-Пб. 1872). Какъ извѣстно, чрезвычайно богатый по содержанію трудъ акад. Радлова изданъ безъ перевода, вслѣдствіе чего онъ недоступенъ лицамъ, не владѣющимъ тюркскими нарѣчіями. Н. Θ. Катановъ, сообщая время отъ времени переводы изъ богатаго собранія акад. Радлова, тѣмъ болѣе приноситъ пользы, что его переводы внушаютъ къ себѣ полное довѣріе, такъ какъ они выходятъ изъ-подъ пера одного изъ лучшихъ тюркологовъ нашего времени. Статья *В. М. Крутовскаго*: «Очерки Туруханскаго края. Попытки хлѣбопашества въ Туруханскомъ краѣ», посвящена вопросу, возможно ли хлѣбопашество въ Туруханскомъ краѣ. Послѣдній нуждается въ хлѣбѣ, но всѣ попытки развитіе хлѣбопашества, начиная еще съ XVII в., оставались безуспѣшными. Авторъ видитъ главную причину въ суровости климата и въ возможности получать хлѣбъ по Енисею съ юга. Онъ разсматриваетъ естественныя богатства Туруханскаго края, допускаетъ его будущее развитіе, но только въ качествѣ промышленнаго центра, а не земледѣльческаго. *И. Л. Скалозубовымъ* помѣщены интересные матеріалы о народномъ календарѣ: «Повѣрья, примѣты о погодѣ и сроки сельско-хозяйственныхъ работъ у крестьянъ Тобольской губ.»; матеріалъ расположенъ по мѣсяцамъ и днямъ. *М. И. Костюрина* сообщаетъ обстоятельно записанный свадебный ритуалъ съ присоединеніемъ свадебныхъ пѣсенъ въ статьѣ «Крестьянская свадьба въ подгородныхъ деревняхъ г. Тобольска». Близость города привела къ исчезновенію нѣкоторыхъ древнихъ чертъ ритуала, которыя еще встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Сибири. Интересно сообщеніе о существованіи обычая «умыканья» невѣсты; но оно совершается исключительно изъ соображеній сократить расходы по свадьбѣ. Въ объясненіи свадебныхъ обрядовъ у г-жи Костюриной встрѣчаются нѣкоторыя неточности, которыя могли бы быть выпущены безъ ущерба для статьи. Напримѣръ: «названіе новобрачныхъ «князь и княгиня», пишетъ авторъ, произошло оттого, что мужчины, вступая въ бракъ, дѣлались начальниками рода, старшій же въ родѣ назывался «княземъ» во времена родового быта». Къ счастью, подобныхъ поясненій немного, и матеріалъ, даваемый статьей, не теряетъ интереса. *А. И. Якобю*, давно уже посвятившему свои труды изученію быта остяковъ, принадлежитъ статья по вопросу о вымираніи представителей этой народности: «Остяки сѣверной части Тобольской губ. (Формы угасанія, причины, мѣры помощи)». Наконецъ, небольшая замѣтка *Л. Корикова* сообщаетъ свѣдѣнія о народномъ творествѣ у вогуловъ. Авторъ «Пѣсней вогуловъ» указываетъ на исчезновеніе прежнихъ вогульскихъ пѣсенъ и преданій о богатыряхъ и на развитіе у нихъ лирики. Первое положеніе

безусловно справедливо; что же касается второго, то вогульская лирика едва ли появилась и развивается только за послѣднее время; но на нее прежде мало было обращено вниманія. Лирическія народныя произведенія менѣе долговѣчны, чѣмъ эпическія. Излишне распространяться объ интересѣ собиранія вогульской лирики; авторъ, къ сожалѣнію, даетъ только два образца вогульскихъ лирическихъ пѣсенъ, которыя въ настоящее время сдѣлались такъ сказать уже «народнымъ» достояніемъ, хотя недавніе творцы ихъ и поводы, послужившіе къ ихъ сложенію, извѣстны и въ настоящій моментъ. Г. Корииковъ приводитъ и образецъ вогульской быliny, къ сожалѣнію, лишь въ пересказѣ, повидимому, не особенно близкомъ къ подлиннику. Было бы крайне желательно, чтобы починъ въ дѣлѣ собиранія вогульской лирики, сдѣланный г. Корииковымъ, нашелъ себѣ продолженіе въ дальнѣйшихъ трудахъ лицъ, объединенныхъ Тобольскимъ музеемъ.

Н. Х.

Къ древней исторіи Восточнаго Кавказа. Тарихи Дербендъ-Намэ. *Переводъ съ языковъ: тюркскаго, арабскаго, персидскаго и французскаго, подъ ред. М. Алиханова-Аварскаго. Тифлисъ. 1898 г.*

Дербендъ-Намэ — историческое сочиненіе, обнимающее политическую жизнь Восточнаго Кавказа въ бурный періодъ ожесточенной борьбы изъ-за господства въ этой странѣ между персами, хозарами и арабами, начиная съ конца V и до начала X вѣка по Р. Хр. Сочиненіе Дербендъ-Намэ является сводомъ главнѣйшихъ арабскихъ и персидскихъ извѣстій, касающихся вопросовъ о построеніи „Кавказской стѣны“, о борьбѣ Персіи съ Хозаріей, о появленіи арабовъ въ этихъ странахъ и водвореніи ислама въ Дагестанѣ. Въ мусульманскомъ мірѣ „Дербендъ-Намэ“ циркулируетъ только въ рукописяхъ. Оно извѣстно на языкахъ джагатайскомъ, азербейджанскомъ, персидскомъ и арабскомъ. Еще въ началѣ XVIII в. оно проникало въ публичныя бібліотеки Парижа, Берлина и Петербурга, и изъ него разновременно были сдѣланы извлеченія ориенталистами Байерномъ, Клапротомъ и Дорномъ на языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Въ цѣломъ тюркскій текстъ этого сочиненія параллельно съ англійскимъ переводомъ изданъ только въ Петербургѣ (1851) проф. Каземъ - Бекомъ. Авторъ, Дербендъ-Намэ время его появленія и языкъ, на которомъ первоначально оно было написано, въ точности не извѣстны. Байернъ и Клапротъ считали его авторомъ Мухаммеда-Аваби изъ Аншата или Эндери, хотя и не указываютъ источника, изъ котораго они дѣлаютъ этотъ выводъ. Издатель русскаго перевода „Дербендъ-Намэ“ относитъ его появленіе къ XVI в. по времени водворенія крымцевъ въ Эндери. Ханъ Кази-Гирей, вѣроятно, пожелалъ имѣть историческую компиляцію о Дагестанѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи изъ города на Азербейджанъ. Мухаммедъ-Аваби, ученый мужъ въ Дагестанѣ, исполнилъ его желаніе и написалъ Дербендъ-Намэ на джагатайскомъ нарѣчій тюркскаго языка, весьма близкомъ къ говору крымцевъ. Впрочемъ, г. Алихановъ-Аварскій оставляетъ открытымъ вопросъ о первоначальномъ языкѣ Дербендъ-Намэ, т. е. есть мнѣніе,

что Мухаммедъ-Аваби составилъ свое сочиненіе на арабскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, изданіе этого памятника является весьма существеннымъ приобрѣтеніемъ для нашей восточной литературы. Издателю пришлось бороться съ крупными затрудненіями чтенія восточныхъ манускриптовъ, писанныхъ безъ гласныхъ, безъ заглавныхъ буквъ, безъ знаковъ препинанія и красныхъ строкъ. Онъ сопровождаетъ текстъ историко-географическими примѣчаніями и дополняетъ Дербендъ-Намэ, состоящее изъ двадцати главъ, начиная съ появленія хозаръ и персовъ въ V -- VII ст. и основанія городовъ въ Дагестанѣ Анаширваномъ-Справедливымъ до водворенія арабовъ и изгнанія ихъ изъ Дербента, девятью приложеніями, извлеченными изъ различныхъ восточныхъ авторовъ. Приложенія касаются: покоренія Арменіи (изъ соч. Бани-Азами), Искандра (изъ соч. Деде - Абреида), исторіи Дагестана Зіяэдина съ редакціонной къ ней замѣткой.

А. Хахановъ.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Вокругъ Свѣта 1899. 38. „Новости подъ рукой“. Гробница Будды. 49—50. *Т. Черскій.* Горный духъ, легенда сѣвернаго Кавказа. (Разсказалъ старикъ изъ племени адиге). 1900. 2. Парсы (небольшая замѣтка и рисунокъ женщины изъ этого племени).

Вѣстникъ Европы 1899. 11. *Т.* Литературное обозрѣніе. Извѣстія XI Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ. Кіевъ 1899. *Михальчукъ,* Что такое малорусская (южнорусская) рѣчь? Оттискъ изъ „Кіевской Старины“. Кіевъ, 1899. (Недоумѣнія по поводу воспрещенія чтенія докладовъ на галицко-русскомъ языкѣ). 1899. 12. *В. Ивицкій.* Царица Балтійскаго моря, литовское преданіе (стихотвореніе). 1900. 1. Еще о Кіевскомъ Археологич. Съѣздѣ. Письмо въ редакцію проф. *Флоринскаго,* и отвѣтъ г. *Т.* 2. Литерат. обозрѣніе. *Т. П. А. Кулишъ.* Біографическій очеркъ, Гринченко, Черниговъ. 1899.

Жизнь. 1899. 6. *В. Г. Богоразъ.* Русскіе на рѣкѣ Колымѣ. [Исторія поселеній, отношеніе къ инородцамъ, администрація, промыслы, болѣзни; суетвѣрія: шалоникъ (ю.-з. вѣтеръ), мѣдвѣдь, водяной, водяница, лѣшій, горный, сусѣдко, пужанка, чудинка; шаманство, языкъ (окающ.), пѣсни (съ 2 примѣрами)].—Библіографія: *Берлинъ.* Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Кіевъ—Харьковъ, 1899—3. Библіографія. *П. Левашовъ.* Д-ръ Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. С.-Пб. 1899. *П. Инфантьевъ.* А. Крымскій. Мусульманство и его будущность. М. 1899.—Матеріалы по этнографіи киргизъ тургайской области. Оренбургъ 1898.—8. *А. Хахановъ.* Бытъ грузинскаго народа по произведеніямъ Екатерины Габашивили. 10. Біографія: *А. Пръсняковъ.* М. Я. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. 11. Очерки *Н. Н. Н.* Опять „конецъ свѣта“ (народныя легенды).—Библіографія: *П. Берлинъ.* Н. И. Зиберъ. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2 С.-Пб. 1899.—*Мертвию.* Какъ у насъ въ деревнѣ женятся (приведена 1 свад. пѣсня).

Міръ Божій. 1899. IV. II. *Демидовъ.* Отраженіе семейнаго быта и нравовъ въ народной поэзіи великоруссовъ. (Замѣтка публицистич. характера на основаніи книги Шейна; „Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ“, и пр.).—За границей. Будущій конгрессъ исторіи религій (на Парижской выставкѣ 1900 г.).—1900. I. Библіографическій отдѣлъ: *П. Милуковъ.* Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. шестой. Памятники Владиміра, Новгорода и Пскова. С.-Пб. 1899. *Ею же.* Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе С. Гопчевича. Перев. съ нѣм. Миланъ Г. Петровичъ. С.-Пб. 1899. Повости иностранной литературы. *Nouvelles études de Mythologie, par Max Muller, traduit de l'anglais par Léon Lob.*—*Unter den Papuas, von B Hagen, Wiesbaden.*

Московскія Вѣдомости 1900. 33. Библіографія: *А.* Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ. Вып. XXIV и XXV.—42. Вымирающій народецъ (чудь-кайвана, въ Тихв. у. Новгор. губ. Изъ „Естеств. и Географіи“, № 1). 41. Библіографія: *В. П.* Юбилейное изданіе.

Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера. Подъ ред. Янчука ¹⁾.—54. Библиографія: С. Кр—въ. Толкованіе поговорокъ. „Крылатые слова по толкованію С. Максимова“. Изданіе II, С.-Пб. 1899. Ц. 3 р. 56. Библиографія: Прошлое Арменіи. „А. Аннинскій: Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники“. Одесса 1899. Ц. 1 р. 50 к.—Раскопки въ Ай-Тодорѣ (о рефератѣ Ростовцева въ петербургскомъ Археологическомъ обществѣ). 58. Открытіе эскимосскаго племени („открыто никому до сихъ поръ неизвѣстное племя на Соутгэмптонъ-Исландъ, уединенномъ островѣ въ с. части Гудзонова залива“).—Смѣсь. Японцы у себя дома. 66, 67, 69. Д. Михайловъ. Русская этнографія въ музеѣ И. Александра III. (Памяти Э. Ю. Петри). 70. Сахалинскіе гилъяки (ихъ некультурность, по статьѣ Миролубова въ „Историч. Вѣстникъ“ 1900 г., № 3). 71. М. Древняя географія и этнографія средней и южной Россіи. (По брошюрѣ проф. Кулаковскаго: Карта Европейской Сарматіи по Птолемию. Привѣтствіе XI Археолог. съѣзду. Кіевъ 1899). 72. А. Т. П. А. Гильтебрандтъ (издатель Онежскихъ былинъ, Трудовъ этнограф.-стат. экспед. въ Ю.-З. край и др. 25-лѣтіе литературной дѣятельности). 73. Смѣсь. Хожденіе по раскаленнымъ камнямъ (въ Полинезіи: „The Journal of the Polynesian Society“). 82. Изъ научн. міра. Находка, древнихъ кораблей (близъ г. Адри, въ равнинѣ р. По). 84. То же. Алжирская Помпея (отчетъ о раскопкахъ въ Тимгадѣ, представленный Баллю французскому министерству изящныхъ искусствъ). 86. Университ. извѣстія † Н. Н. Харузинъ. 89. Похороны Н. Н. Харузина. 90. Успѣхи мусульманства среди киргизовъ („Туркестанскія Вѣдомости“, № 23).—Чествованіе профессора Д. Н. Анучина. 93. Остатки древне-римской живописи въ Bosco Reale, близъ Неаполя. 93. Екатеринославъ. Археологическая находка. (Близъ села Ново-Ивановки найденъ каменный гробъ, испещренный неизвѣстными письменами; находка хранится въ м. Никополю, при становой квартирѣ. „Приднѣпровскій Край“).—Я—цъ. Нѣсколько словъ о нашихъ исчезнувшихъ родственникахъ. (По статьѣ Тецнера о ганноверскихъ полахъ въ послѣднемъ № Globus'a). 102. Дворецъ Одиссея (итоги раскопокъ Дэрпфельда). 103. Смѣсь. Населеніе дельты Нигера (докладъ де-Карди въ Лондонскомъ Антропологическомъ Обществѣ). 105—106. Анатолий Половцовъ. Русская Помпея. Историко-археологическія картинки Керчи. 109. Смѣсь. Свадьба мертвецовъ (въ ю. Китаѣ нельзя хоронить холостяховъ, изъ „Il Messagero“). 110. Могила Софокла (открыта около Колонскаго холма, близъ Афинъ, по сообщенію въ „Vossische Zeitung“). 112. Смѣсь. Индусская легенда о сотвореніи женщины. 113. Археологическая находка (найденъ мавзолей на о. Косѣ, изъ „Weser Zeitung“). 116. Библиографія: Л. Т. В. Л. Дѣдловъ. Панорама Сибири, путевыя замѣтки. С.-пб. 1900. Ц. 1 р. 126. Раскопки древней библіотеки на о. Критѣ (глиняныя дощечки съ надписями).

Олонецкія Губ. Вѣд. 1900. 6, 29, 30, 36, 37, 40, 44 (продолженіе). Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—5 гг. 1—2. Празднованіе Нового года на Руси (изъ „Хар. Вѣд.“), 3. N. Корреспонденціи изъ с. Колодозера, Пудожскаго уѣзда (лѣсникъ-колдунъ). 5. Памяти Н. А. Иваницкаго (статья А. В. Крулова въ „Рус. Вѣд.“). 3—5. Учитель П. Кофуринъ. Свадебные обряды и обычаи въ селѣ Песчаномъ, Пудожскаго уѣзда (съ пѣснями), окончаніе. 20, 22. М. Д. Георгиевскій. Ловля рыбы сѣтями лѣтомъ и зимой въ Олонецкой губ. 9—11, 13, 15, 17, 19, 21, 23. А. А. Моисеевъ. Статистическій очеркъ Архангельской волости Каргопольскаго у. 30. Корреспонденція изъ села Паданъ, Повѣнецкаго уѣзда (кое-что о русскихъ и корельскихъ свадьбахъ). 34. Кор. изъ г. Вытегры,—повѣрье о кладахъ.

Православный Благовѣстникъ 1900 г. 1. М. I. II. Типы бурята. Промышленникъ. 1—2. Герод. Виссаріонъ. Зависимость Корана отъ природы Аравіи

¹⁾ Рецензія этого изданія помѣщена также въ „Русскихъ Вѣдом.“. № 58.

1. С. К. Библиографическая замѣтка. Лупповъ, Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ истор. извѣстій о нихъ до 19 в. С.-Пб. 1899. (Восторженный отзывъ). Изв. и зам. Празднованіе Новаго года въ Японіи. Пляска тибетскаго жреца (Изъ „Berliner Börsen Courier“), 2. М. Г. П. Типы бурятъ. Тѣни (о флегматичности бурятъ). 4—6. Лер. Виссаріонъ. Зависимость Корана отъ обстоятельствъ жизни Мухамеда. Свящ. А. Ивановъ. Характеръ чувашскихъ языческихъ молитвословій и наговоровъ (Кереметь, Пулхси, Пигамбаръ, Хурбанъ, Хитръ-сортъ, Вупкынъ, Іе. Вубыръ (Упырь?) Албаста, Эзрель, Убтэ, Тюль-киль, Хирлесвырь, Прихъ, Кармалъ, Темень, духи, упоминающіеся въ чув. молитвахъ. 5—6. Индусы и ихъ религія. 5. Изв. и Зам. Бѣдственное положеніе инородцевъ на сѣверѣ Сибири (статья Носилова въ „Н. Времени“).—Отчетъ Камчатской духовной миссіи за 1898 г. (Пѣчто о бытѣ тунгусовъ и корейцевъ: рыбные промыслы, бо-лѣзни, свадьбы и пр.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. (Рец. въ „Русской Мысли“ 1899. I, 7).

Гальновскій. Сербскій народный эпосъ. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. V, 180).

Нулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. XI, 421).

Мензисъ. Исторія религіи. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. III, 87).

Созоновичъ. Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. V, 181).

Труды X Археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. VII, 251).

Алтайскій Сборникъ, т. III. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. III, 92).

Воробьевъ. Матеріалы къ антропологии великорусскаго населенія Ряз. губ. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. IV, 135).

Гетчинсонъ. Очерки первобытнаго міра. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. X, 381).

Конъ, А. Я. Физиологическія и біологическія данныя о якутахъ. (Антропологическій очеркъ). Былое и настоящее сибирскихъ иногородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Минусинскъ. 1899. 89 стр. Ц. 1 р.

Майновъ. Нѣкоторыя данныя о тунгузахъ Якутскаго края. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. III, 92).

Бычновъ, Александръ. Очерки Якутской области. Путевыя замѣтки. Томскъ. 1899. Ц. 50 к.

Агринскій, К. О. Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значеніе для сельскаго хозяйства. Изд. кн. магазина Мудрявцева. Саратовъ. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Талько-Грынцевичъ. Къ антропологии великороссовъ. (Рец. въ „Русск. Мысли“ 1899. III, 92).

Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1900.

Глинкинъ. Къ вопросу о происхожденіи права.

Франко. Цыгане, пер. съ малорусскаго. Изд. кн. магазина „Знаніе“.

Санкетти, Л. Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII в. Второе дополн. изд. С.-Пб. 1900. Ц. 3 р. 50 к. 488 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры. Пер. съ 3 нѣм. изд. подъ ред. Рейнгольдта. 2 т. Кіевъ—Харьковъ, 1897—9 гг.

Энгельс, Фр. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Пер. съ 6 нѣм. изд. Бошнякъ, подъ ред. Спиридонова. Киевъ — Харьковъ. 1899.

P. D. Chantepie de la Saussaye. Geschiedenis van den godsdienst der Germanen vóór hun overgang tot het christendom. Haarlem. 1900. 8°. 8, 302 pp.

Sb. Euringer. Die Auffassung des Hohenliedes bei den Abessiniern. Ein historisch-exegetischer Versuch. Leipzig. 1900, 8°. VI, 47 pp.

G. Finke. Wer hat die fünf Bücher Moses verfasst? Eine historisch-kritische Studie. Leipzig. 1900. 8°. V, 154 pp.

D. Folkmar. Leçons d'anthropologie philosophique. Ses applications à la morale positive. Paris 1900. 8°. XIV, 336 pp.

Th. Maass. Der Urzustand der Menschheit. Religions- und naturwissenschaftliche Studie über die biblischen und kirchlichen Lehren vom Urstande. Berlin 1900. 8°. IV 89 pp.

Adf. Bastian. Die mikronesischen Colonien aus ethnologischen Gesichtspunkten. Hauptwerk und Ergänzung I. Berlin 1899 и 1900. 8° VII. 370, IV. 112 pp.

Forschungen zur deutschen Landes- und Volkskunde, herausgegeben von A. Kirchhoff. XII. Bd. 4 u 5 Heft. Stuttgart 1900. 8°.

A. de Gubernatis. I popoli del mondo. Usi e costumi. Vol. I. Fasc. 1. Milano. 1900. 8°.

Fr. X. Kugler. Die babylonische Mondrechnung. Zwei Systeme der Chaldäer über den Lauf des Mondes und der Sonne. Auf Grund mehrerer von J. N. Strassmaier copirten Keilinschriften des britischen Museums. Mit einem Anhang über chaldäische Planetentafeln. Freiburg in Br. 1900. 8°. XV, 215 pp. Mit 13 Taf.

A. H. Sayce. Babylonians and Assyrians. Life and Customs. Edinburgh. 1900. 8°. X, 273 pp.

A. W. Schleierher's Somali - Texte. Herausgegeben von Leo Reinisch. Wien, 1900. 8°. XX, 159 pp.

A. Lycops. Codes congolais et lois usuelles en vigueur au Congo, collationnés d'après les textes officiels et annotés. Bruxelles 1900. 12°. 604 pp.

J. Deniker. The races of man. An outline of anthropologie and ethnographie.

P. Topinard. L'anthropologie et la science sociale. Science et foi.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1898—99 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла составляли: председатель поч. чл. *Вс. О. Миллеръ*, товарищъ председателя поч. чл. *В. М. Михайловскій*, секретарь непр. чл. *В. В. Бодановъ*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 11 засѣданій, изъ нихъ девять закрытыхъ и два публичныхъ; одно изъ публичныхъ засѣданій было соединеннымъ съ засѣданіемъ Антропологическаго Отдѣла. Последнее было посвящено памяти столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина, было обставлено торжественно и занято рефератами проф. Д. Н. Анучина и проф. В. О. Миллера. Остальные засѣданія были посвящены выслушанію докладовъ по вѣрованіямъ, творчеству, обычному праву и внѣшнему быту различныхъ народностей, живущихъ въ Россіи и внѣ ея.

Съ докладами на засѣданіяхъ Отдѣла выступили слѣдующія лица:

1. *Вс. О. Миллеръ*: а) Олонецкая старинка о мѣстномъ снлчѣ Рахтѣ.
б) О новой записи стиха о Егоріи Храбромъ.
в) Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ.
2. *В. М. Михайловскій*: Характеристика французскаго народа.
4. *И. Я. Антуфьевъ*: О личномъ наймѣ вообще и о наймѣ пастуха въ частности въ Томской губерніи.
5. *А. А. Аппасовъ*: Замѣтки о киргизскихъ вѣрованіяхъ.
6. *А. Э. Вормсъ*: Къ вопросу о собираніи свѣдѣній по обычному праву.
7. *А. Д. Григорьевъ*: а) Къ литературной исторіи сказанія объ Акирѣ Премудромъ. б) Объ этнографической поѣздкѣ въ Онежскій уѣздъ.
8. *С. И. Киселевъ*: Имущественныя отношенія между членами семьи Пркутскаго и Балаганскаго округовъ.
9. *Г. И. Куликовскій*: Изъ матеріаловъ по этнографіи Московской губерніи.
10. *Т. А. Лебединскій*: Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ черемисъ.
11. *А. В. Марновъ*: а) Изъ наблюденій въ Каргопольскомъ уѣздѣ. б) О поѣздкѣ въ Архангельскую губернію лѣтомъ 1899 года.
12. *Н. Д. Маслюновъ*: Бракъ и свадьба у крестьянъ Томской губерніи.
13. *Н. М. Мендельсонъ*: Демонологическое сказаніе XVIII вѣка.
14. *Б. В. Миллеръ*: Карачаевская семейная община.

15. **Ө. Г. Мищенко:** Геродотовскіе вшеѣды.
16. **В. А. Мошковъ:** Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ о ней. (Доложилъ секретарь).
17. **С. П. Олферьевъ:** Слѣды шаманства у современной мордвы.
18. **С. С. Саббатаевъ:** О судопроизводствѣ у киргизовъ.
19. **А. А. Семеновъ:** Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ.
20. **А. С. Хахановъ:** Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.
21. **С. И. Чистяковъ:** Къ вопросу о земельных отношеніяхъ въ Томской и Енисейской губерніяхъ.

22. **Н. А. Янчукъ:** Нѣсколько словъ о „шопкахъ-вертепахъ“ въ Сѣдлецкой губерніи. (По поводу „шопки“, присланной В. А. Мошковымъ).

Всего было доложено на означенныхъ засѣданіяхъ 25 сообщеній.

Кромѣ того, на засѣданіяхъ обсуждались поступавшія въ Отдѣлъ заявленія, статьи, матеріалы; давались отзывы о вновь вышедшихъ трудахъ по этнографіи, рѣшались вопросы по изданію журнала.

По приглашенію состоящей при Учебномъ Отдѣлѣ Об-ва Распр. Техн. Знаній „Комиссіи по организаціи домашняго чтенія“, Отдѣлу предстояло выработать программу чтенія по этнографіи (главнымъ образомъ славянъ) на 4-й годъ, что и было исполнено Н. А. Янчукомъ.

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обозрѣніе“, подъ ред. Н. А. Янчука (11-й годъ изданія). Кромѣ того, готовился новый томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“, „Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ“, новое изданіе программы для собиранія свѣдѣній по этнографіи и сборникъ „Бѣломорскихъ былинъ“.

Послѣднее изданіе имѣетъ особенный интересъ. Благодаря лѣтнимъ занятіямъ членовъ Отдѣла А. В. Маркова и А. Д. Григорьева, русская этнографическая литература обогатилась собраніемъ свыше 130-ти былинъ, частью совершенно новыхъ, частью прежнихъ, но въ иной, болѣе свѣжей редакціи. Наконецъ, изученіе означенными лицами на мѣстѣ условій былиннаго творчества говоритъ съ одной стороны, о невѣдомыхъ еще сокровищахъ русскаго поэтическаго вдохновенія, а съ другой—значительно расширяетъ горизонты научныхъ взглядовъ на вопросы о географическомъ распространеніи былинъ, количествѣ и характерѣ былинныхъ сюжетовъ и о поэтической школѣ былинныхъ сказителей.

Если бы средства дали возможность соединить музыкально-этнографическія цѣли Отдѣла съ изслѣдованіемъ новаго района былинъ и организовать солидную этнографическую экспедицію,—для науки были бы спасены очень многія и цѣнныя данныя изъ духовной жизни русскаго народа, силою культурнаго хода событій обреченныя на угасаніе.

Какъ и прежде, Этнографическій Отдѣлъ продолжалъ обогащаться этнографическими коллекціями, пополнять свою библіотеку новыми изданіями, а свой архивъ—новыми документами, рукописями и другими матеріалами.

Въ нынѣшнемъ отчетномъ году за Этнографическомъ Отдѣломъ была очередь присужденія преміи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденной при Обществѣ въ па-

мать международных конгрессовъ 1892 года въ Москвѣ. Такъ какъ на соисканіе преміи не было представлено ни одного труда къ установленнымъ срокамъ, то присужденіе ея, согласно правиламъ преміи, отнесено на будущій неочередной годъ.

Весною и лѣтомъ 1899 года слѣдующія лица находились въ экскурсіяхъ для собиранія и изслѣдованія научныхъ данныхъ по этнографіи.

1. **И. Я. Антуфьевъ** ѣздилъ въ Томскую губернію, гдѣ въ волостяхъ Покровской и Усть-Тартасской собиралъ свѣдѣнія по обязательственному праву русскихъ крестьянъ, при чемъ имъ добыто 156 рѣшеній.

2. **В. В. Богдановъ** ѣздилъ для предварительныхъ этнографическихъ и географическихъ наблюденій и изслѣдованій въ Архангельскъ, на Соловецкіе острова и на Мурманскій берегъ Ледовитаго океана. Въ Архангельскѣ онъ посвятилъ время изученію географическихъ, историческихъ, этнографическихъ и экономическо-статистическихъ свѣдѣній по сѣверу Россіи, обращаясь за этимъ къ различнымъ ученымъ и административнымъ учрежденіямъ и къ частнымъ лицамъ. На Соловецкихъ островахъ имъ собраны свѣдѣнія географическія, а также свѣдѣнія объ условіяхъ исторической организаци и современнаго существованія религіозно-экономической общины.

Изъ своей поѣздки В. В. Богдановъ вывезъ нѣкоторыя коллекціи почвъ, горныхъ породъ, предметы, относящіеся къ антропологіи, а также коллекцію фотографій русскаго сѣвера отъ береговъ Норвегіи до Карскаго моря включительно.

3. **А. Д. Григорьевъ** провелъ мѣсяцъ на сѣверѣ Архангельской губерніи, главнымъ образомъ, въ Онежскомъ уѣздѣ. Имъ записаны 35 былинъ (старинъ), 30 духовныхъ стиховъ и раскольниковыхъ пѣсенъ, 6 сказокъ, различные пѣсни, причитанія и прочее,—всего около 180 №№.

4. **Г. И. Куликовскій** ѣздилъ въ Тверскую губернію, гдѣ занимался собираніемъ свѣдѣній по быту, вѣрованіямъ и творчеству мѣстнаго населенія. Имъ привезена коллекція фотографій, снятыхъ имъ лично.

5. **Н. Д. Маслюковъ** въ Томской губерніи, въ Колыванской волости, снималъ копии съ рѣшеній волостного суда, а также занимался собираніемъ другихъ свѣдѣній, главнымъ образомъ, по вопросу о раздѣлѣ семейнаго имущества.

6. **А. В. Марновъ** провелъ около мѣсяца въ двухъ селахъ Зимней Золотицы на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Здѣсь имъ записано болѣе ста былинъ, о достоинствѣ и значеніи которыхъ уже было сказано раньше. Попутно записаны имъ и духовные стихи, пѣсни, причитанія, сказки, а также собраны матеріалы по быту и діалектологіи русскихъ крестьянъ. Кромѣ того, г. Марковымъ было пріобрѣтено у мѣстныхъ крестьянъ свыше 100 орудій каменнаго вѣка, найденныхъ близъ устья р. Золотицы; вся коллекція орудій передана въ распоряженіе Московскаго Историческаго музея.

7. **А. А. Семеновъ** ѣздилъ въ Тамбовскую губернію, гдѣ въ сѣверной части Шацкаго уѣзда и отчасти въ Спасскомъ уѣздѣ изучалъ смѣшанное населеніе русскихъ, мордвы и татаръ. Здѣсь имъ собраны матеріалы по вѣрованіямъ о колдунахъ и знахаряхъ (у мордвы и татаръ), о „коловершахъ“ и „дикинькихъ мужичкахъ“ (у русскихъ), по свадебнымъ обрядамъ со всѣ-

ми причитаньями и пѣснями (у русскихъ и мордвы); собраны раскольниковы „псалмы“. Изъ вещей пріобрѣтены: коллекція глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ села Демидова и полный русскій женскій костюмъ села Агишева.

8. А. С. Хахановъ ѣздилъ въ Кутаисскую и Тифлисскую губерніи. Въ послѣдней имъ записаны народныя пѣсни грузинъ-горцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ „мтіуловъ“. Кромѣ того, А. С. Хахановъ приступилъ къ печатанію этнографической программы въ грузинскомъ журналѣ „Кребули“ и перевелъ на русскій языкъ нѣсколько легендъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ.

9. С. И. Чистяновъ былъ въ Томской губерніи, гдѣ въ Томскомъ округѣ изучалъ обычное право крестьянъ. Въ Елгайской волости и Малошегорской инородной управѣ онъ собралъ свѣдѣнія по семейнымъ и земельнымъ отношеніямъ.

10. Н. А. Янчукъ, пользуясь двухмѣсячнымъ пребываніемъ въ центрѣ Малороссіи—Полтавской губ., наблюдалъ современный малороссійскій бытъ съ точки зрѣнія измѣненія этого быта подъ вліяніемъ измѣняющихся условій какъ въ матеріальной, такъ и въ духовной жизни, при чемъ замѣчено, что въ то время, какъ матеріальная сторона жизни, напр. костюмъ, обстановка, значительно измѣняются,—въ области творчества, языка, обрядности старина сохраняется болѣе твердо. Имъ пріобрѣтены для Этнографическаго музея нѣкоторыя характерныя части костюма и обстановки, а по части народнаго творчества сдѣланы записи съ голоса около 3-хъ десятковъ пѣсенъ съ мотивами. Кромѣ обычнаго способа записыванія, были сдѣланы опыты фонографированія пѣсенъ. Также было снято до 30 фотографическихъ снимковъ, видовъ и типовъ въ Лубенскомъ уѣздѣ. Особенно много вниманія было обращено г. Янчукомъ на ознакомленіе съ Лубенскимъ музеемъ г-жи Е. Н. Скаржинской, представляющимъ значительный научный интересъ своими коллекціями по археологіи, церковнымъ древностямъ, естественной исторіи и особенно этнографіи. Изъ дублетныхъ коллекцій этого музея часть передана владѣлицей г. Янчуку для Московскаго Этнографическаго музея, въ томъ числѣ прекрасный альбомъ фотографій мѣстныхъ видовъ и типовъ, снятыхъ мѣстнымъ фотографомъ-любителемъ А. К. Завадскимъ.

О преміи по этнографіи.

Въ виду того, что въ прошломъ году не было представлено сочиненій на премію по этнографіи имени В. Кн. Сергія Александровича, присуждаемую Имп. Обществомъ любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (см. предыдущій отчетъ), присужденіе означенной преміи можетъ состояться въ текущемъ году, въ годичномъ собраніи Общества 15 октября. Срокъ для представленія рукописныхъ или печатныхъ трудовъ на премію—1 сентября, а для представленія коллекцій—15 сентября. Независимо отъ этого и въ будущемъ году предстоитъ присужденіе очередной преміи по этнографіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

I.

Изъ Якутскаго Округа.

(О нечистой силѣ, вселившейся въ дѣвочку).

Въ Западно-Кангаласкомъ улусѣ, Немюгинскомъ наслегѣ, распространился слухъ, что въ юртѣ Якута Кучарай поселился чортъ, который выжилъ его, и онъ перекочевалъ къ своему сосѣду Дмитрію Эся. На третій день послѣ этого нечистая сила выжила всѣхъ ихъ и побила полѣньями 8 якутовъ, которые пришли удостовѣриться въ этомъ. Слухъ этотъ имѣлъ нѣкоторый этнографическій интересъ, и въ виду того, что не задолго предъ этимъ, будто бы, одинъ шаманъ въ экстазѣ прозорливости сказалъ, что онъ видитъ спускающихся съ неба на Немюгинскій наслегъ чортовыхъ сына и дочь, мы рѣшили лично провѣрить это невѣроятную новость. Когда мы подъѣзжали къ юртѣ Эся, зимній короткій день кончился, и уже наступили сумерки; хозяинъ самъ встрѣтилъ насъ у коновязнаго столба и на вопросъ нашъ, какъ онъ живетъ, сказалъ: „Абасы булан кыйда — свирѣпствующій демонъ одолѣлъ!“ Въ юртѣ былъ полумракъ; тамъ застали, кромѣ хозяина, старика Кучарай, нѣсколько маленькихъ голыхъ дѣтей, а женскій полъ—хозяйка, слѣпая старуха Кучарая и его внука—были въ хотонѣ, доили коровъ. Рассказывали они намъ, что въ юртѣ Кучарая нечистая сила появилась недавно, дней 10 тому назадъ; свое присутствіе проявляетъ тѣмъ, что неизвѣстная сила полѣньями разбиваетъ посуду, опрокидываетъ берестяныя кринки съ молокомъ и бьетъ слѣпую старуху Кучарая. Тѣ же явленія повторились вечеромъ, 21 сего декабря; вслѣдствіе этого всѣ они принуждены были бѣжать изъ своего дома, ночевали у сосѣдей, дали знать своимъ родоначальникамъ, которые послали за священникомъ, а въ ожиданіи его староста, родовые старшины и собравшійся народъ сидѣли у сосѣдей не рѣшаясь зайти къ нимъ. Относительно битья полѣньями 8 якутовъ выяснилось то, что дѣйствительно толпа эта приходила, но они въ юрту не входили, стояли въ сѣняхъ, только одинъ изъ нихъ, силачъ Курьяля, отворивъ двери, сталъ разспрашивать Кучарая; въ это время изъ-за камелька полетѣло къ нему одно полѣно; это такъ испугало силача, что онъ поднялъ крикъ и пустился бѣжать, и остальные товарищи послѣдовали его примѣру. Пока намъ сообщали эти подробности, вдругъ одно полѣно упало на середину пола юрты; по направленію полета его мы заключили, что оно было брошено изъ темной части юрты, гдѣ бабы продолжали доить коровъ. Я приказалъ убрать оттуда все, что могло служить орудіемъ бросанія, но товарищъ мой положилъ туда 2 полѣна, считая неприличнымъ оставлять нечистую силу безъ орудія, а самъ сталъ зорко слѣдить за темной частью юрты, откуда всѣ женщины вышли окончивъ доеніе коровъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа полетѣло къ намъ одно полѣно, и товарищъ мой бросился посмотрѣть за камелькомъ и поймалъ тамъ внуку Кучарая. Она, конечно, не созналась, а объяснила такъ, что когда она пошла за каминъ пить воды, то полѣно само полетѣло. Въ это время пріѣхалъ священникъ, вошли староста, старшина съ толпой народа. Хотя мы, при содѣйствіи священника, убѣждали якутовъ, что это—шалость дѣвочки, но они остались при своемъ увѣреніи, что въ дѣвку поселился демонъ, который заставляетъ ее пугать людей, и навѣрное изъ нея впослѣдствіи выйдетъ шаманка, такъ какъ дѣдъ ея Кучарай немного шаманить—ждалбыржить, а потому родоначальники постановили: отдать Кучарая на церковное покаяніе, чтобы онъ тамъ пріобщился Св. Таинъ, и въ домѣ его отслужить молебенъ, а внуку его отдать подъ надзоръ благонадежнаго лица. Съ того времени шалости демона прекратились, но силачъ Курьяля сдѣлался большимъ эмюряхомъ: онъ теперь при всякомъ внезапномъ стукѣ и крикѣ приходитъ въ нервное состояніе.

Н. Припузовъ.

Селеніе Улахъ-Анское.

31 дек. 1899 г.

П.

Изъ Тверской губ.

(Обряды относительно скота).

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мнѣ приходилось наблюдать нѣкоторые до сихъ поръ сохранившіеся отъ глубокой старины обычаи относительно скота.

Прежде чѣмъ начать доить отелившуюся корову, ее „окуриваютъ“. Дѣлается это такъ: сперва корову обмываютъ, а затѣмъ кладутъ на черепокъ горящихъ угольевъ, прибавляютъ туда ладану и обносятъ вокругъ коровы, подъ шеей, подъ выменемъ и подъ хвостомъ; начинаютъ обносить черепокъ съ угольями спереди, т.-е. отъ морды, и обыкновенно эту операцію выполняютъ вдвоемъ. Потомъ такимъ же образомъ окуриваютъ и теленка, тоже предварительно обмытаго. Употреблять молоко отъ неокуренной коровы нельзя, такъ какъ такая корова считается нечистой.

Передъ выгономъ скота 23 апрѣля его „обсѣкаютъ“. На дворъ, гдѣ стоитъ скотъ, входятъ двое мужчинъ, у одного въ рукахъ топоръ, у другого косарь, большой ножъ, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Отъ воротъ обсѣкающіе расходятся въ разныя стороны и обходятъ дворъ въ противоположныхъ направленіяхъ. На другой сторонѣ двора они, конечно, встрѣчаются и при этомъ ударяютъ косаремъ о топоръ; то же повторяется у воротъ и такимъ образомъ дворъ обходятъ три раза. Объяснить значеніе этого обряда мнѣ не могли, равно какъ отрицали, чтобы въ это время читались какія-нибудь молитвы или заговоры.

Самый выгонъ скота совершается съ большой торжественностью. Всегда обязательно приглашается священникъ служить молебенъ; скотъ кропятъ святой водой. Раньше 23 апр. никто скота не выгоняетъ. Послѣ молебна бабы идутъ на свои озимыя полосы и втыкаютъ въ нихъ вербы, освященные въ вербное воскресенье. При этомъ онѣ очень усердно молятся и кладутъ поклоны.

(Трауръ по дѣвчеству).

Старины въ нашихъ мѣстахъ немного, мало что можно собрать. Народъ въ большинствѣ случаевъ грамотный, притомъ побывавшій въ Петербургѣ и Москвѣ. Зато вотъ интересное нововведеніе: дѣвушки просватанныя надѣваютъ трауръ, т.-е. черный платокъ и темный сарафанъ, и такъ сами объясняютъ, что онѣ носятъ „трауръ по дѣвчеству“. Носится трауръ до самой свадьбы и не снимается на всѣхъ предсвадебныхъ торжествахъ. Пошла эта мода только за самыя послѣдніе годы, да и вообще трауръ по покойникамъ и то стали носить очень недавно.

А. Максимовъ.

Прямухинская вол.
Новоторжск. у.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМЪ

„Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“,

содержащій въ себѣ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ В. О. Миллера,

изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ,

подъ ред. *Н. А. Янчука.*

(Москва, 1900 г. Около 50 печ. листовъ. 4°. Цѣна 3 руб.).

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.—В. М. Михайловскій. Краткій очеркъ научной дѣятельности В. О. Миллера (Съ портретомъ). Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ В. О. Миллера.—Т. И. Ланге и Ф. Л. Триллинъ. Богатырь перегоняетъ солнце. Болгарская колыбельная пѣсня въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ.—А. Е. Грузинскій. Приходъ кобзаря въ село. Изъ поэмы Шевченка: „Черныця Марьяна“.—А. А. Шахматовъ. Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники.—О. Г. Мищенко. Къ вопросу о бытѣ Геродотовскихъ будиновъ.—А. С. Хахановъ. Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи, по даннымъ археологіи и этнографіи.—Бар. Р. Р. Штакельбергъ. Главныя черты въ народной религіи осетинъ.—Л. З. Мсерианцъ. Къ Боспорской ономастикѣ. (Собственное имя Σοφρῆς).—В. К. Поржезинскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія.—М. Н. Сперанскій. Одно изъ примѣненій закона переживания старины въ исторіи русской литературы.—Е. О. Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи.—Б. М. Халатьянцъ. Общій очеркъ армянскаго богатырскаго эпоса.—Н. Н. Харузинъ. „Знамена“ у мордвы въ XVI и XVII в. (Съ 168 снимками).—М. А. Дикаревъ. Апокрифы, собранные въ Кубанской области.—

А. Н. Малинка. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи.—
А. И. Кирпичниковъ. Богородица въ народной поэзіи. (Отрывки и замѣтки.—**Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ.** Армянскій апокрифъ: Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю. (По рукописи XVII вѣка).—
Г. А. Халатьянцъ. Объ Авгарѣ, царѣ Эдесскомъ, по Моисею Хоренскому.—**А. Д. Григорьевъ.** Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акпрѣ Премудромъ.—**М. О. Аттая.** Повѣсть о мудромъ Хикарѣ и племянникѣ его Надапѣ. (Переводъ съ арабскаго).—**С. О. Долговъ.** Стихъ о Чудной Царицѣ.—**С. К. Шамбинаго.** Древне русское жилище по былинамъ.—**А. В. Марковъ.** Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.—
Ю. И. Поливка. Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ.—
Н. Ѳ. Сумцовъ. Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се така баба, що чортъ їй чоботы на маховыхъ вылахъ оддававъ“).—**А. И. Маркевичъ.** Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго простонародія. В—**А. Гордлевскій.** Обзоръ турецкихъ сказокъ по сборнику Куноша.—**А. Е. Крымскій.** По поводу сюжета сказки Куноша № 94, послужившаго темою перваго ученаго труда В. Ѳ. Миллера.—**А. К. Горстерь.** Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи“. Съ дополненіями и приложеніемъ указателя литературы, **А. Е. Крымскаго.**—
Г. А. Муркосъ. О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али.—**Г. В. Чирковъ.** Два любопытныхъ арабскихъ документа. (Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ).—**С. П. Олферьевъ.** Изъ области древнеарабской лирической поэзіи.—**С. Н. Тэръ-Саргсянцъ.** Хачатуръ Абовянъ, какъ этнографъ. (Къ исторіи армянской этнографіи).—**В. Н. Добровольскій.** О нѣкоторыхъ архангелскихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.—**М. В. Довнаръ-Запольскій.** Ритуальное значеніе корованнаго обряда у бѣлоруссовъ—**П. В. Ивановъ.** Вовкулаки. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ).—**А. Е. Крымскій.** О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на Енне и Инне.—
Р. Ѳ. Брандтъ. Нѣсколько мелочей. (1. Перецъ.—2. Вьсь, вьсе, вьса.—3. Человѣкъ).—**Мирза-Джафаръ.** Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Reimwörter).—**П. Н. Милюковъ.** Что такое „море Вирянское“ и „городъ Леденецъ“? (Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловѣ Будимировичѣ).—
В. В. Каллашъ. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о Полку Игоревѣ“.—**Н. А. Янчукъ.** Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ.

Годъ 12-й.

Кн. XLV.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1900, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ, Петровка, д. 22.

1900.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Николай Николаевич Харузинъ. († 25 марта 1900 г.). Съ приложеніемъ портрета и библиографическаго перечня пе- чатныхъ трудовъ его. <i>Всев. Миллера</i>	1
II. Чердынскіе вогулы. Этнографическій очеркъ. <i>И. Н. Глуш- кова</i>	15
III. Свадьба у великоруссовъ (Вологодской губ.) IV. а) Свадебные обычаи и пѣсни у крестьянъ Стрѣлицкой волости Тотемскаго уѣзда.—б) Свадебные обычаи въ Шонгско-Нико- лаевской волости, Николаевского уѣзда. <i>Мих. Куклина</i> . . .	79
IV. Иранскіе богатыри въ средѣ Армянскаго народа и со- держаніе армянскихъ сказаній объ иранскихъ герояхъ. I. Сказитель Григоръ Хачатрянъ (1. Рстамъ. 2. Фахра- мазъ. 3. Теймуръ. 4. Бурзі. 5. Гагль Гахраманъ). II. Ска- зитель Мурадъ Мхитарянъ (Рстами Залъ).—III. Ска- зитель Варданъ Галустянъ (Рстамъ).—IV. Скази- тель Василій Арутюнянцъ (1. Бурзэ. 2. Тхбурэ-Шэ- ранъ).—V. Рустамъ (курдскій вариантъ). <i>Б. Халатянца</i> .	115
V. Смѣсь: Этиологическія замѣтки. I. Бѣжецкій условный языкъ.— II. Причитанія матери «уноши князя Ростислава». <i>Вл. Кал- аша</i>	161
Русскій Семигъ. (Задумныя поминки. Завиваніе вѣнковъ. Про- воды русалокъ). <i>А. И.</i>	163
Сказка о Касьянѣ, записанная Б. В. Бѣляевымъ. Сообц. <i>И. Мендельсонъ</i>	166

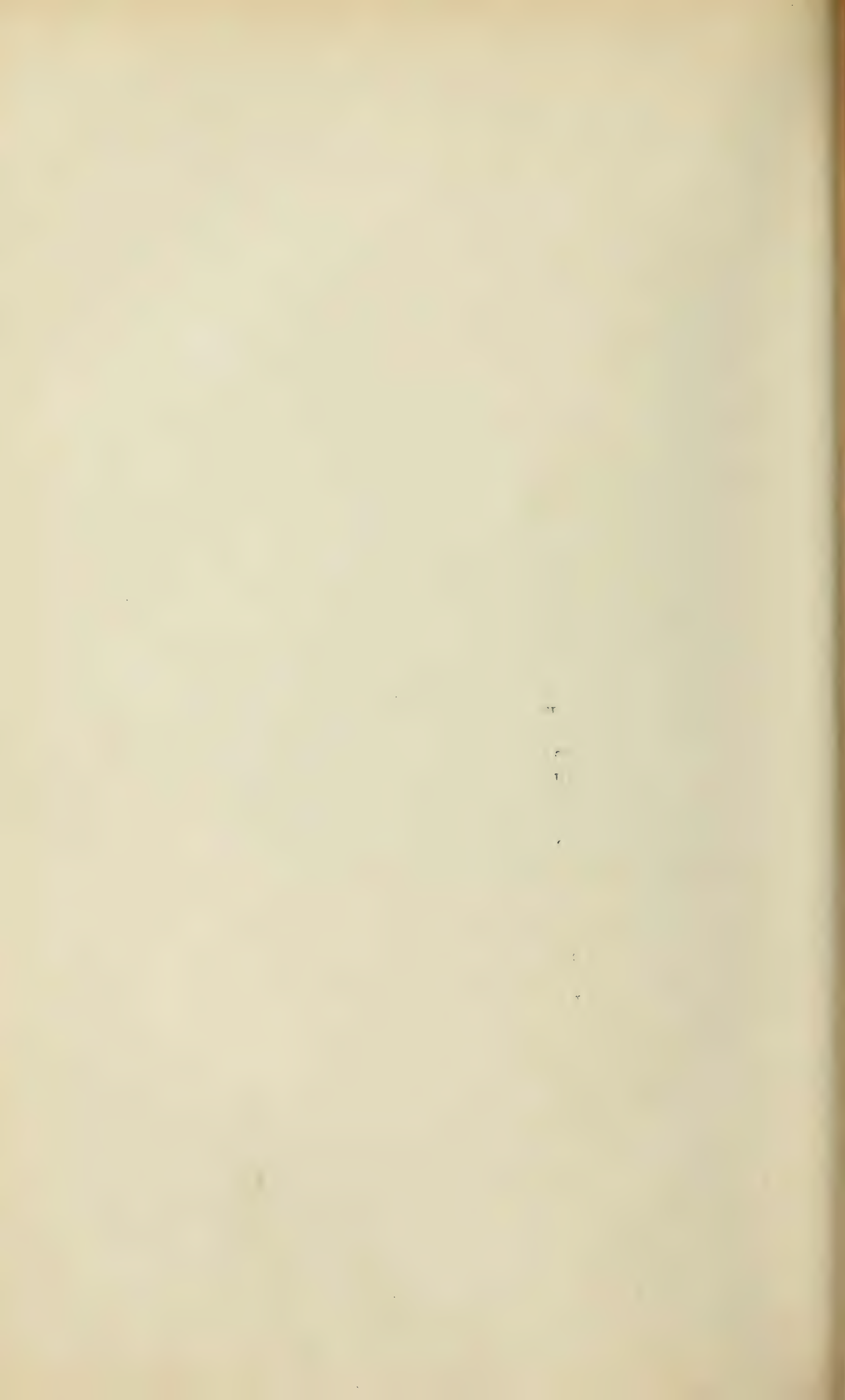
	Стр.
Нѣкоторыя данныя по вѣрованіямъ армянъ Елизаветпольской губ. I. Небо, свѣтила, явленія природы. II. Духи. Θ. II. <i>Джейранова</i>	169
«Ханцегуаше» — общественное моленіе объ урожаѣ у кабардинцевъ. <i>Талиба Кашежева</i>	174
VI. Леонидъ Николаевичъ Майковъ († 7 апрѣля 1900 г.). <i>Вл. Б.</i>	177
VII. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ книгахъ	180—183
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXVI <i>А. Хаханова</i> (180).—В. Маргаритовъ. Камчатка и ея обитатели. (Записки Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О., т. V, в. 1). <i>А. Максимова</i> . (181).—Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Кн. XXVI. <i>Ело-же</i> . (182).	
2. Кавказская библіографія. (Продолженіе: журналъ „Ци-скари“ за 1853—1875 гг.) Сост. <i>А. Хахановъ</i>	184
VIII. Вопросы. <i>В. Каллаша</i>	186
IX. Отъ Этнографическаго Отдѣла (Объявленіе о новыхъ изданіяхъ)	187

H. L. Rogers

A. Kapryzner

Николай Николаевич Харузинъ.

† 25 марта 1900 г.

Мнѣ вторично выпадаетъ на долю печальная обязанность занести въ синодикъ Этнографическаго Отдѣла имя Харузина, тѣсно связанное съ русской этнографіей и всею дѣятельностью московскаго этнографическаго кружка. Въ 1888 году скончался Михайлъ Николаевичъ Харузинъ, бывшій секретарь Отдѣла. 25-го марта текушаго года за нимъ послѣдовалъ младшій братъ Николай Николаевичъ, товарищъ предсѣдателя Отдѣла, похищенный смертью на 34 году жизни, въ полномъ разцвѣтѣ духовныхъ силъ и способностей. Всѣ, кому дороги судьбы русской науки, всѣ, кто слѣдили за неутомимой научной дѣятельностью покойнаго по его печатнымъ трудамъ, искренно пожалѣютъ объ этой неожиданной уtratѣ. Тѣмъ тяжелѣе она для насъ, близко знавшихъ Николая Николаевича, видѣвшихъ въ постоянномъ дѣйствіи эту необыкновенную энергію, эту кипучую натуру ученаго, жившую исключительно интересами науки, для насъ, испытывавшихъ на себѣ бодрящее, побуждающее къ дѣятельности вліяніе его личности. Особенно тяжела эта утрата для молодыхъ членовъ нашего кружка: многіе изъ нихъ были въ полномъ смыслѣ его учениками, были введены имъ въ наше Общество, работали подъ его наблюденіемъ и руководствомъ...

Упорная работа — вотъ все содержаніе этой короткой жизни. Долгая всесторонняя подготовка къ научной дѣятельности—и, какъ результатъ подготовки, короткій, къ сожалѣнію, слишкомъ короткій, но въ высшей степени плодотворный періодъ самостоятельнаго писательскаго труда и учительства, завоевавшій Харузину почетное имя въ исторіи русской этнографіи.

Напомню нѣкоторые факты его несложной біографіи. Николай Николаевичъ Харузинъ родился въ 1865 году, учился въ IV-ой московской гимназіи (гдѣ шелъ первымъ ученикомъ до VI класса), окончилъ курсъ въ 1885 году. Владѣя новыми языками и живо интересуясь, насколько позволяла

суровая классическая школа перваго періода нашего классицизма, культурно-историческимъ чтеніемъ, Н. Н. мечталъ въ гимназій о поступленіи на историко-филологическій факультетъ. Но съ введеніемъ университетскаго устава 1884 года были настолько усилены занятія классическими языками на этомъ факультетѣ, что это нововведеніе удержало его, какъ и многихъ другихъ, отъ поступленія въ число филологовъ. Онъ рѣшилъ по совѣту старшаго брата, который вообще оказалъ первое сильное вліяніе на его научное развитіе, поступить на юридическій факультетъ. Въ университетѣ Н. Н. особенно усиленно занимался исторіей русскаго права и государственнымъ правомъ. Любимымъ профессоромъ, котораго лекціи и книги поддерживали въ немъ интересъ къ этимъ наукамъ, былъ М. М. Ковалевскій. Кромѣ обязательныхъ предметовъ юридическаго факультета, личныя симпатіи влекли Н. Н. къ изученію обычнаго права и этнографіи, которыми онъ началъ интересоваться еще въ гимназій. По зачетѣ 8 семестровъ Н. Н. въ 1890 г. приступилъ къ государственнымъ экзаменамъ, первую половину которыхъ онъ и выдержалъ весной этого года. Но, вынужденный переутомленіемъ прекратить экзамены, онъ, по выздоровленіи, рѣшилъ отказаться отъ юридическихъ наукъ, отдаться своимъ историко-культурнымъ симпатіямъ и готовиться къ диплому кандидата историко-филологическаго факультета, избравъ окончательно своей научной спеціальностью обширную область этнографіи. Изучая лекціи профессоровъ историческаго отдѣленія и обширную научную литературу въ 1891 году, онъ въ слѣдующемъ предпринимаетъ поѣздку за границу, въ Германію и Францію. Въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ онъ основательно изучаетъ коллекціи этнографическихъ и археологическихъ музеевъ. Въ Парижѣ, кромѣ занятій въ музеяхъ, онъ слушаетъ лекціи по этнографіи и первобытной исторіи у профессора Флакка (*Collège de France*), Летурно, Габріэля и Адриена де Мортилье (въ *Ecole d'Anthropologie*). Кромѣ того онъ принималъ участіе въ занятіяхъ *Société Nationale des Antiquaires de France*, которое, по прочтеніи имъ доклада о новѣйшихъ взглядахъ на культуру курганнаго періода центральной Россіи, удостоило его серебрянаго жетона. Послѣ трехлѣтней подготовки Н. Н. въ 1893 году сдалъ экзаменъ на степень кандидата по этнографическо-географическому отдѣленію филологическаго факультета Юрьевского университета.

Уже съ перваго года пребыванія въ университетѣ Н. Н. начинаетъ въ вакаціонное время совершать научныя экскурсіи въ разныя области Россіи съ цѣлью изученія ея многочисленныхъ народностей. Весною 1886 года, только что

перейдя на 2-ой курсъ, услыхавъ о снаряжаемой Московскимъ Археологическимъ обществомъ экспедиціи на Кавказъ, онъ явился ко мнѣ съ просьбой взять его съ собою въ качествѣ добровольца-помощника. Видя увлеченіе юнаго студента-юриста, съ которымъ я тутъ впервые познакомился, я не могъ отказать ему въ его просьбѣ. Въ теченіе трехмѣсячной поѣздки я близко сошелся съ нимъ и могъ на дѣлѣ убѣдиться въ его глубокомъ интересѣ къ наукѣ и замѣчательной работоспособности. Студентъ-юристъ оказался увлеченнымъ любителемъ археологіи и этнографіи и былъ мнѣ самымъ полезнымъ помощникомъ при раскопкахъ въ Чечнѣ, Осетіи и въ Крыму (въ Алуштѣ). Я живо помню, какъ тщательно онъ велъ записи раскопкамъ, регистрировалъ находимые предметы, отмѣчалъ все интересное въ археологическомъ отношеніи, что намъ встрѣчалось по пути, съ какимъ рвеніемъ выбиралъ все содержимое подземныхъ склеповъ и т. д. Одновременно съ археологическими занятіями онъ въ чеченскихъ и осетинскихъ аулахъ собиралъ свѣдѣнія по обычному праву и записывалъ преданія и сказки. Этого приѣма въ каждомъ путешествіи изучать страну и людей по возможности въ разныхъ отношеніяхъ онъ держался во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ поѣздкахъ, почему всѣ онѣ даютъ ему столь обильный матеріалъ для научныхъ сообщеній. Такъ, слѣды первой экспедиціи молодого студента мы находимъ въ цѣломъ рядѣ работъ. Онъ описываетъ раскопки въ Алуштѣ въ „Симферопольскихъ Вѣдомостяхъ“, археологическія экскурсіи въ Чечнѣ и Осетіи—въ газ. „Кавказъ“, печатаетъ замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей въ „Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ“ и тамъ же ингушскія сказки, записанныя во время поѣздки по Чечнѣ, наконецъ, немного позже, въ 1888 г., помѣщаетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ описаніе нашего совмѣстнаго путешествія подъ заглавіемъ „По гѣрамъ сѣвернаго Кавказа“ (кн. X. и XI).

Въ лѣто слѣдующаго 1887 года онъ переносится на сѣверную окраину Россіи, въ командировкѣ Этнографическаго Отдѣла для изученія быта русскаго населенія Олонецкой губерніи и лопарей. Эта — уже вполне самостоятельная научная поѣздка была еще плодотворнѣе по своимъ результатамъ и была по заслугамъ награждена серебряной медалью нашего Общества. Она внесла въ нашу этнографическую литературу рядъ интересныхъ статей и матеріаловъ, каковы статьи Н. Н-ча: „О лопарской бывальщинѣ и пѣснѣ“, „О пойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей“, „Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей“, „Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у. Олонецкой губерніи“. Но

самымъ важнымъ результатомъ изученія лопарей и всеѣй предшествующей научной литературы объ этой народности является капитальная монографія Н. Н. Харузина „Русскіе Лопари“ (472 стр. in 4⁰), исчерпывающая всѣ стороны прошедшаго и современнаго быта лопарей. Начинаясь очеркомъ страны русскихъ лопарей и историческими свѣдѣніями о нихъ, изслѣдованіе Н. Н. Харузина содержитъ далѣе самый полный очеркъ внѣшняго и матеріальнаго быта, переходитъ къ изученію древней религіи лопарей и слѣдовъ древнихъ вѣрованій, сохранившихся доннѣ, даетъ затѣмъ обстоятельное изложеніе семейнаго и общественнаго быта и кончается интереснѣйшей главой о лопарскомъ народномъ творествѣ. Монографія снабжена цѣнными приложеніями нѣкоторыхъ архивныхъ документовъ и иллюстрирована политипажами. „Попытки собрать во-едино разбросанныя въ этнографической литературѣ свѣдѣнія о лопаряхъ, провѣрить ихъ критически, пополнить собственными наблюденіями и представить этотъ сводъ данныхъ въ видѣ систематической монографіи—не было сдѣлано въ новѣйшее время еще никѣмъ, и трудъ Н. Н. Харузина является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ и притомъ настолько полнымъ и основательнымъ, что къ нему трудно прибавить что-нибудь существенное, и что онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ служить точкой отправленія для всѣхъ послѣдующихъ работъ по изученію того же племени“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ высказываетъ свое мнѣніе о достоинствѣ книги Н. Н. Харузина такой компетентный ученый, каковъ проф. Д. Н. Анучинъ. Общество же Любителей Естествознанія, по представленію Этнографическаго Отдѣла, присудило автору за его упорную трехлѣтнюю работу надъ этимъ обширнымъ трудомъ золотую медаль.

За вторую этнографическую поѣздку Харузина слѣдуетъ рядъ другихъ: посѣщать каждое лѣто ту или другую область Россіи—становится у него какъ бы привычкой.

И вотъ въ 1888 г. онъ снова посѣщаетъ Крымъ и Кавказъ, въ 1889 Крымъ и Черниговскую губернію, въ 1890 предпринимаетъ экскурсіи въ Вятскую и Пермскую губерніи, въ 1891—въ губернію Эстляндскую, затѣмъ въ Астраханскую и въ Закавказье, въ 1892 снова въ Эстляндскую губернію, въ 1894 снова въ Крымъ, въ 1895 въ Западную Сибирь, въ 1896 въ Алтайскій округъ и Кулундинскую степь. Во время своихъ лѣтнихъ поѣздокъ Н. Н. постоянно старался сблизиться съ мѣстными дѣятелями по этнографіи и путемъ личныхъ сношеній и затѣмъ переписки привлекать ихъ къ

¹⁾ Этногр. обозрѣніе, кн. IV, стр. 209.

своему любимому дѣлу—всестороннему изученію быта населенія. Экскурсіи даютъ ему постоянно новый и интересный матеріаль для статей и докладовъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ, въ трудахъ котораго онъ принимаетъ самое горячее участіе уже вскорѣ послѣ своей первой, еще студенческой, поездки. Всѣ мы знаемъ, что въ лѣтописи нашего Отдѣла съ 1886-го года имя Николая Харузина встрѣчается постоянно вплоть до дня его кончины. Напомнимъ лишь нѣкоторыя, главные черты его дѣятельности. Съ 1889 по 1893 г. Н. Н. состоялъ сначала помощникомъ, а затѣмъ 2-мъ секретаремъ Отдѣла, причемъ завѣдывалъ редактированіемъ нѣсколькихъ выпусковъ издавнаго по его инициативѣ Сборника свѣдѣній по изученію быта крестьянскаго населенія Россіи, въ которомъ помѣщалъ и собранные имъ лично матеріалы. Благодаря своему юридическому образованію и всестороннему изученію обычнаго права, онъ обратилъ особое вниманіе на этотъ отдѣлъ этнографическихъ свѣдѣній, входящихъ также въ программу дѣятельности нашего Отдѣла, старался привлечь студентовъ-юристовъ къ изученію обычнаго права русскаго и инородческаго, руководилъ ихъ занятіями и вводилъ новыхъ членовъ въ нашъ этнографическій кружокъ. Припомнимъ, что Н. Н. помогалъ еще въ 1887 своему старшему брату Михаилу Николаевичу, бывшему секретаремъ Отдѣла, въ составленіи изданной имъ обширной „Программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ“. Но если обычное право всего раньше привлекало къ себѣ интересъ Н. Н., какъ юриста, онъ по свойству своей натуры ученаго не могъ замкнуться исключительно въ этой области: онъ былъ этнографъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, и всѣ стороны матеріальнаго и духовнаго быта народовъ равно привлекали къ себѣ его вниманіе. Въ этомъ отношеніи среди членовъ нашего Отдѣла онъ представляетъ исключительное явленіе: онъ посвятилъ этнографіи всю свою дѣятельность, всѣ свои крупныя научныя способности и неутомимую энергію. Онъ долго и упорно изучалъ эту науку и ея исторію, въ Россіи и заграницей, неоднократно принималъ съ этнографической цѣлью путешествія по Россіи, составлялъ для Комиссіи домашняго чтенія программы по изученію этнографіи, слѣдилъ за всѣми явленіями въ этнографической литературѣ въ Россіи и заграницей и давалъ о нихъ отчеты въ многочисленныхъ статьяхъ и рецензіяхъ, руководилъ составленіемъ популярныхъ книжекъ по этнографіи Россіи, издаваемыхъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ, и, наконецъ безвозмездно читалъ научные курсы по этнографіи въ Московскомъ университетѣ и въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Спе-

ціальная подготовка и многочисленные научные труды несомнѣнно давали Н. Н. нравственное право быть профессоромъ этнографіи, и если онъ не достигъ профессуры, то не по своей винѣ, а потому, что этнографія, какъ наука, до сихъ поръ въ Россіи, къ сожалѣнію, не представлена университетскою кафедрой, не введена въ число обязательныхъ факультетскихъ предметовъ, какимъ еще недавно сдѣлалась у насъ географія. Но историко-филологическій факультетъ московскаго университета въ виду научныхъ трудовъ Харузина единогласно допустилъ его въ 1896 г. къ чтенію лекцій по этнографіи въ званіи приватъ-доцента безъ требуемаго отъ кандидатовъ магистерскаго экзамена. Читая съ 96-го года систематическіе курсы этнографіи на историко-филологическомъ факультетѣ, Н. Н. всегда находилъ небольшую, но внимательную аудиторію, и его ученики уже скоро стали выступать въ засѣданіяхъ нашего Отдѣла съ собранными ими матеріалами или рефератами, составленными подъ его руководствомъ. Умѣнье привлекать слушателей къ своему предмету проявилось и въ томъ, что и въ Лазаревскомъ институтѣ, гдѣ Н. Н. началъ читать этнографію съ 1898 года, среди студентовъ-оріенталистовъ уже на второй годъ его преподаванія оказались лица, заинтересовавшіяся лекціями Харузина и выступавшія въ засѣданіяхъ нашего Отдѣла съ этнографическими рефератами. Итакъ, нисколько не преувеличивая научныхъ заслугъ Н. Н., мы можемъ сказать, что онъ въ теченіе десятилѣтія велъ самую энергичную пропаганду научнаго значенія этнографіи и въ Отдѣлѣ, и на университетской кафедрѣ, и въ своихъ изслѣдованіяхъ, и въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ и, наконецъ, въ своихъ сношеніяхъ со многими любителями этнографіи въ Москвѣ и провинціи.

Первымъ и главнымъ поприщемъ его писательской дѣятельности былъ органъ Отдѣла „Этнографическое Обозрѣніе“. Съ перваго года нашего журнала (1889) вплоть до текущаго нѣтъ ни одной книжки, въ которой мы не встрѣтили бы имени Н. Харузина, то подъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, то подъ критической статьей, то подъ библиографической замѣткой. Ограничусь указаніемъ такихъ изслѣдованій, каковы: „Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа“. (Э. О. 1894 № 4), „Къ вопросу о борьбѣ московскаго правительства съ народными суевѣріями“ (1897 № 1), „Юридическіе обычаи Якутовъ“ (1898 № 2), „Медвѣжья присяга и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ“ (1899, №№ 3 и 4), и двухъ обширныхъ статей: „Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ“ и „Очеркъ развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и

монгольскихъ народностей Россіи“, очерковъ, составившихъ двѣ книги въ отдѣльномъ изданіи. Знакома наше общество съ движеніемъ этнографической литературы на западѣ, Н. Н. давалъ въ журналѣ обстоятельные отчеты о наиболѣе крупныхъ изслѣдованіяхъ европейскихъ ученыхъ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ западно-европейской этнографической литературы“. Такъ, имъ были изложены и критически разобраны труды Гроссе и Летурно о зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ (Э. О. 1895 № 1), Генриха Кунова—о зачаткахъ развитія семьи у австралійскихъ негровъ (1895 № 3), Мукке—объ ордѣ и семьѣ (Э. О. 1895 № 4), Гроссе и Гильдебранда по вопросу о соотношеніи хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній (Э. О. 1896 № 4), Кунова—о государственномъ строѣ древняго Перу (Э. О. 1899 № 1-2). Помимо критическихъ статей подъ названной рубрикой, мы находимъ въ отдѣлѣ „Критики и библіографій“ нашего журнала длинный рядъ (до 140) рецензій иностранныхъ и русскихъ книгъ по этнографіи, подписанныхъ инициалами Н. Х., самого неутомимаго изъ сотрудниковъ „Этнографическаго Обозрѣнія“.

Но если наиболѣе крупные труды Харузина появлялись на страницахъ нашего журнала, онъ, при своей неутомимости, находилъ возможность помѣщать свои статьи и во многихъ другихъ московскихъ, петербургскихъ, провинціальныхъ и иностранныхъ изданіяхъ, журналахъ и газетахъ. Теперь, когда его неожиданная кончина возлагаетъ на насъ обязанность подвести итоги его печатнымъ трудамъ, мы были поражены его производительностью, составивъ, быть можетъ, неполный списокъ всего явившагося за его подписью. Прилагая этотъ списокъ въ концѣ, отмѣтимъ только названія изданій, въ которыя онъ сдѣлалъ свой вкладъ; таковы: „Вѣстникъ Европы“, „Русская Мысль“, „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ“, „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э.“, „Археологическія извѣстія и замѣтки“, „Труды И. М. Археолог. Общества“, „Труды Археографической комиссіи И. М. Арх. Общества“, „Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера“. Изъ провинціальныхъ изданій статьи Н. Н. можно найти въ газетахъ „Кавказъ“, „Симферопольскія Вѣдомости“, „Курскія Губернскія Вѣдомости“, „Воронежскія, Губернскія и Епархіальныя вѣдомости“, въ „Сборникѣ“ Историко-филологическаго Общества при институтѣ кн. Безбородко“, „Временникѣ Эстляндской губерніи“, въ „Трудахъ“ Орловской и Рязанской архивныхъ комиссій. Изъ заграничныхъ изданій Н. Н. помѣстилъ интересную статью „Etude sur les anciennes églises russes aux toits en forme de tente“ въ

Mémoires de la Soc. nation. des antiquaires de France (1893, t. LIII) и нѣсколько библиографическихъ отзыовъ и замѣтокъ въ журналѣ „Anthropologie“ (за 1890 г.). Сверхъ всего этого съ 1898 г. Н. Н. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ двухъ газетъ—„Курьера“ и „С. Петербургскихъ Вѣдомостей“, гдѣ помѣщалъ статьи, касающіяся Востока. Въ „Курьерѣ“ шли его фельетоны подѣ заглавіемъ „Письма о Востокѣ“ и рядъ передовыхъ и мелкихъ статей. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ ему принадлежатъ нѣсколько передовыхъ и болѣе обширныхъ статей.

Нашъ очеркъ дѣятельности Н. Н. въ области этнографіи былъ бы далеко не полонъ, еслибъ мы не коснулись, хоть вскользь, его работъ въ другой смежной области—археологіи и исторіи. Слѣды примитивнаго быта у современныхъ малокультурныхъ народовъ находятъ себѣ параллели и разъясненія какъ въ историческихъ свидѣтельствахъ о древнемъ бытѣ историческихъ народовъ, такъ и въ изслѣдованіяхъ могилъ остатковъ древнѣйшихъ поселеній и другихъ археологическихъ памятниковъ. Понимая тѣсную связь этихъ трехъ отраслей знанія, ведущихъ къ одной историко-культурной цѣли, Н. Н. оставилъ немало трудовъ въ области вещественной археологіи и исторіи, которые свидѣлствуютъ о широтѣ его научныхъ взглядовъ. Эти труды находятся въ связи съ его путешествіями, съ его службой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Архивѣ Министерства юстиціи, гдѣ онъ занимался разборомъ документовъ и приобрѣлъ навыкъ въ чтеніи рукописей, и съ его безвозмездными занятіями въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, котораго богатая коллекція онъ изучилъ основательно. Послѣ его участія въ раскопкахъ на Кавказѣ и въ Алуштѣ въ 1886 г., мы видимъ его производящимъ самостоятельно раскопки въ 1889 г. въ Гурзуфѣ и Гугушѣ, затѣмъ участвующимъ въ раскопкахъ подмосковныхъ городищъ и могильниковъ въ с. Коломенскомъ (Дьяково городище) и Спасскомъ. Но всего болѣе потрудился онъ для археологіи Балтійскихъ губерній, куда, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ ѣздилъ въ лѣтнее вакаціонное время. Какъ необходимую, подготовительную работу къ X-му Археологическому съѣзду въ Ригѣ, онъ составилъ обстоятельный „Обзоръ доисторической археологіи Балтійскихъ губерній по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей“ (напечат. въ Ревелѣ въ 1894 г., 151 стр.). Изучивъ подробно труды мѣстныхъ ученыхъ и обильный раньше собранный раскопками археологическій матеріалъ въ мѣстныхъ музеяхъ, онъ убѣдился, что мѣстные изслѣдователи мало обращали вниманія на научное археологическое движеніе, совершавшееся въ остальныхъ частяхъ Россіи, мало слѣдили за нимъ, и не-

знакомство ихъ съ общерусской археологіей должно было привести къ нѣкоторымъ отрицательнымъ чертамъ, которыми часто грѣшатъ мѣстные ученые изслѣдованія. Стремленіе какъ можно быстрѣе рѣшить вопросы, являющіеся при изученіи древностей края, приводило неоднократно къ поспѣшнымъ и мало обоснованнымъ выводамъ и положеніямъ. Съ обычной основательностью Н. Н. въ своей книгѣ описываетъ въ 4-хъ обширныхъ главахъ археологическій матеріалъ Балтійскихъ губерній: монеты, предметы каменнаго и бронзоваго вѣка, городища, свайныя постройки, пещеры, жертвенныя мѣста, устройство могилъ, могильный инвентарь, и затѣмъ въ пятой главѣ, рассматривая вопросъ о классификаціи могилъ по народностямъ, критически разбираетъ теоріи Крузе, Бера, Гревинга, гр. Сиверса, Монтелиуса, Ундсета, Ворзаэ и Аспелина и подготавливаетъ своими разысканіями для обсужденія съѣзда и дальнѣйшихъ изслѣдованій рядъ интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ доисторическимъ прошлымъ края, напр., вопросы о торговлѣ балтійскихъ славянъ съ мѣстнымъ краемъ и о ихъ поселеніяхъ въ немъ, о древней торговлѣ края съ русскими областями и друг. Книга Н. Н. читается съ живымъ интересомъ и, вѣроятно, долго будетъ служить необходимымъ введеніемъ для всѣхъ желающихъ ознакомиться съ археологіей Балтійскаго края для дальнѣйшихъ специальныхъ занятій. Такую же полезную работу для исторіи края представляетъ составленный Н. Н. „Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ московскихъ архивахъ Министерства Иностр. Дѣлъ и Юстиціи“ (напеч. въ „Временникѣ Эстл. губ.“ кн. 2 1894 г.), и изданные имъ въ 1896 г. въ сотрудничествѣ съ братомъ А. Н. Харузиннымъ „Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губерніи“ (напеч. въ „Трудахъ И. М. Археолог. Общ.“). Интересъ къ мѣстной исторіи сказывается и въ другихъ работахъ Н. Н., каковы: „Къ исторіи гор. Герцке въ Ливоніи“ (Археол. Извѣст. и Замѣтки 1896), „О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юстиціи“ (тамъ же, 1896 г., № 5 и 6), „Псковъ и его пригороды передъ 2-ю польскою войною при царѣ Михаилѣ“ (Труды Археогр. комисс. И. М. Арх. Общества, 1898.). Оставляя въ сторонѣ другія статьи Н. Н., свидѣтельствующія о его постоянномъ интересѣ къ археологіи и исторіи и обширномъ знакомствѣ съ литературой печатной и архивной, а также археологическими коллекціями посѣщенныхъ имъ областей Россіи, упомяну въ заключеніе, что, состоя членомъ И. Моск. Археологическаго общества, онъ является однимъ изъ инициаторовъ Археографической комиссіи общества и однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудни-

ковъ издававшихся Обществомъ „Археологическихъ Извѣстій и замѣтокъ“.

Краткій обзоръ научной дѣятельности и печатныхъ трудовъ Н. Н. Харузина уже достаточно показываетъ, какую утрату для русской науки представляетъ его преждевременная кончина. Мы лишились въ немъ крупной научной силы, одаренной притомъ, что нечасто встрѣчается на Руси, замѣчательной энергіей и производительностью. Природа не обидѣла русскаго человѣка ни умомъ, ни даровитостью; но гораздо рѣже, чѣмъ то и другое, встрѣчаются въ нашемъ обществѣ тѣ оба драгоцѣнные свойства, которыми былъ надѣленъ Н. Н. Не напрасно чертою славянскаго характера въ Европѣ нѣкоторые считаютъ непроизводительность (*improductivité slave*)! Коренному русскому человѣку, какимъ былъ Н. Н., эта славянская черта была совершенно чужда: русскій характерный глаголь, непереводимый на другіе языки: „собираюсь“ (сдѣлать то-то и то-то), не входилъ въ его словарь. Онъ никогда не *собирался* приступить къ какому-нибудь дѣлу, но приступалъ немедленно, не откладывая въ долгій ящикъ. Этимъ и объясняется, что въ сравнительно короткое время онъ такъ много наработалъ. Но эта упорная работа, быть можетъ, и подорвала прежде времени его далеко не крѣпкій отъ природы организмъ. Много разъ говорили ему врачи о переутомленіи, о необходимости полного отдыха; но, насколько знаю, Н. Н., вполне сознавая эту необходимость, никогда не могъ выдержать долго характера только въ этомъ отношеніи: его дѣятельный умъ и кипучая натура были главными врагами его физическаго организма.

Однако, при всей своей работоспособности, Н. Н. былъ не изъ тѣхъ работниковъ, которымъ все дается легко. Зная его близко, я могу утверждать, что работа стоила ему большой затраты силъ. Если въ короткое время онъ сдѣлалъ много, то не потому, чтобы работалъ скоро, а потому, что не терялъ времени даромъ. Вполнѣ русскій человѣкъ, онъ только работалъ понѣмечки—аккуратно и систематично. Все, что подписано его именемъ, отличается основательностью, продуманностью и тщательностью въ отдѣлкѣ. Ученый недюжиннаго ума, съ широкимъ научнымъ кругозоромъ, съ обширнымъ общимъ образованіемъ, онъ не былъ способенъ къ одностороннимъ увлеченіямъ, къ смѣлымъ, но рискованнымъ обобщеніямъ. Здоровый скептицизмъ, критическій тактъ, основанный на обширныхъ спеціальныхъ знаніяхъ, не позволяли ему увлекаться научными гипотезами, какъ бы блестящи онѣ ни казались. Соотвѣтствіе между фактами и выводами—вотъ тотъ принципъ (*ne quid nimis*), который чувствуется при чтеніи cadaго его изслѣдованія, и это свойство дѣлаетъ

особенно цѣнными какъ его личныя наблюденія и соображенія, такъ и критическіе отзывы его о чужихъ теоріяхъ и гипотезахъ.

Но не одними изслѣдованіями и статьями сдѣлалъ Н. Н. Харузинъ въ короткое время крупный вкладъ въ русскую науку. Онъ не былъ по характеру своему исключительно кабинетнымъ ученымъ. Онъ былъ общителенъ по природѣ, любилъ дѣлиться своими мыслями и знаніями, особенно съ молодыми людьми, въ которыхъ замѣчалъ интересъ къ наукѣ. Онъ гостепріимно принималъ ихъ у себя, снабжалъ книгами, давалъ совѣты, руководилъ занятіями. Въ появившихся въ газетахъ воспоминаніяхъ о немъ звучитъ не только нота уваженія къ ученому, но и любви къ нему, какъ къ душевному человѣку. Дѣйствительно, онъ любилъ своихъ учениковъ, сближался съ ними, входилъ въ потребности ихъ занятій; узнавалъ ихъ матеріальное положеніе и старался быть имъ полезенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эту сторону его дѣятельности я особенно хорошо знаю, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ имѣлъ возможность наблюдать Н. Н., какъ преподавателя этнографіи въ специальныхъ классахъ Лазаревского Института. Онъ зналъ всѣхъ своихъ слушателей, охотно говорилъ объ ихъ способностяхъ, интересахъ и характерахъ. Онъ постоянно хлопоталъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія недостаточныхъ студентовъ: доставлялъ имъ уроки и литературную работу, ходатайствовалъ объ освобожденіи отъ платы, причемъ неоднократно самъ вносилъ ее, ссылаясь при этомъ, по обычной скромности, на порученія, яко бы данныя ему другими лицами (чему, впрочемъ, я не вѣрилъ). Помогалъ онъ студентамъ и своими личными, далеко не обильными средствами, о чемъ я узналъ уже послѣ его кончины. Н. Н. былъ въ полномъ смыслѣ „заботникъ“ о студентахъ. При свойственной ему добросовѣстности нечего и говорить, какъ тщательно онъ относился къ добровольно и безвозмездно принятымъ имъ на себя обязанностямъ преподавателя этнографіи. Курсъ его лекцій былъ строго обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ, соразмѣренъ съ количествомъ часовъ, отличался стройностью и законченностью. Поэтому онъ боялся нарушить эту стройность непредвидѣнной манкировкой. Даже въ теченіе его непродолжительной предсмертной болѣзни его тревожила мысль, что онъ не успѣетъ закончить своего курса лазаревцамъ. Приведу послѣднія строки, уже написанныя слабѣющею рукою въ постели, изъ письма, полученнаго мною отъ него 21-го марта, за 4 дня до его смерти: „спѣшу Васъ увѣдомить, что, къ сожалѣнію, я не буду въ состояніи читать въ Институтѣ лекцій на этой недѣлѣ. Миѣ лучше, но я все еще пока лежу, хотя и надѣюсь

вскорѣ встать". Эти надежды, какъ и многія другія въ его жизни, обманули его. Кровоизліяніе въ область сердца, утормъ 25 марта, свело всѣ его счеты съ жизнью, давшей ему слишкомъ мало счастья и слишкомъ много заботы и работы.

Преждевременная кончина Н. Н. обманула и надежды русской науки, которая могла многого ожидать отъ его обширныхъ знаній и неутомимой энергіи, и надежды Отдѣла Этнографіи, который высоко цѣнилъ его постоянное и любовное участіе въ своихъ трудахъ.

Всев. Миллеръ.

Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ Н. Н. Харузина.

1. Археологическія экскурсіи въ Чечню и Осетію. „Кавказъ“ 1886 г.
2. По горамъ сѣвернаго Кавказа. Вѣстн. Европы 1888, кн. X и XI.
3. Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей. Сборн. матер. по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнограф. музеѣ. Вып. III, стр. 115—142. 1888 г.
4. Сказки, записанныя въ ингушскомъ аулѣ Цори. Тамъ же, стр. 149—154.
5. О лопарской бывальщинѣ и пѣснѣ. Тамъ же, стр. 1—13.
6. Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у. Олонецкой губерніи. Сборн. свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, 1889 г. Перепечатано въ Олонецк. сборникѣ. Вып. III. Петрозаводскъ, 1894 г.
7. О пойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей. Этнограф. Обзорѣніе 1889 г.
8. Русскіе лопари. Очерки прошлаго и современнаго быта, стр. II+472 in. 4°. Составляетъ т. X Трудовъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. Москва, 1890. Удостоено золотой медали Общества.
9. Къ вопросу о двухъ типахъ лопарей. Дневникъ Антропол. Отд. И. О. Л. Е., А. и Э.
10. Обзоръ доисторической археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ по трудамъ мѣстныхъ изслѣдователей. (Къ X-му Археологическому съѣзду въ Ригѣ). 151 стр. Ревель 1894. (Оттискъ изъ IX-го тома Трудовъ Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, 1-ой книги „Временника Эстл. губ.“ 1893.
11. Къ вопросу о религіозныхъ воззрѣніяхъ крестьянъ Калужской губерніи. Этн. Обзор. 1892 № 2—3.
12. Etude sur les anciennes églises aux toits en forme de tente. Въ Mem. de la Société nation des antiquaires de France. T. LIII, Paris. 1893.
13. Къ вопросу о древне-русскихъ некалендарныхъ именахъ. Этн. Обзор., кн. XVI. 1893.
14. Къ вопросу объ ассимиляціонной способности русскаго народа. Э. О. 1894 № 4.
15. Къ исторіи города Старый Осколъ. Курскія Губ. Вѣд. 1894 № 916.
16. Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ. М. 1895.
17. Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ Московскихъ Архивахъ Мин. Иностран. дѣлъ и Юстиціи. Во Временникѣ Эстл. губ. Кн. 2. 1894.

18. О древностяхъ Томскаго музея. Археол. Изв. и Замѣтки 1895, №№ 9—10.
19. Движеніе къ изученію Россіи среди французскихъ археологовъ. Тамъ же, №№ 7—8. 1895.
20. Къ исторіи города Герцке въ Ливоніи. Тамъ же, №№ 2—3, 1895.
21. Историческое извѣстіе о городской службѣ строителя города Коротояка стольника и воеводы Давиды Семеновича Яковлева. Ворон. Губ. Вѣдом. 1895 №№ 16 и 17 (по поводу 250-лѣтія г. Коротояка).
22. Изъ западно-европейской этнографической литературы. I. О зачаткахъ и развитіи искусства у малокультурныхъ народовъ. (По соч. Grosse и Ch. Letourneau). Э. О., кн. XXIV, 1895 г.
23. Изъ западно-европейской литературы. II Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи. (По Heinrich'у Cunow'у). Э. О. кн. XXII.
24. Изъ западно-европейской этнографической литературы III. Новый взглядъ на исторію происхожденія семьи. Э. О., кн. XXVII, 1895.
25. Изъ западно-европейской этнографической литературы. IV. Соотношенія хозяйственныхъ формъ быта съ характеромъ семейно-родовыхъ отношеній. (По Гроссе и Гильдебранду). Э. О., кн. XXXI, 1896.
26. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ тюркскихъ и монгольскихъ породностей Россіи. М. 1896, стр. IV+124 (=Этн. Обзор. 1896 г.).
27. (Въ сотрудничествѣ съ А. Н. Харузинымъ). Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губерніи. Труды И. М. Археол. Общ. М. 1896.
28. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Коккенхузена на основаніи документовъ, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи. Археол. Изв. и Замѣтки. 1896 №№ 5—6.
29. Къ исторіи соборнаго храма въ г. Коротоякѣ. Ворон. Епарх. Вѣдом. 1896.
30. Среди новоселовъ Отъ Барнаула до Костина Лога. Русс. Мысль 1897.
31. Къ вопросу о борьбѣ московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в. Этн. Обзор. 1897. Кн. XXXII.
32. Un vieux rite médical. Melusine 1897 № 8.
33. Юридическіе обычаи якутовъ. По матеріаламъ Н. П. Припузова. Э. О., кн. XXXVII 1898.
34. Очерки первобытнаго права I. Семья и родъ. М. 1898 (изд. Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни № 14).
35. Къ вопросу объ употребленіи „некалендарныхъ“ именъ въ допетровской Руси. Сбор. Истор. филолог. Общества при Институтѣ кн. Безбородко, т. II. Нѣжинъ, 1898.
36. Псковъ и его пригороды передъ 2-ю польской войной при царѣ Михаилѣ. Труды Археогр. Комиссіи И. М. Археол. Общ. т. I. М. 1898.
37. Взглядъ Langlois на архивное дѣло. Тамъ же, т. I.
39. Изъ западно-европейской этнографической литературы, V. Государственный строй древняго Перу (по Н. Cunow'у) Э. О. кн. XL—XLI 1899 г.
40. Очерки дѣятельности европейцевъ на Востокѣ. I, II, III, IV. Русская Мысль, 1899.
41. „Знамена“ у Мордвы въ XVI и XVII вв. (съ 168 рисунками). Юбилейн. Сборникъ въ честь В. Ф. Миллера. М. 1900

Кромѣ перечисленныхъ статей Н. Н. Харузинымъ было помѣщено въ „Этнографическомъ Обзорѣ“ около 140 рецензій, русскихъ и иностранныхъ, и много статей и рецензій въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Курьеръ“, „Русскія Вѣдомости“ и друг.

Въ С.-Петербурѣ. Вѣдомостяхъ ему принадлежатъ статьи:

- 1899 г. № 299. Русская торговля въ малоазіатскомъ Черноморѣ.
 — — 322. Положеніе русской торговли въ Персіи.
 — — 349. Интересна ли для насъ восточная печать?
 1900 г. — 13. Переселенческое движеніе въ Сиріи.
 — — 15. Къ вопросу о русской торговлѣ въ Малой Азіи.
 — — 55. Къ вопросу о русско-турецкой торговлѣ.
 — — 79. Назрѣвшій вопросъ (недостатокъ подготовленныхъ дѣятелей на нашихъ восточныхъ окраинахъ).

- Въ „Курьерѣ“: 1899 г. № 34. Новый „восточный вопросъ“.
 — — 48. Оманскій вопросъ.
 — — 61. „Коричіе“ Китайской имперіи.
 — — 75. „Морское завоеваніе“ Малой Азіи.
 — — 90. Условія паломничества въ Мекку.
 — — 104. Первые шаги дѣятельности вѣмцевъ Кіао-чау.
 — — 119. Успѣхи германской философіи въ Японіи.
 — — 131. Приморская область и ея промышленность.
 — — 157. Будущность Турціи съ точки зрѣнія турецкихъ интересовъ.
 — — 171. Интересы Россіи въ южной Персіи.
 — — 185. Маркизь Ито о самомъ себѣ.
 — — 199. Отношенія китайцевъ къ иностранцамъ въ прежнее время.
 — — 213. По поводу проекта новой малоазіатской желѣзной дороги.
 — — 227. Портъ-Артуръ и городъ Дальній.
 — — 248. Захватъ или цивилизаторская дѣятельность.
 — — 269. Корея и Японцы.
 — — 290. Самсунъ и Трапезундъ.
 — — 297. Аравія и Англія.
 — — 318. „Мирная война“ на Востокѣ.
 — — 339. Бендеръ Аббасъ.
 1900 г. № 5. Французско-мусульманскія школы въ Тунисѣ.

ЧЕРДЫНСКІЕ ВОГУЛЫ.

Этнографическій очеркъ.

I.

Восточная часть Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи, раскинувшись на предгоріяхъ Урала, представляется сплошь гористою. Самая восточная его часть взбѣгаетъ на Уралъ, гдѣ по линіи водораздѣла сибирскихъ и европейскихъ рѣкъ этотъ уѣздъ уступаетъ свои владѣнія своему сосѣду—Верхотурскому уѣзду. Съ юга этотъ уѣздъ граничитъ съ Соликамскимъ уѣздомъ, а на сѣверѣ примыкаетъ къ Архангельской губерніи.

Здѣсь, въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда, къ западу отъ „Поясоваго Камня“ (собственно Уральскаго кряжа) тянется широкая полоса значительной высоты горъ, сложенныхъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и сіенитогнейсовыхъ породъ, составляющая западный склонъ Урала. Въ этой полосѣ горъ можно различить двѣ гряды, имѣющія приблизительно меридіональное направленіе. Гряда, ближайшая къ рѣкѣ Вишерѣ, т. е. болѣе западная, состоитъ изъ Камней (горъ) Кыринскаго, Юбрышки, Шунды-Пендыша, Пропащаго, Чувальскаго, Каюка съ Корыксаромъ, Лиственичнаго и наконецъ Тулымскаго. Во второй грядѣ—Мортайскій съ Няты-Тумпомъ, Замочный, Вольховочный, Кулимскій, Ишеримъ, Молебный и т. д. Всѣ эти горы командуютъ надъ собственнымъ Ураломъ и значительно превосходятъ его высотой.

Въ юго-восточномъ углу уѣзда отъ Урала отходитъ почти подъ угломъ въ 45° на NW довольно высокій самостоятельный хребетъ Кваркушъ (Пурашъ-нѣръ) съ нѣсколькими куполообразными вершинами. Длина этого хребта не менѣе 60 верстъ при ширинѣ 10—12 верстъ. Южная часть его ниже сѣверной, и здѣсь въ былыя времена была проложена дорога между „зимовьями“ Малмасскимъ и

Уленскимъ для проѣзда крестьянъ Чердынскаго уѣзда, приписанныхъ къ зауральскимъ заводамъ Походяшина. Вершина Кваркуша—необозримая равнина—находится, какъ и большинство горъ, уже внѣ предѣловъ лѣсной растительности. Необыкновенно рельефно выдѣляются на этой равнинѣ выходы массивныхъ породъ или въ видѣ куполовъ, или въ видѣ овальныхъ грядъ, вытянутыхъ по меридіану при значительной высотѣ и длинѣ.

Вся мѣстность къ западу отъ упомянутыхъ горъ представляется также гористою, гдѣ можно также различать отдѣльные края, составляющіе водораздѣлы рѣчусеѣ. Горы эти сложены уже изъ осадочныхъ породъ девона и каменноугольной системы, въ большинствѣ случаевъ покрыты лѣсомъ и у мѣстныхъ жителей носятъ названіе—„степей“ (степь—хребетъ животнаго). Самыя западныя возвышенности этого раіона—Полубовъ Камень, похожій издали на пьедесталь памятника Петра I (въ Петербургѣ), и отходящій отъ него кряжъ, а также Помяненный Камень съ его остроконечными вершинами—видны даже изъ г. Чердыни.

Главная рѣка этого раіона—Вишера (притокъ Камы)—по-вогульски Пассеръ-я, беретъ начало съ горы Поримонгитъ-Урръ; течетъ сначала почти прямо на югъ, омывая своими извилинами мысы Няты-Крохтемъ-Госса-Нѣль, Манингъ-Тумпъ и Мансизгумъ-нѣль; далѣе она прорѣзываетъ отметы Тулымскаго Камня, огибаетъ отроги Корыксара и Чувальскаго, поворачиваетъ на юго-западъ, но течетъ еще въ виду Пропащаго, Юбрышки, Голаго Чурка, Кырьинскаго и, наконецъ, отъ д. Усть-Улса, обѣжавъ Золотой Камень, принимаетъ въ общемъ западное направленіе.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вишера прорѣзала отроги Тулымскаго Камня, русло ея сжато и загромождено огромными глыбами кристаллическаго конгломерата—это такъ называемые Вишерскіе пороги, черезъ которые рѣка съ ревомъ, слышимымъ на огромное разстояніе, мчитъ свои пѣнистыя воды. Переправа чрезъ эти пороги представляетъ не мало труда и опасностей. Рыбаки, отправившись ловить рыбу за пороги, не рѣшаются возвращаться въ лодкѣ, а устраиваютъ изъ сухого лѣса плотъ.

Измѣнивъ южное направленіе на юго-западное, рѣка вступаетъ въ область развитія девонскаго известняка, доломита и сланца; берега начинаютъ принимать утесистый характеръ, часто утесы достигаютъ почтенной высоты и опускаются прямо въ рѣку.

среднемъ теченіи рѣки, въ области развитія каменноугольныхъ осадковъ, береговыя скалы представляются наиболѣе эффектными. Величественнѣйшія изъ нихъ: Писанный Камень, Говорливый и Ветланъ. Въ этой части теченія рѣка даетъ массу разрѣзовъ, облегчающихъ геологическое знакомство съ мѣстностью. Особенно интересно обнаженіе—Сыпучая гора около деревни того же имени, какъ представляющее примѣры всевозможныхъ складокъ во всевозможныхъ положеніяхъ и переходы складокъ въ сдвиги. Оно сложено изъ мелкослойнаго песчаника пермо-карбона.

Отъ дер. Бахарей Вишера течетъ въ невысокой равнинѣ; берега ея сложены изъ береговыхъ террасъ, довольно однообразны.

Вишера доступна для сплава судовъ средней величины, а за послѣднее время, благодаря расчисткамъ ея русла отъ камней, она доступна и для небольшихъ пароходовъ. Наиболѣе значительныя притоки Вишеры: Колва, Язва, Велсъ, Улсъ и Мойва.

Почти всѣ горы и рѣки въ этомъ искони югорскомъ краю носятъ названія на пермскомъ языкѣ, вогульскихъ же названій русскіе почти совсѣмъ не знаютъ. Это обстоятельство можно объяснить только тѣмъ, что колонизація русскихъ шла со стороны пермянъ, чрезъ нихъ русскіе знакомились съ этимъ краемъ и усвоили ихъ названія.

Вершины горъ приуральской гряды въ большинствѣ случаевъ представляютъ плоскую равнину въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ уже внѣ предѣловъ лѣсной растительности, покрыты травой, мѣстами бѣлымъ лишайникомъ (ягелемъ), да мѣстами стелящейся карликовой березой (*betula nana*). Обыкновенно нѣкоторые склоны горъ представляютъ выходы горныхъ породъ, разрушенныхъ въ груды глыбъ и щебня, что и придаетъ имъ особый эффектный видъ. Другіе же склоны постепенно понижаются, переходя въ лѣсную область, образуя ложбины для стока водъ и снова поднимаются, сливаясь съ другими возвышенностями. Иногда на плоской вершинѣ горы выступаютъ куполообразныя или обрывистыя выходы породъ, часто разрушенныхъ въ осыпь безпорядочно нагроможденныхъ камней. Такіе выступы у вогуль носятъ названіе „чакль“, а самая гора или кряжъ зовется „нёр“. Чакли служатъ обыкновенно путеводителями при поѣздкахъ кочевниковъ по горамъ.

Склоны горъ и долины рѣкъ покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, преобладающими породами котораго являются ель и пихта, отчасти кедръ. Не веселятъ сердца подобныя лѣса... Всюду масса валежника; почти каждое дерево поражено, благодаря каменистой почвѣ, бородатымъ лишайникомъ (*usnea barbata*). Трудно пробираться по такимъ лѣсамъ: на каждомъ шагу приходится перелѣзать черезъ павшія деревья, сучья цѣпляются за одежду, царапаютъ лицо и руки. Почти всюду заболоченная почва еще болѣе затрудняетъ путь. Безотрадную картину представляетъ собою обгорѣвшій лѣсъ, котораго здѣсь чрезвычайно много. вмѣсто сгорѣвшаго хвойнаго лѣса обыкновенно наростаетъ березовая роща, выдѣляющаяся осенью своимъ фономъ среди хвойныхъ лѣсовъ. Изъ другихъ породъ въ небольшомъ количествѣ встрѣчается рябина, молодые побѣги которой служатъ пищею перекочевывающимъ черезъ Уральскіе лосямъ ¹⁾. Кедръ является въ значительномъ количествѣ среди хвойнаго лѣса. Плоды его служатъ предметомъ промысла вишерскихъ обитателей. Количество кедровъ съ каждымъ годомъ уменьшается, такъ какъ сборъ шишекъ производится самымъ варварскимъ способомъ: чтобы обобрать съ дерева шишки, его срубаютъ, оставляя гнить. Сосна попадается въ единичныхъ экземплярахъ, лиственница-же совершенно отсутствуетъ и встрѣчаются та и другая только въ нижнемъ теченіи Вишеры; около дер. Бахарей. Остается еще упомянуть объ осинѣ которая встрѣчается небольшими сколками (рощами) по рѣчнымъ долинамъ. Благодаря усиленному истребленію ея на лодки ²⁾, она становится уже рѣдкостью. До послѣдняго времени матеріаломъ для вишерскихъ ло-

¹⁾ Въ неурожайные годы кора рябины идетъ въ пищу домашнему скоту.

²⁾ Изготовленіе осинowychъ лодокъ состоитъ въ слѣдующемъ: срубаютъ дерево и, обтесавъ его топоромъ, заостривъ носъ и корму, выдабливаютъ продольный пазъ, для чего употребляютъ инструментъ „тесло“—поперечный топоръ съ полукруглымъ лезвіемъ. Затѣмъ устанавливаютъ бревно на нѣкоторой высотѣ надъ землею и разводятъ подъ нимъ огонь, въ выдолбленное же пространство наливается вода; древесина размякаетъ и позволяетъ развести борта выдолбленнаго пространства. Послѣ этой операціи лодка почти готова; борта закрѣпляются дугами, пришитыми поперекъ челнока, вдоль бортовъ пришиваютъ тонкія дощечки (набои, и то не всегда) и т. д. Такая лодка походитъ на индѣйскую пирогу и сравнительно легко преодолеваетъ препятствія, которыя ставитъ рѣка.

докъ служило исключительно это дерево, тогда какъ на Косьвѣ и другихъ рѣкахъ его замѣнили отчасти кедръ.

Хлѣбъ въ вишерскомъ краѣ почти не родится и только въ низовьяхъ Вишеры крестьяне сѣютъ его, сжигая для посѣва сколки лѣса. Перѣдко хлѣбъ вымерзаетъ, и такимъ образомъ пропадаютъ всѣ труды земледѣльца. Сжатый хлѣбъ приходится для просушки развѣшивать на особыхъ суковатыхъ палкахъ—„островяхъ“. Не безинтересенъ также первобытный способъ бороньбы, примѣняемый вишерцами. Нѣсколько полѣньевъ, съ аршинными сучьями съ одной стороны, сколачиваются въ рядъ, въ видѣ плотика, сучьями внизъ, что и представляетъ изъ себя борону—„суковатку“. Сучья такой бороны, благодаря упругости, не зацѣпляются за корни и свободно позволяютъ боронить между не выкорчеванными пнями, причемъ бороньба часто замѣняетъ и вспашку.

Населеніе Вишеры до возникновенія здѣсь заводовъ жило исключительно охотою и рыбною ловлей. Предметы охоты: лось, соболь, куница, выдра, олень рябчикъ, изрѣдка медвѣдь. Главнѣйшія породы рыбъ, ловимыя здѣсь: харіусъ, лень (таймень-salmo fluviatilis) и зимою налимъ. Первыхъ ловятъ сѣтью вогульского изобрѣтенія—„сырпомъ“, изрѣдка неводомъ, а налима зимою въ морду.

Населеніе Вишеры невѣжественно, грамотность отсутствуетъ, и до сихъ поръ у нихъ процвѣтаетъ приготовленіе самодѣльной водки „кумышки“, которая является огромнымъ зломъ для населенія. Охотники вишерцы ведутъ полукочевую жизнь, проводя часть года на охотѣ, вдали отъ своихъ деревень. Каждая деревня имѣетъ свои излюбленные мѣста, свой районъ охоты. Далеко за предѣлами населенности, иногда за сотню и болѣе верстъ отъ деревни, охотники выстраиваютъ себѣ небольшую избушку, обыкновенно на берегу какой нибудь рѣчки, куда и отправляются поздней осенью, обыкновенно еще на лодкахъ. Избушки съ виду походятъ на курныя деревенскія бани. Устраиваются онѣ также безъ трубъ, дымъ же выходитъ въ открытую дверь или окно, затворяемое, за неимѣніемъ рамы, ставенькомъ. Иногда въ такой избушкѣ собирается артель челоуѣкъ въ десять; нечего и говорить, что такая избушка представляетъ полное отсутствіе гигиеническихъ условій. Люди спятъ на земляномъ полу, такъ какъ на нарахъ для всѣхъ не хватаетъ мѣста.

При каждой избушкѣ имѣется прямоугольный срубъ, носящій названіе „чамья“, для складыванія въ него мяса убитыхъ лосей; тутъ-же на высокихъ столбикахъ или пняхъ деревьевъ устраивается небольшой въ видѣ ящика амбарчикъ. Дно его выдается изъ-за ножекъ, а потому мыши не могутъ въ него проникнуть. Въ немъ хранятъ съѣстные припасы и убитую дичь. Изъ своихъ избушекъ охотники дѣлаютъ набѣги на окрестности. Съ осенней охоты они возвращаются домой обыкновенно къ 6 декабря и вторично отправляются на промыселъ около масляницы, исполнивъ предварительно всѣ домашнія работы. Если къ избушкамъ нѣтъ санный дороги, то все имущество складывается на охотничью нарту—узкія, длинныя сани, не тонущія въ сѣѣгу, къ ногамъ привязываются лыжи, и нарты тянутся охотниками къ избушкамъ. Часть охотниковъ ходитъ за Уралъ, куда перебираются на зиму лоси. Понятно, всѣ походы совершаются на лыжахъ ¹⁾.

Единственнымъ путемъ сообщенія въ этомъ краю является рѣка: лѣтомъ передвигаются въ лодкахъ, зимою по ней же прокладывается санный путь на золотые пріиски. Передвиженіе въ лодкахъ вверхъ по теченію сопряжено съ большимъ трудомъ, благодаря быстротѣ теченія рѣки. Лодку передвигаютъ съ помощью шестовъ, которыми упираются въ рѣчное дно. Въ первые годы по покореніи Сибири здѣсь пролегалъ единственный путь въ Сибирь на Лозвинскъ, стоявшій при впаденіи р. Ивделя въ р. Лозву (нѣсколько выше теперешнихъ Першиныхъ юртъ). Путь изъ Москвы шелъ черезъ Ярославль, Тотьму, Устюгъ Великій, Кай-Городокъ, Соликамскъ, Чердынъ, далѣе по Вишерѣ, ея притоку Велсу и

¹⁾ Сплесъ и рядомъ охотникамъ приходится проводить почти подъ открытымъ небомъ даже въ самые лютые морозы. Въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи такъ называемой „ноды“. Устраивается она такъ: вырубаютъ изъ сухоподстойнаго дерева—елки, сосны или сильно перестоявшей пихты—два по возможности толстыя бревна. Одно бревно кладется на землю, около одного изъ концовъ его забиваются два кола (пеша), верхніе концы ихъ стягиваются веревкой. Въ этихъ пешахъ зажимается второе бревно на нѣкоторомъ разстояніи подъ первымъ, при чемъ свободные концы бревенъ прокладываются деревяшкой. Въ пространствѣ между бревнами разводится огонь; горятъ толщю плоскости, обращенныя другъ къ другу. Жаръ равномерно вылетаетъ по всей длинѣ бревенъ и согреваетъ спящихъ. Чтобы увеличить жаръ, достаточно ударомъ топора поизвить верхнее бревно. Ноды хватаютъ съ избыткомъ на длинную зимнюю ночь.

наконецъ долиною р. Почмога, притока р. Велса. Здѣсь, перебравшись черезъ хребетъ, спускались въ р. Тальтію, достигали Ивделя и т. д. Въ верховьяхъ рѣки Почмога Уралъ сильно понижается, что облегчаетъ перевалъ черезъ него. Подобные проходы, гдѣ обыкновенно сходятся верховья рѣчекъ западнаго и восточнаго склоновъ Урала, зовутся на языкѣ вишерцевъ „уворотами“. Ими пользуются охотники для своихъ переходовъ черезъ Уралъ.

Однимъ изъ подобныхъ переходовъ въ верховье р. Кутима „Волчьей тропой“ шелъ посланецъ Ермака атаманъ Иванъ Кольцо.

Въ 1595 году соликамецъ Артемій Бабиновъ указалъ Правительству новую—болѣе прямую дорогу въ Сибирь изъ Соликамска на Туру; съ этого времени путь по Вишерѣ былъ заброшенъ.

*
* *

Снѣгъ даже въ концѣ іюня не сходитъ съ высокихъ вершинъ горъ, а въ нѣкоторыхъ ложбинахъ не стаиваетъ цѣлое лѣто, превращаясь въ фирновый ледъ. Поэтому горы являются надежнымъ запасомъ питанія рѣчныхъ системъ круглое лѣто. Часто вершина горы представляется сплошнымъ болотомъ, поддерживаемымъ постоянно тающимъ снѣгомъ, откуда бѣгутъ ручейки, составляя начало рѣчекъ.

Уже въ концѣ августа или самомъ началѣ сентября, когда еще Вишера спокойно мчитъ свои воды и ничто не предвѣщаетъ скорого наступленія зимы, въ закутанныхъ облаками горахъ зима вступаетъ въ свои права. Тамъ уже выпалъ снѣгъ, по склонамъ на деревьяхъ повисли большіе хлопья, снѣжные вьюги слѣпятъ глаза и заматаютъ слѣды. Въ это время горы представляются наиболѣе эффектными, особенно при лунномъ освѣщеніи, когда разсѣется туманъ; горы сверкаютъ фосфорическимъ чарующимъ блескомъ.

Въ ясный лѣтній день съ вершины горъ открывается величественный видъ: горы видны на огромное разстояніе, при чемъ дальнія показываются какъ бы окутанными въ полупрозрачную синюю дымку. Въ самый жаркій день на горахъ чувствуется прохлада.

Дикимъ и совершенно необитаемымъ покажется вашему взору все необъятное пространство горъ. Изъ живыхъ существъ налетитъ развѣ на горное болото бекасъ или куропатка, пѣющая птенцовъ на склонахъ горъ, или поднимется высоко надъ лѣсною доли-

ною ястребъ и начнетъ парить, высматривая глупаго рябчика, иногда пробѣжить заяцъ, да неотвязчивые комары цѣлыми роями облѣпять васъ...

А между тѣмъ горы не такъ пустыньны, и на горахъ бьется жизнь.. Вонъ разбрелось стадо оленей кочевника, щипля сочныя травы и мохъ, сползая на крутыя осыпи. Вонъ тамъ въ вершинѣ рѣчки, почти на границѣ лѣсной растительности, гдѣ растутъ только низкорослыя конусообразныя вѣтвистыя ели, у пелены снѣга пріютился берестяной шалашъ вогула, изъ вершины котораго вьется струйка голубоватаго дыма.... Вотъ крадется къ стаду съ ружьемъ вогулъ, прячась за вожака, чтобы изъ за него поразить пулею прибившагося дикаго оленя... А тамъ, рядомъ съ пьянымъ самоѣдомъ сидитъ купецъ, обнимая его и усердно угощая водкой, чтобы на завтра съ выгодною купить его товаръ...

II.

Когда-то этотъ край былъ собственностью вогульского племени. Здѣсь кочевало значительное вогульское населеніе, упоминаемое въ письменныхъ источникахъ еще въ XVI столѣтіи.

Усиленная русская колонизація въ XVIII в. все болѣе и болѣе тѣснитъ вогуловъ. Въ 1678 г. Чердынскіе вогулы вмѣстѣ съ верхпечерскими подаютъ челобитную Царямъ, прося защиты отъ русскихъ¹⁾. Вогулы жалуются здѣсь на уменьшеніе рыбы и пушнаго звѣря, на тяжесть соболинаго ясака, который былъ наложенъ „въ давнія времена“ въ количествѣ 167 соболей, что составляло около 5 соболей съ лука, и съ тѣхъ поръ не былъ измѣненъ, хотя многія семьи обнищали и разбрелись за Уралъ, такъ что платить за нихъ приходится оставшимся. Далѣе идутъ жалобы на то, что русскіе охотники охотятся въ заповѣдныхъ угодьяхъ вогуловъ, ходятъ за Березовый Камень, Кваркушъ, Помяненный и ловятъ рыбу въ вогульскихъ водахъ большими неводами, вылавливая всю мелочь, тогда какъ ранѣе они ловили сырпами и не заходили выше Писаннаго Камня.

Въ это время граница „Чердынскихъ людей“ (т. е. русскихъ) по писцовымъ книгамъ доходила до дер. Морчанъ, слѣдовательно вся остальная часть Вишеры была во владѣніи вогуловъ.

¹⁾ Челобитная помѣщена у Берха „Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ“ 1821 г., а также копію мнѣ пришлось видѣть у жителей д. Усть-Улст.

Границы вогульскихъ владѣній за это время приблизительно опредѣляются такъ ¹⁾: „Съ востоку по вершинамъ рѣки Лозвы, Койвы и Кортвы, съ полудня внизъ по Лозвѣ отъ деревни Якшины до Половиннаго и деревни Квасовой Верхотурскаго вѣдомства на Ундыль по Усть-Тошимкѣ и Черной горѣ Шемелуру отъ Сеть Чурки къ Шагалтану. Отъ Шагалтану по Сосвинской гривѣ вверхъ Колышки до Усть-Оленьи рѣчки, по верхнему озеру на Турью и Какву; съ западу по Язвинскимъ вершинамъ по Кваркушу и Помяенному Камню, съ сѣверу съ Усть-Баньи рѣчки за Березовскимъ Камнемъ, по Усть-Волосницѣ до вершинъ р. Печеры“.

Исторія даетъ намъ указанія, что вогулы жили на западномъ склонѣ Урала далеко южнѣе и западнѣе нынѣшняго обитанія ихъ въ Чердынскомъ уѣздѣ—по рѣкамъ Косьвѣ и Чусовой. Эти указанія даютъ намъ ясачныя книги. Самая древнѣйшая изъ нихъ (1626 г.) перечисляетъ вогуль Лозвинскихъ, Лялинскихъ, Косвинскихъ, Сосвинскихъ, Турьинскихъ—по Салдѣ и Тагилу, Невьянскихъ и Чусовскихъ.

Иностранцы дѣлились тогда на сотни, состоявшія изъ отдѣльныхъ юртъ подъ управленіемъ сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ. Сотни соотвѣтствовали волостямъ и носили названія по именамъ сотниковъ ²⁾.

Памятникомъ былого обитанія вогуль на Чусовой служатъ двѣ вогульскія деревни: Копчякъ и Бабенки. Населеніе ихъ совершенно обрусѣло, и въ памяти его не сохранилось никакихъ воспоминаній о прежнемъ житѣ. Этихъ вогуль, еще язычниками, видѣлъ Избрандсонъ, проѣзжая этими мѣстами въ Китай въ 1692 году, а Георги въ 1773 г. уже христіанами, но продолжающими идолопоклонствовать.

По свидѣтельству исторіи около нынѣшней Перми по Нижней Мулланкѣ находилось идольское капище и исполинская ель—предметъ общаго поклоненія и остяковъ и вогуловъ. Въ житіи Трифона Вятскаго о томъ мѣстѣ говорится: „Бѣ бо ту ихъ агарянь и многихъ языкъ идольское жертвище, и отъ всѣхъ странъ и рѣкъ съ Печоры, Сылвы, и съ Обвы, и съ Тулвы князи ихъ:

¹⁾ „Къ исторіи ясачныхъ вогуличей“. Сборникъ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніе. Вып. IV. 1892 г.

²⁾ Дмитриевъ. Пермская старина, в. VII.

Остяцкій Амбалъ, вогульскій Бебикъ и иніи мнози языцы со всѣми своими улусы, остяки и вогуличи со всѣхъ ловель своихъ ту во едино мѣсто съѣзжахуся“. Около этого мѣста расположено Глядѣновское городище, раскопки котораго дали очень цѣнный матеріалъ.

Повидимому, вогульское населеніе было разсѣяно спорадически по всей территоріи нынѣшней Пермской губерніи: названія многихъ притоковъ рѣкъ, именуемыхъ Вогулками, указываютъ на присутствіе здѣсь когда-то вогульского племени. Рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, притокъ Косьвы, Печеры и другихъ. Кромѣ того имѣемъ названія: селеніе Вогулята, Вогульскій островъ на Косьвѣ и т. д., и т. д. Иностранческія названія нѣкоторыхъ небольшихъ рѣчекъ и урочищъ напоминаютъ вогульскій языкъ: Няръ (обувь), Русь (совокъ) Абля (абль—яйцо, я—вода).

Притокъ Косьвы Няръ, въ который впадаетъ рѣчка Вогулка, верховьями близко подходитъ къ извѣстной Чанвенской пещерѣ, гдѣ, по преданію, было вогульское капище. Весьма можетъ быть, что Няръ служилъ путемъ съ р. Косьвы къ этой пещерѣ, почему и получилъ соответствующее названіе (идя на лыжахъ, вогулы непременно надѣваютъ няра). По всей вѣроятности, по верховьямъ рѣкъ, по ихъ притокамъ и были разбросаны вогульскія колоніи, „гдѣ кому добыча“, такъ какъ такія мѣста представляютъ пункты болѣе богатой охоты и легкой рыбной ловли.

Слѣды вогульского обиганія встрѣчаются въ названіяхъ урочищъ по рѣкѣ Тыпылу, одному изъ значительныхъ притоковъ Косьвы.¹⁾ Такъ, одинъ изъ береговыхъ покосовъ носитъ названіе „Военный лугъ“, и преданіе указываетъ, что тутъ жили вогулы. Вблизи его находится рѣчка Караульная, которая могла служить сторожевымъ пунктомъ. Рѣчка Коневая, протекающая поблизости, по словамъ одного крестьянина, названа такъ потому, что въ ней находили „коньковъ“. Изображенія коней, отлитыхъ изъ металла и до настоящаго времени фигурируютъ при религіозныхъ обрядахъ вогуловъ, хотя другой крестьянинъ объяснилъ мнѣ происхожденіе названія этой рѣчки тѣмъ, что въ ямы, служащія для ловли лосей, попадали и лошади. Первое объясненіе болѣе правдоподобно.

¹⁾ Косьва течетъ параллельно Вишерѣ, южнѣе ея—въ Соликамскомъ уѣздѣ

тѣмъ болѣе, что крестьянинъ указывалъ даже на лицо, хранящее отлитыя изображенія.

Около „Военнаго луга“ встрѣчаются огромныя ямы, конусообразной формы, діаметромъ до 5 сажень. Жители села Растеса (на Косьвѣ) предполагаютъ, что ямы служили жилищемъ вогуламъ, хотя въ этой мѣстности производились развѣдки на золото, и эти ямы, можетъ быть, ничто иное, какъ осыпавшіеся шурфы.

Верховья р. Косьвы и ея притоковъ до послѣдняго времени являлись пунктами наибogatѣйшей ловли лосей. Практикуемый способъ ловли посредствомъ ямъ несомнѣнно перешелъ къ русскимъ отъ вогулъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: вдоль всей рѣки идетъ сплошной огородъ, въ которомъ по мѣстамъ сдѣланы проходы съ выкопанными ямами, тщательно закрываемыми хворостомъ; въ эти - то ямы и попадаетъ лось, желая подойти къ рѣкѣ. По Тыпылу ямы дѣлались не глубокія, но за то въ нихъ придѣлывались ножи, которые и пороли животное. Чтобы представить себѣ, какая масса лосей водилась въ этихъ краяхъ, достаточно сказать, что не такъ давно на долю нѣкоторыхъ лицъ приходилось болѣе десятка лосей въ годъ! Въ послѣднее время удалось окончательно искоренить подобный способъ истребленія лосей.

III.

Послѣдствіемъ русской колонизаціи явилось постепенное переселеніе Вишерскихъ вогулъ на восточный склонъ Урала—на р. Лозьву и ея притоки. Во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія перекочевало туда и остальное вогульское населеніе; осталось только нѣсколько семействъ, теперь совершенно обрусѣвшихъ, населяющихъ деревню Усть-Улесь и носящихъ фамилію Соловаровыхъ. 1) Усть-Улчане давно позабыли родной языкъ и совершенно обрусѣли. Съ возникновеніемъ желѣзной промышленности на Вишерѣ условія ихъ быта поставлены въ завидное положеніе, но они по-прежнему живутъ бѣдно и неопратно, пропивая каждый свободный грошъ. Память о быломъ кочевьѣ еще жива среди усть-улчанъ. Многіе плѣса, рѣчки и острова носятъ названія по именамъ уже крестившихся вогулъ: р. „Прониха“, „Паниха“, „У Кузь“,

1) Усть-Улесь—послѣдняя деревня на Вишерѣ. Далѣе ея только за послѣднее время, благодаря возникающимъ заводамъ, являются поселенія.

„Тимино Становье“ и т. д. Одинъ изъ Соловаровыхъ указаль мяѣ, гдѣ схоронена его бабка, которая умерла голодною смертію, питаясь въ послѣднее время моржевѣмъ гужемъ, мужа же ея въ это время захватила мять, и онъ не могъ выбраться изъ поселка.

Переселившіеся въ Верхотурскій уѣздъ вогулы въ настоящее время приписаны къ Березовскому Остяцкому Управленію и къ новому году отвозятъ въ г. Березовъ свой ясакъ (поотъ).

Изъ откочевавшихъ за Уралъ вогулъ только одни оленеводы Бахтіаровы не покидаютъ Чердынскаго Пріуралья, кочуя на Чувальскомъ и Молебномъ Камняхъ или на Кваркушѣ, которые представляютъ тучныя пастбища для оленей. На Кваркушѣ и на Чувальскій Камень ими сдѣланы дороги, и они всѣми силами отстаиваютъ эти мѣста отъ вторженія другихъ кочевниковъ, считая ихъ своею собственностью. Во главѣ семейства Бахтіаровыхъ стоитъ Степанъ Кирилловичъ—сынъ того Кирилла, на котораго докторъ Маліевъ указываетъ, какъ на единственнаго въ его пріѣздъ богача оленевода среди лозвинскихъ вогулъ¹⁾. Со Степаномъ кочуютъ семьи его троихъ сыновей: Якова, Еремѣя и Василия. (Еремѣя русскіе зовутъ Ерма и Германъ, потому что такъ произносить его имя отецъ). У Бахтіаровыхъ имѣется постоянное жилище за Ураломъ на р. Тошемкѣ, притокѣ Виная, поэтому-то Степанъ извѣстенъ также подъ именемъ Тошемскаго²⁾. Кромѣ этихъ семействъ, на Чердынскомъ Пріуральѣ кочуетъ племянникъ Степана, Василій Игнатьевъ Бахтіаровъ, женатый на дочери самоѣда. Кочуетъ онъ или въ верховьяхъ р. Чурола (притока р. Велса) или на Мортайскомъ Камнѣ, но больше живетъ на восточномъ склонѣ Урала—по р. Тальтѣ. Кромѣ вогулъ, въ этомъ краѣ кочуютъ еще нѣсколько самоѣдскихъ семействъ: Степанъ Яковл. Хатанзіевъ—тестъ Василия Бахтіарова (кочуетъ или съ зятемъ или же отдѣльно); Арсеній Яковл.—его братъ (по р. Лямпѣ); Арсеній Арсен. Хатанзіевъ, а также одинъ богачъ зырянинъ съ слугами самоѣдами: Никитой и Матвѣемъ Варцаповыми (на Молебномъ и

¹⁾ Маліевъ. Отчетъ о вогульской экспедиціи, стр. 13 (Труды Общ. Естествоиспыт. при Казан. унив., т. III, № 2. Казань. 1873. 4^о).

²⁾ У Федорова на геологической картѣ юрты Бахтіаровыхъ вездѣ названы юртами Тошемскими.

друг. горахъ). Самоѣдовъ русскіе называютъ еранами¹⁾, яранами, а иногда зырянами, такъ какъ тѣ выдаютъ себя за послѣднихъ и въ совершенствѣ владѣютъ зырянскимъ языкомъ²⁾. Слово *еранъ* русскими заимствовано съ вогульского или зырянскаго, такъ какъ на томъ и другомъ языкѣ слово *іоранъ* означаетъ самоѣдъ. Вогулы называютъ русскихъ—русы, самоѣдовъ—іоранъ, зырянъ—саранъ, сырянъ, а вогуловъ и остяковъ именуютъ по рѣкамъ, на которыхъ тѣ обитаютъ. Очевидно, что русскіе имя „зыряне“ удержали за частью пермянъ, усвоивъ его отъ вогуль³⁾.

Судя по названіямъ нѣкоторыхъ деревень и урочищъ, можно думать, что самоѣды и ранѣ кочевали въ здѣшнемъ краю и даже заходили далеко южнѣе и западнѣе. Такъ, одна изъ рѣчекъ текущая съ Кваркуша, носитъ названіе „Яранная“, того же имени нѣсколько плѣсъ по Вишерѣ и Улсу. Далеко западнѣе есть деревня Ераны между верховьемъ р. Мель—притока р. Язвы и верховьями р. Сима—притока Глухой Вильвы, а также д. „Яранная“ ниже Пентега на Камѣ. Къ югу, по лѣвую сторону р. Усьвы, на сѣверѣ отъ Басеговъ, одна изъ горъ носитъ названіе „Яранина деревня“; на одномъ изъ притоковъ Обви находится деревня Яранята, а также въ Оханскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шерѣ—Ераны. Названіе города Яранскъ Вятской губерніи и Яренскъ Вологодской, повидимому, происходятъ отъ того же корня *іор*.

Самоѣды по типу сразу отличаются отъ вогуль и зырянъ своими мясистыми щеками и носомъ. Кроме того, еще по нѣкоторымъ на-

1) Федоровъ говоритъ, что въ Верхотурскомъ уѣздѣ русскіе вообще всѣхъ инородцевъ называютъ „еранами“, но вогулы считаютъ эту кличку для себя обидною.

2) Никита и Матвѣй Варцаповы свободно говорятъ по-русски, по-вогульски, объясняются на зырянскомъ и нѣсколькихъ нарѣчіяхъ самоѣдскаго.

3) Шегренъ и многіе другіе стараются произвестъ слово зыряне отъ зырянскаго же корня, а Латкинъ черезчуръ искусственно строить это слово изъ русскаго — „серенить“. Но, во-первыхъ, и сами себя зыряне называютъ „коми“, а второе—вогулы ранѣ русскихъ были знакомы съ зырянами и дали имъ имя: имъ негачѣмъ было мнѣять его и заимствовать у русскихъ. Скоро русскіе, познакомясь съ югорскими народами, усвоили названіе саран или сырян, которое перешло въ „зыряне“ и осталось за частью пермянъ—сосѣдей югры. Такой выводъ подтверждается еще тѣмъ, что *іоран* и *саран* имѣютъ одинаковые суффиксы, что доказываетъ принадлежность ихъ къ одному языку.

ружнымъ признакамъ можно отличить самоѣда отъ вогула. Вогуль по обычаю не стрижетъ волосъ—„пунгат“ и часто заплетаетъ ихъ въ косы—„ссаих“, тогда какъ самоѣдъ коротко подстригаетъ свои волосы.

Вогулы думаютъ, что самоѣды незаконно вторглись въ Чердынскій уѣздъ; чтобы не сдавать ясакъ въ Обдорскъ, они предпочитаютъ бродяжить и оставаться въ неизвѣстности далеко отъ своей родины. Но кажется, ихъ привлекаетъ сюда другое обстоятельство, а именно, обиліе пастбищъ, отсутствіе волковъ и, наконецъ, здѣсь еще не было до сихъ поръ падежа оленей.

IV.

Вогулы, или вогуличи—народъ финскаго племени, живутъ на Уралѣ съ незапамятныхъ временъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей древніе угры, съ которыхъ русскіе брали дань, были вогулы.

Сами себя вогулы называютъ „Манси“¹⁾ и „Манчи“, окликъ—же вогула „ойка“ (мужчина). Ляпинскіе остяки называютъ себя

1) Регули считаетъ названіе вогуль искаженіемъ слова югоръ, а названіе манси производитъ отъ двухъ рѣчекъ, вытекающихъ съ противоположныхъ склоновъ Урала, весьма близко одна отъ другой. Одна изъ нихъ Ольсъ-ман-я течетъ въ Илычъ (Олье по-вогульски), притокъ Печоры, а другая Тайтъ-ман-я—одна изъ вершинъ сѣверной Сосьвы, которая называется по-вогульски Тайтъ. Онъ говоритъ: окончаніе „я“ обозначаетъ въ вогульскомъ языкѣ притокъ какой-либо рѣки, поэтому названіе Ольсъ-ман-я будетъ значить по русски: Манъ, текущій въ Илычъ, а Тайтъ-ман-я—Манъ, текущій въ Сосьву. Зыряне обѣ рѣчки называютъ югра, а русскіе Вогулками. По вогульскому преданію, во времена великаго потопа люди сохранились именно на горахъ, раздѣляющихъ между собою эти рѣчки (примѣч. Чупина къ переводу о мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогуль по Альквисту, стр. 4).

Замѣчу: Регули не объясняетъ, что означаетъ слово Ман, подразумѣвая подъ нимъ какое-то собственное имя, между тѣмъ Ман означаетъ прилагательное малый, маленькій. И переводъ этихъ двухъ рѣчекъ: „маленькая рѣчка, впадающая въ Ольсъ“ и „маленькая рѣчка, впадающая въ Сосьву“. Странно производить отсюда названіе народа. И кромѣ того, что же означаетъ окончаніе си или чи въ словѣ Ман-си? Если бы вогулы производили свое имя отъ рѣчки Манъ, то по ихъ словопроизводству они звались бы Маньхомъ, а не Манси. Считать слово вогуль происшедшимъ изъ слова югоръ мы не можемъ уже потому, что въ грамматахъ наряду упоминаются югра и вогулы. Югра скорѣе всего вогулы или остяки, жившіе по рѣчкѣ того же имени. Рѣчка эта впадаетъ въ Сосьву, и вогулы называютъ ее Югра.

тѣмъ же именемъ, какъ и вогулы, и ничѣмъ не отличаются отъ нихъ—ни нравами, ни языкомъ. Можно считать доказаннымъ, что Ляпинскіе остяки и вогулы—одно племя. Сами вогулы считаютъ Ляпинцевъ однимъ съ собою народомъ.

Вогулы въ настоящее время, какъ я уже упомянулъ выше, дѣлятъ себя по названіямъ рѣкъ:

Поломхомъ (по р. Пелыму).

Асхомъ ¹⁾ (Ас или Оас—р. Обь).

Кондахомъ (по р. Кондѣ).

Сакхомъ (р. Сигва или Ляпина по-вогульски Сак-я или Саку-я)

Таапсхомъ (по р. Тапсѣ).

Тайтхомъ (р. Сосьва—Тайтъ) ²⁾, и наконецъ—

Лоусомхомъ—Лозвинцы, бывшіе Вишерскіе обитатели. Лоусемъ-я—р. Лозьва ³⁾.

Замѣтимъ, что по словамъ вогулъ, Поломхомъ, Кондахомъ, Сакхомъ (Ляпинцы), Тайтхомъ и Лоусемгомъ, куда принадлежатъ и Бахтіаровы, представляютъ чистокровныхъ вогулъ—Манчи. При этомъ живущіе далеко другъ отъ друга вогулы разнятся нарѣчіями и плохо понимаютъ другъ друга.

¹⁾ Названіе Остякъ вѣроятно всегo происходитъ отъ названія Оби—Ас (Оас) и русскаго суффикса *лк*. Русскіе давали имена по рѣкамъ. Ас-якъ перешло впоследствии въ Остякъ.

²⁾ По всей вѣроятности, названіе старинной волости Тахтанской, находившейся при слияніи Лозвы и Южной Сосьвы, произошло отъ вогульскаго названія послѣдней Тайтъ—откуда Тахчей и Тахтанская волость.

³⁾ Профессоръ Смирновъ („Пермяки“), встрѣтивъ въ „Книгѣ Большому чертежу“ въ числѣ западныхъ притоковъ Оби названіе Лосьма, совершенно справедливо думаетъ, что такъ называется Лозьма, и полагаетъ, что Лосьма есть искаженное слово Лозьва, и этимъ доказываетъ, что въ устахъ русскихъ людей, а можетъ быть и вогулъ, суффиксъ „ва“ переходитъ въ „ма“. Въ данномъ случаѣ слово Лосьма скорѣе есть искаженное, имя рѣки Лоусемья. Переходъ подобный же суффикса „я“ въ „а“ мы ясно видимъ въ названіи „Печера“ отъ вогульскаго Печер-я. Авторъ однако ошибочно считаетъ названіе Лозвы по вогульски Тавтъ (стр. 105), Это названіе Тайтъ (а не Тавтъ) принадлежитъ Сосьвѣ, а не Лозьвѣ. Далѣе, авторъ смѣшалъ суффиксы, употребляемые инородцами для обозначенія рѣкъ. Такъ (на стр. 79) онъ говоритъ, что для обозначенія текучей воды манзы, остяки и вогулы (какъ будто три народности?) употребляютъ суффиксы *іоган* и *іоха*. Вогулы кромѣ слова „я“ не употребляютъ другихъ суффиксовъ для названія рѣкъ. Слово „іоган“ принадлежитъ Обскимъ остякамъ, „яга“—самоѣдамъ.

Лозьвинскіе вогулы, какъ болѣе изолированные, остались болѣе дикими, нежели ихъ сѣверные родичи, которые ведутъ торговля сношенія съ русскими и зырянами. Лозьвинцы между собою говорятъ исключительно на родномъ языкѣ; только нѣкоторые мужчины могутъ кое-какъ изъясняться по русски, женщины же совершенно не понимаютъ русскаго языка. Плохое пониманіе русскаго языка много ихъ избавляетъ отъ чуждаго вліянія и способствуетъ сохраненію родныхъ преданій и вѣры отцовъ. Но скоро настанетъ время, когда и эти вогулы обрусѣютъ и потеряютъ свои племенные отличія. Желѣзная промышленность надвигается къ сѣверу по обѣимъ сторонамъ Урала, и Лозьвинскій край, бывшій до сихъ поръ совершенно изолированнымъ, не избѣгнетъ русскаго вліянія. Уже и теперь замѣтно вліяніе Кутимскаго завода на кочевниковъ. Бахтіаровы, кочуя по близости его, получили возможность легко и выгодно сбывать туда продукты оленеводства и, имѣя такимъ образомъ свободныя деньги, охотно покупаютъ хлѣбъ, крендели, чай, сахаръ, обзавелись посудой, пріобрѣтаютъ также и русскую лѣтнюю одежду, которою замѣняютъ свой племенной костюмъ. Въ послѣднюю мою побывку у нихъ мнѣ сварили оленьяго мяса въ эмалированномъ котлѣ, приправивъ его перловой крупой.

Съ другой стороны, происходитъ смѣсь между инородцами, благодаря чему также теряются племенные особенности народа. Такъ, Василій Игнат. Бахтіаровъ, племянникъ Степана, женатъ на дочери самоѣда, который въ свою очередь женатъ на зырянкѣ. Жена Степана Бахт.—Матрена—самоѣдскаго происхожденія. Всего охотнѣе, какъ мнѣ передавали, вогулы и самоѣды женятся на зырянкахъ, которыя, какъ болѣе обрусѣвшія, вносятъ обрусѣніе въ семью. Весьма можетъ быть, что примѣсь чуждаго элемента въ вогулахъ повела къ тѣмъ противорѣчивымъ выводамъ, какіе мы встрѣчаемъ у писателей. Аלקвистъ ¹⁾, имѣвшій дѣло съ сѣверными вогулами, говоритъ: „Вогулы болѣею частью бываютъ средняго роста: малорослыхъ можно встрѣтить между ними весьма рѣдко, но высокихъ часто...“ У Маліева же ²⁾ читаемъ: „вогулы, какъ вообще полярные народы, средняго и низкаго роста, высокихъ между ними не видно...“, и онъ даетъ среднее изъ измѣреній роста 2 аршина 3 вершка.

¹⁾ О мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогулъ.

²⁾ Отчетъ о вогульской экспедиціи.

Постараюсь дать наружную характеристику моихъ знакомыхъ Бахтіаровыхъ. Всѣ члены семьи низкаго роста, фигура ихъ такая, про которую принято выражаться тщедушная, развитой выдѣляется грудь. Походка неуклюжая, держатся сутуловато—втягиваютъ голову въ плечи. Низкій, покатый лобъ, сросшіяся дугобразныя брови, слегка выдающіяся скулы, нѣсколько косо прорѣзанные глаза, прямыя губы, длинные, почти у всѣхъ черные волосы, слегка приплюснутый носъ. Бороды и усовъ нѣтъ ни у одного мужчины, что, по всей вѣроятности, составляетъ племенное отличие (на вопросъ о выщипываніи — они отвѣчаютъ отрицаніемъ). Всѣ брюнеты. Характернымъ является овалъ лица.

Судя по тому, что внуку Степана лѣтъ 13—15, можно думать что ему уже порядочно лѣтъ, но тѣмъ не менѣе на видъ онъ бодрый и кажется молодежавымъ. Жена его, Матрена Прокопьевна, какъ она любитъ себя называть, отвратительнѣйшее существо, съ самоѣдскимъ типомъ лица—вѣчно пьяная, вѣчно ссорящаяся.

Два брата, Василій и Еремѣй, отличаются другъ отъ друга по характеру: Василій болѣе добродушный и наивный, Еремѣй же нѣсколько замкнутый, гордится тѣмъ, что онъ честный человѣкъ, что ни разу не судился. Въ минуту раздраженія онъ готовъ побить обидчика; его боятся другіе кочевники.

Якова, старшаго сына Степана, мнѣ привелось видѣть раза два или три, такъ какъ онъ большую часть времени живетъ за Ураломъ. Онъ похожъ на мать и имѣетъ также типъ лица, напоминающій самоѣдскій. Онъ выглядитъ болѣе дикимъ и, кажется, совершенно не понимаетъ по-русски.

Какъ всѣ инородцы сѣвера, вогулы питаютъ страсть къ водкѣ и сильно злоупотребляютъ ею. Пьютъ мужчины, пьютъ женщины, пьютъ дѣтей. Пьютъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожатъ всего запаса; пьютъ не закусывая и, опьянѣвъ, дѣлаются свирливыми, навязчивыми и даже буйными. Особенно въ этомъ отношеніи отличается Матрена. Налившись, она безсвязно выкрикиваетъ слова, пѣна бьетъ у нея изо рта, а по временамъ она начинаетъ положительно бѣсноваться. Одинъ Еремѣй воздерживается отъ водки и если пьетъ, то въ самомъ умѣренномъ количествѣ и потому онъ имѣетъ рѣшающій голосъ въ семьѣ. Однажды я похвалилъ Еремѣя: хорошо, что ты не пьешь (въ это время Матрена вынимала пробку отъ второй бутылки). „Нѣтъ плохо“, иронически

отвѣтилъ Еремѣй, „у вогуль кто пьетъ, тотъ и хорошъ... такой поганый народъ, и дѣтей поятъ, а не пьешь — худой человѣкъ. Надо, чтобы въблизи вогульской земли водки не продавали, надо царю писать“.

Бахтіаровы отличаются честностью и хорошими семейными отношеніями. Сыновья безпрекословно повинуются и слушаются своего отца. Мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ сынъ со слезами на глазахъ цѣловалъ отца, радуясь его благополучному возвращенію изъ-за Урала: въ прошломъ году отецъ чуть чуть не погибъ; у него разболѣлись глаза, а на горахъ бушевала буря и грозила ему гибелью... Глядя на эту картину, прослезились и остальные присутствующіе вогулы.

Вышеупоминаемый племянникъ Степана—Василій Игнат. Бахтіаровъ извѣстенъ какъ порядочный плутъ: о немъ даже семья Степана отзывается, какъ объ очень плохомъ человѣкѣ. Съ нимъ мнѣ встрѣчаться не приходилось ни разу.

Съ самаго рожденія вогуль привыкаетъ къ суровому климату сѣвера. Мнѣ случалось видѣть, какъ мать на холоду обмывала сосновымъ вѣхтемъ (мочалой) своего ребенка. Вынесенный на солнце ребенокъ засыпалъ съ непокрытою головою, въ которую ударяли лучи солнца. Съ малыхъ лѣтъ вогульскій ребенокъ привыкаетъ владѣть пожемъ и топоромъ. Всѣ его игры составляютъ подражаніе обыденнымъ занятіямъ старшихъ.

Суровая сѣверная природа не является для вогула мачехой; напротивъ, въ бурю, когда незнакомый съ горами человѣкъ погибъ бы, для вогула самый удобный моментъ для охоты на олени. Знаніе природы дѣлаетъ его въ высшей степени смѣлымъ. „Только въ сопровожденіи вогула чувствуешь себя обезпеченнымъ въ горахъ“, какъ выражается про нихъ проф. Федоровъ, имѣвшій ихъ своими проводниками.

Упрямство, свойственное вообще всѣмъ финскимъ народамъ, составляетъ также черту характера вогула. Рѣдко измѣняетъ онъ свое рѣшеніе. Отличительной чертой вогульского характера, рѣзко отдѣляющей его отъ пермяковъ, можетъ служить, какъ мнѣ кажется, незлопамятность его. Вогуль скорѣе вспылитъ и полѣзетъ въ драку, но тѣмъ дѣло и кончается; спустя немного времени, онъ примиряется съ обидчикомъ и забываетъ обиду.

Въ общемъ вогулы веселый народъ: любятъ болтать между собою, не прочь пошутить, соетрить. Къ постороннимъ на первыхъ порахъ они относятся недовѣрчиво. Къ гостямъ обращаются всегда вѣжливо со словомъ „рѹма“ (другъ), особенно если посторонній уважаемое лицо.

Къ отрицательнымъ качествамъ вогула нужно отнести ихъ ужасную нечистоплотность и небрезгливость, что производитъ отталкивающее впечатлѣніе, особенно на первыхъ порахъ знакомства. Нечистоплотность ихъ отчасти обусловливается образомъ жизни и обстановкой: тѣснота помѣщенія, неимѣніе перемѣнъ одежды, отсутствіе бань—все это способствуетъ крайней нечистоплотности. Она настолько велика, что вогулы считаютъ совершенно не нужнымъ мыть котель, въ которомъ варятъ себѣ пищу, вымыть руки или лицо, выпачканное въ крови, зубами разминаютъ закорузлую сбрую или обувь и т. п.

IV.

Домашняя утварь вогуль немногочисленна: ружье, большею частью кремневое, топоръ, ножъ, съ которымъ вогуль никогда не расстаётся—вотъ необходимые предметы ихъ быта. Кромѣ того котель, а иногда и посуда, покупаемые у русскихъ, дополняютъ его хозяйство. Собственныхъ издѣлій этого народа мало и при томъ, какъ мнѣ кажется, издѣлія ихъ уступаютъ по своему достоинству издѣліямъ сосѣдей: такъ, напимѣръ, нарта, шесть для управления оленями, подѣлки изъ кости—все это не такъ отдѣлано, не такъ изящно, какъ у самоѣдовъ, и вогулы часто покупаютъ эти вещи у сосѣдей. По свидѣтельству путешественниковъ, вогульскія женщины и остячки менѣе искусны въ шитьѣ одежды, нежели самоѣдки и зырянки. Собственныя издѣлія вогуль, на которыя можно обратить вниманіе, это—колыбель (аана) изъ березовой коры, коробки, украшенныя рисунками (изъ того же матеріала), носшія названія у вогуль „саанъ“, сосновыя полотенца и расшитыя мѣшки изъ оленьихъ шкуръ.

Колыбель (аана) вогульская, по своему остроумному устройству и удовлетворенію гигиеническимъ условіямъ, можетъ служить примѣромъ и для болѣе культурнаго народа. Устраивается она въ видѣ овальной коробки съ высокою слегка отклоненною спинкою. Въ эту коробку вставляется еще вторая коробка съ болѣе низ-

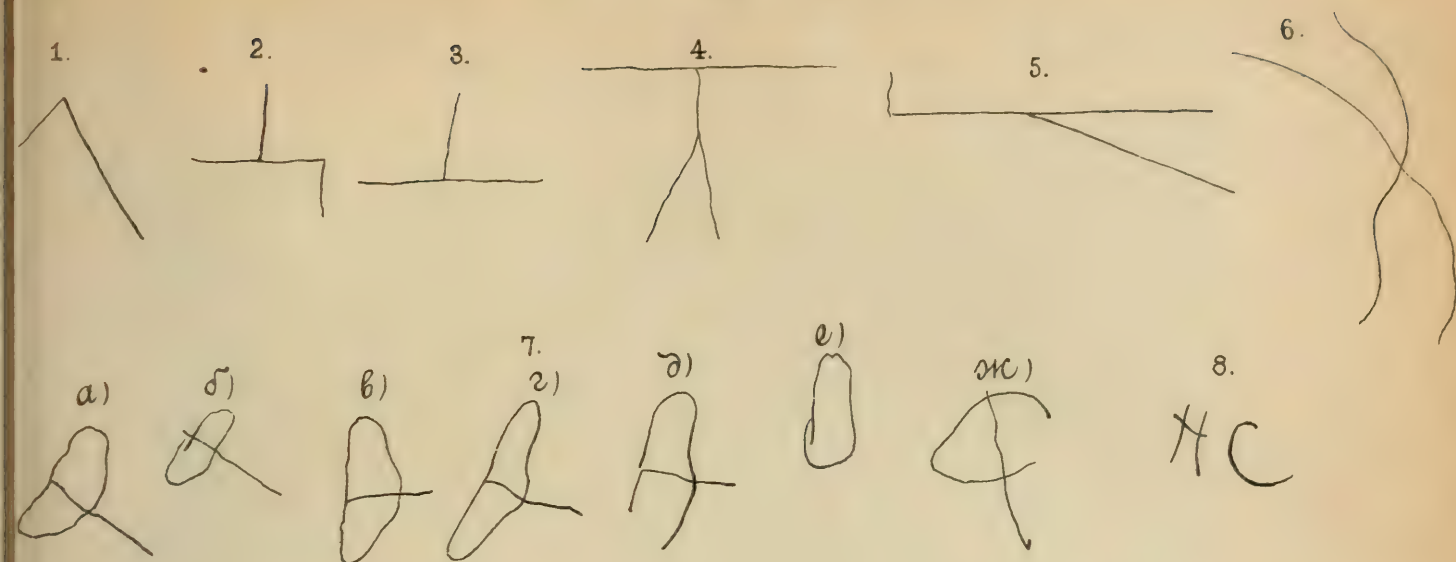
кими боками, въ которую накладывается мягкая стружка высушеннаго гнилаго дерева, которая въ свою очередь покрывается оленьей шерстью. Получается дренажъ, при этомъ шерсть и стружки часто мѣняются. Подростающій ребенокъ находится въ колыбели въ полусидячемъ положеніи; обернутый въ шкуры и завязанный прикрѣпленными съ боковъ аапы ремнями, онъ является, какъ бы спеленаннымъ и при этомъ не рискуетъ выпасть изъ колыбели при поѣздкѣ вогуль на оленяхъ, когда колыбель привязывается къ углу нарты. Колыбель очень легка: ее вмѣстѣ съ ребенкомъ можно держать на колѣняхъ, къ ней специально приспособлены ремни, которыми она подвѣшивается къ одному изъ шестовъ шалаша и можетъ быть раскачиваема. Безъ сомнѣнія, вогульская аапа, приспособленная для переходовъ, могла выработаться только у кочевого народа.

Берестяная коробка „саанъ“ во всеобщемъ употребленіи у приуральскихъ жителей и извѣстна у нихъ подъ именемъ „чуманъ“. Приготавливается она въ нѣсколько минутъ и замѣняетъ охотникамъ всю посуду, смотря по размѣрамъ: чашки, посуду для засолки рыбы, для замѣшиванія тѣста, посуду для храненія съѣстныхъ продуктовъ, воды и проч. Устройство ея замѣчательно просто: содранная съ дерева (весною и въ началѣ лѣта, когда деревья въ соку) свѣжая пластинка коры загибается краями, образуя видъ коробки. Получившіяся по угламъ складки пригибаются и пришпиливаются къ бокамъ, черезъ что стѣнки коробки удерживаются въ вертикальномъ положеніи. У вогуль онѣ дѣлаются болѣе изящными, иногда верхъ дѣлается круглымъ и къ нему приспособляется крышка. Часто дно саана украшено рисункомъ, производимымъ ножомъ по внутренней или наружной сторонѣ его. Узоръ, который мнѣ пришлось видѣть на вогульскомъ саанѣ, состоялъ изъ чередующихся свѣтлыхъ и темныхъ полосокъ, расположенныхъ параллельно діагонали дна (въ ёлочку). На другомъ саанѣ рисунокъ былъ довольно сложнымъ¹⁾. Сосновое полотноце—единственная вещь, могущая поддерживать мало-мальски чистоту во всей обстановкѣ вогула, такъ какъ имъ обтираютъ и посуду и ребяты, обтираются послѣ умы-

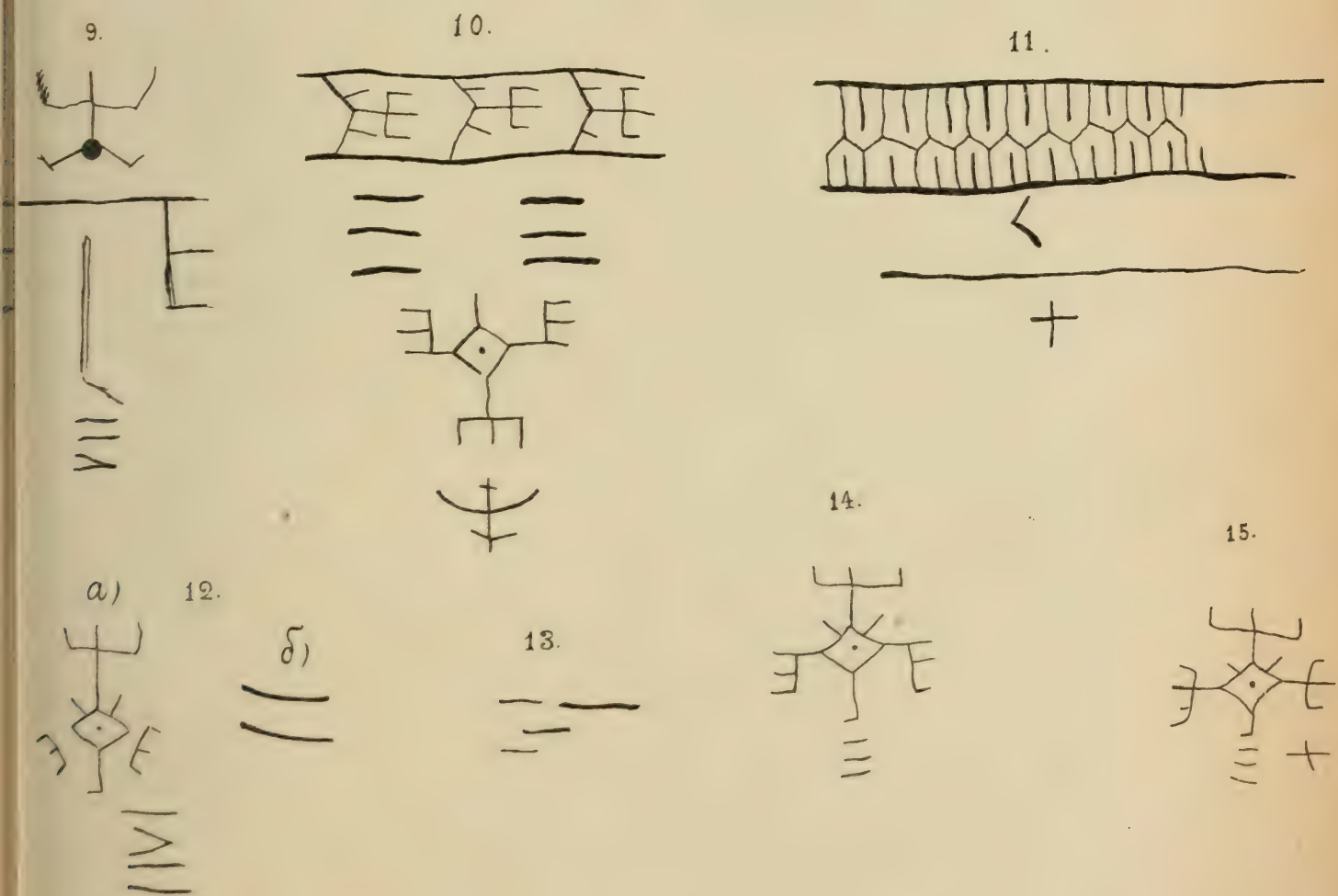
¹⁾ Рисунокъ саана, хотя и неудачный, помѣщенъ у Сорокина въ приложеніи къ его „Путешествію къ вогуламъ“; тамъ же рисунокъ колыбели и другихъ предметовъ, также типы вогуловъ и виды мѣстности. (Труды Общества естествоиспытат. при Имп. Казанск. Унив., т. III, № 4. Казань. 1873).

Вогульскіе знаки.

I. Подписи рукъ.

II. Тамги.

1—6. Подписи Бахтіаровыхъ (1—Василія, 2—Еремѣя, 3—Степана, 4—Василія Игн., 5—его жены, 6—Матрены).—7. Подпись разныхъ лицъ.—8. Подпись Ѳедора Укладова.—9. Тамга мансизинъ или маншинъ (глухарь) на рукѣ Матрены.—10. Тамга у дѣвушки на правой рукѣ.—11. У той-же дѣвушки на лѣвой рукѣ.—12. Тамги у Петра Бахтіарова: а) на правой рукѣ, б) на лѣвой.—13. Знаки на правой ногѣ у старухи-вогулки.—14. Тамга на правой рукѣ вогула Ѳедора Укладова.—15. Тамга на правой рукѣ остяка (Неринъ). (Рисунки 7, 8, 10—15 заимствованы у Сорокина).

ванья и т. д. Оно представляет изъ себя вѣхоть (мочалу) изъ тонкихъ эластичныхъ стружекъ сосноваго дерева. Сырое дерево стружется острымъ ножомъ, отчего получаютъ эластичныя стружки, которыя и идутъ на изготовленіе полотенецъ.

Мѣшки изъ оленьихъ шкуръ служатъ для храненія всего имущества женщинъ. Они шьются двухъ родовъ: большіе мѣшки и поменьше съ закругленнымъ дномъ. Шьются они шерстью наружу и красиво расшиваются полосками темной шерсти по бѣлой, причемъ полоски вшиваются въ соответственные вырѣзы на мѣшкахъ. Полоски сходятся подъ прямыми углами и составляютъ узоръ, который, кажется, долженъ изображать рога оленя. Подобныя же узоры вышиваются на зимней одеждѣ вогульскихъ женщинъ „сакай“ и на щегольскомъ костюмѣ мужчинъ, сшитомъ изъ шкуръ молодыхъ оленей, называемомъ „пѵрха“ (самоѣдская парка), а также на зимней обуви „іорн-вай“.

Кромѣ узоровъ, наносимыхъ вогулами на сааы, вышиваемыхъ на мѣшкахъ, одеждѣ и обуви, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ фигуръ, нанесенныхъ на рукахъ выше запястья. Каждый подобный рисунокъ есть условное изображеніе; такъ, комбинація изъ граблеобразныхъ фигуръ, приводимая въ сочиненіи Сорокина ¹⁾ подъ № 8 должна изображать „чопырр“, т. е. тетерева. Почти тождественную фигуру мнѣ пришлось видѣть у Матрены Бахтіаровой, которая изображаетъ собою мансзинъ или маншинъ, т. е. глухаря. У Бахтіаровой кромѣ мансзина изображены: нарта, шкура оленя, музыкальный инструментъ и т. д. Приводимый Сорокинымъ рисунокъ подъ № 4 (верхняя часть его) долженъ изображать „поутоп“ (острогу); № 3—„хоур“ (мѣшокъ), № 7—урчик и т. д. Татуировка повидимому имѣетъ религіозное значеніе. Производится она, по рассказамъ вогуль, слѣдующимъ способомъ: горячею иглою наводятъ рисунокъ, насыпаютъ на него салыный отъ котла нагаръ, и прикладываютъ къ рукѣ куски льда.

Кромѣ всѣхъ этихъ рисунковъ и изображеній, вогулы, по словамъ Посилова ²⁾, часто вырѣзываютъ на деревьяхъ изображеніе божества Чохрынъ-ойки съ двумя головами.

На р. Вишерѣ, на одномъ изъ береговыхъ утесовъ, такъ назы-

¹⁾ Сорокинъ. Путешествіе къ вогуламъ. Прилож., табл. II.

²⁾ Посиловъ. „У Шайтана“. (Нов. Время, 1897, №№ 7597 и 7604).

ваемомъ, Писаномъ камнѣ, а также на сводѣ Моховаго Камня съ незапамятныхъ временъ нанесены красною краскою различныя фигуры, по всей вѣроятности произведеніе рукъ вогуль, обитавшихъ ранѣе по всей Вишерѣ.

Всякій рисунокъ носить у вогуль названіе хансза, соответственное зырянскому „гижнукола“ и самоѣдскому „паддара“. Глаголь „хансзугери“ соответствуетъ русскому глаголу „писать“ и пермяцкому „гижны“, и какъ и въ этихъ языкахъ, выражаетъ скорѣй рисованіе, чѣмъ письмо. „Нэпак хансзимен“—запиши на бумагѣ; „хансзаянг тоореу“—бѣлый медвѣдь; „хансзан-вай“—расшитая обувь; „хансза“—рисунокъ на рукѣ и т. д. Сорокинъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что рисунки на рукахъ и свою подпись вогулы называютъ „тамга“. Оказывается, что вогулы совершенно не знаютъ этого слова и не называютъ свою татуировку иначе, какъ „хансза“ или „катпала хансза“, (рисунокъ на рукѣ). Подпись свою вогулы называютъ „катпос“ (кат—рука, пос—пятно). Она состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ палочекъ подъ различными углами, или же изъ кривыхъ, напоминающихъ форму лука, съ различно наложенными стрѣлами.

Вогульскіе рисунки представляютъ собою зарождающееся искусство. Интересенъ вопросъ, самостоятельно ли оно у нихъ возникаетъ, или же подъ вліяніемъ другого народа. Расшитый мѣшокъ и расшитая обувь заимствованы отъ самоѣдовъ, на что указываетъ названіе іорн-хоур—самоѣдскій мѣшокъ и іорп-вай—самоѣдская обувь; пѣрха также, повидимому, заимствована у того же народа. вмѣстѣ съ вещами могло перейти и изображеніе условныхъ фигуръ. Но, съ другой стороны, вогулы имѣютъ самостоятельный терминъ для обозначенія ихъ, и практикуемая ими татуировка не извѣстна ни у одного изъ сосѣднихъ народовъ. Изъ полярныхъ племенъ татуируютъ себя только эскимосы ¹⁾, поэтому можно предположить, что вогулы самостоятельно выработали себѣ условныя изображенія и начали наносить ихъ на руки и сааны.

Изъ цвѣтовъ вогулы отличаютъ своими именами слѣдующіе: бѣлый—янг или ворчи; красный—выгыр, черный—семоль; зеленый, синій и сѣрый они называютъ русскими именами, причемъ,

¹⁾ Татуировка эскимосовъ производится протергиваніемъ подъ кожей нитки, смазанной сажей съ саломъ.

какъ большинство дикихъ народовъ, вогулы не отличаютъ синяго цвѣта отъ сѣраго.

Суровая природа сѣвера, тяжелая охотничья жизнь, частое одиночество—не выработали изъ вогула ни поэта, ни музыканта.

Пѣсни его монотонны и не отличаются осмысленностью. Обыкновенно въ нихъ рассказывается самое обыденное происшествіе, недавно случившееся. Садясь на нарту, вогуль непременно запоетъ или начнетъ посвистывать.

Нѣчто вродѣ музыкальнаго инструмента мнѣ пришлось видѣть у вогуль, а именно костяную пластинку „тумран“. Пластинка, длиною приблизительно 7 дюйм. а шириною до 1, имѣетъ по длинѣ прорѣзь въ видѣ буквы п, причемъ нижняя часть прорѣзи шире. Къ узкому концу пластинки, ограниченной прорѣзью, прикрѣпляется конецъ жилы. Вложивъ пластинку между губами такъ, чтобы она прижималась къ зубамъ, дергая за жилу, извлекаютъ звуки, напоминающіе тѣ, которые происходятъ при наливаніи изъ полной бутылки. Отъ положенія губъ получаются звуки различныхъ тоновъ. Инструментъ этотъ служитъ для аккомпанеента вогульскихъ пѣсенъ.

Инструментъ, описанный и изображенный у Сорокина подъ именемъ „шангура“, представляющій видъ лодки съ круглымъ дномъ и пятью металлическими струнами, вогулы назвали мнѣ (по рисунку) „сангульп“ — медвѣдя играть. Очевидно, что игра на немъ связана съ культомъ медвѣдя.

Изъ повѣрій мнѣ пришлось слышать только одно относительно самоѣдовъ: Василій однажды рассказывалъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ оленья голова, у другихъ собачья, а у нѣкоторыхъ совсѣмъ нѣтъ и „только“—рассказчикъ громко потянулъ въ себя воздухъ, изобразивъ, какъ они всхлипываютъ.

Для показанія огромнаго количества они употребляютъ сравненіе съ комарами: „какъ комаръ“, выражаются они про большія стада оленей. Я не встрѣтилъ уже оцѣнки количествомъ бѣлокъ. Бахтіаровы продаютъ и покупаютъ, оцѣнивая вещи на рубли и измѣряя вѣсъ фунтами. У вогуль имѣется самостоятельный терминъ для обозначенія денегъ—„ольн“, который, кажется, означаетъ также и серебро ¹⁾.

¹⁾ Аляквистъ говоритъ, что вогулы употребляютъ для обозначенія денегъ слово *о к ш а*. Вогулы этого слова не знаютъ.

Время дня вогулы узнаютъ по солнцу, ночью же по созвѣздію Большой Медвѣдицы (которое зовется со о р б-лось), причемъ здѣсь точность времени приближительна: время до полночи, полночь и за полночь.

Сказокъ мнѣ слышать не приходилось. Изъ обычаевъ у вогулъ существуетъ слѣдующій: женщина не должна показывать лица мужчинамъ-родственникамъ мужа. Поэтому, входя въ жилье, вы видите, что часть женщинъ сидитъ отвернувшись или же съ напущенными низко на лицо платками.

Лозвинскіе вогулы не курятъ, не нюхаютъ табаку.

V.

Лѣтній мужской костюмъ Бахтіаровыхъ состоитъ изъ длинной бумазейной рубахи „сууп“, спускающейся почти до колѣнъ; изъ панталонъ „маньсун“, заправляемыхъ въ длинные выше колѣнъ чулки „манч-вай“, изъ толстаго бѣлаго сукна, и наконецъ „няр“—обуви безъ голенищъ, вродѣ русскихъ котовъ, изъ шкуръ оленя, сшитыхъ шерстью наружу. Чтобы чулки не спускались, сбоку прикрѣплены къ нимъ тонкіе ремешки, которыми они привязываются къ поясу, поверхъ рубахи. На ременный или тканый поясъ „сууп-эндап“ привѣшивается ножъ въ деревянныхъ ножнахъ; нижняя часть ноженъ привязывается къ ногѣ, чтобы ножъ можно было скоро и легко вытащить. Съ ножомъ вогулъ никогда не расстаётся—это самая необходимая для него вещь. На поясѣ подвѣшены также оселокъ изъ хлоритоваго сланца „лестан“¹⁾ въ особомъ кожаномъ кошелькѣ, кошелекъ со спичками, а иногда еще кошелекъ съ деньгами. Кошельки застегиваются на солдатскую пуговицу и обшиваются иногда бисеромъ или тѣми же солдатскими пуговицами (мода, кажется, заимствована отъ зырянъ). На шею для щегольства вогулы повязываютъ платокъ, цвѣтъ котораго иногда очень трудно разобрать, настолько онъ бываетъ чистъ. За послѣднее время вогулы начали носить русскіе пиджаки „нюй“ (слово это обозначаетъ также сукно). Шапокъ не носятъ ни лѣтомъ, ни зимою. Съ наступленіемъ холоднаго времени ко-

¹⁾ Осёлки добываются въ двухъ горахъ Төйдр-нёр и Яны-Шубы-нёр въ сѣверномъ Уралѣ.

стюмъ пополняется рубашкой изъ чернаго сукна съ капюшономъ „гусь“.

Женщины одѣваются также въ длинную рубашку, поверхъ которой надѣвается суконный балахонъ „нуй“, полы котораго приходятся въ стыкъ и завязываются ленточками. По балахону нашивается цвѣтная полоска сукна, идущая параллельно поламъ и подолу. У дочери Степана (замужемъ за сосвинскимъ вогуломъ) по цвѣтной полосѣ нашиты черезъ равныя промежутки четыреугольныя литыя изъ олова фигурки.

Обувь женщинъ та же, что у мужчинъ. На головѣ женщинъ большой платокъ; въ присутствіи родственниковъ мужа онъ спускается на лицо.

Зимняя одежда, общая всѣмъ инородцамъ сѣвернаго Урала, даже перенятая русскими, шьется исключительно изъ оленьихъ шкуръ оленьими жилами. Эта одежда состоитъ изъ рубахи, обращенной шерстью внутрь „моолча“ или „мооляса“. Рубашка эта нѣкоторыми вогулами носится даже лѣтомъ, какъ это видѣлъ Сорокинъ ¹⁾ у лозвинцевъ.

Во время сильныхъ морозовъ на моолчу надѣвается „гусь“, подобная же одежда, но шерстью наружу, съ капюшономъ и рукавицами „пааса“. Рукавицы пришиваются къ концамъ рукавовъ только задней стороной такимъ образомъ, что можно и не надѣвать рукавицу, и нѣтъ риску ее потерять, при томъ ее удобно надѣвать и скидать.

Болѣе щегольская одежда—это тотъ же „гусь“, но сшитый изъ шкурокъ молодыхъ оленей (пыжиковъ) и расшитый, какъ я приводилъ выше, по подолу узорами. Онъ зовется „порха“ (самоѣдская парка).

Зимой вогулы, какъ и лѣтомъ, носятъ на ногахъ „няр“. Няры шьются изъ шкурокъ съ ногъ оленя, при чемъ подошвы выкраиваются изъ щетокъ (щетки повыше копытъ животнаго) или же изъ кожи, снятой со лба оленя, которая также отличается прочностью. Сшитыя няры копятся, верхняя часть ихъ оторачивается сукномъ, которое стягивается на ногѣ продернутымъ черезъ него шнуркомъ. Няры настолько удобны для ходьбы на лыжахъ, что ихъ предпочитаютъ даже русскіе охотники; всякая другая обувь мози-

¹⁾ Сорокинъ. Путешествіе къ вогуламъ, стр. 31.

лить ногу. Вмѣстѣ съ оленеводствомъ вогуль заимствовалъ отъ самоѣдовъ для ѣзды на нартахъ болѣе теплую обувь съ длинными голенищами, назвавъ ихъ „іорн-вай“—самоѣдскіе чулки. Подъ іорн-вай надѣваются еще чулки шерстью во внутрь—„кесс“, сшитые изъ шкурокъ пыжика. Эта мягкая и удобная обувь носится вогулами дома и при поѣздкахъ; если же понадобится вогулу итти на лыжахъ, онъ надѣваетъ няра. Іорнъ-вай часто дѣлаются расшитыми—это „хансап-вай“. Іорнъ-вай—обувь того и другого пола. Русскіе называютъ ихъ пимами и юнтами, но первое названіе зырянское, второе, кажется, самоѣдское.

Женская шуба „сакай“ шьется на подобіе дохи—двойная, шерстью во внутрь и наружу. Иногда также расшивается.

Видѣнный Сорокинымъ ¹⁾ у лозвинскихъ вогуль надѣваемый на рубашку четырехугольный кусокъ матеріи, съ прорѣзомъ для головы въ центрѣ, во всеобщемъ употребленіи по Вишерѣ, Косъ-вѣ, въ Чердынскомъ и Зырянскомъ краѣ. Матерія подшивается подкладкой, которая съ боковъ остается частью не прошитой; такимъ образомъ пространство между матеріей и подкладкой представляетъ собою складочное мѣсто для убитой дичи, провіанта и т. п. Туда можно помѣстить нѣсколько каравеевъ хлѣба. Тяжесть раскладывается равномерно и спереди и сзади и такимъ образомъ не утомляетъ какой-нибудь одной части тѣла; кромѣ того онъ согрѣваетъ грудь, плечи и спину, не связывая рукъ для свободного дѣйствія ружьемъ. По всей вѣроятности первоначально „лузан“, какъ его называютъ вишерцы, представлялъ изъ себя шкуру животного. Вогулы называютъ его „луз“. Трудно рѣшить, представляетъ ли лузанъ вогульскую одежду или зырянскую. Названіе лузъ и лузанъ можетъ происходить отъ зырянскаго слова лузаны—тащить.

Вогулки любятъ украшать себя, надѣвая на пальцы массу серебряныхъ и мѣдныхъ колецъ „туля“, на шею бусы „сак“ или же фигурный крестъ и медали „пэрна“ (то и другое), а также и старинныя монеты.

Мужчины въ свои косы вплетаютъ красные шнурки, а женщины обматываютъ косы сплошь такимъ же краснымъ шнуркомъ, отчего косы ихъ походятъ на рога газели. Къ обмотаннымъ ко-

¹⁾ Стр. 31.

самъ женщины прикрѣпляютъ кольца и погремушки; между ко-
сами на затылкѣ головы прикрѣпляется кожаная пластинка, уса-
женная врядь 5-ю мѣдными солдатскими пуговицами.

VI.

Пища вогулъ довольно разнообразна, по преимуществу мясо
животныхъ и рыба. Вогулы ѣдятъ: медвѣдя, бѣлку, выдру, разнаго
рода дичь, оленя, лося и лошадь.

Ѣдятъ также яйца тетеревиныя и куриныя, пьютъ молоко,
изъ муки варятъ болтушку. Въ пищу употребляютъ также пика-
ны „поррыхъ“ (растеніе изъ сем. зонтичныхъ, употребляемое въ
пищу и русскими), ѣдятъ ягоды, но не ѣдятъ грибовъ, считая
ихъ погаными и называя ихъ „ивмэнкпиль“, чортово порожденіе.
Весною, когда деревья въ соку, вогулы лакомятся березовымъ со-
комъ. О выдрѣ вогулы выражаются, что она очень вкусна, вку-
сомъ напоминаетъ рыбу. Мясо оленя они предпочитаютъ есть сы-
рымъ, мясо остальныхъ животныхъ варятъ. Безъ оленьяго мяса
вогулъ чувствуетъ себя плохо. Оно составляетъ для него почти
необходимую потребность организма. Съ замѣчательной ловкостью
и проворствомъ уничтожаетъ онъ куски мяса оленя. Положивъ
конецъ длиннаго куска въ ротъ, вогулъ быстрымъ движеніемъ ру-
ки снизу вверхъ отрѣзываетъ ножомъ около самыхъ губъ часть
куска, находящуюся во рту, и почти не жуя, проглатываетъ его.
Постороннему зрителю кажется, что онъ непременно долженъ от-
рѣзать или губы, или кончикъ носа. Кости, содержащія мозгъ, рас-
калываются ударами обухомъ ножа, и мозгъ съѣдается.

Осенью, въ періодъ охоты на оленя, вогулы запасаются мя-
сомъ въ прокъ: сушатъ его на солнцѣ, развѣшивая на особо
устроенныхъ перекладахъ. Въ это время вонь около ихъ жилья
невозможная. Мясо на воздухѣ темнѣетъ, а если осень дождли-
вая, то покрывается вдобавокъ зеленью. Сало оленя коптится и
считается лакомствомъ. Вогулы кромѣ того большіе любители кро-
ви: ее пьютъ съ жадностью, въ нее обмакиваютъ куски мяса.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ вновь нарастающіе рога оленя представляются
покрытыми мясистою кожей, порошей шерстью. Кость въ это
время мягкая; по ней циркулируетъ кровь. Кожа рога составляетъ
одно изъ блюдъ вогула. Подрѣзавъ ножомъ кожу вокругъ осно-

ванія рога, вогуль съ ловкостью оператора быстро отламываетъ рогъ — кровь фонтаномъ брызжетъ изъ оставшейся части рога. Чтобы остановить кровотеченіе, кожу у мѣста обрѣза стягиваютъ шнуркомъ. Опаливъ на огнѣ отрѣзанный рогъ и оскобливъ ножомъ шерсть, вогуль отрѣзываетъ куски кожи и съ удовольствіемъ пожираетъ. Вогулы увѣряютъ, что если въ этотъ періодъ отпилить оленю рогъ, то олень осенью становится жирнымъ.

Хлѣбъ даже Бахтіаровы, имѣющіе постоянныя сношенія съ русскими, считаютъ за лакомство и ѣдятъ его въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Совеѣмъ не ѣдятъ вогулы и считаютъ поганымъ животнымъ свинью (порс), объясняя это тѣмъ, что свинья питается отбросами. Обстоятельство это не маловажное для археолога, если припомнить, что въ нѣкоторыхъ костницахъ (жертвенныхъ мѣстахъ доисторическаго человѣка) встрѣчаются кости и этого животного, такъ какъ въ костницахъ несомнѣнно должны встрѣчаться кости только съѣдобныхъ животныхъ, такъ какъ только эти животныя приносились въ жертву. Практичный жертвоприноситецъ однимъ выстрѣломъ убивалъ двухъ зайцевъ: ублажалъ боговъ и желудокъ; слѣдовательно, считая свинью поганымъ животнымъ, вогуль не могъ приносить ее въ жертву.

Отсутствіе костей свиньи въ Чаньвенской пещерѣ, которая служила, по преданію, капищемъ вогульского народа, явленіе не случайное, обусловленное мѣстными условіями, какъ полагаетъ г. Теплоуховъ ¹⁾, а скорѣе всего обусловленное вышеуказаннымъ обстоятельствомъ.

VII.

Для обозначенія всякаго жилища вогулы употребляютъ слово „коль“, соотвѣтствующее пермяцкому „ку“ и вотяцкому „куа“. Несомнѣнно, что въ отдаленныя времена жилищемъ вогуль кромѣ ямъ служили также и пещеры, на что указываетъ вогульское названіе послѣднихъ „кеерс-коль“, т. е. жилище въ скалѣ, въ береговомъ утесѣ. Занимаясь рыбною ловлей и звѣроловствомъ, эти дикари не могли не воспользоваться тѣми удобствами, какія пред-

¹⁾ О. А. Теплоуховъ. Древности и кости, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго уѣзда Пермск. губерніи. Пермь, 1895.

ставляетъ въ ихъ распоряженіе пещера. Познакомившись съ обработкой дерева, вогуль началъ строить деревянныя избушки и названіе ихъ противопоставилъ кеерсколю, назвавъ ихъ „нор-коль“, что означаетъ жилище изъ срубленнаго дерева. При занятіи же оленеводствомъ, ему понадобилось соотвѣтствующее этому занятію легко перевозимое жилище, которое онъ и заимствовалъ у самоѣдовъ вмѣстѣ съ оленеводствомъ. Это—іорн-коль, въ переводѣ—самоѣдское жилище, конусообразный шалашъ, составленный изъ жердей, покрытыхъ березовой корой.

Временное прикрытіе отъ непогоды, устраиваемое вогулами, когда они находятся на охотѣ или рыбной ловлѣ, носитъ названіе „коль-бал“.

Въ настоящее время и существуетъ у вогуль два жилища: іорн-коль—у кочевиковъ оленеводовъ, и нор-коль—у нихъ же, какъ зимнее жилище, и у осѣдлыхъ—какъ постоянное. Совокупность нѣсколькихъ нор-колей—деревушка, если можно такъ выразиться, зовется „пауль“. Русскіе почему-то усвоили за норколемъ и паулемъ названіе татарско-тюркскаго происхожденія—юрта, которое вошло даже въ литературу, а за іорн-колемъ зырянское названіе—чумъ.

Іорн-коль—необходимое жилище всякаго оленевода, а потому встрѣчается у самоѣдовъ (мяк), откуда ведетъ свое происхожденіе, у зырянъ, которые зовутъ его „чом“, у вогуль и остяковъ. Сообразно потребностямъ жизни и средствамъ, которыми располагають номады, нельзя придумать ничего лучшаго, ничего болѣе удобнаго этого жилья. Іорн-коль можетъ быть разобранъ и уложенъ на нарту не болѣе, какъ въ полчаса времени; не болѣе того нужно и для его сборки.

У вогуль эта работа, какъ и большинство домашнихъ работъ, лежитъ исключительно на обязанности женщинъ. При всей легкости іорн-коль хорошо защищаетъ кочевника отъ дождя и вѣтра. Единственно, что неудобно въ немъ, такъ это дымъ отъ разводимаго посрединѣ костра. Обыкновенно обитатели его являются все съ воспаленными глазами.

Устраивается это жилище такъ: два легкихъ шеста, связанные недалеко отъ верхнихъ концовъ, устанавливаются наклонно другъ къ другу, въ промежутокъ между связанными концами кладутся такіе же шесты—десятка 2-3 такъ, чтобы нижніе концы ихъ стоя-

ли по окружности круга. Такимъ образомъ получается деревянный остовъ іорн-коля. На этотъ остовъ накладываются четыреугольные полотнища „тиски“ изъ вываренной и прошитой жилами двойной бересты. Вверху оставляется проходъ для дыма; одна изъ полстинь, повѣшенная на шнуръ, перекинутый черезъ вершину остова, представляетъ собою дверь.

Съ наступленіемъ холодовъ берестовые „тиски“ замѣняются полотнищемъ изъ оленьихъ шкуръ, но Бахтіаровы на зиму предпочитаютъ спускаться съ горы и живутъ въ нор-колѣ. Самоѣды Хатанзіевы живутъ и зиму въ іорн-колѣ.

Посрединаѣ жилья на камняхъ разводится огонь, надъ которымъ устроено приспособленіе для вѣшанья котла на деревянномъ крюкѣ. Вокругъ на еловыхъ прутьяхъ разостланы оленьи шкуры; на нихъ располагаются обитатели жилья. Противъ входа у противоположной стѣнки валяется домашній скрабъ: ружье, расшитые мѣшки, посуда и т. д.

Если имѣется въ жилищѣ ребенокъ, то на одномъ изъ шестовъ остова подвѣшена колыбель. Тутъ-же въ іорн-колѣ сушатся и выдѣлываются шкурки животныхъ.

Видѣнные мною у Бахтіаровыхъ по Улеу, въ верховьяхъ р. Цели и т. д. нор-коли представляютъ изъ себя продолговатую избушку, срубленную изъ нетолстыхъ сухоподстойныхъ деревьевъ. Покрываются избушки берестяными „тиски“ по деревяннымъ планкамъ, поверху всего этого тонкій накатникъ, не по скату, а поперекъ его. Нор-коль высотой не болѣе двухъ съ половиной аршинъ; длина его около пяти, ширина около четырехъ аршинъ. Передняя часть крыши выдается; къ ней прислонено нѣсколько жердей; такимъ образомъ загороженное пространство передъ избушкой представляетъ сѣни. Изъ этихъ сѣней въ помещеніе ведетъ крохотная дверка, запирающая высоко прорубленное отверстіе, въ которое только едва можно пролѣзть человѣку.

У двери, въ углу устраивается нѣчто въ родѣ камина, представляющаго изъ себя нѣсколько наклонную трубу изъ связанныхъ между собою палокъ, обмазанныхъ толстымъ слоемъ глины. Въ передней части трубы внизу сдѣланъ вырѣзъ, высотой въ аршинъ или полтора, чрезъ который разводятъ въ трубѣ огонь. По окончаніи топки труба повыше вырѣза закрывается берестянымъ кру-

гомъ. Этотъ каминъ носить названіе „човаль“¹⁾; онъ даетъ тепло, пока топится. Обыкновенно ночью въ нор-колѣ чувствуешь холодъ, такъ какъ по ночамъ вогуль не топить своего жилья даже въ самые лютые морозы: онъ скупъ на дрова и предпочитаетъ кутаться въ шкуры. Съ противоположной стороны човала во всю длину стѣны устроены низкія, широкія нары. Въ крохотное окно вставленъ кусокъ льда, который пропускаетъ достаточно свѣта для помѣщенія. Ледъ ежедневно нужно оскабливать, такъ какъ онъ отъ тепла обращается сверху въ снѣгъ и теряетъ прозрачность.

VIII.

Главное занятіе Бахтіаровыхъ — оленеводство и охота. Они владѣютъ довольно значительными стадами оленей. Выгоды отъ оленеводства громадныя. Почти вся жизненная обстановка кочевниковъ доставляется оленемъ: одежда, начиная съ обуви, кончая шубой, сбруя, кость для подѣлокъ, ежедневная пища, шерсть отъ линянія, высоко цѣнимая; постель, шкуры, замша — вотъ что получаютъ кочевники отъ оленеводства.

Часть этихъ продуктовъ обращается въ наличныя деньги, которыми оленеводъ можетъ съ излишкомъ удовлетворить свои ограничennыя потребности. Понятно, что часто кочевнику некуда и некому сбыть продукты, и онъ при значительномъ капиталѣ, который представляетъ его стадо, остается безъ гроша наличныхъ денегъ.

Приплодъ быстро увеличиваетъ стадо номада. Въ это время забота хозяина стада должна быть направлена къ тому, чтобы дѣтеныши не замерзали, такъ какъ рождаются они въ апрѣлѣ, когда на горахъ стоитъ холодная погода. Молоко матокъ идетъ исключительно на вскармливаніе дѣтенышей; вогулы, какъ и прочіе уральскіе оленеводы, не доятъ самокъ.

Другая забота, причиняемая оленями обладателю стада, та, что олени съ наступленіемъ холодовъ разбродятся врозь, а не держатся стадомъ, какъ въ жары, и часто теряются; потерявшихся оленей приходится разыскивать. Въ этой бѣдѣ помогаютъ хозяину

¹⁾ Русскіе называютъ его чуваль; отсюда названіе горы Чувальскій Камень, равилье Човальскій.

умныя собаки, которыя отыскиваютъ оленей и лаемъ заставляютъ ихъ вернуться въ стаду. Тѣ же собаки пасутъ стадо и помогаютъ пригонять его къ жилью.

Западный склонъ Чердынскаго Урала представляетъ громадное удобство въ томъ, что здѣсь не водится злѣйшаго врага оленя— волка. Снѣга здѣсь уже съ осени выпадаютъ настолько глубокіе, что попавшій сюда волкъ очутился бы въ критическомъ положеніи и былъ бы обязательно убитъ охотниками. Волки иногда водятся у Яльпингъ-нѣра.

Главную пищу оленя составляетъ бѣлый мохъ—лишайникъ—*cladonia rangiferina*. Зимой олень самъ откапываетъ его изъ-подъ снѣга своими крѣпкими копытами. Кромѣ него олени питаются бородастымъ лишайникомъ (*usnea barbata*), растущимъ на хвойныхъ деревьяхъ, и нѣкоторыми травами, какъ то: аннемоной, растущей на вершинахъ горъ, и листьями птичьей гречихи (*polygonum aviculare*), встрѣчаемой на заболоченныхъ мѣстахъ и у рѣчекъ.

Не хищное, правильное оленеводство требуетъ, чтобы стада какъ можно чаще перегонялись съ одного пастбища на другое въ виду того, что если на пастбищѣ мохъ будетъ весь выѣденъ, то онъ не наростетъ десятки лѣтъ, тогда какъ выѣденный отчасти онъ наростетъ къ слѣдующей осени. Поэтому-то Бахтіаровы обыкновенно одно лѣто живутъ на Кваркушѣ, другое на Чувальскомъ и т. д. Въ зимы, обильныя осадками, они перегоняютъ стада на восточный склонъ Урала и живутъ на Тошемкѣ.

Олень въ высшей степени выносливое и крѣпкое животное. Онъ можетъ дѣлать громадные пробѣги, не требуя за собой ухода, скудно питаясь ягелемъ. На оленяхъ можно ѣхать куда угодно; препятствій для него почти не существуетъ: съ нартой взбирается онъ по крутымъ розсыпямъ, по которымъ даже человѣку ходить не совсѣмъ безопасно, вбродъ пересѣкаетъ рѣчки, бредетъ по глубокому снѣгу и свободно движется въ лѣсной чащѣ, не смотря на свои громадные вѣтвистые рога. Легкому проѣзду способствуетъ чудное устройство нарты. Нарта „сунн“ приспособлена для ѣзды лѣтомъ и зимою; устроена она въ высшей степени просто и остроумно: къ полого-загнутымъ легкимъ полозьямъ придѣлано сидѣнье съ невысокою спинкою на трехъ парахъ слегка наклоненныхъ назадъ копыльцевъ. Сидѣнье возвышается надъ полозьями приблизительно на высоту колѣна. Такимъ высокимъ сидѣньемъ дости-

гается возможность проѣзжать безпрепятственно чрезъ пни и выдающіеся камни, переѣзжать ручьи и рѣчки, а также удобно ѣхать по глубокому снѣгу, когда нарта значительно увязаетъ въ немъ. Но за то сидѣть на нихъ при ѣздѣ по лѣсамъ и камнямъ не совсѣмъ удобно, особенно вдвоемъ—трудно сохранять равновѣсіе. Отсутствіе оглобелей увеличиваетъ неравномѣрность хода: иногда нарта взбѣгаетъ однимъ полозомъ на пенъ, высокій камень, или павшее дерево, скользитъ по немъ или ныряетъ съ него, ударяясь о камень и немилосердно встряхивая сѣдока, иногда же жметъ къ дереву и надо успѣть убрать свои ноги, чтобы не заполучить ушиба. Сидѣнье на нартѣ обыкновенно покрывается оленьей шкурой, подъ которой обязательно бываетъ положенъ топоръ и арканъ для ловли оленей, — безъ нихъ вогулъ не выѣзжаетъ никуда. При спускахъ со значительныхъ подъемовъ на одинъ изъ полозьевъ нарты надѣвается кожаная петля, которая и играетъ роль тормоза. При такомъ тормозѣ ходъ нартъ становится еще неравномѣрнѣе—ее бросаетъ изъ стороны въ сторону самымъ отчаяннымъ образомъ. При очень крутыхъ спускахъ выпрягаютъ оленей, привязываютъ ихъ обротками сзади нарты, а сѣдокъ становится впереди ея и, захвативъ руками концы полозьевъ, начинастъ спускать нарту, поддерживаемую сзади оленями.

Не менѣе остроумно придумана и запряжка къ нартѣ. Къ загнутымъ концамъ полозьевъ привязывается по блочку, чрезъ которые пропущена длинная постромка, оканчивающаяся на концахъ мягкими петлями, которыя застегиваются на пуговицу на шеѣ животныхъ. Лѣвый олень-вожакъ опоясывается поперекъ туловища широкимъ ремнемъ, къ которому привязывается второй олень за свою обротку, и такимъ образомъ вожакъ идетъ на голову впереди второго оленя. Если впрягается третій олень, то на постромку между блочками надѣвается еще третій блокчекъ съ постромкой съ такой же петлей, надѣваемой на шею третьяго оленя. Средній олень привязывается оброткой къ поперечному ремню вожака, а правый олень за ремень средняго. Постромки пропускаются вдоль туловища животного между его ногъ, такимъ образомъ олень тащитъ и шей и грудью. Свободное движеніе въ блочкахъ постромки заставляетъ всѣхъ оленей съ одинаковымъ усиліемъ тащить нарту.

Управленіе оленями производится единственной длинной возжей, привязанной концомъ къ оброткѣ вожака. Если нужно повернуть

олений вправо, то дергаютъ возжей, и вожакъ поворачивается вправо, увлекая товарищей; если же нужно повернуть налѣво — слегка натягиваютъ возжу. Для того, чтобы остановить оленей, сильно натягиваютъ возжу, и вожакъ поворачивается къ нартѣ. Погоняются олени ударами длиннаго шеста въ бокъ и задъ, а то и прямо по головѣ и рогамъ, когда олень упрямится.

При ѣздѣ олени высовываютъ языкъ, подобно собакамъ, и громко дышутъ. При остановкахъ возжу коротко привязываютъ къ нартѣ, и олени тотчасъ же ложатся отдыхать. Выпряженный олень, встряхнувшись нѣсколько разъ, убѣгаетъ къ стаду, какъ бы онъ утомленъ ни былъ.

Ѣздить вогулы на выложенныхъ самцахъ и самкахъ. Самцовъ выкладываютъ, производя операцію зубами. Вожакъ бываетъ обыкновенно самецъ. Хорошій вожакъ можетъ тащить нарту цѣлыя сутки, не отдыхая.

Прежде чѣмъ заложить оленя, нужно его поймать изъ стада. Маточки обыкновенно подпускаютъ къ себѣ человѣка; онѣ очень любятъ мочу, чѣмъ ихъ и приманиваютъ; самцы же, при попыткѣ приблизиться къ нимъ, отбѣгаютъ прочь. Въ этотъ моментъ летитъ намѣченный вѣрной рукой арканъ и запутываетъ рога предназначеннаго къ упряжкѣ оленя.

Арканъ, которымъ ловятъ оленей, представляетъ изъ себя длинную плетеную изъ ремня веревку съ привязаннымъ на концѣ кольцомъ. Свободный конецъ аркана продѣвается въ кольцо и продергивается до тѣхъ поръ, пока не образуется небольшая петля. Вытаскивая обратно свободный конецъ, складываютъ его постепенно въ петли по размѣрамъ первой, и такъ до половины, вторая половина собирается въ такія же петли, но свободно, не черезъ кольцо. Брошенный на оленя пучъ петель, развертываясь, образуетъ одну петлю большихъ размѣровъ, которая попадаетъ на рога животного и затягивается на нихъ. При этомъ требуется большая ловкость и споровка. У Степана оторваны концы 3 пальцевъ, на которыхъ былъ замотанъ свободный конецъ аркана.

Значительное стадо въ нѣсколько сотъ головъ дѣлаетъ богачемъ обладателя его, и еслибъ не страсть номадовъ къ водкѣ, то они достигали бы полнаго благосостоянія. Не нужно однако забывать, что богачъ оленеводъ въ одинъ день можетъ превратиться въ бѣдняка, какъ это и было во время сибирской язвы въ 1848 г.,

когда пало болѣе половины всѣхъ уральскихъ и тундровыхъ оленей.

IX.

Охота—исконное занятіе вогула, руководившая его перекочевками и переселеніями. Даже у оленеводовъ охота представляетъ любимое и выгодное занятіе.

Самая крупная охота—охота на лося; она производится нѣсколькими способами. Такъ, на примѣръ, лѣтомъ лосей подкарауливаютъ на болотахъ, куда въ сумерки приходятъ они лакомиться сочными травами (у вишерцевъ подобныя болота зовутся разсолами). Замѣтивъ слѣды на болотѣ, охотникъ прячется поблизости и подкарауливаетъ лося.

Охота „нагономъ“ производится съ помощью собакъ. Собака, встрѣтивъ лося, начинаетъ рѣзко лаять. По лаю охотникъ узнаетъ, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло. Если лось вздумаетъ бѣжать, то собака старается забѣжать впередъ и останавливаетъ его. Здѣсь, какъ и при охотѣ на медвѣдя, высказывается все достоинство охотничьей собаки. Пока лось занятъ собакой, охотникъ приближается на выстрѣлъ и убиваетъ его. Осенью во время течки, когда лоси табуняются и дѣлаются болѣе злыми, они кидаются на собаку, не замѣчая охотника—самый удобный моментъ для послѣдняго поразить его пулей.

Поздней осенью и раннею весною охотники пользуются перекочевками лосей за Уралъ. По выпадкѣ снѣга лоси перекочевываютъ на восточный склонъ Урала, гдѣ осадковъ выпадаетъ значительно меньше. Одинъ за другимъ бредутъ они по проходѣмъ, гдѣ сходятся верховья сибирскихъ и европейскихъ рѣкъ. Подъемъ по этимъ лощинамъ не крутъ—Уралъ сильно понижается въ нихъ. Образуются цѣлыя тропы,—путь лосей ежегодно одинъ и тотъ же ¹⁾. Запоздавшему лосю трудно брести по глубокому снѣгу, не смотря на его силу и ростъ,—его легко нагоняетъ охотникъ на лыжахъ и кончаетъ съ нимъ.

Весною лось возвращается на западный склонъ, гдѣ онъ находитъ обильную пищу въ молодыхъ побѣгахъ рябины. Возвращаться также не легко; особенно когда на снѣгу образуется ле-

¹⁾ Особенно много проходитъ лосей верховьями Печмога и Чурола.

ляной покровъ (насть, чарымъ), масса лосей становится добычей охотниковъ. Оставшіеся на зиму лоси на западномъ склонѣ поголовно истребляются охотниками.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ охоты на лося существуетъ еще одинъ видъ, практикуемый по преимуществу вогулами, получившій начало, быть-можетъ, въ періодъ кремневыхъ орудій. Этотъ способъ состоитъ въ слѣдующемъ. На пути перекочевокъ лосей между горами устраивается изгородь въ двѣ жерди, въ которой оставляются проходы, черезъ извѣстные промежутки. Съ той и другой стороны прохода устанавливаются большіе луки съ деревянными стрѣлами, имѣющими желѣзные наконечники въ видѣ ножицковъ, отклепанные изъ котельнаго желѣза. Въ проходѣ лось задѣваетъ за нитку (симу), чѣмъ спускаетъ въ себя обѣ стрѣлы, которыя попадаютъ ему около лопатокъ. Ударъ бываетъ настолько силенъ, что иногда стрѣла проноситъ насквозь грудную полость животнаго. Понятно, что не всегда удачно стрѣла попадаетъ въ цѣль; иногда только тяжело ранить лося, и тотъ, прошедши нѣсколько верстъ, издыхаетъ и становится добычею росомахи. При устройствѣ изгороди, особенно же при установкѣ лука, соблюдаются предосторожности: лукъ натирается пихтовыми вѣтками, поблизости не рубятся деревья и т. д. Способъ этотъ примѣняется только для осеннихъ перекочевокъ. Зимой вогулы настораживаютъ луки, но безъ огорода, на восточномъ склонѣ Урала, по слѣдамъ лося. Этимъ способомъ удастся убить цѣлые десятки лосей въ осень.

Вишерскіе охотники также практикуютъ этотъ способъ охоты, но тайно, такъ какъ онъ запрещенъ и небезопасенъ для людей.

Приходится сожалѣть, что на эту охоту, какъ и на истребленіе лосей-матокъ и дѣтенышей, смотреть сквозь пальцы тѣ, кому надлежитъ вѣдать это дѣло.

Зимой вогулы охотятся на лосей по ту сторону Урала, гоняясь на лыжахъ. Чѣмъ глубже снѣгъ, тамъ удачнѣе охота.

Слѣдующее мѣсто послѣ охоты на лося занимаетъ охота на оленя. У оленеводовъ-вогулъ существуетъ въ высшей степени оригинальный способъ этой охоты съ помощью вожака оленя, т. е. того оленя, которымъ правятъ при ѣздѣ на нартахъ.

Осенью, въ сентябрѣ, начинается любовный періодъ оленя. Къ стаду домашнихъ оленей прибавляются и дикіе олени-самцы. Замѣтивъ дикаря, вогуль беретъ жоака и крадется, прячась за него, держа въ рукѣ короткій поводъ отъ обротки и управляя оленемъ, какъ при ѣздѣ на нартѣ. Приблизившись достаточно къ дикарю, вогуль кладетъ ружье на спину жоака и поражаетъ мѣткою пуль животное. Въ одну осень 1896 года двое братьевъ Бахтіаровыхъ убили такимъ способомъ на горѣ „Козмеръ“ девять оленей. Осенью мясо оленей жирно, шкуры прочны, а потому эта охота небезвыгодна.

Зимою вогулы охотятся за оленемъ, прячась за выступы и камни, или же подѣзжаютъ близко на нартѣ; иногда сгоняютъ его съ оголенныхъ розсыпей на снѣжный склонъ и гонятся за нимъ на лыжахъ. Особенно удачно подкарауливаютъ оленя въ бурю.

Охота на медвѣдя носитъ случайный характеръ; иногда медвѣдя убиваютъ стрѣлы, расположенныя въ проходѣ огорода для лосей.

Пушные звѣри—одно изъ главныхъ богатствъ здѣшняго края, привлекавшее сюда охотничье населеніе. Еще и теперь инородцы платятъ подать отчасти соболиными и другими шкурами. Въ большомъ количествѣ здѣсь водится кунница, а бѣлка какъ сильно плодивая, въ такомъ изобиліи, что охотники убиваютъ ея за зиму нѣсколько сотъ штукъ¹⁾. Обиліе бѣлокъ связано съ уро-

1) Не могу обойти молчаніемъ разсказа Альквиста о вогульской охотѣ на бѣлокъ („О иветахъ жительства и образѣ жизни вогуль“, стр. 6). Онъ разсказываетъ, что охотникъ, „замѣтивъ бѣлку на деревѣ, вмѣсто того, чтобы употребить ружье, начинаетъ стучать топоромъ о дерево, на которомъ сидитъ бѣлка. Если она, перепрыгивая на другое дерево, не упадетъ на землю, охотникъ продолжаетъ преслѣдовать ее стукомъ топора до тѣхъ поръ, пока звѣрокъ не въ состояніи будетъ больше прыгать и, утомленный, сидеть. Тогда дерево срубается, и при паденіи его собака схватываетъ добычу“. Очевидно А. не понималъ въ чемъ дѣло: никогда охотникъ не утомитъ бѣлку до полнѣйшаго безсилія, скорѣе утомится самъ. А дѣло происходитъ такъ: въ густыхъ вѣтвяхъ дерева охотникъ не видитъ бѣлки; а собака лапаетъ на дерево, слѣдовательно тамъ притаилась добыча. Чтобы выгнать ее изъ вѣтвей, охотникъ стучитъ по дереву обухомъ топора; бѣлка при этомъ въ большинствѣ случаевъ перепрыгиваетъ на другое дерево, и если удобно ее убить, то охотникъ кончаетъ съ ней выстрѣломъ. Бываетъ такъ, что убитая бѣлка застрянеть въ вѣтвяхъ, тогда дерево срубается.

жаемъ кедровыхъ орѣховъ. Охота на пушныхъ звѣрей начинается по выпадкѣ перваго снѣга, когда слѣды звѣрька отпечатываются на снѣгу; по нимъ охотникъ идетъ до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ убѣжища преслѣдуемаго животнаго. Выпадка свѣжаго снѣга среди зимы всегда желательна для охотника; онъ ждетъ ея съ нетерпѣніемъ: только послѣ нея бываетъ добыча. Изъ капкановъ у вогуль мнѣ пришлось видѣть только одну западню для росомахи, настороженную на старой стоянкѣ, гдѣ всегда остается масса костей, привлекающая этого звѣря.

Живя за Ураломъ, Бахтіаровы занимаются также и рыболовствомъ. Здѣсь же имъ не хватаетъ времени на это занятіе: олени и охота отнимаютъ все свободное время. Очень рѣдко закидываютъ они свой „сырпъ“.

Сырпъ представляетъ изъ себя мѣшкообразную сѣть. При чемъ сырпъ для ловли тайменя дѣлается прочнѣе, чѣмъ сырпъ для ловли хариусовъ. Длиною сѣть дѣлается аршина 4 — 5, глубиною до 2 арш. и высотой вершковъ 10. Чтобы сѣть была не такъ замѣтна для рыбы, ее окрашиваютъ дубильнымъ веществомъ (настояемъ коры черемухи), чрезъ что она пріобрѣтаетъ темно-коричневый цвѣтъ. Сѣть прикрѣпляется къ тонкимъ шестамъ, длиною около 4 арш., которые прикрѣплены собственно къ нижней тетивѣ; благодаря этимъ палкамъ сѣть можно влечь по рѣчному дну. Къ верхней тетивѣ привязываются тонкія бичевки (симы), другой конецъ которыхъ находится въ рукахъ рыбака; по нимъ онъ узнаетъ о попавшей рыбѣ. Ловля сырпомъ производится двумя способами: или плывутъ по теченію рѣки въ двухъ лодкахъ, растягивая сѣть, для чего носы лодокъ направляютъ нѣсколько къ берегамъ, или же, замѣтивъ стаю рыбъ, двѣ лодки останавливаются, растянувъ сѣти ниже замѣченной стаи, а остальные лодки быстро кидаются впередъ и ударами шестовъ о воду пугаютъ рыбу, загоняя ее въ сѣть. Ловля сырпомъ перенята отъ вогуль русскими жителями Вишеры и Косьвы, и носить у нихъ названіе „сырпать“.

Х.

Слишкомъ короткій срокъ знакомства моего съ вогулами и случайныя встрѣчи не дали мнѣ возможности настолько хорошо познакомиться съ ихъ языкомъ, чтобы уловить грамматическое из-

мѣненіе словъ при построеніи фразъ. Пришлось ограничиться разспрашиваніемъ и записываніемъ отдѣльныхъ словъ, которыя ниже приведены мною.

Замѣчу о произношеніи словъ вогулами слѣдующее: произнося русскія слова, они иногда не выговариваютъ первой согласной, что свойственно, кажется, всѣмъ финскимъ народамъ. Напримѣръ: едра (кедръ), ёмка (съёмка), епръ (вепрь) и т. д. Русскую согласную *х* замѣняютъ иногда согласной *ж*; напр., Кырстось, козяинъ, но эта замѣна не выдѣляется такъ рѣзко, какъ у пермяковъ.

Нѣкоторыя свои родныя слова вогулы произносятъ двоякимъ образомъ: Тоорм и тором; соорб и сороб; кеерс и керес и т. д. Манчи и манси; моолча и моолся; мансинъ и маншинъ и т. п. Буква *х* въ вогульскомъ языкѣ часто произносится, какъ латинское *h*. Напримѣръ, въ словахъ: тэхом—слушай; Тайтхом—житель Сосьвы; Лоусемъхом—лозвинецъ, и во многихъ другихъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь слова, даваемые *Гофманомъ* въ его знаменитомъ, къ сожалѣнію ставшемъ рѣдкостью, сочиненіи: „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай Хой“.

Ур—гора вообще.	Группа горъ, т. е. совокупность возвышенностей, принадлежащихъ къ одной системѣ и называемыхъ однимъ именемъ.
Тумп	Большая гора, отдѣленная какимъ бы то ни было образомъ отъ общаго горнаго кряжа и оканчивающаяся вверху макушкой.
Ньёр	Гора, которой вершина или скаты покрыты иглами и утесами.
Ньёлъ	Гора, выдающаяся изъ горнаго хребта, выступъ, конецъ горнаго хребта.
Чахль	Остроконечная вершина горы, пикъ.
Керес	Утесистый берегъ, отвѣсный береговой утесъ.
Сори	Низкій и ровный отрогъ, соединяющій двѣ горы или вершины, горный проходъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ—долина.
Ахутас	Отторженецъ, скала, камень.
Я	Рѣка, ручей.
Шош	Небольшой ручей.
Я-тольак	Источникъ ручья.

Яхель	Порогъ.
Тур	Озеро.
Яни	Большой.
Мань	Малый.

Юрьевъ—сотрудникъ Гофмана по экспедиціи—даетъ слѣдующія слова въ своемъ „Топографическомъ описаніи Сѣвернаго Урала“:

Али	Верхній.
Ахутас	Камни.
Гомсен	Холмы.
Госса	Долгій, далекій, далеко.
Келых	Болото.
Кѣрее	Каменные скалы, притесы.
Кол	Чумъ, шалашъ переносный.
Лѣнг	Дорога, путь.
Лбоок	Курья, глухой заливъ.
Луй	Нижній.
Манзси палъ	Восточный склонъ Урала (отъ манзси — вогулы).
Мань—ус	Малый-ая-ое.
Мѳпи	Отдѣльная скала, чурокъ.
Нѣль	Конецъ хребта, мысъ, носокъ, отрогъ.
Нѣр	Цѣпь горъ, каменный кряжъ, камень.
Пассель	Островъ.
Пауль	Юрта, зимнія жилища.
Соры	Долина, низменность
Сырян пал	Западный склонъ. Зырянская сторона.
Тит	Устье рѣки.
Тѳсем	Сухой.
Тумп	Отдѣльная значительная гора, если ее обходятъ вершины рѣкъ, или ограничиваютъ долины.
Турр	Озеро.
Чертѳсем урр	Линія раздѣленія водъ.
Чяхль	Сопка или вершина на хребтѣ.
Шош	Маленькая рѣчка, ручей.
Я	Рѣка. Большая рѣка.
Яни	Большой; великій

Ятоляк Вершина рѣки; истокъ.
Яхтель Пороги на рѣкѣ и переборы.

Имъ же въ его сочиненіи упоминаются:

Пассеръ-я	Р. Вишера.
Япкоанг	Р. Корыксеръ.
Лу-нёр, Яхтель-я-нёр	Гора Тулымскій Камень.
Яхтель-я	Р. Лыпя (порожная).
Кассеп-нёр	Березовый Камень.
Каластали-уоль-урр	Пропашенскій Камень.
Лёнгва-нёр; Чоуль-Пауль-нёр	Чувальскій Камень.

Въ „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1874 г., въ статьѣ „Свѣдѣнія объ инородцахъ, обитающихъ въ Пермской губерніи“, на стр. 399, приведены слова:

Торм Пыл	Сынъ Божій
Торм Лили ёмас	Духъ Святой
Торм Анква	Божья Матерь
Торм коль	Церковь
Пернакум	Архіерей
Емин холас	Человѣкъ
Ам	Я
Пэг	Ты
Паух	Онъ
Ман	Мы
Нам	Вы
Тан	Они
Шам	Глаза
Тус	Ротъ
Нель	Носъ
Пэль	Уши
Нелым	Языкъ
Пэнк	Голова

Слѣдующія слова записаны мною. Я привожу здѣсь только тѣ слова, которыхъ не даетъ Сорокинъ ¹⁾, и тѣ, которыя разнятся отъ записанныхъ имъ словъ.

¹⁾ Сорокинъ. Путешествіе къ вогуламъ. На стр. 35—43 имъ перечислено около 280 словъ по своимъ и чужимъ записямъ.

Аанчук	Дѣдъ.
Аахтас	Камень.
Абль	Яица.
Аенъ	Пей.
Айяд	Рога.
Албыл	Утро.
Альнъ	Лень (таймень—рыба).
Аргин	Мѣдный.
Атим	Нѣтъ.
Атэнг	Вкусный.
Атэри	Не надо.
Аулла-коль	Шесть для остова іорн-коля.
Вапс	Зять.
Ввой	Сало.
Вита	Вода (по Сорокину—Уйтъ).
Воор	Лѣсъ (по Сорокину—Уоръ).
Ворчи	Бѣлый.
Воряго минэйм	Пойду на охоту.
Выгыр	Красный.
Вырпиль	Грибъ.
Ёмасъ	Хорошо, отлично (по Сорокину—Эмасъ).
Ёсса	Лыжа.
Іоран	Самоѣдъ.
Іорн-вай	Обувь, носимая вогулами, изъ оленьихъ шкуръ съ длинными голенищами.
Іорн-коль	Переносное жильё оленеводовъ.
Іорн-хур	Мѣшокъ изъ оленьихъ шкуръ.
Ихвмэнк-пиль	Грибъ, растущій на деревьяхъ.
Ихв	Растущее дерево.
Кааль	Береза (по Сорокину—Кольпъ).
Лам	Черемуха.
Лапанды	Бабочка.
Лестан	Оселокъ.
Липій	Собака съ бѣлой шерстью.
Луз	Лузанъ. Кусокъ матеріи, служащій частью одежды.
Ма	Земля.
Мани	Сноха.

Мансзи	Самоназваніе вогуль.
Мансзи-ма	Сибирь.
Мансзин }	Глухарь.
Маншин }	
Манчи	То же, что и мансзи.
Манч-вай	Суконные чулки.
Маныр	Чего? Что?
Маныр вары	Что хочешь дѣлать?
Минас	Ушелъ.
Минэен	Идешь.
Минэйм	Иду.
Мояйх	Скоро (по Сорокину—Мылихъ тыйли).
Монкля	Сова.
Муйлейбъ	Гость.
Нель	Носъ.
Нор	Срубленное дерево.
Нор-коль	Зимнее жильё вогуль, изба.
Нуми сууп	Рубаха.
Нюй	Сукно и одежда изъ сукна.
Нюли	Пихта.
Нюси	Бородатый лишайникъ на деревѣ.
Нэ	Старуха.
Нэбакъ	Бумага (по Сорокину—Нэбакъ).
Обиойка	Тестъ.
Ойка	Мужикъ, также окликъ вогула.
Ойкан	Мужской костюмъ въ видѣ кафтана (по Сорокину—Уайганъ).
Оли	Есть.
Ольн	Деньги.
Осимасусуль	Прощай.
Осягуль	Харіусъ (рыба)
Остыналауен	Купи.
Палам	Оса.
Пал	Ухо.
Паче	Здравствуй.
Поррых	Пиканъ (растеніе изъ зонтичн.).
Порсь	Свинья.
Пос	Пятно.

Поот ¹⁾	Ясакъ, подать.
Пот	Котель.
Потатем	Стрѣляю.
Потертен	Скажи.
Пунг-ат	Волосы на головѣ.
Поутоп	Острога (по Сорокину—Поутопъ).
Пыыг	Сынъ (по Сорокину—Тыымъ).
Пэрна	Медаль, крестъ.
Ракт	Песокъ.
Рума	Другъ товарищъ.
Русъ	Русскій, иногда зовутъ „керсенинъ“.
Саан	Посуда изъ коры березы.
Саас	Березовая кора, береста.
Саас-нѣль	Маска изъ березовой коры.
Сака	Очень.
Сак	Бусы.
Семоль	Черный.
Сомьях	Чамья (по-вишерски); срубъ для складки мяса убиваемыхъ лосей. Обыкновенно устраивается у охотничьихъ избъ.
Сосельн	Наливай.
Ссаих	Коса на головѣ.
Ссых	Налимъ.
Суня	Нарта, сани.
Сунъ паче	Будь здоровъ! Здравствуй!
Тааль	Лиственница.
Тан	Жила.
Тауль	Шкура оленя (по Сорокину—Тоуль).
Таен	Ѣшь.
Тотан	Сундукъ
Туль	Туманъ (по Сорокину—Тульть)
Тунчанг	Арканъ для ловли оленей.
Тына-лауен	Продай.
Тына-маныр-лауен	Сколько просишь, во что цѣнишь?
Тэм	Ѣмъ.

¹⁾ Поот—повидимому русское слово подать; одноименныя названія котла и подати позволяютъ догадываться, что въ былыя времена котель по стоимости равнялся ясаку, т. е. приблизительно 5 соболямъ.

Тэп	Ѓстѣ.
Тэп саали	Оленій мохъ.
Тэхом!	Слушай!
Улипа	Кедръ.
Унделёль	Садись.
Хансза	Рисунокъ вообще.
Хансзимен	Пиши, запиши.
Хоон	Царь.
Хоракти	Ольха.
Хотали минэен	Куда пошеть?
Хотан	Лебедь.
Хотел	День.
Хот ялцен	Гдѣ былъ?
Хоулим	Зола, пепелъ.
Хоуль	Рыба (по Сорокину—Кууль).
Хоут	Ёлка.
Хультеп	Выдра.
Чааним	Мать.
Чаалольн	Серебряная чарка.
Чаарч	Море.
Часегом	Бабушка.
Човаль	Каминъ вогульскій въ нор-колѣ.
Чопырр	Тетеревъ.
Эква	Баба.
Эрп	Надо.
Ягай	Сестра.
Ягбым	Братъ.
Яльбынг-коль	Часовня (по Сорокину—Гольбунголь).
Ялцем	Ходилъ.
Янг	Ледъ; бѣлый.
Страны горизонта:	
Али вот	Югъ (верхвій вѣтеръ).
Люль вот	Сѣверъ (сѣверный вѣтеръ).
Саран-пал вот	Западъ (вѣтеръ съ зырянской стороны)
Ходи вот	Востокъ.
Названіе урочищъ:	
Лу-иёр	Тулымскій Камень.
Лингва	Чувальскій Камень.

Сунь-я	Кутимъ рѣка.
Пурап-нёр	Кваркушъ гора.
Хос-тумп	Ооминскій Камень.
Ус	Чердынъ (и, кажется, всякій городъ).
Яльпинг-нёр	Молебный Камень.
Япкоанг	Корыксеръ.

Вогульскій языкъ, по сообщенію Чупина ¹⁾, обладаетъ той способностью, что онъ не имѣетъ мѣстоименій, которыя замѣняются измѣненіемъ существительныхъ, чѣмъ вогульскій языкъ сходенъ съ венгерскимъ. Напримѣръ:

Лу	Лошадь.
Лум	Моя лошадь.
Лун-	Твоя лошадь.
Луае	Его лошадь.
Лумен	Насъ двоихъ лошадь.

Чупинъ ²⁾ даетъ вогульскія слова:

Тусе-тун	Усы (ротовые волосы).
Уй	Волкъ.
Таулин уй	Крылатое животное (т. е. птица).
Вит уй	Водяной звѣрь, рѣчной бобръ.
Ельлинг уй	Святое животное, змѣя.
Нен уй	Матка звѣрь, медвѣдица.
Пурне уй	Кусающій звѣрь—волкъ.
Шеш	Волкъ-же.

Списокъ вогульскихъ словъ, записанныхъ покойнымъ д-ромъ В. Н. Бензенгромъ на Московской Антропологической выставкѣ, по слову ясачнаго вогула Ивана Платоновича Соловьева, Тобольской губерніи, Березовскаго округа, съ рѣки Лозьвы, именующаго свое племя Гельмъ—Гольсъ ³⁾:

¹⁾ Чупинъ—авторъ многихъ статей о Пермскомъ краѣ, составившій между прочимъ „Обозрѣніе книгъ и статей, въ которыхъ говорится о вогуличахъ и остякахъ, въ хронологическомъ порядкѣ“.

²⁾ Пермскій край, I.

³⁾ Пользуемся случаемъ напечатать этотъ списокъ, извлеченный изъ архива Этнографическаго Отдѣла. (См. протоколъ 83-го засѣданія Этногр. Отдѣла). *Ред.*

Земля	Ма.	Трава	Пом.
Вода	Вит.	Человѣкъ	Гельм-гольц.
Небо	Торм.	Женщина	Неэ.
Солнце	Кѣтоль.	Отецъ	Аасим.
Звѣзды	Сау.	Мать	Сяаним.
Луна	Йонгоб.	Дитя	Няурм.
Заря	Постигли.	Дѣвочка	Агый.
Облака	Тулен.	Мальчикъ	Пырх.
Туча	Чохель.	Старикъ	Матам-асъ.
Громъ	Чохель каарси.	Старуха	Матам-іэква.
Молнія	Саали.	Братъ	Ягбыйм, ялпых.
Дождь	Раакуи, раакви.	Сестра	Яггайм, ялаг.
Сяѣгъ	Туйт.	Дядя	Асьпыйм.
Градъ	Аахтесен сѣхль.	Тетка	Онъгыйм.
Иней	Сопет-коль.	Кумъ	Кум (русс.).
Морозъ	Айсярм.	Свадьба	Хайта махтем.
Студено	Поллум.	Голова	Пунг.
Жарко	Рэгн.	Волосы	Пунг, понг от.
Сыро	Вит (ср. вода).	Глаза	Самагм.
Сухо	Тоосм.	Лобъ	Вельтам.
Свѣтъ	Посэн.	Щеки	Пайтагм.
Свѣтаеть	Хѣтли.	Носъ	Ньюлом.
День	Кѣтоль (ср. солн- це.	Уши	Пайягм.
		Языкъ	Нельм.
Ночь	Эйти.	Ротъ	Суопм.
Утро	Кѣли.	Зубы	Понг.
Полдень	Кѣтлиат.	Борода	Туоспун.
Вечеръ	Йелеидими.	Шея	Сыплеу.
Годъ	Тольитуй.	Грудь	Маглам.
Мѣсяцъ	Уат кѣтоль.	Брюхо	Соры.
Недѣля	Саат.	Руки	Кат.
Гора	Урр.	Ноги	Лагль.
Камень	Аахтѣз.	Ногти	Куаскѣр.
Песокъ	Сегый.	Пальцы	Туйясуль.
Глина	Раахт.	Муж. дѣтор. чл.	Войсх.
Лѣсъ	Уиргив, уиргый.	Женск. " "	Пунъ.
Дерево	Нійв.	Задница	Пуйсем.
Луга	Нюрм.	Шапка	Кэнт.

Рубаха	Суп.	Ружье	Писый.
Штаны	Майньсуп.	Дробь	Суахняль.
Платокъ	Пунктор.	Порохъ	Сетья.
Поясъ	Уенд-ап куслих.	Свинець	Атвус.
Саногн	Сббох(съ русс.).	Кремень	Уляахтс.
Чулки	Уайя.	Лукъ	Поут.
Обутки	Кярра.	Стрѣла	Ньяль.
Кафтанъ	Шуй.	Тетиво	Яанту.
Домъ	Куоль.	Псводъ	Толых.
Крыша	Куоль-алла.	Мрежи	Кульп.
Окно	Кенес.	Морда	Камка.
Стекло	Кумыска-кёр.	Сырпъ	Сырп.
Дверь	Ауый.	Удоука	Уандон.
Поль	Куоль-кэн.	Дорожка	Касека.
Столъ	Паазен.	Нарты	Суп.
Скамейка	Уунтангив.	Шестъ	Нарпив.
Порогъ	Ауигап.	Лодка	Кан.
Огородъ	Сэти.	Весло	Туон.
Огонь	Уля.	Тиска	Кольсаас.
Дрова	Ульив.	Желѣзо	Кэр.
Уголья	Лотох.	Мѣдь	Аргин.
Топоръ	Саурп.	Серебро	Сяаль.
Пожъ	Касей.	Золото	Соорна.
Игла	Сартнакёр.	Сосна	Тары.
Ложка	Коп.	Ель	Коут.
Чашка	Ани.	Лиственница	Пах.
Соль	Сольуоль.	Пихта	Нюли.
Хлѣбъ	Нянь.	Береза	Кай.
Капна	Саламт.	Осина	Капха.
Масло	Сайуой.	Ольха	Корохта.
Мясо	Пеуыль.	Черемуха	Ямбив.
Молоко	Сяхвулт.	Тальникъ	Тып.
Водка	Орох;	Жямолость	Мехиыльив.
Крупа	Сыртен.	Орѣхи	Пааксам.
Горохъ	Нурсях.	Малина	Омесь.
Мука	Колос.	Смородина	Созь.
Ици	Немат.	Крас. смород.	Вырпиль.
Яйца	Монгый.	Клюква	Морех.

Брусника	Сууйпилъ.	Ястребъ	Карпхон.
Черника	Сауни.	Воронъ	Кулах.
Голубика	Тахтыль.	Ворона	Урынеква.
Грибы	Лахс.	Лебедь	Хотын.
Мохъ	Хасли.	Коршунъ	Коральми-уй.
Шишка	Пак.	Гусь	Нунт.
Рыба	Холь, коль, хуль.	Утка	Вас.
Язь	Хуйем-хуль,	Чайка	Калливъу.
Окунь	Сымри.	Рыболовъ	Кольняуит.
Щука	Сорт.	Рябчикъ	Кисуп.
Линь	Ольм.	Глухарь	Маньсин.
Карась	Тѳр-хуль.	Пеструха	Сѳгор.
Нельма	Уе.	Косачъ	Яттры.
Ершъ	Тѳрко.	Куропатка	Ангка.
Сельдь	Ме-уль.	Бекасъ	Сюльзи.
Харіузь	Освя-хуль.	Журавль	Тары.
Налимъ	Сый.	Синица	Ворзих.
Голецъ	Манья-уль.	Бѳлый	Вяйкѳн.
Осетръ	Субы.	Черный	Семль.
Икра	Порр.	Зеленый	Кассым.
Медвѳдь	Торыв.	Красный	Выр.
Волкъ	Уй.	(Не могъ назвать ни голубого, ни желтаго, а также слова: „цвѳтокъ“).	
Лисица	Охсяр.	Много	Сау.
Рѳссوماха	Тульмах.	Мало	Мосьця.
Выдра	Хультеп.	Ничего	Немотра-анем.
Рысь	Расъ.	Больше	Яных, сау-майсн
Соболь	Пѳхус.	Сколько	Мансамит ѳльм.
Бѳлка	Ленин.	Когда	Коунъ-йохтейм.
Горностай	Сѳользи.	Гдѳ	Коот-ольсен.
Бурундукъ	Койсер.	Вѳтъ хочу	Тенгуа танкгейм.
Лось	Шор.	Пить хочу	Витаимка танкгейм.
Олень	Саали.		Куй егм.
Лошадь	Луу.		Конгса хартейм.
Быкъ	Мыс-хон.		Тоутла хтейм.
Корова	Мыл.	Спать	Тяумильм.
Овца	Пайя.	Курить	
Свинья	Пѳросъ.	Жевать	
Орель	Йоусеуй.	Кусать	

Нюхать	Сар хартым.	Шить	Йоунтегм.
Табакъ	Сарр.	Иголка	Йоунтоп.
Ходить	Ямегм.	Питка	Сеэтап.
Ѣздить	Ямсегм.	Мыло	Мойтах.
Ѣхаль	Менегм.	Ведро	Петр.
Молиться	Торм госсейм.	Вѣникъ	Пених.
Плакать	Іуонь-си.	Печка	Куур.
Смѣяться	Молнти тегм.	Варить	Ньюольпейти.
Радоваться	Сяатты.	Ѣсть	Ньюольтегм.
Плясать	Йекуэгм.	Богатый	Поум.
Пѣть	Йергейм.	Бѣдый	Нюса.
Стрѣлять, изъ	Пааталегм, па-	Крестный отецъ	Пернем ягм.
лука	ахтегм.	Креститься	Перпантуль, лу-
Удить	Уятоглегм.		огм.
Бить	Раатегм.	Бумага	Непх.
Рѣзать	Яхтегм.	Писать	Хансейм.

XI.

Религіозный міръ вогула—самый трудный вопросъ для изслѣдователя. Вогулы скрываютъ свои религіозныя воззрѣнія и на всякій вопросъ на эту тему отвѣчаютъ „не знаю“, и дѣлаютъ видъ, что они васъ не понимаютъ. Только въ минуту откровенности, которая въ большинствѣ случаевъ является подъ вліяніемъ виновныхъ паровъ, вогуль выскажетъ болѣе того, чѣмъ онъ желалъ бы высказать.

Моя работа въ этомъ отношеніи слишкомъ не полна, но она облегчить задачу послѣдующимъ изслѣдователямъ, располагающимъ средствами и болѣе свободнымъ временемъ. Надо отдать справедливость, что наша литература слишкомъ бѣдна по изслѣдованіямъ духовнаго быта этого народа, и о религіи ихъ не имѣется даже смутнаго представленія.

Если нѣкоторые писатели и упоминаютъ о предметѣ поклоненія вогуль, кромѣ Тоорма, то называютъ его почему-то татарскимъ именемъ „Шайтанъ“, а составитель каталога Уральскаго Общ. любит. естествознанія въ Екатеринбургѣ ухитрился даже окрестить вогульского идола Шаманомъ ¹⁾. Русскіе, сосѣди вогуль,

¹⁾ Каталогъ Ур. Об. люб., ест. въ Екатеринбургѣ, II, стр. 11. 1889 г. Повторено и въ каталогѣ 1898 г.

называютъ вогульскія божества также шайтаномъ, поэтому названія рѣчекъ Шайтанокъ и горы этого имени указываютъ на то, что въ этихъ мѣстахъ въ былыя времена происходили вогульскія молебствія. На это указывалъ еще Палласъ ¹⁾ (1770): „Въ сей части Сибири (около Лобвы) много ручьевъ, горъ и урочищъ, извѣстныхъ подъ именемъ Шайтанка или Шайтанская, понеже тамо вогульцы идолопоклонствовали, и идолы ихъ отъ россіанъ общимъ нарѣчіемъ „Шайтанъ“ назывались“.

Рельефное подтвержденіе сказаннаго мы видимъ въ названіи вогульского поселка на Сосьвѣ—Яльпинг-вѣль-пауль“, въ буквальномъ переводѣ „деревня Молебный Мысь“, который русскими зовется „Юрты Шайтанскія“. Такимъ-же образомъ переводится однозначущее названіе рѣчушки около этого поселенія. Въ настоящій моментъ официально всѣ вогулы числятся христіанами. Чердынскіе вогулы были послѣдними, принявшими христіанство; въ то время, когда ихъ родичи Лозвинскіе вогулы были окрещены (1818 г.), чердынскіе оставались язычниками. Постоянныя сношенія между тѣми и другими вліяли дурно на новокрещенцевъ. Въ 1851 году неутомимый проповѣдникъ христіанства священникъ Верхпелымской волости, Михаилъ Степановъ, путешествовавшій съ проповѣдью на лыжахъ по самымъ отдаленнымъ вогульскимъ поселкамъ и истребившій въ эти путешествія до 75 языческихъ кумирницъ, донесъ тобольскому митрополиту Сильвестру, что „къ новокрещеннымъ лозвинскимъ вогуличамъ повсягодно пріѣзжаютъ чердынскіе некрещенные вогуличи, овы для покупки хлѣба, а другіе для свойства, и уповательно,—прибавлялъ при этомъ Степановъ,—чтобы отъ оныхъ некрещенныхъ вогуличъ и не воспослѣдовало къ новокрещеннымъ какого отъ христіанской вѣры отвращенія“ ²⁾.

Въ маѣ того-же года Антоніемъ, епископомъ Вятскимъ (въ то время Чердынь состояла въ вѣдѣніи Вятской епархіи), для мисіонерской дѣятельности между вогулами назначенъ былъ игуменъ Чердынскаго Богословскаго монастыря Іовъ, который взялъ въ помощники священника Федосѣева. Вогулы были собраны въ де-

¹⁾ Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійск. Госуд. II. С. Палласа, ч. II, стр. 332., 1876 г.

²⁾ Покровский. Крещеніе Чердынскихъ вогуличей. Пермскія Епархіальныя Вѣдом. 1868 г. № 43.

ревню Сыпучую на Вишерѣ, гдѣ была въ то время часовня, и изъявили готовность креститься. Всего крестилось 76 мужчинъ и 46 женщинъ. Крестившіеся вогулы были награждены, какъ полагалось тогда, за принятіе христіанства, и на три годѣ освобождены отъ подушныхъ и другихъ сборовъ.

Изъ донесенія Іова Вятской консисторіи 1859 г. видно, что не всѣ вогулы были крещены, а нѣкоторая часть осталась не крещеною, на что указываютъ слова: „въ невѣртіи осталось напримѣръ съ треть.“

Если принять во вниманіе слишкомъ низкій уровень развитія этого народа, то легко понять, что христіанство не могло прииться къ нему. Вогулы исполняютъ нѣкоторые требуемые отъ нихъ обряды, но остаются прежними идолопоклонниками; завѣты отцовъ живы среди нихъ и свято чтутся ими, чему не мало способствуетъ ихъ изолированность, сохранившійся родной языкъ и подчасъ невысокое развитіе и плохое образованіе священниковъ, назначаемыхъ на окраины.

Вѣрованія вогулъ въ настоящее время сводятся къ слѣдующему:

Высшее ихъ божество носитъ имя *Тоормъ*—„Бѣлый богъ“, представленіе о которомъ смѣшалось съ представленіемъ о христіанскомъ Богѣ. Тоормъ, или Торомъ, въ вогульскомъ нарѣчій означаетъ также и небо, которое, по всей вѣроятности, и служило первоначально предметомъ поклоненія этого народа. Представленіе о христіанскомъ Богѣ, высказанное мнѣ Еремѣемъ Бахтіаровымъ, не идетъ далѣе того, что Тоормъ на небѣ; у него три сына: Кыретьосъ, Микалай и Иля; ему хорошо молиться.

На землѣ, повидимому, Тоорма замѣщаетъ *Пубыхъ*—божество довольно доброе, спасающее людей отъ болѣзни.

У всякаго вогула имѣется особый сундучекъ, въ которомъ хранятся наипѣнѣйшія шкурки соболя, куницы, выдры и т. д. Къ шеѣ каждой привязаны платки со ввязанными кольцами и серебряными деньгами, надѣты цвѣтные пиджаки, на голову шапка или фуражка, привязанная платкомъ для того, чтобы не слѣзала съ головы. Видъ подобной разодѣтой шкурки является довольно курьезнымъ. Шкурки эти представляютъ изъ себя Пубыха.

Однажды мнѣ удалось видѣть молитву этому божеству. Степанъ вернулся изъ-за Урала на Чувальскій Камень. Вечеромъ того же дня онъ, сынъ Еремѣй и зять И. В. Досмановъ, захвативъ

съ собою четверть водки и нѣсколько саановъ со съѣстнымъ, вышли изъ іорн-коля и отправились къ стоявшей въ отдаленіи нартѣ съ Пубыхомъ. Четверть была торжественно водружена на ящикъ, тутъ-же были поставлены и сааны. Ставъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нарты, лицомъ къ югу, они слегка наклоняли корпусъ и возводили къ небу глаза. Они благодарили божество за благополучное возвращеніе главы семейства. Минута была торжественная, чему немало способствовала окружающая обстановка. Словъ никакихъ не было слышно; кажется, они ихъ не произносили.

Однажды при распросахъ Еремѣй мнѣ сказалъ, что Кырстось—Пубыхъ и Микалай—Пубыхъ.

Далѣе въ міеологіи вогуль слѣдуетъ также доброе божество *Чохрынъ—ойка*, загоняющее потерявшихся оленей, останавливающее течъ въ лодкѣ и т. д. Божество это, какъ и всѣ остальные, не равнодушно къ водкѣ; повидимому, оно можетъ превращаться въ предметы. Такъ, напримѣръ, мнѣ пришлось видѣть у своихъ знакомыхъ узкій ножъ, обмотанный цвѣтнымъ шнуркомъ, — это Чохрынъ-ойка. Отправляясь на поиски потерявшихся оленей, вогуль беретъ съ собою этотъ талисманъ. Еслибъ въ лодкѣ появилась течъ, то достаточно воткнуть этотъ ножъ, чтобы течъ прекратилась. Здѣсь я долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что къ имени Чохрынъ добавлено слово ойка, которое въ переводѣ означаетъ мужчина: слѣдовательно, въ міеологіи вогуль существуютъ божества того и другого пола. Полъ Чохрынъ-ойка отмѣченъ и на отлитомъ изображеніи его, какъ это можно видѣть изъ рисунка, помѣщенного у Сорокина ¹⁾. Это важно въ томъ отношеніи, что при раскопкахъ такъ называемыхъ чудскихъ городищъ Чердынскаго, Соликамскаго, Пермскаго уѣздовъ, а отчасти въ Вятской и Вологодской губерніяхъ находимыя мѣдныя изображенія людей отлиты съ указаніемъ пола ²⁾.

Подробное описаніе Чохрынъ-ойка сдѣлано у К. И. Носилова въ его статьѣ: „У шайтана“ ³⁾.

Носиловъ познакомился съ этимъ божествомъ на берегу озера

¹⁾ Идолъ, отлитый изъ металла, съ двумя головами. Бахтіаровы по рисунку признали въ немъ Чохрынъ-ойка.

²⁾ „Путешествіе въ вогуламъ“, прил., табл. V, № 1.

³⁾ Новое Время 1897, №№ 7597 и 7604. Жаль, что статья носитъ слишкомъ беллетристическій характеръ.

Ельбонь-Туръ (въ переводѣ: Святос озеро), по ту сторону Урала, у старика Сопра, который, по словамъ Носилова, былъ шаманомъ и хранителемъ идола Чохрынъ-ойка. Отъ этого старика онъ узналъ интересныя подробности о божествѣ. Оказалось, что у него между богами были родственники и сваты, превратившіеся въ настоящее время то въ горы, то въ пики горъ, то улетѣвшіе со скучной земли на небо. Самъ Чохрынъ-ойка не то поднялся къ главному божеству Тоорму, не то умеръ и витаетъ только духомъ. Носилкову посчастливилось даже присутствовать при жертвоприношеніи ему и увидѣть идола, находящагося по близости этихъ мѣстъ, сохраняемаго въ особомъ амбарчикѣ. Идолъ представлялъ изъ себя грубой работы чурбанъ съ оловянными глазами, одѣтый въ мѣха, обмотанный шарфами и опоясками, и съ тремя остроконечными шапками на головѣ изъ чернаго, краснаго и синяго сукна. Въ одеждѣ оказалась масса серебра—монеты и старинныя чашечки. Кругомъ идола стояли деревянные позолоченныя чашки, наполненныя кренделями, пряниками и прочей съѣдобой, уже заплѣсневѣвшей—приношеніе поклонниковъ. По словамъ автора Чохрынъ-ойкѣ приносятся общественныя жертвы черезъ три, семь и двѣнадцать лѣтъ—священныя числа. Тогда собираются не только окрестныя вогулы, но даже пріѣзжаютъ самоѣды изъ отдаленныхъ мѣстъ. Кромѣ приношенія жертвъ божеству, по словамъ того же автора, у вогуль существуетъ еще обычай вырѣзать его изображеніе на стволахъ деревьевъ, то въ видѣ головы съ остроконечною шапкой, то въ видѣ такой же головы съ четырьмя глазами, двумя носами, то еще съ прибавленіемъ ногъ и рукъ въ видѣ бороздокъ¹⁾.

Это сообщеніе даетъ отчасти право предположить, что фигуры на Писанномъ Камнѣ и на Моховомъ по Вишерѣ нанесены вогулами, хотя вогулы при разпросѣ о нихъ отзываются невѣдѣніемъ. Писанный Камень упоминается еще въ XVII вѣкѣ. Въ нижней его части, которая носитъ названіе Бѣлоусовскаго камня, имѣются двѣ интересныя пещеры, одна съ высокимъ входомъ, въ видѣ готической арки, другая съ занесеннымъ пескомъ входомъ, но длиною около тридцати сажень, при чемъ въ концѣ ея пустота представляетъ какъ бы комнату съ куполообразнымъ сводомъ довольно

¹⁾ Желających подробно ознакомиться съ Чохрынъ-ойка отсылаемъ къ статьѣ г. Носилова.

солидныхъ размѣровъ. Пещеры заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователей.

Божество зла представляетъ собою *Мэнкз* ¹⁾, предъ которымъ также нужно заискивать, чтобы быть здоровымъ. Это божество изображается иногда въ видѣ деревяннаго идола *Ихвмэнкз* — со- отвѣтствуетъ зырянскому Болбану и самоѣдскому Варцапу.

Заимствуя отъ самоѣдовъ оленеводство, жилье (іорн-коль), одежду (іорн-вай) и т. д., вогуль не могъ не заимствовать отчасти и религіозныхъ представленій, по крайней мѣрѣ о тѣхъ божествахъ, которыя близко стоятъ къ оленеводству. Доказательствомъ этому можетъ служить общее поклоненіе вогуль и самоѣдовъ Чохрынъ-ойкѣ. Кромѣ того у самоѣдовъ, какъ извѣстно, существуютъ „Хеги“ (домашніе боги) двухъ родовъ, искусственные и естественные. Первые дѣлаются самими самоѣдами; вторые представляли изъ себя куски дерева и камня, находимые въ тундрѣ, обвѣшиваемые цвѣтными лоскутьями. Въ былыя времена были также Хеги, принадлежавшіе цѣлому народу, и состоявшіе обыкновенно изъ скалъ и камней, похожихъ фигуною на человѣка ²⁾.

То-же самое мы видимъ и у вогуль. Нашедши камень, напоминающій человѣческую голову съ шеей, вогуль надѣваетъ на него рубашки и ставитъ на площадку горы. Однимъ изъ служащихъ приисковъ была увезена подобная голова съ Молебнаго камня, на шею которой въ числѣ рубашекъ была надѣта сорочка. Голова представляла валунъ хлоритоваго сланца кварца и принадлежала одному изъ членовъ семьи Бахтіаровыхъ. Во избѣжаніе столкновеній голову пришлось вернуть обратно.

Проводникъ священника Аоан. Позднякова ³⁾, открылъ ему, что у нихъ въ вершинѣ рѣки Лозьвы, въ лѣсу, есть сохатый окаменѣлый звѣрь (лось), которому они въ извѣстное время поклоняются, прося его, чтобы онъ посылалъ больше звѣря, но поклоненіе совершаютъ не какъ богу, а какъ ангелу, принявшему на себя видъ звѣря. На вопросъ священника, гдѣ и какъ они достали его, онъ отвѣтилъ, что предки ихъ очень давно нашли его, и что

¹⁾ Не одно-ли это божество съ Мейкомъ, упоминаемымъ Гр. Новицкимъ въ его сочиненіи „Описаніе о народѣ остяцкомъ“?

²⁾ *Эпелмаротъ*. Русскій Северъ.

³⁾ Епархіальныя Вѣдомости 1876, стр. 414. Путешествіе священника къ вогульчанъ и остякамъ, обитающимъ въ Верхотурскомъ уездѣ.

отъ этого звѣря есть слѣды, которые и сейчасъ указываютъ, гдѣ онъ ходилъ. Весьма можетъ быть, что упоминаемый лось играетъ одинаковую роль съ каменными головами.

Вслушиваясь въ вогульскія названія горъ Урала и пиковъ горъ, можно думать, что горы играютъ такую же роль въ вѣрованіяхъ вогула, какую у самоѣдовъ общественные Хеги. Напримѣръ, имена: „Нэ Пубы нѣр“—Пубыхъ старухи; „Нор-ойка“—деревянный мужикъ; „Яльпинг-нѣр“—Молебный камень, и т. д.

По представленію вогуль вершины нѣкоторыхъ горъ представляютъ: „такое дикое мѣсто, что если тамъ ударить топоромъ по палкѣ (дереву?), то изъ нея потечетъ кровь¹⁾. Когда богъ садилъ людей, то и указалъ такія мѣста, поставивъ стеречь ихъ Мэнква“ (должно быть находимые камни въ видѣ человѣческой головы)²⁾. Изъ вогуль никто не долженъ ходить туда въ невазначенное время подѣ страхомъ смерти. Въ Чердынскомъ Уралѣ имѣется двѣ подобныхъ горы: Молебный к. и Сольвинскій въ верховьяхъ р. Кутима.

„Дикое мѣсто“, играетъ у вогуль роль живого существа. Такъ, въ случаѣ неудачи, они говорятъ, что „дикое мѣсто сердится: нужно закопать въ землю серебряную монету, чтобы умиловить его“. То же самое слѣдуетъ продѣлать, чтобы быть здоровымъ. Въ извѣстное время года вогулы съѣзжаются на Молебный камень для общественныхъ жертвоприношеній.

Въ сѣверномъ Уралѣ есть три горы, носящихъ названіе Молебный камень или Яльпинг-нѣръ. Одинъ, частію въ предѣлахъ Чердынскаго уѣзда, составляетъ водораздѣлъ между притоками Вишеры и Лозьвы, приблизительно подѣ 61° 20' с. ш.; почти двумя градусами сѣвернѣе его на восточномъ склонѣ Урала вторая гора этого же имени Госса-Яльпинг-нѣръ. Между этими двумя, также на восточномъ склонѣ, приблизительно подѣ 63° с. ш. Няис-Яльпинг-нѣръ, съ котораго берутъ начало притоки Сосьвы.

Первое извѣстіе о вогульскихъ жертвоприношеніяхъ даетъ Избрандсонъ, проѣзжавшій мимо Чусовскихъ вогуль въ 1692 г. посланникомъ въ Китай. Вотъ его слова: „Вогуличи родомъ крѣп-

¹⁾ Не сложилось-ли это повѣрье подѣ влияніемъ того, что снѣгъ на вершинахъ нѣкоторыхъ горъ подобно Альпійскимъ горамъ окрашивается въ кровавую цвѣтъ отъ присутствія *protococcus nivalis*. Ковальскій наблюдалъ окрашивание снѣга на Яльпинг-нѣрѣ.

²⁾ Мэнква происходитъ, кажется, отъ Мэнки эква (женщина).

кіе и главу имѣють широкую; вѣра ихъ состоитъ въ жертвѣ, которую они на всякій годъ однажды приносятъ такимъ порядкомъ: они пойдуть собравшись въ лѣсъ, гдѣ они бьютъ разные звѣри, изъ которыхъ однако же по ихъ обычаю лошадь и козель пѣгій за превосходные почитаются; они сдерутъ съ той скотины кожу, и, падая лицомъ на землю, имъ молятся“...

Въ 1773 году вогульскую деревню Копчикъ (на Чусовой же) посѣтилъ извѣстный путешественникъ Георги. Въ это время Чусовскіе вогулы числились уже христіанами, но у нихъ во всей силѣ сохранились обряды жертвоприношеній, которые и описаны подробно этимъ путешественникомъ.

Спустя сто лѣтъ съ того времени экспедиція, снаряженная Казанскимъ университетомъ, застала Чусовскихъ вогуль уже вполне обрусѣвшими, забывшими совершенно свой родной языкъ и языческіе обряды.

У дикихъ вогуль жертвоприношенія и до нашихъ дней играютъ видную роль. Въ жертву, обыкновенно, приносятъ лошадь или оленя, хотя, какъ мнѣ говорили Бахтіаровы, въ жертву можно приносить и другихъ животныхъ. По ихъ словамъ, они празднуютъ три или четыре праздника въ годъ, въ дни которыхъ колютъ оленей. Одинъ изъ праздниковъ совпадаетъ съ Ильинымъ днемъ, послѣ котораго несѣдненное мясо оленей вывозится въ деревню Усть-Улсъ для продажи.

Жертвы приносятся и при случайныхъ моленіяхъ. Каждую осень Бахтіаровы покупаютъ лошадь или жеребенка, платя порядочныя деньги, и отводятъ ее на Вижай, гдѣ она приносится въ жертву. Мнѣ передавали, будто бы эта лошадь закалывается на могилѣ отца Степана.

При приношеніи жертвы Тоорму—бѣлому богу—животное выбирается бѣлой масти, а изъ деревьевъ необходимыхъ при жертвоприношеніи—береза, какъ имѣющая бѣлый цвѣтъ коры.

Здѣсь мы имѣемъ интереснее объясненіе культа деревьевъ, принявшее христіанскую подкладку. Вогуль объяснилъ мнѣ, что береза—нога Кырста, елка—Микалая; поэтому ихмэнка можно сдѣлать изъ кедра, но ни въ коемъ случаѣ изъ березы или елки. Легко догадаться, что первоначально вогуль считалъ небо божествомъ, а березу его ногою.

Жертвоприношеніе оленей Чахрынъ-ойкѣ описано въ упомя-

нutoй статьѣ Посилова: „У шайтана“. Мнѣ лично, при всемъ моемъ желаніи, не удалось ни разу присутствовать при этомъ обрядѣ. Мой помощникъ по службѣ, нѣкто С., случайно попалъ на жертвоприношеніе вогуль на Чувальскомъ камнѣ (2 августа 1897 г.). Поводомъ къ жертвоприношенію, кажется, послужило ненастное лѣто этого года. Въ жертву приносились олени.

У нарты съ Пубыхомъ была воткнута березка, къ вѣтвямъ которой были привязаны два платка со ввязанными въ углахъ серебряными деньгами. На сундукѣ были поставлены двѣ бутылки водки и въ берестяныхъ коробкахъ крендели. Жертва приносилась „бѣлому богу“, поэтому-то у нарты стояла береза, и олень былъ выбранъ бѣлый. Къ березѣ или нартѣ (С. хорошо не помнитъ) былъ привязанъ арканъ: за него держались всѣ шесть человекъ мужчинъ и кланялись на югъ. Послѣ поклоновъ послѣдовало шесть протяжныхъ криковъ, за ними шесть поклоновъ съ произношеніемъ словъ и опять три раза крикъ; въ это время работникъ зажегъ заранѣе приготовленный костеръ изъ сучьевъ у лежавшей ели, взялся за конецъ аркана—всѣ встали на колѣни и, поднявъ голову кверху, какъ бы цѣловали воздухъ, затѣмъ кланялись въ землю. Еремѣй взялъ топоръ, ударилъ по темени привязаннаго къ нартѣ бѣлаго оленя и вслѣдъ за этимъ вонзилъ ножъ въ сердце. Сейчасъ же были заколоты и другіе олени. Кромѣ упомянутаго костра, горѣлъ другой еще костеръ изъ сучьевъ; на первомъ варили мясо, второй, очевидно, предназначался для другой цѣли. Къ сожалѣнію, конца обряда С. не дождался ¹⁾.

При совершеніи религіозныхъ обрядовъ вогулами употребляются металлическія фигурки лошади. Одинъ изъ Бахтіаровыхъ просилъ меня привезти ему оловянную или вообще металлическую статуэтку лошади, говоря, что она имъ необходима для моленій. Болѣе подробнаго назначенія ея мнѣ узнать не удалось.

Интересно, что въ Чаньвенской пещерѣ Сергѣевымъ найдена была литая фигурка лошади изъ серебристаго состава—быть-можетъ оловянная. Въ Чудскихъ ямахъ близъ гор. Вельска Вологодской губерніи встрѣчаются „мѣдные коньки“ ²⁾.

¹⁾ Въ № 42 „Нивы“ за 1896 г. помѣщенъ рисунокъ принесенія оленя въ жертву.

²⁾ Л. А. Поповъ. Зыряне и зырянскій край. М. 1874 г. (Извѣстія II. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., т. XIII в. 2).

Къ религіознымъ обрядамъ относятся также маскированіе и пляски вогуль по убитіи медвѣдя. Мнѣ не пришло въ видѣть самого обряда, но знаю о немъ изъ слѣдующаго случая. Однажды я сидѣлъ въ іоря-колѣ и разговаривалъ со Степаномъ. Входитъ туда выпившій Василій Бахтіаровъ, одѣтый въ пѣрху и замаскированный въ маску изъ березовой коры съ громаднѣйшимъ носомъ саас-нель (берестянный носъ) и начинаетъ измѣненнымъ голосомъ шутить съ присутствующими. Не преминувъ выпросить нѣсколько чарокъ вина, онъ, припрыгивая на согнутыхъ колѣняхъ удалился изъ коля при общемъ смѣхѣ вогуль. Затѣмъ маску надѣла его сестра и начала плясать. Пляска вогуль довольно своеобразна: она состоитъ изъ порывистыхъ движеній съ выкрикиваніемъ словъ и выбрасыванія рукъ впередъ въ тактъ съ вывернутыми ладонями ¹⁾. Она напоминаетъ гимнастическое упражненіе. Вогулы объяснили мнѣ, что они маскируются и пляшутъ, когда убьютъ медвѣдя—такса ихъ вѣра ²⁾. При этомъ обрядѣ употребляется инструментъ „сангульнъ“, описанный Сорокинымъ подъ именемъ шангура.

Относительно вогульскихъ шамановъ, при всемъ моемъ стараніи, мнѣ ничего узнать не удалось, весьма можетъ-быть, что они у нихъ носятъ собственное вогульское имя.

Также не удалось мнѣ собрать отъ вогуль какихъ либо свѣдѣній относительно культа умершихъ. По рассказамъ вишерца Зырянова—проводника геолога Оедорова—за Ураломъ, при впадении рѣчки Коль въ р. Тошемку (притокъ Вижая) находится вогульскій могильникъ. По его словамъ, вогулы хоронятъ умершихъ поверхъ земли въ деревянныхъ прямоугольныхъ срубахъ „сомьяхъ“, какіе обыкновенно устраиваются при каждой охотничьей избѣ для храненія мяса убиваемыхъ лосей, причемъ тѣло обернуто въ березовую кору и обращено головою на сѣверъ. Вмѣстѣ съ умершимъ кладутся его домашнія вещи. Повидимому, способъ погребенія тотъ же, что и у самоѣдовъ. Это показаніе Зырянова про-

¹⁾ Въ № 8 журнала „Природа и люди“ за 1896—97 годъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій танецъ вогуль. Рабо ошибочно назвалъ ихъ остяками, такъ какъ они были въ вогульскомъ пауѣ Шерья (Лининскихъ остяковъ)

²⁾ О култѣ медвѣдя у вогуль см. статью П. Л. Гондими въ VIII т. „Трудовъ Этнографич. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.“, а также статью П. П. Харузина „Медвѣжья присига“ въ „Этногр. Обзорѣ“ за 1899 годъ. Ред.

тиворѣчиво съ мнѣніемъ изслѣдователей вогуль, которые утверждаютъ, что у вогуль нѣтъ кладбищъ, и что они хоронятъ своихъ умершихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застигнетъ смерть. По рассказамъ другихъ лицъ, Степанъ Бахтіаровъ ежегодно справляетъ тризну, закалывая лошадь на могилѣ своего отца Кирилла, который схороненъ гдѣ-то по Тошемкѣ, весьма можетъ-быть на вышеупомянутомъ кладбищѣ.

З а к л ю ч е н і е.

Знакомство и сношенія русскихъ съ сѣверо-восточными инородцами—вогулами, остяками и самоѣдами—началось въ отдаленныя отъ насъ времена.

Уже въ XI вѣкѣ, какъ повѣствуютъ лѣтописи, новгородцы ходили на притоки Печеры и за Уралъ, гдѣ вымѣнивали у кочевниковъ на желѣзо дорогіе мѣха. Колонизація русскихъ въ Прикамскій край началась въ IV вѣкѣ и приняла прочную основу съ перенесеніемъ Строгановыми солеваренія на рр. Чусовую и Каму. По заявленію Строгановыхъ, испрашиваемыя ими для заселенія земли по Камѣ были въ то время пустопорожними, хотя можно считать доказаннымъ, что въ это время въ краѣ были инородческія и отчасти и русскія поселенія. Вопросъ о томъ, кто были аборигены Прикамскаго края (сѣверной части), кто населялъ этотъ богатый дичью, звѣрями и рыбными ловлями край до появленія въ немъ русскаго элемента, остается и до сихъ поръ загадкою.

Исчезнувшіе аборигены нынѣшними русскими обитателями объединяются въ общемъ названіи—„Чудь“, которая, по легендамъ, съ появленіемъ въ краѣ русскихъ, уходила въ ямы, подпиливала столбы, поддерживающіе землю, и такимъ образомъ сама себя погребала. Изслѣдователи Пермскаго края видятъ въ Чуди—одни предковъ нынѣшнихъ пермяковъ (коми), другіе—предковъ вогуль, и наконецъ третьи—предковъ того и другого народа вмѣстѣ.

Само названіе Чудь мало способствуетъ вырѣшенію даннаго вопроса. За этимъ словомъ признается почему-то русскій корень—„чуждый“, „чужой“, хотя это слово скорѣе принадлежитъ языку одного изъ народовъ финскаго племени. Такъ, на языкѣ лопарей

слово čud—чудъ ¹⁾ означаетъ разбойникъ; оно примѣнялось къ народамъ, грабившимъ ихъ. У этого народа существуетъ масса легендъ относительно Чуди, и даже теперь во всякомъ грозномъ проявленіи стихій лопарь видитъ исчезнувшую Чудь... Это слово существуетъ, кажется, и въ языкѣ самоѣдовъ.

Отъ исчезнувшихъ аборигеновъ сѣверной части Пермскаго края осталась масса вещественныхъ памятниковъ въ видѣ костяныхъ, бронзовыхъ и каменныхъ орудій, литыхъ изображеній людей и животныхъ (чудскихъ образковъ), птицъ и гадовъ, бусъ и массы глиняныхъ черепковъ посуды, находимыхъ въ мѣстахъ былого поселенія ихъ—такъ называемыхъ чудскихъ селищахъ и городищахъ. Подобныя находки одного и того же типа захватываютъ также часть Вятской и Вологодской губерній. По этимъ находкамъ, о назначеніи которыхъ въ домашнемъ обиходѣ Чуди можно догадываться, является возможность возстановить отчасти незатѣйливый бытъ ихъ хозяевъ. Пробѣгая предложенный очеркъ религіознаго быта вогулъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ вогулъ и того народа, отъ котораго въ наслѣдіе намъ остались городища и селища.

Находимыя при раскопкахъ металлическія изображенія людей, по большей части съ указаніемъ пола, представляютъ изъ себя идоловъ. Подобное же изображеніе съ показаніемъ пола мужчины имѣется и у вогульскаго народа—Чохривъ-ойка. Само слово ойка указываетъ на мужчину. Фигуры лошади, употребляемыя вогулами при моленіяхъ, также часто встрѣчаются въ „чудскихъ ямахъ и городищахъ“. Чудскія отливки животныхъ, лисицы, соболя и т. п., напоминаютъ вогульскаго „Пубыха“, который является покрытымъ шкурами этихъ звѣрковъ. Что подобные отливки существовали ранѣе у вогулъ, доказываетъ тотъ фактъ, что при находкѣ подобныхъ литыхъ изображеній въ Вологодской губерніи зыряне объяснили губерн. Мигунову, что эти вещи отливались вогулами для принесенія въ жертву богамъ. Часто встрѣчаемое при раскопкахъ изображеніе какого-то животного, названнаго Теплоухвымъ „чудскимъ ящеромъ“, весьма сходно съ добытымъ Сорокинымъ вогульскимъ отливкомъ животного, котораго Бахтіаровы называли мѣ ху лъ те пѣ омъ, т. е. выдрою. Весьма можетъ быть, что чуд-

¹⁾ *Островскій*. „Лопари и ихъ преданія“. Извѣстія. Импер. Рус. Географическ. Общ., т. XXV, стр. 321.

скій ящеръ долженъ изображать изъ себя или выдру или бобра ¹⁾, такъ какъ очевидно, что изображаемое животное обладало одинаковою способностью движенія по сушѣ и въ водѣ. Часто встрѣчаемая между чудскими находками фигура медвѣдя даетъ право вывести заключеніе, что этотъ почтенный звѣрь игралъ видную роль у чудскаго племени, весьма можетъ быть такую же, какъ у вогуль и остяковъ. Небольшія глиняныя чашечки и глиняная посуда, черепки которой попадають въ большомъ количествѣ въ мѣстахъ стоянки Чуди, служили по всей вѣроятности для приношенія богамъ сѣдобы, какъ это продѣлываютъ вогулы. Другое практическое примѣненіе чашечки едва ли могли имѣть. Большинство чудской посуды украшено орнаментами. Вогульскія сааны также снабжены орнаментами. Узоры въ елочку сходны на саанахъ и глиняныхъ черепкахъ. Разница въ матеріалѣ саана можетъ быть обусловлена мѣстными условіями.

Указавъ на кажущееся сходство въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ пермской Чуди и вогульскаго народа, я далекъ отъ мысли строить изъ этого какіе нибудь выводы, тѣмъ болѣе, что древняя религія другихъ инородцевъ сѣвера мало отличалась въ наружныхъ отправленіяхъ отъ вогульской. Такъ, мы знаемъ историческій фактъ совмѣстнаго поклоненія вогульскихъ, пермскихъ и остяцкихъ князей дереву, находившемуся около р. Мулланки (см. стр. 23). Посиловъ приводитъ фактъ совмѣстнаго поклоненія вогульскому божеству Чохрынъ-ойка остяками и самоѣдами, которые за сотню верстъ пріѣзжаютъ на озеро Ельбонъ-Туръ.

Въ наукѣ существуетъ теорія, по которой угры-вогулы и остяки имѣли своими предшественниками на Уралѣ самоѣдовъ, поселенія которыхъ простирались довольно далеко на югъ отъ нынѣшнихъ кочевокъ. Большинство теорія эта не признается въ виду отсутствія въ краѣ самоѣдскихъ названій. Въ началѣ настоящаго очерка выяснено, что многія деревни носятъ имена, производимыя отъ имени самоѣдовъ і о р а н ѣ, какъ напримѣръ: Яраничи въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, въ Глазовскомъ уѣздѣ Яранъ-Шудзи и т. д., которыя даютъ нѣкоторое право предпо-

¹⁾ Бобръ въ отдаленную эпоху водился и въ Пермскомъ краѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ кости этого животнаго, встрѣчаемыя въ числѣ другихъ костей при раскопкахъ.

лагать о присутствіи здѣсь когда-то самоѣдовъ. Близкое сосѣдство селеній Югринскій, Яраничи и Мадьярово Орловскаго уѣзда доказываютъ о сосѣдствѣ собрата гордаго мадьяра—вогула (угра) рядомъ съ самоѣдомъ. Масса позаимствованій въ вогульскомъ быту изъ самоѣдскаго обихода—іорн-вай, іорн-коль, іорн-хур и пр.—доказываетъ, что вогулы стояли когда-то въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ самоѣдамъ, чѣмъ теперь.

Около селеній, носящихъ имя, доказывающее обитаніе въ нихъ когда-то вогульского племени, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ урочищъ, носящихъ названія на языкѣ этого народа. Даже въ искони югорскомъ краю, какъ напр. Вишерскомъ, гдѣ и понынѣ кочуютъ еще вогулы, всѣ горы, рѣки и проч. носятъ названія на пермскомъ нарѣчій, вогульскихъ же никто не знаетъ. Поэтому отсутствіе самоѣдскихъ названій въ краѣ не можетъ служить доказательствомъ, что въ немъ не жили самоѣды. Разъ, по названіямъ селеній Вогуличи, Мадьярова, Югринова, Остяцкая и т. д., мы приходимъ къ заключенію, что обитатели ихъ въ былыя времена были угры, мы вправѣ также вывести заключеніе, что обитатели селеній Яранята, Яраничи и т. д. были первоначально яраны (іораны), т. е. самоѣды. Самоѣды, также какъ и вогулы, не оставили по себѣ памяти въ названіяхъ урочищъ на своемъ языкѣ.

Исторія застаётъ еще въ Прикамскомъ краѣ остяковъ, вогуловъ по Сылвѣ, Косвѣ и проч., но о самоѣдахъ не упоминаетъ ни одинъ письменный источникъ. Повидимому, вогулы—поздніе пришельцы сравнительно съ самоѣдами. Мы видимъ массу заимствованій вогулами отъ самоѣдовъ, судя по упомянутымъ названіямъ вещей домашняго обихода, въ которыхъ участвуетъ приставка „іорн“. Выше было высказано мною предположеніе, что вліяніе самоѣдовъ могло коснуться и религіозныхъ отправленій этого народа. По нашему мнѣнію, самоѣдская теорія имѣетъ прочную основу въ существованіи селеній съ производными именами отъ слова іоран и наводитъ на мысль, что самоѣды скорѣе всего представляютъ аборигеновъ сѣвера части Пермской, Вятской и Вологодской губерній. Воспоминаніе объ аборигенахъ страны принаправляется только къ племени Чуди; самъ собою нарождается вопросъ, не представляютъ ли самоѣды загадочную Чудь, исчезнувшую съ приходомъ сюда русскихъ. Не будетъ ли въ переводѣ названіе селенія Ярань-Шудзи значить Самоѣды-Чудь? Съ другой

сторovy, повидимому и вогулы обитали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядомъ съ самоѣдами одновременно, на что указываетъ названіе Югринскій рядомъ съ названіемъ Яраничи.

Къ сожалѣнію, ни на одинъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить положительно. Мы слишкомъ мало знаемъ вогуловъ и еще менѣе самоѣдовъ. Вырѣшенія въ высшей степени интересныхъ вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находились наши сѣверные инородцы къ племени Чуди, можно ожидать лишь послѣ всесторонняго изученія этихъ народовъ въ связи съ археологіею края. Поэтому матеріалъ, даваемый настоящимъ очеркомъ, думаемъ, принесетъ долю помощи тѣмъ изслѣдователямъ, которые будутъ работать въ указанномъ направленіи.

И. Н. Глушковъ.

Свадьба у великорусовъ.

(Вологодской губ.) ¹⁾

IV.

а) Свадебные обычаи и пѣсни у крестьянъ Стрѣлицкой волости, Тотемскаго уѣзда Вологодской губерніи ²⁾.

Свадьбы у крестьянъ обыкновенно бываютъ осенью, около Покрова, а больше всего—зимою, послѣ Новаго года, передъ масленицей, когда у нихъ меньше работъ и больше свободного времени пировать.

Прежде, до введенія всеобщей воинской повинности, самый обыкновенный возрастъ для женитьбы считался 18 лѣтъ. Съ наступленіемъ этого возраста, бывало, парень на гуляньяхъ и игрищахъ подмѣчаетъ уже себѣ невѣсту, и родители его перечисляютъ дома, съ которыми они могутъ породниться. Когда выборъ сдѣланъ, посылается въ домъ невѣсты свать или сваха (чаще сваха). Свать и сваха выбираютъ изъ близкихъ родныхъ жениху, или же сосѣдей, сосѣдокъ по деревнѣ, которые посмѣтливѣе и порасторопнѣе, побойчѣе на словахъ.

Пріѣхавъ въ деревню, въ которой живетъ невѣста, для сватовства, сваха останавливается въ избѣ, сосѣдней къ дому невѣсты, и ожидаетъ вечера, пока засвѣтятъ огонь. Тогда, постучавъ

¹⁾ См. Этногр. Обзор. XLII, 160.

²⁾ Описаніе это составлено по рукописной тетради, писанной въ 1848 г., проверено мною и дополнено устными разсказами уже пожилой женщины, извѣстной въ свое время пѣсенницы и причѣтницы. По ея словамъ: „теперь (1891 г.) все уже нѣсколько измѣнилось противъ прежняго“. (Прим. автора).

подъ волоковымъ окномъ, сваха спрашиваетъ: „дома ли хозяева?“ Родители невѣсты, предупрежденные уже этимъ обычаемъ ¹⁾ о приходѣ свахи, отвѣчаютъ ей: „добро пожаловать!“ и выходятъ встрѣчать ее въ сѣни. Войдя въ избу, сваха молится Богу, привѣтствуетъ родныхъ невѣсты словами: „здорово живете!“ и садится по приглашенію ихъ на лавку въ передній уголъ избы, въ сутки (1), гдѣ стоятъ иконы. Хозяйка дома, по обыкновенію, соблюдаемому во всякое время дня и ночи для каждаго приходящаго изъ другой деревни, накрываетъ столъ скатертью, кладетъ на немъ хлѣбъ и соль, пироги, если есть—ставитъ какое-нибудь и горячее блюдо, и проситъ гостю покушать ихъ хлѣба-соли. Но сваха, не дотрогиваясь ни до какого кушанья, прежде всего исполняетъ свое порученіе и говоритъ: „любезные други! у васъ есть дочка, у насъ сынокъ; отдайте-ко вашу дочку за нашего сыночка!“ Родители невѣсты высылаютъ всѣхъ своихъ домашнихъ изъ избы. Затѣмъ сваха называетъ жениха по имени и отчеству, хвалитъ его проворство въ работѣ и дородство, хвастаетъ его имуществомъ и, наконецъ, спрашиваетъ у родителей невѣсты, чѣмъ они награждаютъ ее. Послѣдніе, не отвѣчая свахѣ, просятъ ее откушать хлѣба-соли ихъ, а сами отходятъ къ печи и шепчутся между собою—совѣтуются. Потомъ высказываютъ свахѣ желаніе свое породниться съ домомъ жениха словами: „милости просимъ посмотрѣть невѣсту!“ Несогласіе же на родство передаютъ словами: „спасибо на любви!“ Въ первомъ случаѣ родители невѣсты объясняютъ свахѣ о количествѣ приданаго за своею дочерью, назначаютъ день, въ который они могутъ пріѣхать смотрѣть имущество жениха и сдѣлать рукобитье. Затѣмъ сваха уѣзжаетъ и передаетъ родителямъ жениха о всемъ видѣнномъ ею и слышанномъ.

Пришелъ день, назначенный родителями невѣсты для поѣздки въ домъ жениха, и они начинаютъ одѣваться въ самое лучшее праздничное платье. Увидавъ это, невѣста оставляетъ свою работу, садится на голбецъ (2) и, подперши голову руками, начинаетъ причитать, покачиваясь изъ стороны въ сторону и заливаясь слезами:

¹⁾ Должно замѣтить, что обыкновенно чужіе люди входятъ прямо въ избу, не справляясь, дома ли хозяева, или же стучать въ наружную дверь кольцомъ, если она заперта. (Примѣч. автора).

Ужъ охти-то, да охти мнѣ,
 О'хти мнѣ, да тошнѣхонько! (дважды)
 Погляжу я молодешенька
 Во всю свѣтлую свѣтлицу, (3)
 Во столовую горницу.
 Того больше я погляжу
 На родимаго батюшка,
 На родимую матушку
 И на всю родню сердешную. (4)
 Они куды собираются,
 Они куды снаряжаются,
 Ко которому праздничку.
 Мнѣ какъ кажется, глянется, (5)
 Что о эту пору-времечко
 Не живетъ въ году праздничковъ.
 Вижу я молодешенька,
 Вамъ таить—не утаитися,
 Можно мнѣ догадаться,
 Вы куды наряжаетесь,
 Вы куды собираетесь.
 Ты собираешься, батюшко,
 Смотрѣть мѣста крестьянскаго,

Ко чужому чуженину. (6)
 Ты спросись, сударь батюшко,
 На пути на дороженькѣ
 Старова, да и малова,
 Человѣка бывалова;
 Ужъ ты будешь, сударь батюшко,
 На чужую, на сторону,
 Ко чужому чуженину.
 Смотрѣть мѣста крестьянскаго,—
 Ты смотри, да высматривай
 Это мѣсто крестьянское.
 Тебя стануть, сударь батюшко,
 Что садить-то садить
 За столы бѣлодубовы,
 Да за яства сахарныя,—
 Ты не кидайся, сударь батюшко,
 Ты на пивушко пьяное
 Да на вино зеленое,
 Не мѣняй на винну чарочку
 Ты меня молодешеньку.
 Ты попомни, сударь батюшко,
 Ты мое докучаньице. (7)

Но родители, не дослушавъ ея плача, уѣзжаютъ.

Въ домѣ жениха родителей невесты встрѣчаютъ съ радушіемъ, сажаютъ ихъ въ „сутки“ и потчуютъ хлѣбомъ-солью. Отецъ съ женихомъ садятся также рядомъ за столъ съ гостями и во время стола знакомятся съ ними, разговаривая о своихъ достаткахъ, заработкахъ и проч. По выходѣ изъ-за стола родители жениха показываютъ пріѣзжимъ гостямъ свое имущество и богатство, какъ-то: запасы хлѣба въ житницахъ, домашній скотъ, одежду и другія хозяйственныя принадлежности, объясняя при этомъ, какая доля изъ всего будетъ принадлежать ихъ сыну послѣ свадьбы; вслѣдъ затѣмъ та и другая сторона окончательно условливаются въ приданомъ жениха и невесты, и въ обезпеченіе условія назначаютъ между собою, въ случаѣ неустойки, уплату извѣстнаго количества хлѣба или скота, смотря по достатку каждой стороны. При столѣ бьютъ по рукамъ, и руки ихъ разнимаютъ близкіе родственники или сосѣди по деревнѣ, приглашаемые на рукобитье, какъ свидѣтели. Этотъ обрядъ носитъ названіе „запоручить невесту, сдѣлать рукобитье“. Во время заключе-

нія условія о приданомъ женихъ не имѣть голоса. Послѣ рукобитья всѣмъ присутствующимъ въ избѣ женихъ подноситъ по большому стакану водки, начавъ очередь съ будущаго тестя. При этомъ каждый пьетъ водку не прежде, какъ осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и пожелавъ жениху и невѣстѣ стоять подъ вѣнцомъ; самъ женихъ послѣ всѣхъ долженъ выпить за здоровье будущихъ своихъ родственниковъ. Затѣмъ родители невѣсты просятъ родныхъ жениха назначить день сговора, въ который они могутъ быть у нихъ въ домѣ и, получивъ отвѣтъ, уѣзжаютъ домой.

Невѣста, противъ обыкновенія, не встрѣчаетъ своихъ родныхъ на улицѣ, а садится на голбецъ и при входѣ въ избу причитаетъ:

Ужъ охти-то, да охти мнѣ,
Охти мнѣ, да тошнѣхонько!
Прострѣлило-то ў меня
Мое сердце ретѣвое,
Приусмѣкло-то (8) ў меня
Мое личико бѣлое,
Опустились-то ў меня
Мои бѣлыя рѣченьки,
Что подсѣкло-то ў меня
Мои рѣзвыя нѣженьки,
Какъ ужъ идетъ-то мой батюшко
Со родимой со матушкой
Съ чуждалыныя стороны
На весельѣ, на радости.
Ужъ ты, государь мой батюшко,
Мое красное солнышко!
Я спрошу у тебя, батюшко,
Единѣва словѣчушка,
Единѣва не тайнова,
Во всю свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу.
Ужъ ты былъ, мой батюшко,
На чужой-дальней сторонѣ,
Тебѣ що (9) погленулося, (10)
Тебѣ що показалося?
Тебѣ хорѣмы (11) ли высокія,
Тебѣ сусѣки (12) ли горбатые,
Или скотинка рогатая,
Или чужой-то чуженинъ,
Или чужой отецъ—мати,

Или сусѣди-то ближніе,
Или сусѣдки голубушки?
Такъ тебѣ Богъ судитъ,
Богъ судитъ, да и заплатитъ,
Опрічъ меня молодешеньки.
Не поглядѣлъ ты, сударь батюшко,
На меня молодешеньку,
Не подержалъ, сударь батюшко,
Ты меня молодешеньку
Одного лѣта теплова,
Одныѣ весны красныя,
Вмѣсто козачіи (13) наѣмныя,
Вмѣсто козака, полулѣтника.
Развѣ я молодешенька
Много я надосадила
Много я напрокутила,
Что запоручилъ, сударь батюшко,
Ты меня молодешеньку,
Мою буйную голову
За поруки за крѣпкія,
За заклады великіе;
Вамъ не выкупить, не выручить
Ни златѣмъ, ни сѣребромъ,
Ни имѣніемъ, богатствомъ.
Токо часъ (14)—и теперече
Все прошло, миновалося,
Вся гульба потерялася.
Въ гульбѣ нѣга-то нѣжная.
Какъ я жила молодешенька
У родимова батюшка,

У родимой-то матушки,	Была нѣга-то нѣжная
Какъ сыръ въ маслѣ купалася.	Была воля-то вольная,
Мнѣ была молодешенькѣ,	Вольнѣе воды вѣшныя.

По окончаніи сего причета, или, вѣрнѣе сказать, плача, отецъ и мать объявляютъ дочери-невѣстѣ, что дѣло уже сдѣлано,—она запоручена за такого-то. При этомъ описываютъ ей наружность жениха, домъ, имущество и вообще передаютъ дочери все, что видѣли и слышали въ день рукобитья. Этими свѣдѣніями и ограничивается знакомство невѣсты съ домашнимъ бытомъ жениха до дня свадьбы. Родители не спрашиваютъ у невѣсты согласія на бракъ, и она съ своей стороны, въ случаѣ неудовольствія на выборъ родителей, не смѣетъ высказать его предъ ними, а обнаруживаетъ свою печаль только горькими слезами, изливаемыми во время причитанія. Особенное неудовольствіе невѣсты на выборъ жениха обнаруживается въ случаѣ выдачи ея замужъ въ деревню далеко отъ родительскаго дома.

Со времени рукобитья до дня сговора та и другая сторона старается секретно собрать поболѣе свѣдѣній о своихъ будущихъ родственникахъ отъ знакомыхъ имъ, совѣтуется со своими близкими, и если слухи о женихѣ или невѣстѣ весьма неблагоприятны, то свадьба разстраивается, при чемъ первая отказывающаяся сторона должна прислать другой поруку, т. е. то количество хлѣба или скота, которымъ обезпечивалось условіе о свадьбѣ.

Въ день, назначенный для сговора, невѣсту одѣваетъ мать или близкая родственница въ праздничное платье, закрываетъ ей голову и лицо большимъ платкомъ (фатой) и садится на лавку въ кутъ, т. е. за занавѣсь, которая отдѣляетъ собою уголь избы съ окномъ противъ устья печи.

Женихъ пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты съ родителями своими и сватомъ или дружкой (15), а если богатъ, то привозитъ съ собой священника. Ихъ просятъ садиться за накрытый скатертью столъ, предоставляя первое мѣсто жениху, по правую руку его дружкѣ. Послѣдній, немного времени спустя, ведетъ жениха въ кутъ, взявъ его за лѣвую руку. Женихъ называетъ невѣсту по имени и отчеству, кланяется ей и выводитъ закрытую фатой на средину избы, держа за правую руку. Всѣ гости встаютъ изъ-за стола, и священникъ совершаетъ обрядъ обрученія; въ слу-

чаѣ отсутствія его—кѣльца перемѣняетъ дружка. Послѣ этого всѣ гости садятся снова за столъ, сговоренные въ красный уголъ (въ сутки), и начинается пиршество въ полномъ смыслѣ слова.

Послѣ сговора со стороны жениха и невѣсты готовятся къ свадьбѣ. Родители сговоренныхъ ѣдутъ въ ближайшее торговое село закупать провизію, платки, кушаки для подарковъ, а братъ или близкій родственникъ невѣсты ѣдетъ звать дѣвицъ, подругъ ея, погостить у нея до свадьбы и помочь приготовить нужное приданое, а вмѣстѣ и попричитать о дѣвѣей красотѣ.

Дѣвицы-гости съ этого времени, чуть смеркнется, оставляютъ работу, невѣста покрывается фатой, садится въ куть и начинаетъ плакать. Подруги, окруживъ ее, причитаютъ. За недостаткомъ причетовъ, поютъ подъ конецъ вечера до ужина и другія пѣсни меланхолическаго характера. Впрочемъ, веселое или скучное препровожденіе времени зависитъ отъ настроенія духа невѣсты. Она обыкновенно не осушаетъ глазъ отъ слѣзъ, если выдается въ домъ жениха далеко отъ родины или слышала дурные слухи о семействѣ его. Въ противномъ случаѣ причитаетъ безъ лишнихъ слезъ и охотно позволяетъ своимъ подругамъ вмѣсто причетовъ пѣть пѣсни. Самой же невѣстѣ пѣть пѣсни вмѣняется въ укоръ: какъ будто она радуется, что выходитъ замужъ и оставляетъ родительскій домъ. Причеты, которыми обыкновенно начинается каждый вечеръ у невѣсты, слѣдующіе:

Благослови-ко, Христось истинный,
Мнѣ-ко сѣсть молодешенькѣ,
Мнѣ во куть, за занавѣсу,
На кручинную лавочку,
Подъ печально окошечко.
Приудвину (16) я молодешенька
Стеклянѹю оконенку,
Погляжу я молодешенька
По деревнѣ, по городу,
По широкой по улицѣ,
По избамъ, какъ по теремамъ.
И приудвиньте вы голубушки
Стеклянѣя оконенки.

Поглядите, голубушки,
На широкую улицу.
Какъ на широкой на улицѣ,
На дворѣ день вечерѣется,
Солнышко закатѣется
За лѣса-то за темные,
За грязѣ-то за черныя,
За болота вязучія,
За озѣра топучія,
За горы за высокія,
За Спасѣ Милостѣваго, (17)
За всю волость красивую.

Какъ вечерѣ о эту пѣру,
Поранѣе малешенько,
Пролеталъ младъ-ясенъ соколъ

Мимо нашу-то сторону,
Мимо батюшкинъ широкой дворъ,
Мимо матушкинъ высокъ теремъ,

Мимо моей кути, окошечка.
 Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,
 Онъ черкнулъ сизымъ перышкомъ.
 Говорилъ да наказывалъ:
 „Ты не плачь, не плачь, дѣвица,
 Не плачь, дочь ты отецкая,
 Тебѣ нѣ о чемъ плакати,
 Тебѣ нѣ о чемъ тужити:
 На чужой-то на сторонѣ
 Три поля хлѣба насѣяны
 Медою (18) исполиваны,
 Радостью огорѣжены“.
 Какъ вечеръ о эту пору,
 Поранѣе малешенько
 Пролетѣла бѣлая лебедь
 Мимо нашу-то сторону,
 Мимо батюшкинъ широкой дворъ
 Мимо матушкинъ высокъ теремъ,
 Мимо моей кути, окошечка;

Она махнула правымъ крылышкомъ,
 Она черкнула сизымъ перышкомъ.
 Говорила, да наказывала:
 „Ты поплачь, поплачь, дѣвица,
 Поплачь, дочь ты отецкая;
 Тебѣ есть о чемъ плакати,
 Тебѣ есть о чемъ тужити:
 На чужой-то на сторонѣ
 Три поля горя насѣяны,
 Слезами исполиваны,
 Печальей огорожены.
 И что пьетъ чужой чуженинъ
 Зеленѣе вино русское,
 Да играетъ чужой чуженинъ
 Онъ во карты нѣмецкія;
 Что проиграетъ чужой чуженинъ
 Мою скруткушку (19) добрую,
 И пропьетъ чужой чуженинъ
 Мою буйную голову“.

Наканунѣ дѣвичника (20) невѣста ѣздитъ по утру на могилы умершихъ своихъ родственниковъ, какъ бы испрашиваетъ у нихъ позволенія ко вступленію въ бракъ. Вечеромъ того же дня она моется въ банѣ, и по возвращеніи оттуда невѣста *пенничаетъ*, т. е. поются причеты, въ которыхъ она пеняетъ своимъ родителямъ:

Доживете вы, сударь батюшко
 И родимая матушка,
 Вы до лѣта до теплова,
 До весны матки красныя,
 До страды сѣнокосныя.
 Вы пойдете, сударь батюшко
 И родимая матушка,
 На страду сѣнокосную,
 Пойдетѣ, да оглянитесь,
 Постоитѣ, да подумаетѣ
 Про меня молодешеньку:
 Что нейдетъ чадо милое
 На работу на польную,
 На страду сѣнокосную.
 Ты не увидишь, сударь батюшко,

Ты меня молодешеньки
 На работкѣ на польной.
 Въ тѣ поры, да во то время,
 Растоскуется у тебя
 Твое сердце ретивое,
 Что расплачутся у тебя
 Твои очи-то ясныя.
 Ты уйдешь, сударь батюшко,
 На тихую утишинку, (21)
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Добры люди не видѣли,
 Соловьи гнѣзда не вили.
 Въ тѣ поры, да во то время
 Ты помянешь, сударь батюшко,
 Ты меня молодешеньку.

Дѣвичникъ особенно богатъ слезами и причетами. Поутру, когда невѣста умоется, дѣвицы вмѣстѣ съ нею начинаютъ причитать, оплакивая дѣвичью красоту:

Государева (22) ты моя
 Честна дѣвья-то красота,
 Золотая жемчужина!
 Что сидить дѣвья красота
 Поверхъ буйныя головы,
 По конецъ свитыхъ волосовъ.
 Это хочеть дѣвья красота
 Вспрохнуті, да улѣтъи
 Во далѣче чисто поле,
 Въ трои лузи зеленые,
 Во травы, во шелковыя.
 Не садись, дѣвья красота,
 Во травы во шелковыя;
 Тутъ не мѣсто, не мѣстечко:
 Тутъ есть у чуженина
 Козаки-то наемные,
 И что есть у чуженина
 Есть и косы булатныя,
 Подкосятъ дѣвью красоту.
 Ужъ ты сядь, дѣвья красота,
 На березу кужлявую;
 Тутъ не мѣсто, не мѣстечко:

И что есть у чуженина
 Топоры-то укладные; (23)
 Подсѣчетъ чужой чуженинъ
 И березу кужлявую;
 Какъ береза повалится,
 Красота да расплается.
 Полети, дѣвья красота,
 Ты на матушку Сухону. (24)
 Поплывутъ три суденышка;
 На первомъ-то суденышкѣ
 Тутъ старыя старицы,—
 Не садись, дѣвья красота,
 На первое суденышко.
 На второмъ-то суденышкѣ
 Тутъ кика-то (25) шитая,—
 Не садись, дѣвья красота,
 На другое суденышко.
 На третьемъ-то суденышкѣ
 Душекрасныя дѣвицы,—
 Ужъ ты сядь, дѣвья красота,
 На третье суденышко.

Потомъ невѣсту одѣваютъ въ лучшее платье, во всю скруту;
 она при этомъ причитаетъ:

Государь-то мой батюшко,
 Мое красное солнышко!
 Отпусти, сударь батюшко,
 Ты меня молодешеньку
 Со милыми подружками,
 Со сизыми голубками;
 На роду-то не въ первыя,
 На вѣку не въ послѣднія;
 Лишь только въ послѣднія
 Во душахъ красныхъ дѣвицахъ,
 Это слава, слава Богу,
 Слава Богу истинному,
 Что сыскалась желанная

У государя у батюшки,
 У родимой у матушки.
 Благослови, Христосъ истинный,
 Мнѣ-ка встать молодешенькѣ
 На свои на рѣзвыя ноги,
 На чулочки бумажныя,
 На башмачки зеленъ-сафьянъ,
 На гвоздѣя полужонныя.
 Мнѣ-ка выдти, да выступить
 Вонъ изъ свѣтлыя свѣлицы
 На мостоцки калиновы,
 На крылечушко красное.

Подруги выводятъ невѣсту, закрытую фатой, на крыльцо, держа подъ-руки; она продолжаетъ:

Вы не гнитесь, половоцки,
 Не трещите, переводоцки. (26)
 Не тяжеле я старова,
 Не грузвѣе я прежняго,

Тяжела ли то у меня
 Моя буйная голова;
 Не съ великія радости,
 Все со горя, со кручины,

Со печали великія.
 Я подамъ свой зычей голосъ
 Высоко по-поднёбесью,
 Широко по святой Руси,
 По деревнѣ, по городу,
 По избамъ, какъ по теремамъ:
 „Вы сусѣди порядные, (27)
 И сусѣдки голубушки!
 Токо вы обрядилися, (28)
 Хорошо нарядилися,
 Приудвиньте, голубушки,
 Стекланья оконенки.
 Поглядите, голубушки,
 На широку на улицу,
 На крылечушко красное.
 На крылечушкѣ красномъ
 Стоитъ тынъ-то серебряный.
 Во тыну во серебряномъ
 Стоитъ яблонь кудрявая,
 Она безъ вѣтру шатается,
 Безъ дождя уливается.
 Вы извольте послушати

Про этотъ тынъ-то серебряный.
 Я вамъ буду рассказывать,
 По словечку раскладывать.
 Кое тынъ-то серебряный—
 Тое красныя дѣвицы.
 Макавушки золочены—
 Тое дѣвья-то красота.
 Кое яблонь кудрявая—
 Тое я молодешенька:
 Я безъ вѣтру шатаюся,
 Безъ дождя уливаюся.
 Мои голубушки сизыя,
 Вы сусѣди порядные
 И сусѣдки голубушки!
 Вамъ добро-то пожаловать
 Къ государю-то батюшку,
 Ко родимой-то матушкѣ,
 Къ нимъ на пиръ, да на брат-
 цину, (29)
 А ко мнѣ молодешенькѣ
 На горе, да на кручину,
 На живое разставаньице.

Съ крыльца дѣвицы ведутъ невѣсту въ сѣни и причитаютъ:

Слава, слава Богу,
 Слава Богу истинному!
 Хотя походила, погуляла,
 Хотя покрасовалася

Со милыми подружками.
 Я пойду молодешенька
 По своимъ по новымъ сѣнямъ.

Потомъ ведутъ ее въ сарай (повѣтъ), гдѣ обыкновенно стоитъ ея кровать, на которой она спитъ лѣтомъ, и продолжаютъ причитать:

Какъ я спала, высыпалася
 На кровати на тесовой,
 На этой мягкой постѣлюшкѣ.
 Что будила меня матушка,
 Меня поугру ранешенько,—
 Она ходитъ помалешеньку,
 Говоритъ потихошеньку.
 Что первѣй-то разъ побудитъ—
 Теплой шубой окутаетъ,
 Что другѣй-то разъ побудитъ—
 По головушкѣ погладитъ,
 Она третѣй-то разъ побудитъ
 Со молитвой Иисусовой:
 Ты вставай, чадо милое,

Вставай дочка любезная,
 Полно спать, высыпатися,
 Пора вставать, пробужатися.
 А какъ я молодешенька
 На чужѣй дальней сторонѣ,
 Во домѣ у крестьянина,
 Подъ грозой у чуженина;
 Какъ я лягу молодешенька
 На кроватку тесовую
 Со чужимъ-то чужениномъ,
 Такъ богоданная матушка
 У насъ заходитъ, затопаетъ,
 Она дверями захлопаетъ
 И ключами забрякаетъ:

Ты вставай-ко, лѣнивая,
 Ты вставай-ко, лежливая,
 Полно спать, высыпаться,
 Пора вставать, пробужатися.
 До поры, да до времени
 Прострѣлило-то у меня
 Мое сердце ретѣвое.
 Какъ я подумаю молодешенька

Про государя про батюшку,
 Про родимую матушку,
 Такъ уйду я молодешенька
 На тихую утишинку,
 Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
 Добры люди не видѣли.
 Поразмычу молодешенька
 Свое горе, да кручину.

По окончаніи этого причета подруги вводятъ невѣсту въ избу и, переодѣвъ ее, сами накрываютъ на столъ обѣдать, а невѣста садится на голбець и причитаетъ:

Ужъ государь ты мой батюшко
 И родимая матушка!
 Придвигай-ко ты, матушка,
 Ты столы бѣлодубовы,
 Ты стели, моя матушка,

Бѣлы скатерти бранныя. (30)
 Ты неси, моя матушка,
 Что и яства сахарныя,
 Да и пивушка пѣянова
 И вина-то зелѣнова.

Когда на столъ будетъ собрано, невѣста сходитъ съ голбца и подносить подружкамъ пива; онѣ обращаются въ ней съ слѣдующими словами:

Не хотимъ, лебедь бѣлая,
 Ты подруженька милая,

Безъ тебя мы ѣсть хлѣба бѣлова
 И пить пива-то пѣянова.

Невѣста имъ отвѣчаетъ:

Какъ не та пора-времечко
 Пить мнѣ пива-то пѣянова,

Ѣсть и хлѣба-то бѣлова
 Съ вами, милыя подруженьки.

Дѣвицы пьютъ пиво и обѣдаютъ иногда вмѣстѣ съ родителями невѣсты, а она, сѣвъ на голбець, въ продолженіе обѣда причитаетъ слѣдующее:

Государь ты мой батюшко,
 Мое красное солнышко!
 У себя во честномъ дому
 Мнѣ бы въ очи васъ увидѣти
 И челомъ бы ударити,
 Объ чемъ почелобитовать.
 Я спрошу у васъ, батюшко,
 Единова словечушка
 Единова, по тайнова,
 Тайнова, да не явнава.
 У васъ есть ли, мой батюшко,
 У васъ служки вѣрныя
 И посылки-то (31) скорые,

Сыновья ясны соколы?
 Наряди ты имъ, батюшко,
 Ты имъ службу не долгую
 Работку не тяжелую.
 Ты вели, сударь батюшко,
 Запряжи ты добра коня
 Ты во сани дубовыя.
 Ты мой молодой ясенъ соколъ,
 Голубоцикъ мой сизинькой,
 Ты мой братецъ родименькой!
 Я о чемъ тебѣ, братецко,
 Я поплачу, побью челомъ,
 Объ чемъ почелобитую:

Не оставь ты, мой братецко,
 Моево докучаньица
 Слезянѡва и горькова.
 Ужъ ты съѣзди, сударь братецко,
 На чужѹ дальну стѡрону,
 На злодѣйку несвѣдому.
 Ты прїѣдешь, мой братецко,
 На чужѹ дальну стѡрону,
 Ко избїищѣ, ко башнищѣ.
 Ты возьми-ко, мой братецко,
 Ты дубинку дубовую,
 У избїищи, у башнищи
 Колотись ты безъ милости,
 Говори ты безъ жалости:
 ы не надѣйся, чужой чуженинѣ,
 На свою жену-супружницу,

На мою, чужой чуженинѣ,
 На родимую сестрицу.
 У моей-то у сестрицы
 Три зарѡка великіе:
 Что первѡй-то зарѡкъ скажу—
 Она годами не взрослая.
 Я другой-то зарѡкъ скажу—
 Она и головой-то угарчива, (32)
 Да и сердцемъ зажимчива. (33)
 Я третїй-то зарѡкъ скажу—
 Голова у ней не поклончива,—
 Не хочу поклониться,
 Не хочу покориться
 Чужомѹ отцу-матери,
 И чужомѹ чужѣнину,

Послѣ обѣда отецъ невѣсты посылаетъ своего сына или ближайшаго изъ родственниковъ на лошади звать къ себѣ въ домъ жениха съ его родными. Подруги невѣсты, выйдя изъ-за стола, берутъ невѣсту подъ руки, ходятъ съ ней по избѣ и снова оплакиваютъ дѣвью красоту причетомъ, какъ утромъ на дѣвичникѣ:

Государева ты моя
 Честна дѣвья-то красота,—
 Золотая жемчужина! и т. д.

Посланный звать гостей возвращается и объявляетъ, что званые уже ѣдутъ ¹⁾ Подруги уводятъ невѣсту въ куть, и когда завидятъ ѣдущихъ еще издалека, причитаютъ слѣдующее:

Потянули буйны вѣтры
 Что со всѣ четыре стѡроны,
 Вволновалася погодушка
 Со восточную сторону.
 Что идетъ туча грозная
 Къ намъ на нашу на сторону.
 Какъ вставала туча грозная
 Да на батюшкинѣ ширѡкой дворѣ,
 Да на матушкинѣ высокѣ теремѣ.
 Да на мою свѣтлу свѣтлицу.
 Какъ изъ тучи изъ грозныя

Выпадалъ бѣль-горючъ камень,
 Что расшибъ бѣль-горючъ камень
 Жолобѡчикъ у кровельки,
 Жолобчатую кровельку.
 Изъ горюча-то камешка
 Выпадала каленá стрѣла.
 Пролетала калена стрѣла
 Что во свѣтлую свѣтлицу,
 Во столовую горницу.
 Заходила калена стрѣла
 Что по свѣтлой по свѣтлицѣ,

¹⁾ Нужно замѣтить, что если женихъ изъ дальней деревни, то прїѣзжаетъ со своими родными еще наканунѣ дѣвичника и останавливается у кого-нибудь въ ближайшей отъ жительства невѣсты деревнѣ.

По столовой по горницѣ,
 Это всѣхъ Богъ помиловалъ:
 Государя-то батюшку
 И родимую матушку,
 Что родимыхъ-то братьцовъ,
 И родимыхъ-то сестрицъ;
 Лишь только не помиловалъ
 Одной меня молодешеньки.
 Что расшибло-то у меня
 Мою буйную голову,
 Прострѣлило-то у меня
 Мое сердце ретивое,
 Опалило-то у меня
 Мое личико бѣлое.
 Вижу я молодешенька,
 Что не самъ-то высокъ теремъ,
 Стоя растворяется,
 Што не цѣвоцка (34) золота
 Кругъ скобы развивается,
 Съ косяка двери на-пяту, (35)
 На пяту на желѣзную.
 Да не яблонь кудрявая
 Клонить буйную голову
 Къ намъ во свѣтлую свѣтлицу,
 Во столовую горницу.
 Середь избы становилася
 На кирпичную сѣреду,
 Передъ святыне-то образы:
 Къ намъ идутъ, да и жалуютъ
 Съ чужедалныя стороны,
 Со злодѣйки несвѣдомой

Дорогіе честныя гости.
 Я не знаю молодешенька
 Этихъ дорогихъ гостей,
 Со которую сторону
 Они родней называются,
 Родаши причитаются,
 Родовствомъ причисляются, (36)
 Во кумовствѣ, или въ сватовствѣ,
 Или въ крестовомъ братовствѣ.
 Какъ дотолѣ, дотолева
 Я не знала молодешенька
 Этова роду племени.
 Государь, ты мой батюшко,
 Мое красное солнышко!
 У ты что сударь батюшко
 Пошла вѣра по новому?
 А дотолѣ, дотолева
 Этѣя вѣры не было,
 У ты не было, батюшко,
 Что въ эту пору-времечко
 Годова честна празднича.
 У ты не было, батюшко,
 Что въ эту пору-времечко
 Этова роду племени.
 Вижу я молодешенька,
 Мнѣ сидѣть не усидѣтися,
 Другомъ не замѣнитися,
 Стыдомъ не устыдитися.
 Мнѣ вставать молодешенькѣ
 На свои рѣзвы ноги.

Въ это время женихъ съ родными уже пріѣхали, поздорова-
 лись съ родными невѣсты и, по приглашенію ихъ, сидятъ за сто-
 ломъ. Дѣвицы выводятъ подъ-руки невѣсту изъ кути и, ходя съ
 нею по избѣ, причитаютъ:

Благослови, Христосъ истинный,
 Мнѣ сойти съ лавки дубовыя,
 Со любимыя лавочки
 На свои рѣзвы ноги.
 Вы служите, рѣзвы нѣженки,
 Вѣрою да и правдою
 Безъ измѣны великія:
 Скобы (37) не подломитесь,

Гвоздья не подскользнитесь;
 Вы не гнитесь половочки,
 Не трещите переводочки;
 Не тяжелше я старова,
 Не грузнѣе я прежнева.
 Тяжела лишь у меня
 Моя буйная голова;
 Она безъ вѣтру шатается,

Мое бѣло-то личико
 Безъ дожда уливается.
 Разступитесь, честны гости,
 Разодвиньтесь, голубушки,
 Мои милыя подруженьки,
 Дайте путь да дороженьку
 Мнѣ ка выйти, да выступить
 Середь свѣтлыя свѣтлицы
 Середь столовыя горницы.

Ужъ вы зрите, ясны очи,
 Зрите не тупитесь,
 Горючі слезы не катитесь.
 У себя въ честномъ дому
 Государя-то батюшку
 Мнѣ бы въ очи увидѣти,
 И челомъ бы ударити:
 Мнѣ-ка дай, сударь батюшко,
 Братыню со пьянымъ пивомъ...

Отецъ подаетъ дочери-невѣстѣ братыню пива, и подружки подводятъ ее къ столу, продолжая причетъ:

Приступаются казаки
 Ко Смоленску, ко городу.
 Смѣть ли мнѣ приступиться
 Ко столу бѣлодубову,
 Со милыми подружками?
 Ужъ я глупая, глупая,
 Глупая, неразумная,
 Не съ ума слово молвила,
 Не съ великаго дѣладу.

Надо мнѣ молодешенькѣ
 Мнѣ назадъ воротитися,
 Ужъ ты дай, сударь батюшко,
 Ужъ ты дай благословеньице,
 Ужъ ты дай повелѣньице
 Приступитися молодешенькѣ
 Ко столу бѣлодубову,
 Со милыми подружками
 Со сизыми голубками.

Дѣвицы ведутъ невѣсту отъ стола къ отцу, который стоитъ въ противоположномъ углу избы. Онъ креститъ дочь трижды съ молитвою про себя:—Во имя Отца и Сына и Святаго Духа—и невѣсту ведутъ къ столу, разливаютъ пиво въ стаканы, ставятъ ихъ на поднось и подаютъ ей. Невѣста подноситъ пиво каждому гостю со стороны жениха, исключая его самого. Потомъ подружки даютъ ей въ руки подарки для гостей (платки, кольца, серьги, полотенца), и она раздаетъ каждому изъ нихъ, низко кланаясь и продолжая причитать:

Ты корись, корись у меня,
 Мое сердце ретивое,
 Ты клонись, клонись у меня,
 Моя буйная голова,
 Ниже шелкова пояса.
 Не хотѣлось молодешенькѣ,
 Ужъ какъ мнѣ покоритися
 Этому роду, племени,

Низко мнѣ поклонитися
 Этимъ дорогимъ гостямъ.
 Я не знаю молодешенька
 Этихъ дорогихъ гостей,
 Какъ родней называются,
 Родовствомъ причисляются,
 Въ кумовствѣ или въ сватовствѣ,
 Или въ крестовомъ братовствѣ?

По окончаніи этихъ словъ подружки ставятъ на поднось большой стаканъ, кладутъ полотенце, вышитое на концахъ узорами

и обшитое кружевами, и, подавъ ей поднось въ руки, подводятъ къ жениху. Она обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Не умѣю молодешенька
Не назвать, да не вавѣличать
Этова дорога гостя,
До поры, да до времени,
До вѣнца злачюнова.
Какъ добро тебѣ жаловать,
Дорогой, честной, званый гость.
Ужъ ты пей на здоровьице,
Головъ на весельеце,
Сердцу на радость великую.
Послѣ пива-то пьянова,
Тебѣ добро-то пожаловать
Тебѣ тонкое полотеньице.
Ты не будь да обсудити

Ты мое рукодѣльице,
Мелкое щепотиньице,
Что не тонко я выпряла,
Что не сично (38) я выткала,
Не бѣло и убѣлила;
Что не привелось у молодешеньки
Ни атласу, ни бархату,
Не бывалъ сударь батюшко
Во Сибирску Украину
По атласъ-то, по бархатъ,
Такъ ужъ нѣтъ, не лучилося
У меня молодешеньки
Ни атласу, ни бархату.

Женихъ выпиваетъ стаканъ пива, беретъ полотенце и кладетъ на поднось золотую или серебряную монету. Невѣста благодаритъ его поклономъ и словами:

Благодарствуй, чужъ чуженинъ,
На дорогихъ на гостинчикахъ,
На честныхъ на подарочкахъ,
На златѣ, да на серебрѣ,
На полтинѣ серебряной,
На гривнѣ на золотѣ.

Хоть не злато, не серебро,
Таково-жъ имя царское,
Мудрено-то написано,
Высоко-то поставлено
Противъ царскаго имени...

Всѣ эти обряды исполняются со всею точностью и совершеннымъ безмолвіемъ не участвующихъ въ нихъ лицъ. Затѣмъ подружки уводятъ невѣсту въ куть, а женихъ со своими родными, кончивъ обѣдъ, уѣзжаетъ домой. Дружка съ его стороны и братъ невѣсты или ближайшій родственникъ ѣдутъ звать гостей на свадьбу каждый съ своей стороны особо.

Когда засвѣтятъ огонь въ избѣ невѣсты, подружки ея идутъ къ банѣ „торить дорожку“. У дверей бани останавливаются и причитаютъ:

Государева ты наша,
Наша банюша-паруша!
Раскатись, баня-паруша,
До единова бревнышка.
Раскатись, баня-каменка,
До единова камешка,

Всѣ по старымъ по мѣстечкамъ.
Не бывать, да не хаживать
Во старой порѣ-времечкѣ
Въ тебя красной-то дѣвицѣ,
Нашей милой-то подруженькѣ.

Возвращаются домой, но не входя въ избу, въ сѣняхъ оставались и, хлопнувши избяными дверями, причитають:

Государева ты наша,
Наша милая подруженька!
Ты встрѣчай, лебедь бѣлая,
Своихъ милыхъ-то подруженекъ.

Проторили путь-дороженьку
Тебѣ въ банюшу парушу,
Наносили ключевой воды,
Бѣлыхъ дровъ-то березовыхъ.

Невѣста отворяетъ избяныя двери и подаетъ дѣвицамъ черезъ порогъ братыню пива съ опущеннымъ въ нее ковшомъ, со словами:

Вамъ добро-то пожаловать
Вамъ, милыя подруженьки,
Отъ меня молодешеньки
Братыню пива пьянова.

Вы идите, да жалуйте
Къ намъ въ свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу.

Дѣвицы принимаютъ пиво и, черпая ковшемъ, пьютъ его. Невѣста садится въ куть; тамъ окружаютъ ее бабы, сосѣдки по деревнѣ, и родственницы. Опорожнивъ братыню, дѣвицы входятъ въ избу и, ставъ посрединѣ ея, поютъ на мотивъ причета слѣдующее:

Благослови, Христосъ истинный,
Намъ-ко выдти, да выступить
Середь свѣтлыя свѣтлицы,
Передъ святыя-то образы,
Помолиться поклоняться
Богу Спасу Милостивому,
Пресвятой Богородицѣ,
Чтобы Богъ-то помиловалъ
Нашу милую подруженьку,
Государь-то пожаловалъ
Старой прежней-то милостью,
Честной дѣвѣй-то красотой.
Намъ сказали добры люди
Про милую подруженьку,
Что сидитъ наша голубушка
Въ суткахъ подъ окошечкомъ,
Во старой порѣ-времечкѣ
На колѣночкахъ держитъ
Полужонья (39) палетки,
Во правой-то рукѣ держитъ
Она иголку серебряну,

Во лѣвой-то рукѣ держитъ
Она цѣвоцку золота.
Она шьетъ да вышиваетъ
Три узора мудреные:
Какъ первой узоръ вышила
Она краснаго солнышка,
Со лучами со ясными,
Съ обогривами (40) теплыми.
Какъ другой узоръ вышила
Она свѣтлова мѣсяца,
Со звѣздами со мелкими,
А третей узоръ вышила
Она всю подвселенную.
У насъ нѣтъ, не случилось
Нашей милой-то подруженьки.
Въ суткахъ подъ окошечкомъ...
Старыя враговатыя,
Малыя мы бѣсоватыя (41)
Обернитесь, голубушки,
Мы во куть, за занавѣсу.

Оборачиваются назадъ и подходятъ къ кути, гдѣ спрашиваютъ у бабъ о невѣстѣ слѣдующими словами:

Ужъ вы бабицы, бабицы,
Бабы красныя головы,
Ваши отрепные колобы!

Вы скажите, голубушки,
Про милую подруженьку.

Бабы отвѣчаютъ.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Вы дѣвицы не умныя!
У насъ нѣтъ, нелучилося
Вашей милой подруженьки;

Что ушла ваша голубушка
На гулящія ярмарки,
На качели веселыя.

Дѣвицы.

Ужъ вы бабицы, бабицы,
Бабы красныя головы,
Баши отрепные колобы,

Ваши лобы смоленые!
Вы скажите, голубушки.
Про милую подруженьку.

Бабы.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы
Дѣвицы не просужія! (42)
У насъ нѣтъ, нелучилося
Вашей милой подруженьки;
Что ушла ваша голубушка

Ко Спасу Милостивому
Она Богу молитися,
Чтобы Богъ-то помиловалъ
Старой Божьей-то милостью.

Дѣвицы.

Что вы, бабицы, бабицы,
Ваши лобы смоленые,
И глаза-то долбленые.

Ваши ноздри-то рваныя!
Вы скажите, голубушки,
Про милую подруженьку.

Бабы.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы.
Дѣвицы не просужія!
У насъ нѣтъ, нелучилося
Вашей милой подруженьки;

Что ушла ваша голубушка .
По грибки въ лѣсъ, по ягодки,
По зеленые вѣнички.

Дѣвицы.

Ужъ вы, бабицы, бабицы.
Всѣ жѣны, какъ боярыни!
Вы скажите, голубушки.

Про милую подруженьку
Всю быль, правду великую.

Бабы.

Ужъ вы дѣвицы, дѣвицы,
Вы дѣвицы всѣ умныя!
У насъ есть, да лучилася

Ваша милая подруженька
Во кути, за занавѣсой
Запоручная голова.

Съ этими словами бабы выходятъ изъ кути и расходятся по домамъ. Дѣвицы переодѣваютъ невѣсту въ домашнее платье, открываютъ ей лицо и садятся съ ней за столъ ужинать. Пока идутъ приготовленія, невѣста причитаетъ:

Ужъ ты дай мѣ-ка, батюшко
И родимая матушка,
Изъ мѣстъ мѣсто любимое,
Свѣтлое подоконнице,
Со милыми подружками,
Со сизыми голубками.
На роду ужъ не въ первыя,
На вѣку не въ послѣднія,
Лишь только въ послѣднія
Во душахъ красныхъ дѣвицахъ,
Со милыми подружками,
Со сизыми голубками.
Посмотрите, голубушки,
На меня молодешеньку:
Каково я нарядилася,
Бѣло ли набѣлилася,
Румянѣ ли намазалася,
Хорошо ли наложила
Свою дѣвью-то красоту.

Государь ты мой батюшко
И родимая матушка!
Ужъ вы дайте, сударь батюшко
И родимая матушка,
Любимова-то чашничка,
Родимова-то братецка.
Голубчикъ мой сизенькой,
Ты родименькой братецко!
Походи, да почашничай
Кругъ меня молодешеньки
Со милыми подружками.
На роду ужъ не въ первыя,
На вѣку не въ послѣднія,
Лишь только въ послѣднія
Во душахъ красныхъ дѣвицахъ.
Поднеси-ко, мой братецко,
Ко младымъ-то подруженькамъ
Много пива-то пьянова.

Братъ или ближайшій родственникъ невѣсты при этихъ словахъ подносить всѣмъ пива.

Послѣ ужина невѣста благодарить своихъ родителей за хлѣбъ-за соль слѣдующими словами:

Много я тебѣ благодарствую,
Родимый ты мой батюшко
И родимая матушка,
Я вамъ на хлѣбѣ на соли,
На вашей добродѣтели.
Отпила да откушала,
Въ любомъ мѣстѣ отсидѣла,
Какъ моя-то вѣдь ножечка
Она въ сухѣ пролежала.
Какъ мои бѣлы рученьки
Все у сердца пролежали.
Награди тебѣ, Господи,
На мою проторь (43) великую,
Мой родимой-то батюшко,

И родимая матушка,
Тебѣ хлѣба хорошаго,
Тебѣ ржи грядистыя,
Ячменю колосистова,
И овса-то брунистова, (44)
И пшена бѣлоярова,
Тебѣ пшеницы хорошія.
Народи тебѣ, Господи,
Тебѣ ржи-то хорошія—
По три колоса на вѣлоти (45)
Во всякомъ колосчикѣ
По семи-сотъ зѣрнятокъ,
Изо всякаго зернятка
По короваю хлѣба бѣлова.

Въ день свадьбы невѣста, вставъ съ постели, тотчасъ послѣ молитвы уходитъ въ кутъ и здѣсь, закрывъ лицо фатой, причитаетъ вмѣстѣ съ подружками.

Я спала-высыпалася,
Ото сна пробуждалася,

Ото сна богатырскаго,
Отъ бѣду королевскаго.

Я ждала-дождалася
 Батюшкина побужаньца,
 Матушкина покликаньца,
 Я по утру равешенько,
 Что не будить меня батюшко,
 Не покликаетъ меня матушка.
 Что не знать они жалѣючи,
 Не знать меня изживаючи.
 Вамъ жалѣть—не ужалѣть будетъ,
 Вы избыть—скоро избудете
 Вы меня молодешеньку.
 Ужъ я дождалася отъ матушки
 Отъ нея наряжаньца. (46)
 Что не будить меня матушка
 Не наряжаетъ мнѣ матушка
 Мнѣ работки утрявля,
 Что не посылаетъ меня матушка
 На улицу на широкою,
 По дровца по березовыя,
 По водицу ключевую,
 Такъ не знать меня жалѣючи,
 Не знать меня изживаючи.
 Вамъ жалѣть—не ужалѣть будетъ,
 Вы избыть—скоро избудете
 Вы меня молодешеньку.
 Безъ меня молодешеньки
 Не два свѣта разсвѣнутъ,
 Не два солнышка взойдутъ,
 Не два свѣтлые мѣсяца;
 Вамъ не вдвое свѣтитъ будутъ,
 Васъ не вдвое и грѣтъ будутъ
 Безъ меня молодешеньки.
 Я гораздо была, батюшко,
 Лѣтомъ я не работница,
 Зимой не водоносница.
 Я гораздо тебѣ, батюшко,
 Грозно слово говорила,
 Худу славу приводила,
 Да худу славу недобрую,
 Пусторѣчье великое...

—
 Я спала, высыпалася,
 Ото сна пробужалася,
 Ото сна богатырскаго.
 Отъ бѣду королевскаго.
 Ты скажи, сударь батюшко

И родимая матушка,
 Про свою ноцку темную,
 Про свое ночеваньеце,
 Что мягка ли постелюшка,
 Высоко ли зголовьеце,
 Что тепло ли одѣялышко.
 Хоша вы мнѣ не скажете
 Про свое ночеваньеце,
 Про свою ноцку темную,
 Такъ я скажу молодешенька
 Про свое ночеваньеце,
 Про свою ноцку темную,
 Про свою мягку постелюшку,
 Про свое высоко зголовьеце,
 Про свое соболино одѣялышко.
 Какъ мою мягку постелюшку
 Буйны вѣтры развѣяли,
 Соловьи на гнѣзда извили.
 Мое высоко-то зголовьеце
 Во слезахъ все пролежало.
 Мнѣ ночесъ молодешенькѣ
 Нехорошъ сонъ привидѣлся:
 Потеряла молодешенька
 Со своего шелкова пояса
 Три ключа-то замочные.
 Что первымъ ключемъ заперта
 Моя волюшка вольная,
 Что другимъ ключемъ заперта
 Моя нѣга-то нѣжная,
 Что третьимъ ключемъ заперто
 Мое платьеце цвѣтное,
 Да платье подвѣнешное.
 Не въ лѣсу я заблудилася,
 Не въ росѣ замочилася.
 Я дошла—доблудилася
 До горы до высокія,
 До щоры, (47) да до камня. .
 На щорѣ, да на камнѣ
 Стоитъ избище, ровно башнище,
 У избища, у башнища
 Три окошка прогроханы, (48)
 Какъ сѣдина (49) овинныя,
 Середь избищи-то, башнищи
 Муравьища кипучія.
 Въ суткахъ, подъ окошечкомъ
 Что медвѣдь со медвѣдицей.

Подъ середнемъ окошечкомъ
 Тутъ вороны черные,
 Во кутѣ, за занавѣсой
 Тутъ сороки-то вѣщицы,
 На печномъ-то на столбикѣ
 Тутъ заѣнько биленькой,
 У кирпичнаго шесточку
 Тутъ ноценька темная,
 Подъ полатамъ, на лавочкѣ
 Тутъ змѣя извивается.
 Кое муравьищѣ кипучее—
 То ватага сведена,
 Кое медвѣдь со медвѣдицей—
 То богоданой-то батюшко
 Съ богоданой со матушкой,

Кое вороны черные—
 То богоданные братьецы,
 Кое сороки-то вѣщицы—
 То богоданныя сестрицы,
 Кое заенько биленькой—
 Тое чужой-то чуженинъ,
 Кое ноценька темная—
 Тое я молодешенька,
 Кое змѣя-то извивается—
 Тое плетка шелковая,
 На меня молодѣшеньку.
 Что возьметъ чужой-чуженинъ
 Эту плетку шелковую,
 Онъ учить будетъ по-своему.

По утру въ домъ невѣсты прїѣзжаетъ со стороны жениха сваха отъ него съ подарками для невѣсты, которые состоятъ изъ шали, башмаковъ, чулковъ, гребня, зеркала, бѣлилъ, румянъ и пряниковъ. Подруги невѣсты просятъ у свахи кроянова, (т. е. мелкихъ пряниковъ, нарѣзанныхъ изъ одного большого), припѣвая слѣдующую пѣсню:

Соберемся дѣвицы въ пичницу, (?)
 Мы пойдемъ дѣвицы на ричку,
 Изопьемъ дѣвицы водицы—
 У насъ въ горлышкахъ пересохло;
 Мы два дни пива не пивали

Княжескихъ пироговъ не ѣдали;
 Намъ сказали, что свахонька богата,
 Намъ сказали, что сваха торовата,
 Ворота рублемъ запираетъ,
 Полтиной ворота отпираетъ.

Сваха даетъ дѣвицамъ крояного и, передавъ невѣстѣ дары, уѣзжаетъ въ домъ жениха. Тамъ уже готовится свадебный поѣздъ. Всѣ участвующіе въ немъ надѣваютъ лучшее праздничное платье, убираютъ лошадей своихъ въ лучшую сбрую, привѣшиваютъ къ ушамъ ихъ бубенцы, подъ шею маленькіе звонки. Женихъ подвязываетъ подъ дугу звонкій колокольчикъ и украшаетъ сбрую лошади красными лентами. Самъ онъ, въ отличіе отъ поѣзжанъ, надѣваетъ на голову шляпу, перевязанную по срединамъ широкою красною лентою. Дружка сверхъ верхней одежды перевязываетъ черезъ плечо платокъ шелковый или красный бумажный, смотри по состоянію. Женщины, участвующія въ поѣздѣ, повязываютъ головы красными шерстяными платками.

Когда поѣздъ сберется, отецъ и мать благословляютъ жениха. Это совершается слѣдующимъ образомъ. Накрываютъ столъ бѣ-

лою скатертью, кладутъ на нее пироговъ и ковригу (коровай) хлѣба, въ которой врѣзана солонка съ солью. Передъ образами зажигаютъ восковую свѣчку. Всѣ находящіеся въ избѣ садятся на лавки и, вставъ, молятся Богу. Потомъ отецъ и мать жениха идутъ за столъ; первый изъ нихъ беретъ въ руки съ божницы образъ, послѣдняя со стола ковригу хлѣба и, обойдя столъ кругомъ, становятся рядомъ по срединѣ избы. Въ это время крестный отецъ жениха съ дружкой берутъ его за руки и заставляютъ кланяться отцу родному въ ноги. Когда женихъ поклонится и встанетъ, они наклоняютъ ему голову, и отецъ крестообразно благословляетъ его образомъ, который, поцѣловавъ сначала самъ, даетъ цѣловать сыну, а потомъ цѣлуетъ жениха. Тѣмъ же порядкомъ и мать благословляетъ сына образомъ, взявъ его отъ мужа. Затѣмъ отецъ благословляетъ сына хлѣбомъ-солью, а за нимъ тѣмъ же и мать. По совершеніи этого обряда, всѣ присутствующіе въ избѣ цѣлуются съ женихомъ. При этомъ замѣтны на глазахъ у всѣхъ непритворныя слезы, въ особенности обильныя, если женихъ оставляетъ навсегда родительскій домъ и переходитъ на жительство въ домъ неvěсты.

Свадебный поѣздъ обыкновенно открываетъ дружка, за нимъ ѣдетъ женихъ со своими родителями и свахой, а потомъ всѣ гости, приглашенные на свадьбу со стороны жениха. Весь поѣздъ отправляется въ домъ неvěсты. Его можно услышать издалека по звонкамъ и бубенчикамъ, тѣмъ болѣе, что поѣзжане люди большею частію молодые, навеселѣ и, желая показать себя, ѣдутъ очень скоро, молодецествуютъ, по мѣстному выраженію.

Въ домѣ неvěсты, заслышавши звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, подружки неvěсты начинаютъ одѣвать ее къ вѣнцу и вмѣстѣ съ нею причитаютъ:

Это отъ лѣсу, отъ лѣсу,
Какъ отъ лѣсу отъ темнова
Взволновалась погодушка,
Накопилась туча грозная,
Что со всѣ четыре стороны,
Да на батюшкинъ широкъ дворъ,
Да на матушкинъ высокъ теремъ.
Что не синь-то засинѣла,
Что не крась-то закрасила,
Что не биль-то забилѣла:

Кое синь-то засинѣла —
То тулупы-то синіе;
Кое биль-то забилѣла —
Тое полсти (50) бумажныя;
Кое крась-то закрасила —
Тое квѣжая свахонька...
Да ужъ охти-то, да охти мнѣ
Охти мнѣ, да тошнехонько!
Да не пущай, сударь батюшко,
Этихъ дорогихъ гостей

На сараи тесовые,
 На мосты на калиновы.
 Не давай, сударь батюшко,
 Этимъ добрымъ конямъ
 Ты имъ сѣна зеленова
 Да и овса-то едрѣнова,
 Не пушай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 Къ себѣ во свѣтлую свѣтлицу,
 Во столовую горницу...
 Ужъ ты дружка, дружка вѣжливый,
 Вѣжливый, да очесливый! (51)
 Ты не хробоско (52) ступай,
 Ты не громко говори;
 Не надсажай, дружка вѣжливый,
 Моево ретива сердца;
 Не сади, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 За столы бѣлодубовые
 Да за скатерти бранныя,
 Да за яства сахарныя;
 Не давай, сударь батюшко,
 Этимъ дорогимъ гостямъ
 Имъ и пива-то пьянова,
 И вина-то зеленова.
 Не носи, моя матушка,
 Много яства сахарнова.
 Ужъ я глупая, глупая,
 Глупая, неразумная,

Дѣвица не просужая,
 Не съ ума слово молвила,
 Не съ великаго дѣгаду,
 Все со горя, со кручины,
 Со печали великія.
 Ты пушай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 На сараи тесовые.
 Ты давай, сударь батюшко,
 Этимъ добрымъ конямъ,
 Ты имъ сѣна зеленова,
 Да и овса-то едрѣнова.
 Ты пушай, сударь батюшко,
 Этихъ дорогихъ гостей
 Ко себѣ во свѣтлу свѣтлицу,
 Во столовую горницу.
 Ты сади, сударь батюшка,
 Этихъ дорогихъ гостей
 За столы бѣлодубовые,
 Да за скатерти бранныя,
 Да за яства сахарныя.
 Ужъ ты пой, да упайвай
 Этихъ дорогихъ гостей.
 Ты неси, сударь батюшко,
 Много пива-то пьянова
 И вина-то зеленова,
 Чтобы меня здѣсь позабыли
 На родимой сторонѣ.

Женихъ и поѣзжане входятъ въ избу, молятся Богу, раскланиваются съ родными невѣсты и, по приглашенію ихъ, садятся на лавки, въ безмолвіи дожидаясь, пока одѣнутъ невѣсту. Она продолжаетъ свой причетъ:

Погляжу я молодешенька
 По всей свѣтлой-то свѣтлицѣ,
 По столовой-то горницѣ,
 На гостей да на гостеекъ.
 Поглядите, голубушки,
 Мои милыя подруженьки,
 Изъ кути, изъ занавѣси
 Вы на весь-то на весь
 Княжевоѣ поѣздъ.
 Того больше посмотрите

На чужова чуженина,
 Да на сваховьку княжую.
 Это есть ли чуженина
 Съ похвальбу молодецкую,
 И съ ухватку бурлацкую?
 До поры, да до времени
 Похвалялся чужъ-чуженинъ:
 Подберу я свой княжой поѣздъ
 Все поповъ, да и дьяконовъ,
 И младыхъ-то поповичей.

И младыхъ-то церковниковъ,
 Это нѣтъ-то чуженина
 Ровно заря утренняя,
 Съ похвальбу молодецкую
 И съ ухватку бурлацкую.
 Ужъ ты прибралъ, чужой чуженинъ,
 Старые да и малые,
 Старики бородатые,
 Тяжеуки висковатыя, (53)
 Кушаки-то отрепные.
 У нихъ локти обилися,
 Молотить нарядилися.
 А какъ на нашей на сторонѣ
 И гумны-то не чищены,
 И овины не сажены...
 Ахъ, я глупая, глупая,
 Глупая неразумная!
 Не съ ума слово молвила,
 Не съ великаго дѣладу,
 Все съ горя, со кручины,
 Со печали великія.
 Это есть вѣдь чуженина
 Съ похвальбу молодецкую,
 И съ ухватку бурлацкую,
 Ужъ ты прибралъ, чужой чуженинъ,
 Ужъ ты свой княжевой поѣздъ,
 Все поповъ да и дьяконовъ
 И младыхъ-то поповичей,
 И младыхъ-то церковниковъ.
 Ужъ какъ тысяцкій сидитъ,
 Ровно красное солнышко.
 А большой-то бояринъ
 Ровно младъ ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ.
 А какъ весь-то княжевой поѣздъ
 Ровно частыя звѣздочки.
 А какъ свахонька княжая
 Ровно заря утренняя
 Передъ краснымъ-то солнышкомъ
 Весела, да и радошна.
 А какъ чужой-то чуженинъ
 Ровно соколъ во поиманьи,
 Молодецъ во погибели;
 Онъ повѣсилъ буйну голову
 Нилже шелкова пояса
 На весельѣ, на радости,
 Потупилъ онъ ясны очи

Въ мать сырую-черну землю.
 А только свату лесливому (54)
 Тебѣ Богъ судитъ, Богъ судитъ,
 Богъ судитъ, да и заплатитъ
 Опричь меня молодешеньки.
 Отъ тебя-той, мой сватушка,
 Всѣ огни загоралися,
 Всѣ дѣла составлялися,
 Всѣ искры разсыпалися,
 Тебѣ подай Христосъ истинный
 Тебѣ свату лесливому
 Кумоха-то (55) тресливая,
 Да три чирья въ бороду,
 Четвертый подъ горлышко,
 Вмѣсто краснаго солнышка.
 Тебѣ подай Христосъ истинный
 Тебѣ свату лесливому
 На дворѣ заблудитися
 И столбу поклонитися.
 Тебѣ подай Христосъ истинный
 Молокомъ захлебнутися,
 Киселемъ подавитися...

 Тебѣ подай Христосъ истинный
 Тебѣ свату лесливому
 Ровно тридцать сыновей,
 Полтретьядцать дочерей.
 Сыновей тебѣ не женивать,
 Дочерей не отдавывать.
 Тебѣ подай Христосъ истинный
 Тебѣ свату лесливому
 Съ Шуенскаго волока (56)
 Коробица тебѣ своробу. (57)
 Со всея тебѣ волости
 Половина тебѣ болести..
 Это княжая свахонька,
 Толста, какъ мякинница,
 Черна, какъ медвѣдица...
 А поѣзжане-то бравые,
 Что собаки-то драныя,
 Нагонили, наѣхали
 На клюкахъ да пожогахъ. (58)
 У насъ нѣтъ припашонаго,
 Нѣтъ овина сушонаго;
 У насъ есть припашонное,—
 Одна душа красна дѣвица.

По окончаніи этого причета неvěста обыкновенно уже одѣта: на ней изъ красной штофной матеріи сарафанъ, бумажная воротушка, волосы собраны по-дѣвичьи—въ одну косу и лицо закрыто фатой. Женихъ съ дружкой и свахой идутъ въ кутъ и, поклонившись неvěстѣ, первый беретъ ее за правую руку, а сваха за лѣвую, дружка же, взявъ за руку жениха, ведетъ за собою его къ гостямъ. Невѣста кланяется всѣмъ присутствующимъ въ избѣ и садится рядомъ съ женихомъ за столъ на подостланныя въ суткахъ шубы. Вслѣдъ затѣмъ садятся за столъ всѣ поѣзжане, и гости начинаютъ обѣдать; но женихъ съ неvěстою ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Когда подадутъ на столъ третье блюдо, случается, подходитъ къ столу посторонній мужикъ или парень, кланяется гостямъ и, обратясь къ тысяцкому, проситъ у него на „мячъ“, слѣдующими словами:

Господи Іисусе Христе,
Боже нашъ, помилуй насъ!
И велѣно мнѣ молодцу
На сегодняшній бѣлый день
Къ вамъ приступить,
Пониже поклонится,
Съ вами поздороваться:
Здравствуйте, господа сенаторы!
Я не вашей конторы.
Вышелъ я, господа,
Изъ нижняго земскаго суда...
Я не шведскій и не турецкій,

Я человекъ россійскій ¹⁾
.....
.....
.....
Тысяцкій, князь молодой,
Большой баринъ околичинъ,
Сватъ, сваха, дружка, съ по-
дружьемъ,
Вершнички, запешнички
Чашнички, наливальнички,
И весь вашъ княжевой полкъ!

¹⁾ Здѣсь часто вставляютъ нѣсколько речевій не удобныхъ къ печати, единственною цѣлю которыхъ служитъ разсмѣшить слушателей; иногда же слышится пустой наборъ словъ, не относящихся къ дѣлу и ничего не выражающихъ. Наприм., въ родѣ слѣдующаго:

Былъ же я молодецъ
Въ Токаревъ концъ,
Погостилъ на крыльцѣ.
Пришелъ Сырцовъ,
Принесъ пироговъ концовъ.
Хоть ѣшь, хоть гложи,
Хоть такъ положи,
Я поѣлъ, поглоталъ,
Остатки такъ же съелъ.
Вышелъ подъ лѣстницу,
Стоитъ площадка нишеницы;

Взошелъ на крыльцо,
Іисусову сотворилъ молитву,
Безъ дѣла дверей не отворилъ.
Токо есть дѣло,
Толкайся смѣло;
Есть ключи, такъ постучись,
На словахъ не вертись,
А за лишнія словеса
За двери, да и за волоса...

(Прим. автора).

Мы на сегодншній бѣлый денекъ
 По утру рано вставали,
 Горы, долы сѣкали,
 Пенье, колоды ломали,
 За быстрыя рѣки мосты стлали,
 Ухабы верстали,
 На широкую улицу отводѣ отворяли,
 Широку улочку разметали,
 По краямъ палочку разбросали,
 На широкой дворъ ворота отворяли,
 Вашихъ лошадей пропускали,
 И надавали имъ сѣна зеленова
 И овса-то едренова.
 И пожалуйста господа
 Намъ на трудъ, на работу,
 На мячъ, на рогозу
 Небольшую честь,
 Рубликовъ шесть.

А мы, господа, были всѣ братья бѣд-
 ные,

И пожалуйста намъ денежки мѣдныя,
 Нѣтъ мѣдныхъ—давай серебра,
 Нѣтъ серебра—давай бумажки.
 Мы бумажки размѣнимъ
 По своей братьѣ раздѣлимъ...

.....

Еще, господа, дайте намъ штофъ вина,
 Да пива ушатъ,
 Больше не станемъ у васъ ничего
 прошать.

Ни свѣтъ свѣтается,

Ни утренняя заря знаменается,
 Не красное солнышко изъ-за горъ
 выкатается

Со лучами со ясными,
 Со маревами (59) теплыми,
 Это нашъ князь молодой
 Встаетъ на рѣзвы ножки,
 На сафьяные сапожки,
 На полуженые гвоздочки.
 Не береза шатается,
 Слезами уливается,
 Нашъ князь молодой
 Ко родимому батюшку приступаетъ,
 Тако-жъ и родимой ко матушкѣ.
 Родимый ты мой батюшко,
 Тако-жъ и родимая матушка!
 Я у васъ на сегодншній бѣлый
 день

Не прошу я у васъ ничего,
 Я ни злата, ни серебра.

Я прошу у васъ на сегодншній
 бѣлый день

Платя самоцвѣтнаго,
 И коня самолучшаго,
 Еще благословенья великаго,
 Ёхать мнѣ на чужу-дальну сторону
 По супругу-супружницу,
 Ёхать по дѣвицу,
 Чтобы мнѣ съ ней жить,
 На любовь, да на совѣтъ,
 На тайныя рѣчи
 На кудряватыя діти.

По окончаніи обѣда родители невесты дарятъ жениха, дружку, тысяцваго и сваху кумачемъ на рубашки, плисомъ на брюки, кушаками, полотенцами, платками, а прочихъ гостей потчуютъ пряниками и орѣхами. Затѣмъ дружка со стороны жениха, положивъ въ стаканъ вина какую-нибудь монету, проситъ брата невесты выпить, обращаясь со словами: „Ну-ка, братецъ, выпей, да отдай намъ сестрицу; а какъ еще попьешь, такъ и грошъ найдешь!“ Братъ, выпивъ вино и взявъ себѣ монету, отвѣчаетъ: „берите и къ себѣ везите!“ Потомъ отецъ и мать благословляютъ невесту образомъ и хлѣбомъ-солью такимъ же порядкомъ, какъ прежде было сказано о благословеніи жениха его родителями. По оконча-

нiя этого обряда родственники невѣсты и постороннiе со слезами прощаются съ нею. Наконецъ, дружка, взявъ въ руки образъ, которымъ благословляли невѣсту, беретъ ее за руку и выводитъ на улицу, гдѣ садитъ въ сани съ одной изъ близкихъ родственниковъ, называющейся свахою, участвующею въ поѣздѣ. Женихъ съ свахою съ своей стороны садится въ другiя сани и ѣдетъ вслѣдъ за дружкой впереди невѣсты. Дружка съ образомъ въ рукѣ занимаетъ особыя сани и первый открываетъ свадебный поѣздъ. Въ поѣздѣ принимаютъ участiе также гости со стороны жениха и невѣсты. Они за столомъ, по обыкновенiю, порядкомъ выпили, и потому ѣдутъ скоро, шумно, съ веселыми пѣснями, сливающимися съ звономъ колокольчиковъ, звонковъ и бубенцовъ, даютъ знать о свадебномъ поѣздѣ на большое разстоянiе.

Прiѣхавъ къ церкви, дружка идетъ со священникомъ, женихъ съ невѣстою ожидаютъ его на церковной паперти. Сюда приходитъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ и, давъ имъ приложиться къ кресту, открываетъ входъ въ церковь. Предъ началомъ вѣнчанья сваха расплетаетъ косу невѣсты и оставляетъ волосы ея распущенными по плечамъ. Передъ тѣмъ временемъ, когда священникъ долженъ накладывать на голову невѣсты вѣнецъ, сваха снимаетъ съ нея фату. Послѣ вѣнчанья она заплетаетъ волосы невѣсты по-бабьи, въ двѣ косы и подъ платокъ на голову ея надѣваетъ повойникъ (родъ круглой шапочки съ разрѣзомъ на одной сторонѣ и тесемками). Въ это время дружка раздаетъ изъ короба всѣмъ, находящимся въ церкви, крожное, т.-е. пряники и орѣхи.

Послѣ вѣнчанья свадебный поѣздъ направляется обыкновенно въ то селенiе и къ тому дому, гдѣ новобрачные будутъ жить, если женихъ и невѣста были прихожане одной церкви; въ противномъ случаѣ всегда къ дому невѣсты, такъ какъ вѣнчанье бываетъ въ церкви на ея родинѣ. Въ обратный путь новобрачныхъ сопровождаетъ священникъ въ епитрахили и съ крестомъ въ рукѣ и ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда вмѣстѣ съ дружкой, у котораго въ рукахъ образъ. За ними слѣдуютъ новобрачные въ однихъ саняхъ, а тамъ и прочiе поѣзжане.

Въ домѣ встрѣчаютъ новобрачныхъ отецъ и мать жениха съ лукошками ячменя, пшеницы и хмѣля. На послѣдней ступени крыльца молодые, выйдя изъ саней, кланяются родителямъ въ ноги и входятъ на крыльцо; послѣднiе, чтобы жить но-

вобрачнымъ богато, осыпаютъ ихъ на пути сначала зерномъ и потомъ хмѣлемъ. Въ избѣ цѣлуютъ новобрачныхъ въ щеки родители ихъ, родственники и гости, не бывшіе въ церкви, поздравляя съ законнымъ бракомъ. Потомъ молодые садятся за столъ на разостланныя на лавкѣ вверхъ шерстью шубы; подлѣ, съ правой стороны, садится священникъ съ причтомъ, а съ лѣвой—родители новобрачнаго, если свадебный столъ въ домѣ невѣсты, или наоборотъ. Родственники и гости занимаютъ остальные мѣста за столомъ. Дружка разрѣзываетъ лежащій посреди стола большой пряникъ, въ $\frac{3}{4}$ арш. длиною и $\frac{1}{2}$ арш. шир., средину его съ изображеніемъ рыбы даетъ новобрачнымъ, которые дѣлятъ ее пополамъ и ѣдятъ, и прочія части пряника дружка рѣжетъ на куски и раздаетъ всѣмъ сидящимъ за столомъ. Въ это же время хозяева дома подносятъ всѣмъ гостямъ, начиная со священника, по стакану вина. Каждый изъ нихъ, вставъ на ноги, кланяется новобрачнымъ и, выпивъ вино, закусываетъ пряникомъ. Съ этимъ вмѣстѣ церемонія кончается и каждый гость начинаетъ ѣсть. Послѣ каждой перемѣны блюдо хозяева въ домѣ обносятъ гостей пивомъ или виномъ. Такимъ образомъ, пиршество продолжается два и три часа. Кромѣ обязанности хозяевъ потчевать гостей, сидящихъ за столомъ, они должны привѣтливо обойтись съ каждымъ приходящимъ въ это время въ избу, и поднести стаканъ вина или пива каждому сосѣду, который приноситъ въ это время новобрачнымъ коровай (ковригу) ржаного хлѣба.

По выходѣ изъ-за стола священникъ, держа въ правой рукѣ крестъ, съ пѣніемъ: „О Тебѣ радуется, Благодатная...“ ведетъ новобрачныхъ за руки на подклѣтъ, т.-е. въ лѣвную горницу, гдѣ приготовлена для нихъ постель. Гости большею частію ночуютъ въ томъ же домѣ, гдѣ пировали. На утро ходитъ дружка будить молодыхъ, по мѣстному выраженію: „поднимать съ постели“. При этомъ нѣтъ никакихъ особенныхъ обрядовъ. Весь первый день свадьбы молодые проводятъ вмѣстѣ съ гостями въ пиршествѣ. На второй день частію продолжается также пиршество, только менѣе замѣтно уже разгула и молодечества. На третій день послѣ свадьбы новобрачные съ своими родственниками и всѣми гостями ѣдутъ пировать въ домъ родителей молодого, если свадьба происходила въ домѣ жены его; въ противномъ случаѣ—наоборотъ. Пиршество это носитъ названіе „хлѣбѣиць“; продолжается

иногда два дня, и имъ заканчиваются всѣ свадебныя пиршества крестьянъ Тотемскаго уѣзда.

б) Свадебные обычаи и пѣсни въ Шонгско-Николаевской волости, Никольскаго уѣзда.

Нѣсколько иначе справляется свадьба въ Никольскомъ уѣздѣ; но въ главныхъ чертахъ, конечно, есть все-таки много общаго.

Здѣсь я хочу описать кратко процессъ свадьбы, записанной мною нынѣшняго лѣта со словъ и по рассказамъ причѣтника-крестьянина, живущаго въ Шонгско-Николаевской волости.

Думаю, не лишнимъ будетъ, если я напередъ скажу о немъ нѣсколько словъ. Это въ настоящее время уже довольно пожилой крестьянинъ, такъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, средняго роста съ курчавыми, мелко-вьющимися, наполовину сѣдыми волосами, почему и извѣстенъ почти во всѣхъ окрестныхъ волостяхъ, куда его часто возятъ на свадьбы для причетовъ, подъ именемъ „Максима Кудряша“. Грамоты онъ не знаетъ—не учился, но обладаетъ большою памятью. Напримѣръ, онъ знаетъ, говорятъ, наизусть всѣхъ святыхъ въ году. Прошлаго лѣта, побывавши на богомольѣ въ Кіевѣ, онъ запомнилъ имена всѣхъ угодниковъ, почивающихъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ томъ порядкѣ, какъ мощи ихъ лежатъ и какъ они перечисляются въ синодикѣ. Кого не знаетъ Максимъ Кудряшъ и въ смежныхъ окрестныхъ волостяхъ и не назоветъ по имени и отчеству? А также—кто не знаетъ и его?.. На разговорахъ онъ находчивъ и словоохотливъ: „безумолку говорить, только его слушайте!“ Голосъ у него совершенно женскій, контръ-альтъ, особенно, когда запоетъ; а пѣть онъ прежде любилъ, и въ хороводахъ дѣвичьихъ былъ первымъ запѣваломъ. Причеты, помѣщенные ниже, записаны отъ него изъ слова-въ слово.

Свадьба, обыкновенно, по его словамъ, справляется слѣдующимъ образомъ:

Когда придетъ парень въ возрастъ и не подлежитъ отбыванію воинской повинности, его стараются поскорѣе женить, чтобы не избаловался; для этого посылается свать или сватья къ родителямъ намѣченной невѣсты. Если родители невѣсты согласны от-

дать за него свою дочь, назначаются смотры. Къ этому дню, т.-е. ко дню смотровъ, у невѣсты варится пиво и созываются гости—своя родня. Въ день смотровъ пріѣзжаетъ женихъ со своими родными и привозятъ съ собою пиво и стряпню. Невѣсту наряжаютъ, и она обноситъ родныхъ жениха водкой. Женихъ смотритъ ее, а родные невѣсты смотрятъ жениха. Когда она обнесетъ всѣхъ водкой, уходитъ въ кутъ, а родные жениха и онъ уходятъ на улицу, унося съ собою все привезенное ими. Потомъ свать со стороны жениха снова приходитъ въ избу и снова здороваается, и затѣмъ говоритъ: „Поглянулись ли мы вамъ, а невѣста ваша намъ понравилась? Если мы не понравились, отказывайте“. Родители невѣсты если не поглянулся женихъ, отказываютъ, а если понравился, говорятъ: „Милости просимъ!“ Тогда всѣ родные жениха и самъ онъ входятъ опять въ избу, молятся снова Богу и начинается пиршество. Если же невѣста не понравилась жениху, то, вышедши изъ избы, всѣ тотчасъ же уѣзжаютъ домой,—и это называется: „уѣхали съ мосту“.

У жениха и родныхъ его, когда они возвратятся съ улицы, обираютъ все верхнее платье и шапки и уносятъ въ другую, особую комнату, а ихъ садятъ за главный столъ, невѣстины же родные и гости садятся за другимъ столомъ, пониже. Сама невѣста садится рядомъ съ женихомъ. На столахъ сначала собираются кушанья съ невѣстиной стороны, а потомъ прикладываютъ свои кушанья и родные жениха; со стороны же жениха подается и водка. Потчуетъ всѣхъ гостей свать. На смотрахъ же невѣста даритъ жениха и родныхъ его. Пируютъ съ вечера и до другого вечера. Послѣ смотровъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты варится пиво.

За нѣсколько дней до свадьбы или самъ женихъ, или кто-либо изъ его родныхъ пріѣзжаетъ „укладывать срокъ“; т.-е. условливаются относительно дня свадьбы. Когда женихъ пріѣдетъ въ домъ, посылаютъ за дѣвушками, подругами невѣсты. Жениха садятъ за столъ и угощаютъ, а дѣвушки-подруги приходятъ къ невѣстѣ въ кутъ и тамъ поютъ:

Не съ помѣрю по мѣрюшку,
Да не съ помѣрю-то сѣнему,
Завесла-то погѣдушка,
Кораблі-те расплавались

Какъ не съ по полю, по полю
Соколы разлетались.
Залетѣлъ младъ—ясень соколъ
Къ батюшку на широкій дворъ.

Какъ заѣхалъ незнамый гость
Къ матушкѣ во высокъ теремъ.
Дó суда, дó суда,
До судá-то до Божьяго.
Я не знаю-то, какъ назвать,

Не знаю, какъ взвеличать.
Назову—чужой чуженинъ,
Взвеличаю—отецкй сынъ...
Перейди, да перéступи
За едину половочку!..

Женихъ приходитъ въ куть къ невѣстѣ и получаетъ отъ нея дары, и въ свою очередь самъ даритъ ее, большею частью деньгами.

Когда заварять пиво у невѣсты, дѣвушки каждый день ходятъ къ ней съ работой, а то и такъ просто, преимущественно вечерами, и причитаютъ:

Заварилъ-то мой батюшко,
Заварилъ пиво пьяное,
Перевару зеленова;
Пропустилъ-то кудрявый дымъ,
Что низкó по сырой землѣ,
Широко по святой Руси,
Высоко по поднебесью.
Какъ вставала я мóлода
По утру-то равешенько,
Выходила я мóлода
На крылечко красивое.,
Навалилась я мóлода
На перильца дубовыя,
Посмотрѣла я мóлода
На всѣ чѣтыре стороны.
Какъ варить-то мой батюшко,

Что варить пиво пьяное,
Перевару зеленова.
Я спрошу тебя, батюшко:
Ты къ которому празднику?
Чась (60) Покровъ-то у насъ про-
шелъ,
А Ильинъ-то (61) день нé дошелъ.
Мяѣ-ка чуется-слышится,
Что варишь ты, мой батюшко,
Ты варишь пиво пьяное
Про своихъ, про любимыхъ гостей,
Про моихъ про разлучниковъ,
Которые-то гости хотятъ
Разлучить меня мóлоду
Со родомъ, да со племенемъ,
Со родимой сторонущкой.

Въ каждый вечеръ причитаютъ разное.

Утромъ наканунѣ свадьбы женихъ или его отецъ прѣзжаетъ на погостъ къ своему приходу съ гостинцами церковно-служителямъ (лагуни (62) пива, каравай хлѣба, баранины и пироги); платятъ имъ деньги за вѣнчаніе, если женихъ одного прихода съ невѣстою, дарятъ священнику на рубашку полотна и два полотенца: ему и его женѣ, также діакону и псаломщику по полотенцу.

Вечеромъ, наканунѣ же свадьбы, въ домѣ невѣсты бываетъ дѣвишникъ, на который созываютъ всю свою родню и подругъ невѣсты. Когда всѣ соберутся, начинаются причеты. Гости пьютъ и ѣдятъ, а невѣста сидитъ въ кути и плачетъ, причитая:

Всѣ рѣчки, всѣ рѣченьки
Въ одно мѣсто сбѣгались,

Всѣ гости, всѣ гостейки
Въ одинъ домъ-то сѣзжались,

Ко родимому батюшкѣ
 На пиры на почетные,
 Ко родимой-то матушкѣ
 На столы снаряженные,
 Ко родиму милу братцу
 На подачи на частыя,
 Ко любой-то невѣстушкѣ
 На поклончики низкіе,

Ко мнѣ молодешенькѣ
 На горѣ, да на кручину,
 На печаль на великую,
 На разстань на широую.
 Завтра-то по утру ранѣ
 Стану я разставатися
 Со всѣмъ родомъ, да племенемъ,
 Со родимой сторонешкой.

Дѣвишникъ обыкновенно продолжается всю ночь почти до свѣту. На свѣту поютъ:

Спасибо тебѣ, подруженька,
 За хлѣбъ за соль великую,
 За гостебу любимую!
 Посмотри-ко, подруженька,—
 На широкой-то улицѣ

Бѣлой свѣтъ-то свѣтается,—
 Дивнй бѣкъ коротается,
 На чужой-то на сторонѣ
 Торолятся, да ладятся
 По меня молодешеньку...

Въ день свадьбы по утру бываетъ „бѣлая баня“.

Послѣ дѣвишника выходятъ не надолго изъ избы, затѣмъ возвращаются и поютъ:

Мы не сами собой пошли,
 Посылала наряжала
 Да любая подруженька.

Невѣста:

Мои служки, вы служки,
 Вы рѣзвыя ноженьки!
 Доведите, подруженьки,
 До родимаго батюшки.—
 Я пришла къ тебѣ, батюшко,
 По поруку-то крѣпкую,—
 Поручися, мой батюшко,
 По моей по косѣ русѣ,
 По моей дивней красотѣ,—

Итти въ баню въ опарушу,
 Въ новую, устроѣнную,
 Въ бѣлую подвѣнечную.—
 Мнѣ родимой-то батюшко
 Мнѣ порука крѣпкая,
 Мнѣ измѣна великая;
 Измѣнилъ мнѣ батюшко
 До поры да до времени...

Такимъ же образомъ водятъ и къ матери за *порукой*.

Затѣмъ невѣсту ведутъ въ баню, т.-е. въ другую избу, приготовленную и, стукнувъ кулакомъ въ дверь, отворяютъ и поютъ:

Что сказали во банюшкѣ,
 Есть и столбики точены.
 Что на первомъ-то столбикѣ
 Лежитъ мыло-то бѣлое,
 На другомъ-то на столбикѣ
 Лежитъ шелковый вѣничекъ.
 Обманули подруженьки—

Это только изъ банюшки
 Не укусный-то духъ несетъ;
 Тутъ-то мьется, да парится
 Злодѣй кика бѣлая:
 Она моется, парится
 Да меня дожидается,
 Говоритъ—похваляется:

Я сшибу, сшибу съ дѣвушки,
Сшибу дивью-то красоту,
И я сяду ко дѣвицѣ

Поверхъ буйныя головы,
По конецъ тонкихъ волосовъ!

Невѣста уходитъ куда-нибудь, чтобы переодѣтъ нижнее бѣлье, — а молодежь — дѣвицы пляшутъ и поютъ. Сюда приносятъ и пиво. Гости въ это время остаются въ старой избѣ. Переодѣвшись, невѣста приходитъ, садится и плачетъ. Дѣвицы берутъ ее подъ руки; она встаетъ передъ образами, крестится и говоритъ:

Спасибо тебѣ, баня паруша. —
Я помылась попарилась.

Потомъ невѣсту ведутъ изъ бани къ гостямъ въ избу и поютъ:

Раскатись, баня паруша,	Не пройти, не проѣхать!..
На всѣ на три стороны,	Ужъ мнѣ дай-ко ты, батюшко,
На четвертую сторону —	Перевозы-то легкіе,
На широкую улицу,	Переброды-то мелкіе,
Ко родимому батюшкѣ,	Со любимъ-то подруженькамъ
Ко крылечку красивому,	Перейти, переѣхать!
Чтобы князьямъ-боярамъ	

Когда приведутъ невѣсту въ старую избу къ гостямъ, сажаютъ въ куть. Въ это время къ дому невѣсты уже приближается поѣздъ жениха. Дѣвушки поютъ:

Что не синь-то синѣется,	Это синь-то синѣется
Что не чернь-то чернѣется, —	Да князь-то все бѣе,
Это черень-то чернѣется —	Это красъ-то красѣется
Добрыя вороны кони;	Это свахоньки княжевы“.

Между тѣмъ поѣздъ жениховъ подѣхалъ къ дому; дружка подходитъ къ окну и стучить, приговаривая: „Сватъ сватъ, наѣхала свадьба: давай аминь. А во свадьбу такъ не ходи!..“ Потомъ всѣ поѣзжане входятъ въ сѣни, и въ сѣняхъ дожидаются, пока не встрѣтятъ ихъ съ пивомъ. Въ это время въ домѣ дѣвицы поютъ:

Это что у тебя, батюшко,	Не два ясные сокола
Что за вѣра за новая,	На мосту солетались,
Что за гости наѣхали?..	Высоко подымались;
Ужъ какъ нынче, да нынче	Не двѣ друженьки княжіе
У родимаго батюшки	Поблизку сохотилися,
Среди широка двора,	Да пивомъ помѣнялися.
На мосту на калиновомъ	Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколъ,

Ты родимый мой батюшко!
Промѣняль ты, мой батюшко,
Ты на пиво на пьяное,

Промѣняль меня молоду
На чужу дальню сторону,
За чужова чуженина.

Также причитають и свахамъ:

Не двѣ ласточки-касаточки
На мосту солетались,
Высоко подымались;

Не двѣ сваховѣкки княжѣя
Поблизку сохобилися и т. д,
до конца: за чужова чуженина.

Жениха съ гостями встрѣчаютъ на сѣняхъ, обносятъ ихъ пивомъ, и они входятъ въ избу. Дѣвицы поютъ:

Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколъ,
Мой родимый ты, милый братъ!
Ты сойми, сойми, милый братъ,
Сойми волю и большину
Со родимаго батюшки
И со родимой матушки!
Призадержи-ко, милый братъ,
На стѣнѣ святы образы,
Да чтобы князьямъ-боярамъ
Не чему перекстится,
Не чему поклонится.
Да чтобы князья-бояра
На то бы осердились,
Назадъ-бы воротились,
Да меня бы оставили
У родимыя матушки
Во высокомъ-то теремѣ!..
—„Ужъ какъ нынче, да нынче,
Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколъ,
Ты родимый мой батюшко!
Призадержи-ко, батюшко,
На стѣнѣ святы образы,
Да шелковыя пѣлены,

Чтобы князьямъ-боярамъ
Есть чему перекстится,
Есть чему поклонится;
Да чтобы князья-бояра
На то не разсердились,
Назадъ не воротились,
Да меня не позабыли;
Да чтобы мнѣ-ка молодѣ
На чужой-то на сторонѣ
Мнѣ укору-то не было
—Выдвигай-ко ты, матушка,
Ты изъ сутокъ по лавочкѣ
Ты своихъ-то милыхъ гостей!
Ты давай-ко-ся мѣстечко
Князьямъ-то, да боярамъ,
Чтобы князья-бояра
На то не разсердились,
Назадъ не воротились
Да меня не позабыли;
Да чтобы мнѣ-ка молодѣ
На чужой-то на сторонѣ
Мнѣ укору-то не было“.

Невѣстины гости выходятъ изъ-за стола и даютъ мѣсто жениху съ поѣзжанами; женихъ садится въ передній уголъ въ рукавицахъ. Дружка обноситъ пріѣзжихъ и всѣхъ гостей пивомъ. Потомъ призывается мать невѣсты, или кто-нибудь изъ родныхъ одѣвать невѣсту къ вѣнцу. Дѣвушки поютъ:

—Эго какъ, моя матушка,
Твои рѣзвыя ноженѣкки
Рѣзво приступаются?

Твои бѣлыя рученьки
Легко поднимаются?—
Наряжаешь ты, матушка,

Меня молодешеньку
Ты не въ гости-то гостейкой,—
Ко златому вѣнцу вѣхати,

Какъ отъ златова вѣнца
На чужу-дальну сторону!

Одѣвши, закрываютъ ее платкомъ. Дѣвицы поютъ:

Какъ закрыли, завѣсили
У родимаго батюшки,
Во высокомъ-то теремѣ,
За которую за-пеню, (63)
За какую проступочку.
Это будто я молода
Шибко не проступилася,
Шибко не провинилася.
Ужъ мнѣ дайте-ко наочи

Мнѣ родимова батюшку
Поскорѣ—наускорѣ,
При пути—при дороженькѣ
Мнѣ съ нимъ хочется видѣться,
На роду-то не въ первые
На вѣку не въ послѣдніе
Мнѣ-то только въ послѣдніе
Душею красной дѣвицей!

Такъ же призываютъ потомъ мать, братьевъ и сестеръ.

Послѣ этого невѣсту ведутъ изъ кути за столъ и поютъ:

Не моги ты, мой батюшко,
Со мной торопиться,
Моги подорожиться.
Не сдавай меня, батюшко,
Со шелковыхъ-то рученекъ
Меня на бумажныя!..
Отставала было лебедь
Отъ стада лебединаго,

Приставала было лебедь
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
—Не щиплите, сѣры гуси,
Вы лебедушки бѣлыя;
Не сама я залетѣла
Завели-то подруженьки,
Завели, да оставили“.

Невѣста садится за столъ къ жениху. Вскорѣ родители благословляютъ дочь образомъ и хлѣбомъ-съ солью, сначала отецъ, потомъ мать. При благословеніи поютъ:

Не прошу у тебя, батюшко,
Я ни злата, ни серебра,
Ни большова приданова;
Я прошу у тебя батюшко
Благословенія великаго.
Благослови меня, батюшко!..

Твое-то благословеньице
Изъ синя-моря вынесетъ,
Изъ темна-лѣса выведетъ,
Отъ людей будетъ молодъ
Оборона великая!..

Послѣ благословенія выводятъ невѣсту на улицу и сажаютъ въ сани. Дѣвицы въ это время поютъ:

Мой ты свѣтъ, да ясенъ соколъ,
Ты родимый мой, милый братъ!
Ты мнѣ вѣкъ не досаживалъ,
Какъ теперь-то мнѣ досадилъ:
Посадилъ меня, милый братъ,

На чужова добра коня;
Чужова я добра коня
Не поила, не кормила,
Вѣдять не обязалася!...

Весь поѣздъ ѣдетъ на погостъ. Иные пріѣзжаютъ прямо въ церковь и тамъ дожидаются вѣчанья, а иные первоначально къ

дому священника, а потомъ уже въ церковь. Въ церковь невѣсту приводятъ завѣшенную фатой. Передъ совершеніемъ таинства брака сваха расплетаетъ невѣстѣ косу и снимаетъ съ нея фату, а затѣмъ женихъ беретъ ее за руку и ведетъ подъ вѣнецъ.

Послѣ вѣнчанья всѣ ѣдутъ въ домъ жениха. На крыльцѣ новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать невѣсты и бросаютъ имъ подъ ноги пшеницу и овесъ, чтобы имъ жить богато. Когда они войдутъ въ домъ, на средину избы выходитъ дружка и громкимъ голосомъ говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Есть ли въ этомъ домѣ, во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ родимый батюшка и родимая матушка? а нѣтъ родимаго батюшки и родимой матушки, то родимый братъ, вмѣсто отца, или родимая сестра?“ На этотъ зовъ его выходятъ отецъ и мать жениха, или замѣняющіе ихъ, и благословляютъ сначала иконою, а потомъ хлѣбомъ-солью; поздравляютъ съ законнымъ бракомъ и сажаютъ въ передній уголъ—въ сѣдки, на подостланные на лавкахъ шубы—тоже, чтобы имъ жилось богато. По ту и другую сторону новобрачныхъ дружка усаживаетъ родныхъ невѣсты и свахъ, а также и родственниковъ жениха. Вообще, во время брачнаго стола дружка главный распорядитель пиршества. Всѣ усядутся, дружка снова становится по срединѣ избы и говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Есть ли въ этомъ домѣ, во свѣтлой свѣтлицѣ, во новой горницѣ родимый батюшка и родимая матушка? а нѣтъ родимаго батюшки и родимой матушки, то родимый братъ, вмѣсто отца, или родимая сестра?.. Пора подавать яства!“ На столъ ставятъ кушанья и всѣхъ обносятъ пивомъ и виномъ. Передъ каждою переменною кушанья дружка выходитъ изъ-за стола и повторяетъ свои слова, замѣняя слово „подавать“ словами „перемѣнять яства“.

Брачный столъ продолжается до полуночи, и затѣмъ сваха и тысяцкій подъ предводительствомъ дружки ведутъ новобрачныхъ на подклѣтъ. Но гости еще долго пируютъ. Сваха же, тысяцкій и дружка по-утру идутъ будить новобрачныхъ, и если они долго не встаютъ, то ихъ окачиваютъ холодною водою. Когда новобрачные встанутъ, начинается снова пиршество до поздняго вечера. Вечеромъ въ этотъ день дружка и тысяцкій отправляются созывать сосѣдей въ гости, къ такъ называемому „красному столу“, который бываетъ въ слѣдующій день. Для этого дружка беретъ

въ руки помело и навязываетъ къ нему колоколець, а тысяцкій мѣтлу; идутъ они по деревнѣ и стучать подъ окнами тѣхъ домовъ, хозяева которыхъ приглашаются въ гости.

На слѣдующій день (третій послѣ вѣнчанья) гости-сосѣди приходятъ и приносятъ съ собою новобрачнымъ хлѣбъ-соль (пирогои и пряники). Пиршество продолжается дня четыре. Потомъ молодые со своими родными и близкими родственниками ѣдутъ въ гости, на такъ называемые „хлибины“, къ родителямъ невѣсты и тамъ гостятъ дня два. Этимъ пиршество свадебное и кончается. Возвратившись оттуда домой, молодые принимаются за свои домашнія работы,—и жизнь пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Вологда.

Мих. Куклинъ.

16 Сентября 1891 г.

Объясненіе мѣстныхъ словъ и выраженій.

1. *Сутки*—передній уголъ избы, гдѣ находится божница; въ другихъ мѣстахъ называютъ *красный уголъ*. *Спсть въ сутки*—сѣсть подѣ образа.—
2. *Голбецъ*—необходимая принадлежность каждой крестьянской избы. Онъ устраивается такимъ образомъ: на разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. отъ бока печи внутрь избы дѣлается загородка вышиною на $\frac{1}{2}$ арш. менѣе высоты печи, и верхнее пространство между загородкой и печью настилается досками. Внутри голбца часто устраиваютъ входъ въ подполье или же для послѣдняго случая поднимается одна изъ половыхъ досокъ. Внутреннее помѣщеніе голбца служитъ вмѣсто чулана.—
3. *Свѣтлица*, — тоже, что горница, комната съ косячатымъ окномъ.—
4. *Сердѣшный, сердѣчный*—любезный, близкій къ сердцу.—
5. *Глѣнется, глѣнется*—видится, кажется.—
6. *Чужбѣй, чужепинъ*—такъ называется женихъ до совершенія брака.—
7. *Докучанье* умен. отъ сл. докучанье—усиленная, неотступная, частая просьба.—
8. *Приусмѣкло*—сдѣлалось мягкимъ.—
9. *Щѣ*—вм. что.—
10. *Поленилось и показало* употребляется часто въ значеніи слова—понравилось.—
11. *Хоромы*—жилое деревянное строеніе.—
12. *Сусѣкъ горбатый*—закромъ въ амбарѣ, насыпанный хлѣбомъ выше краевъ, съ верхомъ.—
13. *Казачиха, козачиха*—работница, наѣмная женщина, батрачка. *Козакъ*—работникъ. *Козакъ полумѣтникъ*—работаетъ 3 дня въ недѣлю на хозяина, 3 дня на себя.—
14. *Токѣ*—вм. только. Здѣсь должно понимать: пришелъ часъ—и вдругъ все прошло и миновалось.—
15. *Дружка*—другъ, пріятель жениха, распоряджающійся угощеніемъ на свадьбѣ.—
16. *Приудейнутъ окбенику*—значитъ немного открыть окно. Оконная рама въ крестьянскихъ избахъ раздѣляется на двѣ половины: одна утверждается неподвижно, другая движется въ пазахъ, сдѣланныхъ въ верхнемъ и нижнемъ косякѣ.—
17. *Церковь Всемилостиваго Спаса* есть приходская въ волости.—
18. *Медѣй, ѣ, с. ж.*—вода, подслащенная медомъ, сѣта.—
19. *Скрутушка* умен. отъ *скрута*—всѣ принадлежности одежды; происходитъ отъ гл. возвр. сов. вид. скрутиться—одѣться. Слово скрута нерѣдко употребляется и теперь. Говорятъ: „вотъ моя скрута!“ показывая на одежду.—
20. *Дваѣшникъ, двѣѣшникъ, с. м.*—день наканунѣ свадьбы, въ который дѣвицы прощаются съ невѣстой, своей подругой, при пѣніи свадебныхъ

пѣсенъ. Въ этотъ же день невѣста обязана мыться въ банѣ.—21. *Утишишка*, с. ж. умен. слово отъ *утишье* — покойное, тихое мѣсто, гдѣ ничѣмъ не нарушается спокойствіе природы.—22. *Госудáревъ*, а, употребляется и нынѣ вм. словъ: дорогой, любезный. Говорятъ, наприм. „Государево дитятко, обращаясь къ дитяти.—23. *Укладные топоры*, которыхъ лезвія стальные, а стороны и обухи желѣзные.—24. *Сѣхона* — рѣка въ Вол. губ., по которой расположенъ Тотемскій уѣздъ.—25. *Кика, кита* — старинный женскій головной уборъ, шитый золотомъ, съ тульею нѣсколько расширенною къ верху. Кики носили однѣ только бабы, т. е. выданныя замужъ. Словомъ *китю* называютъ и теперь въ Новгород. губ. головной уборъ, шитый золотомъ, похожій на уланскій киверъ.—26. *Перевóдочка, перевóдника* с. ж. умен. отъ переводина — перекладина, брусъ. Онъ кладутся параллельно, и на нихъ настилается полъ.—27. *Сусѣды порядные*, которыхъ дома по одному порядку, по одной линіи въ улицѣ.—28. *Обрядѣться* — слово употребляемое во всей Волог. губ., значить собственно заниматься хлопотами по домашнему хозяйству, т. е. истопить печь, приготовить обѣдъ, ужинъ, вымыть посуду. Всѣ дѣйствія кухарки или повара въ отношеніи отправленія ихъ обязанностей носятъ названіе обрядовъ.—29. *Брáтчина, брáтчина*, ы, с. ж. старин. сл. — семейное или общественное пиршество.—30. *Брáная скáтерть* — при тканьѣ такой скатерти выбираются различные узоры, и потому она называется браною.—31. *Посылка*, и стар. человѣка, котораго можно послать куда, нарядить.—32. *Уйрчива* — бойкая, бѣдовая, какъ говорятъ заугарь-дѣвка.—33. *Зажимчиво*, а, о — неподатливъ, несговорчивъ, непреклоненъ. Зажимчиво сердце — неподатливо на любовь.—34. *Цѣпочка, цѣвка* — трубочка, валикъ, на который навиваютъ нитки при тканьѣ.—35. *Пятѣ* — петля желѣзная, на которой виситъ дверь. Выраженіе: „съ косяка двери на пятѣ“ — значить: отворить, распахнуть дверь.—36. *Родашии причитаются*, т. е. родными считаются.—37. *Скóбы, скóбки* приколачиваются къ каблукамъ сапоговъ, башмаковъ для крѣпости.—38. *Не сѣчно* — неплотно, не какъ сито.—39. *Полужóныя* — вылощенные, гладкія.—40. *Съ обогрѣвами* — съ густой бахромой, съ кружевами.—41. Обращаясь къ бабамъ, сидящимъ въ кути съ невѣстою, дѣвицы называютъ ихъ — *враговѣтymi* т. е. злыми, сварливыми, а себѣ бѣсоватыми, шаловливыми.—42. *Просѣжій* — умный, скромный.—43. *Прóторь* — издержки, расходы.—44. *Брунѣстова* — многозернистаго.—45. *На вóлоти* — на слобѣ, на волокнѣ.—46. *Наряжѣнныце* — умен. отъ слова наряжанье, отъ гл. наряжать — распорядиться послать на работу.—47. *До щерѣ* — до мелкаго камня, до хряща.—48. *Прогрѣханы* — прорублены.—49. *Сáдина овѣяныя* — окна, въ которыя садятъ снопы на овинъ сушить.—50. *Пóлсти* — покрывала, попоны на лошадахъ.—51. *Очѣсливый* — отъ слова честь, честный, благородный.—52. *Не скрѣбоско ступѣй* — тихо ступай, не стучи.—53. *Тяжеѣхи висковѣтыя* — шапки съ наушниками.—54. *Лѣсливый* отъ сл. лѣсть — значить льстивый, обманчивый.—55. *Кумохá* — лихорадка.—56. *Съ Шуйскаго волока* — съ волока близъ села Шуйскаго, находящагося въ 90 в. отъ г. Вологды.—57. *Свѣробу* — коросты, хруны.—58. *Пѣжоги* — обгорѣлые батоги, которыми въ печкахъ шевелятъ загребають уголья.—59. *Мáрево* — вм. зарево, заря.—60. *Часъ* — здѣсь въ значеніи теперь.—61. *Покровъ и Ильинъ день* — мѣстные праздники въ волости.—62. *Ланунъ* — боченокъ.—63. *Зá пеню* — за винѣ, за преступленіе.

Иранскіе богатыри въ средѣ Армянскаго народа.

Если всмотрѣться въ политическую карту древней Арменіи, то легко замѣтитъ невыгодное ея положеніе среди двухъ могущественныхъ державъ, попеременно оспаривавшихъ другъ у дружки вліяніе на своего ближайшаго сосѣда. Вся исторія Арменіи носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ этой борьбы между Восточной Римской имперіей и Персидской монархіей, борьбы, ослаблявшей политическій устой этого государства, потрясавшей его цѣлымъ рядомъ войнъ то съ Западомъ, то съ Востокомъ, постоянно поддерживавшей непокорный духъ „нахараровъ“ (князей) въ ихъ распряхъ и усобицахъ съ властителемъ страны.

Но вліяніе этихъ сосѣдствъ сказалось не въ одномъ политическомъ состояніи Арменіи: оно шло гораздо глубже, захватывало самую культурную жизнь народа и на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ дало свои оригинальные плоды. Греческая образованность вызвала здѣсь энергичное умственное движеніе, произвела рядъ замѣчательныхъ писателей, трудамъ которыхъ мы обязаны цѣнными свѣдѣніями не только о прошлыхъ судьбахъ Арменіи, но и по исторіи Востока вообще ¹⁾.

Болѣе раннее и близкое соприкосновеніе съ Персіей запечатлѣлось несравненно сильнѣе на жизни армянскаго народа. Знаменательнъ уже тотъ фактъ, что персидское вліяніе ощутительно и въ древнемъ и еще болѣе въ современномъ народномъ армянскомъ языкѣ. Съ другой стороны, въ лицѣ Персіи Востокъ широко раскрывалъ передъ Армянами двери своего сказочнаго царства, гдѣ фантазія человѣческая такъ дивно развернулась во всей роскоши восточной природы. Разказы о славныхъ герояхъ Ирана,

¹⁾ На таковое значеніе *арм. письменныхъ источниковъ* было обращено вниманіе сравнительно недавно, и вопросъ этотъ далеко еще не исчерпанъ; къ свидѣтельству *арм. языка*, къ сожалѣнію, также мало обращались; что же касается *устныхъ преданій*, изобилующихъ доселѣ въ народѣ, то источникъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно еще непочатъ.

ласкавшіе слухъ не одной народной толпы, но и самихъ падишаховъ, легко могли плѣнить воображеніе армянъ, ближайшихъ сосѣдей персовъ. Это въ природѣ вещей. Каждый народъ въ колыбели своей жизни боготворить все то, что сверхъестественно, что выходитъ за предѣлы человѣческой возможности. Онъ охотно *впритъ* въ побѣды своихъ богатырей надъ разными чудищами, дѣвами, цѣлыми непріятельскими войсками и проч., приписываетъ имъ особенныя преимущества, окружаетъ ихъ имена все новыми, болѣе грандіозными подвигами. Онъ жадно ловитъ каждую эпическую новизну, легенду, „былину“, будь она чужая, лишь бы удовлетворяла его постоянно возбужденной фантазіи. Таковая же потребность является у дѣтей, когда они каждый разъ передъ сномъ требуютъ отъ няни рассказывать имъ сказки, чтобы уснуть убаюканнымъ подвигами царевича, несущагося на крыльяхъ Жарь-Птицы.

Несомнѣнно, всякое эпическое сказаніе, заимствованное извнѣ, прежде чѣмъ утвердиться въ народѣ, сначала должно принаравливаться къ его быту, нравамъ, обычаямъ, всему міросозерцанію, и когда съ теченіемъ времени оно становится уже достояніемъ его, то послѣднему уже не трудно смѣшать чужихъ героевъ съ своими собственными, приписать имъ тѣ же качества, которыя были свойственны лишь его любимымъ богатырямъ.

Явленіе это, ставшее почти закономъ для всѣхъ народовъ вообще, получило свое оригинальное освѣщеніе въ армянской средѣ. Въ настоящее время пока трудно судить о количествѣ и характерѣ живущихъ въ ней *заимствованныхъ* преданій: армянская этнографія еще только зарождается; однако появляющіяся день ото дня въ печати многочисленныя сказки, былины, апокрифы, притчи, и проч. представляютъ уже солидный и цѣнный *матеріалъ* для специалиста, желающаго обратиться къ ихъ свидѣтельству ¹⁾; съ другой стороны, ему дается случай ознакомиться

¹⁾ Дѣлу собиранія устной народной традиціи было положено основаніе еще въ 40-хъ годахъ. Съ тѣхъ поръ рядъ періодическихъ изданій и специальныхъ журналовъ (*Базмавэпъ*, *Аривъ Васпураканъ*, *Аревелянъ Мамулъ т. е. Восточная Пресса*, *Крункъ*, *Араратъ*, за последнее время: *Бюракинъ*, *Лумъ* и проч.) стали имъ удѣлять весьма почетное мѣсто. Однако, далѣе этого дѣло еще не пошло: собранный матеріалъ остается до сихъ поръ неразработаннымъ, даже не приведенъ въ извѣстную классификацію.

съ нѣкоторыми характерными чертами творчества армянскаго народа: какъ оно разрабатываетъ чужое наслѣдіе, въ какой цвѣтъ, какую форму облакаетъ его. При этомъ, конечно, слѣдуетъ принять во вниманіе а) тѣ *историческія* условія, которыя способствовали широкому притоку инородческихъ сказаній; б) изучить тѣ разнообразныя *мѣстныя* условія, которыя даютъ извѣстную редакцію предавію, налагая свою печать; наконецъ, в) уяснить, какимъ образомъ наслѣдуетъ то или иное сказаніе самъ *разсказчикъ*, какія измѣненія вноситъ его личность въ готовый уже матеріаль, гдѣ и въ какой степени она выступаетъ изъ общей рамки и проч. Затѣмъ остается показать, что возростило чужое сѣмя, попавшее на армянскую почву.

Съ этой точки зрѣнія не лишены интереса варіанты объ иранскихъ герояхъ, вращающіеся въ устахъ армянскаго народа.

Мнѣ довелось предпринять двѣ экскурсіи въ Эриванскую губ. (Закавказье), сначала въ Абаранъ (зимой 1899 г.) и затѣмъ въ Кульпу (весной 1899 г.; Кульпа славится между прочимъ своими соляными копиями), которыя не безъ основанія считаются центрами народнаго творчества въ названной губерніи. И дѣйствительно, въ этихъ жалкихъ деревушкахъ, гдѣ неподатливая каменистая почва иногда отказывается удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ земледѣльца (въ особенности въ Абаранѣ), еще процвѣтаютъ различные виды пѣсенъ, переходятъ изъ устъ въ уста былина, сказка, пословица, шутка и проч., словомъ, все то, что краситъ бѣдное существованіе крестьянина съ малыхъ лѣтъ до могилы, сопровождаетъ въ его постоянныхъ странствованіяхъ, утѣшаетъ на чужбинѣ. Въ особенности здѣсь распространены сказанія о народныхъ любимцахъ: Давидъ и Мхеръ, и о богатыряхъ персидскихъ. Правда, вѣковое переселеніе изъ турецкой и персидской Арменіи, не прекращаемое и нынѣ, отнимаетъ у армянскаго народа часть его устной сокровищницы, постепенно ослабляетъ его память среди новыхъ заботъ, новыхъ условій жизни, однако же, несмотря на столь неблагопріятныя условія, Абаранецъ или Кульпинецъ еще хорошо помнитъ все то, что было имъ унаслѣдовано отъ отца, дѣда или знаменитаго „сказителя“ своего времени, самъ же передаетъ слышанное имъ въ свободные зимніе вечера толпящимся въ полутемномъ „одѣ“ крестьянамъ.

Кромѣ того, разъ въ годъ сюда являются, преимущественно,

мужчины изъ Мокса и Муша ¹⁾ за мелкимъ заработкомъ („стегать шерсть“, „работать войлокъ“) и во время своей работы рассказываютъ и поютъ преданія своей родины.

Такимъ образомъ, нить устныхъ сказаній не только не ослабляется, но постоянно поддерживается и возобновляется, благодаря притоку новыхъ переселенцевъ или случайнымъ гостямъ изъ турецкой Арменіи.

Персидскій эпосъ извѣстенъ въ армянскомъ народѣ подъ общимъ названіемъ „Рустами Заль“. Несмотря на заглавіе, содержаніе варіантовъ захватываетъ не одни подвиги знаменитаго иранскаго богатыря, но и другихъ пехлевановъ; во многихъ преданіяхъ даже вовсе отсутствуетъ Рустемъ, или выступаетъ въ самыхъ незначительныхъ роляхъ, какъ бы предоставляя поприще для болѣе юныхъ богатырей.

Изъ числа послѣднихъ наибольшей популярностью въ названной губерніи пользуется Бурзэ, совершающій рядъ подвиговъ въ странахъ „Оцмандага и Карадага“: онъ побѣждаетъ дэва-сэхрибаза, т. е. колдуна царя Полады Дарбанда, убиваетъ Катрана-пехлевана, освобождаетъ царя Оцмандага отъ дани и проч. ²⁾; цѣлая серія другихъ пехлевановъ (Фахрамазъ, Тхбурэ-Шэранъ, Катль-Кахраманъ, Аршакъ Еранелі, Хоіо Екдасти и др.) продолжаютъ еще поляковать въ странахъ дэвовъ, единоборствовать на майданѣ палицами стальными, сокрушать цѣлыя войска и проч.

Варіанты эти, одно время несомнѣнно существовавшіе отдѣльно, слились у армянскаго народа подъ общимъ названіемъ въ цѣлую эпопею, рассказываются обыкновенно *въ связи* (хотя связь эта довольно разнообразная), а нѣкоторые изъ богатырей вошли даже въ кругъ его любимцевъ.

Явленіе это уже само по себѣ характерно, но еще важнѣе

¹⁾ Моксъ находится на южномъ и Мушъ на западн. побережьи Ванскаго озера (Турецкая Арменія).

²⁾ Въ виду несомнѣннаго интереса этихъ варіантовъ я счелъ нужнымъ перевести одинъ изъ нихъ, въ видѣ образчика, на русскій языкъ, хотя въ принципѣ и признаю нецѣлесообразность подобныхъ переводовъ, никогда въ точности не передающихъ всѣхъ оригинальныхъ чертъ творчества того или другого народа.

то освѣщеніе, которое благодаря имъ получаетъ армянскій народный эпосъ, въ особенности варианты о Мхерѣ; интересна та связь, которой народъ скрѣпляетъ имена *своихъ* и *чужихъ* героев.

Я отнюдь не имѣю намѣренія въ краткомъ очеркѣ подвергнуть вопросъ этотъ подробному анализу: его огромный интересъ требуетъ болѣе спеціальнаго труда; къ нему я вернусь при разработкѣ армянскаго народнаго эпоса, здѣсь же приведу нѣсколько интересныхъ сравненій.

Сначала отмѣтимъ, какъ народъ самъ смотритъ на поколѣніе новыхъ пехлевановъ. Одинъ изъ сказителей (Мурадъ Мхитаровъ) родъ ихъ ведетъ прямо отъ *Мхера*, которому наследуетъ *сынъ* его—Рустами Заль, побѣждающій бѣлаго дѣва. Это уже доказываетъ, что народъ пытается примирить столкнувшихся въ его памяти различныхъ богатырей, одаренныхъ необычайной силой, голосомъ, физической тяжестью и проч., арменизируя инородцевъ. Въ другомъ вариантѣ (Василій Арутюнянцъ), какъ *братъ* Зала упоминается *Давидъ*, котораго „15-пудовую палицу“ наследуетъ *сынъ* его Бурзэ. Въ томъ же вариантѣ *Дзэновъ Ованъ* вмѣстѣ съ Рустемомъ и Хойо помогаетъ вывести изъ ямы своего племянника Бурзэ и разрушить городъ плѣнившаго его царя. Интересно то, что въ подобныхъ же роляхъ (выведенія изъ ямы, разрушенія непріятельскихъ городовъ) мы встрѣчаемъ Ована и въ арм. эпосѣ; вся разница лишь въ томъ, что его могучій голосъ здѣсь является уже не индивидуальнымъ, но *родовымъ* даромъ. Дѣйствіе былины беретъ свое начало изъ города Сасуна ¹⁾, почему и ея герои продолжаютъ еще носить общее прозвище „сасунскіе полоумные“.

Но это лишь одна сторона вопроса. Идя далѣе, мы найдемъ, что нѣкоторыя черты иранскихъ пехлевановъ наслоились на армянскихъ богатыряхъ и прежде всего на Мхерѣ, котораго образъ и подвиги во многомъ напоминаютъ Бурзэ. Отмѣтимъ такіе общіе эпизоды, какъ, напр.:

а) Встрѣча Мхера со старухой, которая въ вариантахъ Бурзэ принимаетъ образъ дѣва.

б) Странствованіе обоихъ богатырей внѣ предѣловъ Сасуна.

¹⁾ Это названіе до того укоренилось въ памяти народа (особ. жителей Турецкой Арменіи), что неизмѣнно является во всѣхъ почти сказаніяхъ, въ родѣ Кіева въ русскихъ былинахъ.

в) Пребываніе въ подкопѣ (срв. Давида Сасунскаго, Илью Муромца).

г) Разрушеніе враждебныхъ городовъ.

д) Защита оказываемая ими различнымъ государямъ.

Все это значительно сближаетъ наши варіанты. Еще рѣзче бросается въ глаза ихъ сходство при сравненіи физической силы, богатырскихъ приемовъ, привычекъ и проч. обоихъ пехлевановъ:

а) Раздираніе на двое—обычная расправа у того и другого съ встрѣчнымъ дэвомъ (старухой).

б) Любимое оружіе у обоихъ—вырванное съ корнемъ дерево.

в) Любимое занятіе—охота.

г) Армянскій и персидскій богатыри, подобно Святогору, грузины тѣломъ: Мхера не держитъ земля, подѣ Бурзэ ломается стулъ.

д) Наконецъ, оба героя представляются народному воображенію непобѣдимыми титанами, которыхъ не смѣетъ коснуться сама смерть.

Замѣчательнѣе всего то, что самъ народъ, какъ бы признавая ихъ сходство, видитъ въ нихъ обоихъ прямыхъ потомковъ Давида.

Несмотря на такое разительное сходство ролей и качествъ, съ которыми выступаютъ оба богатыря, однако думаю, это обстоятельство не должно отнюдь разрушить самостоятельность армянскихъ сказаній о Мхерѣ. Достаточно принять во вниманіе:

а) *Имя* этого героя, которое безъ измѣненія, конечно, не случайно, повторяется въ его многочисленныхъ варіантахъ.

б) Послѣ Давида Мхеръ является любимѣйшимъ народу пехлеваномъ; во многихъ преданіяхъ его еще окружаютъ сасунскіе витязи.

в) Бой Мхера съ крылатымъ Астхикомъ, который, по моему, и есть древнѣйшая и основная часть этихъ варіантовъ, удѣляетъ имъ совершенно особое мѣсто въ ряду армянскихъ былинъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ вкратцѣ содержаніе этого эпизода, который былъ приведенъ въ моемъ „общемъ очеркѣ арм. богатырскаго эпоса“ въ другой варіаціи: по смерти Давида Мхеръ мститъ за измѣнническое убійство отца, разрушая города Чмешкикъ-султана. Въ одномъ городѣ онъ находитъ лишь старика съ дочерью: всѣ поразились отъ ужаса. Мхеръ выдаетъ дѣвушку (Дехдзонъ) за сопровождавшаго его дядю—Могучаго Воина, а самъ женится на дочери одного царя. Жена (Гоаръ Ханумъ) знала звѣздочетство; однажды она предупреждаетъ

г) Наконецъ, народъ и до сихъ поръ вѣрить, что Мхѣръ по Божьему повелѣнію запертъ въ знаменитой Ванской скалѣ и выйдетъ снова на свѣтъ для разрушенія міра.

Если разложить былины о Мхѣрѣ на составныя части, то увидимъ, что онѣ обыкновенно состоятъ изъ ряда подвиговъ этого богатыря въ его безпрестанныхъ странствіяхъ на чужбинѣ; въ нихъ совершенно отсутствуетъ та общая идея, которая ярко выступаетъ въ вариантахъ о Давидѣ и служитъ ихъ огромнымъ преимуществомъ. Несомнѣнно, эпическія сказанія о Мхѣрѣ съ теченіемъ времени разложились, и мы имѣемъ отъ нихъ лишь немногіе, значительно искаженные остатки.

Такимъ образомъ, не увлекаясь далеко, мы можемъ установить лишь то сильное вліяніе, которое персидскія сказанія, и болѣе всего, повидимому, варианты о Бурзѣ, наложили на преданія о Мхѣрѣ, глубоко зарывъ ихъ первоначальное зерно.

Личность *Бурзѣ*—одна изъ самыхъ оригинальныхъ во всѣхъ иранскихъ сказаніяхъ, и самостоятельность его вариантовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Необыкновенный даръ голоса, въ которомъ кроется его сила, помимо силы чисто-физической, сразу выдѣляетъ его изъ цѣлаго ряда персидскихъ пехлевановъ и даетъ ему особое, весьма почетное мѣсто. Правда, качество это приписывается *всему его роду* (въ этомъ согласны всѣ варианты), но однако ни одинъ его родичъ не выступаетъ на богатырское поприще съ подобнымъ атрибутомъ. Въ этомъ отношеніи иранскій богатырь напоминаетъ собой Соловья русскаго и Зычнаго Ивана армянскаго эпоса, хотя роли ихъ далеко не схожи. Его громовый голосъ оказывается еще сокрушительнѣе, чѣмъ свистъ разбойника, сидящаго на семи дубахъ, или далеко раскатистый голосъ дяди

Мхѣра объ опасности, грозящей одному изъ его рода. Мхѣръ съ женой ѣдетъ къ старику Пирмусу, отцу Дехдзонъ. На утро является Астхикъ (въ перев. „Звѣздочка“) Ерзнкацъ и начинаетъ бой съ Мхѣромъ, *разя его сверху*. Гоаръ, чтобы спасти мужа, раскрываетъ „груди бѣлыя“ и общается въ нихъ покоить Астхика, если онъ не слишкомъ будетъ тѣснить „еще неопытнаго“ Мхѣра. Астхикъ, прельщенный, останавливается на минуту, но, пораженный въ грудь Мхѣромъ, падаетъ внизъ мертвый. На вопросъ Мхѣра о причинѣ злобы на него Астхика старикъ отвѣчаетъ, что Гоаръ была *невестой* Астхика.—Вариантъ этотъ, надо полагать, весьма древній и заключаетъ въ себѣ мифологическую основу.

Давида: отъ его богатырскаго покрику рушатся 12 пригорковъ, и цѣлое войско обращается въ бѣгство.

Но въ Бурзэ есть еще одно весьма оригинальное качество—*крузность тѣла*, свойство въ народномъ воображеніи Востока, какъ бы нераздѣльное съ истинной богатырской силой: и Рустема, и Мхера, и Святогора земля не держитъ. Такимъ образомъ, въ персидскомъ героѣ сосредоточены:

- а) огромная физическая сила,
- б) громовый голосъ,
- в) необыкновенная тѣлесная тяжесть,—качества, совокупность которыхъ въ одномъ богатырѣ дѣлаетъ его личность весьма интересной.

Варианты о Бурзэ и другихъ пехлеванахъ, прежде чѣмъ перейти къ армянамъ, прошли несомнѣнно еще одну редакцію, именно *курдскую*; на это явно указываетъ рядъ собственныхъ именъ, какъ то: Мирджанэ Джазо, Тх'бурэ-Шэранъ, Хо'пò, Фахкэ (Фахрамазъ) и др. Персидскіе герои, повидимому, нашли въ этой средѣ благодатную почву, продолжая манить воображеніе этого еще полудикаго, преданнаго разбоямъ народа. Какъ еще увидимъ, въ особенности популяренъ здѣсь величайшій иранскій богатырь, мало измѣнившійся въ чуждомъ ему народѣ.

Затронутый выше вопросъ вызываетъ еще одно сравненіе: персидскаго пехлевана съ персидскимъ же, именно Бурзэ съ *Рустемомъ*. Общие эпизоды: а) сватаніе на чужбинѣ, б) бой съ дэвомъ, в) встрѣча отца съ сыномъ на полѣ брани, поединокъ, кончающійся побѣдой отца,—эпизоды, весьма схожіе въ главныхъ чертахъ, даютъ основаніе вѣрить здѣсь несомнѣнное вліяніе Рустеміады. Такимъ образомъ, послѣдняя часть вариантовъ о Бурзэ, начиная съ его поѣздки въ „чужую страну“ (слабо мотивированной обычнымъ въ восточныхъ сказкахъ увлеченіемъ во время охоты) не должна входить въ составъ всей быliny (что и подтверждаетъ нашъ третій вариантъ). Подобное перенесеніе подвиговъ съ одного богатыря на другого вообще свойственно эпосу каждаго народа; здѣсь же оно получаетъ освѣщеніе въ крупной личности богатыря, затмившаго въ народномъ воображеніи славу героя „Шахъ-Намэ“, который въ нашемъ вариантѣ выведенъ самымъ обыденнымъ пехлеваномъ, падающимъ отъ перваго же удара юнаго супротивника, сына Бурзэ.

Въ другомъ варіантѣ, при тѣхъ же почти обстоятельствахъ, герой Ирана даже убѣгаетъ отъ поединка и съ плачемъ является во дворецъ Зала. Коротенькій рассказъ, начинающій собой цѣлую серію богатырей, перечисленныхъ выше, повѣствуетъ о позорномъ пораженіи Рустема отъ дѣва; послѣ этого онъ даетъ себѣ клятву болѣе не брать въ руки оружія, которое онъ бросаетъ подъ крѣпость. Все это свидѣтельствуєтъ о значительной непопулярности его имени въ пограничной русской Арменіи (по крайней мѣрѣ, въ названной губ.), гдѣ оно вытѣснено другими богатырями.

Въ обычной своей славѣ Рустемъ является въ турецкой Арменіи, благодаря особенному распространенію его варіантовъ среди Курдовъ. Записанный мной со словъ Вардана Галустяна, переселенца изъ области Вана (деревни Чибихлѹ), варіантъ довольно подробно передаетъ эпизодъ борьбы Ирана съ Тураномъ, исходъ которой рѣшаетъ Рустемъ. Сказитель при этомъ сообщилъ, что на его родинѣ сказанія эти хорошо знакомы. Курдамъ, излагающимъ ихъ въ *стихотворной* формѣ, и что армянскіе рассказчики обыкновенно *переводятъ* ихъ на свой родной языкъ. Свидѣтельство это, какъ оно ни цѣнно, будучи почерпнуто изъ чистаго источника, однако оно еще не даетъ основанія для совершеннаго отрицанія Рустеміады въ армянскомъ народѣ. Фактъ немаловажный, что нѣкоторые герои Ирана, напр. Бѣжанъ, прямо перешли въ арм. эпосъ и породнились съ его богатырями (Бѣжанъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ является *дядей* Давида) ¹⁾. Еще Моисей Хоренскій (V в. по Р. Х.) упоминаетъ о знаменитомъ иранскомъ героѣ, имѣющемъ силу „120 слоновъ“, сравнивая его съ (армянскимъ) богатыремъ Таркомъ. Естественно, имя его могло быть затѣмъ позабыто или замѣнено новыми героями, но богатырскій типъ его жилъ въ фантазіи народа и служилъ готовымъ образчикомъ для новыхъ его любимцевъ. Его благочестіе, нестяжательство, „вѣжество“, соединенныя съ непобѣдимой силой, должны были плѣнить симпатію не однихъ Персовъ, но и народовъ сосѣднихъ, болѣе или менѣе подверженныхъ ихъ культурѣ. На всемъ армянскомъ эпосѣ легко прослѣдить вліяніе иранскихъ сказаній:

¹⁾ Насколько мнѣ извѣстно, сказки о „Рустами-Залѣ“, довольно распространенныя въ арм. народѣ, начинаются обыкновенно съ подвиговъ главнаго героя Ирана.

тѣ же богатырскіе приемы, тѣ же вооруженія, вырываніе съ корнемъ дерева, обычай пороть „груды бѣлыя“, разрывать „на двое“ врага; эпизоды: пребываніе въ подкопѣ, бои съ бѣлыми дѣвами, даже бой отца съ сыномъ и т. п.

Однако, имѣя въ виду широкое распространеніе персидскаго народнаго эпоса, легко впасть въ преувеличеніе. Какъ бы ни было могуче культурное взаимодействіе народовъ, но оно, при извѣстныхъ условіяхъ, не переходитъ далѣе опредѣленныхъ границъ. Каждый народъ творить по своему, у каждаго своя, ему одному свойственная творческая жилка. Указанное персидское вліяніе въ общемъ не заходитъ далѣе внѣшнихъ подробностей или случайныхъ эпизодовъ, наслонившихся съ теченіемъ времени. Не слѣдуетъ забывать, что:

1. Армянскій народный эпосъ въ общей суммѣ есть преданія, прикрѣпленныя къ извѣстной мѣстности.

2. Единящая ихъ идея—исторія Сасуна, его борьба съ прпшлыми врагами.

3. Наконецъ, центральное лицо всего эпоса—Давидъ Сасунскій, носить въ себѣ столь оригинальныя черты, ненаходимыя въ персидскихъ пехлеванахъ; его образъ до того слился, съ народомъ, что за нимъ остается по справедливости слава армянскаго національнаго героя.

Уже изъ сказаннаго выше можно заключить, сколь цѣнны для изслѣдователя героическихъ преданій Востока въ частности Ирана, свидѣтельства армянской и курдской среды. ¹⁾ Источники эти, совершенно еще нетронутые, содержатъ въ себѣ весьма богатый, разнообразный матеріалъ. Здѣсь, въ странѣ отрѣзанной отъ цивилизаціи, гдѣ жизнь вѣками текла среди патріархальной простоты, въ жалкихъ деревушкахъ, едва чернѣющихъ въ тѣснинахъ горъ и на зеленыхъ коврахъ долинъ, до сихъ поръ еще свѣжа память о столь отдаленномъ, героическомъ прошломъ, о которомъ давно забыли другіе народы въ широкомъ круговоротѣ цивилизованной жизни.

¹⁾ Любопытно замѣтить, что многовѣковое сожителство обоихъ народовъ тѣсно сблизило ихъ въ отношеніи языка и преданій: многія курдскія деревни говорятъ по-армянски, называютъ своихъ предковъ армянами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже признаютъ Христа.

Содержаніе сказаній объ иранскихъ герояхъ въ армянской средѣ.

Интересъ, представляемый сказаніями объ иранскихъ герояхъ для ближайшаго изученія русскаго и армянскаго богатырскаго эпоса, достаточно говоритъ за себя, чтобы мы отнеслись къ этимъ остаткамъ старины съ должнымъ вниманіемъ и оцѣнкой: тутъ разсыпаны параллели подвиговъ Ильи, Добрыни, Дуная и др. богатырей, также какъ Давида и Мхѣра арм. былинъ, иногда въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ виду этого далеко не лишнимъ считаю дать по возможности полную картину этихъ бродячихъ на Кавказѣ иранскихъ сказаній въ изложеніи.

I.

Сказитель *Григоръ Хачатрянъ* (изъ деревни Молла-Камаръ, Сурмалинск. уѣзда, Эрив. губ.)—мужчина лѣтъ подъ 40, по занятію—сельскій парикмахеръ. Репертуаръ его довольно богатъ и разнообразенъ; между прочимъ, имъ былъ разсказанъ арм. богатырскій эпосъ въ законченномъ видѣ. О Рустамѣ и другихъ иранскихъ герояхъ онъ слышалъ отъ *Горгана*, изъ деревни Хоромъ (Александроп. уѣзда), который былъ по ремеслу кузнецомъ и въ свое время славился, какъ сказитель.

1. Р с т а м ь ¹⁾.

Рстамъ, сынъ Зала, бралъ дань со страны дэвовъ. ²⁾ Однажды, заставъ спящимъ дэва, богатырь взлѣзаетъ ему на спину, чтобы переломить ее. Дэвъ просыпается, ловитъ его рукой и бросаетъ себѣ подъ ноги. Рстамъ плачетъ, изъ глазъ кровь идетъ. Дэвъ спрашиваетъ:—О чемъ ты плачешь?—А вѣдь жена-то моя беременна.

Дэвъ, сжалившись, отпускаетъ пехлевана домой, но подъ условіемъ, чтобы онъ сына своего (буде родится сынъ) прислалъ съ нимъ биться.

Рстамъ, вернувшись домой, со стыда бросаетъ палицу и арканъ подъ крѣпость и клянется болѣе не брать ихъ въ руки.

¹⁾ Я позволю себѣ удержать въ передачѣ народный выговоръ именъ персидскихъ пехлевановъ.

²⁾ „Дэвеступ“ (страна дэвовъ) весьма часто упоминается въ армянск. сказкахъ.

2. Ф а х' р а м а з ъ.

Однажды сыновья богатыря, Фах'рамазъ и Бурзэ, затѣяли ссору изъ-за его палицы и аркана. Рстамъ, чтобы унять ихъ, предлагаетъ оружіе тому, кто поймаетъ его спущеннаго „сэйрихаза-ла“. ¹⁾ Фах'рамазъ три дня гонится за нимъ и не можетъ поймать; ночь застаётъ его въ лѣсу; завидѣвъ огонь, онъ идетъ къ нему; видитъ: одноглазый дэвъ сидитъ у костра, а надъ огнемъ варятся бараны, разрубленные на куски. Богатырь крадетъ незамѣтно кусокъ и ѣстъ. Дэвъ, замѣтивъ, что недостаетъ куска, кричитъ:—Воръ, ты коваренъ! Иди садись, да ѣшь! ²⁾

Фах'рамазъ, подружившись съ дэвомъ, узнаетъ, что онъ бѣжалъ отъ рода Таг'мурадъ Шаха и ждетъ не дождется, чтобы одинъ изъ нихъ попался ему въ руки. Тогда пех'леванъ открываетъ ему, будто онъ испыталъ силу его враговъ, и предлагаетъ ему руку „помѣриться силушкой“. Дэвъ какъ ни жметъ ее, супротивникъ „не шелохнется съ мѣста“. Когда же въ свою очередь богатырь зажалъ руку дѣва, у послѣдняго кровь пошла изъ пальцевъ.

— Я внукъ Таг'мурадъ Шаха, дѣлай, что можешь!

Дэвъ молить простить ему. Герой, сжалившись, отпускаетъ его и вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ въ городъ. По дорогѣ вдругъ лошадь подъ нимъ падаетъ; оглянувшись, видитъ: дэвъ читаетъ какую-то волшебную книгу; въ досадѣ пех'леванъ убиваетъ его на мѣстѣ и, взваливъ на плечи сѣдло, идетъ въ городъ. Остановившись въ домѣ одной старухи, онъ на слѣдующее утро слышитъ, что въ городѣ ходитъ отъ царя глашатай и предлагаетъ царевну за того, кто убьетъ морского звѣря, каждый разъ топящаго царскій табунъ. Богатырь идетъ къ морю и ждетъ; къ полудню выходитъ изъ воды сѣрый конь и топить царскій табунъ. Тогда онъ отправляется къ царю и предлагаетъ свои услуги, потребовавъ „40-аршинный желѣзный арканъ“. Въ другой разъ идетъ онъ къ морю и ловитъ арканомъ буйнаго коня; но какое

¹⁾ Чудную газель.

²⁾ Отголоски Одиссеевыхъ приключеній и доселѣ слышны во многихъ восточныхъ сказкахъ въ различныхъ варіаціяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, сказаніе о циклопахъ, морскихъ дивахъ и проч. были въ древности гораздо болѣе распространены и лишь художественному гению Грековъ удалось такъ чудно опозитизировать эти бродячіе сюжеты мифическаго Востока.

сѣдло ни сѣдлають, все не по немъ, лишь богатырское старое сѣдло пришлось по спинѣ морского коня.

Послѣ свадьбы съ царской дочерью, Фах'рамазъ вдругъ взгрустнулъ по пех'леванамъ Таг'мурадъ Шаха и тайкомъ сказалъ женѣ:

— Ты послѣ меня останешься не одна. На вотъ этотъ браслетъ: родится дочь, размѣняй его на деньги, родится сынъ — надѣнь ему на руку. Я ѣду; имени моего не открывай: я—сынъ Рстама.

3. Теймуръ.

Прошло 9 мѣсяцевъ, и царевна родила сына. Назвала его Теймуромъ.

Въ городѣ Зала какъ-то Рстамъ побилъ сына своего *Аршака Еранели*; ¹⁾ этотъ обидѣлся, пошелъ къ тестю Фах'рамаза и сказалъ:

— Дай мнѣ войско, и я тебѣ сдѣлаю данникомъ Таг'мурадъ Шаха.

Царь далъ ему войско и еще въ товарищи Теймура. Мать не покинула молодого героя и тоже пошла въ походъ. Лишь вступили въ предѣлы врага, разбили палатки и написали Рстаму грозный „ярлыкъ“: будь готовъ! бой нашъ не шуточный!

На утро Бурзй сѣлъ на коня, взялъ палицу и щитъ и выѣхалъ на „мѣйданъ“. Ему на встрѣчу вышелъ Теймуръ и сильно сталъ тѣснить. Бурзй, видя, что дѣло плохо, попросилъ отдыха на обѣдъ. Лишь отѣхалъ онъ, Теймуръ метнулъ палицу со всей силы, и пронеслась она надъ городомъ Зала. Царь вздохнулъ и сказалъ:

— Эйвахъ! эйвахъ! (Увы, увь!) Это ударъ моего племени! Привели родъ мой со мною биться, мы пропадемъ!

Теймуръ снова возвращается на мѣйданъ, но противника болѣе не находитъ. На слѣдующее утро вызывается на бой Фах'рамазъ, но и онъ принужденъ отступить передъ молодымъ богаты-

¹⁾ Еранели по-армянски=блаженный. Въ одномъ мѣстѣ сказитель назвалъ богатыря „Ераналь“, что уже значить на народн. яз. „генераль“. Можно допустить, что славный герой послѣдней русско-турецкой войны, генераль Аршакъ Тергукасовъ, мѣстомъ дѣйствій котораго была именно Эрив. губ., уже вошелъ въ циклъ народн. эпосей, вытѣснивъ какого нибудь богатыря старины. Такъ видоизмѣняются народныя сказанія.

ремъ. Лишь онъ отъѣзжаетъ, Тэймуръ снова метаетъ палицу—и пролетѣла она надъ дворцомъ Зала. Царь горюетъ, узнавъ могучій ударъ своего рода.

На утро Тэймуръ опять идетъ на майданъ, но уже не находитъ никого. Некому болѣе биться, кромѣ стараго Рстама.

— Вотъ уже 20 лѣтъ палицу свою бросилъ я, говорить онъ.

Старикъ ѣдетъ на бой, но, почувствовавъ силу противника, просится домой, давъ слово вернуться опять, и горько плачетъ, слѣзая съ коня. Напрасно его ожидаетъ Тэймуръ и снова метаетъ палицу—и пролетаетъ она надъ дворцомъ Зала. Царь и Рстамъ, отчаявшись въ побѣдѣ, пишутъ „ярлыкъ“ Аршаку Еринелі и проклинаютъ его. Богатырь раскаивается, беретъ свою палицу и арканъ и ѣдетъ къ Залу. Наутро съѣзжается онъ съ Тэймуромъ и ударомъ палицы сбрасываетъ его на землю. Слѣзъ съ коня, чтобы пороть „груди бѣлыя“, но мать съ крикомъ прибѣгаетъ:

— Что ты дѣлаешь, Аршакъ! это твой племянникъ!

И показываетъ браслетъ. Аршакъ Еранелі поднимаетъ его, цѣлуетъ въ щеки и приводитъ во дворецъ Зала, приговаривая:

— А вѣдь это сынъ Фахрамаза!

4. Бурзі.

а) Бурзі и Дѣвъ.

Залъ собираетъ пехлевановъ и говорить:

— Семь лѣтъ мы уже не получаемъ дани изъ „Дѣвстуна“.

Вызывается итти за данью Бурзі, но требуетъ себѣ въ товарищи родственника Бэджо¹⁾; еще наказываетъ, лишь начнетъ конь его землю рыть, отпустить его тотчасъ, привязавъ къ спинѣ арканъ, чтобы подоспѣлъ на помощь²⁾.

И пошли въ путь Бурзи съ Бэджо. Надъ оврагомъ заснулъ богатырь сномъ глубокимъ. Видитъ Бэджо: два дѣва идутъ по оврагу и ведутъ плѣнную армянскую дѣвушку; замѣтивъ спящаго человѣка, они бросили арканъ и стали тянуть внизъ. Насилу спут-

¹⁾ Въ арм. богатырск. эпосѣ онъ является подъ именемъ „дяди Бэджана“.

²⁾ Срв. обычное начало былинъ Владимірова цикла. Эпизодъ взиманія дани, какъ исходная точка разверстки былиннаго сюжета, весьма распространенъ и въ арм. эпосѣ.

нику удалось разбудить Бурзи; схвативъ за арканъ, онъ вытащилъ обоихъ дэвовъ изъ оврага и разрубилъ имъ головы.

Ночь они провели въ домѣ отца дѣвушки, который показываетъ имъ путь къ городу дэвовъ Пнди-Поладу ¹⁾.

Богатырь съ товарищемъ останавливается въ домѣ царя дэвовъ и требуетъ дани.

— Буду съ тобой биться, безъ бою, безъ драки не отдамъ, — отвѣчаетъ дэвъ.

Конь богатырскій въ домѣ Зала сталъ рыть землю копытомъ. Рстамъ сказалъ:

— Бурзи въ бою, привяжите палицу да арканъ и выпустите коня!

Пехлеванъ садится на коня и начинаетъ бой. У дэва Пнди-Полада была красавица сестра; не надѣясь на свои силы, онъ посадилъ ее въ колѣсницу и привелъ на майданъ. Заглядѣлся Бурзи на нее — и дэвъ поразилъ его въ руку; богатырь погнался за нимъ до лѣсу и ранилъ его въ голову; дэвъ влѣзаетъ въ дупло гнилого дерева и исчезаетъ.

Конь мчитъ богатыря до самаго источника царя Александра въ странѣ Чешнагиръ; закипѣла рана на рукѣ героя, слѣзь онъ утолить жажду и въ обморокъ остался въ водѣ.

Сестра царя Александра, Сальви Хурэманъ, идетъ за водой; видитъ, вода красная, какъ кровь! Разказавъ отцу о видѣнномъ, она возвращается съ нимъ къ источнику; здѣсь они находятъ лежащимъ въ водѣ какого-то великана. Царь хочетъ его убить, но благоразумная Сальви не пускаетъ, говоря:

— Онъ за тебя биться будетъ, когда съ тебя дань будутъ брать.

Вылѣчивъ богатыря, царь женить его на своей сестрѣ.

б) *Бурзи и Мирджанэ-Джазò.*

У дэва Пнди-Полада была любовница, волшебница Мирджанэ-Джазò; и жила она съ 40 дѣвушками въ горахъ. Вспомнивъ однажды о любовникѣ, она съ подругами на „чудныхъ“ коняхъ несется въ городъ, но дэва не находитъ дома. Стала гадать; видитъ — сидитъ онъ въ щели дерева; помчалась она и привела дэва. Снова стала гадать:

— Кто бы такой могъ быть храбрѣе тебя?

¹⁾ Пентаполисъ?

Узнавъ, гдѣ побѣдитель, она понеслась на „чудныхъ“ („сэйри-баз“) коняхъ въ городъ царя Александра и ночью вошла въ комнату Бурзі. Богатырь, проснувшись, спрашиваетъ, кто она.

— До сего дня я была любовница дѣва Пиди-Полада, а теперь буду твоей ¹⁾.

Она даетъ ему съ мѣсяцъ сроку, чтобы разстаться съ невѣстой, и велитъ отдать назадъ Сальви обручальное кольцо. Проходитъ мѣсяцъ, и Джазò снова примчалась къ Бурзі, но его находить все еще на одномъ ложѣ съ невѣстой; разсердившись, она усыпила его, посадила на коня и понеслась къ дѣву Пиди-Поладу. Царь созвалъ людей на совѣтъ.

— Царь!—сказали они,—ежели мы убьемъ его, такъ нѣтъ развѣ другихъ пѣхлевановъ у Тахмурадъ Шаха? Придутъ, сотрутъ насъ съ земли.

Дѣвъ велитъ Мирджанэ-Джази увести богатыря домой. Волшебница привозитъ его къ невѣстѣ.

— Вотъ твой женихъ, говорить она, и снова удаляется въ горы.

в) Бурзи въ подкопѣ.

Царь Альванузмагъ проситъ руки сестры Александра. Сальви Хурэманъ извѣщаетъ Бурзи о согласіи брата на этотъ бракъ. Богатырь подстерегаетъ пословъ на дорогѣ, убиваетъ одного, а другому, взявъ царскаго посланія, передаетъ другой „ярлыкъ“: сколько ни есть у тебя силушки, веди всѣхъ на насъ!

Альванузмагъ собираетъ войско и идетъ на Александра. Бурзи побиваетъ половину враговъ, а другая обращается въ бѣгство. Видя, что силой не одолѣть богатыря, Альванузмагъ тайно улаживается съ Александромъ погубить его хитростью. На мѣданѣ ночью вырыли ровъ въ 40 аршинъ глубиной и 40 шириной и покрыли сверху.

На слѣдующій день Бурзи снова выѣзжаетъ на бой. Лошадь, почуявъ бѣду, отказывается итти впередъ, но, почувствовавъ стремени, она скачетъ черезъ ровъ и падаетъ внизъ съ богатыремъ ²⁾. Враги поймали его, завязали руки и бросили въ ка-

¹⁾ Срав. Добрыню и Маринушку русск. былинъ. Впрочемъ тамъ, подъ вліяніемъ историческихъ событій, основное зерно сказанія, повидимому, сильно измѣнилось.

²⁾ Срв. Поимку Ильи, Давида, Мхера.

менный ровъ на островъ Чернаго моря, накрыли сверху жерновомъ и поставили караульными семь дэвовъ.

г) Освобожденіе Бурзи.

Рстаму ночью снится, будто Бурзи упалъ въ море, и рыбы собираются его проглотить. Утромъ взялъ Рстамъ съ собой Бэджо и пошелъ къ дэву Хоѣб¹⁾.

— Скажи, гдѣ мой сынъ, и я тебѣ отдамъ цѣлую казну,—говорить онъ.

— Казны-то мнѣ не надо, а поклянись, что кричать болѣе не будешь²⁾.

Рстамъ поклялся. Хоѣбъ взялъ въ руки парсетъ³⁾, положилъ въ мѣшокъ семь огромныхъ булыжниковъ и пустился въ путь, говоря:

— Сынъ твой на островъ Чернаго моря; услышишь семь выстрѣловъ изъ парсета, знай, что всѣ семь дэвовъ убиты.

Дэвъ Хоѣбъ идетъ по морю, убиваетъ изъ парсета караулившихъ дэвовъ и вытаскиваетъ Бурзи изъ ямы; взваливъ его на плечи, онъ по морю возвращается къ поджидавшему его Рстаму и передаетъ ему сына.

Бурзи въ отместку убиваетъ обоихъ коварныхъ царей, беретъ дань изъ „Дэвстуна“ и съ Сальви Хурэманъ идетъ праздновать свою свадьбу въ городъ Рстами Зала⁴⁾.

5. Г а ѣ л ь Г а х р а м а н ь.

Въ „Дэвстунѣ“ стали думу-думать: украдемъ изъ рода Тагмурадъ Шаха малаго ребенка, вырастимъ его, будетъ онъ за насъ биться, мы побѣдимъ.

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ онъ называется „Екдасти“, что по-персидски означаетъ „однорукий“.

²⁾ Родъ Зала отличался громовымъ голосомъ (см. другой вариантъ о Бурзи).

³⁾ Метательный снарядъ.

⁴⁾ Вариантъ этотъ, несмотря на нѣкоторую сжатость и недочеты въ сравненіи съ двумя обширными вариантами, мною записанными, въ главныхъ своихъ частяхъ совпадаетъ съ ними. Отсутствие имени Тхбурѣ-Шэрапа (сына Бурзэ), фигурирующаго въ названныхъ вариантахъ, повидимому, свидѣтельствуемъ въ пользу того, что сказаніе это съ курдскимъ названіемъ главнаго героя стоитъ особнякомъ, и лишь въ курдской средѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ сказаній, подверглось оно искусственному сліянію.

Два дэва тайкомъ уносятъ однолѣтняго сына Рстама, Ѓатлѣ Гах'рамана ¹⁾. Когда минуло ему 8 лѣтъ, то бѣда пришла его сверстникамъ отъ его богатырскихъ шуточекъ: начнетъ играть— кому руку долой, кому ухо. Дэвы рѣшили удалить его въ поле, гдѣ онъ пробылъ 4 года. Увидавъ однажды въ водѣ, что лицомъ онъ не походитъ на приставленныхъ къ нему дэвовъ, онъ требуетъ открыть его происхожденіе. Подъ угрозой смерти дэвы называютъ его дѣда; тогда богатырь велитъ одному изъ нихъ проводить его домой; дэвъ заводитъ его въ лѣсъ и самъ исчезаетъ.

Ѓатлѣ ведетъ „звѣриный“ образъ жизни: одѣвается въ кожу убитыхъ имъ звѣрей, спитъ на вѣтвяхъ деревьевъ и ѣздитъ на укрощенномъ носорогѣ. Завидѣвъ однажды палатки, онъ верхомъ на носорогѣ направляется туда и привѣтствуетъ войско на языкѣ дэвовъ. Испуганные его видомъ, люди Рстами-Зала приходятъ въ переполохъ; богатырь, думая, что собираются его убить, вырываетъ съ корнемъ дерево и перебиваетъ половину войска, а другая убѣгаетъ къ Рстаму и рассказываетъ объ ужасномъ человѣкѣ-звѣрѣ. Дэвъ Сархабъ, служившій у Рстама, объясняетъ, что незнакомецъ говорилъ съ ними на языкѣ дэвовъ. Старый богатырь велитъ ему отправиться на слѣдующій день вмѣстѣ съ войскомъ. Снова показывается Ѓатлѣ верхомъ на носорогѣ и привѣтствуетъ ихъ; дэвъ Сархабъ отвѣчаетъ ему и, узнавъ, что онъ изъ рода Тагмурадъ Шаха, приводятъ его къ обрадованному отцу. Отецъ приставляетъ къ сыну учителей, чтобы научить его „армянскому языку“.

Гуляя по городу, богатырь замѣчаетъ, что на дорогѣ, ведущей къ Черной горѣ, его родные каждый разъ, сидя въ траурѣ, плачутъ. Однажды онъ спросилъ мать, о чемъ она плачетъ.

— Вотъ уже два года, какъ три моихъ сына пошли по этой дорогѣ и болѣе не вернулись,—говоритъ она.

Наутро съѣлъ Ѓатлѣ на своего носорога и пустился въ путь.

¹⁾ Сказанія о похищеніи ребенка были распространены еще въ древней Арменіи. Историкъ Моисей Хоренскій передаетъ слѣдующую легенду о младенцѣ Артаваздѣ, сынѣ царя Арташеса: „говорятъ, что при рожденіи его случилось съ нимъ несчастіе... Объ этомъ самомъ поютъ пѣвцы такъ: „Дракониды украли младенца Артавазда и дэва положили на его мѣсто“. (М. Хор. кн. II, гл. 61).

На дорогѣ поднялась ужасная буря, разметавшая камни кругомъ; носорогъ сталъ; богатырь слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ въ гору; видитъ: вращается волшебное колесо; хотѣлъ было онъ схватить его и остановить, но колесо отбросило его далеко на морской берегъ, израненнаго и полумертваго. Ночью явился ему ангелъ и сказалъ:—Гатъль Гахраманъ! Утромъ одѣнешься въ гоилокъ и опять пойдешь на гору, бросишься на колесо съ правой стороны, схватишь за ось—она переломится, и появится солнце. Спустишься потомъ къ городу Мухадамъ; три сестры волшебницы обратили его жителей въ камень, а также твоихъ трехъ братьевъ. Подстережешь сестеръ у входа въ домъ, убьешь всѣхъ троихъ и кровью ихъ польешь камни—тогда они оживутъ.

Богатырь, согласно велѣнію, ломаетъ ось у колеса: перестаетъ вѣтеръ и появляется свѣтъ. Затѣмъ спускается къ окаменѣлому городу, убиваетъ трехъ сестеръ чародѣекъ и заливаетъ ихъ кровью камни: оживаетъ весь городъ. Герой вмѣстѣ съ братьями ѣдетъ домой, гдѣ ихъ ожидаетъ великое празднество ¹⁾).

II.

Сказитель *Мурадъ Мхитарянъ* (изъ Абарана, деревни Чамирлѹ, Эрив. губ.)—пожилой мужчина лѣтъ подъ 50, по занятію земледѣлецъ; хорошо знакомъ съ сказаніями армянскаго и персидскаго эпоса, слышанными отъ отца Мхитара, переселенца изъ Алашгерта (Тур. Арменія), который былъ извѣстнымъ сказителемъ своего времени.

Разсказанный имъ обширный вариантъ о Бурзѣ ничѣмъ не отличается отъ выше-приведеннаго варианта Василя Арутюняна и составляетъ его точную копію; лишь въ началѣ сыновьями Рустама упоминаются четыре пехлевана: Фахіэ-Фахрамазъ, Шахъ Тэбуръ, Хоіэ Екдасть и Бурзѣ, какъ самый младшій. О самомъ Рустамѣ онъ помнитъ слѣдующее.

Р с т а м и З а л ь .

Однажды 15-лѣтній Рстами Заль, охотясь верхомъ, погнался за ланью и оставилъ далеко за собой предѣлы своей страны.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Сводное сказаніе это, состоящее изъ двухъ частей, по своей сказочной оболочкѣ уже далеко отъ цикла иранскихъ преданій и несомнѣнно подверглось искусственному соединенію съ ними. По моимъ наблюденіямъ, такихъ сказокъ-былинъ, связанныхъ съ именами персидскихъ и армянскихъ богатырей, не мало среди армянскаго населенія Эрив. губ. и еще болѣе въ Ванской области (Тур. Арм.), гдѣ еще во всей свѣжести преданія старины.

При наступленіи ночи слѣзъ онъ съ коня и легъ подъ деревомъ отдохнуть. Проснувшись утромъ, видитъ издали „палаты бѣло-каменны“ и направляется туда. Огромный замокъ виситъ на дверяхъ; богатырь разламываетъ его и въѣзжаетъ во дворъ, гдѣ среди роскошнаго сада бьетъ фонтанъ; выкупавшись въ немъ, онъ легъ подъ деревомъ и заснулъ. Изъ окна его замѣчаетъ красавица Гюль-Парі и зоветъ его:

— Кто ты такой?—Я—Сасунецъ.—Миѣ жаль тебя, уѣзжай, не то придетъ Красный дѣвъ, живого куска въ тебѣ не оставитъ.

Богатырь гордо отвѣчаетъ:

— Кто сюда пришелъ, тотъ Краснаго дѣва не боится.

Дѣвушка спускается къ нему и приводитъ къ себѣ наверхъ. Дѣвъ видитъ въ трубу, что кто-то, обнявшись съ Гюль-Парі, сидитъ на балконѣ его замка, и въ гнѣвъ, гремя, спѣшитъ домой. Два дня бьются копьями богатырь съ дѣвомъ, но никто одолѣть не можетъ; тогда Рстамъ предлагаетъ рукопашную и побѣждаетъ дѣва. Взявъ съ собой дѣвушку и всю золотую казну, онъ ѣдетъ съ ней въ Сасунъ.

III.

Варданъ Галустянъ—старикъ 62 лѣтъ, но еще живой и съ богатой памятью. Въ Эчмиадзинѣ (Эрив. губ.) онъ переселился изъ деревни Чибихлѹ (Ванской обл.), гдѣ занимался земледѣіемъ, въ русской же Арменіи кормится поденной работой. Его учителемъ былъ Мухси Гюланъ, который трижды побывалъ въ Константинополѣ и нѣкоторое время былъ тамъ ашугомъ ¹⁾.

Разсказанная Варданомъ „былина“ представляетъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Ирана съ Тураномъ, въ которой главнымъ героемъ выступаетъ Рустамъ.

Р ѳ с т а м ѣ.

1.

Кевъ Хосра былъ царемъ Ирана, Альвасіа—царемъ Турана.

Разъ Кевъ Хосра въ собраніи своихъ вельможъ призахвастался своей властью царской, которой никто не смѣетъ перечить.

¹⁾ „Ашуги“—страваствующие музыканты съ семиструннымъ инструментомъ „савъ“ (ладъ, лады), напоминающимъ отчасти мандолину. Репертуаръ ихъ состоитъ обыкновенно изъ сказокъ героическихкихъ („Керъ-Оглы“, „Шахъ-Исмаилъ“, „Шахъ-Абасъ“ и др.) и любовныхъ („Дѣхаръ-Мирза“, „Кярамъ“). Сказываются и поются онѣ на турецкомъ языкѣ.

Тюсъ Навзаръ ему замѣчаетъ, что въ присутствіи Рѣстама онъ бы не молвилъ этого слова. Царь въ гнѣвъ велитъ надѣть цѣпь на шею дерзкаго вельможи и бросить его въ тюрьму, говоря:

— Посмотримъ, кто за тебя проситъ посмѣть.

Одинъ изъ пехлевановъ поскакалъ тотчасъ къ Рѣстаму и разсказалъ ему о случившемся. Богатырь велитъ ему передать царю, что онъ цѣлуетъ его руку и проситъ выпустить на волю Тюсъ-Навзара. Еще болѣе разгнѣвался властитель Ирана и бросилъ опальнаго въ подземелье.

Рѣстамъ, оскорбленный отказомъ, собираетъ совѣтъ и объявляетъ, что идетъ противъ царя. И выступило 80,000 пехлевановъ.

Иранъ раздѣлился на два лагеря.

2.

Царь Турана, Альвасіа, узнавъ, что у сосѣдей началась междоусобная война, собираетъ вельможъ на совѣтъ: Хмана, Пирана, Камюсэ-Кяшана, Кхакхаэ-Чини ¹⁾, Ачкапюса, Кхэлюпа, и спрашиваетъ ихъ мнѣнія: не лучше ли теперь разгромить Иранъ. Благоразумный Хманъ совѣтуетъ царю не вмѣшиваться въ чужія дѣла; противникъ его, Пиранъ, находитъ минуту весьма удобной, чтобы разомъ покончить съ врагомъ. Царь послушался послѣдняго и велѣлъ выступить въ походъ.

3.

Кевъ Хосра объявляетъ своимъ пехлеванамъ, что туранцы двинулись на нихъ. Нести войсковое знамя долженъ Пэтага.

— Царь! — говоритъ богатырь, — мать твоя вдова, отдашь ее за меня, понесу знамя.

Напрасно мать умоляетъ сына выпустить изъ подземелья Тюсъ-Навзара и примириться съ Рѣстамомъ: побѣда тогда будетъ несомнѣнно; но царь непреклоненъ, давши клятву никогда ему не простить. Послѣ свадьбы Пэтага беретъ знамя, и войско выступаетъ.

Три дня и три ночи происходитъ бой; ангелы спустились съ неба, чтобы видѣть схватку двухъ народовъ; „отъ ихъ ударовъ многіе подумали, что разрушился свѣтъ“. Послѣ трехъ дней побѣждалъ Пэтага со знаменемъ.

¹⁾ Т. е. изъ Китая (=Чинимачина арм. сказокъ).

На мѣйданѣ остался лишь Годарзъ ¹⁾ со своими; противъ него выступилъ Хманъ и бился съ нимъ три дня, но не могъ прогнать его съ мѣста. Тогда онъ предложилъ противнику привести войсковое знамя на мѣйданъ, и онъ оставитъ поле. Юноша Бахрамъ мчится къ царю Ирана и проситъ прислать знамя на мѣсто боя; царь снова велитъ Пѣтага выступить впередъ; богатырь бросаетъ знамя на землю; Бахрамъ беретъ его самъ и идетъ на мѣйданъ. Тогда Хманъ очищаетъ поле и возвращается къ своему повелителю.

4.

Бахрамъ потерялъ лапту свою (для игры въ мячъ) и ночью ѣдетъ искать ее: „имя мое написано на ней, еще скажутъ, что я бѣжалъ съ мѣйдана“, говоритъ онъ брату Геву. Въ темнотѣ онъ натывается на раненнаго брата Рахѣла, который умоляетъ взять его съ собой домой; но озабоченный своей честью богатырь ѣдетъ дальше и встрѣчаетъ другого брата, Рахѣба, и наконецъ третьяго, Эжира ²⁾, лежащими на землѣ. Эжиръ предостерегаетъ его, что Гюло съ 40 пехлеванами сидитъ въ засадѣ. Бахрамъ продолжаетъ путь и наконецъ находитъ свою лапту. Гюло съ товарищами нападаетъ на него, но богатыря одолѣть не могутъ. Пехлеванъ Кевшилъ восклицаетъ:

— Кто видѣлъ, чтобы 40 противъ одного бились, и переходить на сторону Бахрама; юноша трижды беретъ клятву вѣрности съ него, но коварный Кевшилъ поражаетъ его съ тылу.

Гевъ садится на коня и ѣдетъ искать брата. Встрѣченные имъ по пути братья Рахѣлъ, Рахѣбъ и Эжиръ рассказываютъ, что Бахрамъ проѣхалъ мимо. Богатырь ѣдетъ дальше; вдругъ онъ окруженъ 40 пехлеванами; Гевъ палицей сбрасываетъ на землю Гюло и снимаетъ съ него голову долой; остальные разбѣжались. Кевшилъ ищетъ защиты у царя Альвасіа, схватившись за его „шахтъ-раванъ“; разгнѣванный богатырь догоняетъ его и тащитъ его вмѣстѣ съ царемъ; насилу удалось вырвать властителя Турана изъ его рукъ. Убивъ предателя на трупѣ Бахрама, Гевъ сажаетъ на коня братьевъ и приводитъ ихъ въ лагерь.

¹⁾ По словамъ сказителя, дядя Рѣстама по матери.

²⁾ Всѣ четыре брата — сыновья Годарза.

5.

Кевъ-Хосра въ трудную минуту рѣшается выпустить Тюсъ-Навзара изъ подземелья, даетъ ему дорогое платье, лошадь, оружіе и посылаетъ къ Рѣстаму. Богатырь поклялся никогда не вступать во дворецъ царя.

— Лишь ради тебя и дяди моего Годарза пойду я на бой.

По его приказу, 80,000 пехлевановъ двинулись въ лагерь царя—и оба войска соединились.

6.

Царя Альвасіа извѣщаютъ, что въ лагерь враговъ двѣ „орды“ соединились въ одну; пестрѣютъ шатры: Енги, Пеленги, Хлюсманъ, Кесавуръ, Маграби, Шѣнгари; передъ послѣднимъ стоитъ Рахши Балакъ, конь Рѣстама. Повелитель Турана снова собираетъ совѣтъ и спрашиваетъ у Хмана, чей бы былъ шатеръ Шѣнгари.

— Я раньше говаривалъ тебѣ, что нѣтъ у тебя дѣла до Ирана: кто бы то былъ, какъ не Рѣстамъ.

Пиранъ снова успокаиваетъ царя, что, быть можетъ, то купецъ какой проѣздомъ изъ Багдада. Кхакхаэ-Чини хвастается, что у него есть пехлеванъ, который добудетъ голову богатыря.

На утро Кхэлюнъ садится на коня, ѣдетъ на Мѣйданъ и ударяетъ копье о землю, грозно восклицая:

— Я требую Рѣстама на бой!

Богатырь не далъ себя ждать: надѣлъ на себя мечъ, повѣсилъ на Рахша щитъ, положилъ на плечо „палицу въ 366 литровъ“ и сѣлъ на коня.

— Осторожно выѣзжай на бой!—кричатъ ему раненные, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ.

Богатырь слѣзъ съ коня, привязалъ къ нему оружіе и отпустилъ его домой, а самъ пошелъ иѣшкомъ. Супротивникъ посмѣивается, видя его безоружнымъ:

— Положимъ, не было у тебя оружія, такъ что же царь твой не далъ тебѣ его, развѣ ты не слышалъ моего имени?

— Мой повелитель сказалъ: идешь ты на Кхэлюна, къ чему тебѣ оружіе, возьмешь у него,—отвѣчаетъ богатырь.

Туранскій пехлеванъ бросаетъ палицу — Рѣстамъ отскаки-

ваетъ въ сторону и натягиваетъ свой лукъ: стрѣла пронзаетъ коня противника и, пролетѣвъ семичасовой путь, вонзается въ „тахтъ“ ¹⁾ Альвасіа.

— Теперь мы оба пѣшіе,—говоритъ Рѣстамъ.

Оба пехлевана вступаютъ въ рукопашную; Рѣстамъ ударяетъ противника о землю и съ его отрѣзанной головой возвращается въ лагерь.

7.

Властитель Турана спрашиваетъ:

— Піранъ! Кто бы пустилъ эту стрѣлу?—Кто знаетъ, шальной какой изъ Багдада стрѣляетъ сюда.—Хманъ! а ты что скажешь?—И прежде я вѣдь говаривалъ: нѣтъ у тебя дѣла до Ирана, кто бы то былъ, какъ не Рѣстамъ.

Піранъ обѣщаетъ голову владѣтеля Шангари.

На этотъ разъ выѣзжаетъ на майданъ пехлеванъ Ачкапюсъ и громко вызываетъ Рѣстама на бой. Герой Ирана снова остается побѣдителемъ и возвращается назадъ съ головой противника.

Но не такъ легко было справиться ему съ сильнымъ богатыремъ, Камюсэ-Кяшаномъ; Рѣстамъ принужденъ бросить арканъ на противника, но перетянуть его не можетъ; тогда онъ бросаетъ конецъ веревки на шею Рахша и ѣдетъ въ лагерь, таща плѣнника за собой. Камюсэ-Кяшакъ силится бѣжать, богатырь ему замѣчаетъ:

— Я не убью тебя, мнѣ жаль тебя, но приведу домой, дома у меня 40 прислужницъ, онѣ мячами тебя до смерти побьютъ.

И притащилъ его къ шатрамъ. Высыпало 40 прислужницъ и мячами побили богатыря.

8.

Молодому фразаму ²⁾ надоѣло ждать очереди.

— Кто ни придетъ на майданъ, всѣ съ тобой хотятъ биться, говоритъ онъ отцу. Теперь очередь моя, я поѣду.

И сѣлъ на коня. Сѣлъ также Рѣстамъ, Брзу, Годарзъ, Гевъ, Сіахошъ, Сіапошъ, Мсюсанъ паша, багдадскій вали и Кевъ-Хосра. Тюсъ Навзаръ взялъ знамя—и двинулась орда.

¹⁾ Походный престолъ царя.

²⁾ Сынъ Рѣстама.

Бились три дня и три ночи. „Многіе подумали, что разрушился свѣтъ, а мудрые сказали, что то воютъ царь Ирана съ царемъ Турана“. Спустя три дня бѣжалъ Альвасіа со всѣмъ войскомъ. Рѣстамъ съ Кевъ-Хосра погнался за нимъ, взялъ семь городовъ и поставилъ въ Туранѣ „меньшого изъ Ирана“. ¹⁾

IV.

Сказитель *Василій Арутюнянцъ* (изъ деревни Такарли, Абаранъ, Эрив. губ.)—55 лѣтній старикъ, высокій, стройный, съ длинной, уже посѣдѣвшей бородой. По ремеслу, какъ всѣ вообще сказители, земледѣлецъ. Разсказываетъ довольно живо, безъ долгихъ остановокъ и нерѣдко съ одушевленіемъ. Будучи единственнымъ разскащикомъ въ этой маленькой деревнѣ (всего 25 домовъ), ему довольно часто приходится „сказывать старину“. Варіантъ о Бурзэ онъ слышалъ отъ крестьянина сосѣдней деревни Карабулахъ.

Б у р з э.

(Армянскій варіантъ).

Въ старое время городомъ Сасуномъ владѣлъ царь Залъ. Царь этотъ былъ такъ могучъ, что даже птицы и рыбы платили ему дань. У царя Зала былъ братъ, по имени Давидъ. ²⁾ Никто, кромѣ Давида, не могъ привозить дани изъ Полада-Дарбанда. ³⁾

У Давида былъ сынъ, по имени Бурзэ. Случилось, что Давидъ умеръ: Полада-Дарбандъ сталъ свободенъ отъ дани.

Однажды царь Залъ отправился въ цырульню побриться; онъ замѣтилъ Бурзэ, который гулялъ, держась за полу дяди Ована. Царь вздохнулъ глубоко, лишь завидѣлъ его. Бурзэ сказалъ:

— Царь! Зачѣмъ тебѣ вздыхать при моей жизни?

Царь сказалъ:—Сынъ мой, увидѣвъ тебя, я вспомнилъ о твоёмъ отцѣ! въ Полада-Дарбандѣ вѣдь 366 домовъ, а кромѣ отца твоего, никто не могъ привозить дани. И вотъ, при видѣ тебя, еще горче мнѣ стало.

¹⁾ Варіантъ этотъ о знаменитомъ иранскомъ героѣ, помимо внутренняго содержанія, по своей внѣшней формѣ представляетъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ народнаго творчества. По объясненію сказителя, Курды (отъ которыхъ онъ слышалъ) преданіе это мѣстами поютъ, мѣстами разсказываютъ въ стихотворной формѣ.

²⁾ Разскащикъ, упоминая о Давидѣ и зычномъ Ованѣ, разумѣетъ здѣсь двухъ извѣстныхъ богатырей армянскаго народнаго эпоса.

³⁾ Поладъ по-персидски означаетъ сталь, дарбандъ—запертый.

Бурзэ сказалъ:—Если такъ, я иду въ Полада-Дарбандъ за данью.

Царь сказалъ:—Сынъ мой, ты еще дитя, ты не можешь привезти дани.

Бурзэ сказалъ:—Царь, я долженъ итти, не то лопну.

Царь призвалъ дворецкаго:—Ступай! сказалъ ему, отоприв дверь: палица Давида находится внутри (комнаты), отдай ее мальчику, посмотримъ, можетъ ли онъ двинуть ее съ мѣста?

А въ палицѣ-то вѣдь было 15 пудовъ стали. Когда палицу отдали мальчику, онъ ее поднялъ, словно яблочко румяное.

Царь Залъ призвалъ корабельника Давида, такъ какъ между городомъ Сасуномъ и Полада-Дарбандомъ было океанъ-море.

Царь сказалъ ему:—корабельникъ! приготовься свезти Бурзэ въ Полада-Дарбандъ!

Откуда намъ повѣдать вѣсть?

— Изъ Полада-Дарбанда.

У царя Полада-Дарбанда былъ пехлеванъ-дэвъ. Этотъ дэвъ и день и ночь стоялъ на горѣ, смотрѣлъ на корабль и думалъ: пока этотъ корабль не двинулся къ Полада-Дарбанду, на свѣтѣ будетъ добро и миръ; а какъ только придетъ (сюла), начнется волненіе на свѣтѣ: онъ или разрушится или устроится.

Вдругъ увидѣлъ онъ: корабль двинулся съ мѣста и идетъ на Полада-Дарбандъ. Дэвъ сказалъ:—это идетъ одинъ изъ Сасунскихъ полоумныхъ. Дэвъ былъ сэхрибазъ¹⁾: онъ по морю пошелъ на встрѣчу. Корабельникъ сказалъ:—Бурзэ! Это идетъ пехлеванъ-дэвъ. Бурзэ отвѣтилъ:—Корабельникъ, направь корабль такъ, чтобы онъ прошелъ по срединѣ лба дэва. Если ты не такъ направишь, первый ударъ палицею угожу тебѣ въ голову.

Такой страхъ объялъ корабельника, что пасть его разорвалась, и кровь ручьемъ пошла изъ нея. Онъ собралъ паруса, чтобы провести корабль черезъ середину лба дэва; коварный дэвъ бросился въ сторону. Бурзэ ударилъ палицей въ голову дэва и ранилъ ее; дэвъ потерялъ сознание. Бурзэ схватилъ рукою за ухо дэва, вытащилъ и бросилъ его на корабль. Поплыли и вышли изъ Полада Дарбанда.

¹⁾ Т. е. оборотень (также „колдунъ“).

Въ тѣ времена не было коварства. Дэвъ разбилъ два бѣлыхъ чадра ¹⁾ на берегу моря: одинъ для себя, другой—для Бурзэ; разостлалъ шелковое одѣяло, тюфяки, подушки пуховыя, хорасапскій войлокъ; ²⁾ приготавилъ чайную настойку, кушанья, напитки, чибукъ ³⁾ Поѣли, попили, прилегли на подушки и заснули на три дня. А какъ минуло три дня, встали они, чтобы биться. Дэвъ сказалъ:—Бурзэ! Будемъ наносить удары поочереды.—Ладно! Дэвъ сказалъ:—Первая очередь твоя или моя? Бурзэ отвѣтилъ:—Уступаю очередь тебѣ, такъ какъ ты извѣстный пехлеванъ.

Вышли на майданъ ⁴⁾. Трижды дэвъ палицею поражалъ Бурзэ, и трижды Бурзэ ловилъ палицу рукою. Такой гнѣвъ нашелъ на Бурзэ, что онъ закричалъ:—Держись! теперь очередь моя! И ударилъ дэва палицей; отъ удара дэвъ получилъ рану въ голову. Онъ вскочилъ съ мѣста, пырнулъ кинжаломъ въ Бурзэ и ранилъ его въ бокъ, дэвъ убѣжалъ, Бурзэ бросился за нимъ, загналъ его въ Соганлугскій лѣсъ. Дэвъ отъ боли сунулъ голову въ щель сгнившаго дерева, Бурзэ пронесся мимо, словно вѣтеръ. Семь дней, семь ночей онъ шелъ и достигъ страны царя Оѣмандага; остановился у одного источника, напился его воды: рава его остыла, и онъ упалъ навзничъ. Вода протекала подъ его животомъ.

Визирь, вакиль, ханъ, бегъ, муфти, султанъ царя Оѣмандага идутъ на охоту. Видитъ визирь: идетъ вода, да съ кровью; сказалъ:—поѣдемъ быстрѣе, посмотримъ, что это за кровь идетъ вмѣстѣ съ водой? Поѣхали и видятъ: лежитъ навзничъ какой-то паренъ, а шириною то грудь въ добрую сажень. Визирь сказалъ:—поверните-ка его, посмотримъ, что это за человѣкъ!

И десять человѣкъ бросились на него, еле-еле перевернули на спину; визирь увидѣлъ, что онъ въ обморокъ и сказалъ:—подайте мой мѣшечекъ! Принесли мѣшечекъ; въ немъ была бутылка; а визирь былъ медикъ: онъ раскупорилъ ее, смазалъ лѣкарствомъ большою палецъ и приложилъ его къ ранѣ; тотчасъ Бурзэ пришелъ въ чувство, сѣлъ и закричалъ:—Дайте мою дань!

Когда онъ закричалъ: дайте мою дань, духъ отнялся у тѣхъ

¹⁾ Чадръ—азіатская палатка.

²⁾ Хорасанъ—восточная область Персіи, и доселѣ славящаяся производствомъ ковровъ.

³⁾ Трубка.

⁴⁾ Мѣсто поединка.

людей; они поударились о деревья и убились до смерти. Визирь спросилъ за спиной:—Что это за дань ты требуешь?—Какая это земля? спросилъ Бурзэ.—Это страна царя Оѣмандага.—Если такъ, то я виноватъ передъ Богомъ; я думалъ, что это Полади-Дарбандъ. —И-и..! сказалъ визирь: Полади-Дарбандъ отъ насъ семь дней пути!

Визирь поразмыслилъ, что это богатырь очень сильный, и сказалъ:—Какъ твое имя?—Бурзэ.—Прошу тебя сегодня быть моимъ гостемъ.—Ладно, буду!

Тотчасъ подвели свободную лошадь; Бурзэ сѣлъ; онъ былъ такъ силенъ, что когда онъ сѣлъ, вода капля по каплѣ шла изъ лошадинаго пупа.

Отправились съ визиремъ на охоту. Гнѣвъ нашелъ на Бурзэ: онъ протянулъ руку и вырвалъ огромное дерево съ корнями; семь корней было на немъ, на каждомъ корнѣ по семи пудовъ земли. Онъ положилъ его себѣ на плечо, и поѣхали.

Пришли они въ городъ царя Оѣмандага. Визирь и подумалъ: если поведу его показать царю, какъ бы царь не сталъ его бояться; если же не покажу, то онъ въ другой разъ узнаетъ и станетъ меня упрекать: „визирь! ты нашелъ нехлевана, зачѣмъ же ты мнѣ не сказалъ, чтобы и мнѣ на него посмотрѣть“? Потомъ визирь и подумалъ: пройду-ка мимо царскаго дворца, войду и скажу: царь! я нашелъ одного человѣка, да онъ опасный: смотри, не бойся! Если не желаешь, я уведу его, онъ мой гость. Отправился во дворецъ царя и сказалъ:—Царь! я нашелъ очень сильнаго человѣка. Царь отвѣтилъ:—Визирь! веди его, посмотримъ, что это за человѣкъ.—Бурзэ! сказалъ визирь: слѣзай съ коня, пойдемъ въ комнату царя!

Тотчасъ слѣзъ Бурзэ съ коня, и они пошли въ комнату царя. Царь указалъ на стулъ: садись-де на стулъ!

И когда сѣлъ Бурзэ, стулъ подъ нимъ поломался. Постелили шелковый тюфякъ, одѣяло, пуховыя подушки, хорасанскій войлокъ. Принесли хлѣба, кушанья, чаю, вина, водки, накормили и напоили его до разсвѣта. На разсвѣтѣ Бурзэ позвалъ визиря и сказалъ:—Визирь! ѣдемъ на охоту! И поѣхали на охоту.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?

— О царѣ Карадага.

Царь Карадага бралъ дань съ царя Оцмандага. Осенью онъ отправилъ двухъ эсауловъ (всадниковъ): наступило-де время нашей дани: ступайте берите нашу дань отъ царя Оцмандага и приходите!

Тѣ сѣли на коней и поѣхали. Пришли къ царю Оцмандага и сказали:—Царь, приготовь дань нашему царю, чтобы намъ свезти.

Царь отвѣтилъ:—Погодите немножко, пока визирь вернется съ охоты: ключъ отъ казны у него, отдамъ вашу дань, отвезете.

Вдругъ послышался стукъ дверей; какой-то человекъ пришелъ и сѣлъ на свое мѣсто.

Эсаулы сказали:—Царь, если можно, приготовь нашу дань: визирь пришелъ.—Какая дань?—заоралъ Бурзэ. Тѣ отвѣтили:—какое тебѣ, братъ, дѣло?—Выйдемте, я отдамъ вашу дань. Бурзэ схватилъ руками за ихъ плечи и вытащилъ ихъ вонъ; по 32 зуба повыдернулъ онъ у каждого, вколотилъ въ лобъ и сказалъ:—Это осенняя дань; везите, а за весенней придете потомъ!

Эти люди, раненные, отправились къ царю Карадага. Царь Карадага видитъ: идутъ его эсаулы, а зубы ихъ на лбу вбиты и рты ихъ окровавлены. Спросилъ:—Что это случилось съ вами? Эсаулы отвѣтили:—Да разрушится домъ твой! ¹⁾ Царство твое достойно пехлевану царя Оцмандага; захочетъ онъ, такъ сей же часъ и небо и землю сокрушить; твое царствованіе напрасно.

А вѣдь у царя Карадага былъ храбрый пехлеванъ, по имени Катранъ. Царь взялъ съ собой визиря, вакиля, отправился къ пехлевану и сталъ просить его: ты-де знаешь, царство мое тебѣ принадлежитъ. Въ городѣ царя Оцмандага появился какой-то пехлеванъ; онъ ранилъ нашихъ эсауловъ, сдѣлалъ ихъ калѣками и отправилъ назадъ. Зачѣмъ же я тебя берегъ, если ты въ трудный день мнѣ не годишься? прошу тебя, иди возьми дань за семь лѣтъ, съ ней вмѣстѣ и дочь царя и вернись!

Откуда намъ повѣдать вѣсть?

— О царѣ Оцмандага.

Царь Оцмандага сказалъ:

— Визирь! (да разрушится домъ твой!) Что это за штуку ты сыгралъ надъ нами? Вотъ придетъ Катранъ пехлеванъ, какой

¹⁾ Обычное выраженіе упрека у армянъ.

ему дать отвѣтъ? Можешь-ли ты сосватать дочь мою за Бурзэ, чтобы онъ пожалѣлъ насъ и защитилъ, когда придетъ Катранъ пехлеванъ. Не то онъ оставитъ насъ и уйдетъ, а Катранъ придетъ и всѣхъ насъ перебьетъ.

Визирь отвѣтилъ:—Царь! Вотъ посмотримъ, могу-ли я сосватать.

А дочь царя за двѣ версты отъ города построила себѣ комнату и жила въ ней. Визирь отправился къ ней и сказалъ:—Царевна! встань, поставь передъ собою зеркало во весь ростъ, приведи въ порядокъ свои наряды, чтобы понравиться Бурзэ, когда приведу его сюда, и я выдамъ тебя за него.

Тотчасъ же изъ устъ царевны слюнки потекли; она встала и стояла передъ зеркаломъ съ утра до вечера, едва успѣла наряжаться; стала у дверей ожидать Бурзэ.

Визирь пошелъ и сказалъ Бурзэ:—Бурзэ! Идемъ! ты посмотришь царевну: понравится она тебѣ, я за тебя ее сосватаю.

Тотчасъ же Бурзэ и визирь отправились. Они были еще за двѣ версты (отъ царевны), какъ Бурзэ сказалъ:—Во-онъ она, царевна-то!—Она самая.—Вернись! я возьму ее. Вернулись въ городъ. Царь спросилъ:—Визирь! Что ты подѣлалъ, сосваталъ дочь или нѣтъ?—Царь, отвѣтилъ визирь, еще за двѣ версты онъ сказалъ: я возьму; не знаю, возьметъ или нѣтъ.

Бурзэ и Визирь сѣли на коней и поѣхали на охоту.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?

— О Катранѣ пехлеванѣ.

Подвезли коляску, запряженную 25-ю лошадьми, 40 человѣкъ взялись за подмышки Катрана пехлевана, привели, посадили его въ коляску и пустились въ путь. Съ музыкой, угощеніемъ, царь съ визиремъ провожали до конца города. Царь сталъ просить:—Катранъ пехлеванъ! прошу взять дань за семь лѣтъ, съ нею дочь царскую и вернуться.

Царь отправился назадъ, а тотъ поѣхалъ. Много-ли, мало-ли, Богъ вѣдаетъ, достигъ города царя Оймандага.

Извѣстили царя Оймандага:—Что ты подѣлываешь! Катранъ пехлеванъ пришелъ, онъ насъ всѣхъ перебьетъ!

Царь изъ страха вышелъ навстрѣчу пехлевану, скрестилъ руки и взмолился:—Катранъ пехлеванъ! Ты вѣдь знаешь, что уже

сто лѣтъ, какъ я плачу вамъ дань, теперь появился въ городѣ моемъ какой-то (одинъ) пехлеванъ; это все онъ надѣлалъ, я же въ томъ не виноватъ.

Каѳранъ пехлеванъ разсердился, погрозилъ пальцемъ и сказалъ:—И тебя и твоего пехлевана превращу въ хорошихъ людей!

Тотчасъ же у царя задрожали колѣна,—ужь не убьетъ ли онъ его?

Сорокъ человекъ схватили подъ мышки Каѳрана пехлевана, подняли и повели его въ царскую комнату. Постелили шелковые тюфякъ, одѣяло, пуховыя подушки, хорасанскіе войлоки и усадили его. Каѳранъ пехлеванъ сказалъ:—Ну же, царь, приготовь дань!

Царь отвѣтилъ:—Прошу тебя, Каѳранъ пехлеванъ, потерпи, пока вернется визирь: ключи отъ казны у него; отдамъ твою дань, и ты повезешь.

Еще они разговаривали, какъ вдругъ раздался стукъ воротъ: пришелъ Бурзэ и сѣлъ на свое мѣсто. Каѳранъ пехлеванъ подумалъ: ужь не этотъ ли ихъ пехлеванъ, и сказалъ:—Ну же, царь, отдай дань!

Лишь услышалъ Бурзэ о дани, разсердился, усы его стали дыбомъ точно буйволковы рога, и онъ сказалъ:—Какую дань ты требуешь?

Тотъ отвѣтилъ:—Тебѣ что за дѣло?

Съ этими словами они бросились другъ на друга; въ комнатѣ не осталось ни стула, ни стекла, все переломали въ дракѣ. Потомъ сильно осерчалъ Бурзэ и закричалъ—бревна комнаты такъ полетѣли, что ни единого золотника земли внизъ не упало. Каѳранъ пехлеванъ ослабѣлъ подъ мышкой Бурзэ; этотъ сталъ подъ него, ударилъ его о землю, отрѣзалъ голову и сердито вышелъ вонъ. Видитъ онъ: кучеръ убѣжалъ и стоитъ далеко отъ города. Бурзэ кликнулъ его: Поди ты сюда, собачій сынъ!

Кучеръ пріѣхалъ и остановился у дверей комнаты. Бурзэ схватилъ рукой за ногу Каѳрана пехлевана, бросилъ его въ коляску, приговаривая:—Вотъ это семилѣтняя дань!

Отрѣзанную голову также бросилъ, приговаривая:—А это царская дочь!

Кучеръ давай скакать въ свой городъ. Когда онъ пріѣхалъ, тотчасъ же царь Карадага вышелъ на встрѣчу Каѳрану пехле-

вану; съ сазомъ, даоломъ, зурной; видить: въ коляскѣ лежитъ трупъ пехлевана.—Это что такое?—спросилъ онъ у кучера.—А то, что онъ былъ побѣжденъ, и Бурзэ его убилъ.

Царь созвалъ визиря, вакиля, хана, бега, всѣхъ поразставилъ и спросилъ:—Царство наше разъ навсегда попало въ бѣду; до сихъ поръ все лишь за спиной Катрана пехлевана мы дѣлали.

Визири отвѣтили:—Царь, у тебя есть сила; собери твои войска, и идемъ на царя Оцмандага.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?—

— Изъ Полада Дарбанда.

Царь Полада-Дарбанда подумалъ: вотъ уже сорокъ дней, какъ мой пехлеванъ дѣвъ не показывается. Созвалъ визирей и сказалъ:

— Гдѣ нашъ пехлеванъ дѣвъ? Случится, что одинъ изъ Сасунскихъ пехлевановъ придетъ, какой намъ дать отвѣтъ?

Всѣ поклялись:—Царь, здравствуй долго! мы не знаемъ о пехлеванъ-дѣвѣ.—А кто же знаетъ?—Мирджана Джазо ¹⁾.

Это была жена дѣва. Царь спросилъ:

— Мирджана Джазо, гдѣ нашъ пехлеванъ дѣвъ?

— Теперь только спрашиваешь о пехлеванъ дѣвѣ, отвѣтила она, во-онъ онъ въ Соганлугскомъ лѣсу голову продѣлъ въ щель гнилого дерева, голова его распухла и не выходитъ оттуда.

Царь отправилъ пятнадцать топорщиковъ, приказавъ:—Идите разрубите дерево, выньте голову пехлевана-дѣва и приведите его.

Пошли, разрубили дерево и привели дѣва. Царь спросилъ:—Пехлеванъ! Что это за бѣда съ тобой приключилась?—Изъ Сасуна пришелъ пехлеванъ,—сказалъ дѣвъ,—мы стали биться, онъ ударилъ и разсѣкъ мнѣ голову, я ранилъ его и давай бѣжать, а тотъ гнался за мной до Соганлугскаго лѣса. Отъ боли сунулъ я голову въ щель сгнившаго дерева, тотъ мимо пробѣжалъ; ужъ не знаю, тамъ ли онъ, или нѣтъ.—А кто же знаетъ, гдѣ онъ находится?—спросилъ царь. Царь! отвѣтили ему: Мирджана Джазо знаетъ.

Позвалъ царь Мирджана Джазо и спросилъ:—Мирджана Джазо, гдѣ Сасунскій пехлеванъ?—Спитъ во дворцѣ царя Оцмандага.

¹⁾ По словамъ рассказчика, жена дѣва была „сэхрибазъ“ (колдунья) и по ногтямъ гадала.

Такъ какъ была ночь. Царь сказалъ:—Мирджана Джазо! Умрешь или жива будешь, а отъ тебя я сейчасъ же требую того пехлевана.

Мирджана Джазо хлопнула въ ладоши и полетѣла (она была „сэхрибаз“ и умѣла летать по воздуху). Спустилась въ комнату царя Оцмандага, и видитъ: Бурзэ спитъ, и кликнула:—Бурзэ!—Что, душа Мирджана Джазо?—Я пришла за тобой.—Уведешь меня, что подѣлать!—Поклянись на одномъ, чтобы я тебя не увела: полюбишь меня—не уведу, не полюбишь—такъ уведу.

Тотъ обманулъ, сказалъ: люблю.

Тотчасъ же Мирджана Джазо вернулась и спустилась у дверей царскаго дворца; видитъ: столько народу собралось, что и не сосчитать; стоятъ палачи, тотъ говоритъ: я сниму голову, а этотъ: нѣтъ, я. Вдругъ видятъ: Мирджана Джазо ни съ чѣмъ вернулась и спустилась на землю.

Царь спросилъ:—гдѣ же Бурзэ?—Не могла его привести,—отвѣтила она.—Почему?—Сильный былъ человекъ, я не могла его одолѣть.

Пехлеванъ дэвъ пришелъ, сталъ передъ царемъ и сказалъ:—Царь! Мирджана Джазо обманываетъ; тотъ ей говорилъ: люблю тебя, вотъ почему она его не привела.

А родъ ихъ (Бурзэ) любовниками не бываетъ. Царь разсердился на Мирджана Джазо, сказалъ:—Я не знаю, но умрешь или жива будешь, должна ты его привести.

Мирджана Джазо хлопнула въ ладоши и улетѣла. Пришла въ комнату царя Оцмандага, завернула соннаго Бурзэ въ тюфякъ, одѣяло, войлокъ и коверъ, взяла подмышку, принесла и положила среди майдана (площади) Полада-Дарбанда.

Бурзэ спалъ; невольно проснулся онъ и видитъ: онъ въ Полада-Дарбандѣ, и его окружаетъ такая толпа народу, что и не говори. Разсердился онъ и закричалъ:—Дайте мою дань!

Лишь онъ закричалъ: дайте мою дань, отъ его духа весь народъ посыпался въ море.

Тогда дэвъ сталъ просить:—Царь! вели его убрать!—Мирджана Джазо! сказалъ царь, бери его туда, откуда принесла!

Мирджана Джазо взяла его, понесла и положила во дворцѣ царя Оцмандага, а сама вернулась назадъ.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?—

— О царѣ Карадага.

Царь Карадага собралъ большое войско, пришелъ и окружилъ городъ царя Оцмандага. Написалъ письмо царю: либо пришли сюда на бой твоего пехлевана, либо городъ твой я разрушу.

Царь позвалъ визиря и сказалъ:—Визирь! видишь ты эту многочисленную толпу, которая пришла съ нами воевать; мы же воевать не можемъ, какъ же быть?—Спроси Бурзэ, отвѣтилъ визирь, посмотри, что онъ скажетъ.

Визирь вышелъ и закричалъ:—Бурзэ, выйди-ка!—Что такое, визирь?—Видишь ты эту толпу?—Ай-ай-ай! Визирь, что это такое?—Эти люди пришли, чтобы и царя, и народъ, и тебя убить.—Визирь,—сказалъ Бурзэ,—ради самого Бога, выведи-ка мою лошадь.

Визирь вывелъ его лошадь, онъ сѣлъ, взялъ пятнадцати-пудовую палицу и сказалъ:—Визирь! проси Бога, чтобы они не убѣжали, пока не насыщусь, чтобы не сталъ я по нимъ тосковать.

И поскакалъ онъ къ войску, взѣхалъ на высокій пригорокъ и остановился тамъ; видить: звѣздамъ, камнямъ, кустамъ есть счетъ, а войску нѣтъ.

— Э!—сказалъ Бурзэ,—я лопну, если не закричу; такъ я крикну, чтобы успокоиться.

Лишь онъ закричалъ, двѣнадцать пригорковъ разрушилось и внизъ полетѣло вмѣстѣ съ камнями и кустами. Войско подумало, что съ неба и изъ земли люди на нихъ посыпались, начали рубить другъ друга. Всѣ были перебиты, остались лишь царь и визирь, и тѣ убѣжали.

Бурзэ вернулся въ городъ и сказалъ:—Визирь! это были тѣ люди, которые, по твоему, должны были насъ перебить?

Тотчасъ высыпали (изъ города) жители и видятъ: всѣ перебиты, никого нѣтъ въ живыхъ. Царь Карадага съ визиремъ прибѣжали въ городъ и, сколько ни было въ немъ мудрыхъ людей, всѣхъ собрали и привели (на совѣтъ): отъ руки-де одного чело-вѣка городъ нашъ пропалъ.

Мудрые люди сказали:—Царь! Найди подкопщиковъ, и вели имъ опорожнить подъ пригоркомъ.

— Царь отправилъ нѣсколько подкопщиковъ; въ семь дней и ночей они опорожнили подъ пригоркомъ. Царь снова взялъ войско, пошелъ и окружилъ со всѣхъ сторонъ городъ царя Оцмандага.

Бурзэ извѣстили: еще пришли воевать съ нами. Бурзэ сѣлъ на коня, поскакалъ на тотъ же пригорокъ, остановился тамъ и видитъ: звѣздамъ, камнямъ, кустамъ есть счетъ, а войску нѣтъ. Подумалъ самъ: дай-ка закричу, чтобы тѣло мое успокоилось, а не то лопну. Закричалъ разъ; пригорокъ разрушился, и Бурзэ, смѣшавшись съ землей, камнемъ и кустами, полетѣлъ внизъ головой. Крикнули: бросьте арканъ! Бросили арканы; сто аркановъ попало въ Бурзэ; крѣпко его связали по рукамъ и ногамъ, привели въ городъ царя Карадага и остановили на майданѣ: хотѣли снять съ него голову долой. Одинъ изъ визирей пришелъ и видитъ: это такой молодецъ, да не простого, а знатнаго рода.

— Царь, о чемъ ты думаешь?—спросилъ онъ.—О чемъ же мнѣ думать, отвѣтилъ царь: такъ какъ этотъ пехлеванъ перебилъ насъ, то я сниму съ него голову долой.—Я вижу,—сказалъ визирь,—этотъ молодецъ не простого, но знатнаго рода; законъ нашъ запрещаетъ поднять оружіе на знатнаго человѣка.—А что же дѣлать намъ?—Выведи его за двѣ версты отъ города; тамъ есть у тебя подкопы, что во сто, что въ двѣсти „гязовъ“ ¹⁾, брось его въ одинъ изъ подкоповъ, положи сверху жерновъ и приставь караулить двухъ дэвовъ; пусть онъ тамъ останется навѣки.

Откуда намъ повѣдать вѣсть?—

— Изъ города Сасуна.

У царя Сасунскаго, Зала, была дочь.

Ночью ей приснилось, что ихъ пехлеванъ Бурзэ по груди стоитъ въ илѣ; проснувшись, видитъ, что то былъ сонъ. Подумала она про себя: имѣетъ ли царь извѣстіе о нашемъ Бурзэ? на разсвѣтѣ пойду спрошу.

Не прошло и часа, дѣвушка до того разсердилась, что отъ гнѣва чуть не лопнула. Тотчасъ же она зажгла огонь, направилась къ комнатѣ Зала и постучалась молоткомъ въ дверь. Царь спросилъ:—Кто это стучится въ дверь?—Это я, царь!—отвѣтила она.—Что ты, безпутная, не даешь намъ спать?—Царь, гдѣ тутъ спать, когда ночью мнѣ приснилось, что Бурзэ по самыя подмышки торчитъ въ илѣ. Сей же часъ принеси мнѣ извѣстіе, не то лопну въ сердцахъ.

¹⁾ Мѣра длины, кажется, равная 3 аршинамъ.

Царь, подумавъ, отвѣтилъ:—Отъ кого бы мнѣ спросить извѣстія въ полночное время? Пойду-ка къ птицѣ Земрухту ¹⁾, она много гуляетъ по свѣту. А вѣдь птица Земрухтъ у Бѣлаго моря жила.

Тотчасъ же взялъ онъ съ собой Рустама, Дзэновъ Ована (Зычнаго Ивана) и отправился къ птицѣ Земрухту. Птица Земрухтъ завидѣла, что царь Залъ идетъ къ ней, и отъ страха на двѣ версты вышла къ нему на встрѣчу.

— Царь Залъ!—сказала она,—по доброму-ли дѣлу въ такое время приходишь? Царь отвѣтилъ:—Птица Земрухтъ, дай какую-либо вѣсть о нашемъ Бурзэ!—Царь Залъ, хлѣбъ да вино, живъ Господь ²⁾, что я не имѣю извѣстія о Бурзэ.—А кто же имѣетъ?

— Лишь Хопо Екдасти ³⁾ знаетъ о немъ, и никто другой. Хопо же Екдасти вотъ уже семь лѣтъ удалился прочь отъ голоса вашего рода. Ступай къ Хопо Екдасти!

Царь Залъ собирался было уйти; она сказала:

— Ты такъ не иди, ступай приготовь поднось, положи на него яства что ни есть лучшія, дай Рустаму, и отправьтесь къ Хопо!

Пошли приготовили поднось и отправились къ Хопо Екдасти! Тотъ запримѣтилъ, что царь Залъ съ братьями своими идетъ къ нему, началъ было бѣжать; царь Залъ сказалъ: Хопо Екдасти, хлѣбъ да вино, живъ Господь! честить тебя я пришелъ.

И пошелъ, поставилъ поднось передъ Хопо Екдасти. Съѣлъ онъ хлѣбъ, выпилъ вино и водку и спросилъ:—Царь Залъ! добромъ-ли пожаловалъ?

Отвѣтилъ:—О нашемъ Бурзэ дай какое нибудь извѣстіе? — Подъ дворцомъ царя Карадага есть подкопъ, Бурзэ въ немъ сидитъ, а надъ нимъ жерновъ, да два дѣва въ караульщикахъ. Ступай же выведи!

Царь сказалъ:—Прошу тебя, пособишь бы молодцамъ! Отвѣ-

¹⁾ Знаменитая въ персидскомъ эпосѣ птица Симургъ появляется также во многихъ армянскихъ сказкахъ въ томъ же искаженномъ видѣ.

²⁾ Дословно: клянусь „хлѣбомъ въ вивѣ, сущимъ Господомъ“ (=хачъ й гининъ, теръ кенданинъ). Это выраженіе, принявшее, какъ это бываетъ при частыхъ повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ, стихотворную форму, несомнѣнно перенесено изъ вариантовъ о Давидѣ Сасунскомъ, гдѣ оно неоднократно приводится, какъ чудодѣйственная молитва, дающая армянскому богатырю необыкновенную силу.

³⁾ Екдасти по-перс. значить: одворукій.

тилѣ:—Царь, твоего хлѣба я ѣлъ, пособлю, а только братья твои ¹⁾ пусть дадутъ клятву не кричать на дорогѣ: вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ голоса вашего рода удалился прочь.

Рустамъ и Ованъ поклялись головой царя Зала, что де мы не закричимъ на дорогѣ. И пошли: Рустамъ, Ованъ, Хоіо Екдасти; дошли до города царя Карадага. Хоіо Екдасти сказалъ:—Видите-ли, братцы, тѣхъ двухъ дэвовъ: они караульщики вашего брата. Можете ли принести каждый по булыжнику?

Каждый изъ нихъ поднялъ и принесъ по булыжнику въ три пуда. За спиной у Хоіо былъ парсеть ²⁾; вложилъ онъ туда булыжникъ въ три пуда, размахнулся и метнулъ: раздробилъ на мѣстѣ одного дэва. Вложилъ онъ другой булыжникъ—и другого дэва убилъ.

— Стойте здѣсь,—крикнулъ онъ,—а я пойду.

Пошелъ, сталъ надъ подкопомъ, схватилъ онъ рукой жерновъ и закричалъ. Бурзэ!—Что, душа Хоіо Екдасти?—Я вытащу тебя изъ ямы.—Вытащишь, такъ ладно!—Поклянись головой царя Зала, что не закричишь.—И триста такихъ Хоіо Екдасти, какъ ты, издохнуть, а все же я закричу, лишь выйду отсюда.

— И оставилъ Хоіо Екдасти и убѣжалъ. Пошелъ къ Рустаму и Овану и сказалъ:

— Братцы, а онъ закричитъ, не подѣлаешь съ нимъ ничего. Оглянитесь-ка кругомъ, не добудете-ли гдѣ одѣяла и тюфякъ.

Поискали, нашли. Сказалъ:—Заверните мнѣ голову, чтобы крикъ его не дошелъ до ушей моихъ.

Завязали голову Хоіо Екдасти, и онъ пошелъ, сталъ надъ ямой, схватилъ за руку Бурзэ, вытащилъ вонъ. Бурзэ сѣлъ на краю ямы; осмотрѣлся, видитъ—городъ царя Карадага. Позвалъ Рустама, Ована и сказалъ:—Стало насъ четверо, обступите городъ и рубите!

Обступили городъ и начали рубить.

Извѣстили царя Карадага: Бурзэ де вышелъ изъ ямы, трое людей поспѣли къ нему—родственники или чужіе—знать не знаемъ;

¹⁾ По всей вѣроятности, здѣсь память измѣнила рассказчику: во всѣхъ другихъ варіантахъ, записанныхъ мной, Рустемъ является *сыномъ*, а не братомъ Зала.

²⁾ Метательный снарядъ.

а пришли они, рубя городъ. Знаешь средство какое—употреби, а не то и насъ перебьютъ.

Царь призвалъ того визиря, который не далъ отрубить голову Бурзэ и сказалъ:—Визирь! если что можешь сдѣлать—дѣлай, не то—кончено дѣло!

Визирь пошелъ на встрѣчу Бурзэ и поспѣлъ тогда, когда Бурзэ, весь въ поту, рубилъ народъ. Лишь пришелъ, сталъ онъ проситься.

— Визирь!—сказалъ Бурзэ,—не кто другой, а ты долженъ былъ притти мнѣ на встрѣчу! Заповѣдью одной, не двумя, дарую вамъ жизнь, пойдешь скажешь царю вашему, чтобы онъ написалъ „габалу“, ¹⁾ да двѣнадцать свѣтниковъ ²⁾ чтобъ подписались, да царь чтобъ печать наложилъ: пока де свѣтъ стоитъ, будемъ данниками царя Оцмандага.

Тотъ же часъ заготовили габалу, дали. Тѣ взяли ее и отправились въ городъ царя Оцмандага. Уже дошли было, Хопо Екдасти и сказалъ:—Вы, ребята, братья царя Зала, у васъ есть всякое добро, имущество, а я бездомный ³⁾ бѣднякъ. Давайте ка габалу мнѣ, пойду прежде васъ передамъ царю, чтобы царь чѣмъ-нибудь наградилъ меня.

Дали габалу Хопо Екдасти, и сказали:—На, ступай!

Отправился; видить: какая-то дѣвушка съ кувшиномъ въ рукѣ идетъ къ фонтану за водой; поразглядѣлъ, видить: это такая дѣвушка, что солнцу скажетъ: не ты взойди, взойду я; свѣтитесь, ни дать, ни взять, огонь; пьетъ-ли воду.—глотокъ за глоткомъ по горлу видать; не пить бы, не ѣсть, семь дней, семь ночей глядѣть бы на красоту, на ростъ этой дѣвушки.

И подумалъ Хопо Екдасти:—Лучше этого царь что мнѣ дастъ?

Схвативъ дѣвушку подъ мышку, бросилъ къ себѣ на задокъ, уснакалъ.

Смотрить Бурзэ: Хопо Екдасти увозитъ царскую дочь, погнался за нимъ, ударилъ разъ палицей: прилѣпилъ Хопо Екдасти съ царской дочерью такъ къ камню, что ходи онъ семь дней, не могъ бы отличить, что это вещь другая.

¹⁾ Условіе, договоръ.

²⁾ Т. е. свѣтниковъ царя (членовъ „свѣода“).

³⁾ Въ оригиналѣ: степнякъ, въ см. не имѣющій дома.

Взяли габалу и пошли. Принесли, дали ее царю Оѣмандага. Прочиталъ царь: ему де данникомъ сталъ царь Карадага.

Сказалъ:—Приведите дочь, дадимъ въ пѣшкэшъ (подарокъ) Бурзэ!

Бурзэ сказалъ:—Дѣвушку я прилѣпилъ къ камню.

Сѣли за пиръ—пить, ѣсть, веселиться.

2. Т х б у р э - Ш э р а н ъ.

Царь Полада-Дарбанда собралъ войско, пошелъ на Сасунъ, чтобы воевать съ царемъ Заломъ.

У царя Зала былъ сынъ, по имени Фахкэ-Фахрамазъ. Пошелъ и сталъ проситься у сына: врагъ де окружилъ городъ. Фахкэ-Фахрамазъ сѣлъ на коня, Залъ на другого, и поѣхали, чтобъ сразиться съ войскомъ.

Бурзэ вышелъ изъ города царя Оѣмандага и направлялся къ Сасуну. Лишь только онъ вышелъ оттуда, тотчасъ же услышалъ звукъ палицы; догадался, что то была палица Фахкэ-Фахрамаза.

— Братцы!—сказалъ онъ,—поторопитесь, на нашъ-то вѣдь городъ нагрянулъ врагъ!

И пошли. Пришли, видятъ: царь Залъ и Фахкэ-Фахрамазъ бьются съ огромнымъ войскомъ. Бурзэ, лишь поспѣлъ туда, ударилъ палицей въ войско: ни одинъ не спасся, всѣ полегли.

Царь Залъ увидѣлъ, что Бурзэ поспѣлъ на помощь, самъ собственной рукой поднесъ и бросилъ на плечи Бурзэ сдѣланное изъ мѣха бархэ барбарани ¹⁾ и сказалъ:

— Достойнъ ты царствовать, а я уже состарѣлся.

Фахкэ-Фахрамазъ. обидѣлся, усекалъ искать по міру: гдѣ-де только я найду какого парня-воришку, на мѣсячномъ жалованьи приведу воевать съ твоимъ городомъ.

Бурзэ на чужбинѣ.

Спустя семь дней, Бурзэ сѣлъ на коня, поѣхалъ охотиться. Видитъ: какая-то лань впереди него пробѣжала; пустилъ коня въ догонку. Семь дней и семь ночей онъ скакалъ, поймалъ лань, взялъ въ охапку. И видитъ онъ: это такая страна, что отъ самаго рож-

¹⁾ По объясненію сказителя „постѣ (сдѣланное изъ мѣха) бархэ барбарани“ считается у Курдовъ знакомъ власти и носится на правомъ плечѣ.

денія не видывалъ такой. Хотѣлъ итти впередъ, видить: по дорогѣ идетъ какой-то дѣвъ, одна губа доходитъ до неба, другая—до земли. Въ то время, какъ онъ замыкаетъ пасть (собств. ударяетъ ихъ другъ о дружку), изъ нея снопами валится огонь.

— Здравствуй, тварь земная ¹⁾!—сказалъ онъ:—откуда ты?—Изъ города Сасуна.—Знаешь Бурзэ?—Какъ не знать!—Чѣмъ ты испыталъ его?—Когда я упирался ногой о его ногу и бралъ его за оба уха, онъ меня подымалъ и отбрасывалъ.—Такъ иди ступи на мою ногу и схватись за оба мои уха, и посмотрю, могу ли я тебя отбросить.

Ступилъ на ногу, схватилъ за уши и зажалъ: нога сломалась, ушла въ землю, оба уха съ корнемъ выпили вонъ. И заоралъ дѣвъ, закричалъ:—Аманъ! пусти!—Какое тутъ „пусти“, когда я и есть Бурзэ!—Аманъ, Бурзэ, отпусти!

Выпустилъ. Лишь выпустилъ, дѣвъ сталъ писать что-то, и лошадь у Бурзэ пала. Бурзэ ударилъ палицей по головѣ дѣва, дѣвъ издохъ.

Взялъ сѣдло на плечи и побрелъ пѣшкомъ. Встрѣтился ему незнакомый городъ. Видить: какая-то старушка сидитъ на порогѣ и вяжетъ.

— Матушка,—сказалъ онъ,—буду я тебѣ сыномъ. Какое занятіе есть здѣсь, чтобы мнѣ тебя содержать?

Старуха отвѣтила:—сынъ мой, можешь ли быть хорошимъ борцомъ?—А есть-ли борцы?—Ступай къ дверямъ царя, сядь на „бинакдаш“, ²⁾ сейчасъ же поймутъ, что ты—борецъ, и приведутъ тебѣ борца.

Пошелъ, сѣлъ на тотъ бинакдашъ. Визирь царскіе видятъ: сидитъ кто-то на бинакдашѣ, и сказали:—Ступайте, ведите нашего борца, пусть поборются.

Пошли, привели борца и сказали:—а знаешь-ли, новый борецъ, у насъ условіе положено: если нашъ борецъ ударить тебя о землю, то безъ разговора шею тебѣ отсѣчетъ.

Сказалъ:—я не боюсь, ведите, схватимся!

¹⁾ Обычный эпитетъ всѣхъ людей, который имъ даютъ дѣвы во всѣхъ восточныхъ сказкахъ.

²⁾ Бинакдаш — посольскій стулъ у царскихъ воротъ; въ другихъ сказкахъ на этотъ стулъ садятся сваты, тѣмъ извѣщая царя о цѣли своего прихода.

Два борца схватились. Бурзэ ударилъ о землю царскаго борца, прижалъ колѣни на грудь: полопались пуговицы, разлетѣлись; видѣть: пара грудей бѣлыхъ повыскочили вонъ.

А былъ этотъ борецъ царская дочь; положила она про себя: какого мужчину ударю о землю, тому голову долой; (тому шею разрѣжу) а кто меня свалить на землю, за того выйду я замужъ.

Когда Бурзэ повалилъ ее на землю, царь прибѣжалъ, крича:— не убивай моего борца, пощади ради себя!

Сейчасъ же привели дх'олъ, зурну, ¹⁾ повели, посватали Бурзэ и дочь царскую. Бурзэ и поупрямился: я не пойду никуда, а пойду лишь къ старушкѣ матушкѣ.

Семь дней оставался въ домѣ старухи и сказалъ:—Царевна! есть-ли въ табунѣ твоего отца лошадь, которая бы меня носила?

Отвѣтила:—По пятницамъ изъ моря выходитъ огненный конь-самецъ, перебивая отцовскій табунъ гонить его во дворъ и самъ назадъ уходитъ.

Въ пятницу пошелъ и поймалъ лошадь, сѣлъ и пріѣхалъ къ двери старухина дома.

— Матушка! Царевна!—сказалъ онъ,—прощайте, уѣзжаю.

Царская дочь сказала:—А я?... Сказалъ:—Тебя я не возьму.

И поѣхалъ въ Сасунъ.

Прошло девять мѣсяцевъ, девять часовъ, девять минутъ, дочь царская родила мальчика, сына отъ самого Бурзэ.

Всѣ собрались, чтобъ окрестить мальчика. Царевна и сказала:— Никто другой, я сама окрещу.

И назвала сына *Тх'бурэ-Шэранъ*.

Бой отца съ сыномъ.

Когда стало Тх'бурэ-Шэрану два года, ходилъ онъ играть въ бабки; хваталъ рукой за уши мальчиковъ, зажималъ и забрасывалъ: туловище летѣло, а ухо оставалось.

Прошло нѣкоторое время, и Тх'бурэ-Шэранъ сталъ пятнадцатилѣтнимъ парнемъ. Видитъ однажды: близъ города стоитъ чадръ

¹⁾ Восточные инструменты, игрою на которыхъ сопровождается всякое веселіе и танцы. „Дх'олъ“ или „Давулъ“—родъ барабана, въ нижнюю поверхность котораго ударяють тоненькой палочкой, а въ верхнюю—более солидной. „Зурна“—конусообразная дудка, издающая пронзительные звуки.

(палатка) за чадромъ. Пошелъ и спросилъ:—Что это за палатка?

Отвѣтили:—Мы—конные Фахкэ-Фах'рамаза; молчи! услышитъ, такъ всѣ внутренности твои выбьетъ ¹⁾).

Сказалъ:—А которая палатка Фахкэ-Фах'рамаза?

Отвѣтили—вотъ эта большая палатка его.

Пошелъ, сталъ у дверей палатки и сказалъ:—Фахкэ-Фах'рамазъ, или какъ тебя тамъ, выходи!

Фахкэ-Фах'рамазъ вышелъ.

Тх'бурэ-Шэранъ сказалъ:—иди запиши меня въ конные.

Отвѣтилъ:—пройди подъ моимъ мечомъ, и запишу тебя въ конные.

Сказалъ:—погоди, пріѣду верхомъ, а то, пожалуй, не запишешь.

И пошелъ домой разсказалъ матери: пришелъ какой-то человекъ, говорить: пройди подъ моимъ мечомъ, чтобы я взялъ тебя въ конные.

Мать сказала:—Сынъ мой! Ступай принеси мнѣ мужское платье!

Мать переодѣлась, стало двое конныхъ; ускакали они, остановились передъ палаткой Фах'рамаза и сказали:—Запиши насъ въ конные, не то—палатку на тебя обрушимъ!

Видитъ Фахкэ-Фах'рамазъ, что съ ними не подѣлаешь ничего, подумалъ: погоди, я ихъ заманю къ Бурзэ, пусть онъ съ ними справится.

Сѣли на коней и поѣхали въ городъ Сасунъ. Фахкэ-Фах'рамазъ написалъ „ярлыкъ“ царю Залу:—либо выходи на бой, либо городъ твой разрушу.

Залъ позвалъ Рустама:—ступай, сказалъ, дѣлай, что можешь, вернись назадъ!

Рустамъ сѣлъ на коня, уѣхалъ. Фахкэ-Фах'рамазъ сказалъ:—Тх'бурэ Шэранъ, вотъ онъ ѣдетъ, выходи на бой!

Тх'бурэ Шэранъ сѣлъ на коня, выѣхалъ на встрѣчу и сказалъ:—стой, не дальше! И бросилъ палицу. Рустамъ упалъ лицомъ на землю, вскочилъ и убѣжалъ въ городъ.

Царь Залъ спросилъ:—ты зачѣмъ, братъ, вернулся?

Отвѣтилъ:—Царь!—жить тебѣ долго!—есть между нихъ моло-

¹⁾ Обычная угроза на Востокѣ.

дець, какъ бросить палицу, такъ сейчасъ подумаешь, что это палица Бурзэ.

Сказалъ:—Подите, зовите Бурзэ сюда!

Когда пришелъ Бурзэ, царь сказалъ:—Бурзэ!—Что, государь?—Когда ты побывалъ на чужбинѣ, мѣсяць-два провелъ, ужъ не посватался-ли ты?

Сказалъ:—Царь! семь дней я побылъ съ дочерью одного царя.—Такъ ступай же самъ отвѣчай, хотя бы тебѣ изъ кожи вылѣзть ¹⁾.

Выѣхалъ на встрѣчу. Тхбурэ Шэранъ сѣлъ на коня, взялъ палицу, бросилъ въ Бурзэ.—Бери!—сказалъ,—я бросилъ тебѣ палицу.

Сейчасъ же, какъ только онъ бросилъ, Бурзэ поймалъ палицу. И самъ онъ бросилъ. Тхбурэ Шэранъ упалъ между ногъ коня. Слѣзъ Бурзэ, чтобы отрубить голову сыну; мать узнала его, закричала:—да это нашъ сынъ, что ты дѣлаешь!

Отецъ и мать поразговорились, сынъ между тѣмъ пришелъ въ себя, спросилъ:—матушка, кто это?—Отецъ твой, лао ²⁾.

Царская дочь сказала:—кто тебѣ этотъ человѣкъ?

Сказалъ:—это сынъ дяди моего.

Сказала:—а зачѣмъ же съ вами воюетъ?

Отвѣтилъ:—потому что Залъ мнѣ передалъ царство, онъ и мститъ мнѣ.

Сказала:—а въ чемъ ваше царство?—Въ „постѣ брхэ бар-барани“ ³⁾.

Сняла она съ плечъ Бурзэ и бросила на плечи Фахкэ Фахрамаза. Стало едино стадо, единъ пастырь.

Перебили всѣхъ всадниковъ и пошли въ городъ Сасунъ. Тутъ только царь Залъ съ визириями, вакилями, дхоломъ, зурной, угощеніемъ повелъ и сосваталъ Бурзэ.

Они достигли своего счастья,
А вамъ достичь своего ³⁾.

¹⁾ Въ подлинникѣ дословно: хотя бы вышла твоя жизнь (душа) изъ тебя.

²⁾ Лао по-курдски означаетъ „сынъ“.

³⁾ Обычныя заключительныя слова армянскихъ сказокъ.

V.

Р у с т а м ъ.

(Курдскій варіантъ) ¹⁾.

Залъ былъ сынъ Дала, Рустамъ—сынъ Зала, Фарамурзъ—сынъ Рустама.

Однажды Залъ позвалъ Рустама. Рустамъ пришелъ; онъ былъ еще малъ. Залъ пожалѣлъ мальчика, сказалъ (про себя): „этотъ мальчикъ еще малъ“, и отослалъ его назадъ. Прошло нѣкоторое время, Залъ опять (его) позвалъ. Рустамъ спросилъ:—зачѣмъ ты меня зовешь?—Жалѣю тебя сказать (причину); вотъ *Кяфръ* ²⁾ *Салмианъ Сндиръ* пришелъ и вызываетъ тебя на бой.—Я пойду на бой съ нимъ: сготовь мнѣ желѣзную булаву въ 40 литровъ ³⁾.

Тотъ пошелъ, сготовилъ, принесъ. Рустамъ сказалъ: легка она.—Если легка, то у твоего дѣда есть булава, возьми (ее) и принеси!

Пошелъ принесъ. — Хороша, — сказалъ онъ, — только все же легка.

Ударилъ въ крѣпость своего отца, крѣпость разрушилъ. Залъ спросилъ: что это за шумъ я слышу? Слава Богу! Мой сынъ замѣстилъ дѣда своего, да гораздъ еще болѣе сталъ.

Рустамъ сказалъ отцу:—что теперь отъ меня желаешь?—Мое желаніе (таково): да будетъ съ тобой Богъ! иди! Салмианъ Сндиръ пришелъ и вызываетъ тебя на бой.

Рустамъ отправился въ майданъ ⁴⁾, поздоровался и сказалъ:

— Зачѣмъ ты меня зовешь?—Ты кто такой?—Я Рустамъ.—Сынъ Зала?—Да. Зачѣмъ меня зовешь?—Есть дѣвушка (по имени) Пардаэши ⁵⁾; уже семь лѣтъ сердце мое ея желаетъ, (но) она не выходитъ за меня. Идемъ я и ты на бой съ ней, насильно ее приведемъ!—Идемъ!

Рустама послалъ впередъ: по одиночкѣ должны биться. Пардаэши пришла. Она и Рустамъ ударили (булавами) другъ друга,

¹⁾ Варіантъ этотъ записанъ со словъ Пира (духовнаго главы) Како въ езидскомъ селеніи Карвансараѣ, Сурмалинскаго уѣзда Эрив. губ. 24 апр. 1899 г.

²⁾ Кяфръ, по объясненію Пира Како, значить „дѣвъ“.

³⁾ Литръ равенъ 12 фунтамъ.

⁴⁾ Мѣсто богатырскихъ схватокъ.

⁵⁾ Произношеніе этого имени: Пнардэши.

бились до вечера, не побѣдилъ никто: Рустамъ можетъ ее осилить, но не хочетъ, и дѣвушка тоже жалѣетъ ударить его. Подождали слѣдующаго дня. И на слѣдующій день бились до вечера, не побѣдили другъ друга. На третій день Рустамъ ударилъ булавой въ крѣпость дѣвушки, разрушилъ ее, (потомъ) схватилъ ее за плечо и перебросилъ на передокъ (сѣдла).

— Дѣвушка спросила:—Ты кто такой?

Сказалъ (тотъ):—я Рустамъ, сынъ Зала. Сказала (она):—я знала что ты Рустамъ, потому пожалѣла нанести тебѣ ударъ. Ты мнѣ нравишься, нравлюсь ли и я тебѣ, чтобы тебѣ на мнѣ жениться?

Понравились другъ другу, пришли къ Салміану. Рустамъ привелъ ее, передалъ Салміану (и) сказалъ: на, возьми твою желанную!

Дѣвушка сказала:—я пришла ради Рустама, твоего же лица я не видала. Ступай прочь, а не то—ударю булавой, положу на мѣстѣ.

Рустамъ привелъ ее къ себѣ домой. Отецъ спросилъ:—Салміанъ Сидиръ зачѣмъ звалъ тебя?—Ради этой дѣвушки звалъ меня.—Зачѣмъ же ты не отдалъ ему дѣвушку?—Дѣвушкѣ онъ не понравился, понравился я.—Ты мнѣ не сынъ! Иди прочь съ глазъ моихъ!

Салміанъ ушелъ, привелъ съ собой огромное войско и окружилъ крѣпость Зала со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ Салміаномъ пришелъ и братъ дѣвушки *Касимъ*; имѣлъ онъ одну руку; всѣхъ силнѣе былъ Касимъ. Семь лѣтъ это войско крѣпость кругомъ облегалъ. Залъ сражался, но не могъ съ нимъ сладить. Залъ отправилъ *Бажана*—онъ былъ сынъ сестры Рустама—за Рустамомъ. Тотъ пришелъ въ крѣпость Рустама. Рустамъ сказалъ:—зачѣмъ ты пришелъ!—Ты не вѣдаешь развѣ: Салміанъ привелъ столько войска, что намъ не въ мочь стало. Вотъ уже семь лѣтъ, перебили у насъ весь народъ.—Я не пойду.

Пардаэши сказала:—мой братъ (то же) пришелъ, онъ очень могучъ, съ нимъ нельзя биться. Иди на бой!

И Рустамъ, и жена, и Фарамурзъ, сынъ ихъ, пришли въ городъ Зала. Фарамурзъ, увидѣвъ войско, сказалъ отцу:—Бабо (отецъ)! Что это за войско?—Лао (сынъ)! Это войско Салміана;

онъ ради матери твоей пришелъ воевать съ твоимъ дѣдомъ.— Бабо, тебѣ нечего дѣлать, на бой этотъ пойду я.—Лао! ты еще дитя, жаль тебя, ты не можешь биться.—Валла (ей-ей) я долженъ идти!

Мать сказала:—онъ мой сынъ, пусть себѣ идетъ и будетъ убить!

Пошелъ Фарамурзъ, сталъ на майданѣ и сказалъ:—кто силенъ, тотъ пусть идетъ на бой!

Дядя Касимъ вышелъ на майданъ; три дня и три ночи бились они, ни тотъ ни другой не побѣдилъ.

Салмианъ сказалъ:—Касимъ, что это значить? Вотъ уже три дня ты выходишь на бой и не можешь поймать и привести его сюда.

Тотъ отвѣчалъ:—какъ мнѣ его привести, когда онъ храбрѣе и ловчѣе меня?

У Касима былъ сынъ (по имени) *Али Бѣджанъ*. Онъ сказалъ:—утромъ пойду я.

Али утромъ отправился, схватилъ Фарамурза, перебросилъ его на передокъ (сѣдла) и увезъ. Когда онъ привезъ его, кровь въ дядѣ заговорила, пожалѣлъ убить его и сказалъ сыну:—этотъ мальчикъ очень силенъ, береги его для насъ!

Рустамъ, увидя, что увезли его сына, схватилъ свою булаву: Залъ съ одной стороны, Рустамъ—съ другой напали на войско Салмиана, обратили его въ бѣство, а Фарамурза и Али Бѣджана привели живьемъ. Семь дней и семь ночей играли свадьбу Рустама, повеселились и отпустили Али Бѣджана съ подарками.

Б. Халатянцъ.

Эчмиадзинъ, 1899.

Объясненіе знаковъ:

ä—открытое широкое *a*

ö—французское *eu*

ı—смягченное *i*

ḫ—*h*

ḱ, ṇ, ṭ—придыхательн. *к, н, т* (*kh, ph, th*).

С М Ъ С Ь.

Этнологическія замѣтки.

I.

Бѣжецкій условный языкъ.

Въ «Русскомъ Зрителѣ, журналѣ исторіи, археологій, словесности и сравнительныхъ костюмовъ» за 1828 годъ (часть IV, № XIII и XIV, стр. 183), напечатана небольшая статейка: «Изъ письма къ С. В. Т. Нѣчто о городѣ Бѣжецкѣ», подписанная «Б.....въ». Краткій историческій и этнографическій очеркъ заканчивается свѣдѣніями объ условномъ языкѣ бѣжецкихъ торгашей.

«У Бѣжецкихъ торгашей есть какое-то странное нарѣчіе, которое они употребляютъ при торговлѣ: напр., *обзань его*, т. е. обвѣсь его; а молодцы, увидя дѣвушекъ, смотрящихъ на нихъ или идущихъ, говорятъ: *збранюга—зехай—карыши хряютъ*—братъ, смотри, дѣвки идутъ; также иногда спрашиваютъ другъ друга, у тебя *ель ракиша*—есть у тебя деньги? Рубль называютъ *тефръ*, полтину *ломиха*, четверть рубля—*уголь*, гривенникъ—*марошникъ*, гривну—*марка*, штофъ—*штибель*, полштофъ—*полштибель*, вино—*тарнуха* и проч.

Вообще же говорятъ не совсѣмъ правильно: напр., пойдѣмъ за гриба^{мъ}; пиро^{гъ} съ гриба^{мъ}; нами нужно; что вы не ходите къ нами, и пр.»

II.

Причитанія матери «уноши князя Ростислава».

Въ моей брошюрѣ «Нѣсколько дагадокъ и соображеній по поводу Слова о полку Игоревѣ» (М., 1900, изъ сборника въ честь В. О. Миллера) сказано: «древній лѣтописецъ съ отвращеніемъ упоминалъ о Ростиславѣ, который утопилъ конюха и за это былъ наказанъ безвременной смертію».

«Древній лѣтописецъ» здѣсь—случайный *lapsus calami*: конечно, рѣчь шла о Печерскомъ патерикѣ. Ошибка навела насъ на любопытное сопоставленіе. Подъ 1093 годомъ Платьевская лѣтопись рассказываетъ: «и налегоса на Володимера, і бысть брань люта; и побѣже Володимеръ с Ростиславомъ и вои его. И прибѣгоша к рѣцѣ Стугиѣ, и въ бродѣ Во-

лодимеръ с Ростиславомъ, и нача утопати Ростиславъ передъ очима Володимеровыма; и хотѣ подхватити брата своего, и мало не вгону самъ; и тако утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимеръ же пребрѣдъ рѣку с маломъ дружины, мнози же падоша отъ полка его, и боярѣ его тутъ падоша; і пришедъ на ону сторону Диѣира, плакася по братѣ своемъ и по дружини своей; иде Чернѣгову печаленъ велми. Святополкъ же убѣже въ Треполь и затворися ту, і бѣ до вечера, и в ту ночь приде Кыеву... Ростислава же искавши обрѣтоша и в рѣцѣ; и взявше и принесоша и Кыеву, *і плакася по немъ мати его*, і всі людѣ плакаша по немъ повелику, увести его ради; и собрашася епископы і поповѣ і чернорисцѣ, и пѣсни обычныя пѣвше, и положиша и въ церкви святоѣ Софѣ, у отца своего.

Почти то же, съ незначительными различіями, говоритъ и Лаврентьевская лѣтопись.

Иное освѣщеніе всему этому событію придаетъ Патерикъ (Яковлевъ, Памятники рус. лит. XII и XIII в., СПб., 1872, стр. CXXIX—CXL).

«Нѣкакова вещь монастырская приключися князю Ростиславу. От паденія животнаго осквернену быти (съсуду), и сего ради сій преподобный Григорій сниде къ Диѣиру по воду; въ той же часъ приспѣ князь Ростиславъ Всеволодовичъ, хотя ити в Печерскій монастырь молитвы ради и благословенія, бѣ бо иды противу (ратнымъ) Половцемъ с братомъ своимъ Владиміромъ. Видѣвше же отроки его старца сего начаша ругатися ему, метающе словеса срамная. Разумѣв же мнихъ всѣхъ при смерти суща и нача глаголати имъ: о чада, егда бѣ (треби) умиленіе имѣти и мнози молитвы искати отъ всѣхъ, тогда же вы паче зло творите, яже Богови не угодна суть, но плачется своя погибели, и кантеся своихъ съгрѣшеній, да поне отраду примите въ страшный день, уже бо вы *постиже судъ*, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ. Князь же, страха Божіа не имѣя, ни на сердцѣ себѣ положи сего преподобнаго словесъ, мнѣ въ его пустошъ глаголюща, яже пророчествоваше о немъ, рече: мнѣ повѣдавши смерть отъ воды, умѣюще бродити посреде ея; и тогда разгнѣвався князь повелѣ связати ему руци и нози и камень на выи его (обѣсить) и въврещи въ воду и тако потопленъ бысть. Искавше его братіа два дни и не обрѣтоша, въ 4-й же день придоша в келіа его, хотяще взяти оставшая его, и се мертвый обрѣтеся в кѣліи связанъ и камень на (выи его); ризы же его и еще бяху мокры, лице же бѣше свѣтло, самъ же акы живъ, и не обретеся, кто принесый его, но и келіи (заключене сущи). (Но слава о семъ Господу Богу, творящему дивныя чюдеса своихъ ради угодинокъ). Братіа же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честно, иже и за многа лѣта пребысть цѣло и нетлѣнно. Ростиславъ же нещеза вины о грѣсѣхъ и не иде въ монастырь отъ ярости, не въсхотѣ благословенія и удалися отъ него, възлюбивъ клятву и приде ему. Владиміръ же приде въ монастырь молитвы ради, и бывшимъ имъ у Треполя, и полкомъ снемшимся, побѣгоша бѣзъи наши отъ лица противныхъ. Владиміръ преѣха рѣку, молитвъ ради святыхъ и благословенія, Ростиславъ же утопе съ всѣми вои своими, по словеси

блаженнаго Григоріа: имже судомъ судите, судится вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, възмѣрится вамъ».

Такова оцѣнка событія съ монастырской точки зрѣнія, дошедшая въ позднѣйшей записи и, конечно, значительно идеализованная.

Эта версія не упоминаетъ ни о матери Ростислава, ни объ ея плачѣ, которые выдвигаются на первый планъ лѣтописью и «Словомъ о полку Игоревѣ». Последнее совпаденіе, по нашему мнѣнію, очень знаменательно. Независимо другъ отъ друга два разновременныхъ источника даютъ идеализованный образъ Ростислава и упоминаютъ о плачѣ его матери—конечно, потому, что этотъ плачъ оставилъ глубокий слѣдъ въ народной памяти. По всей вѣроятности, это было причитаніе, связанное съ опредѣленнымъ именемъ и сдѣлавшееся извѣстнымъ—благодаря самому трагизму факта или художественнымъ достоинствамъ самой причеты. Мы имѣемъ аналогичный примѣръ въ пѣснѣ Ксеніи Борисовны Годуновой.

Лѣтопись занесла на свои страницы сотни упоминаній о смерти крупныхъ общественныхъ дѣятелей. Она скупа на мелкія бытовыя подробности и если упоминаетъ все-таки о томъ, что надъ мертвецомъ «карили», плакали, то дѣлаетъ это рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ,—когда вызванный смертью плачъ самъ по себѣ сдѣлался крупнымъ фактомъ общественной жизни.

Вл. Каллашъ.

Русскій Семикъ.

Съ четверга седьмой недѣли послѣ Пасхи, суевѣрный народъ выполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ въ старину справлялъ такъ наз. «Семикъ». Отъ сложившихся въ суевѣрномъ народѣ понятій, что съ четверга означенной недѣли выходятъ изъ воды русалки, живутъ на сушѣ, бѣгаютъ по ржамъ и щекощутъ попавшихся имъ дѣвушекъ, семикъ называется «русальной» недѣлей.

Отправление Семика, несомнѣнно, имѣетъ основаніе языческое воззрѣніе людей на природу и представляетъ теперь брѣнные остатки языческаго культа, какъ это отчасти доказывается аналогическими обычаями древняго до-христіанскаго міра и свидѣтельствами историковъ, описывавшихъ бытъ народа. Къ обрядамъ русальной семицкой недѣли относятся слѣдующіе обычай:

Задушныя поминки. Это—поминовеніе усопшихъ на могилахъ. Этотъ обычай введенъ при распространеніи христіанства въ Россіи, именно для противодѣйствія языческимъ обрядамъ; св. церковь хотѣла противоположить языческому Семику христіанское погребеніе странниковъ, чувственному веселію—мысль о смерти. Но народъ нашъ, относясь съ искреннимъ усердіемъ къ новому обычаю, тутъ же по привычкѣ впадалъ въ старое, чувственное. Въ старину родственники усопшихъ разбивали красныя яйца, призывая при этомъ обрядъ русалокъ, которымъ оставляли въ жертву

часть блиновъ, приносимыхъ для поминовенія, или же приносили на кладбище вино, которое, по окончаніи поминовенія, выливали на могилы, съ пѣніемъ обрядовыхъ пѣсенъ. Наблюдавшій этотъ обычай діаконъ Левъ Калойскій находитъ его происхожденіе у языческихъ народовъ, и, характеризуя состояніе Руси, говоритъ: «русскіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ грековъ, совершали жертвы и возліянія въ честь усопшихъ». Въмѣстѣ съ этимъ, въ старину, дѣлали поминовеніе убогихъ на убогихъ домахъ, или божедомгахъ, скудельникахъ, жалъникахъ. Въ такіе дома свозились покойники, люди или несчастно умершіе, удавленники, утопленники, или найденные въ окрестностяхъ. Для нихъ зажиточные рыли могилы, давали саваны и хоронили на свой счетъ и даже, по примѣру язычниковъ, нанимали «жалъниковъ», плакальщицъ. Противъ такихъ языческихъ обрядовъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, Стоглавый соборъ говорилъ: «въ Троицкую субботу... по селамъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жалъникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и егда учнутъ скоморохи и гудцы и прегудницы играючи, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ ладоши бити и пѣсни сатанинскія пѣти». Въ виду такого развращенія нравовъ, Стоглавымъ соборомъ было предписано священникамъ, чтобы они, по всѣмъ городамъ и селамъ, своими поученіями и наставленіями, отклоняли своихъ духовныхъ дѣтей отъ языческихъ обрядовъ. Но такъ какъ тогда свѣтъ культуры едва замѣтно пробивался въ Русь и былъ ею враждебно изгоняемъ, а сами священники того времени (по свидѣтельству Стоглава) были неученые, «грамотѣ мало умѣли», учились у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше и учиться было негдѣ, и потому не были способны разсѣять мракъ суевѣрія, то прежнія понятія, суевѣрные обычаи и грубость прорвались и въ слѣдующія поколѣнія, и, точно могучей волной, охватили народъ устарѣлымъ мракомъ языческихъ обрядностей. Остатки прежняго «жалинья» и вытѣя до сихъ поръ еще можно видѣть въ причитаньяхъ, отправляемыхъ на могилахъ деревенскими женщинами съ воплемъ на распѣвъ. Такого рода причитанія собраны въ сборникѣ г. Барсова, гдѣ есть причитанія вдовы по умершемъ мужѣ, дочери по отцѣ, по родномъ братѣ, по убитомъ громомъ — молніею, плачь о старостѣ, писарѣ, объ отцѣ духовномъ.

Завиваніе вѣнковъ. Обрядъ завиванія вѣнковъ съ древнихъ временъ извѣстенъ во всей Россіи. Назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ обрядъ этотъ совершался не только по деревнямъ, но и по городамъ и даже въ столицахъ, какъ напр. въ Москвѣ. Въ концѣ 18 вѣка, въ Семикѣ, вся Москва представляла зрѣлище разгульнаго народнаго праздника. Почти въ каждомъ дворѣ, въ видѣ кущи, обставлялся березками столъ съ яичницей и драченой, вездѣ раздавались семицкія пѣсни, по улицамъ толпы народа, въ вѣнкахъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и березовыхъ вѣтвей, носили березку, украшенную лентами и разноцвѣтными лоскутьями (Снегир. III, 101—102); Поселяне въ Семикѣ идутъ въ ближайшій лѣсъ, поютъ обрядовыя пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодое березовое дерево, одѣваютъ его въ пестрое женское платье и съ торжествомъ приносятъ его въ село. Дерево

это, называющееся въ нашемъ народѣ гостейкою, до Троицына дня оставляютъ въ домѣ, избранномъ съ общаго согласія. Въ пятницу и субботу предъ Троицей навѣщаютъ гостейку, и при этомъ повторяютъ семидвѣя обрядовыя пѣсни, а на самый Троицынъ день выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ вѣнокъ или нѣтъ? При этомъ наблюдаютъ: на одномъ ли онъ мѣстѣ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди и чѣй остается позади? И по этимъ признакамъ дѣлаютъ то или другое заключеніе. Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Бывали примѣры, говоритъ г. Сахаровъ, что матери не отдавали своихъ дочерей за тѣхъ жениховъ, у которыхъ семицкіе вѣнки тонутъ въ водѣ, думая, что такіе суженые скоро умираютъ или спиваются съ круга. Ленты, которыми перевязывались вѣнки, бабушками сохранялись всю жизнь, а при бракѣ этими лентами у новобрачныхъ связывали вѣнчальныя свѣчи. Молодежь, отправляясь въ лѣсъ, или рощу, пѣла: «Благослови Троица, Богородица! Намъ въ лѣсъ пойти, намъ вѣнки завивать. Ай, Дидо, ой Ладо! Мы цвѣтовъ нарвемъ и вѣнковъ навьемъ. Ай, Дидо, ой Ладо!»..

Проводы русалокъ. Отъ языческихъ народовъ, благоговѣвшихъ къ водѣ и создавшихъ вѣрованіе, что рѣки (русла ихъ) населены различными существами, и что водою завѣдуетъ особое божество, *рычныя нимфы*, — у русскихъ, бывшихъ прежде язычниками, удержалось понятіе о рѣчныхъ существахъ подъ именемъ «русалокъ», русоволосыхъ дѣвицъ, господствующихъ въ рѣкахъ. Вѣдѣствіе вѣры въ существованіе русалокъ, въ прежнія времена русскіе приносили жертвы рѣкамъ, болотамъ и колодцамъ, гдѣ предполагалось ихъ пребываніе; теперь же по народному повѣрью, въ теченіе дней, начиная отъ Семика до Петрова дня, т. е. въ лучшую часть года, когда все цвѣтетъ, русалки, будтобы странствуютъ на берегахъ рѣкъ въ близъ-лежащихъ лѣсахъ и рощахъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, или разматываютъ пряжу, похищенную у тѣхъ поселянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. По народному повѣрью эти русалки обладаютъ вѣчной красотой, и входятъ въ любовь съ нѣкоторыми мужчинами, поэтому суевѣрные опасаются Троицкой субботы, когда русалки, бѣгая по ржамъ, хлопаютъ въ ладоши и распѣваютъ: «бухъ! бухъ! соломьяный духъ! мене маты породыла, не хрещену положила», — въ эту субботу, по понятію суевѣровъ, будто бы русалки, защекотавъ мужчинъ, уносятъ ихъ въ свои жалаща, гдѣ они оживаютъ и дѣлаются ихъ мужьями; окруженные невообразимою роскошью, они начинаютъ тамъ новую жизнь, непонятную для живущихъ на землѣ, но бывають ограничены только желаніемъ хоть на мгновеніе оставить водяное царство. Въ виду такой опасности, трусливые мужчины наканунѣ Троицкой субботы запасаются разными травами для предохраненія себя отъ обаянія русалокъ, чтобы не сдѣлаться жителями водяного царства. Нѣкоторые думаютъ, что русалки это души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Другіе увѣряютъ, что каждая утопленица можетъ обратиться въ русалку, если покойница похожа была на нее при жизни. Но большинство крестьянъ считаетъ ихъ нечистыми духами или просто дьявольскимъ навожденіемъ. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ въ Троицкую субботу дѣлають проводы русалокъ. Съ вечера поселане собираются на поляхъ и поють пѣсни, съ наступленіемъ же ночи они бѣгаютъ по полямъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: «догоняй! догоняй!» Только послѣ этого считаютъ безопасно купаться въ рѣкѣ, а до прогнанія русалокъ купаніе въ рѣкахъ признается опаснымъ, ибо тогда купаются сами русалки и всякаго небосторожнаго защекочивають до смерти.

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка семицкаго праздника достаточно объясняется его настоящій смыслъ. Существенныя принадлежности этого праздника составляютъ: рощи, лѣса, вѣтки, березки и др., которыя указываютъ на языческій характеръ этого народнаго праздника. Лѣса, рощи или дубравы искони служили у насъ священными мѣстами, подъ покровомъ ихъ совершались завѣтные таинственные обряды языческаго богослуженія. Между деревьями завѣтныхъ рощъ нѣкоторыя пользовались въ народѣ особеннымъ уваженіемъ, почитались за священныя; къ числу этихъ деревьевъ относятся: бѣлая береза и липа, которыя постоянно упоминаются въ семицкихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и играютъ главную роль въ самыхъ обрядахъ празднества. Употребленіе на этомъ праздникѣ вѣнковъ изъ березовыхъ вѣтвей также указываетъ на религіозное чествованіе березы и на языческій богослужебный обрядъ, совершавшійся въ этотъ праздникъ. Такимъ образомъ современное намъ семицкое празднество съ его обрядами представляетъ остатокъ грубыхъ древне-языческихъ вѣрованій и богослуженія нашихъ предковъ-язычниковъ; въ немъ до послѣдняго времени почти безъ всякой перемѣны сохранились тѣ формы, въ какихъ празднество это совершалось у насъ въ языческую старину.

А. И.

Сказка о Касьянѣ ¹⁾.

Бѣдетъ Николай чудотворецъ по полю на конѣ; сѣдло у него серебромъ оковано, а стремяна золотыя, и видитъ, —пашегъ мужикъ землю на си-
вой кобылѣ. —Богъ помощь! —говорить. —Спасибо, отче Никола! куда путь держишь? —А ѣду къ Господу Богу, —молитвы челоуѣковъ везу. —
Отче Никола! —взмолился мужикъ, —когда пріѣдешь ты къ Богу, попроси ты за меня у Бога: есть, молъ, такой мужикъ Касьянъ несчастный: что ни работаетъ, а все ему въ прокъ не идегъ; сдѣлай милость, пожалѣй ребятъ малыхъ, вѣдь ихъ у меня семеро! —Ладно, —говорить Никола, —
доложу о тебѣ Богу. Прощай, Касьянъ! —Нѣтъ, отче Никола, ты, какъ пріѣдешь къ Богу, такъ за другими дѣлами и позабудешь обо мнѣ горемычномъ. А ты лучше вотъ что: оставь мнѣ для спокою хоть одно стремя; назадъ поѣдешь, я тебѣ и отдамъ его. —А какъ же я-то объ

¹⁾ Записана К. В. Бѣляевымъ со словъ крестьянина Валдайскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

одномъ стремени поѣду?—Ничего, я вотъ тебѣ сдѣлаю стремя изъ прутьевъ да лычкомъ перевяжу.—Ну, ладно, говоритъ Никола,—будь по твоему.—Приладилъ Касьянъ прутьиное стремя, Никола отдалъ ему золотое и поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Богу, доложилъ обо всемъ, что и какъ на землѣ, не забылъ и о Касьянѣ и пустился въ обратный путь. Ъѣсть опять тѣмъ же полемъ, гдѣ повстрѣчалъ Касьяна, а тотъ все пашетъ. Ну что, отче, доложилъ обо мнѣ Богу?—спрашиваетъ Касьянъ.—Какъ же, доложилъ,—отвѣчаетъ Никола.—Чтожъ онъ сказалъ?—А сказалъ Богъ: кого обманешь, твое и будетъ. Ну, а теперь давай-ка мнѣ стремя, да поѣду я дальше.—Какое стремя?—Какъ какое? Да золотое, что я тебѣ оставилъ.—Что ты, отче Никола, Христосъ съ тобой! Да ты мнѣ никакого стремени и не оставлялъ.—Какъ не оставлялъ? да ты же самъ выпросилъ его у меня въ залогъ, чтобы я не забылъ замолвить о тебѣ у Бога.—Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,—заперся Касьянъ. Дѣлать нечего, поѣхалъ Чудотворецъ дальше объ одномъ стремени, а Касьянъ, какъ только Никола заѣхалъ въ лѣсъ, поскорѣ поставилъ кобылу на дворъ, захватилъ золотое стремя и побѣжалъ въ городъ. Бѣжитъ Касьянъ городомъ и видитъ: идетъ баринъ, на глазъ богатый, изъ себя такой осанистый. Касьянъ къ нему и говоритъ:—Баринъ, а баринъ, купите сѣдельце!—а самъ показываетъ одно стремя.—Какое сѣдло? да вѣдь у тебя одно только стремя!—Помилуйте, баринъ, стремя у меня на показъ, а сѣдло я дома оставилъ, чтобы не таскать, а то оно больно грузное; вѣдь все серебромъ оковано, а стремени золотыя; а какъ только вы купите, я приложу и это стремя и мигомъ вамъ предоставлю это сѣдло.—Соблазнился баринъ, тутъ же отсчиталъ Касьяну триста рублей, а тотъ обѣщалъ ему къ вечеру доставить сѣдло, да и былъ таковъ. Пришелъ онъ въ деревню и началъ обманомъ промыслять, да добра наживать.

Попала разъ Касьянова корова къ барину въ потраву, загнали ее и держитъ баринъ ее на дворѣ вѣсть со своими коровами, а у Касьяна ребята съ голоду плачутъ. Пошелъ Касьянъ къ барину и говоритъ ему:—Ваша милость, отпустите мою корову, пожалѣйте дѣтей малыхъ, не дайте имъ голодной смертью помереть! Ну виновать ли я, баринъ, что ваши коровы позвали мою Буренку къ себѣ въ гости, а она и попала къ вамъ въ потраву.—Дуракъ,—говоритъ баринъ,—гдѣ это видано или слыхано, чтобы скотина разговаривала и скотину же къ себѣ въ гости звала?—Гдѣ же, баринъ,—говоритъ Касьянъ,—вашей барской милости знать, чтобы скотина разговаривала и къ себѣ въ гости звала; вѣдь вы на глупую корову и смотрѣть-то путемъ не станете, а ужъ мы, мужики сиволаные, про то вѣрно знаемъ.—Если ты не врешь, то пусть твоя корова моихъ зоветъ къ себѣ въ гости, и если ей удастся позвать моихъ коровъ къ тебѣ на дворъ, то онѣ твоими и будутъ.—Сказано-сдѣлано. Касьянъ говоритъ своей коровѣ: Ну теперь ты, Буренка, зови барскихъ коровушекъ къ себѣ въ гости!—Какъ только открыли дворъ, Касьянова корова, вырвавшись съ чужого двора, какъ припустила домой, а барскія коровы всѣ за ней, да прямо на Касьяновъ дворъ. Известно, сиюха-

лись, пока стояли вмѣстѣ. Жаль барину коровъ, а дѣлать нечего, пришлось отдать Касьяну, такое ужъ слово далъ.

Поѣхалъ Касьянъ въ дальній городъ за какой-то нуждой, проѣзжаетъ мимо барскаго села и видитъ,—ходитъ передъ домомъ на бѣломъ дворѣ знатная свинья съ девятнадцатью поросятами, а барыня сидитъ подъ окошкомъ и любитъ на поросятъ. Касьянъ сейчасъ поставилъ лошадь на задворки, спросилъ, кто господа; ему сказали, что барыня простенькая, а барина дома нѣтъ. Пошелъ Касьянъ на бѣлый дворъ, стоитъ и все кланяется. Барыня смотритъ на него и дивится, чего мужикъ стоитъ да все кланяется. Ихняя сестра, извѣстно, любопытна. Велѣла позвать мужика и спрашиваетъ его:—Чего ты, мужичекъ, стоишь да кланяешься?—Какъ же мнѣ, матушка барыня, твсей милости не кланяться! Какъ твоя то свинья пестрая моей свинѣ мать брестная, а моя то свинья сегодня именинница, такъ отпусти ты свою къ моей погостить и съ поросятами.—Барыня спроста взяла да и отпустила. Касьянъ поклялъ свиней въ телѣгу и поѣхалъ. Немного спустя пріѣхалъ баринъ, а дворня ему и рассказала, что какой-то мужикъ выпросилъ у барыни свинью и съ поросятами погостить къ себѣ. Баринъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ заложить въ тарантасъ тройку самелучшихъ жеребцовъ и пустился въ поговю за мужикомъ. Касьянъ ѣдетъ и слышитъ колокольчики и бубенцы, свернулъ лошадь въ лѣсъ, а самъ напакостилъ, прикрылъ пакость шапкой и сидитъ у дороги, придерживая шапку рукой. Вдругъ подѣзжаетъ баринъ и спрашиваетъ:—Не везъ ли мужикъ свиней по дорогѣ?—Везъ.—Куда же онъ поѣхалъ.—Да по дорогѣ. По какой дорогѣ? Куда мнѣ за нимъ ѣхать?—Да вотъ по этой; только ты, баринъ, его не догонишь, собьешься,—потому поворотокъ много; а я бы догналъ его, потому у меня примѣта такая есть, да только мнѣ нельзя.—А что ты тутъ дѣлаешь?—Да вотъ товарищи дичь ловятъ, а я ее караулю.—Такъ поѣзжай ты, а я за тебя покараулю.—Ладно,—говоритъ Касьянъ,—только ты шапку отъ земли не подымай, а то птишка-то улетитъ.—Не упущу, поѣзжай скорѣе!—Касьянъ сѣлъ въ тарантасъ и погналъ лошадей, а баринъ сидитъ и караулитъ. Проходитъ часъ, другой. Касьяна все нѣтъ; баринъ беспокоится, а самого любопытство разбираетъ, какая птица подъ шапкой сидитъ; что-то она и не шевелится.—А ну-ка я пріотворю да сразу и схвачу. Неужто улетитъ?—Приподнялъ шапку, да какъ разомъ хватить кучу-то пакости! Тутъ баринъ понялъ, какъ мужикъ надулъ его; разсердился, а дѣлать нечего, побрелъ пѣшкомъ восвояси. Касьянъ захватилъ телѣгу со свиньями, отвезъ въ городъ да все тамъ и продалъ.

И долго такъ промышлялъ Касьянъ, всего-то и не припомнишь, что онъ сотворилъ. А Николай Чудотворецъ по землѣ разъѣзжаетъ и добро и зло за людьми примѣчаетъ и обо всемъ Господу Богу доносить, что и какъ на землѣ. Наѣхалъ онъ опять на село, гдѣ Касьянъ живетъ, а тамъ только и разговору, что Касьянъ неправдой живетъ. Пріѣхалъ Никола къ Богу, обо всемъ доложилъ и говоритъ:—Изъѣздилъ я всю землю, а такого грѣшника, какъ Касьянъ, не видалъ. Я за него у тебя просилъ, а онъ и меня, Чудотворца, за добро обманулъ: золотое стремя

утаилъ. Выслушалъ Господь, разгнѣвался на Касьяна и положилъ судъ свой праведный: Праздновать Николѣ за его добродѣтель два дня въ году, а Касьяну праздновать за грѣхи его разъ черезъ три въ четвертый годъ.

Помѣщая эту сказку въ видѣ дополненія къ моей замѣткѣ „Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ“ («Эт. Обзор.» кн. XXXII), укажу еще на одинъ печатный вариантъ легенды о Касьянѣ, не упомянутый въ моей замѣткѣ, это—легенда, помѣщенная въ статьѣ А. Н. Трунова «Понятія крестьянъ Орловской губерніи о природѣ физической и духовной». (Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію этногр., т. II, стр. 33—34).

Н. Мендельсонъ.

НѢКОТОРЫЯ ДАННЫЯ ПО ВѢРОВАНІЯМЪ АРМЯНЪ ЕЛИЗАВЕТПОЛЬСКОЙ ГУБ. ¹⁾.

I. Небо, свѣтила, явленія природы.

Небо есть въ видѣ свода замерзшая вода; его основаніе держится на поверхности воды. Оно стоитъ очень далеко отъ земли, но зимою немного приближается къ ней. За видимымъ небомъ есть еще другія небеса; всѣхъ небесъ семь.

Между небесными тѣлами *солнце* и *луна*—дѣти Пресвятой Дѣвы Маріи, Матери Божьей, солнце—дочь ея, а луна—сынъ.

Двигаться около земли ночью, въ болѣе опасное время, предназначено лунѣ, какъ мужчине, а днемъ, въ болѣе безопасное время, солнцу, какъ женскому полу.

Кромѣ того, солнце, какъ существо застѣнчивое, вооружено пучкомъ иглокъ (лучи), которыми оно колетъ глаза тѣмъ, которые осмѣливаются смотрѣть на него. Солнце и луна при движеніи около земли держатся въ воздухѣ.

Послѣ заката, какъ солнце, такъ и луна уходятъ въ объятія своей матери. При заходѣ солнце приближается къ своей матери и въ это время, радуясь ея близости, краснѣетъ. Тогда же оно, какъ и при восходѣ, стоитъ и къ намъ близко, и поэтому кажется бѣльшимъ. Такъ какъ восходъ солнца бываетъ сейчасъ же по выходѣ изъ горячихъ объятій своей матери, то потому оно тогда красное. По тѣмъ же причинамъ и луна при восходѣ и заходѣ кажется большею и красною.

По *падению звѣздъ* можно узнать, что на землѣ кто нибудь умеръ, потому что каждый человѣкъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, которая и

¹⁾ Записаны въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1891 года въ видѣ отвѣтовъ на издаваемые Этнографич. Отдѣломъ „Вопросные пункты“ со словъ пожилого крестьянина сел. Чайковда, Елизаветпольскаго уѣзда, той же губерніи, Ованеса Мусаелова, и проверены по показанію другихъ *Ает*.

падаетъ съ его кончиною. При появленіи человѣка на землю, на небѣ является и его звѣзда.

Радуга—это знакъ благополучія даннаго года. Она имѣетъ силу превращать проходящаго подъ нею мальчика въ дѣвочку, а дѣвочку въ мальчика.

Млечный путь есть слѣдъ самана; его называютъ: «Саманнаго во-ра путь». Происхожденіе его слѣдующее: у одного человѣка голодали верблюды; но ему никто не хотѣлъ дать самана; поставленный такимъ образомъ въ крайность, онъ укралъ у своего сосѣда саманъ; но дорогою онъ былъ застигнутъ ураганомъ и вмѣстѣ съ саманомъ взятъ на небо; саманъ разнесся по небу и присталъ къ нему въ видѣ той бѣлой дороги, которая и теперь существуетъ.

Богъ иногда на своей колесницѣ обозрѣваетъ небо; отъ страха въ это время всѣ живущіе на небѣ плачутъ; отъ стуковъ колесницы происходятъ *громъ*, и отъ слезъ плачущихъ образуется *дождь*. Еще громъ и дождь происходятъ изъ ссоры Іисуса Христа съ Магометанскимъ про-рокомъ Аліемъ (будто Іисусъ Христосъ съ Аліемъ вмѣстѣ посѣяли пше-ницу, но всю пшеницу по сборѣ Алій захватилъ въ свои руки, а Іисусъ Христосъ на это претендуетъ¹⁾). Иногда по небу плаваетъ рыба, а слѣдъ представляетъ *молнію*. Молнія, по повелѣнію Бога, грѣшныхъ людей уни-жаетъ. Чтобы домъ предохранить отъ молніи, въ четырехъ углахъ его кладутъ сталь, которая и отводитъ молнію.

Во время грозы черти прячутся подъ землю. Если первый громъ случается около половины марта, то онъ говоритъ о предстоящемъ хо-рошемъ урожаѣ.

II. Д у х и.

Всѣмъ *духамъ*, населяющимъ лѣса, поля, воды, дома и проч., мож-но дать одинъ видъ: всѣ части тѣла тѣ же, что и у человѣка; сверхъ этого они имѣютъ рога и хвостъ; ростъ 1—2 фута; волосы по росту, желтаго или чернаго цвѣта. *Лѣшіе* иногда прохожихъ сбиваютъ съ пути; такой заблудившійся человѣкъ только тогда освобождается изъ рукъ ду-ховъ, когда приходитъ въ сознаніе о своемъ заблужденіи и три раза кре-стится. Другой разъ лѣшіе, заблудивъ прохожихъ, заводятъ ихъ на свою свадьбу. Изъ разсказовъ такихъ заблудившихся видно, что на свадьбѣ у лѣшнихъ совершаются тѣ же обряды, что и у крестьянъ: вѣнчаніе, танцы, стрѣльба, сборъ денегъ и проч. Но у нихъ роскоши больше, чѣмъ у крестьянъ. Если заблудившійся безъ оружія, безъ стали, то духи заставля-ютъ его все дѣлать: рубить дрова, таскать воду, танцовать и проч. Въ случаѣ отказа, духи бьютъ его, отчего тотъ болѣетъ неизлѣчимою болѣзнію.

Такъ какъ сталь обезспиваетъ духовъ, то поэтому они ли-шены возможности владѣть иглою и шить себѣ платья. Для свадьбы

¹⁾ Относительно грома свѣдѣнія собралъ преподаватель Закона Божія Арм. испов. Чайкендскаго земскаго училища Вифлеемъ Давидовичъ Теръ-Барагамовъ.

они лѣзутъ въ самые богатые сундуки людей и выбираютъ себѣ необходимое въначальное платье, и, совершивъ свадьбу, обратно кладутъ на мѣсто.

Для свадьбы же духи уводятъ изъ конюшенъ красныхъ быковъ, закалываютъ, мясо съѣдаютъ, а кости, сложивъ какъ слѣдуетъ, обтягиваютъ шкурою и вдуваютъ въ нихъ жизнь и опять обратно приводятъ въ конюшню. Потому-то красные быки большею частью являются худыми. Тѣмъ же порядкомъ уводятъ изъ конюшенъ коней, только не для ѣды, а для ѣзды.

Водяные становятся могущественными и вредоносными по ночамъ. Поэтому если явится экстренная нужда въ водѣ ночью, слѣдуетъ идти за нею не одному, но компаніею, и забирать воду не прежде, чѣмъ перекрестившись три раза, произнеся имя св. Троицы.

Домовыхъ въ каждомъ домѣ столько, сколько душъ въ немъ. Съ ними слѣдуетъ обращаться осторожно, чтобы не огорчить ихъ. Напр., слѣдуетъ помойную (отъ рукъ, ногъ, посуды) воду оставлять въ какойнибудь посудѣ до утра и тогда выбрасывать, а не ночью,—потому что если эту воду выбросить ночью, то капли воды могутъ попасть въ домового; отъ этого домовый сердится и виновника избиваетъ; отъ избіенія, какъ и другихъ духовъ, заболѣваютъ неизлѣчимою болѣзнію.

Назначеніе духовъ вообще охранятьклады.

Когда теряютъ какуюнибудь вещь и тотчасъ же начинаютъ искать и не находятъ, то говорятъ, что на нее духъ сѣлъ.

Такія же представленія о духахъ существуютъ и между крестьянами сел. Варташенъ, Нухинскаго уѣзда, Елизаветпольской губерніи.

Привожу рассказы, о духахъ, собранные мною, въ селеніи Варташенъ со словъ пожилыхъ крестьянъ.

1. О солнцѣ и лунѣ ¹⁾.

Жила-была старуха съ единственнымъ сыномъ и невѣсткою. Старуха не любила невѣстку свою за то, что она рождала все дѣвочекъ; послѣ шестыхъ родовъ, при седьмыхъ, въ ожиданіи, что и теперь родитъ дѣвочку, старуха велѣла своему сыну прогнать изъ дома невѣстку. Сынъ, сколько ни любилъ свою жену, но не смѣлъ противорѣчить своей матери. Взялъ онъ свою жену съ самою младшею дочерью, вывелъ далеко за село, а самъ воротился домой. Беременная мать съ дочерью шли до сумерокъ. На ночь онѣ расположились на равнинѣ подъ однимъ кустомъ. Такъ какъ ночь была не изъ теплыхъ и вдали свѣтили огонечекъ, то дѣвочка, оставивъ свою мать подъ кустомъ, сама направилась къ свѣту за огнемъ. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ свѣта она остановилась и видитъ: сидятъ три человѣка—одинъ поддерживаетъ свѣчу, другой пишетъ, а третій диктуетъ слѣдующее: «подъ кустомъ такая-то женщина (имя матери прислушивающейся дѣвочки) родила мальчика, котораго во

¹⁾ Отъ крестьянъ-удинъ сел. Варташенъ.

время его свадьбы смертельно ужалить змѣя; а змѣя эта выползетъ изъ свадебнаго башмака». Дѣвочка, догадавшись, что рѣчь идетъ о матери и новорожденномъ ея сынѣ, и что эти люди не простые, а опредѣлители судебъ человѣческихъ, подошла къ нимъ и неотвязно стала просить ихъ о перемѣнѣ такой ужасной судьбы брата. «Что разъ опредѣлено, больше его нарушить нельзя. А научить, какъ спасти его, научимъ. Ты до свадьбы брата замужъ не выходи; и во время свадьбы, когда твой братъ будетъ переодѣваться въ вѣнчальное платье, то платья подавай ты сама, встряхивая по одному въ краснакаленную печь. Змѣя выпадетъ въ печь и лопнетъ съ такимъ трескомъ, что земля, дома, деревья будутъ дрожать. Тогда твой братъ пристанетъ къ тебѣ и будетъ сильно настаивать, чтобы ты открыла ему причину треска; но ты старайся не открывать, въ противномъ случаѣ ты превратишься въ камень, и лѣчить тебя потомъ будетъ весьма тяжело. На всякій случай мы сообщаемъ тебѣ и средство. Въ случаѣ, если ты не утерпишь и откроешь брату причину треска, то предварительно сообщи ему, чтобы онъ, послѣ твоего окаменѣнія, отправился въ домъ солнца и луны къ матери ихъ и принесъ бы помойную отъ рукъ и лица ихъ воду; если окропить тебя, окаменѣвшую, этою водою, то ты оживешь».

Она, съ радостью и тоскою въ груди, возвратилась къ своей матери, уже разрѣшившейся отъ бремени сыномъ, пеленала ребенка взятою тряпкою; эту ночь онѣ кое-какъ провели подъ кустомъ и на другой день утромъ отправились домой, надѣясь, что ради новорожденного ребенка старуха приметъ въ свой домъ изгнанную невѣстку. Дѣйствительно, радость старухи и ея сына была безпредѣльная—нечего и говорить, что пріемъ былъ весьма ласковый и праздничный. По возможности старуха старалась воспитать новорожденного въ пуху, въ довольствѣ. Самъ младенецъ росъ не по днямъ, а по часамъ, черезъ мѣсяцъ казался уже годовымъ мальчикомъ; лѣтъ въ 15 сдѣлался зрѣлымъ мужчиною. Тогда же приготовились сыграть его свадьбу. Вѣнчальное платье подавала благодѣтельница сестра, находящаяся еще въ дѣвахъ, согласно завѣту въ ночь великаго событія—рожденія брата, предварительно встряхивая въ краснакаленную печь. Изъ башмака выпала въ печь змѣя и лопнула съ такимъ трескомъ, что задрожали земля, деревья, дома. Шумъ прошелъ—все успокоилось, но не успокоилось любопытство новобрачнаго жениха. Онѣ пристаётъ къ сестрѣ и проситъ ее открыть причину такого происшествія. Сестра выставляла все доводы, что нельзя открыть, что въ противномъ случаѣ ей грозитъ большая бѣда, окаменѣніе и проч., но ничего не помогло. «Я приму все мѣры для избѣжанія опасности, не останюсь даже если надо будетъ жертвовать и собою для этого, но только отерой мнѣ, милая сестра, тайну»,—такъ умолялъ братъ сестру. Любовь къ брату была не такая, чтобы можно было огорчить его чѣмъ-нибудь и быть въ такихъ случаяхъ твердою.

Указавъ на средство для оживленія, она открыла тайну треска, рассказала со всею подробностью исторію его рожденія, и сейчасъ по окончаніи разсказа она превратилась въ камень.

Братъ, не придавшій серьезнаго значенія угрозамъ сестры о превращеніи въ камень, на дѣлѣ убѣдился, что сестра говорила правду, рвалъ на себѣ волосы, плакалъ, рыдалъ, тосковалъ, но напрасно. Сестра превратилась въ камень, братъ же далъ слово не жалѣть жизни своей для подаенія помощи; онъ отправился, не медля, не обвѣнчавшись даже, въ путь въ домъ солнца и луны. Онъ шелъ очень долго, такъ долго, что у него волосы посѣдѣли. Наконецъ онъ посреди необозримой пустыни достигъ одного дома. Заходитъ онъ въ домъ и видитъ одну женщину, въ преклонныхъ лѣтахъ съ добрымъ выраженіемъ лица. Она хлопнула въ ладоши и спросила:

— «Что за существо ты, какъ ты осмѣлился заглянуть не только въ эту пустыню, но даже зайти въ домъ солнца и луны; вѣдь они сейчасъ придутъ обѣдать и непременно растерзаютъ тебя».

— А что же мнѣ дѣлать, вотъ, такъ и такъ, случилось несчастье и я пришелъ за водою, чтобы спасти окаменѣвшую свою сестру.

— «Я мать солнца и луны; вотъ я для твоего спасенія превращу тебя въ метлу, а послѣ ухода моихъ дѣтей опять оживу и дамъ тебѣ желаемую воду».

Она своимъ дуновеніемъ превратила его въ метлу и поставила въ уголъ. Пришли братъ съ сестрою—луна и солнце. Зашедши въ комнату они заявили, что человѣкомъ пахнетъ, но, осмотрѣвши вкругъ и ничего не найдши, скоро успокоились. Они пообѣдали, умыли руки и лицо и опять ушли изъ дому. Частью этой помойной воды мать облила метлу и оживала пришельца совѣмъ молодымъ парнемъ, а остальную помойную воду дала въ руки парню и, благословивъ, отпустила въ путь. Пока достигъ своего дома, онъ снова посѣдѣлъ. Дома окропилъ сестру принесенною водою и оживилъ ее: изъ нея вышла такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Братъ оставшимися каплями чудотворной воды окропилъ и себя, и помолодѣлъ, и похорошѣлъ. У родныхъ тоска теперь уступила мѣсто радости, ликованію. Они сыграли обоимъ, брату и сестрѣ, свадьбы одну за другою въ продолженіе 14 дней. Послѣ всѣхъ они продолжали жить счастливо въ искренней любви другъ у друга, а я воротился домой.

2. Бабка на родинахъ у лѣшихъ.

«Это было ночью, рассказываетъ старуха-повитуха. Я была въ постели и дремала. Слышу—зовутъ меня; я иду на зовъ; на мѣстѣ, откуда раздавался зовъ, ничего не было, но немного подальше слышу тотъ же зовъ, иду за нимъ; наконецъ дошло до того, что я зашла въ лѣсъ и перешла воду (разъ переходятъ воду ночью, уже нельзя сообразить о томъ, что духи обманываютъ). Наконецъ я очутилась у беременной лѣшней. Пристали ко мнѣ духи и говорятъ:—«если родится мальчикъ, ты будешь награждена очень щедро; если же родится дѣвочка, то ты будешь задумана».

Къ несчастью родилась дѣвочка. Но я не унывала: изъ воску искус-

ственнымъ образомъ пополнила недостатокъ, чтобы дѣвочка казалась мальчикомъ. Лѣшіе новорожденную дѣвочку приняли за мальчика и наполнили полу моей рубашки (въ с. Варташенѣ женщины носятъ длинныя рубашки) червонцами въ награду. Дорогою вижу, что въ полѣ не червонцы, а чешуи отъ лука; все разбросала по дорогѣ, осталось до дому лишь нѣсколько штукъ и что же: эти червонцы дома оказались настоящими червонцами.

3. Свадьба лѣшихъ.

Одинъ охотникъ отправился въ лѣсъ за дичью. Онъ искалъ дичи до глубокой ночи, и, ничего не найдя, повернулъ домой. По дорогѣ слышитъ звуки барабана и зурны. Идетъ онъ по направленію къ звукамъ и видитъ свадьбу лѣшихъ. Держа ружье на караулъ, охотникъ выбираетъ себѣ мѣсто не подалеку отъ нихъ и сидитъ, наблюдая за ходомъ свадьбы. На свадьбѣ по очереди танцовали всѣ лѣшіе.

Во время танцевъ на одной лѣшей охотникъ замѣтилъ платье, очень похожее на платье своей жены. Охотникъ потихоньку своимъ кинжаломъ прорѣзалъ полу платья. Послѣ танцевъ сѣли за свадебный столъ пировать; подавали всевозможныя кушанья, между прочимъ подавали и охотнику со всѣхъ блюдъ и пловъ съ ребромъ быка. Охотникъ все принималъ, но не ѣлъ. Послѣ пира лѣшіе пристали къ охотнику и просятъ назадъ бычачье ребро. Но охотникъ не далъ имъ ребра. Поэтому, когда складывали всѣ кости и ребра для оживленія зарѣзаннаго быка, вмѣсто названнаго ребра вставили вѣтку изъ орѣхового дерева. Послѣ оживленія быка, свидѣтелемъ чего былъ и самъ охотникъ, послѣдній выстрѣлилъ изъ ружья и все исчезло. Пришедши домой, охотникъ по платью своей жены убѣдился, что все видѣнное на самомъ дѣлѣ совершилось. Такъ же убѣжденно онъ объявилъ хозяину быка о вставкѣ вмѣсто одного ребра орѣховой вѣтки. На основаніи этого объявленія зарѣзали быка и въ дѣйствительности нашли обдѣланиую по формѣ ребра вѣть.

Учитель Чайкендскаго 2-классн. земск. уч-ща.

Өед. Ив. Джейрановъ.

Х а н ц е г у а ш е.

(Общественное моленіе объ урожаѣ у кабардинцевъ).

Во время большихъ засухъ у кабардинцевъ существуетъ обычай устраивать общественныя жертвоприношенія. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: Въ день Джумы (Пятницы) все мужское населеніе аула (женщины приносятъ жертву отдѣльно) стекается на аульную площадь у мечети. Обсудивши и порѣшивши назначить жертвоприношеніе, приводятъ жертвенное животное, обыкновенно быка или корову, и все со-

бравшееся общество трогается и идетъ за аулъ. Тамъ они вбиваютъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ коль и привязываютъ жертвенное животное, а сами идутъ дѣлать омовеніе рукъ, ногъ и лица; послѣ чего разстилаютъ бурки на травѣ и въ нѣсколько длинныхъ рядовъ садятся на колѣни лицомъ къ югу. Впереди всѣхъ становится мулла съ кораномъ въ рукѣ и говоритъ народу проповѣдь, въ которой объясняетъ, что бездождіе послано Богомъ въ наказаніе за людскіе грѣхи, и что поэтому необходимо покаяніе и молитва къ Нему. По окончаніи проповѣди, мулла, какъ и всѣ, становится лицомъ къ югу и провозглашаетъ народу сдѣлать во имя Бога два земныхъ поклона. Послѣ этого нѣсколько соотъ вмѣстѣ съ муллою поютъ хвалебный Богу гимнъ. Затѣмъ всѣ, держа руки кверху, просятъ Бога о ниспосланіи на землю дождя. Послѣ молитвы всѣ встаютъ, убираютъ свои бурки и становятся вокругъ жертвеннаго животного. Мулла съ молитвой омачиваетъ водою мерду, ноги и спинну животному, котораго тотчасъ рѣжутъ и мясо раздѣляютъ присутствующимъ по куску на каждое семейство. Дома мясо это варятъ и раздаютъ всѣмъ отъ мала до велика въ семействахъ за ужиномъ, причемъ произносится старшимъ въ семьѣ молитва о прощеніи грѣховъ и ниспосланіи дождя; остальные отвѣчаютъ: «Аминь, Аллахъ!».

Женщины съ своей стороны устраиваютъ жертвоприношеніе, но нѣсколько иначе. Лишь только мужчины уйдутъ изъ аула, собираются въ какомъ-нибудь домѣ нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ. Онѣ берутъ обыкновенную деревянную лопату (ханце). Поперекъ ручки этой лопаты онѣ брѣвно привязываютъ недлинную палку, обертываютъ тряпками и на все это надѣваютъ полный женскій костюмъ. Полученное такимъ образомъ подобіе женской фигуры называется «Хавцегуаше», что значитъ княгиня или госпожа лопата. Ее ведутъ медленнымъ шагомъ, какъ бы женщину, подъ руки двѣ выбранныя для этого дѣвушки. Остальныя слѣдуютъ за ними, припѣвая: «Боже, во Имя Твое мы водимъ ханце-гуаше, пошли намъ дождя!» Вся эта процессія медленно идетъ по аулу и заходить во дворы. Въ каждомъ дворѣ хозяйка встрѣчаетъ ханцегуаше съ ведромъ воды въ одной рукѣ и съ деревянной чашкой въ другой. Зачерпнувши въ чашку воды и подойдя на нѣсколько шаговъ къ Ханцегуаше, которое при этомъ нѣсколько наклоняютъ, она брызгаетъ на нее водою, приговаривая: «Боже, прими благосклонно!» — Мало-по-малу къ шествію присоединяются раздѣтыя по праздничному аульныя дѣвушки и дѣти обоего пола. Всѣ они идутъ на площадь, останавливаются и разсматываютъ нѣсколькихъ дѣвушекъ къ молодымъ женщинамъ, которыя сходятся въ сопровожденіи и болѣе видныхъ, уже пожилыхъ женщинъ. Когда всѣ соберутся, отправляютъ единственнаго находящагося между ними заранѣе выбраннаго парня за жертвеннымъ бараномъ (женщины приносятъ въ жертву только барановъ и домашнихъ птицъ), и съ нимъ уже идутъ всѣ на рѣку. Придя на берегъ рѣки, барана рѣжутъ; Ханцегуаше ставитъ стойкомъ; раскладываютъ огонь и варятъ въ одномъ котлѣ пасту¹⁾,

¹⁾ Пшеница, грутая каша, употребляемая у кабардинцевъ вмѣсто хлѣба.

а въ другомъ барана. Всѣ разсаживаются по берегу. Одна изъ женщинъ и парень дѣлятъ пасту и свареную баранину и раздаютъ по кусочку того и другого всѣмъ присутствующимъ, которые и съѣдаютъ, произнося: «Боже, прими нашу жертву!»

Послѣ этого всѣ поднимаются и поочередно, зачерпнувъ воды, брызгаютъ на Ханцегуаше. Затѣмъ всѣ подходятъ къ рѣкѣ, и старухи омывають лицо и головы. Дѣвушки же, скинувъ съ себя все, кромѣ рубашки, бросаются къ молодымъ женщинамъ, недавно вышедшимъ замужъ или имѣющимъ одного только ребенка, тащатъ ихъ въ воду одѣтыми и при общемъ смѣхѣ, окунаютъ ихъ по нѣскольку разъ. Иногда дѣвушки, разыгравшись, тянутъ въ воду и старухъ. Выкупавъ такимъ образомъ всѣхъ и выкупавшись вдоволь сами, мокрыя, веселыя и довольныя, берутъ Ханцегуаше и всей гурьбой идутъ на аульную площадь. Здѣсь выкапываютъ небольшую ямочку, становятъ въ нее Ханцегуаше и, хорошенько укрѣпивъ стойкомъ, посылаютъ за немногими оставшимися въ аулѣ молодыми парвями. Явившіеся привѣтствуютъ ихъ словами: «Да приметъ Богъ жертву вашу благосклонно!» Всѣ становятся въ кружокъ, и подъ музыку призваннаго скрипача начинается лезгинка кругомъ стоящей посреди круга Ханцегуаше. Сперва танцуютъ только дѣвушки, затѣмъ и женщины и наконецъ даже и старухи, которыя для такого торжественнаго случая обязаны протанцовать, кто какъ можетъ. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока не утомятъ парней въ конецъ. Къ вечеру всѣ утихаютъ. Изъ рѣки дѣвчата приносятъ нѣсколько ведеръ воды и выливаютъ на Ханцегуаше семь ведеръ. Остальною же водою, въ заключеніе, съ большимъ шумомъ и смѣхомъ обливаютъ утомившихся парней. Проговоривъ: «О, Боже, прими нашу жертву!» всѣ расходятся по домамъ, оставивъ Ханцегуаше на площади для того, чтобы мужчины, возвращаясь вечеромъ домой съ своего жертвоприношенія, могли удостовѣриться, что и онѣ не сидѣли даромъ. Въ полночь, когда все успокоится, приходитъ одинъ изъ участвовавшихъ въ женскомъ празднествѣ парней, выдергиваетъ Ханцегуаше и уноситъ къ себѣ домой. Если въ тотъ же день пойдетъ дождь, то женщины съ гордостью заявляютъ, что Богомъ принята ихъ жертва.

День такого жертвоприношенія считается настолько священнымъ, что не слыхано не только о какой-либо покражѣ, но даже и объ увозѣ невѣсты въ этотъ день, хотя опустѣвшій и едва охраняемый аулъ представляетъ для этого всѣ удобства.

Талибъ Кашежевъ

Л. Н. Майковъ.

(Некрологъ).

7-го апрѣля въ Петербургѣ скончался Вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ, 61 года (род. 1839 г.). Покойный прошелъ выдающійся путь общественнаго служенія, сводившагося въ концѣ концовъ къ интересамъ науки, интересамъ, имѣвшимъ, между прочимъ, большое значеніе и для этнографіи.

Сынъ извѣстнаго въ свое время художника Николая Аполлоновича Майкова, Л. Н. по университетскому образованію былъ филологомъ, а по первой своей крупной работѣ («О былинахъ Владимірова цикла» — магистерская диссертція 1863 г.) ученымъ этнографомъ. Его общественное служеніе началось въ министерствѣ финансовъ, причемъ скоро, въ 1864 г., онъ перешелъ въ центрально-статистическій комитетъ. Въ работахъ комитета Л. Н. принималъ дѣятельное участіе, а также и въ международныхъ статистическихъ сѣздахъ до 1882 г. Интересъ къ статистикѣ долженъ обнаружить извѣстное трезвое, реальное направленіе ума, что, дѣйствительно, характерно для всѣхъ ученыхъ работъ Л. Н-ча. Дальнѣйшій служебный путь Л. Н. Майкова уже меньше касался живо-трепещущихъ вопросовъ государственной жизни, а относился больше къ области чисто-научной. А именно, съ 1882 г. онъ — помощникъ директора Публичной Библіотеки и съ 1893 г. по день смерти — вице-президентъ Академіи наукъ. То и другое положеніе дало ему возможность съ особенной пользой послужить русской наукѣ.

Научно-литературная дѣятельность Л. Н-ча обширна какъ по участію его въ различныхъ изданіяхъ и ученыхъ учрежденіяхъ, такъ и по разнообразію тѣхъ вопросовъ науки, къ которымъ относится эта дѣятельность.

Самостоятельные труды покойнаго, помимо упомянутой диссертациі, были посвящены древней и новой русской литературѣ и исторіи русской журналистики, русскихъ суевѣрій и т. п. («Очерки по исторіи русской литературы XVII и XVIII в.» Спб. 1889, 1893. «Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ», 1890—1891. «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки» Спб. 1899 и др. ¹⁾).

Особенно тщательнымъ и полнымъ увлеченію проявилъ себя Л. Н. въ своихъ работахъ редакторскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приобрѣли цѣнность почти ученыхъ изслѣдованій. Въ 70—80-хъ гг. Л. Н. редактировалъ нѣкоторыя изданія Этнографическаго отдѣленія Географическаго

¹⁾ См. Энциклоп. словарь, изд. Брокгаузъ и Ефронъ.

Общества (между прочимъ—пять томовъ «Записокъ по отдѣленію этнографіи»); въ 1868—82 гг. онъ былъ помощникомъ редактора, и въ 1882—90 гг. редакторомъ «Журнала Мин. Нар. Просв.»; въ 1889 г. вышло редактированное имъ, при участіи Саитова, собраніе сочиненій Батюшкова, съ біографіей поэта; трудъ этотъ былъ принятъ въ печати очень сочувственно; въ 1891 г. Л. Н. редактировалъ собраніе критическихъ сочиненій своего брата В. Н. Майкова, причемъ и здѣсь далъ самостоятельную характеристику редактируемому матеріалу. Наконецъ, въ послѣднее время Л. Н. съ особеннымъ рвеніемъ отдался редактированію и изданію сочиненій А. С. Пушкина, 1-й томъ которыхъ вышелъ къ 100-лѣтнему юбилею дня рожденія поэта. Пріемъ въ читающей публикѣ этого труда, уже разошедшагося въ продажѣ, всѣмъ еще памятенъ по свѣжимъ впечатлѣніямъ.

Въ ученой дѣятельности Л. Н. Майкова интересно отмѣтить, что, будучи магистромъ уже въ 1863 году, Л. Н. не былъ университетскимъ дѣятелемъ, и сразу пошелъ по самостоятельному ученому пути, который однако уже въ 1889 г. далъ ему званіе академика. Кромѣ того, его ученныя заслуги были оцѣнены и Географическимъ обществомъ, въ которомъ онъ 14 лѣтъ былъ предсѣдателемъ Отдѣленія Этнографіи (1872—1886). Наконецъ, хотя Л. Н. по самому званію вице-президента состоялъ предсѣдателемъ фонда императора Николая II для вспомошествованія писателямъ и ученымъ, однако и здѣсь его дѣятельность была настолько тѣсно и жизненно слита съ интересами этого учрежденія, что встрѣчала со всѣхъ сторонъ одну только заслуженную благодарность.

По характеру своей ученой дѣятельности, Л. Н. Майковъ былъ изслѣдователь-бытописатель, т.-е. въ своемъ родѣ ученый-этнографъ, который выясненіе бытовой и вообще реальной обстановки изслѣдуемаго предмета ставилъ однимъ изъ первыхъ условій почти въ каждой своей работѣ. Укажемъ прежде всего на его диссертацию «о былинахъ Владимірова цикла». Здѣсь, и при томъ въ эпоху господства мифологическихъ теорій, проведена историческая точка зрѣнія на происхожденіе русскихъ былинъ, при чемъ для выясненія историко-бытовой обстановки авторъ сопоставлялъ лѣтописныя и другія извѣстія.

Далѣе, если обратить вниманіе на тѣ очерки Л. Н.-ча, которые касались народной словесности, древней и новой русской литературы, ярко бросается въ глаза характерная особенность ихъ—значительное преобладаніе бытовой стороны трактуемаго предмета: это—біографіи, характеристики личностей или общества, отдѣльныя бытовые явленія и т. п. Таковы очерки: «Симеонъ Полоцкій», «Къ характеристикѣ Ломоносова, какъ ученаго», «Вас. Ив. Майковъ», «В. А. Чупятовъ», «Театральная публика во времена Сумарокова», «Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 году», «Любовное посланіе XVIII вѣка», «Исторія о матросѣ Василии и повѣсть о Долторнѣ» и т. д. Многія изъ подобныхъ темъ служатъ и сейчасъ предметомъ работъ этнографическихъ.

Эта склонность реально-направленнаго ума не къ отвлеченной идеѣ предмета, а къ дѣйствительному его положенію, этотъ выработавшійся

навыкъ «бытописать», возстановляя картину по литературнымъ обломкамъ, завалявшимся въ пыли обрывкамъ, умирающимъ въ глуши фамильныхъ очаговъ преданіямъ и воспоминаніямъ—дали русской наукѣ въ лицѣ Л. Н. Майкова незамѣнимаго редактора академическаго изданія сочиненій Пушкина. На этотъ кропотливый трудъ уже начинали смотрѣть какъ на вѣнецъ высшей славы неутомимаго дѣятеля; но едва успѣлъ выйти I-ый томъ и упомянутые «матеріалы» и «очерки», какъ прервалась жизнь, прервался и трудъ. Многое изъ подготовленнаго Л. Н.-чемъ для дальнѣйшихъ томовъ сочиненій Пушкина, конечно, увидить свѣтъ; но многое, чего не сохранилось въ бумагахъ покойнаго, особенно тѣ замѣтки, которыя должны были носить характеръ историко-литературныхъ очерковъ, умерло вмѣстѣ съ ихъ авторомъ. По воспоминаніямъ изъ личныхъ бесѣдъ съ Л. Н.-чемъ, можно сообщить, что онъ предполагалъ дать обширныя замѣтки къ тѣмъ фактамъ изъ жизни и сочиненій Пушкина, гдѣ поэтъ обнаруживалъ значительный интересъ къ народной массѣ. Такъ, между прочимъ, эти замѣтки имѣли въ виду «Повѣсти Бѣлкина», «Капитанскую дочку», «Исторію Пугачевского бунта», «Пѣсни Стеньки Разина» и др. Покойный имѣлъ въ виду для этого обширный фактический матеріалъ, дававшій цѣлую картину тогдашняго отношенія известной части интеллигенціи къ народу.

Говоря о Пушкинѣ, кстати замѣтимъ, что Л. Н., вообще благосклонно и съ интересомъ относившійся къ изслѣдованіямъ языка, особенно чутко былъ къ тому реальному направленію въ этой наукѣ, которое сказалось въ новѣйшемъ діалектологическомъ изученіи отдѣльныхъ говоровъ русскаго языка. Въ разговорѣ о Пушкинѣ онъ свои мысли о языкѣ сочиненій поэта сопоставлялъ съ мыслями собесѣдника о діалектологическомъ изученіи русскаго языка вообще, при чемъ видимо склонялся на сторону такого реального направленія.

Такимъ образомъ, сочиненія Пушкина должны были предстать предъ свѣтомъ во всей своей реальной полнотѣ, со всеѣмъ своимъ реальнымъ смысломъ. Но это не значить, чтобы Л. Н. не составилъ себѣ известныхъ личныхъ понятій о предметѣ, «еще не доказанныхъ фактически», а также не создалъ себѣ известныхъ симпатій къ предмету. Все это было въ немъ въ высшей мѣрѣ, все это и побуждало къ работѣ; но разъ онъ начиналъ работать, личное чувство, недоказанная мысль уже не руководила имъ. Эта драгоценная объективность, при всеѣмъ увлеченіи предметомъ—рѣдкая черта ученаго; если прибавить сюда известную опытность и самостоятельно-выработанные приемы работы, то не трудно сказать, что со смертью Л. Н. Майкова начатое дѣло не можетъ быть окончено, а только лишь додѣлано.

Такъ много изучавшій другихъ, покойный Л. Н. Майковъ достоинъ теперь и самаго тщательнаго изученія, какъ личность, самобытно прошедшая трудный путь жизни, среди крупныхъ явленій русской дѣйствительности, и пролившая на этотъ путь много свѣта. Онъ заслужилъ навсегда благодарную память.

Вл. Б.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXVI. Тифлисъ. 1899.

«Сборникъ», издаваемый Кавказскимъ учебнымъ округомъ, сталъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія Кавказа не только въ этнографическомъ отношеніи, но также со стороны экономической, исторической и лингвистической. Матеріалы, печатаемые въ «Сборникѣ», начинаютъ пріобрѣтать интересъ и для русской исторіи и словесности, выходя изъ спеціальнаго круга вопросовъ кавказовѣдѣнія. Такъ, въ настоящемъ выпускѣ мы находимъ статью г. Джанашивили подъ заглавіемъ: «Извѣстія грузинскихъ лѣтописей и историковъ о Херсонисѣ, Готѣи, Осетіи, Хазаріи, Дидоэтіи и Россіи», составляющую продолженіе работы того же автора, помѣщенной въ XXII выпускѣ. «Повѣсти» о царяхъ хазарскихъ Джимшерѣ, Хсеро и Мзечабукѣ относятся къ циклу историческихъ поэмъ XII вѣка, выросшихъ на грузинской почвѣ, подъ вліяніемъ иранскаго эпоса (См. *Хахановъ*, Очерки по исторіи груз. словесности, вып. II. М. 1897). «Повѣсти» эти являются прототипомъ кавказскаго былиннаго эпоса; въ нихъ можно отыскать черты, разсѣяныя по грузинскимъ сказаніямъ Амиранова цикла, по сказаніямъ осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ, горскихъ и закавказскихъ татаръ: та же борьба съ дѣвами-нартами или чудовищами, опустошающими всю страну и залегающими у верховьевъ рѣкъ; тѣ же сказочныя проявленія богатырской удали, и тотъ же рыцарскій культъ женщины. Поэмы отличаются цвѣтистымъ слогомъ, разукрашеннымъ блестками восточной поэзіи. Поэтическія сравненія въ соединеніи съ гиперболическими образами, разбросаны щедрою рукою: бой богатырей сравнивается со столкновеніемъ двухъ горъ; лязгъ оружія уподобляется раскатамъ грома; красота женщины превосходитъ чарующій блескъ луны и свѣтъ яркиxъ лучей солнца; волны считаются сотнями тысячъ, а подарки, раздаваемые въ несмѣтномъ количествѣ, цѣлыми сотнями коней съ золотой сбруей, цѣлыми вьюками драгоценныхъ камней и златотканной парчи. Религіозный элементъ отсутствуетъ, такъ что нельзя сказать, относятся ли поэмы къ міру христіанскому или мусульманскому. Статья г. Лемма посвящена вопросу «Настоящее имя святой просвѣтительницы Грузіи». Авторъ на основаніи недавно найденнаго коптскаго текста имя Нины, просвѣтительницы Грузіи, установленное вѣковой традиціей, замѣняетъ Θεογностой. Коптскій текстъ,

представляющій рядъ отрывковъ, плохо сохранившихся и не вполне убѣдительно дешифрованныхъ, съ комментаріями почтеннаго автора, едва ли послужить основаніемъ славить Θεогносту вмѣсто Нины. Статья извѣстнаго грузиноведа, проф. университета въ Грацѣ Гуго Шухардта «О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южно-кавказскихъ) языковъ» переведена съ нѣмецкаго языка и затрогиваетъ рядъ весьма важныхъ и любопытныхъ вопросовъ. Къ первому же отдѣлу относится статья г. Сагаридзе «Обычаи и вѣрованія въ Имеретіи». Во второй отдѣлъ вошли: «Талышинскія легенды и повѣрья», г. Теймуръ-Бека Байрамъ-Алибекова; «Татарская народная словесность въ Закавказьѣ («преданія о Баку, Шамиль, Насръ-Эддинъ др.)» «Изъ области суевѣрій и устной словесности терскихъ казаковъ» г. Е. Баранова и «Нѣсколько грузинскихъ легендъ и сказаній» г. М. Шатберова. Третій отдѣлъ посвященъ «Адыгскимъ пословицамъ, загадкамъ, повѣрямъ и пр.», г. Тамбиева, раздѣленнымъ по группамъ, сообразно съ содержаніемъ ихъ. Въ этотъ же отдѣлъ вошли: «Нѣкоторыя особенности живого говора гор. Ейска, Кубанской области» г. Харламова и статья покойнаго грузиноведа Н. И. Гулака: «О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ». Авторъ ищетъ основанія и приводитъ факты, устанавливающіе родство грузинскаго языка съ индо-европейской группой. Но вопросъ едва ли можно считать разрѣшеннымъ, въ виду вызываемыхъ возраженій съ тѣхъ сторонъ, которыя авторомъ не затронуты.

А. Хахановъ.

В. Маргаритовъ. Камчатка и ея обитатели (Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. Т. V. Вып. I). Хабаровскъ. 1899 г.

Книга г. Маргаритова написана не столько по личнымъ наблюденіямъ, сколько на основаніи литературныхъ данныхъ и въ тому же авторъ этихъ литературныхъ данныхъ не исчерпалъ хотя бы съ приблизительною полнотою. Иностранною литературой (въ томъ числѣ и книгой Штеллера) онъ совсѣмъ не воспользовался, да и выборъ русскихъ источниковъ оставляетъ желать многого. Не говоря про отдѣльные пропуски, можно указать на то, что г. Маргаритовъ совершенно оставилъ въ сторонѣ, на примѣръ, всѣ работы, посвященныя описанію коряковъ, хотя бы и не живущихъ въ Камчаткѣ, а занимающихъ сосѣдніе съ нею округа. Разъ говорить о корякахъ, такъ этой литературы игнорировать совсѣмъ невозможно, такъ какъ она является безусловно необходимымъ дополненіемъ къ тѣмъ скуднымъ и отрывочнымъ указаніямъ, которыя существуютъ въ литературѣ относительно камчатскихъ коряковъ. Въ виду этого книга г. Маргаритова не можетъ претендовать на большое научное значеніе, хотя кое какія отдѣльныя указанія въ ней иногда бываютъ не лишены нѣкотораго интереса и для специалиста. Для болѣе же широкаго круга читателей, не преслѣдующихъ какихъ нибудь специальныхъ цѣлей, а просто желающихъ вообще познакомиться съ этой любопытной страной и ея неменѣе любопытнымъ населеніемъ, настоящая книга будетъ несомнѣнно

полезна. Написана она обстоятельно и толково, читается легко и снабжена множеством иллюстрацій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, къ сожалѣнію, не вполне удачны. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, нельзя быть очень строгимъ, т. к. книга издана въ провинціи и тамъ же были исполнены рисунки.

А Максимовъ.

Записки Западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XXVI. Омскъ. 1899 г.

Чуть не всю книжку занимаетъ большая статья г-жи М. Швецовою «Поляки Змѣиногорскаго округа». «Поляками» въ данной мѣстности называются русскіе старовѣры, жившіе раньше въ Польшѣ и переселившіеся въ 60 гг. прошлаго столѣтія на западныя предгорья Алтая. Это названіе настолько прилипло къ нимъ, что даже сами старовѣры именуютъ себя такъ въ отличіе отъ коренного сибирскаго населенія. Часть раскольниковъ поселилась здѣсь повидимому добровольно, воспользовавшись манифестами 1762 и 1763 гг., приглашавшими старообрядцевъ вернуться въ Россію и отводившими имъ землю для водворенія, но большинство было переселено насильно послѣ извѣстнаго разгрома Вѣтки. Первое время «поляки» жили на Алтаѣ въ качествѣ государственныхъ крестьянъ, но въ 1779 г. ихъ положеніе сильно измѣнилось, т. к. они были приписаны къ заводамъ и оставались таковыми вплоть до самаго 1861 г. Въ настоящее время они живутъ въ 5 волостяхъ Змѣиногорскаго округа и занимаютъ 21 селеніе; число ихъ въ 18 селеніяхъ, о которыхъ сообщаетъ цифровыя данныя г-жа Швецова, доходитъ до 27,000 слишкомъ. Мѣстность, занимаемая ими, не вполне однородна; сѣверная часть ея носитъ степной характеръ, и преобладающими занятіями являются здѣсь земледѣліе и скотоводство; въ болѣе южной, гористой части роль земледѣлія падаетъ, и главнымъ занятіемъ послѣ скотоводства служитъ пчеловодство. Не вполне однородной массой являются и сами «поляки», и г-жа Швецова отмѣчаетъ существованіе среди нихъ двухъ типовъ, различающихся какъ по внѣшнему виду, такъ и по говору. Объясняется это различіе, по мнѣнію автора, тѣмъ, что раскольники выселялись въ Польшу изъ разныхъ мѣстъ: и изъ Великой, и изъ Малой Россіи. Свои первоначальныя особенности они не утратили въ Польшѣ, сохранили ихъ и въ Сибири.

Хотя значительное большинство «поляковъ» и осталось вѣрно расколу, но они не принадлежатъ все къ одной сектѣ. Здѣсь встрѣчаются и единовѣрцы, и бѣглопоповцы, и безпоповцы различныхъ толковъ, а въ послѣднее время появилась секта «самодуровцевъ», приближающаяся отчасти къ духоборчеству. Въ большинствѣ случаевъ «поляки»-старообрядцы удержали только внѣшнюю, обрядовую сторону своихъ ученій; но какъ ни какъ они все же до извѣстной степени сторонятся окружающихъ православныхъ, а это обстоятельство, въ связи съ ихъ обособленностью, не мало способствовало тому, что они удержали очень много изъ стараго и не слились съ другими сибиряками. Изученіе такой народности

представляетъ большой интересъ для этнографіи, и работа г-жи Швецовой займетъ почтенное мѣсто въ литературѣ, посвященной описанію русскаго населенія Сибири. Хотя знакомство автора съ «поляками» и ограничивалось всего двухъ-мѣсячнымъ срокомъ, но, не смотря на краткость времени, ей удалось собрать довольно подробныя свѣдѣнія и представить обстоятельное и всестороннее описаніе «поляковъ». Къ статьѣ приложено довольно много свадебныхъ хороводныхъ и т. п. пѣсенъ, собранныхъ какъ самою г-жею Швецовой, такъ и еще однимъ лицомъ.

Кромѣ упомянутой работы въ настоящей книжкѣ помѣщены еще двѣ небольшихъ статейки: «Начальная школа въ Акмолинской области» М. Кулижнова и «Матерьялы для климатологіи Западной Сибири Степного Края» П. Брейтигама.

А. Максимовъ.

КАВКАЗСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

(Продолженіе) ¹⁾.

Цискари (груз. журн. „Заря“ подъ ред. кн. Г. Эристова). 1853, I—IV. *С. С. Орбелани*. Путешествіе по Европѣ, — V. Похвальное слово, *Варлаама* ц. Ираклію. — VI. *Его же* Привѣтствіе въ день Рождества Хр. — 1855 II. Груз. народныя поговорки. III. Анекдоты. — Образцы писемъ груз. царей. — 1857. (Подъ ред. И. Кереселидзе). 1858 (Ред. онъ же). I—III. Письма о разныхъ вопросахъ *Молакбе*. — II, III, XI. Постановленіе Ираклія II о воинской повинности („Мори-че“). — IV. Рец. на ром. Рчеулова „Лимоны вдовы“. *Кн. Ал. Вах. Орбелани*. — 1859, I. Письма Ираклія II изъ Персіи. — III. Письмо Вахтанга VI къ франц. послу. — IV. Красавица и 12 мѣсяцевъ. Древнее сказаніе *З. Хитарова*. — IX. Бѣглый обзоръ 12 кн. „Зари“ за 1858 г. *Бердзенова*. Отв. *Л. Ардазіани*. — XI. Крѣпостное право въ Грузіи. *Кн. Ал. Орбелани*. — XII. Сурамская крѣпость, пов. *Д. Чонкадзе*. — 1860. Продолженіе повѣсти *Чонкадзе*. — I, II. *Вардбулбуліани* и *Теймураза*. — I. Соломонъ II Имеритинскій (занятія, увеселенія). — III. „Шами-Паравани“, напис. въ Рачѣ во время изгнанія. — VI. Описаніе Кутавса *Кн. З. Эристова*. — Объ армянахъ. Архим. *А. Теръ-Казаріани*. — VII. Сравненіе весны съ осенью, *цар. Теймураза*. — IX. Разрушеніе Трои, *цар. Теймураза*. — „Луна-тивъ“, ром. *Рчеулова*. — XI. „Анука Ратонишвили“, ром. *Рчеулова*. Хаджи-Абрекъ Лермонтова, перев. *И. Чавчавадзе*. — XV. Сказанія о колдуньяхъ и вороньей башнѣ *Θ. Мачаваріани*. — 1861 I. *С. И. Меджгануашвили*. *Льва Ардазіани*. — Разборъ „Анука Ратонишвили“, кн. *Нины Эристовой*. II. „Салакбо Пурцели“. *Молакбе*. IV. Отзывъ о перев. поэмы Козлова кн. Рев. Шалв. Эристовымъ. *Князя И. Чавчавадзе*. VI, VII. Отвѣтъ на ст. *И. Чавчавадзе*. Рев. Эристова, Варв. Джорджадзе, I. Бараташвили. *С. Алексѣева-Мехіева*. VI. Слово на погребеніе *Кн. М. Эристовой*. *С. Хаканова*. — IX—XII. Изъ путешествія по Кахетіи. *Ив. Кереселидзе*, X—XII. „Кацвіа—Мцкемса“. *Д. Гурамишвили*. — 1862 I, II. Царь Ираклій II. *Кн. Омана Херхеулидзе*. — II. Происхожденіе арагвскихъ Эриставовъ. — III. Женитьба, ком. *Д. Кипіани*. — IV. „Сумасшедшая“, пов. *Рчеулова*. — IV—VI. Мученическая кончина цар. Кетеваны. *Цар. Теймураза*. — V—VII. Царевна Тамара. Ром. *Рчеулова*. — VIII—IX. Царствованіе Георгія IX. Царевича *Теймураза*. — 1863, I. Руставели и его жена (легенда). *А. Пурцеладзе*. — Отзывъ о повѣсти *Чонкадзе*, *Керели Бека*. — Завѣщаніе ц. Давида III. — II. Соборъ при Давидѣ III. — III. Обзоръ журн. „Груз. Вѣстн.“ *Керели Бека*. — VII—VIII. Все приобрѣтается трудомъ (полит. экон.) *Л. Ардазіани*. — X. Вардзіа *Т. Мачаваріани*. — XII. Персидская поэзія *Ив. Еслахова*. 1864, I. Перс. поэзія. *Его же*. — III. „Кавказскій пѣвникъ“ Пушкина, пер. Сол. Гургенидзе. — V. Груз. пѣніе *Дав. Мачаваріани* и *Фил. Карбелова*. — VI—VIII. Колхида съ римскаго владычества до вторженія шаха Насра. *И. Мосидзе*. — IX—XI. „Маскарадъ“ Лермонтова, пер. *Гр. Цинцмдзгварова*. X. Событія по поводу освобожденія крестьянъ въ Грузіи. — 1865 II. Литературный обзоръ *А. Цагарели*. — III. О груз. спектаклѣ. *Его же*. — III, X. Груз. писатели *Мисимели*. — V. Разборъ нѣкоторыхъ груз. надписей. *Госселіани* — 1866 ²⁾. II. Историческій обзоръ сношеній Грузія съ Рос-

¹⁾ См. Этн. Обзор., кн. XL—XLI.

²⁾ Недостатъ № № 1 и 3.

сіей. *Ив. Кер.*—V. Исторія музыки *Юркевича.*—X. Матеріалы для исторіи Грузіи.—1867, I. О груз. литературѣ *А. Пурицеладзе.*—IV, V. Матеріалы для исторіи Грузіи. *Броссе.* VII. Мцхетъ (Описаніе праздника). IX, X. Последнее время груз. царей *Л. Бараташвили.*—X. „Калмасоба“, цар. Іоанна. 1868, I—V. „Калмасоба“, ц. Іоанна.—I—VI. Оконская церковь въ Гори. *А. Гарсеванова.*—I—VIII. Ц. Георгій XIII. *Леон. Бараташвили.* IX. Матеріалы для ист. Грузіи *Броссе.*—X. Письмо цар. Николая къ ц. Алексѣю Михайловичу.—XII. Іоаннъ Григ. Грузинскій. *Пл. Госселани.* 1869 ¹⁾. I—V. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. *Л. Бараташвили.*—II. Ц. Георгій XII. *Пл. Госселани.*—V. Вардзіа, *Ив. Кереселидзе.*—VI. Грамота ц. Имеретіи Баграта IV къ ц. Алексѣю Михайловичу 1669 г.—VII—VIII. Документы касающіеся ц. Арчила, Александра и др. X. Похороны царевны Ѳеклы Правлиевны.—1870 ²⁾ III, IV. Самцхе-Саатабаго. *И. Кереселидзе.*—VII, IX. „Геристаоба“, праздникъ грузинъ и осетинъ. *К. Бердзенова.*—1871 I. Слово въ день кончины кн. Нины Эристовой. *С. Хаханова.*—Постановка пьесы „Затменіе солнца“.—II—IV. Путешествіе въ Іерусалимъ—V. Куки (предмѣстье Тифлиса). Его прежнее и теперешнее положеніе. *І. Елизова.*—XII. Завѣщаніе XVIII в., *Осевили.* 1872 ³⁾ I, IV, X, XII. „Завѣщаніе“ *Осевили.*—II. Кѣръ-оглы и его дѣявія.—1873, I. Относительно „Общества любителей кавказской археологіи“ *Д. Бакрадзе.*—II. Самтаврскій монастырь. *Ив. Кереселидзе.* 1874 I. Тифлис. классическая гимназія (истор. очеркъ). *Ив. Кереселидзе.*—III, IV. Констанцій Контарини (итальян. путешественникъ).—IX. Путешествіе по Сванетіи. *Г. Ц.*—1875, I, II. Жизнь Магомета *Ив. Кереселидзе.*

Составилъ А. Хахановъ.

¹⁾ Недостаетъ № № 11—12.

²⁾ Недостаетъ № № 11—12.

³⁾ Недостаетъ № № 5 и 7.

В о п р о с ы.

1. Не знаетъ ли кто, или не имѣетъ ли рукописныхъ народныхъ разсказовъ о томъ, что въ старину убивали стариковъ, — какъ и почему прекратился этотъ обычай? Интереснѣе (потому что они менѣе представлены въ печати) варианты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе и, конечно, инородческіе.

2. Въ какихъ мѣстахъ извѣстны разсказы о существовавшемъ въ старыя времена обычаѣ сѣчь подростковъ на только что проведенной межѣ для того, чтобы она сдѣлалась имъ памятной, и чтобы они, въ случаѣ надобности, могли явиться впослѣдствіи свидѣтелями („памяткѣвый прочуханъ“)? Не существуетъ ли сходныхъ съ этимъ обычаевъ: драть свидѣтелей за уши, давать имъ пощечины и пр.?

3. Гдѣ и въ какой формѣ практикуется или практиковалось поруганіе труповъ должниковъ, умершихъ, не заплативши долга?

4. Не имѣетъ ли кто рукописныхъ разсказовъ о гордомъ царѣ, вмѣсто котораго нѣсколько лѣтъ правилъ ангелъ? Менѣе всего извѣстны малорусскіе, польскіе и бѣлорусскіе варианты.

5. Извѣстенъ ли въ Малороссіи, Великороссіи или Бѣлоруссіи обрядъ проводовъ Киселя или Жура во время поста или вообще обрядовъ, въ которыхъ онъ игралъ бы главную роль?

6. Не имѣетъ ли кто малорусскихъ пѣсень о Журилѣ (Чурилѣ, Цюрилѣ), еще не напечатанныхъ?

7. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Галичины и Буковины употребляется „плѣнь“ въ значеніи урожая и „ксеня“ въ значеніи игумены?

8. Какіе и гдѣ извѣстны разсказы объ Ильѣ пророкѣ, какъ сидѣ и кровосмѣсителѣ или убійцѣ своихъ родителей?

9. Дѣйствительно ли существовала малорусская лубочная картина, на которой былъ изображенъ Илья Муромецъ, защищающій Переяславъ отъ Половцевъ, и о которой упоминаетъ Котляревскій въ своей „Энеидѣ“?

10. Какія преданія о Соловьѣ-разбойникѣ извѣстны въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ Орловской губ.? Не соединяется ли имя Соловья съ т. н. „Кривымъ лѣсомъ“, р. Смородиной и пр.? Что извѣстно о чудесномъ садѣ Соловья, куда каждый могъ войти невозбранно, но не могъ выйти оттуда и двинуться съ мѣста, если бралъ тамъ что-нибудь? Последнее (брянское) преданіе извѣстно мнѣ въ самыхъ общихъ чертахъ: желательна была бы подробная запись.

В. Каллашъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ XIV ТОМЪ

„Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ Вс. Оед. Миллера,

изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ,

подъ ред. *Н. А. Янчука.*

(Москва, 1900 г. Стр. XXII—368 4°. Цѣна 3 руб.).

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.—В. М. Михайловскій. Краткій очеркъ научной дѣятельности В. О. Миллера. (Съ портретомъ). Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ В. О. Миллера.—Т. И. Ланге и Ф. Л. Триллинъ. Богатырь перегоняетъ солнце. Болгарская колядная пѣсня въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ.—А. Е. Грузинскій. Приходъ кобзаря въ село. Изъ поэмы Шевченка: „Черныця Марьяна“.—А. А. Шахматовъ. Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники.—О. Г. Мищенко. Къ вопросу о бытѣ Геродотовскихъ будиновъ.—А. С. Хахановъ. Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи, по даннымъ археологіи и этнографіи.—Бар. Р. Р. Штакельбергъ. Главныя черты въ народной религіи осетинъ.—Л. З. Мсеріанцъ. Къ Боспорской ономастикѣ. (Собственное имя Σωραχος).—В. К. Поржезинскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія.—М. Н. Сперанскій. Одно изъ примѣненій закона переживанія старины въ исторіи русской литературы.—Е. О. Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи.—Б. М. Халатянцъ. Общій очеркъ армянскаго богатырскаго эпоса.—Н. Н. Харузинъ. „Знамена“ у мордвы въ XVI и XVII вв. (Съ 168 снимками).—М. А. Дикаревъ, Апокрифы, собранные въ Кубанской области.—А. Н. Малинка. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи.—А. И. Кирпичниковъ. Богородица въ народной поэзіи. (Отрывки и замѣтки).—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ. Армянскій апокрифъ: Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю. (По рукописи

XVII вѣка).—Г. А. Халатянцъ. Объ Авгарѣ, царѣ Эдесскомъ, по Моисею Хоренскому.—А. Д. Григорьевъ. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.—М. О. Аттая. Повѣсть о мудромъ Хикарѣ и племянникѣ его Наданѣ. (Переводъ съ арабскаго).—С. О. Долговъ. Стихъ о Чудной Царицѣ.—С. К. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинамъ.—А. В. Марковъ. Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.—Ю. И. Поливка. Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ.—Н. Ѳ. Сумцовъ. Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се така баба, шо чортъ їй чоботы на маховыхъ вылахъ отдававъ“).—А. И. Маркевичъ. Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго престопа�одія.—В. А. Гордлевскій. Обзоръ турецкихъ сказокъ по сборнику Куноша.—А. Е. Крымскій. По поводу сюжета сказки Куноша № 94, послужившаго темою перваго ученаго труда В. Ѳ. Миллера.—А. К. Горстеръ. Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи“. Съ дополненіями и приложеніемъ указателя литературы, А. Е. Крымскаго.—Г. А. Муркосъ. О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али.—Г. В. Чирковъ. Два любопытныхъ арабскихъ документа. (Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ).—С. П. Олферьевъ. Изъ области древнеарабской лирической поэзіи.—С. Н. Тэръ-Саргсянцъ. Хачатуръ Абовянъ, какъ этнографъ. (Къ исторіи армянской этнографіи).—В. Н. Добровольскій. О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.—М. В. Довнаръ-Запольскій. Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.—П. В. Ивановъ. Вовкулаки. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ).—А. Е. Крымскій. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на Енне и Іине. Р. Ѳ. Брандтъ. Нѣсколько мелочей. (1. Перецъ.—2. Всь, зсье, вьса.—3. Человѣкъ.—4. Акцентныя крохи).—Мирза-Джафаръ. Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Reinwörter).—П. Н. Милюковъ. Что такое „море Вирянское“ и „городъ Леденецъ“? (Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловѣ Будимировичѣ).—В. В. Каллашъ. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о Полку Игоревѣ“.—Н. А. Янчукъ. Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ

Сборникъ Бѣломорскихъ былинъ,

собранныхъ лѣтомъ 1899 года гг. А. В. Марковымъ и А. Д. Григорьевымъ.

Сборникъ будетъ объемомъ до 40 печатн. листовъ. 80.

Годъ 12-й.

Кн. XLVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1900, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Моварица Предсѣдателя Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ, Тверская, Трехпрудный пер., с. д.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента „малороссійской лиры“.	
<i>А. Д. Маслова</i>	1
II. Отголоски сказки объ Ерусланѣ. <i>Гр. Потанинъ</i> . . .	14
III. Судъ аксакаловъ и судъ третейскій у киргизовъ Кустанайскаго уѣзда Тургайской области. <i>С. Сабатаева</i> .	66
IV. Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ <i>А. Маркова</i> .	73
V. Памяти Павла Васильевича Шейна († 14 августа, 1900 г).	
Съ портретомъ. <i>Всеv. Миллера</i>	96
Прибавленіе: Списокъ трудовъ П. В. Шейна, составилъ <i>А. Е. Грузинскій</i>	113
VI. Памяти Григорія Аветовича Джаншіева и Ильи Лукича Бахтадзе. <i>А. Хаханова</i>	115
VII. Смѣсь:	
Матеріалы для исторіи народнаго театра. VII. „Машенька“.	
<i>Вл. Добровольскаго</i>	117
Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою. <i>Н. Мендельсона</i> .	124
Забытая старая записъ одной былины и начало стихотворной „повѣсти о Теодорѣ Тиринѣ“. <i>А. Маркова</i>	130
Обычаи, обряды и повѣрья въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородск. г. (Продолженіе). <i>М. К. Герасимова</i>	133
Пѣсня про кончину императора Александра II. <i>Н. Кашина</i> .	137
VIII. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Keleti Szemle Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. Budapest. 1900. <i>А. Хаханова</i> . (140).—Д-ръ М. Габерландтъ. Народовѣдѣніе. Перев. съ вѣм. М. Э. Гюнсбурга, изд. В. И. Губинскаго. СПБ. 1900. <i>А. Максимова</i> (141).—Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Перев. съ вѣм. изд. д-ра Петерсена, подъ ред. В. Н. Ливъ. Изд. маг. „Книжное Дѣло“. Москва 1899—1900. <i>Его же</i> . (142).—Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Перев. съ англ. В. А. Тимирѣева. Дохристіанскія и нехристіанскія вѣрованія. Изд. Суворина. 1900. <i>В. Х.</i> (152).—Hermann L.	

- Strack. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit, mit besonderer Berücksichtigung der Volksmedizin und des jüdischen Blutritus. München. 1900. *А. Максимова*. (143).—*Е. И. Якушкинъ*. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библиографіи обычнаго права. Москва. 1899. *Ею-же* (145).—*П. Лупповъ*. Народное образованіе среди вотяковъ современіи первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ. Вятка, 1898. *Ею-же* (146).—Сборникъ матерьяловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Изд. Сыръ-Дарьинск. Обл. Стат. Комитета, подъ ред. И. И. Гейера. Т. VII. Ташкентъ, 1899. *А. М.* (147).—*А. А. Диваевъ*. О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области. Казань, 1900. *А. Максимова* (147).—Сборникъ киргизскихъ пословицъ. Матеріалы по этнографіи киргизъ. Изд. Тургайскаго Обл. Стат. Комитета. Оренбургъ, 1899. *Ею-же* (147).—*Павель Симони*. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Вып. I, съ прилож. таблицъ снимковъ съ рукописей. Изд. Отд. русс. яз. и слов. И. Акад. Наукъ. СПб. 1899. *А. Маркова*. (148).—Описаніе Минусинскаго Музея. Вып. IV. *Е. К. Яковлевъ*. Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. Издано на средства В. А. Данилова. Минусинскъ, 1900, *В. Х.* (152).—Проф. *Т. Флоринскій*. Малорусскій языкъ и „українсько-руський“ литературный сепаратизмъ. СПб. 1900. *А. М.* (154).
2. Обзоръ журналовъ и газетъ. 155
3. Новости иностранной этнографической литературы. *А. М.* 161
4. Дополненіе къ библиографіи о башкирахъ. *А. de Genner*. 163
- IX. Вопросы и отвѣты. Суевѣрія относительно животныхъ.
N. W. Thomas 164
- X. Корреспонденціи:
1. Изъ Тверской губерніи. (Суевѣрныя средства предохраненія отъ болѣзней). *А. Максимова* 166
2. Изъ Вологодской губ. (О чтеніи и книгахъ среди крестьянъ). *А. Д. Неуступова* 166
3. Оттуда же (Народные толки о Китайской войнѣ).
Ею-же 168
- XI. Хроника. Увѣковѣченіе памяти П. В. Шейна.—Правила о преміи имени А. М. Сибирякова. 169
- XII. Объявленіе о новыхъ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла.

Лирники Орловской губерніи,

въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента
„МАЛОРОССІЙСКОЙ ЛИРЫ“.

Во время пребыванія моего лѣтомъ въ Орловской губ., Ливенск. у., въ селѣ Шатиловѣ, мнѣ пришлось услышать пѣніе слѣпыхъ нищихъ: старика, старухи и мальчика поводыря. Пѣли они какой-то апокрифическій стихъ, и пѣніе ихъ сопровождалось игрой старика на невиданномъ мною дотолѣ инструментѣ. Этотъ инструментъ оказался такъ называемой у насъ теперь малороссійской лирой. Пѣніе нищихъ, признаюсь, меня поразило, когда я услышалъ оригинальный, характерный напѣвъ старца, контрапунктируемый голосомъ старухи, а также поводыря и сопровождаемый грамониически незатѣйливымъ аккомпаниментомъ, но изобилующимъ трудно уловимыми украшеніями.

Пѣвцы, и особенно ихъ инструментъ, меня такъ заинтересовали, что я рѣшилъ непременно поближе съ ними ознакомиться. Одинъ мой знакомый крестьянинъ Д. И. Студенниковъ сообщилъ, что въ ихнемъ селѣ (Ольшаномъ, того-же Ливенск. уѣзда) есть плотвикъ, который дѣлаетъ, между прочимъ, инструменты для слѣпыхъ. Я попросилъ заказать для меня такой инструментъ, и лѣтомъ прошлаго года лира была готова. Какъ настраивать ее, первоначально указалъ мнѣ Д. И. Студенниковъ, онъ же доставилъ мнѣ текстъ заздравнаго стиха, записаннаго имъ съ голоса слѣпого нищаго. Послѣ того я ждалъ появленія въ нашемъ селѣ какого-нибудь слѣпого и наконецъ издали услышалъ пѣніе стиха „Мати Дѣва Пресвятая“... Пѣніе нищаго на этотъ разъ сопровождалось голосомъ одного только мальчика поводыря, который пѣлъ октавой выше, а не контрапунктировалъ, какъ пришлось мнѣ слышать раньше.

Такъ какъ я былъ въ это время заинтересованъ больше самимъ инструментомъ, а также манерой и способомъ игры, то текстъ и напѣвъ стиха не записалъ тотчасъ же, а послѣ, по моей просьбѣ, слѣпой его не повторилъ и, когда налаживалъ мою лиру, какъ нарочно наигрывалъ плясовую. Ощупавъ пальцами мою лиру, онъ освѣдомился, кто ее дѣлалъ; я отвѣтилъ, что въ с. Ольшаномъ. Тамошнее производство этихъ инструментовъ ему оказалось извѣстнымъ, и онъ говорилъ, что тамъ дѣлаютъ хорошіе инструменты. Затѣмъ началъ играть на моей лирѣ: она оказалась звучнѣе его лиры, и я думаю, что та была изготовлена другимъ мастеромъ, судя по формѣ, и звучала слабѣе, но мягче. За свою лиру съ наборомъ струнъ я заплатилъ 2 р. 45 к., а слѣпой сообщилъ, что бываютъ и лучше инструменты: такъ у него была лира, которую онъ продалъ одному „барину“ изъ Ливенскаго же уѣзда за 12 рублей. Это чуть-ли не самая высокая цѣна на такіе инструменты ¹⁾.

Лира, о которой я говорю, состоитъ изъ скрипичнообразнаго корпуса, съ двумя плоскими деками. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у скрипки прикрѣпляется грифъ, къ лирѣ прикрѣплена небольшая коробка, по бокамъ которой вставлены 3 колка, на которые навязаны 3 струны: первая веревочная и толстая, средняя жильная, третья-обвитая канителью; иногда всѣ три бываютъ жильныя. Двѣ крайнія настроены въ квинту, а средняя въ октаву съ третьей (напр. до-соль-до: такъ настроилъ слѣпой мою лиру). А. Е. Грузинскій въ „Этнограф. Обзорѣніи“ 1891 г. ²⁾ говоритъ, что лира эта строится такъ: самая толстая струна—основная, средняя жильная даетъ къ ней октаву, а третья квинту. А г. Пѣтуховъ въ описаніи инструментовъ музея С.-П. Консерваторіи говоритъ, что всѣ три струны звучатъ въ унисонъ. Не могу судить, насколько правильны были эти сообщенія не специалистовъ музыкантовъ, но въ наблюдаемой мною мѣстности, повторяю, строй былъ таковъ: крайнія строились въ квинту, а средняя въ октаву съ болѣе тонкой изъ крайнихъ.

¹⁾ Общее понятіе о вышнемъ видѣ лиры незнакомые съ нею читатели могутъ имѣть по изображеніямъ ея въ „Этногр. Обзорѣніи“ за 1891 годъ, кн. XI, при статьѣ г. Грузинскаго, поэтому здѣсь рисунокъ ея не прилагается. Описываемый авторомъ экземпляръ Орловской лиры пожертвованъ имъ въ Этнографическій Музей въ Москвѣ.

Ред.

²⁾ Кн. XI, стр. 156

Всѣ струны сразу приводятся въ колебаніе треніемъ вращающагося валика. Надъ средней струной укрѣпленъ продолговатый ящичекъ, въ концѣ, ближайшемъ къ валику, вырѣзано круглое отверстіе, чтобы средняя струна свободно могла вибрировать, съ другого же конца струна встрѣчаетъ препятствіе и область вибраціи прекращается. Всѣхъ клавишей 9, но употребительны изъ нихъ только шесть. Каждая клавиша устроена такъ, что можно измѣнить скалу, — послѣдовательность тоновъ и полутоновъ въ какомъ-нибудь порядкѣ, — средней струны, которая обыкновенно строится въ древне-іонійскомъ ладѣ: соль, ля, си, до, ре, ми, фа, соль, т. е. представляетъ послѣдовательность изъ 2-хъ цѣлыхъ тоновъ, полутона, 2-хъ цѣлыхъ тоновъ, полутона и опять 1-го цѣлаго тона. Подстраиванье достигается посредствомъ повертыванія то въ право, то въ лѣво прикрѣпленныхъ къ клавишамъ топорикообразныхъ язычковъ, которые при нажиманіи клавишей прикасаются къ струнѣ.

Во время игры лира держится на ремнѣ, чрезъ правое плечо, въ наклонномъ положеніи. Правой рукой вращается валикъ, а лѣвой нажимаются клавиши, которыя свободно ходятъ въ отверстіяхъ ящика и сами отпадаютъ внизъ, если пальцы перестанутъ ихъ нажимать. Ящичекъ имѣетъ крышку, толстая струна также, а иногда закрывается лубкомъ отъ дождя и валикъ.

Ли́ра обладаетъ сильнымъ и пронзительнымъ звукомъ, хотя игроки такъ или иначе заботятся, чтобы онъ былъ мягче; для этого въ мѣстахъ прикасанія валика со струнами послѣднія обматываются мягкой шерстью. Діапазонъ лиры непостояненъ, это зависитъ отъ голоса игрока, также какъ въ классической „орфеевой лирѣ“.

Происхожденіе только что описаннаго инструмента восходитъ къ глубокой древности. Принадлежитъ онъ къ типу инструментовъ съ клавишами, первымъ же такого рода инструментомъ нужно считать греческій *монохордъ*, существовавшій еще до Пифагора. Онъ имѣлъ видъ продолговатаго корпуса съ одной или двумя, натянутыми на 2 высокихъ подставкахъ, струнами, между которыми была подвижная клавиша, служившая прототипомъ клавишей теперешней лиры. Клавиша на монохордѣ была одна и служила для установленія отношенія между частями струнъ. Передвиженіе подставки-клавиши оказалось неудобнымъ, пришлось удѣлать по клавишѣ на

каждую ступень. Какъ на одинъ изъ первыхъ фазисовъ развитія клавишныхъ инструментовъ можно указать на индійскую *віну*, у которой было подъ струнами 19 нисходящихъ подставокъ, на которыя нажимали пальцами; но эта вина не имѣла вліянія на развитіе европейскихъ инструментовъ и сама осталась безъ всякихъ усовершенствованій.

Свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ развитія клавишныхъ инструментовъ теряются вплоть до IX вѣка по Р. Х, когда мы видимъ уже весьма распространеннымъ въ Западной Европѣ инструментъ съ 3-мя струнами, называемый *органиструмъ*. Къ смычковому инструменту формы віолы примѣнили механизмъ, похожій на монохордъ, но только съ 8 клавишами (для измѣненія высоты тоновъ), поднимавшимися и опускавшимися по желанію музыканта, но вмѣсто смычка звукъ воспроизводился треніемъ вращающагося валика, обтянутаго кожей или просто накинутаго.

А такъ какъ въ первыя времена на віолахъ не было усовершенствованныхъ кобылокъ, какъ теперь въ нашихъ скрипкахъ, то смычекъ долженъ былъ играть сразу по всеѣмъ струнамъ. На одной струнѣ воспроизводилась мелодія, остальные же, настроенныя въ октаву или квинту, должны были держать органнй пунктъ. Тоже естественно получилось и на органиструмѣ: по одной струнѣ перебирали клавиши, а остальные двѣ упрямо звучали унисономъ, октавой или квинтой. Кстати замѣчу, что слѣдствіемъ подобной игры явилась первая многоголосная музыка, выразившаяся первоначально часто въ довольно нелѣпыхъ звуковыхъ сочетаніяхъ, фобурдова и органума. Отъ послѣдняго, быть можетъ, органиструмъ и получилъ свое названіе или обратно.

Первоначально этотъ органиструмъ съ гитарообразнымъ корпусомъ былъ такъ великъ, что на немъ приходилось играть двоимъ музыкантамъ, изъ которыхъ одинъ вертѣлъ колесо и главнымъ образомъ держалъ инструментъ у себя на колѣняхъ, а другой завѣдывалъ грифомъ и повертывалъ на немъ клавиши. На сохранившемся барельефѣ съ капителя XI вѣка изъ бошервильской церкви св. Георгія въ Нормандіи, можно видѣть группу средневѣковыхъ музыкантовъ, XI вѣка, и между ними двѣ женскія фигуры, играющія вѣвоемъ на одномъ органиструмѣ ¹⁾. Когда развѣръ ви-

¹⁾ См. Науманъ. Исторія музыки., т. I, стр. 214.

струмента уменьшился, на немъ стало возможнымъ играть одному музыканту, при томъ не только сидя, но и стоя. Съ тѣхъ-то поръ, вѣроятно, и начали подобные инструменты распространяться по сосѣднимъ странамъ. Во Франціи такой инструментъ называли *vielle*, *rubelle*, *rebelle* и т. д. Въ Германіи же, почти до XII вѣка, существовалъ подъ названіемъ органиструмъ. Позднѣе стали давать другія названія, какъ-то: „гармонія, симфонія, шифонія, при чемъ эти названія часто смѣшивались съ инструментами другого типа. Въ XV и XVI вѣкѣ были попытки видоизмѣнять этотъ инструментъ: то оставляли клавиатуру для лѣвой руки и играли смычкомъ, то клавиатуру уничтожали и оставляли валикъ для тренія струнъ (такимъ образомъ получились *Schlüsselfiedel*, *Schlüssel-Fiddel*)¹⁾.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій инструментальные мастера запада пытались совершенствовать клавесинъ и примѣнять къ нему колесо съ той же цѣлью, какъ въ органиструмѣ. Вотъ что объ этомъ писалъ Фетисъ: „тому уже болѣе 100 лѣтъ, какъ въ первый разъ попытались довести инструменты съ клавиромъ до возможности выдерживать звукъ по примѣру инструментовъ со смычками. Около 1717 года одинъ парижскій клавесинный мастеръ сдѣлалъ опытъ разрѣшить эту трудность въ инструментѣ, который онъ назвалъ „*clavesinvielle*“, потому что этотъ инструментъ походилъ на лежащую на столѣ віолу; вмѣсто смычка вертѣлось надъ нимъ колесо, и звукъ его имѣлъ сходство со звуками віолы“.

Далѣе онъ говоритъ, что на выставкѣ произведеній промышленности въ 1806 году парижскій фортепьянный мастеръ Шмидтъ показывалъ инструментъ, имѣвшій форму длиннаго четырехугольнаго ящика, на одномъ концѣ былъ клавиръ съ механизмомъ обыкновеннаго фортепьяно, а на другомъ еще клавиръ для приведенія въ движеніе большихъ цилиндрическихъ смычковъ, заставлявшихъ звучать кишечныя струны.

Въ такомъ же родѣ было еще нѣсколько изобрѣтеній, но все они приближались болѣе или менѣе къ фортепьяно, съ органиструмомъ же имѣли только общую идею непрерывнаго звучанія. Но по мѣрѣ усовершенствованія фортепьяно они вышли изъ

¹⁾ См. назв. соч. Паумана, т. I, табл. XXII (факсимиле изъ *Syntagma musicum* М. Преторія).

употребленія, а органиструмъ въ первобытной чистотѣ и съ незначительными только измѣненіями удержался и до сихъ поръ въ народѣ, а прежде онъ былъ весьма любимымъ инструментомъ диллетантовъ, знатныхъ французскихъ и провансальскихъ дѣвухъ, которыя обучались игрѣ на этомъ инструментѣ. Изъ двухъ женскихъ фигуръ, изображенныхъ на той же бошервильской капители, одна, судя по коронкѣ на головѣ, принадлежать къ знатымъ и, быть можетъ, коронованнымъ особамъ, другая же, вертящая за ручку инструмента, по мнѣнію Амброса, есть ея служанка ¹⁾).

Трубадуры, путешествуя, имѣли при себѣ жонглеровъ, которые должны были играть на нѣсколькихъ инструментахъ, въ томъ числѣ и на органиструмѣ. Но вскорѣ послѣ знаменитаго „мейстера“ Готтфрида Страсбургскаго (начало XIII вѣка) органиструмъ впалъ въ опалу, и его предоставили слѣпцамъ и нищимъ (откуда и произошло потомъ названіе инструмента Bettleier). Однако во Франціи и позднѣе былъ въ модѣ этотъ инструментъ. Такъ въ 1330 г. въ Парижѣ образовалось музыкальное братство подъ названіемъ „confrérie de St. Julien des ménestriers, члены котораго назывались: compagnons, jongleurs, ménestrieux, menestrels, главнымъ же инструментомъ ихъ былъ Leyer; въ XV вѣкѣ братство было преобразовано, и лиру замѣнили другіе инструменты: rebec, потомъ viola.

Съ тѣхъ поръ лира почти повсемѣстно сдѣлалась народнымъ инструментомъ. Во Франціи особенно распространилась въ провинціи Савойѣ. Занесена была даже въ Англію. На одной картинѣ, написанной въ 1733 г. Гогартомъ, изображена ярмарка въ Соутворкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ мюзетомъ и волынкой мы встрѣчаемъ лиру, на которой играетъ, повидимому, зрячій. Фигура лирника изображена съ инструментомъ на спинѣ и смотрящей въ народный „Ракъ“.

Какъ западно-европейская лира попала къ намъ въ Россію, — ничего неизвѣстно.

Съ XV-го вѣка въ Россіи начинается западо-культурное вліяніе, начинаютъ изъ „нѣметчины“ вывозить такъ называемыхъ „мастеровъ“, игроковъ органныхъ, пѣвцовъ къ царскому двору.

Іоанномъ III заведенъ былъ „потѣшный дворъ“; быть можетъ,

¹⁾ A m b r o s, Geschichte der Musik. B. II, p. 244.

въ числѣ приглашенныхъ „мастеровъ“ были также вызваны „игрецы“ на лирахъ, но въ памятникахъ письменности того времени нѣтъ никакихъ указаній на этотъ счетъ; если же лира и, была въ то время, то она не пользовалась, какъ гусли и домра такимъ почетомъ, особливо при дворѣ, и занесена, вѣроятно, была къ намъ путемъ естественнаго распространенія съ запада чрезъ Малороссію или Бѣлоруссію; тотъ фактъ, что въ означенныхъ мѣстахъ лира наиболѣе распространена, говоритъ за высказанное мнѣніе.

Впервые упоминается про лиру въ Россіи въ замѣткахъ Маскѣвича,¹⁾ который былъ польскимъ офицеромъ и находился въ Москвѣ съ Гонсевскимъ въ 1610—11 годахъ. Въ этихъ замѣткахъ онъ въ одномъ мѣстѣ описываетъ боярскій парадный обѣдъ, на который для потѣхи бояръ приглашаютъ шутовъ и скомороховъ; „иногда же, говоритъ Маскѣвичъ, въ подражаніе нашимъ обычаямъ, приказываютъ играть на *лирахъ*; этотъ инструментъ похожъ на скрипку, только вмѣсто смычка употребляютъ колесо, приправленное посрединѣ: одной рукой кружатъ колесо и трогаютъ имъ струны снизу, другою прижимаютъ клавиши, коихъ на шейкѣ инструмента около 10; каждый придавленный клавишъ сообщаетъ струнѣ звукъ тонѣе. Впрочемъ играютъ и припѣваютъ на одну только ноту“.

Изъ этого описанія видно, что инструментъ отличался отъ теперешней лиры присутствіемъ шейки, на которой устроенъ былъ ящичекъ съ клавишами и которой на теперешнихъ лирахъ не существуетъ. Еще упоминаетъ про лиру въ своихъ сочиненіяхъ Олеарій по поводу жестокостей Ивана Грознаго, совершенныхъ въ 1570 году въ Новгородѣ, когда архіепископу Пимену связали ноги, посадивъ на лошадь, и надѣли на шею скоморошьи инструменты между прочимъ лиру, но была ли она такой, про которую мы теперь говоримъ, подвержено большому сомнѣнію.

При Петрѣ I, говорятъ, во время свадьбы Зотова въ процессіи участвовалъ шуточный оркестръ изъ 60 человѣкъ, въ составѣ котораго были „5 игры рылѣ“. Въ текущемъ же столѣтіи присутствіе лиры и лирниковъ уже не разъ констатированы собирателями русскаго народнаго творчества.

¹⁾ Устряловъ, часть V, стр. 61.

Наша лира есть не что иное, какъ „крестьянская лира“ (Bauerleier), описанная М. Преторіусомъ, музыкальнымъ писателемъ и композиторомъ конца среднихъ вѣковъ.

Обѣ онѣ немного разнятся между собой. Корпусъ „крестьянской лиры“ имѣлъ гитарообразную форму, а корпусъ описываемой лиры имѣетъ форму скрипки съ вырѣзками, якобы для удобства игры смычкомъ и слѣд. совершенно лишними; затѣмъ у Преторія лира съ нѣкоторымъ удлинениемъ для грифа, на которомъ были устроены клавиши и потѣмъ уже головка съ колками, вставленными вертикально, въ нашей же лирѣ грифа вовсе нѣтъ, и механизмъ съ клавиатурой, совершенно такой же, какъ у „крестьянской лиры“, помѣщается на самомъ корпусѣ; головка, примыкающая непосредственно къ корпусу, состоитъ изъ ящичка, въ который съ боковъ вставлены горизонтально значительныхъ размѣровъ колки. (Назначеніе ящичка было другое, туда складывались запасныя струны, шерсть и канифоль). Затѣмъ на нѣкоторыхъ лирахъ бываютъ „голосники“, наподобіе скрипичныхъ Эсъ, но въ нашей ихъ вовсе нѣтъ.

На такой лирѣ у насъ теперь играютъ слѣпые нищіе, за рѣдкими исключеніями и зрячіе, особенно если они вышли изъ водырей. Въ юго-западныхъ губерніяхъ лирниковъ, независимо отъ возраста, называютъ старцами. Въ свое время историческія обстоятельства заставили ихъ сыграть видную роль при возникновеніи и распространеніи духовнаго стиха. Духовенство издавна весьма недружелюбно относилось къ музыкантамъ и скоморохамъ, и своимъ притѣсненіемъ оказало большой толчекъ развитію духовнаго стиха. Въ 1647 г., по приказу патріарха Никона, всѣ музыкальные инструменты, которые находились въ Москвѣ даже у частныхъ лицъ, были собраны на возы, отвезены къ Москвѣ-рѣкѣ и тамъ сожжены. „Потѣшный дворъ“ съ тѣхъ поръ на время наполнился нищими, вмѣсто прежнихъ потѣшниковъ (скомороховъ, дударей и домрачеевъ). Эти нищіе создали цѣлый циклъ духовныхъ пѣсенъ и стиховъ, которые распѣвали, скитаясь по городамъ и селамъ. Подобные же духовные стихи и понынѣ еще распѣваютъ подъ аккомпаниментъ лиры слѣпцы нищіе. Они, будучи исключены изъ обычныхъ условій жизни, развиваютъ свои мыслительныя способности, углубляются въ самихъ себя, живутъ какъ бы другой жизнью, чѣмъ обыкновенный крестьянинъ-работникъ. Всякія выдающіяся явленія

окружающую міра изъ настоящаго и прошлаго народа волнуютъ его и находятъ отклики въ его чувствительной натурѣ; особенно это видно на исчезающемъ типѣ малорусскаго лирника съ его думами. Кулишъ рассказываетъ (въ Запискахъ о Южн. Руси), какъ исполненіе одного слѣплого лирника сопровождалось размышленіемъ, киваніемъ головы и глубокими вздохами, иногда онъ бывалъ расстроганъ содержаніемъ пѣсни, голосъ его дрожалъ все болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе на нѣсколько минутъ прерывало пѣніе и музыку. Въ старину подобные импровизаторы достигали большой извѣстности, и слава о нихъ разносилась далеко за предѣлы родины ихъ учениками.

Лира, на которой они играютъ, какъ я уже сказалъ выше, почти въ такомъ же видѣ существовала въ XV вѣкѣ на западѣ подъ назв. „крестьянской“, иногда только съ болѣшимъ числомъ струнъ, чѣмъ въ нашей. У насъ же она получила собственное названіе *Малороссійской*, вѣроятно, оттого, что употреблялась преимущественно въ Малороссіи. Несмотря на то, она встрѣчается, и даже довольно часто, не только въ южной Руси, но и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, насколько мнѣ извѣстно: въ западныхъ губерніяхъ, въ губ. Тульской, Орловской, Воронежской и на Кавказѣ, а называютъ ее иногда рыль или рель, въ Малороссіи—рѣля.

Думаю, не безынтересно будетъ немного познакомиться съ общественно-экономическимъ бытомъ слѣпыхъ пѣвцовъ. Ихъ не всегда можно назвать профессиональными нищими. Отличаясь высшимъ настроеніемъ ума и служа религіозно-нравственнымъ потребностямъ простаго народа, они не производятъ жалкаго вида простаго нищаго. Одни изъ нихъ, крестьяне-общественники, живутъ въ деревняхъ семьями и изрѣдка выходятъ за милостыней. Другіе скитаются съ мѣста на мѣсто, подъ старость копятъ деньги и покупаютъ, если нѣтъ своей, хату, обзаводятся хозяйствомъ, а затѣмъ заводятъ школу пѣвцовъ. Скитаются они поодиначкѣ, иногда группами, при чемъ одинъ кто-нибудь изъ нихъ играетъ на лирѣ. А. Е. Грузинскій сообщаетъ, что на ярмаркахъ въ Могилевской губерніи слѣпые разбиваются на группы въ 3—4 человека съ однимъ поводыремъ и общей чашкой для собиранія денегъ, болѣе опытный изъ этихъ ходитъ „за старшого“. Также существуетъ братство слѣпыхъ съ старостой и другими должностными лицами, выбираемыми на большой районъ. Лирники же изъ всѣхъ слѣпыхъ

составляютъ громадное меньшинство и представляютъ собою отдѣльный классъ въ народѣ и подраздѣленіе между остальными слѣпыми. Для вступленія въ такъ называемое „лирничество“, говоритъ г. Боржковский въ „Кіевской Старинѣ“¹⁾, требуются особые условія. Недостаточно нищему слѣпому купить лиру, чтобъ быть лирникомъ, но онъ долженъ прежде пріобрѣсти право носить ее, долженъ вступить въ „лирничество“. За самовольное ношеніе лиры дѣды-лирники строго наказываютъ — бьютъ виновныхъ и уничтожаютъ лиру. Желаящій быть лирникомъ обязанъ итти въ науку къ старому лирнику, у котораго въ продолженіе 3-хъ лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ изучаетъ лирническую языкъ, молитвы, игру на лирѣ и пѣніе религіозно-нравственныхъ стиховъ и другихъ пѣсенъ. По окончаніи курса производятъ экзаменъ по особому церемоніалу въ присутствіи дѣдовъ. Выдержавшій испытаніе получаетъ такъ называемую „вызвилку“ и становится настоящимъ лирникомъ. Не правда ли, какъ это наминаетъ намъ западныхъ мейстерзингеровъ съ ихъ табулатурами? Учителя, однако, не всему выучиваютъ молодыхъ лирниковъ, а заставляютъ ихъ самихъ „доходить розуму“.

Лично мнѣ пришлось наблюдать лирниковъ въ Ливенскомъ уѣздѣ Орловской губ., и, по словамъ старожиловъ, лирники тамъ существуютъ уже около 40 лѣтъ, имѣютъ и особый языкъ, отличающійся отъ языка юго-западныхъ лирниковъ, но про какую-нибудь организацію слѣпыхъ не слышно. Также они не всегда имѣютъ настоящее мѣсто жительства; такъ, напр., тотъ лирникъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ статьи, родомъ изъ Малоархангельскаго уѣзда, а самъ съ недавняго времени перекочевалъ на жительство верстъ за 50 отъ родины въ деревню Домогадку, Ливенск. уѣзда, гдѣ живетъ на квартирѣ у крестьянина, и въ поводыри взялъ себѣ мальчика, сына хозяина. Мальчикъ, путешествуя съ нимъ, выучился пѣть его стихи и помогаетъ ему. Верстахъ въ 2-хъ отъ этого живетъ другой лирникъ, который года четыре какъ ослѣпъ окончательно, дотолъ былъ хорошимъ плотникомъ, имѣетъ свою хату, надѣльную землю, женатъ, имѣетъ нѣсколькихъ дѣтей, а теперь принужденъ сдѣлаться нищимъ и въ послѣдніе два года выучился играть на лирѣ.

Итакъ, лирники въ Орловской губ. есть не случайное явленіе, и нельзя думать, что они туда заходятъ изъ южныхъ губерній.

¹⁾ „Лирники“. Кіев. Стар. 1889, № 9.

Совѣмъ обратное встрѣчается на Кавказѣ, гдѣ есть свои слѣпые пѣвцы-музыканты „ашуги“, наряду съ ними встрѣчаются также и лирники, *заходящіе* туда изъ нашихъ южныхъ губерній. Теперь лирники ходятъ по селамъ, особенно во время храмовыхъ праздниковъ, ярмарокъ. По окончаніи обѣдни у церкви или въ другомъ многолюдномъ мѣстѣ можно услышать, какъ они распѣваютъ духовные стихи: о Голубиной книгѣ, про Алексѣя Б. Ч., Лазаря, Егорія, поминальные, задравные и т. п. Эти стихи въ ихъ исполненіи принимаютъ особую окраску, и оригинальное, прочувствованное пѣніе ихъ не производитъ на слушателя столь утомительнаго впечатлѣнія, несмотря на повторяющійся напѣвъ, большое число стиховъ и бесконечно тянущійся звукъ. Многочисленная толпа слушателей изъ народа окружаетъ слѣпого и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ до конца за повѣстью былыхъ временъ, или слушаетъ событія изъ церковной исторіи и подвиги святыхъ.

Эти апокрифическія произведенія появились въ Россіи въ первыя времена распространенія христіанства и письменности на Руси и явились они какъ примиряющее начало между язычествомъ и новой религіей. Заимствуя сюжеты изъ книгъ, они пополнялись у насъ языческими вѣрованіями старины, и слѣдовательно, содержали въ себѣ очень много чисто народнаго. И какъ на этихъ духовныхъ стихахъ, перешедшихъ къ намъ изъ Болгаріи и Византии, отразился языческій элементъ, такъ и на напѣвахъ, въ сущности народныхъ, отразилось, только въ большей степени, вліяніе греческой музыки съ ея церковными гласами.

Прежде стихи эти распѣвались такъ называемыми „каликами переходжими“, теперь же эти пѣвцы по большей части называются просто слѣпыми нищими или старцами, и съ относительно недавнихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ пѣніе свое начали сопровождать игрой на лирѣ; послѣдніе называются большею частію лирниками, рѣдко ошибочно кобзарями. Кромѣ духовныхъ стиховъ, они поютъ въ Малороссіи думы, но это уже встрѣчается все рѣже и рѣже. Нѣтъ уже того интереса къ думамъ и историческимъ пѣснямъ у народа, занятаго матеріальными нуждами и оставившаго далеко за собою героическое прошлое, отражавшееся въ его подчасъ художественно-безыскусственныхъ думахъ. Отсюда явился упадокъ эпико-лирическаго творчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе

стариннаго типа лирниковъ. Итакъ, репертуаръ лирниковъ сталъ теперь вращаться около духовнаго стиха и плясовой. Относительно послѣдней въ печати встрѣтилось много противорѣчій. Замѣчу лишь, что Кулишъ въ Запискахъ о Южной Руси свидѣтельствуешь, что одинъ слѣпой кобзарь бросилъ свою бандуру и сталъ играть на лирѣ, потому что она сильнѣе голосить, а бандура при сравнительно слабомъ ея звукѣ бываетъ не слышна на шумныхъ свадьбахъ. Въ Ливенск. у. Орловск. губ. слѣпой при настройкѣ моей лиры наигрывалъ русскую, о чемъ я уже говорилъ ранѣе.

При свадебныхъ же обрядахъ мнѣ присутствовать не пришлось, но судя по тому, что въ тѣхъ мѣстахъ очень рѣдко встрѣчаются какіе-либо музыкальные инструменты, то на свадьбахъ фигурируетъ, вѣроятно, больше чисто-вокальная музыка. Развѣ только отставной солдатъ привезетъ съ собой гармонику и такимъ образомъ внесетъ нежелательный элементъ въ безыскусственную народную пѣсню, но и это встрѣчается рѣдко. На большомъ протяженіи уѣзда мнѣ пришлось наблюдать, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ населеніемъ крестьянъ государственныхъ и, такъ называемыхъ, однодворцевъ пѣсня менѣе уважается, чѣмъ въ деревняхъ бывшихъ крѣпостныхъ; въ послѣднихъ-то очень часто можно еще встрѣтить очень старыя пѣсни, не испорченныя никакимъ постороннимъ вліяніемъ, насколько это можно судить по чистотѣ напѣвовъ нѣсколькихъ пѣсенъ, записанныхъ мною и г. Евстратовымъ въ селѣ Шатиловѣ-Благовѣщенскомъ, кромѣ, какъ я сказалъ выше, духовнаго стиха, который повсемѣстно сложился подъ вліяніемъ церковныхъ ладовъ. Исполнители этихъ стиховъ въ народѣ встрѣчаются теперь все рѣже и рѣже и, какъ почти исчезли сказители, кобзари, бандуристы, такъ исчезнуть скоро и лирники, замѣнившіе послѣднихъ (т.-е. бандуристовъ) вслѣдствіе большей легкости выучиться играть на лирѣ. Культурный элементъ неудержимо вливается въ народные массы, и народные инструменты замѣняются болѣе совершенными. Также какъ исчезаетъ былина, исчезаетъ старая народная пѣсня и замѣняется новой съ явнымъ отбѣнкомъ такъ называемаго западнаго вліянія. вмѣстѣ съ старой пѣсней исчезаютъ ея спутники — музыкальные инструменты, исчезаетъ духовный стихъ — вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и лира, и въ скоромъ времени ей суждено сдѣлаться только достояніемъ музея.

Нѣкоторыя мѣстности Россіи въ этнографическомъ отношеніи еще не въ достаточной степени сслѣдованы и ждутъ только своихъ этнографовъ. Въ частности, упоминаемый мною Ливенскій уѣздъ въ музыкальномъ отношеніи мѣстами представляетъ еще много этнографическихъ цѣнностей, и, думаю, недалеко то время, когда эти цѣнности исчезнутъ. Поэтому будемъ спѣшить запасть музыкально-этнографическимъ матеріаломъ въ надеждѣ впоследствии дать возможность тому же народу услышать произведенія русскихъ композиторовъ, вдохновившихся тою-же родною пѣсней ¹⁾.

А. Л. Масловъ.

¹⁾ Пѣснь лирическихъ стиховъ Ливенскаго уѣзда будутъ напечатаны впоследствии вмѣстѣ съ другими собранными мною пѣснями. *Авт.*

Отголоски сказки объ Ерусланѣ.

Въ своей книгѣ „Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ“ ¹⁾ я посвятилъ отдѣльную главу сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Изъ матеріаловъ, собранныхъ мною, я сдѣлалъ такіе выводы. Сказка эта была принесена къ намъ не изъ Ирана, а изъ орды; она возникла въ ордѣ и оттуда попала въ одной редакціи къ намъ, а въ другой въ Ирину. Зародыши ея кроются въ животномъ эпосѣ орды. Одинъ изъ такихъ зародышей я указалъ въ тюрко-монгольскихъ разсказахъ о лвѣ (арсланѣ), который старается узнать, кто сильнѣе, арсланъ, или человѣкъ. Въ болѣе древнихъ редакціяхъ вмѣсто льва, можетъ быть, стоялъ медвѣдь; сначала, подъ именемъ арслана понимали, можетъ быть, медвѣдя, потомъ стали понимать льва, а затѣмъ арсланъ превратилось въ имя богатыря Арслана (въ русской сказкѣ Ерусланъ или Урусланъ, который нѣсколько разъ задаетъ вопросы, есть ли кто его сильнѣе, и отъ одного сильного соперника переходитъ для состязанія къ другому).

Кромѣ этого мотива съ именемъ Арсланъ былъ соединенъ другой—бой отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ другъ друга (или бой дяди съ племянникомъ, старшаго брата съ младшимъ). Этотъ мотивъ народная память сохранила въ дюрбютской сказкѣ объ Ирину-Сайнѣ: въ одномъ мѣстѣ сказки племянникъ напускается на Ирину-Сайна, не зная, что это его дядя; въ другомъ Ирину-Сайнъ вступаетъ въ бой съ своимъ старшимъ братомъ Арсланомъ, не узнавъ его; здѣсь народная память удержала и имя Арсланъ. Въ той же главѣ я указалъ на отголоски сказки объ Ерусланѣ въ монгольскихъ сказаніяхъ о Чингизъ-ханѣ. Для облегченія этихъ сближеній я пересмотрѣлъ нѣсколько русскихъ сказокъ, объ Иванѣ-Пономаревичѣ и друг., въ которыхъ замѣчаются еруслановскіе мотивы. Въ настоящей статьѣ я хочу заняться еще четырьмя сказками, въ которыхъ также есть инциденты, сходные съ сказкой объ Ерусланѣ, тремя русскими: о Бурзѣ

¹⁾ Восточные мотивы въ средне-вѣковомъ европейскомъ эпосѣ, М. 1899, стр. 826—347.

Воловичъ, о царѣ Каприкѣ, и о Каролѣ и одной французской: Jean de l'Ours.

Сказка „Бурза Воловичъ“, записанная Колосовымъ въ с. Шалгѣ Каргопольск. у. ¹⁾, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе эпизоды съ мотивами изъ сказки объ Ерусланѣ:

1) Въ царствѣ родились три мальчика, которые, подросши, обнаруживаютъ необыкновенную силу; играя на улицѣ, кого хватить за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь. Жители просятъ царя выслать богатырей изъ царства; царь отсылаетъ ихъ. Бурза Воловичъ не нашелъ себѣ въ царскихъ конюшняхъ подходящаго коня и уходитъ пѣшкомъ. Дорогой онъ встрѣчаетъ старуху; она направляетъ его къ дубу, подъ которымъ находится погребъ въ 40 сажень; въ томъ погребѣ стоитъ конь. Бурза Воловичъ вывелъ его изъ погреба и поѣхалъ на немъ дальше.

Этотъ эпизодъ соотвѣтствуетъ началу сказки объ Ерусланѣ. Ерусланъ также оказался неудобнымъ для населенія вслѣдствіе своей необычайной силы (кого возьметъ за руку, у того руку вырветъ, кого за ногу, тому ногу выломить ²⁾), и царь высылаетъ его въ пустыню по настоянію жителей. Подобно Бурзѣ Воловичу онъ находитъ себѣ коня уже на пути въ изгнаніе, но на мѣстѣ старухи въ сказкѣ объ Ерусланѣ стоитъ царскій пастухъ.

2) Далѣе каргопольская сказка рассказываетъ, какъ три брата ѣдутъ вмѣстѣ и видятъ „дубъ полунутрой, накиданъ целовѣцескихъ костей и лошадиныхъ“. Затѣмъ они встрѣчаютъ Издорище проклятое о трехъ головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ его; на другой день они наѣзжаютъ на два полунутрыхъ дуба съ человѣческими и лошадиными костями и Издорище съ шестью головами, на третій день три дуба и Издорище о девяти головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ и второго и третьяго Издорища. Пріѣзжаютъ братья въ городъ; оказалось, что царь обѣщалъ отдать дочь за того, кто убьетъ Издорищей. Бурза Воловичъ беретъ царевну и отдаетъ ее замужъ за старшаго своего брата Ивана Царевича.

Въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть рассказъ о князѣ Иванѣ, русскомъ богатырѣ, который безуспѣшно бьется съ ратью Оеодула-змѣя, добиваясь получить въ замужество его дочь Ерусланъ убиваетъ змѣя и выдаетъ его дочь за князя Ивана. Повидимому, каргопольскій рассказъ объ Издорищахъ есть иначе редактированный эпизодъ съ Оеодуломъ змѣемъ; князь Иванъ въ каргопольской сказкѣ явился подъ именемъ Иванъ-царевича, а Ерусланъ подъ видомъ Бурзы Воловича; въ сказкѣ объ Ерусланѣ родственныхъ отношеній между Ерусланомъ и княземъ Иваномъ не существуетъ; въ каргопольской сказкѣ ихъ замѣстители, Иванъ царевичъ и Бурза Воловичъ братья. Въ каргопольской сказкѣ три Издорища,

(¹) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и слов. Акад. Наукъ. т. XVII, стр. 190.

(²) *Афанасьевъ*, Народн. русскія сказки, М. 1897 г., т. II, стр. 441.

въ сказкѣ объ Ерусланѣ на ихъ мѣстѣ одинъ Θεодулъ-змѣй, но и здѣсь, кажется, число три участвовало въ тектоникѣ сказки; Ерусланъ, прежде чѣмъ доѣхать до князя Ивана, минуетъ сначала одно поле съ побитою ратью, потомъ другое; въ своей книгѣ „Восточные мотивы“ я высказалъ предположеніе, что Ерусланъ проѣхалъ не двѣ, а три побитыя рати, одну на третьемъ шаломьянѣ (горномъ перевалѣ), другую на шестомъ и третью на девятомъ. Въмѣсто побитыхъ ратей или вмѣсто полей съ костями въ каргопольской сказкѣ явились три калиновыхъ моста и при нихъ полунутрыя дубы (сначала одинъ дубъ, потомъ два, потомъ три), закиданные человѣческими костями, а также и лошадиными, потому лошадиными, конечно, что рати были конныя.

3) Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Бурза Воловичъ видитъ богатырскіе слѣды, поѣхалъ по нимъ и догналъ богатыря; стали биться сначала копьями, потомъ тесаками, потомъ палицами. Сбилъ Бурза Воловичъ противника съ лошади, уперся ему колѣнями въ грудь и спрашиваетъ, какого онъ рода, какого города, чей сынъ. „Побѣжденный богатырь отвѣчалъ ему такъ, какъ Сокольникъ Ильѣ Муромцу“. Оказалось, что это Василій Нянькинъ сынъ.

О рожденіи Бурзы Воловича каргопольская сказка рассказываетъ: поймали щуку и изжарили, а кишки выбросили. Рыбу поѣли царица и нянька, а кишки съѣла корова. Всѣ трое забеременѣли и родили трехъ мальчиковъ; сына царицы называли Иванъ-царевичъ, сына няньки Василій Нянькинъ сынъ, а сына коровы Бурза Воловичъ. Слѣдовательно, Бурза если по матери и не братъ Ивану царевичу и Василію Нянькину сыну, то братъ по съѣденной щукѣ, и бой Бурзы Воловича и Василья есть поединокъ между двумя братьями. Это эпизодъ въ каргопольской сказкѣ, отвѣчающій разсказу о боѣ Уруслана Залазаревича съ своимъ сыномъ Урусланомъ Уруслановичемъ. Въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ это или разсказъ о боѣ Иринѣ-Сайна съ своимъ племянникомъ или разсказъ о боѣ съ братомъ Арсланомъ²⁾. Здѣсь кстати замѣтить, что въ дюрбютской сказкѣ также три брата: Иринъ-Сайнъ, Китынъ-Зеби и Китынъ-Арсланъ.

4) Бурза Воловичъ и Василій Нянькинъ сынъ ѣдутъ и видятъ, идетъ на нихъ облако; это идетъ на нихъ сила Бабы-яги. Богатыри перебили эту силу; сама Яга-баба ушла подъ *блую плиту*, въ нижній свѣтъ. Василій спускаетъ Бурзу Воловича въ нижній свѣтъ на ремѣ; Бурза Воловичъ, спустившись, находитъ тамъ сначала дѣвицу, которая ткеть; бросить утокъ, выскочить богатырь; Бурза убилъ и богатыря и дѣвицу; потомъ онъ находитъ

¹⁾ Сказка упоминаетъ только третій и девятый шаломьянъ; я думаю, шестой пропущенъ. (Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейск. эпосѣ. М. 1899, стр. 305).

²⁾ См. Восточн. мотивы, 288, 290.

дѣвицу, которая вышиваетъ на пяхъ; взмахнетъ иглой, выскочить богатырь; Бурза убиваетъ и дѣвицу и богатыря; далѣе кузница и въ ней наковальня; взмахнетъ кузнецъ молотомъ, выскочить богатырь; Бурза убиваетъ и кузнеца и богатыря. Послѣ того Бурза Воловичъ приходитъ въ хрустальное царство, гдѣ живетъ сама Яга-баба; у ней находилась въ плѣну царская дочь, унесенная съ верхняго свѣта и посаженная на цѣпь. Бурза Воловичъ разбилъ цѣпи и убилъ Ягу-бабу; Василій Пянькинъ сынъ вытащилъ ихъ на ремнѣ на верхъ; Бурза Воловичъ отдалъ спасенную царевну за Михайла царевича, брата Марьи царевны, жены Ивана царевича.

Эта вставка опять напоминаетъ эпизодъ о Θεодулѣ-Змѣѣ, какъ и вставка, приведенная выше подъ № 2. Ерусланъ гонится за Θεодуломъ, Θεодулъ утекаетъ отъ него въ каменные городскія ворота; тутъ Ерусланъ разсѣкаетъ его надвое, беретъ его дочь и отдаетъ замужъ за князя Ивана. Какъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, такъ и въ каргопольской сказкѣ главный герой убиваетъ злое существо, и найденную около него дѣвицу дѣлаетъ женой своего товарища; Θεодулъ-Змѣѣ въ каргопольской сказкѣ обратился въ Ягу-бабу, дочь его въ царевну-плѣнницу; Яга-баба скрывается въ отверстіе подъ бѣлой плитой; въ сказкѣ объ Ерусланѣ какъ будто на мѣстѣ бѣлой плиты каменные ворота, въ которыя утекаетъ Θεодулъ-Змѣѣ. Освобожденная царевна, выданная за Михайла царевича (который тутъ на мѣстѣ князя Ивана), замѣтивъ, что онъ не налюбуется на ея красоту, говоритъ ему: „Какая у меня красота, какая у меня лѣпоты! Вотъ у царя Ахрамея есть дочь Марья царевна,—то красавица!“ Бурза Воловичъ услышалъ эту рѣчь и поѣхалъ къ царю Ахрамею. Эпизодъ каргопольской сказки закончился совершенно такъ же, какъ эпизодъ о князѣ Иванѣ; князь Иванъ, только что женившійся на дочери Θεодула-Змѣѣ, задаетъ ей вопросъ, есть ли кто ея краше? на что та отвѣчаетъ, что краше ея двѣ дѣвицы, кочующія въ полѣ, и Ерусланъ, слышавшій эти рѣчи, ѣдетъ искать этихъ дѣвицъ. Въ каргопольской сказкѣ Бурза Воловичъ на пути къ хрустальному царству Яги-бабы встрѣчаетъ двухъ дѣвицъ, и обѣихъ убиваетъ. Это можетъ быть тѣ дѣвицы, которыхъ ѣдетъ искать Ерусланъ и которыя кочуютъ въ полѣ; Ерусланъ, подобно Бурзѣ Воловичу, убиваетъ ихъ; разница однако въ томъ, что въ каргопольской сказкѣ дѣвицы встрѣчены на пути къ Ягѣ-бабѣ, а Ерусланъ ѣдетъ искать ихъ послѣ того, какъ убилъ Θεодула-Змѣѣ, и кромѣ того Ерусланъ убиваетъ ихъ по другой причинѣ: онъ спрашиваетъ одну дѣвицу, потомъ другую, есть ли кто его сильнѣе, и обѣ отвѣчаютъ, что Ивашка, сгрожъ индѣйскаго царства, сильнѣе его; это показалось Еруслану обиднымъ, и онъ убиваетъ ихъ одну за другой; затѣмъ онъ спрашиваетъ третью дѣвицу, и та даетъ ему такой отвѣтъ, что онъ оставляетъ ее въ живыхъ. И здѣсь, какъ

въ каргопольской сказкѣ, число три завершено, только третій членъ совершенно въ иномъ родѣ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ это третья дѣвица, въ каргопольской—кузнецъ.

5) Бурза Воловичъ перелегъль черезъ непроходимыя топи въ царство Ахрамея на птицѣ Погуѣ; царство было одержимо змѣемъ-людоѣдомъ, который ежедневно выходилъ изъ моря; люди стали уже кидать жребій, кому итти на съѣденіе къ змѣю; царь объявилъ, что отдастъ свою дочь за того, кто убьетъ змѣя; Бурза Воловичъ пошелъ за царевну ночь спать на берегъ; всколыбалось море и вышелъ змѣй; Бурза Воловичъ сталъ бить его оловяннымъ прутомъ; змѣй сталъ просить пощады и пообѣщалъ богатырю драгоцѣнный камень о семи стахъ ставкахъ, который дѣлаетъ человѣка невидимымъ. Бурза Воловичъ взялъ камень, змѣя все таки убилъ и женился на дочери царя Ахрамея.

Этотъ послѣдній эпизодъ каргопольской сказки почти вполнѣ совпадаетъ съ предпослѣднимъ эпизодомъ сказки объ Ерусланѣ. Въ списокѣ Ундольскаго дѣло происходитъ въ индѣйскомъ царствѣ, въ лубочномъ—въ царствѣ Вахрамея, въ которомъ нельзя не узнать каргопольскаго Ахрамея. Царство индѣйское или царство Вахрамея также одержимо змѣемъ, который скрывается въ озерѣ; по жребію очередь итти на съѣденіе пала на дочь царя, она уже отвезена на берегъ, Ерусланъ бьется съ змѣемъ, уходитъ съ нимъ на дно озера, убиваетъ змѣя и выходитъ изъ воды съ самоцвѣтнымъ камнемъ.

Далѣе въ сказкѣ объ Ерусланѣ идетъ рассказъ о его поѣздкѣ въ Солнечное царство, о женитьбѣ на Солнечной царицѣ и о поединкѣ съ сыномъ. Каргопольская сказка не знаетъ этого эпизода, но слѣдъ существованія его въ первоначальной редакціи сохранился въ рассказѣ о поединкѣ Бурзы Воловича съ братомъ Васильемъ Нянькинымъ сыномъ; поединокъ отца съ сыномъ здѣсь замѣненъ поединкомъ между братьями; тема эта изъ конца сказки перенесена въ середину ея, и лишена той обстановки, которую она могла бы удерживать, если бы явилась на своемъ мѣстѣ, послѣ освобожденія обреченной змѣю царевны; вслѣдствіе такого переноса поединка въ другое мѣсто сказки, драгоцѣнный камень, добытый Бурзой Воловичемъ на днѣ моря, явился въ сказкѣ праздною подробностью.

Не на своемъ мѣстѣ въ каргопольской сказкѣ также и Погуй-птица. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ, въ списокѣ Ундольскаго, птица Хохотунъ переноситъ Еруслана, но не въ царство индѣйское, которое въ этомъ списокѣ стоитъ на мѣстѣ царства Ахрамея, а въ царство Зеленаго царя Огненный Цитъ, рассказа о которомъ и о добываніи желчи изъ его печени въ каргопольской сказкѣ вовсе нѣтъ.

Сдѣланное сравненіе каргопольской сказки съ сказкой объ Ерусланѣ убѣждаетъ, что это одна и та же сказка. Тутъ мы нахо-

димъ сходство и въ сюжетахъ отдѣльныхъ эпизодовъ (удаленіе богатыря изъ царства вслѣдствіе его невыносимой силы, умерщвленіе злого существа и отдача найденной подлѣ него дѣвицы замужъ за товарища, поединокъ съ близкимъ родственникомъ по недоразумѣнію, освобожденіе царевны, обреченной змѣю), и сходство въ деталяхъ (вопросъ, есть ли дѣвица еще краше, птица переносящая богатыря на себѣ въ другое царство, драгоцѣнный камень, отнятый у змѣя), и даже сходство въ послѣдовательности эпизодовъ, хотя и не полное, сходство только до нѣкоторой степени. Наконецъ мы находимъ тутъ и нѣкоторыя сходныя имена: Ахрамей въ каргопольской сказкѣ стоитъ на мѣстѣ Вахрамея, Иванъ-царевичъ на мѣстѣ князя Ивана; Ерусланъ явился подъ именемъ Бурзы Воловича. Если въ имени Бурзы откинуть инициалъ, то это имя близко подойдетъ къ первой половинѣ имени Ерусланъ (или Урус-ланъ, какъ въ спискѣ Ундольскаго). Второй членъ, Воловичъ, конечно, можетъ намекать на происхожденіе богатыря отъ коровы, но ему приличнѣе было бы называться „коровымъ сыномъ“; Воловичъ не совсѣмъ основательно; зачатъ онъ отъ съѣденной щуки, слѣдовательно волъ не былъ его отцомъ. Въ виду такой сомнительности этого имени можно думать, что оно получило настоящій свой видъ только въ позднее время, что за нимъ скрывается другое имя архаическое и можетъ быть варварское ¹⁾).

Чтобы не нарушить цѣльности сравненія каргопольской сказки со сказкой объ Ерусланѣ, я при обзорѣ эпизодовъ каргопольской сказки нѣкоторыя детали опустилъ. Теперь я возвращаюсь къ первому ея эпизоду, чтобы изложить его въ его полнотѣ.

Сказка начинается разсказомъ о царѣ, который молить Бога о дарованіи ему дѣтей; во снѣ онъ получилъ указаніе, что онъ долженъ закинуть въ океанъ неводъ и, что поймаетъ, тѣмъ покормить царицу. Попалась щука; изжарили ее, и царица съѣла рыбу; часть рыбы съѣла нянька, а выброшенные кишки съѣла корова. Родилось три мальчика: Иванъ царевичъ, Василій Нянькинъ сынъ и Бурза Воловичъ. Такъ какъ зачатіе ихъ было отъ одной причины, то сказка называетъ ихъ братьями. Три брата ѣдутъ, доѣзжаютъ до калиноваго моста; тутъ они ночуютъ; ночью по мосту ѣдетъ Издорище трехголовое; Бурза Воловичъ выскакиваетъ изъ-подъ моста и убиваетъ его. На вторую ночь онъ тоже на мосту убиваетъ другое Издорище, на третью убиваетъ третье Издорище. Тому, кто убьетъ Издорищей, обѣщана Марья царевна. Бурза Воловичъ беретъ ее и женить на ней Ивана царевича. Марья царевна оказалась въ родѣ Брунигильды: это было поленица. Она положила ночью на Ивана царевича свою руку и едва его не задушила. На слѣдующую ночь вмѣсто Ивана царевича въ ея

¹⁾ Впрочемъ въ русской сказкѣ „Ивачъ Быковичъ“ тоже сынъ не быка, а родился у коровы отъ съѣденной ухи.

спальню идетъ Бурза Воловичъ и бьетъ ее сначала желѣзными прутьями, потомъ мѣдными, потомъ оловянными; царевна взмолилась, но когда Бурза Воловичъ пришелъ къ ней на другую ночь, она обрубилa ему ноги, а мужа заставила коровъ пасти. Бурза Воловичъ подружился съ братомъ Марьи царевны, Михайломъ цавевичемъ, которому злая сестра обрубилa руки и выколола глаза. Михайло царевичъ сталъ возить на себѣ Бурзу Воловича. Нашли богатыри колодезь съ живой водой, искупались въ его водѣ, и исцѣлились; напились воды, и у нихъ силы прибыло. Далѣе идетъ разсказъ о поединкѣ съ Василиемъ Нянькинымъ сыномъ, объ освобожденіи царевны, находившейся въ плѣну у Яги-бабы, и о царствѣ Ахрамея. Въ концѣ сказки сказано, что Бурза Воловичъ далъ Ивану царевичу живой воды, и онъ сталъ сильнѣе своей жены.

Въ этомъ эпизодѣ каргопольской сказки мы находимъ мотивы русской сказки „Буря-богатырь, коровій сынъ“¹⁾. Царица, кухарка и корова зачинаютъ отъ ухи изъ щуки; рождаются царевичъ, кухаревичъ и Буря-богатырь, коровій сынъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о боѣ Бури-богатыря съ тремя змѣями на мосту въ то время, какъ братья спятъ. Далѣе идетъ разсказъ, которому нѣтъ ничего отвѣчающаго въ каргопольской сказкѣ, разсказъ о погонѣ за братьями змѣи, матери убитыхъ змѣевъ, и о кузницѣ, въ которую братья спасаются. За этимъ эпизодомъ опять начинается совпаденіе съ каргопольской сказкой. Буря богатырь ѣдетъ въ индѣйское царство добывать для царевича невѣсту, индѣйскую царевну. Царевна выходитъ за царевича, кладетъ на него руку и начинаетъ его душить; Буря-богатырь идетъ на мѣсто царевича и укрощаетъ царевну, подобно Бурзѣ Воловичу. Тотъ же сюжетъ въ русской сказкѣ о Никитѣ Колтомѣ, который помогаетъ царю жениться на Еленѣ прекрасной²⁾. Елена кладетъ руку на своего мужа и тотъ едва выноситъ ея тяжесть; Колтома замѣняетъ царя и укрощаетъ богатыршу; разобиженная Елена мститъ Колтомѣ и велитъ обрубить ему ноги, а мужа дѣлаетъ пастухомъ коровъ. Безногаго Никиту Колтому носить на себѣ Тимофей Колтома, его братъ, которому Елена приказала выколоть глаза. Баба-яга указала имъ колодезь съ живой водой, и богатыри пецѣлили одинъ свои глаза, другой ноги. У Колтомы была шапка-невидимка, которую онъ надѣваетъ, когда онъ долженъ былъ натянуть лукъ: судя по другому варіанту, лукъ долженъ былъ натянуть самъ царь, но въ дѣйствительности это дѣлаетъ его товарищъ, и шапка-невидимка должна была скрыть обманъ. Въ каргопольской сказкѣ нѣтъ шапки-невидимки, но въ послѣднемъ эпизодѣ о царствѣ Ахрамея

1) *Афанасьевъ*, т. I, № 76, стр. 154.

2) *Афанасьевъ*. I, № 116, 6, стр. 343.

Бурза Воловичъ овладѣваетъ камнемъ - невидимкой, который однако ему ни къ чему не служить.

Такое же чудесное зачатіе, какъ въ каргопольской сказкѣ, и въ бѣлорусской у Шейна „Сучкинъ сынъ“¹⁾. Три брата зачаты отъ рыбной ухи; одинъ родился отъ царицы, другой отъ кухарки, третій отъ суки. Три брата поселяются въ пустой избѣ въ полѣ; каждый день въ избу приходитъ чудовище Самъ Скокыцъ, борода зъ локовы, а носъ съ сажень и избиваетъ сначала царевича, потомъ кухаркина сына, но отъ Сучкина сына чудовище само терпитъ побои и уходитъ въ подземный міръ; братья спускаютъ Сучкина сына въ подземелье, гдѣ онъ освобождаетъ трехъ царевенъ²⁾.

Эту сказку мы находимъ вставленной въ каргопольскую въ видѣ эпизода о Ягѣ-бабѣ, послѣдняя на мѣстѣ чудовища Самъ-Скокыца. Эти отношенія яснѣе выступаютъ при сравненіи каргопольской сказки съ малорусской о двухъ братьяхъ Иванъ Сухобродзенко и Василь Сухобродзенко. Иванъ занимаетъ мѣсто Еруслана и Бурзы Воловича, на мѣстѣ князя Ивана и можетъ-быть Василья Нянькина сына; Василь бьется семь лѣтъ съ бабой, которая здѣсь на мѣстѣ Θεодула змѣя; Иванъ Сухобродзенко наѣзжаетъ въ полѣ на Василя и сначала бьется съ нимъ (въ каргопольской сказкѣ это поединокъ Бурзы Воловича съ Васильемъ Нянькинымъ сыномъ); потомъ они братаются и ѣдутъ вмѣстѣ противъ бабы; баба утекаетъ въ нору. Иванъ спускается за ней на канатѣ убиваетъ бабу, выноситъ ея дочку на верхъ и отдаетъ за брата Василя. Жена Василя говоритъ ему, что ея сестра краше ея; Иванъ Сухобродзенко подслушалъ и ѣдетъ отыскивать ее³⁾.

Большое сходство приведенныхъ устныхъ сказокъ о дающей чадородіе ухѣ съ книжною объ Ерусланѣ вызываетъ вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Каргопольская сказка о Бурзѣ Воловичѣ занимаетъ середину между сказкой объ Ерусланѣ и другими устными сказками, какъ напр. „Буря богатырь“, „Сучкинъ

1) Сборн. отд. словесн. Акад. наукъ, т. LVII, Спб., 1893, стр. 102.

2) Тотъ же сюжетъ у Худякова, в. II: № 42, „Усыня“ (подземное чудовище назыв. Усыня, самъ съ поготъ, борода съ локоть, усы по землѣ тащатся; это—змѣй о 12 головахъ; изъ подземнаго царства Ивана царевича выносить баба птица, стр. 14), № 43 „Арикадъ царевичъ“ (вмѣсто подземелья—гора, куда царевича занесъ Вихоръ; царевичъ схватился за тросточку, которую держалъ Вихоръ и съ которою полетѣлъ подъ облака), № 45 „Иванъ Кобылицынъ сынъ“, и № 46 „Иванъ Кошкинъ, Иванъ Дѣвкинъ и Иванъ Царицынъ“; у Мамжури (Сказки, пословицы и т. п. запис. въ Екатеринос. и Харьк. губ., Харьковъ 1890 г.; помѣщ. во II томѣ Сборника Харьк. истор.-филологич. Общества): „Марко Сучченко“ (стр. 24), „Иванъ Царевичъ та Иванъ Кухаревичъ“ (стр. 28), и „Кыріакъ, Кобылячій сынъ, Верныдубъ, Верныгора та Прутывусъ“ (стр. 43—45); Кыріакъ ухватился за дубъ, съ которыми летѣлъ змѣй и тотъ такия образы вынесъ его изъ подземелья наверхъ.

3) Чубинскій, II, № 80, стр. 308.

сынъ“ и „Сухобродзенко“. Она представляется составленною изъ этихъ сказокъ, и въ то же время эта комбинація очень напоминаетъ комбинацію Еруслана. И „Бурза Воловичъ“ и „Ерусланъ“ — своды изъ однѣхъ и тѣхъ же сказокъ, и именно изъ трехъ сказокъ: 1) сказки о коровьемъ сынѣ, убивающемъ змѣя или трехъ змѣевъ и добывающемъ дѣвицу (Буря богатырь), 2) сказки о коровьемъ сынѣ, спускающемся въ подземный міръ и освобождающемъ царевну (Сучкинъ сынъ, монгольск. сказка о Масангѣ), и 3) о богатырѣ, освобождающемъ царевну, обреченную на съѣденіе. Въ „Бурзѣ Воловичѣ“ эпизоды еще сохранили ясныя черты сказокъ, отъ которыхъ они произошли; въ „Ерусланѣ“ эти черты болѣе стерты.

Такъ, безъ посредства „Бурзы Воловича“ трудно было бы догадаться, что эпизодъ о Оеодулѣ-змѣѣ въ Ерусланѣ имѣетъ отношеніе къ сказкѣ о коровьемъ сынѣ, спускавшемся въ подземный міръ. Послѣдовательность нужно установить такую: сначала отдѣльныя сказки, потомъ своды въ родѣ „Еруслана“ или „Бурзы Воловича“. Въ сказкахъ, послужившихъ матеріаломъ для этихъ сводовъ и сохранившихся еще въ устахъ народа, мы ясно замѣчаемъ тектоническую гармонію; въ сводѣ „Бурза Воловичъ“ эта гармонія уже разрушается, а въ „Ерусланѣ“ ее еще менѣе замѣтно. Если вѣрно наше представленіе, что сказки: „Буря-богатырь“, „Сучкинъ сынъ“, „Сухобродзенко“ если не тѣ самыя сказки, изъ которыхъ построены своды „Ерусланъ“ и „Бурза Воловичъ“, то варианты тѣхъ сказокъ, — то въ сказкѣ объ Ерусланѣ нельзя будетъ видѣть заимствованіе отдѣльнаго памятника изъ какой-то чуждописьменности. Она пришла къ намъ вмѣстѣ съ цѣлымъ комплектомъ сказокъ и ихъ вариантовъ.

Въ другой сказкѣ „Царь Каприкъ“, записанной Колосовымъ тамъ же, ¹⁾ два эпизода изъ сказки объ Ерусланѣ: 1) поѣздка за средствомъ для исцѣленія отца и 2) освобожденіе обреченной змѣю дѣвицы. У царя Каприка три сына; младшій Иванъ-царевичъ. Царю захотѣлось помолодѣть; онъ посылаетъ старшаго сына къ Царю-дѣвицѣ за живой водой и „морожлявой“ яблоней (Колосовъ поправляетъ моложавой, молодящей). Сынъ ѣдетъ, встрѣчаетъ „огненное пламя“ и ложится тутъ спать. Ѣдетъ второй сынъ, доѣзжаетъ до огненнаго пламени и не узнаетъ брата. Враждебное между ними столкновеніе; второй братъ вышибъ изъ сѣдла перваго; вопросъ о родѣ-племени. Оба брата ложатся спать у огненнаго пламени. Третій сынъ доѣзжаетъ до пламени и не узнаетъ братьевъ; бой между ними; младшій побѣждаетъ. Вопросъ объ имени. Отвѣтъ: когда-бъ... (и пр., какъ въ былинахъ). ²⁾ Иванъ-

¹⁾ Сборникъ отдѣленія русск. яз. и словесн. II. Академія Наукъ, т. XVII, Сиб. 1877, стр. 205.

²⁾ Такое краткое изложеніе сказки дано самимъ Колосовымъ.

царевичъ перескочилъ черезъ пламя. На той сторонѣ онъ встрѣчаетъ одну послѣ другой трехъ старухъ; одна даритъ ему щетку, другая кремень, третья ширинку, крынку масла и крестикъ. Далѣе онъ встрѣчаетъ заставы: кота-вахиря и богатыря въ шесть сажень высоты. Коту отдаетъ масло, богатырю крестикъ и получаетъ пропускъ. Доѣзжаетъ до Царь-дѣвицы, достаетъ живой воды и яблокъ, спитъ съ дѣвицей и отъѣзжаетъ; Царь-дѣвица съ 33 дѣвицами-богатырями гонится за нимъ; онъ бросаетъ щетку, становится лѣсъ, брошенный кремень обращается въ каменную стѣну, ширинка въ огненную рѣку. Спасшись отъ погони, онъ ложится отдохнуть на берегу моря; братья кладутъ его спящаго въ осину и бросаютъ въ море. Осину прибило къ острову; здѣсь дочь царя обречена на съѣденіе змѣю. Иванъ-царевичъ засыпаетъ около нея, но когда змѣй вышелъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ змѣя. Слѣпой и безногій зарѣзали Ивана-царевича и выдали себя за спасителей царевны; царевна нашла тѣло убитаго царевича и подлѣ него живую воду и оживила его. Иванъ-царевичъ возвращается къ отцу и находитъ тамъ Царь-дѣвицу съ двумя сыновьями.

Ерусланъ въ этой сказкѣ выступаетъ подъ именемъ Иванъ-царевича, тотъ, какъ и Бурза Воловичъ, имѣетъ двухъ старшихъ братьевъ. Эпизодъ о Царь-дѣвицѣ—это поѣздка Еруслана къ Зеленому царю, Огненный Щитъ Пламенное Копье; живая вода и молодильныя яблоки, то есть средства противъ старости, на мѣстѣ желчи изъ печени царя Огненный Щитъ, которая возвращаетъ потухшее зрѣніе, т. е. служитъ противъ одной изъ немощей старости. Царь-дѣвица на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; „огненное пламя“ каргопольской сказки, конечно, отголосокъ имени царя; Огненный Щитъ жжетъ своими лучами приближающихся къ нему; въ каргопольской сказкѣ Царь-дѣвицѣ такого свойства не приписано, но въ сходной смоленской сказкѣ объ Игрѣ,¹⁾ добывающемъ живую воду, Царь-дѣвица имѣетъ въ рукахъ щитъ, который жжетъ своими лучами. Въ каргопольской сказкѣ „огненное пламя“ явилось въ видѣ огражденія царства Царь-дѣвицы; богатыри доѣзжаютъ до него и далѣе, повидимому, ѣхать не рѣшаются, только Иванъ-царевичъ сумѣлъ перелетѣть черезъ него²⁾.

Ерусланъ на дорогѣ къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ стадо птицъ хохотуней, и одна изъ нихъ переноситъ его въ царство Огненнаго-Щита. Объ Иванъ-царевичѣ только глухо сказано, что онъ перелетѣлъ черезъ пламя, а на чемъ, на конѣ или на птицѣ, не объяснено. Въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ есть птица; Бурза

¹⁾ Добросольскій, Смоленскій Сборникъ. Сиб., 1891, ч. I, стр. 505.

²⁾ Иллине валькирии Брунигальды было окружено со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Конь Гуннара (Гунтера) неидетъ. Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на конѣ Грани промчался черезъ пламя.

летитъ на Погуй-птицѣ, но этотъ мотивъ помѣщенъ не въ отвѣчающемъ эпизодѣ, а именно, онъ вставленъ въ поѣздку Бурзы въ царство Ахрамея, т. е. въ эпизодъ о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Связь этого мотива—летаніе на птицѣ или конѣ—со сказкой о заточенной царевнѣ пользуется большимъ распространеніемъ, и потому появленіе птицы, несущей богатыря, въ эпизодѣ объ обреченной змѣю царевнѣ имѣло столько же шансовъ, какъ и въ эпизодѣ о Царь-дѣвицѣ.

Въ смоленской сказкѣ живую воду привозитъ Игрѣ; у царя три сына, Игрѣ изъ нихъ младшій; они поочередно объѣзжаютъ царство, но объѣхать удается только младшему. Игрѣ совершаетъ объѣздъ на конѣ, котораго ему указалъ встрѣтившійся ему человѣкъ; Игрѣ самъ поймалъ коня, когда тотъ прибѣжалъ къ криницѣ пить. Ловля коня описывается и во всѣхъ вариантахъ сказки объ Ерусланѣ; Ерусланъ тоже самъ ловитъ, чѣмъ онъ отличается отъ монгольскаго богатыря Принъ-Сайна, для котораго коня ловитъ царскій пастухъ; въ русской сказкѣ царскій пастухъ только указываетъ, гдѣ и котораго поймать коня. Пастухъ по большей части называется Ивашкой; въ смоленской сказкѣ въ эпизодѣ съ конемъ также упоминается „Ивашка, сѣрая сирымьяка“, но онъ въ ловлѣ коня не участвуетъ ни дѣйствіемъ, ни совѣтомъ. Вѣроятно, сказка забыла значеніе Ивашки; вѣроятно, онъ-то, а не другой какой-то человѣкъ, какъ рассказано въ сказкѣ, указалъ Игру, гдѣ добыть коня. Игрѣ ловитъ коня у криницы; и Ерусланъ также ловитъ своего коня, когда тотъ пришелъ на водопой. Этотъ эпизодъ уже даетъ поводъ подозревать, что Игрѣ одно лицо съ Ерусланомъ.

На пойманномъ конѣ Игрѣ ѣдетъ въ „Царь-городъ“; дорогой онъ проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему совѣтъ взять въ Царь-городъ живой и мертвой воды. Въ Царь-городѣ онъ находитъ спящую царевну и оставляетъ на ея груди надпись: „былъ чужеземецъ“. На обратномъ пути, перескакивая черезъ стѣну, конь задѣлъ ногой за протянутыя струны; въ городѣ поднялась тревога, дѣвица пробудилась и погналась за Игромъ съ огненнымъ щитомъ въ рукѣ, который за двѣнадцать верстъ печетъ. Игрѣ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ придорожныхъ дѣвицъ, и явилась рѣка. Послѣ того братья нашли Игру спящимъ и столкнули въ подземное царство. Здѣсь царевна обречена на съѣденіе Чуду; Игрѣ засыпаетъ около царевны, пробуждается отъ ея горячей слезы и убиваетъ Чуду; но Ванька бросаетъ соннаго Игру въ воду и присвоиваетъ его подвигъ себѣ; царевна выневодила тѣло Игру, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила богатыря.

Сказка „Царь Каприкъ“ и сказка объ Игрѣ почти тождественны; объ онѣ состоятъ изъ двухъ одинаковыхъ эпизодовъ: 1) поѣздка къ Царь-дѣвицѣ и 2) освобожденіе обреченной змѣю царевны.

Оба эпизода въ обѣихъ сказкахъ въ деталяхъ почти вполнѣ совпадаютъ. Обѣ сказки начинаются съ того, что у царя три сына, только въ сказкѣ объ Игрѣ царь не отдаетъ приказанія добыть живой воды; вода все таки тутъ есть; она нужна была редакціи, потому что потомъ она пригодится для спасенія самого Игра.

Тѣ же два эпизода находятся и въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Эпизоду о Царь-дѣвицѣ въ Ерусланѣ отвѣчаетъ поѣздка Еруслана за цѣлительной желчью Зеленаго царя-Огненный Щитъ; второй эпизодъ еще яснѣе усматривается въ разсказѣ объ индѣйскомъ царствѣ. У приведенныхъ выше сказокъ съ Ерусланомъ есть много общихъ деталей, и не только деталей, которыя имѣютъ большое распространеніе, каковы напримѣръ сонъ богатыря около царевны, обреченной на съѣденіе змѣю, пробужденіе отъ ея горячей слезы, упавшей спящему на щеку; эти подробности повсюду сопутствуютъ сюжету о царевнѣ, обреченной змѣю. Но есть детали, имѣющія ограниченное распространеніе, а нѣкоторыя даже какъ бы ограниченное варіантальн. Еруслана, однако и такія встрѣчаются въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ и въ сказкѣ объ Игрѣ. Огненный жгуцій щитъ не принадлежитъ къ образамъ распространеннымъ; въ Ерусланѣ мы имѣемъ царя-Огненный Щитъ, который жжетъ, и въ сказкѣ объ Игрѣ также мы имѣемъ жгуцій огненный щитъ; это указываетъ на особенную близость этихъ сказокъ.

Другая подробность въ сказкѣ объ Игрѣ, постоянно встрѣчающаяся въ варіантахъ сказки объ Ерусланѣ—это ловля коня, о которой уже было сказано выше.

Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ вмѣсто огненнаго щита огненное пламя; ловли коня нѣтъ, но за то есть другія черты, сильно намекающія на Еруслана; младшій братъ наѣзжаетъ на спящаго въ степи старшаго, не узнаетъ его, ложится возлѣ него спать, а пробудившись, богатыри вступаютъ въ бой. Эготъ мотивъ, не знаю, встрѣчающійся ли внѣ сказки объ Ерусланѣ, тѣсно придвигаетъ сказку „Царь Каприкъ“ къ сказкѣ объ Ерусланѣ ¹⁾.

Послѣ сдѣланнаго обзора и сравненія приведенныхъ сказокъ можно составить себѣ такое мнѣніе о составѣ сказки о Ерусланѣ; въ составъ ея вошли три сказки: 1) о Царь-дѣвицѣ и добываніи цѣлебнаго средства, 2) о царевнѣ, заточенной чудовищемъ въ подземномъ мірѣ, и богатырѣ коровьемъ сынѣ, освобождающемъ ее, и 3) о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Сказки эти живутъ и доселѣ въ памяти народа въ отдѣльныхъ редакціяхъ, и эти отдѣльныя редакціи цѣльнѣе и полнѣе деталями, чѣмъ эпизоды

¹⁾ Богатырь, наѣзжающій на спящаго другого богатыря, вступающій въ поединокъ съ нимъ и потомъ узнающій въ немъ своего сына, находится въ монгольской сказкѣ о Дзалута-изргэнѣ (Очерки с.-з. Монг., IV, 508, 509); изъ этой сказки я еще вернусь ниже при разборѣ французской сказки: Jean de l'Ours.

сказки объ Ерусланѣ. По этимъ отдѣльнымъ сказкамъ можно не то чтобы возстановить самую древнюю редакцію сказки объ Ерусланѣ—можетъ быть нынѣ существующая редакція и есть древнѣйшая,—а составить новую редакцію, такъ сказать „исправленную и дополненную по источникамъ“. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ сказкахъ, перебранныхъ нами выше, въ „Царѣ Каприкѣ“, въ „Бурзѣ Воловичѣ“, въ „Бурѣ богатырѣ“, въ „Игрѣ“—говорится о трехъ братьяхъ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ братьевъ у Еруслана нѣтъ. Согласно съ этими сказками исправленную и дополненную сказку объ Ерусланѣ также можно было бы начать разсказомъ о рожденіи трехъ братьевъ; Ерусланъ изъ нихъ младшій. Что это очень древнее представленіе, объ этомъ свидѣлствуетъ то, что въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ, въ которой содержатся намеки на Еруслана¹⁾, у Иринѣ-Сайна есть два брата. Сказка, правда, не начинается разсказомъ о рожденіи трехъ сыновей у царя; напротивъ, она разсказываетъ, что у царя родился одинъ сынъ Иринѣ-Сайнъ, но въ дальнѣйшемъ текстѣ сообщается, что было три брата: Китынѣ-Зеби, Китынѣ-Арсланъ и Иринѣ-Сайнъ. Иначе въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; она начинается разсказомъ о трехъ сыновьяхъ царя, но не земного царя, а царя неба; младшій изъ нихъ спускается на землю и здѣсь воплощается, родится чудеснымъ образомъ отъ дѣвицы; это и есть Гэсэръ; собственно, исторія самого Гэсэра начинается разсказомъ о рожденіи только его одного, какъ и сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ²⁾. Можетъ быть и эта послѣдняя имѣла подобную подставку, въ которой былъ разсказъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, но эта подставка отвалилась. Такую же судьбу можно подозрѣвать и у сказки объ Ерусланѣ; она также, можетъ быть, начиналась разсказомъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, изъ которыхъ младшій народился на землѣ (сыномъ Лазаря или царя Каприка).

Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что сказка объ Игрѣ, на взаимныя отношенія которой со сказкой объ Ерусланѣ только что было указано, представляетъ пересказъ одной главы изъ повѣсти о Гэсэрѣ, именно главы о Гумэнъ-ханѣ. Повѣсть о Гэсэрѣ начинается съ того, что царь неба посылаетъ поочередно трехъ своихъ сыновей объѣхать землю; два старшихъ не могутъ этого исполнить, можетъ только младшій, который ниже въ повѣсти будетъ дѣйствовать подъ именемъ Гэсэра. Въ смоленской сказкѣ царь посылаетъ трехъ своихъ сыновей объѣхать царство, два старшихъ не могутъ, удается это только младшему Игру; слѣдовательно, Игръ—это Гэсэръ. Далѣе, въ отдѣльной главѣ о Гэсэрѣ говорится, что онъ призванъ исцѣлять царя Гумэнъ-хана,

¹⁾ См. Вост. мотивы, 288 и 192.

²⁾ Младшій изъ трехъ небесныхъ братьевъ, явишійся на землѣ подъ именемъ Гэсэра, и имя носитъ особое.

который впалъ въ немощь; Гэсэръ поднимается по лѣстницѣ на небо, подпаиваетъ небожительницу, у которой хранились талисманы (эрдени), и во время ея сна похищаетъ эти талисманы. Небожительница просыпается, замѣчаетъ покражу, сердится и въ сердцахъ разливаетъ по небу молоко изъ своихъ грудей; образовался Млечный путь. Въ смоленской сказкѣ Игрѣ ѣдетъ въ Царь-городъ, гдѣ находитъ спящую дѣвицу; о городской стѣнѣ въ передній путь ничего не сказано, но на обратномъ пути онъ долженъ былъ перескочить черезъ стѣну; конечно, и въ передній путь онъ долженъ былъ перескочить или перелѣзть черезъ нее. Пользуясь тѣмъ, что дѣвица спитъ, онъ взялъ у ней живой и мертвой воды ¹⁾. Когда онъ сталъ удаляться, царевна проснулась и бросилась вслѣдъ за нимъ; Игрѣ взмахнулъ полотенцемъ, образовалась рѣка; тогда дѣвица взмахнула полотенцемъ, сдѣлался мостъ ²⁾; Игрѣ проѣхалъ по нему, а дѣвица не могла. Тутъ путаница: вовсе не въ интересахъ погони было устраивать мостъ черезъ рѣку, напротивъ, ей было нужно задержать бѣглеца; рѣка, повидимому, возникла впереди Игры, потому что онъ долженъ по мосту переѣзжать черезъ нее въ дальнѣйшемъ своемъ бѣгствѣ; редакция не сообразила, что для Игры было бы выгодно, если бы рѣка возникла сзади его. Можетъ быть, это мѣсто должно быть

¹⁾ Въ трансильванской сказкѣ (Cosquin, II, 71) герой проникаетъ въ жилище спящей принцессы черезъ нору, которую дѣлаютъ его товарищи и три гиганта; въ покои принцессы онъ пьетъ три раза изъ фюля вина, беретъ кольцо съ руки принцессы, закалываетъ шпагой одного за другимъ трехъ гигантовъ въ то время, какъ они лѣзли по той же норѣ. Рассказъ напоминаетъ сѣверную сагу о Суттунговомъ винѣ: Одинъ проникаетъ въ жилище Гунляды черезъ нору, просверленную Бойнѣмъ, и выпиваетъ три глотка вина; въ сагѣ нѣтъ смерти трехъ гигантовъ, но есть смерть девяти косцовъ; Бойнѣю приписано нѣмѣреніе заколотъ Одина сверломъ въ то время, когда онъ будетъ лѣзть по норѣ (см. Вост. мотиивы, 266). Въ кельтскомъ романѣ Парсиваль навѣзжаетъ на замокъ спящей дѣвицы, снимаетъ съ ея руки кольцо и беретъ себѣ, а свое ей оставляетъ. Для изучающаго сказку объ Ерусланѣ въ ряду тѣхъ, связанныхъ съ именемъ Парсиваль, кромѣ эпизода съ кольцами, могутъ имѣть интересъ 1) рассказъ о приобрѣтеніи чаши Граля и 2) рассказъ о кузнецѣ, который куетъ для Парсивала мечъ, необходимый для совершенія подвига. Въ сказкахъ, которыми я займусь ниже, Медвѣжій сынъ (Jean de l'Ours французскихъ сказокъ) прежде, чѣмъ начать свои подвиги, заказываетъ кузнецу палицу, *железную baguette*. Ерусланъ, какъ и Парсиваль, вмѣсто палицы имѣетъ мечъ. Въ преданіяхъ упоминаются мечи, всаженные въ землю (мечъ скифовъ) или въ тѣло звѣря (ножъ Аралбай—Эго-хана въ моихъ Очеркахъ с.-з. Монг., IV, 615, мечъ Медвѣжьяго сына въ аварской сказкѣ, всаженный въ тѣло змѣи Сармыгъ, *ibid.*, 782), или замурованные въ стѣну, или всаженные въ скалу (мечъ Аралбай—Эго-хана, Очерки с.-з. Монг., IV, 606; мечъ въ славянской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ); силачи не могутъ вытянуть засаженный мечъ, и только герою сказки удается это сдѣлать. Въ тангутской легендѣ человѣкъ пытается высвободить изъ земли врытый въ нее камень, но тщетно, потому что это былъ высунувшійся копецъ оси земли (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 241)—образъ, мнѣ кажется, внушенный представленіями о неподвижно стоящей Полярной звѣздѣ.

²⁾ Смоленск. Сборн., 505.

исправлено такъ: дѣвица взмахнула платкомъ или полотенцемъ, явилась рѣка (Млечный путь монгольской небожительницы?) впереди Игра, чтобы задержать его; но онъ взмахнулъ полотенцемъ, даннымъ ему его покровительницей, придорожной дѣвицей, и на рѣкѣ возникъ мостъ, по которому онъ и проѣхалъ ¹⁾. Царь-городъ смоленской сказки—это небо монгольской; дѣвица въ городѣ—это монгольская небожительница. И у той и у другой что то похищается въ то время, какъ онѣ спятъ; и къ той и къ другой, чтобы добраться, нужно или перелазить черезъ стѣну или подняться по лѣстницѣ; обѣ онѣ пробуждаются и гонятся за похитителемъ; внезапно появляется рѣка, въ одномъ случаѣ водяная, въ другомъ молочная. Похищенные вещи потомъ пригодились самому похитителю; Игрѣ убить, но его оживляютъ той живой водой, которую онъ похитилъ въ Царь-городѣ; Гэсэру нѣсколько разъ угрожаютъ гибелью, слѣдуетъ рядъ казней, но похищенные на небѣ талисманы спасаютъ его отъ смерти.

Эти совпаденія устанавливаютъ тожество персонажей Гэсэра, Иринъ-Сайна, Игра и Еруслана; Гэсэръ, Иринъ-Сайнъ и Игръ имѣютъ братьевъ; я думаю, какъ объ этомъ уже заявлено выше, что и Ерусланъ имѣлъ двухъ братьевъ, хотя русская сказка теперь ихъ и не знаетъ. Въ дюрбютской сказкѣ три брата: Китынъ-Зеби, Китынъ-Арсланъ и Иринъ-Сайнъ; послѣдній два раза вступаетъ по недоразумѣнію въ поединокъ съ своими родственниками; сначала съ племянникомъ, сыномъ Китына-Зеби, потомъ съ братомъ Арсланомъ, оба поединка кончаются примиреніемъ. Въ русской сказкѣ также два поединка, кончающіеся примиреніемъ; сначала Ерусланъ бьется съ княземъ Иваномъ, русскимъ богатыремъ; потомъ съ своимъ сыномъ Ерусланомъ (Еруслановичемъ); въ русской сказкѣ только въ одномъ случаѣ поединки родня, относительно же князя Ивана, родство его съ Ерусланомъ не установлено; только примирившись послѣ боя, они называются „названными братьями“. Исходя изъ параллелей съ сказкой объ Иринъ-Сайнѣ, я думаю, что они были настоящими братьями; въ поединкѣ Иринъ-Сайна съ племянникомъ Иринъ-Сайнъ является богатыремъ старшаго возраста; слѣдовательно, этому поединку въ русской сказкѣ будетъ параллелью поединокъ Еруслана отца съ Ерусланомъ сыномъ; въ поединкѣ же Иринъ-Сайна съ Арсланомъ

1) Что такъ и было, объ этомъ въ нѣкоторой степени свидѣлствуетъ сказка у Афанасьева, № 60, „Баба-яга и Заморышекъ“. Изъ сорока одного яйца родится сорокъ мальчиковъ и сорокъ первый Заморышекъ. Братья странствуютъ и находятъ замокъ, въ которомъ живетъ Баба-яга и съ нею сорокъ ея дочерей. Вълѣдствіе хитрости Заморышка сорокъ дочерей Бабы-яги обезглавлены; братья убѣгаютъ изъ замка; Баба-яга гонится за ними съ *огненнымъ щитомъ*, который „палитъ на всѣ четыре стороны“. Братья прибѣгаютъ въ синему морю, Заморышекъ взмахнулъ платкомъ, сталъ мостъ черезъ море; когда братья перешли по нему, Заморышекъ вновь взмахнулъ, моста не стало (т. I., стр. 88).

Иринъ-Сайнъ является младшимъ родственникомъ; вѣроятно этому то поединку и отвѣчаетъ бой Еруслана съ княземъ Иваномъ; какъ въ русской сказкѣ, такъ и въ дюрбютской поединокъ кончается мировой, послѣ которой одинъ богатырь помогаетъ другому въ приобрѣтеніи невѣсты, въ одной личнымъ участіемъ и силой, въ другой совѣтами. На родство Ивана съ Ерусланомъ указываютъ и нѣкоторыя русскія сказки, приведенныя выше; въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ на мѣстѣ князя Ивана повидимому стоитъ Василій Нянькинъ сынъ; сказка называетъ его братомъ Бурзы Воловича на томъ основаніи, что оба зачаты отъ сѣдненной щуки. Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ эпизоду о князѣ Иванѣ отвѣчаетъ рассказъ о богатыряхъ, съ которыми Иванъ царевичъ бьется около огненнаго пламени. Молодой богатырь, наѣхавъ на спящаго старшаго, ложится рядомъ спать, то-есть поступаетъ такъ же, какъ Ерусланъ, наѣхавъ на спящаго князя Ивана. Родство, которое тутъ установлено между поединщиками, не можетъ быть выведено изъ сказки объ Ерусланѣ; судя по такой детали, какъ сонъ богатырей, это бой Еруслана съ княземъ Иваномъ, а они не названы братьями. Это родство поединщиковъ ведетъ свое начало отъ какой-то древней редакціи, которая древнѣе нынѣшней редакціи сказки объ Ерусланѣ. Побочныя къ Еруслану сказки, какъ „Бурза Воловичъ“, „Царь Каприкъ“ и „Буря богатырь“ сохранили въ себѣ нѣкоторыя болѣе древнія черты, чѣмъ сказка объ Ерусланѣ. Существованіе этихъ побочныхъ сказокъ, сохранившихъ болѣе древнія черты, показываетъ, что сказка объ Ерусланѣ не можетъ считаться литературнымъ заимствованіемъ. Если-бъ мы получили Еруслана изъ Ирана въ видѣ книги, или если-бъ народъ позредникъ, между нами и Ираномъ, передавшій намъ Еруслана устно, самъ все-таки получилъ его въ видѣ книги, сказка была бы у насъ одинокимъ явленіемъ, не окруженнымъ такими побочными сказками, которыя представляли бы въ себѣ эпизоды въ болѣе цѣльномъ и стройномъ изложеніи, чѣмъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, и которыя помогали бы установить связь этой сказки съ монгольскими сказками объ Иринъ-Сайнѣ и Гэсэрѣ.

Третій сводъ еруслановскихъ темъ представляетъ угро-русская сказка „За одного мясорощьскаго сына“¹⁾. Я передамъ ее здѣсь не въ полномъ переводѣ, а въ вольномъ изложеніи, но въ полномъ составѣ ея эпизодовъ и деталей.

У одного мясороща (мясника) былъ сынъ по имени Кáроль. Этотъ Кáроль отправляется странствовать; отецъ далъ ему запасъ и тарканистаго (geschekt) пса.

Пришелъ Кáроль къ лѣсу; его предупреждаютъ, что внутри лѣса живутъ черти (пропасники); шесть дней идетъ онъ безъ ѣды,

¹⁾ Записки науковаго товариства імелі Шевченка, під ред. Мих. Грушевського, Т. XXIX (1899, т. III). У Львові. Стр. 138—145.

запасъ вышелъ; на седьмой догоняетъ нищаго и даетъ ему изъ остатковъ милостыню (алмужну); тотъ уходитъ своею дорогой. Кáроль догоняетъ другого, даетъ и ему, и тотъ уходитъ. Догоняетъ третьяго, даетъ милостыню; тотъ палашомъ отрубаетъ тарканистому псу голову. Кáроль лѣвой рукой отъ себя ножомъ хочетъ ударить нищаго ¹⁾; нищій говоритъ ему: бей дважды и трижды. Кáроль догадался, что это чортъ и не сталъ его бить, а помолился; тотъ издохъ. Кáроль выкопалъ двѣ ямы, въ одной похоронилъ пса и воткнулъ въ могилу вербу, въ другой нищаго. Пошелъ далѣе, дошелъ до хижины; въ ней старый, сѣдой человѣкъ молится Богу. Прожилъ тутъ сутки. У старца рушникъ; постелеть его, на немъ появляется всякая пища ²⁾; старецъ даетъ Кáролю трехъ псовъ: Дуная, Драву и Тису, шкатулку мази (масти) и мѣдный пруть. Пошелъ Кáроль и дошелъ до крѣпости; въ ней до 600 разбойниковъ, песюглавцы Кутя-татаре. Они посадили его за столъ ѣсть; Кáроль плеснулъ одну ложку псу, тотъ помахалъ головой; это служило указаніемъ, что не слѣдуетъ ѣсть. Песюглавцы говорятъ: эти псы не могутъ быть среди насъ; ихъ нужно запереть. Заперли ихъ и повели Кáроля по „хижамъ“, а въ нихъ кучами золото и серебро; ступилъ Кáроль черезъ послѣднюю дверь и очутился въ глубокой и темной пивницѣ. Онъ вспомнилъ про своихъ трехъ псовъ; они учуяли это, стали искать свободы, вырвались, пришли къ той хижѣ, въ которой Кáроль самъ себя похоронилъ; отворили дверь, вынули Кáроля. Дунай посоветовалъ ему расплестъ мѣдный пруть и бить имъ песюглавцевъ; собаки схватили ихъ за ноги, а Кáроль бьетъ ихъ прутомъ; веѣхъ 600 перебили. Побросали тѣла въ ту пивницу, гдѣ сидѣлъ Кáроль; набралъ онъ золота и серебра и наложилъ на остальное печать.

Пришелъ Кáроль въ одно селеніе; на каждомъ домѣ черная

1) Русско-сибирское повѣрье рекомендуетъ бить нечистую силу на-отмашъ, лѣвой рукой на лѣво, правой направо.

2) Старецъ-отшельникъ не даетъ этотъ рушникъ Кáролю, но когда потомъ отшельникъ въ видѣ голубя вознесся къ небу, Кáроль взялъ его книжку и этотъ рушникъ и унесъ домой. Не было ли въ этомъ мѣстѣ разсказа о трехъ диковинкахъ, въ числѣ которыхъ часто встрѣчается скатерть самобранка? Въ самарской сказкѣ Борма Ярыжка ѣдетъ въ Вавилонское царство, населенное змѣями, чтобы привезти оттуда корону, скипетръ и книжку (Садовниковъ, Сказки и пред. Самарск. края, Спб., 1884, стр. 22—27). Въ вариантѣ этой сказки Иванъ Туртыгинъ получаетъ подарки: коверъ-самолетъ и шапку-невидимку (ibid., стр. 21). Въ другомъ вариантѣ (у Барсова) Борма, герой преданія, на пути въ Вавилонъ встрѣчаетъ перевозчика Правду, который перевозитъ его черезъ море и даетъ ему необходимые совѣты (И. Н. Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, стр. 11). Въ разсказѣ Генриха von Neustat Аполонію на пути въ Вавилонъ встрѣчается баснословный звѣрь инокорогъ Milgot и снабжаетъ его зельемъ или кореньемъ, которое чудесно питаетъ человѣка и возвращаетъ ему силу (А. Н. Веселовскій, Повѣсть о Вавилонск. царствѣ, въ Славянск. Сборникъ, III, стр. 162).

завѣса. Семнадцать лѣтъ назадъ была война; пришли черти къ „царю“, говорить, если дашь то, что не знаешь, что его имѣешь, то поможемъ докончить войну. Взяли съ него записъ кровью съ печатью, что онъ черезъ семнадцать лѣтъ отдастъ имъ обѣщанное. Вернулся царь, окончивъ войну, домой, увидѣлъ беременную жену и заплакалъ. Родилась царица. Къроль по совѣту псовъ берется освободить царицу. Взялъ съ собой Христово распятіе и двѣ свѣчки, и пошелъ туда, гдѣ будутъ отдавать царицу „штану“; онъ вынулъ „масть“ изъ шкатулки, положилъ на столикъ, приказалъ царевнѣ раздѣться до нага, помазалъ ее мазью, далъ ей книжку въ руки, велѣлъ молиться Богу и засвѣтилъ свѣчки. Въ 11 часу пришли шатаны; не могутъ до нея достигнуть. Къроль велѣлъ имъ принести записъ, данную царемъ. Шатаны послали одного; остальные прилипли на стульяхъ, потому что онъ на каждомъ стулѣ положилъ мази ¹⁾. Самъ сатана принесъ письмо; Къроль выхватилъ письмо, положилъ подлѣ свѣчки и началъ бить мѣднымъ прутомъ шатановъ; собаки помогаютъ ему, а шатаны не могутъ оборониться, потому что прилипли. Къроль побилъ всѣхъ, взялъ 12 кадей золота, 12 кадей серебра, собралъ мазь въ шкатулку, вымылъ царицу и одѣлъ ее. Она сняла съ себя гранатки и привязала одинъ шнуръ Дунаю, другой Дравѣ, третій Тисѣ, разломила пополамъ перстень и дала половину Къролю; зоветъ его идти вмѣстѣ, чтобы пережениться. Къроль говоритъ, что ему еще нужно страствовать годъ, три мѣсяца, шесть дней. Если не вернусь, говоритъ, можешь идти за кого хочешь. Поѣхали; кучеръ взялъ пистолетъ и велитъ ей идти за него замужъ и сказать отцу, будто онъ, кучеръ, освободилъ ее. Царица заперлась въ своей хижѣ и говоритъ, что будетъ ждать годъ 3 мѣсяца и 6 дней, а ранѣе не пойдетъ за кучера. Къроль посылаетъ ей письмо съ Тисой. Пришли въ церковь; царица взяла Къроля, подвела къ владыкѣ и говоритъ, что она съ этимъ будетъ вѣнчаться. Повѣнчавшись, пришла домой. Она спрашиваетъ кучера: что слѣдуетъ сдѣлать тому, кто насъ разлучить? Тотъ говоритъ: привязать за руки къ двумъ конямъ и разорвать. Тогда она вывязала изъ платка половину перстня, и Къроль вынулъ свою. Къроля короновали. Онъ поѣхалъ за родителями. Везетъ ихъ черезъ лѣсъ и показываетъ, гдѣ верба, что тутъ тарко зарытъ; потомъ показываетъ хижу, въ которой старецъ живетъ. Старецъ говоритъ ему: „Теперь освободи псовъ; это не псы; отруби имъ головы“. Къроль отрубилъ имъ головы; они стали

¹⁾ Ср. у Афанасьева, Народн. русск. легенды, Лондонъ, 1859 г., стр. 199 съ сказкой „Коваль Захарко“, перепечатанной изъ Москвитинина, 1843 г., № 1, стр. 132—140; Захарко имѣлъ силу заклясть чертей, такъ что они не могли сдвинуться съ мѣста, а самого сатану посадилъ въ кошель и разбилъ молотомъ на наковальнѣ.

три голубя и полетѣли къ небу. Кáроль зоветъ старца съ собой; тотъ говоритъ: „Не могу идти: меня Богъ покаралъ. Освободи и меня, отруби мнѣ голову“. Кáроль отрубилъ; вылетѣлъ золотой голубь, поблагодарилъ Кáроля и улетѣлъ въ небо. Взяли книжку старца, рушникъ, что давалъ ему пищу, пошли къ кладовымъ песиглавцевъ, забрали все золото и пошли домой въ свое царство.

Въ этой угро-русской сказкѣ два эпизода: 1) хожденіе въ страну песиглавцевъ и 2) освобожденіе царевны, обреченной черту, подобно тому, какъ и въ сказкѣ „Царь Каприкъ“, въ которой также два эпизода; второй эпизодъ одной сказки совпадаетъ со вторымъ эпизодомъ другой; тутъ также освобожденіе обреченной змѣю царевны, присвоенія подвига другимъ лицомъ и разоблаченіе. На мѣстѣ перваго эпизода, т. е. на мѣстѣ хожденія къ песиглавцамъ, съ сказкѣ „Царь Каприкъ“ стоитъ поѣздка къ царь-дѣвицѣ. Угрославскій эпизодъ не походитъ на каргопольскій, но здѣсь есть одна деталь, напоминающая Еруслана. Когда Кáроль замахнулся на чорта, бывшаго въ образѣ нищаго, чортъ сталъ просить его бить дважды и трижды, но Кáроль догадался, что это чортъ, и не послушался. Это напоминаетъ совѣтъ Расла-нея, данный Еруслану, бить царя Огненный-Щитъ только разъ, и не бить два раза ¹⁾. По мѣсту въ былинѣ и по этой детали песиглавцы какъ будто стоятъ на мѣстѣ царя Огненный-Щитъ (или царь дѣвицы), но въ ихъ странѣ герой сказки находитъ не цѣлительную желчь или не живую воду, а золото и серебро. На какое-то отношеніе этихъ песиглавцевъ къ царю Огненный-Щитъ указываетъ и другой мотивъ; въ одной сказкѣ у Афанасьева, № 219, мать Ивана-царевича живетъ съ Огненнымъ царемъ и хочетъ отравить сына ядовитыми лепешками; Иванъ-царевичъ беретъ лепешку отъ матери, но собака вырываетъ ее; въ угрославской собака махаетъ головой, т. е. учить не ѣсть. Изъ сравненія этихъ деталей можно сдѣлать заключеніе, что персонажъ Еруслана въ нѣкоторыхъ вариантахъ назывался именемъ Кáроль, что въ числѣ сюжетовъ, связанныхъ съ именемъ Кáроль, былъ также сюжетъ о матери-измѣнницѣ (или сестрѣ-измѣнницѣ), завязавшей любовную связь съ богатыремъ, врагомъ сына, и пытающейся извести сына, и что этотъ сюжетъ не вошелъ въ сводъ объ Ерусланѣ, можетъ быть, потому, что былъ соединенъ только съ именемъ Кáроль или Иванъ-царевичъ, и не рассказывался съ именемъ Еруслана (по крайней мѣрѣ въ той средѣ, въ которой составилъ сводъ о Ерусланѣ).

¹⁾ Тотъ же совѣтъ въ сказкѣ № 71 у Афанасьева, стр. 128: царевна даетъ наставленіе Ивану Царевичу рубить Вихря (змѣя?) только разъ; свади будутъ кричать: руби еще! но Иванъ-царевичъ долженъ сказать: богатырская рука два раза не ѣстъ.

Въ угрорусской сказкѣ три ¹⁾ собаки являются покровителями Кáроля какъ въ эпизодѣ о песиглавцахъ, такъ и въ эпизодѣ о женщинѣ, обреченной чертямъ. Собаки являются и въ отдѣльныхъ сказкахъ, излагающихъ съ большей цѣльностью тѣ же темы, какъ тему о женщинѣ измѣнницѣ, такъ и тему о женщинѣ, обреченной змѣю ²⁾. У Афанасьева въ № 119, т. е. въ той самой сказкѣ, въ которой описывается любовь матери Ивана-царевича къ Огненному царю и измѣна сыну, послѣдняго выручаютъ изъ бѣды двѣ собаки.

Собаки угрорусской сказки не простыя собаки, а обращенные люди повидимому. Окончивъ свою покровительственную миссію, онѣ обращаются въ трехъ голубей, которые улетаютъ къ небу. Тутъ мы, кажется, имѣемъ дѣло съ образомъ, распространеннымъ въ тюркомонгольскихъ сказкахъ, именно съ образомъ дѣвицъ, такъ называемыхъ въ монгольскихъ сказкахъ небесныхъ дѣвъ, которыя летаютъ чаще всего въ числѣ трехъ и въ видѣ лебедей или голубей. Три дѣвицы покровительницы, предупреждающія опасности, которыя угрожаютъ богатырю, или спасающія его отъ смерти, часто попадаются въ сказкахъ и составляютъ обычное явленіе въ монгольскихъ сказкахъ съ сюжетомъ о женщинѣ измѣнницѣ, въ союзѣ съ любовникомъ убивающей своего сына или брата. Богатырь обыкновенно находитъ ихъ въ степи въ то время, какъ ѣдетъ по порученію матери въ опасную поѣздку за цѣлебнымъ средствомъ отъ ея мнимой болѣзни. Ерусланъ на пути къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ трехъ дѣвицъ, которыя кочуютъ въ полѣ въ шатрахъ. Покровительственной роли дѣвицамъ не приписано. Ерусланъ спрашиваетъ ихъ, есть ли богатырь его сильнѣе, и, недовольный ихъ отвѣтомъ, убиваетъ ихъ. Эта излишняя жестокость, приписанная богатырю, дѣлаетъ эпизодъ сомнительнымъ, и дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ, что сказано выше по поводу сказки о Кáролѣ, надо думать, что тутъ большой пропускъ и искаженіе. Вѣроятно эти три дѣвицы—остатокъ отъ сюжета объ измѣнѣ матери, который тутъ прежде находился, т. е. отъ сказки Афанасьева № 119 объ Иванѣ-царевичѣ (на мѣстѣ Еруслана) и Огненномъ царѣ. Три небесныя дѣвы стоятъ и въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; онѣ неоднократно оказываютъ ему свое покровительство; повѣсть выдаетъ ихъ за небесныхъ сестеръ Гэсэра ³⁾; въ концѣ повѣсти сестры Гэсэра улетаютъ на

¹⁾ Число три и еще разъ встрѣчается въ этой сказкѣ: три встрѣчи съ нищими. Въ сказкѣ о Ерусланѣ оно также встрѣчается часто: три побитыхъ рати, три дуба съ костями, три меча, три кочующія въ полѣ дѣвицы.

²⁾ У Coequin'a три собаки съ именами Brise-Vent, Brise-Fer и Brise помогаютъ герою освободить принцессу, обреченную на съѣденіе чудовищу съ семью головами (1, 57).

³⁾ У Гэсэра кромѣ родни на землѣ была еще небесная родня, такъ какъ онъ сынъ небеснаго царя, воплотившійся на землѣ. Кромѣ небесныхъ сестеръ,

небо ¹⁾. Собакъ Кáролю даетъ старецъ отшельникъ, встрѣченный Кáролемъ на пути къ песяглавцамъ; кромѣ собакъ старецъ даетъ богатырю мастику и мѣдный прутъ. Въ верхоянской сказкѣ, представляющей варіантъ ко второму эпизоду сказки о Кáролѣ, т. е. имѣющему своимъ содержаніемъ рассказъ о женщинѣ, обреченной змѣю (собственно выдаваемой замужъ за многоголовое чудовище ²⁾) и спасенной богатыремъ, подвигъ котораго присвоиваетъ себѣ коварный человѣкъ, однако потомъ изобличенный ³⁾, покровительство герою оказываетъ человѣкъ, который называется Пилигримомъ, и который передъ тѣмъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ смоленской сказкѣ сходный персонажъ со сходнымъ именемъ, Палугримъ, сидящій на дубѣ на границѣ царства, помогаетъ Игру съѣздить къ царь-дѣвицѣ (собственно къ дѣвицѣ Иринѣ, дочери мурумскаго царя) ⁴⁾, даетъ ему коня; три дѣвицы, которыхъ Игръ встрѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ, даютъ ему три подарка, которые превращаясь въ лѣсъ, въ болото, и въ рѣку, спасаютъ его отъ погони. Въ смоленской сказкѣ съ сюжетомъ, соответствующимъ второму эпизоду сказки о Кáролѣ, мѣсто старца покровителя, дѣлающаго подарки, занимаетъ Дивный мужикъ или Дивный старикъ; онъ сидитъ въ столбѣ ⁵⁾; въ вологодской сказкѣ того же содержанія это Дивный мужикъ, сидящій на дубѣ ⁶⁾. Старикъ, покровительствующій Кáролю, своимъ отшельничествомъ напоминаетъ эти персонажи, уединенные въ столбѣ, въ тюрьмѣ или на дубѣ.

Въ сказкѣ у Афанасьева № 119 собакъ Ивану царевичу даетъ царевна, на которой онъ потомъ женится. Можетъ быть, и въ сказкѣ, послужившей матеріаломъ для перваго эпизода сказки о Кáролѣ, тутъ тоже стояла женщина, но при сліяніи со вторымъ эпизодомъ, подъ вліяніемъ сказокъ о Пилигримѣ или Дивномъ старикѣ, женщина исчезла. Въ монгольской повѣсти Гэсэру кромѣ трехъ сестеръ покровительствуетъ постоянно еще небесная мать или небесная бабушка. Варіантъ повѣсти, переведенный Шмидтомъ, кончается тѣмъ, что Гэсэръ освобождаетъ мать изъ царства мертвыхъ (изъ зачарованнаго состоянія?) и отправляетъ ее на небо съ помощью трехъ небесныхъ сестеръ. Угрюсская сказка кончается тѣмъ, что Кароль отрубаетъ головы тремъ собакамъ, а потомъ и старцу покровителю; собаки обращаются

повѣсть называетъ еще небесную мать его (въ варіантѣ небесную бабушку) и небесныхъ братьевъ.

¹⁾ Die Thaten Bogdo-Gesser chan's, übers. v. Schmidt, St. Ptb, 1839, T. 286.

²⁾ Во французской сказкѣ у Коскена (Cosquin, II, 257) принцесса, освобожденіе которой присвоиваетъ самозванецъ, была не просватана, а обречена на сѣденіе чудовищу съ семью головами.

³⁾ Верхоянскій Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 268—288.

⁴⁾ Добровольскій, Смоленск. этн. сборн., стр. 458.

⁵⁾ Ibid., 471.

⁶⁾ Труды этн. отд. И. Общ. люб. естеств., антр. и этн., т. XI, М. 1890, стр. 175.

въ голубей, а старецъ въ золотого голубя, и всѣ улетаютъ къ небу¹⁾).

О трехъ милостыняхъ, поданныхъ тремъ нищимъ, рассказано въ русской народной легендѣ „Солдатъ и смерть“. Солдатъ выслужилъ у царя только три сухаря; встрѣчаетъ убогаго, который проситъ у него милостыню; солдатъ отдаетъ одинъ сухарь; встрѣчаетъ другого и отдаетъ другой сухарь; наконецъ третьему убогому отдаетъ послѣдній и отъ этого третьяго убогаго получаетъ въ подарокъ карты, въ которыя если будешь играть, всегда будешь выигрывать, и торбу, въ которую все соберется, если скажешь: полѣзай въ торбу²⁾. Въ другомъ вариантѣ солдату, выслужившему три денежки, на встрѣчу идетъ Христосъ и апостолы; солдатъ подаетъ три милостыни за три раза, а Христосъ даетъ три подарка: кисеть съ неубывающимъ табакомъ, кошель съ неубывающими деньгами и суму, всегда полную по желанію³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ о царскомъ дворцѣ, одержимомъ по

1) Тѣ же два сюжета: объ измѣнницѣ женщинѣ и о женщинѣ, обреченной гибели, которые заключаются или заключались по предположенію въ сказкѣ о Каролѣ, находящейся и въ русской былинѣ о Потокѣ, только въ другой послѣдовательности, именно эпизодъ о женщинѣ, обреченной смерти и спасаемой богатыремъ, стоитъ первымъ, а эпизодъ о женѣ измѣнницѣ вторымъ; въ серединѣ между эпизодами является покровительствующій персонажъ, пилигримъ, или три пилигрима; въ сказкѣ вмѣсто договора мужа съ женой, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, пойти вмѣстѣ въ могилу, договоръ отца съ чортомъ, отдать, чего не знаешь дома; мазь попала въ сказку подъ вліяніемъ редакціи, сходной съ былинной, но въ былинѣ воскрешеніе производится посредствомъ окропленія живой водой; мазь въ французскомъ рассказѣ о Леминкейненѣ; въ бретонской сказкѣ (Cosquin, II, 344), которою А. Н. Веселовской воспользовался для сближенія съ русской былинной о Михаилѣ Потокѣ (въ рецензіи на книгу Коскина „Лорренскія сказки“ въ Журн. М. Н. Пресв., 1887, апрѣль, стр. 297 и слѣд.) подъ носомъ умершей три раза проводить цвѣткомъ розы; въ сказкѣ у Афанасьева, нов. изд. т. II, стр. 14. Змѣя приноситъ листовъ, прикасается къ изрубленной змѣѣ и та оживаетъ; въ лорренской сказкѣ Victor La Fleur оживляетъ свою умершую жазу, помазавъ ея тѣло мазью, полученной отъ „бѣлой дамы“ (Cosquin, II, 342).

По повѣрью вотяковъ трава *Sedum Telephium*, по-вотяцки у лыбъ, имѣетъ даръ возвращать людямъ половую способность, и воскрешать убитыхъ змѣй; впрочемъ *Sedum Telephium* не настоящая улыбъ; она такъ названа только потому, что не вицетъ; настоящую люди не видятъ; чтобы найти настоящую нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣи принесутъ эту траву и проведутъ ею вдоль хребта убитой, послѣ чего она оживаетъ. (Извѣстія Общества истор., археол. и этногр. при Казанск. универс., т. III, 1880—1882 г., стр. 248). Въ русской народной медицинѣ вода, прогнанная черезъ листья *Sedum*, назыв. „живою водой“ (Аппенковъ, Ботан. словарь, 1878 г., стр. 325). Въ болгарской легендѣ на Волгѣ парили царевну вѣзниками изъ *сарбанъ*—березы и излѣчили отъ семействей потери языка Вост. мотивы сарбана даютъ даръ человѣческой рѣчи. У казанскихъ татаръ *сарбанъ*, *Melilotus officinalis* L. (Изв. Общ. ист., арх. и этн. при. каз. ун., 246), который по русски назыв. *донникъ* отъ имени женской болѣзни *донъ*, *донная*, др.-русс. *дня*.

2) Афанасьевъ, Наредн. русскія легенды. Лондонъ, 1859: „Солдатъ и смерть“, вар. с, стр. 60.

3) На той же страницѣ вариантъ, помѣщенный подъ строкой.

ночамъ чертями; солдатъ ночуетъ во дворцѣ; черти наполняютъ дворецъ ночью; солдатъ играетъ съ ними въ карты, выигрываетъ у нихъ все ихъ серебро и золото, и потомъ велитъ чертямъ лѣзть въ торбу, а золото и серебро относить царю. Утромъ кузнецы бьютъ молотами по торбѣ¹⁾. Эпизодъ о трехъ нищихъ въ легендѣ у Афанасьева изложенъ симметричнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ въ угрорусской сказкѣ. Третій нищій въ угрорусской сказкѣ получилъ печальный конецъ подѣ какимъ то постороннимъ вліяніемъ; судя по легендѣ у Афанасьева, третій нищій и старецъ отшельникъ—тожественное лицо. Въ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на сербскую сказку о Радованѣ, который, подобно Кáролю, находитъ въ лѣсу подѣ сосной отшельника и получаетъ отъ него порученіе сходить на озеро, куда летаетъ драконъ, и принести воды, исцѣляющей слѣпоту. Радованъ, кромѣ воды приноситъ еще три пера дракона, которыя оказали ему услугу въ дальнѣйшемъ его походе²⁾. Не была ли редакція о Кáролѣ ближе къ сербской сказкѣ? не говорилось ли, что Кáроль получалъ цѣлительную мазь не отъ отшельника, а ходилъ за нею по его порученію къ песиглавцамъ? Въ настоящей же редакціи эпизодъ о песиглавцахъ стоитъ безъ концепціи съ послѣдующемъ эпизодомъ о царевнѣ, обреченной чертямъ, и является въ сказкѣ произвольнымъ и излишнимъ накопленіемъ.

Мотивъ: „бей только одинъ разъ“³⁾, кажется, находился прежде въ бурятской сказкѣ о Гули-ханѣ и Ханѣ-Гужирѣ, и именно въ эпизодѣ, представляющемъ параллель къ Еруслану. Ханъ Гужиръ наѣзжаетъ на тѣло погибшаго богатыря въ родѣ того, какъ Ерусланъ наѣзжаетъ на Расланея; этотъ богатырь Хухудой даетъ Ханѣ-Гужиру мечъ, подобно тому, какъ Расланей Еруслану, и проситъ убить чудовище Наранъ-Гэрэла; Наранъ Гэрэлъ здѣсь, слѣдовательно, на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; Хухудой даетъ совѣтъ богатырю, если ему не удастся сразу разрубить Наранъ-Гэрэла⁴⁾, скорѣе рубить во второй разъ. Слѣдовательно, совѣтъ совершенно противоположный тому, который даетъ Расланей Еруслану. Убивъ Наранъ-Гэрэла, Ханъ-Гужиръ вырѣзываетъ его печень и достаетъ изъ нея масло; это масло на мѣстѣ желчи, которую добываетъ Ерусланъ изъ печени царя Огненный Щитъ. Совѣтъ Хухудоя не отвѣчаетъ совѣту Росланея, но во

¹⁾ Тамъ же, стр. 65. Въ вар. *a* у Афанасьева, стр. 53, солдатъ, чтобы напугать чертей, мѣряетъ землю въ аду, будто хочетъ строить соборъ; въ киргизской сказкѣ хитрый Алдаръ-козъ мѣряетъ землю, чтобы узнать, гдѣ середина земли.

²⁾ Вост. мотивы, 166.

³⁾ См. *Reinhold Köhler*, *Kleinere Schriften*, Weimar, 1898, S 469. Въ ту-ренской сказкѣ *Atola* бьетъ дева; въ кабилъской вмѣсто чудовища быкъ.

⁴⁾ Разсѣваніе пополамъ народное воображеніе видитъ въ фазахъ луны. Наранъ-Гэрэлъ по-монгольски „солнечный лучъ“ или „сіяніе солнца“; скорѣе бы ждать на этомъ мѣстѣ „лунный лучъ“, Саранъ-Гэрэлъ.

всякомъ случаѣ дѣло идетъ о томъ, какъ бить мечемъ. Можетъ быть, въ другихъ вариантахъ совпаденіе съ русской сказкой было полное; инородцы туруханскаго края для исцѣленія болѣзни вырѣзываютъ изъ дерева фигуру (въ видѣ рыбы или животнаго), олицетворяющую болѣзнь, и бьютъ ее деревяннымъ молоткомъ только разъ; повторенный ударъ можетъ только усилить болѣзнь.

Въ виду созвучія именъ Кáроль и Гэрэлъ при сходныхъ мотивахъ навязывается вопросъ, нѣтъ ли тутъ дѣйствительно чего нибудь большаго, чѣмъ случайное созвучіе. Правда, персонажи, носящіе эти имена, не совпадаютъ; въ угрорусской сказкѣ Кáроль богатырь, герой сказки, въ бурятской Гэрэлъ злое существо, убиваемое героемъ сказки. Но имя Наранъ-Гэрэлъ встрѣчается въ другихъ сказкахъ, какъ имя персонажа, ничего не заключающаго въ себѣ злого или чудовищнаго. Такъ, наприм., въ Шиддикурѣ именемъ Наранъ-Гэрэлъ называется царевичъ, котораго хочетъ погубить мачеха; она притворяется больной, какъ мать Ивана царевича въ сказкѣ Афанасьева № 119, и говоритъ, что выздоровѣетъ только въ томъ случаѣ, если у царевича Наранъ-Гэрэла вырѣжутъ сердце и дадутъ ей съѣсть. Если въ самомъ дѣлѣ въ угрорусской сказкѣ въ эпизодѣ о песиглавцахъ стоялъ сюжетъ о матери или женщинѣ, искавшей погубить Кароля, то судьба Кароля въ такомъ случаѣ совпадала съ участіемъ Наранъ-Гэрэла въ Шиддикурѣ.

Во второмъ эпизодѣ Кароль является спасителемъ женщины, обреченной чертямъ. Въ южнорусскомъ преданіи Кирила-Кожемяка спасаетъ царевну, унесенную змѣей. Сходство только въ темѣ; обстановка темы подробностями другая. Отмѣчу только, что и тутъ и тамъ обнаруживается пристрастіе къ числу двѣнадцать; Кирила сразу разрываетъ *двѣнадцать* кожъ; въ побочныхъ сказкахъ или преданіяхъ объ умерщвленіи змѣи—двѣнадцать кузнецовъ, двѣнадцать молотковъ и пр. ¹⁾ Кароль, перебивъ всѣ злыя существа, увозитъ съ собой *двѣнадцать* кадей золота *двѣнадцать* кадей серебра.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ я высказался за тожество Наранъ-Гэрэла съ Наранъ-ханомъ бурятскаго преданія. Наранъ-ханъ, „Солнце-царь“—царь солоновъ, или солонготовъ ²⁾; преданіе рассказываетъ, что Чингисъ-ханъ или увозитъ у него дочь, или выдастъ за него дочь свою замужъ. Въ обоихъ случаяхъ роется ровъ, по которому везутъ невѣсту; этотъ ровъ и валъ и теперь указываютъ въ Забайкальѣ и сѣверной Монголіи подъ названіемъ у русскихъ „вала Чингисъ-хана“, у монголовъ Чингисэнь-Хэримъ. Въ первомъ случаѣ увозъ дѣвицы вѣроятно изображался, какъ насилие, похищеніе. Ровъ рыли для того, чтобы спасти невѣсту и

¹⁾ См. Вост. мотивы, 819.

²⁾ Солонготъ—множ. число отъ солонъ.

кортежъ ея отъ гонящагося за ними Наранъ-хана, которому сказка приписываетъ свойство жечь лучами ¹⁾; слѣдовательно, это персонажъ въ родѣ царя Огненный Щитъ и въ родѣ Царь-дѣвицы, которая гонится съ жгущимъ щитомъ. Въ виду этого отождествленія Наранъ-хана съ Огненнымъ Щитомъ я думаю, что и о Наранъ-Герэлъ-ханѣ, печень котораго вырѣзалъ Ханъ-Гужиръ, тоже передавалось, что онъ жегъ лучами (гэрэлъ—лучъ), а съ другой стороны, что имя Наранъ-ханъ могло передаваться сложнѣе въ формѣ Наранъ-Герэлъ-ханъ, т. е. что форма Гэрэлъ ставилась иногда въ преданіяхъ рядомъ съ именемъ Чингисъ-ханъ. Гэрэлъ былъ царь-солонвь, противникъ Чингисъ-хана.

Съ именемъ Кирила-Кожемяки также связанъ валь, но происхожденіе его объяснено иначе; въ русскомъ преданіи Змѣборецъ пашетъ землю на Змѣ, проводитъ борозду: вотъ отчего образовался Змѣевъ валь подъ Кіевомъ. Мотивы проведенія борозды не объяснены.

Кароль идетъ къ песиглавцамъ. На пути—старецъ-отшельникъ, который молится Богу. Старецъ даетъ Каролю разные обереги, трехъ собакъ, мазь и мѣдный пруть. Кароль приходитъ къ песиглавцамъ; они водятъ его съ коварнымъ умысломъ по своимъ кладовымъ и показываютъ свое богатство, груды золота и серебра.

Въ такъ называемой солунской легендѣ на славянскаго апостола Кирилла перенесена очевидно какая-то народная сказка. Кириллъ идетъ въ страну болгаровъ; на пути къ нимъ въ Солуни заходитъ къ митрополиту; тотъ его отговариваетъ, говоритъ, что болгары челоувѣкоядцы. Песиглавцы, какъ это видно изъ другихъ преданій объ нихъ, синонимъ челоувѣкоядцевъ, и слѣдовательно Кароль поналъ къ челоувѣкоядцамъ; дружественно относящійся солунскій митрополитъ какъ будто на мѣстѣ старца-отшельника. Обереги, которые отшельникъ давалъ Каролю, въ солунскую легенду не попали. Съ другой стороны подробности солунской легенды, какъ наприм. осада Солуни болгарами и требованіе выдачи Кирилла, „говорящій голубъ“, роняющій какой то „зборькъ“, въ угрорусской сказкѣ никакими намеками не представлены, но за то въ другихъ преданіяхъ о Кириллѣ мы находимъ еще нѣкоторые намеки на сказку о Каролѣ.

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ ровъ нуженъ былъ для того, чтобы скрыть невѣстку отъ тестя; таковъ обычай, соблюдаемый въ монгольскихъ семьяхъ—тесть не долженъ видѣть лицо невѣстки. Въ арабской сказкѣ (Cosquin, II. 335) царь посылаетъ молодого челоувѣка въ опасныя мѣста съ расчетомъ, что онъ тамъ погибнетъ, въ родѣ того, какъ въ монгольской сказкѣ Гули-ханъ посылаетъ Хапъ-Гужира достать желчь Наранъ-Герэлъ-хана. (Записки Вост.-сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I. ст. 149), и въ заключеніе поручаетъ ему привезти дочь султана Зеленой Земли; молодой челоувѣкъ привозитъ, но принцесса говоритъ, что на ея родинѣ свадебный обрядъ совершается такъ: роютъ *ровъ* до рѣки, по краямъ его раскладываютъ *огонь*, и женихъ бросается черезъ огонь въ рѣку.

Песиглавцы пытаются отравить Кароля, но Кароль плеснулъ одну ложку предложенной ему пищи собакѣ, та замахала головой, и Кароль не сталъ есть. Сарацины, которые въ другихъ преданіяхъ стоятъ, можетъ быть, на мѣстѣ челоуѣкоядцевъ солунской легенды, пригласили Кирилла на обѣдъ и дали ему испить яду, но Господь спасъ его, какъ коротко, къ сожалѣнію, говоритъ преданіе ¹⁾).

Подобно песиглавцамъ, водившимъ Кароля по палатамъ, заваленнымъ золотомъ, и сарацины провели Кирилла по храминамъ своего царя. Показавши ему все богатство и храмины, украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями и бисеромъ, они сказали ему: „виждь фѣлософе, дивное чюдо, сила велика и богатство много амерымѣнно владыкы срацинска“ ²⁾).

Въ монгольскихъ преданіяхъ показываніе богатства связано съ именемъ какого-то богатаго хана Кункэра ³⁾. Когда Абдыль-хотонъ, посланный царемъ Еджень-ханомъ за кораллами для украшенія строящагося дворца, зашелъ въ царство Кункэра, его впустили въ кладовую, гдѣ хранились кораллы, а потомъ, чтобы онъ подивился богатству Кункэръ-хана, провели его подлѣ золотой горы, отъ которой подданные Кункэра отламываютъ куски золота. Абдыль-хотонъ украдкой набралъ въ свою пазуху и коралловъ и золота, а когда ему подарили золотую монету, онъ ее бросилъ и о достоинствѣ драгоценностей Кункэръ-хана отозвался съ презрѣніемъ; вернувшись къ своему хану, онъ хвалится, что и драгоценности принесть, за которыми его посылалъ ханъ, и славу своего хана, какъ богатаго хана, не уронилъ ⁴⁾. Богатое царство Кункэра повѣрье помѣщаетъ на западѣ, т. е. тамъ же, гдѣ монгольское повѣрье помѣщаетъ и своихъ: *нохой-эртей, нохой-ертэ, нохой-еритя*, т. е. людей съ собачьими головами, ⁵⁾, съ ко-

¹⁾ *Бальбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, Слб., 1871, стр. 154.

²⁾ *Ibid.*, 152 Въ другихъ спискахъ не *амерымѣнно*, а *амаеримно, амаерино*. На стенахъ въ сарацинскомъ царствѣ, правда не на всѣхъ, а только христіанскихъ, изображены различныя „образы демонскіе, страшныя и гнусныя вещи“. Если сарацины стоятъ на мѣстѣ челоуѣкоядцевъ, то не будетъ ли это мѣсто затѣмненныя отголоскомъ разсказа повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ о змѣяхъ, которые были нарисованы „на хоромахъ на каждомъ бревнѣ и на дверяхъ, и на окладахъ“ (А. Н. Веселовскій. Отрывки визант. эпоса въ русскомъ, въ Славяникъ, Сборникъ, III, 127).

³⁾ Кункэръ-ханъ по телегитскому повѣрью въ Алтаѣ „ежемесячно умираетъ и снова возрождается, такъ что вѣчно живетъ“. (Очерки с.-з. Монг. IV, 321); следовательно, это персважъ въ родѣ русскаго напы рымскаго, оставшаго Тунай-поха и сѣйотскаго Джедай-хана. (См. Вост. мотивы, 459). То же повѣрье монголы связываютъ съ далай-хамой (см. Этногр. Обоз. кн. XX, стр. 10; и Памятники древн. письменности и искусства, СХХХIII, 1899 г. въ старинной статьѣ „Вѣдомость о вѣст. землѣ и глѣб. Индѣи“, стр. 30).

⁴⁾ Очерки с.-з. Монг. IV, 321.

⁵⁾ *Ibid.*, 322 Ордоеское повѣрье помѣщаетъ собачье царство, *нохой-бартагу*, на сѣверовостоки (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 351).

торами, впрочемъ, разсказъ, записанный мною, не соединяетъ представленія о золотѣ и богатствѣ, но изображаетъ все же, какъ и другія повѣрья, человѣкоядцами.

Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается Золотая гора. У Чубинскаго въ сказкѣ № 51 „Про Золоту гору“¹⁾ передается, что три брата, странствуя, заночевали въ лѣсной хатѣ; возлѣ былъ мостъ; по этому мосту идетъ ночью змѣй; младшій братъ семилѣтокъ убиваетъ его; въ слѣдующія ночи онъ убилъ еще двухъ змѣевъ; эти поединки съ змѣями происходятъ на Золотой горѣ; по убіеніи трехъ змѣевъ, братья берутъ отъ горы *золото*. Гора указываетъ на какое-то высокое положеніе, можетъ быть на небо; „Золотая“—эпитетъ, придаваемый въ ордынскій терминологіи Полярной звѣздѣ: *Золотой* коль, Золотой гвоздь. Алтайское повѣрье знаетъ *Золотую* гору, Алтынъ-ту, которая съ неба виситъ внизъ и только на локоть не достигаетъ земной поверхности. На вершинѣ монгольской міровой горы Сумбырь народное повѣрье помѣщаетъ храмъ и Полярная звѣзда, это—*Золотая* маковка на этомъ храмѣ²⁾. Если подъ Золотой горою дѣйствительно слѣдуетъ угадывать Полярную звѣзду, то подъ мостомъ (въ сказкахъ и былинахъ это часто калиновый мостъ), служащимъ дорогой, по которой ходитъ Змѣй (Змѣева гора) придется подразумѣвать Млечный путь. У Афанасьева въ сказкѣ „Золотая гора“, № 133³⁾, Золотая гора находится на острову въ морѣ; купецъ ѣздитъ туда съ работникомъ, котораго поить соннымъ зельемъ и зашиваетъ въ шкуру лошади; вѣроны поднимаютъ мнимую пададь на гору; работникъ спускаетъ съ вершины горы накопанное золото; купецъ уплываетъ съ золотомъ, оставляя работника на горѣ (подобно тому, какъ братья оставляютъ коровьяго сына въ подземельѣ). Уже девяносто девять такихъ обманутыхъ людей погибло на вершинѣ горы. Работника спасаютъ кремень и кресало, подаренныя ему дѣвицей; при ударѣ кремня о кресало явились два человѣка, которые спустили его съ горы. Теперь работникъ перехитрилъ купца: онъ въ свою очередь напоилъ его соннымъ зельемъ и зашилъ въ шкуру, и когда тотъ, занесенный вѣронами на вершину горы, накопалъ и спустилъ золото внизъ, работникъ уплываетъ, оставивъ купца на горѣ на вѣки. Эта тема, обмѣнъ мѣстомъ, при чемъ второй персонажъ обреченъ на вѣчное прикрѣпленіе къ мѣсту, кажется, указываетъ на Полярную звѣзду⁴⁾.

Птицы, переносящія человѣка на гору въ шкурѣ животнаго, повидимому, принадлежатъ къ категоріи разсказовъ о добываніи драгоцѣнныхъ камней; по монгольскому повѣрью благовонное де-

¹⁾ Чубинскій, II, 167

²⁾ Вост. мотивы, 330.

³⁾ Афанасьева, II, 118.

⁴⁾ См. Вост. мотивы, 197, 479

рево Зандонъ, стоящее на мѣстѣ драгоцѣнныхъ камней западныхъ преданій, приносится птицей Ханъ Гариди ¹⁾; на отношенія этой птицы къ Полярной звѣздѣ мною указано въ „Вост. мотивахъ“ ²⁾.

Ни у Чубинскаго, ни у Афанасьева герою не придается необыкновеннаго происхожденія (у перваго это семилѣтокъ, одинъ изъ трехъ сыновей, у втораго работникъ), но одна сказка у Садовникова заставляетъ подозрѣвать таковое; у Садовникова въ сказкѣ № 34 „Медвѣжій сынъ“ ³⁾ женщина, увлеченная медвѣдемъ въ берлогу, родила сына; сынъ убиваетъ отца—медвѣдя, какъ въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“, и выходитъ съ матерью на ея родину; но онъ не годится для человѣческаго общества: кого схватить за руку,—рука прочь, за голову,—голова прочь. Чтобы отдѣлаться отъ него, его посылаютъ на мельницу, гдѣ было много чертей; „въ полночь черти облѣпили всѣ колеса“. Медвѣжій сынъ избилъ ихъ всѣхъ; тогда пришелъ самъ сатана, пообѣщавъ ему золота и просилъ уйти. Медвѣжій сынъ насыпалъ себѣ золота и ушелъ. Мельницу, какъ средство отдѣлаться отъ богатыря, находимъ также и въ сказкѣ у Чубинскаго, № 50 „Про охоту“ ⁴⁾, которая содержаніемъ сходна съ угрорусской сказкой о Кáролѣ. Герою сопутствуютъ, какъ и Кáролю, помогающія животныя, только здѣсь не собаки, а левъ, медвѣдь, волкъ, лисица и соколъ. Сестра героя измѣнница, живетъ съ Зміемъ (какъ мать Ивана царевича съ Огненнымъ царемъ въ сказкѣ у Афанасьева); она посылаетъ брата въ опасныя поѣздки; послѣдняя поѣздка имѣетъ цѣлью принести муки изъ мельницы; у мельницы двѣнадцать дверей, соответствующихъ „хижамъ“ сказки о Кáролѣ; герой проникъ до самой задней комнаты, захватилъ муки, но долженъ былъ опростеться скакать на волю; двери одна за другой захлопывались, и послѣднія отсѣкли хвостъ у его лошади; самъ онъ выскочилъ, но охота его т. е. звѣри остались въ мельницѣ. Змѣй хочетъ съѣсть вернушагося богатыря; но богатырь взмогся настолъ и поджидаетъ охоту. Звѣри грызутъ двери мельницы; прогрызли всѣ двѣнадцать, приобѣжали и разорвали змѣя.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ для сравненія съ славянскими преданіями я воспользовался также одной монголо-тибетской сказкой. Эрдени-Хараликъ совершаетъ поѣздку для того, чтобы привезти своему народу предметъ, который можетъ доставить ему благоденствіе. Это—дѣвица Билге-виликъ. Онъ ѣдетъ за нею въ страну Удаяну не смотря на то, что его предупреждали, что Удайна населена человѣкоядцами (когда Кáроль отправляется странствовать и входитъ въ лѣсъ, его предупреждаютъ, что этотъ лѣсъ

¹⁾ Очерки с.-з. Монг. IV, 188; см. также Вост. мотивы, 449.

²⁾ Стр. 650.

³⁾ Сказки и пред. Самарск. края. Сиб., 1884, стр. 150.

⁴⁾ Чубинскій, т. II, стр. 157—167.

населенъ чертями или пропасниками). Хараликъ можетъ исполнить свою задачу только въ томъ случаѣ, если онъ добудетъ сердце и печень коровы Куринъ, которая мечетъ пламенемъ. Судьба Харалика похожа на судьбу бурятскаго Ханъ-Гужира; этотъ богатырь получить руку дочери Гули-хана только въ томъ случаѣ, если онъ принесетъ масло изъ печени Наранъ-Гэрэла (который, по моему предположенію, жегъ своими лучами). Хараликъ сначала благополучно минуетъ отвратительныхъ асуровъ, потомъ добываетъ сердце и печень коровы, и получаетъ возможность доставить дѣвицу своему царству ¹⁾.

Два эпизода, сначала эпизодъ съ собаками или звѣрями, которые помогаютъ герою, брату измѣяницы сестры или матери, и попадаютъ въ западню, но выдираются изъ нея, потомъ эпизодъ съ дѣвицей, обреченной на съѣденіе чудовищу или змѣю, расположенные именно въ этомъ порядкѣ, находятся въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки, которая иногда получаетъ названіе „Звѣриное молоко“. Такъ напримѣръ эти два эпизода можно найти у Афанасьева, № 118 „Звѣриное молоко“, вар. с ²⁾, и у Романова, № 2 „Пуща драмуша“, № 3 „Хортки“ и № 4 „Мѣдзяный волкъ“ ³⁾. Схема сказки такая. Герой, иногда это Иванъ-царевичъ, живетъ уединенно съ своей сестрой, иногда матерью. ⁴⁾ Женщина спознается съ змѣемъ или съ разбойникомъ ⁵⁾ и старается сгубить

¹⁾ Хараликъ не убиваетъ корову Куринъ, а только заявляетъ желаніе имѣть ея сердце и печень, и корова сама умираетъ. Король не убиваетъ третьяго нищаго, а только молится, и нищій (чортъ) умираетъ.

²⁾ *Афанасьевъ*, II, стр. 8.

³⁾ *Романовъ*, III, стр. 40.

⁴⁾ Первый эпизодъ передается и въ видѣ отдѣльной сказки, безъ разсказа о царевичѣ, обреченной змѣю, какъ напримѣръ, у *Афанасьева*, № 118, „Звѣриное молоко“, вар. а и в, у *Романова*, № 1 „Звѣриное молоко“, № 7 „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“, № 8 „Иванъ Златовусъ“, у *Чубинскаго*, № 48. „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“ и у *Садовникова*, № 11 „Волкъ, мѣдзяный лѣбъ“.

⁵⁾ Разбойники являются у *Афанасьева* № 118 вар. в и у *Романова*, № 2. У Романова братъ и сестра, осиротѣвшіе послѣ смерти отца, находятъ въ лѣсу домъ изъ 12 покоевъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать разбойниковъ: братъ убилъ изъ нихъ одиннадцать, двѣнадцатый спрятался подъ печь; этотъ послѣдній заводитъ связь съ сестрой и въ союзѣ съ ней убиваетъ ея брата (стр. 41). У Афанасьева братъ одинъ пошелъ въ лѣсъ, набрелъ на домъ, вошелъ въ него, нашелъ въ немъ кадку съ виномъ и плавающимъ въ немъ ковшомъ, сѣлъ на стулъ возлѣ кадки и принялся пить; входятъ двѣнадцать разбойниковъ, также садятся вокругъ кадки и одному изъ нихъ не достаетъ стула; начинается ссора изъ-за стула, переходитъ въ драку и герой сказки убиваетъ всѣхъ, за исключеніемъ атамана, который спрятался въ уголъ за бочки. Потомъ онъ насыпаетъ золота въ плетушку и относитъ сестрѣ. Сестра въ союзѣ съ атаманомъ хочетъ погубить брата, посылаетъ его за яблоками въ садъ, гдѣ живутъ 24 разбойника и гдѣ также было много накоплено всякаго богатства, золота и драгоценныхъ камней; онъ убиваетъ всѣхъ 24 разбойниковъ (стр. 8). Въ этой картинкѣ сквозятъ черты изъ народныхъ представленій о созвѣздіи Плеяды. Число 24 есть удвоеніе двѣнадцати, а 12 есть удвоеніе

Ивана-царевича; она притворяется больной и посылаетъ брата за звѣринымъ молокомъ, сначала за заячьимъ или лисьимъ, а когда Иванъ-царевичъ привозитъ его, не погибнувъ въ дорогѣ, то за волчьимъ, медвѣжьимъ, львинымъ, лосинымъ и др. Звѣри не только даютъ молока, но каждый звѣрь даетъ герою въ подарокъ по звѣренку. Подъ конецъ у Ивана-царевича составляется защита изъ вѣсколькихъ звѣрей. Когда всѣ роды звѣринаго молока добыты, коварная женщина посылаетъ богатыря достать мучной пыли съ какой-то мельницы, у которой двѣнадцать комнатъ и двѣнадцать дверей; богатырь добываетъ пыль и успѣваетъ выскочить прежде, чѣмъ захлопнулись двери, но звѣри очутились въ западнѣ ¹⁾. Змѣй любовникъ увѣренъ, что безъ звѣрей онъ одо-

шесть; монголы насчитываютъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ. По бурятскому повѣрью на Плеядахъ устраиваются сугланы боговъ т. е. собранія или засѣданія. (Вост. мотивы, 583); по осетинскому представленію Плеяды это собраніе пирующихъ нартово (богатырей); они сидятъ вокругъ бочки съ виномъ; одна изъ звѣздъ въ центрѣ—это бочка (Очерки св. Монг., IV, 730). Монгольское преданіе приписываетъ Плеядамъ злой (разбойническій?) характеръ и рассказываетъ, какъ корова и верблюдъ рѣшились раздавить это чудовище копытомъ, но оно распалось на части, и только одна часть была раздавлена, а шесть частей ускользнули и видны теперь на небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ; въ одномъ вариантѣ вмѣсто коровы конь, на которомъ ѣдетъ Идыганъ (т. е. Б. Медвѣдица). Къ Плеядамъ же, вѣроятно, относятся и другіе рассказы о чудовищѣ, распадающемся на части, изъ которыхъ только одна часть ускользаетъ отъ гибели или о компаніи людей, изъ которыхъ только одинъ спасается отъ смерти (Вост. мотивы, 567). У Афанасьева герой садится на стулъ, приходятъ двѣнадцать разбойниковъ, одному стула не хватаетъ (намекъ на преданіе о Плеядахъ, потерявшихъ одну изъ своихъ звѣздъ, Оч. св. Монг., IV, 193) слѣдовательно, всѣхъ стульевъ было двѣнадцать; такое же представленіе въ одной угрорусской сказкѣ. Овечій пасухъ убиваетъ поочередно прилетавшихъ въ садъ шарканей (драконовъ, съ венгерскаго *šarkanj*) съ 6 головами, потомъ съ 12-ю, потомъ съ 24 головами, предварительно опьяняя ихъ виномъ; пототъ онъ нашелъ 12 ключей, отперъ 12 кладовыхъ, въ двѣнадцатой по срединѣ золотой столъ, кругомъ его 12 золотыхъ креселъ; онъ сѣлъ на одно изъ нихъ и увидѣлъ на стѣнѣ 12 мажа (родъ вѣса, грузъ на одну телѣгу) бегерей (палочекъ для цимбаловъ); однимъ бегеремъ онъ ударилъ по столу, явилось 12 юзошей и спрашиваютъ: что прикажете? Онъ попросилъ ѣсть и принести платье. Тутъ онъ и остался жить; это было жилище убитыхъ шарканей (Записки науковаго товариства імени Шевченка під ред. М. Грушевскаго, т. XXIX, [1899 г., т. III], Львовъ, стр. 128—130). Другая сходная сцена находится во французской пѣснѣ о еояжѣ Карла Великаго въ Іерусалимъ. Карлъ входитъ съ своими двѣнадцатью перами въ храмъ въ Іерусалимѣ и видитъ тутъ тридцать креселъ; онъ садится на одно изъ нихъ, а на двѣнадцати остальныхъ разсаживаются иеры. Входитъ въ храмъ еврей, приходитъ въ ужасъ отъ грознаго вида Карла и бѣжитъ извѣстить объ этомъ патріарха. Карлъ получаетъ отъ патріарха мощи и святыя реликвіи. Не была ли эта сцена въ угрорусской сказкѣ о Карлѣ, именно въ рассказѣ о несигланцахъ, 12 комнатахъ, наполненныхъ золотомъ, и о запертыхъ собакахъ? Въ русской былинѣ у каменія Латыря на горѣ Озаварѣ въ соборной церкви 12 престоловъ (Рыбн., I, № 60).

¹⁾ Захлопывающіяся двери представленіе, эквивалентное толкающимъ горамъ и бодающимъ баранамъ другіхъ сказокъ; герой въѣзжаетъ въ покои на конѣ и когда выѣзжаетъ изъ нихъ, то самыя наружныя двери, смыкаясь, отскакиваютъ

лѣветъ противника; онъ хочетъ съѣсть богатыря; тотъ упрасиваетъ позволить ему передъ смертью вымыться въ банѣ ¹⁾; получивъ разрѣшеніе, онъ старается оттянуть время, такъ какъ голубь или воронъ говоритъ ему, что звѣри съ успѣхомъ грызутъ двери своей тюрьмы и скоро освободятся сами и его освободятъ ²⁾. Кончается тѣмъ, что звѣри дѣйствительно прибѣгаютъ и разрываютъ змѣя, а Иванъ-царевичъ казнитъ свою сестру. Затѣмъ царевичъ попадаетъ въ страну, одержимую змѣемъ; населеніе принуждено поочереди давать ему на съѣденіе людей; очередь пала на царевну; царевичъ убиваетъ змѣя, освобождаетъ царевну, но не слѣдуетъ за ней во дворецъ; другой человѣкъ, иногда

коню хвостъ; тутъ случилось то же, что и въ другихъ сказкахъ, когда герой проѣзжаетъ между толстыми горами на обратномъ пути. У *Афанасьева*, № 118, вар. с., мельница имѣетъ двѣнадцать *железныхъ* дверей; Иванъ-царевичъ достаетъ мучную пыль; въ вариантѣ же, помѣщенномъ подъ строкой, Иванъ-царевичъ достаетъ для сестры живущую и цѣлющую воду, падающуюся между двухъ высокихъ горъ, которыя разъ въ сутки расходятся и черезъ двѣ-три минуты опять сходятся (стр. 11). У *Романова* № 2 Иванъ-царевичъ приноситъ илу (мучной пыли) изъ „Заклятой“ мельницы, въ которой двѣнадцать вѣщевъ и двѣнадцать камней (стр. 42); въ № 3 илѣ изъ-подъ послѣдняго изъ двѣнадцати камней мельницы въ прудѣ, что черти мелятъ (стр. 47); въ № 4 прудѣ, въ немъ двѣнадцать дверей; пужно принести „пылку“ изъ-подъ самаго большаго камня (стр. 53); въ № 5 вар. а пирогъ, что самъ на прудѣ молотся, самъ пекся (стр. 58); въ вар. б привосится промоль, который взять у „вѣтраку“ за двѣнадцатую дверями подъ камнемъ; въ № 7 вмѣсто мельницы двѣнадцать покоевъ, въ которыхъ живетъ змѣй (стр. 65). У *Садовникова* № 11 чортова мельница, у ней семь *железныхъ* дверей; приносится пыль. У *Чубинскаго* въ № 48 млынъ, у котораго двери затворяются (стр. 148); въ № 49 млинъ съ 12 дверями (стр. 156). У *Худякова*, въ I, № 10 достается пыльца съ мельницы; старикъ, который сидитъ на мельницѣ, запираетъ звѣрей Ивана-царевича (стр. 43). У *Афанасьева* въ № 118 вар. а звѣри есть, но помощь оказываютъ не они, а мужичекъ съ кулачокъ; мельницы нѣтъ, вмѣсто нея Жаръ-птица, которая проглатываетъ мужичка съ кулачокъ (стр. 4); въ вар. б нѣтъ ни звѣрей, ни мельницы; сестра посылаетъ брата въ какой-то садъ достать яблоковъ; въ саду домъ, въ которомъ живутъ двадцать четыре разбойника и въ которомъ собрано большое богатство, золото, серебро, драгоценные камни (стр. 8).

1) У *Чудинскаго* (II, 150) Иванъ-царевичъ, вымывшись въ банѣ, влазитъ на яворъ, чтобы проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, свиститъ три раза, послѣ третьяго свистка прибѣгаетъ его охота, двѣ собаки. Въ другомъ вариантѣ (ib., 156) Иванъ-царевичъ играетъ въ свистилочку, сидя на золотой яблонѣ. У *Афанасьева* № 118, вар. д, Иванъ-королевичъ передъ смертью поетъ три пѣсни (стр. 13). У *Романова* (III, 65) трубить въ трубу. У *Худякова* сестра, чтобы отмстить за смерть своего любовника, убива брата и тѣло его похоронила на столбѣ (I, 44); у *Романова* она кладетъ его въ бочку (ib., 65), на которую нагоняетъ 12 обручей и бросаетъ въ море (ib., 59); у *Чубинскаго* (165) смоляная бочка.

2) Воронъ у *Афанасьева* № 118, вар. с (стр. 11), вар. б (стр. 13), у *Романова*, въ № 7, стр. 65; крукъ у *Романова* № 3, стр. 47, № 5, стр. 58; вырѣя у *Романова*, № 2, стр. 43 (въ вар. подъ строкой голубь); голубки у *Романова* № 8, кв. 69; соколъ у *Садовникова* № 11, стр. 71. Птица обыкновенно говоритъ Ивану-царевичу: „Не столько топи, сколько мышкай! твои звѣри уже трои двери прогрызли“, потомъ 6 дверей и т. д.

водовозъ, выдаетъ себя за спасителя царевны, царь готовится отдать за него свою дочь, но въ-время является настоящій ея спаситель; самозванецъ изобличенъ ¹⁾, а герой сказки женится на царевнѣ. „Звѣриное молоко“ представляетъ полную редакцію сказки, а угрорусская сказка о Каролѣ есть передача той же сказки съ важными пропусками. Такъ она ничего не знаетъ о сестрѣ героя.

Нѣкоторые варианты этой сказки начинаются длиннымъ и сложнымъ введеніемъ, въ которомъ описывается предыдущая исторія брата и сестры. Царь, очутившись въ затруднительномъ положеніи, обѣщаетъ злему существу отдать своихъ дѣтей. Въ урочное время злое существо приходитъ за дѣтьми; царь спряталъ ихъ, но они найдены и унесены. Находятся покровительствующія животныя, которыя стараются спасти дѣтей и унести ихъ на себѣ, но злое существо догоняетъ и возвращаетъ ихъ. Одному изъ животныхъ удастся, наконецъ, спасти дѣтей; оно переноситъ ихъ черезъ воду, черезъ которую погоня попасть не можетъ. Насильникомъ, захватившимъ дѣтей, въ разныхъ сказкахъ являются разные лица: у Афанасьева въ № 117 Царь - медвѣдь, а № 118, вар. с, медвѣдь съ *железною* шерстью (въ подстрочномъ вариантѣ *железный* волкъ), у Романова въ № 5 баба-юга, въ № 4 мѣдный волкъ, въ № 5, вар. а, Юда, беззаконный чортъ, вар. б Юда-прозвустятяль, въ № 7 змѣй; у Садовникова въ № 11 волкъ, мѣдный лобъ, у Чубинскаго въ №№ 48 и 49—змѣй.

Отецъ прячетъ обреченныхъ дѣтей или на вершинѣ *столба* (у Афанасьева, № 118, вар. с) или въ слупѣ (у Чубинскаго, № 48), въ погребѣ (*ibid.*, № 49, и у Афанасьева, № 117), въ склепѣ (у Романова, № 5), въ подвалѣ (у Садовникова, № 11).

Дѣти, однако найдены, насильникомъ; убѣжище, гдѣ они скрывались, указываютъ насильнику у Романова въ № 5 полонникъ (послѣ того, какъ головни, чепяло, вилки и помяло, опрошенные Юдой, отказались открыть ему тайну ²⁾), у Садовникова въ № 11 кочерга ³⁾, у Чубинскаго въ № 48 долото (кочерга, рогачь, сокира, спрошенные раньше, отказались показать), въ № 49 долото; брошенное, оно падаетъ на мѣсто, гдѣ спрятаны дѣти ⁴⁾.

1) Средствомъ изобличенія служатъ по большей части предусмотрительно вырѣзанные языки изъ головъ змѣи и спрятанные подъ камень, иногда шнурки, повязанные спасенною царевной на шею звѣрей помощниковъ, иногда перстень или половина перстня, которую царевичъ получаетъ отъ царевны, разставаясь.

2) Романовъ III, 56.

3) Садовниковъ, 67.

4) Чубинскій, II, 140 и 152. Шаманы гадаютъ и открываютъ украденное и спрятанное бросая *орбо*, бубенную колотушку на землю; гадаютъ ли они посредствомъ *хорьби*, т. е. посредствомъ жезловъ, имѣющихъ верхній копецъ согнутымъ въ видѣ кочерги, мнѣ неизвѣстно. Ср. вост. мотивы, 715.

Изъ неволи дѣтей уносить бычокъ, или воликъ ¹⁾, или лось ²⁾ погоня догоняетъ бѣглецовъ у рѣки, или у озера, или у огненнаго моря ³⁾, но дѣти махаютъ хусткой ⁴⁾ или утиральникомъ ⁵⁾ и образуется мостъ черезъ воду, который исчезаетъ, когда дѣти перешли на другую сторону; погоня или остается на другомъ берегу ⁶⁾ или тонетъ въ водѣ ⁷⁾.

Такимъ же введеніемъ начинается и урянхайская сказка объ Ерь-сару ⁸⁾: старикъ подошелъ къ рѣкѣ; Джельбага схватилъ его за бороду и грозитъ съѣсть его; старикъ пообѣщалъ отдать ему своихъ трехъ дочерей, если онъ отпуститъ бороду, и, получивъ свободу, укочесалъ съ прежняго мѣста, а дѣтей не взялъ съ собой: Джельбага овладѣлъ дѣтьми. Они убѣгаютъ отъ него; по дорогѣ бросаютъ сначала гребень, потомъ брусъ; гребень обращается въ лѣсъ, брусъ въ каменную гору; Джельбага топоромъ прокладываетъ себѣ дорогу. Дѣти добѣгаютъ до рѣки, бобръ перевозитъ ихъ на другую сторону, а Джельбага не можетъ перешлыть рѣку и тонетъ ⁹⁾.

1) *Афанасьевъ*, II, 4, 6; *Романовъ*, III, 56, *Чубинскій*, II, 142 и 154.

2) *Романовъ*, III, 51.

3) *Афанасьевъ*, II, 4.

4) *Романовъ* III, 51 и 56; *Чубинскій*, II, 143 и 154.

5) *Афанасьевъ*, II, 4.

6) *Аф.*, II, 4; *Ром.* III, 57. (?); *Чубинскій*, II, 143, *Садовн.*, 68.

7) *Аф.*, II, 6; *Ром.*, III, 51.

8) *Очерки* изъ Монг., IV, 341.

9) У *Афанасьева* (II, 4), баба-яга (*ibid* 10), у *Романова* баба-яга (III, 46) Юда (57 и 60). змѣй. (64). у *Чубинскаго* (II, 143 и 154) змѣй, у *Садовникова* волкъ-мѣдный лобъ (стр. 68) остаются на другомъ берегу рѣки или моря (у *Афанасьева*, стр. 4 и у *Романова* стр. 46 это море *огненное*) медвѣдь-желѣзная шерсть у *Афанасьева* (II, 6) тонетъ въ водѣ, мѣдный волкъ у *Романова* (III, 51) переплываетъ только до половины моря и остается на купинѣ. Дѣти не всегда переходятъ черезъ воду по мосту; въ одномъ вариантѣ (у *Садовникова* стр. 68) дѣти зарѣзали быка, который увелъ ихъ отъ волга — мѣднаго-лоба, сняли съ него шкуру и на этой шкурѣ переплыли черезъ море. Ср. *Федоръ Борма*, убѣгая изъ Вавилона, переплываетъ черезъ море на коврѣ, который былъ вышитъ вавилонской дѣвицей (*Н. И. Ждановъ*, Русск. былевой эпосъ стр. 11). Въ тангутской легендѣ убѣгающій Балъ-Дарчжи переплываетъ рѣку на конѣ (у *Афанасьева*, № 117 въ вариантѣ подъ строкой, стр. 4 вмѣсто бычка дѣтей спасаетъ и перевозитъ черезъ море конь), погоня остается на другомъ берегу (Танг.—тиб. окр. Китая, II, 250). Въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ семь альбиновъ перевозжаютъ черезъ море на семи деревянныхъ лошадяхъ, которыхъ имъ далъ Гэсэръ и которыхъ онъ своимъ волшебствомъ одарилъ способностью возить по сушѣ и водѣ, но когда альбины вышли на середину моря, деревянные кони вернулись къ Гэсэру, оставивъ альбиновъ въ морѣ, и они утонули (*Die Thaten Gesser-chan's*, S. 38); альбины тутъ на мѣстѣ Джельбаги урянхайской сказки, который тоже доплылъ только до середины рѣки, имѣя въ рукахъ стебель травы дягиля, взятый имъ по совѣту бобра; бобръ является такимъ же другомъ дѣтей, какъ въ русскихъ сказкахъ бычокъ. Въ саларскомъ преданіи богатырь Кусэръ (можетъ быть то же, что Гэсэръ) пускаетъ стрѣлу въ берегъ Желтой рѣки, вода рѣки уходитъ въ образовавшуюся отъ стрѣлы трещину и Кусэръ переходитъ на другой берегъ по сухому дну. (Танг.-тиб. окр. Китая, II, 300). Въ монгольскомъ преданіи о рѣкѣ Орховѣ Галданъ, слет-

Боберь указываетъ дѣтямъ на три ели, стоящія на томъ берегу, на который онъ перевезъ ихъ, и совѣтуетъ имъ залѣзть на нихъ, что они и сдѣлали ¹⁾ Урянхайская сказка находится въ большомъ соотвѣтствіи съ русской, только въ русской, дѣти, сидящія на вершинѣ столба, помѣщены до рѣки, а въ урянхайской дѣти на вершинѣ дерева послѣ рѣки ¹⁾.

Другая сказка съ сходнымъ содержаніемъ записана у минусинскихъ татаръ ²⁾. Акъ-ханъ уѣзжаетъ изъ дому, не смотря на то, что жена его Алтынъ-Арыгъ предупреждаетъ его, что она беременна. Ханъ встрѣчаетъ Катай-хана, который ѣздитъ на сорокорогомъ быкѣ. Акъ-ханъ, пьяный, обѣщаетъ отдать Катай-хану не только дочь, но и ожидаемаго сына. Вернувшись домой, Акъ-ханъ забылъ и думать объ исполненіи обѣщанія; Катай-ханъ самъ пріѣхалъ за дѣтьми и убилъ Акъ-хана, но лошадь Акъ-хана убѣжала. Катай-ханъ бросилъ дѣтей Акъ-хана морскому чудовищу Kiro-Balak. Послѣ смерти Акъ-хана и его жены Sâdei-Mirgân пришло ихъ богатство, а найденныя на морскомъ берегу тѣла дѣтей Акъ-хана бросилъ въ семидесятисаженную яму и къ этой могилѣ приставилъ стражу изъ семи богатырей. Вскорѣ потомъ родился богатырскій конь (Heldenfüllen). котораго Sâdei-Mirgân тщетно пытался убить. Жеребенокъ этотъ обратился въ шестилѣтнюю дѣвицу, которая своею пѣсней разогнала стражу, приставленную къ могилѣ дѣтей Акъ-хана; потомъ, добывъ изъ могилы тѣла дѣтей, дѣвица вновь обратилась въ жеребенка, который и увезъ эти тѣла на своей спинѣ. Соколъ приноситъ извѣстіе о живучей водѣ, которая зарыта подъ *золотой* березой; посредствомъ этой воды жеребенокъ оживляетъ дѣтей Акъ-хана. Катай-ханъ узнаетъ объ этомъ и спѣшитъ на своемъ сорокорогомъ быкѣ. Жеребенокъ ищетъ спасенія у Jebet-chan'a и Alten-Kus'a, но они оба убиты Катай-ханомъ. Жеребенокъ прячетъ дочь Акъ-хана въ дремучемъ лѣсу, а сына Акъ-хана увозитъ на *Железную* гору;

скій ханъ, нападаетъ на монастырь Эрдени-цзо; жители спасаются за рѣку и рѣка пропускаетъ ихъ, но когда черезъ рѣку пошло войско Галдана, воды въ рѣкѣ поднялись и его войско перетонуло (Живая Старина, 1891 г., в. III, стр. 238). У *Романова*, № 4 отъ трехъ взмаховъ хушкой озеро сдѣлалось сухимъ; когда дѣти перешли и снова взмахнули хушкой три раза—вновь образовалось озеро (стр. 51).

Алтайское повѣрье осушеніе моря хотя и не для перехода черезъ него, приписываетъ богатырю Музыкаю (Вост. мотивы, 69 и 181): о тожествѣ Музыка съ Гесеромъ и о именахъ Музыкай, Бузыкай, Козу, Бозы см. въ Вост. мотивахъ, 431 и 679.

¹⁾ Въ Алтайскомъ преданіи чудовище Джельбегень увоситъ Тарданака или Машпаракъ (см. Восточные мотивы 750). Машпаракъ сидитъ на деревѣ—образъ, который очень часто встрѣчается и въ русской сказкѣ объ уносимыхъ дѣтяхъ. Мѣсяцъ (въ ущербъ, т. е. рогаый) спасаетъ мальчика; слѣдовательно здѣсь мѣсяцъ на мѣстѣ бычка или волика, спасающаго дѣтей въ русской сказкѣ.

²⁾ *A. Schiefner*, über die Heldensagen der minussischen Tataren въ *Mélanges asiatiques* d. Acad. des Sciences t. III, p. 373.

туда же пріѣхалъ и Катай-ханъ. Пачинается битва и сынъ Акъ-хана убиваетъ Катай-хана; онъ получаетъ имя *Ai dôlei-Mirgän* а сестра *Alten-Kurur iju*. Ай долей-Миргәнъ совершаетъ судъ надъ Садей-Миргәнѣмъ; онъ приковываетъ его живого съ конемъ на скалъ.

Сравнительно съ русской сказкой тутъ большія особенности въ разработкѣ частныхъ, но главная нить разсказа въ татарской и русской сказкѣ одна и та же. Какъ и въ русской сказкѣ здѣсь двое несчастныхъ дѣтей, братъ и сестра: ихъ уноситъ какая-то злая сила, но покровительствующее животное спасаетъ ихъ; изъ плѣна ихъ увозитъ на своей спинѣ жеребенокъ, который тутъ на мѣстѣ бычка или волика; какъ и въ русской сказкѣ, дѣти отсулены злѣму существу самимъ отцомъ, ханомъ; и это случилось также, какъ и тамъ, въ то время, когда ханъ выѣхалъ зачѣмъ то изъ дома. Мальчикъ въ это время еще не родился; легко допустить, что тутъ были и тѣ детали, которыя сохранились въ русской сказкѣ; можно предположить, что дѣти были отсулены ханомъ въ то время, когда онъ хотѣлъ пить изъ колодезя или озера, что его кто-то схватилъ въ это время за бороду и что ханъ не подозрѣвалъ, что его жена во время его отсутствія родила дѣтей и онъ согласился отдать то въ домъ, чего онъ не знаетъ.

Разница между русской и татарской редакціями во первыхъ въ пропускѣ многихъ деталей (*Хустка*, обращающаяся въ мостъ черезъ рѣку, неудачныя попытки спасти дѣтей, дѣлаемые другими животными ¹⁾), во вторыхъ въ разсказѣ о смерти царскихъ дѣтей и ихъ воскрешеніи, и въ третьихъ во введеніи въ разсказъ трехъ злыхъ персонажей: Катай-хана, Киро-балака и *Sâdei-mirgän'a* вмѣсто одного Змія или Юды. Вѣроятно мы имѣемъ тутъ дѣло съ слитіемъ нѣсколькихъ вариантовъ въ одинъ. Въ русскихъ вариантахъ дѣтей похищаетъ чудовище, иногда морское чудовище. Въ татарской сказкѣ также есть водяное чудовище Киробалакъ; вѣроятно въ первоначальной редакціи оно само похищало дѣтей. Русская сказка продолжается и переходитъ въ разсказъ объ измѣнѣ сестры; татарская на спасеніи дѣтей останавливается. Я предполагаю, что татарская сказка также продолжалась разсказомъ объ измѣнѣ сестры, и если татаринъ разсказчикъ придалъ сказкѣ благополучный конецъ, женивъ брата и выдавъ сестру замужъ, то на это я смотрю какъ на преждевременное завершеніе сказки.

Сюжетъ объ измѣнницѣ женщинѣ, замышляющей гибель брата въ союзѣ съ своимъ любовникомъ, извѣстенъ тюркомонгольскому міру и и въ „Вост. мотивахъ“ указалъ, что съ этой темой свя-

¹⁾ Въ русской сказкѣ прежде чѣмъ взялся за спасеніе дѣтей бычокъ, тщетно старались увести ихъ гуси, орелъ и т. п.

зано тамъ имя, въ версіяхъ принимающее формы Хадынъ, Адынъ, Көдөнъ - би Кидәнъ-ханъ ¹⁾. Хадынъ при переходѣ изъ монгольскаго въ тюркскій должно перейти въ Кадынъ; Катай-ханъ повидимому видоизмѣненіе той же формы, и вѣроятно послѣ разсказа о спасеніи дѣтей шелъ разсказъ о томъ, какъ Катай-ханъ завелъ связь съ сестрой Айдолея и какъ они вдвоемъ умертвили его. Татаринъ разсказчикъ поторопился и рано поставилъ смерть и воскрешеніе Айдолея; этотъ инцидентъ нужно было помѣстить послѣ бѣгства жеребенка съ дѣтьми на спинѣ, а не до него.

Третій персонажъ Sâdei-Mirgân не необходимое лицо въ сказкѣ; его можно выкинуть изъ сказки, и отъ этого схема сказки нисколько не разстроилась бы. Это измѣнникъ; онъ присвоилъ имущество Акъ-хана, т. е. наслѣдство Айдолея. Мотивъ измѣны какъ будто на столько крѣпокъ въ схемѣ, что разсказчикъ не могъ его выкинуть и только приписалъ измѣну мужчинѣ вмѣсто женщины. Sâdei-Mirgân принимаетъ участіе въ угнетеніи дѣтей; они уже разъ были брошены въ море, но разсказчикъ заставляетъ море выкинуть ихъ на берегъ, и Sâdei-Mirgân во второй разъ бросаетъ ихъ въ яму глубиною въ 70 сажень; ненужное повтореніе, которое могло явиться въ томъ случаѣ, если тутъ къ сказкѣ объ Айдолеѣ присоединился особый вариантъ, въ которомъ ни Киробалака, ни Катай-хана не было, а единственнымъ гонителемъ дѣтей представлялся Sâdei-Mirgân; въ сказкахъ о женщинѣ-измѣнницѣ присвоеніе богатства погубленнаго богатыря приписывается ея любовнику, поэтому можно догадываться, что и въ этой сказкѣ была сестра измѣнница, что она тайно жила съ Sâdei-mirgân'омъ и въ союзѣ съ нимъ погубила брата, послѣ чего Sâdei-Mirgân захватилъ богатство Айдолея. Сказка кончается казнью Sâdei-Mirgân'a; Айдолей приковываетъ его живого къ скалѣ. Въ русской сказкѣ сходная казнь постигаетъ измѣнницу сестру; у Романова, въ № 2 братъ привязалъ сестру Алену къ дереву; въ вариантѣ къ этому №- медвѣдь по приказанію брата помѣщаетъ сестру на высокомъ дубѣ; левъ стряхнулъ ее оттуда ²⁾; въ № 4 сестра привязана къ дереву ³⁾; въ № 5 сестру посадили на высокое дерево; левъ тряхнулъ дерево, женщина упала и разбилась на мелкія крошки ⁴⁾. Въ примѣчаніи къ № 7 мужъ невѣрную жену садитъ на дерево; звѣри сбрасываютъ ее съ дерева и разрываютъ ⁵⁾. Въ № 8 Иванъ Златовусъ ⁶⁾ распинаетъ свою мать измѣнницу на горькой осинѣ. У Афанасьева № 118, вар. а: Иванъ-царевичъ

¹⁾ Стр. 665 — 672.

²⁾ Романовъ III, 44.

³⁾ Ibid. 54.

⁴⁾ Ibid. 59.

⁵⁾ Ibid. 67.

⁶⁾ Ibid. 70.

привязалъ Елену прекрасную голую къ дереву ¹⁾, а потомъ привязалъ къ хвосту коня и размыкалъ; вар. с. братъ посадилъ сестру на *каменный столбъ* при дорогѣ; возлѣ положилъ вязанку сѣна и два чана, одинъ съ водой, другой пустой ²⁾. У Чубинскаго въ № 48 братъ привязалъ сестру къ явору, который росъ у порога; возлѣ поставилъ два цѣбра, одинъ съ угольями, другой пустой для слезъ ³⁾. Въ № 49 сестра привязана къ хвосту лошади и пущена въ степь ⁴⁾. У Рудченка, вып. 2, въ № 22 измѣнница сестра нашла въ особой коморѣ *распятаго* за руки и ноги разбойника (стр. 69); казнь сестры заключается въ изгнаніи съ желѣзной палицей, желѣзными черевиками и связкой сѣна ⁵⁾.

Въ вариантахъ русской сказки въ большей части случаевъ похититель дѣтей и соблазнитель женщины—одно и то же лицо. У Чубинскаго и въ № 48, и № 49 дѣтей похищаетъ Змій; онъ же потомъ является соблазнителемъ дѣвицы, перекинувшись молодцомъ. У Садовникова въ № 11 Волкъ-мѣдный лобъ уноситъ брата и сестру и онъ же соблазняетъ дѣвицу. У Романова въ № 4 Мѣдзяный волкъ сначала похищаетъ дѣтей, потомъ, обернувшись мальцомъ, соблазняетъ жевщину; въ № 5, въ вариантахъ а и б, одинъ и тотъ же Юда и похититель дѣтей, и соблазнитель; въ № 6 Змѣй—и въ той, и въ другой роли. Разныя лица являются у Афанасьева въ № 117: гонитель медвѣдь, соблазнитель шестиглавый змѣй; въ № 118 гонитель медвѣдь, соблазнитель атаманъ разбойниковъ; у Романова, № 3, гонительница баба-юга, соблазнитель женщины Кощей-безсмертный.

Въ сказкахъ тѣхъ же минусинскихъ татаръ встрѣчается имя Jedai-chan ⁷⁾. Акъ-ханъ отвозитъ по обѣщанію своего семилѣтняго сына Ала-Картагъ къ Джедай-хану, который живетъ при подошвѣ *Желѣзной* горы, гдѣ земля и небо срастаются. По началу это та же сказка, какъ и предыдущая; тотъ же Акъ-ханъ, отдающій своего сына въ чужія руки, только вмѣсто Катай-хана здѣсь Джедай-ханъ; этотъ послѣдній живетъ у Желѣзной горы; въ предыдущей сказкѣ также есть Желѣзная гора; на ней происходитъ битва Айдолея съ Катай-ханомъ. Отдавъ сына, Акъ-ханъ вернулся домой. Воспользовавшись его беззащитнымъ положеніемъ безъ сына, братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ увозятъ его вмѣстѣ съ женой въ плѣнъ и бросаютъ въ яму въ семь саженъ глубиной. Послѣ нѣкотораго времени братья узнаютъ, что близокъ конецъ

¹⁾ Афанасьевъ, II, 6.

²⁾ Ibid. стр. 11.

³⁾ Чубинскій, II, 152.

⁴⁾ Ibid. 156.

⁵⁾ Рудченко, Народн. южнорусск. сказки, вып. 2, стр. 69—70.

⁶⁾ Та же роль приписывается Кощей и въ русской быливѣ; противникъ его Иванъ Годяновичъ.

⁷⁾ А. Schiefner, Über die Heldensagen d. minuss. Tataren, S. 379.

свѣта, такъ какъ семь собакъ, прикованныхъ у Джедай-хана, освободились, лаютъ и воютъ. Братья обращаются за развѣдками къ Dschalaty, который имѣетъ знаніе обо всѣхъ вещахъ. Джалаты посылаетъ развѣдчиками сокола къ Кудая на небо, синюю змѣю подъ землю, синюю щуку въ море и горностаю въ гору. Всѣ принесли извѣстіе, что конецъ всего близокъ. Два ворона, которые гнѣздились на семи лиственницахъ на Желѣзной горѣ, принесли ему извѣстіе, что Ала-Картага тридцать лѣтъ бился съ Джедай-ханомъ и убилъ его, снова переловилъ спущенныхъ съ цѣпей семь собакъ и надѣлъ имъ мѣдные намордники. Братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ по совѣту Джалаты освободили Акъ-хана съ женой и съ подарками выѣхали навстрѣчу Ала-Картагѣ. Богатырь подарилъ имъ пять собакъ Джедай-хана изъ семи, которыхъ онъ велъ съ собою, и объяснилъ, что владѣющій этими собаками никогда не будетъ знать старости ¹⁾. Но братья плохо смотрѣли за собаками, и онѣ убѣжали на Желѣзную гору. Ала-Картага вновь поймалъ ихъ, заключилъ въ Золотую гору и наказалъ братьямъ смотрѣть, не подкапываются ли онѣ своими желѣзными когтями подъ каменную дверь. Собаки еще разъ убѣжали; тогда Ала-Картага отрубилъ головы всѣмъ семи собакамъ, а также и двумъ братьямъ ²⁾.

Въ „Вост. мотивахъ“ я сопоставилъ собакъ Джедай-хана съ киргизскимъ представленіемъ о семи звѣздахъ Бол. Медвѣдицы, какъ о семи волкахъ, съ которыми также соединена идея о концѣ міра ³⁾. Отсюда догадка, что имя Джедай-ханъ одного происхожденія съ тюркскимъ именемъ Б. Медвѣдицы: Джетыганъ, Жидиганъ, Едиханъ и др.

Эти Джедай-хановы собаки стоятъ здѣсь на мѣстѣ собакъ или звѣрей русскихъ сказокъ; число ихъ въ русскихъ сказкахъ не совпадаетъ, но это можетъ быть отнесено насчетъ небрежности рассказчиковъ; въ сказкѣ о Каролѣ ихъ три; у Афанасьева въ № 118, вар. с, двѣ собаки и три звѣренка (волчонокъ, медвѣжонокъ и львенокъ), у Романова, въ № 2 одна собака и три звѣренка (волчонокъ, медвѣжонокъ, львенокъ); въ № 4 четыре звѣренка (лисенокъ, волчонокъ, медвѣжонокъ, львенокъ); въ № 5, вар. а, пять звѣрятъ (зайчонокъ, лисенокъ, медвѣжонокъ, львенокъ), вар. б три собаки и трое животныхъ (медвѣдиха, волчица и орлица), № 7 двѣнадцать собакъ; № 8 шесть звѣрей (медвѣдь, волкъ, лисица, заяцъ, лось, голуби); у Садовникова двѣ кошки и трое звѣрятъ (медвѣжонокъ, волчонокъ, львенокъ); у Чубин-

¹⁾ По повѣрью южносибирскихъ тюрковъ, Джедай-ханъ никогда не умираетъ; онъ вѣченъ; см. Восточн. мотивы, 458.

²⁾ Въ Очеркахъ с.-в. Монгол. IV, 568, помѣщена сказка черневыхъ татаръ (съ южной Сибири), въ которой одинъ изъ богатырей называется Алтынъ-Картага.

³⁾ Вост. мотивы, 457, 651, 742.

скаго въ № 48 двѣ собаки (Чуйко и Буйко) и четыре звѣря (заяцъ, лисица, волкъ, медвѣдь), въ № 49 двѣ собаки (Чушко и Бачко) и три звѣря (волкъ, медвѣдь, лисица).

У Романова въ № 3 „Хортки“ семь звѣрей (заяцъ, лисица, волкъ, медвѣдь, лось, левъ, смолякъ) даютъ Ивану-царевичу каждый по хортку, такъ что у него образовалась защита изъ семи хортковъ, или собакъ: въ этомъ вариантѣ число хортковъ совпадаетъ съ числомъ Джедай-хановыхъ собакъ. У Афанасьева въ одномъ вариантѣ то же самое ¹⁾. Джедай-хановы собаки такъ же, какъ и собаки въ русской сказкѣ, заперты (въ Золотой горѣ вмѣсто Чертовой мельницы) и стараются когтями выбраться изъ заключенія. Судя по этимъ сходнымъ чертамъ, хорты и звѣри русскихъ сказокъ—это собаки Джедай-хана, только мѣсто ихъ иное; въ русской сказкѣ они друзья того лица, которому редакция симпатизируетъ, въ татарской же это помощники злого героя ²⁾, Джедай-ханъ отвѣчаетъ Катай-хану предыдущей татарской сказки (можетъ быть, также и Sâdei-Mirgân'у). Юда русской сказки—это Джедай-ханъ (Jedai-chan) татарской.

Все у тѣхъ же минусинскихъ татаръ В. В. Радловъ записалъ большую пѣсню ³⁾, начало которой сходно съ началомъ двухъ предыдущихъ. Бездѣтный Акъ-ханъ выѣхалъ въ поѣздку по степямъ и горамъ; возвращается и узнаетъ, что въ его отсутствіе ханыша родила мальчика Ай-мэргэна. Наѣзжаетъ Солбанъ-мэргэнь, побиваетъ Акъ-хана и увозитъ родившагося ребенка. Имя хана то же самое, какъ и въ двухъ предыдущихъ татарскихъ сказкахъ, и также начинается сказка съ того, что ханъ выѣзжаетъ изъ дому; но онъ никого не встрѣчаетъ въ полѣ; затѣмъ на его домъ наѣзжаетъ враждебный Солбанъ, который отвѣчаетъ Катай-хану и Джедай-хану предыдущихъ сказокъ, а также Жельбагъ урянхайской сказки ⁴⁾; вѣроятно, подобно послѣднему, Солбанъ-мэргэнь встрѣтился Акъ-хану во время поѣздки и принудилъ его дать обѣщаніе отдать ему ожидаемаго ребенка. Вѣроятно редакция, выпроваживая Акъ-хана изъ дому, имѣла заднюю мысль создать инцидентъ встрѣчи съ враждебнымъ лицомъ. Солбанъ-мэргэнь привезъ мальчика въ свой домъ, и приказалъ пригвоздить его семью желѣзными гвоздями къ землѣ при подножіи столба,

¹⁾ *Афанасьевъ* изд. 1897, т. II, стр. 10; въ подстрочномъ вариантѣ противникъ царевича учитъ его сестру потребовать молока отъ семи звѣрей: зайца, лисицы, кунницы, волка, медвѣдя, кабана и льва; каждый звѣрь даетъ царевичу молоко и щенка.

²⁾ *Radloff*, Proben, II, 385.

³⁾ *Radloff* Proben, II, 385.

⁴⁾ Мною отъ урянхайцевъ кромѣ имени Чолпанъ для звѣзды Венеры было записано еще имя Джильбы-хуньякъ (Очерки с.-з. Монг., II, 127); впрочемъ это единственный случай. Для звѣзды Венеры есть русское названіе Волчья звѣзда (*Афан.*, Поэт. возвр., I, 763); въ русскихъ сказкахъ дѣтей иногда похищаетъ волкъ.

который служить коновязью; семь человекъ должны бить младенца желѣзной булавой въ семь пудовъ вѣсомъ; два краснобурыхъ волка, имѣющіе по три сажени длины, были приставлены караулить, чтобы ребенокъ не перекинулся и не исчезъ ¹⁾. Летѣли подъ небомъ два золотыхъ лебедя, лили слезы изъ глазъ, обильныя, какъ дождь и обратились въ двухъ жеребятъ; когда семь приставленныхъ богатырей заснули, а волки убѣждали искать ѣды, жеребята спустились съ неба, вынули семь гвоздей и понесли младенца. Солбанъ-мэргэнъ погнался за бѣглецами и выстрѣломъ изъ лука перешибъ крыло одному жеребенку; онъ упалъ на землю. Другого жеребенка, уносящаго младенца въ устахъ, преслѣдуютъ два сивые Солбановы волка, но жеребенокъ убилъ волковъ. На вершинѣ горы, куда добѣжалъ жеребенокъ, стояли четыре рыжія лошади и четыре богатыря; имъ было приказано Солбанъ-мэргэномъ задержать жеребенка, но у него слезы потекли изъ глазъ, какъ дождь, и богатыри пожалѣли и пропустили его. Солбанъ-мэргэнъ, зарубивъ этихъ богатырей, отправился къ Ерлику и выпросилъ у него двухъ собакъ Казара и Пазара; онѣ догнали жеребенка, но ударомъ копытъ были обѣ убиты. Жеребенокъ донесъ младенца до берестяной юрты, въ которой жила дѣвица Ala Mangnyk дочь Тебәнә-кан'а и царицы Тебәнә-kô; она приняла ребенка, положила въ золотой ящикъ и вложила ему въ ротъ рожокъ въ 6 сажень длинѣй. Приготовивъ для мальчика пищу и платье, Ала-Мангныкъ надѣла на себя лебединую оболочку и отлетѣла прочь; при взмахѣ ея праваго крыла раздалось тридцать пѣсень, при взмахѣ лѣваго семьдесятъ; и пернатые, и когтистые заслушались ея пѣнія; съ трехъ взмаховъ она перелетѣла черезъ три горныхъ хребта, съ семи взмаховъ черезъ семь хребтовъ. Послѣ ея отлета мальчикъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ; въ семь прыжковъ онъ перескочилъ черезъ семь морей, съ высоты горы онъ увидѣлъ степь, которую ни ворона, ни сорока не въ состояніи перелетѣтъ; Ай-

¹⁾ Во всей ордѣ распространено представленіе о Полярной звѣздѣ, какъ о коновязи; она и называется или Золотымъ или Желѣзнымъ прикомомъ. Семь звѣздъ Бол. Медвѣдицы представлялись въ видѣ семи собакъ или семи волковъ, которые были прикованы къ Полярной звѣздѣ, или въ видѣ семи воровъ, или въ видѣ семи караульщиковъ, оберегающихъ отъ покражи двухъ коней (Вост. мотивы, 413). Въ татарской пѣснѣ о Солбанъ-мэргэнѣ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы, я думаю, представлены во-первыхъ въ видѣ семи гвоздей, которыми прибито къ землѣ тѣло Ай-мэргэна, во-вторыхъ въ видѣ семи богатырей, которые должны караулить тѣло Ай-мэргэна, чтобы оно не исчезло. Книжное монгольское сказаніе знаетъ шамана Тебтэнгэри, одного изъ семи сыновей Мунилика; онъ былъ убитъ по приказанію Чингисъ-хана, тѣло его положено въ юртѣ, двери и верхнее отверстіе закрыты, при юртѣ поставлена была стража; на третій день на разсвѣтѣ верхнее отверстіе открылось, и трупъ ушелъ черезъ него (Труды пекинск. дух. миссіи, IV, 138). Въ „Вост. мотивахъ“ (стр. 806) я сближаю этого Тебтэнгэри (Тубуть-тэнгри у Рашидъ-аддина) съ бурятскимъ Дебедеемъ, повидимому тоже шаманомъ, который былъ пастухомъ овецъ у звѣзды Солбанъ.

мэргэнъ обратилъ своего коня въ паршивую клячу, самъ обратился въ паршиваго лысаго мальчика; спустившись съ горы, онъ нашелъ своего старика отца пасущимъ овецъ Солбанъ-мэргэна¹⁾. Отецъ спрашиваетъ плѣшивца, не слыхалъ ли онъ чего объ Ай-мэргэнѣ; тотъ сначала рассказываетъ, что Ай-мэргэна съѣли собаки Казаръ и Пазаръ, но потомъ объявляетъ свое имя. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе поединка между Ай-мэргэномъ и Солбанъ-мэргэномъ, кончающагося побѣдой перваго. Конь совѣтуетъ сейчасъ ѣхать и убить сына Солбанъ-мэргэна. Ай-мэргэнъ видитъ на днѣ моря, кипящаго, какъ котель, семь юртъ и въ нихъ семь богатырей; однимъ выстрѣломъ Ай-мэргэнъ убиваетъ ихъ всѣхъ за разъ, потомъ схватывается съ сыномъ Солбанъ-мэргэна и убиваетъ его.

Это продолженіе сказки является такою же параллелью къ выше приведенной сказкѣ объ Ай-долеѣ, какъ и сказка объ Ала-Картагѣ; здѣсь, какъ и тамъ, жеребенокъ является спасителемъ угнетеннаго царевича. Разсказъ о старикѣ-ханѣ, который пасетъ овецъ у своего врага, и о его сынѣ-богатырѣ, являющемся въ видѣ заморыша, обыкновенно встрѣчается въ сказкахъ о сестрѣ или женѣ, измѣнницѣ, увезенной любовникомъ, который убиваетъ брата или мужа женщины, захватываетъ его имущество, угоняетъ его скотъ и родителей убитаго обращаетъ въ рабство; въ виду этого можно предположить, что и здѣсь былъ разсказъ объ увезенной женщинѣ, именно Солбанъ-мэргэну, нѣкоторые варианты сказки могли приписывать увозъ сестры или жены Ай-мэргэна и умерщвленіе послѣдняго, потомъ могло слѣдовать воскрешеніе Ай-мэргэна и возмездіе за увозъ женщины, то-есть съ именемъ Солбанъ-мэргэнъ связывались тѣ же сюжеты, какъ на западѣ въ славянскомъ мірѣ въ апокрифическихъ сказаніяхъ съ именемъ Соломона. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ Солбанъ могъ стоять на мѣстѣ Ай-долея или Ай-мэргэна, т.-е. на мѣстѣ гонимаго царевича, и если дѣйствительно къ этому царевичу приурочивался иногда разсказъ объ измѣнницѣ женщинѣ, то въ этихъ предположенныхъ вариантахъ Солбанъ вполне отвѣчалъ славянскому Соломону, у котораго жена была увезена; а Катай-ханъ и Джедай-ханъ, отъ которыхъ пострадалъ царевичъ, въ этихъ вариантахъ соотвѣтствовали бы Китоврасу славянскихъ сказаній²⁾.

¹⁾ По бурятскому повѣрью звѣзда Уха-Солбанъ—богатый человекъ, у котораго большія стада овецъ; ихъ пасетъ пастухъ Дебедей (Вост. мотивы, 805).

²⁾ Монгольская сказка, помѣщенная въ Очеркахъ с.-в. Монголіи, IV, 348 (№ 85, „Убѣгающій на быкѣ отъ шулума мальчикъ“) ближе къ русской, чѣмъ приведенная выше урянхайская о трехъ дѣвочкахъ, убѣгающихъ отъ Джельбаги. Въ монгольской сказкѣ вмѣсто русскаго Юды, вмѣсто урянхайскаго Джельбаги шулумъ (т.-е. шоломо, чортъ). Какъ и въ русской, мальчика изъ плѣна увозитъ на себѣ быкъ; мальчикъ беретъ съ собой камень и въ ротъ набираетъ воды; камень обращается потомъ въ груды камней, выплунутая вода въ море. Шулумъ топлетъ въ водѣ. Быкъ велитъ зарѣзать его, какъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ сказкахъ; зарѣзанный быкъ превращается въ богатство.

Судя по именамъ дѣйствующихъ лицъ, эти сказки принадлежатъ къ звѣздному эпосу. Солбанъ имя звѣзды Венеры, распространенное, какъ у тюрковъ, такъ и у монголовъ (съ версіями Чолбонъ, Чолпанъ, Цолмонъ и друг.). Въ именахъ Ай-долей и Ай-мэргэнъ первый членъ *ай*—„луна“ на всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ ²⁾. Собакъ Асырь и Басырь,—вѣроятно, версія собачьихъ именъ Казаръ и Пазаръ,—монгольское повѣрье видитъ среди звѣздъ гдѣ-то около созвѣздія Оріона; три звѣзды Оріона это три оленя, за которыми гонится богатырь или мэргэнъ съ двумя собаками Асырь и Басырь ²⁾. Волки и собаки въ татарскихъ сказкахъ стоятъ не на сторонѣ добраго героя, а въ противоположность русскимъ сказкамъ на сторонѣ злого. Это можетъ быть означаетъ, что по тюрко-монгольскимъ преданіямъ и повѣрьямъ собаки и волки были крѣпко привязаны къ именамъ Солбанъ, Джедай-ханъ и Катайханъ. Когда въ сказаніи на мѣстѣ добраго богатыря ставился Ай-долей или Ай-мэргэнъ, а Солбанъ, Джедай-ханъ или Катайханъ изображались злою силой, то и собаки оказывались на злой сторонѣ; но въ тѣхъ предполагаемыхъ вариантахъ, въ которыхъ Солбанъ, Джедай-ханъ или Катай-ханъ являлись добрыми героями, собаки и волки оказывались на доброй сторонѣ.

¹⁾ Въ одной изъ трехъ приведенныхъ пѣсень главный герой вмѣсто имени съ членомъ Ай называется Ала - Картага (пестрый ястребъ по переводу г. Кантавона; см. Алтаев. указатель къ Proben г. Радлова, Спб. 1888), но членъ *ай* все-таки есть и въ ней; онъ перенесенъ на Ай-Темуса, противника главнаго героя. Картыга-мэргэнъ находится въ эпической пѣснѣ кызыльцевъ (Radloff, Proben, II, 607). Aedschän-Ko, вдовольная тѣмъ, что не имѣетъ дѣтей отъ своего мужа Südai-märgän'a, предлагаетъ свою любовь богатырю Картыга-мэргэну; она поитъ мужа до-пьяна; Сөдэй-мэргэнъ не можетъ противостоять своему противнику Картыга-мэргэну; онъ убѣгаетъ изъ дому безъ оружія, безъ платья, голый и пѣшкомъ; въ лѣсу онъ убиваетъ медвѣдя и одѣвается въ его шкуру; судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, онъ обращается въ медвѣдя. Въ этомъ видѣ онъ приходитъ въ человѣческое общество, въ резиденцію Алтынъ-хана, который выдаетъ своихъ двухъ дочерей за богатырей Ай-мэргэна и Кунь-мэргэна, а младшую, за ея отказъ отъ предложеннаго ей жениха, отецъ отдастъ медвѣдю, т. е. Сөдэй-мэргэну. Старшіе зятья Ай-мэргэнъ и Кунь-мэргэнъ не могутъ исполнить порученія хана отпугать какую-то птицу, которая повадилась похищать жеребятъ кобылы съ серебряной шерстью и убить тигра, который опустошалъ край; Сөдэй-мэргэнъ спасаетъ жеребенка и убиваетъ тигра, но уступаетъ свои трофеи старшимъ зятьямъ за право отрѣзать у нихъ по суставу отъ мизинца и вырвать ремни изъ спины. Зятья бросаютъ Сөдэй-мэргэна въ глубокую яму; царевна Ай-дангъ-Ко, дочь Алтынъ-хана призываетъ дѣвину, дочь богатыря Торомонъ - моко, которая расчесываетъ свою косу, опускаетъ ее въ колодезь и при помощи этой косы Сөдэй-мэргэнъ поднимается изъ ямы. Обличивъ зятьевъ посредствомъ суставовъ и вырѣзанныхъ ремней, Сөдэй-мэргэнъ отправляется къ своей старой женѣ Эджэнъ-Ко, прежде, чѣмъ явиться въ ней, принимаетъ видъ шелудяка, коня обращаетъ въ коростляваго жеребенка, встрѣчаетъ свою дочь, рассказываетъ, будто Сөдэй-мэргэнъ умеръ въ колодезѣ, потомъ видится съ Эджэнъ-Ко и съ Картыга-мэргэномъ; они выпиты, и онъ не мститъ имъ. Эта сказка, кажется, принадлежитъ къ группѣ сказокъ о медвѣжьемъ сынѣ (см. ниже).

²⁾ Очерки св. Монголіи, IV, 205; Танг. тиб. окраина Китая, II, 327.

Свидѣтельствомъ того, что звѣри выставлялись помощниками добраго героя и на востокъ, можетъ быть, можетъ служить ениж-ная монгольская повѣсть о Бикарь-Мадзади. Это царевичъ, родив-шійся, какъ и другой мальчикъ Шалу, отъ съѣденной муки; это монгольскій Катигорошекъ или Буря-богатырь. Бикарь-Мадзади (въ моихъ Очеркахъ с.-з. Монголіи—Бэгэръ-Меджитъ) вмѣстѣ съ Шалу ѣдетъ возвращать свое царство, захваченное насильникомъ царемъ шимнусовъ, слѣдовательно онъ стоитъ на мѣстѣ Ай-мэргэна, ѣдущаго освобождать отца-царя отъ насильника Солбанъ-мэргэна. Въ повѣсти являются волки, въ норѣ съ которыми выросъ и воспитался Шалу; онъ понимаетъ ихъ разговоръ, который служитъ указаніемъ, какъ слѣдуетъ поступать. Въ бурятской версіи этой сказки *семь* волковъ, которые помогаютъ юношамъ не только совѣтомъ, но и дѣйствіемъ; они изгрызаютъ оружіе у войска, посланнаго противъ юношей ¹⁾. Они такіе же благодѣтели гонимыхъ юношей, какъ въ русскихъ сказкахъ говорящіе вороны или говорящіе голуби, докладывающіе о ходѣ работы собакъ, грызущихъ двери ²⁾. Кончается разсказъ о Бикарь-Мадзади тѣмъ, что этотъ царевичъ вступаетъ въ бой съ царемъ шимнусовъ; онъ обращается въ сто львовъ, которые и разрываютъ насильника. Въ болѣе старой редакціи, можетъ быть, на мѣстѣ львовъ стояли *семь* волковъ, которые въ монгольской сказкѣ отвѣчаютъ „звѣриной защитѣ“ русскихъ сказокъ, также заканчивающей битву. Въ разсказѣ о Бикарь-Мадзади нѣтъ женщины, но ее можно тутъ предположить; конецъ разсказа могъ имѣть видъ освобожденія царевны, обреченной на съѣденіе Змію (царю шимнусовъ?). А такъ какъ существуютъ многіе примѣры схемы, въ которой соединены два эпизода: 1) о женщинѣ измѣнницѣ и 2) о царевнѣ, обреченной въ жертву, то мы можемъ допустить, что и въ разсказѣ о Бикарь-Мадзади было два эпизода, то есть кромѣ предполагаемаго разсказа о женщинѣ, обреченной Змѣю, былъ и другой, о женщинѣ, которая ему измѣнила и была увезена. Если бы такой эпизодъ въ самомъ дѣлѣ нашелся—сказки о Бикарь-Мадзади не всѣ еще собраны—это объяснило бы, почему повѣсть о Бикарь-Мадзади (Арджи-Борджи) имѣетъ отношенія къ славянскимъ сказаніямъ о Соломонѣ и Китоврасѣ.

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 282, сказка „Ань-Богдоръ“.

²⁾ Въ русскихъ сказкахъ покровителемъ гонимаго царевича является волкъ или бычокъ, который несетъ его и его сестру на себѣ, переправляетъ черезъ рѣку и даетъ ему собакъ. Подъ этимъ видомъ можетъ быть скрывается душа отца или матери царевича. Въ угрорусской сказкѣ старикъ даетъ Каролію трехъ собакъ, а потомъ велитъ Каролію, чтобъ онъ и ему старику, и собакамъ отрубилъ головы; изъ всѣхъ обезглавленныхъ тѣлъ вылетаютъ голуби. У Афанасьева, № 117, бычокъ велитъ, чтобъ дѣти его, бычка, зарѣзали и сожгли, пепелъ посѣяли на *трехъ* грядкахъ; на одной грядкѣ выскочилъ конь, на которомъ потомъ царевичъ сталъ ѣздить, на другой собачка, на третьей яблоня; въ подстрочномъ вариантѣ на той же страницѣ: бычка зарѣзали, мясо съѣли

Я рассмотрѣлъ три сказки, двѣ каргопольскія: „Бурза Воловичъ“ и „Царь Каприеъ“ и одну угрорусскую о Каролѣ, сынѣ мясороба. Теперь я перейду къ французской сказкѣ „Jean de l'Ours“. Вотъ содержаніе этой сказки по Cosquin'у ¹⁾:

Медвѣдь увлекъ одну женщину въ свою берлогу; спустя нѣкоторое время эта женщина родила мальчика на половину человека, на половину медвѣдя; его назвали Jean de l'Ours. Медвѣдь кормилъ родильницу и ея ребенка. Когда мальчикъ достигъ четырехлѣтняго возраста, онъ, по совѣту матери, попробовалъ отвалить камень, которымъ медвѣдь обыкновенно заваливалъ входъ въ пещеру, но не могъ. Когда ему стало семь лѣтъ, во время отсутствія медвѣдя, онъ опять попытался отвалить и отвалилъ ²⁾; они вдвоемъ съ матерью бѣжали; мать съ ребенкомъ возвратилась къ своему мужу. Мальчикъ сталъ ходить въ школу; онъ былъ злой и обнаруживалъ необыкновенную силу; однажды онъ ударилъ своего товарища, и отъ этого удара цѣлый рядъ школьниковъ полетѣлъ съ лавки; а когда учитель сталъ дѣлать Жану выговоръ, Жанъ выбросилъ его въ окно. Когда мальчику стало 15 лѣтъ, онъ пошелъ служить къ кузнецу, но не ужился тутъ, и черезъ три дня перешелъ къ другому кузнецу и потомъ къ третьему. У послѣдняго онъ собралъ все желѣзо, какое у него было, сковалъ себѣ палицу въ 500 фунтовъ, и пошелъ странствовать. Дорогой онъ встрѣтилъ человека Jean de la Meule, который игралъ жерновомъ, кидая его. Jean de l'Ours спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ идти съ нимъ вмѣстѣ. Тотъ соглашается. Далѣе встрѣчается

кости сложили вмѣстѣ и стали поливать; изъ костей народились двѣ собаки (изд. 1897 г., II, стр. 4); въ № 118, вар. а бычокъ совѣтуетъ дѣтямъ зарѣзать его, бычка, съѣсть, косточки собрать и ударить; ударили и вышелъ мушкетеръ кулачокъ, самъ съ ногою, борода съ локотокъ, который и оказываетъ потомъ паревичу помощь (стр. 6); въ томъ же № 118, вар. с, въ подстрочномъ вариантѣ: герой входитъ въ домъ, тамъ лежитъ старый-старый дѣдъ; онъ умираетъ и оставляетъ въ наслѣдство герою трехъ собакъ (стр. 8). У Романова, № 5, вар. б: воликъ велитъ Иванкѣ бить его, волика, дубовымъ прутомъ; Иванко ударилъ разъ, выскочила изъ волика собака, еще разъ ударилъ—другая; въ третій ударилъ—третья; послѣ того воликъ попрощался и ушелъ (стр. 61); въ № 7 хлопчикъ разсѣкъ волика на 12 частей и бросилъ ихъ въ море; выскочили изъ моря 12 гончихъ собакъ (стр. 64). У Чубинскаго, № 48: зарѣзали бычка, кости застромили въ стрѣху, изъ костей выросли двѣ собаки (стр. 143); № 49: рога убитаго бычка застромлены въ хатъ; изъ нихъ выросли двѣ собаки (стр. 154).

¹⁾ *Etienne Cosquin, Contes populaires de Lorraine, 2 tirage, Paris. T. I, p. 1—4.*

²⁾ Тутъ можетъ быть пропускъ. Богатырь не два, а три раза дѣлалъ попытки выйти изъ медвѣжьей берлоги. По одному книжному преданію Чингисханъ, или вѣрнѣе Темучинъ, спрятался отъ враговъ въ пещеру и три раза пытался выйти изъ нея, но всякій разъ получалъ разные знаменія, которые отклоняли его отъ исполненія намѣренія; одинъ разъ онъ прекратилъ попытку потому, что нашелъ входъ заваленнымъ бѣлымъ камнемъ. (Алтанъ-Тобчи. стр. 11).

имъ Arpuie-Montagne. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ, что поддерживаетъ гору; безъ него она упала бы ¹⁾. Идутъ втроемъ далѣе; еще человѣкъ Tord-Chêne. Онъ крутилъ дубъ, чтобы перевязать хворостъ. Четверо товарищей пошли черезъ лѣсъ и нашли замокъ; они расположились въ этомъ замкѣ и условились, что одинъ изъ нихъ по очереди будетъ оставаться въ замкѣ и готовить обѣдъ, пока другіе будутъ на охотѣ. Остался первымъ Jean de la Meule; пришелъ великанъ, бросилъ Jean'a de la Meule на землю и ушелъ; Jean de la Meule не имѣлъ силъ позвонить, чтобъ созвать своихъ товарищей, какъ это было условлено. Они сами пришли и нашли товарища больнымъ; онъ сказалъ, будто онъ угорѣлъ. То же самое случилось и съ другими товарищами: Arpuie-Montagne и Tord-Chêne. Наконецъ, остается въ замкѣ Jean de l'Ours; когда великанъ бросился на него, Жанъ ударилъ его палицей и раскололъ надвое ²⁾. Осмотрѣвъ замокъ, нашли въ полу отверстіе; сначала спустили Jean'a de la Meule, но онъ услышалъ тамъ надъ собой ужасные крики, перепугался, и его вытянули назадъ ³⁾; также безуспѣшно спускались и Arpuie-Montagne (Держи-гора) и Tord-Chêne (Сучи-дубъ). Спустился Jean de l'Ours; онъ не слышалъ никакихъ звуковъ. Внизу онъ встрѣтилъ фею, которая сказала, что тутъ въ замкѣ живутъ черти, въ первой залѣ 11 и во второй 12, а въ третьей онъ найдетъ трехъ принцессъ. Jean de l'Ours палицей разбиваетъ обѣ двери, убиваетъ всѣхъ чертей, принцессъ отправляетъ по канату въ верхній міръ. Отъ каждой принцессы онъ получилъ въ подарокъ шаръ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и изумрудомъ. Три товарища разобрали принцессъ между собой и когда поднимался по канату Jean de l'Ours, они обрубил канатъ, Jean de l'Ours упалъ и изломалъ себѣ ногу. Къ счастью онъ имѣлъ горшокъ съ мазью, который дала ему фея; онъ помазалъ колѣно, и нога выздоровѣла. Онъ не зналъ, что дѣлать, но въ эту минуту явилась фея и научила подняться по тропинкѣ, которая вела вверхъ; при этомъ онъ не долженъ былъ оглядываться назадъ на небольшой свѣтъ, иначе свѣтъ потухнетъ, и онъ не увидитъ болѣе своей дороги. Jean de l'Ours послѣдовалъ совѣту феи; выйдя на верхъ, онъ нашелъ своихъ товарищей, готовыхъ отправиться въ путь; онъ прогналъ ихъ. Принцессы хотѣли увести его къ своему отцу, но онъ отказался, сказавъ, что можетъ быть когда-нибудь и придетъ въ ихъ королевство. Онъ положилъ шары въ свой карманъ; принцессы возвратились одиѣ къ своему отцу. Jean de l'Ours, пространствовавъ нѣкоторое время, пришелъ въ страну короля, отца трехъ прин-

¹⁾ О летучей мыши, поддерживающей дерево или міръ, см. Вост. мотивы 460.

²⁾ Урусланъ разсѣкъ напополамъ Θεодула-змѣя въ то время, какъ онъ уходилъ въ каменные ворота.

³⁾ Въ сказкѣ, записанной на Памирѣ, спущенный товарищъ кричитъ: „Я горю!“ (Cosquin, I, 20).

цессъ, и поселился у кузнеца; такъ какъ онъ былъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ, кузница вскорѣ стала на славѣ. Король призвалъ кузнеца и сказалъ: „сдѣлай по этому образцу три шара; если же къ такому-то времени они не будутъ готовы, ты будешь казненъ“. Jean de l'Ours успокоилъ кузнеца, пообѣщавъ сдѣлать шары. Наступаетъ срокъ, а Jean de l'Ours еще не принимался. Кузнецъ спрашиваетъ его, готовы ли шары. Тотъ велитъ товарищу принести вертелъ; пока кузнецъ ходилъ въ погребъ за вертеломъ, Jean de l'Ours поколотилъ по наковальнѣ и выложилъ изъ своего кармана шары. Кузнецъ отнесъ ихъ во дворецъ; король щедро заплатилъ за нихъ и показалъ ихъ принцессамъ. Тѣ говорятъ другъ другу: „это тѣ самые шары, которые мы дали молодому человѣку, освободившему насъ“. Онѣ рассказали это отцу; король послалъ за Jean'омъ и выдалъ за него младшую, самую красивую принцессу.

Сказка съ такимъ сюжетомъ — убіеніе чудовища, нисхождение въ подземный міръ, и освобожденіе принцессъ, говоритъ Коскэнъ въ примѣчаніи, встрѣчается у многихъ европейскихъ народовъ, но не всегда съ такимъ же введеніемъ.

Giuan dall' Urs сказки изъ итальянскаго Тироля ¹⁾, герой вендской сказки (или лужицкихъ славянъ) ²⁾, Jean de l'Os каталонской, Петръ Медвѣдь ганноверской, Giovanni dell' Orso итальянской изъ Mantouan'a, Jean de l'Ours пикардійской, — все происходятъ отъ союза женщины съ медвѣдемъ; герой каталонской сказки наполовину медвѣцъ; въ русской сказкѣ Иванъ Медвѣдко, сынъ женщины и медвѣдя, выше пояса человѣкъ, ниже медвѣдь ³⁾.

Иванъ Медвѣдь, у Афанасьева ⁴⁾ Ивашко Медвѣдко въ 15 лѣтъ становится нестерпимымъ; подобно Еруслану, кого ухватить за руку — рука прочь, кого за голову — голова прочь. Жители просятъ дѣда Ивашкина удалить внука изъ края. Ивашко дѣлаетъ желѣзную дубинку въ 25 пудовъ и уходитъ. Дорогой къ нему присоединяются богатыри Усыня, Горыня и Дубыня. Они входятъ въ лѣсъ и поселяются въ лѣсной избушкѣ; вмѣсто великана избушку посѣщаетъ баба-яга, костяная нога; она избила Усыню, Горыню и Дубыню и у каждого вырѣзала по ремню изъ спины; богатыри стыдятся сказать правду Ивашкѣ и говорятъ, что они заболѣли оттого, что угорѣли, но должны были сознаться, когда пошли вмѣстѣ съ Ивашкой въ баню. Баба-яга, побитая Ивашкой, ушла подъ землю въ пору, прикрытую камнемъ. Ивашко вбилъ около норы столбъ, привязалъ къ нему веревку, и его спустили

¹⁾ Какъ и въ французской сказкѣ, герой пытается поднять „гору“, которою былъ заваленъ входъ въ гротъ.

²⁾ Вендскій герой поднималъ камень, запиравшій пещеру, когда достигъ семилѣтняго возраста.

³⁾ *Soyakin*, I, 6, 7.

⁴⁾ *Афанасьевъ*, изд. 3, 1897 г., № 81, т. I, стр. 175.

въ подземный міръ. Тамъ Ивашко находитъ дворецъ; въ немъ три дѣвицы, которыя учатъ Ивашку, какъ убить бабу-ягу, ихъ мать. Она теперь спитъ, а въ головахъ у ней мечъ-кладенецъ; дѣвицы совѣтуютъ выхватить мечъ и только разъ рубить, а въ другой разъ не рубить; если онъ ударитъ въ другой разъ, бабу-яга оживетъ; это тотъ же самый совѣтъ, который даетъ Еруслану богатырь Расланей; подъ головой Расланея также лежитъ мечъ-кладенецъ, которымъ Ерусланъ долженъ убить царя-Огненный Щитъ, ударивъ только одинъ разъ ¹⁾. Ивашко убилъ бабу-ягу и дѣвицъ подалъ по веревкѣ въ верхній міръ. Каждый изъ трехъ богатырей взялъ себѣ по дѣвицѣ; доставшаяся Дубынѣ не хочетъ за него. Въ сердцахъ онъ пересѣкъ палицей веревку, по которой поднимался Ивашко, а дѣвицу заставилъ пасти коровъ. Ивашко упалъ, зашибся, но, оправившись, нашелъ подземный ходъ и по нему вышелъ на бѣлый свѣтъ, нашелъ дѣвицу, пасущую коровъ, убилъ трехъ коварныхъ товарищей и женился ²⁾.

Въ аварской сказкѣ на Кавказѣ ³⁾ герой—сынъ женщины, увлеченной медвѣдемъ въ берлогу, родится съ медвѣжьими ушами, почему и получаетъ имя Медвѣжье ухо. Узнавъ отъ своей матери, что онъ своимъ рожденіемъ обязанъ насилію, совершенному медвѣдемъ надъ его матерью, сталкиваетъ медвѣдя въ ровъ, гдѣ тотъ и умираетъ ⁴⁾. Возвратившись въ страну своей матери, Медвѣжье ухо поступаетъ на службу къ царю, но его необычайная сила вызываетъ у царя сильное желаніе освободиться отъ такого слуги; царь даетъ ему опасныя порученія, наприм. принести картъ (злое существо въ родѣ нашей бабу-яги). Медвѣжье ухо приноситъ; царь, неожиданный такого конца этой поѣздки, перепугался

¹⁾ Соединеніе бабу-яги съ этимъ мотивомъ служить свидѣтельствомъ, что отголоски еруслановскихъ мотивовъ въ сказкахъ о медвѣжьемъ или коровьемъ сынѣ не вставлены въ нихъ позднѣйшими рассказчиками подъ вліяніемъ книжной сказки объ Ерусланѣ, а принадлежатъ къ ихъ первоначальной редакціи. Не возможно представить себѣ стадіи, по которымъ позднѣйшій рассказчикъ могъ бы отъ головы Расланея, лежащаго среди поля, устьянаго костями, дойти до бабу-яги, лежащей въ постели, или представить поводъ, по которому онъ перенесъ деталь о мечѣ съ Расланея на бабу-ягу, не имѣющую никакого внѣшняго сходства съ Расланеємъ.

²⁾ Въ угрорусской сказкѣ (Этнографич. збірникъ, издае этногр. комисія Наукового товариства імені Шевченка, т. IV, Львів, 1898) сынъ медвѣдя назыв. Медвѣдь Іванко. Къ сказкѣ указана литература. См. Драгомановъ. „Ведмеже ухо, Верни-гора и Крутивусъ“ (Малор. пред., 255), „Розомни желѣздо, Росниха-гора и Загативода“ (257), Шейнъ, „Ивашка барашка, медвѣжье ушко“ (Матеріалы, 110), Гнатюкъ, „Івашко, Товчи́камінь-Печиколачі, Сучи-молузокъ“, стр. 33—39, Садовниковъ, Медвѣжий сынъ. (Самарск. сказки, 150), Гринченко, „Ивашко, ведмеже ушко“, I, 181.

³⁾ Schiefner, Awarische Texten, S. Ptsb., 1873 (извлеченіе изъ Mémoires de l'Acad. de Saint-Petersbourg, VII Série, t. XIX, № 6).

⁴⁾ Александръ Македонскій, герой романа „Александрія“, сынъ Олимпіады и Нектабеа, который явился Олимпіадѣ въ видѣ вологлаваго бога Аммона, убиваетъ своего отца Нектабеа, столкнувъ его съ крыши дома.

при видѣ картъ и торопитъ Медвѣжье ухо отнести ее на прежнее мѣсто ¹⁾. Медвѣжье ухо оставляетъ царя и идетъ странствовать; дорогой встрѣчаетъ человѣка, который несетъ на себѣ два платана, вырванныхъ съ корнями, и другого, который вертитъ мельницу на своихъ колѣняхъ; они присоединяются къ Медвѣжьему уху. Далѣе эпизодъ о карликѣ съ длинной бородой, который избиваетъ двухъ товарищей, остававшихся поочереды готовить обѣдъ, но Медвѣжье ухо беретъ верхъ надъ нимъ и защемляетъ его бороду въ трещинѣ дерева ²⁾. Карликъ, увлекаая за собой дерево, уходитъ подъ землю, Медвѣжье ухо спускается слѣдомъ за нимъ, убиваетъ его, освобождаетъ плѣненную имъ дѣвицу и подаетъ ее на верхъ товарищамъ; они принцессу поднимаютъ, а Медвѣжье ухо оставляютъ въ подземномъ мірѣ. Провалившись еще въ болѣе низшій слой подземнаго міра, Медвѣжье ухо убиваетъ дракона съ девятью головами, которому ежегодно давали на сѣденіе дѣвицу. Орелъ, благодарный ему за то, что онъ убилъ змѣю, которая ползла, чтобъ сѣсть орлять, выносить его прямо на Божій свѣтъ ³⁾.

Тотъ же сюжетъ о жизни трехъ или четырехъ товарищей-охотниковъ, поочереды домовничающихъ, и о чудовищѣ, которое дѣлаетъ насиліе надъ ними и уходитъ въ подземелье, соединенъ иногда съ другимъ введеніемъ; главное лицо, побѣдитель чудовища, зачатъ не отъ медвѣя, а отъ сѣденной рыбы или отъ сѣденной ухи ⁴⁾:

Въ монгольской сказкѣ о Масатѣ съ телячьимъ лицомъ ⁵⁾ вмѣсто неестественнаго зачатія (отъ сѣденной рыбы), какъ въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“, стоитъ неестественный половой союзъ между человѣкомъ и четвероногимъ животнымъ, какъ въ сказкахъ

1) Сходная сцена, въ нашихъ былинахъ; князь Владимиръ перепугался, когда Илья Муромецъ привезъ Соловья.

2) Въ ингушскомъ вариантѣ этой сказки, записанной мною (Очерки с.-з. Монг., IV, 782), Медвѣжій сынъ, Че уа', такъ сильно ударилъ бородатаго человѣка, стоящаго тутъ на мѣстѣ карлика, объ дерево, что всадилъ его въ дерево, какъ топоръ.

3) Гяздо на деревѣ мы находимъ въ монгольской сказкѣ о Дзалу-мэргэнѣ (Очерки с.-з. Монг., IV, 511); этотъ богатырь пѣзжаетъ на сандальное дерево (дзандынъ-модо); на немъ гяздо птицы Ханъ-Гариди; змѣя Абырга-могой обвилась вкругомъ дерева и готова сѣсть птенцовъ; богатырь убиваетъ змѣю и благодарная птица приноситъ ему морскую пѣну, за которую онъ похвалять. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этой сказкѣ соединены темы изъ Еруслана (бой отца съ сыномъ, котораго отецъ находитъ спящимъ въ полѣ и сначала не узнаетъ, стр. 508—509; убіеніе змѣи (мангыса), и сонъ передъ тѣмъ, отъ котораго онъ просыпается только послѣ слезы женщины, капнувшей ему на щеку, стр. 508) и изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ (гяздо птенцовъ на деревѣ и змѣя, стр. 511; можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и эпизодъ о товарищахъ, одаренныхъ необыкновенными способностями, необыкновеннымъ слухомъ, способностью поднимать горы, и пр., стр. 503—504).

4) *Афанасьевъ*, третье изданіе (1897) I, 76, 162, 170.

5) *Шибихуръ* въ *Этногр. Сборникъ*, изд. Геогр. Общ., т. VI. стр. 21—27.

„Jean de l'Ours“ и „Ивашко Медвѣдко“. Старикъ, имѣвшій бездѣтную жену, прижилъ съ коровой сына, который имѣлъ телячью голову и былъ названъ Масангомъ ¹⁾. Масангъ оставляетъ домъ родителя; въ лѣсу онъ встрѣчаетъ чернаго человѣка, родившагося отъ лѣса, потомъ въ степи зеленаго человѣка, родившагося отъ травы и около хрустальнаго холма бѣлаго человѣка, родившагося отъ хрусталя. Всѣ трое присоединяются къ Масангу; они находятъ уединенный домъ; каждый день трое уходятъ на охоту, одинъ остается въ домѣ. Каждый день является маленькая женщина, съѣдаетъ весь заготовленный обѣдъ и исчезаетъ; товарищъ остававшійся въ домѣ, беретъ конское копыто, дѣлаетъ слѣды вокругъ дома, и потомъ рассказываетъ своимъ товарищамъ, будто на него напало большое войско и отняло все заготовленное. Такъ побиты женщиной черный человѣкъ, зеленый и бѣлый. Наступаетъ очередь остаться въ домѣ Масангу, онъ побиваетъ женщину и обличаетъ товарищей во лжи. Они идутъ выслѣживать женщину по пролитой крови, приходятъ къ ямѣ въ скалѣ и видятъ на днѣ ея трупъ женщины и груды драгоценностей. Товарищи слускаютъ Масанга въ яму на веревкѣ; Масангъ подаетъ имъ на верхъ по веревкѣ драгоценности; товарищи поднимаютъ ихъ, но Масанга оставляютъ въ ямѣ. Масангъ находитъ три вишневыхъ косточки, садитъ ихъ въ землю, а самъ ложится спать. Просыпается черезъ нѣсколько лѣтъ, вишни выросли большими деревьями и онъ по нимъ выбрался изъ ямы. Онъ нашелъ своихъ вѣроломныхъ товарищей, но простилъ ихъ.

Въ монгольской сказкѣ нѣтъ освобожденія трехъ царевенъ, но тутъ несомнѣнно пропускъ; Масангъ, выйдя на вольный свѣтъ, ищетъ своихъ товарищей и находитъ трехъ женщинъ; это жены его товарищей, которые живутъ каждый въ отдѣльномъ другъ отъ друга домѣ. Мужья были на охотѣ; Масангъ находитъ ихъ и пускаетъ въ нихъ стрѣлу; по стрѣлѣ они узнали, кто стрѣляетъ, и стали просить у Масанга прощенія, соглашаясь уступить ему своихъ женъ. Это и были вѣроятно освобожденные Масангомъ царевны.

¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ отецъ животное (медвѣдь), мать человѣкъ, но въ имеретинской, какъ и въ монгольской, человѣкъ является отцомъ, а мать животнымъ. Герой имеретинской сказки Леванъ Датвисъ-швили, т. е. „Леванъ, Медвѣжій сынъ“ сынъ попа и медвѣдицы. Онъ, подобно Еруслапу, оказывается неудобнымъ для человѣческаго общества вслѣдствіе своей чрезвычайной силы; царь придумываетъ ему опасныя порученія, чтобы избавиться отъ него, и посылаетъ его 1) вырубить лѣсъ, 2) достать красавицу Мисъ-Нахаи. Леванъ набираетъ товарищей, обжору, опивало, слушателя, хромого наслуха зайцевъ; получивъ царевну, ѣдетъ къ царю, но падаетъ въ яму, коварно приготовленную въ воротахъ; его выносятъ крылатые кони. (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. XIX. отд. II, стр. 1—8). Въ киргизско-татарской сказкѣ Ибиге-пи родится (въ пещерѣ) отъ союза человѣка и чудовищной женщины *албысты* (Живая Старина, 1897, в. IV, стр. 230); албысты на мѣстѣ медвѣдицы.

Въ монгольской сказкѣ нѣтъ эпизода о благодарной птицѣ, за спасеніе дѣтенышей отъ грозовой тучи или отъ змѣи выносящей героя на бѣлый свѣтъ; монгольская сказка придумала другое средство вывести героя изъ подземнаго міра—изъ трехъ косточекъ вырастаетъ высокое вишневое дерево, по которому Масангъ выбирается на верхъ. Но мотивъ благодарнаго существа все-таки введенъ и въ монгольскую сказку въ видѣ отдѣльнаго эпизода, слѣдующаго сейчасъ за разсказомъ о деревѣ. Я говорю о заступничествѣ Масанга за бѣлаго быка въ борьбѣ съ чернымъ быкомъ.

Выбравшись изъ подземелья, Масангъ приходитъ въ небесное царство Хормусты. Здѣсь онъ, по просьбѣ послѣдняго, принимаетъ участіе въ борьбѣ бѣлаго быка съ чернымъ; подъ видомъ бѣлаго быка сражался тэгрій, т. е. небожитель (сторонникъ или представитель Хормусты), подъ видомъ чернаго—асури или шумусъ; ниже этотъ послѣдній называется Шумусъ-хаганомъ, „царемъ шумусовъ“ (т. е. царемъ нечистыхъ духовъ). По совѣту Хормусты Масангъ пускаетъ стрѣлу изъ своего желѣзнаго лука; она попала въ голову чернаго быка, и быкъ убѣжалъ. Уходя съ поля битвы, Масангъ заблудился и пришелъ къ воротамъ жилища Шумусъ-хагана; ему отперла жена хагана, *мечущая изъ рта искры*. Масангъ сказалъ ей, что онъ врачъ; его впустили въ домъ и попросили вылѣчить раненую голову хагана. Масангъ принялся за лѣченіе; онъ бросилъ вверхъ семь зеренъ, которыя ему далъ Хормуста (значеніе этихъ зеренъ сказка не выясняетъ), и еще глубже вогналъ стрѣлу, которая была въ головѣ хагана. Въ это время съ неба спустилась желѣзная цѣпь (ее спустилъ, конечно, благотворный Хормуста), по которой Масангъ началъ подниматься, но жена Шумусъ-хагана схватила желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку и ударила Масанга по спинѣ, отчего Масангъ разсыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь буздъ (вѣроятно какое-нибудь созвѣздіе, состоящее изъ семи звѣздъ ¹⁾).

Тэгрій, на котораго нападаетъ черный быкъ, здѣсь занимаетъ мѣсто орлятъ, которымъ угрожаетъ черная туча или змѣя; на мѣстѣ орла, выносящаго героя изъ подземнаго міра, здѣсь Хормуста, поднимающій Масанга на небо.

Въ монгольской сказкѣ два подъема: 1) изъ подземнаго міра

¹⁾ Выше въ подстрочномъ примѣчаніи изложено содержаніе тюркской сказки о Содэй-мэргэнѣ; это кажется одна изъ версій сказки о медвѣжьей сытѣ. Содэй-мэргэнъ ходитъ, одѣвшись въ шкуру медвѣдя; люди, увидѣвъ его, разбѣгаются; по нѣкоторымъ выраженіямъ судя, онъ не только одѣлся медвѣдемъ, но обратился въ медвѣдя. Съ Масангомъ у него то общее, что, подобно тому, какъ товарищи Масанга не могутъ взять верхъ надъ злой силой, и только Масангъ отправляется съ нею, такъ и здѣсь, соперники Содэя, его зятя, не могутъ убить тигра, а убиваетъ его только Содэй; затѣмъ, подобно Масангу, Содэй опускается въ подземный міръ (колодезь); Масангъ выходитъ оттуда по тропинкѣ; Содэй иначе, — его поднимаютъ на волосахъ, но въ другомъ эпизодѣ Масанга поднимаютъ на цѣпи.

на земную поверхность и 2) съ земной поверхности на небо. Въ большинствѣ же случаевъ одинъ первый подъемъ, но въ аварской если не два подъема, то два паденія: 1) съ земной поверхности въ верхнее подземелье и 2) изъ верхняго подземелья въ нижнее; отсюда герой поднимается прямо на земную поверхность. Въ версіяхъ (вѣрнѣе сказать въ особыхъ сказкахъ о трехъ братьяхъ, ищущихъ увезенную царевну) съ однимъ подъемомъ иногда затрудненія героя происходятъ не подъ землей, а гдѣ-то вверху (можетъ быть, на небѣ). Въ одной русской сказкѣ вмѣсто подземелья Золотая гора; герой спускаетъ царевенъ съ горы на землю на веревкѣ или полотнѣ, но когда надо было спускаться самому герою, братья вырываютъ у него изъ рукъ веревку и онъ остается на горѣ; онъ находитъ случайно палку и она сноситъ его внизъ. Въ греческой также принцесса унесена на гору. Въ испанской стихотворной передѣлкѣ принцессы заточены на вершинѣ башни; лошадь сноситъ героя съ башни внизъ ¹⁾.

Сказки о персонажѣ необыкновеннаго зачатія, судя по собранному выше матеріалу, по формѣ зачатія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: въ одной этотъ персонажъ сынъ женщины отъ медвѣдя; въ другой онъ сынъ коровы. Эта разница въ формѣ зачатія не служитъ признакомъ категорическаго различія въ сюжетахъ, связанныхъ съ такимъ необычайно зачатымъ героемъ. Сюжеты, приуроченные къ сыну медвѣдя, появляются при коровьемъ сынѣ и наоборотъ. Такъ то, что монгольская сказка

1) Въ самарской сказкѣ (Садовниковъ, стр. 24) Иванъ Туртыгинъ идетъ освобождать царевну, унесенную Змѣемъ-Горынычемъ; въ царствѣ Змѣи онъ встрѣчаетъ *пастуховъ, которые пасутъ овецъ*; онъ увозитъ царевну на корабль и попадаетъ къ Кривому Богатырю, — который живетъ *въ пещерѣ съ овцами*, Туртыгинъ выкалываетъ ему единственный глазъ; я думаю, что кривой богатырь могъ носить имя Билъ-Гримица (см. Вост. мотивы, 702) или Лихо; иногда выручаемая царевна не изображается похищенною, и выдается за дочь того персонажа, котораго убиваетъ ея освободитель; вотъ откуда, можетъ быть отчество Марьи *Лиховидовны*, заточенной въ башнѣ царевны въ былинѣ о Подсолнечномъ царствѣ. Отдѣлавшись съ Кривого Богатыря Туртыгинъ ѣдетъ далѣе и натывается на сцену: левъ бьется съ Окаяннымъ и проситъ Туртыгина помочь; за это онъ обѣщаетъ подарить ему коверъ-самолетъ и шапку невидимку. Туртыгинъ убилъ Окаяннаго. Левъ вывозитъ Туртыгина изъ змѣиного царства; о подаркахъ не говорится, пригодились ли они Туртыгину; вѣроятно былъ вариантъ, въ которомъ было сказано, что Туртыгинъ вылеталъ на коверъ-самолетъ. Въ вариантѣ Барсова Ѳедоръ Борма, стоящій на мѣстѣ Туртыгина, получаетъ отъ дѣвицы, живущей въ Вавилонскомъ царствѣ, соответствующемъ царству Змѣя-Горыныча, коверъ, вышитый ею. Борма переплываетъ на этомъ коверѣ черезъ море, отдѣляющее Вавилонъ отъ православнаго царства (Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, Сиб., 1895, стр. II). Въ другомъ вариантѣ у Садовникова, въ которомъ на мѣстѣ Туртыгина также Борма, послѣдній помогаетъ льву въ борьбѣ съ Змѣемъ (стр. 26). Въ Вавилонскомъ царствѣ, стоящемъ въ вариантахъ съ Бормой на мѣстѣ царства Змѣя-Горыныча, всѣ люди поѣдены Змѣями, слѣдовательно это царство въ родѣ царства чело-вѣкоядцевъ.

2) Cosquin, I, 15, 16; Афанасьевъ, II 118.

разсказываетъ о коровьемъ сынѣ Масангѣ, французская перенесла на Jean'a de l'Ours, сына медвѣдя. Да и тѣ сказки о сынѣ коровы и сынѣ медвѣдя, которыя расходятся въ главномъ сюжетѣ, обмѣниваются перѣдко своими деталями. Все это можетъ поддерживать мысль о тождествѣ этихъ персонажей, мысль о томъ, что Jean de l'Ours то же самое лицо, что и коровій сынъ, наприм., русскихъ сказокъ. Прежде, когда помнилось болѣе варіантовъ и посредствующихъ звеньевъ между этими сказками, и когда къ сказкѣ былъ еще живой практическій, можетъ быть культовой интересъ, вѣроятно человѣкъ, слушавшій сказку, сильнѣе чувствовалъ это тожество персонажей, чувствовалъ его и въ тѣхъ случаяхъ, когда и въ сюжетѣ и въ именахъ ничего не было похожего; наличность въ памяти посредствующихъ варіантовъ невольно и безсознательно вызывала у слушателя представленіе о тождествѣ. Правда, подъ этими двумя образами могли подразумѣваться не одинъ, а два или нѣсколько реальныхъ предметовъ, наблюденія надъ явленіями которыхъ послужили матеріаломъ для сказочныхъ сюжетовъ; и въ самомъ дѣлѣ, различіе между этими образами, полумедвѣдь и полубыкъ, достаточно рѣзкое, и должно служить препятствіемъ къ смѣшенію разсказовъ о нихъ; но если тѣ двѣ реальности, которыя потомъ были осмыслены, какъ полумедвѣдь или полубыкъ, мало отличались другъ отъ друга по вѣшнему виду, наприм., если это были звѣзды, то очень рано могъ начаться обмѣнъ сюжетовъ и именъ. И дѣйствительно въ сказкѣ изъ французской Фландріи о двухъ товарищахъ, освобождающихъ двухъ увезенныхъ принцессъ, герой называется Ourson ¹⁾. Можетъ быть, одного происхожденія съ этимъ именемъ и Бурза Воловичъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, также спасающій изъ заточенія царевну. Въ прежнее время такихъ варіантовъ съ общими именами для разныхъ сюжетовъ было, вѣроятно, еще болѣе.

Гр. Потанинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ *Mélusine*, 1877, 160; *Cosquin*, I, 10.

Судъ аксакаловъ и судъ третейскій

у киргизовъ Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области.

Лѣто 1899 г. я посвятилъ собранію свѣдѣній о киргизскомъ судопроизводствѣ. Помимо свѣдѣній объ официальномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ у киргизовъ, мнѣ удалось собрать въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тургайской области свѣдѣнія о судѣ аксакаловъ и судѣ третейскомъ, примѣняемомъ также и среди другихъ киргизовъ степныхъ областей. О послѣднихъ двухъ видахъ киргизскаго судопроизводства я и намѣренъ сообщить въ настоящей статьѣ.

Кромѣ признаннаго правительствомъ официальнаго суда біевъ, у киргизовъ существуетъ еще чисто народный, необязательный судъ аксакаловъ. Аксакалы—это старшіе въ родовомъ аулѣ; они пользуются большимъ уваженіемъ среди своихъ одноаульцевъ; на пирахъ, на поминкахъ и въ прочихъ собраніяхъ имъ также оказывается величайшій почетъ, который выражается въ томъ, что аульнымъ аксакаламъ предоставляется въ кибиткѣ и въ другихъ киргизскихъ жилищахъ (напр., въ землянкахъ, въ которыхъ киргизы живутъ только зимой) самое почетное мѣсто, „*төр*“, каковымъ является мѣсто противъ входа въ кибитку и въ землянку; при угощеніи имъ даютъ самое первое блюдо, при чемъ въ подносимую имъ тарелку съ мясомъ кладутъ голову зарѣзаннаго животнаго. Аксакалъ лицо, не выбираемое общиной; званіе аксакала получаетъ тотъ, кто старше по лѣтамъ въ родовомъ аулѣ, такъ какъ среди киргизовъ вообще старость пользуется наибольшимъ почтеніемъ и общимъ уваженіемъ. Если аксакалъ изъ вліятельныхъ и богатыхъ, то онъ пользуется вліяніемъ и почтеніемъ не только среди своихъ сородичей, но также и среди другихъ родовъ или родовыхъ отдѣленій, а иногда даже и среди населенія цѣ-

лаго уѣзда; подобнаго рода аксакалы очень часто выбираются въ посредники для разрѣшенія недоразумѣній между двумя родами. Всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія между родичами рѣшаются аксакалами; и во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, въ судебныхъ тяжбахъ и искахъ родичи предпочитаютъ судъ аксакаловъ офиціальному суду биевъ.

Если кто-либо изъ киргизовъ имѣетъ претензію на кого-либо изъ своихъ сородичей, то онъ отправляется въ аулъ аксакала и обращается къ его содѣйствію относительно рѣшенія своего дѣла. Аксакалъ вызываетъ того, на кого предъявляется претензія, черезъ кого-либо изъ одноаульцевъ. Иногда отвѣтчикъ можетъ не явиться на зовъ аксакала, что, положимъ, случается очень рѣдко; въ такомъ случаѣ аксакалъ насильно его требовать не можетъ, и тогда дѣло рѣшается офиціальнымъ судомъ биевъ. Но обвиняемый обыкновенно является, потому что никому не желательно платить бійлыкъ — вознагражденіе въ пользу биевъ, тогда какъ при рѣшеніи дѣла аксакаломъ не бываетъ почти никакихъ расходовъ.

Самый судъ происходитъ большею частью въ аулѣ аксакала, въ кибиткѣ послѣдняго, а иногда и въ чужой, лишь бы она была просторнѣе и почище, и при томъ если есть надежда получить угощеніе отъ хозяина кибитки, въ другихъ же случаяхъ судъ происходитъ въ аулѣ отвѣтника, гдѣ, при участіи вліятельныхъ родственниковъ послѣдняго, аксакалъ рѣшаетъ дѣло.

При этомъ слѣдуетъ добавить, что при рѣшеніи аксакаломъ всякаго судебного дѣла бываетъ большое стеченіе народу; нѣкоторые принимаютъ живое участіе въ ходѣ и рѣшеніи дѣла, а иногда аксакалъ, если среди присутствующихъ есть кто-нибудь, пользующійся расположеніемъ и любовью своихъ однородцевъ, поручаетъ такому лицу помирить тяжущіяся стороны. Аксакалъ обыкновенно занимаетъ въ кибиткѣ самое почетное мѣсто, а подлѣ него располагаются остальные присутствующія лица по старшинству. Если среди присутствующихъ есть чужеродецъ, то ему, какъ гостю, дается предпочтеніе передъ другими: его сажаютъ рядомъ съ аксакаломъ, но чужеродецъ въ рѣшеніи дѣла не принимаетъ никакого участія и остается простымъ зрителемъ.

Когда являются тяжущіеся, аксакалъ приступаетъ къ разбору дѣла, расспрашиваетъ обѣ стороны и постороннихъ лицъ изъ родичей, знающихъ всѣ обстоятельства и причины спорнаго дѣла.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что показанія свидѣтелей на судѣ біевъ почти не имѣютъ никакой силы и значенія, если они не подтверждены присягой кого-либо изъ сородичей свидѣтелей, по выбору отвѣтчика или обвиняемаго. Здѣсь же, у аксакаловъ, показанія свидѣтелей имѣютъ вѣсъ и значеніе безъ всякаго подкрѣпленія ихъ присягой потому, что дѣло рѣшается аксакалъ по семейному между родичами, а свидѣтели, какъ члены одной родовой группы, относятся къ дѣлу болѣе или менѣе безпристрастно, между тѣмъ на судѣ біевъ дѣла рѣшаются между двумя родами, а потому представители обѣихъ сторонъ стараются каждый выиграть дѣло въ свою пользу и при этомъ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, такъ какъ проигрышъ дѣла въ спорѣ съ чужеродцемъ считается какъ бы безчестіемъ и позоромъ цѣлаго рода.

Исслѣдовавъ всесторонне предстоящее дѣло и разспросивъ свидѣтелей, аксакалъ предлагаетъ виновной сторонѣ, если дѣло касается взысканія долга, удовлетворить истца, уплативъ ему слѣдующій долгъ. Если же дѣло касается обиды дѣйствіемъ или словами, аксакалъ налагаетъ на обидчика штрафъ въ размѣрѣ одной лошади и одного халата въ пользу потерпѣвшаго. Особенно при этомъ принимается во вниманіе то обстоятельство, если потерпѣвшій старше по лѣтамъ обвиняемаго. Но этотъ штрафъ обыкновенно не взыскивается и остается лишь номинальнымъ.

Потерпѣвшій присужденную въ его пользу лошадь обыкновенно уступаетъ аксакалу, который, изъ уваженія къ кому-либо изъ близкихъ родственниковъ обвиняемаго, оставляетъ у послѣдняго. Халатъ тоже уступается обвинителемъ одному изъ присутствующихъ, а принявшій подарокъ также, какъ и аксакалъ, въ свою очередь великодушно уступаетъ его обвиняемому. Такъ что взиманіе штрафа и принесеніе его истцомъ въ даръ аксакалу и его окружающимъ есть только фиктивное исполненіе на словахъ стараго народнаго обычая.

Хотя въ послѣднее время, насколько мнѣ извѣстно, стали взыскивать деньгами или скотомъ въ пользу потерпѣвшаго часть штрафа—обыкновенно стоимость халата. Въмѣсто же уплаты штрафа обидчикъ обыкновенно долженъ публично просить у обвиняемаго прощеніе, которое состоитъ въ слѣдующемъ: обвиняемый бросаетъ передъ истцомъ шапку и погайку въ знакъ предоставленія себя въ его распоряженіе, говоря соотвѣтствующія слова

извиненія. У киргизовъ есть даже на этотъ счетъ пословица: Когда просятъ у тебя прощенія, то ты долженъ даже не взыскивать за пролитую кровь твоего отца.

Иногда обвиняемый долженъ явиться съ повинной къ потерпѣвшему въ кибитку и извиниться передъ нимъ всечародно. Дѣла объ убійствѣ у родичей рѣшаются также аксакалами при участіи вліятельныхъ въ аулѣ киргизовъ, а также при участіи родственниковъ тяжущихся сторонъ, но въ чемъ состоятъ ихъ рѣшенія въ данномъ случаѣ, я не знаю, такъ какъ мнѣ ни разу не пришлось встрѣтить подобнаго рода дѣла.

Если истецъ изъ другой родовой группы, то онъ можетъ обратиться къ аксакалу своего противнаго, который и рѣшаетъ споръ между тяжущимися вышеуказаннымъ порядкомъ.

Хотя въ большинствѣ случаевъ споры между лицами разныхъ родовыхъ группъ рѣшаются на поминкахъ, на пирахъ и въ прочихъ собраніяхъ родовыми аксакалами и вліятельными киргизами при участіи вліятельныхъ родственниковъ заинтересованныхъ сторонъ, ходъ разбирательства дѣла и окончаніе тѣ же.

Теперь перехожу къ описанію такъ называемаго третейскаго суда біевъ, часто примѣняемаго въ киргизскомъ судопроизводствѣ. — Этотъ третейскій судъ у киргизовъ въ большемъ ходу также, какъ и судъ аксалоу, и киргизы предпочитаютъ его оффиціальному суду біевъ въ виду того, что въ этомъ судѣ тяжущимся сторонамъ предоставленъ свободный выборъ біевъ по равному числу, какъ для истца, такъ и для отвѣтчика (обыкновенно — по 2 и по 3 бія и болѣе, смотря по важности дѣла).

Въ третейскіе біи, т. е. судьи, могутъ быть выбраны сторонами и простые киргизы, обладающіе даромъ слова и пользующіеся общимъ уваженіемъ и вліяніемъ не только среди своихъ сородичей, но и у другихъ киргизовъ.

Киргизъ, имѣющій претензію на киргиза другой волости и другого аула, ѣдетъ за полученіемъ удовлетворенія въ волость своего противника и беретъ вмѣстѣ съ собой одного или двухъ изъ своихъ сородичей, во многихъ случаяхъ онъ даже даетъ имъ лошадей на проѣздъ и всѣ дорожные расходы принимаетъ на себя. Эти лица со стороны истца выступаютъ въ качествѣ защитниковъ его интересовъ; по пріѣздѣ въ волость, остановившись обыкновенно у кого-нибудь изъ родственниковъ, если имѣются таковые, или

же у аульнаго старшины, или же у кого нибудь изъ родственниковъ своего противника, истецъ и сопровождающія его лица обращаются къ самому вліятельному киргизу, въ аулъ котораго проживаетъ отвѣтчикъ, съ просьбой посодѣйствовать рѣшенію дѣла миролюбивымъ третейскимъ судомъ. Въ случаѣ отказа содѣйствія со стороны послѣдняго, истецъ обращается съ просьбой назначить третейскій судъ къ аульной или къ волостной администраціи, а иногда прибѣгаетъ и къ содѣйствію уѣзднаго начальника, который предписываетъ обыкновенно волостному удовлетворить просьбу истца. Третейскій судъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ въ аулѣ отвѣтчика. Если дѣло разбирается въ волости, обѣ стороны, выбравъ по равному числу біевъ-судей, расписываются въ книгѣ, что избираютъ въ третейскіе судьи такихъ-то лицъ для рѣшенія такого-то дѣла и что безпрекословно подчинятся безъ права апелляціи ихъ постановленію. Обыкновенно подпись какъ истца, такъ и отвѣтчика, удостоверяется аульнымъ старшиной или кѣмъ-либо изъ почетвыхъ лицъ. Сначала предоставляется слово истцу, который излагаетъ подробно всѣ обстоятельства и причины спора, а затѣмъ предоставляется говорить отвѣтчику. Выбранные сторонами біи, выслушавъ внимательно показанія и доводы обѣихъ сторонъ, въ случаѣ, если обвиняемый сознается въ своемъ преступленіи или признаетъ предъявленный на него искъ, постановляютъ взыскать съ отвѣтчика искомую сумму, если дѣло касается взысканія долга. Если же дѣло касается обвиненія въ кражѣ скотины или въ какомъ либо другомъ преступленіи, обвиняемый присуждается ко взысканію стоимости украденнаго и къ уплатѣ установленнаго обычаемъ штрафа въ бользу обвинителя и бійлыка — вознагражденія въ пользу рѣшавшихъ дѣла біевъ, причемъ присуждается и плата въ пользу писавшаго рѣшеніе.

Если біи не могутъ достигнуть единогласія, то они иногда выбираютъ изъ среды своей по одному человѣку и болѣе съ каждой стороны, смотря по важности дѣла, и поручаютъ этимъ выбраннымъ рѣшеніе дѣла, обѣщаясь напередъ подчиниться ихъ постановленію. Рѣшеніе ихъ объявляется истцу и отвѣтчику и другимъ біямъ, не участвовавшимъ въ рѣшеніи дѣла. Въ случаяхъ, когда стороны сильно озлоблены другъ противъ друга и не соглашаются кончить миромъ дѣло, а біи не придутъ къ общему единогласному рѣшенію, то стороны, по взаимному согласію, выбираютъ кого-

либо въ посредники, который является вершителемъ судьбы и въ большинствѣ случаевъ, если не подкупленъ одной изъ сторонъ, рѣшаетъ дѣло, уменьшая предметъ спора въ половину. Въ посредники можетъ быть выбранъ всякій, какъ изъ должностныхъ, такъ изъ простыхъ киргизовъ, пользующихся почетомъ среди всего населенія, также изъ другихъ націй. Рѣшеніе посредника считается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ. За отсутствіемъ достаточныхъ уликъ и письменныхъ документовъ, дѣло обыкновенно рѣшается посредствомъ очистительной присяги, которая состоитъ въ слѣдующемъ.

Присяга, какъ въ современномъ, такъ и въ древнемъ киргизскомъ судопроизводствѣ служить однимъ изъ самыхъ главныхъ способовъ судебныхъ доказательствъ, и въ киргизскомъ быту она имѣетъ громадное и при томъ рѣшающее значеніе, такъ какъ почти все дѣло на ней покоится въ киргизскіе судебные процессы. Выбранные бій, разсматривая дѣло, если нѣтъ на-лицо никакихъ доказательствъ, въ случаѣ несогласія сторонъ на мировую сдѣлку, обыкновенно опредѣляютъ, чтобы дѣло кончилось присягой кого-либо изъ общества отвѣтчика, по выбору истца, съ правомъ отвода отвѣтчикомъ враждебныхъ ему лицъ въ волости; прежде всего отвѣтчику предлагается біями указать находящихся въ ссорѣ съ нимъ лицъ въ волости, а затѣмъ предоставляется истцу выбрать поименно кого-нибудь на присягу изъ общества отвѣтчика, не состоящаго въ ссорѣ съ послѣднимъ. Послѣ указанія истцомъ присягателя, біями дѣлается слѣдующее заключеніе.

Если избранный приметъ присягу за отвѣтчика, то послѣдній освобождается отъ суда, а въ случаѣ отказа выбраннаго отъ дачи присяги, обвиняемый присуждается ко взысканію искомой суммы, а также и къ уплатѣ установленнаго обычаемъ штрафа въ пользу обвинителя, если дѣло уголовное, т. е. касается обвиненія въ кражѣ или грабежѣ или обиды дѣйствіемъ или словами. Сообразно съ разстояніемъ мѣста жительства какъ отвѣтчика, такъ и присяжнаго, біями назначается присягателю мѣсто и время для явки на присягу. Доставка присягателя на указанное мѣсто къ назначенному сроку лежитъ на обязанности отвѣтчика. Мѣстомъ для присяги обыкновенно назначаются аулы какого-нибудь вліятельнаго и богатаго киргиза. Собственно говоря, существеннымъ обстоятельствомъ у киргизовъ считается не самая присяга, а пріѣздъ

выбраннаго присягателя въ назначенное время въ указанный біями ауль.

Если въ назначенный день до заката солнца явится выбранное лицо къ указанному мѣсту, то этого совершенно достаточно, и тогда обвиняемый освобождается отъ взысканія. Лицо, избранное для принятія за отвѣтчика очистительной присяги, прежде чѣмъ рѣшиться на принятіе присяги или на отказъ отъ нея, приступаетъ къ всестороннему разслѣдованію дѣла и при томъ употребляетъ всевозможныя средства склонить стороны къ миру, такъ что въ этомъ случаѣ присягатель является посредникомъ между истцомъ и отвѣтчикомъ.

Въ случаяхъ, когда стороны добровольно не соглашаются на мировую сдѣлку, выбранный присягатель, желая и избѣжать присяги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдать отвѣтчика, предлагаетъ истцу получить съ обвиняемаго, въ случаяхъ справедливаго иска, половину предъявленнаго иска, а въ большинствѣ случаевъ весьма незначительную часть его, угрожая, что въ случаѣ несогласія истца на предлагаемую сумму, онъ явится дать присягу въ невиновности обвиняемаго. Поэтому истецъ, опасаясь лишенія всякаго вознагражденія, невольно соглашается на полученіе предлагаемой присяжнымъ суммы. Этотъ способъ улаживанія миромъ судебныхъ дѣлъ практикуется среди всѣхъ киргизовъ почти повсемѣстно.

Еще среди киргизовъ встрѣчается довольно часто примѣняемая форма другой клятвы или присяги.

Когда обвиняемый отказывается отъ возводимыхъ на него обвиненій, то истецъ предлагаетъ иногда отвѣтчику или послѣдній—обвинителю, въ доказательство правоты своей, лизнуть ноготь большого своего пальца или выпить чашку воды, но лично мнѣ не пришлось видѣть обряда такой присяги.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и волостяхъ Тургайской и др. областей) присягу иногда стали давать присяжные въ присутствіи какого-нибудь почетнаго киргиза на коранѣ; этотъ способъ присяги примѣняется по преимуществу среди киргизовъ, живущихъ вблизи города или поселковъ. Это объясняется, конечно, вліяніемъ шатающихся татарскихъ муллъ.

С. Сабатаевъ.

Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Былина о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, крестнымъ сыномъ племянникомъ, дочерью—одна изъ самыхъ популярныхъ былинъ русскаго богатырскаго эпоса. Въ печати извѣстенъ 21 пересказъ этой былины; моя поѣздка и А. Д. Григорьева на Бѣлое море въ 1899 г. прибавила къ этому количеству еще 7 новыхъ записей ¹⁾ Изъ 28 извѣстныхъ мнѣ вариантовъ 12 приходятся на Олонецкую губернію, 10 на Архангельскую, 2 на Сибирь, 3 на Симбирскую губернію и одинъ на Воронежскую ²⁾. О популярности этой былины свидѣтельствуетъ также то, что ея сюжетъ, съ небольшими измѣненіями, является въ цѣломъ рядѣ другихъ былинъ. Однѣ изъ нихъ представляютъ довольно близкіе варианты основнаго сюжета: бой Ильи съ Алешей Дородовичемъ ³⁾, Жидовиномъ, молодцемъ изъ Задонской земли (моя запись); въ другихъ замѣтна болѣе сильная переработка; таковы—о боѣ Ильи съ Добрыней, Добрыни съ Дунаемъ (моя запись) или съ Алешей ⁴⁾, Добрыни съ сыномъ ⁵⁾, Саура Леванидовича съ сыномъ, о королевичахъ изъ Крякова, о братьяхъ Дородовичахъ. Насколько интересовала былина объ Ильѣ Муромцѣ и его сынѣ народъ, настолько же

¹⁾ 3 мои и 4 г. Григорьева; всѣ эти записи войдутъ въ печатающійся теперь сборникъ „Бѣломорскихъ былинъ“.

²⁾ Изъ Вологодской губ. извѣстенъ крайне сокращенный и искаженный прозаическій пересказъ этой былины: Сборникъ свидѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, подъ ред. Харузинъ, II, 170, № 3. (Труды Этногр. Отдѣла, т. XI, в. 1).

³⁾ Гиллфердингъ, № 250.

⁴⁾ Ib., № 49, первая половина.

⁵⁾ Ib., № 65, тоже; Рыбниковъ, III, 79—81

вопросъ объ ея происхожденіи заинтересовалъ изслѣдователей русскаго народнаго эпоса. Буслаевъ, Орестъ Миллеръ, академикъ Веселовскій, проф. В. О. Миллеръ, проф. Халанскій удѣлили этой былинѣ значительное количество страницъ въ своихъ работахъ по русскимъ былинамъ. Отличительною чертою всѣхъ изслѣдованій этой быliny является то, что они останавливались преимущественно на сюжетѣ ея, такъ или иначе объясняя его появленіе на русской почвѣ, и почти не затрогивали вопроса о національной переработкѣ его—откуда бы онъ ни попалъ на эту почву,—иначе сказать, вопроса о мѣстѣ и времени сложенія *русской* быliny.

Сколько мнѣ извѣстно, только два изслѣдователя коснулись, и то слегка, исторической основы обстановки, при которой совершается столкновеніе Ильи съ сыномъ; это именно—пограничная застава, на которой стоятъ русскіе богатыри во главѣ съ Муромцемъ. Г. *Квашнинъ-Самаринъ* ¹⁾ видѣлъ въ этой заставѣ южныя степныя укрѣпленія временъ князя Владимира, которыя состояли изъ тына, тянувшагося непрерывною цѣпью между городками и охраняемаго постоянною стражей. Проф. *Владимировъ* ²⁾ для объясненія богатырской заставы приводитъ лѣтописныя извѣстія о „княжескихъ стоянкахъ съ полками на границѣ съ половецкимъ полемъ по цѣлому лѣту (1192—3 гг.), чтобы стеречь землю Русскую“. Какъ южныя степи, говоритъ онъ далѣе, еще въ XIV—XVII вв. сохраняли дотатарскія преданія въ географическихъ названіяхъ и обычаяхъ сторожевой службы, такъ быliny сохранили память о „боевой жизни въ полѣ Половецкомъ, на заставѣ противъ степняковъ“. Но какъ мѣстныя степныя названія, приводимыя авторомъ (сторожа Святогорская, сторожи въ полѣ), такъ и спеціальнѣйшій терминъ для обозначенія защиты русскихъ границъ отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ „сторожевая служба“ не имѣютъ прямого отношенія къ былинѣ, въ которой говорится

¹⁾ „Бесѣда“ 1871 г., V, 234—5. Указаніе его принимаетъ и проф. А. *Соболевскій*, прибавляя, что „сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ Муромо-Рязанской землѣ, также граничившей со степью“ („Живая Старина“, г. II, 1892, вып. II, 121, прим. 2). О „сторожевыхъ пограничныхъ ставкахъ“ въ X—XIV вв., какъ объ исторической основѣ богатырской заставы, упомянулъ также Л. *Майковъ*: О былинахъ Владимірова цикла, 79.

²⁾ Введеніе въ Исторію Русской Словесности, 217, 221—2.

о заставѣ, а не о сторожахъ. До насъ дошло значительное количество официальныхъ указовъ, доношеній и росписей, относящихся къ сторожевой службѣ на степной украинѣ Московскаго государства (второй половины XVI в. и XVII в. ¹⁾), и ни въ одномъ изъ этихъ документовъ слово *застава* даже не упомянуто. Съ другой стороны, если предположить, что наша былина возникла въ южныхъ степяхъ въ московскую эпоху, то было бы болѣе чѣмъ странно видѣть атамана городовыхъ казаковъ, станичную голову въ лицѣ Ильи Муромца, который въ одну изъ своихъ поѣздокъ съ такимъ презрѣніемъ отнесся къ заступившимъ ему дорогу станичникамъ, что даже не сталъ съ ними биться и не принялъ ихъ „въ холопство вѣковѣчное“, назвавши ихъ ворами-разбойниками, плутами-подорожниками ²⁾). Впрочемъ, въ отдѣльныхъ вариантахъ былины о боѣ Ильи Муромца нетрудно замѣтить наслоенія эпохи XVI—XVII вв., черты казацкаго быта. Такъ, иногда Илья называется донскимъ казакомъ ³⁾ и атаманомъ ⁴⁾; на заставѣ является податѣуанье ⁵⁾ и есаулъ ⁶⁾. Но основной изводъ былины возникъ не въ южно-русскихъ степяхъ и въ болѣе раннюю эпоху. Я постараюсь хотя бы приблизительно опредѣлить время и мѣсто возникновенія этого основного извода.

Дѣйствіе былины происходитъ на пограничной *заставѣ*; разсказомъ о заставѣ открываются 6 пересказовъ Оловецкой губерніи, 6 пересказовъ Архангельской и 2 пересказа, записанные въ Воронежской и Томской губерніяхъ ⁷⁾; что упоминаніе заставы принадлежало первоначальному виду нашей былины, признаетъ и В. О. Миллеръ ⁸⁾. Историческая справка показываетъ, что это

1) „Чтенія въ И. О. Исторіи и Древностей Росс.“ 1846, № 4: О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства, *Бяляева*, стр. 11—7, 27—9, 46—54; *Источники*, стр. 5—86.

2) *Кирѣевскій* I, 20, 24, 40; VII, Доп., 8; *Рыбниковъ*, III, 40, 50; *Гильбердинъ*, №№ 221, 266, 271, 287, 291 и 305.

3) *Рыбниковъ*, II, 345; записъ г. Григорьева, № 8.

4) *Кирѣевскій*, I, 46=IV, 6; IV, 12; записи г. Григорьева № 1 и моя № 98.

5) *Кирѣевскій*, I, 46, 52.

6) *Изд.*, 46; записъ г. Григорьева, № 1.

7) *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гильбердинъ*, №№ 77, 246, 250, 265; *Кирѣевскій* I, 7, 52; IV, 6, 12; VII, Доп., 1; записи г. Григорьева, №№ 1, 26; моя записъ, № 98.

8) *Оксурсы*, 138.

слово употреблялось преимущественно по отношенію къ отрядамъ, помѣщавшимся на литовской границѣ для защиты русскихъ областей. Въ первый разъ оно встрѣчается въ Ипатской лѣтописи подъ 1205 г., когда литовцы и ятвяги, напавшіе на Волинское княжество, встрѣтили тамъ заставу въ г. Уханяхъ; въ 1368 г. Ольгердъ и Кейстутъ по дорогѣ къ Москвѣ побили „московскую“ заставу на рѣкѣ Троснѣ ¹⁾ (вѣроятно, —теперешняя Трощанка, правый притокъ Днѣпра, выше Друти). Замѣтимъ, что въ одномъ пересказѣ нашей былины ²⁾ (а также во вставкѣ отсюда въ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича ³⁾) заставка называется именно „Московскою“, причемъ противникъ Ильи, въ данномъ случаѣ—его дочь, родомъ изъ *Литвы*. Упоминаются и литовскія заставы ⁴⁾: въ литовско-русской лѣтописи говорится о „Лядской заставѣ“, находившейся во второй половинѣ XIV в. въ Виленскомъ округѣ ⁵⁾; въ 1484 г. литовскій король для защиты своихъ владѣній отъ Москвы поставилъ въ Смоленскѣ заставу въ количествѣ 10 тысячъ человекъ, которая стояла почти цѣлый годъ ⁶⁾. Гораздо рѣже встрѣчается упоминаніе пограничныхъ заставъ для защиты Московскаго государства отъ татарскихъ набѣговъ; я могъ найти только два такихъ мѣста: въ 1468 г. московскій в. князь разослалъ заставы въ Муромъ, Нижній Новгородъ, Кострому и Галичъ ⁷⁾; въ 1528 г. упомянута заставка близъ Оки противъ крымскаго хана. Наконецъ, однажды заставой названо шведское войско, защищавшее въ 1496 г. Выборгъ отъ нападенія новгородцевъ ⁸⁾.

Посмотримъ теперь, гдѣ былины помѣщаютъ богатырскую заставу. Большинство вариантовъ (9) говоритъ, что она стояла

1) *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка, I, 947.

2) *Рыбниковъ*, I, 66—*Гильфердинъ*, № 77.

3) *Гильфердинъ*, № 118—*Кирьевскій*, II, второе изд., 98.

4) Между прочимъ и городскія: въ 1503 г. Витебску былъ данъ привилей, которымъ приказывалось „въ заставу нигдѣ витблянъ не сажати“. *Срезневскій* I. с.

5) *Ученыя Записки Второго отд. II. Академіи Наукъ*, кн. I, отд. III, 37.

6) *Срезневскій*, I. с. Ср. въ одномъ пересказѣ у *Кирьевского*, IV, 12: „стояли за Кіевомъ по три года“.

7) Полное собраніе русск. лѣтописей, VI, 187—VIII, 152—*Русская лѣтопись по Никонову списку*, ч. VII, 4.

8) *Срезневскій*, I. с.

около Кіева ¹⁾; два прибавляютъ: у Днѣпра или за Днѣпромъ ²⁾. Мнѣ это приуроченіе кажется слишкомъ эпическимъ, чтобы на него опереться: заставу во главѣ съ Ильей Муромцемъ, исконнымъ кіевскимъ богатыремъ, каждый пѣвецъ легко могъ перенести подъ Кіевъ и даже помѣстить въ Кіевъ или за три версты отъ города ³⁾, что не имѣетъ уже никакого смысла. Два пересказа ⁴⁾ помѣщаютъ заставу между Кіевомъ и Черниговомъ, двумя эпическими городами, вѣроятно, ничего не говорящими сознанию пѣвца. Гораздо бѣльшаго вниманія заслуживаютъ три пересказа, записанные на Кѣнозерѣ ⁵⁾ и помѣщающіе заставу „на Латынской дорогѣ“. Что это за дорога? очевидно,—тотъ путь, которымъ приходили къ намъ западные купцы; пользуясь старыми извѣстіями, можно нѣсколько точнѣе опредѣлить этотъ путь. Не говоря о церковныхъ, напр., полемическихъ сочиненіяхъ, гдѣ „латинскимъ“ называлось все католическое, слово „латина“ употреблялось преимущественно или по отношенію къ иностранцамъ, приходившимъ по Двинѣ въ Полоцкую область и Смоленскъ, или по отношенію къ остзейскимъ нѣмцамъ ⁶⁾. Въ торговыхъ договорахъ 1229 и 1265 г. „латинскими гостями“ и „Латинскимъ языкомъ“ названы двинскіе купцы ⁷⁾; подъ 1271—2 гг. „поганой латыной“ называются ливонскіе рыцари ⁸⁾; въ псковскомъ сказаніи о князѣ Довмонтѣ такъ названы нѣмцы и шведы, нападавшіе на Псковъ ⁹⁾. Латинская дорога упоминается и въ другихъ былинахъ объ Ильѣ Му-

1) *Кирьескій*, I, 43 (=IV, 6), 12; IV, 12; *Рыбниковъ*, I, 75, 81 (=Гильфердингъ, № 46); II, 345; *Гильф.*, № 114; записи г. Григорьева, № 1, мая, № 98.

2) *Кирьескій*, I, 8; VII, Доп., 1.

3) Запись г. Григорьева, № 1; *Рыбниковъ*, I, 75.

4) *Кирьескій*, I, 52; мая запись № 98.

5) *Гильфердингъ*, №№ 246, 250 и 265.

6) Латинскіе жеребцы упоминаются въ былинахъ о Чурилѣ: *В. Миллеръ*, Очерки, 194; *Рыбниковъ*, III 123—4; о Ставрѣ: *Тихонравовъ и Миллеръ*, I, 54—6; латинскіе кони—въ двухъ былинахъ изъ Нижегородской губ.: *Кирьескій*, I, 38; II, 93; латинскія сѣдла—въ былинѣ о Чурилѣ: *Рыбн.* I, 266.

7) *Паньерскій*, Русско-ливонскіе акты, 430—3; Собр. Госуд. Гр. и До г. II, 4 „Латинскій языкъ“ для обозначенія народовъ, населявшихъ бассейны Балтійскаго моря, встрѣчается и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII в. *Аристовъ* Промысл. древней Руси, 200, 233.

8) *Созійскій Временникъ*, I, 244—5.

9) П. С. Р. Л. V, 7, 51.

ромѣ, записанныхъ на Кенозерѣ, по въ эти былины она попала, несомнѣнно, изъ былинь о боѣ Ильи съ сыномъ: въ одной былинь ¹⁾ Латинская дорога упоминается въ связи съ богатырской заставой; въ другой ²⁾—она помѣщена между Кіевомъ и Царь-градомъ; въ третьей ³⁾—она ведетъ къ станичникамъ, которые, какъ извѣстно, оберегали южнорусскія степныя окраины. Важно отмѣтить, что въ записанной тамъ же былинь объ Ильѣ и Калинѣ богатырь бьется съ *татарами* на „дорожкѣ Латышкиной“ ⁴⁾, которая могла зайти въ эту былинку изъ былины о боѣ Ильи съ сыномъ, а это довольно точно свидѣтельствовало бы о мѣстѣ дѣйствія послѣдней былины.

Лѣтописныя свидѣтельства о пограничныхъ заставахъ и указанія былины на Латинскую дорогу, какъ мѣсто ея дѣйствія, отводятъ насъ въ западно-русскія области; болѣе точныхъ указаній можно ожидать, если мы узнаемъ національность противника Ильи Муромца. Въ трехъ пересказахъ изъ Симбирской губ. ⁵⁾, крайне искаженныхъ и скомканныхъ въ 18—32 стиха, онъ опредѣленно называется „татарченкомъ-бусурманченкомъ; но это названіе могло быть припоровленіемъ къ эпической біографіи Муромца, постоянного врага татаръ, и такъ какъ оно встрѣчается лишь въ пересказахъ Симбирской губ., гдѣ татары до сихъ поръ хорошо знакомы населенію, его нельзя возводить къ основному изводу былины. Въ вариантѣ Воронежской губ. ⁶⁾ сынъ Ильи называется свою мать полькой. Орестъ Миллеръ ⁷⁾ понимаетъ это названіе не въ этнографическомъ смыслѣ: „думаю, говоритъ онъ, что *полька* тутъ—въ смыслѣ *полякующей*, поляницы“. Я не вижу основаній для такого предположенія; пѣвецъ могъ замѣнить, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, этимъ названіемъ другое, ставшее уже непонятнымъ. Подобныя замѣны встрѣчаются и въ лѣтописяхъ: такъ, Густинская лѣтопись подъ 1106 г. вмѣсто Зимы-

¹⁾ Гильбердингъ, столб. 1136.

²⁾ Ibid., 1148.

³⁾ Ib., 1052.

⁴⁾ Ib., 1271.

⁵⁾ Киртескій, I, 2, 3, 5.

⁶⁾ Ibid., VII, Прил., 3.

⁷⁾ Илья Муромецъ и богатырство кіевское, 38—9.

голы поставила болѣе извѣстное литовское племя Жмудь ¹⁾. Такой же попыткой замѣнить старое ставшее непонятнымъ названіе другимъ, болѣе знакомымъ, можно считать производство дочери Ильи, съ которой онъ бьется, изъ Литвы. Какъ я указалъ выше, это производство встрѣчается въ той единственной былинѣ, которая называется заставу „московскою“; эти названія могли войти въ былинну въ XIV—XV вв., въ эпоху усиленной борьбы Московскаго государства съ Литвою.

Какой же національности была та иностранка, отъ связи которой съ Ильей родился сынъ, въ послѣдствіи противникъ своему отцу? Чаше всего она называется *бабой Латыгоркой*, съ различными искаженіями, о которыхъ я скажу далѣе. Это названіе, какъ и многое другое въ нашемъ эпосѣ, до сихъ поръ оставалось неразъясненнымъ, несмотря на то, что оно интересовало многихъ изслѣдователей русскаго эпоса ²⁾. Одно изъ племенъ, перечисленныхъ Начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ, Лѣтьгола (теперь латыши), въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV, носитъ названіе Лотыголы и Латыголы; первая Псковская лѣтопись называетъ его подъ 1228 г. Латыгорой ³⁾ („Латыгору“—вин. пад.), подъ 1341 г. Лотыгорой и Латыгорой (имен. Латыгора и Лотыгори, род. Лотыгорей, вин. Лотыгору и Лотыгорѣ, твор. съ Лотыгорою, мѣстн. въ Лотыгорѣ); Никоновскій сводъ подъ 1341 г. упоминаетъ „Латигору“ ⁴⁾. Г. Билленштейнъ (которому осталась неизвѣстна „Латигора“ Никоновской лѣтописи) склоненъ объяснять это *p tvmъ*, что лѣтописецъ

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 287.

²⁾ Мнѣніе *Везенова* въ замѣтѣхъ къ IV вып. пѣсенъ *Киреевскаго* и во II т. *Грибникова* (стр. CVI); *Буслаева* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, т. XLI, стр. 29; академика *Веселовскаго* въ „Сборникѣ отдѣл. Русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ“, т. XXXVI, № 3, стр. 337—8; *Ореста Миллера*—Илья Муромецъ и богат. кievское, 19, 26, 30.

³⁾ Проф. *Соболевскій* (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VIII, 1891 г., стр. 254) привлекаетъ эту форму къ объясненію не Латыгорки, но камня Латыря, въ которомъ онъ видитъ (предполагаемое) названіе одной изъ латышскихъ горъ, забывая о томъ, что Латырь составляетъ принадлежность апокрифической литературы и что въ былинѣ онъ поналъ изъ стиха о Голубиной книгѣ (см. вполнѣ убѣдительное объясненіе акад. *Веселовскаго*: Разысканія въ области русск. дух. стих. III—V, Спб. 1881, стр. 24).

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV, 178, 186; X, 213, см.

или тотъ, кто передавалъ ему извѣстіе, смѣшалъ названіе племени съ названіемъ одного мѣстечка въ Лифляндской губ., называвшагося въ XIII в. *Lethegore* (теперь латыш. *Lēdurga*, нѣм. *Loddiger* ¹⁾). Но 1) форму Латыгора мы находимъ въ разныхъ лѣтописяхъ и подъ разными годами; 2) *р* звучитъ до сихъ поръ въ названіи деревни Тверской губ., Вышневолоцкаго уѣзда Латыгорева ²⁾ (отъ Латыгоръ, ср. въ лѣтописи множ. ч. Лотыгори), наряду съ *л* въ имени другого селенія, Могилевской губ., Сѣнинскаго у. Лотыголь ³⁾. На этихъ основаніяхъ въ этой формѣ нельзя видѣть что-нибудь случайное, и всего естественнѣе объяснять ее русской народной этимологіей, примѣры которой мы увидимъ далѣе въ различныхъ осмысленіяхъ „Латыгорки“.

Въ двухъ пересказахъ нашей быliny мы встрѣчаемъ наряду съ Латыгоркой другое названіе — Семигорка: „Семигórка, баба Владымерка“ или „Владмирка“ ⁴⁾. „Что такое *Семигорка*?, спрашиваетъ *Ор. Миллеръ* ⁵⁾: ошибкой ли тутъ число 7, или же этимъ намекается на какое-нибудь... *семигоріе*?“ Дѣйствительно, это названіе напоминаетъ Семигоры, село Кіевской губ., Каневского у., на р. Роси, существовавшее еще въ XVI в. ⁶⁾; но это село всегда было (мало)русскимъ, тогда какъ Семигórка - Латыгórка представляется иностранкой. Сопоставленіе этихъ двухъ именъ, какъ бы покрывающихъ одно другое, заставляетъ искать Семигорку среди литовскихъ племенъ. Въ Начальной лѣтописи созвучное съ нею племя носитъ названіе Зимголы, Зимиголы, Зимѣголы; оно упоминается два раза при перечисленіи племенъ, а затѣмъ подъ 1106 г. ⁷⁾. Въ послѣдствіи русскіе лѣтописи ничего не говорятъ о Зимиголѣ, и мы не знаемъ, какъ русскіе называли это племя въ XIII—XIV вв. Въ западныхъ источникахъ наряду съ формами, въ

¹⁾ *Bielenstein*, Die Grenzen des lettischen Volkstammes, и пр. St-P. 1892, стр. 53, 470, прим. 53.

²⁾ Тверская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ. Сиб. 1862, стр. 127, № 4046.

³⁾ *Барсовъ*, Очерки русской историч. географіи, 344, 43.

⁴⁾ *Рыбниковъ*, II, 349 (отъ Петра Корнилова); *Гильфердингъ*, № 114 (отъ Семена).

⁵⁾ *Ор. с.*, 27.

⁶⁾ *Семеновъ*, Географическо-статистическій словарь Росс. имп. IV, 549.

⁷⁾ П. С. Р. Л. I, 2, 5, 120; V, 82, 84; VII, 20, 261, 264; IX, 2, 5, 140; XV, 18, 22; XVI, 8, и друг.

которыхъ звучить *z*, мы находимъ и формы съ *s*: въ латинскихъ хроникахъ и актахъ, относящихся къ XIII—XIV вв., постояннымъ написаніемъ является *Semigallia*, *terra Sengalle*, *Semigalli*, *Semigalliensis*¹⁾. Въ одномъ литовско-русскомъ актѣ 1588 г. упоминается „Семигальская земля“ (вмѣстѣ съ Жомойтской и Ифлянтской²⁾). Если эта форма была лишь мѣстнымъ, литовскимъ³⁾ названіемъ, все же она свидѣтельствуетъ о томъ, что позднѣе XII в. русскіе могли называть Зимиголу нѣсколько иначе: какъ Лѣтьгола Начальной лѣтописи впоследствии звучала какъ Лотыгола⁴⁾, Латыгола, Латыгора,—такъ и Зимигола могла называться Семиголой, что могло быть осмыслено въ „Семигору“. Объясняя такимъ образомъ „бабу“ нашей былины, я исхожу изъ предположенія, что въ основномъ изводѣ она называлась Латыгоркой-Семигоркой, причемъ слагатель былины смѣшивалъ эти два литовскія племени, къ чему былъ поводъ какъ въ ихъ сосѣдствѣ между собою, такъ и въ созвучіи названій. Совершенно аналогичное смѣшеніе мы находимъ въ былинѣ о Дунаѣ, гдѣ чахове-ляхове и король шаховинскій-ляховинскій⁵⁾ представляются людьми одной національности.

1) *Scriptores rerum Livonicarum* I. Riga und Leipzig. 1853. 52, 140, 296, и пр.; *Ser. rer. Prussicarum* II. Leipzig. 1863. 60, 141; *Bunge*, *Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch* I. Reval. 1853. 50, 223, 716 и пр.; II, Heft 7 Riga. 1873. 615, 629; *Bielenstein*, *op. c.*, 128 и слѣд., 447 и слѣд.

2) *Спрощъ*, Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія, 289; *Bielenstein*, *op. c.*, 133.

3) И при этомъ—официально-стариннымъ, т. к. географическія названія (полей, имѣній, округовъ) конца XVI в. показываютъ, что народнымъ названіемъ было — Же(й)мигола.

4) Этой формѣ соответствуетъ латинское написаніе *Letthigallia* (у Генриха Латыша подъ 1208: *Scriptores rerum Livonicarum*, I, 118, 122, 126), между тѣмъ какъ Лѣтьгола отвѣчаютъ формы: *Letgalli*, *Lettgallia*, нѣм. *Letgallen*, (ib., 96; *Ser. rer. Prussicarum*, II, 835; *Runge*, *op. c.* II, Heft 7, стр. 745).

5) Извѣстія Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. I, стр. 72, прим. 4. Высказанная здѣсь мною догадка относительно тождества географическаго названія, встрѣчающагося въ былинѣ о Василь-пьяницѣ, „Шахова-Якова“ съ землей Чаховой-Ляховой недавно подтвердилась. Въ вариантѣ той же былины, записанномъ А. Д. Григорьевымъ лѣтомъ 1900 г., соответствующее мѣсто читается такъ:

„Были мы (туры), матушка, во Шахови,
Во Шахови были да во Ляхови;
Во полѣсѣ де прошли да стольней Кіевъ-градъ“.

Теперь я нѣсколько остановлюсь на вариантахъ названій Латыгорки и Семигорки. Въ трехъ былинахъ, записанныхъ мною на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря ¹⁾, баба называется Латынгоркой (однажды пѣвецъ называлъ ее Латынкой) и въ одномъ пересказѣ помѣщается на Латынскихъ горахъ; этотъ пересказъ не упоминаетъ о заставѣ и, вопреки всѣмъ другимъ, начинается разсказомъ о самой бабѣ:

Шьто на тихъ было горахъ на Латыньскихъ жа,
Какъ у той же было бабы у Латынгорки
А какъ было у ей да чадо милое, и пр.

Если мы припомнимъ, что другіе пересказы открываются заставой, которая помѣщается, по нѣкоторымъ изъ нихъ, на Латынской дорогѣ, то нетрудно догадаться, что пѣвецъ осмыслилъ непонятное названіе болѣе знакомой ему латыной ²⁾, можетъ быть, заимствовавъ это слово изъ разсказа былины о заставѣ на Латынской дорогѣ. Мезенскій пересказъ ³⁾ называетъ любовницу Ильи *Златогоркой* ⁴⁾. Сопоставленіе такой формы съ златомъ, золотомъ даетъ новое искаженіе: сынъ ея оказывается родомъ изъ Золотой орды ⁵⁾, при чемъ онъ въ то же время остается уроженцемъ „Западныхъ странъ“ или „Сиверной страны“ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ олонекскихъ пересказахъ „баба“ называется Латымиркой, Влады-

1) №№ 70, 81 и 94; № 81 напечатанъ въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. О. Миллера“, подъ ред. *Личука*, стр. 150.

2) Латынская гора упоминается въ быливѣ о Калинѣ: *Гильфердинъ*, № 105. Ср. вышеупомянутую „дорожку Латышкину“.

3) *Тихомировъ* и *Миллеръ*, II, 114; здѣсь она названа также и *Златогоркой*.

4) Названіе *Святгорки*, въ записи, сдѣланной г. Григорьевымъ въ 1900 г., объясняется смѣшеніемъ со Святогоромъ и Святими горами.

5) Сближеніе этихъ названій сдѣлано акад. *Весселовскимъ*: Сборникъ отд. Русск. яз. и слов. II. Акад. Наукъ, т. XXXVI, № 3, стр. 337.

6) *Гильфердинъ*, №№ 226, 233 и 265. „Сиверная страна“ объясняется названіемъ Латыгорки въ этихъ былинахъ (а также въ № 219—*Рымник. III*, 54) „Сиверяничной“ (объясненіе этого имени я предлагаю далѣе); что же касается „Западныхъ странъ“, то, дѣйствительно, такъ называли прибалтійскія области. Въ повѣсти объ Александрѣ Невскомъ говорится, что смотрѣтъ ва него приходилъ „нѣкто сиденъ отъ Западныхъ страны, иже варицаются слугы Божія, (т.-е. рыцарь Ливонскаго или Тевтонскаго ордена) именовъ Андрѣишь“. П. С. Р. Л. V, 2.

меркой, Владимиркой ¹⁾. Что послѣднія двѣ формы явились путемъ осмысливанія первой, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но для объясненія „Латымирки“ приходится построить гипотетическую форму *Семирка, съ опущеніемъ го = ho, чему аналогіей могутъ служить формы: бла(го)словить, дай - (Го)споди ²⁾, Б(ог)уславъ, Черни(го)въ - градъ ³⁾, спасибо(гъ), фря(гъ). Семирка и Латыгорка, сопоставляемая въ былинѣ рядомъ, могли дать Латымирку. Варіантъ этой гипотетической формы *Семерка (изъ *Семегорка), основанный на чередованіи и и е въ формахъ: Зимигола—Зимѣгола, Semigallen—Semegallen ⁴⁾, объяснилъ бы имя противника Илыи Муромца въ одномъ олонецкомъ пересказѣ—Семерчанинъ, по мѣстному говору и съ прибавленіемъ второго суффикса—Семерцяниновъ ⁵⁾. Акад. Веселовскій ⁶⁾ сопоставляетъ это названіе съ именемъ любовницы Муромца въ другихъ пересказахъ—Сиверьянична, при чемъ ф. „Семерцяниновъ“ считаетъ искаженіемъ ф. „Северцяниновъ“. Но въ такомъ случаѣ „баба“ оказалась бы „сѣверянкой“, жительницей русской области, что противно смыслу былины. Въ виду этого нужно думать, что Сѣверьянична была осмысленіемъ непонятной *Семерчаничны, *Семерчанки (а можетъ быть и Семерчанина). Отъ названія племени Латыгора и чело-вѣка этого племени латыгоръ (ср. указанныя географич. названія Латыгорева и Лотыголь) могли произойти формы какъ латыгорка, такъ и латыгоринка ⁷⁾. Къ послѣдней формѣ нужно возводить имя „бабы“ въ двухъ варіантахъ нашей былины, гдѣ она называется Горыничкой и Горыничанкой ⁸⁾: въ длинномъ словѣ латыгоринка первая часть могла отпасть, а форма *горинка подпала вліянію словъ: Горыпскій, Горыничъ, Горынь. Проф. В. О. Миллеръ ⁹⁾, сопоставляя часть былины со скифскимъ преданіемъ, при-

1) Рыбниковъ, I, 75; II, 345; Гильфердингъ, № 114.

2) Въ пѣснѣ, записанной для Ричарда Джемса. Ср. искаженіе изъ „сухая глава“ въ „сухойлова“: Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 240—1, 243.

3) Безсоновъ, Калѣки переходже, II, 460.

4) Scriptores rer. Livon. I, 333; Ser. rer. Prussic. II, 854.

5) Тихомировъ и Миллеръ, II, 59.

6) Журналъ Мин. Нар. Просв., ч. CCXLII, отд. II, 195.

7) Первая—по образцу мордва—мордовка, чухна—чухонка; вторая—по образцу чудь—чудинка, русь—русинка, литва—литвинка.

8) Киртесскій, I, 11; Рыбниковъ, I, 65.

9) Эскурсы, 120.

веденнымъ у Геродота, сравниваетъ бабу Горынинку съ дѣвицей-змѣей преданія; основаніемъ для такого сопоставленія служить то, что эпитетъ Горынича приданъ (въ былинѣ о змѣборствѣ Добрыни) змѣю и что, по одному пересказу, сынъ Ильи возитъ у стремени змѣю Горынскую ¹⁾. Но противъ этого можно привести два соображенія: 1) „баба“ не называется Горыничной; 2) съ именемъ Горыни связывается не только змѣй: Горыновичемъ величаютъ уральскіе казаки родную рѣку Янкъ ²⁾; есть рѣка Горынь, притокъ Припяти; въ сказкахъ встрѣчается великанъ Горыня, не имѣющій отношенія ни къ чему змѣиному ³⁾; въ прошломъ вѣкѣ у малороссовъ было употребительно прозвище Гориня ⁴⁾.

Что касается имени любовницы Ильи Муромца, то въ большинствѣ пересказовъ его вовсе нѣтъ. Въ трехъ пересказахъ ⁵⁾ она носитъ эпическое имя „матерой вдовы“ Амелфы Тимоѣевны; въ двухъ другихъ ⁶⁾ находимъ то же стереотипное имя, лишь искаженное: Оедосья и Марья Тимоѣевна. Встрѣчаются и другія имена „бабы“—Авдотья, Маринка ⁷⁾,—также весьма употребительныя въ русскомъ эпосѣ. Съ какимъ произволомъ подставляли пѣвцы первое попавшееся имя для именования безыменной Латыгорки, показываетъ тотъ фактъ, что одинъ и тотъ же пѣвецъ, сообщая былинѣ *Рыбникову* (I, 82) и *Гильфердину* (№ 46), въ первомъ случаѣ вставилъ имя Настасьи, а во второмъ—Натальи.

Чтобы покончить съ личностью любовницы Ильи Муромца, остается объяснить нѣсколько странное, необычное названіе ея „баба“, которое принадлежало основному изводу былины, такъ какъ оно встрѣчается въ пересказахъ: олонецкихъ, архангель-

¹⁾ Объясненіе этого страннаго образа, предложенное самимъ же В. О. Миллеромъ въ *Этнографич. Обзорѣнїи*, кн. XIII (1892 г.), 119—20, устраняетъ это основаніе, признавая змѣю горынскую у стремени случайнымъ придаткомъ былины. Акад. *Вессловскій* (ор. с., 315) называетъ этотъ придатокъ „нелѣпой амплификаціей“.

²⁾ *Желтцовъ*, *Уральцы*, изд. 2, т. I, 37. Ср. *Об. мат. для оп. м. и пл. Кавк.* VII, 119.

³⁾ *Эрленсейтъ*, *Народныя сказки*; *В. Миллеръ*, *Очерки русской нар. словесности*, 385.

⁴⁾ *Костромскія Епарх. Вѣд.* 1896, № 23, стр. 626.

⁵⁾ *Гирьевскій*, I, 52; IV, 12; запись г. Григорьева, № 26.

⁶⁾ Записи г. Григорьева, № 1 и 4.

⁷⁾ *Рыбниковъ*, I, 65; моя запись № 4.

скихъ и сибирскихъ ¹⁾. Этотъ терминъ не могъ быть приложенъ къ ней въ смыслѣ замужней женщины, такъ какъ она въ сущности замужемъ не была (встрѣча ея съ Ильей была случайная), и въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо называется дѣвицей ²⁾; смыслъ бабушки и повивальной бабки тоже къ ней не подходитъ. Остается одно старинное значеніе этого слова—ворожея, чародѣйка, волшебница ³⁾. Такое значеніе, дѣйствительно, подходитъ къ иностранкѣ, сумѣвшей завлечь своими чарами стараго казака, вообще неупадчиваго на женскую прелесть. Родившійся отъ такой связи сынъ воспринялъ отъ матери зловныя черты; онъ даже пытается убить своего родного отца, что ему не удастся лишь въ силу христіанства Ильи: его спасаетъ громадный грудной крестъ, отъ котораго отскочило оружіе (стрѣла, копье, сабля, рогатина, палица, кинжалъ или ножъ) его сына. *Срезневскій* ⁴⁾ сравниваетъ со значеніемъ бабы-ворожеи пословицу: надвое баба ворожила, и сказочныхъ бабу-барицу и бабу-ягу. Бабой-ягой названа и Латыгорка въ одной вставкѣ изъ нашей былины ⁵⁾. Слѣдовательно, олонецкіе сказители именно такъ понимали типъ любовницы Ильи. Замѣтимъ, что нѣкоторыя (не совсѣмъ удобныя для печати) подробности битвы бабы Латыгорки съ Добрыней ⁶⁾ напоминаютъ собою предѣлки одной колдуньи въ 1648 г. ⁷⁾.

Перехожу къ сыну Ильи Муромца. Чаще всего онъ называется Подсокольнікомъ ⁸⁾ и Сокольнікомъ ⁹⁾, при чемъ въ двухъ пере-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, 79; II, 349; *Гильфердингъ*, № 114; *Кирпевскій*, I, 11; IV, 17; мои записи, №№ 70, 81 и 94. Это названіе сохраняется во вставкахъ эпизодовъ изъ нашей былины: *Кир.* I, 64; *Гильф.* №№ 228, 290, 292.

²⁾ *Гильфердингъ*, №№ 219 (= *Рыбн.* III, 54), 226, 233 и 246; зап. г. Григорьева, № 8.

³⁾ *Срезневскій*, Матеріалы для словаря древне-русского языка, I, 35—7.

⁴⁾ *Ор. с.*

⁵⁾ *Гильфердингъ*, №№ 228, 290 и 292.

⁶⁾ Моя записъ № 81, напечатанная въ „Юбилейномъ сборникѣ“; см. стр. 156, стихъ 411; стр. 158, строки 14 и 15 сверху.

⁷⁾ Этнографич. Обзорѣніе, кн. XLIII, 112. Впрочемъ, ср. подобный эпизодъ изъ монгольской сказки сборника Шидди-куръ: Этнографическій Сборникъ, т. VI, 82.

⁸⁾ *Тизогроровъ* и *Миллеръ*, II, 112; мои записи, №№ 4 и 70; зап. г. Григорьева, № 25.

⁹⁾ *Кирпевскій*, I, 52; IV, 12; *Рыбниковъ*, I, 75; II, 345; *Гильфердингъ*, № 114. Объясненіе „Соловникова“ (*Рыбн.* I, 81 = *Гильф.*, № 46) предложено акад. *Веселовскимъ*, *ор. с.*, 335.

сказахъ къ этому названію прибавлено поясненіе—охотникъ. Но какъ понимать эти термины? Въ старыхъ памятникахъ (съ 1267 г.) слово сокольникъ употребляется въ двухъ значеніяхъ — охотника за птицами и промышленника, добывающаго соколовъ для ловли птицъ ¹⁾. Былинный Сокольникъ ѣдетъ по полю съ соколомъ на плечѣ и охотничьей собакой у стремени; слѣдовательно, его нельзя понимать во второмъ смыслѣ. Ловцомъ птицъ является сынъ Ильи въ пересказахъ, называющихъ его „сокольниковъ“ ⁴⁾. Но почему большая часть архангельскихъ пересказовъ ²⁾ именуетъ его *Подсокольниковъ*? Нельзя видѣть здѣсь простое искаженіе перваго названія, такъ какъ такое искаженіе невозможно ничѣмъ мотивировать. Эта форма напоминаетъ придворную должность *подсокольника*. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подсокольникъ ³⁾ былъ непосредственнымъ начальникомъ надъ всѣми сокольниками, которыхъ, по свидѣтельству Котошихина, было около 100 человекъ; такъ какъ сокольники имѣли въ свою очередь помѣстья и вотчины, то должность ихъ начальника, несомнѣнно, была очень высокая. Такое же важное положеніе занимали въ Литовской землѣ сокольничіе ⁴⁾: одного изъ нихъ Ягайло ок. 1392 г. назначилъ намѣстникомъ въ Витебскъ ⁵⁾. Не знаю, была ли въ Литвѣ долж-

¹⁾ *Аристовъ*, Промышленность древней Руси, 5, 12—14; 17, прим. 39; 301. О „сокольникахъ“—промышленникахъ упоминаетъ былина о Чурилѣ: *Киреевскій*, IV, 80.

²⁾ Особенностью этихъ пересказовъ является болѣе сложное содержаніе: въ нихъ сынъ Ильи, прежде чѣмъ покуситься на его жизнь, убиваетъ свою мать. Этотъ эпизодъ, рисующій первобытную жестокость дикаго литвина, надо считать принадлежностью основного извода былины. Акад. *Веселовскій* (ор. с., 319, 339) держится противоположнаго мнѣнія.

³⁾ Это званіе, замѣнившее собою прежній чинъ сокольника, упоминается въ спискѣ должностныхъ лицъ 1650 г. (*Кутеповъ*, Великокняжеская и царская охота на Руси, II, 267, 253). Его обязанности изложены въ „Урядникѣ сокольника пути“.

⁴⁾ Первое извѣстіе о существованіи чина сокольника, начальника сокольниковъ, въ Московскомъ государствѣ относится ко времени Ивана III. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. V, гл. V, по второму изд. кн. I, 1516. Пѣвцы могли сдѣлать изъ (под)сокольника—(под)сокольника подобно тому, какъ Герберштейнъ называлъ окольникаго „окольниковъ“. *Ibid.*, гл. III, стр. 1678.

⁵⁾ *Данилевичъ*, Очеркъ исторіи Полоцкой земли, 175; Учен. зап. II отд. II. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 39: „Король приказа града Витебскаго сокольникову своему Теодору Весне, а князю Швитригаилу тогда сущу младу. И нача

ность подсокольничаго, но характерная частица *под* входила въ термины для обозначенія многихъ придворныхъ должностей въ Литовскомъ государствѣ: подскарбій, подкоморій, подчашій, под-
столей¹⁾. Конечно, нельзя говорить положительно о должностномъ смыслѣ Подсокольнича, такъ какъ наличность въ Литвѣ самаго названія подсокольничаго подвержена сомнѣнію; но, вообще, о важномъ положеніи сына Ильи можно судить потому, что въ нѣ-
которыхъ пересказахъ онъ называется царевичемъ, королевичемъ²⁾ или правителемъ какого-то приморскаго города³⁾.

Въ большинствѣ пересказовъ Сокольникъ, какъ и его мать, не носитъ никакого имени. Въ 4 пересказахъ⁴⁾ онъ называется Борисомъ; у Кирши Данилова къ этому имени прибавлено еще другое—Збуть. Это имя не стоитъ одиноко въ нашемъ эпосѣ: въ одномъ пересказѣ былины о Хотѣнѣ⁵⁾ его отецъ названъ Збудомъ; въ одной сказкѣ, на мотивъ Пушкинскаго царя Салтана, имя дѣйствующаго въ ней царевича Збуда Збудовича объясняется тѣмъ, что онъ „имѣлъ чудное свойство: чего пожелаетъ, то сейчасъ и *сбудется*“⁶⁾. Можно думать, что это имя попало въ Киршевскую запись изъ подобной сказки только по связи понятій царевича (въ сказкѣ) и королевича (въ былинѣ). Имена Сокольника въ другихъ пересказахъ носятъ также совершенно случайный характеръ; пѣвцы подставляли первое понавшееся имя: Петръ, Кузьма, Василій, Аполонище, Алеша *Дородовичъ*, *Михайло* Долгомеровичъ. Последнія имена обязаны своимъ появленіемъ, вѣ-

Отедоръ Весна владети градомъ Витебскомъ и всею землею Витебскою советомъ и увазаніемъ короля Якаила“.

1) *Бяляевъ*, Исторія Полотска, 336, 425, 442, 443. Соответственные русскія должности были: ключникъ, постельничій, чашникъ и стольникъ.

2) *В. Миллеръ*, Экскурсы, 124—5.

3) Моя запись № 4.

4) *Киршевскій*, I, 7, 11; *Рыбниковъ*, I, 65; моя запись № 94. Илья бѣтсн съ какиѣ-то Борисомъ Козловымъ: *Кир.* I, 6; Борисомъ-королевичемъ онъ называетъ себя въ одной былинѣ о первой поѣздкѣ: *Тихомировъ* и *Миллеръ*, II, 2.

5) *Гильфердингъ*, № 282.

6) Этнограф. Обзоріе, кн. VII, 150, прим. Въ Тверской губ. есть двѣ деревни, напоминающія это имя: Збудово Весьёгонскаго у. и Себудово—Старицкаго (Тверская губернія. Списокъ населенныхъ мѣстъ, 93, № 2895; 441). Старые памятники не сохранили для насъ этого имени, но извѣстно другое имя, повидимому, того же корня—Сбыславъ. См., напр., II. С. Р. Л. X, 78, прим.

роятно, аналогичной былинь о братьяхъ Дородовичахъ, одного изъ которыхъ зовутъ Михайлою ¹⁾).

До сихъ поръ я не упоминалъ о товарищахъ Ильи, которые стоять съ нимъ на заставѣ. Имена богатырей, которые упоминаются въ качествѣ товарищей Муромца, такъ разнообразны, самое ихъ упоминаніе настолько зависитъ отъ личныхъ симпатій пѣвцовъ и ихъ былинныхъ репертуаровъ, что нѣтъ возможности выдѣлить изъ богатырей тѣхъ, которые упоминались въ основномъ изводѣ былины. Но постояннымъ спутникомъ Ильи является Добрыня, котораго онъ посылаетъ предварительно сразиться съ Сокольниковъ; при этомъ Добрыня пугается вида и крика богатыря и ѣдетъ назадъ. Въ 5 пересказахъ ²⁾ Илья посылаетъ еще Алешу Поповича, котораго также пугаетъ Сокольникъ. Но введеніе этого третьяго лица нужно признать эпической амплификаціей, позднѣйшимъ сведеніемъ вмѣстѣ трехъ самыхъ популярныхъ богатырей, дѣйствующихъ вмѣстѣ во многихъ другихъ былинахъ; при томъ же о предварительномъ выѣздѣ противъ Сокольника *одного* Добрыни говорится въ громадномъ большинствѣ пересказовъ, именно въ 18. Дѣйствіе Добрыни въ основномъ изводѣ былины ³⁾ даетъ нѣкоторыя данныя относительно времени ея сложенія ⁴⁾. Добрыня, какъ богатырь, приуроченъ лѣтописью къ Липицкой битвѣ (1217 г.), при чемъ въ хронографѣ начала XVI вѣка ⁵⁾, въ Никоновской лѣтописи ⁶⁾ и въ одномъ сводѣ, доведенномъ до 1533 г.

¹⁾ *Гильфердингъ*, №№ 247 и 252.

²⁾ *Киртесскій*, I, 7, 46(=IV, 6). *Рыбниковъ*, I, 66=*Гильфердингъ*, № 77; *Тихонравовъ* и *Миллеръ*, II, 109; моя записъ № 70.

³⁾ Что признаетъ и В. О. Миллеръ: *Экскурсы*, 138.

⁴⁾ Упоминаніе о тѣльномъ крестѣ Ильи, находящееся въ огромномъ большинствѣ пересказовъ, не даетъ определенныхъ хронологическихъ указаній, такъ какъ такіе кресты носили еще въ XI и XII вв., о чемъ свидѣтельствуетъ рассказъ о волхвахъ, помѣщенный въ лѣтописяхъ подъ 1071 г. У Ильи крестъ былъ золотой (*Кир.* I, 4, 6; *Рыбн.* II, 351; *Гильф.*, № 114; мои записи, № 4 и 70); ср. въ лѣтописи подъ 1147 г.: „крестъ и чепи въ гривну золота“. *Срезневскій*, *ор. с.*, I, 1347.

⁵⁾ *Востоковъ*. Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума, 751, гл. 195: у Константина Всеволодовича „два храбра: Дбрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

⁶⁾ П. С. Р. Л. X, 70: „Съ нимъ же (ростовскимъ княземъ Константиномъ) бѣ и два храбра: Добрыня Златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славаа богатыря“.

и впоследствии продолженномъ до 1680 г.¹⁾, онъ названъ старымъ терминомъ „храбръ“. Въ т. н. Архангелогородскомъ лѣтописцѣ, доведенномъ до 1598 г., рассказъ о Добрынѣ и Александрѣ Поповичѣ подновленъ, и они называются здѣсь „богатырями“²⁾; составителями лѣтописнаго свода 1533 года выраженіе „два храбра“ было не понято, и изъ него они сдѣлали „два храбра мужа“; въ Никоновской лѣтописи также встрѣчаемъ добавленіе: „славныа богатыри“. Поэтому нужно думать, что это извѣстіе, варьировавшееся уже въ лѣтописяхъ XVI и XVII вв.³⁾, было занесено туда гораздо ранѣе, и въ такомъ случаѣ на него можно полагаться⁴⁾.

Но *рязанскій* ⁵⁾ храбръ, сражавшійся въ дружинѣ ростовскаго князя на сторонѣ новгородцевъ, псковитянъ и смольнянъ въ 1217 г., могъ попасть въ товарищи Ильи на литовскую пограничную заставу не ранѣе середины XIII вѣка. Приблизительныя хронологическія даты даютъ лѣтописныя извѣстія о заставахъ и латыголѣ. О русскихъ заставахъ противъ литовцевъ говорится подъ 1205 и 1368 гг. Написаніе „латыгола“ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ подъ годами 1228, 1242 и 1341 ⁶⁾; въ русско-литовскихъ

1) Русскій Временникъ, сирѣчь лѣтописецъ. М. 1820. I, 84: „Да были со княземъ Константиномъ два храбра мужа, Добрыня златый поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“.

2) Лѣтописецъ (Архангелогородскій), содержащій въ себѣ русскію исторію отъ 852 до 1598 г. М. 1781, стр. 55: „А были съ нимъ два богатыря: Добрыня Золотой поясъ, да Александръ Поповичъ слугою съ Торопомъ“.

3) Составитель такъ называемой Тверской лѣтописи, жившій въ „веси Ростовскихъ областей“ и написавшій ее въ 1534 г., занесъ это извѣстіе въ выраженіяхъ, показывающихъ, что онъ пользовался какъ старой лѣтописью (пріуроченіе къ Липицкой битвѣ), такъ и современными ему мѣстными ростовскими сказаніями (*Олешка Поповичъ*—на первомъ мѣстѣ: „У князя же у Константина тогда баше въ полку два челоуѣка храбрыхъ: Олешка Поповичъ и челоуѣкъ его Торопъ, и Тимоны Золотой поясъ“. П. С. Р. Л. XV, стр. V, 323 ср. 337. „2 богатыря“ и въ лѣтописи Крижачича: *Кир.* III.

4) Что же касается извѣстія о гибели Добрыни при Калкѣ въ 1224 г., то его можно считать прибавленіемъ самого составителя Никоновскаго свода, такъ какъ въ другихъ лѣтописяхъ не упоминается Добрыня въ числѣ погибшихъ богатырей, какъ и Тимоны, замѣнявшій его въ Тверской лѣтописи.

5) Добрыня названъ Рязаничемъ лишь въ Никоновской лѣтописи при рассказѣ о Липицкой и Калкской битвахъ: П. С. Р. Л. X, 72, 92.

6) П. С. Р. Л. IV, 55; V, 222; VII, 151; X, 228; XVI, подъ 1341 г.; Софійскій временникъ, I, 258; Супрасльская рукопись, 59; Новгородская лѣтопись по Синодальному списку, 227; Древняго лѣтописца часть первая. Сиб. 1771, 168.

лѣтописяхъ о „латыголѣ“ упоминается до конца XIV в. ¹⁾ Написание „латыгора“ относится къ 1228 и 1341 гг. Позднѣе XIV в. названія Лотыголы мы не находимъ ни въ русскихъ, ни въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ. Стрыйковскій еще называетъ эту страну „*Kotwa seu Lothigola*“ (1517 г.), но другой польскій хронистъ Маттіасъ называетъ страну только „*Kotwa*“, жителей—„*Kotwasu*“ (1582 г. ²⁾). Въ русскихъ лѣтописяхъ уже подъ 1535 г. упоминается селеніе Латыгошева (вѣроятно, теперешняя Латышова, на югъ отъ Полоцка ³⁾), указывающее на тогдашнее названіе латышей—латыгоши; въ актѣ 1565 г. находимъ современное названіе латышъ ⁴⁾. Слѣдовательно, въ XV—XVI вв. названіе лотыголы, такъ часто попадающееся въ лѣтописяхъ XIII в. (подъ гг. 1200, 1228, 1342, 1264, 1286 ⁵⁾), совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ, названіе бабы-латыгорки указываетъ скорѣе всего на XIII вѣкъ. Что касается Семигорки, то является вѣкоторое затрудненіе: можетъ показаться страннымъ то, что слагателю нашей былины было извѣстно названіе Зимиголы, племени, не упоминаемаго ни одной русской лѣтописью, кромѣ Начальнаго свода. Но дѣло въ томъ, что столкновенія съ этимъ племенемъ могли быть лишь у сосѣднихъ съ нимъ полочанъ ⁶⁾. И дѣйствительно, составитель Начальной лѣтописи занесъ въ нее подъ 1106 г. извѣстіе о страшномъ пораженіи, которое понесли отъ Зимиголы дружины сыновей Всеслава Полоцкаго. По полоцкой лѣтописи мы не знаемъ; извѣстія другихъ лѣтописей о Полоцкой области крайне скудны ⁷⁾. Неудивительно, что онѣ вовсе не упоминаютъ о дикомъ

¹⁾ *Pomniki do dziejów Litewskich, Narbutt*, 3 (до 1323 г.); Ученыя зап. II Отд. И. Акад. Наукъ, кн. I, отд. III, 34 (1385 г.).

²⁾ *Bielenstein*, *op. c.*, 28 - 9.

³⁾ *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, изд. II, 43, 344. П. С. Р. Л. VIII, 288; Русская лѣтопись по Никонову списку, VI, 5. Латыгошева Сѣна (Могилевской губ.) и Осиповецъ упомянуты въ качествѣ мѣстъ Полоцкихъ, Витебскихъ и Браславльскихъ (на з. отъ Полоцка).

⁴⁾ *Напѣерскій*, Русско-ливонскіе акты, 396.

⁵⁾ Къ указаннымъ спискамъ можно присоединить: П. С. Р. Л. IV, 187; V, 12; XV, 350, 290, 384; Лѣтопись по Ипатьевскому списку, 590; Новгор. лѣт. по Синод. сп., 178, 227, 262; *Напѣерскій*, *op. c.*, 13, № XXV, а.

⁶⁾ О Латыголѣ говорятъ почти исключительно лѣтописи Пскова и Новгорода, такъ какъ она сосѣдила именно съ ихъ областями и входила въ сношенія только съ ними. Ср. П. С. Р. Л. IV, 183, прим. 3.

⁷⁾ *Данилевичъ*, *op. c.* стр. VII.

литовскомъ племени, жившемъ гдѣ-то далеко на лѣвомъ берегу З. Двины. Упомянутое въ былинѢ этого племени показываетъ, что она возникла въ Полоцкой области, гдѣ и Латыгола, и Зимигола были хорошо извѣстны. Въ XIII в. терминъ „латына“ (былинная „Латынская дорога“) былъ вполне опредѣленный для западной Руси, въ которой „латинскими гостями“ называли иностранныхъ купцовъ, ходившихъ по З. ДвинѢ (договоры 1229 и 1265 гг. ¹). Если богатырская застава стояла на ДвинѢ для защиты Полоцка отъ двухъ сосѣднихъ литовскихъ племенъ и если былина о боѢ Илыи съ сыномъ была сложена въ Полоцкой области, то время ея сложенія опредѣлить нетрудно: упоминаніе Добрыни не позволяетъ отнести это время ранѣе второй четверти XIII в., а между тѣмъ полоцкое княжество вошло въ составъ литовскихъ владѣній около половины этого столѣтія ²). Поэтому время возникновенія нашей быliny относится къ послѣднимъ годамъ самостоятельности Полоцкой обл.

Приступая къ статьѢ, я ставилъ своей задачей только опредѣлить историко-бытовыя черты быliny, позволяющія отнести ее къ извѣстной области и эпохѢ, и не задавался цѣлью прослѣдить происхожденіе ея сюжета. Но сдѣланные мною выводы наводятъ на нѣкоторыя соображенія относительно пути, по которому пришелъ къ намъ весьма распространенный въ ЕвропѢ и Азіи разсказъ о битвѢ отца съ сыномъ, не узнавшихъ другъ друга. Невольно является вопросъ, не пришелъ ли онъ по той самой „Латынской дорогѢ“, на которой стояла богатырская застава? Припомнимъ, что въ XIII в. Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ заключаютъ цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ Ригой, указывающихъ на интенсивныя сношенія, которыя вели русскія области съ о. Готландомъ, Любекомъ, Бременомъ и другими нѣмецкими городами черезъ З. Двину. Эти договоры неустанно повторяютъ, чтобы былъ „отъ Смолѣньска чистый путь до Ригы“ „смолянскомъ и рижаномъ, и всимъ нѣмчемъ, по Восточному морю ³) ходящимъ“, иначе „всему Латынскому языку и Руси“ ⁴). Въ первой половинѢ

¹) Припомнимъ, что расправа Илыи съ сыномъ происходитъ на берегу реки (Сазать, Сахатарь, Сога, Салга, Ефратъ, Дивиръ, Черниговка, Смородина).

²) Данилевичъ, *оп. с.*, 135—6.

³) Т. е. по Балтійскому (Ostsee).

⁴) Пальмерскій, *оп. с.*, 444, 452; Собраніе Госуд. Грам. и Дог. II, 4. Ср. Данилевичъ, *оп. с.*, 221.

XIII в. была сдѣлана запись позднѣйшей редакціи древне-пѣмечкой пѣсни о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ; къ этому же времени относится обработка этого сюжета, включенная въ скандинавскую Тидрексагу. Тогда же, нужно думать, сюжетъ боя отца съ сыномъ, обѣжавшій Германію, Нидерланды, Данію и Скандинавскій полуостровъ, проникъ въ полоцкую область и здѣсь съ большою самостоятельностью (убійство матери сыномъ) былъ обработанъ въ мѣстную былинну, рисующую отношенія русскихъ къ сосѣднимъ литовскимъ племенамъ ¹⁾.

Въ заключеніе я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно былой извѣстности Ильи Муромца въ западно-русскихъ областяхъ. Этого вопроса уже касался проф. В. О. Миллеръ ²⁾. Онъ указалъ, что въ XVI в. „имя Ильи богатыря было широко извѣстно бѣлорусскому населенію“. Истребленіе польско-литовскаго войска въ 1536 г. у города Себежа (лежавшаго на границѣ русскихъ поселеній съ Латыголой), дало поводъ приурочить къ этому городу одинъ изъ подвиговъ Ильи передъ поимкой Соловья-разбойника ³⁾. Но разныя пересказы послѣдней былины заставляютъ Илью выручать и другіе западные города: Смоленскъ ⁴⁾, Кряковъ ⁵⁾. Приуроченіе подвига Ильи къ Смоленску могло имѣть своей основой его осаду въ 1404 г., когда Витовтъ три мѣсяца стоялъ подъ

1) Мнѣнія о западномъ пути сюжета о боѣ отца съ сыномъ держатся акад. Веселовскій, (Южно-русскія былины, гл. IX). Трудно согласиться со словами В. О. Миллера (Экскурсы, 143), что „нигдѣ у А. Н. Веселовскаго не проскальзываетъ мысль о заимствованіи сюжета о боѣ отца съ сыномъ“; такая мысль сама собой подразумевается: иначе, къ чему было бы такъ подробно останавливаться на германскихъ параллеляхъ къ нашей былинѣ?

2) Очерки, 391—401.

3) Ib., 396—7. Автору осталась неизвѣстна старая (1748 г.) запись этой былины, напечатанная въ „Живой Старинѣ“, г. IV (1894), вып. I, 80—82. Въ этомъ пересказѣ, особой редакціи, Илья освобождаетъ также Себежъ. Въ виду того, что въ старыхъ записяхъ краткой редакціи „себежской“ (царь) искажается въ „сибежской“ и „сибирской“, можно думать, что названіе того же города скрывается въ старыхъ записяхъ пространной редакціи въ написаніяхъ—„кеберской“ (князь), киберской, кибирской, виберскій“ и въ новыхъ записяхъ подъ именемъ Бежегова, Бегежова, Бекешева, Бекетовца: Рыбниковъ, I, 46; III, 17, 25, прим.; Гильфердингъ, № 56.

4) Рыбн. II, 325 = Гильфр., послѣ № 72. Ср. Киртесскій I, 41, гдѣ Илья ѣдетъ къ Соловью черезъ Смоленскія грязи.

5) Кирт., IV, 4: Гильфр., № 120.

городомъ, опустошилъ его окрестности, билъ его пушками, но взять не могъ и принужденъ былъ уйти въ Литву. Краковъ попалъ въ былинѣ, вѣроятно, послѣ 1386 г., когда Литва соединилась съ Польшею и бывшая польская столица стала извѣстна среди западно-русскихъ областей, подчиненныхъ Литвѣ. Замѣчательно, что одинъ изъ пересказовъ, упоминающихъ Кряковъ, называется Соловья-разбойника „Алатырцемъ некрещенымъ“¹⁾. Послѣ всего сказаннаго о бабѣ Латыгоркѣ, нетрудно догадаться, что въ этомъ укорительномъ прозвищѣ надо видѣть латыша. Старинная форма этого названія — алатырецъ вмѣсто латыгорецъ — говоритъ за то, что былина о Соловьѣ-разбойникѣ была извѣстна въ Западной Руси еще въ XV или даже XIV столѣтіи. Наконецъ, первое прямое извѣстіе объ Ильѣ Муромцѣ (и Соловьѣ-разбойникѣ) мы находимъ въ письмѣ оршанскаго старосты (1574 г.); слѣдовательно, оно идетъ изъ той же русско-литовской области, которая входила одно время (до 1116 г.²⁾) въ составъ древней Полоцкой земли.

Эти соображенія, доказывающія былую извѣстность главнаго русскаго богатыря въ западно-русскихъ областяхъ, мнѣ кажется, нѣсколько подтверждаютъ мой выводъ о мѣстѣ возникновенія былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Когда статья была уже набрана, мнѣ пришлось ознакомиться (лучше поздно, чѣмъ никогда) съ интересной статьей академика Веселовскаго: „Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ“, въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ 1896, № 8. Въ т. н. „русскомъ“ эпизодѣ саги авторъ видитъ отраженіе полоцкихъ историческихъ отношеній начала XIII в. Вальдемаръ, владѣтель Holmgard'a, Полоцка и Смоленска — не кто иной, какъ полоцкій князь Владимиръ, упоминаемый съ 1186 г. и скончавшійся въ 1215 (1216). Его братъ (отъ другой матери) Pias, въ которомъ давно видѣли Илью Муромца, въ одномъ спискѣ саги называется „ярломъ изъ города Герсеке (af Gerseke-borg), родичемъ Владимира-конунга“. Этому списку авторъ придаетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о резиденціи Пліаса: онъ былъ

¹⁾ Киртеевскій. IV, 2.

²⁾ Данилевичъ. op. c, 20.

ярломъ въ Герцикѣ, городѣ, лежавшемъ на правомъ берегу З. Двины, на 52 версты ниже Динабурга (ср. Археологич. изв. и замѣтки 1895, № 2—3, с. 50—1). „Судя по аналогіи, остроумно замѣчаетъ авторъ, Smalenseke = Смоленскъ, Plosceke = Полоцкъ, Gersceke предполагаетъ форму *Грѣцкъ“. Далѣе онъ приводитъ извѣстіе объ изгнаніи полоцкихъ князей смоленскимъ княземъ Мстиславомъ „въ Грѣкы“, съ обычной осторожностью ограничиваясь предположеніемъ объ изгнаніи ихъ на западъ отъ Полоцка, гдѣ была Герцика и гдѣ теперь мѣстечко Царьградъ (Витебской губ.). Съ конца XII в. обнаруживается связь Смоленска съ Полоцкой землей, завершившаяся взятіемъ Полоцка смольнянами въ 1222 г.; этой связью авторъ объясняетъ взглядъ составителя саги на принадлежность обоихъ городовъ одному Владимиру. Затѣмъ авторъ приводитъ историческія свидѣтельства объ общеніи германскаго міра съ русскими областями черезъ Двину и заключаетъ отсюда о взаимодѣйствіи этихъ національностей въ области поэзіи. Особенно интересно въ этихъ замѣчаніяхъ приуроченіе Иліаса къ Герцикѣ и къ той части Полоцкаго княжества, которую лѣтопись называетъ „Грѣци“; вѣроятно, это была Герцикская волость, и се-то германскія саги и называли Greka, Greke, Grekana land, Gricland. Устье Двины для германскаго міра было „путемъ въ Греки“ и рано могло получить это названіе, воспринятое потомъ русскими. Такое предположеніе примирило бы три западно-европейскихъ свидѣтельства объ Ильѣ: онъ былъ изъ г. Грецка (von Gerscka-borg), находившагося въ русской области (von Riuzen), которая называлась Греками (af Greka). Замѣтимъ, что и Алебрантъ, соотвѣтствующій Сокольникъ нашей быliny въ той редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, которая относится къ первой половинѣ XIII в.,—родомъ изъ Греціи, т. е. оттуда же, гдѣ былъ ярль Hias. Если Тидрексага такъ хорошо знаетъ западно-русскія отношенія (по мнѣнію акад. Веселовскаго), то можетъ быть поставленъ вопросъ: не соотвѣтствуетъ ли ея упоминаніе о герцикскомъ ярлѣ дѣйствительности? Извѣстно, что между 1205 и 1225 гг. въ Герцикѣ княжилъ Всеволодъ (Wissewolodus rex de Gersike); въ 1229 смоленскій князь прогналъ полоцкихъ князей въ Герцикскую волость; въ 1239 г. о Герцикѣ упоминается только какъ о „мѣстѣ, гдѣ было укрѣпленіе“; она уже принадлежитъ рижскому епископу, который отдаетъ половину ея волости Тев-

тонскому ордену. Если Elygas, Pias, Iron отвѣчаютъ дѣйствительному герцикскому воеводѣ (а не князю—гех—каковымъ былъ Всеволодъ), то онѣ могъ владѣть ею только послѣ 1225 г. Эти факты, въ связи съ временемъ составленія саги—въ половинѣ XIII в., могутъ поставить до извѣстной степени въ хронологическія рамки разсказъ саги о томъ, что герцикскій ярль *покорился* Аттилѣ и былъ поставленъ воеводою надъ Русскимъ царствомъ.

Но что же изъ всего сказаннаго сохранила намъ былина о боѣ Илыи съ сыномъ? Несомнѣнно, она указываетъ на границу русскихъ поселеній съ Лотыголой и Зимиголой: именно такимъ пунктомъ была Герцикская волость, заключавшая въ себѣ значительную часть первой и меньшую—второй: о сношеніяхъ русскихъ съ литовскими племенами свидѣлствуетъ извѣстіе Генриха Латыша о томъ, что Всеволодъ герцикскій былъ женатъ на дочери литвина Даугеруте (подъ 1213 г.). Затѣмъ, названіе Pias'а ярломъ, воеводой, соотвѣтствуетъ названію Илыи Муромца въ двухъ моихъ записяхъ (№№ 4 и 70) „стариньшиной“, т. е. старѣйшиной (ср. названіе Илыи у *Киръевскаго*, I, 18, 92, 30: старинишка, старѣйшій казанъ, воевода—„грудь воеводская“). Старѣйшинами назывались именно княжескіе намѣстники въ городахъ, посадники, впоследствии извѣстные подъ именемъ воеводъ. Что старѣйшинами бывали родственники (въ сагѣ ярль—*blutfreund*, *fraendi* князю Владимиру) князей, видно изъ Слова о Басаргѣ, сынъ котораго „по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему Кирьяку Дмитріевичю, а старѣйшинство приказа лядѣ своему Василью Кудрявому“. (*Шининъ*, Очеркъ лит. ист. повѣстей и сказокъ, 96—7). Выводы, къ которымъ пришелъ акад. Веселовскій, ставятъ вѣдъ всякаго сомнѣнія положное происхожденіе былинны о боѣ Илыи съ сыномъ и ея возникновеніе въ первой половинѣ XIII в., давая примѣръ того, какъ изученія вопроса, начатыя съ противоположныхъ его концовъ, могутъ привести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

А. Марковъ.

ПАМЯТИ

Павла Васильевича Шейна.

(† 14 АВГУСТА, 1900 г.).

Въ самомъ концѣ мая текущаго года я получилъ „открытку“, исписанную тонкимъ, мелкимъ почеркомъ, хорошо знакомымъ мнѣ уже около 40 лѣтъ. Одновременно съ письмомъ на моемъ письменномъ столѣ очутился 2-й объемистый выпускъ „Великорусса“, только-что оконченный печатаньемъ его составителемъ Павломъ Васильевичемъ Шейномъ. Уѣзжая въ тотъ же день на Кавказъ, я едва успѣлъ черкнуть Павлу Васильевичу нѣсколько словъ благодарности и сочувствія. Я раздѣлялъ въ письмѣ его удовольствіе по поводу того, что ему удалось выполнить благополучно *первую*, наиболѣе цѣнную часть его грандіознаго и обширнаго плана — представить „Великорусса“ въ его пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. „Пѣсни“ перваго тома, расположенныя въ установленномъ собирателемъ біографическо-календарномъ порядкѣ, охватываютъ всю повседневную жизнь великорусскаго крестьянина, на его деревенской почвѣ, отъ колыбели до могилы. Не предполагалъ я тогда, что, просматривая послѣднія корректуры похоронныхъ причитаній, завершающихъ 2-й выпускъ, Павелъ Васильевичъ былъ уже самъ такъ близокъ къ могилѣ, что уже черезъ 2 мѣсяца завершится и круговоротъ его жизни. Я помнилъ Павла Васильевича съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помню самого себя. Онъ своимъ внѣшнимъ видомъ, сведенными руками и плохо двигающимися при помощи костылей ногами, всегда производилъ на меня

П. В. ШОШОВ

(П. В. ШОШОВ)

П. В. Шейнтцъ.

(† 14 августа, 1900 г.).

впечатлѣніе калѣки. Я не помню, чтобы когда-нибудь, при нашихъ свиданіяхъ въ Москвѣ, онъ не жаловался на свое здоровье. И все-таки онъ всегда поражалъ меня своей подвижностью, живостью разговора, бодростью духа, энергіей и блескомъ глазъ, которые остались у него молодыми, даже когда на старости надъ ними посѣдѣли, а затѣмъ побѣлѣли брови. При послѣднемъ нашемъ свиданіи въ Петербургѣ въ началѣ года, онъ показался мнѣ не слабѣе, не дряхлѣе, чѣмъ былъ 10 лѣтъ тому назадъ. Та же живая рѣчь, то же увлеченіе любимыми предметами разговора, тотъ же интересъ ко всякому вопросу языка народнаго творчества, та же филологическая пытливость. Поэтому совершенной неожиданностью было для меня, прочитанное мною въ одной кавказской газетѣ, извѣстіе о его кончинѣ 14 августа въ Рижской городской больницѣ. Печальное извѣстіе о смерти этого удивительнаго труженика въ области „крохоборнаго“ (его любимое выраженіе) собирательства русскаго народнаго духовнаго добра, этого добровольца науки, дававшего ей въ своихъ сборникахъ огромный матеріалъ высшаго интереса и значенія, дошло до меня на Кавказъ уже, когда онъ нашелъ успокоеніе на Рижскомъ кладбищѣ послѣ своихъ полувѣковыхъ скитаній по Россіи.

Съ кончиной Павла Васильевича сошелъ въ могилу послѣдній представитель первой дружины собирателей памятниковъ русскаго народнаго творчества, выступившей еще въ 50-хъ годахъ. Младшій современникъ Петра Кирѣевскаго и Даля, онъ началъ свою собирательскую работу, ставшую, можно сказать, не только главною, но и единственной задачей его жизни, почти одновременно съ Якушкинымъ, Рыбниковымъ, Афанасьевымъ, Безсоновымъ, пережилъ ихъ и Гильфердинга, выступившаго въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ свидѣтелемъ еще болѣе оживившагося въ нашемъ обществѣ движенія къ изученію народнаго творчества въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и завершилъ своимъ 2-мъ выпускомъ „Великорусса“ XIX столѣтіе, въ концѣ котораго онъ стоялъ, какъ „старшій“ былинный богатырь среди младшихъ товарищей.

„Если Господу Богу угодно будетъ продлить мнѣ еще немного вѣку, — писалъ П. В. Шейнъ 2 года тому назадъ, въ предисловіи къ 1-му выпуску „Великорусса“ ¹⁾, — съ сохраненіемъ здоровья хоть въ томъ его состояніи, которымъ пользуюсь теперь, то постараюсь, по мѣрѣ своихъ силъ, представить на судъ публики краткій историческій обзоръ предлагаемаго труда, т. е. обзоръ всего того, какъ, когда, подъ какими вліяніями онъ зародился, что содѣйствовало

¹⁾ Стр. XII.

и что препятствовало его возрастанію, какія передраги и мытарства мнѣ приходилось перетерпѣть на длинномъ и тернистомъ пути къ этому возрастанію, что, однако, меня такъ неудержимо толкало продолжать свои крохоборные сборы, и, наконецъ, какія роковыя обстоятельства задерживали такъ долго подъ спудомъ этотъ достаточно созрѣвшій и желанный для пользованія специалистами трудъ“. Разсказъ о своихъ мытарствахъ въ интересахъ науки П. В. унесъ съ собой въ могилу. Но еще въ 1884 году мнѣ при личномъ свиданіи удалось собрать отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и встрѣчахъ съ людьми, которыхъ вліяніе направило всю его собирательскую дѣятельность. Въ свое время, по поводу завершившагося двадцатипятилѣтія его печатныхъ трудовъ, я обнародовалъ добытыя мною отъ него свѣдѣнія, но они появились въ газетѣ (Русс. Вѣдомости 1884 г. № 290), слѣдовательно, почти затерялись, и я считаю умѣстнымъ возстановить теперь, въ специальномъ этнографическомъ журналѣ, біографическія данныя, заключающіяся въ этой статьѣ, пополнивъ ихъ тѣмъ, что мнѣ извѣстно о жизни П. В. послѣ 84-го года.

Павелъ Васильевичъ родился въ 1826 году въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, въ достаточной еврейской семьѣ. Отецъ его велъ торговля дѣла въ Москвѣ. Съ пятилѣтняго возраста мальчикъ, согласно обычаю, началъ посѣщать еврейскую школу, въ которой выучился читать и писать по-еврейски. Но уже съ шестого года слабый организмъ ребенка подвергся ряду дѣтскихъ болѣзней, которыя, при невѣжественныхъ приѣмахъ лѣченія, въ послѣдствіи сдѣлали изъ него калѣку. Послѣ тяжелой горячки, выдержанной имъ на 13-мъ году, Шейнъ утратилъ способность ходить и въ теченіе полугода лежалъ безъ движенія. Однако, онъ не только находилъ возможность помогать матери въ счетоводствѣ, но и продолжалъ прерванное болѣзнями изученіе еврейскаго языка, пользуясь уроками одного просвѣщеннаго раввина, ходившаго къ его младшему брату. Этотъ раввинъ принадлежалъ къ тому типу еврейскихъ либераловъ, которыхъ русскіе евреи называютъ „берлинерами“ (берлинцами). Не довольствуясь традиціоннымъ школьнымъ изученіемъ Ветхаго завѣта и Талмуда, безъ грамматики и разъясненій, онъ изучилъ древне-еврейскій языкъ грамматически, по методу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ еврейскихъ авторитетовъ, и не чуждался европейскаго просвѣщенія. Бесѣда съ нимъ значительно развила больного мальчика, такъ что и онъ въ еврейской средѣ сталъ считаться либераломъ. Вслѣдствіе новаго закона, стѣснявшаго въ значительной степени для евреевъ возможность жить въ столицахъ, отецъ Шейна долженъ былъ

прекратить свои дѣла въ Москвѣ, приняться за другое дѣло, и это отразилось неблагоприятно на благосостояніи семьи. Въ Москвѣ могли жить только въ теченіе полугода еврейкупцы 1-й и 2-й гильдіи, а мѣщане, къ сословію которыхъ принадлежалъ отецъ Шейна, могли жить только въ качествѣ прислуги у купцовъ. Необходимость ѣздить по дѣламъ въ Москву заставляла поэтому мѣщанъ приписываться служителями къ купцамъ, за что послѣдніе брали съ нихъ иногда по двѣсти рублей за каждую поѣздку. Не имѣя денегъ для подобныхъ затратъ, отецъ Шейна долженъ былъ прибѣгнуть къ слѣдующему средству, чтобы попасть въ Москву. Онъ привезъ съ собой больного сына для лѣченія, помѣстилъ его въ Ново-Екатерининскую больницу, и такимъ образомъ самъ получилъ возможность въ теченіе нѣкотораго времени оставаться въ Москвѣ, такъ какъ больной, какъ еврей, не могъ ѣсть изготовленную христіанами пищу и долженъ былъ получать обѣдъ, приготовленный отцомъ. Упоминаемъ объ этой поѣздкѣ Шейна въ Москву потому, что она повліяла рѣшительнымъ образомъ на всю его дальнѣйшую жизнь. Еврейскій мальчикъ, помѣщенный въ больницу въ сентябрѣ 1843 года, пролежалъ въ ней три года, и это время было для него продолженіемъ школьнаго образованія, но въ иномъ духѣ и съ непредвидѣнными его семьей послѣдствіями. Отъ одного кантониста изъ крещеныхъ евреевъ онъ выучился говорить и читать по-русски и, доставая книги отъ студентовъ, съ увлеченіемъ читалъ Жуковского и Пушкина. При помощи нѣкоторыхъ нѣмецкаго происхожденія ординаторовъ онъ передѣлалъ свой еврейско-нѣмецкій жаргонъ на литературный нѣмецкій языкъ и предавался чтенію лучшихъ произведеній нѣмецкихъ поэтовъ, подражая которымъ сталъ самъ складывать еврейскіе стихи, воспѣвавшіе идею просвѣщенія евреевъ. Эти занятія поэзіей и разговоры со студентами, развивавшими умъ еврейскаго мальчика, шли одновременно съ тисками штрומайеровой машины, растягивавшей его сведенные члены, и на время прервались неудачной операціей разрыва сухожилій, которая едва не вызвала антонова огня. Но несмотря на физическія страданія, къ которымъ съ дѣтства притерпѣлся хилый организмъ, періодъ лѣченія въ больницу былъ для Шейна отраднымъ временемъ: передъ нимъ открылся цѣлый міръ новыхъ, гуманныхъ европейскихъ понятій и прежде всего совершенно новый взглядъ на христіанъ. Родившійся и воспитанный въ такой средѣ, въ которой на христіанъ смотрѣли, какъ на *иомъ* (язычниковъ), и гдѣ въ отношенія къ нимъ вносится иная нравственная мѣрка, нежели въ отношенія къ единовѣрцамъ, мальчикъ долженъ былъ

сначала относиться недовѣрчиво и подозрительно къ христіанамъ, очутившись внезапно въ ихъ средѣ. Каковъ же былъ нравственный переворотъ, происшедшій въ его душѣ, когда въ больницѣ, среди русскихъ, одинокій еврейчикъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ вниманіе и ласку! И начальство больницы, и ординаторы, и студенты-медики относились къ больному съ теплымъ участіемъ: съ нимъ разговаривали, какъ съ равнымъ, ему сообщали новыя свѣдѣнія, давали читать книги и внимательно слѣдили за ходомъ лѣченія. Понятно, что мальчикъ всей душой привязался къ окружавшимъ его лицамъ, и что мысль вернуться, по излѣченіи болѣзни, снова въ провинціальную еврейскую среду, съ ея застарѣлыми предразсудками и узкими понятіями о нравственности, не могла казаться ему привлекательною. А между тѣмъ штромайерова машина оказала благотворное дѣйствіе на его сведенныя ноги, выздоровленіе или по крайней мѣрѣ возможность ходить приближались, а вмѣстѣ съ этимъ являлась необходимость покинуть Москву и новый кружокъ знакомыхъ, такъ какъ, по выпискѣ изъ больницы, Шейнъ, по закону, терялъ право оставаться въ столицѣ. И вотъ молодой еврей, ставшій уже христіаниномъ по понятіямъ, пріобрѣтеннымъ въ теченіе трехлѣтняго пребыванія среди христіанъ, рѣшается на важный шагъ въ жизни—на переходъ въ христіанство, не ради матеріальныхъ благъ, которыхъ онъ не пріобрѣталъ черезъ это, а скорѣе лишился, а ради нравственной невозможности вернуться въ среду, въ которой родился. Подъ вліяніемъ лежавшей въ больницы лютеранки, княгини Костровой, нѣкоторыхъ лютеранъ изъ ординаторовъ и пастора Розенштрауха, Шейнъ перешелъ въ лютеранство, долженъ былъ порвать навсегда вслѣдствіе крещенія связи съ родной семьей, лишаясь черезъ это всякихъ средствъ существованія, и, по выходѣ изъ больницы, былъ принятъ въ сиротское отдѣленіе школы при лютеранской церкви Святого Михаила. Здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ онъ пополнялъ свое скудное образованіе, занимаясь преимущественно подъ руководствомъ преподавателя О. Б. Миллера русскимъ языкомъ и литературою, такъ что въ послѣдній годъ пребыванія въ школѣ уже самъ могъ преподавать русскій языкъ въ младшемъ классѣ, съ вознагражденіемъ 10 рублей въ мѣсяцъ. Знакомство, потомъ дружба съ поэтомъ-переводчикомъ О. Б. Миллеромъ открыла Шейну доступъ въ одинъ изъ тогдашнихъ тѣсныхъ литературныхъ кружковъ, къ которому принадлежали нѣкоторые писатели и художники, коротко знакомые между собою: О. Н. Глинка, Мих. Дмитріевъ, Рачъ, художники Рабусъ, Рамазановъ, Авдѣевъ и нѣкоторые другіе. Всѣ зна-

комые относились сочувственно къ молодому человѣку, удивлявшему своими способностями и научной пытливостью, и старались по возможности оказать ему содѣйствіе въ пріисканіи средствъ къ жизни. Съ 1850 года начинается періодъ скитанія П. В. по Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ помѣщичьихъ семьяхъ. Четыре года онъ прожилъ въ семьѣ Загряжскихъ, частью въ Торжкѣ, частью въ деревнѣ. Затѣмъ мы видимъ его въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи въ семьѣ гг. Олениныхъ. Въ промежуткахъ между мѣстами Шейнъ проживаетъ въ Москвѣ, гдѣ находитъ радушный привѣтъ въ семьѣ Шевыревыхъ и Аксаковыхъ. Любовь къ произведеніямъ народной словесности, охватившая П. В. при близкомъ знакомствѣ съ народомъ, сблизила его по симпатіямъ съ московскимъ кружкомъ славянофиловъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда въ обществѣ уже чувствовалось вѣяніе близкой крестьянской реформы, въ періодъ перваго пыла увлеченія русской народностью, подъ живымъ впечатлѣніемъ книжекъ „Русской Бесѣды“, въ которыхъ были помѣщены нѣкоторыя народныя былины, Павелъ Васильевичъ, проживавшій тогда въ качествѣ домашняго учителя у гг. Кротковыхъ, въ Корсунскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, рѣшаетъ безповоротно посвятить себя собиранію памятниковъ народной словесности, начинаетъ записывать пѣсни по окрестнымъ деревнямъ и скоро привозитъ въ Москву, въ кружокъ Хомякова и Аксаковыхъ, небольшое собраніе былинъ и историческихъ пѣсень, собранныхъ имъ въ Корсунскомъ уѣздѣ. Въ 1859 году этотъ первый собирательскій трудъ Шейна былъ напечатанъ профессоромъ О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“¹⁾. Съ этихъ поръ вплоть до дня смерти Шейнъ не измѣнилъ поставленной себѣ задачъ. Всюду, куда ни забрасывала его судьба, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался сблизиться съ народомъ, прислушивался къ его своеобразной рѣчи, наблюдалъ его обряды и обычаи, записывалъ его пѣсни, сказки, повѣрья,—словомъ все, въ чемъ выражается его духовная жизнь...

Въ періодъ открытія воскресныхъ школъ въ Москвѣ Шейнъ является преподавателемъ грамотности въ одной изъ нихъ; въ теченіе нѣкотораго времени, проживая въ имѣніи графа Льва Толстого, онъ преподаетъ въ Яснополянской школѣ и пользуется этимъ случаемъ записывать отъ учениковъ дѣтскія пѣсни. Вообще нигдѣ и никогда П. В. не терялъ случая вступать въ личное общеніе съ

¹⁾ См. кн. III іюль—сентябрь 1859 г., стр. 121—170.

народомъ и извлекать изъ него какой нибудь интересный матеріалъ для этнографа. Могу сослаться на свои студенческія воспоминанія 2-ой половины 60-хъ годовъ. Каждый разъ какъ Шейнъ, прїѣзжая изъ провинціи въ Москву, являлся въ нашу семью, онъ спрашивалъ у меня, нельзя ли побесѣдовать съ нашей прислугой. Являлись кухарка, горничная или дворникъ, начинались разспрашиванія изъ какихъ они мѣстъ, не знаютъ-ли пѣсенъ или сказокъ и тутъ же нерѣдко кое что записывалось—пѣсня-ли, сказка-ли, или отдѣльныя слова и выраженія. При этомъ въ разговорѣ съ простымъ народомъ П. В. умѣлъ скоро устранить всякія стѣсненія и заинтересовать собесѣдника, напоминалъ ему самъ ту или другую пѣсню изъ богатаго запаса своей памяти. Любилъ онъ также разговаривать съ дѣтьми и подмѣчать выраженія дѣтскаго языка, для котораго собралъ интересный матеріалъ. Наблюденія надъ живымъ великорусскимъ языкомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, дали П. В-чу возможность напечатать въ X т. „Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. наукъ“ (въ 1873 г.) значительныя дополненія къ Толковому словарю В. И. Даля. Этому общенію съ народомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи содѣйствовала преподавательская служба Шейна. Послѣ службы въ качествѣ уѣзднаго учителя, а затѣмъ штатнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ въ Тулѣ и Епифани, П. В. изъ великорусскихъ губерній переходитъ въ бѣлорусскія, увозя съ собою огромный сборникъ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ теченіе ряда годовъ. Въ Витебскѣ, гдѣ ему пришлось служить учителемъ гимназіи въ теченіе 7 лѣтъ, П. В. занимался изготовленіемъ къ печати великорусскаго сборника и одновременно записываніемъ бѣлорусскихъ матеріаловъ. Наконецъ въ 1870 г. появилась въ „Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ“ 1-я часть великорусскихъ пѣсенъ. Въ этомъ своемъ первомъ обширномъ сборникѣ (до 600 страницъ) Шейнъ располагаетъ накопившійся у него запасъ пѣсенъ въ томъ біографическо-календарномъ порядкѣ, которому слѣдовалъ во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ сборникахъ. Собраніе открывается пѣснями дѣтскими, за ними идутъ хороводныя, плясовыя, далѣе бесѣдныя, обрядовыя, свадебныя и похоронныя. Такимъ образомъ читатель можетъ прослѣдить, какія пѣсни отъ колыбели до могилы сопровождаютъ жизнь великорусскаго крестьянина. Замѣчу, что Шейнъ прилагалъ и впослѣдствіи много труда къ распредѣленію пѣсенъ въ извѣстныхъ рубрикахъ, сознавая самъ, что здѣсь возможны ошибки, на что и указывала ученая критика. „Встрѣчаются, правда, говоритъ онъ

въ предисловіи къ „Великоруссу“¹⁾, нерѣдко случаи, что и народъ, вслѣдствіе ли ослабленія у него памяти, или чисто бытовыхъ и историческихъ условій, самъ спутываетъ и смѣшиваетъ роды и виды своихъ пѣсенъ, выдавая одинъ вмѣсто другого, не различая строго ихъ примѣненія къ дѣлу, но задача собирателя (правда несовсѣмъ легкая) стараться по возможности распутать спутанное, для чего онъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ найти руководящую нить въ сравненіи данной пѣсни одной мѣстности съ параллелями ея въ другихъ или въ старинныхъ сборникахъ, а въ особенности въ музыкальномъ ея мотивѣ“. Первый сборникъ Шейна былъ встрѣченъ сочувственно и въ научной литературѣ, и въ обществѣ, благодаря обилію пѣсенъ и интересу ихъ поэтическому и бытовому. Н. И. Костомаровъ на основаніи труда Шейна пишетъ свою извѣстную статью въ „Вѣстникѣ Европы“ (іюнь 1872 г.) „Великорусская народная поэзія“, содержащую характеристику духовнаго быта великоруссовъ и вызвавшую замѣчанія Ореста Миллера (въ „Филологическихъ Запискахъ“) и Москвича (Θ. И. Буслаева) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Извѣстный англійскій ученый Рольстонъ, знакомый съ русскимъ языкомъ и литературой, въ своей книгѣ о пѣсняхъ русскаго народа (*Songs of the Russian people*, 1872 г.) приводитъ въ англійскомъ переводѣ значительное количество пѣсенъ изъ сборника Шейна. Г. Гроспичъ въ журналѣ „Russische Revue“ на основаніи тѣхъ же пѣсенъ пишетъ статью о свадебныхъ обрядахъ русскихъ крестьянъ (*Hochzeitsgebräuche des russischen Landvolks*). Всѣ занимающіеся изученіемъ русской народности находятъ въ сборникѣ цѣнный матеріалъ: имя Шейна упоминается во многихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“, въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ ученыхъ: Александра Веселовскаго, Потебни, Колосова, Смирнова и друг. Но помимо чисто научнаго интереса, нѣкоторыя пѣсни сборника получили, можно сказать, всероссійскую извѣстность. Такъ, сообщенная Шейномъ (съ напѣвомъ) пѣвцу Славянскому пѣсня „Спится мнѣ младешенькой, дремлется“ (записанная Шейномъ въ Твери), вмѣстѣ съ хоромъ артиста, облетѣла всю Россію, нѣкоторыя славянскія земли, побывала даже въ Америкѣ²⁾.

¹⁾ Стр. IX

²⁾ Кстати по поводу этой пѣсни. Въ своей рецензіи 1-го выпуска „Великорусса“ проф. А. И. Соболевскій высказываетъ какъ бы подозрѣніе въ ея подлинности, говоря: „№ 833 („Спится мнѣ младешенькѣ“) взять изъ поэмы Некрасова; это во всякомъ случаѣ подправленная поэтомъ народная пѣсня“ („Этнограф. Обзорѣніе“ кн. XXXVIII стр. 192). Вотъ ка-

Одновременно съ первой частью великорусскаго сборника была Шейномъ изготовлена и вторая, содержащая пѣсни рекрутскія и солдатскія, былины и историческія, бурлацкія, острожныя и духовныя стихи. Но надъ этой частью тяготѣеть какой то злой рокъ: два раза пришлось собирателю возстановлять ее по черновымъ вслѣдствіе пропажи готовой для печати рукописи. Наконецъ, черезъ семь лѣтъ послѣ первой она начата была печатаніемъ, въ 1877 г., въ тѣхъ же „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, но по независимымъ отъ собирателя обстоятельствамъ редація прервала печатаніе на 16 листѣ. Болѣе двадцати лѣтъ прошло послѣ этой неудачной попытки издать 2-ю часть великорусскихъ пѣсенъ. Она все время нарастала и пополнялась, не смотря на то, что въ теченіе этого періода времени Шейнъ былъ занятъ, какъ увидимъ ниже, изданіемъ своихъ бѣлорусскихъ матеріаловъ. Наконецъ, въ концѣ 90-хъ годовъ, когда отдѣленіе Русскаго языка и словесности постановило издать „Великорусса“, для Шейна мелькнула надежда издать весь свой многолѣтній трудъ полностью. Разросшаяся 2-я часть сборника, какъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ 1-му тому, должна была составить обширный 2-й томъ съ такою программой: „II томъ начинается пѣснями историческими, большей частью военнаго характера, отъ Ивана Грознаго до Крымской войны, за ними слѣдуютъ рекрутскія, солдатскія, казацкія, бурлацкія, извоищичи, воровскія, разбойничьи, ссыльно-каторжныя, затюремныя и чернеческія. За чисто-народными пѣснями будетъ помѣщенъ небольшой отдѣлъ духовныхъ стиховъ, сложившихся подъ вліяніемъ церков-

кія строки я нахожу въ частномъ письмѣ, полученномъ мною отъ П. В. въ 1884 году. Упоминая о полемикѣ Костомарова и О. Миллера, въ званной 1-мъ томомъ его „Русскихъ народныхъ пѣсенъ“, Шейнъ говоритъ: „Только по поводу этой полемики въ обзорѣ текущей литературы въ „Отечественныхъ Запискахъ“ было сказано нѣсколько словъ съ наивнымъ примѣчаніемъ: „мы только изъ этой полемики узнали о существованіи сборника г. Шейна“. Однакожъ это обстоятельство не помѣшало покойному Некрасову вставить въ своей *передлжкѣ* пѣсенку „Спится мнѣ младешевькой“, *озятую изъ этого сборника безъ всякаго указанія, послѣ того какъ она, благодаря Славянскому, сдѣлалась популярной*». Вѣроятно Шейнъ въ этомъ письмѣ цитировалъ по памяти отзывъ Михайловскаго изъ его статьи „Литературныя и Журнальныя Замѣтки“ (въ „Отеч. Запискахъ“ 1872 г., кн. 10), въ которой упоминается о первомъ сборникѣ Шейна въ слѣдующихъ словахъ: „Недавно вышли «Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ», съ которыми мы знакомы только по статьѣ г. Костомарова: „Великорусская народная пѣсенная поэзія“ въ „Вѣстникѣ Европы“. (См. собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго, изд. 1888 г., т. II, стр. 149). У Некрасова названная пѣсня вставлена въ третью часть поэмы: „Кому на Руси жить хорошо“, напечатанной впервые въ „Отеч. Записк.“ 1874 г., кн. 1.

ной книжности. Весь же стихотворный отдѣлъ закончится небольшою коллекціей пѣсенъ заводскихъ, фабричныхъ, лакейскихъ и т. п., новой и новѣйшей формаціи, которыя рѣзко отличаются отъ стародавнихъ народныхъ своимъ духомъ, складомъ и содержаніемъ¹⁾. Но собирателю такъ и не было суждено увидѣть въ печати „рокового“ 2-го тома своихъ великорусскихъ пѣсенъ! Когда наступило время сдать рукопись въ типографію Академіи, П. В. доживалъ уже свои послѣдніе дни, только что окончивъ печатанье 1-го тома „Великорусса“, вышедшаго въ маѣ текущаго года.

Болѣе посчастливилось бѣлорусскимъ матеріаламъ Шейна. Въ теченіе его пребыванія въ Витебскѣ въ 70-хъ годахъ его собраніе быстро возрастаетъ до цифры 1000 №№. Предавшись всей душой любимому дѣлу, П. В. старается вызвать интересъ къ собиранію памятниковъ народной словесности въ своихъ сослуживцахъ, въ ученикахъ, въ знакомыхъ помѣщичьихъ семьяхъ. Онъ заводитъ всюду корреспондентовъ, учитъ любителей приѣмамъ записыванія, выработаннымъ долготѣней практикой, входитъ въ письменныя сношенія съ извѣстнымъ знатокомъ нѣмецкой народной поэзіи Маннгардтомъ, печатаетъ для руководства неопытныхъ собирателей программу и т. п. Къ 1873 году былъ готовъ въ рукописи *бѣлорусскій* сборникъ Шейна. Представленный собирателемъ въ Этнографическое Отдѣленіе Имп. Русскаго Географическаго Общества этотъ первый трудъ его по Бѣлоруссіи былъ удостоенъ золотой медали, а въ 1874 году напечатанъ въ *Запискахъ* Общества подъ заглавіемъ: „Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложеніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній“, затѣмъ, по выходѣ его отдѣльнымъ оттискомъ, былъ удостоенъ со стороны Академіи наукъ и Уваровской преміи. Трудъ Шейна былъ рассмотрѣнъ, по порученію Академіи, проф. О. Э. Миллеромъ, который, отдавая сборнику по интересу и полнотѣ матеріала предпочтеніе передъ трудами его предшественниковъ на этомъ поприщѣ, ставитъ его выше ихъ и по строгости приѣмовъ, употребленныхъ при собираніи пѣсенъ. Рецензентъ указывалъ на то, что Шейнъ хорошо знакомъ съ литературой предмета и сдѣлалъ, гдѣ нужно, ссылки на другіе бѣлорусскіе сборники, между прочимъ и на довольно рѣдкіе, изданные поляками, а многое заимствовалъ для своего сборника изъ разныхъ мало распространенныхъ мѣстныхъ изданій. По оцѣнкѣ О. Миллера, сборникъ Шей-

1) Великоруссъ, т. I, вып. I, стр. X.

на не есть простое собраніе сырого матеріала: мы находимъ въ немъ много цѣнныхъ примѣчаній грамматическихъ и лексическихъ; другія примѣчанія объясняютъ обряды, суевѣрія и проч. на основаніи нѣкоторыхъ выдающихся трудовъ по сравнительной міѳологіи. Подробно разсмотрѣвъ трудъ Шейна, рецензентъ вообще отзывается объ авторѣ, какъ объ опытномъ и способномъ собирателѣ, недаромъ употребившемъ много времени, труда и матеріальныхъ пожертвованій на поиски за пѣсеннымъ матеріаломъ, и въ заключеніе высказываетъ убѣжденіе, что скромность автора, не возвѣщающаго о своихъ заслугахъ, отсутствіе въ его трудѣ всего казowego, бросающагося въ глаза, дѣльно ограниченные размѣры его примѣчаній и объяснительнаго послѣсловія—все это позволяетъ видѣть въ его сочиненіи плодъ отнюдь не малаго и не скороспѣлаго труда, и что въ лицѣ Шейна нельзя не отличить преміей одного изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ надо идти навстрѣчу, такъ какъ сами они не привыкли благовѣститъ о себѣ¹⁾. Отмѣтимъ, что первый бѣлорусскій сборникъ Шейна завоевалъ себѣ еще большій успѣхъ, чѣмъ великорусскій. Не только филологи и историки, но и изслѣдователи обычнаго права стали черпать изъ него данныя для своихъ специальныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ.

Въ то время, когда оба первые сборника Шейна—великорусскій и бѣлорусскій—пріобрѣтали почетную извѣстность, скромный собиратель, покинувъ Витебскъ, снова кочуетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по великорусскимъ городамъ въ качествѣ учителя гимназіи, сначала въ Шуѣ, затѣмъ въ Зарайскѣ и наконецъ въ Калугѣ, продолжая на ряду съ педагогическою дѣятельностью пополнять собранные матеріалы. Опытность П. В. въ дѣлѣ собиранія народныхъ произведеній была послѣ его послѣдняго труда оцѣнена и Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности И. Акад. наукъ. Въ 1877 году, по ходатайству академіи, Шейнъ былъ командированъ съ субсидіей въ 700 р. на вакаціонное время въ Сѣверо-западный край для собиранія матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію и памятниковъ народной словесности. Относясь съ крайней добросовѣстностью ко взятой на себя задачѣ, П. В. не былъ удовлетворенъ результатами одной поѣздки, но предпринялъ въ тотъ же край рядъ другихъ на свои личныя скудныя средства ради пополненія и провѣрки доставленныхъ свѣдѣній, сначала въ вакаціонное время, а затѣмъ, когда разстроенное здоровье принудило

¹⁾ См. Отчетъ о 18-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова за историческія сочиненія.

его отказаться отъ преподавательскаго труда (въ 1879 г.),— и въ другія времена года. Все это труженикъ науки совершалъ на немногіе рубли, отложенные всякими лишеніями отъ 61 рубля ежемѣсячной учительской пенсіи, причемъ подспорьемъ ему служили выхлопываемыя ему льготы по проѣзду на желѣзныхъ дорогахъ и иногда радушное гостепріимство нѣкоторыхъ провинціальныхъ знакомыхъ. Едва ли можно себя представить, чтобы гдѣ либо научныя экспедиціи совершались такъ дешево и приносили такіе капитальные результаты.

Къ началу 1884 года была изготовлена къ печати 1-я часть 1-го тома бѣлорусскихъ матеріаловъ, собранныхъ П. В. Шейномъ въ теченіе нѣсколькихъ поѣздокъ въ Сѣверо-западный край. Этотъ годъ совпадаетъ съ завершившимся 25-лѣтіемъ собирательской дѣятельности П. В.—ча. Нѣкоторые лица, близко знавшія Шейна и его труды, вспомнили о его научныхъ заслугахъ, въ печати появились о немъ сочувственные отзывы, по ходатайству Этнографическаго Отдѣла Шейнъ былъ выбранъ въ непремѣнные члены Императорскаго Общества Любителей Е., А. и Э., за многолѣтніе плодотворные труды въ области собиранія памятниковъ народнаго творчества ему была присуждена Обществомъ золотая медаль. О значеніи его трудовъ была представлена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія докладная записка съ подписью всѣхъ членовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета, содержавшая вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайство объ увеличеніи размѣра его пенсіи. Подобное же ходатайство было сдѣлано отъ нашего Общества. Но, несмотря на сочувствіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и министра финансовъ Бунге, вопросъ о пенсіи затормозился, и П. В. пришлось еще нѣсколько лѣтъ жить въ Петербургѣ, перебиваясь учительской пенсіей и временными субсидіями отъ Академіи за участіе его въ пополненіи Академическаго Словаря русскаго языка. Занимаясь коррективаніемъ крайне медленно печатавшагося бѣлорусскаго сборника, онъ читалъ для словаря Пушкина, Жуковскаго, Языкова, Баратынскаго, Кольцова, С. Аксакова и другихъ писателей, получая небольшое вознагражденіе за доставленныя словарныя карточки. А между тѣмъ матеріальное положеніе Шейна становилось все болѣе тревожнымъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ (кажется, въ 88) онъ женился и долженъ былъ содержать жену, а затѣмъ и ребенка. Наконецъ, судьба неожиданно улыбнулась Шейну и на время разсѣяла его тревоги. Въ половинѣ 1891 года я изъ письма узналъ, что хлопоты о пенсіи увѣнчались успѣхомъ. „Вы столько хлопотали“, писалъ мнѣ П. В., „объ улучшеніи моей

судьбы, что вамъ, безспорно, пріятно будетъ узнать, что по милости Государя я получилъ пенсію удвоенную, т. е. 122 р. 50 к. въ мѣсяць. Этимъ я исключительно обязанъ энергическому ходатайству Аполлона Николаевича Майкова, задушевнаго друга министра Вышнеградскаго. Онъ выступилъ такимъ защитникомъ и истолкователемъ моихъ интересовъ передъ Министерствомъ Просвѣщенія, какимъ я самъ никогда и быть не могу по робости своей природы и неумѣнью говорить... Поздравьте меня съ такою царскою милостью, которая сразу обезпечила мнѣ съ семействомъ безбѣдную скромную жизнь и поставила меня въ возможность продолжать мои крохоборныя работы по этнографіи и языку, которыя и теперь еще могутъ оказаться не совсѣмъ лишними для науки". Для Шейна протекло нѣсколько лѣтъ болѣе спокойной семейной жизни. Любящая, заботливая жена сумѣла устроить для него тихій домашній очагъ, о которомъ онъ напрасно мечталъ всю жизнь. Домашняя обстановка благопріятно отразилась и на состояніи его здоровья, и на ходѣ занятій. За первой частью 1-го тома „Матеріаловъ для изученія русскаго населенія сѣверо-западнаго края“ (1887 г.) слѣдуетъ (въ 1890) вторая (достигающая 708 стр.) и (въ 1893) томъ 2-ой (715 стр.), содержащій сказки, анекдоты, легенды, преданія, воспоминанія, пословицы, загадки, привѣтствія, пожеланія, божбу, проклятія, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. Къ великой радости Шейна въ январѣ 1896 г. 2-е отдѣленіе Академіи приняло его предложеніе—печатать безотлагательно его Великорусскій сборникъ, и онъ весь погрузился въ приведеніе его въ порядокъ для сдачи въ академическую типографію. Но недолговременно было чувство нравственнаго удовлетворенія и спокойствія, которое онъ испытывалъ. Уже черезъ мѣсяць послѣ радостнаго письма я получилъ отъ П. В. другое, полное тоски и мрачныхъ предчувствій. Надъ нимъ снова стряслась бѣда. „Моя бѣдная, трудолюбивѣйшая и добрѣйшая жена,“ пишетъ онъ мнѣ (8-го февраля 1896 г.) „заболѣла-такою болѣзнью, которой помочь безъ операціи невозможно. Она около мѣсяца исходитъ кровью. А для операціи ей необходимо лечь въ больницу... Я рѣшительно въ отчаяніи, какъ мнѣ съ дочуркой прожить на свѣтѣ въ продолженіе этого времени. Вѣдь ни я, ни дочурка не можемъ шагу сдѣлать безъ мамы нашей: она насъ и одѣваетъ, и раздѣваетъ, и кормитъ, и лѣчитъ; однимъ словомъ, она все въ нашей ежедневной жизни“... „Если вы на прошлой недѣлѣ получили мое письмо, то знаете (пишетъ мнѣ П. В. отъ 13 февраля), подъ какимъ страшнымъ гнетомъ ужасающихъ мыслей и чувствъ я вынужденъ работать, чтобы мой многолѣтній трудъ

былъ немедленно отданъ въ печать... Моя милая, много-страдальная жена съ прошлой субботы находится въ Евангелической больницѣ, и сегодня утромъ ей тамъ сдѣлали операцію весьма серьезную. Что будетъ съ нею, и что ожидаетъ меня съ дочуркой—страшно подумать. У меня голова трещить, всѣ нервы въ страшномъ напряженіи,—плачу поминутно, какъ старая деревенская баба... Какія вѣсти принесетъ мнѣ завтрашній день? Дай Богъ, чтобы онѣ оказались утѣшительными. Уповаю на милосердіе Бога, что сподобить меня передать Ему духъ мой на рукахъ моей милой, дорогой жены и не попустить смерти подкосить мою жизнь въ одиночествѣ прежде, нежели окончу свой небезполезный для моихъ соотечественниковъ трудъ"... Отъ Павла Васильевича скрывали, что жена его уже въ сильной степени поражена была ракомъ. Операція не помогла. Каково было душевное состояніе Шейна, когда жена вернулась изъ больницы и продолжала мучиться дома, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ строкъ письма его ко мнѣ отъ 30-го октября. „Тяжкое горе въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ обезсилило мою энергію такъ, что я не въ состояніи думать ни о чемъ другомъ, какъ о моей страдалицѣ женѣ, которая и въ эту самую минуту, когда дрожащая моя рука выводитъ эти строки, стонетъ, плачетъ, корчится отъ невыразимой боли отъ ползущаго по ея тѣлу рака... Оперировавшій ее два раза докторъ уже три недѣли тому назадъ сказалъ мнѣ, что спасенія для нея нѣтъ, что медицина безсильна. Другъ мой! Какъ тяжело видѣть такія страданія любимой жены, которой я столько обязанъ, и не быть въ состояніи хоть сколько-нибудь облегчить ей эти адскія муки... Уже не говоря о томъ, что предстоящее мнѣ испытаніе, когда Богу угодно будетъ призвать ее къ себѣ, уьетъ послѣднюю жизненную силу мою, которая какимъ-то чудомъ сохранилась во мнѣ, въ моемъ слабомъ организмѣ съ такой живучестью, но страданія мои душевные въ теченіе уже двухъ мѣсяцевъ высасываютъ всю мою кровь, сжимаютъ мою слабую грудь до спазмъ, до бессонницы: не сплю до 4-хъ, 5-ти часовъ утра. А между тѣмъ меня академическая типографія осаждастъ корректурами моего „Векорусса“. Не знаю, хватитъ ли у меня силъ для перенесенія предстоящаго мнѣ несчастія, но мнѣ не хотѣлось бы умереть раньше окончанія моего сборника, на который я потратилъ столько жизни, энергіи и всевозможныхъ жертвъ... Для этой святой цѣли я готовъ, какъ нищій на улицѣ, просить, кланяться у всѣхъ проходящихъ мимо меня и близъ меня друзей и пріятелей: помогите, помогите, добрые люди, если только можете, довлачить мнѣ мою разбитую не-

жданно-негадано жизнь, хоть кое-какъ, до окончанія моего многолѣтняго, многострадальнаго труда...

Крайне тяжело было душевное состояніе въ теченіе всей зимы 96—97 года. Страдающая мучительно жена въ больницѣ, дѣвочка дочка безъ присмотра, самъ онъ еле влачащій ноги при помощи костылей, проводитъ часть дня у постели жены, вечера и ночи—за спѣшными корректурами. Вотъ при какихъ условіяхъ печатался 1-й выпускъ его „Великорусса“, этого въ полномъ смыслѣ многострадальнаго труда. Только идейное увлеченіе работой, только желаніе довести ее до конца удерживало П. В.—ча отъ полного отчаянія подъ бременемъ семейнаго горя...

Наконецъ, въ концѣ февраля 1897 года окончились страданія жены П. В.—ча. „Моя выстрадавшаяся, дорогая, незамѣнимая жена волей Божіей скончалась“, писалъ онъ мнѣ (28 февраля). „Вы, дорогой другъ мой, сердцемъ и душой поймете, какой тяжкій, сокрушительный ударъ нанесла мнѣ судьба этой утратой, въ особенности въ мои годы. Страшно тяжело будетъ мнѣ довлачить остатокъ жизни при отсутствіи такого ухода, какимъ я пользовался при жизни моей Паши...“ Снова семидесятилѣтній старикъ сталъ бобылемъ на свѣтѣ: самъ нуждаясь въ постоянномъ уходѣ, онъ не могъ взять на себя отвѣтственность въ воспитаніи дочери, которой пришла пора учиться, и долженъ былъ отдать ее въ институтъ. Заботы любящей жены, предупреждавшей его желанія, замѣнились невнимательнымъ уходомъ чужихъ и равнодушныхъ людей. Перенесшій сильное потрясеніе организмъ могъ довлачить еще нѣсколько трудныхъ годовъ только благодаря идеѣ, его одухотворявшей, а эта идея, всецѣло овладѣвшая его помыслами, была—довести до конца любимое дѣло всей его жизни.

Послѣдніе годы П. В. провелъ исключительно за корректурами и приготовленіемъ къ печати слѣдующей—2-й части „Великорусса“, разраставшейся все болѣе и болѣе отъ поступленія новыхъ матеріаловъ. Подорванное упорной зимней работой здоровье онъ нѣсколько подправлялъ лѣтомъ ваннами въ Дуббельнѣ или Кеммернѣ. Съ такою же цѣлью отправился онъ на Балтійское море и въ серединѣ лѣта текущаго года, но застарѣлая, внезапно обострившаяся болѣзнь въ нѣсколько дней свела его въ могилу. П. В. скончался въ тяжкихъ мученіяхъ въ Рижской городской больницѣ вдали отъ друзей и знакомыхъ. Еврей по происхожденію, русскій по своимъ глубокимъ симпатіямъ къ народу, на служеніе которому онъ положилъ болѣе 40 лѣтъ труда, Шейнъ, какъ лютеранинъ по вѣроисповѣданію, нашелъ себѣ вѣчный покой на нѣмецкомъ кладбищѣ...

Имя Шейна не забудется въ исторіи русской этнографіи. Обширный собранный имъ запасъ произведеній народнаго творчества (7 обширныхъ томовъ, не считая оставшагося у него въ рукописяхъ) дастъ матеріаль для разработки нѣсколькимъ поколѣніямъ ученыхъ. Сколько тысячъ пѣсенъ русскаго народа стало достояніемъ русской науки благодаря его безпримѣрной энергіи! Сколько сохранено обрядовой старины въ записяхъ, попавшихъ въ его сборники изъ большинства великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній! Пусть научная критика, исполняя свою обязанность, указываетъ на нѣкоторые недочеты въ его сборникахъ, напр. на нѣкоторую неотчетливость въ фонетической транскрипціи бѣлорусскихъ пѣсенъ или на промахи въ помѣщеніи пѣсенъ въ ту или другую рубрику... Отъ промаховъ свободенъ лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Разъ промахи замѣтны для науки, они уже исправимы и не могутъ затормозить научныхъ успѣховъ. Про Шейна же даже лица, указывавшія недочеты въ его работахъ, могутъ съ убѣжденіемъ сказать, что онъ всю жизнь былъ добросовѣтнѣйшимъ работникомъ, какъ собиратель и издатель. Не имѣя научной подготовки, онъ былъ цѣнителемъ и знатокомъ народнаго слова и пѣсни, дорожилъ ихъ подлинностью и употреблялъ все отъ него зависѣвшее, чтобы передать наукѣ народное духовное добро во всей его неприкосновенности. Скромный труженикъ не притязалъ на званіе ученаго, любилъ называть себя *чернорабочимъ* науки, но въ этомъ чернорабочемъ чувствовался умственный складъ филолога изслѣдователя, замѣчательная наблюдательность явленій языка и глубокій интересъ къ народному слову. Не вина Шейна, если отсутствіе филологическаго образованія сдѣлало его только чернорабочимъ. Но еще болѣшимъ уваженіемъ проникнемся мы къ его собирательскому труду, если вспомнимъ, при какихъ условіяхъ онъ совершался. Не умаляя высокаго значенія трудовъ нашихъ извѣстныхъ собирателей, можно положительно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ такомъ невыгодномъ положеніи относительно здоровья и матеріальныхъ средствъ, какъ П. В. Шейнъ. П. Кирѣевскій былъ человѣкъ богатый, помѣщикъ многихъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ въ эпоху крѣпостного права, когда примитивная народная жизнь, народная поэзія текли ровнымъ, невозмутимымъ потокомъ. У собирателя были громадныя связи, обширное родство чуть ли не во всѣхъ губерніяхъ. Для него собирали такіе люди, какъ Пушкинъ, Языковъ, Елагинъ, Даль и мн. др. Онъ имѣлъ возможность платить П. Якушкину, чтобы онъ собиралъ по его программѣ. П. Н. Рыбниковъ собиралъ произведенія народнаго творчества въ сво-

нихъ разъѣздахъ по Олонецкой губерніи, состоя на службѣ въ должности секретаря губернскаго статистическаго комитета. А. Θ. Гильфердингъ предпринялъ свою замѣчательную для науки поѣздку въ Олонецкую губернію въ то время, когда уже пользовался громкимъ именемъ въ наукѣ, состоялъ предсѣдателемъ петербургскаго отдѣленія славянскаго комитета и предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія И. Р. Геогр. Общества. Оба изслѣдователя не были стѣснены въ средствахъ и работали въ области весьма счастливой для наблюденія всякаго рода обильныхъ слѣдовъ старины въ пѣснѣ и обычаяхъ. На экспедицію въ западно-русскій край, снаряженную И. Р. Геогр. Обществомъ въ концѣ 60-хъ годовъ и давшую замѣчательные матеріалы, собранные П. П. Чубинскимъ, смотрѣли, какъ на дѣло государственнаго значенія. На нее было первоначально ассигновано 10 тысячъ рублей. Въ своихъ поѣздкахъ Чубинскій имѣлъ постоянного помощника для письменныхъ работъ, а въ 1870 г. число помощниковъ возросло до пяти. Не такъ былъ поставленъ Шейнъ почти во все продолженіе своихъ собирательскихъ трудовъ. Большинство поѣздокъ совершилъ онъ на ничтожныя средства, которыя ему удавалось съэкономить отъ учительскаго жалованья, а затѣмъ отъ скудной пенсіи. Далеко не обильны были и случайныя субсидіи отъ Академіи Наукъ и не давали ему возможности имѣть платныхъ помощниковъ. Притомъ всякія передвиженія стоили ему немалого труда и утомленія: вспомнимъ, что онъ былъ калѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова, писалъ медленно своими сведенными пальцами и еле передвигалъ ноги, опираясь на костыли. Сѣсть въ экипажъ или взойти на лѣстницу представляло для него цѣлую процедуру. А сколько разочарованій, сколько огорченій пришлось испытать ему въ его стараніяхъ увидѣть собранный имъ матеріалъ въ печати! При роковой скудности средствъ нашихъ ученыхъ обществъ не мало пришлось ему въ жизни выслушать отказовъ на его просьбы о печатаніи собраннаго имъ пѣсеннаго богатства. А затѣмъ, когда для него открылась возможность на старости пристроить свои матеріалы въ изданія Академіи Наукъ, его постоянно тревожила мысль, что хилое здоровье не позволитъ ему довести до конца дѣло, которое будетъ крайне трудно, если не невозможно, послѣ его смерти завершить другому лицу. Опасенія труженика оправдались. Большая часть его „крохоборнаго“ многолѣтняго труда еще лежитъ въ рукописяхъ, и никто не знаетъ, осуществится ли когда нибудь завѣтная мечта этого энтузіаста русской народности, посвятившаго ей служенію всю свою многострадальную жизнь.

Всеv. Миллеръ.

Списокъ трудовъ П. В. Шейна ¹⁾.

1859 г.

1) Русскія народныя былины и пѣсни. Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей, кн. III., стр. 121—170. (Былевья пѣсни отсюда перепечатаны въ „Чтеніяхъ“ 1877 года, см. ниже подъ № 14.)

1867 г.

2) Программа для собиранія памятникѣвъ народнаго творчества. (Напечатана для разсылки по Витебской губ.; позднѣе перепечатывалась съ измѣненіями и дополненіями четыре раза. см. №№ 12, 19, 28 и 32).

1868—70 гг.

3) Русскія народныя пѣсни часть I., Чтенія въ Общ. Исторіи и Древностей 1868 г., кн. I., Пѣсни дѣтскія, стр. I—II и 1—80.

4) *Тоже*. Пѣсни хороводныя. Чтенія 1868 г., кн. II., стр. I—IV и 81—244.

5) *Тоже*. Пѣсни плясовыя и бесѣдныя. Чтенія 1868 г., кн. IV., стр. 245—388.

6) *Тоже*. Пѣсни голосовыя или протяжныя. Чтенія 1869 г., кн. I., стр. 389—464.

7) *Тоже*. Пѣсни обрядныя. Чтенія 1869 г., кн. III, стр. 465—510.

8) *Тоже*. Пѣсни свадебныя. Чтенія 1869 г., кн. IV., стр. 511—610.

9) *Тоже*. Пѣсни свадебныя и похоронныя. Чтенія 1870 г., кн. I., стр. 611—668.

10) Русскія народныя пѣсни. М. 1870 г., (отдѣльно изъ Чтеній).

1873 г.

11) Бѣлорусскія народныя пѣсни (въ Запискахъ Императ. Географич. Общества).

12) *Тоже*. отдѣльно съ помѣтой 1874 г. (Здѣсь въ объяснительной статьѣ перепечатана программа (см. выше № 2) и разсказана ея исторія.)

13) Дополненія къ Толковому Словарю Даля. Приложение 6-е къ XXII тому Записокъ Академіи Наукъ. Спб. стр. 1—52.

1877 г.

14) Русскія народныя пѣсни. Часть II., Пѣсни былевья. Чтенія кн. III., стр. 1—132. (Эти пѣсни затѣмъ не повторялись; онѣ должны были войти во 2-й томъ „Великорусса“, къ которому авторъ приступалъ передъ смертью. Изъ 119 помѣщенныхъ здѣсь пѣсенъ (большой частью историческихъ) 40 взято изъ Чтеній 1859 г., остальные новыя.

15) Обрядъ похоронъ мужъ и др. насѣкомыхъ. Труды Этногр. Отд. кн. IV

1884 г.

16) О скоморошныхъ пѣсняхъ. Докладъ, читанный въ засѣданіи Этнографич. Отдѣл. Императ. Р. Географ. Общества. Былъ ли напечатанъ—неизвѣстно.)

1886 г.

17) Приговоры и причеты о табакѣ. Труды Этногр. Отдѣла, кн. VII.

1887 г.

18) Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Томъ I., часть 1-я. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. Изд. Академіи Наукъ, (№ 11—12 сюда почти совершенно не вошли.)

¹⁾ Составленъ А. Е. Грузинскимъ.

1889 г.

19) О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемого Академіей Наукъ Вѣлорусскаго Сборника г. Шейна Спб. I—VIII., (см. № 2.)

1890 г.

20) Матеріалы для изуч. быта и языка русск. насел. Сѣверо-западн. края. Томъ I, часть II. Обряды и обычаи погребальные и поминальные. Спб. Изд. Акад. Наукъ.

21) Вильгельмъ Маянгардтъ. (Изъ воспоминаній этнографа). Этнограф. Обзоріе кн. VII., стр. 150—164.

1893 г.

22) Матеріалы для изуч. быта и языка русск. насел. Сѣверо-запад. края. Томъ II. Сказки, анекдоты, легенды, преданія, пословицы, загадки, привѣтствія, пожеланія, ругань, заговоры, духовные стихи. Спб. Изд. Акад. Наукъ

23) Изъ переписки съ И. И. Манжурою. Этногр. Обзор., кн. XIX., стр. 148—151.

1894 г.

24) Народная пародія на историческую пѣсню. Этнограф. Обзор., кн. XX., стр. 129—131.

1895 г.

25) Еще о народныхъ пародіяхъ. Этногр. Обзор. кн. XXV., стр. 140—131.

26) Письмо къ редактору Живой Старины (о сборн. Кирши). Жив Ст. I.

1898 г.

27) Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Томъ I., выпускъ 1-й. Спб. Изд. Акад. Наукъ.

28) О собираніи памятниковъ народнаго творчества по Нижегородской губ., для издаваемого Академіей Наукъ Великорусскаго сборника стр. 1—14. (Изъ № 10—11 нижегородскихъ Епархіал. Вѣдомостей. Здѣсь программа Шейна помѣщена съ предисловіемъ и подписью секретаря Нижегородской Консисторіи М. Макаревскаго.)

29) Женитьба „комины“ и свѣчки. Этногр. Обзор. кн. XXXVIII., стр. 153—161.

1899 г.

30) Къ вопросу объ условныхъ языкахъ. Извѣстія Отдѣл. Русск. яз., Академіи Наукъ. Томъ IV., кн. 1-я., стр. 277—300

31) Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Извлеченія изъ Самарскаго Сборника Садовникова, Варшава. стр. 1—41. (Изъ „Русск. Филологич. Вѣстника“.)

1900 г.

32) О собираніи памятниковъ народнаго творчества по Воронежской губ. для издаваемого Академіей Наукъ Великорусскаго сборника., стр. 1—7. (Изъ № 29 Воронежск. Губернск. Вѣдом.).

33) Народная пѣсня и Пушкинъ. Спб. 1—21. (Изъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“.)

34) Великоруссъ. Томъ I., выпускъ 2-й. Изд. Академіи Наукъ.

Въ списокъ не вошли за отсутствіемъ точныхъ справокъ: 1) Опытъ разбора съ учащимися стихотворенія Пушкина, „Что ты ржешь, мой конь ретивый“, помѣщенный въ журналъ „Учитель“ въ 60-хъ годахъ, и 2) Фельетонъ въ газетѣ „Сѣверный Курьеръ“ за 1900 годъ: „О порчѣ русскаго языка газетами“.

Памяти Григорія Аветовича Джаншіева.

17 іюля скончался въ Москвѣ членъ нашего Общества, извѣстный русскій публицистъ Григорій Аветовичъ Джаншіевъ. Уроженецъ Тифлиса и воспитанникъ Лазаревскаго Института, покойный до конца своихъ дней сохранилъ интересъ къ Кавказу и Востоку вообще. Посвятивъ свои силы, главнымъ образомъ, популяризаціи среди публики основъ судебной, крестьянской, городской и прочихъ реформъ 60-хъ годовъ, онъ достигъ выдающихся успѣховъ въ своей дѣятельности. Его книга „Эпоха великихъ реформъ“, охватившая циклъ всѣхъ важнѣйшихъ преобразованій Александра II, выдержала семь изданій и стала настольною книгой учащейся молодежи. Другая важная услуга, оказанная Гр. Ав. русской литературѣ заключается въ ознакомленіи читателей съ армянской народностью, которой заинтересовалось общество въ 1895—1897 гг. по случаю звѣрствъ, совершившихся въ Турціи надъ населяющими ее христіанами. Ему удалось при участіи лучшихъ русскихъ литературныхъ силъ издать роскошный по внѣшности изданія и богатый по содержанію огромный сборникъ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ“, въ которомъ собраны весьма цѣнныя свѣдѣнія объ армянахъ—историческія, этнографическія, антропологическія, статистическія и др. Наконецъ, его книга „Перль Кавказа“, посвященная описанію Боржома и Абастумана съ ихъ окрестностями, доставила ему имя пѣвца Кавказа, подобно тому какъ трудъ „Эпоха великихъ реформъ“ приобрѣла ему имя пѣвца славнаго царствованія Александра II. Славу поэта Гр. Ав. заслужилъ благодаря тому чарующему стилю и гуманному чувству, которыя проникаютъ все, что выходило изъ-подъ его талантливаго пера. Сочувственные некрологи и воспоминанія, посвященные памяти Григорія Аветовича, свидѣтельствуютъ о томъ, какую крупную потерю понесла русская журналистика въ лицѣ безвременно скончавшагося нашего сочлена.

А. Хахановъ.

Памяти Ильи Лукича Бахтадзе.

Немного раньше кончины Григорія Аветовича Джаншіева, 13 іюля 1900 г., семья кавказскихъ журналистовъ потеряла одного изъ талантливыхъ и честныхъ своихъ представителей Илью Лукича Бахтадзе, скончавшагося отъ чахотки въ г. Сухумѣ. Илья Бахтадзе, извѣстный въ журналистикѣ подъ именемъ Хонели, родился въ мѣстечкѣ Хони (Кутаис. губ.) около 1858 г. въ патриархальной семьѣ имеретинскаго священника. Первоначальное образованіе получилъ въ Кутаисской гимназіи. Покинувъ ее въ пред-

послѣднемъ классѣ, онъ сталъ слушать лекціи въ Спб. университетѣ и завязалъ знакомства съ литературными кружками. Неустанный трудъ надъ самообразованіемъ въ связи съ заботой о кускѣ насущномъ распатали хрупкій организмъ сына юга, и онъ вынужденъ былъ въ 1882 г. переѣхать въ Тифлисъ, принявъ предложеніе кн. Д. Г. Эристова, редактировавшаго „Кавказъ“, стать постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Съ 1884 г. онъ примкнулъ къ редакціи газ. А. В. Степанова „Новое Обозрѣніе“, затѣмъ онъ работалъ въ „Тифл. Листкѣ“ и „Каспіи“. Одновременно въ петербургскихъ газетахъ онъ помѣщалъ статьи, относящіяся къ различнымъ нуждамъ Закавказья. Помимо русскихъ изданій въ 1886 г. онъ былъ членомъ редакціи грузинской газеты „Иверія“ и съ 1894 г. хроникеромъ груз. журнала „Моамбѣ“. Во всѣхъ названныхъ изданіяхъ Бахтадзе-Хонели обращалъ на себя вниманіе своими статьями, отличавшимися увлекательностью и разнообразіемъ. Онъ дебютировалъ очерками сельской имеретинской жизни и потомъ писалъ по вопросамъ экономическимъ и городского самоуправления, посвящалъ основательные этюды литературной критикѣ и историческимъ дѣятелямъ, безъ лицепріятія бичевалъ уродства современной жизни, являлся горячимъ поборникомъ народнаго образованія и убѣжденнымъ защитникомъ ихъ интересовъ. Горячая любовь къ народу побудила его заняться изученіемъ его міросозерцанія, и это желаніе привело его къ ознакомленію съ народнымъ творчествомъ. Онъ собралъ массу любопытныхъ легендъ и сказокъ и перевелъ ихъ съ рѣдкимъ умѣньемъ съ грузинскаго на русскій языкъ. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ—легенды о Доглаури, о Гандешли, сказки: Дервишъ, Сновидецъ и др. вошли въ его книгу „Эскизы и этюды“, другіе остались не переизданными со страницъ мало доступныхъ читателямъ газетъ. Его очерки народныхъ обычаевъ и суевѣрій („Въ мірѣ фантазіи“, имеретинскій катеръ „Георгоба“) обличаютъ въ немъ человека, способнаго въ отчетливыхъ краскахъ рисовать яркія картины народнаго быта. Нельзя не упомянуть его обширной статьи, посвященной разбору сочиненій кн. Г. Эристова, перваго грузинскаго драматурга, и историческаго очерка знаменитой битвы грузинскаго царя Ираклія II съ персидскимъ шахомъ Ага-Магомедъ-ханомъ въ 1795 г. Наконецъ, ему принадлежатъ переводы съ современныхъ грузинскихъ беллетристовъ (Ак. Церетели, Ш. Арагвиспирели и др.) и капитальная работа по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказья. Онъ составилъ интересный очеркъ податнаго обложенія, явившійся вкладомъ въ литературу о Кавказѣ. Утрата такого писателя съ столь разнообразною сферою дѣятельности является весьма чувствительной для юной кавказской печати.

А. Хахановъ.

С М Ъ С Ь.

Матеріалы для исторіи народнаго театра ¹⁾.

VII. Машенька ²⁾.

Дѣйствующія лица:

Атаманъ.
Есауль.
Солдаты (бѣглый).
Гусаръ.

Монахъ.
Машенька.
Шайка разбойниковъ съ кистенями въ ру-
Духъ. [кахъ.

Атаманъ въ красной рубахѣ, подпоясанъ ремнемъ, шапка на немъ большая, на шеѣ револьверъ виситъ на шнурѣ, за поясомъ заткнутъ пистолетъ и кинжалъ, сбоку виситъ шпага.

У есаула за поясомъ кинжалъ, пистолетъ, шпага и подзорная труба.

Бѣглый солдатъ въ разодранной рубахѣ и ремешкомъ подпоясанъ; картузь у него рваный.

Гусаръ въ гусарской одеждѣ, красивъ и наряденъ.

У монаха въ рукахъ книга большого формата.

Машенька—барышня съ бѣлоснѣжными волосами, голосъ у нея нѣжный и тоненькій. Одетъ въ полушубокъ и голубое платье; шляпа на ней лѣтняя, а лицо покрыто вуалью.

Духъ наряжается въ вывороченную шубу и надѣваетъ большую и косматую шапку.

Атаманъ съ разбойниками у разложеннаго костра. Есауль стоитъ противъ атамана, вынимаетъ обнаженную шпагу, поднимаетъ вверхъ и, пройдя немного въ сторону отъ атамана, ударяетъ ногою въ землю и выкрикиваетъ: искаженные стихи изъ „Братьевъ разбойниковъ“ Пушкина:

Не стая вороновъ слеталась
Надъ грудомъ тлѣющихъ костей,
Но наша шайка разыйгралась
Среди пылающихъ огней.

Былъ калмыкъ, киргизъ, татаринъ,
И я, страшный, безобразный...
Какъ завидѣлъ въ корчмѣ свѣчи,
Всеякъ боялся нашей встрѣчи.

¹⁾ См. Этногр. Обзор. XXXIX, 111 и XLIII 117.

²⁾ Эта народная драма записана мною въ Спасъ-Деметскѣ, Мосальскаго уѣзда, Калужской губери. Вл. Д.

Бывало въ полночь мы глухую И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ...
 Заложимъ тройку удалую, Но недолго молодцы попили:
 Стучимъ, кричимъ, орѣмъ, зѣваемъ, Ихъ всѣхъ въ солдаты забрали,
 Къ воротамъ громко подъѣзжаемъ, И всѣхъ кузнецы сковали...
 Пьемъ, ѣдимъ, гуляемъ

Въ этотъ моментъ есауль становится на свое мѣсто, вкладываетъ саблю въ ножны и, понутивъ голову, становится печальнымъ. А атаманъ говоритъ громко и грозно: „Зря сказали, что связали; они всѣ въ добромъ здоровьѣ сидятъ“.

Атаманъ, сказавъ это, становится на свое мѣсто. Сейчасъ два разбойника изъ шайки подводятъ къ нему сѣглаго солдата и говорятъ:

— Атаманъ, мы птицу поймали.

— Ты кто такой?—спрашиваетъ атаманъ

— Я—бѣглый солдатъ; изъ острога ушолъ, къ вамъ служить пришолъ.

— Желаетъ служить нашей шайкѣ?

— Да я въ ушатъ не влѣзу.

— Дуракъ! Въ нашей буйной ватагѣ!

Атаманъ ударяетъ его порядочно по головѣ. Солдатъ говоритъ:

— Радъ служить, за васъ голову положить!

Атаманъ его бьетъ по плечу:

— Вотъ тебѣ моя одежда—на тебя будетъ вѣрная моя надежда. Вотъ тебѣ моя шляпа—служи мнѣ вѣрно и свято.

Солдатъ повторяетъ:

— Я радъ служить, за васъ голову положить.

Въ этотъ моментъ подходитъ разбойникъ съ кистенемъ; помахивая въ воздухѣ кистенемъ, онъ говоритъ:

— Послушай, господинъ атаманъ! шолъ я лѣсамъ—перелѣскамъ; встричаитца са мною ни старъ, ни младъ мужикъ, зовутъ его Семѣнъ, несетъ боченокъ съ виномъ.

— И что жъ?—спрашиваетъ атаманъ.

— Я ударилъ его по шеѣ кистенемъ: онъ палъ ницъ лицомъ. Я отобралъ вино—и вотъ оно!

Атаманъ говоритъ:—молодецъ!

Разбойникъ ставитъ боченокъ съ виномъ предъ атаманомъ и говоритъ, обращаясь къ ватагѣ: „Ребята, вино!“ Они въ отвѣтъ:—Пьемъ его!

Выпивъ вина, ватага поетъ:

— Вотъ мы водочки попьемъ,	По амбарамъ, по клѣтамъ...
Да и пѣсенку споёмъ...	Это правда, это правда,
Хороши наши ребята,	Это правда всё была!
Про нихъ славушка худа (bis)	Называютъ ихъ ворами...
Куда?!.. (Бьютъ въ тактъ въ ладоши)	Мы ни воры, ни плуты,
По трактирамъ, кабакамъ,	Ни плуты и ни разбойнички—

Рыбаловщички.
Мы рыбушку ловили
По сухимъ берегамъ:
Какъ у дядюшки Петра
Мы поймали осетра,
Сивагивыга коня.
А у тетюшки Арины
Мы всю рыбу прилавили:

Мы поймали сорокъ штукъ,
Изъ которыхъ тубы шьютъ;
И за эти за проказы
Не минуетъ мы плетей.
Какъ всыплютъ сто горячихъ,
Такъ заплешешь козачка;
Заревешь тогда коровой
Громче Спасскаго дьячка!..

Въ это время раздается выстрѣлъ. Стрѣляетъ монахъ въ атамана; выстрѣлъ неудаченъ: онъ промахнулся.

Атаманъ кричитъ есаулу:

—Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! Подходи проворнѣй сюда!

Есаулъ выхватываетъ шпагу изъ ноженъ и держитъ надъ своей головой; быстро подходя къ атаману, онъ говоритъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Получивъ приказаніе, есаулъ быстро удаляется и сейчасъ приводитъ монаха, который подходитъ въ сопровожденіи есаула и одного изъ разбойниковъ. Есаулъ говоритъ:—это монахъ!

Атаманъ протяжно говоритъ:—монаахъ! подведите проворнѣй сюда! (Къ монаху): Монахъ, не буду казнить тебя въ прахъ! Ничуть съ мѣста—никуда! Подходи проворнѣй сюда!

Монахъ подходитъ, становится предъ атаманомъ на колѣна, держа въ рукахъ еще дымящійся пистолетъ, а въ лѣвой подъ мышкою книгу, и говоритъ:

Атаманъ могучій,
Покоритель полей и лѣсовъ дремучихъ,
Не щадя молодыхъ жонъ,
Предаетъ смерти ножомъ!
Царь ужасно испугался—
Больше горести предался,
Пистолетъ вручилъ

И къ тебѣ меня снарядилъ.
Но ты, надѣявшись на силу,
Покорилъ всея Россію.
Атаманъ,
Покорись воли и небесамъ:
А то чортъ твою душу вынетъ
И земля тебя не приметъ.

Атаманъ кричитъ:—Дерзкій отшельникъ, ты не знаешь, сколько у меня силы, и можешь ли сражаться съ ними! А какъ я вознесу свой мечъ, полетитъ твоя голова съ плечъ... Прими достойное наказаніе отъ руки грознаго атамана!—Взмахиваетъ шашкой и рубитъ монаху голову; монахъ упалъ.

Поется пѣсня хоромъ:

Разнисчастнѣй нашъ монахъ,
Зачѣмъ ходишь въ тѣхъ странахъ?

Царю правдою служилъ,
Атаманъ жизни лишилъ...

Въ этотъ моментъ раздается гдѣ-то далеко пѣніе Машеньки:

И вѣдоръ въ лужкахъ гуляла,
Цвѣты алые брала...

Услыша пѣсню, атаманъ кричитъ:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! Подходи проворнѣе сюда!

Есаулъ подходитъ, выхвативъ шашку и держа ее надъ головою:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

— Это кто тамъ?—Спрашиваетъ атаманъ у есаула.

Есаулъ быстро скрывается, наконецъ появляется и подводитъ къ атаману дѣвушку Машу. Она становится на колѣни предъ атаманомъ. Атаманъ спрашиваетъ у нея.

— Вы кто такая?

Маша отвѣчаетъ:

— Я села царскава, рода боярскава; мать моя Дарья, зовутъ меня Марья.

Атаманъ закричитъ грозно:

— А какъ ты смѣешь ходить по моимъ заповѣднымъ лугамъ и рвать алые цвѣты?..

Потомъ, замѣтивъ испугъ Машеньки, атаманъ смягчаетъ голосъ:

— Милая Машенька, вотъ тебѣ всѣ брилліанты и яхонты! Будь ты моя, а я твой—и живи со мной!

Машенька, всё время стоя на колѣняхъ, отвѣчаетъ:

— Я жизни лишаюсь, но жить съ тобой не соглашаюсь.

Атаманъ принимаетъ свирѣпый видъ, выхватываетъ шпагу и говоритъ грозно:

— За непокорныя слова полетитъ съ плечъ голова! Прими достойное наказаніе отъ руки грознаго атамана!—При этомъ онъ рубитъ по шеѣ Машеньку; она падаетъ мертвая; разбойники подхватываютъ и несутъ мертвую. Является гусаръ съ обнаженною шпагою и грозно начинаетъ биться съ атаманомъ шпага о шпагу. Гусаръ кричитъ:

— Стой, волшебникъ, сунустать, извергъ ада, чортовъ братъ! Напалъ въ полѣ ты дѣвицу и терзаешь, какъ лисицу!..

Атаманъ въ свою очередь кричитъ на гусара:

— Ахъ, ты, безсмысленный! вишь, развѣ ты не знаешь, что я здѣсь волепъ. Посмотри, сколько у меня силы, и можешь ли сражаться съ ними? А какъ я вознесу свой мечъ, полетитъ твоя голова съ плечъ. Прими достойное наказаніе отъ руки грознаго атамана!

Удачнымъ ударомъ атаманъ отрубаетъ голову гусару; гусаръ падаетъ мертвымъ; его подхватываютъ и уносятъ.

Начинаютъ сразу хоромъ пѣсню:

Не лѣса шумять, не погодушка,
Не погодушка взбушевлася,
Наша вольница разыгралася,
Разыгралася наша вольница,
Наша вольница атаманская.
Мы родилися, спородилися,

Насъ спородила почка темная,
Почка темная, почъ осенняя.
У насъ сватомъ былъ кистень ба-
тющка...
У насъ свахою была сабля ма-
тушка...

(Выходит разбойникъ и помахиваетъ кистенемъ въ воздухѣ; хоръ продолжаетъ:)

Колыбель была легка лодочка, Укачала насъ Волга матушка...

Пѣсня умолкаетъ, только отголоски слышны. Атаманъ грозно зоветъ къ себѣ есаула:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда, — подойди проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ къ атаману съ обнаженной шпагой и говорить громко и вопросительно:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Атаманъ ему говорить:

— Выйди изъ корабля въ шлюпку, посмотри въ подзорную трубку, не видишь ли гдѣ пенъевъ-кореньевъ, и желтыхъ песковъ. Не опрокинуть бы намъ судно и не измѣрить бы Волга дно.

Есаулъ со словомъ „слушаемъ“ уходитъ и въ отдаленіи стоитъ и наблюдаетъ въ подзорную трубку, потомъ возвращается обратно къ атаману, держа надъ головой шпагу, и говорить: — Не вижу!

Атаманъ говорить: — Смотри вѣрно! награжу непременно! Золотую цѣпь на шею положу; а то накажу: двадцать пять горячихъ уложу. Мало двадцать пять — укачу сто. Пропадѣтъ твоя служба ни за что.

— Слушаюсь! — говоритъ есаулъ и уходитъ обратно. Стоитъ въ сторонѣ и наблюдаетъ въ подзорную трубку, смотря вдаль. Нѣсколько посмотрѣвъ, возвращается къ атаману съ обнаженной шпагой и говорить: „Вижу!“

— Что видишь?

— Вижу село!

— Оттого у моихъ ребятъ и животики подвело. Приворачивай-ка, ребята, ко крутому бережочку!

Хоръ подхватываетъ пѣсню; учащенно всѣ хлопаютъ руками въ тактъ пѣсни безъ перерыва:

Приворачивай, дружочки,
Ко крутому бережочку,
Ка Настасьиному дворочку.
Настасьюшка выходила,

Съ атаманомъ говорила,
Грахвишь водки выносила,
Насъ, разбойничковъ, поила.

Атаманъ кричитъ на есаула:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! подходи проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ съ обнаженной шпагой и говорить:

— Что прикажешь, господиный атаманъ?

Атаманъ обращаясь ко всѣмъ, говорить:

— Вы знаете, друзья мои, эти полицейскіе крючки, будущинки, всѣ объ насъ узнали и искать давно послали... Настя передала... Ну, ничуть живымъ въ руки ни даватца, всѣмъ по лѣсамъ разбѣгатца; кому не въ силу, не въ смоготу, бросайтесь въ пучину, въ воду.

Всѣ хоромъ отвѣчаютъ:

— Слушаемъ, господинъ атаманъ!—И всѣ отходятъ въ сторону.

Есаулъ быстро подходитъ къ атаману съ обнаженной шпагой и говоритъ:

— Послушай, господинъ атаманъ, къ нашей шайкѣ пришелъ рапортъ, что тебя хотятъ убить, но я не могу тебя защитить.

Атаманъ, понутивъ голову, говоритъ ребятамъ:

— Чего же вы отъ меня желаете?

Они отвѣчаютъ всѣ разомъ:—Хлѣба и вина!

Атаманъ говоритъ:

— Если вамъ нужно хлѣба, поѣду до хлѣбныхъ лабазовъ, привезу вамъ двѣнадцать возовъ; если вамъ нужно вина, у меня есть кусокъ золота...

Они всѣ хоромъ отвѣчаютъ:—все беремъ себѣ!

Атаманъ съ укоромъ грозно кричитъ:

— Жрите, но подавитесь!—

Всѣ падаютъ мертвыми отъ его проклятія, стоитъ одинъ есаулъ, да атаманъ, который съ грустью восклицаетъ:

— Боже мой, что я вижу предъ собой! Всѣ товарищи, ближніе лишены жизни!

Потомъ, обращаясь къ есаулу, говоритъ громко:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! Подходи проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ быстро съ обнаженной шпагой и говоритъ громко:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

— Развѣ ты не видишь, что товарищи, ближніе лишены жизни? Надо жъ этому горю пособить и товарищей на ноги поставить.

— Надо призвать на помощь Духа,—говоритъ есаулъ.

Атаманъ вызываетъ Духа:

— Духъ, прежній мой другъ, на тотъ моментъ выходи!

Духъ является, надъ всѣми товарищами дуетъ и немного хлопаетъ руками, потомъ скрывается.

Атаманъ, немного помолчавъ:

— И духъ мой запропалъ! Должно быть, въ канаву попалъ, или съ кѣмъ заговорился, или въ кабакъ за бочку завалился.

— Есаулъ!—опять кричитъ атаманъ:—Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! подходи проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ съ обнаженной шпагой и говоритъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ? Что же мнѣ дѣлать?

— Развѣ ты не видишь, что всѣ товарищи, ближніе лишены жизни?

— Надо призвать на помощь монааха! монааха! (протяжно).

Атаманъ кричитъ:

— Монахъ, не буду казнить тебя въ прахъ! Ничуть съ мѣста никуда! Явись проворнѣй сюда!

Монахъ является съ книгой, принимаетъ грозный видъ и уже не становится предъ атаманомъ на колѣни, а говоритъ ему грозно и важно:

— Говорилъ я тебѣ, проклятый атаманъ: покорись воли небесамъ, а то чортъ душу твою вынетъ и земля тебя не приметъ.

Атаманъ отвѣчаетъ монаху:

— Я тогда покорюсь, когда съ товарищами прощусь; а теперь буду просить моему горю пособить—товарищей на ноги поставить.

Монахъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ и назадъ, раскрываетъ книгу и поетъ:

— Всѣ товарищи, ближніи воживотворятся жизнью!

И моментально всѣ поднимаются съ шумомъ, веселые такіе, а монахъ исчезаетъ.

Атаманъ радостно восклицаетъ:

— Ну, товарищи, какъ я радъ, что увидѣлъ снова васъ! Спойте мою любимую пѣсенку.

Хоръ начинаетъ пѣсню:

„Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ...

Самъ хозяинъ въ бархатномъ кафтанѣ“...

При послѣднихъ словахъ, когда пѣсня умолкаетъ, атаманъ зоветъ есаула:

— Есаулъ, ничуть съ мѣста никуда! подходи проворнѣй сюда!

Есаулъ подходитъ съ обнаженною шпагою и спрашиваетъ:

— Что прикажешь, господинъ атаманъ?

Атаманъ, опустивъ голову на грудь, говоритъ унылымъ голосомъ, опускаясь на колѣни:

— Отруби мнѣ мои ноги, есаулъ: онѣ мнѣ болѣе не слуги!

Есаулъ рубитъ атаману ноги. Онъ продолжаетъ:

— Отруби мнѣ руки: онѣ болѣе мнѣ служить не будутъ.

Есаулъ рубитъ атаману и руки.

— Отруби мнѣ буйную голову: я больше жить не желаю.

Съ печальнымъ и унылымъ видомъ есаулъ отрубаетъ атаману голову; атаманъ падаетъ мертвымъ и лежитъ навзничъ; отрѣзанныя руки и ноги кладутъ ему на грудь.

Хоръ надъ атаманомъ поетъ пѣсню:

Померла наша надежда,
И скончалася любовь.
Ручка къ сердцу приложили,
Покрываютъ полотномъ;
Полотномъ бѣлымъ покрыли,
На кладбище понесли;

Близъ къ кладбищу подносили,
Зазвонили въ колоколы
Громко пѣсенки запѣли—
Застонала вся земля,
Вся вселенная сказала,
Что погибшая душа...

Не успѣвають окончить, а атаманъ просыпается какъ будто послѣ тяжелаго сна; всѣ удивляются, атаманъ говоритъ:

— Ухъ, Боже мой! Ну друзья, какъ я радъ, что увидѣлъ васъ! Прилетѣли ко мнѣ какія то двѣ хищныя птицы, взяли меня за волосы и полетѣли прямо на небеса; но тѣмъ я спасся, что ногами уперся. Былъ я, братцы, въ адѣ—и какъ черти были мнѣ ради! Желаю быть вамъ въ адѣ—и вамъ черти будутъ ради.

Атаманъ кланяется публикѣ, тѣмъ и кончается.

В. Н. Добровольскій.

Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою.

Въ VIII книжкѣ Журнала М. Н. Пр. за 1899 г. проф. В. О. Миллеръ помѣстилъ статью: „Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою“. Говоря о трудности объяснить появленіе имени Касьяна въ былинѣ, В. О. Миллеръ замѣчаетъ, что самая рѣдкость и непопулярность этого имени даетъ возможность предположить, что внесеніе его въ былинку не могло быть случайнымъ „А между тѣмъ“, пишетъ авторъ, „изъ агіографической литературы и изъ исторіи русской церкви одноименныя лица едва ли могутъ быть привлечены для объясненія былиннаго Касьяна. Таковы: Кассіанъ преподобный, затворникъ и постникъ печерскій, жившій въ XII стол. и покаявшійся въ Θεодосіевыхъ пещерахъ въ Кіевѣ; св. Кассіанъ († 1054) грекъ изъ Мореи, прибывшій въ Россію въ свитѣ невѣсты великаго князя Іоанна III Софія Оомииншвы, постригшійся въ монашество и основавшій близъ Углича на р. Учмѣ монастырь (Касьяновъ-Учманскій), гдѣ почиваютъ его мощи; наконецъ, Іоаннъ-Кассіанъ Римлянинъ († 435 г.), извѣстный церковный писатель, основатель монашества въ Галліи и одинъ изъ главныхъ теоретиковъ монашеской жизни, совершившій путешествіе въ Палестину и долго скитавшійся по монастырямъ и скитамъ Египта для изученія правилъ и обычаевъ монашества. Какъ паломникъ и странствователь по монастырямъ, Кассіанъ Римлянинъ могъ бы имѣть нѣкоторое отношеніе къ Касьяну предводителю русскихъ паломниковъ, но намъ неизвѣстно, существовали ли какія нибудь свѣдѣнія о немъ у слагателя, внесшаго имя Касьяна въ разсматриваемую былинку“¹⁾.

Въ дополненіе къ этой выдержкѣ изъ статьи В. О. Миллера укажу еще на двухъ Кассіановъ, которыхъ знаетъ русская агіографія. Это, во-первыхъ, преп. Кассіанъ Авнежскій, упоминаемый въ русской агіографіи обыкновенно рядомъ со сподвижникомъ сво-

¹⁾ Назв. статья, стр. 485.

имъ преп. Григоріемъ Авнежскимъ. Память ихъ празднуется 15 іюня. Авнежскій Троицкій упраздненный мужской монастырь находился въ Вологодской епархіи, въ Тотемскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Сухоны, въ нынѣшнихъ Авнежскихъ волостяхъ, что прежде составляли Авнежское княжество. Онъ первоначально основанъ былъ преп. Стефаномъ Махрицскимъ и учениками его Григоріемъ и Кассіаномъ, около 1370 г. Въ 1392 г. обитель была разорена казанскими татарами и вятчанами, а преп. Кассіанъ и Григорій убиты. Въ 1524 г. обрѣтены были ихъ мощи и поставлена была надъ ними часовня. Въ 1560 г. надъ гробами Авнежскихъ чудотворцевъ построень былъ вновь на царское иждивеніе монастырь, который былъ упраздненъ въ 1764 г. Сказаніе объ Авнежскихъ чудотворцахъ написано Іосафомъ, игуменомъ Даниловскаго монастыря ¹⁾).

Второй русскій святой съ именемъ Кассіана, не упомянутый В. О. Миллеромъ, — это Кассіанъ преподобный, игуменъ Спасо-Каменскаго монастыря на Кубинскомъ озерѣ ²⁾). Принявъ постриженіе на Каменномъ, онъ въ молодости, для лучшаго изученія иноческой жизни, путешествовалъ по монастырямъ, славившимся строгостью уставовъ, благочестіемъ и подвигами иноковъ. Съ этой цѣлью онъ еще при жизни преп. Кирилла прибылъ на Бѣлоозеро, долго здѣсь оставался и былъ даже избранъ братією въ игумены ³⁾). „Игуменъ Кассіанъ Каменскій и въ Кириловѣ монастырѣ игуменилъ много лѣтъ“, — пишетъ Паясій Ярославовъ, историкъ Спасо-Каменскаго монастыря, — „и житію Кърила чудотворца свидѣтель. За нѣкую же потребу князь великій Василей Васильевичъ и митрополитъ Іона посылали его въ Царьградъ двою о церковномъ исправленіи къ патріарху. И прииде изъ Царьграда на Москву, и князь великій Василей Васильевичъ почтилъ его, и давъ ему довольное требованіе монастырю, и отпустилъ его въ постриженіе свое на Каменной. Кассіанъ же игуменъ преставися въ своемъ постриженіи на Каменномъ, и положено бысть тѣло его съ полуленной страны перкве, а по преставленіи его просвѣтисе лице его аки солнце, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Росіи“ ⁴⁾).

По мнѣнію В. О. Миллера, нѣкоторыя изъ географическихъ датъ разсматриваемой былины, — напримѣръ, Ефиміину пустынь варіанта Кириши Данилова, слѣдуетъ искать гдѣ нибудь на сѣверѣ, между Пермской губерніей на востокъ и Олонеккой на западѣ, по линіи того пути, которымъ былины передвигались на востокъ; по поводу географической даты варіанта Кириши Данилова

¹⁾ *И. Барсуковъ*. Источники русской агиографіи, стр. 136—137. *Вяткожскій*. Историч. сказ. о жизни святыхъ, подвижавшихся въ Вологодской епархіи. Вологда. 1880, стр. 86—103. См. также *Ключевскій*, „Житія святыхъ“, стр. 278—279.

²⁾ *Барсуковъ*, назв. соч., стр. 284—285.

³⁾ *Вяткожскій*, назв. соч., стр. 303—304.

⁴⁾ *Барсуковъ*, 1. с.

В О. Миллеру припоминается Сынженскій Спасо-Евфиміевъ монастырь въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., на р. Сынжѣ, въ 20 в. отъ Вологды. Въ этомъ же районѣ, недалеко отъ Вологды, почиваютъ мощи Касьяна Авнежскаго и Кассіана игумена Спасо-Каменскаго монастыря: Авнежскій упраздненный монастырь находился въ Тотемскомъ у., на рѣкѣ Сухонѣ, въ 60 в. отъ Вологды, а Спасо-Каменскій монастырь, на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, изъ котораго вытекаетъ Сухона, находится на границѣ Вологодскаго и Кадниковскаго уѣздовъ, въ 24 в. отъ Вологды ¹⁾.

Оба эти монастыря сыграли большую роль въ дѣлѣ насажденія христіанства на сѣверовосточной русской окраинѣ, исполняя свою культурную работу подѣ постояннымъ страхомъ „нападенія невѣрныхъ челоуѣкъ“. Подобно богатырямъ русскихъ былинъ, инокамъ обѣихъ обителей приходилось сражаться съ невѣрными за православную вѣру. Какъ было упомянуто выше, Кассіанъ Авнежскій погибъ во время нападенія казанскихъ татаръ и вятчанъ, а что касается Спасо-Каменскаго монастыря, то его историкъ, Паисій Ярославовъ, описывая посѣщеніе Кубенскаго озера княземъ Бѣлозерскимъ Глѣбомъ Васильковичемъ, около 1260 г. ²⁾, говоритъ: князь нашелъ на Каменномъ островѣ старцевъ, „числомъ кѣ, и церкви у нихъ нѣтъ за скудость имѣнія и нападенія невѣрныхъ челоуѣкъ; еще бо тогда не вси пріяша святое крещеніе, но много множество живущихъ невѣрныхъ челоуѣкъ вскрай Кубенскаго озера великаго по берегамъ“ ³⁾. Преп. Ѳеодору въ тѣхъ же мѣстахъ пришлось пострадать отъ язычниковъ, когда онъ, желая основать монастырь, пришелъ на святую Луку при истокѣ Сухоны изъ Кубенскаго озера ⁴⁾. Въ преданіяхъ Вологодскаго края, этой Ѳиваиды нашего сѣвера, по выраженію одного Вологодскаго архипастыря, можно много найти подобныхъ разсказовъ, дающихъ богатый матеріалъ для того, чтобы изукрасить образъ благочестиваго инока богатырскими чертами. Посѣщеніе Кубенскаго озера княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ, котораго занесло на Каменный островъ бурей и который въ благодарность за свое спасеніе построилъ храмъ Преображенія, относится къ 1260 г. Исторія Паисія, написанная въ XV в., вѣроятно, только закрѣпляла то, что жило до той поры въ устномъ преданіи, какъ память о борьбѣ иноковъ Каменнаго острова съ невѣрными.

И послѣ 1260 г. Каменскому монастырю не разъ приходилось

¹⁾ См. статью князя П. П. Вяземскаго „Монастыри на Ладожскомъ и Кубенскомъ озерѣ“ (изд. П. О. Л. Д. П., 1881 г., № 10) и статью о Кубенскомъ озерѣ Александра Межакова въ XV т. Вѣстника П. Р. Г. О. (смесь, стр. 69—70).

²⁾ У Паисія годъ указанъ невѣрно. Поправки къ Паисію у Коноплеса: „Святые Вологодскаго края“.

³⁾ Сказ. Паисія Ярославова. Правосл. Собесѣдникъ, 1861 г., ч. I, стр. 200.

⁴⁾ Вѣрюжскій, стр. 32.

быть невольнымъ участникомъ событій, разыгрывавшихся на Руси. Въ этомъ монастырѣ Темный нашелъ себѣ дорогу къ потерянному имъ великокняжескому престолу; юный Іоаннъ III, по возвращеніи изъ Кокшенѣи, благодарилъ здѣсь Бога и праздновалъ свою побѣду надъ войсками Шемяки, а братъ его, Андрей Васильевичъ, въ 1481 году построилъ первый за Волгою, до нынѣ существующій каменный храмъ Преображенія, доставляя кирпичъ изъ Твери и Старицы. Въ 1528 году пріѣзжалъ на Каменный великій князь Василій Ивановичъ со второй своей женой, Еленой Глинской, далъ денегъ на построеніе теплой церкви и великую милостыню братіи, прося ихъ исходатайствовать ему у Бога наслѣдника ¹⁾).

Все это, разумѣется, способствовало широкой извѣстности монастыря, стоявшаго къ тому же на бойкой дорогѣ изъ сѣверныхъ новгородскихъ волостей на Печеру, въ Пермь и Сибирь. Уже Глѣбъ Васильковичъ понималъ значеніе Кубенскаго озера и Сухоны, какъ важныхъ звеньевъ въ этомъ великомъ пути на востокъ. Въ довольно пространномъ разсказѣ Паисія Ярославова о посѣщеніи Кубенскаго озера княземъ Бѣлозерскимъ есть слѣдующая подробность: „и поиде (князь) по Кубенскому озеру къ великой рѣкѣ Сухонѣ, яже течетъ изъ Кубенскаго озера въ студеное море окіанъ своимъ устіемъ отъ начала міру, и прииде ко острову по кривой лукѣ, около два поприща, а поперегъ яко верженіе каменю, князь же перекопа, и потече тѣмъ рвомъ великая рѣка Сухона, и крестъ постави, и оттоле зовется Княже-глѣбова простъ; и оттоле поиде къ Вологдѣ рѣкѣ, и тамо также перекопа и крестъ постави, и оттоле зовется также Княже-глѣбова простъ и до сего дне“ ²⁾).

Все вышеизложенное, имѣя цѣлью указать, какое важное значеніе имѣлъ Спасо-Каменскій монастырь въ жизни сѣверовосточной русской окраины, даетъ, по моему мнѣнію, право задать вопросъ: не зашли ли имя Касьяна въ былинѣ о сорока каликахъ со каликою изъ монастырскихъ преданій объ игуменѣ Кассіанѣ, страждовавшемъ въ молодости по монастырямъ и затѣмъ дважды побывавшемъ въ Царьградѣ, городѣ, окруженномъ для старыхъ сказителей ореоломъ такого же религіознаго почитанія, какъ и Ерусалимъ, куда путешествовали 40 каликъ со каликою. Припомнимъ, кстати, оборванный, но любопытный варіантъ Лоскутова ³⁾), ведущаго своихъ „ученыхъ и грамотныхъ“ каликъ „изъ-за славнаго батюшки Царяграда“. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что, по мнѣнію проф. Голубинскаго, сообщеніе Паисія о путешествіи Касьяна въ Царьградъ представляется сомнительнымъ, и г. Голубинскій предполагаетъ, что монастырскій историкъ подставилъ

¹⁾ *Вятскій*, 300.

²⁾ *Прав. Собес.*, 1861 г., 1 ч. стр. 201.

³⁾ *Гильфердингъ*, № 301.

Царьградъ вмѣсто Литвы, куда дѣйствительно ходилъ Касьянъ ¹⁾. Если въ исторіи Паисія и есть ошибка, то она весьма любопытна для высказаннаго нами предположенія о вліяніи монастырскихъ преданій на былинну. Быть можетъ, это не простая ошибка, описка, и Паисій не случайно смѣшалъ Литву и Царьградъ, а взялъ свѣдѣнія о путешествіи Касьяна въ Царьградъ изъ монастырскихъ преданій, въ которыхъ ко времени Паисія на личность игумена-паломника могли наслоиться черты эпического калики, въ томъ числѣ и хожденіе въ Царьградъ.

Еще двѣ мелкихъ подробности разсматриваемой былины заслуживаютъ, по моему мнѣнію, вниманія.

Обыкновенное отчество былиннаго Касьяна—Михайловичъ, и лишь въ одномъ варіантѣ Сорокина ²⁾ онъ называется Офанасевичемъ.

Быть можетъ, это не случайная обмолвка, и это „изотчество“ содержитъ въ себѣ отголосокъ преданій о какомъ нибудь другомъ каликѣ или святомъ-паломникѣ,—напримѣръ, чтобы не выходить изъ предѣловъ той же новгородской области, нѣтъ ли здѣсь отдаленнаго указанія на „града Устюжна Желѣзнаго святого Аонасія, зовомаго *железный посохъ*“ ³⁾. Въ прозвищѣ этого святого есть, какъ будто, намекъ на каличество. Вторая подробность, заслуживающая вниманія,—это названіе сказителями нѣкоторыхъ варіантовъ разсматриваемой былины „Еленинскимъ стихомъ“. Это названіе впервые отмѣчено въ былинѣ, записанной г. Никольскимъ въ г. Мезени Архангельской губерніи, ⁴⁾ и, по словамъ А. В. Маркова, прикрѣплено къ нѣкоторымъ варіантамъ, записаннымъ въ Верхней и Нижней Золотицахъ, деревняхъ той же губерніи. Откуда это названіе для былины о сорока каликахъ со каликою? Въ варіантахъ съ этимъ названіемъ калики, встрѣтившись съ княземъ, поютъ ему Еленинскій или Еленскій стихъ (и то и другое названіе встрѣчаются въ № 68 сборника Тихонравова и Миллера). Можно, разумѣется, предположить, что эта подробность дала имя всей былинѣ, хотя, съ другой стороны, подробность эта, въ общемъ планѣ былины очень несущественная, мелкая, могла именно появиться для осмысленія заглавія былины, настоящее значеніе котораго забылось. Для названія всей былины Еленинскимъ стихомъ должны бы быть, повидимому, иныя болѣе вѣскія основанія,—напримѣръ, имя главнаго женскаго дѣйствующаго лица. Быть можетъ, въ разбираемой нами былинѣ на мѣстѣ Апраксин, этой типичной распутницы нашего эпоса, побывало

¹⁾ Голубинскій. Исторія русской церкви, т. II, ч. I, стр. 512—513.

²⁾ Гилбердинъ, № 72.

³⁾ Книга, содержащая въ себѣ собраніе всѣхъ Россійскихъ святыхъ Чудотворцевъ и пр... Изъ рукописи П. М. Саваятова, стр. VI. (Приложеніе въ названной книгѣ Барсукова).

⁴⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, II, № 68.

на нѣкоторое время другое лицо, въ народномъ представленіи похожее на Апраксію по своимъ нравственнымъ качествамъ, и оставило память по себѣ въ заглавіи былины.

Поиски за лицомъ, которое дало имя атаману каличьяго круга, привели насъ въ Спасо-Каменскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи преп. Кассіана. Въ этомъ же самомъ монастырѣ, въ то время, когда еще совсѣмъ свѣжа была память о преп. Кассіанѣ, побывала Елена Глинская съ мужемъ своимъ Василиемъ III, чтобы вымолить себѣ наслѣдника. Эта женщина, женитьбу на которой Василия III отъ живой жены такъ осуждали и духовенство и народъ, вѣроятно, привезла за собой въ монастырь длинную вереницу самыхъ нелестныхъ для себя слуховъ. Вѣроятно, то, что давно ходило въ устахъ народа, передавалъ Курбскій, когда рассказывалъ, какъ Василий III съ своей „законопреступной женой“ всюду искали „чаровниковъ злыхъ, да помогутъ ко плодотворенію“, какъ отовсюду, даже изъ Корелы, къ князю съ княгиней приводили „летущихъ оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ“¹⁾. Всѣ эти ужасы понадобились Курбскому, чтобы показать, какъ „зачался нынѣшній Іоаннъ и родилася въ законопреступленіи и во сладострастіи лютость“. Когда Елена съ мужемъ были на Кубенскомъ озерѣ, Іоанна IV еще не было на свѣтѣ, но худую славу распутницы, вышедшей замужъ за женатаго человѣка, она, несомнѣнно, привезла за собой. Елена и эпическій шаблонъ—Апраксія вполнѣ могли въ народномъ представленіи стать рядомъ и даже помѣняться мѣстами, слѣды чего, быть можетъ, и донесло до насъ заглавіе нѣкоторыхъ вариантовъ былины о сорока каликахъ со каликою.

Возвращаясь еще разъ къ имени Касьяна, отмѣчу, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ изъ бѣломорскихъ записей А. В. Маркова Касьянъ называется „немилосьливымъ“,—очевидно, не безъ вліянія народныхъ повѣрій о немилостивомъ Касьянѣ²⁾. Какъ будто въ связи съ этимъ эпитетомъ описаніе казни, которая должна постигнуть нарушителя „заповѣди великой“, отличается въ бѣломорскихъ вариантахъ особенно изысканной жестокостью.

Н. Мендельсонъ.

¹⁾ Сказанія князя Курбскаго, стр. 88—89.

²⁾ См. мою замѣтку „Къ повѣрью о св. Касьянѣ“. Этп. Обзор., кп. XXXII.

Забытая старая запись одной былины.

Въ извѣстномъ и рѣдкомъ теперь трудѣ А. Н. Пыпина: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, стр. 298—9 (С. П. Б. 1857), приведено начало одной былины, въ качествѣ интереснаго отрывка изъ неизвѣстной намъ сказки. Въ виду того, что въ записи не упоминается ни одного собственнаго имени, она не была признана авторомъ „Очерка“ за былину, не обратила на себя должнаго вниманія и не перепечатана въ „Русскихъ былинахъ старой и новой записи“, изданныхъ подъ редакціей покойнаго Н. С. Тихонравова и проф. В. О. Миллера. По нашему мнѣнію, этотъ отрывокъ представляетъ собою начало былины о Дюкѣ Степановичѣ, въ которой обычно описывается его конь, конская упряжь, лукъ со стрѣлами изъ трости, колотой и строганой, украшенной аравитскимъ золотомъ. Правда, въ новыхъ записяхъ нѣтъ подробнаго разсказа о саблѣ; описаніе коня въ нихъ болѣе сжато, но это легко объясняется временемъ и мѣстомъ записи. Если этотъ отрывокъ, содержащій въ себѣ нѣсколько татарскихъ и польскихъ словъ, ведетъ свое происхожденіе отъ Донскихъ казаковъ, и если онъ записанъ въ XVII в., то естественно онъ долженъ отличаться отъ другихъ записей, сдѣланныхъ черезъ 100—200 лѣтъ на сѣверѣ, въ Сибири, у уральскихъ и гребенскихъ казаковъ ¹⁾. Какъ запись былины съ помѣтой 1696 г., этотъ отрывокъ представляетъ значительный интересъ для изслѣдователей русскаго народнаго эпоса.

По просьбѣ редакціи „Этнограф. Обзорѣнія“, я привожу полностью весь отрывокъ былины, стараясь разложить строки, писанныя сплошь, на стихи.

- Въ древнихъ было лѣтехъ, а въ далнихъ странахъ,
 Коли-де себѣ отликой молодецъ
 Смолода былъ бѣлъ-кудрявъ;
 Конь у него былъ буръ, космать, на ухо лысъ,
 5 Задняя нога по окорокъ бѣла,
 Передняя нога по лопатку бѣла;
 И всего того хорошае было у добра коня 12 примѣтъ:
 Ротъ какъ пасть, языкъ какъ рукавъ,
 Грива колесомъ, уши копкакомъ,
 10 Окорока висли—памяти (?²) вышли,
 Олень ³⁾ и мышки—заечьи почки (?) хвостъ какъ кутась ⁴⁾,
 Круглые копыты, что полные морскіе раковины,

¹⁾ См. Этнографич. Обзор. кн. XLIII, 93—94.

²⁾ Помяты? А. М.

³⁾ Голень. А. М.

⁴⁾ Кутазъ. польск. kutas—кисть (Срезневскій). А. М.

- А очи у добра коня, что великія пить-чаши, на лобъ вышли,—
 Весь молодецкой конь въ примѣтахъ ¹⁾, что лютой звѣрь.
- 15 И коли-де себѣ отликой дородной молодецъ
 Осѣдлаетъ своего добра коня,
 И вскинетъ на него свое сѣдло черкасское,
 И подстегнетъ двѣнадцать подпругъ бѣлого шелку шемахинскаго,
 У всякіе подпруги пряжки красного золота аравитцкаго,—
- 20 И положить на добра коня свою узду тесмянную,
 И остегнетъ на себя свой полный садакъ ²⁾,
 А въ немъ 300 стрѣлъ, полъ-100 кибирей ³⁾,
 70 аргичевъ, 80 ташлыковъ, 30 сверѣгъ,
 Оприченою надобныхъ ⁴⁾ стрѣлъ;
- 25 А всякая стрѣла—морская трость,
 На трое колото и на четверо строгано,
 И наливано въ нихъ красного золота аравитцкаго,—
 И опояшетъ на себя свою молодецкую вострую саблю тулушманку,
 Пошире драицы ⁵⁾, а немногимъ поуже тесницы ⁶⁾,
- 30 За конемъ въ сажень, а передъ конемъ съ локоть,
 А кована она въ красномъ-дорогѣ-заморскомъ булатѣ,
 А огнищо ⁷⁾ вострое сабли дорога камени самоцвѣтного,
 А у ноженъ оконца ⁸⁾ красного золота аравитцкаго.
 И свѣдали про тое его молодецкую вострую саблю
- 35 Во многихъ далнихъ ордахъ многіе царевичи и королевичи,
 И учили изъ далнихъ ордъ своихъ
 Къ добру молодцу послы посылати,
 Чтобы съ его молодецкіе вострые сабли сняти образецъ
 Великіе ради хитрости и мудрости.
- 40 Образца не сняли и прочь по своимъ далнымъ ордамъ разѣхались.
 И учалъ себѣ отликой молодецъ
 Своею вострою саблею похвалятися:
 „Не потому-де моя молодецкая вострая сабля (дорога),
 Что она кована въ заморскомъ краснѣ-дорогѣ булатѣ;
- 45 Потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога,
 Что ее ковали 70 мастеровъ съ семидесять городовъ,
 А всякой мастеръ ималъ отъ своего хитрого мастерства по семи
 сотъ рублевъ.
- Еще-де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога;
 Потому де моя молодецкая вострая сабля дорога,

¹⁾ Т. е. по примѣтамъ. А. М.

²⁾ Саадакъ, сагадакъ—снарядъ, состоящій изъ лука, палучна и стрѣлъ съ колчаномъ (Хрестом. Буслаяна). А. М.

³⁾ Въмѣсто „кибитей“: кибить—дерево лука (Срезневскій). А. М.

⁴⁾ Которыя всегда наготовѣ, всегда могутъ понадобится. А. М.

⁵⁾ Дравки. А. М.

⁶⁾ Тесины. А. М.

⁷⁾ Огнище—поперечное желѣзце рукояти меча или сабли (Срезн.) А. М.

⁸⁾ Оконце—отверстіе, дыра (Срезн. „окышце“). А. М.

50 Что сдѣлана она хитростію и мудростію...

Въ ней же каталися два дорогіе зерна бурминскіе ¹⁾ отъ майдана
и до долу (? ²⁾).

Еще де моя молодецкая вострая сабля дорога,

Что ково азъ тою саблею ни тиновалъ ³⁾,

Тотъ отъ единого разу живъ не ѣзживалъ ⁴⁾.

55 И коли де себѣ отликой дородной молодецъ

Сядетъ на своего добра коня

И выѣдетъ въ чистое поле,

И заграетъ ⁴⁾...

Акад. Пыпинъ сообщаетъ, что эта „сказка“ помѣщена „въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 1772, на об. л. 187—189“; „внизу страницы въ рукописи прибавлено: „сія книга Троицкого монастыря подъячего Анеима Шешкова, а писалъ самъ своею рукою лѣта 7204 (= 1696), сентября““. Онъ обращаетъ вниманіе на изобиліе въ отрывкѣ татарскихъ словъ; отмѣтка на экземпляръ Румянцовскаго музея: „черезъ казачество“, кажется намъ заслуживающею вниманія; восточное слово „куякъ“ встрѣчается въ Киршевской записи былины о Дюкѣ.

Въ своемъ „Очеркѣ“ акад. Пыпинъ помѣщаетъ также (на стр. 297) начало „Повѣсти о Θεодорѣ Туринѣ—пострада за вѣру христіанскую“, сохранившееся въ рукописи Тихонравова конца XVIII в., которое я также попытаюсь разложить на стихи:

Во славномъ градѣ Іерусалимѣ,

У святой церкви Михаїла Архангела,

Выходилъ царь Константинъ Сауловичъ

Ко святой заутрени Богу молитися.

5 Иде (sic) и изъ чиста поля

Вылетала калена стрѣла,

И становилась калена стрѣла

Противъ царя Константина Сауловича,

Подъ его скоры ноги,

10 Самъ поднимаетъ царь Константинъ Сауловичъ,

¹⁾ Бурминскій (гурмыжскій изъ Ормузда, Гормуса)—обычный эпитетъ жемчуга. А. М.

²⁾ Майданъ, вѣроятно,—рукоятка; долъ—желобоватая выемка на клинкѣ (Срезневскій). А. М.

³⁾ Въ экземплярѣ книги г. Пыпина, принадлежащемъ Румянцовскому музею, сдѣлана отмѣтка карандашомъ: „Ср. м.-рус. думу о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова—„верхушки деревьевъ и травы стинялы“: Ант(оновичъ) и Др(агомановъ)“. Вѣроятно, отъ сл. тати=рубить. А. М.

⁴⁾ „Играли“ въ смыслѣ скакать (о коняхъ) обычно употребляется у сербовъ. Въ „Девгеніевомъ дѣяніи“: „а драгантъ (копъ) подъ нимъ играетъ“ (Пыпинъ, Оч. лит. ист. стар. пов. и сказокъ русс., стр. 326). А. М.

Взговорить, что въ трубу трубить:

„Свѣтъ мой, князья и бояря, и люди почетныя“...

Насколько я знаю, этотъ отрывокъ духовнаго стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ, носящій значительные слѣды былинной обработки, еще не былъ привлекаемъ къ объясненію былины о Саулѣ Леванидовичѣ и сынѣ его Константинѣ.

Сообщилъ А. Марковъ.

Обычаи, обряды и повѣрья въ Череповецкомъ уѣздѣ ¹⁾.

1) *Егорьевъ день*. Св. Георгій Побѣдоносецъ, какъ извѣстно, изстари считается покровителемъ домашняго скота у народа. Особенной обрядностію отличается этотъ день въ здѣшнемъ приходѣ. Утромъ загоняются коровы и мелкій скотъ въ ближнее къ селу поле. Изъ церкви во главѣ со священникомъ въ облаченіи приносятся хоругви и икона св. Георгія; близъ зазора, у приготовленияго столика, служится водосвятный молебенъ; послѣ молебна пастухъ беретъ въ руки икону св. Георгія и обходитъ съ нею кругомъ стада три раза и ставитъ икону на столикъ. Затѣмъ пастухъ втыкаетъ въ землю у зазора топоръ и черезъ него перегоняется скотина, а стоящій у зазора священникъ окропляетъ ее св. водой. Стадо идетъ пригономъ на пастбище; пастухъ опять забѣгаетъ впередъ стада и въ первый попавшійся столбъ всаживаетъ топоръ. По словамъ пастуха, этими своими дѣйствіями онъ устраиваетъ отъ ввѣреннаго ему стада всякія напасти: нападенія звѣря, продѣлки лихого человѣка, наприм., сосѣдняго пастуха-недоброжелателя.

(Село Курилово, Дмитріевской волости).

Въ этотъ же день въ д. Грязливецъ, Горской вол., послѣ обхода пастуха вокругъ стада, собирается нѣсколько человѣкъ и стрѣляютъ изъ ружей по три раза.

2) *Завиваніе пожинальной бородки*. По окончаніи жнивья каждый крестьянинъ считаетъ долгомъ „завить бородку“. Бородкой называютъ оставленный несжатымъ клочекъ овса; клочекъ этотъ сжимаютъ рукой въ одно мѣсто, скручиваютъ и перегибаютъ посрединѣ такъ, чтобы колосья свѣшивались на землю. Кругомъ этого оставленнаго для бородки клочка овесъ обжинается и кладется въ послѣдній снопокъ, который и называется „пожинальникомъ“. Когда кончится завивка бородки, старшая изъ семьи должна проговорить три раза слова: „Николѣ борода, коню голова, пахарю коврижка, жнеюшкѣ папышка, а хозяевамъ на доброе здоровье“; въ то же время она кувыркается на землѣ около „бо-

¹⁾ См. „Этнографическое Обзорѣніе“ 1894 г. № 1, 1895 г. № 4, 1898 г. № 4.

родки“ трижды. Весь этотъ обрядъ совершается серьезно и торжественно; совершающая обрядъ становится на это время какъ-бы жрицею, а остальные жнецы и жницы въ молчаніи окружаютъ ее. Снопъ „пожинальникъ“ несутъ домой; по дорогѣ сламываютъ три прута березы и втыкаютъ въ снопокъ; „пожинальникъ“ хозяйка несетъ подѣ лѣвой рукой и корешками впередъ; входя въ домъ, не открываетъ сама дверь; пройдя съ „пожинальникомъ“ въ передній уголъ, крестится трижды, вынимаетъ прутики, а „пожинальникъ“ ставитъ въ передній уголъ подѣ иконы; прутикомъ хвощетъ всѣхъ семейныхъ и различные предметы въ избѣ съ приговоромъ: „мухи, клопы, блохи и тараканы, убирайтесь вонъ, а намъ хозяевамъ дайте покой“; прутики затѣмъ сжигаетъ въ печкѣ, которую затопляютъ въ это время, и готовится личница для угощенія жнецовъ, называемая „пожинальницей“. Тѣмъ и заканчивается обрядъ окончанія жатвы. (С. Мороцкое, Мороцкой волости).

3) *Ворожба по крестамъ.* Въ д. Чаевѣ у одного крестьянина пропали деньги въ домѣ; у него въ семьѣ было три снохи, онъ ихъ и заподозрилъ и сталъ допрашивать; тѣ не признались. Онъ зналъ что въ д. Мартыновѣ живетъ одна ворожея, которая узнаетъ воровъ по крестамъ. Онъ потребовалъ у снохъ шейные кресты, тѣ ему ихъ отдали. Приходитъ онъ къ ворожеѣ съ поклономъ, рассказалъ про свое дѣло; ворожея спросила кресты, внимательно разсмотрѣла ихъ, что-то пошептала, а на гайтанѣ одного креста завязала узелокъ и возвратила ихъ ему, сказавъ: „кража найдется, признается та сноха, которая возьметъ крестъ съ узелкомъ“. Онъ пошелъ домой, позвалъ снохъ и велѣлъ имъ взять свои кресты; одна изъ снохъ, какъ только взяла свой крестъ съ узелкомъ, сейчасъ же упала свекру въ ноги и повинилась въ кражѣ денегъ, вымаливая слезно себѣ прощеніе.

(Отъ кр-ки Аксины Юдиной, д. Бузаково, Дмитриевской волости).

4) *Представленія о загробной жизни.*—Со времени смерти моей дочки Елены—рассказываетъ крестьянка,—прошло девять недѣль. Я неутѣшно плакала по ней и не могла забыть своего горя. Посоветовалась со старушкой Авдотьей Аксеновой, что мнѣ дѣлать, чтобы моя дочка приснилась мнѣ во снѣ. Она меня и научила: вотъ что, Аксиныюшка, проговѣй-ко ты 12-ть пятницъ, можетъ быть, и приснится. Я и проговѣла всѣ 12 пятницъ подѣ-рядъ. Вотъ на 9-ю пятницу мнѣ и снится: приходитъ ко мнѣ дочка, вся въ бѣломъ зашнурована, а на лѣвомъ боку цвѣтъ. „Пойдемъ, говорить, мама, со мной“. Подвела къ высокой церкви, вошли туда по высокой лѣстницѣ, а тамъ все стоятъ дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, и у каждой по цвѣтку на правой сторонѣ груди, а позади ихъ стоятъ женщины въ сѣрыхъ платьяхъ. Я у нея и спрашиваю: почему онѣ въ сѣрыхъ платьяхъ, а она и отвѣчаетъ: „это вдовицы, которыя 40 лѣтъ вдовѣли“.—А у тѣхъ цвѣты на

груди?—„А эти въ самомъ цвѣту окончили жизнь“. Потомъ какъ будто она меня пошла провожать изъ церкви. Только-что вышли изъ церкви, вдругъ она словно птицей поднялась кверху, а я и кричу: „Ой, утащили, ой утащили!“ Меня и разбудили—ничего больше не помню. Проговѣла еще 3 пятницы, а она мнѣ опять приснилась да и говоритъ: „хорошо ты, мама, меня здобила, когда я умерла,—только зачѣмъ ленточку въ косу не вплела? хорошо что Оля, дочь сосѣда, оторвала кусочекъ ленточки изъ своей косы и дала мнѣ. Вотъ что еще, мама: говѣй ты одну пятницу въ году, а именно на святой недѣлѣ—и хорошо тебѣ будетъ“, и скрылась. И вотъ уже прошло 15 лѣтъ, а я говѣю эту пятницу и ничего тогда не вкушаю. А дочь больше во снѣ не видала. (Отъ к-ки Аксиньи Юдиной д. Бузаково, Дмитріевской волости).

— Въ приходѣ Танищахъ жилъ одинъ мужичекъ Степанъ, лѣтъ 30. Однажды онъ захворалъ какой-то горловой болѣзнію; позвали священника напутствовать его. Вскорѣ этотъ мужичекъ померъ. Приходятъ къ священнику узнать, гдѣ рыть могилу и когда привозить хоронить. Ушли. Деревня, гдѣ жилъ покойный, находилась въ 5 вер. отъ церкви. Въ этотъ вечеръ священникъ читалъ молитвы, приготовляясь къ завтрашнему богослуженію; вдругъ онъ услышалъ сильный стукъ въ двери; къ нему торопливо входитъ жена и говоритъ, что его на кухнѣ ждетъ какая-то женщина. Онъ вышелъ и видитъ, что это жена покойнаго мужичка; она падаетъ ему въ ноги и говоритъ: „батюшка, меня послалъ къ тебѣ мой мужъ, который былъ умерши, а теперь ожилъ, повѣдать одинъ грѣхъ; дѣло невиданное случилось такъ: мужъ лежалъ ужъ на столѣ собранный; всѣ родные сидѣли около него, вдругъ онъ всталъ и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“ Сначала всѣ мы испугались; онъ и говоритъ: что вы боитесь меня? Я еще только уснулъ, и мнѣ приснился вотъ какой сонъ: я стою на большой дорогѣ, которая куда ведетъ—не знаю. Является ко мнѣ какой-то старичекъ, повелъ меня къ пропасти и говоритъ: „по твоимъ дѣламъ тебя слѣдовало бы сунуть въ эту пропасть, которая показалась мнѣ ужасной; бросайся, говоритъ, въ эту пропасть; мнѣ стало страшно, и я едва могъ выговорить слова: „прости меня, старче, и помилуй; я не раскаялся въ одномъ грѣхѣ и утаилъ его на душѣ—позволь раскаться духовному отцу“. Потомъ я видѣлъ, говоритъ, необыкновенный садъ, въ которомъ такія растенія и цвѣты и отъ нихъ такія благоуханія, что не вышелъ бы изъ этого рая; тутъ увидалъ я двухъ маленькихъ дѣточекъ—мальчика и дѣвочку, которыя уцѣпились за меня. Старецъ и говоритъ: „вотъ благодаря этимъ малюткамъ я возвращаю тебя къ жизни на нѣсколько часовъ, пока ты не раскаешься, и грѣхъ твой не будетъ разрѣшенъ священникомъ“. Поди, жена, къ батюшку, я скажу тебѣ мой грѣхъ, покайся за меня: я чувствую, что не дожить мнѣ до батюшки, и я больше не увижу тебя, а онъ пусть разрѣшитъ мнѣ

грѣхъ заочно⁴. Священникъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ ему поступить въ такомъ случаѣ, и рѣшилъ допустить на исповѣдь еѣ замѣсто мужа и разрѣшилъ грѣхъ. Женщина побѣжала въ слезахъ домой. Священникъ всё-таки не утерпѣлъ и поѣхалъ туда. Пріѣзжаетъ, а Степанъ уже померъ—даже жена не застала его живого. И по расчету священника онъ умеръ въ ту минуту, когда онъ разрѣшилъ ему грѣхъ. На другой день повезли его хоронить, только по дорогѣ къ церкви на перекресткѣ съ одной правой стороны везутъ гробикъ мальчика, лѣтъ шести, а съ другой стороны по дорогѣ везутъ гробикъ дѣвочки такихъ же лѣтъ. Родители ихъ услышали, что въ такой-то деревнѣ умеръ Степанъ, и пожелали положить своихъ дѣтей въ одну могилу съ нимъ.
(Отъ кр-ки Аксиньи Юдиной, д. Бузакова, Дмитріевской волости).

5) *Примѣты свадебныя, похоронныя и др.* Когда новобрачныхъ ведутъ изъ церкви, то кладутъ подъ порогъ замки. Когда новобрачные перешагнутъ черезъ незапертый замокъ, то сейчасъ его поднимаютъ и запираютъ, а ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, для того, чтобы молодые жили хорошо. Когда вводятъ новобрачныхъ въ домъ, то ихъ обсывають житомъ для того, чтобы жили богато. Когда женихъ придетъ дѣлать предложеніе въ домъ невесты, то въ это время спѣшатъ положить подъ порогъ косарь, чтобы дѣло не разошлось.

Обознаться въ человѣкѣ—къ свадьбѣ или къ покойнику.

Встрѣтить похороны на улицѣ—къ счастію.

Гдѣ лежитъ покойникъ, въ той избѣ не метутъ до выноса тѣла оттого, что если вымести соръ, то можетъ быть въ скоромъ времени покойникъ.

Бровь правая чешется—къ свиданію съ другомъ; бровь лѣвая чешется—кланяться съ женщиной, или ктонибудь тебя хулить. Зачесался лѣвый глазъ—плакать, зачесался правый глазъ—радоваться, почесалась бровь—значить кланяться. Чешется голова—побранять тебя; зачесались губы—значить съ другомъ цѣловаться тебѣ. Правая ладонь зачесается—получать деньги, лѣвая—отдавать. Обѣ подошвы зачесутся—къ дорогѣ.

Головня выпадетъ изъ печки—къ гостю.

Голуби гдѣ водятся—та хата не горить.

Шапку не клади на столъ—можетъ произойти ссора.

Вторникъ считаютъ днемъ легкимъ, понедѣльникъ и пятницу—тяжелыми.

Встрѣча первая утромъ съ попомъ—не къ добру.

Подъ масленицу въ Воскресеніе ненастье—къ урожаю грибовъ.

Ноги и руки ломаютъ—къ ненастной погодѣ.

Нога правая увязнетъ въ дорогѣ ранѣе лѣвой—къ добру.

Если кто, выходя изъ чужого дома, прищемитъ дверьми подолъ или полу платья, или же позабудетъ чтонибудь—значить опять скоро придется возвратиться въ этотъ домъ.

Найти подкову—къ благополучію; ее приносятъ домой и вколачиваютъ въ полъ подъ порогомъ двери для того, чтобъ въ этомъ домѣ не было никакихъ заразныхъ болѣзней, и отъ хитраго челоуѣка.

Курица поетъ пѣтухомъ—быть бѣдѣ. (С. Мороцкое, Мороцкой вол.).

М. К. Герасимовъ.

С. Курилово, Череповецк. у.,
Новгородск. г.

Пѣсня про кончину императора Александра II.

Въ іюньской книжкѣ „Русской Старины“ за 1900-й годъ (стр. 651—654) г. В. Кульманомъ напечатана сообщенная ему гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой пѣсня на кончину императора Александра II, которая была записана ею въ области Войска Донского со словъ пѣвца, пѣвшаго ее подъ звуки лѣры (лиры). Въ примѣчаніи къ своей статьѣ (стр. 654) г. Кульманъ говоритъ: „Когда я дѣлалъ сообщеніе объ этой пѣснѣ въ Нео-филологическомъ обществѣ, одинъ изъ присутствовавшихъ, г. Кунцевичъ, заявилъ, что онъ слышалъ эту же пѣсню въ Курской губерніи, на ярмаркѣ“. Я съ своей стороны могу добавить, что слышалъ ее въ Харьковѣ въ апрѣлѣ 1899 г. отъ слѣпца Ивана Михайловича Петрика, родомъ изъ Валокъ Харьковской губ. Пѣлъ онъ ее также подъ аккомпаниментъ лиры. Вотъ слышанный мною вариантъ пѣсни:

Исторія-провиденція.

Послушайте, друзья,
Про бѣлаго царя!
Александра, бѣлый царь,
Милостивый государь,	Жизнь царю сканченія была.
Первый ударъ миновалъ,
20. Въ государя не попалъ.
Злой духъ въ нихъ уселился,
Скоро вздрѣющій явился.
5. Вонъ зъ любовію радѣлъ,
Усѣмъ свободу дать хотѣлъ,
Вонъ злодѣевъ укрощалъ
И отъ казни всѣхъ сбавлялъ.	Царь пораженный упалъ,
Жалебненько слово сказалъ:
25. „Подымите меня, дѣти,
Теперь я нажився на свѣтѣ“.
10. Какъ бы царя истребить.
Много казни потребили,
Отчаянныхъ подкупили,
Мыны подводили,	Слуги къ нему подбѣгали
За бѣлыя руки поддерживали.
Какіе-жъ то злодѣи бывали,
15. Балакуры становили,
Государя не стрѣбили.
Перваго марта числа.	30. Что на царя руки подымали!
Государь, ты нашъ земѣнный
Богъ,
Ты лишився своихъ ногъ.
И внесли его въ дворецъ.

Ты, нашъ батюшка-отецъ!	Черны травуси надѣвали,
35. По сему Петеру тревога.	Упакон дупу сказали.
Нарубили царской стражи много.	По соборамъ зазвонили,
Тамъ велика страсть была,	Погребенія служили.
Гдѣ зъ государя кровь лилась.	50. Послужили шесть недѣль
Ударили телеграмъ,	И здалось одинъ день.
40. Затмѣное солнце къ намъ.	Стали Бога молить,
Дали звѣстіе на Кавказъ,	Какъ бы сына на царя умун-
Полилися слезы зъ глазъ.	рить.
Черный хлакъ (флагъ) подымали,	И мы же поемъ Богу славу,
Усѣ плакали и рыдали;	Царску державу
45. Черный хлакъ опускали,	56. И во вѣки вѣковъ. Аминь.

Записанный мною вариантъ пѣсни, сравнительно съ напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“, представляетъ, по моему мнѣнію, испорченный текстъ: въ немъ много стиховъ пропущено, нѣкоторыя слова искажены, нѣсколько стиховъ переставлено.

Вариантъ Р. С. заключаетъ въ себѣ 74 стиха, мой—56. Но нужно замѣтить, что иногда одинъ стихъ перваго варианта распространяется въ моемъ въ нѣсколько стиховъ. Такъ, напр., вмѣсто моихъ 3—5 стиховъ тамъ читается одинъ.

«Александръ II царь, онъ съ любовію горѣлъ».

Вмѣсто моихъ стиховъ 39—40—тоже одинъ:

«Дали телеграмму: затменія солнца намъ».

Наконецъ, послѣдніе три стиха сведены въ одинъ:

„Богу-слава, царямъ-честь, держава во вѣки вѣка. Аминь“.

Что касается искаженій въ отдѣльных словахъ (калавуры, травуси, земеный, Петеръ и др.), то на нихъ не стоитъ останавливаться. Отмѣчу болѣе искаженные стихи. Такъ въ Р. Ст. стиховъ 17—18 въ Р. Ст. читаемъ.

Марта перваго числа.

Государю смерть пришла.

Стихъ 36 моего варианта, черезъ замѣну слова „стражды“ созвучнымъ „стражи“, получилъ совершенно иной смыслъ. Вмѣсто стиховъ:

Во всемъ Питерѣ тревога,

У государя стражды было много—

въ моемъ вариантѣ стоитъ:

По сему Петеру тревога,

Нарубили царской стражи много.

Не говорю о перестановкахъ стиховъ: ихъ много въ моемъ вариантѣ. Зато въ текстѣ, напечатанномъ въ Р. Ст. нѣкоторые стихи моей записи совершенно отсутствуютъ; это именно стихи: 21—22 и 52—53.

Интересно въ моей записи заглавіе: „Исторія-провиденція“, указывающее, какъ мнѣ думается, на книжное происхожденіе данной пѣсни. Я не имѣю основательныхъ данныхъ, чтобы подкрѣпить это мнѣніе, и высказываю его не болѣе, какъ догадку, хотя считаю должнымъ замѣтить, что самъ Петрикъ, отъ котораго я записалъ варіантъ пѣсни, пояснялъ мнѣ, что есть книжки, въ которыхъ все это подробно и хорошо рассказывается. Мнѣ думается, что именно книжнымъ вліяніемъ объясняются и эти стихи по тексту Р. С.:

Дали телеграмму: затменія солнца намъ,
Солнечные лучи скрылись. ¹⁾

Г. Кульманъ въ своей статьѣ говоритъ: „Печатаемая здѣсь пѣсня не имѣетъ никакой связи съ обычными народно-эпическими приѣмами, кромѣ, развѣ, заключенія и сравненія смерти царя съ исчезновеніемъ солнечныхъ лучей“ (стр. 654). Предполагая въ этихъ стихахъ книжное вліяніе, я не вижу здѣсь связи съ „обычными народно-эпическими приѣмами“. Я скорѣе согласенъ видѣть эту связь, напримѣръ, въ приданіи слову царь эпитета „бѣлый“.

Мнѣ остается высказать пожеланіе и надежду, что появятся въ печати новые варіанты, которые, быть можетъ, разъяснятъ намъ эту во всякомъ случаѣ интересную пѣсню. Если же кому-нибудь извѣстенъ книжный оригиналъ ея, то желательно, чтобы объ этомъ было сообщено въ печати.

Н. Кашинъ.

Тула. 1900 г. Ноября 16-го.

¹⁾ Вѣроятно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ же случаемъ, какой представляетъ собою, напр., и извѣстная теперь въ народѣ пѣсня про Ивана Сусанина, начинающаяся словами: „Сусанинъ, Сусанинъ, куда насъ ведешь?“ А это не что иное, какъ одна изъ думъ К. Ѳ. Рылѣева, начинающаяся такъ: „Куда ты ведешь насъ? Не видно ни зги“.

Критика и библиографія.

Keleti Szemle. Revue orientale pour les études ouralo-altaïques. *Budapest. 1900.*

Въ Будапештѣ, подъ редакціей д-ра Мункачи, началъ издаваться журналъ, посвященный изученію урало-алтайскихъ языковъ и народовъ. Журналъ этотъ является органомъ восточной секціи Венгерскаго этнографическаго Общества и Восточной Коммерческой академіи въ Будапештѣ. Въ немъ участвуютъ ученые разныхъ странъ, и печатаются статьи на венгерскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Въ вышедшей первой книжкѣ имѣется статья, представляющая интересъ для кавказовѣдовъ. Она принадлежитъ самому редактору и озаглавлена: «Kaukasischer Einfluss in den finnisch magyarischen Sprachen». Авторъ въ началѣ статьи заявляетъ, что изслѣдованія графа Зичи, на Кавказѣ, обратили его вниманіе на тотъ весьма интересный вопросъ финно-мадьярскаго сравнительнаго языкознанія и прαιсторіи (Urgeschichte), который уже Жюль Клапротъ затронулъ въ своемъ путешествіи на Кавказъ. («Reise in den Kaukasus» 1814), утверждая и отчасти мотивируя, что въ словарѣ кавказскихъ языковъ можно указать ясную идентичность съ финно-мадьярскими языками. Это положеніе было поддержано нѣкоторыми изслѣдователями и отмѣчено въ языкѣ аваровъ и другихъ кавказскихъ народовъ мадьярскіе элементы. Въ 1838 г. Parrot указалъ въ словарѣ востовъ сходство съ кавказскими языками. Впослѣдствіи, говоритъ авторъ, работы Чубинова, бар. Услара, Шифнера, Эркerta дали не мало данныхъ для сужденія о кавказскихъ языкахъ. Авторъ, въ другой статьѣ, появившейся въ «Ethnographia» (кн. VIII, 459—467) подробно разбираетъ вопросъ объ остаткахъ мадьярскихъ на Кавказѣ (Zur Geschichte der Forschung nach magyarischen Resten im Gebiete des Kaukasus). По древнимъ историческимъ свѣдѣніямъ, мадьяры (Hun-ugaren) жили между Чернымъ и Каспійскимъ морями, по сѣверной линіи Кавказа. Эта первоначальная ихъ родина (Urheimat)—внутренне, по языку, связываетъ народы—вогуловъ, вотяковъ и пермяковъ, и стоянку ихъ нужно искать не на сѣверѣ, а на югѣ, ближе къ Кавказу, въ соприкосновеніи съ арійскими и другими народностями. Возможность связи мадьяровъ съ кавказскими языками ему кажется правдоподобной, въ виду того, что въ мадьярскомъ и въ родственныхъ ему волжско-уральскихъ языкахъ открыты несомнѣн-

ные слѣды вліянія осетинскаго языка. Авторъ готовитъ обширный трудъ объ арійскихъ и кавказскихъ элементахъ въ финно-мадьярскихъ сказкахъ, а въ настоящей статьѣ онъ останавливается на нѣкоторыхъ явныхъ фактахъ касательно этого вопроса. Онъ приводитъ названія металловъ, вскрывающія любопытныя параллели въ мадьярскихъ и кавказскихъ языкахъ. Такъ, венгерское слово, неясное по своему происхожденію, *rez* (мѣдь), неправильно сопоставляемое съ турецкимъ словомъ *jez*, находитъ свое объясненіе въ аварскомъ словѣ *rez* (желтая мѣдь, латунь); *ist* или *ezüst* (серебро) идентично осетинскому *izdi*; абхазское слово *ejxa* (желѣзо, топоръ) въ табасаранскомъ языкѣ имѣетъ соотвѣтствіе въ *jejkho* и въ мадьярскомъ *ek*, для названія «камень»; въ видѣ варіанта въ мадьярскомъ встрѣчается *ko*, которое можно сравнить съ груз. *khua*, *khva*. Не останавливаясь на другихъ примѣрахъ, отмѣчаемъ эту любопытную статью и желаемъ скорого окончанія задуманнаго авторомъ труда. Приводимъ только названія другихъ статей первой книжки венгерскаго журнала: Vambery: „Der Wortschatz des alt-osmanischen“; Wilhelm Bacher: „Osttürkisches aus einem Hebraisch-Persischen Wörterbuche“; Clement Huart: „Notes d'épigraphie turque“. Любопытна статья Pole Horn'a, посвященная „Zu Hodsa Nasreddin's Schwänken“. Авторъ, пользуясь работой проф. Kunos'a, останавливается на вопросѣ объ анекдотахъ Насръ-Эдина, его родинѣ и т. п. На родинѣ ходжи (между Айданъ и Иконіей въ М. Азіи) до сихъ поръ передаются его анекдоты устно, но существуютъ и литографированныя ихъ редакціи.

А. Хахановъ.

Д-ръ М. Габерландтъ. Народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго М. Э. Гюнсбурга. Изд. В. И. Губинскаго. СПБ. 1900 г.

Небольшая книжка Габерландта написана очень толково и систематично. Она состоитъ изъ краткаго введенія, посвященнаго преимущественно выясненію главныхъ факторовъ народной жизни, изъ «общаго народовѣдѣнія», дающаго сжатый очеркъ главныхъ проявленій матерьяльной, общественной и духовной жизни, и «описательнаго народовѣдѣнія», посвященнаго обзору отдѣльныхъ расъ. Несмотря на нѣкоторую сухость, а иногда даже и отрывочность и неточность изложенія, книжка могла бы служить удовлетворительнымъ пособіемъ для начинающихъ, если бы этому не мѣшала безобразный переводъ. Постоянно приходится наталкиваться на фразы въ родѣ напр. такой: такимъ образомъ, но болѣе основательнымъ научнымъ даннымъ, брачныя соединенія въ ордѣ, правда, безъ всякаго ручательства за постоянство, вѣроятно и послужили зачатками семьи. (стр. 40) Конструкція фразъ сплошь да рядомъ остается совершенно нѣмецкой, а кромѣ того, къ недостаткамъ перевода принадлежатъ и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, какъ напр. «умственное утонченіе», (стр. 10), «высокотроническій поясъ» (стр. 7) и т. д. Не довольствуясь тѣми рисунками, которые приложены къ книгѣ въ подлинникѣ, переводчикъ или издатель дополнилъ ихъ цѣлой коллекціей типовъ разныхъ народностей (136 рисунковъ), очевидно, воспользовавшись имѣвшимися подъ ру-

кой старыми клише, и тѣмъ еще больше испортилъ книгу. Громадное большинство этихъ добавочныхъ рисунковъ прямо-таки нигуда не годится, и только данъ лишній предлогъ повысить цѣну на книгу, которая назначена очень не маленькая—90 коп. за 128 стр.

А. Максимовъ.

Д-ръ Леманнъ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. *Переводъ съ нѣмецкаго изданія д-ра Петерсена, просмотрѣннаго авторомъ книги, подъ редакціей В. Н. Линдъ. Изд. магазина „Книжное Дѣло“. Москва, 1899—1900 года. 613+ VII стр.*

Книга Леманна носитъ не совсѣмъ точное заглавіе, такъ какъ содержитъ въ себѣ не только исторію суевѣрій и волшебства, а также и попытку ихъ раціональнаго объясненія. Четвертый отдѣлъ книги, составляющій около $\frac{2}{5}$ всего сочиненія (стр. 374—613) и озаглавленный «Магическое состояніе духа», сводитъ происхожденіе суевѣрій отчасти къ ошибкамъ въ наблюденіи, а главнымъ образомъ къ особымъ психическимъ и психо-патологическимъ состояніямъ человѣка, каковы: сонъ, гипнозъ, истерія и т. п. Этотъ отдѣлъ разработанъ очень подробно и прочтется съ большимъ интересомъ всякимъ читателемъ; спеціально для этнографа онъ тоже имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ несомнѣнно, что многія суевѣрія можно свести къ психо-патологическимъ источникамъ. Нервные и душевные заболѣванія среди некультурныхъ народовъ въ общемъ, вѣроятно, распространены не меньше, чѣмъ среди цивилизованнаго человечества, и въ связи съ внушеніемъ и самовнушеніемъ представляютъ самую благодарную почву для всякаго рода суевѣрій. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно смотрѣть на послѣднія исключительно съ точки зрѣнія психо-патологій. Многія суевѣрія коренятся въ недостаточномъ знакомствѣ съ природой, въ невыработанности приѣмовъ умозаключенія и представляютъ простыя логическія ошибки, совершенно не предполагающія никакой психо-патологической подкладки. Это, конечно, хорошо извѣстно и Леманну, но онъ сравнительно очень мало обращаетъ вниманія на эту сторону вопроса. Помимо спеціальности автора (онъ директоръ психо-физической лабораторіи въ Копенгагенѣ), тутъ несомнѣнно сыграло роль и то обстоятельство, что Леманнъ мало интересовался чисто народными суевѣріями и посвятилъ имъ очень немногія страницы своей книги. Первобытнымъ народамъ удѣлена лишь часть введенія (стр. 18—30), затѣмъ первый отдѣлъ (стр. 31—128) говоритъ о «Мудрости халдеевъ и развитіи ея въ Европѣ». Второй отдѣлъ трактуетъ о «Тайныхъ наукахъ» (стр. 129—248), а 3-ій о «Современномъ спиритизмѣ и оккультизмѣ» (стр. 249—373). Отсюда мы видимъ, что различныя части разработаны авторомъ далеко не съ одинаковою подробностью. Онъ, конечно, имѣлъ право руководиться личными симпатіями въ предпочтеніи тѣхъ или другихъ эпохъ, или тѣхъ или другихъ сторонъ явленія, но можно съ увѣренностью сказать, что вся его работа значительно бы выиграла, если бы онъ болѣе внимательно отнесся къ народнымъ вѣрованіямъ. Тогда общій характеръ явле-

нія получили бы болѣе точное освѣщеніе, а кромѣ того, были бы избѣгнуты нѣкоторыя частныя ошибки. Напримѣръ, Леманнъ думаетъ, что сохранившіяся еще и теперь вѣрованія о вліяніи луны и другихъ планетъ на различныя дѣйствія, болѣзни и т. п. представляютъ наслѣдство ученыхъ магиковъ, но на самомъ дѣлѣ для подобнаго предположенія нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ аналогичныя вѣрованія широко распространены и у такихъ народовъ, относительно которыхъ не можетъ быть и рѣчи о вліяніи на нихъ ученой магіи.

Но какъ бы то ни было, приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, а въ указанныхъ выше предѣлахъ Леманнъ вполне удачно справился со своей задачей. Книга его богата фактами и массой интереснѣйшихъ подробностей, почерпнутыхъ изъ трудно-доступныхъ источниковъ, и можно только пожелать ей болѣе широкаго распространенія среди читающей публики.

А. Максимовъ.

Hermann L. Strack. Das Blut im Glauben und Aberglauben der Menschheit. Mit besonderer Berücksichtigung der «Volksmedizin» und des «jüdischen Blutritus». Fünfte bis Siebente Auflage 12—17 Tausend (Neubearbeitung der Schrift «Der Blutaberglaube»). München 1900. XII+208.

Авторъ настоящей книги состоитъ профессоромъ теологіи въ Берлинскомъ университетѣ, и взялся за обсужденіе вопроса о роли права въ народныхъ суевѣріяхъ, побуждаемый желаніемъ пролить свѣтъ на повторяющіяся постоянно обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови ради ритуальныхъ цѣлей. Недовольствуясь категорическимъ отрицаніемъ этого обвиненія и опроверженіемъ всѣхъ приводимыхъ въ подтвержденіе его фактическихъ данныхъ, Штракъ перенесъ споръ на болѣе широкую, этнографическую почву. Сомнительно, чтобы ближайшая задача Штрака отъ этого выиграла, такъ какъ, взявшись не за свое дѣло, онъ надѣлалъ рядъ ошибокъ, которыя могутъ служить лишнимъ аргументомъ въ рукахъ его противниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не только приписываетъ крови очень широкую роль въ народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ, но даже допускаетъ и среди христіанскихъ народовъ ритуальныя убійства и употребленіе крови вмѣсто причастія съ религіозными цѣлями. Если подобный фактъ и можетъ имѣть какое-либо значеніе для вопроса объ употребленіи евреями христіанской крови, такъ—вовсе нежелательное для автора. Иной читатель можетъ сдѣлать и такой выводъ, что если христіане вопреки всему, что говорится въ ихъ священныхъ книгахъ, совершаютъ ритуальныя убійства, такъ отчего же не допустить подобную возможность и относительно евреевъ.

Вторая половина книги Штрака, гдѣ онъ разбираетъ обвиненія противъ евреевъ, написана очень обстоятельно и убѣдительно доказываетъ (если только подобныя доказательства нужны) всю неосновательность этихъ обвиненій, ихъ полное несоотвѣтствіе ученію Библіи и Талмуда и ихъ

полную голословность или завѣдомую ложность. Чтеніе этой части очень поучительно и для спеціалиста-этнографа, какъ прекрасная иллюстрація того, насколько упорно держатся ни на чемъ неоснованныя утвержденія относительно цѣлаго народа. И если бы самъ Штракъ хорошенько помнилъ это обстоятельство въ то время, когда писалъ первыя главы своей книги, то и онъ значительно бы выигралъ. Тогда онъ отнесся бы менѣе довѣрчиво къ нѣкоторымъ фактамъ и прежде, чѣмъ заносить ихъ на страницы своей работы, провѣрилъ бы ихъ, а пожалуй и совсѣмъ бы отказался отъ нихъ. Такъ, руководствуясь неточными свѣдѣніями, онъ не знаетъ, что Мултанское дѣло кончилось оправданіемъ злосчастныхъ вотяковъ; при этомъ онъ нѣкоторыя подробности самого дѣла передаетъ не совсѣмъ правильно и говоритъ, что вотяки «были настолько убѣждены въ законности своего дѣйствія, что нисколько не пытались скрыть убійства». Въ результатъ получается, что человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ для него вполне установленный фактъ. Точно также онъ вѣритъ, что русскіе хлысты и скопцы причащаются человѣческимъ мясомъ и кровью. Насколько нетребователенъ въ данномъ случаѣ Штракъ въ доказательствахъ, можно судить по тому, что одно изъ своихъ сообщеній онъ основываетъ лишь на словахъ Гакстгаузена, говорящаго въ свою очередь со словъ своего писаря, нѣмца, разорившагося аптекаря, бывшаго потомъ винокуромъ. Самъ Гакстгаузенъ говоритъ, что «разказы его почти невѣроятны, но тѣмъ не менѣе въ три мѣсяца, которые онъ у меня пробылъ, я никогда не замѣчалъ, что онъ лжетъ»¹⁾. Штракъ умолчалъ о томъ, что источникомъ Гакстгаузена былъ всего одинъ единственный свидѣтель и то такой, гарантіей добросовѣстности котораго было лишь то, что онъ за три мѣсяца не былъ ни разу уличенъ во лжи, умолчалъ о томъ, что самому Гакстгаузену эти разказы кажутся «почти невѣроятными», и этимъ умолчаніемъ доказалъ отсутствіе у себя критическаго чутья. Далѣе Штракъ считаетъ возможнымъ признать справедливыми, хотя бы отчасти, обвиненія гностиковъ въ причащеніи мужскимъ сѣменемъ и менструаціонною кровью. Мало того, у него мы даже находимъ и такого рода фразу: «Чтобы Карпократиане употребляли въ своихъ обрядахъ кровь, это правда не говорится прямо, но становится очень вѣроятнымъ при сравненіи съ родственными гностиками» (стр. 14). Такимъ образомъ, онъ идетъ даже дальше показанія своихъ источниковъ, не смотря на то что главнаго изъ нихъ, Епифанія, онъ самъ признаетъ ненадежнымъ и легковѣрнымъ (стр. 15). Онъ забываетъ, что аналогичныя обвиненія высказывались первое время и вообще противъ всѣхъ христіанъ, и что они принадлежатъ къ числу тѣхъ средствъ, на которыя неразборчивы въ пылу горячей полемики.

Итакъ, къ сообщаемымъ авторомъ фактамъ надо относиться съ нѣкоторой осторожностью; все же его книга прочтется не безъ интереса и

¹⁾ Гакстгаузенъ. Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній etc. (русскій пер.), стр. 227.

кое-какія указанія изъ нея можно почерпнуть. Къ числу достоинствъ ея принадлежитъ то, что въ ней по большей части указаны источники каждаго сообщенія, такъ что въ случаѣ надобности его можно провѣрить.

А. Максимовъ.

Е. И. Якушкинъ. Обычное право русскихъ инородцевъ. Матерьялы для библіографіи обычнаго права. (*Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., кн. 190-я*). М. 1899 г., стр. 1-366.

Настоящая работа служитъ непосредственнымъ продолженіемъ двухъ первыхъ томовъ по библіографіи обычнаго права, уже изданныхъ авторомъ раньше, и въ нее вошелъ перечень книгъ и статей, посвященныхъ исключительно инородческому праву и вышедшихъ въ свѣтъ съ 1875 по 1890 г.; впрочемъ указаны также нѣкоторыя сочиненія, изданныя раньше, но пропущенныя въ I-мъ томѣ. Нечего и говорить, что перечень вышелъ не вполне полный и что, не говоря уже о провинціальныхъ газетахъ, использованныхъ авторомъ далеко не систематически, можно указать, напримѣръ, на такіе пропуски въ литературѣ о черемисахъ, какъ статьи С. Кузнецова въ „Др. и Нов. Россіи“, книга свящ. Яковлева (Религіозные обряды черемисъ, 1887 г.), извѣстная работа проф. Смирнова (1889 г.) и т. д. Но, не смотря на эти недочеты, книга г. Якушкина несомнѣнно представляетъ выдающееся явленіе въ нашей литературѣ. Богатое и многочисленное ученое общество могло бы, конечно, выполнить поставленную себѣ авторомъ задачу лучше, но для отдѣльнаго человѣка это невозможно. Въ настоящемъ указателѣ названо 1197 книгъ и статей, сама по себѣ эта цифра уже почтенная, но главное достоинство разбираемой нами книги состоитъ не въ количествѣ названий, а въ томъ, что авторъ почти всегда указываетъ содержаніе отдѣльныхъ работъ, иногда онъ даетъ очень подробные конспекты отдѣльныхъ книгъ и статей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаетъ даже къ дословнымъ перепечаткамъ особенно интересныхъ сообщеній. Книга отъ этого выигрываетъ въ двухъ отношеніяхъ: специалисту она прямо говоритъ, гдѣ онъ можетъ и гдѣ не можетъ найти свѣдѣнія по интересующему его частному вопросу, а обыкновенному читателю она даетъ довольно подробное и точное понятіе о самомъ содержаніи инородческаго права и знакомство съ важнѣйшими его нормами. Иными словами, это обзоръ не одной литературы по инородческому праву, а и обзоръ самого этого права. Если прибавить сюда, что авторъ очень широко понимаетъ, какъ самый терминъ «обычное право», такъ и источники, необходимые для его изученія, включая сюда, напр., свадебные обряды, пѣсни, сказки и т. п., то отсюда ясно видно, какой цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу представляетъ разбираемое нами сочиненіе. Къ достоинствамъ его необходимо отнести также очень подробные указатели, которые значительно облегчаютъ пользованіе книгой.

А. Максимовъ.

П. Лупповъ. Народное образованіе среди вотяковъ со времени первыхъ извѣстій о нихъ до 1840-хъ годовъ. *Вятка 1898 г.*

Небольшая брошюрка г. Луппова содержитъ немало интересныхъ указаній на условія, въ которыхъ было поставлено распространеніе грамотности среди вотяковъ въ прежнее время. Собственно говоря, сколько-нибудь правильное обученіе вотяковъ начинается лишь со второй половины 18-го вѣка, отдѣльные грамотѣи встрѣчались, конечно, и раньше; грамотность они пріобрѣтали помимо школъ, въ то время еще не существовавшихъ. Только въ срединѣ 18 вѣка были открыты 4 школы для новокрещенныхъ инородцевъ, гдѣ вотяки обучались наряду съ черемисами, мордвою, татарами и т. д. Число учащихся вотяковъ въ этихъ школахъ было незначительно, съ 1750 г. по 1771 г. поступило всего 29 человекъ, а кончило обученіе съ какимъ-нибудь результатомъ прямо ничтожное количество. Объясняется это неудачной постановкой самого дѣла; школы, повидимому, были обставлены очень плохо въ матеріальномъ и санитарномъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ можно судить по громадной смертности учениковъ: изъ 19 вотяковъ—9 умерли во время пребыванія въ школахъ. Не лучше было поставлено и самое обученіе, велось оно на русскомъ или славянскомъ языкѣ и преслѣдовало узко спеціальныя цѣли—подготовленіе церковниковъ. Но и эта цѣль почти не достигалась,—послѣ 10—11 лѣтняго обученія только 5 вятскихъ мальчиковъ оказались достойными занять церковно-служительскія мѣста, хотя требованія для этого предъявлялись самыя умѣренныя. Постепенно и эти школы заглохли и закрылись, и обученіе вотяковъ было по прежнему предоставлено частной инициативѣ. Образованіе министерства народнаго просвѣщенія не только не подвинуло впередъ дѣла обученія вотяковъ, но наоборотъ скорѣе затормозило его, поставивъ извѣстныя преграды частной преподавательской дѣятельности, такъ что въ канцелярію Вятскаго директора народныхъ училищъ стали поступать такіа донесенія: «частныхъ училищъ нѣтъ, такъ какъ стараніемъ г. городничаго они всѣ закрыты» (стр. 46). Вообще пониманіе администраціей какъ мѣстной, такъ и центральной своихъ задачъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія оставляло желать очень многого. Духовному вѣдомству, однако, удалось отстоять свою самостоятельность въ начальномъ обученіи, и оно осталось единственнымъ проводникомъ грамотности среди вотяковъ. Бѣльшее вниманіе, удѣляемое съ 20 гг. обращенію вотяковъ въ христіанство, заставило относиться болѣе серьезно и къ обученію ихъ. Миссіонерскія школы, хотя медленно, но все же увеличивались числомъ, и въ 1838 г. въ 19 школахъ обучалось уже 193 вотяка. Къ этому же времени относится и переходъ къ преподаванію на вотяцкомъ языкѣ, представлявшій несомнѣнно громадный шагъ впередъ.

А. Максимовъ.

Сборникъ матерьяловъ для статистики Сырь-Дарьинской области. *Издание Сырь-Дарьинскаго областного статистическаго комитета. Подъ ред. и. д. секретаря комитета И. И. Гейера. Т. VII. Ташкентъ 1899.*

Изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ статей этнографическій интересъ представляетъ только небольшая статья г. Н. Лыкошина «Роль дервишей въ мусульманской общинѣ ташкентскихъ туземцевъ». Приложеніемъ къ ней служить списокъ ипановъ, живущихъ въ настоящее время въ Ташкентѣ, и переводъ «Рисалля-и-тарикать», т. е. наставленія какъ нужно готовить себя для вступленія въ орденъ дервишей «накибандіа-ахмадіа». Этотъ документъ особенно интересенъ, и содержащіяся въ немъ наставленія о произнесеніи имени Божьяго различными частями тѣла могутъ служить иллюстраціей общаго духа, которымъ онъ проникнутъ.

Кое какія мелочи можно найти еще въ статьѣ Н. Габбина: «Кустарные промыслы». I. Производство сѣделъ».

А. М.

А. А. Диваевъ. О свадебномъ ритуалѣ киргизовъ Сырь-Дарьинской области. *Казань 1900 г. (Изъ „Учен. Зап. Каз. Ун.“).*

Хотя о свадебныхъ обрядахъ у киргизъ, и въ томъ числѣ киргизъ именно Сырь-Дарьинской области, писано немало и нѣкоторыя описанія отличаются очень большою детальностью, тѣмъ не менѣе брошюрка г. Диваева оказывается не лишней. Дѣло въ томъ, что содержащееся въ ней описаніе свадебнаго ритуала дословно записано со словъ одного киргиза Чимкентскаго у., и, благодаря этому, мы можемъ судить о томъ, какіе именно моменты свадебнаго церемоніала кажутся наиболѣе существенными и важными въ глазахъ самихъ киргизовъ. Описаніе дано довольно краткое, но нѣкоторыя части его разработаны сравнительно очень подробно, особенно предварительныя посѣщенія женихомъ невѣсты, предшествующія окончательному заключенію брака. Къ описанію приложено нѣсколько свадебныхъ пѣсень. Какъ само описаніе, такъ и эти пѣсни приведены и въ киргизскомъ подлинникѣ, и въ русскомъ переводѣ.

А. Максимовъ.

Сборникъ киргизскихъ пословицъ. Матерьялъ по этнографіи киргизъ. *Издание Тургайскаго областного статистическаго комитета. Оренбургъ 1899 г.*

Въ сборникъ вошло болѣе 1700 пословицъ, но значительная часть ихъ могла бы быть опущена безъ всякаго ущерба для дѣла. Киргизы далеко не такая мало изслѣдованная народность, чтобы нужно было сохранять и записывать каждую мелочь, имѣющую къ нимъ отношеніе. Большинство изъ вошедшихъ въ сборникъ пословицъ могутъ имѣть какое нибудь значеніе лишь въ качествѣ образчиковъ киргизскаго языка; для сужденія же о бытѣ и складѣ мысли киргизъ онѣ не даютъ почти никакихъ данныхъ, которыя не были бы получены болѣе прямымъ пу-

темъ. Конечно, общія черты быта отражаются и на пословицахъ, и напр. киргизы, какъ пастушескій народъ, очень часто пользуются аналогіями изъ жизни домашнихъ животныхъ, но что киргизы—скотоводы, это мы знаемъ и безъ пословицъ. Только меньшинство пословицъ, преимущественно тѣ, въ которыхъ киргизы выражаютъ свое отношеніе къ разнаго рода социальнымъ установленіямъ, представляютъ нѣкоторый интересъ, и составитель сборника гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы ограничился только ими. Въ пословицахъ, напр., проглядываетъ довольно рѣзко выраженное отрицательное отношеніе киргизъ къ полигаміи, черта во всякомъ случаѣ любопытная.

Изданъ сборникъ не вполне удовлетворительно. Каждая пословица приведена въ киргизскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Не беремся судить о точности киргизскихъ записей, но русскіе переводы оставляютъ желать многого въ смыслѣ ясности. Такъ, на стр. 5-й мы находимъ такую непонятную пословицу: «Народъ святъ, озеро—рѣка». Другія пословицы, смыслъ которыхъ грамматически вполне ясенъ, тѣмъ не менѣе остаются иногда совершенно непонятными безъ объясненій, напр. «Пьетъ, кто родился, а не пустая вещь» (стр. 34) и т. д. Распредѣленіе пословицъ по отдѣламъ тоже оставляетъ желать лучшаго, что впрочемъ признаетъ въ предисловіи и самъ составитель.

А. Максимовъ.

Симони, Павелъ. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. *Выпускъ первый, съ приложеніемъ XIII-ти таблицъ снимковъ съ рукописей. I—II. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ. СПб. 1899.*

Пословицамъ особенно посчастливилось въ старинной русской литературѣ. Съ самаго начала нашей письменности онѣ заносятся въ цѣлый рядъ памятниковъ характера лѣтописнаго, поэтическаго, поучительнаго; значительное количество «мірскихъ притчъ» вошло въ Моленіе Даниїла Заточника и въ апокрифическія сказанія о Соломонѣ. Наконецъ, въ концѣ XVII вѣка мы видимъ замѣчательную попытку «малая собрати отъ многихъ воедино, яже обрѣтохъ: ова писана издревле, мною, яко лѣтъ за сто или больше, иная же на словахъ обносящаяся», какъ говоритъ самъ составитель перваго изъ двухъ сборниковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Симони (стр. 69). Здѣсь особенно интересно заявленіе собирателя 80—90-ыхъ годовъ XVII столѣтія, что онъ пользовался старымъ сборникомъ пословицъ, писаннымъ, быть можетъ, еще въ XVI вѣкѣ. Это свидѣтельство подтверждается самымъ сборникомъ, въ которомъ встрѣчаются такія древнія формы, какъ ся гиѣваетъ, ся озираетъ, твор. пад. глаза, батоги, ослоны, лучки, или такія старинныя слова, какъ цѣльба, тять, лѣторосль, хижя. Но составитель не ограничился перепиской стараго сборника; онъ многое почерпнулъ изъ употребительныхъ въ устной рѣчи пословицъ. Замѣчательно, что, составляя свой сборникъ, онъ принужденъ оговариваться передъ «читателемъ или послушателемъ», чтобы

тотъ не «зазрилъ» его работы, не вмѣнилъ бы ея въ «презорство», «не въ ново бо сія, ни нами начало пріять, но стародавняя нѣкая, точію нынѣ во едино собра(хъ), яже отъ многихъ уже лѣтъ въ мірѣ утвердишася» (69). И далѣе онъ ссылается на авторитетъ «древнихъ мужей», которые установили пословицы; если, говоритъ онъ, онѣ и не взяты изъ Священнаго писанія, то все-таки многое въ нихъ согласно ему, только что безъ прикрасъ, «какъ мірстїи жители простою рѣчію говорятъ». Далѣе опять ссылка на древнихъ, которые брали отъ святыхъ книгъ приточныя строки или пословицы, уснащали реченіями изъ Писанія. Все это указываетъ противъ тѣхъ, которые «съ ругательнымъ намѣреніемъ здѣ писаннымъ поносятъ и широкій(?) составляютъ». Особенно интересно указаніе собирателя на сборники пословицъ, которыя печатаются въ типографіяхъ «западныхъ странъ, якоже изъ нихъ нѣкія моима видѣхъ очима» (71). Вѣроятно, это были польскія пословицы, которыя дѣйствительно собирались въ старину, или книги въ родѣ «Politika Dworskie» Яна Забчица (1630 г.), состоящая изъ правоучительныхъ изреченій и въ русскомъ переводѣ помѣщенная въ томъ же сборникѣ, откуда г. Симони почерпнулъ и собраніе пословицъ. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что собирателемъ былъ человѣкъ новаго направленія, хотя не Петровскаго, но во всякомъ случаѣ либераль XVII вѣка, проникнутый свѣтскими польскими идеями (это видно между прочимъ изъ его любви къ философствованію относительно фортуны и колеса времени, стр. 70). Въ виду этого приписываніе авторомъ сборника пословицъ «извѣстному представителю строго-православной части на Москвѣ», чудовскому монаху Евѣмїю (стр. 68) намъ кажется не только мало обоснованнымъ, но даже невѣроятнымъ. Вспомнимъ, что симпатіи составителя всего сборника лежатъ на сторонѣ лицъ противоположнаго, «латинскаго», или вообще либеральнаго направленія: іеродіаконъ Теофана (Прокоповича, стр. 11) Симеона Полоцкаго (12), «господина честнѣйшаго инока Арсенія» (Грека, 15), «старца Максима Грека» (16); вспомнимъ его пристрастіе къ виршамъ, баснямъ Эзопа, къ польскимъ и даже іезуитскимъ (11) книгамъ; ¹⁾ наконецъ, приведемъ заключительныя слова всего сборника: «Поведоша Господа на распятіе. Мужей пѣшихъ было легионъ, 690 человѣкъ, стрѣльцовъ 600, вѣстодѣевъ 60 мужей, турчанъ 300. Распяша Господа на востокъ лицомъ. Ударилъ Господа въ ланиту именемъ Фалсать, рабъ Каіафинъ, родомъ латынянинъ; проболъ Господа въ ребра лавасъ-воинъ». (стр. 64). «Строго-православное» направленіе оказывается совершенно неподходящимъ къ составителю сборника. Такъ какъ большая часть бумаги, на которой написанъ сборникъ, относится къ 1681—6 гг., (стр. 16) то имъ не могъ быть Симеонъ Полоцкій († 1680), но могъ быть Сильвестръ Медвѣдевъ († 1691), бывший подъячій, который «языкъ свой изощрише яко зміинъ», родомъ изъ Курска (ср. замѣчанія акад. Корша относительно аканья не помосковски собирателя пословицъ, стр. 3—5, и П. А. Ро-

¹⁾ Ср. пословицу № 17: „Астрономія умѣть—любовь къ Богу имѣть“ съ осужденіями Астрономіи и Зодіа ревнителями православной старины.

винскаго въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 293—5), прекрасно зналъ латинскій и польскій языки, почему и «уклонился въ слухъ погибельный папешкаго злочестія» (*Пынинъ*, Исторія русской лит. II, 372—382.)

Второй сборникъ пословицъ, меньшій по объему, нежели первый (въ немъ 1213 №№, тогда какъ въ первомъ—2876), былъ составленъ между 1700 и 1730 гг., по вѣроятному предположенію автора, въ Вологодскомъ, во всякомъ случаѣ сѣверномъ краѣ (стр. 171)¹⁾ и, повидимому, человѣкомъ уже Петровскаго направленія, такъ какъ собиратель не считалъ нужнымъ оправдываться въ составленіи сборника (рукопись начинается безъ всякаго заглавія пословицами на букву А); единственная надпись на ней — «здѣ полагаются отъ сего же алфавита мірскія пословицы и разговоры, понеже тамо не вписаша за умаленіемъ (недостаткомъ) мѣста» (с. 170, 214)—останавливаетъ на себѣ вниманіе терминами: «мірскія пословицы и разговоры», напоминающими постоянно встрѣчающіяся въ языкѣ Петровскаго времени «разговоры и комплименты»; мы видѣли, что составитель перваго сборника не знаетъ термина «разговоры»; онъ знаетъ только «мірскія притчи, мірскія вещи, или пословицы». Откуда второй собиратель досталъ свои матеріалы, сказать трудно; вѣроятно, большую часть онъ записалъ изъ устъ, но, можетъ быть, кое-что попало въ его сборникъ литературнымъ путемъ; такъ искаженіе «лѣтитъ» вм. «лѣтъ» въ пословицѣ: «Сорока лѣтитъ а сорома нѣтъ» (№ 632), можно объяснить лишь неправильной перепиской пословицы, которая въ первомъ сборникѣ читается такъ: «Сорока лѣтъ сорома нѣтъ» (№ 2116).

Вышедшій въ настоящее время I выпускъ труда г. Симони представляетъ только начало обширнаго собранія пословицъ, куда авторъ предполагаетъ помѣстить все сборники, рукописные и печатные, появившіеся до перваго изданія пословицъ Даля (1852). Авторъ приводитъ перечень такихъ сборниковъ, а также извѣстныхъ ему лишь по заглавію, неизвѣстно гдѣ находящихся (стр. XI—XIII); между прочимъ, онъ не могъ найти собраніе пословицъ, сдѣланное поэтомъ Кольцовымъ; можемъ сообщить, что оно напечатано уже въ изданіи: „Воронежская Бесѣда“ на 1861 г. Изд. М. Де-Пуле и Н. Глотова С.-П.-Б. 1861. Одновременно съ печатаніемъ текстовъ авторъ обѣщаетъ вести параллельное изслѣдованіе исторіи русской пословицы; въ концѣ изданія будетъ подробный библіографическій указатель. Было бы желательно имѣть также указатель именъ и предметовъ, хотя бы общій для всего изданія; всякій изслѣдователь русской народной поэзіи сказалъ бы за это автору искреннее спасибо.

Что касается точности изданія текстовъ и тщательности описанія рукописей, то онѣ не оставляютъ желать ничего лучшаго: каждый, хотя бы незначительный, знакъ рукописи, каждая отмѣтка передаются авто-

¹⁾ Между прочимъ, въ одной пословицѣ, № 1209, упоминается г. Великія Луки.

ромъ, котораго можно, пожалуй, иногда упрекнуть за излишнюю подробность описанія, заставляющую опасаться, что она затянется дѣло, не принеся большой пользы; по крайней мѣрѣ, оглавленіе басенъ Эзопа, занимающее въ книгѣ 11 страницъ (53—63) и не имѣющее прямого отношенія къ сборнику пословицъ, съ успѣхомъ могло бы быть выпущено.

Матеріалъ настоящаго выпуска не представляетъ абсолютной новизны: второй сборникъ былъ уже напечатанъ цѣликомъ (въ 1880 г.), изъ перваго кое-что было взято Буслаевымъ и Сибгиревымъ. Несмотря на это, систематичность и точность изданія дѣлаютъ книгу г. Симони необходимымъ пособіемъ при всякомъ изученіи русской поэзіи и отчасти исторіи. Историкъ старой русской литературы найдетъ въ ней любопытные слѣды старой письменности. Такъ, пословица: «Единъ гонитъ сто, а два тму» (сборн. I, № 814), повторяетъ выраженіе въ Повѣсти о пришествіи Батыя на Рязанскую землю: «бѣяшася (воины Коловрата) единъ съ тысящею, а два съ тмою»; II, № 320 = 359: «Ласковое (мягкое) слово кость (кости) ломить, а жестокое гнѣвъ воздвизаетъ» — не что иное, какъ пословица Китовраса: «Мягко слово кость ломить, а жестоко слово гнѣвъ воздвизаетъ»; I, № 2205: «Скрипитъ, что русская телѣга» напоминаетъ извѣстное выраженіе въ Словѣ о полку Игоревѣ: «крычать телѣгы полунощи, рѣчи лебеди роспужени»; № 666: «Дураковъ ни сѣютъ, ни жнутъ, — сами родятся» встрѣчается у Данила Заточника въ видѣ: «Безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, но сами ся ражаютъ». Историкъ найдетъ въ пословицахъ воспоминанія о татарахъ (I, №№ 2026, 2248, 2257, 2569, 2745), объ Ермакѣ (1992), о сторожевой службѣ на Окѣ (1438), объ уходѣ въ казачество на Донъ (II, 226), о битвѣ казаковъ съ ляхами (571), о разбояхъ на Волгѣ (I, 31, 626), о грозѣ Запорожскихъ казаковъ (614, 1323) и крымцевъ (30, 33, 297, 627, 898, 1498), о славѣ Вильны какъ «дивнаго» города (106, 1590, II, 780), о сношеніяхъ съ Персией (82, 895, Абаса = Аббасъ-Абадъ или Аббасъ-Туманъ), о князѣ Пожарскомъ (1970), о Маринѣ Мнишекѣ (II, 535: Паръ въ банѣ — не одной Маринѣ; извѣстная пѣсня обвиняетъ самозванца съ женою въ томъ, что они во время обѣдни парились въ банѣ). Исследователь фольклора обратитъ вниманіе на пословицы, повторяющія или былинныя выраженія (534, 1719, 667; II, 48, 1117, 1135), или пѣсенныя (746, 758, 1544; II, 161), или сказочныя (738, 293), или напоминающія Соломонову казнь въ повѣсти о похищеніи его жены (614, 752). Въ нѣкоторыхъ пословицахъ выражаются взгляды на богатырство (II, 553, 875—6), упоминается былинное названіе Кряковецъ (II, 224) и былинный взглядъ на Ростовъ, какъ на благочестивый городъ (I, 2734); въ другихъ выражается мнѣніе о пѣсенной традиціи (1209), указываются праздники Масляницы и Радуницы (524; II, 1104), встрѣчаются любопытные намеки на легенду о цвѣткѣ «Иванъ да Марья» (1181), на грозный взглядъ Касьяна-Вія: «Зинулъ Касьянъ на крестьянъ» (1108), примѣта о дождѣ (2067); интересенъ также взглядъ людей XVII в. на старинныя русскія имена: «Жданъ

Богданъ—коровье имя (942; извѣстно, что коровъ до сихъ поръ называютъ Богоданками).

Уже изъ этого случайнаго перечня замѣчательныхъ чертъ въ старыхъ записяхъ пословицъ видна важность ихъ изданія. Привѣтствуя появленіе перваго выпуска тщательно исполненной работы г. Симони, съ нетерпѣніемъ ждемъ ея продолженія и думаемъ, что дѣло пойдетъ скорѣе, если авторъ приметъ во вниманіе высказанныя здѣсь замѣчанія.

А. Марковъ.

Религіозныя вѣрованья съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Перев. съ англійскаго В. А. Тимирязева. Дохристіанскія и нехристіанскія вѣрованья. СПБ. Изд. Суворина. 1900 г.

Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Лондонѣ образовался кружокъ лицъ, которыя, имѣя въ виду распространеніе въ широкихъ кругахъ вѣротерпимости, рѣшили въ цѣломъ рядѣ публичныхъ лекцій популярно изложить различныя религіозныя, философскія и социальныя системы. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ 1888 до 1891 г. были устроены многочисленныя публичныя чтенія, въ которыхъ выступали лекторы специалисты; среди нихъ встрѣчались и видныя въ наукѣ имена. Въ настоящей книгѣ собраны 50 изъ этихъ лекцій и къ нимъ прибавлено 8 статей, которыя не были прочитаны публично. Въ публичныхъ лекціяхъ, предназначенныхъ для широкаго круга слушателей, рассчитанныхъ на опредѣленное и краткое время, едва ли является возможнымъ представить опредѣленный и достаточно пространный очеркъ такихъ глубокихъ религіозныхъ системъ, каковы, напримѣръ, конфуціанство, буддизмъ и др. Авторамъ публичныхъ чтеній, собранныхъ въ настоящей книгѣ, приходилось быть краткимъ, останавливаться на такъ называемыхъ казовыхъ подробностяхъ, слишкомъ поверхностно касаться нѣкоторыхъ интересныхъ сторонъ той или другой религіозной системы. Не всѣ статьи въ книгѣ обладаютъ къ тому же одинаковыми серьезными достоинствами; нѣкоторыя, изъ нихъ даже чрезчуръ кратко и поверхностно составлены. Все это надо отнести къ недостаткамъ книги. Но наша литература, касающаяся вѣрованій различныхъ народовъ, такъ скудна, что появленіе ея можно только привѣтствовать. Рассчитанная на широкую публику, она, быть можетъ, повлечетъ за собой пробужденіе извѣстнаго интереса къ этой важной области проявленія человѣческаго ума и натолкнетъ быть можетъ не одного читателя на болѣе подробное изученіе отдѣльныхъ религіозныхъ системъ или религіозныхъ воззрѣній отдѣльныхъ народностей.

В. Х.

Описаніе Минусинскаго Музея. Вып. IV. Е. Н. Яковлевъ: Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. Издано на средства В. А. Данилова. Минусинскъ, 1900.

Мы имѣемъ передъ собой новое весьма интересное изданіе Минусинскаго Музея. Дѣятельность этого учрежденія пользуется почетной извѣст-

ностью и служить однимъ изъ отрядныхъ факторовъ общественной жизни далеко лежащей области. Она доказываетъ лишний разъ, какъ много можетъ сдѣлать кучка людей, энергичныхъ работниковъ, безкорыстно преданныхъ дѣлу. Посвящая свои силы всестороннему изученію области, музей все болѣе и болѣе обогащаетъ всѣ свои отдѣлы. Изъ отчета его за 1899 г. видно, что естественнo-историч. отдѣлъ его обладалъ 148 предм., антропологическій—569, археологическій—12907, горнопромышленный—1092, промышленный—2048, сельско-хозяйственный—2864, нумизматическій—2432, образовательный—8445, педагогическій—1632 предм. Кромѣ того при музеѣ существуетъ метеорологическая станція, на которой производятся наблюденія метеорологическія и сейсмоскопическія, и библіотека въ 15071 названій. Музей участвовалъ во всемірной Парижской выставкѣ отправкой коллекцій по флорѣ, географіи, этнографіи и археологіи Южно-Енисейскаго края. Этнографическія коллекціи Минусинскаго музея состоятъ въ настоящее время изъ 2440 предметовъ, собранныхъ среди населенія Минусинскаго округа. Кромѣ того 560 предметовъ относятся къ этнографіи китайцевъ и японцевъ, тунгусовъ, остяковъ, и др. Они выдѣлены въ отдѣлъ общеобразовательный, такъ какъ дирекція имѣла въ виду въ этнографическомъ отдѣлѣ своего музея обособить Минусинскій округъ, представить полно всѣ стороны жизни разнороднаго и интереснаго населенія округа, коренного и пришлаго. Она сама сознаетъ, что этому положено только начало, но и начало это уже представляетъ значительный интересъ. Но нельзя не согласиться съ авторомъ настоящаго описанія, что съ изученіемъ народной жизни въ Минусинскомъ округѣ надо спѣшить и какъ можно скорѣе. Новыя формы жизни вторгаются съ необыкновенной быстротой, внесенныя пришлыми элементами: русскими, мордвой, эстами, латышами; на религіозныя представленія инородцевъ все болѣе накладываютъ печать съ одной стороны христіанство, съ другой—буддизмъ; вымираютъ сказочники—и съ ними храющіяся только въ изустной передачѣ богатырскія былины и сказки.

Описаніе коллекцій предпринято по интересному плану. Авторъ предпослалъ ему общій этнографическій очеркъ инородческаго населенія долины Южнаго Енисея, составленный имъ на основаніи матеріаловъ печатныхъ и лично собранныхъ. Авторъ скромно отмѣчаетъ краткость очерка, отсутствіе нѣкоторыхъ отдѣловъ (онъ не касается между прочимъ повѣрій, народнаго творчества, обычно-правовыхъ возрѣній и др.); тѣмъ не менѣе его статья, занимающая 122 стр., прочтется съ большимъ интересомъ. Въ небольшой сравнительно литературѣ объ инородцахъ даннаго края, она будетъ не малозначащимъ вкладомъ. Слѣдуетъ затѣмъ систематическое описаніе коллекцій, снабженное нѣсколькими цинкографіями. Здѣсь надо отмѣтить ту тщательность, съ которой описанъ подробно почти каждый предметъ, благодаря чему возможно получить о немъ представленіе, не имѣя его передъ глазами. Этимъ описаніе г. Яковлева выгодно отличается отъ другихъ подобныхъ описаній. Въ концѣ приложена библіографія объ инородцахъ Минусинскаго и Засаянскаго края, что безспорно возвышаетъ цѣнность настоящаго изданія.—Отдѣльно и кратко

г. Яковлевъ касается русскаго населенія области, состоящаго изъ переселенцевъ, ссыльных и такъ наз. крестьянъ изъ казаковъ. Въ описаніи небольшой коллекціи предметовъ, относящихся къ быту русскихъ, находимъ интересное описаніе костюма прошлаго столѣтія. Одежда всюду быстро подвергается измѣненіямъ, требуемымъ модой, и поэтому интересно и особенно трудно возстановить болѣе старинные костюмы. Далѣе слѣдуетъ описаніе этнографическихъ предметовъ, принадлежащихъ латышамъ, остякамъ, тунгусамъ, мордвѣ, и описаніе коллекцій по быту китайцевъ, составленное Н. М. Мартыновымъ.—Глядя на упорную и добросовѣстную работу Е. К. Яковлева въ предпринятомъ имъ описаніи, нельзя не сказать спасибо ему за его безкорыстный трудъ.

В. Х.

Проф. Т. Флоринскій. Малорусскій языкъ и „українсько-руський“ литературный сепаратизмъ. С.-Петербургъ. 1900.

Авторъ на стр. 56—57 своей брошюры говоритъ слѣдующее:

«Поборники малорусской литературы за послѣднія двадцать пять лѣтъ стремятся вывести ее изъ (тѣсныхъ)... этнографическихъ рамокъ... Они пытаются поставить малорусскій языкъ на одну ступень съ языкомъ обще-русскимъ, т. е. стараются присвоить ему роль органа науки и высшей образованности для... южно-русскаго народа... Простонародный малорусскій языкъ... дѣлаютъ языкомъ преподавательскимъ не только въ низшихъ и среднихъ, но и въ высшихъ школахъ. Собираются деньги, и предпринимаются другіе хлопоты для основанія малорусскаго, или «українсько-руського» университета... Еще энергичнѣе ведутся приготовленія по открытію «українсько-руської» академіи наукъ. На малорусскомъ языкѣ пишутся и издаются сочиненія по исторіи и этнографіи, медицинѣ, математикѣ, естествознанію и другимъ наукамъ. Развивается и малорусская публицистика».

Ратованію противъ этого національнаго движенія и посвящена брошюра проф. Флоринскаго, свидѣтельствующая только о томъ, что люди науки иногда бываютъ очень дурными и вредными для народнаго дѣла и для самой науки публицистами.

А. М.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Архангельскія Епарх. Вѣд. 1900. 2—4. *И. Обтеперанскій*. Слѣды язычества и апокрифической литературы въ религіозномъ мировоззрѣніи древнерусскаго народа. (Популярный очеркъ).—2 (и далѣе). Распространеніе христіанства среди русскихъ лопарей (историческій очеркъ)—3. Матеріалы для исторіи раскола въ Архангельской епархіи. „Посланіе ко утвержденію вѣры изъ Топъ-озера въ Петербургъ“ (1796 г.)—5. Мнѣніе жителей Кородскаго скита о титлѣ, брачащихся и поминовеніи умершихъ (1803 г.)—Посланіе жителей Черногозерскаго скита къ дух. о. Тарасію, укорительное по поводу нѣкоторыхъ его поступковъ, изобличающихъ его въ „глупой слабости“. Сообщ. *Ал. Молчановъ*.—6, 7. Сумскій приходъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, II (черты быта).—8. То же прод. (морскіе промыслы и нравы).—Изъ Мезенскаго уѣз. (свадьбы уходомъ).—7. Изъ нутевыхъ замятокъ благочиннаго въ Печорскомъ уѣз. (природа и бытъ).—

1900. 9. Расколъ въ Печорскомъ краѣ и борьба съ нимъ. 10, 12, 13. Распространеніе христіанства среди русскихъ лопарей (ихъ бытъ, обычаи, вѣрованія).

Витебскія Губ. Вѣд. 1900. 72. *Н. Я. Н.* Чествованіе Д. Н. Анучина.—74. *Н. Тихомировъ*. Современные кумиры. III. Мода. (Продолженіе. Съ культурно-исторической точки зрѣнія).—Памятникъ на могилѣ Н. М. Ядринцева (изъ „Восточнаго Обозрѣнія“).—Смѣсь. Китайское сказаніе о св. Николаѣ.

Военный Сборникъ. 1900 г. I, II. *В. М. Марксъ*. Очерки Мурмана.

Вологодскія Губ. Вѣдомости. 1900.—17. Молочное хозяйство въ Вологодской губерніи.—18, 114. Корресп. изъ Кадникова (конное хозяйство).—32. Шапша, Кадниковскаго уѣзда. (нравы населенія, экономич. бытъ).—36. Корресп. Красноборскъ (черты быта).—41. Корресп. Устьсыольскъ. (черты быта).—44. Корресп. Важболъ Тотемскаго уѣзда. (черты быта).—53. Николаевскій Усть-рѣцкій погостъ, Кадниковскаго у. (экономич. бытъ).—81. Корресп. Устьсыольскъ. (вѣра въ чародѣйство).—179, 181, 182. Огонь и вода въ сказаніяхъ русскаго народа.—191, 193. Письма изъ Портъ-Артура. (религія и бытъ китайцевъ).—202. Разныя разности. Самоубійство изъ мести въ Китаѣ.—199, 204, 205, 206. Русская простонародная астрономія (изъ Правит. Вѣстн.).—221. Манчжурія (природа и бытъ).—222. С. Щугоръ, Устьсыольскаго уѣзда (пути сообщенія и экономическій бытъ).—223. Разныя разности (вѣрованія вотяковъ).—261. Разныя извѣстія. Людоѣдство (изъ Правительств. Вѣстн.).—286. Разныя извѣстія. Мореходство у китайцевъ въ древности (къ исторіи сношеній, изъ Правительств. Вѣстн.).

Волинскія Епарх. Вѣд. 1900. 1—2. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской епархіи. (Кое-что изъ свадебныхъ обычаевъ).—6. То же. (Праздники, свадьбы, похороны; приводятся днѣ веснянки).—10. То же. (Громада, т. е. сходы крестьянъ; болѣзни).—11—12. То же. (Преданіе о болотѣ).

Вопросы философіи и психологіи. Изданіе Моск. Психолог. Общества. 1900. Книга 51 (I). Велѣдъ за статьями, посвященными памяти П. Я. Гро-та, интересна статья П. И. Житецкаго, В. Гумбольдъ въ исторіи философскаго языкознанія.—Далѣе—Вира Джонстонъ, Новый переводъ Упанишадъ (D-r Paul Deussen, Sechzig Upanishad's des Ved. Aus dem Sanskrit übersetzt und mit Einleitungen und Anmerkungen versehen. Leipzig. 1897).—Кн. 52. (II). Помѣщены статьи, посвященные памяти В. П. Преображенскаго и М. М. Троицкаго.—Г. Н. Челпановъ, Очеркъ современныхъ воззрѣній о душѣ.—Кн. 53. (III). Гр Л. Комаровскій, Къ вопросу о философіи войны.—Кн. 54. (IV). П. И. Новгородцевъ, Объ историческомъ и философскомъ изученіи идей. (Авторъ приходитъ къ заключенію, что „результаты философскаго анализа могутъ быть пригодны для историка лишь тогда, когда они повѣряются при помощи другихъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ ознакомленія съ реальной жизнью“).

Вѣстникъ Воспитанія. 1900 7.—А. Е. Алекторовъ, Очеркъ народнаго образованія въ Тургайской области.—Лѣтопись 1744—1898 г. Вып. I—III Оренбургъ. 1900 г. (Рец.).

Енисей 1900 г. 13. Д. Мурзаевъ. „Объ истребленіи мараловъ на югѣ Енисейской губ.“—способы охоты.—20. Членъ Вост. Сиб. Огдѣла „Голосъ Члена Восточно-Сибирскаго огдѣла Н. Р. Г. О.“—неладъ въ Огдѣлѣ.—39. Въ огдѣлѣ „По Россіи“ сообщается про ясновидящую, живущую въ Рогачевскомъ у. и сама редація вѣрить въ способность ясновидящей предсказывать будущее.—54. „Индусская легенда о сотвореніи женщины“ (изъ Journ. des Debats).—56. Передовая статья „Значеніе музеевъ въ Сибири“.—62. Г. М-ль „Земельный вопросъ въ Олекминскомъ округѣ“.—66. Передовая „Памяти Н. М. Ядринцева“.—80. „Религіозныя вѣрованія китайцевъ“.—92. „Заграничная хроника“—о боксерахъ.—95. „Съ Аягары“—звѣроловство у крестьянъ и тунгусовъ въ Кежемской вол. (изъ „Сиб. Жизни“).—96. „По Россіи“ С. Верхняя Чернавка, Вольскаго у. Пасухъ, укушенный бѣшеной собакой, чтобы предупредить зараженіе, отрубилъ у этой собаки голову и кровью ея смазалъ укушенное мѣсто. Старо брядець, у котораго вѣбѣсилась корова, ви за что не соглашался убить ее, считая это грѣхомъ, отказался отъ вознагражденія и выждалъ, пока корова сама издохла. (Изъ „Саратовск. Дн.“).—100. „Японскій ученый о боксерахъ“.—101. „Сценическое искусство въ Китаѣ“.—103. „Разныя разности“—судопроизводство, тюрьмы, пытки и казни въ Китаѣ.—82. Гвидонъ, „Свѣтъ и тѣни“ бе церемонное и жестокое обращеніе европейцевъ съ китайцами, какъ причина послѣднихъ безпорядковъ.—„По Россіи. С. Голодаевка“, лѣткарка, лѣтающая всѣ болѣзни чтеніемъ молитвъ и заклинаніями; на пациентовъ она производитъ очень сильное впечатлѣніе и вызываетъ среди нихъ массовые истерическіе припадки (изъ „Приазов. Кр.“)—84. „По Россіи. Харьковъ“, словарь особаго языка, употребляемаго харьковскими ворами (изъ Харьк. Губ. Вѣд.).—19. Передовая статья посвящена вопросу о возможности заселенія сѣвера Сибири поморами. Планъ этотъ редація считаетъ неудобноисполнимымъ и предлагаетъ для оживленія сѣвера приваить мѣры къ повышенію инородческой культуры.

Естествознаніе и Географія. (Научно-педагогическій журналъ подъ ред. М. П. Вараввы. Москва) 1) 1900 3. Д-ръ І. М. Юттнеръ, Успѣхи географическихъ изслѣдованій и путешествій въ 1898 году: 1. Азія. (перев.).—Карль Небегай (Nebehay), Въ странѣ Басковъ (перев.).—Замѣтки на „Юбилейный сборникъ въ честь Вс. О. Миллера“, изд. подъ ред. Н. А. Янчука.—4. Д-ръ Ф. Пауличке, Успѣхи географическихъ изслѣдованій и путешествій въ 1898 г.: 2. Африка. (перев.).—В. Г., на Байкалѣ.—А., отзывъ на книгу: Человѣкъ на альпійскихъ высотахъ, Анджели Моссо, профессора туринскаго университета.—Хроника. Д. Н. Анучинъ (по поводу юбилея).—5.

1) См. „Этн. Обзор.“ кн. XII.

Успѣхи географ. изслѣд. и путеш. въ 1898 году: 3. *Эмилій Юнгъ*, Австралія и Тихій океанъ. 4. *Д-ръ І. Ю. Юттиеръ*, Америка. (перев.). - Хропика: Чествованіе Д. Н. Анучина. — 6. *Кожевниковъ, Григ.* „Уранія“ въ Берлинѣ и Вѣнѣ и „Общество для распространенія естественно-историческихъ знаній въ народѣ“ въ Берлинѣ (описаніе научнаго театра, въ которомъ передъ зрителями, какъ бы во время путешествія, проходятъ тѣ или другія страны, народы, явленія природы и т. д. Напр.: „Въ норвежской хижинѣ. Манекены изображаютъ мѣстныхъ крестьянъ, и д-ръ Шванъ дѣлаетъ небольшую экскурсію въ область этнографіи“) — 7. *А. Л.* Камчатка и ея обитатели (по поводу книги В. Маргаритова подъ тѣмъ же заглавіемъ). — 8. *М. М.* На Новой Землѣ (съ рисунками). — Хроника: сорокалѣтній юбилей академика А. С. Фаминцына.

Журналъ Минист. Юстиціи 1900 г. 1. *Кромъ, М. А.* Брачное право у монголо-бурятъ. 6. *Леонтовичъ, Ѳ. И.* Къ вопросу о происхожденіи семьи вообще и о ея организаціи по древнему русскому праву. — 5, 6. *Лыкошинъ, А. И.* О семейной собственности у крестьянъ.

Забайкальскія Областныя Вѣдомости 1900 г. 1—109. 16. Въ мѣстной хроникѣ сообщается про пользующихся большимъ успѣхомъ въ Читѣ гадалку. „Ее посѣщаютъ многія дамы, даже изъ образованнаго общества“. — 9. (Письмо въ редакцію г. Пирожкова). — 17, 20, 23. Письмо въ редакцію губерн. Забайкл. обл. *Е. Мацѣвскаго*. — 51. О голодовкѣ среди орочень и мѣрахъ, принятыхъ администраціей и обществомъ по этому случаю. — 25. Въ некрологѣ Мелетія епископа Рязанскаго, бывшаго раньше епископомъ Селевгинскимъ, приводится перечень его трудовъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторые этнографическаго содержанія. — 37. *Алексѣй Филипповъ* „По поводу голода среди орочень“. — 69. „Къ вопросу о церковно-школьномъ образованіи въ Забайкальѣ“. — 104. *В. В.* „Общество кулаковъ, или боксеры“.

Землевѣдѣніе. Періодич. изданіе Географическаго отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. 1900. кн. I. *В. В. Богдановъ*, Мурманъ и портъ Александровскъ (съ 11 таблицъ и рисунками). Статья касается экономическаго положенія края, занятія жителей, ихъ образа жизни, колонизаціи. — *В. Г. Богоразъ*, Ламуты (Изъ наблюденій въ Колымскомъ краѣ). — *Д. А.*, Южная Африка (общая характеристика страны). — *Д. Н. Анучинъ*, Картографическая выставка при XI археологическомъ сѣздѣ въ Кіевѣ, въ августѣ 1899 года. („Задачей этой выставки было собрать, по возможности, всѣ имѣющіеся матеріалы по исторіи русской картографіи, чтобы представить наглядно развитіе картографическихъ представленій о русской землѣ, начиная съ конца XV вѣка и до первой половины XVIII вѣка“. — *Л. Н. Майковъ* (некрологъ). — *Н. Н. Харузинъ* (некрологъ). — *Д-ръ Филиппъ Пауличке* (некрологъ). — Извѣстный изслѣдователь сѣв.-вос. Африки. — Двадцатипятилѣтній юбилей въ обществѣ любителей Естествознанія. *Д. Н. Анучинъ*. — Квантунская область (краткое описаніе).

Иверія. 1900. 61. „Ученіе Хикара“, груз. версія *А. Хатанашвили* — 77. Воскресеніе Христова въ 1083 г. (по лѣтописи Грузинъ, стр. 239, 415), *М. Джанашвили*. — 86. Сіонскій храмъ и Гиви Амилахвари. *П. Цхвлишелі*. — 79, 80. „Къ любителямъ груз. словесности“ (О пополненіи груз. словаря провинціализмами). *П. Миріанашвили*. — 97. Мѣсяць Махаррамъ у мусульманъ-шіитовъ, *М. Ил Дж.* — 95. О незаконномъ сожигательствѣ въ Сванетіи. Свящ. *И. Маріаші*. — 103. Образцы груз. поэзіи на малорусскомъ яз. *А. Хатанашвили*.

Историческій Вѣстникъ. 1900. III. Изъ обычаевъ и вѣрованій американскихъ племенъ (изъ америк. журн. „The journal of American Folk lore“). — *Е. А. Ляцкий*, Народные типы. Въ вагонѣ. Изъ записокъ этнографа. — VII. *А. К. Бороздинъ*, Великорусская народная пѣсня и ея изученіе. — VIII. *А. П. Андреевъ*, Туркменскій судъ. III гл. Женщина у туркменъ. IV гл. Дѣло о калымѣ. — IX. *М. Грулевъ*, Изъ поѣздки въ Манчжурію. — *Бакунинъ*,

М. М. При дворѣ императора въ Суракартѣ. Центральная Ява (языкъ, нравы, обычаи, религія, суевѣрія, гороскопы, примѣты, бракъ и расторженіе его. нѣсколько легендъ, впервые появляющихся въ русскомъ переложеніи).

Кавказскій Вѣстникъ. 1900. 1, 2. Катановъ, Н. Правила мусульманскаго хорошаго тона.—3. Басилгинъ, П. Русскія поселенія на Кавказѣ. Урочище Гомборы. Этнографическій очеркъ.

Кавказъ 1900. 33. Св. Георгій и три брата (осет. легенда), Е. З. Баранова.—40, 49. На рубежѣ исторіи и мифа. М. Тебенъкова.—50. Народно-юридич. обычаи у армянъ Закавказья. (изъ III в. Изв. К. О. И. Р. Г. О.).—65. Англичане на Каспійскомъ морѣ.—70. Къ вопросу о преподаваніи татарскаго языка. Капитана Меркулова.—71. Кавказ. путешественники прошлыхъ столѣтій. I. Иоганъ Иансонъ Стрюйсъ (1670 г.). К. Б.—95. Библ. Remarques sur la parenté de la langue étrusque. Par W. Thomsen. А. Хах-овъ.—119. Суворовъ на Кавказѣ. Н. Баранова.—Библ. „Рус. антропол. журналъ“. А. Хах-ова.

Казбекъ. 1900. 704, 706. III-бъ. По поводу адатовъ въ Дагестанѣ.—739. Е. Б-овъ. Ишакъ и левъ (чеченская сказка).—745. Гачдусъ Мзуронъ. Лисица и перепелка (осет. сказка).

Киргизская Степная Газета. 1900. 1 — 2. Р. Марсековъ. Киргизскій народный судъ. О недостаткахъ этого суда.—2. А. Нурджановъ: о разорительномъ обычаѣ у киргизовъ устраивать поминки по усопшемъ. Приводитъ приблизительный расчетъ поминокъ.—3. Уничтоженіе рабства въ киргизской степи, по докладу, читан. въ С.-П. Археолог. Инст. Приведены между прочимъ киргизскія пословицы, въ которыхъ встрѣчаются указанія на существованіе рабства у киргизовъ. Киргизскія басни и мелкія сказки. I. Мальчикъ и старикъ. 2. Почему первый годъ изъ 12-лѣтняго цикла у киргизовъ называется по имени мыши (маленькая мышь обманула большого верблюда). 3. Хорошіе сны. Мотивъ: охотники убили одну птичку—съѣсть ее долженъ тотъ, кто увидитъ лучший сонъ. 4, 5, 6. И. Крафтъ: Уничтоженіе рабства въ киргизской степи.—5, 6. Такъ Сулейменъ. Легенда.—7, 8. Алиханъ Букейхановъ: О киргизскихъ поминкахъ.—Найманецъ: Киргизскія дѣвушки.—11, 12. Гостепріимство киргизъ. О гостепріимномъ итеризмѣ у киргизовъ. Между прочимъ пѣсня о Хидгерѣ и Пьясѣ, двухъ приближенныхъ Александра Македонскаго, напившихся воды безсмертія и до сихъ поръ странствующихъ въ образѣ путниковъ.—12, 13. И. Роль татаръ въ жизни киргизскихъ степей. О кулачествѣ татаръ.—13. Найманецъ: Орошеніе луговъ у бурятъ (трет. изд. С.-П.Б. Вѣд.).—14, 15. Волчья шкура. Киргизская легенда. Мотивъ: захватъ земли (русскими) при помощи изрѣзанной волчьей шкуры. 15, 16. Степная киргизская медицина (заимств. изъ № 41 „Степного Края“).—16, 17. Орта-Жузъ: Первый любимецъ Бога. Легенда. Мотивъ: дерево, облагодѣтельствовавшее мужа и жену, постоянно увеличивая свои дары, за неблагодарность ихъ и жадность превращаетъ ихъ наконецъ въ кабановъ.—20, 21. А. В. Киргизскія загадки въ видѣ состязанія джигита съ дѣвушкой.—22, 23. А. В. Загадки, предложенныя Абубакиру муллою Хаджи-Ахмедомъ. (Изъ Тур. Об. Вѣд.).—23. „Сабанъ Той“ или праздникъ земледѣл. Описанія праздника нѣтъ.—24, 26. Караванъ призракъ. Легенда.—24. Ураза—мусульм. постъ и праздникъ рамазанъ.—25. Дукей Байжумуровъ: Кызыль-Кенчскій дворецъ. О развалинахъ въ Кенской волости, Каракалинскаго у. и преданіи, связанномъ съ ними.—Улу-Джузъ: Свадебные обычаи у татаръ.—26—30, 37 Возжигить. Кирг. повѣсть.—33. Кое-что о китайцахъ. (Изъ С.-П.Б. Л.).—34. Суевѣріе китайцевъ (изъ „Каспія“).—35. А С-новъ: Изъ жизни инородцевъ. Описана помолвка маленькой дочери киргиза съ сыномъ богатаго зайсана.

Медицинская Бесѣда. 1900 г. 18. А. Баловъ. Рожа и ея лѣченіе въ русской народной медицинѣ.

Московскія Вѣдомости. 1900. 230. Смѣсь. Путешествіе въ Юнь-Наиъ Фр. Корей („G ographical Journal“).—294. Русскіе могикане въ Румыніи (румынизованные малороссы въ Ботошанскомъ и Дорогойскомъ уѣздахъ). 302. Смѣсь. Открытіе Америки китайцами (ок. 499 г.).—307. Смѣсь. Религіозныя церемоніи на Гаити (Globus).—321. Смѣсь. Оплакиваніе мертвыхъ у различныхъ народовъ (по статьѣ Ф. Кунце).—Библиографія. Русскія миссіи на окраинахъ, историко-этнографическій очеркъ прот. Г. Бѣляева. С.-П.-Б. 1900. Ц. 50 к. Стр. 1—308. А. Н.

Наблюдатель. 1900. 10. П. Л. Гусевъ. Новгородъ XVI вѣка по изображенію на хутынской иконѣ: „Видѣніе пономаря Тарасія“. Съ 24 рис. Спб. 1900. Рецензія.

Научное Обозрѣніе. 1900. 10. — В-ръ, В. Бачебазство въ Средней Азій.

Образованіе. 1900. VII—VIII. Раздольскій А. Новыя пѣсни. О переломѣ въ народной поэзіи.

Полтавскія Епарх. Вѣд. 1900. 10. Св. Андрей Критскій по церковному преданію и народному легендарному сказанію. („Руков. для сельскихъ пастырей“).—5. Лѣтопись села Разбишевки Гадячскаго уѣзда (внѣшній бытъ прихожанъ, экономическій бытъ).

Правительственный Вѣстникъ 1900.—4. Крещенскія сказанія и повѣрья русскаго народа.—9, 10. Январь мѣсяцъ въ народной Руси.—13, 20. Хлѣбъ насущный въ сказаніяхъ русскаго народа.—26, 30, 33. Февраль мѣсяцъ въ народной Руси.—33, 38, 39. Турецкій театръ въ прошломъ и настоящемъ.—60, 63. Алексѣй-человѣкъ Божій въ сказаніяхъ русскаго народа.—72. Значеніе глиняныхъ площадокъ въ доисторической культурѣ.—74, 76, 77. Апрель-мѣсяцъ въ народной Руси.—92. „Драма Страстей Господнихъ“ въ Обераммергау.—94, 95. Египетскій вешній.—99. Иконы древняго письма у крестьянъ.—136, 137. Огонь и вода въ сказаніяхъ русскаго народа.—141. Народная религія въ Китаѣ.—142, 143. Русская простонародная астрономія.—149, 150. Мать-Сыра-Земля въ сказаніяхъ русскаго народа.—159, 160, 161. Море въ русскихъ простонародныхъ сказаніяхъ.—163. Суевѣрія китайцевъ.—176. Китайскій драконъ.—180. Типъ современнаго китайца.—183, 134. Лѣсъ и степь въ простонародныхъ сказаніяхъ.—190, 191. Русскій драконъ Змѣй Горынычъ.—190. Дѣтскія обручальныя кольца, мелочи.—196, 198, 199. Звѣри и птицы въ сказаніяхъ русскаго народа.—207, 208. Конь-пахарь въ сказаніяхъ русскаго народа.—211. Культъ предковъ въ Китаѣ.—213, 214. Злыя и добрыя травы. Къ исторіи народной медицины.—218, 219, 220. Богатство и бѣдность въ сказаніяхъ русскаго народа.—223, 224. Порокъ и добродѣтель въ сказаніяхъ русскаго народа.—226. Повѣрья, преданія и легенды въ Муромской области.—230, 231. Мать-пустыня.—235, 237, 240.—Загробная жизнь въ сказаніяхъ русскаго народа.—250. Научныя экспедиціи Финско-угорскаго Общества.—252. Любимыя числа у разныхъ народовъ.—253, 255. Царство рыбъ въ сказаніяхъ русскаго народа.—259. Китайскіе уголовные законы.

Русское Богатство. 1899. 7. (10). Новыя книги: „Великорусскъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п.“, П. В. Шейна. Т. I. вып. I. Спб. 1898.—И. И. Гейеръ, Туркестанскія скитанія. Съ 7 рис. Ташкентъ. 1899.—8 (11). Новыя книги: Эрнстъ Гроссе, Происхожденіе искусства, пер. съ нѣм. А. Е. Грузинскій. М. 1899.—А. И. Шершобитовъ, Старообрядческая энциклопедія. (Письмо изъ Варнаул. округа). Выдержки изъ апокрифической книги: „Благочестивая бесѣда философовъ къ всякаго чина людямъ. Вопросы и отвѣты. „Вкратцѣ рещи—слово о созданіи твари“.

Семипалатинскія Обл. В. 1900. 5, 9, 10, 11, 13, 17, 27, 28, 29—32. П. Коншинъ. Очер. экономич. быта киргизъ Семипалатинской области. (Прод.).

Семирѣченскія Обл. В. 1900.—36, 37. Служебная поѣздка Пр. Аркадія, еп. Туркестанскаго, въ станицы и селенія Вѣрненскаго у., расположен-

ныя по проселочной дорогѣ въ Кульджу. (Общія замѣчанія о численности и условіяхъ жизни населенія).

Сибирскій Вѣстникъ. 1900. № 20. Е. Веракотъ. Деревня Бѣлоусова (этнограф. оч. изъ записокъ прѣзжаго. Между прочими отрывочными свѣдѣніями приведены варианты Сна Богородицы, молитва ангелу-хранителю, двѣ пѣсни, нѣсколько словъ изъ мѣстнаго словаря.—23. **Н. Г.** Двадцатилѣтіе Бійскаго викаріата. Краткія свѣдѣнія о дѣятеляхъ Алтайской миссіи и ея успѣхахъ среди инородческаго населенія Алтая.—32, 33. **В. Песчанецъ.** Бѣглый очеркъ жизни пріисковыхъ рабочихъ въ Сибири, какъ отразилась она въ изящной литературѣ. 33. Текущ. замѣтки о дѣятельности И. Р. Г. Общ. за 1899 г.—34. Памятка. Нѣсколько словъ о Д. И. Вантышъ-Каменскомъ и его дѣятельности въ кач. Тобольскаго губернатора.—38. **В. Ивановъ:** Торскіе урманы и ихъ колонизація.—49. **А. П.** Кое-что о сектанствѣ. О двухъ сектахъ; одна основана крест. Якутск. Обл. Филиппомъ Лихачевымъ въ 1847, издавшимъ рукописную книгу: „Мое исповѣданіе“; другая основана Саратовск. крест. Саввою.—55. **В. Гутцетъ.** По Иртышу отъ Тобольска до Торь.—60. Продолж. подъ заглав. Урманы. 65, 68, 70, 72, 77, 95, 104, 106. **Н. Гурьевъ:** Сибирскіе скопцы, ихъ экономическое и правовое положеніе.—76. **А. П.** Библіогр. замѣтка: Сибирское переселеніе. СПб, изданіе Комитета Сибирск. ж. дор. Дѣльная книжка.—77—80. О киргизскомъ народномъ судѣ. Объ обычаѣ приносить такъ наз. „очистительную присягу“; за обвиняемаго присягу принимаетъ почетный старикъ, не состоящій со сторонами ни въ какихъ отношеніяхъ; если старикъ согласится принять присягу, бій признаетъ обвиняемаго правымъ.—82. Объ экспедиціи барона Толя.—91, 99, 103, 113, 117. **Валентинъ Нѣмчиновъ:** Забытое племя. Этнограф. замѣтки объ инородцахъ Минусинскаго округа.—100. **А. П.** Кто нашъ ближній. О дѣятельности американскихъ миссіонеровъ среди чукчей Анадырскаго округа.—106. **В. П. Васильевъ.** Некрологъ. 107, 108, 109, 110, 111. **Пр. Дм. Бѣликовъ:** Старинный Свято-Троицкій соборъ въ г. Томскѣ.—108. О докладѣ И. А. Молодыхъ въ Им. Р. Г. Общ.: Хозяйство бурятъ кайсальскаго вѣдомства Иркутскаго уѣзда.—121. Памяти Н. М. Ядринцева.—Минусинскій музей въ 1899 году.—123. **А. С. Шерстобитовъ.** Некрологъ.—**Н. Г.** Наши азіатскія окраины на Парижской всемірной выставкѣ.—126, 129. **А. С—новъ:** Новокрещены. Беллетр. рассказъ изъ жизни алтайскихъ инородцевъ.—130.—**Т.** Древности Никольской (Христорожественской) церкви. Описаніе древнихъ иконъ, хранящихся въ храмѣ.—140. О сообщеніяхъ Н. И. Кроткого („О поѣздкѣ въ буддійскій монастырь собинцевъ Илійскаго края“) и С. П. Швецова („О положеніи калмыцкаго населенія въ Сибири“). читан. въ И. Р. Г. Общ.—154. **Г.** Библіогр. замѣтки о кн.: „Туземыцы Закаспійской Области.“ этногр. оч., составленный капит. **Θ. А. Михайловымъ** подъ ред. нач. Закаспійск. Обл. **А. Л. Боголюбова.** Асхабадъ, 1900.—174—176. **А. И.** Переселенческій поселокъ „Карловка“ (Енисейск. г. Ачинск. у.). Условія экономич. жизни переселенцевъ.—182.—**Н. Г—евъ:** Библіограф. зам. о кн.: Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи чернорабочаго населенія Пермск. г. въ продовольственномъ отношеніи. Изд. стат. отд. Пермск. Г. З. У. Пермь, 1900.—194. **А. Д. Старцевъ** (Некрологъ).—201. Перепечатана изъ газ. „Волинь“ народн. „пѣсня про Китай“. Интересный обращикъ того, какъ создаются подъ вліяніемъ новыхъ событій новыя произведенія народнаго творчества.—210.—Перепеч. изъ „Сѣверо-Зап. Слова“ объ обычаѣ крестьянъ Ковенск. губ. при жизни покупать себѣ гроба, которые и продаютъ на ярмаркахъ въ большомъ количествѣ: нѣкоторые сами раскрашиваютъ себѣ гроба по вкусу.—213. **Н. Г—евъ.** Памяти творца Сибирской исторіи (къ 150-лѣтію смерти Г. Фр. Миллера).—215. **М. Бог—новъ:** Страна восходящаго солнца. По поводу кн. A de-Siebold: Der Eintritt Japans in das egoraeische Volkerrecht.—216. Расколъ въ Томской губ. Распредѣленіе различныхъ толковъ по уѣздамъ губерній.—220. **Рос—**

совъ: Какъ быть? Къ вопросу о землеустройствѣ крестьянъ Алтайскаго округа.

Тифлиссій Листокъ. 1900 г. Иллюстриров. Прибавл. 17. Ген.-адъютантъ кн. Гр. Лев. Дадбани, *В. Потто*.—Кавказскіе плѣнники. *Е. В.*—20. Тифлисская старина, *Старожила*.

Тобольскія Еп. В. 1900. 8. *А. Ю-скій*: Николай Алексѣевичъ Абрамовъ и его труды по исторіи Зап. Сибири. (Списокъ его литературныхъ трудовъ).

Тульскія Губ. Вѣд. 1900. 72. Смѣсь. Продажа дѣвочекъ у гиляковъ (замужъ).—Празднества (Байрамъ) и кровопролитіе въ Константинополѣ.—73. Библиографія. Д-ръ Г. Плоссъ, Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Антропологич. изслѣдованіе. Пер. подъ ред. д-ра Фейнберга, II полутомъ Спб. 1900.—13. Смѣсь. Новый годъ у кигайцевъ—10. Тоже, въ Японіи. 26. *П. Б-въ*. Обычай деревенскихъ посидѣлокъ подъ Тулой.

Новости иностранной этнографической литературы.

J. K. Ingram. Outlines of history of religion. London 1900. 8°. 162 pp.

J. Chailley-Bert Java et ses habitants. Paris 1900. 18°.

P. La Mésangère. Costumes des femmes françaises. Paris 1900. 4°.

Payeur-Didelot. Trente mois au continent mystérieux. Gabon-Congo et côte occidentale de l'Afrique, Paris 1900. 8°. 415 pp.

M-me J. Pommerol. Une femme chez les Sahariennes. Entra Laghouat et In-Salah. Paris 1900. 8°.

A. A. Macdonell. History of Sanscrit Literature. London 1900. 8°. 482 pp.

W. H. Bentley. Pioneering on the Congo. London 1900. 8°. 926 pp.

Jos. Knanishu. About Persia and its people. A description of their manners, customs and home life. Rock Island 1899. 12°. 300 pp.

Ludwig Salvator. Bongie, die Perle Nord-Afrikas. Leipzig 1900 Fol. VIII, 122 pp. Abbildgn 32 Taf. u. 1 farb. Karte. 30 M.

Ludwig Salvator. Ramleh als Winteraufenthalt. Leipzig 1900. 4°. XVII, 151 pp. Mit 77 Taf. 20 M.

Hs. Meyer. Der Kilimandjaro. Reisen und Studien. Berlin 1900. 8°. XVI, 436 pp. Mit 4 Taf. in Farbendr., 16 Taf. in Lichtdr., 20 Taf. in Bouchdr., 2 farb. Orig.-Karten u. 103 Textbildern. 25 M.

G. Paris. Poèmes est lé endes du moyen âge. Paris 1900 8°.

W. Wundt. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. I Bd. Die Sprache. 1 Thl. Leipzig 1900. 8°. XV. 627 pp. 14 M.

F. Chapiseau. Au pays de l'esclavage. Moeurs, coutumes de l'Afrique centrale. Paris 1900. 8°. 283 pp.

M. and B. Ferrars. Burma. London. 1900. 8°. 250 pp.

Hs. Stumme. Märchen der Perbern von Tamazret in Südtunisien. Leipzig 1900. 4°. IV, 72 pp. 6 M.

Matteuzzi. Les facteurs de l'évolution des peuples. Paris 1900. 12°.

G. B. Grinnell. North American Indians of to-day. London 1900 Fol.

Alb-Gründvedel. Mythologie du buddhisme au Tibet et en Mongolie. Basée sur la collection lamaïque du prince Ouchtomsky. Avec une préface du prince Ouchtomsky. Traduit de l'allemand par Ivan Goldschmidt. Leipzig 1900. 8°. XXXVII, 247 pp. Mit 188 Abbildg. u. 1 Bildniss. 8 M.

O. Frankfurter. Elements of Siamese grammar with appendices Bangkok & Leipzig 1900. 8°. X, 141 II pp. 16 M.

Osc. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien (Aus „Archiv für Anthropologie“). Braunschweig 1900. 4°. V, 239 pp. Mit 541 Abbildgn.—20 M.

H. Schurtz. Das afrikanische Gewerbe. Leipzig 1900. II, 146 pp. Mit 1 Taf. 7 M. (Preisschriften, gekrönt und herausgegeben von der fürstlich Jablonski'schen Gesellschaft zu Leipzig XXXV).

P. Carus The history of the Devil and the idea of evil from the earliest time to the present day. Chicago 1900. 8°. 500 pp. With Illustr.

Gh. Förster. Das mosaische Strafrecht in seiner geschichtlichen Entwicklung. Leipzig 1900. 8°. 91 pp. 2 M. 80.

Csk. Baumann. Afrikanische Skizzen. Berlin. 1900. 8° III, 119 pp. Mit 7 Abbildgn. u. 13 Lichtdr.—Taf. 8 M.

F. Donaldson. Lepcha land, ar six weeks in Sikkim Himalayas. London 1900. 8°. 226 pp.

E. S. Grogan and A. H. Sharp. From the Cape to Cairo. First traverse of Africa from south to north. London 1900. 8° 394 pp. Illustr.

J. Hitoml. Le Japon. Essai sur les moeurs et les institutions. Paris 1900. 8°. Avec 74 photographures.

V. Jaekel. Studien zur vergleichenden Völkercunde. Mit Berücksichtigung des Frauenlebens. Berlin 1900. 8° XI, 144 pp. 2 M.

A. Bastian. Culturhistorische Studien unter Rückbeziehung auf den Buddhismus. I. Berlin 1900. 8°. IV, 197 pp. 4 M.

Alb. Zweck. Masuren. Eine Landes- und Volkskunde. Stuttgart 1900. 8°. VI, 357 pp. Mit 59 Abbildgn. u. 3 statist. Karten 7 M.

V. Jagié. Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2 Hälfte (Aus „Denkschrift d. königl. Akad. d. Wissensch.“). Wien 1900. 4°. 96 pp. 5 M. 60.

J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. I T. A do E. Krakau 1900. 8°. 454 pp.

E. Stengel. Das altfranzösische Rolandslied. Kritische Ausgabe, besorgt von E. Stengel. I. Bd. Text, Variantenapparat und vollständiges Namenverzeichnis. Leipzig 1900. 8°. IX, 404 pp. 12 M.

Bérenger-Feraud. Les Provençaux à travers les âges. Paris 1900. 8° 527 pp.

Castellani. Les femmes au Congo. Paris s. d. 12°. 307 pp. et fig.

Aug. Mouliéras. Le Maroc inconnu. 2 v. Paris 1895—1899. 8°. 200, 813 pp. et cartes.

Nieboer. Slavery. as an industrial system. Ethn. researches. 1900. 474 pp.

B. Spencer and Gillen. The native tribes of central Australia. London 1899. 8°. 671 pp. & fig.

A. M.

Дополненіе къ бібліографіи о башкирахъ.

(См. „Этногр. Обзор.“, кн. XLIII).

C. E. de Ujfalvy de Mezö Kövesd. Expédition scientifique française en Sibérie, en Russie et dans le Turkestan. Paris (Leroux), 1878—1880, 3 vol. 8-о; прилож. 2 альбома картъ и таблицъ. III томъ содержитъ: Les Bachkirs, les Vêpses et les antiquités finno-ougriennes et altaïques.

Wl. de Youferow. Etudes ethnographiques sur les Bachkirs. Paris. 1881. 4-о, съ картами.

Stephen Sommier. Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sieneni, Tartari, Kirghisi e Baskiri. Firenze, 1885, 8-о. (Отчетъ о книгѣ см. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, ноябрь, стр. 79—86).

Н. В. Ремезовъ. Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Москва, 1889 и 1890.

Упомянутыя и краткія свѣдѣнія о башкирахъ находятся и еще во многихъ иностранныхъ изданіяхъ. Упомяну, напр., слѣдующія, на которыя могу сдѣлать болѣе точныя указанія:

Fr. Heinr. Müller. Der Ugrische Volksstamm. Berlin, 1837 8-о, (томъ I, стр. 141 сл.).

Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. 8^о (стр. 748 сл.).

H. Müller. Allgemeine Ethnographie. Wien, 1878, 8-о.

Ченстоховъ.

30 іюля, 1900 г.

A. de Gennep.

Вопросы и отвѣты.

Суевѣрія относительно животныхъ.

Нѣмецкій ученый Томасъ (N. W. Thomas) обращается къ русскимъ этнографамъ и ко всѣмъ читателямъ „Этнографическаго Обозрѣнія“, съ просьбой сообщить ему для научныхъ цѣлей свѣдѣнія по слѣдующей программѣ:

1. Какія животныя (птицы, рыбы, насѣкомыя и т. д.) служатъ признакомъ счастья (или несчастья) для того, кто ихъ видитъ?

2. Какія животныя приносятъ счастье (несчастье) дому, въ которомъ они живутъ?

3. Какія животныя предвѣщаютъ смерть?

4. Какія животныя предсказываютъ цѣну на хлѣбъ, обильный урожай?

5. Даютъ ли послѣднимъ колосьямъ названіе какого-нибудь животнаго? Говорятъ ли, что звѣрь бѣжитъ по полю, если рожь при наступленіи вѣтра колыхнется?

6. Не держатъ ли животныхъ (птицъ и т. д.) въ домахъ, чтобы удержать счастье, чтобы предохранить отъ болѣзней и т. д.? Ловятъ ли, привѣтствуютъ ли животное, которое въ первый разъ видятъ весною и т. д.? Существуютъ ли животныя (птицы, ихъ яйца и т. д.), которыхъ не должно брать домой?

7. Какую роль играетъ цвѣтъ животнаго въ суевѣріяхъ? Предпочитаютъ ли бѣлыхъ животныхъ?

8. Существуютъ ли животныя, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаютъ священными, т. е. которыхъ нельзя убивать и ѣсть, которыхъ не любятъ, до которыхъ (или до ихъ гнѣздъ) неохотно дотрогиваются, и обыкновенныхъ названій которыхъ не произносятъ?

9. Не ѣдятъ ли нѣкоторыхъ животныхъ только одинъ разъ въ году, и притомъ съ особенной торжественностью?

10. Существуютъ ли животныя, на которыхъ охотятся одинъ разъ въ годъ, или которыхъ убиваютъ во время народныхъ увеселеній? Или такія, которыхъ преслѣдуютъ или бьютъ кнутомъ (бичуютъ)? Или птицы, яйца которыхъ вынимаютъ и уничтожаютъ?

11. Возятъ ли на показъ животныхъ и ихъ чучела, бросаютъ ли ихъ въ пасхальный огонь и т. д.? Продаютъ ли птицъ и насѣкомыхъ разъ въ годъ? Покупаютъ ли ихъ, чтобы дать имъ свободу?

12. Думаютъ ли, что можно пріобрѣсти особую цѣлебную и волшебную силу, если ѣсть мясо извѣстныхъ животныхъ, или до нихъ дотронуться

или заставить ихъ умереть въ рукѣ? Въ какомъ возрастѣ должно это дѣлать?

13. Какія животныя употребляются при заклинаніи (волшебствѣ), въ народной медицинѣ, и для какихъ цѣлей? Когда должно убивать животныхъ, для этого назначенныхъ?

14. Дѣлаютъ ли пироги или какія нибудь другія фигуры въ видѣ животныхъ?

15. Думаютъ ли, что умершіе принимаютъ образъ животныхъ?

16. Думаютъ ли, что вѣдьмы принимаютъ образъ животныхъ?

17. Какія животныя понимаютъ людской языкъ?

18. Какія животныя принимаютъ въ другихъ странахъ человѣческій образъ или по желанію кажутся такими? Какія животныя суть заколдованные люди?

19. Какія животныя приносятъ маленькихъ дѣтей и откуда?

20. Рассказываютъ ли сказки о дѣвушкахъ и юношахъ въ образѣ лебедя, и сказки о предкахъ въ образѣ животныхъ или со звѣриными частями тѣла, или о родившихся животными и т. д.?

21. Играютъ ли животныя роль при рожденіи, при свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ?

22. Прикрѣпляютъ ли головы животныхъ и черепа къ вышкѣ дома, или ставятъ ли ихъ на границахъ полей?

23. Какихъ животныхъ изображенія встрѣчаются какъ вывѣски на трактирахъ и какъ флюгера?

24. Существуютъ ли игры дѣтей, которыя носятъ названіе животныхъ? Устраняются ли на пасхѣ игры съ яйцами, катаніе яицъ и т. д.?

25. Погребаютъ ли нѣкоторыхъ животныхъ, найденныхъ мертвыми, изъ-за суевѣрія; хоронятъ ли животныхъ на масляницѣ, и т. д.?

При отвѣтахъ просятъ:

1. Всякій разъ указывать мѣстность, гдѣ наблюдается то или другое суевѣріе.

2. Сообщать народныя названія животныхъ рядомъ съ общеупотребительными.

3. При отвѣтѣ на 14 вопросъ желательно получить и образцы печеній. По вопросу 22 требуются также самыя изображенія.

Всѣ отвѣты на предложенные вопросы, или хотя бы на нѣкоторые изъ нихъ просимъ направлять въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“; они будутъ напечатаны въ нашемъ журналѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ будутъ доставлены г. Томасу. Кромѣ непосредственныхъ наблюденій, желательны также указанія на книги и сочиненія, въ которыхъ можно найти свѣдѣнія по указаннымъ вопросамъ.

Корреспонденціи.

I.

Изъ Тверской губерніи, Новоторжскаго у., Прямухинской вол.

(Средства предохраненія противъ болъзней).

Въ дер. Мытищахъ мнѣ пришлось видѣть такой своеобразный способъ лѣченія или предупрежденія болъзней. Во многихъ дворахъ на воротахъ сдѣлана надпись дегтемъ: „Дома нѣту никого“. Сдѣланы эти надписи во время холерной эпидеміи съ тою цѣлью, чтобы холера, обманутая ими, не зашла на данные дворы. Иногда впрочемъ встрѣчаются надписи и именныя, такъ напр: „Нѣтъ дома рабы Божьей Натальи“, и такія надписи пишутся не во время эпидеміи, а въ случаѣ болъзни какого нибудь лица, объ отсутствіи котораго потому и заявляется на воротахъ.

Изъ другихъ медицинскихъ средствъ весьма широкимъ распространеніемъ пользуются разные заговоры, которые пишутся на бумагѣ и носятъ на тѣлѣ вмѣстѣ съ крестомъ, амулеты изъ костей щуки, имѣющихъ видъ креста и которые тоже носятъ на тѣлѣ, но безъ всякихъ заговоровъ, обливанье водой подъ куриной насѣстью и особенно (въ случаѣ лихорадки) прижиганія восковой свѣчей. Иногда на тѣлѣ больного можно увидѣть до 20 маленькихъ ожоговъ, сдѣланныхъ въ цѣляхъ борьбы съ „огневицей“. Этотъ способъ лѣченія особенно интересенъ, т. к. встрѣчается и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя никогда не находились въ соприкосновеніи съ русскими. Такъ, напр. Пауличке констатируетъ его существованіе у туземцевъ сѣверо-восточной Африки, т. е. у Галли, Данапили и Сомали (Paulitschke, Ethnographie Nord-ost-Afrikas. I, p. 184).

А. Максимовъ.

II.

Изъ Вологодской губ., Кадниковскаго уѣзда, Васьяновской вол.

(О чтеніи и книгахъ среди крестьянъ).

Въ свободное отъ работъ время, напримѣръ: въ праздничные дни, зимніе вечера и проч., здѣшніе крестьяне занимаются чтеніемъ книгъ. Этимъ интересуются и неграмотные и охотно слушаютъ чтеніе. Читаютъ крестьяне въ одиночку или собираются нѣсколько

человѣкъ вмѣстѣ, при этомъ одинъ читаетъ, остальные слушаютъ. Чтеніе книгъ крестьяне считаютъ такимъ дѣломъ, изъ котораго можно узнать что-либо полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ провести время. Къ газетамъ крестьяне относятся недовѣрчиво: по ихъ мнѣнію, въ газетахъ помѣщаютъ иногда и небылицы.

При чтеніи книгъ въ собраніи нѣсколькихъ лицъ предпочитаютъ такія книги, въ которыхъ описываются или смѣшные происшествія или битвы. Крестьяне, читающіе книги по одиночкѣ, предпочитаютъ чтеніе духовное. Изъ духовныхъ книгъ читаются: Евангеліе, псалтырь, часословъ, святцы и житія святыхъ; въ числѣ послѣднихъ болѣе всего интересуютъ житія святыхъ муч. Кирика и Улиты, св. Георгія Побѣдоносца и др.

Дѣти и нѣкоторые изъ стариковъ предпочитаютъ чтеніе сказокъ. Въ сказкахъ они любятъ видѣть описаніе волшебныхъ дѣйствій. Изъ сказокъ Пушкина извѣстны народу: сказка о рыбацѣ и рыбкѣ, сказка о пѣтушкѣ, сказка о попѣ и его работницѣ и сказка о царѣ Салтанѣ. При всякомъ чтеніи крестьяне одинаково любятъ и стихи и прозу. Произведеній драматическихъ, а также описывающихъ народную жизнь, читать крестьяне не любятъ. При чтеніи книгъ по исторіи, интересуются крестьяне болѣе всего дѣйствіями царей и полководцевъ и описаніемъ войнъ; при этомъ въ частности можно замѣтить, что особенно интересуется народъ жизнью такихъ историческихъ лицъ, какъ Импер. Екатерина II., Суворовъ и Скобелевъ. При покупкѣ календарей, крестьяне отдають предпочтеніе тѣмъ, въ которыхъ болѣе картинъ исторической жизни и изображеніе государей, полководцевъ и народныхъ героев. Приобрѣтая такія книги, какъ „Сонникъ“, „Оракулъ“ и „Соломонъ“, и читая ихъ, крестьяне довѣрчиво относятся къ подобнымъ изданіямъ и большей части написаннаго безусловно вѣрятъ.

Книги крестьянами приобрѣтаются по деревнямъ у разносчиковъ, а на базарахъ у офеней, при этомъ покупка „листовки“ обходится въ 3 коп. а „двухъ-листовки“ въ 5—6 копеекъ. Извѣстныя крестьянскія семьи затрачиваютъ на покупку книгъ отъ 15 до 50 коп. въ годъ.

Въ заключеніе выписываю названія книгъ имѣющихся въ извѣстной крестьянской семьѣ: 1) Паденіе Плевны и взятіе Плевны и Османа-Паши, 28 ноября, 1879 г. 2) Исторія о томъ, какъ львица воспитала царскаго сына, 1871 г.— 3) Мужичекъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, соч. В. О. Потаповой, 1878 г.—4) Скатерть-хлѣбосолка или волшебная сумка—сказка М. Евстигнѣва, 1879 г.—5) Попутчикъ, рассказъ П. Пейверинта, 1887 г.—6) Не жениться горе, а жениться вдвое—шутка, соч. М. Евстигнѣва, 1884 г.—7) Марко безчастный и Василій богатый, 1888 г.

А. Д. Неуступовъ.

III.

Оттуда же.

(Народные толки о Китайской войнѣ).

Впервые крестьяне узнали здѣсь о китайскихъ безпорядкахъ въ концѣ іюня; тогда они знали, что воюетъ Китай, но съ кѣмъ и причину войны объяснить не могли. Послѣ этого многіе изъ крестьянъ стали обращаться къ священнику, учителю, волостному писарю и другимъ лицамъ, читающимъ газеты, съ разспросами о подробностяхъ войны и часто задавали вопросы: „Что нашъ-то Царь воюетъ?“ „кто кого разить?“ и прибавляли: „пусть-бы война кончилась,—вѣдь это разореніе!“

Въ началѣ іюля крестьяне говорили о побѣдѣ русскихъ надъ китайцами, которыхъ по ихъ словамъ, было убито до 100,000 человекъ; они хвалили нашихъ русскихъ солдатъ и иногда добавляли увѣренія: „бойко сраженіе идетъ, дымъ-то чуть сюда не долетаетъ!“

Въ половинѣ іюля крестьяне говорили о смерти китайскаго императора (имя ему „Китая“!),—„ну, значитъ и война прекратится, да и зачѣмъ воевать, нашъ-то Государь никого не обидитъ!“

Въ серединѣ августа крестьяне уже знали о взятіи соединенными отрядами Пекина, и можно было отъ нихъ слышать, что война, пожалуй, и кончилась; теперь Китай обяжутъ подпиской, чтобы онъ болѣе не воевалъ, а не то и судомъ къ тому присудятъ.

Въ концѣ августа крестьяне уже разсуждали: „Вишь, Китая-то убрала подальше всѣхъ посланцевъ, а американца убила; теперь она отдастъ посланцевъ-то назадъ и проситъ у государей „замиренья“ и даетъ 40,000,000 рублей, а американецъ не мирится: мнѣ, говоритъ, денегъ не надо, а подай посланца!“

Затѣмъ крестьяне говорили: „Слава Богу, Китай-то забираютъ, до конца догонять, такъ узнаютъ, каково воевать съ русскими“. О дѣлахъ русскихъ въ Маньчжуріи крестьяне не знали.

Въ сентябрѣ были слѣдующіе толки отдѣльныхъ крестьянскихъ лицъ:

— „Пекинъ наши взяли! Эхъ, вотъ-бы нашимъ тамъ чайку побольше позаворонцовать!“

— „Русскіе взяли китайскій городъ Пекинъ; около этого города протекаетъ рѣка; въ этой рѣкѣ русскіе столько потопили китайцевъ, что рѣка стала, и по трупамъ китайцевъ русскіе переходили эту рѣку, какъ по мосту“.

— „Китаецъ этотъ самый хитеръ; пустилъ въ свой китайскій городъ нашихъ русскихъ солдатъ, самъ же изъ города вышелъ, но оставилъ въ городѣ много минъ, думаетъ, какъ русскіе войдутъ въ городъ, мины-то и взорву. Да не удалось, наши вошли въ городъ и мины убрали“.

А. Д. Неуступовъ.

7 октября 1900 года.

ХРОНИКА.

Увѣковѣченіе памяти П. В. Шейна.

Въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. 3-го октября, посвященномъ памяти недавно скончавшагося непр. чл. Общества Павла Васильевича Шейна, постановлено было открыть добровольную подписку между членами Общества и его отдѣловъ на постановку памятника на могилѣ покойнаго, погребеннаго на нѣмецкомъ кладбищѣ въ г. Ригѣ, гдѣ онъ умеръ совершенно одинокимъ. Въ настоящее время Этногр. Отдѣломъ собрано болѣе 200 рублей; приѣмъ пожертвованій продолжается. На тотъ же предметъ собираетъ подписку между своими членами и Общество любителей россійской словесности, поминавшее П. В. Шейна, какъ своего члена, въ публичномъ засѣданіи 1-го октября. Если въ распоряженіи двухъ названныхъ Обществъ окажется сумма больше той, какая нужна будетъ на сооруженіе скромнаго памятника весною, то рѣшено излишекъ обратить въ фондъ на учрежденіе при Этнографическомъ Отдѣлѣ медали имени покойнаго П. В., выдаваемой за собранія произведеній народной словесности и за научныя изслѣдованія въ этой области.

Взносы слѣдуетъ направлять на имя Секретаря Этнографическаго Отдѣла (Москва, Политехнический Музей). Списокъ участниковъ въ подпискѣ будетъ напечатанъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи».

Правила о преміи имени А. М. Сибирякова.

1. При Императорскомъ Томскомъ Университетѣ учреждена премія изъ % денегъ съ капитала въ 16500 руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ и хранящагося въ числѣ специальныхъ средствъ Императорскаго Томскаго Университета.

2. Въ соисканіи преміи могутъ участвовать оригинальныя на русскомъ языкѣ историческія сочиненія о Сибири, а именно такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ или общую исторію всего края или отдѣльныхъ его частей, а также исторію сибирскихъ племенъ, гражданского быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія и т. д. Къ соисканію преміи допускаются также и научныя изданія сборниковъ историческихъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ.

3. Первое присужденіе преміи Томскимъ Университетомъ будетъ происходить въ 1901 г. Авторы, желающіе участвовать въ ея соисканіи, должны доставлять свои сочиненія не позже 1-го января того же года въ Юридическій Факультетъ Императорскаго Томскаго Университета.

4. Изъ печатныхъ сочиненій къ соисканію преміи принимаются лишь такія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіи пяти лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсному.

5. Рукописныя сочиненія, представляемыя къ соисканію преміи, должны быть написаны четко и чисто. Авторамъ ихъ предоставляется или выставить свое имя на самой рукописи, или скрыть его въ приложенномъ къ ней особомъ пакетѣ, подъ девизомъ.

6. Премія за рукописное сочиненіе выдается автору лишь по представленіи имъ въ Юридическій Факультетъ экземпляра отпечатаннаго сочиненія.

7. Юридическому факультету Императорскаго Томскаго Университета предоставляется право увѣнчивать преміей въ нижеуказанные сроки также сочиненія и не представленныя на конкурсъ. Сочиненія, представляемыя на соисканіе преміи, могутъ быть передаваемы Факультетомъ на разсмотрѣніе специалистовъ по разнымъ историческимъ

вопросамъ, не состоящихъ профессорами Томскаго Университета.

8. Члены Юридическаго Факультета, представившіе сочиненіе на конкурсъ, не участвуютъ въ присужденіи преміи.

9. Право на полученіе преміи имѣетъ лишь авторъ или его наслѣдники, но отнюдь не издатель увѣнчаннаго сочиненія.

10. Размѣръ преміи опредѣляется въ 1000 руб., половинный размѣръ въ 500 рублей.

11. Если въ назначенный срокъ премія не будетъ присуждена, то накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу.

12. Присужденіе преміи производится чрезъ каждые три года Юридическимъ Факультетомъ Императорскаго Томскаго Университета въ теченіе сентября мѣсяца соотвѣтствующаго года; постановленіе Факультета объявляется на торжественномъ актѣ Томскаго Университета 22-го октября того же года.

13. Печатаніе рецензій о сочиненіи, которому присуждается премія, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, а также объявленія о конкурсѣ на премію имени Сибирякова, производятся за счетъ остатковъ отъ процентовъ послѣ присужденія преміи.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этно-
графіи при Московскомъ университетѣ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ XIV ТОМЪ

„Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ЧЕСТЬ Вс. Оед. Миллера,

изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ,

подъ ред. Н. А. Янчука.

(Москва, 1900 г., стр. XXII—368. 4^о Цѣна 3 руб.).

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редакціи.—В. М. Михайловскій. Краткій очеркъ научной дѣятельности В. О. Миллера. (Съ портретомъ). Библиографическій перечень печатныхъ трудовъ В. О. Миллера.—Т. И. Ланге и Ф. Л. Триллингъ. Богатырь перегоняетъ солнце. Болгарская колядская пѣсня въ датскомъ и нѣмецкомъ переводѣ.—А. Е. Грузинскій. Приходъ кобзаря въ село. Изъ поэмы Шевченка: „Черныця Марьяна“.—А. А. Шахматовъ. Начальный Кіевскій лѣтописный сводъ и его источники.—О. Г. Мищенко. Къ вопросу о бытѣ Геродотовскихъ будиновъ.—А. С. Хахановъ. Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи, по даннымъ археологій и этнографіи.—Бар. Р. Р. Штакельбергъ. Главныя черты въ народной религіи осетинъ.—Л. З. Мсеріанцъ. Къ Боспорской ономастикѣ. (Собственное имя Σωραχος).—В. К. Поржезинскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи сравнительнаго языковѣдѣнія.—М. Н. Сперанскій. Одно изъ примѣненій закона переживания старины въ исторіи русской литературы.—Е. О. Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи.—Б. М. Халатянцъ. Общій очеркъ армянскаго богатырскаго эпоса.—Н. Н. Харузинъ. „Знамена“ у мордвы въ XVI и XVII вв. (Съ 168 снимками).—М. А. Динаревъ. Апокрифы, собранные въ Кубанской области.—А. Н. Малинка. Апокрифы, записанные въ Волынской губерніи.—А. И. Кирличниковъ. Богородица въ народной поэзіи. (Отрывки и замѣтки).—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ. Армянскій апокрифъ: Посланіе судьи Пилата къ Тиверію Кесарю. (По рукописи

XVII вѣка).—Г. А. Халатянцъ. Объ Авгарѣ, царѣ Эдесскомъ, по Моисею Хоренскому.—А. Д. Григорьевъ. Къ вопросу о происхожденіи и редакціяхъ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.—М. О. Аттая. Повѣсть о мудромъ Хикарѣ и племянникѣ его Надаиѣ. (Переводъ съ арабскаго).—С. О. Долговъ. Стихъ о Чудной Царицѣ.—С. К. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинамъ.—А. В. Марковъ. Бѣломорская былина о походѣ новгородцевъ въ Югру въ XIV вѣкѣ.—Ю. И. Поливка. Одинъ русскій анекдотъ и его западный источникъ.—Н. Ѳ. Сумцовъ. Повѣсть о томъ, какъ чортъ разсорилъ супруговъ. (Литературная родня разсказа А. П. Стороженка: „Се така баба, шо чортъ їй чоботы на маховыхъ вылахъ отдававъ“).—А. И. Маркевичъ. Очеркъ сказокъ, обращающихся среди одесскаго престопаодія.—В. А. Гордлевскій. Обзоръ турецкихъ сказокъ по сборнику Куноша.—А. Е. Крымскій. По поводу сюжета сказки Куноша № 94, послужившаго темою пераго ученаго труда В. Ѳ. Миллера.—А. К. Горстеръ. Къ литературной исторіи „Тысячи и одной ночи“. Съ дополненіями и приложеніемъ указателя литературы, А. Е. Крымскаго.—Г. А. Муркосъ. О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Али.—Г. В. Чирковъ. Два любопытныхъ арабскихъ документа. (Къ исторіи внутренняго быта восточныхъ христіанъ).—С. П. Олферьевъ. Изъ области древнеарабской лирической поэзіи.—С. Н. Тэръ-Саргсянцъ. Хачатуръ Абовянъ, какъ этнографъ. (Къ исторіи армянской этнографіи).—В. Н. Добровольскій. О нѣкоторыхъ архаическихъ обычаяхъ, переживаемыхъ народомъ въ Смоленской губерніи.—М. В. Довнаръ-Запольскій. Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ.—П. В. Ивановъ. Вовкулаки. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія крестьянъ-малоруссовъ).—А. Е. Крымскій. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на Енне и Інне.—Р. Ѳ. Брандтъ. Нѣсколько мелочей. (1. Перецъ.—2. Всь, всье, вьса.—3. Человѣкъ.—4. Акцентныя крохи).—Мирза-Джафаръ. Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ (Reinwörter).—П. Н. Милуковъ. Что такое „море Вирянское“ и „городъ Леденецъ“? (Справка къ вопросу о времени и мѣстѣ происхожденія былины о Соловьѣ Будимировичѣ).—В. В. Каллашъ. Нѣсколько догадокъ и соображеній по поводу „Слова о Полку Игоревѣ“.—Н. А. Янчукъ, Къ исторіи и характеристикѣ женскихъ типовъ въ героическомъ эпосѣ.

 Выручка отъ продажи предназначена на учрежденіе преміи по этнографіи.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ сборникъ:

БѢЛОМОРСКІЯ БЫЛИНЫ,

собранныя лѣтомъ 1899 года г. А. В. Марковымъ. Сборникъ будетъ объемомъ около 35 печатн. листовъ. 8⁰

Обращаться въ Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Москва, Политехнический музей.

Годъ 12-й.

Кн. XLVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1901, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Товарища Предсѣдателя Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Комиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1901.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Отголоски сказки объ Ерусланѣ. (Окончаніе). <i>Г. Н. Потанина</i>	1
II. Значеніе народнаго праздника „Свѣчи“. <i>Вл. Н. Добро- вольскаго</i>	35
III. У болгаръ въ Таврической губерніи. Этнографическая замѣтка. <i>Н. Державина</i>	52
IV. Вѣрованія крестьянъ Орловской губерніи. <i>А. И. Ива- нова</i>	68
V. Малороссійское жилище. (Съ 8 табл. рисунковъ). <i>Але- ксандра Шарко</i>	119
VI. Смѣсь:	
Башкирскія саги. <i>Н. Крашенинникова</i>	132
Мелкія этнографическія замѣтки. <i>Вл. Каллаша</i>	137
Пѣсни объ Императорѣ Александрѣ	142
VII. Вопросы и отвѣты:	
Выбрасываніе стариковъ и старухъ. <i>П. И.</i>	145
VIII. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и ма- теріалы. Т. I, ч. 1. СПб. 1900. <i>А. М.</i> (147).— <i>Его-же</i> , <i>Idem</i> , Т. I, ч. 2. <i>А. М.</i> (149).	
2. Обзоръ журналовъ и газетъ.	152
3. Кавказская библіографія	157
4. Новости этнографической литературы	159
IX. Хроника:	
1. Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1899—1900 годъ.	163
2. Приложеніе къ отчету: Чествованіе тридцатилѣтія учено- литературной дѣятельности проф. Всеволода Фёдоровича Миллера.	166
3. Финско-Угорское Общество. <i>Вл. Г.</i>	177
X. Объявленіе о новомъ изданіи Этнографическаго Отдѣла.	178

Отголоски сказки объ Ерусланѣ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Сказки разнаго содержанія, но объединенныя именемъ главнаго героя, должны были вызвать попытку сдѣлать изъ нихъ сводъ. Одинъ изъ такихъ сводовъ и есть сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Въ этотъ сводъ вошли сказки и 1) о коровьемъ сынѣ и 2) о чудовищѣ, уходящемъ въ подземелье. Слѣды первой можно видѣть въ эпизодѣ о князѣ Иванѣ; это Иванъ-царевичъ, которому Бурза Воловичъ добываетъ жену; какъ на слѣдъ второй я смотрю на эпизодъ о Θεодулѣ Змѣѣ; я полагаю, что этотъ Змѣй отвѣчаетъ маленькой женщинѣ, уходящей подъ землю въ сказкѣ о Масангѣ, бабѣ-ягѣ сказки у Афанасьева, „Ивашко - Медвѣдь“, дѣду съ ногою борода съ локоть въ другихъ сказкахъ и пр. А такъ какъ французская сказка о Jean'ѣ de l'Ours представляетъ вариантъ этихъ сказокъ, то значить и она можетъ быть привлекаема для сравненія съ сказкой объ Ерусланѣ. Эта послѣдняя ничего не говоритъ о зачатіи Еруслана; если она начиналась сходно съ „Бурзой Воловичемъ“, то Ерусланъ могъ быть выдаваемъ за зачатого отъ сѣбденной чудотворной пищи; но намеки на сказку о чудовищѣ, ускользнувшемъ въ трещину скалы, допускаютъ догадку, что сказка начиналась рассказомъ о женщинѣ, увлеченной медвѣдемъ; съ этой догадкой совпадаетъ и звѣриное имя Еруслана или Уруслана (*арсланъ* „левъ“), не лишенное сходства и съ именемъ французскаго героя Ours. ²⁾.

Въ сказкѣ о чудовищѣ, убѣгающемъ въ нору, герой странствуетъ или съ двумя, или съ тремя товарищами. Всѣ они отличаются необыкновенными качествами; одинъ вырываетъ деревья съ корнемъ, другой переставляетъ горы, или поддерживаетъ гору,

¹⁾ См. „Этногр. Обзор.“, XLVI.

²⁾ Въ осетинскомъ преданіи Ростомъ (Рустемъ, Ерусланъ?) находитъ въ башнѣ женщину съ клыками, которая предлагаетъ (вѣроятно навязываетъ насильно) свою любовь (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. VII. стр. 20—23), отъ которой у него родился сынъ; слѣдовательно союзъ въ родѣ того, какой указанъ въ имеретинской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ Датвисѣ-швили: союзъ поца и медвѣдицы. (Сборникъ, в. XIX, отд. II стр. 1—8). Это тоже приводитъ къ догадкѣ, что и Ерусланъ или сынъ его представлялся, какъ сынъ медвѣдицы и человека, или медвѣдя и женщины.

иначе она покачнется и т. д.; эти качества однако въ сказкѣ не пригождаются; очевидно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ пропускомъ. Въ сказкѣ другого сюжета, именно о полетѣ за похищенной дѣвицей на птицѣ или летучемъ кораблѣ шести или семи товарищей, товарищи отличаются или искусствомъ, или необычайными качествами: одинъ столяръ, другой маляръ, третій имѣетъ необыкновенный слухъ, четвертый быстрыя ноги, такъ что обгоняетъ зайца, пятый способенъ выпить цѣлое море и т. д. Всѣ эти добродѣтели пригодились, когда компанія отправилась возвращать увезенную женщину. Вѣроятно, и въ сказкѣ о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, необыкновенныя качества товарищей также приносили пользу. Схема у обѣихъ сказокъ сходная: похищеніе дѣвицы и поѣздка героя съ товарищами для ея возвращенія, разница только въ томъ, гдѣ помѣщается похититель: въ одной сказкѣ онъ подъ землей, и товарищи опускаютъ героя въ подземелье на веревкѣ; въ другой похититель гдѣ-то на высотѣ, можетъ быть на небѣ, и герой съ товарищами летитъ туда на автоматической птицѣ. Изъ предыдущаго обзора видно, что сказка о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, переходитъ въ такую, гдѣ похищенная дѣвица содержится не въ подземельѣ, а на горѣ или на вершинѣ башни.

Иногда и въ сказкѣ съ подземельемъ исключительныя способности товарищей пригождаются. Такъ, у Афанасьева въ сказкѣ № 81 Усыня ¹⁾ кладетъ свой необыкновенно длинный усъ черезъ море и товарищи переходятъ по нему, какъ по мосту. ²⁾ Коскенъ указываетъ сказку изъ Пенджаба, въ которой есть рассказъ о жизни въ уединенной хижинѣ, о посѣщеніяхъ ея чудовищемъ, отнимающимъ пищу, и о необыкновенныхъ дарованіяхъ товарищей. Въ этой сказкѣ эти дарованія пригождаются ³⁾. Сомнительно, чтобы сказка придумала одарить товарищей героя необыкновенными способностями безъ расчета воспользоваться ими впослѣдствіи; необходимо предположить, что и три товарища сказки о подземельѣ, подобно шести или семи товарищамъ сказки съ автоматической птицей, воспользовались своими дарованіями въ интересахъ героя сказки.

Иногда и самые таланты трехъ товарищей были, кажется, сходны съ талантами семи товарищей. У Афанасьева въ той же сказкѣ № 81 ⁴⁾ одинъ изъ товарищей ловитъ рыбу; Иванъ-царевичъ хочетъ помочь ему и выпиваетъ все море, такъ что рыба очутилась на сухомъ днѣ; этотъ даръ опорожнять море перенесенъ здѣсь на главное лицо по ошибкѣ; въ имеретинской сказкѣ ⁵⁾ въ числѣ

¹⁾ Афанасьевъ, I, 175.

²⁾ Ibid., 178.

³⁾ Cosquin, I, 25.

⁴⁾ Афанасьевъ, I, № 81, а (вар. 1), стр. 176.

⁵⁾ Сборникъ матер. для опис. Кавказа, в. XIX, отд. II, стр. 4 и 5.

товарищей медвѣжьяго сына находится опивало. Въ той же имеретинской сказкѣ въ числѣ товарищей значится хромой пастухъ зайцевъ; это вѣроятно человѣкъ, который, не смотря на хромоту, опережалъ зайцевъ; въ ряду семи товарищей онъ будетъ отвѣчать тому, который отличался быстрымъ бѣгомъ, могъ обгонять дикую козу, не смотря на то, что къ его ногамъ были привязаны камни. *Arruie-Montagne*, поддерживающій или толкающій гору, среди семи товарищей имѣетъ параллель въ богатырѣ, переставляющемъ горы.

Есть записи сказки о шести или семи товарищахъ, которыя кончаются заявленіемъ, что эти шесть искусныхъ товарищей теперь видны въ небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ ¹⁾. Эти записи даютъ поводъ и для трехъ товарищей сказки съ подземельемъ искать приуроченія на картѣ неба. Группа изъ трехъ персонажей можетъ быть заимствована отъ трехъ звѣздъ Оріона; сказка говорить или о героѣ и его двухъ товарищахъ, или о героѣ и о его трехъ товарищахъ; въ первомъ случаѣ сказка, значитъ, видѣла героя въ одной изъ звѣздъ Оріона, во второмъ три звѣзды Оріона это три товарища, а самаго героя нужно искать гдѣ-нибудь внѣ этой звѣздной троицы. Самъ герой это, можетъ быть, луна, или солнце, или Большая Медвѣдица, или Плеяды.

Къ Большой Медвѣдицѣ приуроченъ рассказъ о погонѣ; это или богатырь, который гонится за враждебнымъ существомъ, или это человѣкъ, за которымъ кто-то гонится, какъ въ тюрко-монгольскихъ сказаніяхъ, ²⁾ или это лось, за которымъ гонится охотникъ, какъ это въ остяцкомъ преданіи ³⁾. Въ своихъ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на совпаденіе чертъ остяцкаго рассказа съ монгольскимъ рассказомъ о томъ, какъ пастухъ ловить коня для Иринъ-Сайна ⁴⁾; если же въ этой послѣдней сказкѣ иногда на мѣстѣ Иринъ-Сайна стояло Арсланъ, т. е. имя одного брата переносилось на другого, то понятно, почему эпизодъ о ловлѣ коня явился въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Вѣроятно въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ былъ рассказъ о Большой Медвѣдицѣ, который представлялъ ее не лосемъ, а конемъ, котораго кто-то ловить, или сама Б. Медвѣдица представлялась человѣкомъ, который гонится за лошадыю, и этотъ-то рассказъ вошелъ въ сводъ объ Иринъ-Сайнѣ и въ нашу сказку объ Ерусланѣ. Въ случаѣ, представлявшемъ Б. Медвѣдицу персонажемъ, ловящимъ коня, нужно предположить, что созвѣздіе называлось Арсланъ (Ерусланъ).

У нѣкоторыхъ тюрковъ Б. Медвѣдица называется Джеты-Ка-

¹⁾ Тагг.-тиб. окр. Китай, II, 146; *Jagić*, Archiv für slav. Phil., V, S. 36; *Grundwig*, Dänische Volksmärchen, übers. v. Leo, Leipzig, 1878, S. 110.

²⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 193, 194.

³⁾ *Pathanow*, Die Irtysch-Ostjaken, St. Pth., 1897, s. 119.

⁴⁾ Вост. мотивы, стр. 743.

ракъ или Джеты-Каракше, „семь воровъ“¹⁾. Въ южнорусскихъ сказкахъ монгольскому Масангу отвѣчаетъ Коты-горошекъ, Покотыгорошекъ²⁾, Катыгорошка³⁾, въ бѣлорусскихъ Кацигорошекъ, Покаци-горохъ⁴⁾, Катигорошинка⁵⁾, въ великорусской лубочной Иванъ-Горохъ⁶⁾; въ одномъ варіантѣ именемъ Горошникъ названъ товарищъ, а не главное лицо⁷⁾.

Въ киргизскихъ легендахъ Б. Медвѣдица иногда представляется въ видѣ семи волковъ⁸⁾. Представленія ея въ видѣ семи медвѣдей до сей поры не удалось встрѣтить у кочевниковъ средней Азіи; въ сѣверномъ Тибетѣ у шира-егуровъ я записалъ имя этого созвѣздія *долонъ хергэ*, что можетъ быть истолковано, какъ „семь эркэ“, т. е. „семь медвѣдей самцовъ“⁹⁾. Медвѣдь по-монгольски *хара-мурёсу*, что въ переводѣ будетъ „черный звѣрь“. Семь медвѣдей по-монгольски будетъ *долонъ-хара-мурёсу*, семь звѣрей — *долонъ мурёсу*, по бурятски *долонъ-мурёхунъ*, а если допустить замѣну монгольскаго числа тюркскимъ *джиты* (что практиковалось въ ордѣ, наприм., у Рашидъ-Эддина названіе страны Секизъ-муренъ, „Восьмиръчье“, составлено изъ тюркскаго *секизъ* „восемь“ и монгольскаго *муренъ* „рѣка“¹⁰⁾, то получится *джиты-мурёсу*.

Если вѣрить сказкѣ, то Коты-Горошекъ названъ такъ потому, что зачатъ отъ горошины, которую его мать проглотила. Если бы дѣйствительно представленіе о проглоченной горошинѣ предшествовало имени Горошекъ или Горохъ, то едва ли русскому человѣку могло показаться болѣе естественнымъ на этомъ мѣстѣ чужое Кыріакъ, чѣмъ русское горохъ¹¹⁾. Не лучше ли предполо-

1) У вѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ *еди-уру*, „семь воровъ“. Имя одного киргизскаго поколѣвія Джеты-ру (*ру; уруу* — „поколѣвіе, родъ“) переводятъ не семь воровъ, а семь родовъ.

2) *Афанасьевъ*, № 74, т. I, стр. 141; *Чубинскій*, II, №№ 61, 62 и 63, стр. 229—238; *Драгомановъ*, Малорусск. преданія и рассказы, Кіевъ, 1876, стр. 260. Въ № 63 у *Чубинскаго* змѣй Ива убилъ двѣнадцать братьевъ и унесъ ихъ сестру. Покотыгорошекъ куетъ себѣ булаву, ловить коня при содѣйствіи па-стуха (подобно Еруслану) и освобождаетъ сестру.

3) *Манжура*, Сказки (Сборн. Харьк. ист.-фил. общ., III), стр. 30; ср. со сказкой у того же собирателя Кыріакъ, Кобылячій сынъ, стр. 43—45.

4) *Шейнъ*, Матер. для изуч. яз. сѣв. зап. края въ Сбор. отд. русск. яз. и сл. Ак. Наукъ, т. LVII, стр. 86 и 89.

5) *Добровольскій*, Смоленск. сборн., ч. I, стр. 624.

6) *Афанасьевъ*, I, 149.

7) *Ibid.*, 176.

8) Въ варіантахъ одной европейской сказки такая же замѣна воровъ волками; компанія друзей попадаетъ въ одномъ варіантѣ въ домъ семи волковъ, въ другомъ въ домъ, обритаемый ворами (*Cosquin*, II, 104).

9) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 318.

10) *Рашидъ-Эдинъ*, Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, перев. Березина, въ запискахъ Импер. Археолог. Общ., т. XIV (Спб., 1858), стр. 79 и 249.

11) Впрочемъ о Кыріакъ не говорится, что онъ зачатъ отъ горошины; по содержанію сказка объ немъ принадлежитъ къ группѣ сказокъ о коровь-емъ сынѣ.

жить, что тутъ было какое-то архаическое, отъ котораго произошли и Кыріякъ и Горохъ, и что проглоченная горошина явилась уже подъ вліяніемъ послѣдняго имени ¹⁾).

Коты и Покоты также, можетъ быть, архаическія формы, осмысленныя по-русски. Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ находится форма Кутя-татаре; хотя это Кутя прилагается здѣсь не къ главному герою, а къ песиглавцамъ, его противникамъ, но перемѣщеніе именъ въ сказкахъ вещь обыкновенная. Если Коты-горошекъ дѣйствительно имѣетъ отношеніе къ Б. Медвѣдицѣ и къ ея тюркскому имени Джиты-Каракше, то Коты будетъ отвѣчать первому члену Джиты. Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ Б. Медвѣдица называется Джитыганъ, Жидиганъ, Тъедыганъ и т. д. Хотя я не нашелъ до сихъ поръ ни одного случая, когда бы эта форма являлась съ инициаломъ *к*, но связанныя съ именами Киданъ-ханъ, Китанъ-ханъ, Көдөнъ-пи темы въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ наводятъ на связь этого имени съ созвѣздіемъ Б. Медвѣдицы ²⁾).

Въ группѣ пересмотрѣнныхъ выше сказокъ, которую можно назвать группою Еруслановскихъ сказокъ, съ бросающимся въ глаза постоянствомъ встрѣчается число три. Это число тоже могло войти въ сказку изъ звѣзднаго эпоса. Какъ число семь въ сказкахъ можетъ быть отнесено на счетъ Б. Медвѣдицы, число шесть на счетъ Плеядъ ³⁾, такъ число три мы можемъ счесть за навѣянное видомъ Оріона. Три звѣзды въ поясѣ Оріона такъ рѣзко отграничены отъ остального неба, (гораздо рѣзче даже, чѣмъ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы), что должны были непременно врѣзаться въ представленія людей и отразиться въ сказаніяхъ. Въ еруслановскихъ сказкахъ встрѣчаются 1) три товарища, живущіе вмѣстѣ съ главнымъ героемъ въ домѣ или хижинѣ въ какомъ-то лѣсу (въ лѣсной избушкѣ русскихъ сказокъ); 2) три дѣвицы, которыя попадаютъ герою въ дорогѣ; иногда это три сестры; въ сказкѣ объ Ерусланѣ о нихъ сказано, что онѣ кочуютъ въ полѣ, значить живутъ въ шатрахъ; этотъ образъ извѣстенъ и монгольскимъ сказкамъ, въ которыхъ упоминаются находящіяся героемъ на дорогѣ три дѣвицы, живущія въ степи въ бѣлыхъ юртахъ; въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ три дѣвицы выдаются за его небесныхъ сестеръ; 3) три принцессы или царевны, которыя похищены дракономъ или змѣемъ и увлечены въ подземелье; это иногда сестры главнаго героя; 4) три дракона, которые въ нѣкоторыхъ сказкахъ стоятъ на мѣстѣ одного дракона, похитившаго

¹⁾ Впрочемъ, въ степномъ фольклорѣ есть рассказы о предкѣ племени, зачатомъ отъ проглоченной градины (Очерки с.-в. Монг., IV, 3 и 660).

²⁾ См. „Восточные мотивы“, 118, 455.

³⁾ По крайней мѣрѣ, народное монгольское повѣрье насчитываетъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ.

царевенъ ¹⁾. Три области этихъ змѣевъ въ русскихъ сказкахъ называются царствами мѣднымъ, серебрянымъ и золотымъ; когда три змѣя убиты, плѣненные ими царевны свиваютъ царства въ три яйца: мѣдное, серебряное и золотое, которыя герой беретъ за пазуху и выносить съ собой наверхъ ²⁾. Во французскихъ сказкахъ свиванія царствъ нѣтъ; принцессы просто даютъ своему освободителю три шара, или, когда онѣ уже вынесены наверхъ, принцессы просятъ принести изъ подъ земли золотой шаръ съ изображеніемъ солнца, серебрянный съ изображеніемъ утренней звѣзды; въ нѣмецкой изъ Шлезвига—золотое солнце, золотую звѣзду и золотую луну ³⁾.

Часто встрѣчается въ этихъ сказкахъ дубъ. Ерусланъ въ спискѣ Ундольскаго ѣдетъ въ царство царя Огненный-Щить, но не знаетъ пути туда, на дорогѣ встрѣчаетъ дубъ, къ которому слѣдается стадо птицъ хохотуней; Ерусланъ ловить одну изъ нихъ, и птица переноситъ его вмѣстѣ съ конемъ въ царство царя Огненный-Щить. Въ другихъ сказкахъ о героѣ въ подземельѣ также встрѣчается образъ дерева въ связи съ птицами; герой не знаетъ, какъ ему выбраться изъ темнаго подземнаго царства на вольный свѣтъ, встрѣчаетъ на дорогѣ дубъ и на немъ орлиное гнѣздо; орлица выноситъ его на спинѣ въ другой міръ ⁴⁾. Гнѣздо съ

¹⁾ Въ одной сказкѣ (*Cosquin* I, 13) драконъ одинъ, но съ семью головами; тутъ слѣдовательно намекъ на Б. Медвѣдицу, а не на Орiona.

²⁾ *Афанасьевъ*, I, № 71 и 73, стр. 133 и 137.

³⁾ *Cosquin*, I, 17. Въ каталонской сказкѣ о чловѣкѣ, отсуленномъ чорту, троица: луна, солнце и вѣтеръ; послѣдній даетъ герою наставленіе, какъ овладѣть одной изъ трехъ дѣвъ, которыя въ видѣ птицъ слетятъ на озеро купаться. Въ сказкѣ изъ итальянск. Тироля на мѣстѣ вѣтра св. Антоній Падуанскій (*Cosquin*, II, 14). О троицахъ въ монгольскихъ сказкахъ (солнце, луна и Плеяды) см. Вост. мотивы, 289.

⁴⁾ Въ бѣлорусской сказкѣ „Подземное царство“ (*Романовъ*, Бѣлор. сб., т. I, в. 3, стр. 84) Ивана-царевича выносятъ на вольный свѣтъ птахъ, гнѣздо котораго на дубѣ; въ вариантѣ (стр. 87) царевичъ вылетаетъ на жарь-птицѣ, въ другомъ вариантѣ (стр. 85) на шкурѣ бѣлаго медвѣдя, при чемъ выдра служила вмѣсто сѣдла, а самка ужа вмѣсто кнута; Иванъ-царевичъ ударилъ по шкурѣ три раза и вылетѣлъ. У *Афанасьева* (I, 126) въ сказкѣ изъ Пинежск. у. Ивашка Запечный вылетаетъ на орлѣ; въ вариантѣ изъ Воронежск. у. Иванъ-царевичъ нашелъ дудку и заигралъ на ней; выскочили кривой и хромой и спрашиваютъ: „что угодно, Иванъ-царевичъ?“ Они выносятъ его изъ подземнаго царства: дудка въ вестфальской сказкѣ (*Cosquin*, I, 24; *Grimm*, № 91). Въ вариантѣ с (стр. 133) отъ удара о землю посошка-перушка является двѣнадцать молодцовъ; они выносятъ Ивана-царевича на свѣтъ. Посошокъ отнять Иваномъ-царевичемъ у Ворона Вороновича, похитителя его матери. Иванъ свалился на крылья Ворона Вороновича; тотъ носилъ его по горамъ, по облакамъ, но не могъ съ себя сбросить; царевичъ оставилъ его подъ условіемъ отдать посошокъ. Въ лубочной сказкѣ (*Афан.* I, 140) похититель матери Ивана-царевича, Вихорь, имѣетъ волшебную палицу; царевичъ ухватился за нее, Вихорь поднялся на воздухъ и началъ летать, наконецъ опустился на землю и разсыпался на мелкія части; распаденіе на части въ звѣздномъ эпосѣ Монголіи связано съ созвѣздіемъ Плеяды. Въ эпизодѣ съ птицей, выносящей богатыря въ верхній міръ, часто встрѣчается мотивъ—вырѣзываніе

птенцами обыкновенно народнымъ вѣрованіемъ связывалось съ созвѣздіемъ Плеяды; на это указываютъ имена созвѣздія: Утиное гнѣздо, Куриное гнѣздо, Птичье гнѣздо, Осинное гнѣздо ¹⁾, Квочка и съ курчатами ²⁾.

Бурза Воловичъ наѣзжаетъ на дубъ, закиданный костями, потомъ на два, потомъ на три дуба; въ сказкѣ „Три царства“ у Афанасьева три дуба, одинъ въ 15 обхватовъ, другой въ 20 и третій въ 25; Иванъ Затрубникъ, валявшійся на печкѣ въ золѣ, собирается отыскивать увезенную царицу и пробуетъ силу, вырываетъ съ корнемъ сначала одинъ дубъ, черезъ годъ другой болѣе толстый и наконецъ самый толстый ³⁾. Этотъ мотивъ былъ очевидно и въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“, но скомканъ; тутъ только сказано, что два брата, выпивъ живой воды, пробуютъ свою силу, упираются въ дубъ ногами и разрываютъ его. Незначить ли это, что Оріонъ представлялся въ видѣ трехъ дубовъ. Въ сказкахъ объ Ерусланѣ не три дуба съ костями, а три поля, усыпанные костями побитыхъ ратей; на третьемъ полѣ лежитъ голова или тѣло богатыря Расланея. Въ эпизодѣ бурятской сказки „Ханъ-Гухирь“, представляющемъ параллель къ этому мѣсту русской сказки, на мѣстѣ Расланея неподвижно лежитъ богатырь Хухудой. Мотивъ неподвижности въ звѣздномъ эпосѣ связанъ съ созвѣздіемъ Оріонъ; о созвѣздіи говорятъ, что это богатырь Коготѣй, Кутей, Кугульдей, Коголь, Гоголь и пр., охотящійся за тремя оленухами ⁴⁾. Можетъ быть, изъ сказаній объ Оріонѣ самое правильное то, которое въ трехъ звѣздахъ Оріона видитъ только трехъ оленухъ, а стрѣлка предоставляетъ намъ искать внѣ созвѣздія. Тогда это можетъ быть сосѣднее созвѣздіе Плеяды или можетъ быть какая-нибудь другая звѣзда, наприм. Полярная. Дерево или дубъ, когда онъ является въ единственномъ числѣ, образъ также подходящий для сближенія съ Полярной звѣздой, которая, какъ я это старался провести въ своихъ книгахъ ⁵⁾, могла представляться древнему человѣку въ видѣ колонны, поддерживающей сводъ храма или дворца, кола или камня, которымъ

куста мяса изъ икры ноги. Выхваченое изъ ноги мясо связано съ полетомъ и въ сказаніи объ Иванѣ Крестителѣ и царѣ Дукліанѣ; Дукліанъ гонится за Иваномъ, улетающимъ на небо, и вырываетъ у него кусокъ мяса изъ ступни, отчего у людей и выимка на ступнѣ. Въ сказкахъ вырѣзанное мясо потомъ снова прикладывается и приростаётъ; искалѣченная нога восстанавливается какъ будто безъ слѣда. Но въ словацкой сказкѣ (Афан., I, 141) царевичъ, вырѣзавшій мясо и отдавшій его дракону, на вѣки остался хромъ.

¹⁾ Танг.-тиб. окраина Китая, II, 324; Очерки, с. з. Монг., IV, 730.

²⁾ Лѣтопись филол. общ. при Новоросс. универс., III, 1894 г. ст. Ястребова, стр. 64. („Курочка“, подраз. съ цыплятами, въ Сѣдлецк. г., по сообщ. Н. А. Янчука).

³⁾ Афанасьевъ, № 71, т. I, стр. 132.

⁴⁾ Очерки с. з. Монг., II, 124; IV, 204, 789; Танг.-тиб. окраина Китая, II, 328.

⁵⁾ Вост. мотивы, 203.

забито отверстіе и удерживаются воды, готовыя хлынуть, залить землю и погубить живой міръ, наконецъ въ видѣ мірового дерева, съ устойчивостью котораго также могла связываться прочность мірового порядка. Сюда же можетъ быть въослѣдствіи приурочатся и представленія о каменномъ столбѣ, въ которомъ замурованъ человѣкъ, о башнѣ, въ которой заточена красавица, подвѣшенный на цѣпяхъ гробъ, въ которомъ лежитъ спящая царевна, или каменный гробъ, въ которомъ заживо погребенъ богатырь. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ дѣйствительно встрѣчается образъ красавицы, заточенной на вершинѣ башни, или на золотой горѣ ¹⁾. Въ смоленской сказкѣ объ Игрѣ Палугримъ сидитъ на деревѣ, а варіантъ этого образа дивій мужъ сидитъ на столбѣ ²⁾. Палугримъ даетъ Игру коня, на которомъ тотъ можетъ перелетѣть черезъ стѣну въ городъ, гдѣ спитъ дѣвица; слѣдовательно, этотъ конь оказываетъ герою въ сходныхъ обстоятельствахъ такую же услугу, какъ и орлица, гнѣздо которой было на дубѣ; можетъ быть, редакція этого мѣста была еще ближе къ разсказу объ орлицѣ; Палугримъ, сидѣвшій на дубѣ, на себѣ носилъ героя; и въ самомъ дѣлѣ, въ верхожанской сказкѣ Пилигримъ, освобожденный изъ заточенія въ тюрьмѣ, носитъ, летая, на себѣ своего освободителя ³⁾.

Бурза Воловичъ, отправляясь въ изгнаніе, идетъ сначала пѣшкомъ, потомъ по указанію старухи ⁴⁾ находитъ коня въ погребу подъ дубомъ. Конь на привязи сибирско-татарскимъ и киргизскимъ повѣрьемъ относится къ Полярной звѣздѣ; звѣзда это приколъ, къ которому привязаны на арканѣ одинъ или два коня ⁵⁾; дубъ въ этой русской сказкѣ представляетъ то же самое, что въ татарскомъ преданіи выражено представленіемъ о конѣ.

Въ числѣ товарищей французская сказка: „Jean de l' Ours“ одного называетъ Arruie-Montagne; онъ подпираетъ плечомъ гору; только онъ попробовалъ по просьбѣ Jean'a отодвинуться отъ горы, какъ гора покачнулась. Это напоминаетъ народныя повѣрья о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ, въ томъ числѣ и монгольское о томъ же животномъ: летучая мышь, чтобы объяснить, почему она днемъ держится прижавшись къ скалѣ, говоритъ о себѣ, будто она поддерживаетъ камень, въ противномъ случаѣ онъ

¹⁾ Алтынъ-ту, „Золотая гора“, мифическая гора алтайцевъ.

²⁾ Добровольскій, Смоленск. сборн., I, 495.

³⁾ Чудесный конь, на которомъ съ несбыточною быстротой въ монгольскомъ сказаніи вѣхалъ Аргасунъ-хорчинъ, и въ которомъ я вижу монгольскій эквивалентъ къ Западному cheval de fuit, назывался Гурбялгу, именемъ птицы, которая въ другомъ преданіи стоитъ на мѣстѣ летучей мыши (См. Вост. мотивы, 327).

⁴⁾ Эта старуха, дающая совѣтъ, обуславливающій успѣхъ героя въ его предпріятіяхъ, можетъ быть, его мать. Стоящій въ другихъ сказкахъ на этомъ мѣстѣ пастухъ, можетъ быть, его отецъ.

⁵⁾ Вост. мотивы, 127.

можетъ упасть ¹⁾. Эти мотивы, кажется, находятся въ связи съ представленіями о Полярной звѣздѣ, въ которой, судя по нѣкоторымъ даннымъ изъ фольклора, прежніе люди видѣли міровой столбъ или колонну, подпирающую сводъ міра (ея народное названіе у кочевниковъ „Золотой колъ“); на нее смотрѣли, какъ на основу мірового спокойствія, какъ на матицу мірозаднія. Въ одной сказкѣ одинъ изъ товарищей вертитъ мельницу на своемъ колѣнѣ—указаніе на звѣздный міръ, на круговращеніе звѣздъ вокругъ Полярной звѣзды.

Въ русскихъ сказкахъ о коровьемъ сынѣ злое существо, наносящее побои товарищамъ, дежурящимъ въ лѣсной избушкѣ, въ однихъ изображается старикомъ съ длинной бородой (дід съ ногіть, борода съ локіть) ²⁾, въ другихъ это баба-яга, во французскихъ *laïa à grand barbe*, великанъ, старая женщина или колдунья.

Въ бѣлорусской сказкѣ у Романова ³⁾ въ нору уходитъ похититель царскихъ коней бѣлый медвѣдь, а въ вариантѣ ⁴⁾ бѣлый волкъ; побѣдитель его Иванъ-царевичъ или Иванько. Въ общихъ чертахъ сюжетъ сходный со сказкой о коровьемъ сынѣ, только нѣтъ чудеснаго зачатія и лѣсной избушки. Брошенный братьями въ подземельѣ Иванъ-царевичъ находитъ здѣсь дѣда и бабу слѣпыхъ ⁵⁾; змѣя выпила у нихъ очи; это намекъ на сказку объ Ерусланѣ; его отецъ и дядя потеряли зрѣніе. Иванъ-царевичъ возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ; по одному варианту онъ заставляетъ змѣю возвратитъ зрѣніе, по другому заставляетъ крука принести живой воды, которая здѣсь на мѣстѣ желчи. У Афанасьева ⁶⁾ является похититель звѣрей изъ царскаго звѣринца Норка-звѣрь. Младшій изъ трехъ братьевъ за три раза, по три раны въ каждый, наноситъ Норкѣ девять ранъ; Норка уходитъ подъ бѣлый камень; камень этотъ величиною съ гору. Младшій изъ братьевъ, спустившись въ подземный міръ, находитъ тамъ Норку; онъ спитъ „на камнѣ по срединѣ моря“, храпитъ, на семь верстъ волна бьетъ. Афанасьевъ говоритъ, что въ вариантахъ на мѣстѣ Норки стоитъ Жарь-птица. Въ сказкѣ у Афанасьева „Три царства“ подъ *жельзную* плиту въ подземелье уходитъ серебряная птичка золотой хохолокъ ⁷⁾. Главное лицо въ сказкѣ одерживаетъ верхъ надъ чудовищемъ, дѣлаетъ трещину въ деревѣ и ущемляетъ въ ней бороду чудовища; но чудовище убѣгаетъ въ нору, въ монгольской сказкѣ въ трещину скалы ⁸⁾; товарищи пробуютъ пооче-

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 175.

²⁾ Чубинскій, II, 233.

³⁾ Бѣлорусск. Сборн., т. I, в 3, стр. 78.

⁴⁾ Ibid., стр. 79.

⁵⁾ Ibid., стр. 85 и 87.

⁶⁾ Афанасьевъ, I, 73.

⁷⁾ Ibid., 132.

⁸⁾ Шиддикѹръ въ переводѣ Гомбоева (Этногр. Сборникъ, изд. Геогр. Общ. VI), стр. 25: „Они пошли по слѣдамъ, образовавшимся отъ старушонкиной

редно спустить въ нору одного изъ товарищей, но никто изъ нихъ не можетъ спуститься до дна ямы, кромѣ главнаго лица; этотъ спускается и убиваетъ чудовище.

Въ „Восточн. мотивахъ“ я указалъ на алтайскія сказанія о Ельбегенѣ. Это злое существо, которое уноситъ мальчика Тарда-нака или Машпарека въ узкую пещеру, доходящую до центра земли ¹⁾; чтобы убить Ельбегеня спускается въ трещину солнце, но трещина узка, солнце не проходитъ и отказывается отъ попытки; тогда мѣсяцъ отрубилъ себѣ половину (ущербнулъ) и проникъ въ щель ²⁾. О мальчикѣ говорится, что онъ спасался отъ Ельбегеня на *желѣзномъ* деревѣ, или на кустѣ, но Ельбегень вырвалъ дерево съ корнемъ и унесъ мальчика съ деревомъ; мѣсяцъ, проникшій въ щель, схватилъ Ельбегеня и унесъ его съ собой на небо. И теперь въ пятнахъ луны алтайцы видятъ Ельбегеня съ кустомъ въ рукахъ. Этотъ-то звѣздный миогъ и отразился въ монгольской сказкѣ о Масангѣ. Маленькая старуха—это Ельбегень; похищенный Тардака—это похищенная царевна, унесенная въ подземелье; старуха уходитъ въ трещину скалы; это Ельбегень, уходящій въ узкую пещеру; въ аварской сказкѣ стоящее на этомъ мѣстѣ чудовище уноситъ съ собой въ трещину дерево, къ которому оно было прибито ³⁾; это Ельбегень, который уноситъ въ щель желѣзное дерево, на которомъ сидѣлъ мальчикъ ⁴⁾. Неудачная попытка солнца спуститься въ трещину отвѣчаетъ такой же неудачной попыткѣ трехъ товарищей; Масангъ или Jean de l'Ours,—это слѣдовательно мѣсяцъ, успѣшно спустившійся на дно трещины. Старухѣ монгольская сказка даетъ маленькій ростъ (и въ русскихъ сказкахъ дѣдъ борода съ локѣтъ тоже едва видѣнъ изъ-за порога ⁵⁾) но вдругъ становится великаншей ⁶⁾. Это на-

крови, по нимъ пришли къ пещерѣ въ одной страшной скалѣ. Они зашли въ пещеру, гдѣ посерединѣ была трещина въ 18 миль глубиной. На днѣ этой трещины увидѣли, среди золота, бирюзы, разныхъ воинскихъ доспѣховъ и многихъ другихъ сокровищъ, трупъ старушонки“.

¹⁾ Т. е. въ подземелье. Если подъ подземельемъ здѣсь разумѣется небо, то центральное мѣсто, куда ушелъ Ельбегень, придется видѣть въ Полярной звѣздѣ.

²⁾ *Вербицкій*, Алтайскіе инор. 157—158.

³⁾ *Cosquin*, I, 18.

⁴⁾ Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается мотивъ: чудовище, несущееся по воздуху съ деревомъ. Въ малорусской сказкѣ дзмій носитъ съ дубомъ, Кырѣякъ хватается за дубъ, и дзмій выноситъ его изъ подземнаго міра въ верхній міръ (*Манжура*. Сказки, стр. 43—45); въ великорусской Арикадъ-царевичъ хватается за трость, которую держитъ въ рукахъ Вихорь, и тотъ заноситъ его за облака на гору (*Худяковъ*, Сказки, II, 27); Иванъ царевичъ хватается за палицу, которая была въ рукахъ у Вихря, и Вихрь понесъ его по воздуху (*Афанасьевъ*, № 71, т. I, стр. 128).

⁵⁾ У Чубинскаго дѣдъ такъ малъ, что не можетъ перелѣзть черезъ порогъ и проситъ пересадить его (II, 232).

⁶⁾ Товарищъ, оставшійся въ домѣ, слышитъ шорохъ у дверей и видитъ старуху, ростомъ съ вершокъ. (*Шиддикѣръ*, 23); а потомъ когда Масангъ за-

поминаетъ сойотское повѣрье о звѣркѣ летягѣ (*Pteromys volans*). по-монгольски *олби*, тоже ночью, какъ и летучая мышь, животномъ, именно будто летяга спорить съ небомъ и во время грома раздувается и становится большимъ звѣремъ¹⁾. Монгольское *олби* въ сосѣднихъ діалектахъ переходитъ въ *олбо*, *олбынз*, летяга по-бурятски, *олбого*, летяга по-сойотски²⁾; отсюда можетъ быть и имя чудовища Ельбегень. Летучая мышь, которая легко можетъ быть смѣшиваема съ летягой, по-монгольски назыв. *бакбагай*, для медвѣдя есть монгольское *ба-абагай*; въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ медвѣдь и летучая мышь, кажется, иногда замѣняютъ другъ друга.

И такъ монгольская старуха, французскій павпъ, русскій дѣдъ съ ногой, борода съ локоть или баба-яга, ускользящія въ трещину земли, это летучая мышь, по-монг. или *шарисынъ*, *сарисынъ-бакбагай* или *сарисынъ баабга*³⁾.

Алтайское и сѣверномонгольское повѣрье приписываетъ нѣкоторымъ грызунамъ вражду противъ неба; алтайцы говорятъ, что, поймавъ бурундука, слѣдуетъ въ угоду неба пригвоздить его къ дереву; монголы говорятъ, что въ угоду неба слѣдуетъ летягу распинать на перекресткѣ дорогъ, сойоты—убить, сжечь и пепель расфѣять по воздуху⁴⁾. На Западѣ существуетъ обычай распинать на стѣнѣ летучую мышь⁵⁾. Не этотъ ли обычай отразился въ той казни, которой подвергается злое подземельное существо со стороны главного лица въ сказкѣ? оно прибито или прищемлено къ древесному стволу (или руки или борода ущемлены въ разщепъ дерева); это летяга, бурундукъ (въ болѣе древнихъ и болѣе правильныхъ редакціяхъ вѣроятно летучая мышь), пригвожденные къ дереву или перекрестку дорогъ.

Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ вмѣсто эпизода о подземельѣ стоитъ рассказъ о песиглавцахъ⁶⁾, у которыхъ кладовыя съ зо-

ставиль ее пойти за водой, онъ видитъ, что эта съ вершокъ старуха превратилась въ огромную женщину, чуть не достающую до неба (24).

1) Очерки с.-з. Монг., IV, 181. Танг.-тиб. окр. Китай, II, 344.

2) Ibid., 160; стр. также на стр. 747 примѣчаніе 25-е. Вмѣсто *олби*, *олбо* монголы произносятъ часто *олубъ* или *олыбъ*.

3) Очерки с.-з. Монг., IV, 173, 175.

4) Очерки с.-з. Монг., IV, 181.

5) Эпического оправданія этому обычаю на западѣ, кажется, не существуетъ. Монгольское преданіе говоритъ, что небо преслѣдуетъ летягу своими молніями за то, что она перегрызла горло сыну неба, когда онъ спустился на землю и здѣсь заснулъ подъ тѣнью дерева. Этотъ сынъ неба, по всей вѣроятности, первый человѣкъ на землѣ; монгольскія и калмыцкія преданія о родоначальникѣ народа (нужно понимать о родоначальникѣ всего человечества) изображаютъ его младенцемъ, найденнымъ подъ деревомъ; у калмыковъ это Царогъ, у монголовъ Чингелъ; и тотъ, и другой въ преданіи титулуется сыномъ Хормусты, т. е. царя неба. Алтайское сказаніе Мешперека также называетъ первымъ человѣкомъ на землѣ.

6) О песиглавцахъ см. у А. Веселовскаго, Двѣ замѣтки къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии. II. Хананей кивоксфалы и иконографическія изображенія св. Христофора, въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. ССХLI, отд. 2,

лотомъ. Въ приведенныхъ выше параллеляхъ къ этому разсказу, находящихся въ русскихъ сказкахъ, на мѣстѣ кладовыхъ стоитъ мельница, т. е. представленіе о круговращательномъ движеніи ¹⁾. Песиглавцы люди съ собачьими головами ²⁾; иногда о нихъ говорится, что у нихъ одно око ³⁾. Благодаря послѣднему представленію въ разсказы о песиглавцахъ вошла и тема о Полифемѣ, одноглазомъ великанѣ; человѣкъ, попавшій къ песиглавцу въ домъ берется сдѣлать ему другой глазъ, но вмѣсто того и единственный выкалываетъ раскаленнымъ желѣзомъ ⁴⁾. Монгольскія преданія разсказываютъ о существахъ, у которыхъ глазъ единственное уязвимое мѣсто. У чудовища Анъ-Долмана тѣло покрыто глазами и глазъ на серединѣ спины единственная уязвимая точка, на его тѣлѣ; богатырь Гэсэръ въ этотъ-то глазъ и направляетъ свой смертельный ударъ ⁵⁾.

По русскому повѣрью песиглавцы—людоеды; поймавъ человѣ-

стр. 189; *М. Драгоманова*, Розвідки (Збірникъ фільологічної секції наук. товариства імени Шевченка, т. II, у Львові, 1899, стр. 152; переведено изъ Киевск. Старины, 1883, грудень, стр. 546—559)

А. Н. Веселовскій, Наблюденія надъ исторіей нѣкот. романт. сюжетовъ средневѣк. литературы въ Жур. М. Н. Пр., ч. CLXV, отд. 2, стр. 154: царь Бокхъ съ мудрецомъ Сидрахомъ идетъ войной на страну песиглавцевъ, чтобы тамъ достать травы, растущія на горѣ (ср. въ Очеркахъ с. з. Монг., IV, 581, въ тюркской сказкѣ богатырь Алтынъ-Чилтысъ, „Золотая зѣзда“ видитъ гору, на ея верхушкѣ камень съ растущими на немъ девятью травами, посредствомъ которыхъ потомъ богатырь оживляетъ своего брата), безъ которыхъ не можетъ быть докончена постройка башни (тема о храмѣ Соломона); инциденты: мудрецъ Сидрахъ посаженъ подъ стражу, но царь не можетъ обойтись безъ его совѣтовъ; Сидрахъ показываетъ царю Св. Троицу въ сосудѣ, поставленномъ на трехъ деревьяхъ; попытка отравить Сидраха; буря и ливень, угрожающій потопомъ. Въ бурятскихъ преданіяхъ мотивъ неудающагося постройка также была, повидимому, связана съ исторіей похода въ опасную страну, въ страну мрака; тутъ люди пабираютъ золото (см. Записки Вост. сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, Иркутскъ, 1890, стр. 91 и 143).

¹⁾ Въ вояжѣ Карла Великаго къ королю Гугону тема о необыкновенномъ богатствѣ также связана съ идеей о круговращательномъ движеніи; зала въ дворѣ Гугона вертится.

²⁾ У Чубинскаго въ волынской сказкѣ № 57 (т. II, стр. 208) странствующій съ войскомъ царь приходитъ въ землю, гдѣ жители на половину люди, на половину собаки; они перегрызли другъ друга отъ музыки. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о подземельѣ; слѣдовательно послѣдовательность эпизодовъ та же, какъ и въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ, сначала песиглавцы, потомъ спасеніе обреченной чудовищу царевны.

³⁾ *Гринченко*, Этнограф. матеріалы, собранные въ Черниговск. губ. Черниговъ, вып. 1, 1895, стр. 1; вып. 2, 1896, стр. 2; *Драгомановъ*, Малорусск. народн. преданія, Киевъ, 1876, стр. 384

⁴⁾ *Гринченко*, в. 2, стр. 2. По остяцкому повѣрью Лѣка, имѣвшій единственный глазъ на темени, жилъ на днѣ озера; остякъ выжегъ ему глазъ, приложивъ къ нему раскаленный внутренности жаренаго жараса (Очерки с. з. монг., IV, 706). Будетъ ли Лѣка испорченное русское Лихо или это своя остяцкая форма?

⁵⁾ Танг.-тиб. окр. Китая, II, 55; Вост. мотивы, 181.

ка, они сначала откармливаютъ его пряниками и волошскими орѣхами ¹⁾; кромѣ того они питаются змѣинымъ мясомъ; эта пища даетъ вѣщее знаніе, напр., знаніе, отъ чего какая трава пользуется ²⁾. Въ книжныхъ преданіяхъ песиглавцы помѣщались на островѣ ³⁾, вѣроятно на морѣ и вѣроятно на серединѣ его; они повидимому отождествлялись съ волосатыми людьми, съ василисками (лицо дѣвичье, до пупа человѣкъ, отъ пупа змѣя, змѣиный хоботъ и крылья), съ человѣкоядцами, къ которымъ ходилъ Андрей Первозванный ⁴⁾, съ велетнями, т. е. великанами. Христіанскій апокрифъ приписываетъ подобный вѣшній видъ св. Христофору; ему придается или собачья или волчья голова ⁵⁾ онъ силачъ и по легендѣ несетъ на себѣ черезъ рѣку младенца Христа, въ которомъ, какъ въ сумочкѣ Микулы Селяниновича, скопилась вся тяжесть земли ⁶⁾. По одной легендѣ Христофоръ сынъ родителей, долго бывшихъ бездѣтными; рано онъ уже началъ превосходить своихъ сверстниковъ силою; ни одинъ конь не могъ поднять его; повидимому святой совершалъ всѣ свои странствованія пѣшкомъ; онъ носилъ въ рукѣ посохъ ⁷⁾.

Палащій огнемъ и летучій Змѣй, въ родѣ царя Огненный Щитъ, знакомъ не только сказкамъ, но и нашимъ былинамъ; Змѣй Горынычъ уноситъ Марью Дивовну за рѣку Смородину въ пещеры *бѣлокаменныя* (баба-яга въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ уходитъ подъ *бѣлую* плиту, Норка звѣрь у Афанасьева, № 73, подъ *бѣлымъ* камнемъ). Змѣй Горынычъ въ былинахъ на мѣстѣ дѣда съ ногой, борода съ локоть сказки, и если сближеніе этого эпизода съ монгольскими сказаніями о грызунѣ, враждебно отнесемся къ первому человѣку, имѣетъ основаніе, то представленіе о Горынычѣ находится въ связи съ повѣрьями о летучей мыши. Въ одной изъ своихъ статей (Этн. Обозр., XXVI) я высказалъ подозрѣніе, что въ одной монгольской легендѣ (о Хараликѣ) русскому Горынычу отвѣчаетъ чудовищная корова Курипъ, которая мечетъ огнемъ; она умираетъ, когда къ ней пріѣхалъ герой сказки Эрдени Хараликъ, похвѣвшій за дѣвицей Билге-Биликъ. Я предполагаю, что монгольская легенда передѣлана изъ сказки, въ которой дѣло представлялось иначе, а именно: дѣвица Билге-Биликъ была похищена чудовищемъ Курипъ; Хараликъ отправился освободить

¹⁾ *Гринченко*, вып. 1, стр. 2; *Драгомановъ*, Малорусск. нар. пред., Кіевъ, 1876, стр. 2.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Драгомановъ*, 1. с., стр. 153.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 154.

⁵⁾ Въ подлинникѣ Долотова о св. Христофорѣ сказано: „И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется вѣкое чудно и преславно, яко песію главу имѣяше, отъ страны человѣкоядецъ“. *А. Веселовскій* *Ханапней-Киноккефалы*, стр. 196.

⁶⁾ *Ibidem*.

⁷⁾ *А. Веселовскій*, *Ханапней-Киноккефалы*, стр. 202. *Virga ferrea* въ *Pavio* вѣсто посоха г. Веселовскій готовъ принять за описку (стр. 199).

ее. Сначала онъ встрѣчаетъ какихъ то безобразныхъ ассуровъ, подобно тому, какъ въ угрорусской сказкѣ Кароль на пути къ дѣвицѣ, обреченной Змѣю, встрѣчаетъ песиглавцевъ, какъ царь въ сказкѣ у Чубинскаго (II, 208) прежде, чѣмъ явиться освободителемъ дѣвицы, находящейся въ подобныхъ же условіяхъ, встрѣчаетъ людей съ собачьими головами; потомъ Хараликъ доѣзжаетъ до чудовища Куринъ, убиваетъ его и увозитъ плѣненную имъ дѣвицу. Можетъ быть, въ одномъ изъ варіантовъ этой сказки герой вмѣсто Кароля назывался Кирилъ, и первый эпизодъ о песиглавцахъ или асурахъ сохранился въ славянской церковной легендѣ о св. Кириллѣ, идущемъ въ страну человѣкоядцевъ болгаръ, а второй эпизодъ о битвѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи царевны отдѣлился, и мы имѣемъ его въ кievской легендѣ о Кириллѣ-Кожемякѣ ¹⁾).

Если мы соединимъ солунскую легенду о св. Кириллѣ, дополнивъ ее нѣкоторыми данными изъ другихъ легендъ о томъ же святомъ, съ кievскимъ преданіемъ о Кириллѣ-Кожемякѣ, первую представимъ себѣ первымъ, второе вторымъ эпизодомъ одного и

¹⁾ Мимоходомъ обращаю вниманіе фольклористовъ на какую-то связь темы о песиглавцахъ или человѣкоядцахъ съ темой о внезапномъ уразумѣніи иностраннаго языка. Въ разсказѣ о песиглавцахъ у Гринченко человекъ, попавшій къ нимъ, становится у нихъ поваромъ, варитъ имъ пищу изъ змѣянаго мяса, пробуетъ самъ, хотя это ему и запрещено, и, поѣвъ змѣянаго мяса, узнаетъ, къ чему какая трава пригодна; по другимъ записямъ о свойствѣ змѣянаго мяса поѣвшій его получаетъ даръ понимать языкъ травъ, птицъ и вообще животныхъ; каждая трава говоритъ о себѣ, отчего она полезна. У Худякова (Сказки, I, № 38 „Сага о русскомъ“, стр. 135), одинъ русскій попалъ на морскіе острова къ *писигалецамъ*, которые *воять* русскихъ людей. Хозяинъ, которому онъ достался, поѣхалъ съ нимъ въ лѣсъ, заставилъ подъ деревомъ выкопать яму, повелъ подъ этимъ деревомъ булатную машину, залѣзъ на дерево и сталъ играть въ дудку, которая приманиваетъ *полозовъ*; когда *полозъ* (змѣя) напoлзъ на машину, писигалецъ дернулъ за шнуръ, и машина перерѣзала *полоза*; русскій сварилъ мясо змѣя, писигалецъ поѣлъ, но русскому запретилъ ѣсть; русскій не утерпѣлъ и тоже поѣлъ, и сталъ понимать разговоръ скотинъ, звѣрей и птицъ. Тотъ же разсказъ у Ястребова въ Лѣтописи филолог. Общества при Новоросс. универс., III, Одесса, 1894, стр. 139, но въ плохой редакціи. Св. Кириллъ идетъ къ болгарамъ человѣкоядцамъ; въ Солуни, когда онъ сидѣлъ подлѣ храма, на него изъ клюва пролетавшаго голубя упалъ „Зборькъ“, вошелъ внутрь его тѣла, и св. Кириллъ сразу получилъ умѣнье говорить поболгарски. Св. Христофоръ песиглавецъ не владѣлъ человѣческой рѣчью; какой-то свѣтлый мужъ тронулъ его уста, и Христофоръ получилъ рѣчь и началъ проповѣдывать. Событіе съ св. Кирилломъ было бы сообразнѣе съ народнымъ повѣрьемъ передано, еслибъ легенда рассказывала, что „Зборькъ“ упалъ въ ротъ святого, а не на плечо. Въ бурятской сказкѣ пониманіе птичьяго языка получается отъ 70 уколовъ иголкой, сдѣланныхъ на языкѣ человѣку во время его сна (Оч. с.-з. Монг., IV, 201). Въ монгольской легендѣ глупый лама получилъ даръ краснорѣчія послѣ того, какъ во время сна ему въ ротъ плюнулъ Цзонкава (записано мною въ Монголіи). Въ Викрамачаритрѣ воронъ (подъ видомъ котораго былъ обращенный мудрецъ Лута-баранъ) испустилъ испражненіе въ ротъ царя Бикрама (т. е. Викрамадитья), но безъ чудотворныхъ послѣдствій.

того же разсказа, то мы получимъ сюжетъ угрорусской сказки о Каролѣ.

Схематическій разсказъ о персонажѣ, въ которомъ будутъ слиты св. Кириллъ и Кириллъ-Кожемяка, будетъ имѣть такой видъ:

1 э п и з о д ъ.

Семь братьевъ; изъ нихъ младшій Кириллъ—главное лицо легенды ¹⁾. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

Онъ идетъ въ страну челоуѣкоядцевъ; его отговариваютъ (Солунская легенда).

Онъ посѣщаетъ старца отшельника (митрополита) (Сол. лег.). (Сарадины) показываютъ ему свое богатство. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

(Они) хотятъ отравить его (Дополненіе изъ житія).

Голубъ несетъ зборькъ (Солунск. лег.).

2 э п и з о д ъ.

Женщина узницей у змія.

Голубъ несетъ письмо.

Герой легенды (Кириллъ) убиваетъ Змія.

Схема угрорусской сказки о Каролѣ будетъ такая:

1 э п и з о д ъ.

Семь братьевъ; младшій—герой сказки (Дополненіе изъ сказки о Катигорошкѣ) ²⁾.

Герой (Кароль) идетъ къ челоуѣкоядцамъ (песиглавцамъ). Его отговариваютъ.

Онъ посѣщаетъ старца отшельника.

Челоуѣкоядцы показываютъ ему свое золото.

Они хотятъ отравить его.

¹⁾ Число дѣтей у родителей св. Кирилла простиралось до семи; легенда называетъ Кирилла самымъ младшимъ (*Вильбасовъ*, Кириллъ и Меѳ., 139).

²⁾ У *Чубинскаго* въ сказкѣ № 63 у челоуѣка двѣнадцать сыновей и дочь; змій Ива уноситъ дочь; двѣнадцать братьевъ идутъ искать ее, но змій всѣхъ заражъ убиваетъ. Мать братьевъ проглотила горошину, плившую по водѣ, и родила тринадцатаго сына Покотыгорошко, который убиваетъ змія и освобождаетъ сестру (стр. 237). У *Драгоманова* шесть братьевъ и сестра; сестру половилъ „Проклятый“, шесть братьевъ идутъ освобождать ее, но попадаютъ въ темницу. Ихъ мать зачала отъ горошины и родила седьмого сына Покотигорошка, который и освобождаетъ сестру (Малорусск. преданія, стр. 260). Двѣнадцать удвоеніе шести; первоначальное число было вѣроятно шесть; и такъ было всего семь братьевъ, изъ которыхъ младшій герой сказки. У *Афанасьева* (№ 74, т. I, стр. 141 и 142) два брата гибнутъ въ поискахъ сестры; освобождаетъ ее третій, Покотигорошекъ.

2 Э П И З О Д Ъ.

Женщина обречена змѣю.

Герой освобождаетъ ее.

Старецъ обращается въ голубя и улетаетъ на небо.

Въ схемѣ о Кириллѣ я позволилъ себѣ дополнить солунскую легенду мѣстами изъ другихъ легендъ, именно 1) рассказомъ о Кириллѣ у сарацинъ, предполагая, что сарадины могли очутиться здѣсь на мѣстѣ болгаръ челоувѣкоядцевъ, и 2) рассказомъ о братьяхъ св. Кирилла. Схема о Каролѣ дополнена у меня однимъ заимствованіемъ изъ сказки о Коты-Горошкѣ, на что я считалъ себя имѣющимъ право въ виду указанныхъ выше отношеній этой сказки къ эпизоду о Каролѣ, освобождающемъ женщину, обреченную черту.

Изъ сличенія двухъ схемъ видно, что солунская легенда вошла въ схему о Каролѣ всѣмъ своимъ составомъ, за исключеніемъ двухъ мотивовъ; въ нашей схемѣ о Каролѣ нѣтъ призыва ангела итти къ челоувѣкоядцамъ и нѣтъ рассказа о голубѣ, несущемъ „зборькѣ“, но голубь все таки есть и въ этой схемѣ; въ схемѣ о Кириллѣ голубь является въ обоихъ эпизодахъ, но ни голубь перваго эпизода, ни голубь второго, не соотвѣтствуютъ голубю сказки о Каролѣ ни своимъ мѣстомъ въ схемѣ, ни своей ролью. Изъ того, что онъ такъ устойчиво появляется въ нашихъ схемахъ, слѣдуетъ однако заключить о важномъ значеніи этого мотива для сказки; можетъ быть въ видѣ голубя представлена въ сказкѣ мать героя, руководящая сыномъ и покровительствующая ему. Въ русской былинѣ мать Добрыни (который, какъ и Кароль, змѣеборецъ—онъ убилъ Тугарина Змѣевича) летитъ къ нему въ видѣ голубя съ извѣстіемъ, что его жену отдаютъ замужъ. Старецъ-отшельникъ, улетающій въ концѣ сказки на небо въ видѣ голубя, оказываетъ Каролу покровительство; онъ даетъ ему цѣлебную мазь, которая ему потомъ пригодилась, даритъ трехъ покровительствующихъ собакъ и, можетъ быть, давалъ рушникъ, дающій неисчерпаемую пищу ²⁾. Выше я уже указалъ, что сходной картиной—от-

²⁾ Выше было указано, что въ западноевропейскомъ сказаніи о поѣздкѣ Аполлонія въ населенный змѣями Вавилонъ какой-то звѣрь Milgat снабдилъ путника корнемъ, дававшимъ неисчерпаемую пищу. Угрорусская сказка рассказываетъ, что Кароль передъ встрѣчей съ отшельникомъ въ теченіе шести дней шелъ голодомъ; вѣроятно потому-то рушникъ и введенъ въ сказку, что по первоначальному плану редакціи нужно было снабдить Кароля средствомъ для питанія. Если о св. Кириллѣ не говорится, что онъ идетъ голодный, то все таки легенда заставляетъ его сказать императору, что онъ готовъ итти въ Хазарію „пѣшкомъ, босой, безъ всего, что Господь запретилъ носить своимъ ученикамъ“ (Бильбасовъ, I. с., 166), т. е. падошникомъ, безъ запаса, питающимся подаяніемъ. Преданіе говоритъ, что императоръ снабдилъ Кирилла необходимымъ на дорогу; сказка тоже заставляетъ отца дать Каролу дорожный запасъ. Во французской пѣснѣ Карль Великій съ своими парами идетъ

летъ троихъ и четвертаго кончается—и Гэсэриада; душа матери Гэсэра и три его небесныя сестры возносятся на небо ¹⁾; только здѣсь не представляются онѣ въ видѣ птицъ; образъ души въ видѣ птицы, впрочемъ, не чуждъ Гэсэриадѣ; Гэсэръ зарубаетъ свою виновную жену и душа ея вылетаетъ изъ тѣла въ видѣ птицы цокцогой ²⁾. Въ виду этихъ параллелей можетъ быть и въ кievскомъ преданіи голубь, несущій письмо отъ плѣenneйной змѣемъ царевны, тоже отголосокъ мотива о матери, летающей въ видѣ голубя, а загадочный „зборькъ“ солунской легенды, можетъ быть, найдетъ объясненіе въ преданіяхъ о птицѣ-вѣстницѣ, или сообщающей извѣстіе человѣческой рѣчью, или несущей письмо ³⁾. Въ солунской легендѣ голубь названъ говорящимъ; „и видѣхъ (Кириллъ) голуба глаголющи, въ устѣхъ ношаше зборькъ“ ⁴⁾; этотъ глаголющій голубь находитъ себѣ подобнаго въ „говоручемъ“ голубѣ одной малорусской сказки; Елена находится въ плѣну у Змія; Чурило ѣдетъ освобождать ее; онъ увозитъ ее отъ Змія, но у Змія есть „говоручій“ голубь, который докладываетъ ему, что его узница увезена; Змій гонится ⁵⁾. Въ этой сказкѣ Чурило на мѣстѣ Кирилла-Кожемяки кievскаго преданія; онъ также спасаетъ отъ Змія увезенную имъ царевну; голубь играетъ ту же роль, какъ и въ кievскомъ преданіи; онъ извѣщаетъ лицо, у котораго похищена женщина, но только попалъ не на свое мѣсто; онъ является сторожникомъ Змія, врага Чурилы, тогда какъ ему слѣдовало бы быть пособникомъ Чурилы. Этотъ „глаголющій“ голубь сказанія о св. Кириллѣ намекаетъ на то, что въ сказкѣ, послужившей матеріаломъ для славянской легенды, былъ вѣроятно инцидентъ съ дѣвицей, унесенной Зміемъ ⁶⁾.

въ Иерусалимѣ также въ видѣ паломника. И въ Каролѣ смутно замѣтенъ тотъ же покаянный оттѣнокъ: три раза онъ встрѣчаетъ нищихъ и подаетъ имъ милостыню. Нищіе какъ будто введены въ сказку только за тѣмъ, чтобы оттънвить какое-то побужденіе странствованія Кароля, которое сказкой не объяснено.

¹⁾ Die Thaten des Bogdo Gesser-chagan, S. 286.

²⁾ Die Thaten, S. 272.

³⁾ Гэсэру несетъ письмо отъ жены, которой угрожаетъ увозъ, сорока. Тапг. тиб. овр. Китая, II, 19.

⁴⁾ *Билъбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, 218.

⁵⁾ *Гринченко*, I. с., вып. I, стр. 160.

⁶⁾ Параллельныя черты угорусской сказки о Каролѣ съ стихомъ объ Егоріи Храбромъ: 1) У Кароля три собаки; у Егорія или Юрія по великорусскому и малорусскому повѣрью три собаки или три хорта (въ заговорахъ отъ бѣлыма); Егорій или Юрій съ своими собаками ѣдетъ или по *желѣзному* или по *золотому* мосту; въ одномъ вариантѣ вмѣсто Егорія старецъ съ 3 торбами и 3 ципками (*Фамиллинъ*, Божества древнихъ славянъ, стр. 323; *Петребовъ* въ *Лѣтописи Филолог. Общества при Новоросс. универс.* III, Од., 1894, стр. 103; *Милорадовичъ* въ *Кievск. Старинѣ*, 1900, мартъ, 378). 2) Кароль въ странѣ песиглавцевъ попадаетъ въ глубокую и темную пивницу, его освобождаютъ собаки; Егорій по приказанію гонителя царя (въ *ризанскомъ* сказаніи Змія Горюныча) брошенъ въ потребъ и заваденъ бревнами и камнями; вѣтры

Главному лицу въ сказкѣ приписывается нисхождение въ подземный міръ и поднятіе изъ него на верхъ; монгольскій Масангъ сначала опускается подъ землю, потомъ поднимается на небо ¹⁾. Такое движеніе не могло быть выведено изъ наблюденій надъ Б. Медвѣдницей и Полярной звѣздой; представленіе о персонажѣ, опускающемся подъ землю и поднимающемся на небо (или на гору, на башню), могло возникнуть только изъ наблюденій надъ закатающимися звѣздами; это будутъ Оріонъ, Плеяды и еще лучше мѣсяцъ, солнце, а также Венера, по монг. Цолмонъ.

Послѣдній эпизодъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ—онъ спасаетъ царевну, обреченную на съѣденіе Змѣя, оставляетъ ей драгоценный камень и уѣзжаетъ въ Подсолнечное царство; оставленный камень долженъ послужить знакомъ, по которому отецъ узнаетъ своего сына, ожидаемаго отъ спасенной царевны; и дѣйствительно Ерусланъ встрѣчаетъ потомъ своего сына въ полѣ, не узнаетъ его, вступаетъ въ поединокъ, но наконецъ видитъ перстень, и поединокъ прекращается. Въ другихъ сказкахъ эпизодъ о царевнѣ, обреченной Змѣю, имѣетъ другой конецъ: царевна спасена геросомъ, но подвигъ этотъ приписываетъ себѣ постороннее лицо; царевну хотятъ выдать замужъ за этого мнимаго освободителя; но приходитъ герой, царевна видитъ у него на рукѣ перстень, который она дала ему, разставаясь, узнаетъ въ этомъ пришельцѣ своего истиннаго избавителя и выходитъ за него замужъ. Двѣ эти схемы

разносятся эту крышу могилы и Егорій выходитъ изъ ямы. 3) Кароль истребляетъ песиглавцевъ при помощи собакъ; въ рязанскомъ преданіи: „Егорій повѣхалъ въ лѣсъ, повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго“ (Змѣя Горюныча); въ стихѣ: Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи, встрѣдись Егорію волки рысучи, гдѣ волкъ, гдѣ два; „собири-тесь вы, волки! будьте вы мои собаки!“ (Афанасьевъ, Нар. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 134 и 136). Въ записи Якушкина царь насильникъ, живущій въ Китай-городѣ, напускаетъ на Егорія стадо волковъ; Егорій велитъ имъ разойтись по степямъ и лѣсамъ и вѣсть Егорьево благословеніе, и затѣмъ разсѣкаетъ Змѣю-горюницу о 12 хоботахъ и убиваетъ царя въ Китай-городѣ (И. И. Якушкинъ, Сочиненія, изд. Михневича, Спб., 1884; стихъ № 3). 4) Кароль освобождаетъ царевну, обреченную чертямъ; Егорій спасаетъ царевну, обреченную змѣю. 5) Кароль освобождаетъ зачарованныя четыре души, которыя возносятся на небо въ видѣ голубей: душу старца отшельника и три души, которыя были заключены въ тѣла трехъ собакъ (Гэсэръ освобождаетъ изъ ада душу своей матери и на небо возносятся одновременно мать Гэсэра и три его сестры). Стихъ Егорія кончается освобожденіемъ матери и трехъ сестеръ; тѣло сестеръ иногда обросло шерстью; Егорій освобождаетъ ихъ отъ этого звѣрипаго покрова (иногда приказываетъ искупаться въ Іорданъ рѣкѣ) Въ русской народной легендѣ у Афанасьева (Лонд., 1859, № 16, вар. с, стр. 67 и 70) солдатъ освобождаетъ изъ ада цѣлую толпу грѣшниковъ и ведетъ ихъ въ рай.

¹⁾ О Масангѣ говорится, что онъ въ моментъ, когда поднимался на небо, былъ разбитъ на семь кусковъ, которые обратились въ семь буддъ. Число семь намечаетъ ия Б. Медвѣдницу, которая по монгол. назыв. Долонъ-бурханъ, т. е. семь буддъ (Будда монголы переводятъ Бурханъ-бакши), но распаденіе на части приписывается больше Плеядамъ.

расходятся въ томъ, что въ одной по камню или перстню узнаетъ послѣ разлуки близкаго человѣка мужской персонажъ (сынъ), въ другой—женщина (невѣста).

Сказки о коварномъ присвоеніи чужого подвига, рассказываемыя отдѣльно, часто начинаются съ того, что царевичъ вынужденъ своимъ коварнымъ слугой уступить этому слугѣ свои права, помѣняться съ нимъ своимъ званіемъ. Такъ въ верхоянской сказкѣ царевичъ, изгнанный отцомъ изъ царства, уходитъ вдвоемъ съ водовозомъ; дорогой царевичъ захотѣлъ пить, водовозъ опускаетъ его на веревкѣ въ колодезь, но хочетъ оставить его на днѣ колодезя, если царевичъ не обмѣнится съ нимъ своими правами. Царевичъ поневолѣ соглашается; они приходятъ къ другому королю; водовозъ поселяется во дворцѣ въ званіи царевича, а царевичъ становится конюхомъ. По коварнымъ совѣтамъ самозванца король обременяетъ истиннаго царевича неисполнимыми порученіями; царевичу однако помогаетъ покровительствующее ему существо (Пилигримъ); наконецъ, при помощи того же покровителя, царевичъ поочередно побиваетъ трехъ претендентовъ на руку царевны, которую обыкновенно вывозятъ на поле побоища; эти женихи—трехголовый, пятиголовый и семиголовый богатыри; въ первоначальной редакціи тутъ вѣроятно стояли трехъ, пяти и семиголовый Змѣи; очевидно, это видоизмѣненный эпизодъ о царевнѣ, вывозимой на съѣденіе Змію. Подвигъ спасенія царевны присваиваетъ самозванецъ, но царевна узнаетъ своего истиннаго спасителя по своему платку, которымъ она перевязала его раненую руку ¹⁾.

Французская сказка *Le roi d'Angleterre et son filleul* ²⁾ принадлежитъ къ вариантамъ этой сказки; въ ней также вынужденная уступка права на царское расположеніе, также это происходитъ у колодезя, затѣмъ также служба у иностраннаго короля, исполненіе по порученію этого короля опасныхъ порученій, накликанныхъ на царевича его врагомъ, самозванцемъ (онъ здѣсь горбунъ, и наконецъ благополучное исполненіе этихъ порученій при помощи покровителя гиганта, только послѣднихъ событій, битвъ съ женихами царевны въ этой сказкѣ не достаетъ.

Французская сказка начинается рассказомъ о королѣ, который на охотѣ заблудился, зашелъ въ одинокій домъ и тутъ сдѣлался воспріемникомъ новорожденнаго ребенка. Удаляясь, король оставляетъ ему крестикъ и наказываетъ родителямъ, когда ребенокъ вырастетъ, чтобъ они послали его къ нему, и король по этому крестику будетъ знать, что это его крестникъ; это въ родѣ того, какъ Ерусланъ, оставляя камень индѣйской царевнѣ, велитъ, если родится сынъ, дать ему камень и послать его отыскивать отца,

¹⁾ Верхоянскій сборникъ, 268—288.

²⁾ *Cosquin*, I, 43.

т. е. его, Еруслана; камень дать ему увѣренность, что это дѣйствительно его сынъ. Крестникъ короля принужденъ отдать королевскій крестикъ своему дорожному товарищу ¹⁾ съ условіемъ при томъ, хранить все это втайнѣ до смерти, и только на третій день послѣ смерти подлинному королевичу разрѣшалось раскрыть истину. Самозванецъ водворяется въ королевскомъ семействѣ, а подлинный царевичъ на конюшнѣ. Послѣ нѣсколькихъ удачно исполненныхъ порученій короля, придуманныхъ коварнымъ самозванцемъ, самозванецъ, убѣждаясь, что этимъ путемъ не погубить королевича, убиваетъ его; королева ищетъ тѣло убитаго, на третій день находитъ и воскрешаетъ королевича посредствомъ живой воды, которую тотъ самъ же принесъ въ одну изъ своихъ опасныхъ поѣздокъ. Такъ какъ три дня прошло послѣ смерти, то королевичъ открываетъ истину и получаетъ свои потерянные права, а самозванецъ казненъ. Эпизода о царевнѣ, обреченной Змѣю, нѣтъ; онъ какъ будто отъ этой сказки отдѣлился, но въ сборникѣ Коскэна онъ все таки появился въ видѣ сказки Jean de l'Ours. Крестникъ англійскаго короля это Jean de l'Ours; вѣроятно объ немъ передавалось, что онъ былъ изгнанъ изъ царства, терялъ знакъ своего царскаго происхожденія, затѣмъ совершалъ рядъ опасныхъ порученій и, наконецъ, освобождалъ трехъ принцессъ, но три его товарища (тутъ три вмѣсто одного) присвоивали трудъ освобожденія себѣ; однако принцессы заблаговременно снабдили своего настоящаго спасителя золотыми шарами, по которымъ онъ его потомъ и узнали.

Трехдневная смерть и воскрешеніе указываютъ, что подъ крестникомъ короля (а также можетъ быть и подъ Жаномъ-Урсомъ) скрывается луна; трехдневный промежутокъ между ущербомъ и новолуніемъ осмысленъ, какъ трехдневное пребываніе въ гробу. Этотъ мотивъ встрѣчается и въ ордынскомъ фольклорѣ. Чингисханъ приказалъ убить шамана Тубуть-тэнгри, о которомъ говорили, будто онъ ѣздилъ на небо верхомъ на бѣлой лошади ²⁾. Тѣло убитаго было положено въ запертой юртѣ; къ юртѣ приставлена стража, но на третій день оно исчезло и дымовое отверстіе оказалось открытымъ, т. е. тѣло вознеслось черезъ дымовое отверстіе. Другой случай въ сказкѣ сѣверныхъ сибирскихъ татаръ объ Акъ-Кобокѣ; какъ Тубуть соперникъ Чингиса, такъ

¹⁾ Въ кавказскомъ преданіи сынъ Рустема выѣзжаетъ искать своего отца со знаками, по которымъ отецъ долженъ узнать его, но встрѣтившійся ему дьяволъ въ видѣ женщины смѣется надъ нимъ, увѣряя, что подвѣшенные знаки придаютъ богатырю женственный видъ; богатырь прячетъ знаки за пазуху или бросаетъ на землю, влѣдствіе чего отецъ не узнаетъ сына и встрѣчаетъ его враждебно (*Вс. Миллеръ*, Экскурсы, стр. 43, 48, 51 и 53).

²⁾ *Рошндъ-Эдипъ*, Исторія Монголовъ, перев. Березина въ Запис. Имп. Археол. Общ., т. XIV, Спб., 1858, стр. 159.

Акъ-Кобокъ соперникъ Киданъ-хана, сына Мангуша; Акъ-Кобокъ ¹⁾; израненный въ войнѣ съ Киданомъ, ложится въ готовую могилу и говоритъ, что онъ на третій день воскреснетъ ²⁾.

Хожденіе шамана Тубута на небо вѣроятно отголосокъ шаманской обрядности; шаманская мистерія представляетъ или нисхождение шамана въ подземный міръ, въ царство Ерлика, въ царство мертвыхъ, или восхождение на небо (по алтайски въ царство Ульгея) ³⁾. На небо шаманъ поднимается или на гусѣ, или по дереву. Послѣднее дѣйствіе изображается наглядно; во время камланья въ юртѣ ставятъ срубленный стволъ березы съ сдѣланными на немъ зарубками; зарубки это ступени, по которымъ шаманъ долженъ ступать; шаманъ дѣлаетъ примѣрные движенія, будто онъ шагаетъ по ступенямъ ⁴⁾. Кромѣ того летательными средствами для шамана представляются бубень (будто бы шаманъ садится въ него и летаетъ по воздуху) и жезлы; послѣдніе имѣютъ на верхнихъ концахъ конскія головки и называются мори-харьбо, „конскія харьбо“; это кони, которые переносятъ шамана въ міръ духовъ. Представляется ли шаманскій плащъ летучимъ, мнѣ неизвѣстно. Въ царство Ерлика, царя ада, шаманъ по единственной извѣстной мнѣ записи ѣдетъ на лошади. Мнѣ не довелось узнать, изображается ли эта экскурсія шамана когда-либо въ видѣ опусканія на веревкѣ, а также изображается ли поднятіе шамана на небо на цѣпи.

Приуроченіе этой темы къ Тубуту вызываетъ догадку, не было ли объ этомъ Тубутѣ и его соперникѣ Чингисѣ сказки въ родѣ тѣхъ, которыя связаны съ именами Еруслана и Jean de l'Ours. На параллели сказанія о Чингисѣ съ сказкой объ Ерусланѣ я указалъ въ своей книгѣ „Вост. мотивы“ ⁵⁾. Во французской сказ-

¹⁾ Акъ по-татарски бѣлый. Кобокъ ср. съ якутскимъ *куобахъ*, „заяцъ“. Есть какія-то отношенія зайца къ мѣсяцу.

²⁾ Сагайцы перенесли этотъ мотивъ на Амуръ-сарана, т. е. на послѣдняго джунгарскаго принца Амурсану (*Radloff*, *Proben*, II, 385, преданіе о Шуно). Въ исторіи Морольфа трехдневная мнимая смерть жены Соломона; языческій царь подослалъ музыкантовъ, свѣдущихъ въ волшебствѣ; они даютъ царицѣ траву; взявъ ее въ ротъ, она становится, какъ мертвая. Призванный Морольфъ не вѣрить ся смерти, видитъ тутъ колдовство и говоритъ: „Стерегите ее покрѣпче; бьюсь объ закладъ, что она еще уйдетъ отъ васъ“. На третью ночь музыканты увезли царицу (*А. Н. Веселовскій*, *Слав. сказан. о Соломонѣ и Китоврасѣ*, стр. 283—284).

³⁾ Дева „мѣсяцъ“ тибетски.

⁴⁾ Въ бенгальской сказкѣ о женщинѣ, унесенной черезъ пору въ подземный міръ, герой выходитъ изъ подземнаго міра по дереву *коу*, которое, подобно Масангу, самъ засѣваетъ. (*Cosquin*, I, 21). Въ русской сказкѣ горохъ вырастаетъ до неба; по нему взбирается на небо человекъ и находитъ тамъ козу съ семью (вар. съ двѣнадцатью) глазами, которая караулитъ домъ (*Аванесъ*, № 6, т. I, стр. 19, № 231, т. II, стр. 376). Ср. у *Cosquin'a* (II, 168) сказку „Le rois de Rome“.

⁵⁾ См. стр. 296—347.

къ Jean de l'Ours заказываетъ себѣ палицу у кузнеца, а иногда онъ служить у кузнеца подмастерьемъ ¹⁾ и оказывается искуснѣе хозяина. Этотъ мотивъ очень распространенъ въ группѣ еруслановскихъ сказокъ, хотя въ сказкѣ о самомъ Ерусланѣ его нѣтъ. Кузница и кузнечное дѣло связаны съ именемъ Чингисъ-хана ²⁾ и вѣроятно этотъ мотивъ былъ и въ сказкѣ объ Ерусланѣ.

Въ приведенныхъ сказкахъ нерѣдко встрѣчается разсказъ о двухъ водахъ сильной и безсильной ³⁾. Когда герой, спустившись въ подземный міръ, находитъ здѣсь похищенную царевну, она учитъ его, какъ одолѣть чудовище; нужно переставить бочки съ водой; утомившись отъ боя, соперники кидаются къ водѣ, чтобы прохладиться, и чудовище или змѣй пьетъ безсильную воду, не подозревая, что бочки переставлены, а герой пьетъ сильную воду, становится сильнѣе противника и убиваетъ его. Въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ поитъ царевича, которому онъ покровительствуетъ, сильной водой, и царевичъ, благодаря этому, побиваетъ три войска.

Въ восточномъ фольклорѣ точь въ точь такого мотива нѣтъ, но есть спаиваніе противника виномъ передъ битвой. Въ сборникѣ „Арджи-Барджи“ Бикарь Мадзади (въ моей устной записи Бэгэръ-Мелжитъ) выставляетъ передъ битвой сосуды съ виномъ; противникъ его, царь шимнусовъ, выпиваетъ вино и обезсиливается, а Бэгэръ обращается въ сто львовъ (арсланъ), нападаетъ на него, убиваетъ его шимнусовъ и его самого ⁴⁾.

Сказка о Бэгэръ-Меджитѣ напоминаетъ вышеприведенныя сказки и тѣмъ еще, что начинается зачатіемъ отъ съѣденной нищи. Въмѣсто ухи изъ щуки, отъ которой родится Бурза Воловичъ, вмѣсто горошины, отъ которой былъ зачатъ Горошекъ, здѣсь мука. Царица была бездѣтна; лама отшельникъ далъ ей тѣсто; она съѣла его, остатки вылизала служанка; у царицы родился сынъ Бэгэръ, у служанки Шялу ⁵⁾. Въ „Вост. мотивахъ“

¹⁾ *Cosquin*, I, 8.

²⁾ См. Вост. мотивы, 420.

³⁾ *Аванас*. I, 128, 133, 136. *Романовъ*, Бѣлорусск. сборникъ, т. I, в. 3, стр. 80, 83. *Чубинскій*, II, 208; (два камня, сильный и безсильный), II 209.

⁴⁾ Въ японской сказкѣ *Sosano*, освободитель обреченной на съѣденіе змѣю царевны, выставляетъ восемь горшковъ съ *Saki* (родъ водки); драконъ съ 8 головами прикладываетъ каждую голову къ горшку, напивается пьянъ и *Sosano* убиваетъ его. (*Cosquin*, I, 75). Это Бэгэръ-Меджитъ (Бикарь-Мадзади), который выставилъ сосуды съ виномъ предъ тѣмъ, какъ идти въ бой съ царемъ шимнусовъ. Въ монгольской сказкѣ нѣтъ освобождаемой царевны, но обреченныя жертвы есть; населеніе было обязано ежедневно отдавать на съѣденіе царю шимнусовъ по сту человѣкъ съ благородной персоной во главѣ. Вѣроятно только отсутствіе обреченной царевны удержало Коскэна отъ присоединенія Бэгара къ другимъ указаннымъ имъ параллелямъ.

⁵⁾ Въ грузинской сказкѣ (Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа, т. X, отд. II, стр. 54—61) сюжетъ сказки Jean de l'Ours (Ломъ-каци) встрѣчаетъ человѣка съ жерновомъ на ногѣ, догоняющаго зайца и другого,

я сдѣлалъ сближеніе этихъ персонажей съ найманами Хорису-Маджу и Тункъ-Шялѣ, которые убиваютъ Ванъ-хана, противника Чингисъ-хана ¹⁾. Если Бэгэръ и Хорису въ самомъ дѣлѣ тоже-ственные, то значить и о Хорису можетъ быть предполагать раз-сказъ, что онъ родился отъ сѣдѣннаго тѣста, какъ Горошекъ отъ проглоченной горошины.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, какъ, напримѣръ, въ аварскомъ и имеретинскомъ, сынъ медвѣдя дебитируетъ со своей силой въ рубкѣ лѣса. Въ аварской царь посылаетъ богатыря Медвѣжье ухо рубить дрова; богатырь сразу столько нарубилъ, что зава-лилъ лѣсомъ городъ ²⁾. Въ имеретинской ³⁾ царь, чтобы отдѣлаться отъ необыкновеннаго силача, медвѣжьего сына, посылаетъ его въ самый густой лѣсъ, срубить въ немъ срубъ для дворца и доста-вить къ старому дворцу; медвѣжій сынъ повалилъ вѣковыя деревья и исполнилъ приказъ царя. Во французской сказкѣ о сынѣ мед-вѣдя (Jean de l'Ours) этого мотива нѣтъ, но онъ есть въ сказкахъ Bénédicite и L'homme fort; герои этихъ сказокъ не выдаются за сыновей медвѣдя, но такое происхожденіе ихъ можно подозрѣвать.

Такой же дебютъ и русскаго былиннаго богатыря Ильи Му-ромца. Послѣ того, какъ онъ просидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ ⁴⁾ проходившіе старцы дали ему пить пива, и послѣ того онъ сталъ сильнымъ богатыремъ точно такъ же, какъ тотъ царевичъ, которому покровительствовалъ Пилигримъ верхоянской сказки. Получивъ возможность ходить, Илья отправляется корчевать лѣсъ. Вѣроят-но и здѣсь сила эта только напугала родителей и они, вѣроятно, сами отослали его странствовать. Изъ сходства такого начала русской сказки съ началомъ кавказскихъ вытекаетъ заключеніе, что Илья Муромецъ такой же сынъ медвѣдя, какъ аварскій Cil'in, имеретинскій Леванъ Датвисшвили и ингушскій Че уа.

который воруетъ яйца; жизнь втроемъ; великанъ отнимаетъ обѣдъ у двухъ товарищей, но Ломъ-каци убиваетъ великана; спускъ въ подземелье, освобождѣніе принцессы, измѣна товарищей; орлица выноситъ Ломъ-каци) соединенъ не съ мотивомъ неестественнаго союза медвѣдя съ женщиной, а съ мотивомъ неестественнаго зачатія въ родѣ монгольской сказки о Бэгэръ-Меджитѣ (Арджи-Борджи); царевна сѣдѣаетъ яблоко, служанка кожицу съ него; у царевны ро-дится сынъ Арджеванъ, у служанки Ломъ-каци; этотъ послѣдній отвѣчаетъ Шялу монгольской сказки. Ломъ-каци убиваетъ великана (въ монгольской сказкѣ Бэгэръ, а не Шялу убиваетъ царя шимаусовъ; о томъ, что тутъ мож-но предполагать испорченную редакцію см. Вост. мотивы, 258), освобождаетъ царевну и выдаетъ ее замужъ за Арджевана. Коскэнь указываетъ греческую сказку, которая представляетъ переходъ отъ сказки Jean de l'Ours къ еги-петскому роману о двухъ братьяхъ (Cosquin, I, 25).

¹⁾ Вост. мотивы, 236 и 251.

²⁾ Cosquin, II, 113.

³⁾ Сборн. мат. для оп. Кавк., XIX, отд. 2, стр. 3.

⁴⁾ Въ сказкѣ, записанной въ Бретани, Petite Bageutte до сорока лѣтъ ни-чего не дѣлаетъ, потомъ обнаруживаетъ силу и уходитъ съ желѣзной „ba-geutte“ въ семьсотъ ливровъ вѣсомъ (Cosquin, I, 8).

Сказка объ Ильѣ Муромцѣ представляет нѣкоторыя параллели къ монгольской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ. 1) Иринѣ-Шайнѣ ¹⁾ въ алтайской сказкѣ по порученію царя приносить Ханкыри; царь испугался и проситъ отнести Ханкыри на прежнее мѣсто ²⁾; въ аварской царь, чтобы отдѣлаться отъ медвѣжьяго сына, посылаетъ его принести сначала чудовище „картъ“, потомъ змѣя „аждахо“; богатырь приносить; царь, не ожидавшій этого, пришелъ въ ужасъ и проситъ отнести чудовище назадъ; Илья Муромецъ приносить ко двору князя Владиміра Соловья разбойника; князь перепугался. 2) Иринѣ Сайнѣ бьется съ братомъ и племянникомъ; Илья бьется съ сыномъ ³⁾; 3) Иринѣ-Сайнѣ влазить на лѣстницу, чтобы оттуда взглянуть на толпу непріятелей; Илья поднимается на гору, чтобы посмотреть на непріятельское войско. Если моя догадка вѣрна, что Иринѣ-Сайнѣ и Джиренше-шешень (Еренѣ-шешень) тождественны, то и еще одно совпаденіе получается. Джиренше-шешень (Джиренше-мудрецъ) посаженъ царемъ въ тюрьму, Илья также; правда, о Джиренше нѣтъ разсказа, что онъ въ трудную минуту выручилъ царя, какъ Илья Владиміра. Этой чертой судьба Ильи похожа на судьбу Акиря премудраго, только при Ильѣ нѣтъ загадокъ. Въ отношеніи загадокъ Акирь сходится не съ Ильей, а съ Джиренше-шешеномъ; Джиренше разгадываетъ, какъ и Акирь, царскія загадки, и при томъ есть одна почти тождественная съ загадкой, заданной Акирю. Я думаю, что поединокъ съ сыномъ потому и стоитъ въ былинѣ объ Ильѣ, что Илья есть русскій Иринѣ-Сайнѣ; бой Ильи съ Борисомъ-королевичемъ или съ Збуть-королевичемъ, это бой Иринѣ-Сайна съ Арсланомъ. Въ области тѣхъ же матеріаловъ, вѣроятно, найдетъ объясненіе и появленіе въ русской былинѣ Жидовина на мѣстѣ сына Ильи Муромца; едва ли это этнографическій терминъ. Въ виду того, что въ числѣ названій Больш. Медвѣдицы есть формы Джеты-ганъ, Жидиганъ и т. п., нужно подождать на-

¹⁾ Иринѣ ср. съ *ирей*, „медвѣдь“.

²⁾ Очерки с. з. Монг., IV, 427.

³⁾ Ibid 452. Въ малорусской сказкѣ, Илья Муринъ (т. е. Илья Муромецъ) спрашиваетъ у одной панны: „есть ли гдѣ сильнѣе меня и краше тебя?“ Оказывается, что есть; это красавица, которая содержится за *дѣвѣнадцатью* желѣзными дверями; чтобы жениться на ней, нужно убить 30 головаго змѣя; Илья обматывается пряжей, обливается смолой т. е. поступаетъ, какъ Кирила-Кожемяка кievскаго преданія, бьется со змѣемъ и убиваетъ его (Вс. Миллеръ, Очерки русск. народн. словесности. Былины. М. 1897. Стр. 408). В. Θ. Миллеръ думаетъ, что еруслановскіе инциденты позднѣйшее наслоеніе на имя Ильи Муромца. Мвѣ кажется, сростаніе нѣкоторыхъ еруслановскихъ темъ съ героемъ, родившимся отъ медвѣди или медвѣдицы, началось гораздо древнѣе, чѣмъ составилъ сводъ объ Ерусланѣ. Илья Муринъ узнаетъ, что какой-то богатырь выкололъ глаза его отцу и матери; для исцѣленія ихъ Илья достаетъ сердце чародѣйнаго богатыря. У *Романова*, III, стр. 85 и 87, Иванъ царевичъ встрѣчаетъ какихъ-то дѣда и бабу, у которыхъ змѣя выпила очи; онъ достаетъ средство исцѣлить глаза.

копленія преданій объ этомъ созвѣздіи и не торопиться съ сближеніемъ имени Жидовинъ съ именемъ жидъ. Можетъ быть Жидовинъ окажется славянизированнымъ аварскимъ Жидиганъ ¹⁾.

Въ сказкѣ, записанной г. Эварницкимъ, Илья Муромецъ спасаетъ царевну, обреченную змѣю, но бондарь отрубаетъ ему голову и подвигъ приписываетъ себѣ; св. Петръ оживляетъ Илью; слѣдуетъ обличеніе самозванца ²⁾.

Въ „Вост. Мотивахъ“ ³⁾ я сравнивалъ съ преданіемъ объ Ильѣ. сказку о Бормѣ-Ярыжкѣ; здѣсь прибавлю, что конецъ, который мы находимъ въ сказкѣ Эварницкаго, придается и Бормѣ и его эквивалентамъ; такой конецъ—спасеніе обреченной змѣю царевны, самозванство и обличеніе самозванца—находится въ сказкахъ 1) вологодской о Михайлѣ Трунщиковѣ, 2) самарской о Иванѣ Туртыгинѣ и 3) могилевской о Дикомъ Бурьмѣ ⁴⁾. На схему сказки

¹⁾ Въ греческой былинѣ отецъ богатыря Армури въ плѣну у саракиновъ сидитъ въ темницѣ; но подвиги Армури (бой съ саракиномъ у рѣки, битва съ саракинскимъ войскомъ) наводятъ страхъ на саракинского эмира, онъ измѣняетъ свое обращеніе съ узникомъ, угощаетъ его, освобождаетъ изъ темницы, отсылаетъ къ сыну и обѣщаетъ отдать за сына свою дочь (*В. Θ. Миллеръ*, *Очерки*, 334). Это сходно съ татарской былинной объ Ала-Картагѣ; братья Темусы увезли въ плѣнъ отца Ала-Картаги, Акъ-хана и посадили его въ яму, но подвиги Ала-Картаги (бой съ Джедай-ханомъ) напугалъ ихъ, и они отпускаютъ Акъ-хана изъ неволи, ѣдутъ на встрѣчу къ Ала-Картагѣ съ подарками. А. Н. Веселовскій думаетъ, что далѣе въ греческой былинѣ былъ рассказъ о поединкѣ отца съ сыномъ, г. Миллеръ отклоняетъ это предположеніе. Въ побочныхъ вариантахъ, однако, можно допустить вмѣсто мирной встрѣчи отца съ сыномъ поединокъ по недоразумѣнію, какъ это и имѣетъ мѣсто въ былинѣ о Саурѣ Ванидовичѣ. Въ приведенныхъ выше татарскихъ сказкахъ мы находимъ во первыхъ столкновеніе Ала-Картаги съ Джедай-ханомъ, во вторыхъ Картаги съ Сэдэй-мэргэномъ, но сказки не дѣлаютъ ихъ родственниками. Сэдэй-Мэргэнъ, возвращаясь на родину, встрѣчаетъ въ полѣ свою дочь и не узнавъ ея съ перваго раза, но этотъ инцидентъ не принадлежитъ къ категоріи встрѣчъ съ поединкомъ; это другой типъ встрѣчъ, въ родѣ встрѣчи Одиссея съ отцомъ Лаэртомъ.

²⁾ *А. Веселовскій*, *Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Журн. М. Н. Просв.*, ч. ССLXIX, отд. 2, стр. 63.

³⁾ Стр. 701.

⁴⁾ *Ждановъ*, *Русскій былевой эпосъ*, 5 и 9; *Иваничій*, *Матер. по этн. Волог. губ.*, стр. 165 (*Изв. Моск. общ. люб. естествоз., антр. и этн.*, т. LXIX); *Садояниковъ*, *Сказки и пред. самарск. края*, стр. 22—27; *Романовъ*, *Бѣлорусск. сборн.*, в. 3., № 28, стр. 205. Въ вологодской и могилевской сказкахъ герой сказки (Трунщиковъ или Дикій Бурьма), везущій царскія инсигніи, въ одномъ мѣстѣ останавливается отдохнуть и засыпаетъ; товарищи уплываютъ на кораблѣ съ добытыми вещами и выдаютъ себя за виновниковъ пріобрѣтенія ихъ; истинный ихъ пріобрѣтатель просыпается только черезъ три дня (такъ въ могилевскомъ вариантѣ у Романова). Въ православное царство Дикаго Бурьму переносятъ левъ, которому онъ оказалъ услугу въ борьбѣ съ змѣемъ (зміюдой, отвѣчающей борьбѣ двухъ быковъ, чернаго и бѣлаго въ монгольской сказкѣ о Масангѣ). Борьба льва съ змѣемъ описывается и въ другомъ могилевскомъ вариантѣ (о проворной Ярыжкѣ), и въ самарской сказкѣ, но въ обоихъ случаяхъ забыть вѣроломный поступокъ товарищей. Во всѣхъ однако случаяхъ благодарный левъ доставляетъ героя сказки на мѣсто.

о Бормѣ похожа схема былины о Васильѣ Буслаевѣ. Борма ѣдетъ втроемъ; и Буслаевъ ѣдетъ втроемъ; Борма перелазитъ черезъ змѣя, замѣняющаго городскую стѣну; Буслаевъ поднимается на Сорочинскую гору; на обратномъ пути Борма запнулся на вершинѣ змѣинаго хребта; Буслаевъ запнулся на Сорочинской горѣ, у камня Алатыря. Василий Буслаевъ никакихъ святынь изъ Іерусалима, не принесъ; но три святыни въ новгородскихъ преданіяхъ были, только они попали повидимому въ другое народное сказаніе, именно въ сказаніе о сорока каликахъ которые принесли изъ Іерусалима чашу, копкаръ и скатерть „во веки имъ кормленіе“ ¹⁾).

Но можетъ быть тотъ же мотивъ вставлялся и въ былинну о Васильѣ Буслаевѣ или сказаніе о сорока каликахъ можетъ быть ставило его атаманомъ каликъ. Въ одномъ вариантѣ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ одинъ изъ трехъ пословъ императора, идущихъ въ Вавилонъ, называется Васильемъ-русеникомъ ²⁾. Г. Ждановъ указываетъ на сказку у Афанасьева ³⁾; въ которой какой то Весельчакъ отправляется въ змѣиный городъ доставить мазь, чтобы исцѣлить больные глаза царевны; онъ перелазитъ черезъ змѣя, облежавшаго городъ вмѣсто стѣны, находятъ подъ камнемъ мазь и убѣгаетъ съ нею, спасаясь отъ погони ³⁾,—слѣдовательно это вариантъ сказки о Бормѣ. Имя Весельчакъ, можетъ быть, вызвано созвучіемъ съ именемъ Василій.

Жизненный дебютъ Василья Буслаева напоминаетъ Jean'a de l'Ours; во время игры онъ „у кого руку оторветъ, у кого голову рѣсколетъ“. Мать отдала его учиться къ старчищу Угрумищу „листы писать“. Однажды Угрумище созвалъ гостей на пиръ, а Буслаева не позвалъ; Буслаевъ пришелъ на пиръ не званый, „изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повывергалъ, проводилъ на новы сѣни чернымъ вязомъ“ ⁴⁾. Во французской сказкѣ подобная сцена происходитъ въ школѣ; Jean de l'Ours цѣлую лавку учениковъ однимъ ударомъ высадилъ изъ за стола, а учителя выбросилъ въ окно ⁵⁾.

Обзоръ матеріала, которымъ я воспользовался для этой статьи, приводитъ къ заключенію во 1-хъ, что сказка объ Ерусланѣ вышла изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ, во 2-хъ, что она относится къ звѣздному эпосу. На нѣкоторыя звѣзды, какъ напримѣръ на Венеру, на луну есть въ приведенныхъ мною сказкахъ прямые указанія; въ другихъ случаяхъ звѣзду или созвѣздіе легко уга-

¹⁾ *Вс. О. Миллеръ*, „Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою“ въ *Журн. М. Нар.*, Пр., 1899, августъ (СССХХIV), стр. 489.

²⁾ *А. Веселовскій* Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ стр. 133 (Славянскій Сборникъ т. III).

³⁾ *Н. Н. Ждановъ*, Русск. былев. эпосъ, 18.

⁴⁾ *Афанасьевъ*, № 176 (II т. стр. 256).

⁵⁾ Cosquin, I, 2.

дать по обстоятельствамъ, въ которыхъ выведено дѣйствующее лицо. Для нѣкоторыхъ сказокъ главную роль при созданіи сюжета играло, повидимому, наблюденіе надъ небесными свѣтилами, при чемъ движеніе свѣтила или явленіе, происходившее съ нимъ, осмысливалось при помощи явленій въ жизни людей и звѣрей на землѣ. Напримѣръ было замѣчено движеніе одного созвѣздія вслѣдъ за другимъ, какъ бы по пятамъ его; ему придавался смыслъ погони охотника за оленемъ или преслѣдованія оленя хищнымъ звѣремъ. Примѣры того, что звѣзды представлялись звѣрями, не рѣдки; народное повѣрье видитъ въ нихъ лосей, оленей, волковъ, собакъ. Было и обратное воздѣйствіе; представленіе, возникшее изъ наблюденія надъ небомъ, могло переноситься на землю. Такъ напримѣръ, замѣтивъ неподвижное положеніе Полярной звѣзды, человѣкъ нашелъ параллельное къ нему явленіе въ образѣ жизни летучей мыши, неподвижно прижавшись къ скалѣ, проводящей день; затѣмъ, связавъ съ Полярной звѣздой прочность мірозданія, признавъ въ ней залогъ того, что небо не обрушится на землю, человѣкъ перенесъ это представленіе на летучую мышь и создалъ легенду, будто летучая мышь воображаетъ, что она поддерживаетъ скалу отъ паденія, иначе скала упадетъ и задавитъ людей.

Имена созвѣздій иногда смѣшиваются. Еще болѣе смѣшенія между созвѣздіями нужно ожидать въ сюжетахъ, приуроченныхъ къ нимъ. Такъ напримѣръ, рассказъ о подъемѣ дѣйствующаго лица въ сказкѣ на гору или опусканіе его въ подземелье можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ свѣтиломъ, восходящимъ къ зениту или заходящимъ за горизонтъ, но такое явленіе наблюдается и надъ Венерой, и надъ Плеядами, и надъ Оріономъ, и надъ луной, и надъ солнцемъ. Есть, впрочемъ, явленія, связанные только съ опредѣленными свѣтилами. Такъ напримѣръ, неподвижное положеніе замѣчается только у Полярной звѣзды; разсѣченіе тѣла пополамъ или періодическое убываніе тѣла и наростаніе его можетъ быть выведено только изъ наблюденія надъ фазами луны; движеніе противъ теченія—изъ наблюденій надъ Большой Медвѣдицей; вѣчное движеніе взадъ и впередъ, какъ маятникъ (напр. представленіе о вѣчномъ перевозчикѣ) только изъ наблюденій надъ тѣмъ же созвѣздіемъ. Но въ теченіе вѣковъ традиція нарушилась, утратилось пониманіе связи между сказкой и той реальностью, которая въ ней прежде подразумѣвалась, особенно при переходѣ сказанія въ чужую народность безъ перевода собственныхъ именъ, и тогда явилась возможность и детали, выведенныя изъ наблюденія надъ фазами луны, и детали, идущія изъ наблюденія надъ Б. Медвѣдицей, или Плеядами, или Полярной звѣздой, соединять на одномъ дѣйствующемъ лицѣ, не имѣя повода усматривать тутъ нелогичность. Въ виду этого разоблаченіе сюжетовъ возможно только въ извѣстныхъ границахъ. Нельзя, напримѣръ, сказать, что Ерусланъ вотъ такая-то звѣзда или такое-

то созвѣздіе. Возможно открытіе генезиса только инцидента, а не сказки.

На протяженіи статьи нерѣдко дѣлались указанія то на ту, то на другую звѣзду. Здѣсь, на послѣднихъ страницахъ статьи, я хочу свести вмѣстѣ эти указанія. Чаще всего мнѣ приходилось указывать на Полярную звѣзду. Въ „Вост. мотивахъ“ я высказалъ мнѣніе, что съ этой звѣздой были связаны эсхатологическія темы. По одному народному повѣрью семь звѣздъ Большой Медвѣдицы—это семь волковъ, которые гонятся за лошадыю, привязанной къ приколу, а подъ послѣднимъ подразумѣвается Полярная звѣзда, которая въ разныхъ частяхъ орды такъ и называется Желѣзный колъ или Золотой колъ. Когда волки догоняютъ лошадь, конецъ міра. По другому повѣрью міръ погибнетъ отъ водъ, которыя изольются изъ отверстія, пока заткнутого камнемъ. Есть къ этому представленію параллельное, впрочемъ не связанное съ идеей о кончинѣ міра—воды изливаются изъ отверстія, сдѣланнаго въ земной поверхности посредствомъ *желѣзнаго* посоха; посохъ былъ воткнутъ въ землю и вынутъ, изъ пробитаго имъ отверстія потекли воды и образовали море. Предполагая для всѣхъ этихъ представлений одно общее происхожденіе, я прихожу къ заключенію, что въ Полярной звѣздѣ иногда видѣли камень или колъ, которымъ было закупорено отверстіе, ведущее къ хранилищу водъ, угрожающихъ всемірнымъ наводненіемъ ¹⁾.

Къ той же группѣ представлений слѣдуетъ отнести и представленіе объ отверстіи, сдѣланномъ также посохомъ, но изъ котораго на землю извергаются не воды, а гады, гнусъ и всякое подобное зло; отверстіе это дѣлаетъ Ерликъ, царь ада ²⁾. Это представленіе можетъ быть принято за переходъ къ другому, къ представленію объ отверстіи, ведущемъ въ подземный міръ, обитаемый нечистыми духами (въ царство Ерлика). Сюда примкнуть тѣ инциденты въ сказкахъ, въ которыхъ герой отваливаетъ камень, прикрывающій отверстіе, спускается въ подземное царство и тамъ вступаетъ въ поединки съ злыми силами, похитителями царевенъ (въ переводѣ на языкъ тюркомонгольскихъ повѣрій, съ споспѣшниками Ерлика, похищающими на землѣ человѣческія души и прячущими ихъ въ казематахъ ада). Иначе сказать, Полярная звѣзда представлялась отверстіемъ, ведущимъ въ другой міръ, гдѣ живетъ злое существо, насылающее на людей смерть. *Бѣлая* плита, подъ которую уходитъ баба-яга, *бѣлый* камень, подъ который уходитъ Норка-звѣрь, *желѣзная* плита, подъ которую уходитъ птичка, золотой хохолокъ ³⁾, это образы, въ которые на-

¹⁾ Вост. мотивы, 363; Танг.-тиб. окр. Китая, II, 211—214 и 331. По якутскому повѣрью не Полярная звѣзда, а Плеяды отверстіе въ небѣ чѣмъ-то затаиное; когда оно отмыкается, на землю дуютъ ветры (Вост. мотивы, 325, 571).

²⁾ Вост. мотивы, 569.

³⁾ *Афанасьевъ*, изд. 1897, т. I, стр. 132.

родное воображеніе превратило Полярную звѣзду. Злая сила уноситъ черезъ это отверстіе въ темный міръ царевну, и иногда тамъ приковываетъ ее цѣпями; представленіе о подземномъ мірѣ переходитъ въ представленіе о темницѣ съ заточенной царевной¹⁾. Заточеніе въ темницѣ можетъ толковаться въ сказкѣ, какъ возмутительное насиліе или какъ наказаніе за преступленіе²⁾. Иногда же это не темница, а погребъ, куда спрятавы дѣти, чтобы спасти ихъ отъ злого существа, которое умышляетъ унести ихъ; или пещера, въ которой укрывается бѣглець (я припоминаю въ этомъ случаѣ Чингисъ-хана монгольскаго преданія, собственно Темучина, а также Балъ-Дорчжи тибетскаго преданія, убившаго царя Ландарму, прячущихся въ пещерѣ).

Въ одной сказкѣ возлѣ отверстія, ведущаго въ подземный міръ, помѣщается столбъ, но онъ не запираетъ входъ, а врытъ для того, чтобы герой могъ привязать къ нему веревку, на которой онъ долженъ спуститься въ подземелье. Тутъ связь столба съ отверстіемъ иная, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ, но эта версія показываетъ, что дѣло идетъ о какой то реальности, которая представлялась и въ видѣ отверстія и въ видѣ столба.

Столбъ иногда замѣняетъ темницу. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ сестра измѣнница въ наказаніе за измѣну выставлена на каменномъ столбѣ; въ вариантахъ этой сказки она помѣщена на вершинѣ дуба (и оттуда свергнута) или привязана

1) Подъ прикованной цѣпями царевной могла подразумѣваться Больш. Медвѣдица, которая покиргизски назыв. Джиты-Каракше, а на другомъ тюркскомъ нарѣчьи, алтайскомъ, *каракчинъ* значить „красавица“. У алтайцевъ есть сказка объ Очу-Каракчинѣ, „Злой красавицѣ“, у которой семь братьевъ. Въ русской былицѣ Змѣй Горынычъ увесъ Марью Диеовну за рѣку Пучай и заключилъ въ пещеры бѣлокаменные. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ Феодулъ-Змѣй утекаетъ за море въ каменные ворота. У Афанасьева въ сказкѣ № 71, вар. б входъ въ пещеру, т. е. въ подземное царство имѣетъ видъ *железной* двери (изд. 1897, I, 127). Заточенныя собаки представлялись или сидящими на цѣпи, вѣроятно прикованными къ столбу т. е. къ Полярной звѣздѣ, или запертыми въ (каменномъ) домѣ; онѣ пытаются освободиться и (или грызутъ цѣпи или) грызутъ каменные двери; отсюда какъ будто можно догадываться, что Полярная звѣзда представлялась или столбомъ, или дверями, или воротами, иногда каменными, иногда железными. „Железные ворота“ очень распространенное народное представленіе и часто встрѣчается, какъ названіе урочища (Темиръ-капу по-турецки, въ-мышь по-китайски). Народному преданію извѣстны также и „Золотыя ворота“.

2) Въ разныхъ вариантахъ сказки о сестрѣ-измѣнницѣ встрѣчается представленіе о деревѣ, къ которому выставлена измѣнившая женщина, но въ нѣкоторыхъ заточеніе терпѣть и человекъ, потерпѣвшій отъ измѣны. Такъ у Романова, въ № 5 „Юда незаконный чортъ“ вар. а, сестра-измѣнница, въ союзѣ съ Юдой, кладетъ убитаго брата въ бочку, нагоняетъ на нее двѣнадцать обручей и бросаетъ ее въ море (стр. 59); въ № 7 Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, брошенъ сестрой измѣнницей въ бочекъ въ море (стр. 65); въ вариантѣ къ этой сказкѣ несчастный братъ защемленъ въ расщепленной на двое соснѣ (стр. 66).

къ дереву, въ одномъ случаѣ привязана къ явору ¹⁾. Въ другихъ сказкахъ привязаннымъ является несправедливо страдающій; Ай-долей пригвожденъ семью гвоздями къ землѣ у основанія столба, который служитъ коновязью. Иногда положеніе на деревѣ не мотивируется, какъ казнь; это просто мѣсто жительства. Такъ въ русскихъ сказкахъ Дивій мужъ сидитъ на дубѣ, на границѣ царства; очевидно это пограничный сторожъ; его замѣститель въ вариантѣ Полугримъ сидитъ на столбѣ, а въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ, онъ же и золотой человекъ, содержится въ тюрьмѣ не какъ преступникъ, а какъ диковинка. Въ алтайской сказкѣ Тарданакъ сидитъ на *железномъ* деревѣ.

Посохъ, вбитый въ землю, сливается съ деревомъ. Въ кавказскомъ преданіи объ Амиранѣ костыль, который Христосъ вбиваетъ въ землю, пускаетъ глубокіе корни и превращается въ дерево, и Амиранъ напрасно старается раскачать дерево и вырвать его; если это ему, однако, удастся, будетъ конецъ міра. Встрѣчаются преданія о мечѣ, всаженномъ въ землю или въ скалу, о ножѣ, всаженномъ въ тѣло оленя, и никто, кромѣ героя сказки, не можетъ его извлечь. Мечъ Навуходоносора былъ заложенъ въ городскую стѣну (вмѣсто стѣны служилъ обложной змѣй), и когда онъ былъ вынутъ, послѣдовалъ конецъ жизни въ Вавилонѣ.

Преданіе о Тарданакѣ, сидящемъ на *железномъ* деревѣ и о Джельбегенѣ, который вырвалъ его вмѣстѣ съ деревомъ и вмѣстѣ съ деревомъ несетъ по воздуху, имѣетъ, можетъ быть, свои отраженія въ разсказахъ о Дзмѣ, который носится по воздуху съ дубомъ и прицѣпившимся къ нему Кыріякомъ, Кобылячьимъ сыномъ ²⁾, о Вихорѣ, который летаетъ съ тростью и ухватившимся за нее Арикадъ-царевичемъ, и о Вихрѣ, носящемся съ палицей, за которую держится Иванъ-царевичъ.

¹⁾ Иногда, помѣстивъ измѣнницу на вершинѣ дерева, сбрасываютъ ее оттуда, встряхнувъ дерево. Вейнемейненъ сажитъ и выращиваетъ дубъ; когда Ильмаринненъ влѣзъ на него, Вейнемейненъ потрясъ за стволъ и Ильмаринненъ улетѣлъ въ Похіолу. Мотивъ сверженія съ высоты не разъ встрѣчается въ ламайскихъ легендахъ о кающемся грѣшникѣ, который потомъ становится богомъ Майдари (Вост. мотивы, 511); грѣшникъ приходитъ къ отшельнику, загордившемуся своей святостью; гордый святой искушаетъ пришельца предложеніемъ броситься со скалы въ пропасть. Въ легендѣ о Мила-райбѣ, кажется также совершающемъ трудъ покаянія, сверженіе не со скалы, а съ крыши храма (Танг. тиб. окр. Китая, II, 374).

²⁾ *Манжура*. Сказки, стр. 43. Дзмій вырываетъ съ корнемъ дубъ, въ трещину котораго была ущемлена его борода, и уходитъ въ подземелье; Кыріякъ спустился подъ землю и ухватился за дубъ; дзмій выпесъ его на верхъ (вѣроятно на небо). Я думаю, что тутъ дзмій, какъ злое существо, стоитъ на мѣстѣ Джельбегена, а подъ Кыріякомъ подразумѣвается мѣсяцъ. Ср. съ повѣртіями и преданіями о Кирикѣ; по одному преданію онъ брошенъ матерью въ огонь, чтобы спасти Христа отъ преслѣдующихъ жидовъ, но остался невредимъ; харьковское преданіе не знаетъ имени Кирикъ, а называетъ сгорѣвшаго мальчика Папарымомъ и говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ, по вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и рождается. Если Кирикъ тождественное лицо

Въ одномъ преданіи мнѣ встрѣтилась булава, всажженная въ землю ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ съ палицей не связана идея о неподвижномъ положеніи. Есть только рассказы о томъ, какъ герой пробуетъ только что скованную желѣзную палицу, бросаетъ ее къ небу, и она, при паденіи, глубоко входитъ въ землю, но герой вытаскиваетъ ее изъ земли и странствуетъ съ нею.

Въ рядѣ сказокъ вмѣсто подземнаго царства гора, т. е. все то, что герой находитъ въ подземномъ царствѣ, здѣсь также помѣщается около Полярной звѣзды, только Полярная звѣзда представляется не отверстіемъ, ведущимъ въ подземелье, а вершиной горы; на эту гору перенесены и эпитеты съ звѣзды; вмѣсто именъ Золотой или Желѣзный колъ образовались имена: Золотая гора или Желѣзная гора. Чтобы попасть туда, герой долженъ не опустаться, а подниматься. Иногда онъ поднимается по дереву, которое вырастаетъ изъ косточекъ, имъ же самимъ посаженныхъ, и вершиной достигаетъ до неба (въ отрывкахъ можетъ быть отъ этой же сказки вырастаетъ горохъ до неба и по нему взбирается на небо старикъ); по тому же дереву онъ могъ и спуститься. Но въ другихъ случаяхъ герой слетаетъ внизъ съ горы на трости,—это та же трость, вѣроятно, съ которою летаетъ Вихорь и которая замѣщается въ вариантахъ дубомъ или палицей, только въ послѣднихъ случаяхъ этой трости или палицѣ не приписывается летучести,—или по полотну, спущенному съ Золотой горы ²⁾. Эквивалентами этого средства являются *жемъзная* цѣпь, посредствомъ которой Масангъ поднимается на небо ³⁾, паутина, по которой спускается съ неба паукъ и которая немного не достигаетъ до земли ⁴⁾. Алтайское повѣрье знаетъ Золотую гору, подошва которой на небѣ, а вершиной она обращена къ землѣ и только на локоть не достигаетъ до земной поверхности.

Большая Медвѣдица должна отразиться въ сказаніяхъ особенностью своего состава; созвѣздіе состоитъ изъ семи звѣздъ, и дѣйствительно число семь встрѣчается въ сказкахъ очень часто. Нѣкоторые случаи безъ затрудненія могутъ быть сведены съ Больш. Медвѣдицей, наприм. семь хортовъ Иванъ-царевича, семь собакъ

съ харьковскимъ Папарымомъ, то, значить, о Кирикѣ говорили, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ и вмѣстѣ съ нимъ рождается. Сагайское повѣрье приписываетъ ту же судьбу Джедѣй-Хану. Большая Медвѣдица называется у разныхъ тюрковъ: Джеты-ганъ, Джеты-Каракше, Джеты-Каракъ (см. Вост. мотивы, 459; Этн. Обзор., кн. XX, стр. 108),

¹⁾ Вост. мотивы, 549.

²⁾ Въ Ласѣ, по рассказамъ паломниковъ, ежегодно совершается обрядъ—по протянутому канату со скалы на дно долины спускается лама, одѣтый птицей Ханъ-Гариди; кажется, это совершается въ 3-ій день 2-ой луны; см. *Nouvelles Jourн. asiatique* 1829, t. IV, p. 143.

³⁾ Интересны повѣрья осетинъ, соединенныя съ цѣпью, на которой котелъ подвѣшивается къ потолку сакли.

⁴⁾ Вост. мотивы, 407.

Джедай-хана близкое представленіе къ киргизскому о Б. Медвѣдицѣ, которое видитъ въ созвѣздіи семь волковъ. Семь богатырей, приставленныхъ караулить Айдолея, пригвожденнаго при основаніи коновязнаго столба, также сильно намекаютъ на ордынскія представленія о Б. Медвѣдицѣ, какъ о семи человѣкахъ, которые скрадываютъ лошадь, прикованную къ желѣзному столбу, т. е. Полярной звѣздѣ, или въ вариантѣ—караулящихъ, чтобъ ее не украли.

Остяцкое представленіе нѣсколько отклоняется отъ киргизскаго; по послѣднему семь звѣздъ или семь воровъ преслѣдуютъ лошадей, которыя ходятъ кругомъ Полярной звѣзды; остяки говорятъ, Б. Медвѣдица это лось, за которымъ гонится богатырь (Тункъ-похъ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ родится, вмѣстѣ съ нимъ и умираетъ, какъ Джедай-ханъ); по варианту лось представленъ только четырьмя звѣздами созвѣздія, а остальные три—три охотника, преслѣдующіе лося. Я выше высказалъ предположеніе, что въ степномъ фольклорѣ мѣсто лося долженъ былъ занять конь, такъ что въ ордѣ вмѣсто погони за лосемъ были рассказы о ловлѣ коня, и вотъ эти-то рассказы вошли въ сказку объ Ерусланѣ. Въ этомъ эпизодѣ обыкновенно появляется царскій пастухъ Ивашка, но ловить коня самъ Ерусланъ; въ монгольской же сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ ловить коня пастухъ ¹⁾, а не самъ Иринѣ-Сайнъ; въ русской сказкѣ ловить коня Иванъ-царевичъ. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ имя Иванъ съ главнаго героя перешло на второстепеннаго, а ловля коня осталась при главномъ героѣ.

Вліяніе Оріона можно угадывать тамъ, гдѣ число три, наприм. три ели въ урянхайской сказкѣ, на вершину которыхъ спаслись убѣжавшія отъ Джельбаги дѣти, три придорожныя дѣвицы (три сестры Гэсэра), три собаки, три диковинки.

Въ Плеядахъ народное представленіе видитъ гнѣздо съ птенцами; въ сказкахъ мы часто встрѣчаемъ дерево, на вершинѣ котораго гнѣздо съ орлятами; орлица на своей спинѣ выноситъ героя въ верхній міръ ²⁾.

¹⁾ По русскому повѣрью, сохранившемуся въ загадкахъ, пастухомъ представлялся мѣсяцъ, по монгольскому звѣзда Цолмонъ, т. е. Венера; см. Вост. мотивы, 192.

²⁾ Къ приведеннымъ выше примѣрамъ этого представленія можно присоединить еще одинъ изъ румынской сказки. Бездѣтный старикъ съѣлъ яблоко, заснулъ и, пробудившись, нашелъ возлѣ себя дѣвочку; ее уноситъ грифъ въ свое гнѣздо на деревѣ; изъ колодезя высовываетъ голову змѣй и хочетъ съѣсть птенцовъ сидящихъ въ гнѣздѣ; ангелъ убилъ змѣю; грифъ выкармливаетъ дѣвочку; царевичъ, охотившійся, хотѣлъ стрѣлять по грифѣтамъ, увидѣлъ дѣвочку и женился на ней (*Веселовскій*, Разысканія, X, 422). Г. Веселовскій сближаетъ эту сказку съ апокрифическимъ преданіемъ объ императорѣ Фануилѣ и его сенешалѣ Іоакимѣ; отъ сока яблока козѣно Фануила набухло и разрѣшилось дѣвочкой; по приказанію императора дѣвочка была отнесена въ лѣсъ; положенная въ гнѣздо лебедей, она выросла вмѣстѣ съ птицами; во время охоты Фануилъ находитъ ее и выдаетъ за Іоакима. Эта дѣвочка была св.

По бурятскому преданію Млечный путь образовался изъ молока небожительницы, которое она разлила, осердившись на Гэсэра, похитившаго у нея эрдени. Я думаю, что это молочное море имѣло цѣлью задержать убѣгавшаго вора; оно вѣроятно образовалось впереди Гэсэра. Въ другихъ случаяхъ или передъ убѣгающимъ, или между нимъ и преслѣдующей его погоней внезапно возникаетъ рѣка (какъ въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ Анпу и Битю, въ кавказской сказкѣ о Колой-Кантѣ и орхустойпахъ). Въ вышеприведенныхъ сказкахъ встрѣчается представленіе, которое, можетъ быть, относится къ той же реальности, какъ и молочное море; это борозда, которая проводится плугомъ, запряженнымъ змѣемъ; но мотивовъ, которые представляли бы переходъ отъ молочнаго моря или рѣки къ этой бороздѣ, я указать не могу. Пропаханная на змѣѣ борозда преданьемъ отождествляется съ Змѣевымъ валомъ, который указываютъ около Кіева. Въ Монголіи встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ остатки вала Чингисъ-хана. Это по одному преданію ровъ, вырытый для свадебнаго поѣзда; по другому это дорога, насыпанная для поѣзда Чингисъ-хана въ то время, какъ онъ объѣзжалъ кругомъ свое царство. По нѣкоторымъ намекамъ этого преданія въ немъ дѣло идетъ не объ историческомъ Чингисъ-ханѣ, а о какомъ-то деміургѣ, который, повидимому, объѣзжалъ не царство, а всю землю и при этомъ творилъ (по собраннымъ мною въ послѣднюю поѣздку показаніямъ). Въ эпизодахъ объ убѣгающемъ отъ погони героѣ или объ убѣгающихъ дѣтяхъ иногда внезапно появляется не рѣка, а мостъ черезъ рѣку или море, и убѣгающіе переходятъ по мосту; это переходъ отъ представленія о рѣкѣ къ представленію о дорогѣ¹⁾.

Въ русскихъ сказкахъ при разныхъ случаяхъ появляется мельница, представленіе, внушенное, можетъ быть, зрѣлищемъ небеснаго свода, вращающагося вокругъ Полярной звѣзды. Въ однихъ сказкахъ сестра-измѣнница посылаетъ брата достать муки или мучной пыли изъ мельницы, въ которой мелятъ черти; у этой мельницы двѣнадцать дверей (удвоеніе числа шести, что намекаетъ

Анна. Дерево, на которомъ росли яблоки, было крестное дерево, оно не тождественно съ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидѣла св. Анна, но крестное дерево также представлялось иногда съ сидящимъ на немъ младенцемъ (Разыскавія, IV, 60 и слѣд.). Крестное дерево было срублено Соломономъ. Въ урянхайской сказкѣ о Джельбагѣ, приведенной выше, три дѣвочки, сидящія на вершинахъ трехъ деревьевъ.

¹⁾ Мостъ чудеснымъ образомъ возникаетъ отъ удара платка или полотенца; братъ и сестра благополучно переходятъ на другую сторону, мостъ исчезаетъ, и змѣй остается на другой сторонѣ; но онъ соблазняетъ сестру, и она выманиваетъ чудесное полотенце у брата подъ предлогомъ, что его нужно вымыть, взмахиваетъ имъ надъ рѣкой и вызываетъ появленіе моста, по которому змѣй и переходитъ. Не было ли этого мотива въ южнославянскомъ преданіи о Троянѣ, посѣщавшемъ царевну по ночамъ, т.-е. не приходилъ ли онъ къ ней по мосту, который она вызывала взмахомъ полотенца, и не этотъ ли мостъ подразумѣвается въ Словѣ о полку Игоревѣ подъ видомъ „тропы Трояна“?

на Плеяды, въ которыхъ монголы насчитываютъ шесть звѣздъ); здѣсь иногда находится скопленное богатство. Въ аварской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ одинъ изъ его товарищей имѣетъ мельницу на колѣнѣ.

Въ одномъ варіантѣ русской сказки вмѣсто мельницы домъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать или двадцать четыре разбойника; они сидятъ на двѣнадцати креслахъ кругомъ бочки съ виномъ, картина, которую осетинское повѣрье видитъ въ созвѣздіи Плеяды. Сходный мотивъ въ сказкѣ у Афанасьева, № 71, вар. b: Иванъ-царевичъ обходитъ три подземныя царства: мѣдное, серебряное и золотое; у воротъ мѣднаго дворца на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы страшныя змѣи; подлѣ колодезь, у колодезя мѣдный корецъ на мѣдной цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ зачерпнулъ корцомъ воды и напоилъ змѣй. Въ слѣдующемъ царствѣ серебряный дворецъ, змѣи прикованы серебряными цѣпями, подлѣ колодезь съ серебрянымъ корцомъ. Въ третьемъ царствѣ золотой дворецъ, змѣи на золотыхъ цѣпяхъ, корецъ золотой, на золотой цѣпочкѣ.

Кромѣ наблюденій надъ небесными явленіями и надъ явленіями въ жизни звѣрей и въ жизни людей вообще, въ сказкахъ можно еще отмѣтить отраженія изъ специальной области человѣческой жизни, отраженія шаманской обрядности. Въ богатырѣ, который поднимается на гору или опускается въ подземный міръ, можно видѣть звѣзду, поднимающуюся къ зениту или опускающуюся подъ горизонтъ, но также и шамана, поднимающагося на небо представлять за пострадавшаго предъ Ульгеномъ или Эсэгэ-малакомъ, царемъ неба, или спускающагося въ адъ представлять предъ Ерликомъ. Представленіе о богатырѣ, летающемъ на трости, едва ли можно объяснить иначе, какъ только отраженіемъ народнаго повѣрья о шаманскихъ жезлахъ или костыляхъ, что это кони, на которыхъ шаманъ летаетъ въ область темныхъ духовъ ¹⁾.

Г. Потанинъ.

¹⁾ Въ былинѣ (*Гильфердингъ* № 101 и 207) о Каликѣ-богатырѣ говорится „О костылѣ Каликушка опираласи, высоко Каликушка поднималаси, поднялся тутъ Каликушка поповыше лѣсу стоячаго, поднялся тутъ Каликушка попопниже оболочка ходячаго“ (изд. 1896, стр. 218). Колосовъ (Филологич. записки, 1874, II, 17) сблизилъ эти стихи съ однимъ мѣстомъ Слова о полку Игоревѣ: „Той (т.-е. Всеславъ) влюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Киеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго“. О шаманскихъ костыляхъ см. въ ост. мотивахъ, 716. У Худякова, II, № 43, стр. 20: Арикадъ-царе.

Значеніе народнаго праздника „Свѣчи“.

Гдѣ свѣчи, тамъ и воскъ.

Народная поговорка.

Къ числу самыхъ древнихъ и популярныхъ на Руси праздниковъ принадлежитъ „Свѣча“.

„Свѣча“ справляется весною, осенью и зимою; около „свѣчи“ происходятъ большія собранія сосѣдей и родныхъ. Лица, справляющія свѣчу, называются въ Красненскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ „братчиками“.

Нерѣдко тотъ или другой характеръ составляетъ принадлежность „братчины“; „братчики“ Красненскаго уѣзда, въ сравненіи съ братчиками Рославльскаго уѣзда, отличаются кротостью нрава.

Братчики заготовляютъ воскъ на свѣчу, вмѣстѣ сучатъ ее, вмѣстѣ варятъ пиво и брагу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи и Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи варенье пива составляетъ непремѣнную принадлежность „Свѣчи“. Братчики во время собраній ведутъ мирный разговоръ про хозяйство, семейныя и общественныя дѣла, говорятъ „рѣчь-пословья все старинныя“; вмѣстѣ сучатъ свѣчу, вмѣстѣ пируютъ, вмѣстѣ варятъ пиво и брагу.

Пѣсни поются преимущественно семейныя, хвалебныя: въ нихъ выставляются по преимуществу свѣтлыя стороны хозяина и хозяйки, супруговъ и супругъ, и всего рода-племени.

Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ выражаются пожеланія счастливой жизни, многочадія. Такія пожеланія высказываются въ особенности въ обрядѣ свѣчи Порѣчскаго уѣзда: тамъ, послѣ варенья пива, когда приготовленное пиво и бражка распиваются присутствующими, появляются такъ называемыя „цыганки“ и быють вѣшниками поправшихся молодыхъ супруговъ и колдуютъ при этомъ,

чтобы дѣтки у нихъ родились, и чтобы они съ женками „жили ладнѣ“.

Не разъ мнѣ приходилось разсматривать свѣчу, слѣпленную „братчиками“. Свѣча эта имѣла подобіе человѣка; у изображенія, сдѣланнаго изъ воска, были глаза ¹⁾ и руки; на свѣчу была надѣта рубашечка. Въ нашей мѣстности часто встрѣчаются въ церквахъ выпуклыя изображенія святыхъ и ангеловъ. Сначала мнѣ думалось, что крестьяне лѣпятъ изъ воска того святого, въ честь котораго совершается праздникъ, свѣча сучится и пиво варится.

— Кого изображаетъ свѣча ваша?—спрашивалъ я у крестьянъ.

— Да мы и сами не знаемъ! отвѣчали мнѣ. Такъ испредъ вѣковъ дѣлали дѣды наши—и мы дѣлаемъ такъ, какъ заведено.

Но вотъ замѣчательная особенность празднованія свѣчи въ Калужской губерніи. Тамъ въ Сильковичахъ, Мосальскаго уѣзда, свѣча тоже имѣетъ человѣкообразный характеръ; но тамъ въ обрядѣ сохранилась живо особенность, проливающая свѣтъ на значеніе праздника „Свѣчи“.

Надъ свѣчею тамъ бабы жалобно причитываютъ, какъ надъ покойникомъ: охъ, свѣча, ты матушка наша! Голосятъ и надъ покойниками, когда священникъ отслужить молебенъ Прасковѣй мученицѣ; а пиво, которое готовится къ Прасковейщинѣ, заѣмистое и рѣзвое, давно уже сварено. „Проголосятъ“ сначала батьку и матку: „Што жъ вы, родители, меня оставили одну свѣчу справлять, а моя жъ жисточка и закупится и заложится“...

Бывшій священникъ Спасъ-Деменскаго прихода старался искоренить празднованіе свѣчи, находя въ немъ черты какого-то языческаго культа.

Есть вѣрованія, которыя прочною тканью входятъ въ сѣть народнаго міросозерцанія,—вѣрованья, которыя не исчезли даже подъ сильнымъ вѣяньемъ нашего просвѣщеннаго вѣка. Къ числу такихъ вѣрованій несомнѣнно принадлежитъ культъ домовыхъ и покойниковъ,—по бѣлорусскому выраженію, „родителей“.

По мнѣнію народа, между живыми и покойниками существуетъ постоянная и непрерывная связь, ведутся постоянныя сношенія. Домовые пекутся объ хозяйствѣ: земледѣліи, скотоводствѣ и пчеловодствѣ; принимаютъ живое участіе въ семейныхъ дѣлахъ и во

¹⁾ Въмѣсто глазъ—мѣдныя деньги.

всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Домовые и жены ихъ, „домѣхи“, вѣстники всевозможныхъ перемѣнъ, болѣзней, смерти, переселенія, передъ которыми домовики непременно являются хозяину или его домашнимъ, трогаютъ ихъ голою или косматою рукою, дышатъ на нихъ теплымъ или холоднымъ дыханьемъ, смотря къ худу или добру ихъ таинственное явленіе.

Домовыхъ и домѣхъ представляетъ народное воображеніе людьми; при чемъ выражаются такъ: видѣлъ „его“, „самого“, „яё“, „самое“. Домовики любятъ миръ, ладъ въ семьѣ, а ссоры и брань наказываютъ, насылая лому, утинъ, горячки и разныя болѣзни. Если сами домовики отличаются капризнымъ и своенравнымъ характеромъ, вмѣшиваясь во всѣ крупныя и мелкія дѣла и семейныя отношенія, слѣдовало бы думать, что крестьяне ихъ не долюбиваютъ.—Наоборотъ, слѣдуя пословицѣ: „не по хорошему милъ, а по милому хорошъ“, крестьяне чуть не за святыхъ почитаютъ своихъ домовиковъ, и кто назоветъ домовыхъ чертами, тому назидательно замѣчаютъ, что „хозяина“ нельзя называть „чернымъ“ именемъ; что „хозяинъ“ молъ этого не любитъ и даже отомстить за это. Развѣ можетъ вестись исправно хозяйство безъ домовика и домахи; развѣ можетъ быть дворъ безъ хозяина? Конечно, нѣтъ! А потому, если нѣтъ хозяина: онъ ушелъ; его нужно приманить; если своего хозяина одолѣваетъ чужакъ, надо лучше подкрѣплять своего домовика относами, чтобъ онъ справился съ чужакомъ и прогналъ бы съ позоромъ изъ своего пепелища.

Честъ и слава хозяевамъ, если ихъ домовый жиренъ, и, наоборотъ, позоръ и поношеніе, если домовый въ черномъ тѣлѣ. Изъ-за этого происходятъ даже брань и ссоры между хозяйками села Мамошекъ Порѣчскаго уѣзда. Баба, желая уколоть другую, извительно замѣчаетъ: „твой—я видѣла—худъ, какъ шкилѣтъ, а мой-то дамовой жиринъ, какъ апекушъ“.

Сосѣдка съ запальчивостью отвѣчаетъ:

— Врешъ ты, дрянъ етакая! Твой-то какъ шкилѣтъ, а мой-то жиренъ, да и сила какая: какъ хлестнетъ, какъ хлестнетъ пугою,—какъ изъ пистолета бьетъ. А ты еще, дрянъ етакая, говоришь, что мой худъ, а твой жиренъ.

Бабы сначала перебраниваются, а потомъ „идутъ въ чупы“ и начинаютъ драться; потомъ, по совѣту сосѣдки, старающейся ихъ

примирить, идутъ къ *ясновидящей*—Алдонѣ. Ясновидящая одарена сверхчувствомъ и видитъ „какъ на ладони“, лучше другихъ: чей домовикъ жирнѣе, толще, и, конечно, она скажетъ спорящимъ правду, кто добросовѣстнѣе относится къ своему домовику.

Кто не поминаетъ покойниковъ, не подкрѣпляетъ домовыхъ приношеніями, того постигаетъ какая нибудь утрата.

„Покойникъ у дверей не стоитъ, а свое возьметъ“, говоритъ пословица.

Къ числу такихъ отвѣтственныхъ культовъ принадлежитъ и праздникъ „свѣчи“.

Крестьяне разсуждаютъ: „весь хлѣбъ побилъ градомъ оттого, что „свѣчу“ не справили: супроти Бога не пойдешь“.

Тѣсная связь живыхъ съ покойниками особенно ярко выражается пословицей: „гдѣ свѣчи, тамъ и воскъ“, — пословицей, указывающей на единственнаго у извѣстнаго лица родственника. Пословица совѣтуетъ поддерживать такое лицо, заботиться о накопленіи его хозяйства, а послѣ смерти помянуть непременно.

Огонь домашняго очага у крестьянъ Смоленской губерніи считался священнымъ. При переселеніи они старались захватить въ узелочекъ золицы изъ печи старой избы или родной земельки, считая ихъ, т. е. золицу и прахъ родной земли, цѣлебными отъ болѣзней и предохраняющими отъ послѣднихъ.

„Въ древне-русскихъ юридическихъ актахъ XVI и XVII вѣка владѣльцы земель обозначаются словами „огнище, печище.“ Это были кровные союзы, члены которыхъ жили у одного огня, очага и вели общее хозяйство, вмѣстѣ работали и потребляли“ ¹⁾.

Семейная обстановка праздника „свѣчи“; происходящіе здѣсь толки и разговоры о хозяйствѣ и объ общихъ дѣлахъ, семейныя пѣсни и дифирамбы въ честь рода-племени, вареніе пива и бражки и пивныя пѣсни съ обрядами о ниспосланіи супругамъ многочадія, причитанія объ умершихъ родственникахъ, наконецъ, отвѣтственность за неисполненіе этого торжественнаго праздника, — все это, взятое вмѣстѣ, склоняетъ насъ къ гипотезѣ, что празднованіе свѣчи — не что иное, какъ чествованіе свѣта домашняго очага, а свѣча — изображеніе предка, чтимаго ближними и дальними родственниками.

¹⁾ Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, М. М. Ковалевскаго.

Я позволю себѣ провести параллель между нашей „свѣчей“ и культомъ домашняго очага у древнихъ.

И въ Греціи и въ Римѣ, какъ и въ Германіи, очагъ былъ тѣмъ мѣстомъ, около котораго обыкновенно происходили всѣ семейныя собранія. Со всѣхъ сторонъ его окружали изображенія предковъ. Постоянно горѣлъ огонь, этотъ символъ вѣчности семейнаго союза.

Очагъ, по словамъ Авесты,—основа семьи и всего ея благосостоянія: онъ приумножаетъ ея имущество, сохраняетъ здоровье ея членовъ и нарождаетъ ей сильныхъ дѣтей, если только въ него постоянно подкладываютъ дрова, нарубленные съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. То же самое вѣрованіе встрѣчается и въ ведической Индіи, въ обращеніяхъ къ огню, такъ называемому Агни. „О Агни, читаемъ мы въ одномъ изъ гимновъ, ты—жизнь, ты—покровитель человѣка. Внемли ради нашихъ хваленій молебъ отца семейства, дай мнѣ славу и богатство и избавь насъ отъ недородовъ. Пусть долго, долго проживу я на бѣломъ свѣтѣ и подобно дневному свѣтилу тихо проведу дни своего заката“¹⁾.

И у древнихъ культъ домашняго очага былъ обязателенъ и строго отвѣтственъ. Между живыми и мертвыми былъ постоянный обменъ услугъ; ни живой не могъ обойтись безъ мертваго, ни мертвый безъ живого.

„Въ Греціи и Римѣ сынъ былъ обязанъ дѣлать возліянія и приносить жертвы мамамъ (т.-е. душамъ) своего отца, дѣда, пра-дѣда и другихъ кровныхъ родственниковъ по прямой восходящей линіи. Преступить этотъ долгъ значило бы совершить нечестивый поступокъ, такъ какъ перерывъ отправленій культа неизбежно влекъ за собою прекращеніе прежняго блаженства усопшихъ. Такого рода небрежность была настоящимъ отцеубійствомъ, усугубленнымъ столько разъ, сколько предковъ насчитывалось въ семьѣ.

Если, напротивъ того, жертвоприношенія совершались по установленному обряду, если яства приносились на могилу въ определенное для этого время, предокъ становился богомъ-покровителемъ. Враждебно относясь ко всѣмъ чужакамъ, гоня ихъ отъ

¹⁾ М. Ковалевскій, назв. соч.

своей могилы, насылая на нихъ болѣзни, если они всетаки къ ней подходили, онъ былъ расположенъ къ своимъ предкамъ и охотно приходилъ къ нимъ на помощь.

Между живыми и мертвыми членами семьи постоянно происходилъ обмѣнъ услугъ. Рядъ жертвоприношеній доставлялъ предку все доступное ему наслажденіе. Зато потомокъ встрѣчалъ въ немъ поддержку и при его посредствѣ пріобрѣталъ нужную силу. Тѣсная связь устанавливалась между всѣми поколѣвіями одной и той же семьи и дѣлала изъ нея что-то вѣчное и нераздѣльное¹⁾.

Въ культѣ домашняго очага древнихъ принимали участіе и ближніе и дальніе родственники; въ жертву имъ приносились рисовые пироги и хмѣльный напитокъ особаго рода; священнодѣйствующимъ высказывалось пожеланіе, чтобъ у мужняго поколѣнія родились преимущественно сыновья. Невольно воспоминается колдованіе „цыганокъ“ Порѣчскаго уѣзда, которыя бьютъ вѣниками молодыхъ супруговъ и чаруютъ при этомъ, желая имъ счастливой жизни и многочадія; припоминаются также слова пирушечной пѣсни, которая поется и на „свѣчахъ“ въ похвалу жены: „родила сына, какъ бѣла сыра“.

„Кромѣ отца семьи въ почитаніи мертвыхъ принимали участіе и близкіе и дальніе родственники. У Римлянъ не было особаго термина для отличія ихъ отъ другихъ родственниковъ, жившихъ отдѣльно, у грековъ же они были извѣстны подъ именемъ *anchi-steis*. То же раздѣленіе родственниковъ на двѣ категоріи существовало и въ Индіи, какъ это мы сейчасъ покажемъ. Почитаніе усопшихъ предковъ „мановъ“ или „пенатовъ“, а въ Греціи—„геніевъ“ не было чуждо и древней Индіи. Почитатели Агни, а впослѣдствіи и Браны поклонялись вмѣстѣ съ тѣмъ и „питрисъ“, т.-е. семейнымъ духамъ-покровителямъ. Какъ Ригъ-Веда, такъ и Ману совѣтуютъ приносить имъ въ жертву рисовые пироги и хмѣльный напитокъ, приготовляемый изъ сока растенія „*сомма*“. Жертвоприношенія перваго рода были обязательны для однихъ лишь членовъ семейной общины (*sapinda*); жертвы же втораго рода должны были приноситься всѣми даже наиболѣе отдаленными родственниками покойнаго. Священнодѣйствовать долженъ былъ ближайшій родственникъ по мужской линіи. Предка, по словамъ свода Ману,

¹⁾ М. Ковалевскій, назв. соч., стр. 42.

постоянно выражаютъ такое желаніе: „пустъ вѣчно родятся сыновья у нашего мужского потомства, чтобы было кому приносить намъ рисовой кашицы, сваренной на молокѣ, меду, и очищеннаго коровья масла“ ¹⁾.

Пройдутъ года—и многіе народныя обычаи забудутся и отойдутъ въ область этнографическихъ преданій; а „Свѣча“ долго еще будетъ справляться народомъ: значеніе этого праздника общечеловѣческое, и онъ тѣсно связанъ съ міросозерцаніемъ народа и нѣжными струнами человѣческаго сердца.

Нижеслѣдующія записи подробнѣе познакомятъ читателей съ празднованіемъ „свѣчи“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской губерніи.

Праздникъ „Свѣчи“ въ с. Бородѣ Порѣчскаго уѣзда.

За недѣлю до Николы собираются въ какой нибудь дворъ „брѣтъщики“. Брѣтъщики совѣтъ держатъ, по скольку будутъ ссыпать солоду. Обыкновенно соглашаются ссыпать по полъ-мѣркѣ. Совѣщаніе идетъ въ томъ домѣ, гдѣ будетъ стоять образъ. Посовѣтовавшись объ солодѣ, брѣтъщики идутъ копать яму. Яма копается на улицѣ противъ того двора, гдѣ будетъ икона, въ сторонѣ отъ дороги. Выкопавъ яму, брѣтъщики идутъ за котломъ. Пивной котелъ находится въ амбарѣ у того хозяина, у котораго въ прошедшемъ году была икона. Икону берутъ дворомъ поочереді. Надъ вырытой ямой вѣшаютъ котелъ и расходятся домой. Придя домой, приказываетъ каждый хозяинъ своей хозяйкѣ ссыпать солодъ по полъ-мѣркѣ въ печку. Черезъ два дня солодъ готовъ. Хозяинъ беретъ солодъ, несетъ въ тотъ домъ, гдѣ икона, и ссыпаетъ въ одно мѣсто.

На слѣдующій день, послѣ ссыпки солода, мужчины встаютъ рано утромъ, еще темно, и идутъ въ тотъ домъ, гдѣ ссыпанъ солодъ. Войдутъ въ хату ссыпщики, а хозяинъ того дома уже ихъ ждетъ. Зажигаютъ предъ иконами свѣчку, молятся Богу; берутъ какую нибудь икону и солодъ, и идутъ въ ямѣ, гдѣ завѣшенъ котелъ. Прикрѣпляютъ икону къ какой нибудь постройкѣ повыше, чтобы малыя дѣти не могли достать ее изъ своихъ шалостей; ликъ иконы направляютъ въ ту сторону, гдѣ котелъ. Приносятъ ушаты воды, и наливаютъ котелъ полный. Въ ямѣ раскладываютъ подъ котломъ огонь и нагрѣваютъ котелъ. Солодъ ссыпаютъ въ „чепъ“. Чепъ—это огромная широкая кадка, вышиною не болѣе четвертей пяти, вмѣстимостью ведеръ на шестьдесятъ. Горячую воду изъ котла берутъ черпахой, или черпакомъ, и выбираютъ изъ котла

¹⁾ М. Ковалевскій, назв. соч., стр. 61.

всю воду (котелъ ведеръ въ тридцать). Котелъ ушатами опять наливаютъ и эту воду подогрѣваютъ. Веслами мѣшаютъ солодъ въ чепу. Кладутъ палки сверхъ чепа, укрываютъ ихъ мѣхами. Хозяинъ дома, гдѣ икона, — назовемъ его Герасимъ — идетъ въ домъ свой и накладываетъ котлы хмелемъ и наливаетъ водою; накрываетъ котлы крышками и ставитъ въ печку, въ легкій духъ. Затѣмъ, поставивши въ печку хмель, идетъ къ ямѣ, гдѣ мужчины, и приглашаетъ ихъ итти съ нимъ въ сарай къ предыдущему хозяину взять другой чепъ. Всѣ мужчины идутъ и выкатываютъ оттуда чепъ, катятъ его къ ямѣ, приносятъ также оттуда большое широкое корыто, нарочно сдѣланное для пива; на это корыто приправляютъ чепъ. Въ этомъ чепу въ днѣ есть дырочка, и такъ приправленная, что приходится прямо надъ корытомъ.

Къ этой иконѣ, что возлѣ ямы, прилѣпятъ восковую свѣчку, зажгутъ ее и начнутъ Богу молиться. Помолившись Богу, кладутъ въ чепъ „щебры“, доски, шириною въ три четверти, а длиною во всю длину дна чепа. Ставятъ эти „щебры“ на ребро крестообразно; по щебрамъ сверху стелютъ чистую солому; слой соломы будетъ въ вершокъ толщины. Открываютъ мѣшки, принимаютъ сверху палки, которыми былъ устланъ чепъ, и скорѣе черпаками перекладываютъ солодъ въ приготовленный пустой чепъ надъ корытомъ. Когда переложатъ весь солодъ, то вольютъ немного кипятку въ первый чепъ, ополоснутъ его и вольютъ это въ чепъ съ солодомъ; вода въ котлѣ кипитъ. Этотъ кипяткъ черпаками переливаютъ въ солодъ, мѣшаютъ веслами, не доставая до щебровъ. Котелъ опять наливаютъ холодной водою и разводятъ огонь подъ котломъ. Чепъ, въ которомъ солодъ, покрываютъ палками и по верху дерюгой, тогда стелютъ соломой по дерюгѣ погуще, а сверху соломы мѣшками. Идетъ Герасимъ за хмелемъ; хмель уже утопился. Тогда хмель выливаютъ въ ушаты и несутъ къ ямѣ. Открываютъ чепъ съ солодомъ и выливаютъ этотъ хмѣль въ солодъ, берутъ черпаками изъ котла кипяткъ и льютъ тоже въ солодъ; сверху солодъ покрываютъ мѣшками, какъ и прежде.

Жижица начинаетъ протекать понемногу въ корыто чрезъ отверстіе въ донушкѣ чепа. Герасимъ идетъ въ свой домъ, беретъ узбанокъ (кувшинъ поливанный, съ узкимъ горломъ) и баранокъ, и опять идетъ къ ямѣ, приносить съ собою и ковшъ. Ковшомъ беретъ изъ корыта пива, наливаетъ въ кувшинъ до половины, кладетъ туда одну баранку, несетъ въ хату, поставитъ въ жилое мѣсто. Черезъ сутки дрожжи готовы. Мужчины будутъ кипятить воду и каждый разъ, какъ закипитъ котелъ, выливаютъ воду въ чепъ, а изъ корыта пиво выливаютъ черпакомъ въ пустой чепъ. Такъ дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока пойдетъ совсѣмъ свѣтлая жидкость въ корыто. Тогда опоражниваютъ котелъ съ горячею водою и льютъ туда пиво; наливаютъ цѣлый котелъ и кипятятъ его хорошенько. Изъ котла кипяченое пиво выливаютъ въ ушаты и несутъ

ушаты съ пивомъ во дворъ и выливаютъ въ бочки. Изъ приготовленныхъ дрождей хозяинъ наведетъ ведро и льетъ въ бочки ковшомъ по два, по три въ каждую. Такъ дѣлаютъ, пока перекипятятъ все пиво, нальютъ пива бочки три по сорока ведеръ и самаго хорошаго два боченка ведеръ по пятнадцати; послѣ всего нальютъ полный чепъ съ солодомъ и кипяткомъ и заткнутъ колышкомъ то отверстие, чрезъ которое текло пиво. Закрываютъ чепъ мѣшкомъ и дерюгою. Больше уже пока не сливаютъ пиво. Это называется „кума“. „Куму“ сливаютъ по окончаніи праздника Николы, когда освободятся бочонки. Пиво сварено и слито; осталась одна кума въ чепѣ. Всѣ мужчины молятся Богу. Хозяинъ беретъ свою икону и несетъ на мѣсто. Мужчины убираютъ пивную посуду въ сарай къ Герасиму. Каждый хозяинъ беретъ по ведру пива для пробы и несетъ домой.

Н и к о л и н ъ б а т ь к а .

Наканунъ Николина дня бываетъ, по народному мнѣнію, Николинъ батъка. Вечеромъ хозяинъ, у котораго слѣдуетъ праздновать Никольщину, посылаетъ кого-нибудь изъ своихъ домочадцевъ по всѣмъ домамъ; проситъ ихъ къ баткѣ Богу молиться. Приходятъ вечеромъ одни мужчины и приносятъ съ собою по пустому ведру, берутъ съ собою и восковыя свѣчи. Въ деревнѣ новопріобрѣтенный образъ Николая по окончаніи праздника относятъ въ церковь, и онъ остается до слѣдующаго праздника.

Наканунъ праздника Николы весенняго или зимняго утромъ хозяинъ, у котораго будетъ Никольщина, съ двумя дѣвками своими или сосѣдними отправляется въ церковь за образомъ; принести образъ и ставить на кутъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ былъ. Возлѣ образа стоитъ большой деревянный подсвѣчникъ работы самихъ крестьянъ, и въ немъ огромная толстая восковая свѣча, которая существуетъ очень давно. Недавно горѣла деревня Хвошня, и сгорѣла ихъ Никольская свѣча. Крестьяне купили себѣ новую свѣчку за семь рублей. Какъ только мужчина войдетъ въ хату, перекрестится, подходитъ къ образу и кладетъ къ большой свѣчѣ свои свѣчки; потомъ говоритъ „здароу“ и садится на лавкѣ.

Когда соберутся всѣ, начинаютъ молиться Богу. Хозяинъ зажигаетъ свѣчи, также и большую свѣчу. Помолившись Богу, хозяинъ гаситъ большую свѣчку, а малыя свѣчи горятъ. Хозяинъ обернется по всѣмъ своимъ гостямъ, говоря: „желаю вамъ брѣтѣшки, добраго здоровья! Поздравляю васъ съ Отцомъ Николаемъ!“ Всѣ отвѣчаютъ: „благодаримъ покорно!“ Тогда беретъ себѣ каждый по ведру пива и идетъ домой. Въ домѣ хозяина ужинаютъ и идутъ ложаться спать. На утро хозяйка печетъ пироги, готовитъ ужинъ братьщикамъ.

Н и к о л и н ъ д е н ъ .

На Николинъ день, какъ обѣдя на отходѣ, посолъ идетъ по домамъ, зоветъ братьщиковъ: и мужчинъ, и женщинъ. Всѣ собираются къ хозяину, несутъ опять съ собою восковыя свѣчи. Хозяйки несутъ по булкѣ хлѣба. Богу молятся. Хозяинъ проситъ вошедшихъ садиться за столъ. Садятся. Хозяйка подаетъ на столъ пироги, а хозяинъ самъ ковшомъ обноситъ всѣхъ пивомъ; потомъ беретъ водку, даетъ гостямъ по два стакана и потомъ еще по стакану. Выпивъ эту водку, закусываютъ пирогомъ. Тогда выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина за угощеніе, берутъ по ведру пива и идутъ домой. Придя домой, обѣдаютъ. Послѣ обѣда, кто хочетъ, черпаетъ изъ ведра пиво и пьетъ. Отдыхаютъ. Вечеромъ опять идетъ посланецъ по домамъ, говоря: „Приходите къ намъ на обѣдъ“. Всѣ собираются, и бабы и мужчины; мужчины несутъ свѣчи, а бабы несутъ по булкѣ хлѣба. Войдя въ хату, всѣ перекрестятся. Мужчины зажигаютъ свои свѣчи, а бабы молча кладутъ хлѣбъ на столъ. Хозяйка убираетъ этотъ хлѣбъ себѣ. Когда всѣ соберутся, хозяинъ зажигаетъ большую свѣчку; начинаютъ всѣ Богу молиться. Помолвившись Богу, садятся за столъ. Хозяйка кладетъ пироги, а хозяинъ ковшомъ обноситъ всѣхъ пивомъ. Затѣмъ хозяинъ беретъ водку, обноситъ стаканомъ всѣхъ водкою по два стакана; хозяйка подаетъ на столъ щи, похлебку съ грибами. Въ скоромный день подается похлебка съ говядиной, клецки, каша. Послѣ каждого кушанья подноситъ хозяинъ по стакану водки. Выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина и хозяйку, садятся всѣ, гдѣ кому мѣсто есть; бабы начинаютъ пѣсни пѣть:

Зіяньѣть, зіяньѣть
Злѣный садъ ў гароди;
Всіяньѣть, всіяньѣть
Игнатынька въ своемъ домѣ;
За имъ ходить, за имъ ходить
Христининыька Васильивна;
Ина посить, ина посить
Бѣлый сахаръ на блюдецки.

Ина просить, ина просить:
«Игнатынька Иванывиць,
Сядь—пакушай!»
Ай, спасибо, ай, спасибо,
Христининыька Васильивна,
Ни за сахаръ, ни за бѣлый—
За словицка, за вѣрниныька,
За вѣрная, ай спасибо!

Винаградъ росъ ў поли, 2
А ягада малинина ў гароди. 2
Винаградъ расцвѣтанть, 2
А ягада малинина пуспиванть. 2
Винаградъ—Игнатынька, 2
Винаградъ—Иванывиць, 2
А ягада малинина—Христининыька. 2
А ягада малинина—Васильивна. 2

Дивувалися люди 2
А нашему хорошему да й савѣту. 2
Ни дивуйтися, люди, 2
А нашему хорошему да й савѣту; 2
Сами такъ удайтися, 2
А хобыша у савѣти ныживитя, 2
По йменню пу батюшки назовитя!

Дѣвка пьяна ни была,
Шубку юбку пращила,
Собѣ дружка нажила,
Прикащица—миргунка.
Прикащицыкъ—миргунекъ,
Даведи меня дамой,
Да горенки да навой,

Да високаго крыльца.
Ли високаго крыльца
Стоить бабѣ кырагодъ,
А дѣвушикъ шаринка.
Мѣжи дѣвакъ мѣжи бабѣ,
Ходить холысть, нижинать,
Прасмихавъ венхъ рибать.

Бабы, напѣвши пѣсенъ и поплясавъ, расходятся домой.

10 мая.

На утро опять идетъ посолье отъ хозяина Игната: „приходитъ похмѣлятца!“ И бабы, и мушны идутъ всѣ. Когда соберутся, хозяинъ просить садиться за столъ. Садятся всѣ. Хозяйка кладетъ на столъ пироги, рыбный студень. Хозяинъ подноситъ всѣмъ по три стакана водки. Послѣ закуски вылѣзаютъ вонъ. Тогда кто нибудь одинъ изъ братьщины зоветъ къ себѣ гостей. Хозяйка подготовилась съ утра: наварила рыбы, а въ скоромные дни состряпала скоромный столъ: студень, жареное и проч.

Хозяева просятъ пришедшихъ гостей садиться за столъ. Хозяйка подаетъ на столъ пироги и рыбу. А хозяинъ обноситъ всѣхъ гостей водкою по три рюмки. Вылѣзаютъ изъ-за стола, благодарятъ хозяевъ и идутъ домой. Герасимъ, слѣдующій хозяинъ по порядку дворовъ, куда надо сейчасъ переносить икону Николая Чудотворца, тоже готовится съ утра: онъ и водки призапасилъ три гарнца на братьшину. Хозяйка напекла пироговъ, наварила варева. Теперь на другой день Николы вечеромъ хозяинъ Герасимъ посылаетъ посла по деревнѣ, просить мужчинъ и дѣвокъ переносить Николу.

Всѣ мужчины и дѣвки собираются въ хату къ Игнату, зажигаютъ большую свѣчу и много малыхъ свѣчей, начинаютъ Богу молиться.

Тогда хозяинъ вноситъ въ хату ведро пива, а хозяйка накрываетъ ведро чистымъ полотенцемъ да беретъ въ руки булку хлѣба и ведро съ пивомъ, покрытое полотенцемъ, и становится посрединѣ хаты впереди всѣхъ ближе къ иконѣ. Дѣвки поднимаютъ икону и свѣчку и идутъ не спѣша по хатѣ, направляясь къ порогу, а за ними вслѣдъ идетъ хозяйка съ пивомъ и хлѣбомъ; и несутъ икону въ домъ къ Герасиму на дворъ. На дворѣ останавливаются. Выходитъ Герасимъ съ матерью или женой. Несутъ на встрѣчу ведро пива, покрытое полотенцемъ, и булку хлѣба. Выйдя на дворъ, они кланяются иконѣ въ землю три раза, врикладываются къ иконѣ. Дѣвки несутъ икону въ хату и ставятъ на куть, а также и подсвѣчникъ со свѣчею, а на дворѣ хозяйки кланяются, цѣлуются, обмѣниваются пивомъ и хлѣбомъ.

Прежняя хозяйка идетъ съ пивомъ и хлѣбомъ назадъ домой, а новая хозяйка тоже съ пивомъ и хлѣбомъ возвращается назадъ въ свою хату; булку хлѣба кладетъ на столъ, а пиво ставитъ на лавкѣ около иконъ.

Все немного помолятся Богу и садятся на лавкахъ; однѣ только дѣвки ушли домой, поставивши икону. Хозяинъ сейчасъ посылаетъ посла звать бабъ „на обѣдъ“, хотя это и бываетъ вечеромъ. Соберутся все мужчины и бабы. Зажигаютъ свѣчи и большую свѣчу и молятся Богу. Помолившись Богу, хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ: „господа батюшки, прошу я васъ къ столу!“ Они отвѣчаютъ: „покорно васъ благодаримъ“, и садятся за столъ. Хозяйка подаетъ пироги и обѣдъ, а хозяинъ обноситъ всехъ гостей водкою. По окончаніи обѣда выходятъ все изъ-за стола, молятся Богу, благодарятъ хозяина и хозяйку и садятся по мѣстамъ. Тогда хозяинъ скажетъ: „Ну, молодухи, за хлѣбъ-соль и медвѣдь скачетъ!“ Молодухи начинаютъ пѣсни пѣть, а подъ веселыя пѣсни пляшутъ.

А ў поли бугры,
На буграхъ вада.
Тамъ дяўцонка веду брала,
Сама малада.
Идетъ дѣўка съ воды.
Паринъ по ваду.
—Пастой, дѣвка красавица,
Дай каню вады!
—„Ни магу я стать
Каню вады дать:
Трава роса,

Дѣўка бѣса—
Ножиньки знібѣть“.
—Я скину панцѣ
Ножиньки уварцу;
Кали Гаспотъ Бохъ паможить,
Бушмацки куплю,—
—„Ни купляй ты мнѣ—
Купи ты сабѣ,
А я, дѣўка красавица,—
Я такъ прабуду!“

Какъ лятѣў саколъ
Чирезъ тѣмный боръ.
На саколи сизы перья,
Гребень залатой.
Бѣхаў маладецъ
Чирезъ мой дварець.
Подъ малойцымъ

Пара коній,
Пара вараныхъ.
Каба етымъ канямъ
Да мѣрацка аўса,
А мнѣ малайцу маладому
Рюмыцка винца.

11 мая.

На утро Герасимъ раненько посылаетъ гостей будить, звать на похмелье. Посоль говорить: „Приходите похмелятцы поскарѣй—батѣрка вялѣў“.

Гости встаютъ, одѣваются и идутъ похмеляться. Соберутся въ хату, немножко посидятъ, пока все соберутся. Сейчасъ хозяинъ проситъ садиться за столъ. Садятся. Хозяинъ обноситъ всехъ

водкой. Хозяйка подаетъ пироги на столъ; даетъ по два стакана, а потомъ и по третьему. Вылѣзаютъ изъ-за стола. Бабы запоютъ пѣсни; немножко попоютъ и поскачутъ и бьютъ въ ладошки.

Ай, Тотя, ты Тотя, Татьяна, 2
 Ай, штожъ не бѣла, ни румяна? 2
 Ай, што у тябе, Тотюшка, на мысляхъ,
 Цорныи брови понависли?
 —А я была роду ни худова,
 Зайшла за хвицера маладова.
 Я й пѣша къ абѣдни ни хадила—
 Усѣ мене на конихъ вазили,
 А ўсе были кареты зылатыи,
 Усе были лакеи маладыи.

Тогда подгулявши тутъ немного, бабы идутъ домой печки топить; расходятся по домамъ и мужчины. Около полудня Герасимъ опять посылаетъ звать гостей на похмелье. Собираются всѣ, и мужчины, и женщины. Хозяинъ проситъ гостей садиться за столъ. Садятся. Закусятъ пирога и рыбы. Вылѣзаютъ изъ-за стола и идутъ кругомъ изъ двора во дворъ поочереди. Въ каждомъ домѣ подается закуска—пирогъ и рыба, а въ скоромный день—пирогъ и студень. Хозяинъ обноситъ всѣхъ водкою, давая по два стакана разомъ, и полъ конецъ закуски еще по одному стакану. Пока всю деревню обойдутъ—уже совершенно темно, да и бабы уже очень пьяны. Расходятся по домамъ.

12 мая.

(Цыганки; паренье вѣниками встрѣчныхъ) ¹⁾.

Наутро, печку протопивши, одна баба, самая бойкая и говорунья, идетъ по деревнѣ, подговариваетъ своихъ подругъ—бабъ итти въ цыганки, говоря:

— Убирайтесь, бабы! пойдемъ въ цыганки.

— Авой, авой, галава балить. Нада жъ идѣ-нибудъ разживатца. Собирайтесь жа у маю хату!

Скоро бабы всѣ соберутся. Всѣ онѣ идутъ по деревнѣ, держа въ рукахъ березовые вѣнички. Кого встрѣтятъ на улицѣ, сейчасъ начнутъ парить, и при этомъ онѣ припѣваютъ хоромъ:

Я—цыганка маладая,
 Я—цыганка заўдалая;
 Знаю варажить,
 Знаю варажить!

Ты паложъ-ка дешихъ кучку—
 Погляжу я табѣ ў ручку,
 Ўсю праўду скажу,
 А я не солгу!

¹⁾ См. „Юбилейный Сборникъ въ честь В. О. Миллера, стр. 282—283.

Подъ слѣдующую пѣсню бабы пляшутъ и махаютъ при этомъ грозно вѣниками:

Какъ у Сидара п...—ну, ну, ну.
 Была Дарья хороша—ну, ну, ну.
 Какъ и унадиуся п...къ—ну, ну, ну.
 Онъ и къ Дарьюшки хадить—ну, ну, ну.
 Сладки прянички насить—ну, ну, ну.
 Ай арѣшки-щелканки—ну, ну, ну.
 Ай увидили п...—ну, ну, ну.
 Са маіорьскага двара—ну, ну, ну.
 П..ъ видить, што худѣ—ну, ну, ну.
 Нейди дѣтца никуда—ну, ну, ну.
 Ёнъ и къ Дарьи на кравать—ну, ну, ну.
 Дарья яго прикрывать—ну, ну, ну.
 Вы маёрушки дружки—ну, ну, ну.
 Вы зацымъ сюда пришли—ну, ну, ну.
 А я ў терими одна—ну, ну, ну.
 Дарамъ, дарамъ што одна—ты одна—ну, ну, ну.
 Ты подай сюда п...—ну, ну, ну.
 П... видить, што худа—ну, ну, ну.
 Нейди дѣтца никуда—ну, ну, ну.
 Ёнъ у горинку подъ куть—ну, ну, ну.
 Салдать кажить: а ты тутъ—ну, ну, ну.

Тогда одна изъ бабъ, попаривъ вѣничкомъ прохожаго или какогонибудь мѣстнаго обывателя, въ родѣ волостного писаря или учителя (бабы стараются выбрать для нападенія жертву побогаче), разговариваетъ по доброму съ тѣмъ, кого парила: „я тебе попарю, я тибѣ живатокъ поправлю, горшѣцки ўскину на животъ! у мене и мыльца есть у кармани“.—Примѣръ дѣлаетъ, будто черпаетъ рукою воду, лѣчитъ больного, по ея мнѣнію, хотя бы онъ и упорно отрицалъ свою болѣзнь.

— Ты и съ жонкой ни ладна живешь; дѣти у тебе ни вядутца... Я тебе вѣничкомъ попарю, и дѣти будутъ вестца.

— Все вы, цыганки, врѣтя: я жонку свою люблю и жалѣю, и самъ я здароу!—оправдывается тотъ.

Тогда цыганка говоритъ: „откупись—позолоти руку...“ Дастъ ей тотъ скольконибудь денегъ и откупится. Цыганки весьма любятъ останавливать проѣзжающихъ и парятъ ихъ вѣничками, прося позолотить руку и откупиться. Почти всегда проѣзжающіе даютъ скольконибудь денегъ цыганкамъ. Ходятъ по селу и парятъ всѣхъ, кого попало: мѣстную интеллигенцію и проч., парятъ въ ихъ домахъ и при встрѣчѣ на улицахъ. Къ вечеру цыганки соберутъ много денегъ и идутъ въ кабакъ. Въ кабакъ къ вечеру собираются и мужья цыганокъ, покупаютъ на собранныя деньги водку, и пьютъ всѣ: и мужчины, и женщины. Возвращаются до-

мой цыганки совсѣмъ пьяныя и теряютъ по дорогѣ и платки, и вѣники. Одно время въ с. Бородѣ было два щедрыхъ учителя, а третій скупой; скупому больше другихъ попадало отъ цыганокъ: съ нимъ онѣ были какъ-то строже.

Дѣвки не участвуютъ въ „Никольщинѣ“ вмѣстѣ со всѣми, а празднуютъ отдѣльно. Каждой дѣвкѣ мать даетъ провизію, даетъ миску пшеничной муки, даетъ 10 яицъ, кусокъ сала, полъ-бутылочки горѣлки. Онѣ нанимаютъ себѣ у когонибудь пустую хату. Эта хата остается за ними круглый годъ. Плата за хату съ дѣвокъ полагается по полъ-мѣркѣ жита и по полъ-мѣркѣ картофеля. Дѣвки сами себѣ обѣдъ варятъ, пекутъ „дранцѹкъ“ изъ яицъ и сала, зовутъ къ себѣ въ гости парней холостыхъ; пива дѣвки берутъ на вечеринку, сколько нужно, а парни несутъ дѣвкамъ водку, пьютъ водку вмѣстѣ съ дѣвками, *гарьзаютъ* и гуляютъ; погулявъ немного, мальцевъ (парней) отправляютъ вонъ изъ хаты, а хозяйку просятъ на ночь ихъ замкнуть и ключъ отъ хаты взять себѣ. Какъ только дѣвки захотятъ спать, онѣ даютъ знать хозяйкѣ; хозяйка ихъ замыкаетъ и ключъ беретъ себѣ въ карманъ, чтобы никто не могъ сомнѣваться въ цѣломудренности дѣвокъ. Иногда онѣ идутъ по улицѣ; если захотятъ пройти куданибудь въ другой дворъ, то идутъ всѣ кучею съ пѣснями.

Во время большихъ праздниковъ дѣвки гуляютъ на гульбищахъ, т.е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ устроены качели и гдѣ есть музыканты. Гульбища устраиваются чаще всего возлѣ кабаковъ. Дѣвки на гульбищахъ не гуляютъ до темнаго, а не задолго до заката солнца собираются всѣ кучею и идутъ домой съ пѣснями.

Духовъ день въ деревнѣ Хвошнѣ.

Дня за четыре до Духова дня въ Хвошнѣ варятъ пиво. Въ субботу передъ Духовымъ днемъ послѣ обѣда каждый хозяинъ запрягаетъ себѣ коня и ѣдетъ за „маемъ“. „Маемъ“ называются молодыя листовныя деревья. Высаживаютъ крестьяне линіями май возлѣ домовъ на улицѣ и около каждаго двора. Хозяинъ, у котораго была Никольщина, выноситъ изъ клѣти образъ Николая и св. Троицы, ставитъ въ хатѣ на кутѣ, а также и свѣчи.

Въ субботу передъ Духовымъ днемъ вечеромъ посылаетъ хозяйка звать къ себѣ однихъ бабъ, велитъ послу сказать такъ: „приходите, бабы, и приносите деньги на Троицу“. Бабы всѣ идутъ и несутъ деньги по пятнадцати копеекъ съ бабы. На Духовъ день хозяинъ ѣдетъ въ городъ и покупаетъ бабамъ на всѣ эти деньги водки.

На утро хозяйка печетъ пироги и всѣхъ угощаетъ завтракомъ. Завтракаютъ поздно по случаю поздняго окончанія обѣдни (въ Хвошнѣ храмовой праздникъ). Тѣмъ, которыя отправляются въ церковь, а оттуда на гулянье, хозяйка увязываетъ имъ въ платокъ

закуску: пирогъ и драконы. Выйдя изъ церкви, мужчины и молодухи идутъ къ попамъ и пьютъ горѣлочку, закусываютъ своею закускою, и идутъ на гульбище къ кабаку; тамъ дѣвки пляшутъ, а молодухи съ мужчинами водку пьютъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пиво варятъ, зовутъ гостей. На гульбищѣ, когда увидятъ родныхъ изъ другой деревни, то зовутъ ихъ къ себѣ въ гости.

Приходятъ домашніе вмѣстѣ съ гостями уже совсѣмъ вечеромъ и садятся гости на лавкѣ; ихъ угощаютъ пивомъ. Потомъ просятъ за столъ садиться и угощаютъ ихъ ужиномъ и водкою. На утро просыпаются гости, хозяйка подаетъ имъ завтракъ. Послѣ завтрака гости выходятъ на улицу и поютъ пѣсни; пока обѣдъ, они ходятъ по сосѣднимъ домамъ и сидятъ тамъ.

Въ гости ходятъ однѣ молодухи и женатые мужчины, а дѣвки и холостые не ходятъ по гостямъ.

Когда придетъ время обѣда, около одиннадцати часовъ утра, хозяйка посылаетъ кого-нибудь разыскать своихъ гостей и привести ихъ въ ея домъ. Когда соберутся всѣ домашніе и гости, молятся Богу и садятся за столъ. За обѣдомъ хозяинъ угощаетъ гостей водкою и пивомъ; послѣ обѣда всѣ молятся Богу, благодарятъ хозяевъ и уходятъ. Дѣвки собираются кучею и идутъ, а холостые мальцы своею кучею, и всѣ идутъ на гульбище къ кабаку. Замужнія бабы и женатые мужчины остаются дома. Хозяинъ, у котораго была „Никола“, готовится на Троицу гостей звать. Въ Хвошнѣ есть свой образъ братскій св. Троицы и этотъ образъ мѣстные крестьяне носятъ вмѣстѣ съ „Николой“. Кто беретъ образъ Николы, беретъ и образъ св. Троицы. И такая же большая свѣча, какъ передъ Николою, стоитъ передъ Троицей и въ такомъ же большомъ деревянномъ подевѣчникѣ. Когда гости и дѣвки идутъ на гульбище, хозяйка идетъ звать къ себѣ въ гости всѣхъ бабъ своей деревни.

Соберутся гости, хозяйки несутъ по булкѣ хлѣба, по восковой свѣчкѣ. Войдя въ хату, помолятся; свѣчки кладутъ на подевѣчникъ, а хлѣбъ кладутъ на столъ. Богу молятся, кланяются; всѣ между собою рукаются, хозяйка съ хозяйкой цѣлуются. Немного посидятъ всѣ въ ожиданіи, пока войдетъ полное число гостей. На Троицу мужчины въ гости не ходятъ. Хозяйка принесетъ ведро пива и ставитъ на лавкѣ около иконъ, угощаетъ бабъ пивомъ. Вотъ всѣ собрались. Бабы становятся на колѣна и молятся Богу. Послѣ молитвы всѣ бабы одна съ одной порукаются и поцѣлуются; тогда хозяйка проситъ садиться за столъ. Всѣ садятся: старѣйшія на кутъ, а молодыя въ конецъ стола. Прежде всего всѣхъ сидящихъ обнесутъ пивомъ; тогда рѣжутъ пирогъ, и хозяйка даетъ свою водку: каждой гостьѣ по два стакана льетъ и капусту подаетъ на столъ, потомъ поливку съ говядиной, лапшу, а передъ лапшой хозяйка даетъ еще по одному стакану водки, потомъ подается холодецъ и каша. А передъ кашей хозяйка вно-

ситъ боченокъ водки, которая куплена за бабскія деньги. Бабы сами выливаютъ эту водку въ ашайки и зовутъ къ себѣ хозяина дома пить свою водку: „Грасимъ Восипывицъ, хади нашей водки выпій!“ Хозяинъ подходитъ, „здоровкается“ съ бабами и пьетъ. Тогда одна изъ бабъ обноситъ всѣхъ бабъ водкою. Бабы выпьютъ своей водки по одному стакану, остальную водку послѣ обѣда бабы сами несутъ прятать въ клѣть, ставятъ ее въ сундукъ и сундукъ примыкаютъ, а ключъ беретъ къ себѣ котораянибудь изъ бабъ, но не хозяйка дома. Сами онѣ тутъ пляшутъ, поютъ пѣсни, веселятся, а иногда попробуютъ пройти цыганками по своей деревнѣ, но пройдутъ тихо, безъ вѣниковъ по всѣмъ дворамъ. Вечеромъ возвращаются въ свой домъ и ложатся спать.

Троичонокъ.

На другой день послѣ Троицы празднуютъ въ Хвошнѣ Троичонокъ. Утромъ хозяйка посылаетъ звать однихъ бабъ къ себѣ въ домъ, гдѣ иконы св. Троицы и Никола. Собираются бабы, несутъ съ собою сало, яйца и сковороды. Бабы сами отмыкаютъ свою горѣлку и вносятъ ее въ хату, наливаютъ въ ашакъ, и одна изъ бабъ обноситъ всѣхъ водкою по одному стакану. Остальную водку выносятъ опять бабы въ клѣть и замыкаютъ ее. Начинаютъ дранчукъ жарить. Бабы сами посылаютъ когонибудь изъ этого двора звать сюда мужчинъ. Мужчины сидятъ кучею на улицѣ около чьегонибудь двора. Велятъ бабы сказать: „мужчины, идите къ бабамъ. Ти будитя вы клась на гарѣлку? А то бабы ужу дранцукъ жарютъ!“ Мужчины скажутъ: „идемъ!“

Мужчины всѣ собираются и приносятъ каждый по пятнадцати копеекъ. Собравши эти деньги, ктонибудь одинъ идетъ поскорѣе за горѣлкой. Пока бабы дранчукъ сжарятъ, и водка готова. Садятся непрошенные за столъ: мужчины на кутъ, а бабы въ концѣ стола. Бабы несутъ свою остальную водку, а мужчины достаютъ свою; выливаютъ всѣ вмѣстѣ въ ашайки и пьютъ. Которыйнибудь изъ мужчинъ раздаетъ водку мужчинамъ, а одна котораянибудь изъ бабъ раздаетъ водку бабамъ, дѣлятъ водку равно какъ между мужчинами, такъ и между бабами; безъ ссоры, тихо и спокойно; водку разопьютъ и начинаютъ водку закусывать дранцукомъ. Закусивши, выходятъ изъ-за стола, Богу молятся, благодарятъ хозяина и хозяйку. Тогда бабы пѣсни поютъ и скачутъ, а потомъ пойдутъ гулять на улицу и тамъ пѣсни поютъ и скачутъ.

В. Добровольскій.

У болгаръ въ Таврической губерніи.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Голая, выжженная солнцемъ, скучная степь... Одна за другой тянутся въ безконечную даль тощія десятины крестьянскихъ посѣвовъ. Ни одной зеленой травки, ни одного деревца, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ, утомленный скучнымъ однообразиемъ степного пространства. Съ трудомъ даже вѣрится тому, что говорятъ о недалекомъ прошломъ этой мѣстности, когда большая часть приазовскихъ степей еще была покрыта густымъ ковромъ зарослей кустарника и высокой травы, гдѣ не только находили себѣ пріютъ мириады дикихъ гусей, дрофъ, утокъ и другой твари, но и свободно могли укрываться разныя темныя личности, въ родѣ разбойника Остроилова, наводившіе своимъ геройствомъ ужасъ на мѣстныхъ жителей и оставившіе по себѣ громкую славу во всемъ околоткѣ.

Совершенно другую картину представляетъ бердянская степь въ настоящее время. Тяжелую жизнь пережила она, не мало и горя пришлось ей увидѣть на своемъ вѣку. Здѣсь кочевали когда-то орды дикихъ кавказскихъ народностей; здѣсь несомнѣнно бывали и древніе греки, которыхъ отечество, въ интересахъ своего развитія, высылало на безлюдные берега далекихъ морей, и сыны Греціи даже въ этой непривлекательной обстановкѣ быстро созидали славу своей родины, хотя также быстро и сходили съ исторической сцены, смытые волнами новыхъ народныхъ теченій.

Черезъ эти степи проходили гунны и авары, направляясь къ богатымъ странамъ западныхъ народовъ. Здѣсь побывалъ когда-то и князь Игорь Святославичъ... Уже въ болѣе близкое къ намъ время, черезъ азовскія степи пришли на Русь татары, но снова

ушли, очевидно мало рассчитывавшіе на успѣхъ своего предпріятія. Болѣе прочно утвердились здѣсь нѣсколько позднѣе другіе татары, которые пришли съ сѣверо-востока на югъ Россіи и начали кочевать въ ея степяхъ, прилегающихъ къ нашимъ южнымъ морямъ—Азовскому и Каспійскому, а впослѣдствіи, разбившись на двѣ орды—Астраханскую и Ногайскую, основали здѣсь два царства.

Въ теченіе всего послѣдующаго и ближайшаго къ намъ времени въ Бердянскій у. являлись все новыя и новыя народности. Въ началѣ нашего столѣтія сюда пришли нѣмцы, которые, въ свою очередь, застали здѣсь молоканъ и другихъ переселенцевъ изъ русскихъ губерній. Въ шестидесятыхъ годахъ, вскорѣ послѣ Севастопольской обороны, въ Бердянскій уѣздъ явились болгары и заняли громадную его площадь. Это были люди, бѣжавшіе нѣкогда изъ своего отечества (особенно въ началѣ XIX ст.) отъ угнетеній турокъ въ сосѣдніе предѣлы Россіи—Бессарабскую губ. и обосновавшіеся здѣсь въ окрестностяхъ Измаила, т. е. въ той части Бессарабской губ., которая по парижскому трактату 1856 г. отходила къ Турціи; здѣсь, въ Бессарабской губ., каждый болгаринъ-хозяинъ, т. е. крестьянинъ, имѣвшій свою землянку и коекакой хозяйственный инвентарь, получалъ отъ общества въ пожизненное пользованіе шестьдесятъ десятинъ земли, которая съ его смертію снова переходила въ собственность общества. Крестьяне занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но сѣяли сравнительно немного, хотя земли въ своемъ распоряженіи имѣли больше, чѣмъ теперь. Послѣ Севастопольской кампаніи, когда та часть Бессарабской губ., гдѣ между прочимъ были расположены и поселки нашихъ болгаръ, должна была перейти къ Турціи, болгарамъ было предложено, если они желаютъ оставаться въ предѣлахъ Россіи, занять въ вѣчное, наслѣдственное владѣніе казенныя участки земли въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ. по пятидесяти десятинъ на „номеръ“, т. е. дворъ или хозяйство. Болгары, хотя и не все, согласились на это предложеніе, и вскорѣ въ числѣ шестидесяти тысячъ душъ обоего пола переселились въ Бердянскій уѣздъ.

Въ болгарскомъ журналѣ „Періодическо Списание“ (Срѣдецъ, 1894, кн. XLIV) напечатано нѣсколько народныхъ болгарскихъ пѣсенъ, записанныхъ у болгаръ въ Бердянскомъ уѣздѣ. Собира-
тель этихъ пѣсенъ, народный учитель А. В. Варбанскій, обра-

тился, между прочимъ, въ редакцію журнала съ просьбой опредѣлить на основаніи этихъ пѣсенъ ту мѣстность, откуда, можно предполагать, вышли болгары, заброшенные судьбою на берега Азовскаго моря. Редакція, помѣстивъ въ своемъ изданіи записанныя г. Варбанскимъ болгарскія пѣсни, любезно отвѣтила въ примѣчаніяхъ къ этимъ пѣснямъ, что языкъ пѣсенъ даетъ нѣкоторые основанія считать бердянскихъ болгаръ выходцами изъ мѣстности, расположенной между Пловдивомъ, Аджаръ, Калоферъ, Карлово въ южной Болгаріи. Такое точное указаніе мѣстности, намъ кажется, однако, не вполне правильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, записывая народныя пѣсни, г. Варбанскій обращалъ больше вниманія на сюжетъ и его обработку въ народномъ творествѣ, чѣмъ на особенности мѣстнаго говора, и въ своихъ записяхъ не воспроизвелъ ихъ въ должной строгости и послѣдовательности, а между тѣмъ это обстоятельство является необходимымъ условіемъ для правильнаго рѣшенія поставленнаго имъ вопроса. Неотмѣченные г. Варбанскимъ характерныя особенности говора, къ числу которыхъ относится, напримѣръ, мягкость произношенія согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ болгарскихъ говорахъ слышатся твердые звуки, особенность говора, сближающая его по характеру отчасти съ нашими великорусскими говорами, и другія особенности въ этомъ родѣ остались, конечно, неизвѣстными редакціи „Період. Спис.“, въ виду чего и рѣшеніе ея можетъ быть принято нами лишь съ нѣкоторой оговоркой. Кажется, было бы нѣсколько правдоподобнѣе ближайшимъ мѣстомъ родины бердянскихъ болгаръ считать сѣверо-восточную часть Болгаріи, часть, прилегающую къ Россіи, куда болгары и бѣжали отъ турецкихъ угнетеній, потому что имъ было рукой подать до русской границы. Если бы они жили въ южной Болгаріи, то не проще ли было имъ бѣжать въ сѣверные предѣлы своего княжества и тамъ искать себѣ защиты отъ турецкихъ угнетеній. Народныя массы въ тяжелыя минуты своей жизни не легко расстаются съ родиной своихъ предковъ, и мы имѣемъ много примѣровъ изъ исторіи переселенія болгаръ въ Таврическую губ., подтверждающихъ это положеніе. Когда, напримѣръ, болгарамъ было предложено переселиться въ Бердянскій уѣздъ, многіе изъ нихъ, не смотря на всѣ выгодныя условія переселенія, предпочли или остаться на старыхъ мѣстахъ поближе къ Болгаріи, или даже совсѣмъ уйти обратно въ Бол-

гарію. Такимъ образомъ, не безъ нѣкоторыхъ основаній можно также предполагать, что болгары, переселившіеся въ Бердянскій уѣздъ изъ Бессарабской губ., своей родиной имѣли нѣкогда сѣверо-восточную часть нынѣшней Болгаріи, характерныя черты говоровъ которой находятъ себѣ соотвѣтствіе и въ говорахъ бердянскихъ болгаръ.

Занявъ степное пространство Бердянскаго уѣзда, вновь прибывшіе сюда болгары вступили въ самыя широкія сношенія съ своими сосѣдями, отдававшими съ готовностью новымъ пришельцамъ тѣ формы своей внѣшней культурности, которыя бросались имъ рѣзко въ глаза, какъ-то: характеръ своихъ построекъ, домашнюю обстановку, костюмъ и украшенія, но въ связи съ этимъ пришлому населенію передавались и нѣкоторыя новыя для нихъ черты нравственности. Какъ бы ни относились къ подобнымъ явленіямъ акклиматизаціи пришлого населенія на новыхъ мѣстахъ жительства, мы должны, однако, согласиться съ тѣмъ, что эти явленія—результатъ многихъ и часто неизбѣжныхъ топографическихъ, экономическихъ и др. условій развитія народа, поставленнаго въ необходимость международнаго взаимодействія. Насколько эти явленія развитія можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, считать и признакомъ жизне-способности той націи, которая, какъ бы уступая подъ давленіемъ не только болѣе сильныхъ, но часто даже случайныхъ элементовъ, быстро теряетъ типичныя черты своей фізіономіи,—рѣшить очень трудно. Впрочемъ, разсмотрѣніе этого вопроса въ настоящее время отвлекло бы насъ слишкомъ въ сторону. Ближайшая задача нашей замѣтки дать краткій очеркъ жизни, дѣятельности и условій развитія болгарской народности, какъ новой этнографической единицы, входящей въ составъ населенія южнаго края Россіи. Врядъ ли можно не соглашаться съ тѣмъ, что только народъ, поставленный въ благопріятныя условія своего экономическаго развитія и такъ или иначе освободившійся отъ гнета давящихъ на него отовсюду житейскихъ обстоятельствъ, что только такой народъ мало-по-малу начинаетъ ощущать потребность въ извѣстномъ культурномъ общеніи, изъ котораго старается извлекать новыя формы для своего быстро развивающагося самосознанія. Потребность въ общеніи вызывается развитіемъ народнаго самосознанія, характеръ общенія опредѣляется чисто случайными обстоятельствами—сосѣдствомъ, тѣми или иными потребностями и т. д.; формы же, въ

какихъ проявляется или выражается это общеніе, зависятъ, конечно, отъ степени развитія самосознанія. Вполнѣ естественно, что народъ, стоящій на низкой ступени культурности, но поставленный въ благопріятныя условія своего развитія, безсознательно обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю сторону сосѣдней культуры, не отдавая себѣ отчета въ ея необходимости или пригодности для своего развитія. Во всякомъ случаѣ, это явленіе уже можетъ служить показателемъ нѣкоторой степени культурнаго развитія народа; въ будущемъ, если ему позволятъ обстоятельства, онъ, можетъ быть, создастъ и соотвѣтствующее содержаніе: легче изъ землянки перейти жить въ лучшую обстановку тогда, когда уже есть эта обстановка, чѣмъ измѣнить гигиеническія условія своей жизни, если, не имѣя хорошаго помѣщенія, приходится ютиться рядомъ въ одномъ помѣщеніи со скотиной.

Переселившись въ Бердянскій уѣздъ, болгары столкнулись здѣсь лицомъ къ лицу съ болѣе культурной нѣмецкой колоніей, которая въ силу этого явилась для новыхъ поселенцевъ образцомъ, впрочемъ, сначала образцомъ только лишь нѣкоторыхъ частныхъ крестьянскаго хозяйства. Мы говоримъ, лишь нѣкоторыхъ частныхъ крестьянскаго хозяйства потому, что болѣе серьезными указаніями нѣмецкой колоніи болгаринъ не воспользовался. Нѣмецкая колонія дала ему хорошихъ лошадей, удобные для мѣстнаго хозяйства экипажи, научила его владѣть машиной, но не сообщила ему своихъ болѣе раціональныхъ началъ землепользованія, своей болѣе выгодной системы землевладѣнія, и нѣкоторыхъ частныхъ своего самоуправленія. Вліяніе нѣмецкой колоніи созданное потребностями хозяйственной жизни болгарскаго поселка, быстро развивалось и постепенно начало сказываться и на нѣкоторыхъ частностяхъ домашней жизни, хотя первое, безспорно, въ этой области мѣсто слѣдуетъ отнести вліянію сосѣдней городской, русско-мѣщанской культуры.

Культурность сосѣдней съ болгарскимъ поселкомъ нѣмецкой колоніи—явленіе слишкомъ сложное, созданное долгой эволюціей жизни народа, его нравовъ и обстановки, причемъ не послѣднюю, несомнѣнно, роль въ этой эволюціи играли и черты народной наслѣдственности, т. е. тотъ готовый запасъ культурности, съ какимъ нѣмецкіе колонисты явились къ намъ въ Россію. Каждая частность жизни и обстановки нѣмецкой колоніи говоритъ о томъ,

что приобрѣтена она упорнымъ трудомъ долгихъ лѣтъ жизни народа и въ народномъ сознаніи является чѣмъ-то необходимымъ для него, чѣмъ-то такимъ, безъ чего нарушается обычный порядокъ вещей и самыя естественныя требованія жизни. Иначе говоря, жизнь и обстановка нѣмецкой колоніи тѣсно связана съ требованіями болѣе или менѣе развитого народнаго самосознанія. Что же дѣлаетъ болгаринъ, сосѣдь нѣмецкой колоніи? Не успѣвъ на новыхъ мѣстахъ еще сколько нибудь окрѣпнуть, не успѣвъ еще урегулировать свой бюджетъ и въ своихъ счетахъ свести даже концы съ концами, онъ тѣмъ не менѣе строитъ большой каменный домъ, такой же точно по размѣрамъ и типу постройки, какъ и домъ въ нѣмецкой колоніи, вкладываетъ въ него всѣ свои капиталы, которыхъ однако не хватаетъ, влезаетъ въ долги, продаетъ землю... Домъ, наконецъ, выстроенъ, а рядомъ съ нимъ еще раньше онъ успѣлъ построить такую же каменную конюшню, которая вплоть примыкаетъ къ самому дому, такъ что обѣ эти постройки сходятся обыкновенно подъ одной крышей. Такимъ образомъ, значительная часть болгарскаго двора съ вѣшной стороны устроена по образцу нѣмецкой колоніи, хотя далеко не соответствуетъ своему образцу въ другихъ отношеніяхъ. Мы, однако, не должны упускать изъ виду, что рассматриваемое нами явленіе далеко не общеобязательно: мы говоримъ о немъ всего лишь какъ о наиболѣе рѣзкой тенденціи крестьянскаго хозяйства, наблюдаемой на каждомъ шагу жизни болгарскаго поселка.

Выстроивъ себѣ большой каменный домъ о трехъ или четырехъ комнатахъ съ набѣло выштукатуренными стѣнами и деревянными полами, болгаринъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ ютиться въ проходной между домомъ и сараемъ комнатѣ съ глинянымъ поломъ, съ удушливыми испареніями изъ конюшни, съ пылью и копотью отъ большой оригинальной болгарской печи, съ выходящимъ прямо въ потолокъ отверстіемъ для дыма. Въ комнатахъ болгарскаго дома вы найдете полную мѣщанскую обстановку: деревянные диваны съ обитыми пестрымъ ситцемъ спинками и сидѣніемъ, такіе же, впрочемъ иногда и вѣнскіе, стулья, столы „подъ орѣхъ“ и „подъ ясень“ базарнаго производства, зеркала на стѣнахъ грошеваго издѣлія, въ которыхъ въ одно и то же время можно видѣть нѣсколько своихъ фізіономій, комодъ съ гипсовыми изваяніями собакъ и куколъ на немъ и т. д. И комнаты эти откры-

ваются только по особо торжественнымъ случаямъ: въ остальные дни года они стоятъ заперты...

Нѣкоторые очень зажиточные нѣмцы-колонисты имѣютъ у себя рессорные экипажи. Самый посредственный болгаринъ старается и у себя завести такой же экипажъ—„тачанку“, хотя этого экипажа вы не встрѣтите ни въ одномъ, даже болѣе зажиточномъ, сосѣднемъ русскомъ селѣ, гдѣ крестьяне пользуются заимствованной у нѣмца же, но болѣе приспособленной къ хозяйству, обычной, впрочемъ, и въ болгарскомъ хозяйствѣ, нѣмецкой бричкой.

Эти и другіе подобные факты въ жизни болгарскаго крестьянина рѣзко рисуютъ своеобразное отношеніе народа къ сосѣднимъ культурамъ и къ вопросамъ своего культурнаго развитія. Безотчетное стремленіе къ воспроизведенію у себя того, что имѣетъ сосѣдь—вотъ характерная черта, если не ошибаемся, всей массы болгарскаго народа, и ей болгаринъ остается вѣрнымъ и на новыхъ мѣстахъ своего жительства, гдѣ благоприятныя къ тому же топографическія и этнографическія условія развитія, давая богатый матеріалъ, еще болѣе способствуютъ укрѣпленію въ населеніи этого оригинальнаго и характернаго явленія его жизни.

Кромѣ Бердянскихъ болгаръ въ Таврической губ. есть еще болгары на полуостровѣ въ Феодосійскомъ уѣздѣ, переселившіеся сюда изъ Болгаріи нѣсколько раньше переселенія бессарабскихъ болгаръ въ Бердянскій уѣздъ. Эти болгары при тѣхъ же экономическихъ условіяхъ своего развитія, но въ силу исключительныхъ условій, топографическихъ (горы) и этнографическихъ (сосѣди—бѣдные, безземельные татары или почти такіе же русскіе поселенцы), сохранили почти въ полной неприкосновенности всѣ типичныя черты своей частной и общественной жизни, не смотря и на болѣе продолжительный промежутокъ времени жизни въ чужихъ совершенно краяхъ, вдали отъ своей родины, и сохранили на столько прочно эти черты, что бердянскій болгаринъ, въ сравненіи съ крымскимъ, кажется совершенно другимъ народомъ: если бы не общій языкъ да нѣкоторыя общія частности бытовой и обрядовой жизни того и другого народа, мы никогда не сказали бы, что обѣ болгарскія семьи своимъ отечествомъ имѣютъ одну и ту же Болгарію и вышли въ Россію чуть ли даже не изъ одного и того же села. Такъ рѣзко и сравнительно быстро измѣняется типъ народности, поставленной въ извѣстныя условія своего развитія.

Подъ вліяніемъ этихъ же условій болгары степной части Таврич. губ. начинаютъ постепенно забывать и свою поэзію. Пѣсни у нихъ замѣтно дѣлаются меньше по объему, при чемъ нерѣдко забывается даже смыслъ отдѣльныхъ выраженій, которыя, несомнѣнно, не такъ давно были еще вполне осмыслены. Что касается народныхъ обычаевъ и обрядовъ, то ихъ и половины не уцѣлѣло отъ того запаса, съ какимъ болгары явились въ Бердянскій уѣздъ. Я приведу одинъ любопытный примѣръ, прекрасно иллюстрирующий процессъ постепеннаго вымиранія народной поэзіи у болгаръ въ Бердянскомъ уѣздѣ. У этихъ болгаръ ежегодно 9-го мая можно наблюдать характерный праздникъ, сохранившій названіе „пеперѹда лѣда“

Праздникъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ своей среды одну главную, обыкновенно эта роль выпадаетъ на долю какой нибудь сиротки, надѣваютъ ей на голову вѣнокъ, и эта „пеперѹда“ въ сопровожденіи своихъ подругъ ходитъ по дворамъ. Заходя въ домъ, она кропитъ комнаты водой, а хозяева дарятъ гостямъ подарки въ видѣ муки, хлѣба, масла и др. припасовъ и обливаютъ дѣвочекъ водой, а онѣ въ это время поютъ:

„Пеперѹда лѣда,
Изъ вода са мѣда.

Дай ми, Боже, дождѣца,

Да ми рѣди житѹ,

Житѹ и пшенічка

И лѣтна рачічка!“

На слѣдующій день эти дѣвочки изъ собранныхъ припасовъ готовятъ обѣдъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ грязи лѣпятъ фигуру мальчика, которую относятъ въ поле и съ плачемъ закапываютъ въ землю, послѣ чего возвращаются домой и ѣдятъ приготовленное кушанье.

На мои разспросы, что значитъ въ переводѣ на русскій языкъ и какой, вообще, имѣетъ смыслъ начало пѣсни:

„Пеперѹда лѣда
Изъ вода са мѣда!..“

никто изъ тѣхъ лицъ, кто пѣлъ эту пѣсню, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія. Объяснить его можно приблизительно такъ. „Пеперѹда“ — значитъ мотылекъ; „лѣда“, повидимому, отождествляется съ „лада“ или „ладо“, — какое то

миоическое существо, „мяда“ — вм. „мята“ твердое произношеніе звука *т*. Стѣдовательно, вм. „са мяда“ слѣдуетъ предполагать „са мята“, т. е. бросается; „изъ вода са мяда“ можно перевести — выбрасывается изъ воды, или купается, ныряя въ водѣ. Такое же бессознательное вначалѣ твердое произношеніе звука *т*, переходящее съ теченіемъ времени къ сознательно произносимое *д*, мы можемъ допустить и для слова „ляда“ и вмѣсто него предполагать первоначальное „лята“, т. е. летаетъ.

И такъ, въ этой пѣснѣ рассказывается о мотылькѣ, который летаетъ и купается въ водѣ. Вещь сама по себѣ, можетъ быть, и возможная, но врядъ ли наше толкованіе будетъ вполне отвѣчать дѣйствительности, и въ этомъ очень легко убѣдиться, если сравнить эту пѣсню съ аналогичною же пѣснею, впрочемъ гораздо длиннѣе по содержанію, записанною у болгаръ въ Θεοδοσίῃскомъ уѣзда. Пѣсня эта начинается такъ:

„Пеперѹга лѣта

Изъ вода са мята“ и т. д.,

т. е. ласточка летаетъ и, ныряя, купается въ водѣ. Несомнѣнно, о ласточкѣ, какъ птицѣ весны, болѣе умѣстно говорить въ весенней пѣснѣ, чѣмъ о какомъ то купающемся мотылькѣ. И такъ, можно предполагать, что дѣвочка, украшенная цвѣтами, должна явиться прообразомъ не бабочки, а весенней ласточки, которая, купаясь въ водѣ, окруженная своими подругами, несетъ какую то вѣсть населенію. Мы привели одинъ чисто случайный примѣръ, отчасти характеризующій процессъ постепеннаго упадка народнаго творчества. Но такихъ примѣровъ можно найти очень много, въ томъ числѣ и любопытные случаи смѣшенія въ одной и той же пѣснѣ различныхъ сюжетовъ и ихъ деталей, которые раньше, несомнѣнно, были предметомъ самостоятельной обработки.

Намъ извѣстны четыре народно-музыкальных болгарскихъ инструмента: *гайда*, *кеменче*, *ковалъ* и *свирка*, которые не такъ давно можно было встрѣтить очень часто, хотя каждый изъ этихъ инструментовъ, надо полагать, имѣлъ свою площадь распространенія, гдѣ онъ пользовался преимущественными симпатіями. Въ настоящее время какой нибудь „гайдаджія“, т. е. артистъ, играющій на „гайдѣ“ — музыкальномъ инструментѣ въ родѣ „козы“ или „волынки“, или какой нибудь „кеменчеджія“, — умѣющій хорошо

играть на „кеменче“,—муз. инструментъ въ видѣ скрипки .о трехъ струнахъ—бываютъ обыкновенно извѣстны на весь уѣздъ, и для того, чтобы послушать, напримѣръ, игру на „гайдъ“, я долженъ былъ ѣхать верстъ за тридцать въ другое село. Болѣе или менѣе прочно у бердянскихъ болгаръ удержался наиболѣе легкій изъ музыкальныхъ инструментовъ—„кеменче“; въ каждомъ почти болгарскомъ поселкѣ его пиликанье можно слышать такъ же часто, какъ и напѣвы—„Эй, горе не бѣда!..“ и „Разлука, ты разлука“, распѣваемые по улицамъ болгарскими парнями. Число профессиональныхъ народныхъ пѣвцовъ музыкантовъ, которые когда то могли поражать слушателей богатствомъ своей творческой памяти, ежегодно убываетъ, въ виду чего и запись произведеній народного творчества въ настоящее время сопряжена уже съ большею трудностью: осталось слишкомъ мало лицъ, которыя могли бы сообщить что нибудь интересное, заслуживающее вниманія.

У болгаръ существуетъ обычай—„сѣдянки“. Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, какъ только зайдетъ солнце, дѣвушки раскладываютъ среди улицы костры, садятся вокругъ нихъ съ работою и поютъ особыя, такъ называемыя „сѣдяночныя“ пѣсни, содержаніе которыхъ посвящается исключительно вопросамъ сердечныхъ отношеній.

Къ дѣвушкамъ очень чинно подходятъ молодые люди, всѣ вымытые, пріодѣтые, и усаживаются въ сторонѣ, молча наблюдая за ихъ работою. Мало-по-малу завязывается скромный разговоръ, но не надолго, бесѣду опять смѣняютъ пѣсни и работа. Зимой эти „сѣдянки“ переносятся въ комнаты и продолжаютъ въ томъ же порядкѣ до самой весны. Такой характеръ „сѣдянки“ носили прежде. Теперь, въ виду преслѣдованія костровъ полиціей, дѣвушки поютъ на улицахъ безъ костровъ, если есть луна, то при лунномъ освѣщеніи. Парни являються на сѣдянки съ какимъ то дикимъ гиканьемъ и въ безобразнѣйшихъ костюмахъ, рассчитанныхъ скорѣе на то, чтобы въ случаѣ вольной выходки удобнѣе скрыть фізіономію, чѣмъ на то, чтобы показать себя въ приличномъ видѣ той, которая этой же осенью можетъ стать подругою его жизни. Мнѣ рассказывали, между прочимъ, что недавно въ одномъ селѣ парни во время „сѣдянки“ вытащили арканомъ изъ комнаты нѣсколько пожилыхъ особъ, сохранившихъ свою старую привычку присутствовать на „сѣдянкахъ“ съ того сравнительно

недавняго времени, когда ихъ присутствіе въ обществѣ молодежи было еще самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, когда онѣ, являясь на такую „сѣдянку“, пользовались даже особымъ вниманіемъ... Очевидно, теперь ихъ присутствіе на „сѣдянкѣ“ было совершенно не кстати.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ, но мы думаемъ, что и приведенныхъ нами вполне достаточно. Они ясно говорятъ о томъ, что наши болгары въ настоящее время постепенно утрачиваютъ типичныя, характерныя черты своей національности. Но пріобрѣтаетъ ли народъ что либо новое взамѣнъ того, что онъ такъ быстро теряетъ, рѣшить очень трудно; впрочемъ рѣшать и преждевременно: нуженъ опытъ исторіи для того, чтобы по вопросамъ, касающимся развитія народа, можно было дѣлать какія бы то ни было заключенія. Къ чему приведетъ народъ его развитіе, выйдетъ ли онъ побѣдителемъ изъ борьбы разнородныхъ элементовъ національности и международного воздѣйствія и, пройдя переходную ступень, вступить на путь общекультурнаго развитія, или же, потерявъ въ борьбѣ свою индивидуальность, потеряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую способность развитія и, войдя органически въ составъ населенія, не внесетъ съ собою ничего ни физически, ни нравственно его оздоравлиющаго,— это покажетъ будущее.

Не менѣе интересный кризисъ переживаетъ и современное крестьянское хозяйство. И въ немъ идетъ такая же точно борьба старыхъ культурныхъ началъ съ новыми условіями развитія, борьба, которой крестьянинъ къ сожалѣнію, платитъ, почти полнымъ разореніемъ своего хозяйства, и только надежда на лучшее будущее, въ которомъ главная роль отводится судьбамъ Провидѣнія и отчасти личной инициативѣ, поддерживаетъ крестьянина въ этой борьбѣ.

Южная приморская полоса Россіи—полоса преимущественно земледѣльческая. Исключительныя почвенныя и климатическія условія мѣстности, дающія возможность культивировать выгоднѣе по своей урожайности сорта зернового хлѣба, непосредственная связь съ виѣшнимъ рынкомъ, особыя качества южно-русскаго хлѣба, обезпечивающія скорый и выгодный сбытъ его за границу: все это дѣлаетъ хлѣбопашество главною отраслью крестьянскаго хозяйства въ сѣверной части Таврической губерніи.

Переселившись въ Бердянскій уѣздъ, болгары разбились здѣсь на такія же приблизительно группы или общества, на какія они дѣлились и въ Бессарабской губ., гдѣ каждый крестьянскій дворъ имѣлъ въ пожизненномъ владѣніи по шестидесяти десятинъ общинной земли.

Крестьянинъ распахивалъ тотъ участокъ земли, какой ему ежегодно указывало общество, а въ интересахъ равномерности распредѣленія земли по качеству и производительности ея почвы между всѣми членами общества, „нивки“ крестьянина оказывались обыкновенно разбросанными по всему полю. Но такое распредѣленіе пахотной земли сохранялось только на одинъ годъ: въ слѣдующемъ году крестьянинъ долженъ былъ ждать новаго распредѣленія, а тѣ „нивки“, которыя обрабатывалъ онъ въ этомъ году, переходили въ руки новаго владѣльца. Такой порядокъ землепользованія при хорошей вначалѣ урожайности почвы исключалъ, конечно, возможность болѣе осмысленнаго отношенія населенія къ своему дѣлу, и при отсутствіи обязательнаго удобренія никто изъ крестьянъ по личной инициативѣ не предпринималъ никакого удобренія, считая это дѣло для себя совершенно излишнимъ, разъ онъ пользуется своей „нивкою“ всего лишь въ теченіе одного года, потому что въ слѣдующемъ году она должна перейти къ другому владѣльцу, который настолько индифферентно относится къ вопросамъ своего хозяйства, что никогда не сталъ бы принимать никакихъ мѣръ къ тому, чтобы сколько нибудь поднять производительность почвы своей десятины. Вся пахатная общинная земля, къ тому же, раздѣлялась у нихъ обыкновенно на два поля — одно распахивалось, другое оставлялось подъ „толоку“. Въ слѣдующемъ году дѣлалось наоборотъ: распахивалось то поле, которое въ предыдущемъ году оставлялось подъ „толоку“, и т. д. Такой обмѣнъ совершался ежегодно. Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ начала, съ которыми болгарскіе колонисты явились въ Таврич. губ. Съ ними они свыклись на родинѣ и не находили нужнымъ измѣнять имъ и на новыхъ мѣстахъ своего хозяйства при совершенно другихъ условіяхъ его существованія. Всѣ поселенцы болгары Бердянского у. считаются крестьянами собственниками, изъ которыхъ каждый въ началѣ поселенія располагалъ пятьюдесятью десятинами собственной земли, за которую, какъ собственникъ, платилъ и платитъ всѣ земскія и государственныя повинности, которую, какъ полную соб-

ственность, можетъ продать кому угодно, впрочемъ, только членамъ своего общества, наконецъ, какъ собственность, можетъ передать ее по наслѣдству своимъ дѣтямъ или кому пожелаетъ, но распоряжаться ею въ хозяйственномъ отношеніи по своему усмотрѣнію онъ не имѣлъ и почти не имѣетъ права: имъ руководить въ этомъ отношеніи приговоръ общества, который не всегда, конечно, сообразуется съ интересами индивидуальнаго хозяйства. Крестьянинъ такимъ образомъ оказывается поставленнымъ въ какое то двусмысленное положеніе: въ одно и то же время онъ и собственникъ и не собственникъ... Очень часто крестьянинъ бываетъ не въ состояніи принять самыхъ примитивныхъ мѣръ для того, чтобы поднять производительность почвы своихъ десятинъ, хотя и сознаетъ всю необходимость этихъ мѣръ, не имѣетъ возможности ихъ принять по тому, что его личная инициатива парализуется приговоромъ общества. И на этой почвѣ въ крестьянской жизни создается масса компромиссовъ.

Недавно, напр., въ одномъ селѣ имѣлъ мѣсто такой случай. Приговорами общества изъ года въ годъ, обыкновенно, постановлялось, что каждый крестьянинъ на десятину своей земли, которая у него остается подъ „толокой“, имѣетъ право выгонять одну штуку крупнаго скота или опредѣленное количество мелкаго. Если же у крестьянина количество десятинъ превышало соотвѣтственное количество штукъ домашняго скота, то общество платило ему извѣстное вознагражденіе за каждую, остававшуюся у него свободную десятину, такъ какъ въ обществѣ всегда были члены, у которыхъ количество скота значительно превышало количество ихъ толочной земли. Недавно такіе члены отказались платить установленный взносъ, хотя и продолжаютъ выгонять въ поле больше опредѣленной нормы домашняго скота. Въ виду этого одинъ изъ крестьянъ заявилъ, что онъ будетъ запахивать тѣ свои десятины, которыя у него остаются свободными, не принося никакого дохода, хотя за нихъ ему ежегодно приходится платить извѣстныя повинности. Сельскій сходъ, которымъ обыкновенно руководятъ лица, имѣющія крѣпкія голосовыя связки и не желающія принимать въ соображеніе никакихъ доводовъ, предоставилъ этому крестьянину дѣлать съ своими десятинами все, что ему угодно, говоря, что никакихъ денегъ какъ ему, такъ и всякому другому, платить не намѣренъ. Опираясь на это, крестьянинъ, не долго думая, запахалъ

свои свободныя „толочныя“ десятины. Но произволъ этотъ не понравился обществу, и когда посѣвы взошли, то сельскій староста, по порученію схода и съ согласія земскаго начальника, далъ приказъ табуящикамъ потравить противозаконный посѣвъ. Другой крестьянинъ былъ привлеченъ обществомъ къ отвѣтственности за то, что, желая къ осени приготовить нѣкоторыя десятины къ весеннему посѣву, вспахалъ ихъ слишкомъ рано, т. е. тогда, когда послѣ уборки хлѣба, на поляхъ еще пасется домашній скотъ.

Такое положеніе индивидуальнаго хозяйства крайне неблагоприятно отражается на общемъ состояніи крестьянскаго хозяйства, особенно при такихъ условіяхъ землепользованія, когда каждый членъ общества сознаетъ себя юридически полнымъ собственникомъ извѣстнаго участка земли.

Въ настоящее время очень многіе крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ того времени, когда имъ можно будетъ „вырѣзать“, какъ они говорятъ, свою землю въ отдѣльный участокъ и вести на немъ самостоятельное хозяйство, а нѣкоторые для того только, чтобы избавиться отъ современныхъ невыгодныхъ условій землепользованія и устроить свое собственное, самостоятельное хозяйство, готовы каждую минуту продать всю свою землю и искать для себя новыхъ мѣстъ жительства, рассчитывая, что тотъ же самый участокъ земли, какимъ они владѣютъ въ настоящее время, поставленный въ зависимость лишь отъ личной инициативы, дастъ имъ вдвойнѣ, сравнительно съ тѣмъ, что онъ дастъ теперь, при безалаберномъ управленіи его общественнымъ приговоромъ. Въ минуты такого настроенія являются, обыкновенно, разныя темныя личности, предлагающія народу купить на очень выгодныхъ условіяхъ прекрасную землю гдѣ-то на Дону или на Кавказѣ. Трудно не поддаваться увѣщаніямъ этихъ спекулянтовъ, но, продавъ свою, прекрасную, хотя крайне запущенную и истощенную землю, легко можно остаться и безъ земли и безъ денегъ. Безусловно и теперь еще не поздно и не такъ трудно исправить нѣкоторые недочеты въ жизни крестьянскаго общества, поддержать прекрасное, но пошатнувшееся крестьянское хозяйство и этимъ спасти населеніе. Въ настоящее время далеко не всѣ болгары крестьяне въ Бердянскомъ у. имѣютъ ровно по пятидесяти десятинамъ земли, какъ это было въ шестидесятыхъ годахъ при началѣ поселенія. Многіе крестьяне

сейчасъ же продали свои участки и ушли обратно въ Бессарабію, но, возвратившись опять въ Бердянской у. къ своимъ родичамъ, уже были не въ состояніи купить проданную раньше землю и остались почти безъ куска хлѣба. Другіе на первыхъ же порахъ принуждены были продавать часть своихъ надѣловъ, такъ какъ не имѣли достаточныхъ средствъ для устройства и веденія на нихъ своего хозяйства. По мѣрѣ возрастанія населенія распредѣленіе земельныхъ участковъ между отдѣльными хозяйствами дѣлалось все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ, и въ настоящее время, послѣ сорока лѣтъ существованія болгарскихъ поселковъ въ Бердянскомъ у., когда населеніе ихъ увеличилось почти вдвое, общее же количество земли осталось тѣмъ же самымъ, когда и число дворовъ въ отдѣльныхъ поселкахъ почти удвоилось, такъ что, напр., вмѣсто 170 дворовъ теперь ихъ насчитывается 283 ¹⁾,—распредѣленіе земельной собственности уже крайне неравномѣрно. Когда-то всѣ 170 хозяйствъ имѣли по пятидесяти десятинъ каждое, теперь же:

4 хоз. имѣютъ по 1 д.	3 хоз. имѣютъ по 22 д.	2 хоз. имѣютъ по 55 д.
2 " " " 2 "	1 " " " 23 "	2 " " " 56 "
2 " " " 3 "	2 " " " 24 "	1 " " " 57 "
2 " " " 4 "	41 " " " 25 "	1 " " " 59 "
15 " " " 5 "	2 " " " 26 "	1 " " " 60 "
3 " " " 6 "	3 " " " 27 "	2 " " " 62 "
2 " " " 7 "	4 " " " 28 "	1 " " " 64 "
3 " " " 8 "	8 " " " 30 "	5 " " " 65 "
2 " " " 8 ¹ / ₂ "	1 " " " 32 "	1 " " " 66 "
15 " " " 10 "	1 " " " 33 "	1 " " " 70 "
1 " " " 11 "	1 " " " 35 "	1 " " " 73 "
14 " " " 12 "	1 " " " 37 "	1 " " " 75 "
1 " " " 13 "	2 " " " 38 "	1 " " " 80 "
5 " " " 14 "	8 " " " 40 "	1 " " " 87 "
12 " " " 15 "	1 " " " 42 "	1 " " " 88 "
14 " " " 16 "	1 " " " 43 "	1 " " " 91 "
9 " " " 17 "	2 " " " 44 "	1 " " " 100 "
1 " " " 18 "	5 " " " 45 "	1 " " " 103 "
1 " " " 19 "	1 " " " 48 "	1 " " " 112 "
9 " " " 20 "	49 " " " 50 "	1 " " " 143 "
3 " " " 21 "	1 " " " 51 "	1 " " " 147 "

И такъ, черезъ 40 лѣтъ существованія крестьянскаго поселка, картина его жизни значительно измѣнилась: только 49 хозяйствъ,

¹⁾ См. записи волостного правленія о селѣ Преславѣ.

т. е. 17,3⁰/о общаго числа ихъ, такъ или иначе, удержали нормальный надѣлъ въ 50 десятинъ, или то количество земельной собственности, какое сорокъ лѣтъ тому навадъ имѣли всѣ 170 хозяйствъ; 25 дворовъ (8,8⁰/о) увеличили его и остальное большинство, 209 хозяйствъ (73,9⁰/о), уменьшили.

Этимъ пока мы и закончимъ свою краткую этнографическую замѣтку о болгарахъ въ Таврич. губ. Болѣе подготовленные лица могли бы найти здѣсь богатый матеріалъ для спеціального изслѣдованія намѣченныхъ нами вопросовъ, касающихся жизни народа и условій развитія его хозяйства, построеннаго на началахъ мелкой земельной собственности, т. е. того хозяйства, какимъ живутъ наши южные поселенцы. Мы же, съ своей стороны, надѣемся еще возвратиться къ вопросу о жизни нашихъ болгаръ и остановиться преимущественно на ихъ языкѣ и поэзіи.

Н. Державинъ.

Вѣрованія крестьянъ Орловской губ. ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ грамота все болѣе и болѣе стала проникать въ среду крестьянства; съ тѣхъ поръ, какъ школы, благодаря земству, стали все болѣе и болѣе встрѣчаться въ нашихъ селахъ и деревняхъ, а также контингентъ сельскихъ учителей сталъ съ болѣе умственнымъ кругозоромъ,—съ тѣхъ поръ и прежнія языческія вѣрованія все болѣе и болѣе исчезаютъ изъ памяти нашего деревенскаго люда, такъ что молодое поколѣніе старается уже дать объясненіе необъяснимымъ для ихъ дѣдовъ и отцовъ вещамъ. Явленія видимаго міра крестьянскою молодежью разсматриваются уже не такъ, какъ разсматривались стариками, которые принимали ихъ безъ всякаго разсужденія. Критическій взглядъ на вещи появляется среди крестьянъ, что, по моему мнѣнію, свидѣтельствуешь объ умственномъ ростѣ нашего темнаго, какъ привыкли его называть, крестьянскаго люда. Недостаточно вѣровать, не зная, дѣйствительно ли то, во что мы вѣруемъ. Развѣ только невидимое смущаетъ сердце крестьянина, да одного ли его пугаетъ то, чего мы не видимъ?—Отсюда понятно, что вѣрованія въ духовъ и въ другія болѣе или менѣе таинственныя явленія еще играютъ роль въ умозрѣніи крестьянъ. Но надо сознаться, что тѣ языческія вѣрованія, которыя уцѣлѣли среди крестьянъ не имѣютъ точнаго объясненія; равнымъ образомъ силошь и рядомъ также извѣстный обрядъ исполняется, но почему, съ какою цѣлью, что онъ означаетъ—крестьянинъ отвѣта не даетъ, и исполняетъ все безсознательно.

Но всякому безсознательному вѣрованію приходитъ конецъ, оно ветшаетъ и со временемъ уничтожается. Только то прочно и

¹⁾ По даннымъ, собраннымъ въ с. Богодуховѣ и сосѣднихъ селеніяхъ Орловск. уѣзда.

живуче, что принимается съ убѣжденіемъ, сознательно, а не такъ-себѣ, на словахъ, на вѣру, какъ говорится.

Передавая собранныя нами свѣдѣнія по вѣрованіямъ мѣстныхъ крестьянъ, мы заранѣе предупреждаемъ читателя, что въ нашей передачѣ не будетъ стройной системы, какъ по самому характеру матеріала, такъ и потому, что эти вѣрованія въ настоящее время представляютъ уже только жалкіе обломки прежняго. Въ общемъ я имѣю въ виду, послѣ сообщенія краткихъ космогоническихъ взглядовъ, остановиться подробнѣе на духахъ, а затѣмъ перейду къ колдунамъ и вѣдъмамъ и заключу статью нѣкоторыми отдѣльными суевѣріями.

Крестьянскія вѣрованія и предрасудки я каждый разъ иллюстрирую соотвѣтственными рассказами, легендами, сказками, а подчасъ и личными впечатлѣніями.

І. Космогоническія представленія.—Духи.

До сотворенія міра Богъ плавалъ на бѣломъ камнѣ. Разъ Онъ кашлянулъ, харкнулъ и появился отъ Его харковины Гоголь-Сатана. Богъ и говоритъ Гоголю: „нырни въ море и достань песку, только когда нырнешь, то непременно скажи: Господи Іисусе Христе!“ Гоголь нырнулъ, но не сказалъ „Господи Іисусе Христе!“ а потому и не досталъ песку. Тогда онъ нырнулъ въ другой разъ и только подумалъ про себя: „Господи Іисусе Христе!“ а потому и вытащилъ подъ ногтями немного песочку. Богъ посѣялъ этотъ песокъ, и появилась жидкая земля, ровная. Тогда Богъ и говоритъ Гоголю: „ты иди на западъ, а я пойду на востокъ, и давай жать землю“.—Пошли, стали жать, и появилась твердая земля, образовались горы, верхи и овраги. Чѣртъ и спрашиваетъ у Бога: „зачѣмъ это горы?“ Богъ и говоритъ: „съ горы будетъ ѣхать человѣкъ, то скажетъ: поможи, Господи, съѣхать! а взглянетъ назадъ, то и проговоритъ: эка чѣртова Гора! Помянетъ, стало-быть меня и тебя“.

По другимъ рассказамъ, Богъ плавалъ на бѣломъ камнѣ, а тамъ взялъ да и плюнулъ,—появился оттого Гоголь, который нырнулъ въ море и не досталъ дна; нырнулъ Гоголь въ другой разъ, захватилъ было песочку, да вымыло песокъ изъ рукъ; нырнулъ, по повелѣнію Божію, въ третій разъ и принесъ во рту

пять песчинокъ. Богу отдалъ четыре, изъ которыхъ Богъ сотворилъ землю, а пятую песчинку Гоголь оставилъ у себя. Оттого въ міръ больше зла, что песчинки для сотворенія земли принесъ Гоголь-Сатана.

Огонь сотворилъ Богъ и схоронилъ его въ камень. Богъ благословилъ Михаила Архангела и велѣлъ ему изъ камня высѣкать съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца, и Сына, и Св. Духа!“ Архангелъ сталъ высѣкать, и появились ангелы. Подвернулся Гоголь и говоритъ Михаилу: „ты усталъ, отдохни, дай я посѣку за тебя“. Михаилъ согласился. Сталъ Гоголь высѣкать, и появилось чертей видимо-невидимо, глазомъ не окинешь.

Изгнанные Михаиломъ Архангеломъ изъ рая, злые духи стали врагами людей и съ самаго начала старались вредить имъ. Такъ, когда Ной спасался въ ковчегѣ, дьяволъ обернулся мышью и сталъ прогрызать дыру, чтобы потопить Ноя съ семействомъ. Но ужъ замѣтилъ прогрызенную дыру и заткнулъ ее своей головою, за что Богъ наградилъ его коронкой съ крестомъ, что ясно замѣтно у ужа на головѣ и теперь.

Про кончину міра говорятъ: появятся дороги каменные, а тамъ желѣзныя, затѣмъ люди станутъ летать по воздуху, земля перестанетъ родить и въ концѣ концовъ окаменѣетъ,—вотъ тогда-то и конецъ міру.

Кстати о желѣзныхъ дорогахъ: когда открылось движеніе по Моск.-Курской ж. д., то крестьяне, живущіе близъ станціи Становой Колодезь, вынесли иконы съ цѣлью остановить поѣздъ, движущійся, по ихъ тогдашнему убѣжденію, дѣйствіемъ черта; когда же поѣздъ остановился на станціи, то всѣ были увѣрены, что это чертъ убоялся ихъ. Теперь, конечно, всѣ думаютъ иначе.

Кромѣ изложеннаго выше о началѣ міра, иного не приходилось слышать, не смотря на все мое стараніе узнать объ этомъ побольше, и на задаваемые на эту тему вопросы крестьяне отвѣчали мнѣ въ большинствѣ случаевъ согласно библейской исторіи.

Перехожу къ понятію о духахъ. Духи нечистые, иначе черти, повсюду строятъ козни людямъ, и для этого часто принимаютъ видъ различныхъ животныхъ и предметовъ, даже людей.

Между крестьянами ходитъ мнѣніе, что во время метели черти

играють съ вѣдьмами и сбиваютъ людей съ дороги; а также опасно ѣхать до пѣнія пѣтуховъ: пропоеть пѣтухъ—собирайся въ дорогу, тогда чертъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ. До пѣнія пѣтуховъ гуляютъ также мертвецы, поэтому въ полночь опасно идти мимо кладбища. Иногда путнику встрѣчаются мыши, въ большомъ количествѣ переходящія дорогу, слышится будто бы въ это время свистъ и хлопанье кнутомъ: это, думаютъ, гонитъ мышей чертъ, и, если кто раздавитъ мышь, то непременно заблудится.

Иногда зимою попадаютъ старички и просятъ подвезти ихъ; но таковыхъ не слѣдуетъ брать съ собою, а то они приведутъ тебя въ оврагъ или въ болото. Блудятъ не только зимою, но и лѣтомъ, когда тоже чертъ водить тебя.

Во время блужданія многіе читаютъ 90-й псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго“ и т. д., и увѣряютъ, что прочтешь съ вѣрою этотъ псаломъ, и непременно найдешь дорогу; кто же не знаетъ его, то дѣлаетъ такъ: переворачиваетъ съ груди крестъ на спину, стряхиваетъ одежду, полы засучиваетъ назадъ, дугу перепрягаетъ назадъ кольцомъ; сдѣлавъ это, находитъ будто-бы дорогу.

Кто идетъ къ заутренѣ, на Пасху, и погружается въ плотскія грѣховныя мысли, то непременно такого чертъ заведетъ или въ рѣку, или въ болото; является въ это время чертъ въ видѣ красивой женщины и увлекаетъ человѣка. Одинъ экономическій староста рассказывалъ мнѣ, что ѣхалъ онъ верхомъ по полю во время цвѣтенія ржи, вдругъ изъ оврага выскакиваетъ что-то бѣлое, гонится за нимъ и хохочетъ; дѣйствительно, староста этотъ пріѣхалъ въ экономію, какъ мнѣ передавали, блѣдный и нѣскольکو дней послѣ этого былъ боленъ.

Народъ говоритъ, что чертей видимо-невидимо; не думаешь, не гадаешь, а онъ съ рожками тутъ-какъ-тутъ, и всегда чертъ что-нибудь напоскудить, онъ и святого въ грѣхъ вводитъ. Повсюду чертъ.

— Жилъ на селѣ крестьянинъ Пахомъ; былъ онъ трезвый и честный мужикъ, Бога помнилъ и всегда Ему молился, людямъ плохого слова никогда не скажетъ. Только Пахомъ съ самаго вѣщанія въ церкви не былъ. Думали-гадали сосѣди, отчего это онъ въ храмъ Божій не ходитъ, и додумались до того, что считать стали нашего Пахома колдуномъ. Однажды Пахомовъ сынъ и говоритъ ему: „ты бы, батюшка, хоть разъ въ церковь

сходилъ; а то мнѣ глаза повыкололи, нельзя на улицу показаться; всѣ отъ мала до велика кричатъ: колдунъ твой отецъ, да и полно!“ Что дѣлать! Собрался Пахомъ въ первый воскресный день идти въ церковь, помолиться Богу, да и пошелъ не дорогой, а прямо по водѣ, и идетъ себѣ какъ по суху. Приходитъ, становится, гдѣ людей поменьше, и усердно молится Богу. Глядь, откуда ни взялся маленькій чертикъ, тащитъ онъ воловью кожу, крихтитъ. Пахомъ увидѣлъ это и усмѣхнулся... Отошла обѣдня, подошли ко кресту, Пахомъ тоже, а тамъ всѣ и по домамъ, кто пѣшкомъ, кто на лошади. Пахомъ же нашъ опять по водѣ, но что-же—идетъ ужъ по колѣно; согрѣшилъ значить, усмѣхнулся въ храмѣ. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ, чтобы Пахомъ былъ въ церкви.

—Одинъ сапожникъ шилъ подѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе до заутрени сапоги. Смотритъ: подѣ окномъ стоитъ чертъ, визжитъ, смѣется да говоритъ наконецъ: „отрѣжь-ка мнѣ, дядя, носъ“. Сапожникъ былъ малый смѣлый: хватъ черта ножомъ по носу, тотъ взвизгнулъ и пропалъ. Но что же? хотѣлъ было сапожникъ дошивать сапогъ, глядь, а въ немъ носка нѣтъ, отрѣзанъ. Плюнулъ сапожникъ, выругалъ черта и пересталъ съ тѣхъ поръ сапоги точать подѣ большіе праздники.

Есть у насъ въ полѣ, не далеко отъ большой дороги такъ называемый „Веселый верхъ“; дурная ходитъ про него слава; не дай Богъ, сбиться ночью съ дороги, а не то прямо ввалишься въ этотъ верхъ, и если не разобьешься совсѣмъ, то все-таки помнѣешь бока и у себя и у лошади. Заблудившіеся путники ѣдутъ будто на огонекъ, который тогда свѣтится въ этомъ верху, ѣдутъ и вдругъ сваливаются въ порядочную кручу, откуда ужъ не вылезутъ до разсвѣта. Если же кто блудитъ и узнаетъ „Веселый верхъ“, то, сотворивши молитву, какую кто знаетъ, а особенно „Да воскреснетъ Богъ“, проѣзжаетъ этотъ верхъ безъ особыхъ приключеній, и удивительно, какъ только начинаешь читать молитву, огонекъ тотчасъ исчезаетъ. Говорятъ, что это смотритъ кривой чертъ однимъ глазомъ и увлекаетъ путниковъ. Подлѣ „Веселаго верха“ находится котловина, называемая „Городищемъ“. Площадь котловины приблизительно около восьми десятинъ. Давнымъ давно и Городище, и Веселый верхъ представляли изъ себя огромный дремучій лѣсъ, гдѣ гнѣздились одни разбойники; въ самомъ верху

протекаетъ ручей и тутъ же былъ гремучій колодезь; теперь же ни ручья, ни колодезя нѣтъ, одни камни. Привольно и безопасно жили разбойники; веселились и пировали они круглый годъ и верхъ свой прозвали „Веселымъ“, а полянку возлѣ верха огородили частоколомъ, окопали, возвели земляную насыпь и прозвали свою любимую полянку „Городищемъ“. Слѣды окоповъ и земляной насыпи остались и до сего времени. Дремучій же лѣсъ канулъ въ вѣчность, а полянка, гдѣ совершилось много преступленій, гдѣ пролито было много человѣческой крови, провалилась, и на мѣстѣ ея появилось бездонное озеро. Преданіе говоритъ, что и награбленное добро, и сами разбойники провалились, а атаманъ ихъ Кудіаръ и до сихъ поръ живъ, не принимаетъ его земля, и сильно, и жестоко Кудіаръ мучается и будетъ мучаться до тѣхъ поръ, пока не сыщется смѣльчакъ, который не побоится и въ Свѣтлое Христово Воскресеніе придетъ на Городище и возьметъ награбленное золото, такъ-какъ въ то время Городище растворяется на двѣ половины, и показывается золото, которое можетъ достаться въ удѣлъ смѣльчаку. Въ народной памяти еще живо преданіе, которое и мы передадимъ, какъ слышали отъ стариковъ.

— Много лѣтъ тому назадъ на Святую Русь напали враги, положили много народу, награбили множество всякаго добра; полоненные отведены были въ тяжкую неволю, отъ которой могла освободить ихъ развѣ одна смерть. Но одинъ плѣнникъ какъ-то ушелъ отъ злыхъ враговъ и пробирался на родину. Шелъ онъ какъ-то дремучимъ лѣсомъ и вдругъ замѣтилъ избушку; подходитъ къ ней и видитъ, что на порогѣ сидитъ сѣдой старикъ, который при видѣ подобнаго существа какъ-то весело встрепенулся и ласковымъ русскимъ голосомъ проситъ незнакомца подойти къ нему безъ всякой боязни: тотъ подходитъ къ нему, здороваается; старикъ дружески вводитъ его въ свою избу и угощаетъ усталаго бѣглеца, чѣмъ Богъ послалъ. Утоливъ голодь и поблагодаривъ радушнаго старика за угощеніе, бѣглецъ легъ отдохнуть; не успѣлъ онъ еще какъ слѣдуетъ задремать, вдругъ слышитъ шумъ, крики, а тамъ летятъ двѣнадцать змѣевъ и прямо къ старику, котораго начинаютъ бить крыльями и наконецъ стали высасывать у него кровь; старикъ сначала кричалъ, затѣмъ стоналъ, а тамъ совершенно помертвѣлъ и сдѣлался синимъ, послѣ чего змѣи улетѣли. Въ злой неволѣ бѣглецъ не видалъ подобныхъ ужасовъ и даже потужилъ,

что бѣжалъ отъ враговъ и промѣнялъ рабство на свободу; еще не большіе ли ужасы ожидаютъ меня, думалъ онъ, доберусь ли я до своей родины. Посмотрѣлъ онъ на старика и видитъ, что тотъ понемногу краснѣетъ, синева исчезаетъ; вдругъ старикъ зашевелился и ожилъ, но въ изнеможеніи не можетъ подняться, а ласково смотритъ на бѣглеца и наконецъ тихо говоритъ: вдругъ, не бойся, съ тобой ничего худого не будетъ, дай мнѣ водицы и хлѣбца“. Путникъ, еще находящійся подъ вліяніемъ только что пережитыхъ имъ такъ мгновенно и внезапно ощущеній, нерѣшительно, робко встаетъ и подноситъ старику питье и пищу; тотъ немного выпилъ водицы, закусилъ и ласково-тепло поблагодарилъ, затѣмъ съ трудомъ приподнялся и сѣлъ на близъ стоящую скамью.

— „Любезный другъ, сказалъ, наконецъ, старикъ, ты вѣроятно, испугался страшныхъ змѣевъ, которые сейчасъ мучили меня, и потужилъ, что забрелъ ко мнѣ несчастному; да, несчастье мое велико и врядъ ли скоро прекратятся мои столь тяжкія мученія, которыя на первыхъ порахъ даютъ мнѣ увидѣть желанную смерть, но однако я опять оживаю за тѣмъ, чтобы снова мучиться; но прошу тебя, другъ, не бойся и выслушай горькую правду“. Замокъ немного старецъ, слезы показались у него на глазахъ, лицо приняло грустный видъ, и онъ уныло продолжалъ:

„На святой Руси, на границѣ Мценскаго уѣзда съ Орловскимъ, есть мѣстечко подъ названіемъ „Городище“, а возлѣ его находится, такъ называемый, „Веселый верхъ“. Много лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь дремучій дубовый лѣсъ, въ которомъ водилось много разбойниковъ, а атаманомъ ихъ былъ я. Разбойничій нашъ станъ былъ окруженъ тыномъ и глубокимъ рвомъ, и прозвали мы мѣсто это „Городищемъ“; въ Веселомъ же верху была моя хатка, сколоченная изъ крѣпкаго дубоваго лѣса; часто здѣсь сходились мои податаманья и есаулы и хвастались мы своими злодѣяніями, и веселились, какъ могли веселиться тогда удалые разбойнички, потому и верхъ свой назвали „Веселымъ“. Много у насъ было всякаго награбленнаго добра, которое хранилось нами въ потаенныхъ мѣстахъ Городища и Веселаго верха; убивали мы проѣзжихъ и прохожихъ, рѣзали ихъ острымъ ножомъ и много, много пролили мы христіанской и иновѣрной крови; шутя мы рѣзали, шутя и жили; въ разбоѣ, пьянствѣ и развратѣ мы забыли Бога. Терпѣлъ Милосердный, но и терпѣнію Его пришелъ конецъ. Однажды,

упившись человѣческою кровью, мы весело пировали; послѣ чего я пошелъ въ Веселый верхъ, въ свою хату, а разбойнички мои остались въ Городищѣ; едва я дошелъ до хаты, какъ увидѣлъ грозную тучу, нависшую надъ Городищемъ; вскорѣ послышался громъ, засверкала молнія, открылось небо, и вдругъ съ великимъ шумомъ охнуло, застонало наше Городище и провалилось, провалились и мои сотоварищи, и провалилось наше награбленное добро; на мѣстѣ провала образовалось бездонное озеро, меня же подхватилъ страшный вихрь и примчалъ въ это мѣсто, гдѣ я теперь живу и такъ зло мучаюсь. Проклялъ меня Богъ, земля меня не принимаетъ, сама смерть боится и коса ея не дотронется до меня, пока не придетъ конецъ этому проклятію. Конецъ же этотъ наступитъ, когда кто осмѣлится взять награбленное нами золото, провалившееся въ Городищѣ; а взять этотъ кладъ можно на Свѣтлое Христово Воскресеніе, между утреней и обѣдней, когда въ это время на Городищѣ, теперь затутою трясинной, является горящая свѣча; растворяется тогда Городище на двѣ половины и открывается кладъ, который достанется смѣльчаку, если онъ не побоятся разныхъ страховъ и ужасовъ, преграждающихъ ему дорогу къ кладу. Въ самомъ же Веселомъ верху возлѣ колодца зарыто мое собственное золото, которое можно также взять на Свѣтлое Христово Воскресеніе между утреней и обѣдней, когда на этомъ мѣстѣ появляется огненный пѣтушокъ и крикомъ своимъ дастъ знать о кладѣ. И вотъ, когда кто возьметъ эти клады, тогда земля приметъ меня, и я умру спокойно, до тѣхъ же поръ будутъ меня мучить змѣи, которые ежемѣсячно прилетаютъ сюда числомъ 12 и высасываютъ изъ меня кровь... Послѣдствія этихъ мученій тебѣ извѣстны, милый другъ, а когда онѣ кончатся, я рассказалъ; но прошу и умоляю тебя: рассказывай всемъ про скрытое золото и про способъ пріобрѣсти его; авось найдется смѣльчакъ, который обогатится кладомъ, а меня избавитъ отъ столь ужасныхъ мученій". Замолкъ старикъ и въ изнеможеніи свалился со скамьи; скоро онъ забылся крѣпкимъ сномъ.

По пробужденіи его, путникъ-бѣглецъ поблагодарилъ старика за радушный пріемъ и попросилъ указать дорогу изъ лѣса; тотъ исполнилъ его просьбу, проводилъ и на прощаньи опять умолялъ помнить его, славнаго пѣкогда Кудіра, рассказывать всемъ про клады и способы пріобрѣсти ихъ. Бѣглецъ, пришедши на родину,

конечно, все это рассказалъ; узнали его рассказъ наши прадѣды, которые передали нашимъ дѣдамъ, а отъ дѣдовъ узнали и мы“. Дѣйствительно, Городище и Веселый верхъ—мѣсто страшное, даже днемъ никто одинъ не проходитъ мимо него.

Въ настоящее время на мѣстѣ Городища находится трясина, слѣды вала видны и теперь, а что раньше вмѣсто трясины было бездонное озеро, вѣрить этому можно, такъ какъ есть еще старики, которые помнятъ, что на мѣстѣ трясины была вода и что въ верстахъ трехъ отъ Городища было много бездонныхъ озеръ, такъ что и деревня, появившаяся подлѣ этихъ озеръ, теперь затянутыхъ, прозывается „Озерками“ (деревня эта находится въ Орловскомъ уѣздѣ). Какъ Городище съ Веселымъ верхомъ, такъ и деревня Озерки мнѣ хорошо извѣстны; дѣйствительно, много здѣсь топей и трясинъ, которыя все болѣе и болѣе затягиваются, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что въ былое время и были здѣсь бездонныя озера, изъ которыхъ одно по своему таинственному мѣстоположенію и послужило къ приведенной мною легендѣ о провалившемся становищѣ разбойниковъ, о кладѣ на этомъ мѣстѣ и о мученіяхъ атамана Кудіяра, который живъ будто бы и до сихъ поръ. Про дѣйствительность существованія кладовъ на мѣстѣ Городища и Веселаго верха крестьяне увѣряютъ и подтверждаютъ свои увѣренія разными рассказами, изъ которыхъ многіе перешли въ область преданій, но все-таки еще живо сохраняются въ народной памяти; въ правдоподобности этихъ рассказовъ крестьяне не сомнѣваются. Приведемъ изъ нихъ болѣе распространенные среди населенія данной мѣстности.

—Одинъ молодой парень стерегъ коровъ не далеко отъ Веселаго верха; въ самый полдень онъ собралъ коровъ на стойло и видитъ, занялась отъ верха большая собака, шерсть у ней блеститъ, словно золото, и такая она смирная, ласковая, только хвостомъ не виляетъ. Парень слышалъ отъ стариковъ, что ударивъ такую собаку палкою, и она превратится въ настоящее золото. Но только хочетъ малый подойти поближе, она прочь; онъ съ палкою за ней, а она вбѣжитъ въ средину стада; выгонитъ ее парень, хочетъ снова ударить, глядь и побѣжала она, да прямокомъ въ Городище, гдѣ разомъ и пропала. Парень этотъ живъ и теперь. Онъ же мнѣ рассказывалъ, что дядя его однажды караулил лошадей въ ночномъ; смотритъ—идетъ свинья отъ Весела-

го верха и прямо къ нему и давай его рыломъ толкать, повалила дядю и ну по землѣ катать; катала, катала, захрюкала жалобно, да и прочь, на Городище. Съ испугу дядя не могъ ударить свинью, а ударъ ее онъ, то и разсыпалась бы она золотомъ. Часто на Городищѣ видятъ человѣка въ бѣлой одеждѣ и въ шляпѣ, который заманиваетъ въ верхъ; крикъ-же пѣтуха слышали многіе, а также многіе видѣли горящую свѣчу и именно на Пасху, между утреней и обѣдней. — Пошелъ мужичекъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе къ Городищу попытать счастья; подходитъ,—видитъ, ярко горитъ свѣчка; перекрестился смѣльчакъ, да прямо къ свѣчкѣ, и что-же? Растворились клады, виднѣется золото; мужикъ набралъ въ полу, начинилъ карманы, хотѣлъ было бѣжать, анъ его за руку старикъ держитъ и говорить: „бери, другъ, бери больше, тутъ много“! Оробѣлъ мужичекъ, вырвался, да бѣжать: золото изъ полы вывалилось, въ карманахъ же звенить; обернулся назадъ,—глядь, гора за нимъ гонится, хочетъ навалиться, задавить его. Однако, прибѣжалъ мужикъ въ деревню и принесъ полные карманы золота, но только не долго онъ прожилъ, вскорѣ умеръ; семья же его и до сихъ поръ живетъ богато. Народъ молвитъ, что и золотые водятся у дѣтей Пахома, такъ звали нашего мужичка-смѣльчака.

— Пахалъ Иванъ возлѣ Городища; пахалъ до самаго обѣда; присѣлъ отдохнуть, глядь, сзади свинья, а щетина у ней золотомъ переливается. Ударилъ ее мужикъ наотмашь рукой, и посыпалось золото; набралъ его мужикъ, сколько было подъ силу донести, да и давай Богъ ноги. Съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ Иванъ, и внучатки его по сю пору живутъ въ достаткѣ; деньги въ долгъ даютъ и сливуть на селѣ міроѣдами.

— Идетъ тетка Прасковья изъ Озерокъ въ Богодухово, навѣститъ свою дочку, которая была тамъ замужемъ; прошла она мимо Веселаго верху, обернулась и видитъ сзади красивая дѣвушка, вся въ золотѣ; тетка Прасковья оробѣла, прибавляетъ шагу, а дѣвушка все за ней, да за ней, не отстаетъ. Подкашиваются у Прасковьи отъ испуга ноги, но вдругъ дѣвушка, слышно, остановилась. Тетка Прасковья прошла еще немного, остановилась и посмотрѣла назадъ—и что-же? Дѣвушка стоитъ грустная и не зло, а какъ-то ласково грозитъ, а тамъ и побѣжала прямо къ Веселому верху и пропала въ Городищѣ. Прасковья наша и теперь здрав-

ствуеть и всѣмъ рассказываетъ про чудную золотую красавицу Веселаго верха.

— Жилъ на селѣ лядашій мужикъ, звали его Васильемъ; семья у Василя была большая, дѣтей куча и всѣ одинъ одного меньше. Баба Васильева съ новины до новины ходила по міру; подросли ребятишки и тѣ стали побираться, а Василій лежитъ себѣ на печкѣ и дѣла ему нѣтъ; земелька вся у сосѣдей; про скотину и птицу говорить нечего. Однимъ словомъ, Василій и семья его жили въ крайней нищетѣ, во всемъ околоткѣ не было бѣднѣе его. Зналъ Василій, что на Городищѣ кладъ есть, зналъ, что найти его можно на Свѣтлое Христово Воскресеніе, между утреней и обѣдней, что тогда здѣсь горитъ свѣча; только смѣлость была-бы, а то и кладъ будетъ. Надоѣло-ли Василью кирпичи на печкѣ протирать или невтерпѣжъ ему были слезы его хозяйки и ребятишекъ, но только вздумалъ онъ пойти на Городище попытать счастья, благо идти не далеко, всего версты три будетъ. Сказано, сдѣлано; отправился Василій на Пасху до заутрени кладъ искать; подошелъ къ Городищу,—видитъ свѣча горитъ, онъ къ ней—и что-же? Возлѣ свѣчи старикъ сидитъ и говоритъ: „бери, Васильюшка, бери, да и другимъ вели приходить, здѣсь для всѣхъ хватитъ“. Оробѣлъ было Василій, но увидалъ золото и давай его въ мѣшокъ класть,—наполнилъ мѣшокъ, да и на утекъ собрался; анъ, не тутъ то было, старикъ ухватилъ его за руку,—не пускаетъ, да и говоритъ: „дай мнѣ клятву, что каждый годъ будешь ѣздить сюда, въ это время, и непременно на лошади, чтобы больше золота увезти, а не то бѣда будетъ“. Недолго думавши, Василій страшно поклялся, а тамъ старикъ исчезъ, свѣча погасла и что-то сильно охнуло... Сѣдымъ пришелъ Василій съ Городища, однако, принесъ мѣшокъ золота, которое и закопалъ въ своемъ погребѣ. Испугался Василій своей клятвы и скоро удавился. Сосѣди и семья Васильева знали, что онъ ходилъ за кладомъ, и догадывались, что принесъ онъ и золота, но никто не зналъ, гдѣ онъ его схоронилъ; самъ же Василій объ этомъ никому не сказалъ. Прошло нѣсколько времени, дѣтки его подросли и одинъ изъ нихъ, самый младшій, полѣзъ зачѣмъ-то въ погребъ; ступенька въ лѣстницѣ обломилась, онъ и попалъ ногой подъ лѣстницу; нога вязнетъ, онъ тащитъ, наслу вытащилъ,—смотритъ, образовалась яма, блеститъ золото... Такъ и нашли кладъ, спрятанный Васильемъ; но вотъ бѣда: младшій

сынъ его, что упалъ съ лѣстницы и нашелъ кладъ, недѣли черезъ двѣ тоже удавился, и хотя братья его и до нынѣ живутъ богато, а все-таки народъ баетъ, что проку изъ ихъ богатства не будетъ; счастье въ несчастье обратится.

— Одинъ мужикъ пришелъ на Городище и давай рыть, кладъ искать; рылъ, рылъ, инда потъ прошибъ; присѣлъ отдохнуть, — глядь, а Городище на двѣ половины растворилось, и выходитъ старичекъ, да и говоритъ мужичку: „зачѣмъ ты роешь, бѣду на себя накликаешь; я вотъ тоже копалъ, копалъ, да сюда и попалъ; бѣги лучше скорѣй, а то товарищемъ мнѣ будешь“. Испугался мужикъ, да и давай Богъ ноги, во свояси, даже и заступъ забылъ, а идти за нимъ послѣ побоялся. Пересталъ съ тѣхъ поръ мужичекъ думать о кладѣ и теперь всѣмъ рассказываетъ о старикѣ, къ которому чуть-чуть не попалъ въ товарищи.

Есть рассказы, что были случаи: пойдеть кто на Городище кладъ искать, да и не воротится назадъ, но эти случаи относились къ дѣламъ давно минувшихъ дней, когда Городище представляло озеро, и не удивительно, — попадетъ кладоискатель, невзначай, на такое топкое мѣсто, что и поминай какъ звали.

Добавимъ, кстати, кое-что о кладахъ вообще.

Народъ говоритъ, что теперь клады перевелись, поразобраны; встарину же кладовъ много было; идешь, бывало, по полю, словно изъ пушки ударить, — знай, что кладъ, да не всякому онъ въ руки давался. Кладъ дается тому, кому предназначенъ.

— Одному страннику приснилось во снѣ, что такому-то въ такой-то деревнѣ и въ такомъ-то мѣстѣ предназначенъ кладъ. Пришелъ странникъ въ эту деревню, отыскалъ счастливца и указалъ, гдѣ найти кладъ. Пошли, порылись въ землѣ и на самомъ дѣлѣ нашли кладъ. Даютъ и страннику извѣстную долю, но тотъ напрямикъ отказался, какъ ни упрашивали его. „Кому дано, тотъ и пользуйся“, отвѣтилъ странникъ, — „а мнѣ не надо!“ Однако, при прощаньи бабы дали ему пирогъ, въ который запекли нѣсколько золота. Пошелъ старичокъ, подходитъ къ рѣкѣ и проситъ перевозчиковъ перевезти его на другую сторону; тѣ перевезли его, и онъ отдалъ имъ за перевозъ тотъ пирожокъ, въ которомъ запечены были деньги. Перевозчики было не брали, но странникъ настоялъ. Нечего дѣлать, взяли они пирогъ и не подозрѣвали, что въ немъ золото; положили пирогъ въ шалашъ, а тамъ и позабыли

про него. Долго ли, коротко ли, а прошло таки довольно времени,— странникъ возвращается обратно и просить тѣхъ же перевозчиковъ снова перевезти его; тѣ перевозятъ и тутъ-то вспомнили про пирогъ и вспомнили, что они его не съѣли, а потому поискали въ шалашѣ и нашли пирожокъ; но что за чудо? пирогъ, словно вчера былъ испеченъ. Отдаютъ они его старичку, тотъ поблагодарилъ и идетъ въ ту деревню, гдѣ былъ раньше; заходитъ къ мужичку, что разбогатѣлъ отъ клада; здороваается; всѣ ему рады, угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ, а онъ и подаетъ ребятишкамъ гостинчика, тотъ пирогъ, который дали ему перевозчики; ребятишки взяли, разломили—и вдругъ посыпалось золото. Догадались бабы, что это за пирогъ, обо всемъ рассказали; удивился тогда и самъ странникъ и сказалъ: „ну, дѣтушки, кому предопредѣлено владѣть кладомъ, тотъ имъ и будетъ владѣть“.

Клады зарывались на извѣстный срокъ; иной разъ зарывали кладъ на сто годовъ, а то и на сто головъ.

— Рубить малый въ лѣсу дрова и видить: идетъ старичекъ, что-то несетъ. Малый спрятался за дерево и думаетъ: „дай погляжу, что это старикъ хочетъ дѣлать“. Притулился, смотритъ, а старикъ подходитъ къ большому дубу и начинаетъ что-то зарывать; зарываетъ и приговариваетъ: „на сто головъ!“ Малый былъ угаръ, догадался, что дѣлаетъ старикъ, и самъ началъ приговаривать; старикъ: „на сто головъ“, а малый: „лапотныхъ“. Зарылъ старичокъ кладъ и ушелъ. Малый же принесъ сто лапотныхъ головъ, бросилъ къ дубу и отрылъ кладъ.

Когда кладъ отворяется, то бери деньги два раза, а въ третій за ними не суйся, не то—бѣда будетъ. Попнешься за деньгами въ третій разъ, то тебя кто-нибудь остановитъ и скажетъ: „сколько я сидѣлъ, теперь ты посиди!“ Онъ выйдетъ, а ты останешься.

О кладахъ только. Теперь о другихъ продѣлкахъ чертей.

Существуютъ разказы, что въ ночномъ, т.-е. во время пастыбы лошадей ночью, если одинъ кто пасетъ и стережетъ своихъ лошадей, то пугаетъ его чертъ или въ образѣ собаки, зайца или же человека, но въ дѣйствительность чѣрта сами разказчики не вѣрятъ и относятся къ своему видѣнію какъ-то скептически, объясняя это очень просто, что это, молъ, ничто иное, какъ игра воображенія.

Крестьянинъ села Богодухова Трофимъ Рѣщиковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ стерегъ лошадей въ ночномъ; вдругъ видать ѣдетъ баринъ, верхомъ на лошади, на баринѣ бѣлая съ широкими полями шляпа, и прямо къ нему, соскакиваетъ съ верха, наваливается на него и начинаетъ душить,—душилъ, пока мужичка потъ не прошибъ; наконецъ, онъ, еле живой, приподнялся, перекрестился, и видѣніе исчезло. Другой крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что стерегъ онъ также лошадей, въ ночномъ, и что его лошади ни съ того, ни съ сего фыркнули и бросились бѣжать, а къ нему подбѣгаютъ два пса съ огненными глазами, языки высухнуты и красные; онъ все-таки перекрестился, и собаки тотчасъ же исчезли, а лошадей онъ нашелъ только въ пяти верстахъ.

А вотъ еще разсказъ про зайца: это былъ не заяцъ, а чертъ.

— Ёдетъ крестьянинъ Архипъ на своей лошади, верхомъ, въ ночное, съ нимъ ѣдутъ также на своихъ лошадяхъ человѣкъ пять молодыхъ парней; глядь, а заяцъ бѣжитъ черезъ дорогу. Приѣхали они на свое поле, пустили лошадокъ, а на самихъ напалъ крѣпкій сонъ; проснулись, а лошадокъ нѣтъ какъ нѣтъ: ихъ загнали на барскій дворъ, знатъ попались онѣ въ господскомъ хлѣбѣ. На утро управляющій приказалъ молодцовъ выпоротъ,—дѣло было въ крѣпостное право; а во всемъ виноватъ былъ заяцъ.

Былъ и другой подобный случай.

— Нѣсколько мужичковъ везли до города барскую пшеницу. Дѣло было зимой; ѣдутъ мужички, воза поскрипываютъ; глядь: заяцъ перебѣжалъ дорогу. „Быть худу“, говорятъ они и призадумались. Проѣхали еще немного, видать, у товарища ихъ Семена лошадь стала, ни съ мѣста; побились мужички съ лошадыю, ничто не беретъ, такъ и бросили товарища на волю Божью, среди дороги, искать счастья, а сами поѣхали, такъ-какъ помочь ничѣмъ не могли, да и время-то было господское, крѣпостное; всякому своя шкура была дорога, а до чужой бѣды дѣла нѣтъ. Повозился оставшійся мужичекъ Семенъ еще немного съ лошадыю, повозился, да и сталъ распрягать ее, думая бросить возъ на дороге, а самому ѣхать до ближней деревни, хоть переночевать, а на утро, что Богъ дастъ. Вдругъ неожиданно, негаданно ѣдетъ ему на встрѣчу, порожнякомъ, на хорошей лошади кумъ его, односельецъ Ерхолай. „Куманекъ, милый, голубчикъ, не оставь, возонилъ мужикъ, дай своей лошади, самъ знаешь—дѣло барское, ни

за что шкуру сдерутъ; что будетъ стоять, дома разочтусь“. Не хотѣлось Ермолаю, было, давать лошади, да дѣлать нечего, вѣдь родной кумъ-то; хотъ и почесалъ мужикъ затылокъ, а всетаки далъ лошадь. Перепрягли, попрощались кумовья и поѣхали: Семенъ съ возомъ на Ермолаевой лошади въ городъ, а Ермолай на Семеновой порожнякомъ во-свояси. Теперь у Семена лошадь была добрая, везла хорошо, и онъ не далеко до города догналъ своихъ товарищей. Было уже поздно, и мужички порѣшили въ городъ не ѣхать, а остановиться въ деревнѣ, на постояломъ дворѣ переночевать, а тамъ утромъ, пораньше въ городъ. Сказано, сдѣлано; пріѣхали на постоялый дворъ, отпрягли лошадокъ, задали имъ корма, а сами въ хату, гдѣ потеплѣе. Вдругъ одинъ изъ товарищей Егоръ, мужикъ бѣдовый и сметливый, нѣсколько разъ уже поронный розгами и говорить: „а что, братцы, вѣдь у насъ лишняя пшеница есть, хорошо бы ее сбыть, да и выпивку устроить!“ — „Какъ-такъ?“ спрашиваютъ товарищи. — „Да вотъ, какъ. Когда вѣшали ее, то я незамѣтно клалъ кирпичъ на „вывѣску“ (мѣсто, гдѣ гири), только Семеновъ возъ вѣренъ, а у насъ у всѣхъ лишняя пшеничка есть.“ Разгорѣлись у мужичковъ глаза на дармовщинку, и давай они перемѣрять Семеновъ возъ; перемѣрили мѣркой, а тамъ перемѣрили одинъ и изъ своихъ возовъ, узнали „лишѣкъ“, прикинули, сколько всего будетъ этого „лишку“; оказалось, что пшеницы можно сбыть мѣръ десять. Такъ и сдѣлали; высыпали пшеничку въ два мѣшочка, по пяти мѣръ въ каждый, и понесли продавать хозяину постоялаго двора, но этотъ даетъ за пшеницу очень мало, тогда мужички, долго не думавши, понесли ее въ другое мѣсто, гдѣ дали подороже. На вырученныя деньги купили водочки, закусочки; выпили, порядочно покушали, да и спать легли, а на завтра еще осталось, чѣмъ опохмѣлиться. Чуть свѣтъ проснулись они и стали собираться въ дорогу; лошадей напоили, сами опохмѣлились, разсчитались съ хозяиномъ и поѣхали себѣ съ Богомъ, ни о чемъ не думая. Хозяинъ же постоялаго двора разсердился на нихъ, что не продали ему пшеницы, а такъ-какъ онъ зналъ, кто они и откуда, зналъ ихъ и бурмистръ, которому впоследствии и разсказалъ о продѣлкѣ нашихъ пріятелей. Прошло нѣсколько времени, мужички уже успѣли забыть про проданную пшеницу, какъ вдругъ призываютъ ихъ сердешныхъ на барскій дворъ, за исключеніемъ Семена, про котораго хозяинъ постоялаго двора

ничего не сказалъ: возъ былъ у него вѣренъ, пшеницу не отсыпали, стало-быть не виноватъ. И что же? Безъ всякихъ спросовъ и разспросовъ положили, растянули пріятелей да и начали подговаривать съ каждымъ ударомъ розги „за пшеничку, други, за пшеничку“. Долго съ тѣхъ поръ помнили пріятели наши, какъ продавать лишки; а виноватъ былъ заяцъ.

Тотъ же рассказчикъ говорилъ мнѣ, что не дай Богъ встрѣтиться съ попомъ, а если миновать этого нельзя, то останови попа и попроси у него благословенья,—тогда ничего. Дьяконъ встрѣтится—ничего. „Ѣду я, говоритъ, на сукновальню валять сукно, смотрю, попъ нашъ ѣдетъ на встрѣчу; мнѣ бы остановить его, да подойти подъ благословенье, а я взялъ да и проѣхалъ мимо. Пріѣзжаю на валяльницу, сдаю сукно, а тамъ и ко двору. Дня черезъ два слышу, амбаръ на сукновальнѣ сгорѣлъ, и сукно мое сгорѣло, такъ и пропало“.

При ходьбѣ и ѣзѣ относительно встрѣчъ необходимо соблюдать слѣдующія правила: если ѣдешь по какому-нибудь дѣлу, то не отвѣчай на вопросъ: „куда идешь?“ закудакаетъ кто—толку не будетъ. Кто съ порожнимъ встрѣтится—лучше вернись. Собираясь въ дорогу, прочти три раза слѣдующія слова: „Помяни, Господи, дѣда Адама, бабу Еву, царя Давида и всю кротость его“. Встрѣтишь покойника—потерпишь неудачу.

На Святой Руси есть много охотниковъ до всякой всячины. Встрѣчаются нерѣдко и охотники до перепеловъ; заслышитъ иной крикъ перепела гдѣ-нибудь во ржи или въ овсѣ, и давай бродить по зарямъ съ сѣтью и перепѣлкой въ клѣткѣ, а то съ особой, для этой цѣли предназначенной, дудочкой, и если перепелъ кричитъ хорошо, то во что-бы ни стало поймаетъ его. Ловятъ перепеловъ непремѣнно утренней и вечерней зарей, при чемъ перепелка крикомъ своимъ манитъ перепела, и послѣдній запутывается въ раскинутой сѣти; иной разъ перепелку замѣняетъ дудочка. Для такихъ охотниковъ есть очень важное правило: ночью перепеловъ не ловить и сѣтей не разставлять; если же дожидася утренней зари, то лучше сосия немного, сѣти же ни въ какомъ случаѣ не разставляй, не то чертъ спутаетъ ее, перепелку убьетъ и въ тебя чѣмъ либо броситъ.

— Былъ у насъ на селѣ старикъ, страстный охотникъ до перепеловъ; заслышитъ онъ гдѣ-либо крикъ перепела и пробродитъ

за нимъ нѣсколько десятковъ верстъ, а всетаки непременно поймаетъ. Пошелъ этотъ старикъ какъ-то ловить перепеловъ, взялъ сѣть, перепелку и засѣлъ въ барскомъ овсѣ, а чтобы не прозѣвать утренней зари, то онъ распуталъ, разставилъ сѣть, поставилъ клѣтку съ перепелкой, а самъ только глазами моргаетъ, о снѣ и не думаетъ. Вдругъ въ спину старика попадаетъ комъ земли, немного спустя летитъ другой комъ, а тамъ третій, четвертый... Старикъ, не оборачиваясь, говоритъ: „не балуй“,—а нѣ, не тутъ-то было: комья все валятся и валятся и прямокомъ въ старикову спину. Оробѣлъ онъ и давай Богъ ноги; сѣть, перепелку съ собой не захватилъ, забылъ второпяхъ. На утро приходитъ и видитъ: сѣть скомкана, не распутаешь; перепелка убита; старикъ тогда и говоритъ: „Сумѣлъ спутать, сумѣй и распутать“, при чемъ ругнулъ какъ слѣдуетъ черта и ушелъ. Черезъ день снова приходитъ и видитъ, что сѣть распутана. Подивился старикъ, и съ тѣхъ поръ шабашъ ночью караулить перепеловъ, а придетъ, бывало, на поле и спать до зари; когда же зорька займется, онъ и разставитъ сѣть, подманивая въ нее перепела дудочкой или перепелкой.

И рыболовы должны соблюдать разныя предосторожности, напр. не ругать рыбу.

— Ловили мужички ночью рыбу; ведутъ неводъ; глядь—на камнѣ сидитъ голая, простоволосая баба и чешетъ голову большимъ гребнемъ; одинъ изъ рыбаковъ ругнулъ бабу, что, дескать, днемъ не успѣла выкупаться, ругнулъ онъ ее крѣпко, по-мужицки; не влюбилъ баба крѣпкаго словца и нырнула въ воду, гребешокъ же остался на камнѣ. Подивились наши рыболовы, пожалуй и оробѣли, однако гребешокъ взяли себѣ—и что-же? Закинули неводъ, повели, тащатъ, а нѣ смотрятъ, неводъ весь спутанъ, скомканъ, разобрать нельзя; съ общаго приговора бросаютъ гребешокъ въ воду, и неводъ тотчасъ-же самъ собою разбирается, и рыбная ловля пошла опять своимъ чередомъ. Одинъ изъ этихъ рыбаковъ и по сю пору живетъ въ нашемъ селѣ, онъ и передалъ намъ этотъ рассказъ.

Ходитъ между крестьянами много рассказовъ про путешествія съ помощью черта, однако, эти рассказы, т.-е. время событій ихъ, относятся ко временамъ давно прошедшимъ, такъ напримѣръ: идетъ мужичекъ плотникъ, умершій уже чуть не сто лѣтъ тому назадъ, идетъ онъ изъ Одессы въ Богодухово, на родину, переходъ великъ, болѣе тысячи верстъ. Смотритъ—ѣдетъ на тройкѣ

баринъ съ кучеромъ; поровнявшись съ мужичкомъ, баринъ приглашаетъ его сѣсть: подвезу, молъ. Тотъ садится; тройка летитъ, какъ стрѣла; баринъ все покрикиваетъ, чтобы кучеръ подгонялъ пристяжную съ правой стороны.—„Подгони, кричитъ, правую-то, попадью!“ Мужичекъ спрашиваетъ, зачѣмъ лошадь прозвали „попадъей?“ Баринъ отвѣчаетъ, что это не лошадь, а попадья въ дѣйствительности, что это я, молъ, приучаю её, чтобы лучше бѣжала, да и васъ, дураковъ, скорѣе домой доставляла.—Вдругъ, пѣтухъ закричалъ: „ку-ка-ре-ку“. Смотрю—валяюсь я на дорогѣ, а баринъ захохоталъ и пропалъ. Подымаюсь я—глядь и родимое село, вотъ какъ на ладони, и Божій храмъ нашъ виднѣется. Перекрестился я и очутился нежданно, негаданно въ своей хатѣ,—такъ-то и отмочалилъ я съ вечера до пѣтуховъ болѣе тысячи верстъ.

Про такую быструю ѣзду передаютъ еще нѣсколько разсказовъ, но повторяю опять, что сами событія перешли уже въ область преданій. Случалось это прежде, говорятъ мужички, а теперь нѣтъ, а почему теперь нѣтъ—опредѣленно не отвѣчаютъ.—Крестьянинъ тоже села Богодухова, Богодуховской волости, Орловскаго уѣзда, Ѳеодоръ Арсѣоновъ говорилъ мнѣ: одинъ рукавишникъ шелъ на родину; илти ему надо верстъ 500; дѣло близилось къ вечеру, смотритъ—ѣдетъ кто-то на парѣ лошадей, поровнявшись съ нимъ, говоритъ: „садись,—подвезу“. Рукавишникъ сѣлъ и дорогою посадившій спрашиваетъ его: „зналъ ли ты такого-то дудочника?“ Этотъ отвѣчаетъ, что зналъ, да онъ, т.-е. дудочникъ, утонулъ уже два года тому назадъ.—„А прялочника зналъ?“—спрашиваетъ снова посадившій.—„Да, зналъ, отвѣчаетъ рукавичникъ,—но онъ удавился, съ полгода тому будетъ. Немного спустя посадившій и говоритъ: „въ корню дудочникъ-утопленникъ, а на пристяжкѣ прялочникъ-удавленникъ“. Затѣмъ снова кричитъ: „держись!“ Глядь, а у рукавишника шапка соскочила. Онъ и говоритъ: „погоди, дай поднять шапку“; а посадившій отвѣчаетъ: „она далѣко, а ты лучше слѣзай!“—Слышу, пѣтухъ прокричалъ, а тутъ вижу и родимая сторонка.—Такъ то и прокатилъ съ вечера до пѣтуховъ нашъ рукавишникъ 500 верстъ, да еще на комъ, на знакомыхъ своихъ дудочникѣ и прялочникѣ.—„Вотъ были чудеса-то“, прибавилъ разсказчикъ.

Еще я слышалъ разсказъ, что одинъ мужичекъ изъ села Бо-

годухова въ мгновеніе ока прикатилъ въ городъ Ливны Орловской губерніи, отстоящій на 80 верстъ; его тоже подвёзъ кто-то, и онъ неожиданно-негаданно очутился въ Ливнахъ, въ трактирѣ; однако, мужичекъ этотъ умеръ много лѣтъ тому назадъ, и разсказъ этотъ поступилъ въ область преданій.

Есть духи имѣющіе свое опредѣленное мѣстожителство. Таковы: домовые, банные, овинные, водяные и пр.

Что касается домового, то почти всѣ крестьяне вѣрятъ, что онъ существуетъ и живетъ невидимкою въ каждомъ домѣ и непремѣнно одинъ, но каковъ внѣшній видъ его—никто не сказалъ, п. ч. никто его не видалъ: онъ—невидимка. Иногда домовой любить скотину, гладить, кормить и холить лошадь, заплетаетъ ей гриву, а то случается, что скотина плохо ѣстъ, худѣетъ, тогда крестьяне говорятъ, что она не къ двору, сѣ не любитъ домовой. Если крестьянину жалко перемѣнить лошадь, которую не взлюбилъ домовой, или хозяинъ, какъ они еще называютъ его, то мужичекъ оставляетъ въ хлѣвѣ, гдѣ стоитъ скотина, хлѣбъ съ солью, какъ бы въ даръ „хозяину“; но это теперь рѣдко практикуется, скорѣе бываетъ, что если лошадь и корова худѣютъ, не къ двору, то такую скотину мужикъ продаётъ или мѣняетъ.—У одного крестьянина въ селѣ Богодуховѣ, Орловскаго уѣзда, еще не такъ давно, была тройка лошадей одной масти; какъ-то этотъ мужичекъ проговорился мнѣ, что съ лошадьми его бѣда, корму не ѣдятъ, валяются по ночамъ и бьются и совсѣмъ, сердечныя, исхудали, стало быть, говоритъ, хозяинъ ихъ не взлюбилъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что у этого мужичка въ хлѣвѣ, гдѣ стоятъ его лошади, не вывозился навозъ уже два года, поэтому я посоветовалъ ему вывезти немедленно навозъ, а затѣмъ дать хлѣву немного провѣтриться, полить полъ разведенной извѣсткой, а также и стѣны, которыя были каменные, а лошадей помѣстить на другомъ дворѣ. Прошло нѣсколько времени, мужичекъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что теперь его лошадушки, слава Богу, кормъ ѣдятъ и не бьются по ночамъ, какъ прежде. На мое объясненіе, что это лошади бились и худѣли отъ насѣкомыхъ, заведшихся въ навозѣ, мужичекъ ничего не возразилъ, а всё-таки вѣра въ домового была поколеблена.—Родной отецъ

мой, незадолго до своей смерти, рассказывалъ мнѣ слѣдующее: „въ чертей и т. п. бѣсовшину я не вѣрю, бояться ихъ не боюсь, но однако, милый сынъ, я скоро умру: ко мнѣ, вчерашнею ночью, когда я только что легъ, но еще не заснулъ, кто-то подошелъ, я ясно слышалъ шаги, и вдругъ „онъ“ приложилъ холодную руку къ моимъ губамъ, и я также ясно чувствовалъ прикосновеніе руки невѣдомаго вошедшаго“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени отецъ мой умеръ отъ удара.

Говорятъ также, что ночью иногда давить, душить домовой, но прочтешь „Иже херувимы“, то перестанетъ; объясняютъ это тѣмъ, что находитъ будто-бы тѣнь домового, самъ же онъ не посмѣетъ подойти къ крещеному человѣку.

— У одного мужичка коровы не водились; что—что не дѣлалъ мужикъ, и молебны-то служилъ, каждый воскресный день свѣчку пятикопѣчную ставилъ св. Власію,—ничто не помогало; купить другую корову, смотреть, худѣетъ она, молока не даетъ, все плачетъ, слеза течетъ, глаза гноятся. Чистая бѣда! Вотъ одна знахарка и посовѣтовала ему: „какъ только корова отелитъ теленочка, то выпой послѣдняго и отвези въ острогъ арестантамъ“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Что же? съ тѣхъ поръ все стало благополучно; коровка кормъ ѣстъ, молочко даетъ и сама на себя похожа. Крестьянинъ этотъ живъ и теперь.

— У одного мужичка лошади не водились, корма не ѣли, были худыя, ночью бились и валялись, а къ утру все мокрыя стоятъ; не взлюбилъ, стало быть, лошадокъ хозяинъ. Что ни дѣлалъ мужичекъ—ничто не помогало. Вотъ ему и посовѣтовала знахарка Акулина пустить на рѣку тотъ образокъ, который обыкновенно виситъ у крестьянъ на ихъ дворѣ. Послушался мужичокъ Акулины, снялъ образокъ со стѣны и пустилъ на рѣку, внизъ по теченію, и съ тѣхъ поръ лошади у него стали поправляться, и дѣло пошло какъ по маслу. Крестьянинъ этотъ живъ и по сию пору; онъ же говорилъ мнѣ, что если домовые не взлюбятъ скотины, то мучаютъ ее, бьютъ, ѣздятъ на ней, не даютъ ѣсть корма. Если же домовой бываетъ разиня, соня, то сосѣдніе домовые воруютъ тогда кормъ у скотины и перетаскиваютъ его своимъ любимымъ лошадямъ и коровамъ. Случается, что домовые изъ-за корма подерутся, подымутъ пискъ, визгъ,—сонливый домовой тогда проснется и прогонитъ незваныхъ гостей-воровъ.

— Купилъ крестьянинъ Семень хорошую гнѣдую кобылку, хилилъ ее, кормилъ вволю овсомъ и сѣномъ, благо послѣдняго въ тотъ годъ уродилось много; кобылка стала гора горой. Но вдругъ она стала худѣть, прежніе веселые глаза помутились. „Домовой не взлюбилъ“, рѣшилъ крестьянинъ; рѣшили такъ же и сосѣди, а особенно настаивалъ и взваливалъ вину на домового сосѣдъ Егоръ. „Удивительно, право“, говорилъ Семень, сколько ни положишь корму, весь съѣстъ, а стала кости да кожа“. — „Ну, чтожь, возразилъ на это Егоръ, — кормъ-то ты кладешь, да его сосѣдніе домовые таскаютъ, а твой то слюнявый видно соня, знай себѣ спать“. Семень было ужъ порѣшилъ продать свою лошадку, а себѣ купить иную и другой масти. Но вотъ подошло Крещенье, у Семена престольный праздникъ: пріѣхали къ нему въ гости знакомые изъ сосѣднихъ деревень, пріѣхали кумовья съ кумушками, сваты со свахами и прочая родня. Годъ былъ урожайный; всего было вволю: и пироговъ, и убоинки, про вино и говорить ужъ нечего, такъ-что Семень нашъ принялъ гостей и родню на славу. Сидятъ Семеновы гости вечеркомъ, пьютъ, ѣдятъ, рѣчи гуторятъ, вдругъ слышатъ, что-то на дворѣ зашуршало, а тамъ послышалось очень ясно: „охъ“. Семень нашъ перекрестился и подумалъ: „опять, видно, домовой; доконаетъ онъ мою лошадку; пройдетъ праздникъ—непремѣнно сбуду“. Но кто-то изъ гостей вышелъ на дворъ узнать причину, и что-же? какъ-разъ около колоды, гдѣ былъ кормъ для лошадей, валяется мужикъ и стонетъ. Гость вбѣжалъ въ хату, рассказалъ, что видѣлъ на дворѣ и слышалъ, и вотъ посыпались все изъ хаты во дворъ, подходятъ къ колодѣ, и тутъ-то Семень видитъ Егора, своего сосѣда. На вопросъ, зачѣмъ онъ сюда попалъ и отчего у него разбито лицо, тотъ чистосердечно рассказалъ, что кормъ у кобылки воровалъ онъ, а не домовый, но вотъ Богъ наказалъ его: „лѣзь я, говоритъ Егоръ, черезъ крышу, да нечаянно поскользнулся и скатился подъ ноги кобылки, а та и ударила меня пятами, да такъ здорово, что не подымусь“.

Сначала Семень было разсердился и хотѣлъ посылать за старостой, за сотскимъ, но гости и родня упросили его не дѣлать этого для праздника, а простить Егора, который, въ свою очередь, по-крестьянски, поклялся отцомъ и матерью, женою и дѣтьми, что впредь этого не будетъ дѣлать; тогда Семень взялъ да и

протилъ Егора. Съ тѣхъ поръ лошадка Семенова опять стала поправляться и сдѣлалась еще краше прежняго.

Однако, про продѣлку Егорову впослѣдствіи узнала вся деревня и прозвала его домовымъ; всѣ смѣялись, какъ это „слюнявый соня“ смазалъ по харѣ его, Егора, аль онъ разбудилъ его, соню, какъ грохнулся съ крыши къ колодѣ?

Говорятъ, что въ старину въ овинахъ водились черти, но теперь овиновъ нѣтъ, и черти переселились невѣдомо куда; водились также и въ баняхъ.

— Наша поповка, т. е. усадьба духовныхъ лицъ, находится въ чертѣ крестьянскихъ строеній; во всей поповкѣ была только одна баня, у попа, да и та стояла отъ дворовъ на далекомъ разстояніи, на задахъ, ближе къ полю; про эту баню ходили страшные слухи, что будто бы въ полночь сюда приходили съ погоста мертвецы, а погостъ отъ бани былъ не далеко; говорили также, что въ ней пировали черти съ вѣдьмами, отчего часто слышали шумъ, крики и хохотъ; говорили даже, что разъ самъ сатана былъ въ банѣ и игралъ на дудкѣ, а черти съ вѣдьмами плясали и хохотали. Самъ попъ боялся топить баню ввечеру, а всегда парился въ ней днемъ и то съ двумя-тремя работниками; попадья-же много лѣтъ не заглядывала въ баню; жутко ей было. Попъ хотѣлъ было разломать баню, не одному жъ ему въ ней мыться, да все откладывалъ; народъ же говорилъ, что попъ не ломаетъ бани изъ-за боязни, что черти переберутся, пожалуй, еще ближе, прямо на потолокъ; правда ли это, нѣтъ ли, но такъ люди говорили. Однажды къ попу пріѣхали два его племянника, ребята молодые, учившіеся уже въ семинаріи, про чертей уже слышавшіе, но хотя не прочно, а все таки невѣровавшіе въ ихъ бытіе. Узнавъ про слухи, что въ банѣ ихъ дядюшки водятся черти и всякая бѣсовщина, молодцы племяннички собрали съ дюжину смѣлыхъ парней, вооружились что подъ руки попало и хотя съ трепетомъ на сердцѣ, а все таки подошли къ банѣ почти въ полночь, и о диво изъ дивъ! въ банѣ огонь, шумъ и крикъ, и хохотъ; оробѣли наши смѣльчаки и пошли было назадъ, но почему то остановились: голоса изъ бани слышались не бѣсовскіе а вполне человѣческіе. Вооружившись смѣлостью, опять подходятъ и уже ясно слышатъ, что въ банѣ люди, а не черти; дверь отперта настежь, табачный дымокъ выходитъ изъ нея; молодцы прямо къ двери—и что-же? Пять парней

и столько-же бабъ, а можетъ быть и дѣвицъ, пьютъ преспокойно водочку, громко разговариваютъ и всѣ въ амурномъ настроеніи. Вышло, что не молодцы испугались уже, а компанія, жаждущая любовныхъ ощущеній, пришла въ неописанный ужасъ, вообразивъ не на шутку, что это мертвецы идутъ съ погоста. Но скоро дѣло разъяснилось, и всѣ пошли въ разныя стороны. Парни, пировавшіе въ банѣ, были узнаны, бабы тоже, и ихъ долго послѣ называли: парней—чертями, а бабъ—вѣльмами. Дурные слухи про баню исчезли; „даже сама матушка попадья стала ходить въ баню и расправлять свои косточки“, говорили съ тѣхъ поръ крестьяне. А не пріѣзжай къ попу племянники, баню бы тотъ разломалъ, да и черти, пожалуй, переселились бы, если ужъ не къ попу на потолокъ, то непременно въ какой-нибудь сарайчикъ пустой на деревнѣ.

Что касается водяного, то никто изъ крестьянъ села Богодухова не могъ дать мнѣ яснаго и опредѣленнаго отвѣта, есть-ли они или нѣтъ. Говорятъ, что ранѣе въ буковищѣ подъ мельницей жилъ водяной, а теперь его нѣтъ, вѣроятно, старъ сталъ и околѣлъ, а все-таки ночью и поздно вечеромъ купаться нельзя, а то утопитъ водяной; такъ что выходитъ какая-то раздвоенность въ мысляхъ: съ одной стороны водяной околѣлъ, а съ другой—ночью купаться нельзя изъ-за боязни того-же водяного. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожалуй, около 15-ти, въ рѣкѣ Перучи, протекающей въ селѣ Богодуховѣ, утонула женщина, которая, по словамъ крестьянъ, въ ночное время показывалась изъ воды и хлопала въ ладоши, а также хохотала; однако, видѣть ее никто не видалъ, но все-таки крестьяне и крестьянки боялись ночью проходить мимо того мѣста, гдѣ утонула женщина.

Впрочемъ, въ послѣднее время крестьяне забыли про это мѣсто, вѣроятно, убѣдившись, что особаго ничего тутъ не бывало, да и не можетъ быть.

— Давнымъ давно въ буковищѣ, что подъ мельницей, водился чертъ, который питался рыбою, а особенно любилъ кушать карповъ, которыхъ въ буковищѣ была тьма-тьмушая; жили эти карпы (лини?) въ порахъ, на днѣ, гдѣ возились, словно свиньи. Черта этого всѣ боялись и никто въ позднее время не ходилъ мимо буковища. Даже попъ сельскій боялся его и ежегодно въ подарокъ чорту сваливалъ въ буковище воза два хлѣба, конечно испорченнаго, который не ѣли уже свиньи. Но чертъ не брезговалъ гнилымъ,

затхлымъ хлѣбомъ, онъ и безъ того былъ очень радъ и доволенъ, что самъ батка-попъ его уважаетъ, и какой-бы то ни было подарокъ, а все-таки присылаетъ. Какъ-то лѣтомъ, крестьянинъ Пахомъ, опытный нырокъ и охотникъ до карповъ, подошелъ къ буковищу, раздѣлся, началъ нырять и доставать большущихъ карповъ. Кстати скажемъ, что эта рыба очень смирна въ норахъ и не пугается человѣка, а потому и Пахомъ, зная извѣстную сноровку при подобной ловлѣ, вытаскивалъ карповъ очень удачно, такъ-что стоявшіе на берегу крестьяне удивлялись счастью Пахома, который, наконецъ, и самъ сказалъ: „Теперь нырну и съ самого черта шапку стащу, да еще клюну его кулакомъ по харѣ“. Пырнулъ Пахомъ, да и остался въ буковищѣ; насилу разыскали его и вытащили багромъ, но ужъ мертваго „Не хвались Пахомъ, что стащить съ черта шапку, можетъ-быть и живъ бы былъ“, говорили одни, а другіе возражали, что черту досадно было, что Пахомъ повытаскалъ много любимыхъ его карповъ, отчего поймалъ его и задушилъ. Но какъ бы то ни было, а все-таки крестьяне не ныряютъ и до сихъ поръ въ буковище за карпами, не смотря на то, что ихъ тамъ множество.

Что касается лѣшихъ и русалокъ, то даже старики говорятъ, что они были раньше, но видѣть все-таки ихъ не видали, а теперь ихъ нѣтъ, и куда дѣвались—не знаютъ.

Царство русалокъ, какъ говорятъ, было въ „конопляхъ“, такъ какъ за неимѣніемъ лѣсовъ и большихъ рѣкъ въ данной мѣстности имъ водиться было негдѣ, кромѣ коноплянниковъ; но почему ихъ теперь тамъ нѣтъ, никому неизвѣстно.

По народному повѣрью, удавленники и утопленники поступаютъ во власть чертей.

— Жилъ въ одной деревушкѣ парень; за какое, бывало, дѣло ни возьмется онъ, все ему одна неудача, и прозвали за то его Васей Безталаннымъ. Пошелъ разъ Вася искать какой-нибудь работы; къ тому придетъ, къ другому, одинъ отвѣтъ: „нѣтъ, молъ, паренекъ, работы“. Съ досады Вася и говоритъ: „теперь-бы хоть къ черту нанялся“; а чертъ тутъ, какъ тутъ, стоитъ себѣ, ухмыляется, хвостикомъ повертываетъ и говоритъ: „наймись, наймись ко мнѣ, дружокъ!“—„Хорошо, ладно!“ отвѣчаетъ Вася. Ударили

по рукамъ, уговорились, конечно, въ цѣнѣ, и пошелъ Безталан- ный въ батраки къ черту, а тотъ заставилъ его возить воду. Лоша- дей у черта было много, и чуть ли не каждый день новыя; бо- гатъ былъ чертъ: говорилъ онъ Васѣ, что лошадокъ скупаютъ по ярмаркамъ и что онъ держитъ подрядъ и на другихъ чертей, вѣдь не одному-жъ ему нужны лошади, всякій чертъ любить прока- титься. Хорошо ли, плохо ли жилось нашему Васѣ, однако прохо- дить годъ, онъ и просится у хозяина въ побывку домой, пови- даться съ родными, — а тамъ опять приду къ тебѣ, говоритъ Вася. Чертъ отпустилъ батрака, далъ ему денегъ, все серебра да зо- лота, далъ даже лошадку доѣхать до двора; простились и пока- тилъ нашъ паренекъ домой. Долго ли, коротко ли, подѣзжаетъ наконецъ парень къ своей хаткѣ; выбѣгаетъ ему на встрѣчу род- ня, вышли и сосѣди поглазѣть, благо давно не видали Безталан- наго; лихо подкатилъ къ своей хатѣ Вася, останавливаетъ ло- шадь и говоритъ: „тпру, маточка, уморилась!“ Едва выговорилъ малый: „маточка“, какъ изъ-подъ него выскочила родная его мать, да и бѣжать. Всѣ перепугались не на шутку, а пуще всѣхъ Вася; узналъ онъ тогда, что матушка его съ полгода назадъ уда- вилась, и понялъ онъ, что за лошадки были у черта-подрядчика. Такъ-то Вася Безталанный и прикатилъ домой на своей матушкѣ-удавленницѣ; говорятъ, что и воду-то онъ возилъ на ней. Оро- бѣлъ тогда Вася и къ черту на другой годъ въ батраки не по- шелъ.

— „За копѣйку удавится“, говорятъ про скрягъ. Или еще: „скряжничество до добра не доведетъ;“ „скупой за копѣйку съ колокольни спрыгнетъ“; „скупой за копѣйку удавится“. Вотъ рассказъ про одного удавленника:

— На большой дорогѣ былъ богатый постоянный дворъ; много православныхъ перебывало въ немъ: кто лошадку покормить, кто чайкомъ побаловаться, а иной заѣдетъ просто водочки испить. Хозяинъ на постояломъ дворѣ былъ старый-престарый; люди баяли, что ему безъ году сто лѣтъ, и былъ этотъ старикъ страш- ный скряга, никому не довѣрялъ онъ своего хозяйства, во все и повсюду виикалъ самъ, до всего доходилъ своимъ глазомъ. Сы- новья стариковы, а ихъ было у него трое, скорѣе походили на работниковъ, а не на хозяйскихъ дѣтей; безъ спросу и указу отцовскаго они ничего не могли сдѣлать. Какъ-то остановились

на этомъ дворѣ одни проѣзжіе, бѣдные мужички, переночевали, а на утро при расчетѣ не уплатили одной копѣйки. Знамое дѣло, копѣйка хоть и деньга, да не дорого стоитъ, но для скряги что золотой, что мѣдная копѣйка—все равно, одинаково онъ ихъ бережетъ и лелѣетъ. Такъ и нашъ старикъ долго приставалъ къ проѣзжимъ мужикамъ, чтобы рассчитались сполна, но дѣлать нечего, гдѣ же взять копѣйку, коли ея нѣтъ; не лошадь же отпрягать, и то хорошо, что побожились мужики: „ей богу, молъ отдадимъ, когда назадъ ворочаться будемъ“. Однако старику не спалось, не ѣлось, все мерещилась ему не отданная копѣйка, и, не дождавшись обратнаго проѣзда мужичковъ, онъ взялъ да и удавился. Дѣти его хорошо знали, что батюшка ихъ, конечно, не въ рай угодилъ, а потому посовѣтовались со священникомъ, который и велѣлъ имъ въ теченіе восьми лѣтъ ни съ кого за постой не брать, а бѣдныхъ мужиковъ непременно даромъ кормить. Послушались они этого совѣта и ни съ кого не берутъ за постой, а бѣдныхъ и даромъ кормятъ. Вотъ проходятъ и восемь лѣтъ. Какъ-то подъ вечеръ, въ сильную вьюгу, прикатили на тройкѣ богатыхъ лошадей на этотъ дворъ двое господъ и просятъ переночевать, а господа эти, къ слову сказать, были никто другой, какъ черти. Переночевали они, призываютъ, кто за хозяина, и даютъ за постой; тотъ не беретъ; „ну, возьми хоть лошадку“, говорятъ господа, но и отъ лошадки отказываются. Дѣлать нечего; уѣхали. Глядь, а на дворѣ стоитъ въ хомутѣ сѣрый жеребецъ, господскій коренникъ; такъ и ахнули стариковы сыновья, но все-таки подошли къ жеребцу и снимаютъ съ него хомутъ; только что успѣли снять, анъ передъ ними вмѣсто жеребца—ихъ отецъ, который благодаритъ ихъ, что послушались они совѣта священника, что теперь онъ отмоленъ и избавленъ отъ мученій. Проговоривъ это, старикъ тотчасъ-же скрылся.

Ходитъ повѣрье, что и приспанные дѣти отдаются дьяволу, а если умретъ ребенокъ до совершенія надъ нимъ святого крещенія, то таковой на томъ свѣтѣ бываетъ слѣпымъ. Не хорошо, даже опасно ругать и клясть дѣтей; не слѣдуетъ матерямъ необдуманно произносить на дѣтей: „чтобъ тебя чертъ побралъ!“ Кромѣ худа ничего изъ этого не выйдетъ.

— Залѣзъ воръ къ богатому мужику во дворъ и думаетъ украсть жеребца, ждетъ только, чтобы улегся хозяинъ съ своей семьей.

Сидитъ воръ, дожидается и видитъ: крадется по двору чертъ и прямо къ нему; не оробѣлъ мужикъ и говоритъ: „ты зачѣмъ, чертушка?“ — „А ты зачѣмъ“, спрашиваетъ въ свою очередь чертъ. „Да я, отвѣчаетъ воръ, пришелъ за жеребцомъ“. — „А я, говоритъ чертъ, пришелъ за ребенкомъ“.. — „Какъ такъ?“ — „Да такъ, матери спать захотѣлось, а ребенокъ кричитъ, мѣшаетъ; а она, не долго думавши, и бухнула: чтобъ тебя чертъ взялъ! Мнѣ же это на руку, вотъ я и пришелъ“. Взялъ чертъ ребенка у сонной бабы и несетъ по двору, подходитъ къ вору и говоритъ: „подержи, братъ, а я сбѣгаю въ хату и положу что-нибудь на мѣсто ребенка, только смотри ничего не говори, если ребенокъ проснется“. Воръ взялъ, держитъ, а чертъ прямо въ хату и положилъ бабѣ вмѣсто ребенка осиновою чурку. Пока чертъ возился въ хатѣ, а младенецъ чихнулъ, воръ же на это и сказалъ: „здравствуй, ангельская душа!“ Приходитъ чертъ, но ребенка взять не можетъ; поругалъ, поругалъ вора, да и пошелъ во-свояси. Воръ же забился съ малюткой на сѣновалъ и баюкаетъ его. На утро плачь въ хатѣ: умеръ у хозяина-богача сынъ; тогда воръ входитъ въ хату, молится Богу, здоровается и говоритъ: „не плачьте, ударьте мертваго ребенка о печку три раза—и онъ оживетъ“. Внезапное появленіе человѣка, совершенно незнакомаго, его смѣлый совѣтъ хотя и озадачили плачущихъ, но все-таки они послѣдовали совѣту, ударили ребенка три раза о печку—и вдругъ появилась осиновая чурка, а воръ въ это время сбѣгалъ на сѣновалъ и принесъ настоящаго, не мертваго, а живого младенца; рассказалъ, какъ онъ хотѣлъ украсть жеребца, какъ увидалъ черта, и какъ тотъ взялъ ребенка и отдалъ ему подержать, и какъ младенецъ ускользнулъ изъ рукъ черта. Однимъ словомъ, воръ во всемъ чистосердечно раскаялся. Обрадованные хозяева отдали даромъ вору жеребца, угостили его на славу, а тамъ и попрощались. Съ тѣхъ поръ шабашъ въ этой семьѣ говоритъ на дѣтей: „чтобъ васъ чертъ побралъ!“ Да и во всей деревнѣ, гдѣ произошла эта исторія, теперь не услышишь приведеннаго выраженія.

III. Колдуны и вѣдьмы.

Колдуны и вѣдьмы бываютъ самородками; самородки болѣе знаютъ чѣмъ тѣ, которые воспользовались искусствомъ колдов-

ства по передачѣ. Самородокъ всегда съ хвостикомъ и беретъ верхъ надъ прочими колдунами. Однако, колдовать и учатся.

Теща учила зятя колдовать; узналъ про то родной его отецъ и началъ бранить его, а въ концѣ-концовъ грозилъ проклясть. Зять пересталъ учиться у тещи, и черти начали его мучить, даже св. крестъ стаскивали; бѣдняку добрые люди посовѣтовали спать на сѣнѣ, и черти перестали мучить его, такъ какъ въ сѣнѣ есть травы, которыя отгоняють ихъ.

Колдунъ до тѣхъ поръ мучается въ предсмертныхъ мукахъ, пока не передастъ другому своего искусства.

29-го іюня, на Петровъ день, можно узнать колдуна слѣдующимъ образомъ: купи новыя неѣзженныя колеса, надѣнь на палку и кати по задамъ, т. е. сзади дворовъ; тамъ, гдѣ колдунъ, возлѣ того двора колеса эти разорвутся; тогда собери осколки, зажги ихъ на перекресткѣ и услышишь человѣческій крикъ колдуна.

Если по смерти вѣдьма и колдунъ ходятъ домой, то осиновый колъ загоняють въ ихъ могилу. Чтобы колдунъ или вѣдьма послѣ своей смерти не приходили домой и не пугали домашнихъ, то дѣлають еще такъ: гробъ съ умершимъ колдуномъ или вѣдьмою на перекресткѣ перевертываютъ: обыкновенныхъ покойниковъ несутъ до храма ногами впередъ, а колдуна съ перекрестка несутъ головою впередъ; а также вдѣлываютъ въ дно гроба осиновую доску и кладутъ въ гробъ осиновыя стружки, или же дѣлають поперечникъ на днѣ въ видѣ креста. Какъ утопленники, удушенники, такъ и колдуны по смерти своей непремѣнно бродятъ по землѣ, начиная съ заката солнца и до пѣтуховъ, т. е. до полночи.

Въ новолуніе колдуны и вѣдьмы подвязываютъ зубы за тѣмъ, чтобы у колдуна борода не отвалилась, а у вѣдьмы зубы не вывалились, такъ какъ въ новолуніе черти у колдуна тянутъ бороду, а у вѣдьмы стараются вышибить зубы вмѣстѣ съ салазками (челюстью).

По мнѣнію народа колдуны дѣйствуютъ чрезъ посредство нечистой, бѣсовской силы и по смерти своей неминуемо поступаютъ во власть чертей.

Какой вредъ дѣлають колдуны и вѣдьмы человѣку и какъ отъ нихъ можно себя оборонить, покажутъ намъ дальнѣйшіе рассказы о колдунахъ, рассказы, въ которые народъ еще вѣритъ до сего времени.

Къ колдунамъ нерѣдко обращаются по поводу украденной вещи, пропавшаго скота и т. п.

— Въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, я зналъ одного достоуважаемаго іерея, который въ церковныхъ проповѣдяхъ громилъ разное чародѣйство, громилъ колдуновъ и вѣдьмъ. Какъ-то у него самого пропало пять коровъ; искалъ онъ, искалъ, но не могъ найти. Что дѣлать? волей-неволей, а пошелъ онъ къ одной извѣстной колдунѣ и неотступно сталъ просить ее указать, гдѣ его буренушка. Съдая вѣдьма усмѣхнулась, да и говоритъ: „батюшка, вѣдь ты насъ все ругаешь, бранишься, зовешь насъ сестрами дьявола“, и много другого прочаго наговорила колдунья священнику. Слушалъ, слушалъ послѣдній болтовню вѣдьмы, плюнулъ да и говоритъ: „ты, милая, укажи-ка мнѣ, гдѣ коровушка, а что касается брани и руготни, то я теперь оставлю васъ въ покоѣ“. Вѣдьма взяла съ него слово не трогать ихъ и сказала: „ну, батюшка, ступай домой, коровки твои ждутъ тебя!“ Пошелъ священникъ и—о диво! Буренушки его стоятъ возлѣ воротъ и мычатъ, пойлеца просятъ. „Вотъ тебѣ и притча: самъ попъ пошелъ къ вѣдьмѣ за совѣтомъ, а намъ грѣшнымъ, стало-быть, и подавно можно“, говорили мужички, знавшіе исторію о поповскихъ коровкахъ.

— Въ одной деревнѣ жилъ колдунъ, жилъ онъ да и померъ; ну чтожъ, это не бѣда, а вотъ бѣда: колдунъ сталъ приходитъ съ погоста въ свою семью и требовать угощенья, а не то все въ хатѣ переколотить да и страху разнаго задасть. Разорилась семья отъ этихъ посѣщеній, однако нашелся добрый человѣкъ, который и сказалъ, что колдунъ оттого ходитъ, что не передалъ никому своего ремесла, а потомъ и посоветовалъ забить въ могилу осино-вый коль. Такъ и сдѣлали. Съ тѣхъ поръ шабашъ колдунъ ходитъ прощаться.

Многіе увѣряютъ, что лучше всего разрыть могилу и забить осино-вый коль прямо въ сердце колдуна, и тогда послѣдній перестанетъ бродить по землѣ.

— Жили два брата; мать у нихъ была колдунья и по смерти своей постоянно, послѣ заката солнца, являлась въ хату къ своимъ сыновьямъ и непремѣнно требовала угощенья. Долго ли, коротко ли ходила колдунья и угощалась, но вотъ разъ захалъ къ братьямъ нашимъ Полѣхъ и попросился переночевать; тѣ чу-

стили его, и когда Полѣхъ убралъ своихъ лошадокъ, зашелъ въ хату, помолился Богу, поздоровался, сѣлъ на прилавокъ, осмотрѣлся, да и говорить: „у васъ есть что-нибудь неладное?“ Тѣ признались; тогда Полѣхъ взялся избавить ихъ отъ этой бѣды; закрестилъ онъ окна, двери, взялъ осиновую дубину, и когда пришла колдунья, онъ и давай колотить ее дубиной; вѣдьма было въ окно, въ дверь, анъ не тутъ то было. Полѣхъ знай себѣ, колотить да колотить. Измочаливъ какъ слѣдуетъ старуху, онъ отворилъ дверь—вѣдьма туда, да еще на дорогу получила затрещину въ спину и съ тѣхъ поръ къ сыновьямъ ни ногой.

Къ людямъ, пользующимся славой колдуна, рѣдко кто идетъ читать псалтирь по смерти ихъ.

— Одинъ грамотѣй читаетъ псалтирь, вдругъ колдунъ подымается изъ гроба и говоритъ: „ага, теперь попался!“ и хочетъ подойти, а грамотѣй все читаетъ, хотя поджилки и трясутся у него; но вотъ закричалъ пѣтухъ, колдунъ не успѣлъ войти въ гробъ и ударился среди пола, ужъ утромъ положили колдуна опять въ домовину. Грамотѣй же нашъ позабылъ и псалтирь, да во-свояси, и съ тѣхъ поръ шабашъ читать по покойникамъ.

Приведу нѣсколько болѣе пространныхъ разсказовъ, связанныхъ съ колдовствомъ и съ нечистой силою вообще.

Жена Карла XII—колдунья.

Давнымъ-давно, при царѣ Петрѣ Алексѣвичѣ, была война со шведами. У шведскаго короля жена была колдунья. Бывало, зачнутъ русскіе стрѣлять въ шведовъ, и пули наши летятъ обратно и вреда не дѣлаютъ. Дочь короля попала въ плѣнъ къ намъ, русскимъ; полюбился ей одинъ нашъ генералъ, и разсказала она ему, что колдунью, ея мать, можетъ убить русскій солдатъ, а найти его легко: спать, ротъ разиня, и глазами глядить. Генералъ нашъ сказалъ объ этомъ царю. Царь приказалъ разыскать солдата. Нашли и приказали ему убить колдунью, королеву жену. Солдатъ сталъ отпѣкиваться, что не знаетъ, какъ и чѣмъ ее убить. Но нашъ царь Петрѣ Алексѣвичѣ грозенъ былъ, не любилъ по пусту разговаривать; его слово—дѣло: приказалъ убить, такъ ослушаться не могли, такъ что волей-не-волей, а солдатъ

взялъ ружье, зарядилъ его пуговицей мѣдной, прицѣлился въ колдунью и убилъ наповаль, да и самъ тотчасъ же умеръ. На его могилѣ и по сю пору часовня стоитъ.

Полковникъ и вѣдьма.

Пришли солдаты на постой въ одну деревушку; поразмѣстили ихъ по хатамъ. Одинъ изъ солдатиковъ попалъ на квартиру къ вѣдьмѣ. Бывало, вѣдьма возьметъ уздечку, наброситъ ее на солдата, засядетъ на него верхомъ и катается вплоть до пѣтуховъ. Сдѣлался солдатъ очень плохъ; товарищи спрашиваютъ, отчего это онъ сталъ, что лица на немъ нѣтъ, что краше въ гробъ кладутъ. Солдатъ долго утаивалъ, но все-таки, какъ ни крѣпился, а тамъ и сказалъ, что вѣдьма заѣздила его. Узналъ про то самъ полковникъ; призвалъ онъ солдата, расспросилъ у него, какъ и когда сдѣлала и каталась на немъ вѣдьма, тотъ все подробно рассказалъ. Полковникъ велѣлъ солдату остаться на его квартирѣ, а самъ пошелъ ночевать въ хату вѣдьмы. Пришелъ, легъ на коникъ, нарочно захрапѣлъ. Долго не думавши, вѣдьма беретъ уздечку, подходитъ къ нему и хотѣла было набросить ее на полковника, но тотъ изловчился, да и выхватилъ уздечку и накинулъ на вѣдьму, сѣлъ на нее верхомъ, да и ну катать, да плетью угощать, благо вѣдьма обратилась въ лошадь. Ыздилъ, ѣздилъ полковникъ, а тамъ пріѣхалъ въ кузню и велѣлъ кузнецу подковать лошадь. Подковали; засѣлъ полковникъ опять; ѣздилъ, ѣздилъ, потомъ подѣхалъ къ хатѣ, слѣзъ, стегнулъ плеткою и стала лошадь опять вѣдьмою; тутъ онъ еще разъ стегнулъ бабу, та забила на печку, лежитъ, стонетъ и охаетъ. Зовутъ ее дочери обѣдать, а она не слѣзаетъ съ печки: на рукахъ и ногахъ подковы у ней, инда заболѣла наша вѣдьма. Но вѣдь голодъ— не тетка, сколько ни лежи, вставать надо, брюхо ѣсть просить. Встала наша вѣдьма да и пошла къ полковнику и просить его расковать ее: „Раскуй, пожалуйста, вѣкъ тебя не забуду и брошу свое ремесло“, стонетъ она. Полковникъ взялъ узду, надѣлъ на вѣдьму, и стала она опять лошадью; сѣлъ онъ на нее и поѣхалъ въ кузню и велѣлъ расковать. Съ тѣхъ поръ перестала вѣдьма ѣздить на солдатѣ, да и ремесло свое передала, не знаю только кому.

Купеческій сынъ и поповна.

Жиль-былъ купецъ и ѣздилъ онъ далеко съ товаромъ на лошадахъ. У купца былъ сынъ, очень пригожій собою, къ тому же малый умный, смѣтливый. Частенько заѣзжалъ купецъ съ сыномъ къ одному попу, гдѣ кормилъ лошадокъ, да и самъ отдыхалъ. У попа была дочка, писаная красавица; полюбилась поповна купеческому сынку, да и онъ ей понравился. Задумалъ было купецъ посватать поповну за сына, да батюшка и слышать объ этомъ не хочетъ. Много-ли, мало-ли прошло времени, но вотъ купеческій сынокъ сговорился съ поповной: „ты, молъ, касатка, брось стца, да бѣги со мной; убѣжимъ, обвѣнчаемся, а тамъ принесемъ отцу повинную, можетъ быть, онъ и проститъ тогда насъ“. Сказано, сдѣлано; уговорились, когда и какъ пріѣхать. Проходитъ день, два, недѣля, другая, близится время къ сроку, поповна ждетъ своего ненагляднаго; а ненаглядный то ея былъ колдунъ - самородокъ; вдругъ онъ заболѣлъ и умеръ; похоронили его, а поповна объ этомъ не знала, все ждетъ-дожидается. Прошло, немного времени, попъ куда то отѣхалъ, и вотъ, въ сумеркахъ, подкатила къ крыльцу попова двора лихая тройка. Выскочилъ изъ богатыхъ саней купеческій сынъ и прямо къ своей возлюбленной, которую и началъ торопить скорѣе собираться. Поповна собралась, сѣли въ сани и покатили; вотъ они стали подъѣзжать къ кладбищу, и купцову сыну стало жаль поповны, и говоритъ онъ ей: „мѣсяць свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, красну дѣвицу везетъ“. А тамъ еще: „испугалась ты, милая, или нѣтъ?“. Она отвѣчаетъ: „чего мнѣ бояться, когда ты со мной!“ Вотъ подъѣхали они къ самому погосту, купцовъ сынъ и спрашиваетъ: „у тебя, должно быть, есть крестъ, такъ ты его скинь съ шеи и брось!“ Поповна сняла крестъ и бросила; тогда онъ высадилъ ее изъ саней и сталъ подводить къ могилѣ, а она и спрашиваетъ: „гдѣ же, милый, мы будемъ вѣнчаться?“ Онъ и говоритъ: „а вотъ, полѣзай за мной въ могилу!“ Поповна догадалась, кто ея суженый, и начала понемногу сбрасывать съ себя одежду; всю побросала и сдѣлалась нагой; вдругъ закричалъ пѣтухъ. Мертвецъ исчезъ въ могилѣ, а поповна побѣжала съ погоста, да прямо на колокольню и стала звонить. Сбѣжался народъ, а она и проситъ съ колокольни: „дайте, православные, во что одѣться, я нагая!“ Ей подали

одежду, и тогда сошла съ колокольни и все, что съ нею случилось, рассказала. Бѣдную поповну добрые люди отвезли къ ея отцу, но не долго она прожила на бѣломъ свѣтѣ, скоро сильно заболѣла и умерла. Погоревалъ попъ, погоревалъ, да дѣлать нечего, видно такъ Богъ судилъ. Долго потомъ мужички, а особливо бабы, перетолковывали на разные лады исторію съ поповой дочкой.

Краснорядецъ и его работникъ.

Жилъ да былъ одинъ краснорядецъ; ѣздилъ онъ по селамъ и деревнямъ на двухъ тройкахъ и продавалъ честнымъ людямъ товаръ. Былъ у этого краснорядца работникъ, малый лѣтъ 15-ти; работникъ смысленый, честный, но вотъ бѣда: былъ-то онъ колдунъ, да еще самородокъ, стало-быть съ хвостикомъ. Пріѣхалъ разъ краснорядецъ въ одно село, а въ селѣ была свадьба: работникъ и просится у хозяина пойти поглазѣть на свадьбу; хозяинъ отпустилъ его. Приходитъ малый на свадьбу, входитъ въ хату, здоровается съ хозяевами и поздравляетъ ихъ съ молодыми; его поблагодарили за поздравленіе и посадили за столъ; малый замѣтилъ, что въ вышкахъ сидитъ колдунъ и угощается, а тамъ и говоритъ: „а ты зачѣмъ здѣсь, сѣдой, въ красномъ колпакѣ?“ — „Тебѣ, что за дѣло!“ отвѣчаетъ въ свою очередь сѣдой колдунъ: „али ты, молокосось, больше моего знаешь?“ — „Конечно, больше твоего знаю!“ отвѣчаетъ малый. — „А коли такъ, говоритъ сѣдой, то налейте-ка стаканъ водки!“ Налили, подали; колдунъ пошепталъ, пошепталъ и говоритъ малому: „на, выпей!“ Малый перекувырнулся три раза, а тамъ взялъ стаканъ и выпилъ водку. — „Теперь ты выпей!“ говоритъ онъ сѣдому. Налилъ онъ водки и подалъ ему, тотъ выпилъ и тотчасъ же притянуло сѣдого къ потолку, а малый и зачалъ его бить кнутомъ; старикъ кричитъ благимъ матомъ; сыновья сѣдого стали упрашивать малаго, чтобы онъ отпустилъ ихъ отца, но тотъ еще, какъ слѣдуетъ, похолодилъ сѣдого, а тамъ и отпустилъ. Съ тѣхъ поръ шабашъ колдунъ ходитъ по свадьбамъ, а краснорядецъ, какъ только узналъ, что было на свадьбѣ, сейчасъ-же расчелъ своего работника, боясь съ нимъ ѣздить.

Шорникъ-колдунъ.

Шли два шорника и одинъ изъ нихъ, паренъ лѣтъ пятнадцати, былъ колдунъ - самородокъ. Пришли они въ одну глухую дере-

вушку и остановились на ночлегъ у знакомаго мужика. Въ ту пору у хозяйскаго сосѣда была вечеринка, просваталъ онъ, значить, свою дочку за какого то молодца изъ сосѣдняго села. Вечеринка—дѣло веселое, здѣсь бываетъ много народу и съ дѣломъ, и безъ дѣла: кто плетъ, гуляетъ, пѣсни поетъ, а кто такъ себѣ, просто глазѣтъ. Вотъ нашъ шорникъ, колдунъ-самородокъ, отпросился у старшаго товарища на вечеринку, знамо дѣло, человѣкъ молодой: хочется и людей посмотрѣть, да и себя показать. Приходитъ парень на вечеринку и видитъ—въ вышкахъ, на почетномъ мѣстѣ сидитъ колдунъ, старичище лѣтъ восьмидесяти, и угощается; всѣ его боятся, а потому ужъ очень и потчуютъ. Нашъ же парень ни съ того, ни съ сего и говоритъ: „что вы его угощаете, набиваете брюхо его и мясомъ, и пирогами, и виномъ, не стоитъ онъ этого, выгоньте его въ три шеи“. Хозяева же говорятъ: „нельзя; дѣдушка—почетный гость, не то онъ испортитъ молодыхъ!“ Самородокъ же опять настаиваетъ: „выгоньте, да и полно!“ Послушались парня и выпроводили стараго колдуна, который пригрозилъ, что уже, молъ, вспомните меня. На утро надо ѣхать къ вѣнцу; парень-самородокъ и говоритъ: „лошадей запрягайте на дворѣ и переднюю лошадь запрягите самую плохую“. Такъ и сдѣлали; и только что поѣзжане съѣхали со двора, какъ передняя плохая лошадь и околѣла; парень велѣлъ ее бросить на задъ, на задворки. Поѣзжане поѣхали въ храмъ, а старый колдунъ пришелъ на задъ и съѣлъ околѣвшую лошадь, потомъ заходитъ къ хозяину и проситъ напиться; ему дали, и только что вышелъ онъ изъ хаты, какъ неожиданно для всѣхъ умеръ. А парень-самородокъ тутъ какъ тутъ и говоритъ: „по дѣломъ ему собака и собачья смерть!“ Скоро возвратились и поѣзжане, и молодые, все было благополучно, а парня-самородка всѣ благодарили, что онъ избавилъ ихъ отъ лиходѣя, не знали только простакъ, что и парень-то этотъ былъ тоже колдунъ.

Про колдуновъ и вѣдьмъ, вообще, говорятъ, что прежде безъ нихъ ни одна свадьба не обходилась; ихъ сажали на почетномъ мѣстѣ, въ вышкахъ, усиленно потчивали, боясь, что они испортятъ молодыхъ.

Пѣловальникъ и вѣдьма.

Къ одному пѣловальнику повадилась приходиться невидимкой вѣдьма; придеть бывало и отолѣтъ изъ бочки, сколько ей за-

хочется, водочки. Цѣловальникъ не зналъ, что и дѣлать, хотъ бѣ- ги торговать въ другое село. Но вотъ онъ замѣтилъ, что какъ только вино изъ бочки станетъ убавляться, то прежде этого въ подворотню лазаютъ собака. Вотъ цѣловальникъ приготовилъ осиновую ось и сталъ подкарауливать. Разъ лѣзетъ собака въ подворотню, тогда онъ, недолго думавши, хватъ ее осиновой осью по спинѣ, инда завyla собака, завyla да и убѣжала. Съ тѣхъ поръ шабашъ вино отливаться у нашего цѣловальника, а въ одно и то-же время сильно заболѣла старуха, которая слыла за вѣдму; говорятъ, что вся спина у ней была синяя. Не знаю только, звалъ ли народъ, что угостилъ такъ вѣдму знакомый намъ цѣловальникъ.

Бурмистръ и его кума.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ былъ у насъ на селѣ бурмистръ; жилъ онъ богато, у него была кума-колдунья, которая недолюбливала своего кума и творила ему разныя пакости; морила скотину и прочее. Поѣхала разъ колдунья на толчею, бурмистръ и задумалъ ее убить; поѣхалъ онъ тоже на толчею; здѣсь, незамѣтно для другихъ, всунулъ онъ голову колдуньи въ толчею, гдѣ ее и растрепало. Похоронили колдунью, и никому не въ догадъ, кто ее извелъ. Однажды ѣхалъ бурмистръ изъ конторы; ѣхалъ поздно, ночью; лошадь была хорошая. Смотритъ бурмистръ, бѣжитъ его кума и кричитъ: „постой, куманекъ, постой, дорогой!“ Бурмистръ ударилъ по лошади, а кума за нимъ, нагоняетъ его; къ счастью конь добрый, а то не миновать бы бѣды; успѣлъ бурмистръ доѣхать до своего двора, ударился конь въ ворота, вышибъ ихъ и тутъ же околѣлъ. Такъ вѣдма не догнала своего кума, который, однако, съ перепугу посѣдѣлъ. Дѣйствительно, утверждаетъ народъ, что кума бурмистрова была убита на толчеѣ, но кѣмъ и за что, невѣдомо, а исторія съ бурмистромъ не сказка, но сущая правда.

Отецъ колдунъ и сынъ солдатъ.

Въ одной глухой деревушкѣ жили два брата, а третій братъ былъ въ солдатахъ. Отецъ ихъ былъ колдунъ и по смерти своей ходилъ домой и поѣдалъ и попивалъ выставляемое ему угощенье. Сыновья боялись встрѣчаться съ отцомъ, а потому уходили ноче-

вать къ сосѣду; вдругъ приходитъ со службы ихъ братъ—солдатъ, входитъ въ хату, видитъ, что стоитъ на столѣ и закуска, и выпивка, людей же въ хатѣ нѣтъ никого, и думаетъ: „что это за притча: столъ убранъ, какъ слѣдуетъ, а никого нѣтъ, видно братья ушли звать гостей“, а того, что отецъ умеръ, онъ не зналъ. Отъ усталости солдатъ легъ на печку и дожидается братьевъ съ гостями. Вдругъ приходитъ его отецъ, садится и ѣстъ. Солдатъ смекнулъ, что дѣло не ладно; притулился, ни гу-гу; а отецъ и говоритъ: „слѣзай-ка съ печи, давай ѣсть!“ Солдатъ слѣзъ. Поѣли все угощение, отецъ и говоритъ: „теперь я тебя буду ѣсть!“—„Да я нечистый, дай помоюсь“, отвѣчаетъ солдатъ, а самъ растягиваетъ время до пѣтуховъ. Потомъ близъ полночи идетъ солдатъ на рѣчку, будто бы обмыться, а отецъ за нимъ—не отстаётъ; вдругъ закричалъ пѣтухъ, и отецъ, ни слова не говоря, бултыхнулся въ воду. Перекрестился служивый и поблагодарилъ Бога, что такъ дешево отдѣлался. Съ тѣхъ поръ шабашъ старикъ ходитъ къ сыновьямъ угощаться, а люди добрые говорятъ, что на рѣкѣ и до сего времени около полночи слышенъ стонъ и крикъ, кричатъ кто-то и зло ругается: видно, что нашъ старикъ серчаетъ на своего сына-солдата; но какъ-бы тамъ ни было, а все-таки боятся люди ходить поздно мимо того мѣста, гдѣ бросился въ воду колдунъ.

Три сына и отецъ.

Жили три брата; отецъ ихъ былъ колдунъ. Зачуялъ старикъ смерть и хотѣлъ передать свое колдовство сыновьямъ, но тѣ отказались отъ отцовскаго подарка, только младшій братъ согласился смотрѣть за отцомъ, когда онъ помирать будетъ.

Долго-ли, коротко-ли, а старикъ началъ мучаться,—смерть ужъ на порогѣ. Взялъ младшій сынъ пахотный хомутъ и троицкій вѣнчикъ и смотритъ, что будетъ. Помучился, помучился старикъ, да и умеръ. Вотъ около полночи приходятъ три черта и начинаютъ мѣряться, кому мертвецъ достанется; помѣрились, и достался нашъ колдунъ младшему черту. Долго не думавши, чертъ распоролъ у мертвеца брюхо и сталъ ѣсть внутренности; ѣлъ-ѣлъ, осталась одна кожа; чертъ залѣзъ въ кожу и посиживаетъ себѣ, видно вздумалъ отдохнуть послѣ сытнаго ужина. Младшій братъ приказываетъ своей женѣ разогрѣть поскорѣе три чугуна воды.

Баба разогрѣла, вода инда кипить, тогда онъ живо вливаетъ одинъ чугунокъ воды въ распоротое брюхо отца—и что же? Чертъ только поежился. Онъ вливаетъ другой чугунокъ,—чертъ встрепехнулся. Вылилъ третій—и чертъ выскочилъ ошпаренный, да и бѣжать. Послѣ этого братья схоронили отца и говорятъ, что старикъ не ходилъ къ нимъ по смерти, не смотря на то, что никому не передалъ своего колдовства; а не отпаяръ младшій братъ черта, то разорилъ бы ихъ старикъ, требуя угощенья.

Работникъ колдунъ.

Ѣдутъ три свадьбы къ вѣнцу; на встрѣчу мужичокъ съ работникомъ. Работникъ былъ самородный колдунъ и говоритъ онъ хозяину: „дядя, аль пошутить надъ свадьбами!“—„Валяй!“ отвѣчаетъ хозяинъ. Поднялъ работникъ комъ земли и бросилъ за первыми поѣзжанами. Свадьба остановилась; поѣзжане скинули съ себя всю одежду и голые стали чесаться спинами. Тогда хозяинъ говоритъ: „довольно!“ Махнулъ работникъ платкомъ: поѣзжане живо одѣлись и поѣхали себѣ.

То же самое продѣлалъ работникъ и со второй свадьбой.—„Ну, шути и надъ третьей!“ говоритъ мужикъ.—„Нѣтъ, надъ этой шутить нельзя!“ отвѣчаетъ работникъ.—„Почему?“—„Да тутъ Ѣдутъ честные поѣзжане, впереди ихъ сама Божья Матерь на огненной колесницѣ, а въ первой свадьбѣ былъ одинъ колдунъ, а во второй два!“ И пошелъ хозяинъ съ работникомъ домой, но только держать его не сталъ, а по совѣсти расчелъ, да еще могарычику поднесъ.

Сапожникъ и купеческая дочь.

Жилъ-былъ одинъ богатый купецъ; у него была дочь, очень красивая собой; купецъ души въ ней не чаялъ, такъ-какъ кромѣ ея у него не было дѣтей. Звали эту красавицу Катериной. Но только вотъ бѣда: Катерина каждую ночь неизвѣстно куда исчезала, и отецъ не наготавливался на нее башмаковъ; всегда утромъ покупались новые, потому-что къ утру башмаки бывали порѣзаны и никуда не годились. Купецъ кликнулъ кличь: кто узнаетъ, куда его дочь ночью уходитъ, за того замужъ ее отдастъ и казной наградить. Нашелся одинъ пьяница-сапожникъ, который, долго

не думавши, пошелъ къ купцу. Идетъ онъ, а на встрѣчу ему старуха. Сапожникъ поздоровался съ ней, а она и говорить: „знаю, дружокъ, куда и зачѣмъ ты идешь, но только безъ меня ты ничего не сдѣлаешь; впрочемъ, не горюй, и когда придешь къ купцу, то потребуй двѣ свѣчи и ложись въ одной комнатѣ съ дѣвкой; но только не засни, смотри, а все примѣчай, да на усъ мотай, а за совѣтъ мой отдай то, что будетъ у тебя подъ подушкой въ первую ночь, какъ обвѣнчаешься съ купчихой“. Сапожникъ радъ-радехонекъ, за добрый совѣтъ поблагодарилъ старуху и далъ слово все исполнить. Вотъ приходитъ онъ къ купцу и рассказываетъ, зачѣмъ пришелъ; купецъ радъ гостю, хорошо попотчевалъ его. Приходитъ ночь; сапожникъ требуетъ двѣ свѣчи и ложится спать въ одной комнатѣ съ дочерью купца. Та было разсердилась и ни за что не хотѣла оставаться въ одной горницѣ съ сапожникомъ, но отецъ настоялъ, и дѣлать было нечего. Легъ сапожникъ, спитъ-храпитъ, а на самомъ дѣлѣ только притворился спящимъ. Вдругъ, видитъ онъ, являются двѣ дѣвицы-раскрасавицы и говорятъ купеческой дочкѣ: „что-же ты, Катя, долго спишь?“ — „Да мнѣ, сестрицы, нынче уйти нельзя; вотъ видите,—показываетъ на сапожника,—хочетъ узнать, гдѣ я бываю!“ Тогда дѣвицы разожгли кольцо и стали его прикладывать сапожнику подъ пятки. Тотъ ни гу-гу. Потомъ взяли горячую сковородку и опять прикладываютъ къ пяткамъ. Сапожникъ тоже ни гу-гу. — „Онъ, видно, ничего не чувствуетъ,—говорятъ дѣвушки,—пьяный должно быть!“ Сказали, подскочили къ столу и ударили кольцомъ—явилась тройка; онѣ сѣли и поѣхали. Сапожникъ—малый не промахъ: ударилъ тоже кольцомъ, и явился конь; онъ сѣлъ на коня и догоняетъ тройку; но вотъ видитъ: дерутся за находку два черта, а нашли они шанку-невидимку, скатерть-самобранку и коверъ-самолетъ; дерутся черти, чуть рога не сшибутъ, а толкомъ раздѣлить не могутъ, орутъ, визжать, ну, точь въ точь, какъ наши мужики на сѣнокосѣ, когда они не знаютъ, куда и какъ тѣвать дѣлянку этакъ воевъ въ двѣнадцать, пока ее не возьметъ попъ или брюханъ-цѣловальникъ за ведерко водки. Такъ и тутъ: бросили черти находку и бѣгутъ къ сапожнику: „почтенный, говорятъ, раздѣли и разсуди насъ!“ — „А вотъ бѣгите, я стрѣлю пушу, кто первый принесетъ, того и находка!“ Согласились черти: сапожникъ пустилъ стрѣлу, они за ней, а онъ сѣлъ на ко-

верть-самолетъ, надѣлъ шапку-невидимку, положилъ за пазуху скатерть-самобранку и какъ ни въ чемъ не бывало полетѣлъ за знакомой тройкой. Скоро нагналъ и посмѣивается себѣ. Тройка остановилась въ дремучемъ лѣсу на полянѣ, гдѣ стоялъ раскрасивый дворецъ. Дѣвки вылѣзли изъ саней и прямо во дворецъ, сапожникъ въ шапкѣ-невидимкѣ за ними и видитъ онъ, что дѣвки стали плясать на ножахъ и черти съ ними. Сапожникъ хватъ одинъ ножикъ, да въ карманъ. Поплясали дѣвки и подходятъ къ столу, а на столѣ стоитъ рюмочка и говорятъ онѣ: „налейся!“ Рюмочка сама собою наливается, и дѣвки пьютъ. Напились и пошли въ садъ. Сапожникъ рюмочку въ карманъ, да тоже въ садъ. Видитъ, дѣвки яблоки золотыя рвутъ и ѣдятъ; онъ сорвалъ одно яблоко и спряталъ въ карманъ, а тамъ сѣлъ на коверъ-самолетъ, да прямо къ купцу въ домъ, вошелъ въ горницу и легъ. Прилетѣла купцова дочка и говоритъ: „вотъ, дуракъ-то, вздумалъ слѣдить за мной, а самъ спитъ, пьяница!“ На утро купецъ и спрашиваетъ: „ну, что, дружокъ, узналъ гдѣ моя дочь бываетъ?“ Сапожникъ отвѣчаетъ: „конечно, узналъ,—у чертей, вѣстимо!“ Дочка стала отговариваться, что сапожникъ сплетаетъ про нее небылицы, чернить ее. „А это что?“ указываетъ онъ на ножъ, на рюмку и на золотое яблоко. Тутъ Катерина во всемъ повинилась, и отдалъ ее отецъ за сапожника, да и казны не мало далъ. Сыграли свадьбу, и вотъ въ первую ночь является къ молодой самъ Сатана и говоритъ: „Что-же тебя долго не видать?“ А сапожникъ надѣлъ шапку-невидимку, схватилъ Сатану за рога, оторвалъ ихъ и бросилъ подъ подушку. Взылъ Сатана и опрометью вонъ изъ горницы; засмѣялся сапожникъ и говоритъ: „ну, какъ ты теперь покажешься къ своимъ чертямъ, прогонять они тебя безрогаго“. Извѣстное дѣло, что безрогимъ чертямъ, будь онъ хоть самъ Сатана, житье плохое. Много-ли, мало-ли прошло съ тѣхъ поръ времени, сапожникъ какъ-то увидалъ ту старуху, которая дала ему добрый совѣтъ; поздоровался съ нею и на просьбу ея отдать обѣщанное, принесъ ей чертовы рога и отдалъ. Обрадовалась старуха и говоритъ: „спасибо, дружокъ, вѣкъ благодарна буду; то они, окаянные, меня мучили, а теперь я ихъ буду, благо у меня въ рукахъ рога самого Сатаны, покажу я уже ему безрогому!“ И зажилъ сапожникъ съ своей молодой женой, о старомъ ни слова, да и что про то говорить, когда настоя-

щее ужъ очень хорошо было. Кстати сказать, что ни черти и никто другой не беспокоилъ нашихъ молодыхъ.

Вотъ вамъ и сказка; какъ слышали, такъ и передаемъ вамъ. Люди ложь—и мы тожь.

Приведу, наконецъ, два маленькіе разсказа, касающіеся лично знакомыхъ мнѣ крестьянъ.

— Была у насъ на селѣ старуха, называли ее вѣдьмой. Вся ея премудрость состояла въ томъ, что она бывало залѣзетъ подъ куриную насѣсть, закудахчетъ курицей, а потомъ и тащитъ цѣлый подоль яиць. Чертъ ей яйца приносилъ, — говорить четной народъ.

— Въ селѣ Богодуховѣ, Орловскаго уѣзда, проживаетъ крестьянинъ, лѣтъ за 30-ть, Ананій Хаулинъ, который однимъ взглядомъ укрощаетъ самыхъ злыхъ собакъ, и онѣ становятся кроткими, какъ овечки. Замѣчательно, что этотъ крестьянинъ подверженъ припадкамъ въ новолуніе и обладаетъ какимъ-то особеннымъ блескомъ глазъ; глаза же у него не черные, а каріе съ темнымъ оттѣнкомъ, блестящіе. Однажды онъ ѣхалъ съ однимъ моимъ знакомымъ въ городъ Орелъ, отстоящій отъ села Богодухова въ 50-ти верстахъ; проѣзжая деревни, онъ всѣхъ встрѣчающихся собакъ собралъ около себя и собаки въ количествѣ болѣе сотни бѣжали за нимъ чуть не до города. Когда знакомый мой попросилъ его разогнать собакъ, то онъ только взглянулъ на нихъ, что-то пробурчалъ, и послѣднія, съ визгомъ, разбѣжались. — У одного арендатора былъ на привязи страшный, сильный и злой песъ; этотъ же мужичокъ поспорилъ, что онъ подойдетъ къ псу, отвяжетъ его и послѣдній пойдетъ за нимъ, ласкаясь; дѣйствительно, такъ и произошло, къ общему изумленію участвовавшихъ въ спорѣ. — Иной разъ, онъ приведетъ къ своему дому штукъ пять-шесть собакъ, которыя не даютъ проходу домашнимъ, и до тѣхъ поръ будутъ онѣ жить въ его дворѣ, пока отецъ его не угоститъ водкой, тогда онъ что-то пробурчитъ, и собаки разбѣгутся. Нерѣдко онъ, по просьбѣ моей, приводилъ ко мнѣ завѣдомо злыхъ собакъ; но сколько я ни упрасивалъ его передать секретъ подобнаго укрощенія онъ отказался, говоря, что, если передастъ, то на вѣки потеряетъ силу укрощать псовъ; узналъ же онъ означенный секретъ отъ одного странника-старика, который передалъ оный ему передъ своей смертью. Сознаюсь, что я нѣсколько разъ

поилъ Ананію водкой до пьяна, надѣясь выпытать у него тайну, но это мнѣ не удалось.

По-Божью лучше жить.

Жили два брата; занимались они извозомъ; у каждого было по три пары лошадей. Ёхали они разъ и заспорили, какъ лучше жить: старшій братъ говорить, что по Божью, правдой лучше жить, а младшій говорить, что мошенничествомъ, неправдой жить гораздо вольготнѣе; правда все въ худыхъ лаптенкахъ ходитъ; старшій же на это отвѣчаетъ, что воръ не во время обѣдаетъ, не во время спитъ, да рѣдко воры и богаты бываютъ. Спорили, спорили и поругались, а тамъ и порѣшили, какъ разсудить ихъ споръ первый встрѣчный; побились объ закладъ на три лошади. Ёдутъ. Встрѣчается дьячокъ; братья къ нему: какъ лучше жить? Дьячокъ и говорить: „была правда на землѣ, да Богъ ее на небо взялъ, кто теперь правдой живетъ!“ Проигралъ старшій тройку лошадей. Поспорили на остальную. Ёдутъ. Встрѣчается дьяконъ. Братья опять къ нему за рѣшеніемъ спора. Дьяконъ отвѣтилъ: „прогнали правду со свѣта, не знаю, куда она дѣлась, видно, къ Богу ушла“. Проигралъ старшій братъ послѣднюю тройку, но все твердитъ, что правдою лучше жить и что есть она на свѣтѣ. Объ закладъ битъ ему не на что; однако, порѣшили до третьей встрѣчи и что третья встрѣча скажетъ, то быть по сему: если неправдой, то пусть младшій выколетъ ему глаза, а если правдой, то долженъ послѣдній отдать обратно проигранныхъ лошадей. Сказано, сдѣлано. Ёдутъ. Встрѣчается попъ. Братья къ нему опять съ тѣмъ же вопросомъ: какъ лучше жить, по Божью—правдой или неправдой. Усмѣхнулся попъ и говорить: „эхъ, вы, дурни, гдѣ вы нашли правду? ее и на судѣ нѣтъ, ее и у насъ нѣтъ; зло—лучше добра“. Выкололъ тогда младшій братъ глаза старшему и бросилъ его въ чистомъ полѣ. Лежалъ правдолюбецъ, лежалъ, а тамъ и давай ползти; ползъ, ползъ, доползъ до дерева и думаетъ: дай, тутъ переночую, а тамъ, что Богъ дастъ. Легъ и спитъ себѣ. Вдругъ, не задолго до полночи, слышалъ онъ шумъ: кто-то слетается на это дерево. Оробѣлъ онъ, узналъ, что это черти; но дѣлать нечего—лежитъ. Слетѣлись черти и и выхваляются, кто больше зла натворилъ. Одинъ чертъ и говорить: „я смутилъ двухъ братьевъ,

одинъ у другаго лошадей отобралъ да и глаза ему выкололъ.“— „А какъ ихъ, глаза-то, вылѣчить, спрашиваетъ одинъ изъ чертей.— „Да очень просто: вотъ, здѣсь подъ дубомъ колодезь, умыться въ немъ утреннею и вечернею зорей три раза и зрячимъ будетъ“. А то одинъ изъ чертей разсказалъ, что онъ въ такомъ-то царствѣ отвелъ всю воду, и что если яблоню, которая растетъ возлѣ царскаго дворца, выдернуть, то и вода полется по всѣмъ ключамъ. Много и другаго говорили черти, но слѣпой ужъ и не слушалъ ихъ; только-что они улетѣли, поползъ бѣдняга и ищетъ оцупью колодезь—нашелъ; умылся разъ, другой, третій, а тамъ дождался вечерней зари, умылся еще три раза—и сталъ все видѣть; перекрестился и давай Богъ ноги, да прямо въ то царство, гдѣ вода была отведена. Приходитъ и берется возвратить воду. Выдергиваетъ яблоню, что возлѣ царскаго жилья росла, и вдругъ вода потекла изъ всѣхъ ключей. Наградилъ его царь очень щедро, и сталъ бывшій слѣпой страшнымъ богачомъ. Долго-ли, коротко-ли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ своимъ братомъ, однако, соскучился по своей родинѣ и отправился туда. Приходитъ и узнаетъ, что братъ его младшій сталъ послѣднимъ бѣднякомъ на селѣ. Повидался онъ съ нимъ и спрашиваетъ: „отчего ты, братецъ, обѣднялъ?“ Залился слезами младшій братъ и говоритъ, что Богъ его наказалъ за неправду, и сталъ просить у него прощенья. Старшій зла не зналъ, простилъ его, наградилъ, купилъ ему лошадей, и сталъ младшій братъ жить лучше прежняго и не говорилъ уже, что неправдой вольготнѣе жить.

Неразмѣнныя деньги.

Ходитъ повѣрье про заколдованныя и неразмѣнныя деньги; хоть сколько угодно покупай, да сдачу бери, и твой рубль или двугривенный непременно къ тебѣ придетъ невидимкой, а переносить его чертъ.—Быль у одного мужичка заколдованный рубль; придетъ мужичекъ въ лавку или кабакъ, возьметъ чего ему угодно, но только не на весь цѣлковый, а хоть копѣйку да сдай; придетъ домой, а рубль у него опять въ карманѣ. Повидался мужикъ ходить съ рублемъ къ цѣловальнику; сначала послѣдній не замѣчалъ, что рубль отъ него бѣгаетъ, но наконецъ замѣтилъ, и вотъ, какъ-только мужичокъ отдастъ рубль, возьмъ сдачу, то цѣловальникъ

проткнулъ этотъ рубль и надѣлъ на проволоку; немного спустя цѣлковый и давай бѣгать по проволокъ; „нечистая сила, стало-быть, его двигала“,—добавилъ рассказчикъ.

Заѣхали мужички въ кабачекъ, пьютъ водочку, а цѣловальникъ невзначай уронилъ двугривенный; одинъ изъ мужиковъ замѣтилъ это и ну нагибаться, чтобы взять его; анъ, не тутъ-то было, двугривенный прочь откатывается; долго ловилъ его мужикъ, пока не примѣтилъ самъ цѣловальникъ, который усмѣхнулся, подошелъ и взялъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свой двугривенный,—заколдованный, значить, онъ былъ.

Что касается знахарей и знахарокъ, то послѣднихъ въ описываемой мною мѣстности не существуетъ. „Были, говоритъ народъ, у насъ и знахари, и знахарки, да очень давно, а теперь перевелись“. Впрочемъ, попадаются кое-гдѣ изрѣдка старухи, которыя наговариваютъ воду, заговариваютъ зубы, гадаютъ на картахъ, но такъ-какъ ихъ бессмысленные заговоры и гаданья не приносятъ вещественнаго результата, то народъ не вѣритъ имъ и пересталъ ходить къ нимъ за совѣтомъ.

Теперь, чуть заболѣетъ скотина, мужичекъ ѣдетъ къ „витинару“; заболѣетъ самъ или кто изъ домашнихъ, обращается къ „дохтуру“, все равно какъ въ судбищахъ своихъ совѣтуется съ „аблакатомъ“, такъ что эти три слова: „витинарь“ „дохтуръ“ и „аблакатъ“ получили равное право гражданства въ простонародномъ языкѣ.

Въ заключеніе этой главы приведу я извѣстный между крестьянами описываемой мною мѣстности рассказъ про знаменитаго Платова, атамана Донскихъ казаковъ, который иногда представляется чѣмъ-то въ родѣ оборотня, ускользающаго отъ рукъ Наполеона, хотя въ нашемъ рассказѣ не объ этомъ рѣчь.

Атаманъ Платовъ и слѣпые.

Ѣдетъ атаманъ Платовъ на своемъ любимомъ конѣ; весело скачетъ онъ: много, знать, перебилъ и забралъ въ плѣнъ французовъ; проѣзжаетъ Платовъ мимо рѣки, видитъ расположились на берегу слѣпцы, развели костеръ и пекутъ блины. Ничего не говоря, Платовъ подскакиваетъ на конѣ къ костру, хватъ копьемъ, а блинъ уже у него; скушалъ его Платовъ, понравился блинокъ,—онъ въ

другой, въ третій разъ и т. д. достаетъ блинкі копьемъ и кушаетъ себѣ на здоровье. Не понравилась такая шутка слѣпцамъ, крѣпко ругнули они вора, но что дѣлать?—не зрячіе: поймать не могутъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, долго не думавши, какъ хватить палкою на удачу, а Платовъ, тутъ-какъ-тутъ: схватилъ палку на лету; посмотрѣлъ на нее, видитъ: палка палкою, но хороша, тяжеловѣсна, обдѣлана славно. „Дай, думаетъ онъ, возьму ее,—годится дома свиньямъ мѣсиво мѣсить, знатная мѣшалка!“ Подумалъ, да и взялъ. Пріѣзжаетъ домой и приказалъ этою палкою свиньямъ кормъ мѣсить.

Долго-ли, коротко-ли прошло время, а атаманъ забылъ и блины которые воровалъ у слѣпыхъ, забылъ и про ихнюю палку, что взялъ съ собою. Однажды, въ лѣтнюю пору сидитъ Платовъ на балконѣ и забавляется чайкомъ; глядь, идутъ слѣпые и прямо къ балкону: просятъ милостыню, поютъ за это стихи про Лазаря и и другіе. Остановились слѣпцы подлѣ балкона, сказали и пропѣли обычное. Тутъ-то Платовъ вспомнилъ, какъ онъ кушалъ блины, вспомнилъ и про палку, да къ тому же и лица слѣпцовъ показались ему знакомы. Завелъ онъ съ слѣпыми разговоръ прежде о томъ о семъ, а тамъ незамѣтно перешелъ къ давно минувшимъ блинамъ.—„Да, блинкі-то хороши, да давно ужъ они намъ опостылѣли,“ говорятъ слѣпцы.—„Почему такъ?“ спрашиваетъ атаманъ. И повторили слѣпцы знакомую намъ исторію, и добавили еще: „люба, очень любя намъ была та палка, хотъ передъ смертію нашею Богъ привелъ бы поддержать ее!“ Ушли слѣпые. Платовъ тотчасъ же спрашиваетъ у слугъ, гдѣ та палка, которою онъ велѣлъ мѣсить кормъ свиньямъ; оказалось, что палка цѣла, принесли ее. Осмотрѣлъ ее атаманъ, осмотрѣлъ внимательно и замѣтилъ секретное мѣсто; палка имѣетъ растворъ. Мигомъ ларчикъ былъ отпертъ и посыпались изъ палки „золотые“.—„Такъ вотъ почему любя была слѣпымъ ихъ палка,“ подумалъ атаманъ.—Неизвѣстно, возвратилъ-ли онъ слѣпымъ ихъ палку и золото,—про это умалчиваютъ расказики, однако, думаютъ что нѣтъ. „—На что, молъ, слѣпцамъ золото, а мнѣ оно все-таки пригодится“.

III. Разныя суевѣрія и предрассудки.

Есть немало суевѣрій относительно міра видимаго и различныхъ случаевъ жизни, но они болѣе или менѣе общеизвѣстны. Таковы

взгляды на радугу, тянущую воду изъ моря къ небу, на млечный путь, какъ на дорогу къ Іерусалиму, на кометы—предвѣстники войны, мора, голода и т. п., на падающія звѣзды, показывающія каждый разъ, что-кто нибудь умеръ. Народъ вѣритъ, что за видимымъ небомъ есть еще семь небесъ, что солнце, обойдя землю, при закатѣ опускается въ море, что на солнце можетъ смотрѣть свободно только праведникъ, что на лунѣ видно изображеніе, какъ Каинъ убилъ брата своего Авеля, и что поэтому убійства происходятъ болѣе ночью, что убійца подговариваетъ на злодѣйство Каинъ, для чего послѣдній и является будто-бы на лунѣ.

Обычны взгляды на громъ, какъ на ѣзду Ильи Пророка, высѣкающаго копытами лошадей огонь—молнію; а такъ какъ Илья Пророкъ ѣздитъ въ колесницѣ, а не на саняхъ, то зимою грома не бываетъ; притомъ ему нечѣмъ колеса мазать да и холодно ему, вѣдь онъ сбросилъ съ себя верхнюю одежду Елисею. Если пожаръ случился отъ молніи, то тушить его никакъ нельзя, развѣ только, при началѣ, можно залить коровьимъ молокомъ или же бросить яйцо, полученное отъ священника при христосованіи съ нимъ во время свѣтлой заутрени. Во время грозы не слѣдуетъ становиться подъ дерево или стоять въ толпѣ людей, а то черти, боясь грозы, прячутся за деревья и людей, такъ-что молнія, мѣтаясь въ черта, промахнется и можетъ легко убить человѣка. Если гроза застигла тебя въ полѣ, то молитву твори, а шапки не снимай, а то черти залѣзутъ въ шапку, и въ нее тогда легко ударить молнія и тебя можетъ убить. Молнія поражаетъ стрѣлою, и эти стрѣлы нѣкоторые находятъ и берегутъ, а для чего—неизвѣстно. Какъ только прогремитъ первый громъ, крестьянки бѣгутъ къ рѣкѣ и умываются, говоря, что громъ освѣжилъ воду, оживилъ ее, и этимъ онѣ будто-бы предохраняютъ себя отъ болѣзней; другія это дѣлаютъ для того, чтобы лицо у нихъ не старѣлось; тоже самое крестьянки дѣлаютъ во время половодья, какъ только тронется ледъ.

Приведу кстатѣ молитву во время грозы и молніи, записанную мною въ Малоархангельскомъ уѣздѣ: „Святъ, Святъ, „Святъ Господь Богъ Саваоохъ, сѣдай на облацѣхъ и обладая громомъ и молніею, проливая дождь на источники водные. Владыко Святый, страшный, грозный Судія! Да бѣжитъ Сатана

отъ мѣста сего, отъ храмины сея и отъ насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ (имя рекъ) въ пропасть адскую и да не возвратится оттуда, боящися Имени Твоего Святаго, Отца, Сына и Святаго Духа, аминь“.

Если идетъ градовая туча, то нѣкоторые изъ крестьянъ, чтобы избавиться отъ града, поступаютъ такъ: на Страстной недѣлѣ, когда плащаница находится среди храма, берутъ восковую свѣчу, ставятъ ее въ подсвѣчникъ, стоящій возлѣ плащаницы, замѣчаютъ эту свѣчу и просятъ церковнаго сторожа, чтобы онъ ее не бралъ, а подъ плащаницу кладутъ бѣлую салфетку; затѣмъ въ Великую субботу берутъ замѣченную свѣчу и салфетку, уносятъ домой, и берегутъ; когда же идетъ градовая туча, то зажигаютъ свѣчу предъ иконами, разстилаютъ салфетку тутъ же на особомъ столкѣ и просятъ въ молитвахъ, чтобы Богъ избавилъ поле ихъ отъ градобитія. Увѣряютъ, что, кто такъ дѣлаетъ, тотъ избѣжитъ несчастія.

Если увидишь градовую тучу, то брось связку ключей за окно, и града тоже не будетъ.

Кстати о свѣчѣ. Если женщина мучается во время родовъ, то слѣдуетъ зажечь предъ иконами ту свѣчу, которую она держала при вѣнчаніи.

Когда же ѣдешь вѣнчаться, то олояшься рыболовной сѣтью и тогда поѣзжай себѣ съ Богомъ: никто тебя не испортитъ, колдунъ не подступится. Тогда врагъ испортитъ, если развяжетъ всѣ узелки въ сѣти, что невозможно. Берутъ также горбушку пирога и кладутъ ее подмышку, тогда женихъ можетъ смѣло ѣхать въ церковь вѣнчаться.—Найди гороховый струкъ съ девятью зернами, и когда свадебный поѣздъ отправляется къ церкви, то положи струкъ въ повозку, гдѣ невѣста, и скажи: „въ струку девять зеренъ, десятая невѣста, а лошадямъ ни съ мѣста“. Тогда лошади не тронутся съ мѣста, пока не вынешь стручка изъ повозки.

Изъ болѣе крупныхъ суевѣрій слѣдуетъ отмѣтить отношеніе крестьянъ къ эпидемическимъ болѣзнямъ, напр. холерѣ.

Разскажемъ случай, какъ лѣтомъ 1893 года въ селѣ Богодуховѣ выгонялась холера. Дѣло было такъ: собрались крестьянки, преимущественно вдовы и дѣвки, поздно вечеромъ, впрягли въ соху одну дѣвку, а другая держала за обжи, остальные же

начали бить и стучать въ косы; одна изъ вдовъ несла впереди образъ св. Власія, и такимъ образомъ началось проведеніе боро-
розды кругомъ села, причемъ подъ звонъ косъ пѣли:

„Идетъ Власій святой
Со ладаномъ, со книгою, со свѣчей,
А вдовица со горячей кочергой.
А гдѣ это видано,
И гдѣ это слыхано,
Чтобы дѣвки пашню пахали,
А бабы разсѣвали,—
Помилуй насъ, Боже!“

Затѣмъ пѣли еще:

„Смерть, смерть, выйди вонъ
Изъ нашего села,
Изо всякаго двора;
Насъ идетъ девять дѣвокъ, девять бабъ,
Девять маленькихъ ребятъ;
Три солдатки, три вдовы,
Три замужнія жены“.

Затѣмъ, по верхамъ, по лощинамъ, встрѣчающимся на пути, а также на перекресткахъ жгли солому и прыгали черезъ нее, при чемъ били кнутомъ и пѣли вышеприведенныя пѣсни. Пѣ-
ли они грустно и жалобно; вся картина шествія освѣщалась фо-
наремъ, привязаннымъ къ высокому шесту, который несла одна изъ дѣвокъ, такъ что картина эта въ темную ночь казалась фан-
тастичною. Обходили село три ночи подъ рядъ, въ послѣднюю же
ночь надъ воротами у cadaго двора писали дегтемъ крестъ. Надо замѣтить, что зачинщицею, коноводомъ всего этого была одна 70-лѣтняя старуха-вдова, и въ шествіи участвовало не болѣе 30-ти человѣкъ, каковое число очень не велико въ сравненіи съ общимъ количествомъ населенія, такъ какъ въ Богодуховѣ най-
дется болѣе тысячи наличныхъ душъ мужского и женскаго пола. Какое же впечатлѣніе произвело это шествіе на остальныхъ, не участвовавшихъ въ немъ? Можно съ увѣренностью сказать, что никакого; всѣ не участвующіе смѣялись надъ этой процессіей и вѣры этому хожденію не давали, что означаетъ, что обычай выгонять бо-
лѣзнь такимъ, описаннымъ мною способомъ, устарѣлъ, и ему самому

угрожаетъ смерть. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ Богодуховѣ это шествіе въ другой разъ врядъ ли повторится, а особенно послѣ того, какъ виновница этого шествія сама заболѣла холерой и чуть не переселилась въ мѣста безпечальныя; но, будучи удержана отъ вѣчной жизни врачомъ и уходомъ сестеръ милосердія, старушка эта стала теперь посмѣшищемъ всего села: всѣ говорятъ, что она загнала холеру въ свой дворъ и поэтому заболѣла.

Особенно важно слѣдующее повѣрье, ведущее къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Если у мертвеца отрѣзать кисть руки и съ нею объѣхать три раза кругомъ деревни, то всѣ тотчасъ же уснутъ, и вору тогда удобно воровать; также, если сдѣлать изъ жиру умершаго свѣчу и таковую зажечь, то всѣ будутъ крѣпко спать, а потушить эту свѣчу, то проснутся. Въ подтвержденіе этого повѣрія привожу ходячій рассказъ: „Жилъ былъ старикъ-крестьянинъ; у него было три сына; жилъ мужикъ богато. Разъ пропали у него двѣ любимыя савраски. Долго горевалъ мужичокъ о своихъ лошадакахъ, долго горевалъ, и все онѣ грезились ему во снѣ. Какъ-то разъ старикъ и говоритъ: „прошайте, дѣтушки, пойду искать своихъ лошадокъ,—не даютъ онѣ мнѣ сердечныя покою“. Что жъ дѣлать? Хозяинъ—баринъ; дѣтки ему ни слова; такъ и отправился нашъ старикъ искать своихъ саврасокъ. Проходитъ мѣсяць, другой, близко уже къ году, а старикъ все никакъ не найдетъ лошадокъ, и слуху про нихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Идетъ онъ какъ-то по чисту полю и видитъ: стоитъ хатка; заходитъ въ нее, снялъ шапку, перекрестился на святой уголъ, смотритъ — сидитъ старушка и придетъ пряжу; поздоровался старичокъ, оглядѣлся кругомъ, сѣлъ на лавочку, а самъ думаетъ: „дѣло не чисто: изба въ полѣ одна одинешенька, но чтобы старуха жила въ ней тоже одинешенька, безо всякаго дѣла, то это не можетъ быть“. Однако, старикъ сказался воромъ и легъ на печь—отдохнуть. Не успѣлъ старичокъ вздремнуть, вдругъ пріѣзжаетъ трое здоровенныхъ молодцовъ; увидали они гостя и говорятъ: „Ага, баранчикъ есть!—Кто это у тебя старуха?“—„Да изъ вашихъ сказался“, отвѣчаетъ та.—„Ну-ка, слѣзай, дѣдушка“, говорятъ молодцы. Старикъ слѣзъ, поздоровался и рассказалъ, что онъ такой же, какъ и они, но вотъ бѣда: сбился съ дороги и попалъ невѣдомо куда. Долго разговаривалъ старикъ со своими новыми хозяевами и на вопросъ

послѣднихъ, не знаетъ ли онъ въ своей округѣ какого богача, у котораго и деньжонки были бы, да и лошадки хорошія, то онъ, не долго думавши, указалъ на свой дворъ. Обрадовавшись, молодцы поѣли, улеглись, а на утро запрягли пару лошадей и зовутъ съ собой старика прокатиться. Вышелъ онъ, посмотрѣлъ на пару и екнуло у него сердце: лошадки-то его. Дѣлать нечего, — садятся и ѣдутъ въ ту деревню, гдѣ жилъ богачъ, указанный старичкомъ. Подъѣзжаютъ разбойнички, вынимаютъ кисть руки отъ мертвеца, объѣзжаютъ три раза деревню и прямо въ старичковъ дворъ. Привязали лошадокъ, входятъ въ хату—всѣ спятъ. Тогда они зажигаютъ еще свѣчу изъ мертваго человѣческаго жиру и потомъ уже начинаютъ искать деньги, которыя скоро и нашли подъ печкой, а тамъ идутъ и за лошадами на дворъ. Вдругъ старичку словно кто шепнулъ: „погаси свѣчку-то, чего глядишь!“ Старикъ погасилъ, и всѣ проснулись. Не долго думавши, сыновья стариковы подняли шумъ, гвалтъ; прибѣжали сосѣди, посхватили разбойниковъ, отобрали у нихъ деньги. Такъ и нашелъ своихъ лошадокъ нашъ старичокъ“.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье люди, занимающіеся воровствомъ, стараются непременно что-нибудь стянуть, надѣясь, что тогда они будутъ имѣть удачу въ своемъ промыслѣ.

Менѣе важны, а иногда и совсѣмъ безобидны другія суевѣрія, которыхъ наберется немало. Такъ, подъ большіе праздники и въ самые праздники не даютъ ничего сосѣдамъ изъ боязни, что счастье унесешь изъ дому. Также ничего не даютъ, когда корова отелился; если же беременная женщина что-либо попроситъ въ какое угодно время, то надо обязательно дать ей просимое, не то мыши изгрызутъ что-либо.

Когда несутъ на кладбище покойника, то первому встрѣчному даютъ полотенце или платокъ, а зачѣмъ—не знаютъ; говорятъ: „такъ себѣ, старики это дѣлали и намъ заказали“.

Когда ѣдешь за копнами въ поле, то возьми первый попавшійся камень, положи его въ телѣгу и береги; когда же привезешь снопы съ поля и будешь закладывать однокъ, то этотъ камень положи подъ низъ, тогда мышей не будетъ въ одонкѣ. А можно дѣлать и такъ: когда пріѣдешь въ поле, то прежде, чѣмъ накладывать снопы на телѣгу, спроси у товарища до трехъ разъ: „во что было Благовѣщеніе?“ Тотъ отвѣтитъ, и тогда первый снопъ

брось наотмашь въ телѣгу, послѣ чего смѣло клади одонокъ: хотъ три года онъ стой, а мышей не будетъ.

Если заблудишься, то надѣнь крестъ на спину, стряхни одежду, полы заворачи назадъ за поясъ, дугу перепряги назадъ кольцомъ.

На распутьяхъ, гдѣ сходятся или перекрещиваются дороги, народъ останавливается и обязательно крестится изъ какого-то суевѣрнаго страха, въ видѣ предосторожности и охраны себя отъ дурного.

Какъ отыскать утопленника? Надо зажечь свѣчу, поставить ее въ деревянную чашку и пустить по водѣ: гдѣ чашка остановится, тамъ надо искать утопленника.

Когда летятъ дикіе гуси, то бери скорѣе пукъ соломы и клади его въ плетухи, гдѣ сидятъ на яйцахъ домашнія гуси, и выводъ тогда будетъ удачный.

Воронъ каркаетъ—къ несчастью; собака воетъ—къ пожару, а сычъ гдѣ кричитъ, то въ этомъ домѣ будетъ скоро или мертвецъ, или новорожденный.

Увидишь молодой мѣсяцъ, то скинь шапку, прочти три раза „Отче нашъ“, и зубы у тебя не будутъ болѣть. Старайся увидеть новый мѣсяцъ правой стороною, тогда цѣлый мѣсяцъ будетъ во всемъ удача.

Если собираешься въ дорогу и пойдетъ дождь, то дорога будетъ благополучна.

Встрѣтится кто съ порожнимъ или на лысой лошади, лучше вернись: проку будетъ мало.

Идешь и вьется надъ тобой орелъ, то это къ счастью, а если воронъ, то плохо будетъ.

Птичку ласточку народъ любитъ и гнѣздъ не разоряетъ, называя ее ласково касаточкой, между тѣмъ какъ гнѣзда другихъ птицъ подвергаются сплошному разоренію.

Воробей влетитъ въ домъ—это предвѣщаетъ перемѣну мѣстожителѣства.

Пѣтухи поютъ раньше полуночи—веселая ночь.

Курица кричитъ пѣтухомъ—къ несчастью.

Говорятъ, что не хорошо водить голубей-хохлачей у кого есть дѣти, не то послѣднія плохо будутъ учиться.

Не только на яву, но и во снѣ видѣть иныя вещи нехорошо. Такъ, народъ вѣрить, что, если видишь во снѣ коровъ, то это къ свиданію съ родными¹⁾; если же лошадей, то услышишь про себя ложь; собакъ видѣть—это къ друзьямъ.

Полю во снѣ мыть—къ перемѣнѣ житья, мѣстожителства.

Кусокъ полотна развѣртывать—къ дорогѣ.

Видѣть выпавшій у себя зубъ съ кровью—къ смерти родственника, а безъ крови—къ смерти просто знакомаго человѣка.

Птицъ видѣть во снѣ—къ счастью.

„Осина дерево нехорошее“, говоритъ народъ: „на ней удавился Іуда, оттого она и трепещетъ листочками“. По мнѣнію народа, Іуда-предатель былъ рыжій, потому и святыя рыжими не пишутся. „Рыжихъ, да красныхъ во святыхъ не бываетъ“, говоритъ народъ.

О происхожденіи картофеля въ народѣ рассказываютъ, что по смерти Ирода изъ него выпали внутренности, изъ которыхъ и произошелъ картофель.

Нѣчто подобное рассказывается и про табакъ. Къ одному острову прибило волной трупъ женщины-блудницы; изъ желудка ея выросла трава, которую стали курить и нюхать.

Въ селѣ Богодуховѣ и смежныхъ селеніяхъ не говорятъ: „иду домой“, а „иду ко двору“. Домой—это значитъ на погостъ, объясняетъ народъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вѣра въ сверхъестественное все болѣе ослабѣваетъ въ народѣ. Про несбыточность многихъ старинныхъ вѣрованій народъ говоритъ, что теперь не тѣ времена, что люди хитрѣе черта стали, а чертушка теперь недвижимъ въ грустяхъ сидитъ. Другія вещи народъ объясняетъ совершенно реально, напр., про сновидѣнія, привидѣнія нерѣдко говорятъ, что это „такъ себѣ, кровяца играетъ“.

А. И. Ивановъ.

¹⁾ Срв. пѣсенку Череповец. у. Новгор. губ.:

„Мнѣ вчераича приснилась голова коровья:
Придетъ милый изъ солдатъ по слабости здоровья“.

Малороссійское жилище.

I.

Села и деревни Малороссіи ютятся обыкновенно вблизи рѣкъ, занимая мѣста, непригодныя для обработки въ пахатныя поля, либо песчаныя, либо изрѣзанныя глубокими оврагами; въ степныхъ же пространствахъ, съ гладкою или немного волнистою поверхностью, поселки располагаются въ видѣ хуторовъ въ нѣсколько избъ; въ этихъ мѣстностяхъ рѣдко можно встрѣтить большое село, да и то почти всегда въ мѣстахъ низовыхъ, при стѣвахъ (озерахъ). Если село расположено на ровной мѣстности, то верстъ за десять виднѣются группы деревьевъ, среди которыхъ потомъ показываются соломенные крыши хатъ.

Село состоитъ изъ единственной улицы, по сторонамъ которой тянутся плетни; на эту улицу часто выходятъ узкіе кривые переулки, оканчивающіеся дворомъ или выходящіе на выгонъ или въ поле. Существованіе этихъ переулковъ объясняется именно наличностью только одной улицы въ селѣ: усадьбы, расположенныя за усадьбами, примыкающими непосредственно къ улицѣ, сообщаются съ этой послѣдней переулкомъ, проходящимъ на границѣ дворовъ двухъ сосѣдей. Переулки, оканчивающіеся выгономъ или полемъ, существуютъ для сокращенія дороги.

Жилыя постройки располагаются внутри двора, на улицу выступаютъ только служебныя; изба окнами на улицу встрѣчается рѣдко, да и то не на линіи плетня, а нѣсколько отступя отъ него. Въ селѣ, расположенномъ на „ярѣхъ“ (оврагахъ), часто встрѣчающихся вдоль правыхъ береговъ Сулы, Псела, Ворсклы и ихъ притоковъ, „грунты“ (усадьбы) разбросаны по склонамъ овраговъ, на долю же улицы приходится обыкновенно лощина между оврагами; проѣздъ по такой улицѣ крайне неудобенъ весною и осенью.

Какова - бы ни была мѣстность, расположеніе построекъ въ предѣлахъ „грунта“ отличается чрезвычайной скученностью; холодныя постройки двора нерѣдко строятся вплотную другъ къ другу. Болѣе поодаль „ставится“ хата (на разстояніи 3 — 6 аршинъ) и клуня (на разстояніи 10 — 30 сажень); разстояніе между тѣми и другими обусловливается размѣрами усадьбы.

Сосѣдь отъ сосѣда отгораживается плетнемъ, но постройки обоихъ сосѣдей приходится вплотную одна къ другой; такой способъ стройки мотивируется двумя соображеніями хозяевъ: во-первыхъ, чтобы дворъ съ его постройками занималъ возможно меньше мѣста, — больше останется для огорода; во-вторыхъ, скученность построекъ сосѣдей, а слѣдовательно и всего села удерживаетъ отъ мести „краснымъ плѣтухомъ“.

Насколько я могъ замѣтить, типы употребляющихся въ хозяйственномъ обиходѣ построекъ прочно установились и по внѣшнему виду и по цѣлямъ, для которыхъ онѣ служатъ; но присутствіе той или другой изъ нихъ въ составѣ хозяйства зависитъ отъ степени благосостоянія хозяина. Не будетъ ошибкой сказать, что количество построекъ, да еще размѣры усадьбы—это единственное, что отличаетъ богатаго хозяина отъ бѣдняка; внутренность избы, ея размѣры, ея обстановка одинаковы у тѣхъ и другихъ: она ограничивается только необходимымъ.

По количеству построекъ, т.-е. по степени благосостоянія хозяина, усадьбы можно раздѣлить на три категоріи:

Къ *первой категоріи* относятся усадьбы, въ которыхъ хата да „хливѣць“ (плетеный сарайчикъ) на полудесятинѣ всего грунта удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ хозяйства. Хата въ такой усадьбѣ состоитъ собственно изъ хаты и сѣней. Въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, она строится изъ дерева; въ другихъ, за дороговизной матеріала, стѣны плетутся изъ вербы и обмазываются глиной съ навозомъ или же возводятся изъ глины. (О „глинобитныхъ“ хатахъ я скажу ниже).

Только крайняя бѣдность владѣльца заставляетъ его отказаться отъ мѣста для склада хозяйственныхъ принадлежностей: при малѣйшей возможности онъ строитъ себѣ т. н. „хижу“, крошечное помѣщеніе, крытое одной крышей съ хатой и сѣнями, помѣщающееся по другую сторону сѣней и имѣющее плетеные, вымазанные глиной стѣны. Рисунокъ первый изображаетъ такую хату. Лѣвая сторона, ближе къ зрителямъ—жилое помѣщеніе; далѣе слѣдуютъ сѣни съ наружной дверью, а еще дальше — хижка. Очень часто можно встрѣтить хату безъ сѣней, съ выходомъ непосредственно во дворъ; такая постройка есть явленіе временное, объясняющееся недостаткомъ средствъ построить одновременно хату и сѣни. Какъ временная постройка, она имѣетъ съ одной стороны недооконченную крышу, которая продолжится при предполагаемой постройкѣ сѣней и хижки (коморы); эта хата изображена на рисункѣ третьемъ. Недостающий четвертый скатъ крыши забивается иногда на-скоро досками.

Ко *второй категоріи* относятся усадьбы, въ которыхъ къ хатѣ, по другую сторону сѣней, пристраивается „комора“, составляющая съ хатой одно цѣлое, крытая одной крышей и построенная изъ бревенъ такъ же, какъ хата и сѣни. Отъ хаты по своему внѣш-

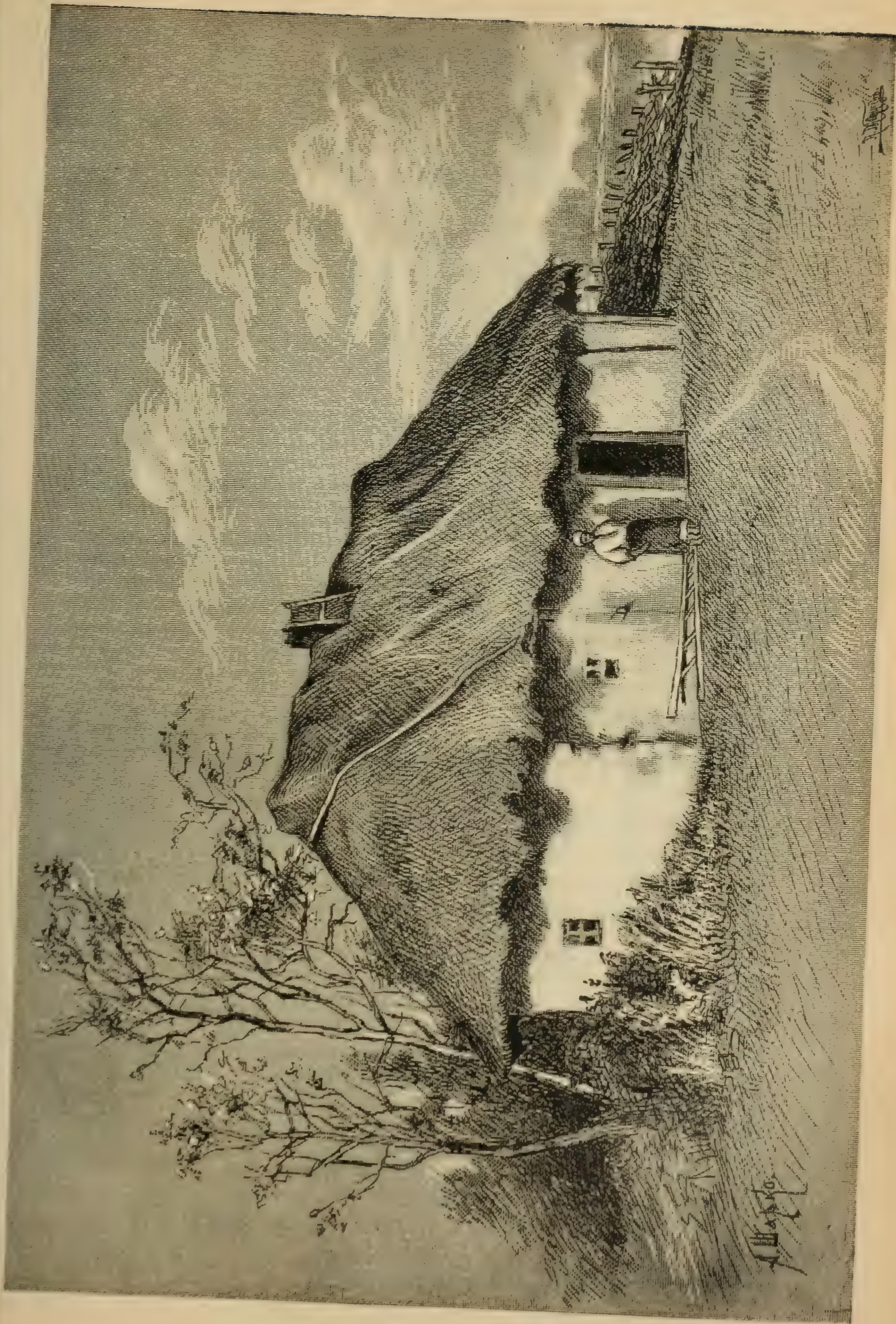

Рис. 1. Хата съ сѣнями и хижою.

нему виду она отличается, во-первыхъ, отсутствіемъ оконъ, во-вторыхъ, досчатымъ поломъ, котораго въ хатѣ нѣтъ, въ 3-хъ тѣмъ, что бревна коморы кладутся не прямо на землю, а устанавливаются на „торчахъ“, бревенчатыхъ подставкахъ, врытыхъ въ землю и поэтому почти незамѣтныхъ снаружи; наконецъ, въ 4-хъ—стѣны коморы, въ противоположность стѣнамъ хаты, не обмазываются снаружи глиной и не бѣлятся мѣломъ.

Назначеніе коморы—складъ хозяйственныхъ принадлежностей, необходимыхъ подъ рукой во всякое время. Въ коморѣ стоятъ скрини—высокіе сундуки на колесахъ, наполненные холстами, принадлежностями одежды будничной и праздничной. Если въ домѣ невѣста, то она имѣетъ тамъ свою скриню, въ которую она складываетъ приданое, накопляемое во время своей дѣвичьей жизни: холсты, плахты, запаски (фартухи), ленты, намыста (ожерелья). Въ коморѣ находится жердь для вѣшанья верхняго платья (свитокъ), всевозможный хозяйственный хламъ, въ родѣ пустыхъ боченковъ, ломанныхъ скамеекъ, орудія и инструменты—косы, серпы, грабли, топоры, пилы и пр. Если у хозяина есть пасѣки, то въ коморѣ помѣщаются еще „липовки“ съ медомъ. (Липовка—липовый цилиндрической, выдолбленный внутри сосудъ); „медянки“—ульи съ медомъ отъ выгнанныхъ пчелъ, „вощанки“—ульи съ начатой пчелами кладкой воска. На рисункѣ второмъ изображена хата съ коморой. Для освѣщенія коморы вырубаются маленькое оконце, поближе къ крышѣ, обыкновенно въ формѣ креста, состоящаго изъ 4-хъ треугольниковъ вершинами другъ къ другу, основаніями врозь. Кромѣ коморы въ усадьбахъ второго вида имѣется еще „хливъ“ для свиней, отдѣльная часть его для лошади и коровы (если таковая имѣется), „погребникъ“ и „клуна“.

„Хливъ“—четыреугольный плетеный сарай, крытый соломенной крышей. Очень часто, для тепла, необходимаго скоту въ сильные морозы, хливъ обмазывается глиной съ новозомъ. Размѣры хлива зависятъ отъ количества лошадей и свиней, отъ присутствія или отсутствія коровы. Форма хлива продолговатая. „Погребникъ“—квадратная плетеная постройка, съ конусообразной соломенной крышей. Эта постройка есть собственно крышка для погреба—четыреугольной ямы до 4-хъ аршинъ глубины, на дно которой ведетъ „драбина“—лѣстница изъ 2-хъ жердей, соединенныхъ поперечными прутьями—„щаблями“. Назначеніе погребника ясно: онъ служитъ для сохраненія продуктовъ отъ разложенія во время жары. Разрѣзъ погребника изображенъ на чертежѣ 1-мъ, фиг. I: вырывается въ землѣ яма (а) на 4 аршина въ глубину и отъ 4 до 6 аршинъ въ длину и ширину; обставляется по сторонамъ бревнами; надъ ямой, по срединѣ, кладется дубовая балка, и затѣмъ яму закрываютъ досками, оставивъ дыру для прохода внутрь. Надъ досками, закрывающими яму, выстраиваютъ погребникъ (b), имѣющій 2 аршина съ лишкомъ вышины. Кромѣ описаннаго

встрѣчаются и двускатные погребники въ родѣ изображеннаго на чертежѣ 1-мъ, фиг. II.

„Клуня“—постройка для складыванія сноповъ, привезенныхъ съ поля, и для обмолачиванія хлѣба. Строится клуня слѣдующимъ образомъ: дубовый стержень, вышиною отъ 10 до 12 аршинъ съ вилообразнымъ развѣтвленіемъ, служитъ „сохой“—это столбы, составляющіе опору всей клуни. По количеству сохъ клуни бываютъ „четырёхсошныя“, „шестисошныя“, „двѣнадцатисошныя“. Обыкновенная клуня — четырёхсошная; весьма рѣдко, у зажиточныхъ крестьянъ, встрѣчаются шести-сошныя клуни; двѣнадцати-сошныя бываютъ только у помѣщиковъ при 1000 и болѣе десятинахъ земли. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду четырёхсошную клуню. Установивъ четыре сохи на разстояніи 10—12 арш. одна отъ другой, приступаютъ къ постановкѣ „присоховъ“—нѣсколько болѣе тонкихъ столбовъ, имѣющихъ до 4-хъ аршинъ высоты. Эти столбы составляютъ остовъ стѣны, тогда какъ сохи находятся внутри клуни. Расположеніе сохъ и присоховъ показано на чертежѣ 1, фиг. III. Установивъ сохи и присохи, плетутъ стѣну изъ лозы или мелкаго орѣшника; присохи соединяютъ жердями, образующими какъ бы карнизъ; на этихъ жердяхъ и на сохахъ возводятся „краквы“, имѣющія три точки опоры: жердь, лежащую на присохахъ, соху и точку пересѣченія двухъ встрѣчныхъ краквъ, образующихъ ребра крыши.

Фигура IV на чертежѣ 1 изображаетъ клуню въ сѣченіи: а, а—сохи; b, b—присохи; с, с—краквы; d, d—латы; е, е—жерди въ сѣченіи. Латы, какъ видно изъ чертежа,—это жерди, идущія параллельно другъ другу, отъ одной краквы къ другой; на латахъ стелется солома. Въ клунѣ съ противоположныхъ сторонъ дѣлаютъ ворота изъ досокъ, укрѣпленные на обвязкахъ, замѣняющихъ завѣски. Высота ихъ доходитъ до 4-хъ аршинъ, ширина отъ $3\frac{1}{2}$ до 4-хъ. Ворота въ клунѣ всегда сквозныя для тяги воздуха, что необходимо при „вѣяніи“ зерна. Крыша въ клунѣ о 4-хъ сохахъ сводится обыкновенно къ одному углу на вершинѣ, слѣдовательно, имѣетъ видъ 4-хъ-гранной пирамиды. Рисунокъ четвертый изображаетъ внѣшній видъ четырёхсошной клуни.

По срединѣ клуни устраивается „тикъ“—площадь, на которой молотятъ зерно. Приготавливается эта площадь слѣдующимъ образомъ: землю вскапываютъ на глубину болѣе $\frac{1}{2}$ арш., если земля не глинистая, то прибавляютъ глину и свѣжій навозъ; поливаютъ землю обильно водой и мѣсятъ этотъ составъ очень долго; для этой процедуры употребляютъ въ дѣло нѣсколько лошадей. Когда земля съ глиной и навозомъ хорошо вымѣшана—сглаживаютъ поверхность, а когда масса пріобрѣтеть густоту—убиваютъ деревянными „дóвбнями“. При совершенномъ высыханіи токъ дѣлается твердымъ какъ камень.

Пространство въ клунѣ, по обѣ стороны тока, называется

Рис. 2. Хата съ сѣнями и коморою.

„застронками“ и служить для склада сноповъ, привезенныхъ съ поля. Если хлѣба настолько много, что онъ не помѣщается въ влунѣ, то его временно складываютъ въ стоги у самой клуни. Выбрасываемую послѣ молотбы солому складываютъ внѣ клуни въ кучи (очерѣды). Употребляютъ эту солому для корма скота, для постилки скоту, для топлива. Ржаную солому связываютъ въ кули; она идетъ, кромѣ перечисленныхъ нуждъ, еще на кровлю крышъ.

Къ третьей категоріи относятся усадьбы зажиточныхъ крестьянъ. Въ такихъ усадьбахъ, кромѣ описанныхъ построекъ, встрѣчаются: отдѣльная хата для челядиновъ, отдѣльная комора—особнякъ для ссыпки зернового хлѣба, хлѣвъ для свиней, конюшня для лошадей, „ольшанникъ“, „сажъ“ для выкормки свиней и „лѣхъ“.

„Ольшанникъ“—небольшой деревянный срубъ, обвесенный плетеной стѣной; существуетъ для склада ульевъ на зиму.

„Сажъ“—деревянный срубъ, поставленный на дубовыхъ пняхъ или на сваяхъ, составляющихъ въ то-же время ребра стѣны. Строится онъ слѣдующимъ образомъ: на высотѣ $\frac{1}{2}$ аршина отъ земли кладутъ бревенчатый помостъ, на которомъ возводятъ срубъ въ два вѣнца; дальнѣйшая постановка вѣнцовъ сруба идетъ уже не съ четырехъ, а съ трехъ сторонъ—четвертая сторона открыта для засыпки корма свиньямъ. На полъ-аршина выше идетъ снова четырехсторонній срубъ, но вѣнцы этого сруба не совпадаютъ съ его основаніемъ, т. к. четвертая сторона вѣнца кладется въ видѣ уступа; другими словами, вѣнцы верхняго сруба съ одной стороны короче вѣнцовъ нижняго. Въ промежуткѣ, открытомъ для засыпанія корма, придѣлывается крышка изъ доски на подпоркѣ, а другая доска, поставленная вертикально на полу сажа, закрываетъ для свиней выходъ наружу и составляетъ въ то-же время стѣнку корыта. Въ этой доскѣ сдѣланы круглыя дыры, для того чтобы свинья могла просунуть голову въ корыто.

Рис. 5, I изображаетъ внѣшній видъ сажа, а черт. I, фиг. V—его разрѣзъ: а—корыто; b—доска съ дырами; с—крышка. Со стороны, противоположной корыту, дѣлаютъ двери для „закидыванія“ свиней въ сажъ. Размѣры сажа: длина и ширина 3 аршина, высота (отъ пола) 3 съ лишнимъ (не считая крыши). Сажъ существуетъ для выкормки свиней на убой. Свинью, предназначенную для этой цѣли, „закидываютъ“ въ сажъ, кормятъ особымъ кормомъ; благодаря небольшимъ размѣрамъ сажа, она двигается мало и становится очень жирной.

„Лѣхъ“—постройка для сохраненія продуктовъ зимой отъ замерзанія. По внѣшнему виду она представляетъ собою тотъ же двускатный погребникъ, по внутреннему устройству отличается отъ него тѣмъ, что яма вырывается въ видѣ узкаго прохода вглубь, который потомъ заворачиваетъ на сторону и, расширяясь тамъ до предѣловъ погреба, даетъ относительно теплое помѣщеніе, имѣющее

земляной потолокъ. Проходъ въ это помѣщеніе по возможности узокъ, направленіе его наклонное; на нижней его части дѣлаются земляные уступы для болѣе удобнаго входа внутрь. Фигура I на чертежѣ второмъ изображаетъ разрѣзъ лёха: а—постройка надъ лёхомъ; b—проходъ внутрь; c—сводчатое отверстіе, входъ въ подземное помѣщеніе; d—отдушникъ. Толщина земляного слоя отъ поверхности земли до потолка внутренняго помѣщенія не менѣе одного аршина. Сооруженіе лёха возможно только въ глинистой почвѣ. Тамъ, гдѣ село расположено по ярамъ и оврагамъ (т. е. гдѣ устройство лёха представляется болѣе удобнымъ, чѣмъ устройство погреба),—лѣхи замѣняютъ погреба; на значительныхъ крутизнахъ, гдѣ лёхъ, сдѣланный на склонѣ, можетъ быть совершенно сухимъ, въ лёхахъ укладываютъ на зиму ульи съ пчелами: равномерная температура и отсутствіе сырости прекрасно сохраняютъ пчелъ зимою.

Въ заключеніе обзора крестьянскихъ усадебъ мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о плетняхъ, огораживающихъ усадьбы, и планѣ этихъ послѣднихъ

Плетень (изгородь) бываетъ двухъ родовъ: крытый и некрытый. Некрытый плетень представляетъ изъ себя рядъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и переплетенныхъ ивовыми прутьями. Некрытый плетень изображенъ на рис. I, съ правой стороны хаты. Устройство крытаго плетня нѣсколько сложнее. Кромѣ кольевъ ставятся въ такомъ плетнѣ еще развѣтвленные вверху стержни на одной линіи съ кольями. Когда плетень готовъ, то въ верхній его край втыкаютъ палки, торчашія по одну и другую сторону плетня въ наклонномъ положеніи и образующія вмѣстѣ съ развѣтвленіями стержней жолобъ. Обѣ стороны этого жолоба опять-таки заплетаются ивовыми прутьями. Въ жолобъ кладется солома, составляющая крышу плетня; она называется „остришекъ“. Крытый плетень, какъ болѣе дорогой, является достояніемъ болѣе богатыхъ усадебъ и ставится обыкновенно со стороны улицы, вмѣстѣ съ воротами и калиткой.

Калитка (фортка) дѣлается изъ досокъ и ставится иногда рядомъ съ воротами, иногда особо. Калитка почти всегда снабжена „перелазомъ“, загораживающимъ выходъ со двора своему мелкому скоту (преимущественно свиньямъ) и входъ во дворъ чужому. Перелазъ—это досчатая перегородка высотой въ аршинъ, имѣющая по обѣ стороны подставки для болѣе удобнаго перелѣзанія (Чертежъ 2, фиг. II).

Ворота представляютъ собою четырехугольную продолговатую раму, боковыя стороны которой дѣлаются изъ круглыхъ бревенъ, а верхняя и нижняя изъ тонкихъ досокъ (шелевокъ); параллельно верхней и нижней сторонѣ идутъ такія же доски, но не вплотную другъ къ другу, а въ видѣ рѣшетки; для прочности, эти параллельныя доски скрѣпляются двумя другими, идущими наклонно,

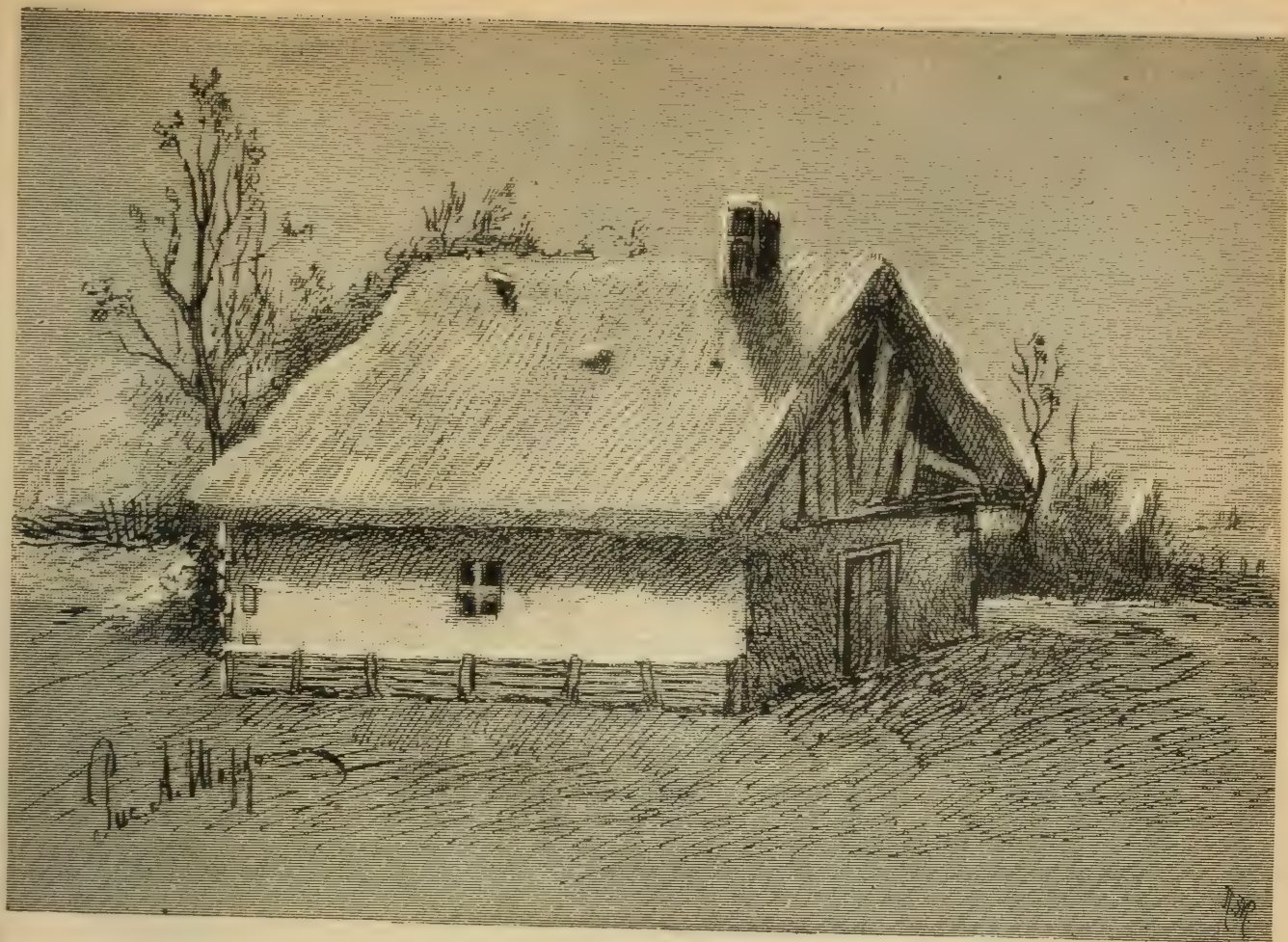

Рис. 3. Хата безъ сѣней и комóры.

Рис. 4. Ви́шній видъ клуни.

пересѣкающимися вверху и составляющими съ нижней стороной рамы треугольника. Въмѣсто желѣзныхъ завѣсокъ употребляются, какъ и въ клунѣ, обвязки, сплетенныя изъ свѣжей ивовой коры толстымъ жгутомъ. На этихъ завѣскахъ подвижно укрѣпляются ворота съ одной изъ боковыхъ сторонъ. Ворота, калитка и крытый плетень изображены на рисункѣ 5-мъ, X.

Всякая усадьба разбивается обыкновенно на двѣ части: на дворъ и огородъ; дворъ отъ огорода отдѣляется плетнемъ. Противъ воротъ, на границѣ, отдѣляющей дворъ отъ огорода, ставится хата; за хатой устраивается т. н. задворокъ, нѣчто въ родѣ чернаго двора; задворокъ стоитъ такимъ образомъ на территоріи огорода. Во дворѣ располагаются все вышеперечисленныя постройки. Мнѣ не удалось найти какой-нибудь правильности въ распределеніи служебныхъ построекъ. Даже хата не всегда ставится среди усадьбы. Одно, что можно сказать—это то, что хата никогда не выходитъ окнами непосредственно на улицу; если она и стоитъ сбоку, то всегда отступя отъ плетня аршина на $1\frac{1}{2}$, -2. Какъ я уже сказалъ выше, постройки во дворѣ стоятъ очень близко одна отъ другой ради экономіи мѣста, предназначеннаго для огорода. Такимъ образомъ, само собой разумѣется, что огородъ занимаетъ большую часть усадьбы. Съ трехъ сторонъ граница огорода обозначается плетнемъ, съ четвертой, задней стороны плетень часто замѣняется рвомъ съ посадкой вербъ.

Близость воды есть необходимое условіе поселенія. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что села и деревни располагаются если не близъ рѣкъ и озеръ, то на низовыхъ мѣстахъ, т. е. такихъ, гдѣ вода не глубоко подъ землей или гдѣ есть естественные бассейны (ставы), высыхающіе только въ засуху. Для удобства, даже въ прирѣчныхъ селахъ, роютъ колодцы въ усадьбѣ (обыкновенно близъ огорода). Не всякій дворъ имѣетъ свой колодезь, но однимъ колодцемъ пользуются обязательно не болѣе 10 дворовъ. Устраивается онъ въ видѣ полутора-аршинной квадратной ямы, обложенной внутри досками. Снаружи онъ имѣетъ видъ четырехугольнаго ящика безъ верхней крышки. Мнѣ приходилось видѣть колодезь изъ поставленныхъ одна на другую бочекъ съ выбитымъ дномъ; одна изъ нихъ стоитъ наружу, замѣняя деревянный квадратный ящикъ. Для подъема воды въ ведрѣ, устраивается т. н. „журавель“. Журавель—это высокій дубовый столбъ, развѣтвленный на верху и имѣющій на верху-же, подвижно-укрѣпленное по срединѣ длинное бревно, съ одной стороны котораго прикрѣпляется тонкая жердь съ крючкомъ. Перекладина съ жердью укрѣплена на столбѣ такъ, что противоположный жерди конецъ ея опущенъ книзу; но при небольшомъ усилии руки, тянущей за жердь, онъ подымается, а жердь съ крючкомъ и ведромъ на него нацѣпленнымъ опускается внизъ, въ колодезь. Подъемъ наполненнаго водой ведра совершается почти безъ усилій со стороны достающего воду.

II.

Теперь я перехожу къ описанію внутренняго устройства хатъ.

Чертежъ третій изображаетъ планъ хаты, сѣней и коморы. Изъ этого плана видно, что сѣни стоятъ посрединѣ, хата и комора по бокамъ. О коморѣ я уже говорилъ въ свое время; теперь прибавлю только, что отсутствіе коморы не играетъ никакой роли въ обстановкѣ хаты; только развѣ нѣкоторыя вещи, въ родѣ инструментовъ, запасной верхней одежды, скрынъ, размѣщаются за ея отсутствіемъ въ сѣняхъ или въ хатѣ; но такъ какъ отсутствіе коморы и хижы есть признакъ бѣдности, то и скрины и одежда запасная или отсутствуютъ совсѣмъ, или существуютъ въ очень скромномъ размѣрѣ.

Сѣни вмѣщаются въ одномъ срубѣ съ хатой и коморой и по размѣрамъ почти совпадаютъ съ послѣдней; обыкновенно они дѣлаются нѣсколько уже коморы. Потолка сѣни не имѣютъ; они покрываются только общей съ коморой и хатой крышей. По обѣ стороны сѣней открываются „горѣ хатняя“ и „горѣ коморная“ (чердакъ надъ коморой, чердакъ надъ хатой); ни тотъ, ни другой ничѣмъ не закрытъ со стороны сѣней и зияетъ двумя черными дырами.

Непременной обстановкой сѣней является „верхъ“, труба плетеная, стоящая у стѣны, примыкающей къ хатѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ хатѣ стоитъ печь.

Устройство трубы слѣдующее: на высотѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ дѣлается въ стѣнѣ отверстіе, сообщающее сѣни съ печной топкой. По бокамъ отверстія устанавливаются два деревянные бруска, имѣющіе 3×3 вершка толщины и 8—9 аршинъ вышины. Такіе же брусья ставятся отступя отъ стѣны на $\frac{3}{4}$ аршина; на высотѣ 2-хъ аршинъ эти четыре бруска соединяются между собой скрѣпами и заплетаются прутьями. Дымъ, слѣдовательно, идетъ изъ печи въ дыру, изъ дыры въ трубу вверхъ и наружу. Труба вымазывается внутри и снаружи глиной. Размѣры ея у основанія $\frac{3}{4} \times \frac{3}{4}$ аршина, вверху нѣсколько меньше, т. к. труба суживается. Внѣшній видъ трубы изображенъ на рис. 5, VIII, топка печи и труба въ разрѣзѣ на чертежѣ 2, фиг. III.

Дыра, въ случаѣ надобности, затыкается грубыми тряпками.

Заплетается труба начиная съ 2-хъ аршинъ высоты для того, чтобы можно было войти подъ трубу или для закрытія дыры, или для чистки „верха“; на полу, въ пространствѣ между 4-мя брусьями трубы ставится ящикъ съ глиной, на случай надобности замазать что-нибудь въ печи.

Кромѣ трубы въ сѣняхъ помѣщается еще „ступа“ съ „товкачѣмъ“ и „жорна“. „Ступа“—это пень толстаго дерева, выдолбленный въ видѣ воронки; на станкѣ изъ двухъ переколадинокъ кладется

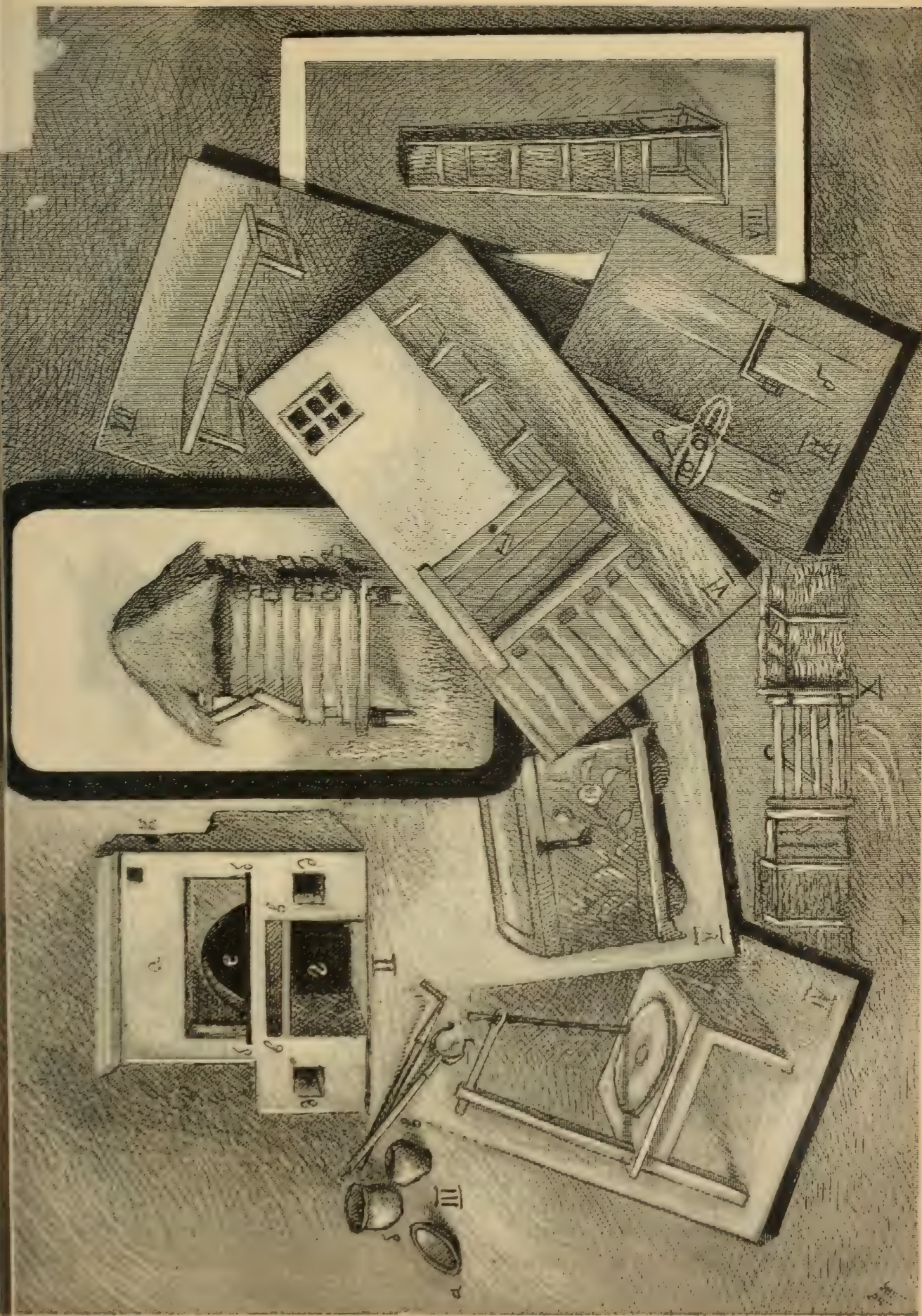

Рис. 5. I—X.

тутъ-же „товкачъ“; товкачемъ толкутъ въ ступѣ сало или что-нибудь другое, играющее роль въ приготовленіи пищи.

„Жорна“—это деревянный столъ съ круглымъ на немъ камнемъ и ручкой для вращательнаго движенія камня; употребляется для шелушенія гречихи („крушы драть“). „Жорна“ изображены на рис. 5, IV, мѣсто ихъ см. на планѣ чертежъ 3, г.

Сѣни имѣютъ двѣ наружныхъ двери, за немногими исключеніями (въ хатѣ побѣднѣе встрѣчается одна дверь): одна во дворъ, другая въ задворокъ.

„Горá“ (чердакъ), насколько я могъ замѣтить, имѣетъ только одно назначеніе: сушку капустныхъ листьевъ, собранныхъ въ пачки и подвѣшанныхъ къ „латамъ“ крыши. Эти листы употребляются на подстилку подъ хлѣбъ, сажаемый въ печь на круглой лопатѣ. Бѣлье сушится во дворѣ, на веревкахъ.

Малороссійская хата, размѣрами отъ 6 до 8 аршинъ въ ширину и отъ 7 до 8 и 9 аршинъ въ длину, служитъ помѣщеніемъ для всей семьи; зимою, впрочемъ, для ягнать и телятъ, если нѣтъ другой хаты, для челяди.

Главное мѣсто въ хатѣ занимаетъ печь; строится она такъ: въ одномъ изъ угловъ сѣнной стѣны, на четырехъ деревянныхъ столбахъ дѣлаютъ перекладки на высотѣ аршина отъ земли; на перекладки укладываютъ бревна; затѣмъ, замѣсивъ густо глину съ рубленой соломой, настилаютъ ее на бревна; когда образуется слой глины до полуаршина толщины, кладутъ еще одинъ слой, изъ чистой глины, этотъ послѣдній составляетъ нижнюю площадь печи; онъ называется „черинь“. Пространство подъ бревнами, ограниченное съ обѣихъ сторонъ глиняной массой и имѣющее до аршина ширины, называется „подпичьемъ“ (Рис. 5, II, г.) По обѣимъ сторонамъ подпичья выдѣлываются печурки—d, d.

Дальнѣйшая постройка печи идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: надъ пространствомъ, предназначенномъ для „чериня“, укрѣпляютъ деревянные обручи на разстояніи 4—6 вершковъ одинъ отъ другого во всю длину свода печи ($1\frac{1}{2}$ —2 арш.), поверхъ обручей кладутъ пучки пакли, а по ней укладываютъ комки густой глины,—образуется сводъ печи; по обѣ стороны свода и позади его набиваютъ глину, а съ передней стороны, поставивъ небольшія деревянные стойки, выдѣлываютъ изъ глины „кóмень“—а, который возвышается надъ сводомъ печи болѣе чѣмъ на аршинъ. „Кóмень“, „черинь“ и глина, образующая сводъ печи, ограничиваютъ съ трехъ сторонъ пространство, называемое „припечокъ“—б; такимъ образомъ сводчатое отверстіе е, составляющее собственно печь, куда кладутъ дрова, имѣетъ своимъ преддверіемъ „припечокъ“. Надъ припечкомъ въ „коминѣ“ имѣется ходъ для дыма, который, подымаясь вверхъ, выходитъ въ дыру k, въ сѣни, и въ трубу, находящуюся въ сѣняхъ. Тонка для наглядности изобра-

жена на чертежѣ 2, фиг. III: а—печь, в—ходъ въ кóминѣ, с—дыра въ сѣни, d—труба.

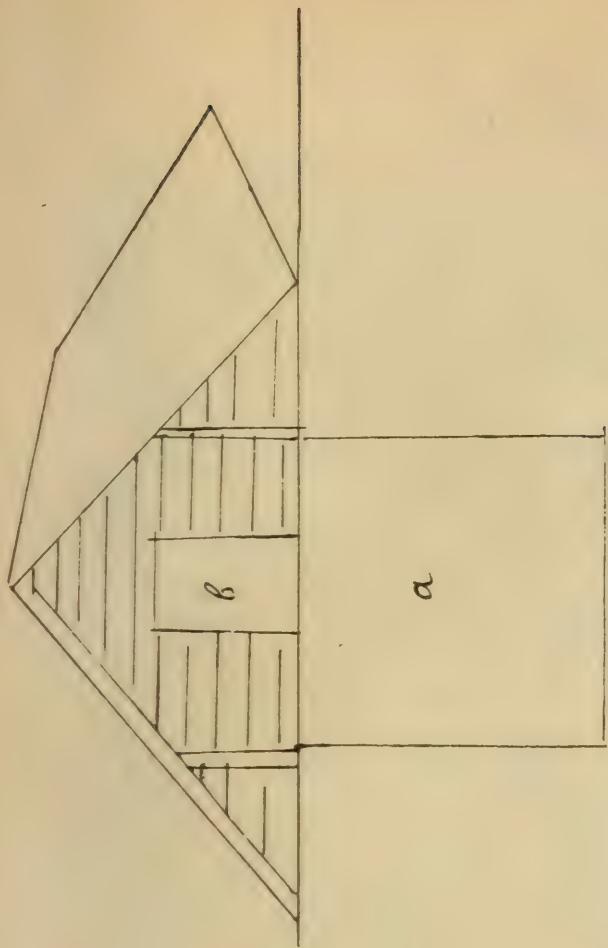
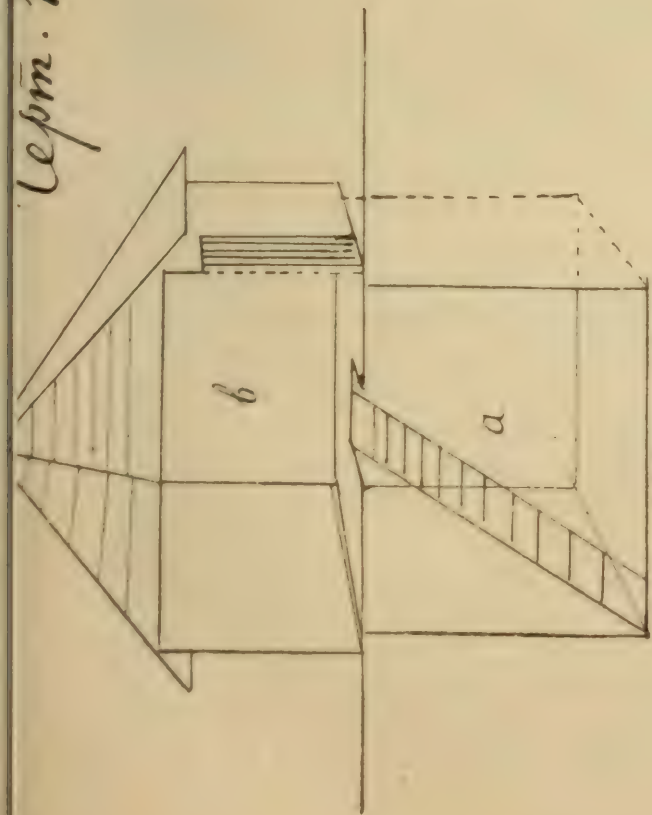
Надъ печью е, за „кóминомъ“, находится площадка, доходящая до 3-хъ квадратныхъ аршинъ. Это пространство, называемое также печью, представляетъ собою помѣщеніе для сушки зерна, назначеннаго для обработки на мельницѣ въ муку; тамъ же вся семья находитъ для себя наиболѣе теплое и уютное мѣсто въ хатѣ. За этой печью, находящейся на высотѣ 2-хъ съ лишнимъ аршинъ отъ полу, можно встрѣтить „зѣпичокъ“ — пространство между наружной стѣной и печью въ широкомъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, зѣпичокъ образуется вслѣдствіе того, что печь ставится не вплотную къ наружной стѣнѣ, а отступя на $\frac{3}{4}$ аршина. „Зѣпичокъ“—постоянное, зимой, мѣстопробываніе малыхъ дѣтей. Въ наружной стѣнѣ хаты, къ которой примыкаетъ печь, дѣлается квадратное оконце въ 3—4 вершка; оно помѣщается значительно выше остальныхъ оконъ хаты, почти подъ потолкомъ.

„Подпечье“ (рис. 5, II, г.) — это складъ принадлежностей печи—„вилокъ“, „кочерги“, „помела“; „печурки“ д, д — углубленія 4 вершковъ ширины и 6 верш. глубины—мѣсто гдѣ лежатъ: „вѣхоть“ (клокъ мочалы для мытья посуды), „ганчирка“ (сухая тряпка для стиранія пыли), иногда заячья лапка для смазки „чобить“ (сапогъ) дегтемъ, черепокъ съ дегтемъ; прежде, до введенія въ употребленіе керосина, въ печуркѣ держали „смалецъ“—свиной жиръ изъ брюшины для „каганця“ (родъ подсвѣчника изъ глины, верхняя часть котораго, въ видѣ плошки, имѣла съ одной стороны небольшую выемку для „гнѣта“, скрученной полоски изъ грубой ветошки). Углубленіе в, в — носить названіе „приволака“.

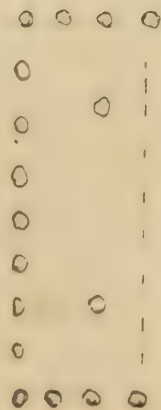
Печь занимаетъ почти $\frac{1}{4}$ всей хаты; она помѣщается въ одномъ изъ двухъ угловъ, примыкающихъ къ сѣнямъ (черт. 3, а). Пространство между печью и противоположной двери стѣной застилается „пиломъ“, рядомъ толстыхъ досокъ на высотѣ $\frac{3}{4}$ аршина отъ земли (черт. 3, в). „Пилъ“—это семейная кровать; на ней всѣ члены семьи спятъ „впокотъ“, т. е. стелются рядомъ отъ стѣны къ печи. Впрочемъ, если семья большая и есть взрослые сыновья, то они устраиваютъ себѣ постель „дóли“, т. е. среди хаты на земляномъ полу стелятъ себѣ солому и покрываютъ „рядномъ“ (ткань изъ грубыхъ нитокъ). Взрослыя дѣвушки и старыя бабы спятъ на печи или на „лавы“ (черт. 3, с) или, наконецъ, на „ослони“ (рис. 5, VII, черт. 3, f). Лѣтомъ взрослые спятъ въ сѣняхъ на примосткахъ (доски на перекладинѣ у стѣны) или въ коморѣ на досчатомъ полу.

Мебель хаты, кромѣ „пила“ составляютъ „лавы“, тянущіяся подъ стѣнами, не занятыми печью и „пиломъ“ (черт. 3 с, с). Лавы укрѣпляются неподвижно на „торчахъ“—деревянныхъ подставкахъ; ширина ихъ $\frac{1}{2}$ аршина, толщина доски такая же, какъ и въ доскахъ „пила“— $1\frac{1}{2}$, 2 вершка. Подвижная мебель—это

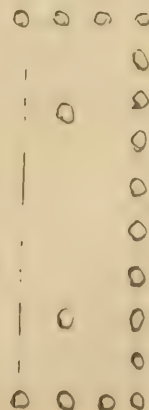
Сепм. I = .

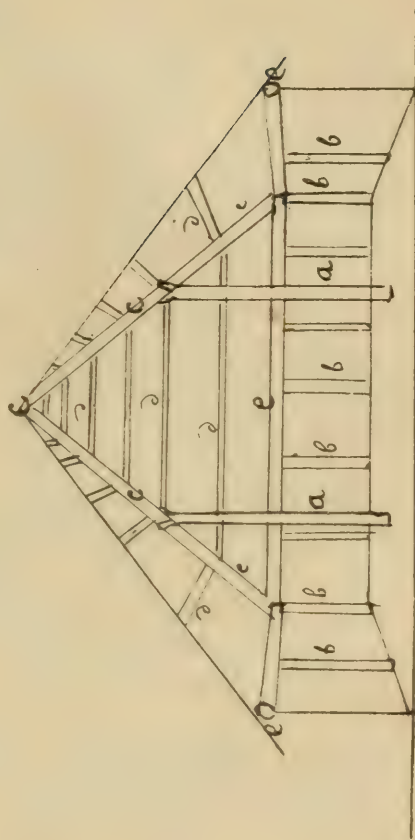
фур. I.

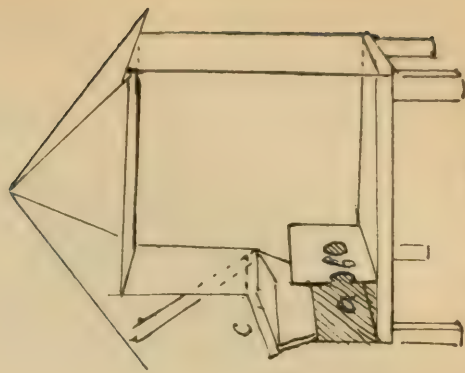
фур. III.

фур. II.

фур. IV.

фур. V.

столъ—*е*, нѣсколько болѣе аршина ширины и отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ длины; онъ стоитъ всегда передъ лавами, въ образномъ углу, называемомъ „покутье“ (русскій „красный уголъ“). Это мѣсто считается самымъ почетнымъ. Образа почти подъ потолкомъ; у богатыхъ съ лампадкама, украшенные полотенцами, вышитыми на концахъ красной бумагой или шелкомъ; полотенца называются „рушниками“.

Передъ столомъ стоитъ „ослінъ“ (рис. 5, VII, черт. 3, f)—переносная, на 4-хъ ножкахъ скамья; ослонъ всегда уже лавы. Между „пиломъ“ и столомъ *е* стоитъ „хрестъ“, а на хрестѣ „дижа“. Хрестъ—это скамья, сдѣланная на подобіе креста изъ нетолстыхъ досокъ вершка въ 2 шириною; длина каждаго „перехрестья“ до $\frac{3}{4}$ аршина; на хрестѣ садиться считается грѣхомъ. „Хрестъ существуетъ специально для „дижи“—кадки или ушата, въ которомъ мѣсятъ тѣсто.

Къ мебели слѣдуетъ отнести „судныки“ и „полицы“. На высотѣ 3-хъ аршинъ, отъ печи до угла стѣны, надъ входными дверями тянется полка—это „полиця“; на ней ставятъ въ опрокинутомъ положеніи запасные горшки; ближе къ углу тамъ можно найти всякія принадлежности взрослыхъ членовъ женской половины семьи въ глиняной посудѣ: „наместо“ (ожерелье), „косныки“, „спѣжки“ (ленты); кромѣ того мелкіе инструменты для разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ. Ниже „полицы“ на той же стѣнѣ прибиты „судныки“—*д*, *д*—полки для посуды; по внѣшнему виду они напоминаютъ всякія этажерки. На нихъ ставятся „миски“—(рис. 5, III, *а*). горшки *в*, макитры—*б*, ложки и прочія принадлежности столовой и кухни.

У входныхъ дверей стоитъ „помыйныця“—деревянная лохань для помоевъ. На выступѣ печи, на высотѣ около 2-хъ аршинъ отъ полу стоитъ „каганецъ“. Онъ уже описанъ мною въ изложеніи постройки печи.

Въ Киевской губерніи, Радомысльскомъ уѣздѣ, да, вѣроятно, и въ уѣздахъ Волынской губерніи, поближе къ Полѣсью, избы освѣщаютъ посредствомъ слѣдующаго приспособленія: въ потолокъ сдѣлана дыра, къ которой прикрѣпляется или мѣшокъ съ обручемъ внизу или плетеная корзина въ видѣ усѣченнаго конуса; какъ то, такъ и другое смазывается глиной съ внутренней стороны; къ краю обращенному внизъ, подвѣшивается на проволоку желѣзная корзинка, въ которую кладутъ куски сосновыхъ „корчъ“—корней. Пропитанные смолою они горятъ очень ярко; дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолокъ въ трубу, поставленную для этой цѣли; иногда трубы не дѣлаютъ, а только отверстія по бокамъ крыши. Одно изъ преимуществъ такого освѣщенія—вентиляція воздуха въ хатѣ. Въ Сквирскомъ уѣздѣ Киевской губерніи для освѣщенія употребляютъ „скальникъ“: въ деревянный обрубокъ вставлена палка съ двумя желѣзными крючками: на каждомъ крючкѣ наса-

жена лучина; когда догоритъ одна, зажигается другая. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи также употребляютъ лучину.

Впрочемъ надо сказать, что дешевизна керосина и лампъ вытѣсняетъ все описанныя приспособленія, которыя отходятъ теперь въ область преданія.

Къ потолку на разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ стѣны и 1 аршина отъ потолка подвѣшиваются 2 жерди. Одна изъ нихъ подвѣшивается надъ „пиломъ“ параллельно противоположной двери стѣнѣ и служитъ для вѣшанія одежды; другая—надъ печью, гдѣ сушится зерно или надъ запичкомъ и служитъ для вѣшанія вязанокъ лука отъ осени до весны, чтобы лукъ не проросталъ. Если въ домѣ есть грудной ребенокъ, то передъ „пиломъ“ подвѣшивается къ потолку „колыска“ (колыбель).

На потолокъ обращаетъ на себя вниманіе „сволокъ“—деревянный, кленовый брусъ, въ ширину отъ 4 до 6 и въ толщину отъ 3 до 5 вершковъ; онъ поддерживаетъ маленькіе брусья, наложенные въ перпендикулярномъ ему направленіи; на маленькихъ брусьяхъ стелютъ потолокъ. Сволокъ иногда не бѣлятъ мѣломъ, какъ стѣны и потолокъ, а оставляютъ небѣленнымъ и украшаютъ рѣзьбой. Промежутки между сволокомъ и потолокомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на него не упираютъ брусья, даютъ возможность пользоваться ими для помѣщенія въ нихъ лѣкарственныхъ травъ.

Столъ обыкновенно покрывается скатертью и на концѣ его лежатъ хлѣбъ и соль, закрытые полотенцемъ.

Какъ видно изъ моего описанія, глина и солома играютъ огромную роль въ хозяйственныхъ постройкахъ малороссійскихъ крестьянскихъ усадьбъ. Все постройки крыты соломой; большинство ихъ обмазаны глиной; такъ какъ хаты складываются не особенно тщательно, не конопатятся и перекладываются мохомъ, то глина—единственная защита отъ холода. Въ сильные морозы прибѣгаютъ и къ экстраординарнымъ мѣрамъ противъ стужи: кули соломы, сложенные въ „очереды“ возлѣ клуни, перетаскиваются къ хатѣ и обкладываютъ ея наружныя стѣны вплоть до „стрихи“ (стриха—нависшій на $\frac{1}{2}$ аршина конецъ крыши), оставляя незаложенными только оконныя рамы.

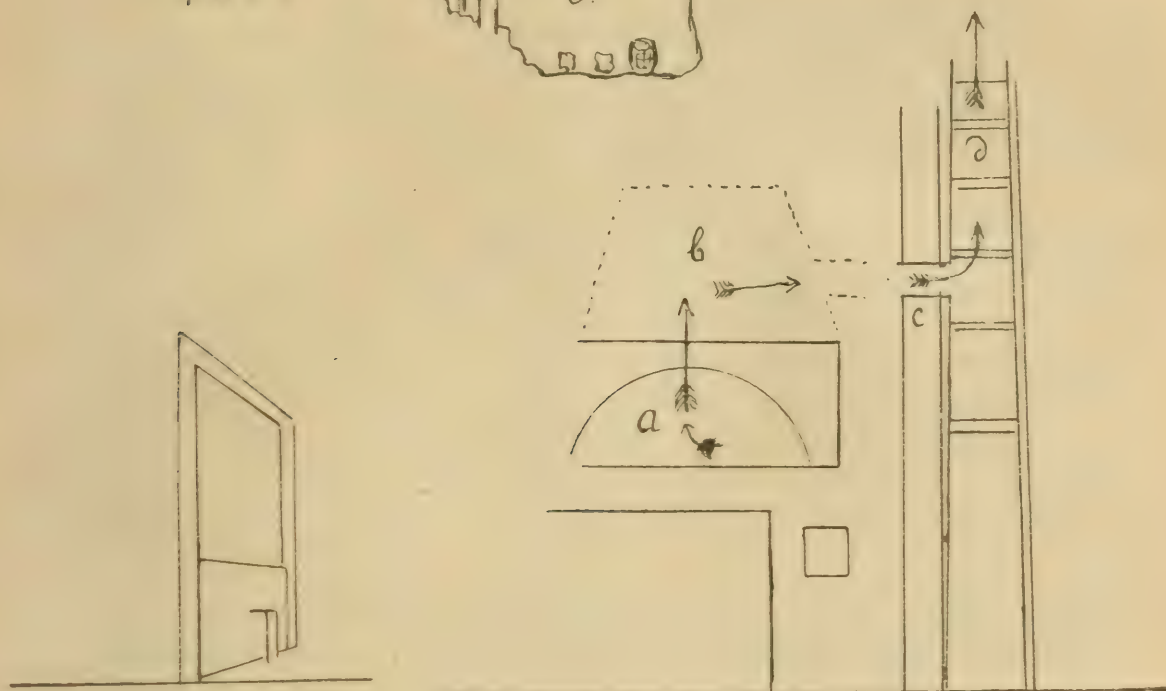
Роль глины, какъ матеріала, увеличивается еще болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она замѣняетъ собой деревянные срубы; я говорю о глинобитныхъ хатахъ, строящихся въ безлѣсныхъ ¹⁾ пространствахъ. Глинобитныя хаты строятся слѣдующимъ образомъ: на полосѣ земли, шириною около аршина ставятъ вразбросъ высокіе колья; между кольями перевиваютъ соломѣ, обмоченную въ глину; когда глина высыхаетъ, обѣ стороны заравниваютъ глиной; образуется стѣна толщиною въ аршинъ и болѣе. При бѣдныхъ жи-

¹⁾ Въ Таращанскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., на правой сторонѣ Днѣпра.

Черт. 2^й.

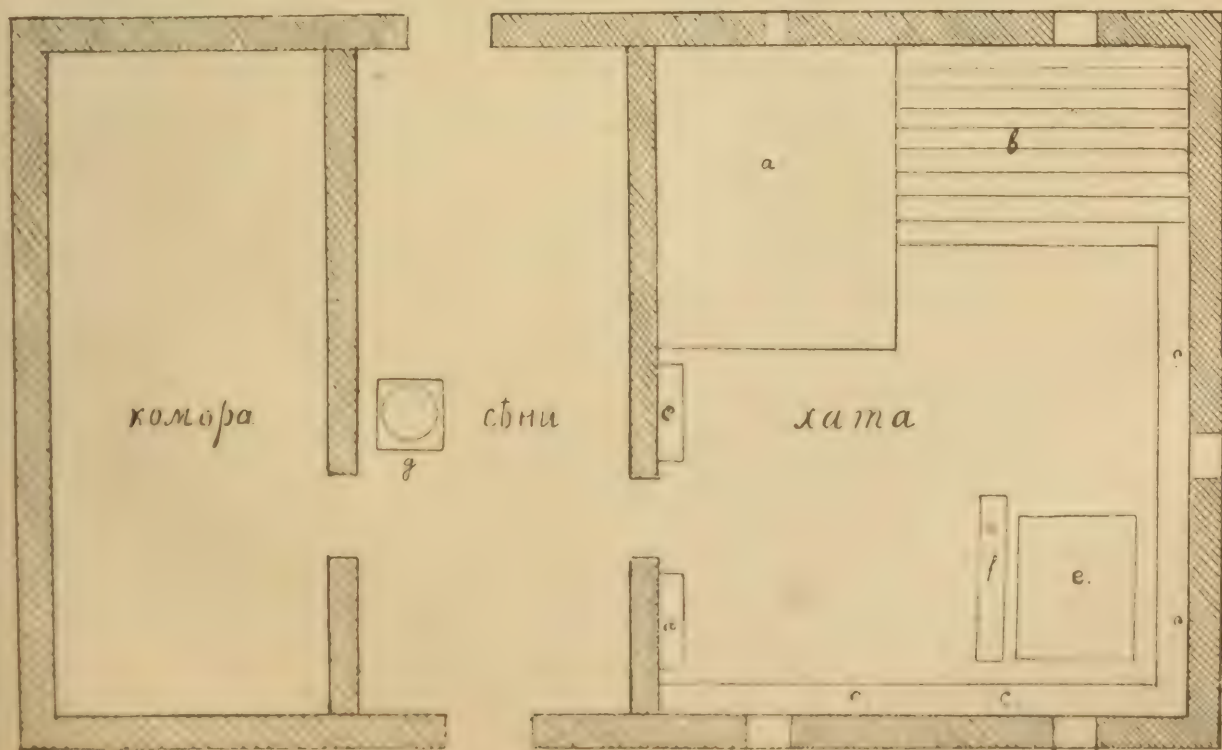

фиг. I

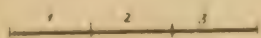

фиг. II.

фиг. III.

Масштабъ

1 аршинъ

Черт. 3^й.

лыхъ хатахъ изъ бревенъ, даже въ лѣсныхъ пространствахъ, сѣни и хижѣ „приплетаются“ изъ плетня и вымазываются глиной (такая именно хата изображена на рис. I).

Окна въ хатахъ бываютъ 2-хъ родовъ: о четырехъ и о шести стеклахъ. Окна о четырехъ стеклахъ состоятъ изъ двухъ половинъ: верхней и нижней и устроены такъ, что нижняя половина поднимается вверхъ. Такое окно называется окномъ съ „кваторкой“. Окно о 6 стеклахъ дѣлается безъ кваторки, т. е. дѣлается глухимъ.

Наружныя двери запираются особымъ замкомъ, изображеннымъ на рис. 5, IX а, б: въ дверномъ косякѣ дѣлается сквозная дыра; съ внутренней стороны немного пониже дыры укрѣпляется задвижка, вооруженная зубцами. Ключъ къ такому замку состоитъ изъ стержня съ ручкой, на концѣ котораго подвижно прикрѣпляется пластинка. Когда ключъ нужно всунуть въ дыру—пластинка стоитъ на одной линіи съ стержнемъ; когда ключъ всунуть — пластинка опускается силою своей тяжести и попадаетъ на зубцы; вращая ключъ въ ту или другую сторону, можно задвинуть или отодвинуть задвижку.

Говоря о вѣшномъ видѣ хаты, необходимо упомянуть „призбу“ — это завалинка, т. е. выступъ изъ досокъ, вѣчто въ родѣ фундамента. Рис. 5, VI изображаетъ наружную дверь сѣней, 6—стекольное окно и „призбу“.

Александръ Шарко.

С М Ъ С Ъ.

Башкирскія саги.

I.

Начало міра.

Демоны летали надъ тьмою, стоялъ страшный шумъ и звонъ, когда Великій и Сильный сказалъ:

— Умолкни!

И смолкло все, и онѣмѣли демоны, и замеръ звонъ.

— Прежде всего пусть будетъ земля, — сказалъ Властный Алла. — А потомъ ужъ я сотворю и небо, и свѣтъ.

Дунулъ Всемогуцій — и паръ отъ дыханья его обратился въ камни; камни начали расти и обращаться въ горы; горы, достигшія чрезмѣрной высоты, разсыпались до основанія и образовали собою равнины.

И, посмотрѣвши созданную землю, обрадовался Алла.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — будетъ жить на ней людямъ.

И вспомнилъ о небѣ. Небо надо было создавать.

Тогда Алла сверкнулъ глазами. Воздухъ отъ очей его запылалъ, загорѣлся. Темнота начала освѣщаться.

И отдалъ Господь приказанье огню расплавить камни.

И загорѣлись камни, и зеленый дымъ отъ нихъ потянулся къверху, образовавши тамъ въ семь рядовъ небесную твердь.

И одобрилъ созданное небо Алла.

— Небо еще лучше земли вышло, — сказалъ онъ. — Хорошо жить людямъ на землѣ, но еще лучше будетъ жить пророкамъ моимъ!

И, сдѣлавши изъ тверди небольшіе шарики, онъ дунулъ на каждый изъ нихъ. Шарики начали крутиться и — чудны дѣла Аллаховы, — начали расти, принимая человѣческую форму.

И, выросши, они остановились, какъ мертвецы.

И вложилъ въ каждого изъ истукановъ священнаго огня Великій крикнулъ имъ:

— Пророки мои, слушайте меня!

И попадали ницъ отъ крика Алла пророки и съ плачемъ сказали:

— Будемъ, будемъ слушаться.

А Господь сошелъ на землю.

И, взявши тамъ въ каждую руку по горсти земли, Онъ дунулъ на землю, сказавъ:

— Земля, вотъ тебѣ господинъ твой.

И раскрылъ правую руку. Изъ руки упалъ на землю шарикъ, который закрутился и началъ расти, принимая человѣческую форму.

Но не вложилъ въ человѣка священнаго огня Алла, какъ то сдѣлалъ съ пророками, а, прикоснувшись къ нему, сказалъ:

— Живи!

И, раскрывши сжатую кисть лѣвой руки, создалъ такимъ же образомъ женщину.

И называлъ Алла человѣка мужчину Ядымъ, а человѣка женщину Ава.

— Всю землю я подарилъ вамъ,—сказалъ Онъ первымъ людямъ,—но вамъ однимъ съ нею не совладать. Надо много людей, чтобы разумно пользоваться землею и сохранять ее.

Ты же, Ава,—приказалъ Алла женщинѣ,—роди людей, роди какъ можно больше.

И приказалъ Сильный Алла мужчинѣ соединиться съ женщиной и рождать дѣтей.

— Духъ всеильный,—сказалъ ему тогда первый человѣкъ,—а чѣмъ же мы жить будемъ?

И усмѣхнулся Великій и, схвативши камень, такъ сильно сжалъ его руками, что потекла вода. И много воды побѣжало изъ камня; огромныя образовались рѣки и озера.

И бросилъ Алла въ рѣки и озера по горсти земли, и земля превратилась тамъ въ рыбину.

— Ловите и ѣшьте ихъ, какъ будете голодны,—сказалъ Всемогуцій.

И снялъ Онъ съ неба зеленого дыма и окрасилъ имъ землю, земля покрылась травою и деревьями. Деревья начали расти и цвѣсти, плоды на нихъ появились.

— И плоды эти вамъ на пользу и на утѣху,—сказалъ людямъ Господь.

И обрадовались первые люди и сказали:

— Какъ намъ хорошо жить съ Тобою! Какъ счастливы мы!

— Погодите, я еще не все сотворилъ,—сказалъ милостиво Алла.— Я дамъ вамъ помощниковъ и работниковъ.

И, взявши въ руки глины, онъ началъ творить звѣрей и птицъ.

Грозно зарычалъ медвѣдь, испугались люди и побѣжали. И остановилъ людей Алла и приказалъ имъ подойти безъ всякаго страха къ звѣрю. И подошелъ къ медвѣдю Ядымъ, и распростерся тотъ у ногъ его и былъ смиренъ, какъ ягненокъ. Ава же между тѣмъ была окружена стадомъ жирныхъ козъ и барановъ и кормила ихъ изъ рукъ своихъ.

И подошелъ къ ней Сильный и Властный и сказалъ:

— Отнынѣ оно такъ и будетъ: Ядымъ, какъ мужчина, будетъ храбръ и силенъ, будетъ властвовать, ты же, Ава, устраивай домашнее свое. Живите и пользуйтесь дарами моими и плодитесь. Я уйду на небо и буду смотрѣть оттуда за вами, какъ вы будете жить. Въ небѣ надѣлаю я окна, въ нихъ и буду смотрѣть за міромъ, а окна тѣ у васъ называться будутъ звѣздами.

И ушелъ на небо Великій Алла и сѣлъ тамъ, а Ядымъ и Ава остались одни на землѣ.

И начали жить люди...

II.

Конецъ міра.

Издавна, еще раньше, чѣмъ свѣтъ спустился на нашу землю, въ неприступныхъ цѣпяхъ Уральскаго хребта, въ крутой священной горѣ Бара-Гири, всемогущей волей Аллаха были заключены и теперь находятся страшныя Гоги. Эти Гоги представляютъ изъ себя соединеніе двухъ животныхъ организмовъ: человѣческаго и звѣринаго. Туловище Гоги похоже на быка, вмѣсто же переднихъ ногъ у нея устроены руки, какъ и голова, совершенно схожія съ человѣческими. По своему полу Гоги—женщины, но черты ихъ лица чрезвычайно остры и грубы; вмѣсто волосъ у нихъ змѣи. Ихъ глаза невозможно страшны и издають огненный блескъ въ темнотѣ.

Онѣ сидятъ въ вѣчной тьмѣ, но глаза ихъ горятъ ярко и онѣ видятъ черезъ гору, что дѣлаютъ люди. И когда старшая Гога начинаетъ скрежетать зубами, то искры вылетаютъ изъ пасти ея, на землю слетаютъ разныя повѣтрія, моровая язва и люди гибнутъ на радость злобнымъ Гогамъ.

Но милосердный Аллахъ не позволяетъ имъ часто скрежетать зубами и губить людей; онъ заставляетъ Гоги это дѣлать тогда, когда сильно недоволенъ жизнью своихъ твореній. Гоги закованы въ кандалы изъ золота; еслибъ этого не было, то онѣ давно бы прогрызли кору, состоящую изъ золота и мѣди, и, вырвавшись изъ темницы, уничтожили бы весь земной родъ. Гоги не могутъ порвать цѣпи; въ ярости онѣ потрясаютъ ими, и тогда роковой звонъ золота доносится до ушей людей, между ними разгораются ссоры и распри, и начинается война. Люди губятъ другъ друга, а Гоги въ ярости скачутъ по своей темницѣ въ дикой пляскѣ.

Отъ одного недостойнаго пророка, похитившаго съ неба тайну Аллаха, люди узнали, что страшныя Гоги не могутъ выйти изъ ихъ темнаго царства раньше восьмисотъ вѣковъ; поэтому они перестали бояться кары и, забывши небо, стали безумно предаваться сластолюбію, пьянству, стали ѣсть нечистыхъ животныхъ, рисовать, дѣлать подобія Аллаха и изобрѣли музыку. Тогда Богъ страшно разгнѣвался и послалъ съ неба пророка Ноя; люди его не послушались, и Аллахъ рѣшилъ погубить человѣческій родъ, что и сдѣлалъ при помощи воды. Онъ спасъ одного Ноя съ женой, притянувъ ихъ къ небу толстой веревкой высоко надъ уровнемъ воды. Когда люди стали тонуть, то имъ было еще мучительнѣе погибать, видя отвергнутаго ими Ноя спасеннымъ.

Кончился потопъ, и Аллахъ взялъ воду на небо. Огрѣзавъ веревку, онъ опустилъ Ноя съ женой въ Месопотамію, поселилъ ихъ тамъ, велѣлъ изрѣзать въ мелкіе куски веревку и зарыть въ землю. Ной такъ и сдѣлалъ. Черезъ годъ веревки пустили ростки, и изъ нихъ вышли такіе же люди—потомки Ноя. Родъ людской опять размножился и зажилъ прежнюю жизнью.

Видя, что и теперь обманулъ въ ожиданіяхъ видѣть добрыхъ и честныхъ людей, разгнѣванный Аллахъ изъ взятой на небо послѣ потопа воды сталъ ежедневно по каплѣ пускать на вершину горы Кара-Гири. Теперь постоянно падаетъ капля за каплей, по волѣ Аллаха, на одно и то же мѣсто, и медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ пробиваетъ кору на вершинѣ горы; когда послѣдняя капля пробьетъ ее, Гоги увидятъ блеснувшій лучъ и тотчасъ же разобьютъ свою темницу. Оковы зазвенятъ, искры полетятъ на землю, на ней поднимется страшный ураганъ и колебанье; изъ всѣхъ рѣкъ и озеръ вырвутся клубы огня и станутъ столбами до неба. Изъ этихъ столбовъ будутъ вылетать Гоги, схватывать людей, жечь и душить ихъ, не разбирая ни пола, ни возраста, пока останется на землѣ только одинъ избранный народъ. Кто онъ—людямъ неизвѣстно.

Но всегда милосердный Аллахъ не хочетъ быстрой гибели людей: въ отвѣтъ на горячія мольбы онъ посылаетъ имъ святыхъ своихъ, надѣливъ ихъ силою погубить Гогъ, если они взойдутъ на вершину Кара-Гири. И вотъ одинъ за другимъ пытаются сдѣлать это, но невидимая сила сбрасываетъ пророковъ обратно, и они не могутъ совершить даже половины пути.

Наконецъ, съ неба ночью слетѣлъ дивный пророкъ Іисусъ; передъ своимъ выступленіемъ на ученіе народовъ, онъ сорокъ дней пытался взойти на Кара-Гири, но отчаявшись въ возможности, сталъ добиваться спасенія людского рода инымъ путемъ: онъ сталъ учить людей добру. Люди слушали его охотно, ибо онъ самъ былъ добръ, но исполнять его ученіе не были въ состояніи: Аллахъ далъ имъ жажду къ жизни, которую нельзя было помирить съ самоотверженіемъ, проповѣдываемымъ Іисусомъ. Аллахъ далъ людямъ правителей, далъ богатыхъ и знатныхъ, далъ нищихъ и слабыхъ, — а пророкъ проповѣдывалъ равенство. Можетъ быть, люди и поняли его, но только послѣдовать ему не могли: у нихъ не было столько нравственной силы, чтобъ перевернуть обычное теченіе жизни, — и проповѣдникъ долженъ былъ удалиться.

Между тѣмъ капли все продолжали буравить горную поверхность, ужъ все слышнѣе доносился скрежетъ ужасныхъ Гогъ, — слышнѣе развивались на землѣ повѣтрія и язвы; все явственнѣе доносился до уха людей звонъ золотыхъ цѣпей, — и все злѣе и злѣе дѣлались люди, все больше и больше разгорались между ними губительныя войны.

Наконецъ, они надумали обратиться съ горячей мольбой къ Аллаху. Тотъ сжалился, но не надо всѣмъ народамъ, а надъ однимъ, тихо и спокойно обитавшимъ у склоновъ аравійскихъ горъ, надъ небольшимъ и слабымъ, но чистымъ народомъ, который тѣснили и мучили всѣ сильныя. Его-то онъ и назвалъ своимъ избраннымъ, туда-то и послалъ главнаго и славнѣйшаго изъ всѣхъ пророка — Магомета.

Святой пророкъ успокоилъ этотъ народъ, рассказавъ имъ объ истинномъ Богѣ, подтвердивъ всѣ его обѣщанія, — и вознесся на огненной колесницѣ на небо.

И теперь, когда настанетъ конецъ терпѣнію Аллаха, онъ пошлетъ снова на землю дивнаго пророка. Придетъ онъ съ мечомъ, окруженный свитой изъ прежнихъ пророковъ, первое мѣсто между которыми займетъ Іисусъ. Магометъ взойдетъ на Кара-Гири и, ставъ на вершинѣ горы, ударитъ объ нее мечомъ; отъ этого удара свалится съ неба свѣтила, поднимется буря и изъ рѣкъ и озеръ столбомъ къ небу станетъ огненное

пламя. Пророкъ ударить еще разъ мечомъ—и верхушка горы отлетитъ прочь; онъ спустится съ мечомъ въ темницу, гдѣ содержатся Гоги, которыя падутъ ницъ передъ славнымъ Магометомъ. Своимъ мечомъ онъ разрубитъ Гогамъ ихъ цѣпи, и тѣ съ хриплымъ шумомъ вылетятъ изъ горы. Земля загудитъ, задрожитъ, затрясется...

Магометъ вскрикнетъ громкимъ голосомъ, эхо разнесетъ его во всѣ концы земного шара: отъ звука раздадутся могилы правовѣрныхъ и, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ, они взлетятъ на небо.

Между тѣмъ Гоги будутъ бросаться на остальныхъ, нечистыхъ людей, будутъ давить и душить ихъ въ огненныхъ столбахъ, не щадя ни женщины, ни ребенка, ни дряхлаго старика, пока все поганое не будетъ уничтожено безъ слѣда во всепожирающемъ огнѣ...

Тогда возстанетъ самъ Аллахъ и звонко прикажетъ природѣ обновиться. Грянетъ громъ, замелькаютъ молніи,—и природа предстанетъ въ совершенно новомъ видѣ. Вся вселенная будетъ представлять изъ себя сплошной цвѣтушій садъ. Въ отдаленіи будутъ бродить тучные бараны и верблюды; подъ деревьями будутъ раскинута парчевыя палатки для каждого правовѣрнаго. Передъ каждой палаткой будетъ разостланъ бархатный коверъ, на которомъ будутъ разставлены медъ и кумысъ въ золотыхъ чашахъ. Правовѣрные вѣчно будутъ наслаждаться созерцаніемъ красотъ рая, будутъ гулять по саду и отдыхать на пушистыхъ коврахъ. Каждому будутъ прислуживать прелестныя дѣвы-гуріи, съ которыми правовѣрные будутъ отдаваться наслажденіямъ любви...

Н. Крашенинниковъ.

Мелкія этнографическія замѣтки.

I.

Старая запись народной пѣсни.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. (VIII, стр. 140) напечатана слѣдующая любопытная „народная пѣснь“.

Какъ по садику, по зеленому
Доброй молодець похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,

Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
„Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣсу по поднебесью,—
Пронзи, убей, каленая стрѣла,

утку; маки, маки, маковочки; кума, кума, продай дитя; безъ соли съ солью; трепеталь моя, трепеталь. Последняя очень любопытна по неизвѣстности значенія сего слова, и также довольно замѣчательна слѣдующая пѣсня:

Взйду на церковь, на маковку,	Три коня татарскихъ,
Уроню шелковину серебряную.	Три плети бухарскихъ,
Бхаль попъ,	Три ковра,
Селиванъ Петровъ	Золоты махра,
Поднял шелковину серебряную.	Онъ просилъ дѣвицу
Мы ему судили,	Молоденькую.
Мы ему давали	Эта кума, эта лиса, эта выльзь
	вонъ!

Съ этимъ пѣніемъ одна обходитъ среди схватившагося круга, ударяя каждую по рукѣ, и на кого последнее слово падаетъ, та изъ круга выходитъ, и такъ продолжается, пока останется одна последняя дѣвушка, которая и предается насмѣшкамъ своихъ подругъ“ (стр. 503—504).

„Въ Ефремовскомъ уѣздѣ Конь Камень во всѣхъ простонародныхъ разсказахъ извѣстенъ; подобный же ему камень находился нѣкогда и въ Тульскомъ уѣздѣ, въ дачахъ села Слободки, о коемъ утверждали, что это конь св. Георгія, гнавшагося за діаволомъ, и отъ его зіянія окаменѣвшій; а близъ него, при рѣчкѣ Нюховкѣ, въ дачахъ сельца Форина, находится камень, представляющій видъ разсѣченной спины большого бора, и въ сей свиной видъ будто бы превратился діаволъ, по пораженіи его св. Георгіемъ“ (508).

„По всей Тульской губерніи стыскивали нѣкогда огромные камни, подъ которыми будто бы зарыты сокровища какого-то Кудеяра разбойника“ (508).

„Между дворянами русскими существовалъ нѣкоторый родъ условнаго союза, въ сходственность коего каждая фамилія имѣла свой знакъ, или лозунгъ, по прокричаніи котораго всѣ ея союзные и родственные дома спѣшили къ ней на помощь. Сіи знаки бывали употребляемы и на войнѣ, и по поводу сего бывшее тогда пріисшествіе вошло въ пословицу: „Не нашу тысячу рубятъ, Агеевскую“.—Ясаки сіи существовали еще въ Москвѣ даже до царствованія Императрицы Елисаветы и были причиною сильныхъ дракъ на улицахъ и даже смертоубійствъ, а прекратились совершенно въ бытность сыщикомъ Ваньки Каина. Сіе и званіе *ясака* перешло на значеніе подати съ сибирскихъ народовъ—вѣроятно, отъ того,

что Сибирь покорившіе казаки употребляли его для склички между собою, когда они отправлялись за податями“.

III.

Московскія народныя гулянія начала XIX в.

Нѣкоторое пенятіе о народныхъ гуляніяхъ въ Москвѣ, ихъ мѣстѣ и характерѣ въ началѣ XIX в. можно получить изъ мимолетнаго упоминанія Волкова въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1829 г. (XXVII, 7): „что же касается до тѣхъ людей, которымъ нравятся одни только пѣсельники, плясуны и бандуристы, то они весьма спокойно могутъ идти въ Марьину или Петровскую рощу“.

IV.

„Нарѣчіе жителей города Архангельска“ въ воспроизведеніи А. Е. Измайлова (1828 г.).

Въ „Славянинѣ“ 1828 г. (№ XLIII стр. 151—2) напечатано любопытное „письмо къ издателю „Славянина“ (Воейкову), изъ Архангельска, подписанное А. И. (Змайловъ) на „нарѣчіи жителей города Архангельска“, какъ указалъ самъ издатель въ примѣчаніи. Оно особенно интересно тѣмъ, что приводитъ рядъ архангельскихъ провинціализмовъ. „Рано встаю я здѣсь съ *мѣста* (съ постели), сброшу *окутку* (одѣяло), надену *обувку* (обувь) и примусь за книгу или за перо. Когда же *обряжусь* (отдѣлаюсь) и *облакусь* (одѣнусь), велю челоуѣку *пахать* (мести) и прибирать комнаты, а самъ пойду на *уоръ* (на высокій берегъ), стою и люблюсь на величественную Двину покрытую *ладьями, карбасами, шняками* (разнаго рода суда) и *душегубками* (челноками). Уоръ унизанъ красивыми деревянными домиками, а дома почти всѣ съ *вышками* (со свѣтлицами, теремами), и въ *вышкахъ* *полы* (окна) открыты. Дѣлалъ я съ пріѣзда сюда визиты. Если скажутъ гдѣ *живетъ* (дома), то войдешь; если же услышишь *повалился* (спитъ), такъ отъ воротъ. Былъ я и на *новомъ* (на торгѣ, на рынкѣ). (Новдемъ называютъ здѣсь торгъ, потому что съ него привезутъ или принесутъ всегда домой что-нибудь *новенькое*). Въ одномъ мѣстѣ сельскія красавицы въ *отдиркахъ* (въ головныхъ платкахъ) продаютъ въ *туисахъ* (буракахъ) морошку, землянку (землянику) и *кислицу* (красную смородину); въ другомъ сидятъ съ *те-*

терками ¹⁾ и *шажми* (булками и лепешками); въ третьей съ горшками и *кубами* (корчагами). Былъ у насъ недавно одинъ путешественникъ (изъ иноземцевъ) ²⁾. Лжетъ *дородно* (очень много). Представьте себѣ: увѣрялъ торжественно здѣшнихъ старожиловъ, будто у насъ въ Архангельскѣ можно выстроить порядочный домикъ за сорокъ рублей и съ хлѣвомъ. По крайней мѣрѣ въ десятеро убавилъ. Хорошо у насъ въ Архангельскѣ: годы теперь не *зеленые* (голодные), а урожайные; но *издержаться* и *рѣшиться* (умереть) желалъ бы я лучше въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Простите, *доброхотъ*: пора за дѣло“.

У.

Къ былинамъ объ Иванѣ Годиновичѣ.

„Въ Дамскомъ Журналѣ“ 1827 (№ XVIII, стр. 219—220) напечатана одна изъ главъ любопытнаго „журнала пѣшиходцевъ.“

Мимоходомъ авторъ даетъ не безынтересное для исторіи нашихъ былинъ свѣдѣніе.

„Рѣчка Печегда, впадающая по близости города (Петровска) въ рѣку Сару, составляетъ всѣ воды Петровска, но въ уѣздѣ его были и другія озера и рѣки, напр., озера: *Нико*, *Гаденъ*, *Раминъ* и пр. Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ Ѳ. П. Ключаревымъ, есть повѣсть, рассказывающая намъ о подвигахъ богатыря *Ивана Гаденовича*, жившаго, какъ водилось по *богатырскому быту*, во времена князя Владиміра—Солнышка, но родившагося, какъ вы думаете, гдѣ? Здѣсь, въ Ростовской области, будто бы близъ нынѣшняго Петровска, въ какомъ-то селеніи, расположенномъ на берегахъ или около озера Гаденова, а по трудахъ своей могучей службы предавшего свои *кости* здѣшней же родной его землѣ, гдѣ-то близъ монастыря Борисоглѣбскаго. Нѣкоторые старики съ хвастовствомъ воспоминаютъ о чудесной силѣ этого баснословнаго удалца богатыря! Впрочемъ *Гаденово*, какъ и *Раменье*, кажется, есть и въ окрестностяхъ Кіевскихъ: слѣдовательно, имена ростовскихъ озеръ не суть ли только одиѣ копіи съ настоящихъ подлинниковъ южныхъ?“

Въ этомъ извѣстіи любопытно все—память объ Иванѣ Годиновичѣ въ Ростовскомъ краѣ въ концѣ 20—хъ годовъ, приуроченіе его къ этому краю и

¹⁾ Прим. Измайлова: „буква *е* произносится здѣсь, какъ *ё*, *іо*—напр.: *те-тѣрка*, *дѣржать*, *предѣстная* и т. п.

²⁾ Несомнѣнно имѣется въ виду П. П. Свищевъ, издатель „Отечественныхъ Записокъ“. В. К.

сопоставленіе автора. Современный читатель тоже можетъ задаться вопросомъ: а не есть ли ростовскій Иванъ Годиновичъ „одна копія съ настоящаго подлинника южнаго“ Ивана Годиновича? Или въ данномъ случаѣ былъ обратный процессъ — занесеніе ростовскаго богатыря въ цѣпкій и клейкій циклъ „старинъ“, постепенно объединявшихся около личнаго центра—Краснаго Солнышка и мѣстнаго—Кіева?

Вл. Каллашъ.

Пѣсни объ Императорѣ Александрѣ III.

I.

Когда ѣхалъ бѣлый царь
Вдоль Россейшки большой,
По большой славной дорожкѣ,
По желѣзнымъ рельсамъ,
Три вагона проѣзжали
А четвертый паровозъ;
Въ трубу искрочки блестяли,
Дымъ носился по лѣсамъ.
Какъ на главныхъ полустанкахъ
Все бѣгутъ царя встрѣчать,
Его встрѣча преблагая—
Все ура ему кричатъ,
Все кричатъ ему ура,
Слава бѣлаго царя.
Часовые по дорожкѣ
Держать ружья на краулъ;
На краулъ они держали,
Злобно гордыхъ угрожали.
Злобные враги стояли,
Издавеча все взирали,
Взирали все на него,
Все противъ воли его
Чтобы жизнь его погубить,
Злую память сотворить.

Господь его сохранить,
Ему царствовать велитъ
На Давидовомъ престолѣ,
На его святомъ на тронѣ.
На тронъ возсѣлъ бѣлый царь
Александра государь,
Онъ одѣтъ святой порфирой
Всей небесной Божьей силой,
Въ рукахъ скипетръ и держава
Всю Россію содержала
По законамъ Божьимъ святымъ
Царемъ бѣлымъ преблагимъ.
По Россіи разѣзжалъ,
Народъ съ сторонъ окружалъ;
Окружали его люди,
Подносили хлѣбъ на блюдѣ;
Царь бѣлый хлѣбъ цѣловалъ,
Въ драгоценныя руки бралъ.
Когда хлѣбъ отъ нихъ принялъ,
Слова громкія сказалъ:
«Я васъ, дѣти, благодарю,
Вамъ почтеніе отдаю».
Генералы окружали,
Народъ строго угрожали,

Царя бѣлаго охраняли...
 Охранитель—Богъ Спаситель
 Русскаго бѣлаго царя
 И царицы преблагой,
 Мамашеньки дорогой;
 Она во слѣдъ за нимъ катила,
 Какъ голубушка летѣла
 Во всей силѣ полнотѣ,
 Въ неизреченной красотѣ.
 Въ Россіи разъѣзжали,
 Къ Москвѣ бѣлой подъѣзжали,
 Всѣ заставушки прошли,
 Въ Москву-матушку взошли.

А ужъ ты, матушка-Москва,
 Всей Россіи красота!
 Во тебѣ царь короновался,
 Всю корону получалъ;
 Здѣсь корона передается
 Царство сыну отдается
 Русскаго бѣлаго царя,
 Какъ румяная заря.
 Когда солнушко взойдетъ,
 Тогда бѣлый царь придетъ,
 Онъ явится въ Санктъ-Петербургѣ,
 Во своемъ свѣтломъ дворцѣ.

II.

Ужъ ты, батюшка, пресвѣтлый Питеръ градъ,
 Во тебѣ живетъ великій нашъ монархъ,
 Императоръ всей Россіи, бѣлый царь,
 Нашъ папаша Александра государь;
 И отъ Бога всю корону получилъ,
 Всей Россіи законъ новый вручилъ,
 Власть отъ Бога превелику получилъ,
 Генераловъ дисциплинѣ научилъ;
 Разъѣзжалъ онъ на своемъ бѣломъ конѣ,
 Какъ на страшномъ на великомъ на громѣ;
 Генералы окружали по бокамъ,
 Ихъ всѣ кони притянуты къ торокамъ,
 На главахъ каски сіяютъ всѣ въ перахъ,
 Ихъ полетушки блистаютъ на плечахъ,
 Всѣ заслуги на шеюшкахъ и на рукахъ;
 Золоты кресты на лентахъ, на цѣпяхъ;
 Ленты алыя надѣты чрезъ плечо,
 Въ службѣ царской поступаютъ горячо;
 Генераламъ царь всемъ «браво» говорилъ,
 Горнисть съ боку въ золоту трубу трубилъ,
 Генераламъ золоты кресты дарилъ.
 Когда кончился великій, большой смотръ

И разѣхался военный весь народъ
 По своимъ мѣстамъ—казармамъ дорогимъ,
 Со своимъ славнымъ начальникомъ благимъ.
 Поступать долженъ начальникъ хорошо,
 Съ военными обходиться пригожѣ;
 На его примѣръ должны они взирать
 И ему же честь великую воздать,
 Царя бѣлаго во вѣки почитать;
 За него должны во вѣкъ Богу молить,
 Во слезахъ должны о немъ всегда просить,
 Жертву Богу съ усердіемъ приносить,
 Хвалу, славу, почтеніе воздавать,
 Чтобы помиловалъ Россію отъ враговъ,
 Отъ невѣрныхъ непріятелей недруговъ.

Обѣ пѣсни получены редакціей въ началѣ 1900 г. отъ Воронежскаго губ. земскаго статистика Федора Андреевича Щербины, черезъ директора Моск. Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ Михаила Алексѣевича Веневитинова, пораженного теперь, въ нашему глубокому прискорбію, тяжкимъ недугомъ. Передавая намъ эти записи незадолго передъ постигшимъ его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ударомъ, М. А. Веневитиновъ сопровождалъ ихъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Въ 1887 г., впервые послѣ своей коронаціи, Императоръ Александръ III проѣзжалъ чрезъ Воронежскую губернію. Подъ впечатлѣніемъ событій 1 марта 1881 г. по пути Государя были приняты мѣры предосторожности и охраны, и на нѣкоторыхъ станціяхъ желѣзной дороги были устроены торжественныя встрѣчи. Всѣ эти подробности отразились въ содержаніи двухъ сообщаемыхъ пѣсенъ, сложенныхъ въ то-же время крестьянами-раскольниками, живущими на границѣ Воронежскаго и Коротоякскаго уѣздовъ, Воронежской губерніи».

Вопросы и отвѣты.

Выбрасываніе стариковъ и старухъ.

На предложенный г. В. Каллашемъ вопросъ въ „Этногр. Обзорѣніи“ (XLV, 186) имѣемъ сообщить слѣдующіе народные рассказы:

а) Въ старину, говорятъ, былъ такой законъ, что старыхъ людей убивали. Вотъ одна семья, боясь, чтобы не убили ихъ старика-отца, спрятали его въ погребъ. Приходятъ къ этой семьѣ послы отъ царя и требуютъ старика. Дѣти говорятъ: «нашъ отецъ давно уже въ землѣ». Тѣ не вѣрятъ и настоятельно требуютъ, такъ что дѣти должны были поклясться, что говорятъ правду. Спустя нѣсколько лѣтъ, насталъ въ этой мѣстности страшный голодъ, весь запасъ хлѣба истощился и купить даже негдѣ было. Съ наступленіемъ весны народъ не зналъ, что дѣлать, гдѣ брать зерна для посѣва. Сыновья спрятаннаго старика идутъ къ отцу за совѣтомъ. «А вотъ что, дѣти», говоритъ тотъ: «нашите дороги, по нимъ люди когда-то возили снопы, то ронялись и зерна, снимайте крыши съ построекъ—и тамъ не безъ зерна—рубите ихъ мелко и сѣйте, Богъ дастъ, уродится». Сыновья такъ и сдѣлали. Видя это, нѣкоторые люди смѣялись, а другіе думали даже, что они съ ума спятили. Но какъ уродился-жъ хлѣбъ, такъ его ни сносить, ни свозить! Вѣсть объ этомъ повсюду разнеслась. Потребовалъ ихъ царь и сталъ спрашивать, кто ихъ этому научилъ. Они сознались. Съ тѣхъ поръ перестали избивать стариковъ. Прошло много лѣтъ, мудрый старикъ съ каждымъ годомъ все болѣе слабѣлъ, дряхлѣлъ и, какъ казалось семьѣ, даже сталъ выживать изъ ума. Сыновья не знали, что съ нимъ дѣлать и, наконецъ, надумали отдать его въ школу уму-разуму учиться. Вотъ, идя однажды утромъ въ школу, старикъ замѣтилъ вблизи дороги свѣжій слѣдъ оставленнаго ночлега (солома, сѣно, потухшіе уголья); онъ изъ любопытства, свойственнаго старикамъ, пошелъ поближе посмотреть его и находитъ тамъ подъ соломой шкатулку съ деньгами. Старикъ перекрестился, взялъ шкатулку и пошелъ своей дорогой. Вечеромъ возвращается онъ домой, а на встрѣчу ему какой-то баринъ или купецъ катитъ въ бричкѣ. «А что, старикъ»,—спрашиваетъ его проѣзжій: «не слыхалъ ты, не находилъ ли кто въ нашей слободѣ шкатулки съ деньгами?»—«Я нашелъ

ее», — отвѣчалъ старикъ. «Когда?» Старику вдругъ стало жаль расставаться съ деньгами и онъ прибѣгъ къ хитрости, сказавъ: «Да какъ еще въ школу шелъ учиться». — «Э, то не моя», пробормоталъ проѣзжіи, думая про себя: «когда это еще было!» и укатилъ къ тому мѣсту, гдѣ нашелъ старикъ шкатулку. Семья опять на время полюбила старика съ деньгами.

Сл. Преображенная, Купянского уѣзда.

б) Кажуть що въ старину старыхъ людей, неспособныхъ къ работѣ, убивали, заводили въ лѣсъ, а тамъ покидали, тилько то дуже давно було. А у однихъ сыновъ бувъ старый батько, а може и дидусь довго въ погребѣ хованъ, и никто того не знавъ и того дида не бачивъ. Здилався неурожай, то сыны пришли до того дидуса и кажуть: «Що намъ робить, у насъ неврожай, хлиба нема?» А дидъ и каже: «Диты, оратъ дорогу!» Вони выорали дорогу, уродилъ гарный хлибъ. Съ той поры годи старыхъ людей изводить.

Слобода Тарасовка, Купянскаго уѣзда

П. И.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. *Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Спб. 1900. Стр. III+425.*

Книга г. Перетца была представлена въ Петербургскій университетъ въ качествѣ магистерской диссертациі. Въ виду того, что такіе труды имѣютъ гораздо большіе практическіе результаты, нежели книги, не претендующія на ученую степень, то и отношеніе къ нимъ должно быть гораздо серьезнѣе и строже, чѣмъ къ послѣднимъ. Диссертациа должна показывать какъ критическую способность разбираться въ научной литературѣ, такъ и умѣнье изучать тѣ или другіе вопросы, пользуясь выработанными методами и руководящими историко-культурными идеями, — не «предвзятыми», какъ любятъ выражаться поборники мелочныхъ фактическихъ изученій, а основанными на широкомъ историческомъ образованіи.

За послѣднее время въ историко-литературныхъ работахъ все болѣе и болѣе проявляется одна особенность — любовь къ нагроможденію матеріала, изъ-за котораго иногда не видно бываетъ идей и выводовъ, — «изъ-за деревьевъ не видно лѣса». Приемы и методы покойнаго Тихонравова и академика Веселовскаго, создавшихъ научное изученіе исторіи русской литературы, сыграли огромную и благотворительную роль для науки; но нѣкоторые изъ ихъ послѣдователей восприняли у своихъ учителей только одну сторону ихъ научныхъ приемовъ — собраніе богатаго фактическаго матеріала, оставивши въ сторонѣ свойственное указаннымъ ученымъ освѣщеніе этого матеріала. Появляются книги съ подзаголовкомъ «изслѣдованія и матеріалы», содержащія много матеріаловъ и очень мало изслѣдованій. Къ типу такихъ весьма ученыхъ, но мало-научныхъ трудовъ принадлежитъ и разбираемая диссертациа г. Перетца.

Уже изъ заглавія книги видно, насколько нестро ея содержаніе. Изборникъ 1073 г., статья Максима Грека о философахъ, польско-малорусскіе вирши XVI—XVII вв., псалмы почаевского Богогласника, старообрядческіе стихи, наконецъ, народныя малорусскія и великорусскія пѣсни — таковы разнородные предметы изслѣдованій г. Перетца, насильственнымъ образомъ соединенныхъ въ одну книгу. Характерно заглавіе

послѣдней главы: «Нѣсколько выводовъ». Дѣйствительно, выводы изъ разнообразнаго матеріала не могли сконцентрироваться въ нѣчто такое. По необходимости, въ результатѣ работы оказалось «нѣсколько» положеній, иногда не имѣющихъ между собою никакой связи. Вълѣдствіе разнородности матеріала, надъ которымъ трудился авторъ, иногда ему приходилось дѣлать выводы чисто-отрицательнаго характера, ничего не дающіе для науки. «Новая русская поэзія, говоритъ онъ на стр. 419, народившаяся въ юго-западной Россіи, ничего не имѣетъ общаго съ старыми теоретическими указаніями, встрѣчающимися кое-гдѣ въ Изборникѣ Святослава, въ сочиненіяхъ Максима Грека: она является продуктомъ западнаго польскаго вліянія, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія». Да вѣдь въ этомъ никто до сихъ поръ не сомнѣвался: чьи же мнѣнія думаетъ опровергать авторъ? Вълѣдствіе случайнаго подбора матеріаловъ, работа г. Перетца изобилуетъ цѣлымъ рядомъ скачковъ, дѣлающихъ ее почти безсистемною. Иногда перескакиванія отъ одного предмета къ другому поистинѣ изумительны. «Збавчивая общія соображенія» о теоріяхъ стихосложенія, авторъ переходитъ къ текстамъ виршъ (стр. 81), не думая останавливаться на ихъ метрику, и дѣлаетъ историческій комментарий къ ихъ содержанію; рядомъ съ виршами историческаго характера приводитъ колядки и псалмы; встрѣтивши въ одномъ изъ этихъ произведеній намекъ на нравы духовенства, распространяется о послѣднемъ предметѣ (стр. 105—110); найдя въ другомъ слѣды апокрифовъ, «останавливается на одномъ эпизодѣ изъ полской драмы, который касается народныхъ преданій апокрифическаго происхожденія» (120), и наконецъ, самъ сознается, что «мы нѣсколько отошли въ сторону отъ основнаго вопроса настоящей главы» (123). Переходъ отъ псалмъ къ пѣснямъ свѣтскаго содержанія мотивируется только тѣмъ, что тѣ и другія помѣщены въ однихъ и тѣхъ же сборникахъ (189); нашедши одну пѣсню, похожую на стихотвореніе Проконевича, авторъ «повутно (?) останавливается на поэтической дѣятельности его вообще» (241), не имѣя къ тому ровно никакихъ основаній; наконецъ, встрѣтивши у Теофана одинъ народно-поэтический образъ, онъ пишетъ по поводу этой мелочи длиннѣйшее разсужденіе (249—282), которое окончательно убѣждаетъ читателя, что не авторъ овладѣлъ матеріаломъ, но что матеріалъ всецѣло имъ владѣетъ.

Въ сущности все изслѣдованіе г. Перетца представляетъ собою собраніе сырого матеріала съ «сопровождающими текстъ историческими и историко-литературными комментаріями», какъ выразился самъ авторъ относительно характера одной изъ главъ своей книги (стр. 93). Этотъ характеръ чѣмъ-то разрозненнаго усиливается тѣмъ, что въ текстъ книги внесено очень значительное количество рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ. Авторъ говоритъ (стр. III, предисловіе), что это внесеніе было противъ его желанія. Рѣшительно недоумѣваемъ, что заставило г. Перетца такъ поступить?

Такъ въ общій характеръ изслѣдованія г. Перетца. Несомнѣнно, гораздо большаго вниманія заслуживаютъ отдѣльныя, иногда весьма трез-

выя замѣчанія автора, напр., относительно значенія силлабическаго стиха для первоначальнаго развитія русской книжной поэзіи (стр. 35), связи малорусскихъ думъ со школьными виршами (81, 98—102, подвѣженіе взгляда г. Житецкаго), о польско-московскихъ литературныхъ отношеніяхъ въ XVII в. (195—202), о хранителяхъ виршъ и псалмъ на великорусской почвѣ въ XVIII в. (298—307), о популярности малорусскихъ пѣсенъ въ это время (206—211); но обѣщаніе автора посвятить послѣднему вопросу особую работу (225) какъ-то странно звучитъ въ диссертациі, трактующей главнымъ образомъ о вліяніи южно-русской поэзіи на великорусскую. Вполнѣ можно согласиться съ авторомъ, что 1) онъ «остановился *пока* на чисто формальномъ разсмотрѣніи древнѣйшихъ памятниковъ русской искусственной поэзіи» (предисловіе), почти исключительно на ихъ стихосложеніи, и что 2) онъ «ограничился *пока* немногочисленными примѣрами... существовавшего въ XVIII в. движенія», заносившаго въ Великоросію польско-малорусскія поэтическія произведенія.

Г. Перетцъ смотритъ на свою работу «какъ на опытъ систематизаціи до сихъ поръ разбросаннаго матеріала» (418); но даже этотъ взглядъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, нельзя примѣнить къ книгѣ, написанной крайне несистематично. Но намъ кажется, что даже изложеніе матеріала, вполнѣ систематическое, но лишенное освѣщающихъ его идей, связи поэтическаго творчества съ общимъ культурнымъ развитіемъ народа и его постепенной эволюціи подъ вліяніемъ художественныхъ международныхъ отношеній, не должно быть представляемо въ качествѣ диссертациі. Научная работа не ограничивается констатированіемъ фактовъ: она должна ихъ объяснять. Случайность въ подборѣ матеріала и его малообработанность дѣлаютъ чтеніе книги г. Перетца крайне тяжелымъ и скучнымъ. Только отсутствіе другихъ изслѣдованій по вопросамъ, затронуемымъ авторомъ, и богатство новаго рукописнаго матеріала заставляютъ признать за книгой извѣстное значеніе: на безрыбьѣ и ракъ—рыба.

А. М.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I. Изъ исторіи русской пѣсни, часть 2. Приложенія. Описанія сборниковъ псалмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. Указатели. Спб. 1900. Стр. 209.

Большая часть этихъ приложеній (стр. 5—133) занята описаніемъ сборниковъ стихотвореній и пѣсенъ; какъ данныя для справокъ, это описаніе принесетъ несомнѣнную пользу специалистамъ. Далѣе помѣщены вирши изъ старопечатныхъ (1593—1619 гг.) книгъ, дѣль вирши Θεοφана Прокоповича по рукописи. Для этнографовъ болѣе интересны малорусскія стихотворенія, извлеченныя изъ сборниковъ XVIII в. (стр. 171—190); среди нихъ попадаются и народныя пѣсни, параллели къ которымъ можно найти въ современныхъ малорусскихъ и великорус-

скихъ записяхъ; сюда относятся: № 6 на стр. 166, № 19—172, № 40—173, № 45—174, № 48—176, № 121—182, № 94—183, № 176—187, № 32—190; въ одномъ сборникѣ встрѣтилась «пѣсня со слѣдами малорусскаго говора» (стр. 186), лучше сказать, прямо бѣлорусская пѣсня. Авторъ имѣлъ въ виду привести «всѣ тѣ пѣсни, которыя носятъ хотя бы слабыя слѣды малорусскаго происхожденія» (с. 2). Удивительно, что въ число таковыхъ пѣсенъ попали №№ 138 и 173 (стр. 184—6), не заключающіе никакихъ признаковъ малоруссизма; обѣ онѣ—чисто великорусскія пѣсни; № 173 имѣетъ значительное число параллелей въ современныхъ в.-р. записяхъ («Заюшко, гдѣ ты былъ, да побывалъ»; ср. *Шейнъ*, Русскія народныя пѣсни, 162—6; *Великорусь*, I, 64—7; *Васнецовъ*, Пѣсни с.-в. Россіи, 172; *Чудинскій*, Русск. нар. сказки и пр. 125).

Что касается описанія рукописей, то оно сдѣлано весьма тщательно: иногда указывается содержаніе стихотвореній, отмѣчаются малоруссизмы и полонизмы въ текстахъ, приводятся надписи и записи на сборникахъ (стр. 54, 72, 93, 128, 131), иногда очень любопытныя, напр. «Сін псалмы новгороцкого купца».

Искусственныя виріи имѣютъ, конечно, значеніе преимущественно для специалистовъ; но онѣ представляютъ нѣкоторый интересъ и для изслѣдователей устной словесности, такъ какъ иногда на нихъ основываются народныя пѣсни. При бѣгломъ просмотрѣ описаній сборниковъ, можно отмѣтить встрѣчающееся въ одной псалмѣ любопытное названіе Іоанна Богослова «сыномъ громовымъ» (с. 79, л. 48; 87, л. 26); припѣвъ къ одной псалмѣ «Святый вечеръ» (70, л. 275), напоминающій обычные припѣвы малорусскихъ колядокъ и щедривокъ. Канты, сочиненныя по поводу историческихъ событій XVIII в. (с. 67—71, 86—8, 94—5, 101—3) будутъ имѣть значеніе для изслѣдователей солдатскихъ пѣсенъ этой эпохи. Любопытна чисто народная пародія на псалму:

Восколебалося море, сыра земля застонула,

Стали страшны вѣтры дуги, — что стала муха товуги (с. 97, л. 22).

Извѣстенъ цѣлый рядъ юмористическихъ пародій, обращающихъ серьезное повѣствованіе старины въ шутку; сюда, между прочимъ, относится извѣстная пѣсня изъ сборника Кириши Данилова:

«Высота ли, высота потолочная».

Всякое новое свѣдѣніе о сборникахъ пѣсенъ XVIII ст. вызываетъ желаніе, чтобы народныя пѣсни были извлечены изъ этихъ сборниковъ, которыхъ теперь описано весьма значительное количество, и изданы въ систематическомъ подборѣ. Старыхъ текстовъ нашей народной поэзіи уцѣлѣло такъ мало, что всякій вкладъ въ эту область долженъ считаться драгоценнымъ. Между тѣмъ пѣсенныя записи XVIII в. продолжаютъ оставаться въ трудно-доступныхъ книгохранилищахъ или въ частныхъ рукахъ. Поэтому крайне желательно, чтобы нашлись ученые, которые исполнили бы эту важную работу, по примѣру г. Симони, предпринявшаго систематическое изданіе старыхъ сборниковъ великорусскихъ посло-

вицъ. Большинство сборниковъ, описанныхъ г. Перетцемъ, не содержатъ чисто-народныхъ произведений. Но и въ этихъ рукописяхъ попадаются такія драгоценности, какъ напр., стихъ о разорѣніи Соловецкаго монастыря (с. 130, л. 78 — 81 об.; с. 132, л. 41 об.). Одинъ сборникъ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, описанный на стр. 114—128, содержитъ нѣсколько десятковъ чисто-народныхъ пѣсень. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были напечатаны (напр., л. 72: «Что гулялъ молодецъ по украины» — Пѣсни *Кирьевскаго*, V, 174; менѣе точно у *Соболевскаго* I, 36); бóльшая же часть не издана, несмотря на то, что въ сборникѣ попадаются очень интересныя историческія пѣсни: объ Ермакѣ (л. 97, ср. у *Кирьевскаго*, VI, дополн., 135), о кончинѣ Карамышева (л. 76; ср. ib., 131; VII, 312), пѣсня волжскихъ разбойниковъ конца XVII в. (л. 37 об.; ср. ib., 294—6, 313), пѣсни времени Петра I, (л. 58 об. ср. ib. 57; л. 87 об., ср. ib. 64, 148—51, 161), неизвѣстныя въ печати пѣсни времени Елизаветы (л. 68 об., 69). Значительный интересъ представляютъ и другія пѣсни сборника, напр. казачья пѣсня объ Яикѣ Горыновичѣ (л. 60), пѣсня (= «Ивушка»): «Шли скоморохи изъ Новгорода, Сѣкли ребиночку подъ самой корешокъ» (л. 51), съ любопытной замѣной новгородскихъ бояръ скоморохами.

Приложенія къ диссертациі г. Перетца сослужатъ несомнѣнную службу наукѣ, если обратятъ вниманіе изслѣдователей на сокровища старыхъ рукописныхъ сборниковъ и вызовутъ ихъ систематическое изданіе.

А. М.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

„Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго русскаго Археологическаго Общества“. Изд. подъ редакц. В. Р. Розена. Т. XII. вып. IV. Спб. 900. *Мелкія извѣстія и замѣтки*: Эфіопскія рукописи Музея Церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной академіи. *В. Тураева*. — Дополненія къ статьѣ „Эфіопскія рукописи“ и проч. Прошлое приаральскихъ степей въ преданіяхъ киргизъ Казалинскаго уѣзда. *А. Нестерова*. — Два хотанскихъ изображенія Майтреи. Изд. собр. Н. Θ. Петровскаго. *С. Ольденбургъ*. *Критика и библіографія*. Краѣтъ П. И. Изъ киргизской старины *Н. В.* — Сборникъ киргизскихъ пословицъ *П. М.* — Указатель орховско-турецкихъ словъ и формъ, разбразныхъ въ статьѣ „Памятники въ честь Кюль-Тегина“.

„Живая Старина“ 1900 I—II. *Аристовъ, Н. А.* — Англо-индійскій „Кавказъ“. Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. Этвико-историческій и политическій этюдъ. Обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ восточными племенами *Тохельсонъ, Вл.* — Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этнический составъ, парвчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. Отд. II. Памятники языка и народной словесности. *Мошковъ, В.* — Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инородцевъ: вотяковъ, черемисовъ, мордвы. *Савицкий Іл.* — Опытъ сравнительнаго словаря русскихъ говоровъ. Галицко-Байковскій говоръ. *Ровинскій П.* — Сборникъ Палаіота Давидовскаго изъ села Галичника въ Дебрахъ (продолж.) *Баловъ А.* — По говору Любимскаго уѣзда. Отд. III. Критика и библіографія *Погодинъ А.* — Жреческая организація индогерманцевъ. Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о культурѣ индогерманцевъ. *Якимирскій, А. И.* Румынскія сказанія о рахманахъ. *Его же*. — Psihologia penala a teranului de Dem J. Dobresku. *Сырневъ И.* — II. Лупповъ „Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣстій о нихъ до XIX в.“ — *Ильинскій, Г.* Novà mapa Kràlovství českého. Sestavil V. Kotyska Krestil N. Hauf. Měritko I: 200000. — Smichovsko a Zbraslavsko Sprolečnou práci ucitelstva Redaktor prof. Fr. Hausl, c. k. okresní školní inspektor. — Starožitnosti zeme ceske. Sestavil L. Pič. Díl. J. Čechy předhistorické. Na základě praehistorické sbírky Muzea Král. Českého. — Rodinný nedíl čili zadrůha v pravu slovanském. Sepsal K. Haldec. Nakl. vlastním. — Führer durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirtschaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. Гуцулщина, написав проф. Володимѣр Шухевич. — Этнографичный збірник. Видає етнографична комісія Науков. Тов. ім. Шевченка. — Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX ст. Отд. IV. Смѣсь. — *Добровольскій В. Н.* — Смерть, похороны и причитанія. Этнографическій матеріалъ Калужской губерніи. — *Богоразъ В.* и *Тохельсонъ В.* — О Сибирскомъ Псмерномъ отдѣлѣ Стверотихо-океанской экспедиціи. Изъ письма къ председателю Этнографическаго Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общества. III. Отд. I. *Мошковъ В. А.* — Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ. — *Иностранцевъ, К. А.* — Хунь-ну и Гунны. Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ.

яхъ этихъ двухъ народовъ. *Ильинскій, Г. А.*—Объ одномъ старомъ оборотѣ съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ нарѣчій. Отд. I. *Давыдовскій, А.*—Распределение жителей Солунскаго вилаета по народностямъ и исповѣданіямъ въ 1899 г. *Чернышевъ, В.*—Нѣсколько духовныхъ словъ. Отд. III. *Ильинскій, Г. А.*—Die Slowinzen und Lebakashuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen.—*Липовскій, А. А.*—Ор. Шканскій. Ам.-Дарвинскіе очерки.—*П. Н. Милоковъ*: 5 этнографическихъ картъ Македоніи съ текстомъ.—*И. П. Роговичъ*: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики.—*Кораблевъ, В.*—*Сп. Гончевичъ*: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе.—*Брайловскій, С.*—*Е. Т. Смирновъ*. Приамурскій край на Амурско-Приморской Выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ.—*Лященко, А.*—Кубанскій сборникъ. Труды „Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета“, издаваемые подъ редакціей С. В. Руденко. Отд. IV.—Вопросы и отвѣты. Отд. V. Смѣсь. *Пшеницынъ, Мих.*—Отрывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляменскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губ.—*Лященко, А.*—Изъ старыхъ журналовъ. I. Древнія русскія престолярныя загадки II. Респисъ словъ и реченій, изъ остатковъ древняго русскаго языка, въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ.

Витебскія Губернскія Вѣдомости. 1900 75. Смѣсь. Модная американская игра „Klondyke game“.—78. Разныя разности. О святыхъ символахъ Страстей Господнихъ 79. Село Качино, Двинскаго уѣзда. Корреспонденція (въѣрованія въ чорта).—86. Разныя разности. Индусская легенда (о сотвореніи женщины). Изъ „Спб. Вѣд.“—Смѣсь. Модныя обручальныя кольца (въ Англіи).—88. Смѣсь. Преданіе о паукахъ крестовикахъ. 92. Разныя извѣстія. Дѣвичья баня. Изъ бакивскихъ легендъ.—Семейный бытъ трансваальскихъ буровъ. 93. Разныя извѣстія. Киргизскій народный судъ. изъ „Сибир. Вѣст.“—Свѣдѣнія о писанкахъ (обращеніе проф. Н. Ѳ. Сумцова о доставленіи свѣдѣній о писанкахъ. „Харьк. Губ. Вѣд.“).—Смѣсь. Лондонская пророчица.

Кіевская старина. 1900 № 1—Отд. I. *Левинскій, Ор.* Обычныя формы заключенія браковъ въ южной Руси въ XVII и XVIII ст. *Милорадовичъ, В.*—Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. Отд. II. 1. Документы, извѣстія, замѣтки. Сообщеніе *А. Мёрдера* Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 2. Колдовство въ 1863 г.. 3 Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій—Сообщеніе *Вл. Корниловичъ*. Пѣсни, записанныя въ Волынской губ.—Заговоръ отъ скарлатины.—Страничка изъ жизни Гр. г. Ант. Зелюбовскаго. 2. Библіографія *О. Сластѣнъ*. Современные фотографы этнографическіе альбомы. Изд. типовъ и видовъ Малороссіи *Х. Я. Нарфененка*. Кіевъ 1899. № 2. Отд. I. *Милорадовичъ, В.*—Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ.—*Познанскій, Б.*—Партынки сучаснаго семейскаго побыту. Отд. II. *О. Л.* Воспрепещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. Звѣи-удавы на о. Хортицѣ. № 3 Отд. I. *Милорадовичъ, В.*—Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отд. 2. 1 Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси.—О собираніи народныхъ легендъ. 2 *В. Д.* Розвідки Михаила Дрогоманова про українську народну словесність і письменство. Т. I. (Т. II. Збірника фільологічнихъ і секцій Наукового Товариства ім. Шевченка) У Львові, 1899.—*Бяляшевскій, Н.* Къ вопросу о программѣ Кіевского Музея Древностей и Искусствъ. Археологическая Лѣтопись. № 4. Отд. II. 1. Сообщеніе *А. Г. Хатемкина*. Приворотныя средства.—Своеобразныя молитвы. *Корниловичъ, М. Н.*—О пѣняхъ про волю.—2. *И.* Очерки Малороссіи. „Приходская бібліотека“. Сборн. для народа. чтенія. Спб. 1899. № 5 Отд. I. *Милорадовичъ, В.* Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отд. II. 1. Сообщеніе *В. Милорадовича* Варіанты пѣсені о дѣвцѣ-воинѣ.—Къ дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. 2. *В. Д.* Этнографичный збірник. Видає етнографічна комісія наукового Товариства ім. Шевченка. Т. VI Галицко—руські анекдоти. Зібрав Володимир. Гвятюк. У Львові. 1899.—*В. Д.* Часопись Правнича. Розвідки правничі секції історично-філософичної наукового Товариства ім. Шевченка. Ред. д-р. Кость Левицкой. Рочник IX. У Львові 1899, № 6. Отд. I.

Милорадовъ В. Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отд. II I *Васильевъ* К. Т. Шевченко въ легендѣ. — Пережитки старины (церковные обычаи въ Гродненск. губ.) — Пѣсенная Комиссія русскаго географическаго общества. — 2. III. I. Изъ украинской старины, рис. академ. С. И. Васильковъ и Н. С. Самокиша. Пояснит. текстъ проф. Д. И. Эарницкаго. Изд. Л. Ф. Маркса. Сиб. 1900. — Археологическая Лѣтопись. Къ Археологическому съезду въ Харьковъ. — Погребальныя поля въ Кіевской губерніи. — № 7—8. Отд. I Милорадовичъ В. Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. — Записки прот. П. Г. Лебединцева о козацѣхъ 1855 года. — *Волковъ* По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-Микенскаго типа. — *Красновъ*, В. Могила гетмана Дорошенка. *Хатъ*, А. Г. Засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи въ Москвѣ. — 2. В. Д. Юбилейный сборникъ въ честь Вс. О. Миллера. Подъ ред. Н. А. Янчука. Москва 1900. — Л. Ч. И. Левицкій Повести и оповѣданія. Т. II. Старосвитські батюшки та матушки. Повесть Кіевъ 1900 — Археологическая Лѣтопись. Къ Археологическому съезду въ Харьковъ. — *Бѣляшевскій*, Н. Раскопки на мѣстѣ неолитическаго населенія съ керамикой домекенскаго типа у с. Колодистаго, Звенигородскаго уѣз. Кіевской губ. — № 9. Отд. I. Милорадовичъ В. — Лѣсная Лубенщина. — Отд. II. 1 *Ирпекскій*, А. Празднество 8 сентября въ Холмѣ. — Сообщеніе В. Милорадовича. Варьянтъ пѣсни про голоду. — Варьянтъ пѣсни про дурня. — Археологическая лѣтопись. *Бѣляшевскій* Н. Собираніе свѣдѣній о памятникахъ украинской старины. — Эскурсія отъ Городецкаго музея Волынской губ. барона О. Г. Штейнгель.

Киргизская Степная Газета. 1900. 35. С-новъ А. Изъ жизни инородцевъ. — 37. А. В. Киргизская повѣсть (начало см. № 3). — Разныя извѣстія. Сообщеніе о свадьбѣ 120 лѣтняго Исмаила съ 64 лѣтней невѣстой, 34 ой женой изъ „Т. Хакикатъ.“ — Китайскій обѣдъ. „Каспій.“ — 38. „Н. В.“ Богдыханъ и его дворъ. — К. П. Обѣдъ у Ли-Хунъ-Чанга — 39. 43 *Турановъ* Д. Обычное право киргизовъ. Общія основанія киргизскаго суда.¹ — 39 Айдашиевскіе инородцы, изъ „Сиб. Вѣс.“ — 41 Н. П. Жизнь — это соль. Китайская сказка изъ „Всемирн. Путешествіе.“ — 42 Бытъ киргизовъ Туркестана и сопредѣльныхъ съ нимъ областей, изъ „Прир. и Люди.“

Православный собесѣдникъ. 1900. 7—9. Алтайская духовная миссія. — 7—9. Дѣятельность епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества въ 1899 г. — 7. Отчетъ Самарскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г. — 8. Религія въ Китаѣ. — *И-въ*, Н. У киргизовъ. — 8, 9. Погребальныя обряды и загробныя представленія у кареновъ, Бирма. — 8. *Е. Е.* Отравленіе опиумомъ въ Китаѣ. — Отчетъ Енисейскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г. — Извѣстія и замѣтки. Современная Корея. — Положеніе Охотско-Камчатскаго края. — 9. Небесная помощь алтайскимъ вѣропроповѣдникамъ. — Бытъ сельскаго населенія Японіи. — Серъ-Али-Лапина. Мусульманская присяга. — *Е. Е.* Христіане въ Манджуріи. — Отчетъ Владивостокскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г. — Извѣстія и замѣтки. Посѣщеніе буддійскаго монастыря. — Китайскій фанатизмъ. — 10, 11. Изъ жизни алтайской миссіи. — 10—18. *Третьяковъ*, Н. Мусульманское преданіе. — Сунна, его образованіе и развитіе. — 10. Ламаизмъ въ Гималаяхъ. — *Е. Е.* Краткія замѣтки о Японіи. — 10, 11. Отчетъ о состояніи Забайкальской православной миссіи въ 1899 г. — 11. Школьное дѣло русской православной церкви въ Амескѣ. — Извѣстія и замѣтки. Знахарство среди астраханскихъ калмыковъ. Изъ „Тургайск. газ.“ — 11, 12. *Михневъ*, Н. Изъ религіозной жизни вотяковъ Казанской епархіи. — 12, 13. — *Нектарій*. Современное состояніе язычества въ Донскихъ калмыцкихъ степяхъ. — 11—21. *Ивановъ*, Н. Изъ исторіи христіанскаго проsvщенія чувашъ самарской епархіи во вторую половину XIX ст.

¹ — 1 О преступленіяхъ и наказаніяхъ. 2. Преступленія противъ личности. 3. Нарушеніе общественной тишины и благочинія, неповиновеніе властямъ и проч. 4. Кража и грабежъ.

12. *Н. М.* Русско-туземныя школы въ Ташкентѣ.—12. Бухарскія медресе.—12—16. Отчетъ православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г.—13, 15. *Елисеѣвъ, Е.* Записки Буканского миссіонерства Киркизской миссіи за 1899 г.—13. Буддизмъ на югѣ, Индіи и Цейлонѣ.—14. Урга.—Извѣстія и замѣтки. Вопросъ о раннихъ бракахъ между инородцами.—15. *Хохловъ, И.* Мое знакомство съ киргизами.—Чествованіе умершихъ въ Китаѣ.—Извѣстія и замѣтки. Загробная жизнь по вѣрованію китайцевъ.—16, 17. Китайцы.—16. Извѣстія и замѣтки. Почитаніе дракона въ Китаѣ.—17. Языческія жертвоприношенія у черемисъ и борьба съ ними православныхъ пастырей.—Извѣстія и замѣтки. Новый законъ о землепользованіи въ Туркестанскомъ краѣ.—Павильонъ католической миссіи на Всемирной выставкѣ.—18. Миссія въ Ставропольской епархіи въ 1899 г.—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Иркутской духовной миссіи въ 1899 г.—19. *Зосимъ.* Нѣсколько словъ о Киргизской миссіи.—19, 20. *Алексѣевъ, В.* Миссіонерская поездка въ Сѣверо-Западную Канаду.—Отчетъ Якутскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г.—20. *Рыбаковъ, С.* Церковь и мечеть въ селеніи Большомъ Гондырѣ, Осинскаго уѣзда. Пермской губ.—Извѣстія и замѣтки. Дѣятельность Общества распространенія св. писанія въ Россіи въ 1899 г.—20, 21. Отчетъ о состояніи Киргизской миссіи въ 1899 г.—21. Корейская православная миссія.—*С-новъ, А.* Киргизская помолвка.

Олонецкія Губернскія Вѣдомости. 1900. 50. *Березкинъ, Д.* Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—1615 гг. Преданіе объ избавленіи отъ враговъ въ смутное время. Въ ссылкахъ указаны №№ Олон. Губ. Вѣд. (56 г.—17; 57 г.—22 и 23; 63 г.—40; 69 г.—35 и др.; 60 г.—1; 43 г.—24; 57 г.—23; 64 г.—22; 63 г.—50; 73 г.—72 и 73), въ которыхъ помѣщены подобныя же преданія.

Семипалатинскія Областныя Вѣдмости. 1900. 33/34—41/42. *Комининъ, Н.* Очерки экономического быта киргизъ Семипалатинской области (нач. см. №№ 5—29/32).

Семирѣченскія Областныя Вѣдомости. 1900. 55. Полезныя свѣдѣнія. Борьба съ бранью. Приговоръ крестьянъ пяти сельскихъ обществъ Павловской области изъ „Таганр. Вѣстн.“.

Тобольскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. 15. *Грамматинъ, А.* мѣстно-чтимый образъ Господа Вседержителя. 23.24. По поводу „Рождественской драмы“ Святителя Димитрія Ростовскаго (бывшаго Тобольскаго). 23. Мѣстно-чтимая явленная икона Святителя и Чудотворца Николая въ селѣ Усть Ишимскомъ (въ юртахъ „Усть-Ишимскій Острожокъ“), Тарскаго уѣзда.

Пріамурскія Вѣдомости 1900 г. 314, 317 В. П. „По Амуру и Забайкалью (Путевыя впечатлѣнія)“—кое-какія поверхностныя свѣдѣнія о тунгусахъ, бурятахъ и русскихъ. 324. М. Б.—„Послѣднее возстаніе дуинганъ“. 330. Б. Б.—„Отрывокъ изъ воспоминанія о поездкѣ по Маньчжуріи“. Описаніе женскаго буддійскаго монастыря въ городѣ Итуль Джоу. Въ особой кельѣ уже болѣе двухъ лѣтъ сидитъ дѣвушка и непрестанно посредствомъ проволоки ударяетъ колотушкой въ колоколъ колокольни. Чтобы не заснуть, подвижница обила всѣ стѣны гвоздями остриемъ внутрь, такъ что, стоитъ ей хоть немного задремать, она накалывается на гвозди и немедленно просыпается. Гвозди эти распродаются богомольцамъ и вырученныя деньги предназначены на построеніе храма. Когда они всѣ будутъ раскуплены, дѣвушка будетъ свободна. — Въ „Городской Хроникѣ“ данъ отчетъ о прочитанномъ въ залѣ Хабаровскаго военнаго собранія рефератъ капитана Бурскаго о вооруженныхъ силахъ Китая въ Гиринской и Мукденской провинціяхъ. Въ концѣ реферата сообщена легенда о корейскихъ крѣпостяхъ въ Монголіи и Маньчжуріи. Китайцы въ союзѣ съ монголами побѣждали корейцевъ, но послѣдніе, благодаря помощи злого духа, уклонялись отъ ударовъ и проваливались въ землю. Тогда китайцы придумали подложить подъ землю желѣзо, и, не будучи въ состояніи проваливаться сквозь землю, корейцы подверглись жестокому избиенію, а спасшіеся разбѣжались неизвѣстно

куда 340 341 „Изъ Пекина“ (перепеч. изъ С.-ПБ. Вѣд.) върованія и культъ китайцевъ.

Тульскія Губернскія Вѣдомости. 1900. 74, 76 *Покровский, П.* Раздѣлъ крестьянина. Взглядъ на раздѣлъ крестьянской семьи со стороны исторической, бытовой и утилитарной. — 78. Смѣсь. Модныя обручальныя кольца (въ Англіи). — 79. Смѣсь. Лондонская пророчица. — 84. Смѣсь. Преданіе о паукахъ крестовикахъ. — 86. Смѣсь. Свадьба мертвецовъ. Обычай китайцевъ вѣнчать покойниковъ холостяковъ. — 97. Смѣсь. Эпитафія и легенда о Суворовѣ. — 98. Смѣсь. Народная пѣсня о Суворовѣ. Изъ „Рижск. Вѣстн.“. — 103. Смѣсь. Какъ появляется мода. — 105. Смѣсь. Народная легенда о войнѣ съ бурами. — 107. Смѣсь. Добродѣтели и грѣхи у буддистовъ. — 108. Смѣсь. Афганское правосудіе. — 114. Смѣсь. Удобное вѣнчаніе. Къ свадебнымъ обрядамъ у итальянцевъ. — 116. Смѣсь. Происхожденіе попѣлуя. — 121. Смѣсь. Патріотическія пуговицы въ Англіи. — 125. Смѣсь. Мода откармливанья. — 142. Смѣсь. Легенда о сотвореніи женщины. — 150, 151, 153, 154. *В. Х.* Современная Индія. — 151. Смѣсь. Китайскія любезности. — 154. *О - мовъ, В.* Страничка изъ исторіи тульского раскола. — 159. Смѣсь. Происхожденіе китайской косы. — 157, 160, 164, 169. *В. Х.* Китай. — 161. Смѣсь. Еще о китайской вѣжливости. — 162. Смѣсь. Вѣжливость японцевъ. — 163, 165, 166 Монголія и Китай три вѣка назадъ. — 169. Смѣсь. Казнь убійцы въ Китаѣ. — 170. Изъ печати. Народные толки о Китаѣ, — изъ „Нижег. Лист.“ и „Волгори“. — 180. Смѣсь. Китайская тысячелѣтняя мудрость. — 182. Смѣсь. Китайскіе нравы. — 198. Смѣсь. Языкъ марокъ. — 201. Культъ предковъ въ Китаѣ. — 210. Смѣсь. Лошадиная обувь у японцевъ. — 211. Смѣсь. Китайское лѣтосчисленіе. — 224. По Японіи. — 233. Смѣсь. Къ исторіи чулка. — 238. Смѣсь. Іуда на русской монетѣ, изъ „Моск. Вѣд.“ — 243. Смѣсь. Игра въ карты въ Россіи.

КАВКАЗСКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

(Продолженіе). 1).

Вѣстникъ Грузіи. 1863 г. Томъ I. Разсказъ нищаго. *М. Джимшеридзе.* 1, 2, 3, 4, 5, 6. Исторія Грузіи. Князя *Сухтана Баратова.* Матеріалы для обработки грузинской грамматики.—Томъ II. 1. 2. Развѣ онъ человѣкъ? *М. Джимшеридзе.*—Краткій (ислѣдованіе) обзоръ изученія армянскаго языка. *Ильи Окрочедели.*—Письма путешественника. Князя *Петра Нахалидзе.* Томъ III. Бѣдность, какъ экономическій принципъ.—Горе отъ ума. Пер. Князя *Георгія Эристовъ.*

Грузинскій Вѣстникъ, изд. *И. Чавчавадзе.* 1863, I—VI Грузинская исторія, *Бараташвили.* III. Матеріалы по грузин. грамматикѣ. *Д. Кипіани.* VI. Успѣхи въ изученіи армянскаго языка *И. Окрочеделишвили.* VIII. Кирикозъ Гавдзакецій, армянскій историкъ XIII вѣка. *В. В.*—IX—XII. Герой нашего времени. Лермонтова—пер. *М. Кипіани.*

Духовный Вѣстникъ 1864 г. VII. Краткое описаніе грузинскихъ монастырей. *А. Т.*—VIII. Описаніе монастыря Давида Гарелжійскаго.—IX. Описаніе грузинскихъ монастырей: пустыни Іоанна Крестителя, Шуамтинскаго монастыря, пустыни Шюгвимскаго и Кватахевскаго монастыря. *А. Т.*—X. Сказаніе объ иконѣ Пречистой Богородицы Грузинской *Ивана Берзенова* Писнованія въ стихахъ Пречистой Богородицы.—*Монаха Николая.*—XI. Описаніе Тифлискаго монастыря Преображенія. *А. Т.*—1865 г. I. Описаніе Аллавердской церкви. *И. С.* III. Книга исповѣди Амвросія, епископа *Некресійскаго* (1796 г.) VIII. Достопамятныя записки царя Давида Возобновителя Священника *Георгія Хелидзе*—Покаянная пѣснь царя Давида Возобновителя (Добавленіе). IX. Краткое историческое изслѣдованіе церковныхъ грузинскихъ книгъ *И. С.*—X. Древнее сказаніе о хитонѣ Господнемъ. Путешествіе Абхазскаго миссіонера *Игумена Гр. Дадіани.* XI. Мученическая кончина Св. Або, епископа *Некресійскаго.*—XII. Церковная апокрифическая литература. Священника *Г. Хелидзе.* 1866 г. I. Жизнь Св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, съ предисловіемъ свящ. *Георгія Хемедзе.*—IV. Слово направленное противъ демагоговъ Тушетіи. Священника *И. Баркова.* Слово на погребеніи князя Виссаріона Вачнадзе. *Игумена Григорія Дадіани.*—Церковь Св. Георгія Ломисскаго въ Мтиузетіи.—X. Разсказъ объ основаніи церкви Св. Георгія въ Арбо. Дворянина *Александра Гарсеванова.*—1866—67. г. 7, 8, 9. Синодальное слово Персеса Ламбрелійскаго. Переводъ Свящ. *Григорія Гамбарова.*—Матеріалы для исторіи Грузинской церкви *Николая Берзенова.* 1868 г. Сказаніе о св. Іоаннѣ Крестителѣ, описанное Пиемъ, ученикомъ Св. Іоанна Крестителя.

Кребули 2) (Сборникъ), груз. Журналъ. 1871 I. Объ отправленіи воинской повинности—уставъ Иракліи II-го 1, 2, 3, 5, 6. Путешествіе Гуливера, соч. Свифта, перев. *Н. Скандемъ*—2. Взысканія за преступленія горцевъ, установленныя царевичемъ Леономъ и возстановленные Вахтангомъ Иракліевичемъ. 2, 3. Какъ поссорился Иванъ Ив. съ Иваномъ Никифоровичемъ, Гоголя, пер. *Г. Чикоани.*—Изъ писемъ путешественника. а—4, 5. Писень, Гоголя, Пер.

1) См. Этнограф. Обзор. XLV, 181.

2) За 1871 г. въ Имп. Публ. Библіотекѣ оказалось только шесть книгъ.

3) За 1872 г. только №№ 7—9.

И. М.—Политическая жизнь Грузіи въ прошломъ. *Г. Горисели.*—5. Судъ мингрельскаго владѣтеля *Гр. Дадіани* (документъ)—6. Показаніе хевсуровъ о границахъ ихъ владѣнія. 1872. 7. Филологическій анализъ грузин. языка. *Г. Горисели* Библ. „*Арсена*“, народная поэма, изд. *Н. Кипіани*. 1872. Тифлисъ—8, 9. Пьеръ Гугенень *Жоржъ Занда*, перев. *Н.Н.*—Исторія Грузіи въ V в. *Г. Горисели* 1873. 1, 2, 5, 6, 7, 8. Народныя пѣсни—5, 6, 7. Эгмонтъ, траг. Гете пер. *Г. Церетели*. 8. Скупой Мольера пер. *А. Церетели*. 10 „Король Ляръ“ Шекспира, груз. пер. *Ильей Чавчавадзе и Из. Магавели*. Народныя пѣсли, записанныя *И. Чавчавадзе*.—11, 12. Изъ поэмы „*Ачрдили*“ *И. Чавчавадзе*.—Послѣдніе дни имеретинскаго царя *Соломона*.—Гяуръ, поэма Байрона, пер. *Фазели*.

Мнатоби 1869 г. I. Аспиндзская битва. (Матеріалы для груз. исторіи) *Кн. А. В. Орбелиани*—I, II—III *Донъ Кихотъ Сервантеса*. (Пер. *Н. Авалишвили*). II. Какъ мужикъ накормилъ двухъ генераловъ (Изъ Щедрина).—III. Дикій баринъ (того же).—III—V. Эмансипація жевщицъ. *Дж. Ст. Милъ. Н. Инашвили* XI—XII. Путешествіе по Хевсуретіи. *А. Пурицладзе*.—1870 II ¹⁾ Сходка и судъ въ деревнѣ. *С. Мганобели*.—III. О значеніи путей сообщенія. *М. Кикодзе*.—I—II, III, *Донъ-Кихотъ*.—1871 г. ²⁾ I Копія съ іуджары Портаитской обители.—II. Счастливая свадьба. *Н. З. Цхветидзе*.—I. II—Начало грузинской исторіи. *Д. Бакрадзе*.—О первомъ мужѣ Тамары *Г. Цкалтубели*.—III Ворожеи въ Кизикии. *Бодбели*.—V—VI. Сношенія Грузіи съ Россіей. 1492—1664 г. *Н. З. Цхветадзе*.—VI. Царь Фарнавазъ *Д. Бакрадзе*.—V VIII. За и противъ женщинъ *Ек. Гвиніевой*. VIII Грузія при царѣ *Аберхѣ. Д. Бакрадзе*.—1872 г. I. Порядокъ коронаванія во Мхетѣ *Н. Гаширехели*.—II—III. Грузія при царѣ *Миріанѣ. Д. Бакрадзе*—I—II *Вильгельмъ Тель* *Н. Авалишвили*.—IV. V. Венеціанскій купецъ. Пер. *Д. Кипіани*.—V—VI. Шильонскій узникъ. Пер. *Н. Ломаури*.—Завѣщаніе *Давида Возобновителя*.—Записки туриста *Ингило Джанашивили*.—VII—VIII. Заговоръ *Меско Шиллера*. Пер. *Н. Авалишвили*.—VIII *Донъ Жуанъ Байрона*. Пер. *И. Бакрадзе*—Изъ *Барбѣ* *Н. Ломаури*.—X—XI—XII. ³⁾ *Виргинія*. Трагедія *Альфieri* Пер. *И. Бакрадзе*.—

Терскія Вѣдомости 1869, 1, 2. Освобожденіе крестьянъ въ туземномъ населеніи Терской обл.—3 Краткія историческія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ Терской обл.—6, 8, 10. Тагаурское общество и экспедиція ген.-маіора *кн. Абхази* въ 1830 г.—9. Опытъ наемной вапашки въ Терск. обл.—Освобожденіе крестьянъ въ туземномъ населеніи Терск. обл.—13, 14, 18. Характеръ адыгскихъ пѣсень 25, 26. День въ аулѣ *Н. Семеновъ*.—27. Поземельныя отношенія кумыковъ до водворенія русской власти.—31, 32. Исторія адыгейскаго народа, сост. по преданіямъ *кабардинцевъ Шора Бекмурзинъ Погмowymъ* (Кавк. каденд. за 1862 г.)—36. Отъ *Нальчика* до *Черека* *А. Бабичъ*.—38 34. Состояніе хозяйства и промышленности у туземцевъ Тер. обл. 45—46 Библ. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ. В. II Т. 1869.

1) Всего три книги.

2) Всего восемь книгъ.

3) Три № вмѣстѣ изданы

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ашмаринъ, Н. И. Программа для составленія чувашскаго словаря. (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. унив., т. XVI, в. 2, 1900. 8°. стр. 243—248).

А. Ш. Рабство въ древнемъ Римѣ. („Рус. М.“).

Багенскій, Ч. (сост.), указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этн.-стат. экспедиціи Имп. Р. Г. О. въ западно-русскомъ краѣ“. Каз. 1900.

Богдановъ, В. В. Мурманъ и портъ Александровскъ (съ рисунк. и табл.) 46 стр. 8°. Москва. 1900. (оттискъ изъ „Землеѣдѣнія“ 1900, кн. 1).

Боголюбовъ, Н. Теизмъ и пантеизмъ. Опытъ объясненія логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ. Н.-Новгородъ. 1899. 426 стр. ц. 3 руб.

Борисовъ, Б. Л. Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7:154 (1646) года. (Изв. общ. Арх., Ист. и Этн. Каз. унив., т. XVI, в. 2. 1900 8°. стр. 163—175).

Бодень-Пауэль. Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи.

Бороздинъ, А. К. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Изд. 2-е, дополн. и испр. Сиб. 1900.

Буддійскія сутты. Въ переводѣ съ пали проф. Рисъ-Дэвидса, съ примѣчаніями и вступит. статьей. Русск. переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. 203 стр. Москва 1900.

Букейхановъ, А. Изъ переписки хана Средней киргизской орды Букея и его потомковъ. Семипалатинскъ. 1901. 8°. 17 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.“).

Wagner. Die heidnischen Kulturreligionen und der Fetischismus. Ein Beitrag zur vergleichenden Religionsgeschichte. Heidelberg. 1899. 8°. 127 Seit.

Випперъ Р. проф. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историч. картами. М. 1900.

Вороновъ, Н. Г. Опытъ сравнительной исторіи Европы. Москва. 1900. стр. 135. ц. 2 р.

Воротынский, Б. И., прив.- доц., Психофизическія особенности дегенеранта. Казань. 1900. 22 стр.

Wundt, Wilhelm. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. I. B. Die Sprache. I. Th. Lpzg. 1900. XV+627.

Гессе-Вертегъ,—ф., Эрнестъ. Китай и китайцы. Перев. со 2-го нѣм. изданія А. и П. Гавзенъ. Изд. А. Ф. Девріенъ Сиб. 1900.

Голубевъ, Александръ Федоровичъ. Біографич. очеркъ (аноним.) съ приложеніемъ двухъ статей „Завилійскій край“ и „Ала-куль“ и портрета А. Ф. Голубева. Изд. Зап. Сиб. Отдѣлъ И. Р. Г. О. 8°. Омскъ 1900. 20+47+10 стр.+карта.

Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Томъ II. Отъ нашестія монголовъ до митрополита Макарія включительно. Первая половина тома. Изданіе О-ва Ист. и Древн. Росс. при Москов. Университетѣ. Москва. 1900.

Горощенко, Н., Курганные черепа Минусинскаго округа. (Описаніе Минусинскаго музея. Вып. II. Матеріалы по доисторической археологіи и антропологии). 4^о. Минусинскъ. 1900. III+9+40 стр.+3 табл. череп. измѣреній+1 табл. фототип.

Гринченко, Б. Д. Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. II. Черниговъ. 1900.

Гюнтеръ, Р. Исторія культуры. Пер. съ нѣм. Изд. А. Суворина.

Дмитренко, И. И. Къ исторіи некрасовцевъ на Кубани. („Изв. об-ва люб. изуч. Кубинской обл.“ 1900. Вып. I, стр. 65—68).

Дмитріевъ, А. А. Кучумовъ-Гесперъ на Иртышѣ („Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при каз. унив. т. XVI, в. 3. 1900. 8^о, стр. 257—272).

Добросмысловъ, А. И. Матеріалы по исторіи Россіи. Т. I. Оренбургъ. 1900. 8^о. 303 стр. Напечатаны документы, касающіеся управления и устройства оренбургскаго края за 1734 г. Много этнографич. данныхъ.

Дьячковъ-Тарасовъ, А. Н. О задачахъ этнографіи въ дѣлѣ изученія горскихъ племенъ Кубанск. обл. („Извѣстія о-ва люб. изуч. Куб. обл.“ 1900 7—11 стр).

Карпеллесъ, Г. Всеобщая исторія литературы. Вып. 2.

Катановъ, Н. Ѳ. Народные способы лѣченія у башкиръ и крещеныхъ татаръ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ. (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. унив., т. XVI, в. 1. 1900, стр. 1—14).

Катановъ, Н. Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Публичному Музею гор. Минусинска Енис. губ., и нѣсколько словъ о металлическихъ зеркалахъ, описанныхъ другими. („Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Унив.“ т. XVI, в. 3, 1900. 8^о, стр. 273—291).

Катаринскій, В. В. Сборникъ киргизскихъ пословицъ („Пам. кн. Тург. обл.“ на 1899 г. 145—297 стр.).

Кириловъ, Н. В. Морскіе промыслы Южнаго Сахалина. (Записка Общ. Изуч. Амурскаго края, т. VII, в. 2) 8^о. Владив. 1900. 30 стр. (этнографическія данныя статьи касаются экономической неприспособленности русскаго населенія среди другихъ народностей).

Коншинъ, Н. Матеріалы для исторіи Степного края. I Открытіе Аягузскаго округа. II. Каракиргизская депутація 1824 года. III. О заграничныхъ обстоятельствахъ. IV. Замѣтка о происхожденіи родовъ Средней киргизской орды. Семипалатинскъ. 1900. 8^о. 126 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1900 г.“).

Коншинъ, Н. Отъ Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски. Семип. 1901. 8^о. 55 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.“).

Коншинъ, Н. Очерки экономического быта киргизъ Семипалатинской области. Семип. 1901. 8^о. 183 стр.+2 карты. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.“).

Коншинъ Н. Свадебные обряды и обычаи среди казачьяго населенія Усть-каменогорскаго уѣзда. (Этнографическій очеркъ). Семипалатинскъ. 1900. 8^о. 51 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1900 г.“).

Конъ, Ф. Я. Физиологическія и біологическія данныя о якутахъ. (Антропологическій очеркъ). (Былое и настоящее Сибирскихъ инородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Вып. I). Минусинскъ. 1899. 8^о. 89 стр.+1 табл. ц. 1 руб.

Короленко, П. П. Первоначальное заселеніе черноморскими казаками Кубанской области. („Извѣстія Общ-ва любителей изученія Кубанской области“), 1900. вып. I 53—63 стр.

Крафтъ, И. И. Изъ киргизской старины. Ч. 1-я (стр. 1—107), ч. 2-я (стр. 109—157). Оренбургъ 1900. 8^о.

Куракина, Ѳ. А. князя, Архивъ. Книга восьмая подъ ред. В. Н. Смольянинова. 1899. 8^о. (Ц. 1 томъ 2 р.; 2—8 3 р.).

Лунный свѣтъ. Санкья—истины. Въ переводѣ съ санскр., съ вступительной статьей и примѣчаніями д-ра Р. Гарбе. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимовъ. 174 стр. ц. 1 р. 25 к. Москва. 1900. 8^о.

Любарскій, Г. А. Палестина, ея настоящее и будущее. Изд. „Ахисафъ“. Варш. ц. 75 к.

Маевскій, В. Матеріалы для родословной киргизъ Семинал. 1901. 80. 4 стр.+9 лист. родословныхъ „колѣнъ“. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.“).

Майръ, Г. Статистика и обществовъдѣніе. Т. II, вып. 2. Статистика населенія. Изд. т. „Знаніе“. Ред. Г. Фальборга и Чарполусскаго.

Марковъ, А. В. и Григорьевъ, А. Д. Былинная традиція на Бѣломъ морѣ. (Оттискъ изъ „Изв. отдѣленія русск. яз. и слав. Им. Ак. Н., т. V, кн. 2). Спб. 1900. 80. 13 стр.

Никольскій, А. М. Лѣтнія поѣздки натуралиста. Изд. тов. „Знаніе“. Спб. 1900. ц. 2 р. (155. рис. 124 табл.).

Окраины Россіи. Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная часть Европ. Россіи. Подъ ред. П. П. Семенова. Спб. 1900. 287 стр. Изд. Мин. Фин.

Отчетъ. Общества изученія Ашурскаго края за 1898 годъ. (зап. О-ва И. А. К., т. VII, в. 2). Владивостокъ, 1900. 80. 66 стр.

Отчетъ, О дѣятельности Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи съ 15 окт. 1898 г. по 15 окт. 1899. Москва. 1900. 80. 31 стр.

Pikler, J. prof. und Somlo, F. d-r. Der Ursprung des Totemismus. Ein Beitrag zur materialistischen Geschichtstheorie. Berlin. 1900. S. 36 Pr. 1 Mark.

Платоновъ, С. Ѳ. Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. Спб. 1899.

Программы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. 440 стр. Москва. 1900. Цѣна 60 коп., съ перес. по почтѣ 87 к., наложенія, платеж. 97 коп.

Равинскій, Д. Русскія народныя картинки. Т. I. Изд. Р. Голике.

Россія въ концѣ XIX вѣка. Подъ общюю редакціей В. И. Ковалевскаго. Спб. 1900. XVI+968 стр. Изд. Мин. Фин.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общ. руковод. П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, подъ ред. В. П. Семенова. Т. III. Озерная область. Спб. изд. А. Ф. Девріена.

Садовниковъ, Э. (сост.) Загадки русскаго народа. Изд. А. С. Суворина.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Движеніе земельной собственности за 28 л. періодъ (1869—1896). Уфа. 1900.

Систематическій каталогъ библіотеки Тобольскаго Губернскаго Музея. Сост. А. А. Терновскій. Тоб. 1898—1900. 80. IV+352 стр. („Ежегодникъ Тоб. губ. музея“, годъ 8, вып. X). (Въ каталогъ X отдѣлъ I-го разряда посвященъ географіи и этнографіи: №№ 1124—1410).

Слюнинъ, Н. В. д-ръ. Охотско-камчатскій край (съ картой). Естественнo-историческое описаніе съ 32 фототипіями и 45 цинкографіями. Т. I-й (приложеніе). Спб. 1900.

Сутерландъ, А. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Перев. съ англ. Н. Кончевской. Изд. Ф. Павленковъ. Спб. 1900. Стр. III—IV+816. Ц. 1 р. 50.

Сысоевъ, В. М. Очерки изъ исторіи Тматороканскаго княжества. I. Препод. Никонъ, игуменъ Киевопечерскій, угодникъ тматороканскій. („Изв. о-ва любит. изуч. Куб. обл.“ 1900. Вып. I, 75—94 стр.).

Тимирязевъ, В. (пер.) Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Изд. А. С. Суворина.

Титъ-Ливій. Римская исторія отъ основанія Рима. Т. I и II. Изд. Югансона. Кіевъ. 1900.

Тобинъ, А. Ливинское аграрное законодательство во XIX столѣтіи. Пер. съ нѣм. Т. I. Рига. 1900.

Туганъ-Барановскій, М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в. 2-е изд. Спб. Изд. О. Н. Поцовой. Ц. 3. 50 р. к.

Тульская Старина. Изданіе тульского историко-археологическаго товарищества, подъ редакцію старшины товарищества Н. И. Троицкаго. Вып. 1—2. Тула. 1899.

Успенской, В. Нѣкоторыя данныя о движеніи населенія въ Воронежскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ.

Флоринскій Т., проф., Малорусскій языкъ и „украинско-русскій“ литературный сепаратизмъ. Изд. А. С. Суворина.

Черманъ, Л. Осѣдлые киргизы-земледѣльцы на р. Чу и замѣтки о пути черезъ Голодную степь. Съ картой (27 стр.). Записки Зап.-Сиб. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XXVII, Омскъ. 1900.

Чудиновъ, А. Н. Справочный словарь, орфографическій, этимологическій и толковый, русскаго литературнаго языка. 6 вып. Ц. 6 руб. Спб. 1901.

Энгельманъ, И. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ съ нѣм. В. Щербы, подъ ред. А. Кизеветтера М. 1900. изд. С. Скимунта. Ц. 1 р. „Этнографическое Обозрѣніе“, издаваемое Е. Лалаяномъ (на арм. яз.). Книга V. Тифл. стр. 456. 80.

Юдинъ, М. Л. Матеріалы по исторіи Оренбургскаго края. „Труды Оренбургской ученой архивн. комисс.“, вып. V, 24—48 стр.).

Японія и японцы. („Новая бібліотека“). Изд. ред. „Русской Мысли“. М. 1901 г. Ц. 35 к.

Яриловъ А. А. Кызыльцы и ихъ хозяйство. (литературныя, архивныя и опросныя данныя). (Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Вып. III). Юрьевъ. 1899. 80. XVI+361 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1899—1900 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. О. Миллеръ*, товарищи предсѣдателя: поч. чл. *В. М. Михайловскій*, непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, непр. чл. *Н. Н. Харузинъ*, скончавшійся 25 марта 1900 года, и секретарь непр. чл. *В. В. Богдановъ*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 11 засѣданій, изъ нихъ 8 закрытыхъ и 3 публичныхъ, въ томъ числѣ два засѣданія были посвящены памяти скончавшихся членовъ Общества и Отдѣла.

Съ докладами на засѣданіяхъ выступили слѣдующія лица:

1. *Вс. О. Миллеръ*: а) Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ.
б) Памяти Тертія Ивановича Филиппова.
в) Колымскія былины по новымъ записямъ.
г) Памяти Николая Николаевича Харузина.
д) Памяти Павла Васильевича Шейна.
2. *Н. А. Янчукъ*: а) Къ вопросу объ отраженіи народныхъ произведеній въ апокрифахъ.
б) Изъ поѣздки въ Полтавскую губернію (съ демонстраціей записанныхъ имъ народныхъ напѣвовъ и снятыхъ фотографій на экранѣ).
3. *В. В. Богдановъ*: Памяти Леонида Николаевича Майкова.
4. *Инт. Як. Антуфьевъ*: Договоръ купли-продажи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Томской губ.
5. *Архимандритъ Багратъ Вартазарянъ*: Современные воззрѣнія армянскаго народа о душѣ.
6. *А. Э. Вормъ*: Памяти Николая Николаевича Харузина.
7. *А. Д. Григорьевъ*: Поѣздка по южному берегу Бѣлаго моря, въ поискахъ за былинами.
8. *Вл. Н. Добровольскій*: О значеніи народнаго праздника „свѣчи“.
9. *Т. А. Лебединскій*: Великое моленіе у черемисъ.
10. *А. В. Марковъ*: а) Былинная традиція на Бѣломъ морѣ.
б) Къ вопросу о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.
11. *А. Н. Максимовъ*: а) О методахъ изслѣдованія исторіи семьи (доложилъ Н. Н. Харузинъ).

6) Левирать у русских инородцевъ.

12. *Н. Д. Маслоковъ*: а) Семейные раздѣлы при жизни отца въ Томской губерніи.

б) Раздѣлъ имущества по смерти отца у крестьянъ Томской губерніи

13. *А. Л. Масловъ*: Лирники Орловской губерніи въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента „малороссійской лиры“ (съ музыкальными демонстраціями и на экранѣ).

14. *Б. В. Миллеръ*: Изъ обычнаго права карачаевцевъ.

15. *В. А. Мошковъ*: Гагаузы Бендерскаго уѣзда. (Доложилъ В. В. Богдановъ).

16. *Ю. Д. Новоселовъ*: Опытъ сравнительнаго изученія древне-мордовскихъ могильниковъ въ связи съ изученіемъ современнаго костюма мордвы, косы и „сюльгама“.

17. *И. Т. Собиевъ*: Въ Дигорскомъ ущельѣ.

18. *А. Д. Солодовниковъ*: Памяти Ник. Ник. Харузина.

19. *А. С. Хахановъ*: а) Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.

б) Памяти Григорія Аветовича Джаншіева.

в) Памяти Ильи Лукича Бахтадзе.

20. *С. И. Чистяковъ*: Имущественныя отношенія между супругами у крестьянъ Томской губерніи.

Всего было доложено 30 сообщеній. Крімъ того, въ засѣданіи 29 января были принесены поздравленія Предсѣдателю Отдѣла по случаю исполнившагося 30-лѣтія научной дѣятельности (см. приложеніе къ отчету).

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обозрѣніе“ подъ ред. *Н. А. Янчука* (12-й годъ изданія). Крімъ того, вышелъ XIV томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла“, содержащій „Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Федоровича Миллера“, подъ ред. *Н. А. Янчука*. Печатается отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ „Бѣломорскія былины“, собраныя А. В. Марковымъ, и готовится къ печати „Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ“.

Музыкально-этнографическая коммиссія Этнографическаго Отдѣла продолжала свои занятія и въ отчетномъ году: нѣкоторыми членами были собраны матеріалы по народной музыкѣ и сдѣланы доклады въ двухъ публичныхъ засѣданіяхъ (13 мая и 30 ноября), какъ это видно изъ перечня сообщеній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Отдѣлъ поступили этнографическія коллекціи, литературныя изданія, документы, рукописи и другіе матеріалы.

Въ отчетномъ году за Этнографическимъ Отдѣломъ оставалась неприсужденная въ прошломъ году премія имени Вел. Кн. Сергія Александровича, учрежденная въ память международныхъ конгрессовъ 1892 года. Премія не была присуждена и въ этомъ году, и составляющая ее сумма, въ силу „Правилъ о преміи“, присоединена къ основному капиталу преміи. Въ 1901-омъ году предстоитъ очередное присужденіе преміи имени Вел. Князя Сергія Александровича по этнографіи.

Весною и лѣтомъ 1900-го года слѣдующія лица были въ экскурсіяхъ для собиранія и изслѣдованія научныхъ данныхъ по этнографіи:

1. *В. В. Бодановъ*, продолжая свои изслѣдованія сѣвера, посѣтилъ сѣверные уѣзды Пермской губерніи. Въ г. Перми онъ ознакомился съ краемъ по матеріаламъ, изданнымъ губернской земской управой и пермскимъ статистическимъ комитетомъ. Въ Чердынскомъ уѣздѣ у мѣстныхъ жителей собралъ свѣдѣнія о волокахъ на Печору, въ связи съ экономическими и нравственно-бытовыми условіями жизни въ Чердынскомъ краѣ.

2. *А. Д. Григорьевъ* два мѣсяца провелъ на сѣверѣ, объѣхавъ побережья рѣки Пинеги отъ устья до верховья ея. Въ эту поѣздку имъ собрано 167 былинъ и историческихъ пѣсенъ, 24 духовныхъ стиха, 5 пѣсенъ бытовыхъ; кромѣ того, имъ сняты копіи съ документовъ упраздненнаго Николаево-Чухчемскаго монастыря и приобрѣтено 110 рукописей и тетрадокъ. Имъ же собраны діалектологическіе матеріалы въ 49-ти деревняхъ, сняты фотографіи съ выдающихся сказателей и вывезены образцы нарядной одежды.

3. *Г. И. Буликовскій* продолжалъ свои изслѣдованія и наблюденія въ Московской губерніи.

4. *А. Е. Крымскій* ѣздилъ для этнографическихъ изысканій въ Черноморскую губ.

5. *Б. В. Миллеръ* ѣздилъ для изысканій въ области обычнаго права въ Черноморскую губ.

6. *Ф. Д. Нефедовъ* производилъ этнографическія изысканія въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Вятской. Въ Бутурусланскомъ уѣздѣ имъ записаны народные религіозные обычаи и преданія, въ Глуховскомъ — легенды, сказки, обрядовыя и бесѣдныя пѣсни, въ Мензелинскомъ — повѣрья, сказки, свадебные обычаи, вои невѣсты и свадебныя пѣсни.

7. *А. С. Хахановъ* во время заграничной поѣздки занимался въ архивахъ и библіотекахъ Рима, Венеціи и Парижа. Имъ найдена обширная переписка римскаго престола съ грузинскими царями и грузинскимъ духовенствомъ, а также открыты интересныя донесенія католическихъ миссіонеровъ въ Грузіи, касающіяся вѣрованій и быта ея населенія. Рядъ пѣнныхъ документовъ указываетъ на успѣшную пропаганду католицизма среди православнаго грузинскаго народа. Въ дополненіе къ этимъ изысканіямъ, А. С. Хахановъ въ рукописномъ отдѣленіи Петербургской Публичной Библіотеки занимался изученіемъ памятниковъ древнихъ грузинскихъ сказочныхъ повѣстей, а также грамотъ и актовъ о поземельномъ устройствѣ въ грузинскомъ царствѣ. Въ Императорской Академіи Наукъ имъ былъ изслѣдованъ грузинскій переводъ „Уложенія царя Алексѣя Михайловича“, насколько оно повліяло на сводъ грузинскихъ законовъ царя Вахтанга VI.

Приложеніе къ отчету.

Чествованіе тридцатилѣтія учено-литературной дѣятельности профессора Всеволода Ѳеодоровича Миллера.

29-го января 1900 года, на засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, Этнографическій Отдѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ различныя ученыя учрежденія, общества и лица, чествовали Вс. Ѳ. Миллера по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его учено-литературной дѣятельности.

По прочтеніи протокола и очереднаго реферата обычное засѣданіе окончилось и происходило чествованіе юбиляра.

Н. А. Янчукъ прочелъ адресъ отъ Этнографическаго Отдѣла, а затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о характерѣ подносимаго юбилейнаго подарка, вручилъ юбиляру „Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Ѳеодоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями, подъ редакціей Н. А. Янчука“, прибавивъ, что прибыль отъ продажи изданія опредѣлена на образованіе фонда для преміи по этнографіи при Отдѣлѣ.

Д. Н. Анучинъ прочелъ адресъ отъ Совѣта Имп. Общества Любителей Естествознанія.

Н. Е. Жуковскій и А. Х. Репманъ произнесли привѣтствіе отъ Комитета Политехническаго Музея.

М. А. Веневитиновъ прочелъ адресъ отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Графиня П. С. Уварова прочла адресъ отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

М. И. Соколовъ произнесъ привѣтствіе отъ Славянской Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

В. И. Сизовъ прочелъ адресъ отъ Императорскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III.

Р. Ѳ. Брандтъ произнесъ привѣтствіе отъ Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета.

А. Е. Грузинскій прочелъ адресъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

С. С. Слудскій сказалъ привѣтствіе отъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Кн. С. Н. Трубецкой привѣтствовалъ отъ Московскаго Психологическаго Общества.

Г. А. Халатовъ привѣтствовалъ отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

В. В. Каллашъ прочелъ адресъ отъ Педагогическаго Совѣта женской гимназіи, учрежденной З. Д. Перепелкиной.

Кромѣ того, утромъ того же дня на квартирѣ юбиляра прочитаны и преподнесены были ему слѣдующіе три адреса: отъ преподавателей Ла-

заревского Института, отъ студентовъ-филологовъ Московскаго Университета, отъ студентовъ Лазаревского Института.

Слѣдуетъ подлинный текстъ прочитанныхъ адресовъ:

Отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Русскіе этнографы сердечно привѣтствуютъ Вашу выдающуюся 30-ти лѣтнюю научно-литературную дѣятельность. Она вся полна плодотворныхъ результатовъ, высокаго интереса и неутомимой энергіи, но среди Вашихъ многостороннихъ научныхъ стремленій и симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ, несомнѣнно, принадлежитъ вопросамъ этнографіи. Ваши обширныя и глубокія познанія въ этой наукѣ, а также и Ваши нравственные качества создали вокругъ Васъ цѣлую школу русскихъ этнографовъ, которою Вы руководите уже десятое двухлѣтіе въ качествѣ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

О Вашихъ неоспоримыхъ заслугахъ въ русской этнографіи достаточно свидѣлствуютъ также Ваши многочисленныя и цѣнныя труды въ этой области, которые было бы слишкомъ долго перечислять здѣсь. Можно сказать вообще, безъ всякаго преувеличенія, что какъ Ваша общественная, такъ и литературная дѣятельность совершенно заслуженно поставили Ваше имя на почетное мѣсто въ исторіи русской этнографіи и русской науки.

Этнографическое изученіе Россіи, при пестрой разноплеменности ея населенія, при сложности всей исторической и культурной жизни, — дѣло слишкомъ трудное и требующее много знаній, энергіи, силъ и времени. Ставя передъ собою эту задачу во всей ея широтѣ, Вы, многоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, намѣтили и освѣтили разнообразныя и многочисленные пути къ ея разрѣшенію и этимъ заложили одинъ изъ основныхъ камней въ новомъ зданіи еще молодой науки этнографіи въ Россіи.

Не руководствуясь никакими предвзятыми идеями и не отдавая предпочтенія какой-нибудь одной этнической группѣ, Вы въ этнографіи явились истиннымъ ученымъ, принявъ въ руководство лучший, выработанный въ западно-европейской наукѣ сравнительно-историческій методъ изученія; этимъ уже значительно обезпечивалось равенство передъ наукой для арійца и финна, великорусса и германца, христіанина и язычника.

Изъ этого центра научныхъ идей широко, на подобіе радіусовъ, раскинулись Ваши ученныя изслѣдованія въ различныхъ областяхъ знанія: въ однихъ Вы сдѣлались авторитетнымъ специалистомъ, въ другихъ знатокомъ. Лингвистика, древняя письменность, исторія, археологія, антропологія, географія, юридическія науки, социологія, психологія, наконецъ музыкальное творчество — все это вошло въ кругъ или Вашихъ личныхъ ученыхъ работъ, или въ кругъ занятій руководимыхъ Вами труженниковъ, которые большою семьею слагались около Васъ и, воодушевляемые Вашимъ примѣромъ, дружно принялись за работу.

Отъ природы Вы сами надѣлены рѣдкой энергіей, но, кромѣ того, Вы всегда умѣете привлечь къ общему дѣлу энергію извнѣ, которая надолго обезпечила бы успѣхъ того дѣла, которому Вы служите со всею преданностью и безкорыстіемъ. Вы обратили вниманіе преимущественно на молодые интеллигентныя силы, постарались выдвинуть на путь науки эту коллективную молодую энергію, которая съ такимъ увлеченіемъ всегда отдается работѣ мысли, и въ этомъ отношеніи русская работающая молодежь, особенно чуткая къ жизни народныхъ массъ, навсегда сохранитъ благодарность къ Вамъ, какъ къ лучшему руководителю и человѣку, беззаветно преданному интересамъ науки.

Благодаря Вашимъ трудамъ, мы уже теперь видимъ, какихъ результатовъ достигъ руководимый Вами этнографическій кружокъ въ Москвѣ. Эти результаты сказались въ рядѣ изданій Этнографическаго Отдѣла — „Трудахъ“, „Этнографическомъ Обзорѣ“, „Былинахъ“, „Программахъ“ — въ оживленіи заведеній, въ многочисленныхъ научныхъ экскурсіяхъ членовъ Отдѣла, въ собраніяхъ коллекцій и въ другихъ научныхъ предпріятіяхъ. Однако, какъ бы мы, современники, ни старались широко и правдиво оцѣнивать значеніе этой дѣятельности, мы не можемъ предвидѣть во всей полнотѣ результаты ея въ будущемъ, когда при лучшихъ общественныхъ, научныхъ и матеріальныхъ условіяхъ созданная Вами этнографическая школа будетъ имѣть возможность развернуться съ большей широтою и обнаружить всѣ свои силы въ свободномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, когда лингвистъ и археологъ, юристъ и географъ будутъ создавать одну общую, широкую и полную картину народной жизни. Тогда, конечно, еще несдвоенкратно будутъ засвидѣтельствованы перedy ученымъ міромъ Ваши истинныя заслуги.

Теперь же мы счастливы тѣмъ, что можемъ отъ души радоваться Вашему 30-ти лѣтнему служенію наукѣ, высоко цѣнить Ваше имя въ русской этнографіи и вѣрить въ лучшее будущее этой науки. Отъ души желаемъ Вамъ, нашъ дорогой учитель и другъ, многихъ лѣтъ жизни, неиссякаемой энергіи, твердой вѣры въ молодые силы Россіи и неизмѣнной преданности наукѣ и ея молодому дѣтищу — этнографіи.

Подписи: Д. Анучинъ, А. Разцвѣтовъ, Д. Самоквасовъ, Н. Ячукъ, В. Сизовъ, В. Богдановъ, А. Брузинскій, А. Веселовскій, Е. Скаржинская, С. Кулжинскій, Л. Бѣлякинъ, В. Каллашъ, Н. Зографъ, П. Фрейбергъ, Д. Ушаковъ, Н. Мендельсонъ, Графиня Уварова, Д. Иловайскій, А. Тихомировъ, Ст. Смоленскій, С. Долговъ, В. Поржезинскій, Кожевниковъ, Ник. Богоявленскій, В. Воробьевъ, М. Довнаръ—Запольскій, С. Шамбинаго, В. Млодзевскій, И. Майковъ, А. Марковъ, Н. Харузинъ, П. Преображенскій, В. Попандопуло, И. Антуфьевъ, Ив. Забѣлинъ, М. Веневитиновъ, В. Ключевскій, Вл. Герье, Ф. Фортунатовъ, Р. Брантъ, Т. Лебединскій, А. Семеновъ, С. Олферьевъ, А. Крымскій, А. Чирковъ, Н. Кулагинъ, М. Никольскій, А. Хахановъ, А. Д. Григорьевъ, Ал. Ивановскій, А. Солодовниковъ, С. Теръ-Сарсянцъ, Ю. Гамбаровъ, Г. Халатянцъ, М. Аттая, В. Рядновъ, В. Харузина, А. Репманъ, Ник. Маслюковъ, С. Чистяковъ, Ив. Силиничъ, Г. Муркосъ, Г. И. Куликовскій, Л. Мсеріанцъ, М. Соколовъ, М. К. Цвѣтаева.

Отъ Совѣта И. О. Л. Е., А. и Э.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Оедоровичъ!

Совѣтъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ присоединиться къ чествованію Вашихъ заслугъ Этнографическимъ Отдѣломъ Общества и приносить вамъ самое сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія Вашей научной дѣятельности. Не входя въ ближайшую оцѣнку этой дѣятельности, сдѣланную компетентными спеціалистами, Совѣтъ позволяетъ себѣ только отмѣтить, что, состоя дѣйствительнымъ членомъ Общества съ 9 марта 1876 г., Вы уже 13 лѣтъ тому назадъ, 15 октября 1886 г., были избраны въ число его почетныхъ членовъ, болѣе 18 лѣтъ (съ 15 декабря 1881 г.) состоите безсмѣннымъ предѣдателемъ его Этнографическаго Отдѣла, а также занимали одно время постъ президента Общества. Принимая такимъ образомъ уже почти 24 года участіе въ трудахъ Общества, Вы оказали ему крупныя услуги въ дѣлѣ осуществленія имъ поставленныхъ себѣ цѣлей. Вы внесли новую жизнь въ его Этнографическій Отдѣлъ, обогатили изданія Общества цѣнными трудами, привлекли къ участію въ Отдѣлѣ массу новыхъ энергичныхъ дѣятелей, приобрѣли себѣ почетную извѣстность Вашими выдающимися изслѣдованіями въ

области народного творчества, языкознания, этнографии и археологии. Высоко цѣня Вашу плодотворную дѣятельность и относясь съ особенной признательностью къ Вашему долготѣльному постоянному участию въ трудахъ Общества и его Этнографическаго Отдѣла, Совѣтъ Общества приноситъ вамъ искреннѣйшее пожеланіе еще многихъ, многихъ лѣтъ столь же плодотворной и неутомимой дѣятельности на пользу предсѣдательствуемаго Вами Отдѣла и всего Общества, на благо русской науки и русскаго просвѣщенія.

Подписи: Президентъ Общества Д. Анучинъ. Вице-Президентъ Н. Жуковский. Секретарь Г. Кожевниковъ.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Наступающее XX-ое столѣтіе могло-бы считаться вѣковымъ юбилеемъ перваго научнаго вниманія къ быту и особенностямъ различныхъ народностей Россіи, если-бы мы могли точно опредѣлить начало собиранія этнографическихъ коллекцій, предпринятаго графомъ Н. П. Румянцовымъ въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтій. Означенныя коллекціи, не пополнявшіяся затѣмъ во весь періодъ пребыванія Румянцовскаго Музея въ Петербургѣ, начали значительно расширяться, по перенесеніи Музея въ Москву, и легли въ основаніе его особаго отдѣленія, выросшаго въ цѣлый этнографическій Музей, считающійся почти единственнымъ въ Россіи.

Съ 1867 года, съ самаго начала своего Московскаго періода, жизнь этнографическаго отдѣленія Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ неразрывно связана съ дѣятельностью того учрежденія, главнымъ представителемъ котораго состоите Вы уже почти 20 лѣтъ.

Получивъ богатія коллекціи съ выставокъ этнографической и политехнической, устроенныхъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии, Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи ежегодно и по настоящее время пополняются этнографическими коллекціями, собираемыми при Вашемъ руководствѣ членами Этнографическаго Отдѣла названнаго Общества.

Связь Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ съ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія и, въ особенности, съ его Этнографическимъ Отдѣломъ, состоящимъ подъ Вашимъ беззмѣннымъ предсѣдательствомъ, стала еще болѣе тѣсною съ тѣхъ поръ, какъ 1 января 1885 года Вы вступили въ должность хранителя Дашковскаго Этнографическаго Музея. Ваше 13-лѣтнее служеніе Музею составило свѣтлыя страницы въ исторіи этого учрежденія. Не ограничиваясь однимъ только храненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ коллекцій, Вы позаботились о томъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными для обозрѣнія при помощи выработаннаго Вами и многократно переиздаваемаго путеводителя и доставить научнымъ богатствамъ Музея болѣе широкую извѣстность въ ученомъ мірѣ составленіемъ 4-хъ томнаго „Систематическаго описанія коллекцій“. Кромѣ того, Вы старались оживить это учрежденіе и привлечь къ нему болѣе вниманія, основавъ при Этнографическомъ Музее специальное повременное изданіе, подъ названіемъ „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи“, выходившее подъ Вашей редакціей три года.

По назначеніи Васъ на болѣе высшій постъ общественнаго служенія, Совѣтъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, желая сохранить тѣсную связь съ Вами и выразить Вамъ свою посильную признательность за Ваши громадныя заслуги, избралъ Васъ почетнымъ членомъ Музеевъ и въ настоящее время считаетъ особенно пріятнымъ долгомъ присоединиться къ горячимъ привѣтствіямъ по случаю 30-ти-лѣтняго юбилея Вашей учено-литературной дѣятельности, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать Вамъ свою глубокую благодарность и выразить искреннія пожеланія, чтобы и на будущее

время Вы еще долгіе годы продолжали Вашу плодотворную дѣятельность для успѣховъ науки и для поддержанія родственной связи, которая, благодаря Вамъ, установилась между Московскимъ Публичнымъ и Румянцовскимъ Музеями и Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

Подписи: М. Веневитиновъ, И. Цвѣтаевъ, Н. Янчукъ, А. Келлатъ, С. Череминъ, С. Щуровъ, Р. Павловъ, Н. Боборыкинъ, А. Калишевскій, С. Долговъ, Григорій Георгіевскій, Яковъ Квасковъ, М. А. Боборыкина, С. Горская, С. Соколовъ.

Отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

Многоуважаемый Всеволодъ Оедоровичъ!

Предсѣдательствуемое Вами Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии собралось нынѣ привѣтствовать Ваши тридцатилѣтніе заслуги на поприщѣ русской науки и просвѣщенія, но это скромное торжество, устроенное Вашими сотоварищами и сослуживцами, совпадаетъ съ четвертью вѣка служенія Вашего и по археології, что и позволяетъ мнѣ, какъ Предсѣдателю Московскаго Археологическаго Общества, присоединить и мой скромный голосъ къ привѣтствію Вашихъ ученыхъ собратій.

30-го января 1875 года Вы вошли въ число членовъ Московскаго Археологическаго Общества и съ тѣхъ поръ стали однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, принимая самое теплое участіе не только въ его научной дѣятельности, но и въ организаціи его общенія съ иностранными учеными, въ выработкѣ программъ, намѣченіи новыхъ цѣлей, въ экскурсіяхъ и внутреннихъ распоряжкахъ Общества.

Ужъ въ 1876 году Вы назначаетесь представителемъ Общества на Международный Конгрессъ Оріенталистовъ въ Петербургѣ. Съ того же года Вы являетесь почти несмѣннымъ членомъ Ревизіоннаго Комитета Общества. Когда въ обществѣ поднимается вопросъ о необходимости изученія Кавказа и его народностей, Вы первый предпринимаете въ 1881 году путешествіе по Осетіи съ цѣлью изученія языка Осетинскаго племени, которому Вы впослѣдствіи посвящаете весьма драгоцѣнные труды.

Въ 1882 году Вы вмѣстѣ съ Дм. Ник. Анучинымъ входите въ составъ Комиссіи по выработкѣ программы для изслѣдованія Кавказскихъ пещеръ, а съ Гр. А. С. Уваровымъ вырабатываете правила для усиленія дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества.

Позднѣе, послѣ кончины графа, чувствуя вѣроятно необходимость поддерживать Археологическое Общество послѣ попеченной имъ утраты, Вы еще тѣснѣе сливаете Вашу дѣятельность съ дѣятельностью Общества, и помимо Вашихъ ученыхъ трудовъ мы находимъ Васъ: въ числѣ Редакціоннаго Комитета Трудовъ Тифлискаго Археологическаго Съѣзда, въ числѣ членовъ Комиссій по выработкѣ программы преміи имени Гр. Уварова и составленія археологическихъ картъ Россіи; Вы становитесь во главѣ археологическихъ экскурсій, снаряжаемыхъ Обществомъ для изученія горскихъ обществъ Кабарды и Осетіи, Вы руководите собираніемъ свѣдѣній о кавказскихъ евреяхъ, Вы являетесь авторомъ I т. издаваемыхъ Обществомъ матеріаловъ по Археології Кавказа; когда же поднимается вопросъ о необходимости расширенія дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества по изученію памятниковъ Славянской письменности и древностей Востока и объ образованіи при Обществѣ Славянской и Восточной Комиссій, Вы являетесь однимъ изъ самыхъ искреннихъ поборниковъ этихъ новыхъ для Общества задачъ и становитесь съ самаго основанія во главѣ Восточной Комиссіи, исполняя обязанности то Товарища Предсѣдателя, то самого Предсѣдателя.

Время и скромная обстановка нынѣшняго торжества не позволяетъ мнѣ болѣе подробно распространиться о Вашихъ ученыхъ заслугахъ предъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, по Историческая Записка Общества, его протоколы и изданія свидѣлствуютъ о томъ, что нѣтъ отдѣла, въ которомъ Вы не проявили бы своего участія, нѣтъ вопроса, котораго бы Вы не затронули. Позвольте же мнѣ отъ лица Московскаго Археологическаго Общества и по его порученію, состоявшемуся сего 19-го января, привѣтствовать Васъ, многоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, благодаръ тѣ и выразить надежду, что Вы и впредь сохраните Ваше доброе къ намъ расположеніе, Вашу неутомимую энергію, Вашу любовь къ родной старинѣ и наукѣ.

Подпись: Предсѣдатель Графиня Уварова.

Отъ Имп. Историческаго Музея.

Высокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III поставляетъ пріятнымъ долгомъ радостно привѣтствовать славное тридцатилѣтіе Вашихъ неутомимыхъ и столь разнообразныхъ ученыхъ работъ, обогатившихъ Русскую Науку въ высокой степени значительными и замѣчательными изысканіями и излѣдованіями въ области Языковѣдѣнія, Древне-Русской народной литературы, Этнографіи, Археологіи, гдѣ повсюду Вы являетесь починателемъ разработки еще мало или совсѣмъ нетронутыхъ вопросовъ и сторонъ безбрежнаго моря Науки.

Ваши многочисленные труды, какъ солнце, освѣтили и темныя въ Наукѣ мѣстности Кавказа и темныя, мало еще разгаданные лики нашихъ древнихъ богатейшей.

Столь же доброплодны Ваши заслуги и по установленію научныхъ пріемовъ въ изслѣдованіяхъ Русской Этнографіи.

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III исполненъ живѣйшими пожеланіями, да продолжится славная Ваша дѣятельность на пользу Родной Науки многіе и многіе годы.

Подписи: Товарищъ Предсѣдателя Ив. Забѣлинъ, Чиновникъ особыхъ Порученій при Предсѣдателѣ Кн. Щербатовъ, Ученый Секретарь музея В. Сизовъ, хранитель Музея А. Орѣшниковъ, помощникъ хранителя В. Щеркинъ, помощникъ хранителя Н. Харузинъ, бібліотекаръ Музея А. Станкевичъ.

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Общество Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ приноситъ Вамъ свое искреннее поздравленіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія Вашей учено-литературной дѣятельности. Въ этомъ чествованіи голосу Общества по праву принадлежитъ видное мѣсто. Первый печатный трудъ Вашъ (о книгѣ «Та ова») не только былъ помѣщенъ въ «Вѣсѣдахъ» Общества въ 1871 году, но еще до того былъ прочтенъ въ засѣданіи Общества давнымъ его членомъ, Вашимъ почтеннымъ отцомъ. Вскорѣ послѣ того Общество Любителей Словесности, принимая во вниманіе также Вашъ стихотворный переводъ комедіи Шекспира «Два Веронны», избрало Васъ въ свои дѣйствительные члены. Съ тѣхъ поръ не прекращается живая связь Ваша съ нашимъ старѣйшимъ литературнымъ учрежденіемъ; Ваши труды уже въ 90-хъ годахъ помѣщались въ его изданіяхъ, наконецъ, одна изъ послѣднихъ научныхъ работъ Вашихъ была, какъ и первая, прочитана въ засѣданіи Общества. Такимъ образомъ, вся Ваша литературно-ученая дѣятельность съ первыхъ шаговъ до послѣднихъ дней прошла, такъ сказать,

на виду Общества и въ связи съ нимъ. Но помимо этой связи Ваша дѣятельность соединена съ Обществомъ и другими, внутренними узами. Высоко цѣня Ваши научные труды, направленные на близкій ему предметъ—исторію литературы, изслѣдованію которой Вы уже тридцать лѣтъ посвящаете Ваши силы съ неослабленной энергіей и выдающимся успѣхомъ, Общество Любителей Россійской Словесности не можетъ умолчать о томъ, что эти труды всегда облекались въ безукоризненную литературную форму, что литературные интересы всегда были Вамъ близки и дороги. Языкъ Вашихъ разнообразныхъ произведеній служить прекраснымъ примѣромъ того, что всякіе специальные вопросы можно излагать, нисколько не жертвуя ради научности простотой, изяществомъ и выразительностью русскаго языка, созданнаго лучшими нашими писателями. Въ этомъ отношеніи Вы всегда стояли на высотѣ старыхъ традицій Общества Любителей Словесности, которое въ прежніе годы считало важнымъ условіемъ включенія въ свою среду всякаго научнаго дѣятеля литературныя достоинства его трудовъ. Общество съ удовольствіемъ отмѣчаетъ эту Вашу связь со школой старыхъ словесниковъ—его сочленовъ, среди которыхъ блистаютъ имена крупныхъ мастеровъ слова, Вашихъ учителей и предшественниковъ по университетской кафедрѣ,—Буслаева и Тихонравова.

Привѣтствуя Васъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳеодоровичъ, въ сегоднешній день, Общество Любителей Россійской Словесности высказываетъ искреннее желаніе, чтобы долго еще работали Вы въ его средѣ на Вашемъ научномъ поприщѣ, продолжая создавать труды, которые съ удовольствіемъ читаетъ не только специалистъ ученый, но и всякій „любитель Россійской словесности“.

Подписи: А. Веселовскій, А. Грузинскій, Н. Янчукъ, Н. Стороженко, В. Калашъ, М. Веневитиновъ, В. Щепкинъ, Ив. Иवानовъ, Дим. Языковъ, П. Виноградовъ, Л. Бѣльскій, А. Носъ, А. Веселовская, А. Алферовъ, С. Долговъ, В. Гольцевъ, В. Шенрокъ.

Отъ Педагогическаго Совѣта Женской Гимназіи З. Д. Перепелкиной
(въ Москвѣ.)

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳеодоровичъ.

Члены Педагогическаго Совѣта Женской Гимназіи, учрежденной З. Д. Перепелкиной, съ особеннымъ удовольствіемъ приносятъ Вамъ свои искреннія поздравленія въ знаменательный день празднованія тридцатилѣтія Вашей учено-литературной дѣятельности. Около четверти вѣка Вы были нашимъ товарищемъ, товарищемъ внимательнымъ, участливымъ и благонадежнымъ. Горячо и живо отзывались Вы на всѣ перипетіи нашего общаго, всѣмъ намъ одинаково дорогаго дѣла, принимали теплое участіе въ общей жизни Заведенія и учительской. Всюду и во все, въ классное преподаваніе, педагогическія совѣщанія и частные разговоры, вносили Вы духъ истинной гуманности, бодрящей вѣры въ творческія силы человѣческой души и общественной жизни,—духъ благороднаго научнаго идеализма. Между Вашей университетской, научной педагогической дѣятельностью всегда была живая органическая связь, и въ этомъ Вы всегда были для насъ прекраснымъ, поучительнымъ примѣромъ. Въ исторіи нашего Заведенія Вамъ и Вашей дѣятельности принадлежитъ одна изъ лучшихъ страницъ; каждому изъ насъ было и всегда будетъ дорого воспоминаніе о Васъ.

Искренно преданные Вамъ. В. Давыдовскій, З. Перепелкина, В. Калашъ, Священникъ І. Бухаревъ, Я. Вельмъ, М. Газанъ, И. Михайлевскій, Манковъ, К. Мапковъ, В. Добрянскій, К. Смысловскій, М. Богословскій, В. Поспѣловъ, А. Басистовъ, Свящ. І. Ковалевскій, Н. Трескинъ, А. Сафоновъ, А. Shave, А. Чайковская, М. Мышецкая, Н. Легейда, Р. Нѣмцова, М. Легро, Н. Иванова.

Отъ Преподавателей Лазаревского Института Восточныхъ языковъ.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ!

Въ кругу Вашихъ разностороннихъ научныхъ интересовъ, начиная съ самыхъ первыхъ ученыхъ изысканій Вашихъ, было отведено видное мѣсто и востоковѣднiю. Ваше дѣятельное участіе въ трудахъ Восточной Комисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ качествѣ члена и предсѣдателя, имѣющей столь тѣсную связь съ областью занятій Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, плодотворно отразилось на развитіи оріентальной науки въ Москвѣ. Ваши цѣнныя изслѣдованія по Кавказу послужили сильнымъ толчкомъ къ развитію Кавказовѣднiя и открыли широкій горизонтъ для изученія этого края въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. И въ этихъ областяхъ Вы сумѣли впустить серьезный интересъ не только русскимъ ученымъ и спеціалистамъ Западной Европы, но также и образованнымъ изъ туземцевъ этой многоязычной страны, чутко прислушивающимся ко всему до нихъ относящемуся Вашимъ ученымъ работамъ.

Принося вамъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ, наши искреннія привѣтствія ко дню тридцатилѣтія Вашей научной дѣятельности, пожелаемъ, чтобы она и дальше велась съ тою же неустанной энергіей, какой отличалась до сихъ поръ, на пользу отечественной науки.

Подписи: В. Герье, Мирза Джафаръ, А. Веселовскій, Г. Халатьянцъ, Г. Муркосъ, Р. Штакельбергъ, М. Аттая, В. Соколовъ, А. Хахановъ, Ставръ-Сакковъ, А. Крымскій, А. Флинкъ, М. Павловъ, К. Кусиковъ, П. Первовъ, А. Кизеветтеръ, П. Эссеринъ-Карлингъ, А. Липеровскій, Хр. Иоаннессовъ. Священникъ М. Добровольскій, Торъ Лавге, Фр. Дюсиметьеръ, Ф. Триллинъ, В. Каспарьянцъ, С. Церунянцъ.

Отъ студентовъ-филологовъ Имп. Московскаго университета.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Федоровичъ.

Прошла четверть вѣка Вашей профессорской дѣятельности. Мы, студенты-филологи, считаемъ своимъ приятнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ съ этимъ знаменательнымъ фактомъ Вашей жизни и выразить Вамъ нашу глубокую благодарность, какъ одному изъ наиболее любимыхъ профессоровъ. Не намъ оцѣнивать Ваши тридцатилѣтніе научные труды; они достойно оцѣнены спеціалистами. Мы благодаримъ Васъ за то, что Вы, живо и всесторонне освѣщая въ своихъ лекціяхъ научный матеріалъ, заинтересовали насъ народной русской словесностью и раскрыли передъ нами глубокий смыслъ этой необходимой основы для изученія литературы. Благодаримъ Васъ за то, что Вы внимательно относитесь къ нашимъ ученическимъ работамъ, возбуждаете въ насъ стремленіе къ самостоятельности, высказывая желаніе, чтобы наши рефераты не представляли изъ себя только сухого перечня матеріаловъ, но были освѣщены собственными выводами. Ваши лекціи служатъ лучшимъ примѣромъ труда не формальнаго, но строгаго научнаго съ ясно выраженной идеей, увлекающей Вашихъ слушателей. Но еще съ большей признательностью мы привѣтствуемъ Васъ, глубокоуважаемый профессоръ, за Ваше гуманное и сердечное отношеніе къ студентамъ, среди которыхъ Вы списали общія симпатіи. Заслуги Ваши, какъ профессора и человѣка, убѣждаютъ насъ въ томъ, что покойный учитель Вашъ, незабвенный Ф. И. Буслаевъ нашелъ въ вашемъ лицѣ достойнаго замѣстителя. Пусть же на долгіе и долгіе годы продлится Ваша плодотворная научная и профессорская дѣятельность, пусть въ Вашемъ лицѣ останутся вѣчно живыми лучшіе завѣты Московскаго университета.

Подписи: Д. Хоменко, О. Некрасовъ, Н. Савельевъ, Д. Щеголевъ, И. Соловьевъ, Б. Исаковъ, Дим. Лебедевъ, Вл. Дурасовъ, Н. Семеновскій, В. На-

цевичъ, А. Марковъ, И. Эйзенбергъ, С. Капакановъ, А. Лопатинъ, В. Заборскій, Г. Портнягинъ, В. Троицкій, Н. Филипповъ, Миролюбовъ, Н. Городковъ, Н. Филатовъ, В. Мипорскій, Г. Гербаненко ¹⁾.

Отъ Студентовъ Лазаревскаго Института.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ.

Не намъ, студентамъ, дѣлать оцѣнку Вашей тридцатилѣтней плодотворной научной дѣятельности, которая признана не только Россіей, но и Западомъ.

Наше дѣло принести Вамъ свою признательную благодарность за то, что Ваши лекціи по культурной исторіи Востока и Ваши печатанные труды даютъ намъ полную возможность расширять свои научныя стремленія и слѣдовать тѣмъ высокимъ идеямъ, которыми проникнуты Ваши работы. Ваша неутомимая энергія на пользу науки останется для насъ въ дальнѣйшей нашей дѣятельности яркимъ примѣромъ. Мы не можемъ здѣсь обойти молчаніемъ Вашего всегдашняго сердечнаго отношенія къ учащейся молодежи вообще, а къ намъ, студентамъ Лазаревскаго института, въ частности. Итти намъ навстрѣчу, помогать исполненію хорошихъ и благородныхъ намѣреній—во первыхъ; подымать научное значеніе Института и оживлять введеніемъ общеобразовательныхъ предметовъ преподаваніе въ немъ—во вторыхъ; всѣми способами улучшать бытъ учащейся молодежи Вашего Института—въ третьихъ;—все это составляетъ предметъ Вашихъ постоянныхъ стараній, и мы это прекрасно чувствуемъ. Всякій изъ насъ, разставаясь съ Институтомъ, сохранить свѣтлыя воспоминанія о Васъ, какъ профессоръ, начальникъ и человѣкъ.

И вотъ, сегодня, въ памятный день празднованія Вашего юбилея, мы выражаемъ Вамъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, искреннія чувства и высказываемъ глубокую благодарность за все то доброе, что Вы сдѣлали для насъ.

Пусть многіе и многіе годы будетъ раздаваться съ кафедры Ваше честное, плодотворное слово на благо науки и во славу нашей родины.

Затѣмъ Секретарь Этнографическаго Отдѣла прочелъ нижеслѣдующія привѣтствія:

Историческое Общество Нестора-Лѣтописца, привѣтствуя юбиляра, извѣщаетъ, что избрало его въ свои почетные члены единогласно.

Общество Любителей Русской Словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ избрало проф. В. Ѳ. Миллера единогласно своимъ почетнымъ членомъ.

Далѣе привѣтствовали слѣдующія ученыя учрежденія и общества: Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Императорск. й Академіи Наукъ („своего сочлена“), Историко-Филологическій факультетъ Казанскаго Университета („дѣятеля на почвѣ разработки отечественной литературы, этнографіи и языковѣдѣнія“), Историко-Филологическій факультетъ Университета св. Владимира, Историко-Филологическій факультетъ Харьковскаго Университета, профессора и преподаватели Варшавскаго Университета (Ульяновъ, Зенгеръ, Смирновъ, Карскій, Филевичъ, Дьячанъ, Веховъ, Новосадскій, Кулаковскій, Цвѣтаевъ, Струве, Іезбергъ, Михайловъ, Вержбовскій, Зигель, Симопенко, Бѣляевъ, Зиловъ, Вагнеръ, Митрофа-

¹⁾ Двѣ подписи неразобраны.

новъ, Анисимовъ, Амалицкій, Зининъ, Вроной, Безадъ, Насоновъ), Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Кавказскій Отдѣлъ И. Р. Г. О., Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. О., Русское Антропологическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, Восточное Отдѣленіе Имп. Русск. Археологическаго Общества, Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Харьковское Историко-Филологическое Общество, Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ („цѣня Ваши работы по русской народной словесности и по изученію народностей Кавказа, близкаго Новороссійскому краю, и глубоко почитая Ваши труды по организаціи этнографическихъ изслѣдованій Россіи“), Уральское Общество Любителей Естествознанія („сердечно желаетъ продолжать многіе годы научную и плодотворную дѣятельность его“), Петровское Общество Изслѣдователей Астраханскаго края, Этнографічна Комисія Науковаго Товариства імени Шевченка (во Львовѣ), Чехославянское Этнографическое Общество и Управление Чехославянскаго Этнографическаго Музея (въ Прагѣ), Редакціи журналовъ: „Кіевская Старина“, „Кавказскій Вѣстникъ“, „Кавказскій Книжный Вѣстникъ“.

Слѣдующія лица изъ Москвы, не имѣвшія возможности быть на за-сѣданіи, привѣтствовали юбиляра:

Ректоръ Московскаго Университета А. А. Тихомировъ, Московскій Городской Голова кн. В. М. Голицынъ, Товарищъ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла В. М. Михайловскій, Товарищъ Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея И. Е. Забѣлинъ, Директоръ Архива Мин-ства Юстиціи Д. Я. Самоквасовъ, Проф. Мих. Покровскій, Магистръ Ив. Евсѣевъ, В. И. Шенрокъ, Преподаватели Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, Гр. Ав. Джаншіевъ, Р. Р. Штакельбергъ, Мих. Иловайскій, студ. Ник. Иковъ, Львовъ, преподаватель 4-ой гимназіи Пискаревъ, Карлъ Пастернакъ, Н. Кожевникова, М. Брунъ, И. А. Вулдинъ, В. А. Грингмутъ.

Слѣдующія иногороднія лица прислали привѣтственные телеграммы и письма:

Попечитель Кавказскаго Учебнаго Округа К. П. Яновскій, академикъ И. И. Янжулъ, акад. А. А. Шахматовъ, П. В. Шейнъ, академикъ А. Н. Веселовскій, Проф. Сперянскій и словесники Нѣжинскаго лицея: Державинъ, Заболовскій и Музыченко, проф. Кнауэръ, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. Халанскій, Кулаковскіе, Насоновы, Ф. Д. Нефедовъ, лекторъ Брунненекъ, прив. доц. А. М. Лобода, В. Н. Добровольскій, П. В. Ивановъ, Николай Леонтьевъ, А. Н. Малинка, А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, П. Смирновъ, Н. С. Кленовскій, Аркадій Журавлевъ, Кестеръ, Алфераки, П. К. Симони, П. Д. Боборыкинъ, Н. К. Зейдлицъ, Архіепископъ Карапетъ (ректоръ Академіи и редакторъ армянскаго Богословскаго журнала „Ара-ратъ“), Марія и Антонина Вируковы, осетины (съ восторгомъ привѣтствуютъ автора дорогихъ для нихъ „Осетинскихъ этюдовъ“).

Слѣдующія лица прислали привѣтствія изъ-за границы: Проф. Пав. Хоризъ (Paul Horn) изъ Страссбурга, проф. Шинмановъ изъ Софіи, проф.

А. Людвигъ изъ Праги, Яромиръ Ивановичъ Ганель изъ Праги, Кернъ изъ Лейдена, Гюбшманъ (H. Hübschmann) изъ Страссбурга, Ө. Волковъ изъ Парижа.

По окончаніи чтенія всѣхъ этихъ привѣтствій Предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уварова пригласила юбиляра, его семью и всѣхъ присутствовавшихъ на засѣданіи къ себѣ въ квартиру, гдѣ за общимъ чаемъ, а потомъ и ужиномъ продолжалось оживленное чествованіе.

Финско-Угорское Общество.

2 декабря нов. ст. происходило годичное засѣданіе Финско-угорскаго общества. Собраніе было открыто предсѣдателемъ Общества, профессоромъ О. Доннеромъ; онъ сообщилъ о тѣхъ изслѣдованіяхъ въ области языка и культуры Китая, которыя, по порученію Общества, производились магистромъ Г. Лундомъ. Во время волненій въ Пекинѣ ему удалось спасти себя и свою семью; но большая часть его матеріаловъ и изслѣдованій погибла.

Первый секретарь Общества, доц. Г. Вихманъ прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ. Изъ четырехъ стипендіатовъ, отправленныхъ Обществомъ въ 1898 году, магистръ У. Сиреліусъ закончилъ свои изслѣдованія; остальные трое, магистры К. Карьялайненъ, Г. Рамстедтъ и Г. Лундъ еще не вернулись изъ своихъ поѣздокъ. Въ теченіе года Общество, сверхъ того, отправило маг. Фр. Эймэ для изученія языка лапландцевъ, которые селятся у озера Энаре.

Работы маг. У. Сиреліуса, главнымъ образомъ, направлялись на изученіе рыбнаго и звѣринаго промысловъ остяковъ; но онъ также обращалъ вниманіе на характеръ строеній и на другіе этнографическіе вопросы. Кромѣ остяковъ, предметомъ его изслѣдованій служили ихъ сосѣди—самоды, вогулы и татары. Въ Tobольскомъ музеѣ онъ больше всего былъ занятъ изученіемъ орнаментовъ и одеждъ тѣхъ племенъ. Маг. Сиреліусъ приобрѣлъ около 400 предметовъ на средства, изысканныя представителями Общества для собраній Антелля; онъ снялъ также свыше 200 фотографій. Во время своихъ разъѣздовъ маг. Сиреліусъ посѣтилъ нѣсколько племенъ остяковъ, которыя доселѣ не входили въ кругъ изслѣдованій этнографовъ.

Маг. Карьялайненъ собралъ значительное количество сказокъ, пѣсенъ, молитвъ и т. д. среди восточныхъ остяковъ и записалъ, посредствомъ фонографа, народныя остяцкія мелодіи.

Маг. Рамстедтъ изучаетъ діалекты сѣверной Монголіи, которые значительно разнятся отъ литературнаго монгольскаго языка. Въ его собраніи находятся двѣ монгольскія работы, которыя онъ досталъ изъ монастыря, и копіи съ уйгурскихъ надписей; онъ также открылъ доселѣ неизвѣстныя развалины и ворота. Беспорядки въ Китаѣ прервали его занятія.

До своего бѣгства изъ Пекина маг. Г. Лундъ работалъ надъ переводомъ китайской грамматики, начала нашей эры.

Сельскіе стипендіаты, отправленные докторомъ Г. Паасоненомъ къ мордвѣ, собрали множество сказокъ, загадокъ, пѣсенъ, пословицъ и т. д.

Маг. Эймэ работаетъ въ Лапландіи надъ фольклоромъ; онъ также разбираетъ и пополняетъ словари Анделина, Квигстада и Вилкунда.

Литературная производительность Общества была не особенно богата: вышли только 17 и 18 выпуски „Журнала“ со статьями К. Карьялайнена, У. Сирелиуса, Г. Паасонена, Э. Сетälä, Э. Юрьенса и др.; изъ „Трудовъ“ Общества вышелъ 15 томъ, заключающій въ себѣ работу Г. Франке также законченъ текстъ къ работѣ А. Гейкеля „Мордовскія одежды и узоры“.

Общество принимало также участіе во всемирной выставкѣ въ Парижѣ, ознакомивъ съ собраніемъ своихъ изданій, которыя были затѣмъ переданы въ „Національную бібліотеку“. Перваго іюня Общество, до того, въ теченіе года снимавшее помѣщеніе у Финскаго литературнаго Общества, равно какъ и его бібліотека, перешли въ „домъ ученыхъ обществъ“.

Какъ радостное событіе, въ отчетѣ былъ отмѣченъ даръ въ 6,172 м. 82 пенни, который былъ предоставленъ неизвѣстнымъ лицомъ Обществу на изданіе журнала, посвященнаго финско-угорскому языковѣдѣнію.

На мѣсячныхъ собраніяхъ рѣчи были произнесены О. Доннеромъ, К. Карьялайненомъ, І. Мандельштаммомъ (профессоръ русскаго языка въ Александровскомъ университетѣ), Г. Паасоненомъ, Э. Сетälä, У. Сирелиусомъ и Г. Вихманомъ.

Въ теченіе года Общество избрало четырехъ лицъ въ члены-корреспонденты, 12 человекъ въ такъ называемые члены-основатели, 15 лицъ было избрано въ годичные члены. Изъ почетныхъ членовъ Общества скончался профессоръ Максъ Мюллеръ.

Въ концѣ отчетнаго года въ кассѣ Общества было 129.944 марки 60 пенни: 68.689 м. 50 п. въ собственномъ фондѣ Общества, 20.549 м. 80 п. въ фондѣ имени О. Доннера, 10.405 мр. 28 п.: въ фондѣ имени Авг. Альквиста, 30,000 мр. въ безыменномъ фондѣ.

При выборѣ должностныхъ лицъ предсѣдателемъ Общества былъ вновь избранъ проф. О. Доннеръ, товарищемъ предсѣдателя—проф. Э. Сетälä, въ секретари—доц. Г. Вихманъ и проф. І. Миккола, въ бібліотекари—проф. К. Кронъ и кандидатъ философіи Э. Экманъ, въ казначей—директоръ І. Гёккертъ, въ повѣренные (ombudsman) Общества герадсхёфдинъ (уѣздный судья)—Э. Полонъ, въ архивариусы—магистръ Г. Ояксуу; ревизорами были опредѣлены докторъ Э. Кастренъ и О. Галлстенъ; въ представители Общества, которые войдутъ въ делегацію „дома ученыхъ обществъ“, были избраны профессора: О. Доннеръ и Э. Сетälä. (Изъ „Hufvud-tadsbladet“.

Вл. Г.

Поступило въ продажу новое изданіе Этно-
графическаго Отдѣла:

ВѢЛОМОРСКІЯ БЫЛИНЫ,

записанныя А. Марковымъ,

съ предисловіемъ проф. В. Ө. МИЛЛЕРА.

Сборникъ объемомъ въ 40 печатн. листовъ
8° и содержитъ въ себѣ, помимо текстовъ
116 былинъ, свѣдѣнія объ эпической тра-
диціи на Бѣломъ морѣ, біографіи пѣвцовъ
и пѣвицъ, указатели предметовъ и именъ,
словарь областныхъ и старинныхъ словъ,
указаніе параллелей къ сюжетамъ былинъ
и двѣ былинныя мелодіи.

Цѣна **2 руб. 50** коп.

Складъ изданія: въ типографіи Т-ва А. А. Левенсонъ.
Тверская, Трехпрудный пер., соб. домъ.

Можно также получить въ книжныхъ
магазинахъ Суворина, Карбасникова,
Вольфа, Сытина и др. въ Москвѣ.

GN
1
.E885
v. 12
IMS

Etnograficheskoe obozrenie. --

PONTIFICAL INSTITUTE
OF MEDIAEVAL STUDIES
59 QUEEN'S PARK
TORONTO 5, CANADA

